

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО - МАКЛАЯ

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ А Т Л А С С И Б И Р И

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. Г. ЛЕВИНА и Л. П. ПОТАПОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 6 1

В В Е Д Е Н И Е

«Историко-этнографический атлас Сибири» представляет собой коллективную работу сотрудников Сектора Сибири Института этнографии Академии наук СССР.

При выборе тематики «Атласа» основное внимание было обращено на материальную культуру сибирских народов, исходя из того определяющего и решающего значения, которое имеют для истории культуры каждого народа материальные условия его жизни. Однако не были оставлены без внимания и некоторые важные вопросы идеологии сибирских народов, нашедшие выражение в определенных вещевых памятниках. В результате обсуждений коллектив авторов принял следующие темы для исследования и публикации в «Атласе»: 1) Олений транспорт, 2) Упряжное собаководство, 3) Лыжи, 4) Лодки, 5) Жилище, 6) Верхняя одежда, 7) Головные уборы, 8) Орнамент, 9) Шаманские бубны.

Это, конечно, далеко не исчерпывает этнографической сибирской тематики. Отдельные темы, выполненные участниками авторского коллектива «Атласа», по техническим причинам не могли быть включены в настоящее издание и публикуются в виде отдельных статей в других изданиях Института («Сборник Музея антропологии и этнографии» и др.).

Перед коллективом, работавшим над «Атласом», стояли сложные и разнообразные задачи. Прежде всего необходимо было выявить и систематизировать огромный этнографический материал по народам Сибири, разбросанный в литературе, хранящийся в наших центральных музеях в виде этнографических коллекций, находящийся в неопубликованном виде в личных полевых архивах сотрудников Сектора. В меру наших возможностей были частично использованы этнографические собрания местных сибирских музеев и т. д.

Известно, что Сибирь является такой областью, по которой еще в дореволюционное время русской этнографией были накоплены большие материалы. Значительно пополнились эти материалы в результате исследований, проводившихся в советское время. Особенно интенсивно велось изучение этнографии Сибири в 20-х и 30-х годах нашего века. В эти годы, когда этнографическое изучение сибирских народов, особенно так называемых малых народностей Севера, было тесно увязано с задачами практической работы по социалистическому переустройству их культуры и быта, когда по огромной территории советской Сибири была организована сеть культурных баз, где работали этнографы, был собран и накоплен большой и ценный фактический материал, оставшийся до сего времени недостаточно систематизированным. Изданный Институт этнографии том «Народы Сибири», представляющий собой первую сводку по этнографии народов Сибири, по своему характеру и задачам не мог уделить достаточного внимания специальным этнографическим вопросам у всех сибирских народов, в том числе анализу отдельных элементов культуры в их историческом развитии и географическом распространении. Необходимо констатировать, что при всем обилии статей, при наличии даже монографий по многим сибирским народам у нас еще отсутствуют работы, в которых отдельные явления культуры этих народов рассматривались бы в общесибирском масштабе, в историческом плане, в их взаимосвязи, с установлением их генезиса. С этой точки зрения уже

одно выявление и обобщение этнографического материала по различным элементам культуры сибирских народов должно представить значительный интерес для развития советской этнографии применительно к народам Сибири.

Очень важно и ценно, что этот материал, состоящий, как указывалось выше, в значительной части из неопубликованных музейных коллекций, ныне, как правило, уникальных, затем из личных, также неопубликованных полевых материалов наших этнографов-сибиреведов, представляет собою новый первоисточник. Многие из вопросов, освещенных в работе, удалось выяснить только путем опроса исследователей, изучавших сибирские народы, и таким образом восполнить большие пробелы в описании и характеристике отдельных элементов и явлений культуры различных народов Сибири. Что касается хронологии излагаемого нами материала, то она определялась самим этим материалом. Известно, что наибольшее количество музейных этнографических коллекций было собрано во второй половине XIX и начале XX в. К этому же периоду относятся подавляющее количество публикаций этнографического материала, и, наконец, в эти хронологические рамки укладывается в большей части и полевой материал, собранный советскими этнографами в 20-х и 30-х годах нашего века.

Вместе с тем там, где это было возможно, авторы пытались выявить и характеризовать изучаемый материал по различным историческим периодам. В частности, по упряжному собаководству удалось выявить материал, относящийся к двум периодам: к XVIII в. и к концу XIX—началу XX в. Вполне естественно также и то, что этнографические материалы авторы пытались в отдельных случаях увязать с археологическими памятниками. Это, конечно, трудная задача. Трудная, во-первых, потому, что археологический материал по Сибири изучен еще далеко недостаточно, во-вторых, потому, что не всегда возможно связать определенные этнографические явления или этнографический комплекс, бытующий или бытовавший в недавнем прошлом, с археологическим материалом по той или другой территории.

Само собою разумеется, что ограничить задачу настоящей работы только выявлением и описанием материала было невозможно. Поэтому еще более важной задачей, стоящей перед авторами «Атласа», была систематизация и классификация собранного материала. С этой целью коллектив авторов разработал и предложил классификацию типов и вариантов изучаемых элементов культуры сибирских народов. Обоснование классификации типов конкретных элементов культуры дано авторами по каждой теме. В каждом отдельном случае приходилось заново разрабатывать основные принципы классификации, опираясь на конкретный материал. Вот почему вопросы классификации всегда стояли в центре внимания и решались коллективно. Мы заметим здесь по этому поводу, что в основу характеристики того или иного типа изучаемого явления культуры авторы стремились положить комплекс устойчивых признаков, являющийся типичным для данного элемента культуры.

Например, в основу характеристики типов одежды был положен покрой, характеристики лыж — комплекс конструктивных признаков, в основу характеристики

типов орнамента — комплекс орнаментальных мотивов, встречающихся в определенных сочетаниях и т. д.

Чем шире и всестороннее изучалось то или иное явление, чем большее количество признаков привлекалось для установления и характеристики того или иного типа, тем шире и разнообразнее становилось значение такой классификации для научных выводов. При таком подходе к исследованию одни из полученных результатов дают возможность выводов этногенетического значения, превращаясь в важный источник для решения вопроса о происхождении отдельных сибирских народов; другие способствуют выяснению характера и значения историко-культурных связей между народами Сибири в различные исторические периоды, позволяют выяснить роль и значение тех или других народов в создании и распространении определенных типов отдельных элементов материальной или духовной культуры. Наконец, третьи дают материал для освещения процессов развития того или иного элемента культуры. Сказанное необходимо пояснить конкретными примерами, взятыми из настоящей работы. Мы знаем, например, что оленеводство в Сибири как средство передвижения существует в двух основных формах: оленеводство упряжное, когда олень впрягается в нарты (в сани), и оленеводство вьючно-верховое, когда олень используется для транспорта под вьюк и под седло. Классифицируя виды оленеводства, прослеживая отдельные детали, мы приходим к выводу, что в Сибири вьючно-верховое оленеводство оказывается хронологически более древним. Оно появляется в южных районах раньше, чем оленеводство упряжное, которое занимает в настоящее время более северные территории Сибири. Это позволяет нам наметить картину распространения оленеводства с юга на север и установить разные периоды в его развитии: более древний период для вьючно-верхового оленеводства и более поздний период для упряжного.

Более детальное изучение оленеводства как средства передвижения позволяет наметить решение и других историко-культурных вопросов, более частных, но важных для решения проблем этногенеза. Выяснено, например, что способы управления оленем в Сибири различаются следующим образом: оленем управляют справа и слева. Изучая такую, казалось бы, деталь, как способы управления оленем в Сибири, мы обнаруживаем интересную картину, а именно: у народов Саяно-Алтайского нагорья, у которых имеется вьючно-верховое оленеводство, — у тофаларов (карагасов) и у тувинцев — существует способ управления оленем обязательно слева и садятся при посадке на оленя только слева. У эвенков и эвенов распространен способ управления оленем справа и садятся на оленя только справа. Эти два различных способа достаточно характерны для того, чтобы отличать транспортное оленеводство Саяно-Алтайского нагорья от оленеводства тунгусского. Если не ограничиться вьючно-верховым оленеводством и обратиться к различным типам упряжного оленеводства на западе и востоке, то окажется, что все самодийские народы¹ управляют оленями слева и на нарты садятся слева, т. е. так же, как это делают саяно-алтайские народы, которые сохранили оленя как средство передвижения. Эта деталь в технике оленеводства несомненно является одним из дополнительных подтверждений хорошо аргументированной в литературе теории саяно-алтайского происхождения современных самодийских народов. Оказывается также, что коряки и чукчи с их упряжным оленеводством управляют оленями не так, как самодийские народы, не слева, а справа, т. е. здесь традиция уводит нас к той технике, которая существует в Восточной Сибири.

Однако не только анализ техники езды на олене позволяет нам привести доказательства по материалам «Атласа» в пользу древних связей самодийских и некоторых других народов с народами Саяно-Алтайского нагорья. Весьма рельефно выступают эти связи и в других элементах культуры. Изучение шаманского бубна выявило сходство формы рукоятки бубна, обычая нанесения рисунков на обтяжку бубна и т. д., даже неко-

торой терминологии (например, названия бубна и колотушки) у таких отдаленных и никак не связанных между собой в настоящее время народов, как хакасы (в этнический состав которых, кроме тюркского, входят самодийский и кетский элементы) и саамы (лопари) Кольского полуострова. Этот важный этнографический сигнал кажется тем более интересным, что при исследовании лыж выяснилась любопытная деталь — наличие ступательной площадки на лыжах у хантов и саамов. Этот факт не может не привлечь внимания исследователя, ибо ни у каких других народов Сибири, кроме хантов, ступательной площадки на лыжах нет.

Эти сопоставления приведены как иллюстрация того, что иногда небольшая деталь может служить очень важным указанием при решении тех или иных историко-этнографических задач или при рассмотрении проблем этногенеза.

Обращаясь к вопросу структуры нашей работы, необходимо обратить внимание на следующие особенности. Как уже указывалось выше, работа состоит из ряда отдельных тем. Результаты исследования по каждой теме изложены по определенному плану. После вступительной части раздела дается описание изучаемого элемента культуры во всех его видах и формах у каждого народа Сибири в отдельности. Описание это сопровождается богатым иллюстративным материалом в виде фотографий. Затем на основании этого конкретного описательного материала предлагается классификация изучаемого элемента культуры, приводится характеристика типов и вариантов с указанием их распространения у отдельных народов. Графические таблицы дают наглядное представление о типах и их вариантах, в которые предлагается объединить изученный материал по каждой теме. Важнейшим разделом работы являются карты распространения на территории Сибири, в среде определенных народов, типов и вариантов исследованных элементов культуры. Как правило, этнографические карты составлены по материалам, относящимся к концу XIX и началу XX в. Однако в отдельных случаях удалось дать дополнительные карты, относящиеся к более ранним историческим периодам.

Нам остается остановиться еще на вопросе научной проблематики, разрешение которой намечается на основе публикуемого «Атласа». Сюда должны быть отнесены такие сложные и актуальные проблемы этнографической науки, как история отдельных племен (или групп) и народов, их происхождение и расселение по территории Сибири в разные исторические периоды, возникновение и развитие различных культурных явлений, вопросы историко-культурных связей сибирских народов и другие более частные вопросы. Особенно благоприятную перспективу дает «Атлас» для исследования наиболее трудной и сложной проблемы сибирской этнографии — проблемы этногенеза народов Сибири, о чем уже было сказано выше. Примером может служить исключительно ценный и интересный материал о древних связях и общности процесса этногенеза в далеком прошлом угорских (по языку) народов (хантов и манси) с северными алтайцами, ныне тюркоязычными. О наличии угорского (по происхождению) элемента в составе современных северных алтайцев (кумандинцев) и шорцев, резко отличающихся по своему этническому происхождению и составу от южных алтайцев, свидетельствуют антропологические и лингвистические данные. Это подтверждается также и на этнографическом материале некоторых тем нашего «Атласа». Анализ одежды и орнамента, например, дает новые данные по этому вопросу, а этнографическая карта Сибири XVII в. убедительно подкрепляет это положение, наглядно иллюстрируя тот факт, что в XVII в. угорские и тюркоязычные народы Обского бассейна тесно соприкасались друг с другом территориально.

Упомянем еще о сложном вопросе происхождения якутов. Нам не надо было прибегать к особым детальным исследованиям для того, чтобы сформулировать положение о том, что якуты тесно связаны с более южным по территории тюрко-монгольским миром. Об этом, как известно, свидетельствуют многие данные археологии, антропологии и языка. Однако очень важно было убедиться, что и на разнообразном этнографическом материале эти связи якутов с югом проявляются так же ярко. Будем ли мы анализировать одежду, орнамент, жи-

¹ В настоящем издании в тексте всех разделов принято в целях унификации наименование самодийских народов самодийскими, хотя в советской этнографической литературе по этому вопросу единого мнения не существует.

лице — всюду выявляются эти связи якутов с тюрко-монгольским миром. Отражение их стойко удерживается даже в деталях.

Мы не будем увеличивать количества подобных примеров, а отметим только в этой связи одно весьма важное обстоятельство. Многие общие выводы авторов по отдельным темам «Атласа» хорошо согласуются между собой, отражая тот факт, что на карты согласованно легли многие исследованные элементы культуры народов Сибири, разные по своему содержанию. Это совпадение далеко не случайно. Оно вытекает из характера распространения установленных нашим изучением типов различных элементов культуры. Такое совпадение является надежным контролем и подтверждением правильности типологических классификаций по отдельным темам.

В результате такого историко-этнографического анализа открывается возможность выделить на этнографических материалах Сибири отдельные исторически образовавшиеся своеобразные историко-этнографические области или районы.

Они образовались в результате длительного совместного общения тех или иных народов на определенных территориях. В целом ряде элементов культуры удалось проследить такие общности, складывающиеся в результате долгого исторического развития, взаимных связей, взаимных обогащений культур.

Анализ отдельных элементов культуры позволяет нам наметить, хотя и схематично, несколько таких историко-этнографических областей на территории Сибири. Амурская область охватывает народы Нижнего Амура и Сахалина. Северо-Восточная область включает народы Северо-Восточной Сибири (чукчи, коряки, ительмены). Намечается обширная Восточносибирская область, куда попадают различные группы эвенков и эвенов, а также юкагиры. Далее должна быть отмечена обширная область Саяно-Алтайского нагорья, охватывающая целый ряд различных народов, ныне преимущественно тюркоязычных, а в недавнем прошлом еще самодийскоязычных и кетоязычных. И, наконец, можно выделить Западносибирскую область, где анализом отдельных элементов культуры устанавливается целый ряд общностей в культуре хантов, манси, селькупов.

Само собой разумеется, что при всем своем своеобразии культурные общности народов указанных исторически определившихся областей не являются строго изолированными. Культурные связи между этими областями возникали и прекращались в различное время их существования. Эти связи еще можно проследить в этнографической современности отдельных народов, ибо они отразились в их культуре и быте.

Когда мы изучаем этнографический материал и выделяем эти области, являющиеся отражением реально существовавших различий в культуре и быте, мы не должны забывать о древних связях народов Сибири с более южными областями. Это важный исторический факт, который находит свое подтверждение и в исследованном нами материале. Все более и более подтверждаются уже ранее известные связи народов Сибири с Китаем, когда речь идет о Восточной Сибири, со Средней Азией, когда речь идет о Западной Сибири. Мы знаем, что пушнина севера давно находила себе выход на рынках южных областей. Эти культурные связи сибирских народов с югом должны быть всегда учитываемы при анализе тех или иных элементов культуры народов Сибири. Особенно четко выявились они при разработке отдельных тем «Атласа». Для многих элементов культуры удалось установить, что

распространение их типов выходит за пределы территории Сибири и отражает наличие культурных связей сибирских народов не только с соседними, но иногда и с весьма отдаленными географическими территориями. Но сказанным выше, конечно, не исчерпывается научное значение публикуемой работы. Материалы «Атласа» дают ценные свидетельства той важной и прогрессивной роли, которую сыграла русская народная культура в истории культуры народов Сибири. Эта важнейшая тема еще ждет своего специального исследования. Следует отметить и то, что большой конкретный этнографический материал «Атласа» хотя и относится к дореволюционному прошлому, однако имеет серьезное значение для решения вопросов современной культуры и быта народов Сибири.

В заключение отметим, что мы прекрасно сознаем наличие в нашей работе многих пробелов и дискуссионность некоторых положений. Но мы надеемся, что при всем этом публикация «Атласа» окажет положительное влияние на развитие исследовательской работы по этнографии народов Сибири.

Наконец, нам остается еще подчеркнуть характер нашей работы. Она была коллективной в подлинном значении этого понятия. Ее нельзя рассматривать только как объединение тем, выполненных авторами индивидуально, хотя и на основе единого плана и общей теоретической позиции. В этой работе каждая индивидуальная тема является в то же время и коллективной. Коллектив авторов на разных этапах работы над каждой темой систематически и подробно знакомился с конкретным материалом и обсуждал его, участвовал в разработке классификации, общих выводов и заключений. Только коллективизм в работе, постоянная взаимная помощь и взаимный контроль, свободная товарищеская, но строгая критика позволили освоить и осмыслить тот огромный материал, который лег в основу «Атласа».

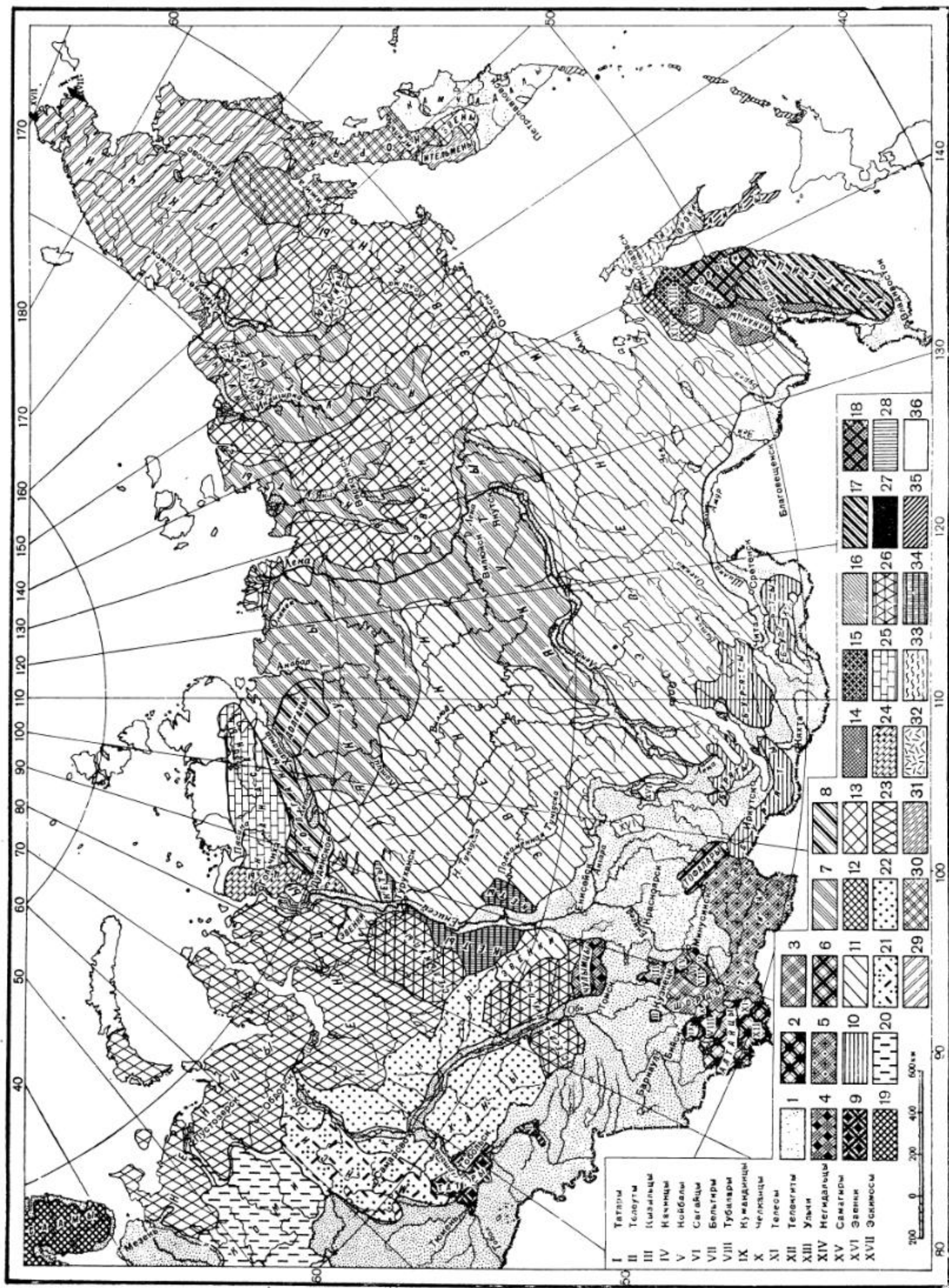
Указанные выше темы «Историко-этнографического атласа Сибири» выполнены следующими авторами: Олений транспорт — Г. М. Василевич и М. Г. Левин; Упряжное собаководство — В. В. Антропова и М. Г. Левин; Лыжи — В. В. Антропова; Лодки — В. В. Антропова; Жилище — А. А. Попов; Верхняя одежда — Н. Ф. Прыткова; Головные уборы — Н. Ф. Прыткова; Орнамент — С. В. Иванов; Шаманские бубны — Е. Д. Прокофьева. «Атласу» предпосылаются две карты расселения народов Сибири в конце XIX — начале XX в. и в XVII в. Первая из этих карт составлена С. И. Бруком. Им использована «Карта народов Сибири», опубликованная в книге «Народы Сибири» (М.—Л., 1956). Автором второй карты и объяснительного текста к ней является Б. О. Долгих.

Научное руководство этой коллективной работой осуществлялось М. Г. Левиным и Л. П. Потаповым. Ими же написано и настоящее «Введение». Редактирование карт проводилось С. И. Бруком.

В изготовлении графических и тоновых иллюстраций принимали участие: Б. А. Гирстун, Ю. А. Подлеснов,

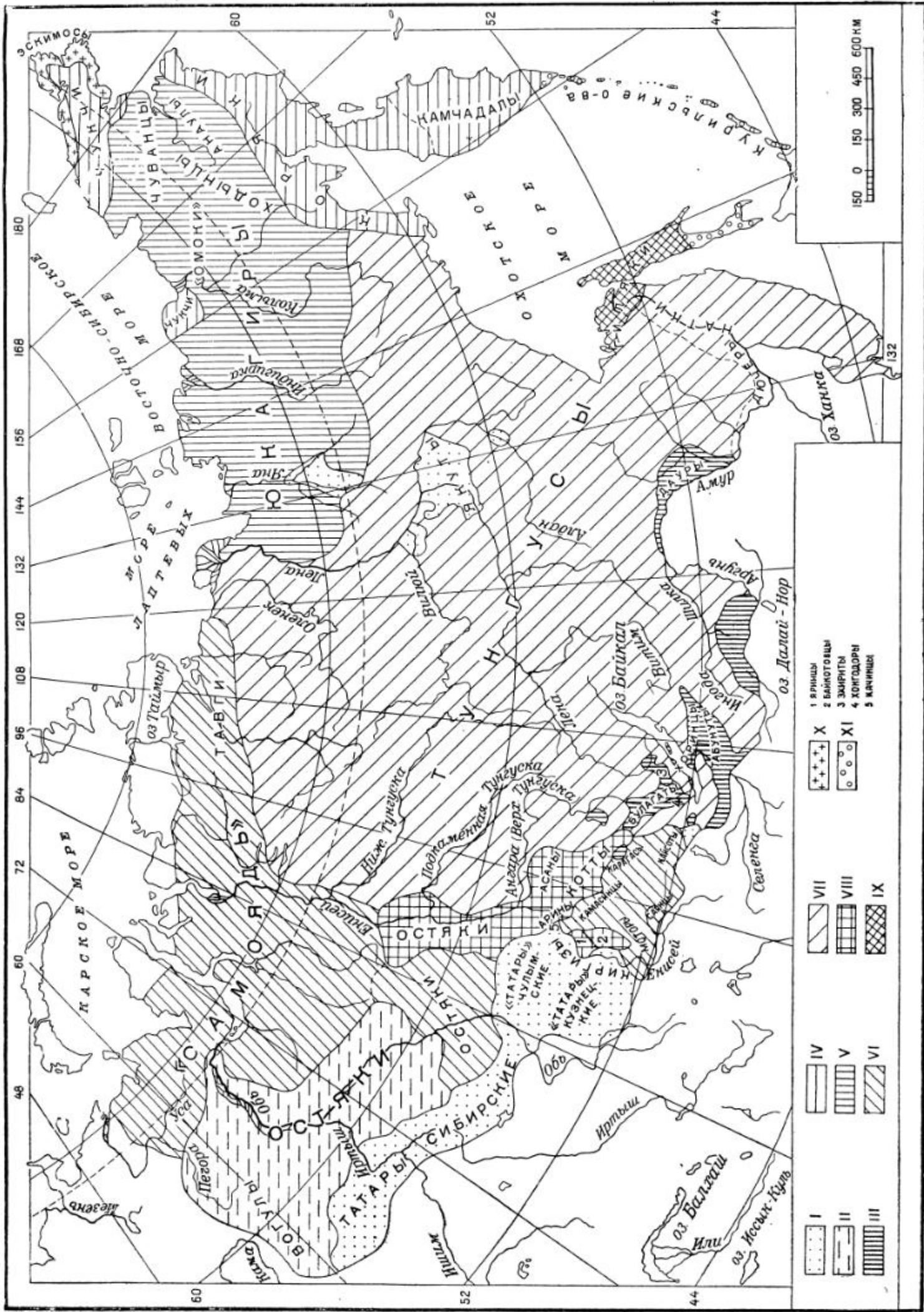
К. К. Бекташев, Н. Н. Соболев, В. А. Гиппиус, М. Р. Габе. Фотографии выполнены А. П. Булгаковым, П. И. Беловым, А. В. Маториным и А. А. Гречкиным.

Научно-вспомогательная и организационная работа по подготовке «Атласа» проводилась В. В. Антроповой; на первом этапе работы в ней принимала участие К. В. Якимова.

РАССЕЛЕНИЕ НАРОДОВ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX в.

Народы славянской языковой группы: 1 — русские (и казачья), 2 — украинцы (и казаки), 3 — белорусы, 4 — поляки, 5 — литовцы, 6 — латышцы, 7 — эстонцы, 8 — финны, 9 — карелы, 10 — буряты, 11 — якуты, 12 — чукотцы, 13 — эвенки, 14 — эвены, 15 — ительмы (и самодийцы), 16 — ульчи, 17 — удгейцы, 18 — орочи, 19 — буряты, 20 — буряты, 21 — буряты, 22 — буряты, 23 — буряты, 24 — буряты, 25 — буряты, 26 — буряты, 27 — буряты, 28 — буряты, 29 — буряты, 30 — буряты, 31 — буряты, 32 — буряты, 33 — буряты, 34 — буряты, 35 — буряты, 36 — буряты.

РАССЕЛЕНИЕ НАРОДОВ СИБИРИ В XVII в.

I — народы тюркской языковой группы; II — народы угорской языковой группы; III — народы монгольской языковой группы; IV — народы северно-восточных палеозангитов; V — якуты; VI — народы самодийской языковой группы; VII — народы тунгусо-маньчжурской языковой группы; VIII — народы кетской языковой группы; IX — аяны; X — гилки; XI — эскимосы; 1) границы между племенами; 2) границы между языковыми группами; 3) границы между этноязыковыми группами; 4) границы между народами; 5) границы между государствами.

ПОЯСНЕНИЕ К КАРТЕ «РАССЕЛЕНИЕ НАРОДОВ СИБИРИ в XVII в.»

Задачей настоящей карты является показать, как были расселены народы Сибири перед приходом сюда русских. Такая карта оказалась нужной для «Историко-этнографического атласа Сибири», потому что она может помочь объяснить ряд этнографических явлений, которые, исходя из современного расселения народов Сибири, кажутся непонятными. Например, ряд черт сходства в культуре народов Алтая, селькупов и хантов Оби, трудно объяснимые сейчас, когда алтайцы отделены от хантов и селькупов широкой полосой, занятой русским населением, становятся понятными при взгляде на настоящую карту. Оказывается, что тюркские по языку племена Южной Сибири имели непосредственный контакт с хантами и селькупам.

Происхождение самодийских народов с юга приобретает совершенно очевидный характер при взгляде на данную карту. Оказывается, что разрыв между северными самодийскими племенами и южными был в свое время не так велик. Вместе с этим сразу возникает вопрос, не являются ли отделяющие северные самодийские народы от саянских чулымские «татары» и частично шорцы и качинцы, а также тубалары отуреченными самодийскими племенами, т. е. тем недостающим звеном, которое помогло бы решению проблемы происхождения северных самодийских народов. Таким образом, в результате составления настоящей карты встает ряд важных этногенетических проблем, с одной стороны, а с другой — намечаются пути решения некоторых, казавшихся неразрешенными вопросов. Например, при современном расселении народов Сибири говорить о самодийско-юкагирских связях кажется бессмыслицей. Но на данной карте мы видим, что в XVII в. тавги (предки части нганасанов) и западные группы юкагиров были разделены относительно совсем небольшим пространством, занятым тунгусами.

Все эти соображения и заставили включить карту расселения народов Сибири в XVII в. в настоящий «Атлас».

При составлении карт применялся метод этнических территорий, т. е. соответствующей штриховкой обозначалась вся территория, осваиваемая данным народом. Незаселенные места, за исключением арктических пустынь, не выделялись.

В основном карта составлена по лингвистическому принципу. На ней показаны границы расселения языковых групп. В ряде случаев надписями показаны и племена. Русское население не показано, чтобы яснее были выражены территории коренных народов Сибири. Но надо иметь в виду, что в XVII в. русских в Сибири было уже немало.

На карте выделены разной штриховкой следующие этнические группы.

Самоеды, или «самоядь» — самодийские племена на Крайнем Севере (предки энцев, ненцев, нганасанов), саянские самодийские племена и на средней Оби — самодийскоязычные остяки — селькупы.

Угры — остяки (ханты) и вогулы (манси).

Тюркоязычные народы — разные группы сибирских татар, предки таяжных («северных») алтайцев, шорцев и чулымцев, енисейские киргизы, предки сагайцев, белтиров, кызыльцев, предки части тувинцев и якуты.

Кеты — енисейские остяки; а также котты, асаны, арины, ярипцы, байкотовцы, енисейские «кузнецы», натские, или кадские, и пумпокольские «остяки».

Тунгусы — предки эвенков, эвенов, долганов, негидальцев, бираров, манегров, солонов, конных тунгусов Забайкалья и Прибайкалья.

Маньчжуроязычные народы. Сюда отнесены нанайские племена, предки собственно нанайцев (гольдов), предки ульчей, орочей, удэгейцев. Ороки на этой карте не показаны, так как неясно, переселились ли они на Сахалин и обособились от остальных тунгусо-маньчжурских племен уже к началу XVII в. или нет. Сюда же отнесены и дючеры, жившие на Амуре до 1656 г. (все перечисленные народы даны одной штриховкой с тунгусами).

Монголоязычные народы — предки бурятских или баргутских племен: булагатов, эхиритов, хоринцев, табу-нутов и других, а также дауры.

Юкагиры. В их число включены чуванцы, ходынцы, анаулы и другие племена.

Северо-восточные палеоазиаты — чукчи, коряки и ительмены (камчадалы).

Эскимосы.¹

Гиляки (нивхи).

Айны.

Таковы те 11 этнических групп, которые выделены на настоящей этнографической карте.

При сравнении этнографической карты XVII в. с современной мы видим существенные различия в расселении народов Сибири.

Сильно изменилась этнографическая карта по главной Сибирской магистрали — Сибирскому тракту, затем Великому Сибирскому железнодорожному пути. Эта полоса стала в дальнейшем районом основного сосредоточения русского населения, основным сельскохозяйственным районом Сибири. Часть племен коренного населения, обитавших в этой полосе либо исчезла, слившись с русским населением (котты, частично арины, часть забайкальских, верхоленских и других тунгусов), либо сохранилась в виде относительно небольших островков (чулымцы, барабинцы, некоторые группы бурят). Исчезновение в этом районе некоторых этнических групп объясняется также уводом их в XVII—начале XVIII в. враждебными Россией государствами за границу (киргизы, дауры).

Русские расселились и по большим сибирским рекам — Оби, Енисею, Ангаре, Лене, верховьям Нижней Тунгуски и другим, часто в значительном отдалении от вышеуказанной основной сельскохозяйственной зоны Сибири. Расселение русских в этих отдаленных районах было иногда очень ранним и часто предшествовало позднему систематическому заселению некоторых современных сельскохозяйственных районов. К числу таких отдаленных районов, где русское население сменило коренное, относится большая часть Камчатки.

В целом мы должны признать заселение русскими Сибири одним из основных факторов, изменивших ее этнографическую карту.

Другим обстоятельством, внесшим изменения в этнографическую карту Сибири, является увеличение численности и распространение на очень большое пространство якутов. Увеличение территории, занятой якутами, происходило главным образом за счет тунгусских и юкагирских племен. Сюда надо отнести колонизацию якутами Вилюя, Оленека, Индигирки, Колымы, Хатанги, района оз. Ессей и других местностей северной Сибири.

В свою очередь и тунгусы (в том числе долганы и ламуты — эвены), в ряде районов потесненные и частью поглощенные якутами и русскими, появились в новых районах, в прошлом занятых юкагирами, самодийскими племенами, кетами, коряками и ительменами (камчадалами).

Исчезновение большой, сплошной территории юкагиров и занятие ее якутами, тунгусами, чукчами, коряками и частью русскими является едва ли не главным (если не считать заселения Камчатки русскими) отличием этнографической карты Северо-Восточной Сибири XVII в. от современных этнографических карт и даже карт конца XIX или начала XX в. Вместе с тем важнейшим явлением, также сильно изменившим карту северо-востока Сибири, является увеличение численности и распространение чукчей частью за счет эскимосов, а главным образом за счет юкагиров.

В Приамурье и на Сахалине мы можем констатировать, если не считать русской колонизации, следующие основ-

¹ В XVII в. русским это название было неизвестно. Обычно тогда русские называли эскимосов чукчами, или «зубатыми чукчами», из-за обычая вставлять в губы украшение в виде втулок. Поэтому название «эскимосы» применительно к XVII в. нами употребляется условно.

ные изменения в расселении народов: переселение в начале ороков, а затем и тунгусов на Сахалин, упомянутый выше уход дауров и дучеров в Маньчжурию, ассимиляция некоторых групп тунгусов, например самагиров, на р. Горин нанайскими племенами.

В Южной Сибири мы должны отметить два процесса, сильно повлиявшие на изменение этнографической карты (помимо русской колонизации).

1. В Забайкалье и Прибайкалье произошло обурячивание части тунгусского и большинства тувинского населения, что не исключает впрочем того, что часть тунгусов и даже бурят слилась здесь с русскими.

2. В Саянах, в бассейне верхнего Енисея, самодийскоязычные и частью кетоязычные племена были отуречены. В настоящее время они вошли в состав или тувинского (вместе с тофаларами), или хакасского народов.

Наконец, существенным изменением этнографической карты мы обязаны передвижению на север селькупов и кетов. В течение второй половины XVII и первой половины XVIII в. селькупы заняли бассейны Таза и Турухана, а кеты спустились по Енисею до района устья Курейки включительно. Продвижение на север тех и других сопровождалось соответственным оттеснением энцев.

Еще до того, как селькупы и кеты заняли территории энцев по Тазу и Енисею, тунгусы заставили тавгов, предков одной части иганасанов, уйти на запад за Хатангу и освободить районы низовьев Хатанги, Попигая и Анабары, которые были заняты тунгусами, обьякученными тунгусами (долганами) и якутами.

Несомненно, что расселение народов Сибири к приходу русских отразило ряд исторических процессов, происходивших до этого периода. Частью это были процессы, длившиеся в течение многих веков, частью, может быть, — процессы, начавшиеся совсем незадолго до прихода русских.

На Крайнем Северо-Востоке мы, видимо, застаем в середине XVII в. тот этап, когда чукчи уже сложились в особую этнографическую группу оленеводов, соседствующую с азиатскими эскимосами. Коряки в это время занимали огромную полосу побережья от Анадырского лимана до Тауйской губы, но не удалялись далеко в глубь материка. Даже оленные коряки держались на сравнительно небольшом расстоянии от своих береговых сородичей. Можно сказать, что расселение коряков в XVII в. отражает «береговое» происхождение всей этнической группы северо-восточных палеоазиатов и сравнительно недавний переход части ее к оленеводству.

Ительмены в начале XVIII в. занимали всю Камчатку, за исключением ее южной оконечности. Несомненно, родственные чукчам и корякам ительмены обнаруживают в языке и культуре значительные отличия от первых двух народов.

Юкагиры XVII в. представляли ставших недавно оленеводами неолитических охотников на диких северных оленей и частью на лосей. Не было оленеводства, видимо, только у анаулов на Анадыре и у отдельных групп юкагиров на других реках, например на Индигирке, в районе устья Уяндиной, и, может быть, кое-где на Колыме, где существовал собачий транспорт.

Но если о чукчах и коряках можно говорить как об этнических группах, расширявших свою территорию за счет своих соседей (за исключением тунгусов, перед которыми коряки отступили на побережье Охотского моря), то в юкагирах XVII в. мы видим этническую группу, теснимую своими соседями, в первую очередь тунгусами. Этот процесс поглощения и вытеснения тунгусами юкагиров, видимо, начался давно, и значительная часть той территории, которая на нашей карте показана как тунгусская, в более отдаленном прошлом была, вероятно, юкагирской. Поглощение тунгусами юкагиров было одним из ведущих этногенетических процессов Северной Сибири. Тунгусский язык, как язык более многочисленного народа, знавшего уже железо и скотоводство в виде оленеводства, явно вытеснял юкагирский язык.

Большую часть территории Сибири занимали в XVII в. племена, говорившие на тунгусском языке. При этом, как мы только что указали, на севере, северо-востоке тунгусский язык распространялся за счет других языков. На

западе тунгусы также активно наступали на кетоязычные племена. Если бы не приход русских, то еще неизвестно, сохранились бы кеты до наших дней как особая этническая группа. Одна из кетоязычных групп, так называемые асаны, в конце XVII в. была уже частично ассимилирована тунгусами. Неудачу терпел тунгусский язык на севере лишь в соседстве с самодийскими народами. Здесь, наоборот, ряд тунгусских групп, предков иганасанов и энцев (тавги, тидирисы, бай), был ассимилирован самодийскими племенами. Еще больше сократилась территория распространения тунгусского языка на юге. Здесь, как мы видим на карте, монголоязычные группы населения проникли далеко в глубь области, занятой населением, говорящим на тунгусском языке, и в районе обитания этих монголоязычных групп их язык вытеснял тунгусский. Уже в XVII в. некоторые группы южных тунгусов Прибайкалья и Забайкалья, вероятно, говорили по-монгольски. Но все же монгольский язык не успел оказать на них большого влияния. Монголоязычные группы населения проникли в область распространения тунгусов лишь в степных и лесостепных районах. В глубь необозримой тайги монголоязычные группы населения почти нигде не смогли распространиться.

Гораздо дальше, чем монголоязычные народы, проникли в глубь тайги предшествовавшие монголам в степях и лесостепях Забайкалья и Предбайкалья тюркоязычные племена. По-видимому, в домонгольскую эпоху тюркоязычные племена жили в районе Байкала, примерно там же, где к приходу русских обитали монголоязычные группы населения, предки современных бурят. Из района верхней Лены часть этих тюрков переселилась вниз по реке, в результате чего и образовались далеко на севере, на среднем течении Лены и на верховьях Яны, те острова тюркоязычного якутского населения, которые отмечены на настоящей карте. Оставшиеся же на юге соплеменники якутов (мы предполагаем, что это были предки теперешних бурят-эхиритов) в эпоху господства монголов были монголизированы. Отмеченные на карте острова якутского населения, несмотря на свои скромные размеры на огромном тунгусском фоне, уже в XVII в. представляли весьма крупные этнические массивы. На Лене (с низовьями Вилюя) было к приходу русских около 25 000 якутов, а на Яне их было около 1000, в то время как всех юкагиров тогда насчитывалось около 5000 человек.

Остальные тюркские по языку племена Сибири находились в XVII в. на юго-западной окраине, главным образом в зоне степей и лесостепей. В зону тайги тюркоязычные племена врезались дальше всего по Чулыму. По-видимому, тюркоязычными этническими группами здесь на Чулыме было поглощено коренное самодийско-кетоязычное население. Такой же процесс произошел и в другом районе, а именно несколько южнее, в бассейнах Томи и Бии, где также были, видимо, поглощены тюркоязычными группами какие-то кетские и самодийские племена. Возможно, что даже енисейские киргизы в значительной своей части представляли отуреченных кетов — коневодов и скотоводов.

Эти процессы ассимиляции тюрками кетов и самодийских племен, вероятно, совпадают с периодами господства тюркоязычных племен в центральноазиатских степях.

Кетоязычное население представлено было в XVII в. двумя группами. Южная группа состояла из коттов, аринов, буклинцев (байкотовцев и яринцев). Это были коневоды и скотоводы, отчасти земледельцы, вместе с тем и охотники. Русские называли их «татарами». Северная группа состояла из охотников-рыболовов, не имевших других домашних животных, кроме собак. Русские их называли «остяками». По-видимому, кетоязычные «остяки» представляли потомков коренного охотничьего населения, усвоившего кетский язык от предков кетоязычных «татар» в эпоху господства племен, говоривших на кетском языке в бассейнах Верхнего Енисея и Томи. Вероятнее всего, это происходило в карасукское время. В дальнейшем южные кетоязычные «татары» стали ассимилироваться тюркоязычными племенами; и от них к XVII в. сохранились лишь котты, арины и другие небольшие группы. Можно считать, что железо и умение его добывать на Енисей принесли именно кеты.

Самодийскоязычное население Сибири XVII в. состояло из трех групп: саянских самодийскоязычных оленеводов, коневодов и охотников; селькупов — охотников и рыболовов, не имевших ни лошадей, ни оленей; тундровых оленеводов — предков ненцев, энцев и иганасанов.

Продвижение самодийских племен на север и распространение их в зоне тундры представляет сложный и длительный процесс, о деталях которого мы не можем говорить, так как у нас недостаточно еще данных. Можно лишь указать, что, с одной стороны, в культуре северных самодийских народов есть ряд черт, напоминающих карасукскую культуру Южной Сибири, но, с другой стороны, самодийские племена распространились с Саян на север раньше, чем стали распространяться на север кеты. Во всяком случае на левобережном Енисее именно кеты оттеснили самодийские племена на север. Можно также предполагать, что тунгусы жили на севере (в районе Турухана, Таймыра) раньше современных самодийцев.

Сокращению территория самодийскоязычных племен к XVII в. подверглась только на юге, где их теснили кеты и позже тюрки. Наоборот, на севере они сами поглощали как тунгусов на востоке, так и угров (хантов) на западе в низовьях Оби.

Происхождение обских угров (хантов и манси) свя-

зано с распространением угров с юга и поглощением ими местного аборигенного населения в эпоху, когда угры были господствующим этническим элементом в степях современного Северного Казахстана.

На Дальнем Востоке в формировании нанайских племен решающую роль сыграло, вероятно, поглощение аборигенного гилиякского (нивхского) населения тунгусо-маньчжурскими элементами.

Таким образом, этнографическая карта Сибири в XVII в. отражает постепенное распространение на север языков этнических групп, господствовавших или преобладавших в тот или иной период истории на южной окраине Сибири или в центральноазиатских степях. Эти уральские, алтайские и кетские языки побеждали языки аборигенного населения — юкагиров, гилияков (нивхов) и, может быть, других, нам еще неизвестных этнических элементов. По-видимому, были поглощены тунгусами и коряки к югу от Тауйской губы. Пешие тунгусы XVII в. на Охотском побережье, вероятно, и представляли в значительной части потомков этих коряков, воспринявших тунгусский язык. Но из всех неуральских и неалтайских по языку этнических групп северо-восточные палеоазиаты сохранились к началу XX в. лучше всех и, как мы указывали, даже расширили в ряде мест свою территорию.

ОЛЕННЫЙ ТРАНСПОРТ

Использование оленя в качестве транспортного животного известно в двух формах — упряжного и вьючно-верхового транспорта. В одних районах олень используется одновременно в упряжке и под седло, в других бытует только один из этих видов транспорта.

К концу XIX в. езда на нартах в Сибири была распространена у ненцев, хантов, манси, селькупов, кетов, энцев, иганасанов, долганов, части северных якутов, у чукчей, коряков, ороков и некоторых групп эвенков, эвенов и юкагиров.

Использование оленя под вьюк и верховую езду было характерно для эвенков, эвенов, юкагиров, ороков, долганов, части якутов, для тофаларов и восточных тувинцев-оленьеводов (тоджинцев) Саянского нагорья.

Перед тем как перейти к описанию оленьего транспорта народов Сибири, приведем некоторую специальную терминологию, которой мы будем пользоваться в дальнейшем.

Б а р а н — горизонтальная дуга, укрепленная на передке нарты.

Б л о к — пластинка с двумя отверстиями, через которые продеваются тяжи, а также ремешки, привязывающие блок к передку нарты.

В я з, в я з о к — поперечина, соединяющая пару копыльев или передние концы полозьев.

«К р ы л ы ш к о» — деревянная планка или дужка, укрепленная вертикально на середине полки седла.

Л е н ч и к — деревянный остов седла.

Л у к а — дужка, соединяющая полки седла.

Л я м к а — широкий ремень, перекидываемый оленю через плечо.

Н а с т и л — доски, укрепленные на вязах.

Н а щ е п — продольный брус или тонкая жердь, соединяющая верхние концы копыльев нарты.

П о в о д о к — длинный ремень, присоединенный к недоузду и служащий вожжой.

П о д п р у г а — длинный ремень с кольцом или пряжкой на конце для укрепления седла на олене.

П о л к а — доска седла.

П о я с — широкий ремень, перекидываемый через спину оленя и служащий для поддержки поводка и привязывания цепочки или ремешка, соединяющих двух соседних оленей.

Х о р е й — длинный (до 5 м) шест, служащий для управления оленем.

I

Ненцы. Транспорт только упряжной. Езда на нартах круглый год. Ездовая упряжка отличается от грузовой. В ездовую упряжку впрягают трех-семь оленей косяком («веером», или «клином») (табл. 1, I), в грузовую — двух оленей рядом. В ездовой упряжке лямка имеет подгрудные ремешки, благодаря чему сила тяги передается оленю на холку и плечи. Тяжи обычно соединены с передком нарты системой блоков и ремешков (рис. 1). В упряжке каждого оленя имеется пояс. На поясах справа прикреплена цепочка или ремешок для соединения с недоуздом соседнего оленя. Слева пояс передового оленя (крайнего слева) имеет дополнительно крючок для поддержания поводка.

В грузовой упряжке лямка без подгрудных ремешков. Тяж один на двух оленей; он соединяется с нартой путем продевания через кольца или блоки, привязанные к концам полозьев и нащепов, или путем продевания под углы, образованные концами нащепов и полозьев (рис. 2).

Тяжи в ездовой и грузовой упряжках проходят под животами и между задними ногами оленей.¹

¹ В настоящее время в ездовой упряжке ненцев прохождение тяжей иное: обычно тяж между ногами проходит только у среднего оленя, у других — с боков; у енисейских же ненцев тяж между ногами проходит только у передового оленя.

Недоуздки бывают различного устройства: для пристяжных оленей в ездовой упряжке употребляются недоуздки, имеющие две налобные и две нащечные костяные пластины, для передового оленя — две узкие изогнутые налобные пластины (рис. 3); в грузовой упряжке недоуздки простой в виде обороти.

Поводок в ездовой упряжке идет слева от недоуздки передового оленя.

Сидят на нарте слева боком или подогнув правую ногу, а левую спускают на полоз. Управляют оленями при помощи хорея.

Ездовые нарты всегда косокопыльные (копылья поставлены косо верхними концами внутрь и назад); копылья расположены в задней половине нарты; крепление пазовое. Мужские и женские нарты различаются по размерам и количеству копыльев. Мужская нarta — на трех-четырех парах копыльев (табл. 1, I), женская — на пяти-шести парах более высоких (до 1 м) копыльев. Мужская нarta короче (до 2 м) и легче женской; последняя всегда имеет спинку и передок. Женская нarta бывает одновременно и грузовой.

В грузовых нартах копылья бывают поставлены и прямо (вертикально). Высота и детали устройства настила различаются в зависимости от назначения нарты. Нарты с прямо поставленными копыльями всегда низкие, чаще

имеют настил и служат для перевозки дров и мелких вещей на небольшие расстояния; иногда на них устанавли-

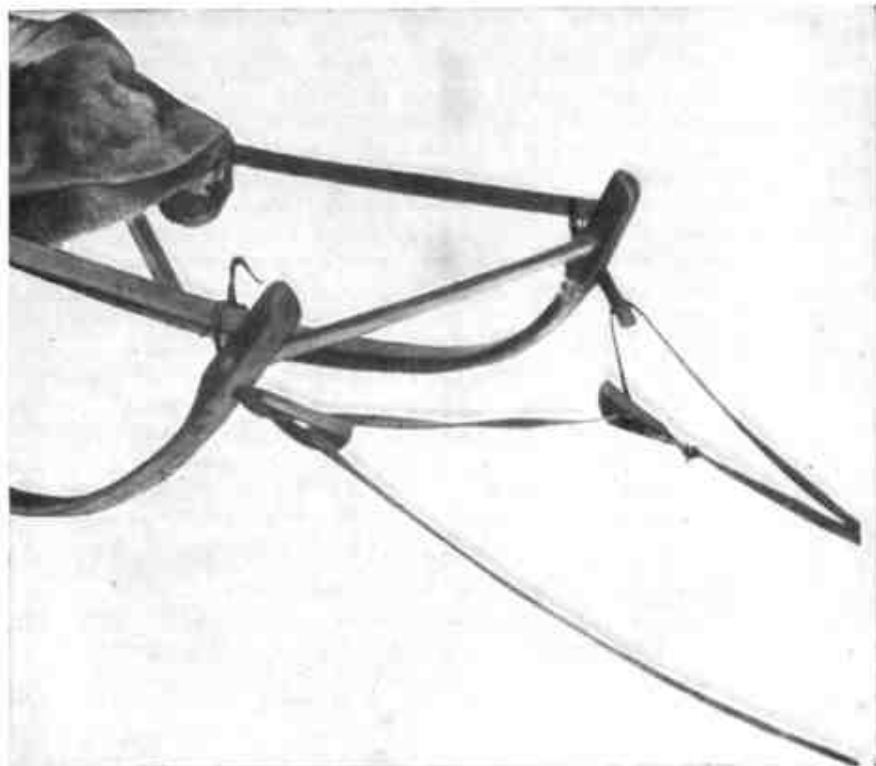

Рис. 1. Соединение тяжа с передком нарты в едовой упряжке. Ненцы.

ваются лари для продуктов и мелких вещей. Нарты с двумя и тремя парами косо поставленных копыльев, соединенных между собой деревянными вязами, которые укрепляются несколько ниже вершушек копыльев, не имеют настила

тов — езда круглый год, у манси — только зимой. Нарта и упряжь (табл. 2, 1) заимствованы от ненцев. Мужская

ездовая нарта обычно ниже и меньше ненецкой (табл. 2, 2). Женская нарта выше мужской и может иметь четыре пары копыльев (табл. 2, 3).

В отличие от ненецкой упряжи у хантов и манси недоуздок оленя-передовика часто имеет не две, а четыре пластины.

Грузовые нарты и упряжь у хантов такие же, как у ненцев. Грузовые нарты манси, а иногда и едовые снабжаются спереди бараном для подгибания кустарников при езде (табл. 2, 4).

Селькупы и кеты (табл. 3; табл. 4; рис. 4). У селькупов практикуется езда круглый год, у кетов — только зимой (подкамениотунгусские кеты оленеводства не знали). Нарты и упряжь такие же, как у ненцев, но грузовые, а иногда и едовые нарты имеют баран (табл. 3, 3 и 4, 2, 3).

Нганасаны и энцы. Езда на нартах круглый год. Ездовая упряжка (от двух до восьми оленей)¹ такая же, как у ненцев; грузовая упряжка — в два оленя. Упряжь всех оленей едовой упряжки имеет пояса и недоуздки, сходные с ненецкими; в грузовой упряжке, как и у ненцев, пояса отсутствуют. Устройство недоуздков едовой упряжки различно: в недоуздке передовика — две надглазные пластины, в недоуздке средних оленей — две надглазные и две нащечные, а в недоуздке крайнего справа — две нащечные. Устройство недоуздков грузовых упряжек простое — без пластин.

Ездовая нарта двух типов: тяжелая, с четырьмя-пятью парами высоких, косо поставленных копыльев, сходна с ненецкой (употребляется мужчинами и женщинами) (табл. 5, 1); легкая низкая, с тремя парами прямо поставленных копыльев (мужская), употребляется только летом (табл. 5, 2). Последняя отличается и по способу крепления: нижние концы копыльев, оканчиваю-

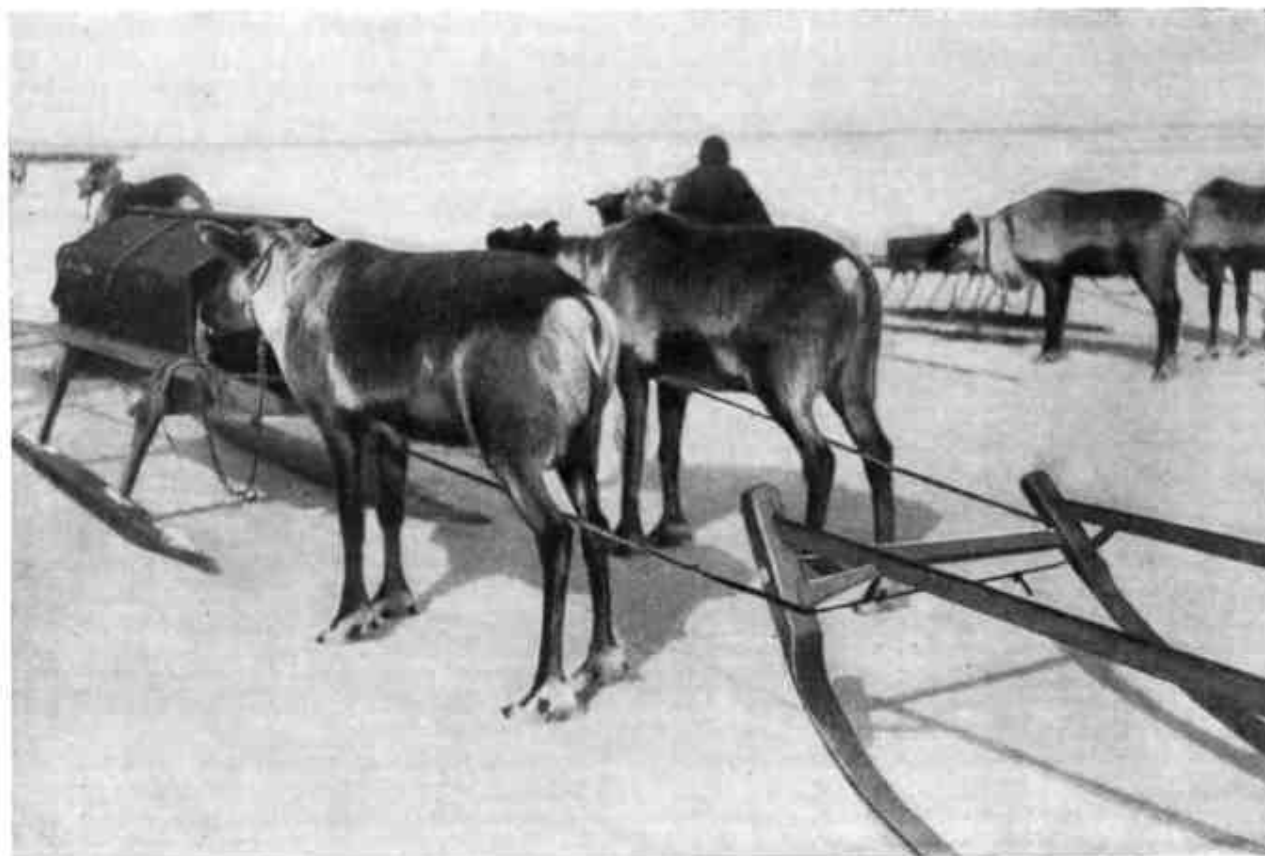

Рис. 2. Соединение тяжа с передком нарты в грузовой упряжке. Ненцы.

и служат для перевозки шестов чума и лодок (табл. 1, 2). Нарты с четырьмя-семью парами высоких, косо поставленных копыльев имеют настил и употребляются для перевозки мягких вещей (табл. 1, 3).

Ханты и манси. Только северные группы хантов и манси имеют оленей, транспорт у них упряжной. У хан-

щихся пипами, вставляются в отверстия полозьев и дополнительно укрепляются ремешками. Женская нарта (табл. 5, 3) сходна с ненецкой, но она всегда с по-

¹ По устному сообщению А. А. Попова, нганасаны при недостатке оленей запрягают и одного.

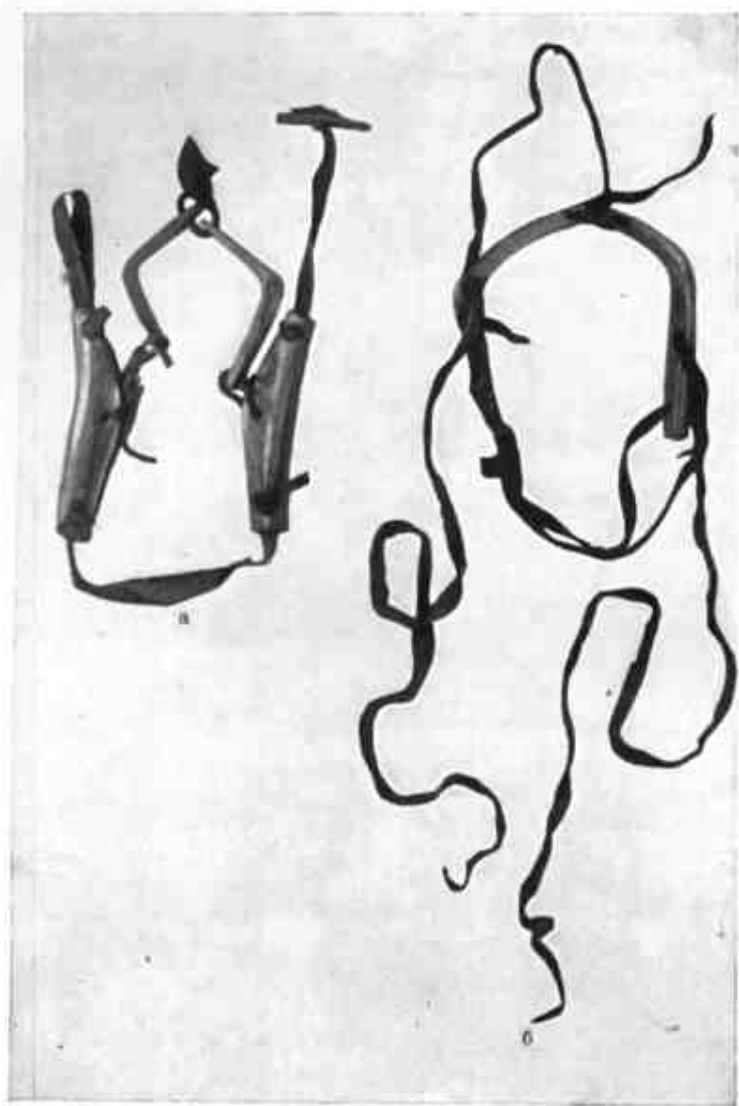

Рис. 3. Недоузки: а — пристяжных оленей, б — передового оленя.
Неицы.

Рис. 4. Олень в недоуздице. Кеты.

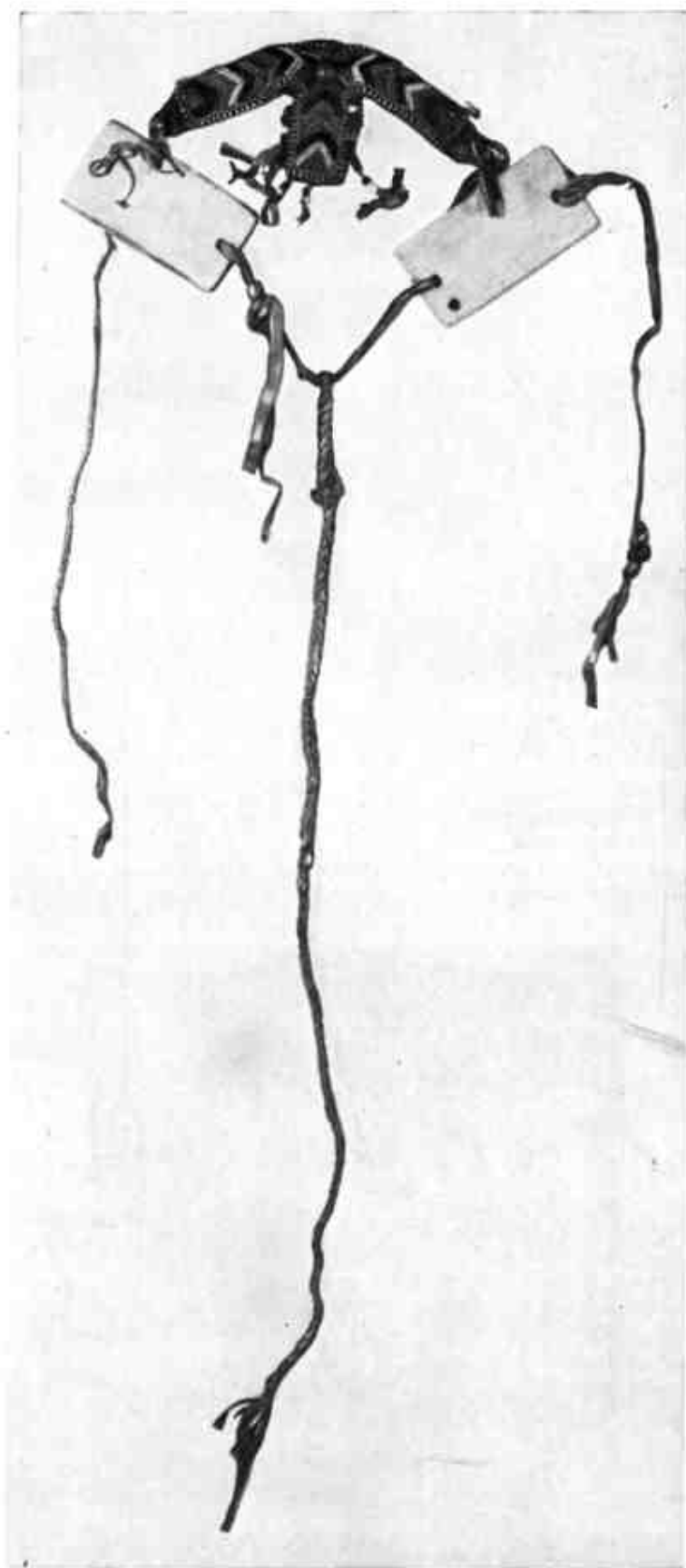

Рис. 5. Недоузок с поводком. Долганы.

ОЛЕННЫЙ ТРАНСПОРТ

логом, который привязывается к задку и к нащепам и при езде укрывает седока со спины и головы.

Ездят на нарте сидя с левой стороны, спустив ноги (женщины) или подогнув их «по-турецки» и спрятав

вверху округлые, роговые; полки с узкими планками укреплены с очень слабым наклоном и вставлены в чехлы, сшитые из оленьей шкуры мехом внутрь и набитые шерстью. Женские седла — они же вьючные — имеют вы-

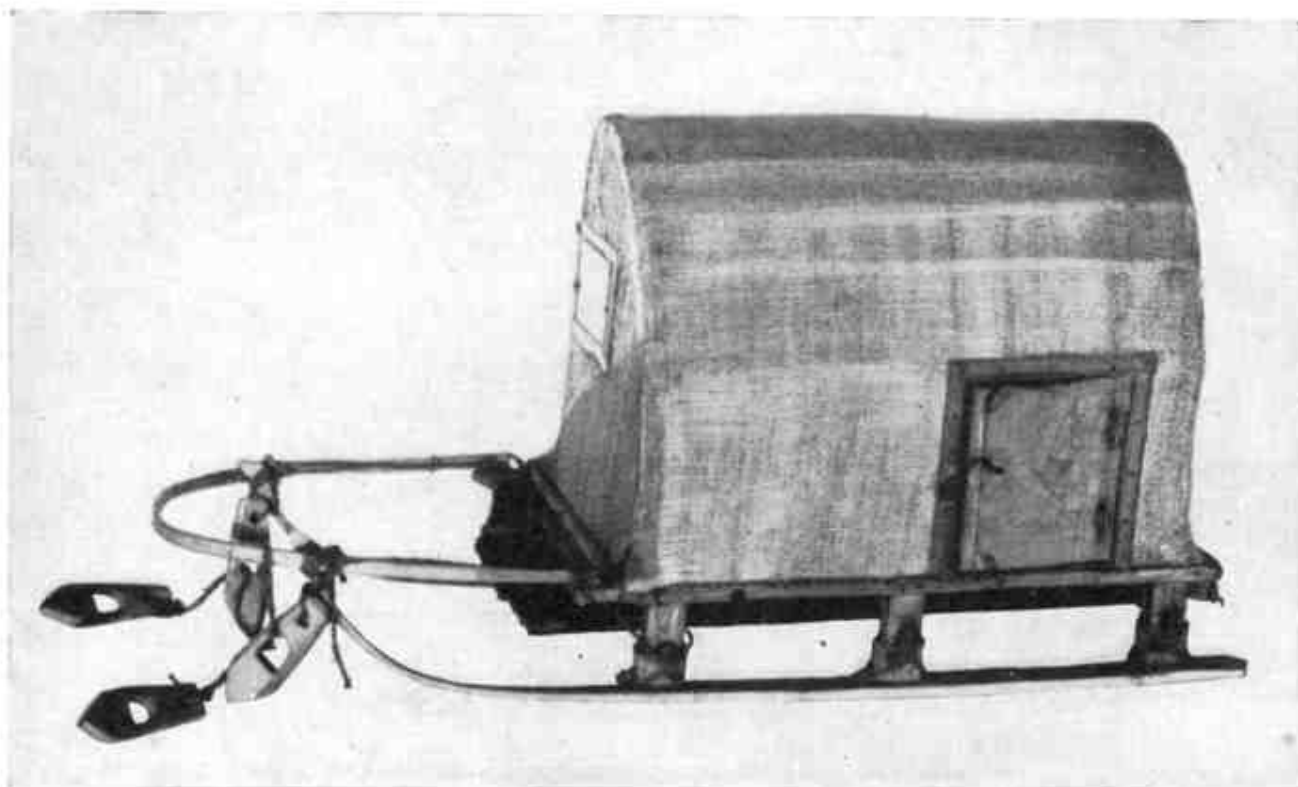

Рис. 6. Балок Долганы.

в специальный мешок (мужчины). Управляют оленями с помощью хорея.

Нарты для перевозки частей чума и другого груза не имеют дощатого настила: груз укладывается на несколько

Рис. 7. Олень в недоуздке. Эвенки.

изогнутые книзу деревянные вязы (табл. 5, 4). Нарты для перевозки «пола» (дощатого настила) чума имеют более низкие копылья. Наряду с косокопыльными грузовыми нартами изредка встречаются и грузовые нарты с вертикально поставленными копыльями.

Долганы. Летом верховая и вьючная езда на олене, на нартах перевозят только лодки; зимой — езда на нартах. В мужском седле (табл. 6, 1, 2) луки маленькие,

сокие, широкие вертикальные деревянные луки, полки укреплены с большим наклоном и вставлены в мешки, набитые шерстью и простеганные ниже полки; иногда бывает обшивка и без простежки (табл. 6, 3). Недоуздок простой; в упряжи, которой пользуются женщины, недоуздок бывает украшен налобной полоской, сплошь вышитой бисером, часто с большим количеством кистей, привязанных к нащечной части. Подпруга с кольцом. Седло укладывается оленю на лопатки. При езде пользуются высоким посохом. Садятся на оленя справа. Вьючные сумы мягкие, отличаются от эвенкийских большими размерами.¹

В западной части расселения долганов мужская нарта прямокопыльная, низкая узкая и короткая, а женская — косокопыльная, высокая, на шести парах копыльев; в восточной части на прямокопыльной нарте ездят и мужчины, и женщины.

Грузовые нарты в большинстве случаев косокопыльные, на двух-трех парах копыльев (нарта для перевозки лодок на двух парах копыльев). Наряду с этим встречаются и прямокопыльные грузовые нарты. Основным отличием долганских нартов от эвенкийских и иганасанских является наличие барана, привязанного к передним концам полозьев и нащепов. Упряжь как у эвенков: с системой блоков на месте соединения тяжей с нартой и поясами. Недоуздки ездовой упряжки с двумя (у передового оленя) и четырьмя пластинами (у пристяжных оленей). В упряжи, которая применяется в женской упряжке, налобная часть недоуздка украшается бисерной вышивкой (рис. 5).

Грузовые упряжки — в два оленя; в нарты с большим грузом или с балком (рис. 6)² впрягают четырех или шесть оленей.

Сидят на нарте справа, поводок передового оленя также проходит справа. Управляют при помощи хорея.

Эвенки.³ Верховая и вьючная езда в течение круг-

¹ См. стр. 16.

² Балок, или нартенный чум, долганы заимствовали от русских. Нарта с балком имеет широко расставленные полозья, невысокие, прямо поставленные копылья. На широком настиле укрепляется каркас, который снаружи обтягивается шкурами оленями и парусиной.

³ Описание оленного транспорта эвенков составлено преимущественно по материалам экспедиций Г. М. Василевич (1925—1930 гг.).

лого года. У всех групп эвенков выючение и посадка на оленя производятся справа; садятся с возвышения (к западу от Олекмы) или прыжком с опорой на палку и дужку седла (к востоку от Олекмы); поводок также проходит справа. Седла укладываются оленям на лопатки.

от Енисея (рр. Сым, Дубчас, Тым, Васьюган, Демьянка), прежде не ездили верхом. Только больных и стариков усаживали на выючные седла, которые иногда расширяли путем навьючивания маленьких сум — *нама* (табл. 7, 1). Человек, ведущий летний караван, при переправах через

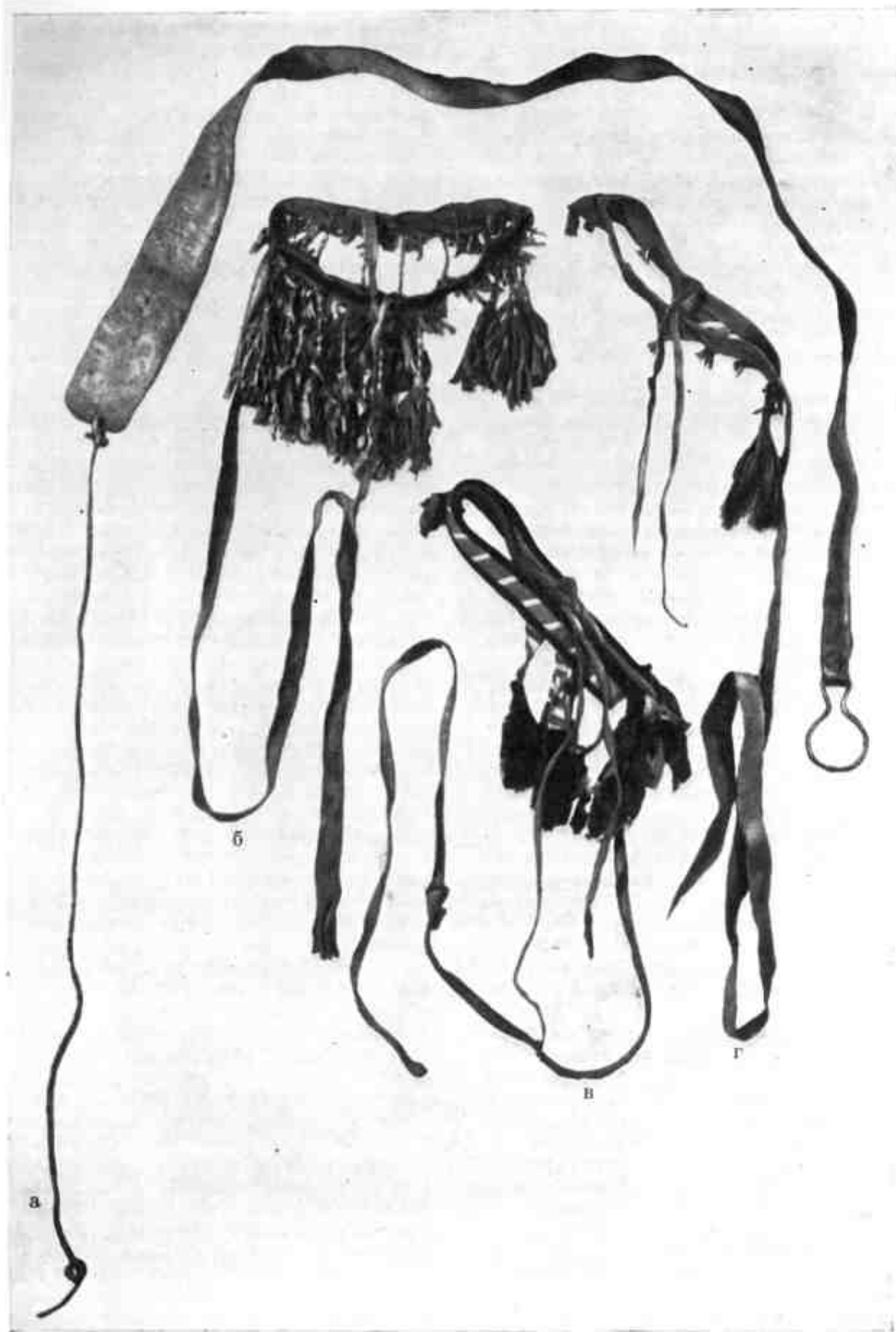

Рис. 8. Уприжь: а — подируга, б, в, г — недоуздки (а, в — алякские, б — зейские, г — баргузинские эвенки).

Верховые седла различны у разных групп эвенков. Недоуздки обычно простой — из длинного ремня, сшитого на одном конце петлей, образующей обротъ, к боковым сторонам которой пришиты вязочки, а иногда и бахрома из ровдуги для отмахивания паутов и мошкеры (рис. 7 и 8).

Эвенки, живущие к югу от Подкаменной Тунгуски, по верховьям Лены и ее притокам (до Олекмы) и к западу

речки садились на выючное седло, уложенное на оленя передовика. Оленей использовали только под вьюк и даже на охоту ходили пешком.

Не было верхового седла и у эвенков, живущих между Нижней и Подкаменной Тунгусками, а также между низовьями Витима и Олекмы. Для верховой езды они употребляли выючное седло. При езде в таком седле ноги свешиваются, поэтому без посоха ездить утомительно; мягкая

подстилка, положенная на седло, не облегчает езды (табл. 7, 2).

У групп эвенков к востоку от Олекмы и до Охотского моря имеется верховое седло, хорошо приспособленное для езды на олене; по конструкции оно отличается от вьючного. Роговые луки верхового седла невысокие; полки седла имеют «крылышки» (табл. 7, 3; 8, 1); полки вместе с «крылышками» обшиты шкурой мехом внутрь, а между «крылышками» и полками еще набита шерсть; сверху к седлу прикреплен шкура с головы лося, покрывающая и луки. При езде на таком седле ноги согнуты в колене под прямым углом (табл. 7, 4). Такая посадка значительно облегчает езду и не требует посоха во время передвижения. Ездовой посох этих эвенков отличается от посоха западных эвенков высотой (он короче) и назначением (им пользуются как опорой при посадке и при переездах через бурные потоки, облегчая оленю движение против быстрого течения). Подпруга такого верхового седла всегда оканчивается пряжкой; перекидывается она через заднюю часть седла, в то время как у западных эвенков она перекидывается через середину седла и вместо пряжки имеет кольцо.

У витимо-олекминских эвенков верховые седла без «крылышек» и отличаются от вьючных только тем, что луки у них уже и ниже и обычно костяные (табл. 8, 2). На седло под пидругу, которая, как и на вьюке, перекидывается через середину седла и оканчивается кольцом, для расширения сидения мужчины подкладывают что-либо мягкое, а женщины — пару больших мягких (из камусов) вьючных сум с легким грузом.

У илимпийских эвенков, расселенных к северу от Нижней Тунгуски, верховое седло только мужское и отличается от вьючного следующими особенностями: полки его укреплены со слабым наклоном (расположение более горизонтальное), вместо «крылышек» — узкие планки; луки невысокие, округлые. Такое седло встречалось и у нелькано-аянских эвенков. У вьючного седла, которое служит и женским, луки высокие, широкие и поставлены вертикально (табл. 8, 3). На верховом седле поверх обшивки прикреплен еще шкура с головы оленя; подпруга перекидывается через середину седла, как и на вьючном.

В южной части расселения илимпийских эвенков специального верхового седла нет; для верховой езды пользуются вьючным седлом.

Вьючные седла восточных эвенков (к востоку от Лены — Витима) имеют высокие и широкие деревянные луки, обычно орнаментированные (табл. 9, 1). Полки седла плотно обтянуты шкурой мехом внутрь. У подкаменнотунгусских и части илимпийских эвенков обшивка вьючного седла сделана в виде свисающего мешка, простеганного ниже полок (табл. 9, 2, 3). К западу от Енисея вьючные седла маленькие, без обшивки, с роговыми луками (табл. 9, 4).

Для перевозки мягких вещей на олене употребляются сумы (табл. 10, 1) на твердой основе — *инмэк* и *нама* и мягкие — *пота*. Твердые сумы бывают обшитыми и необшитыми. Остов (коробка) твердых сум шит из одного сложенного коробкой куска бересты и имеет узкое прямоугольное дно и расширяющиеся кверху стенки, края которых закреплены овальным ободом. Остов сумы обклеен шпильками камусами, к которым пришита горловина из ровдуги. По размеру, форме, способам обшивки и орнаментовки сумы на твердой основе (табл. 10, 2) различаются: для верховой езды женщин — *нама* и для вьюка — *инмэк*. Первые в два раза меньше вторых и встречаются только у нижне- и подкаменнотунгусских эвенков (табл. 10, 2, а). Сумы (*инмэк*) сымских эвенков небольшие, книзу суживающиеся, с верхом из бересты, покрытой орнаментом (табл. 10, 2, б). У нижне- и подкаменнотунгусских эвенков *инмэк* больших размеров и более прямые по форме, верх обшит ровдугой, орнаментированной рядами окаймляющих полосок. У илимпийских эвенков наряду с сумами, характерными для нижнетунгусских, встречаются и широкие несуживающиеся книзу. У этих сум, как и у нижнетунгусских, верхний ровдужный край орнаментирован полосками материи, жгутиком из белого подшейного оленьего волоса, а также бисером, но спереди и сзади они, как и сумы восточных эвенков, имеют небольшие орнаментированные треугольники, направленные острием вниз (табл. 10, 2, в).

Сумы у эвенков, живущих по бассейнам Олекмы, Алдана и Зеи, наиболее крупных размеров; спереди и сзади сумы имеют украшение из ровдуги в виде треугольника, острие которого доходит до линии дна; по краям треугольник обшит жгутиком из белого подшейного оленьего волоса и украшен полосками черного и красно-бурого цвета (табл. 10, 2, г). У охотских эвенков сумы имеют вертикально поставленные стенки с одной ровдужной окаймляющей полосой (табл. 10, 2, д); у нерчинских эвенков они такой же формы, как у олекминских и алданских, но по отделке приближаются к сумам охотских эвенков (табл. 10, 2, е).

Мягкие сумы (*пота*) (табл. 10, 3) обычно шиты из камусов (табл. 10, 3, а) или из шкур с головы оленя (табл. 10, 3, б, в). У охотских эвенков, а также у некоторых других групп эвенков (в озерных районах) встречаются сумы из рыбьих кож (табл. 10, 3, г), у охотских же, кроме того, и из шкуры нерпы (табл. 10, 3, д). Одни сумы имеют ровдужную горловину, другие — клапан, покрывающий верх.

Наряду с вьючно-верховым транспортом у некоторых групп эвенков распространен и зимний упряжной транспорт.

Нарта эвенков к западу от Енисея такая же, как у самодийских народов, но несколько видоизменена: она ниже, копыльев бывает не больше четырех пар, чаще три пары; спереди к нащепам и к передним концам полозьев привязан баран. Грузовая нарта не отличается от ездовой. Упряжка всегда парная; тяг один на двух оленей; он может быть перекинут через баран или продет через блоки, привязанные к головкам полозьев. Конец тяга перекинут через плечо оленя и при застегивании на кляп образует лямку. Пояса нет. Ездили на нартах преимущественно зимой и только на дальние расстояния; летом при переколке на небольшие расстояния на них перевозили вещи. Посадка на нарту в отличие от ненцев у эвенков с правой стороны; поводок проходит также справа. Хорей не употребляют.

Илимпийские эвенки, для которых характерна такая же упряжь и нарта, пользуются нартой исключительно зимой. Упряжь передового оленя у них имеет пояс, а недоузлок — две пластины. Сидят справа, поводок проходит также справа, но управляют, как и ненцы, хореем.

У олекминских эвенков нарта невысокая, на трех парах вертикально поставленных копыльев, расположенных по всему полозу; деревянные вязы укреплены несколько выше середины копыльев, на них всегда имеется настил; верхние концы копыльев соединены нащепом. Промежуток между нащепом и настилом переплетен ремнями. Спереди к нижним концам передней пары копыльев и к передним концам полозьев привязан баран. Упряжка парная; тяг связан с лямками узлом и перекинут через баран. Лямки надевают правому оленю на правое плечо, левому — на левое. Недоузлок каждого оленя имеет свой поводок. Упряжь в ездовой упряжке с поясом. На нартах сидят вытянув ноги вперед. Некоторые нарты устроены по типу «кошевок» с ящиком (*казима*) спереди, куда при езде вставляют ноги. Нарты у этой группы эвенков появились в конце прошлого века, когда эвенки стали принимать участие в зимних грузоперевозках (до этого времени груз перевозили якуты или русские и только на лошадях); первоначально нарты употреблялись лишь для перевозки груза.

Совершенно особое место занимает ездовая нарта, распространенная на восток от Олекмы до Охотского моря (табл. 10, 4). Это короткая (до 2 м вместе с бараном), низкая (до 60 см) и узкая (до 70 см) нарта на двух или трех парах изогнутых копыльев, расположенных по всей длине полоза; баран привязан к нижним концам передней пары копыльев; поперечины, соединяющей передние концы полозьев, нет. Нарта может быть с нащепами и без них. Изогнутые копылья изготавливают из корня с естественным изгибом; если подходящего корня нет, то их делают прямыми (табл. 1, б). При прямых копыльях доски настила в средней части с боков вырезают. На нарте всегда сидят верхом, причем на сиденье обычно кладут мешок с мягкими вещами, чтобы сидеть, как на верховом олене; ноги опираются на полозья за второй парой копыльев (табл. 10, 4).

Упряжка в такой нарте парная, тяж (один) перекинут через баран; концы его, перекинутые через правые плечи обоих оленей и пристегнутые при помощи кляпов, образуют лямки. Пояс на передовике не обязателен (применяется преимущественно в нарядной упряжке). Управляют хворостиной или кнутом (тонкая палочка до 75 см длиной с ремешком до 1 м длиной).

Грузовая нарта в рассматриваемом районе длиннее ездовой, на трех парах прямо поставленных копыльев, с нащепами и настилом из двух досок, укрепленных на вязях. Нащепы соединены с концами полозьев, баран привязан к передним концам полозьев и к нижним концам передней пары копыльев.

Эвены. Верховая и вьючная езда в течение всего года (табл. 11, 1—3). Эвены северной части Якутии зимой ездят на прямокопыльной нарте (табл. 11, 4), а живущие смежно с чукчами и коряками заимствовали от них дугокопыльные нарты.

Седла верховые и вьючные (табл. 11, 2, 3). Верховые седла имеют на полках «планки», луки роговые, низкие (передняя выше задней); ленчик обшит шкурами мехом внутрь, в обшивку набита шерсть и сверху пришта шкура с головы оленя (мехом наружу), покрывающая все седло вместе с луками. На таких седлах обычно ездят мужчины (табл. 11, 1).

Вьючные седла отличаются от верховых более крутым наклоном полков, отсутствием «планок» и более высокими деревянными луками, которые обтянуты ровдугой, а передняя, кроме того, украшена бисерной вышивкой (табл. 11, 2). Такие седла используются женщинами как верховые. Седла для перевозки твердых грузов имеют конструктивные особенности: верхушки лук соединены между собой тонкой перекладиной и сверху обшиты ровдугой, покрывающей и полки (табл. 11, 3).

У эвенов Яны и Индигирки вьючные седла имеют полки, обшитые в виде свисающего мешка, простеганного ниже полков.

Подпруги на всех седлах с кольцом на конце. Седла укладываются оленю на лопатки. Ездят с высоким посохом. Вьючные сумы мягкие, редко (у момских эвенов) на берестяной основе, иногда, как у юкагиров, пара сум имеет одну горловину.

Негидальцы. Оленеводство было только у верховских негидальцев. Их верховой, вьючный и нартенный транспорт такой же, как у соседних эвенов (учурских, зейских и буруинских) (табл. 12, 1, 2).

Ороки. Вьючный и верховой транспорт круглый год, зимой еще и нартенный. Верховые и вьючные седла такие же, как у алданских и учурских эвенов (и с теми же названиями *нама* и *эмэ-о́муд*) (табл. 12, 3, 4). Вьючные сумы твердые, такие же как у эвенов, и мягкие — из перичьей шкуры.

Ездовая нарта довольно широкая, недлинная и узкая, на трех парах копыльев. Она бывает без барана и с бараном. Запрягают в нарту одного оленя; лямка надевается оленю на правое плечо, тяж проходит между задними ногами оленя и раздваивается у нарт; концы тяжа привязаны к головкам полозьев. Управляют оленем при помощи длинного прута.¹

Грузовая упряжка такая же, как у восточных эвенов (парная, с прямокопыльной нартой).

Якуты оленные. Верховой и вьючный транспорт практикуется круглый год (табл. 13, 1—3), на нарте ездят только зимой. Якуты еще в начале нашего века называли оленя «иноземным скотом» (*омук суоси*), но езда верхом на нартах, запряженных двумя оленями, была зафиксирована у них уже Е. Исбрантом Идесом (XVII в.).

Седла и упряжь верхового и вьючного оленя у северо-западных якутов такие же, как у илимийских эвенов (табл. 13, 3). У якутов, живущих среди алданских, учурских, зейских и буруинских эвенов, верховые седла (с «крылышками») и вьючные седла такие же, как у эвенов.

Оленная нарта северных якутов имеет три пары копыльев, прямо поставленных в отверстия на полозьях и закрепленных ремешками. Вязи вставлены в отверстия на середине копыльев. На них укреплены доски настила.

Верхние концы копыльев соединены нащепом, промежуток между нащепом и настилом переплетен ремнями. К передним концам полозьев и к нижним концам передних копыльев привязан баран. Грузовые нарты устроены проще: у них не три, а две пары копыльев, иногда отсутствуют и настил (табл. 13, 4).

Упряжка парная: один тяж на двух оленей перекинут через баран. Лямки кляпом или узлом соединены с тягом, который проходит между оленями. Упряжь передовика имеет пояс. Сидят на нарте справа; поводок также проходит справа.

Якуты приспособили оленную нарту для конной упряжки, для чего ее несколько расширили и приподняли настил; такая нарта больше и массивнее.

Якуты, живущие в районе оз. Ессей и на восток до Хатанги, заимствовали ненецкую нарту.

Якуты, живущие смежно с эвенками по бассейнам Алдана и Учуга, имеют такую же упряжку и нарты, как их соседи эвенки.

Юкагиры. Верховая и вьючная езда круглый год. Юкагиры, живущие по соседству с чукчами, иногда ездят на чукотской нарте, которая отличается от чукотской тем, что копыльные дуги на ней укреплены по всему полозу, а нащеп связан с передними концами полозьев. Мужчины ездят сидя на нарте посередине, а не на передке, как чукчи (табл. 14, 1).

Верховые и вьючные седла такие же, как у эвенов. Подпруга с кольцом перекидывается через заднюю часть верхового седла и через среднюю — вьючного. Вьючные сумы только мягкие: парные (пара сум соединена широкой ремешком полосой) и сдвоенные. Последние имеют общую ровдужную горловину, оканчивающуюся вздержкой (через горловину вещи вкладываются в обе сумы). Изредка встречаются и одиночные сумы.

Чукчи и коряки. Езда на нартах только зимой (табл. 14, 2). Нарта дугокопыльная: каждая пара копыльев представляет собой одну дугу, концы которой укреплены ремешками в отверстиях обоих полозьев. Копыльная дуга изготавливается из рога или березового корня с естественным изгибом. Полозья ездовой нарт спереди загнуты и связаны с изогнутыми дугой вниз нащепами. Крепление всех частей нарт производится при помощи ремешков. Упряжка парная, иногда впрягают и одного оленя. Лямка, перекинутая через левое плечо оленя, соединяется с тягом при помощи кляпа; тяж каждого оленя проходит справа от оленя (табл. 14, 2) и привязан к переплету настила. Лямка может иметь удерживающие ее узкие ремешки (рис. 9).¹

Конструкция мужских, женских и грузовых нарт различна.

Мужская ездовая нарта длинная (до 2 м), узкая (до 35 см) и низкая (до 25 см), на шести-семи копыльных дугах, которые расположены в задней части полозьев; полозья загнуты кверху и связаны с изогнутым вниз нащепом; задний конец нащепов также изогнут и соединен с ободом, огибающим спинку сиденья (табл. 14, 3). Справа к третьему или второму копылу и полозу привязан изогнутый комель — «тормозное кольцо»; на нем стоит нога ездока, и, когда бывает нужно, на него нажимают, тормозя движение. Сидят на нарте верхом ближе к передку, управляют длинным хлыстом.

Женская ездовая нарта длиннее, шире и выше мужской. Устройство нижней части ее такое же, как и мужской, только передние концы полозьев соединены деревянной поперечиной. Над настилом имеются борта, окаймляющие сиденье и открытые с правой стороны; женщина сидит на нарте боком справа (иногда такие отверстия бывают устроены с двух сторон).

Грузовые нарты по размерам такие же, как и женские. Отличаются они массивностью полозьев и несколько иным устройством передка: наряду с нартами, имеющими полозья, привязанные к изогнутым вниз нащепам, есть нарты, у которых конец полоза соединен с нащепом под углом (табл. 14, 4). Нарты для перевозки шестов яранги (с двумя копыльными дугами) вместо нащепов и настила имеют

¹ Описание орокского оленного транспорта имеется только в работе Б. А. Васильева «Основные черты этнографии ороков» (Этнография, 1929, № 1, стр. 8—14).

жердь с развилкой, привязанную к копыльным дугам и передним концом вогнанную в паз перекладины, соединяющей передние концы полозьев. Нарты для перевозки мелких вещей имеют привязанную к дугам-копыльям решетчатую корзинку из тонких дранок, перевязанных ремешками во всех местах соединения (табл. 14, 5).

их у своих соседей — тувинцев-скотоводов. Ленчик состоит из вертикально поставленных высоких, массивных передних и наклонно поставленных, таких же массивных задних луков; луки вделаны в полки несколько отступая от концов. Полки длинные (45—50 см) и, кроме луков, по середине соединены поперечными изогнутыми досками.

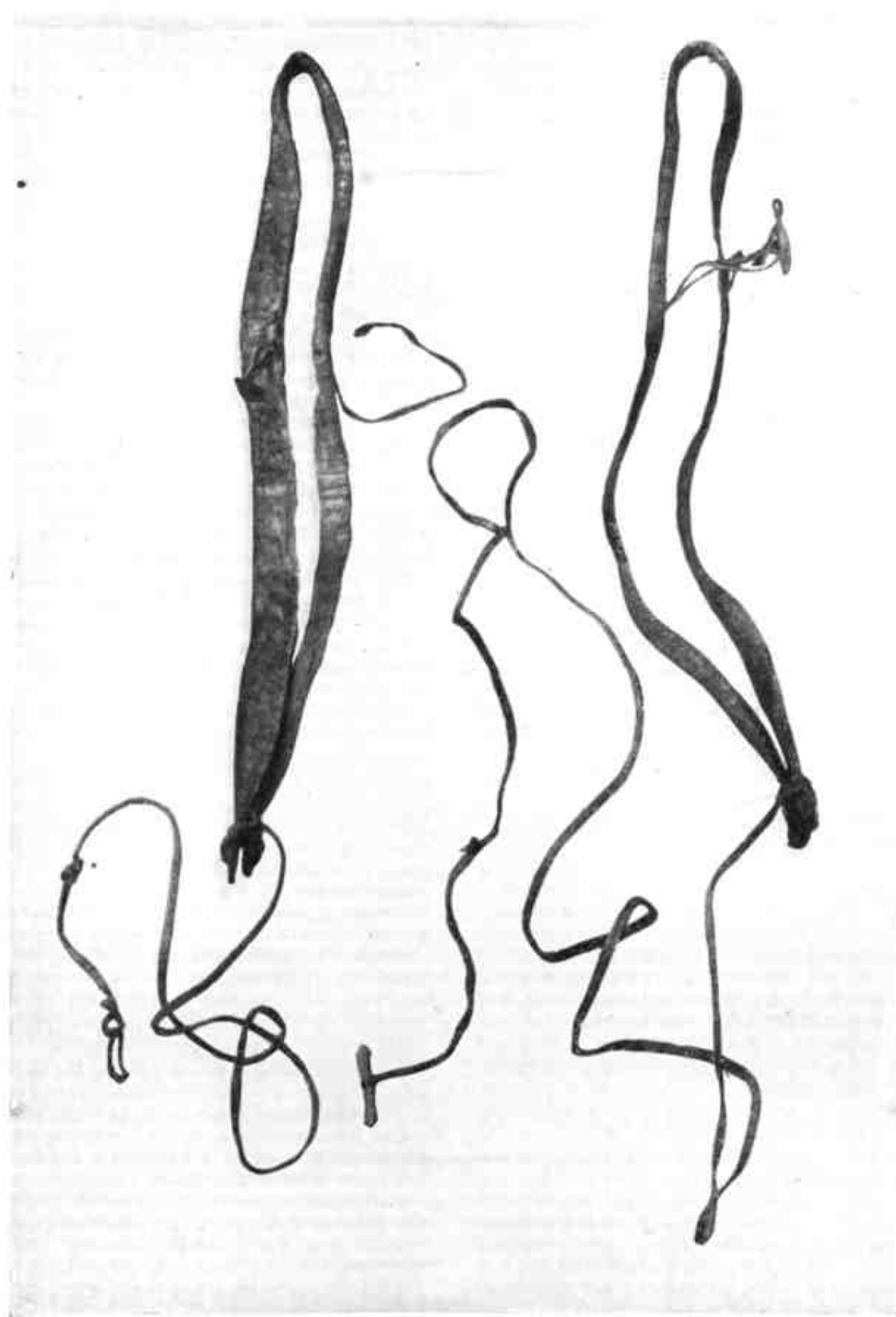

Рис. 9. Лямки и тяжи оленней упряжи. Чукчи.

Различия между чукотскими и корякскими нартами относятся к размерам: корякские выше, массивнее и более грубо обработаны.

Тувинцы и тофалары. У тувинцев (тоджинцев) и тофаларов верховая и вьючная езда на оленях практикуется в течение круглого года (табл. 15, 1, 2). Верховые седла сходны с конскими (табл. 16, 1, 2); у тофаларов седла бурятской работы, тувинцы-оленьеводы обычно приобретают

К полкам спереди привязан подгрудный, а сзади — подхвостный ремень. К седлу на ремнях привязаны стремяна. Седло иногда покрывают шкурой с головы оленя или лося. Оно кладется оленю на середину спины; под седло подкладывают шкуру, а иногда и сложенный войлок. Подпруга имеет пряжку (рис. 11). Недоуздок простой, состоящий из оброта и поводка (рис. 10 и 11), который проходит слева, как у коня. Садятся на оленя также

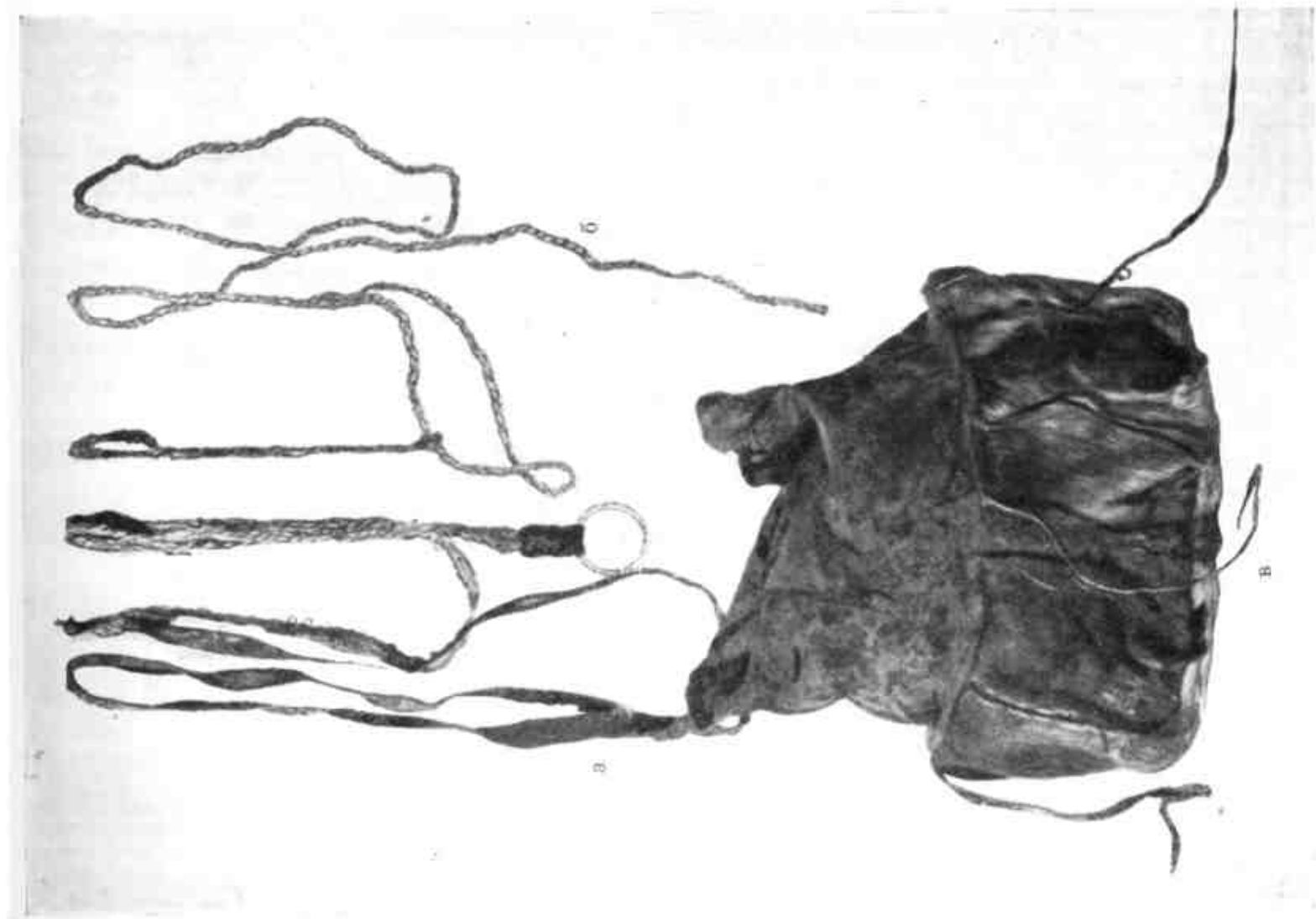

Рис. 10. а — подпруга, б — волосной недоуздок, в — выючная сума. Туинцы.

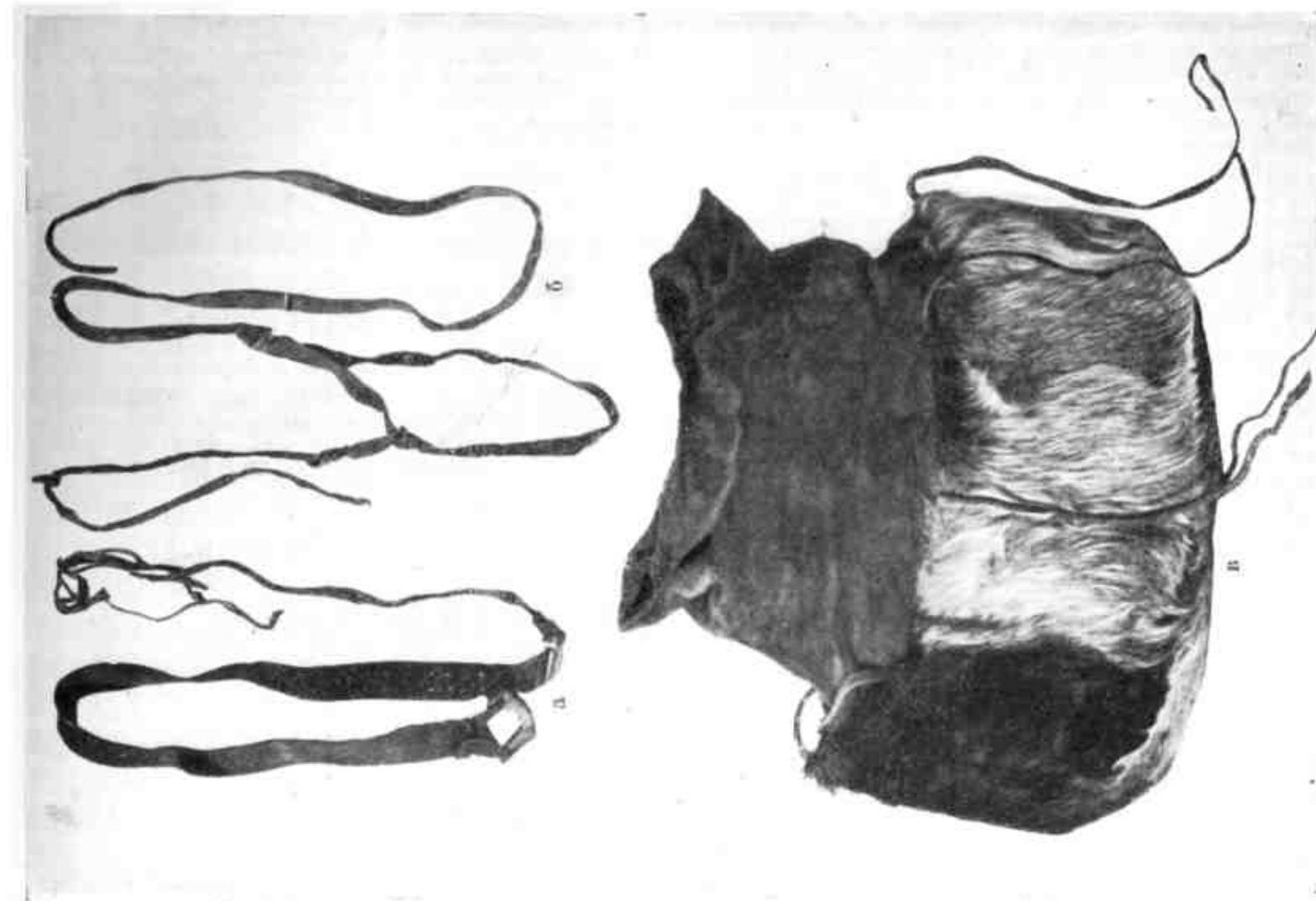

Рис. 11. а — подпруга, б — ременной недоуздок, в — выючная сума. Тофалары.

слева, с возвышения (табл. 15, 2); посоха не употребляют. Вьючные седла тувинцев и тофаларов различаются луками: у тофаларов они широкие, высокие, передняя лука выше задней (табл. 16, 3); в тувинских седлах луки одинакового размера, ниже и массивнее (табл. 16, 4, 5).

Полки у вьючных седел уже, чем у верховых. Подпруга вьючного седла имеет на конце кольцо (рис. 10). Вьючные сумы мягкие (рис. 10 и 11).

Луки вьючного седла для перевозки детей оканчиваются развилками, на которые укрепляют колыбель (табл. 16, 6).

II

Выше была дана общая этнографическая характеристика оленного транспорта у народов Сибири. Сейчас нам предстоит рассмотреть отдельные элементы упряжного и вьючно-верхового транспорта, выделить их основные типы и определить этнические и географические границы их распространения.

НАРТЫ

Конструкция оленных нарт различается в зависимости от назначения. Почти у каждого народа ездовые нарт отличаются от грузовых, а грузовые между собой в зависимости от того, какое назначение они имеют. Ездовая нарта более совершенна, грузовая нарта проще.

При классификации нарт следует учитывать несколько признаков: форму и положение копыльев, устройство полозьев, настила, передка, способы крепления отдельных частей нарт. Эти признаки связаны между собой и в известной степени один обуславливает другой.

Дугообразные копылья нарт чукчей и коряков обусловили малую ширину и небольшую высоту нарт. На узкой нарте удобна посадка верхом. Легкость нарт дает возможность ограничиться запряжкой одного оленя. Крепление нарт при помощи ремешков (что придает ей эластичность) и отсутствие передней перекладки вызвали привязывание тяга к решетке нарт.

Высокие широкие нарт ненцев из сравнительно толстых брусков удобны для летней езды по болотистой тундре. Большие размеры нарт потребовали большей устойчивости и прочности, что было обеспечено установкой копыльев наклонно назад и внутрь в задней половине нарт и пазовым их креплением. Большая ширина нарт, ее массивность обусловили упряжку нескольких оленей «веером». Веерная упряжка в свою очередь обусловила устройство передка нарт — с перекладной — и сложную систему соединения тяга с нарт.

Езда по тайге потребовала устройства на передке нарт горизонтальной дуги — барана, назначение которого подгибать под нарту кустарник и предохранять ее от ударов о деревья. Для езды по горной таежной местности наиболее пригодны короткие нарт и такое соединение тяга с нарт, при котором олени могут легко расходиться и на спусках двигаться по бокам нарт: один тяг на двух оленей, перекинутый через баран, позволяет лучше маневрировать при спусках.

Типы ездовых нарт

Ездовые нарт могут быть объединены в три основных типа, которые мы называем по форме и положению копыльев: дугокопыльные, прямокопыльные, косокопыльные. В пределах этих типов имеются варианты, выделяемые по тому или иному признаку конструкции нарт.

Дугокопыльные нарт (табл. I, 1, 2).

Копылья в форме дуг, числом шесть-восемь, обычно из естественно изогнутых корней или рога.

Полозья длинные, спереди загнуты и связаны с нащепом, изогнутым дугою; поперечины, соединяющей передние концы копыльев, нет.

Н а с т и л из узких планок в виде решетки, которая переходит сзади в высокую спинку (в мужской нарте) или окаймляет все сиденье (в женской нарте).

К р е п л е н и е ремешное.

Р а с п р о с т р а н е н и е: чукчи, коряки и соседствующие с ними эвены и юкагиры.

Прямокопыльные нарт. Варианты североякутский и алдано-амурский. Характерным для типа является первый из них.

Североякутский вариант (табл. I, 3, 4).

К о п ы л ь я прямые, поставленные вертикально, обычно три пары. Верхние концы копыльев окаймлены нащепом; пространство между нащепом и настилом переплетено веревками или ремнями.

П о л о з ь я толстые, слегка загнутые спереди; передние концы их не соединены поперечиной.

Н а с т и л — две доски, привязанные к вязам.

Б а р а н привязан к первой паре копыльев, а иногда и к передним концам полозьев.

К р е п л е н и е при помощи шипов и ремешков.

Р а с п р о с т р а н е н и е: северные якуты, долганы, олекминские эвенки, эвены Якутии.

Алдано-амурский вариант (табл. I, 5, 6).¹

К о п ы л ь я изогнутые (из комеля) или прямые, поставленные вертикально, обычно три, реже две пары; бывают нарт с копыльями разной формы: передняя и задняя пара — прямые, средняя — изогнутые.

П о л о з ь я такие же, как и в североякутском варианте.

Н а с т и л из досок; в нарте с одной (средней) парой изогнутых или прямых копыльев доски настила имеют в средней части по бокам вырезы.

Б а р а н укреплен так же, как в североякутском варианте.

К р е п л е н и е смешанное: при помощи пазов, шипов и ремешков.

Р а с п р о с т р а н е н и е: верхнеалданские, зейские, бурейские и амгуньские эвенки, якуты, живущие смежно с ними, и верховские негидальцы.

К этому варианту близка нарта ороков.

Косокопыльные нарт. Варианты тундровый и таежный.

Тундровый вариант (без барана) (табл. I, 7—10).

К о п ы л ь я: три-шесть пар наклонно внутрь и назад поставленных брусьев, преимущественно в задней половине полозьев.

П о л о з ь я толстые, круто загнутые спереди; передние концы их соединены между собой поперечиной.

Н а с т и л из досок, сзади и спереди борта; нащепы чаще широкие в задней части, узкие — в передней, соединены с передними концами полозьев.

К р е п л е н и е полностью пазовое.

Р а с п р о с т р а н е н и е: ненцы, энцы, иганасаны, долганы, якуты, живущие рядом с долганами, селькупы, кеты, ханты, манси.

Таежный вариант (с бараном) (табл. I, 11, 12).

К о п ы л ь я: обычно три-четыре пары наклонно внутрь и назад поставленных брусьев; установлены по всей длине полозьев.

¹ Может быть отнесен к типу прямокопыльных нарт условно.

Полосья толстые, круто загнутые спереди, на передних концах соединены между собой поперечиной.

Настил и нащепы как в тундровом варианте.

Баран привязан к передним концам полосьев и нащепов.

Крепление псегда пазовое, привязан только баран.

Распространение: северо-западные группы эвенков (сымские и илимийские), долганы, манси, селькупы, кеты.

Распространение типов ездовых нарт показано на карте 1.

Типы грузовых нарт

Основные типы грузовых нарт те же, что и ездовых (дугокопыльные, прямокопыльные и косокопыльные). Конструкция грузовых нарт изменяется в зависимости от их назначения. Это изменение относится к наличию или отсутствию настила, количеству копыльев, их установке и высоте.

УПРЯЖКА И УПРЯЖЬ

Число оленей, запрягаемых в ездовую и грузовую нарту, колеблется от одного до восьми.

Однооленная упряжка характерна для ороков, встречается также у чукчей, коряков и живущих среди них эвенов.

заимствовавших от них этот тип упряжки (ханты, манси, кеты, долганы).

В упряжке олень, от которого идет поводок, называется передовым. По тому, с какой стороны бывает передовой олень, можно выделить две разновидности упряжек: для первой характерен передовик с левой стороны и прохождение поводка слева; для второй характерен передовик с правой стороны и прохождение поводка справа. К первой разновидности относится упряжка всех самодийских народов и большинства народов, заимствовавших упряжной транспорт от ненцев (ханты, манси, кеты). Ко второй же разновидности (передовик с правой стороны) относится упряжка всех остальных народов Сибири (эвенки, эвены, негидальцы, долганы, якуты, чукчи, коряки).

Оленная упряжь состоит из недоуздка с поводком и лямки с тягом.

Тяг и лямка — основные части упряжи, но, кроме них, у некоторых народов имеется еще пояс, выполняющий в общем ту же функцию, что и чрезседельник в конской упряжи (соединяет соседних оленей, не дает лямке перекручиваться, а поводку спускаться). Пояса применяются только в ездовой упряжке.

У ненцев, хантов, манси, селькупов, нганасанов, энцев, долганов и якутов, живущих среди долганов, пояса имеются в упряжи всех оленей. Пояс в упряжи только передовика имеется у илимийских эвенков и соседящих с ними якутов, а также у кетов; изредка встречается в упряжи у олекминских, алданских, зейских, бурейских, амгуньских и чумиканских эвенков. Упряжь без

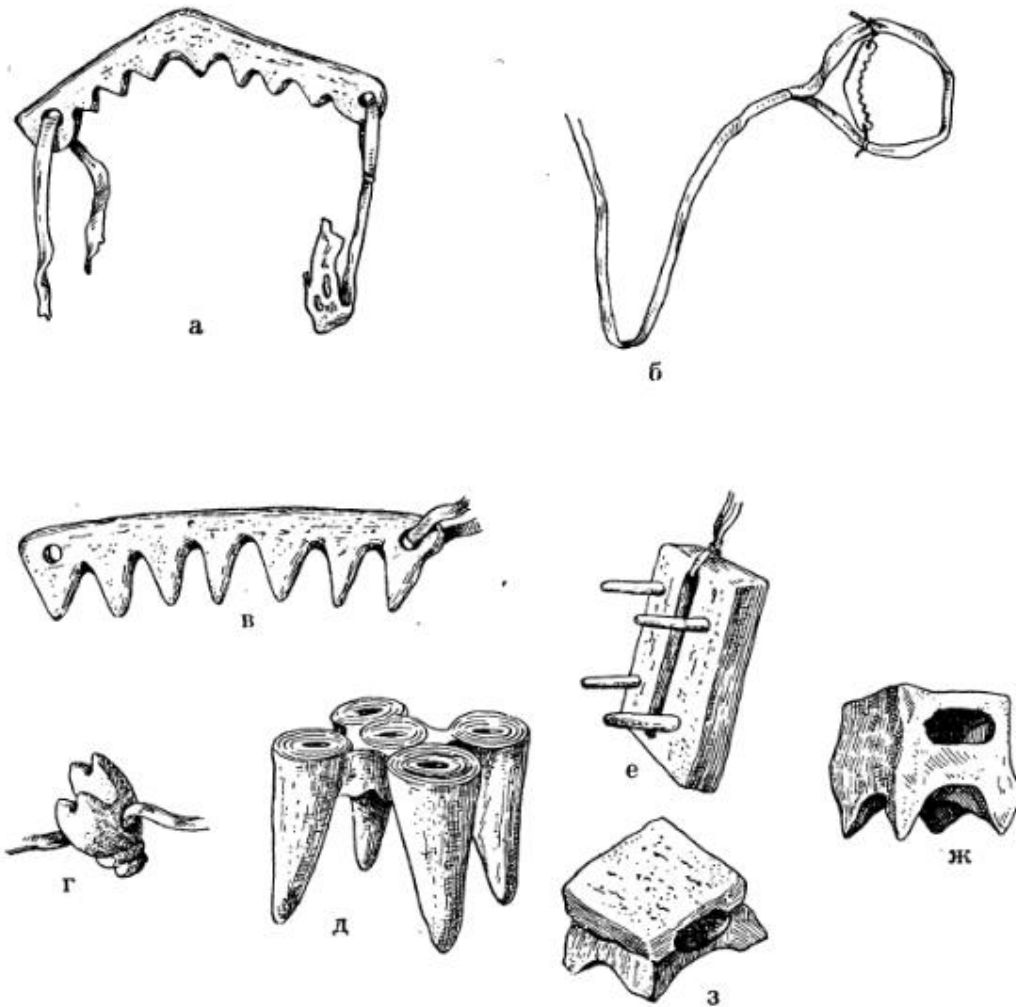

Рис. 12. Пластины и костяшки для тренировки оленей (а, б — эвенки; в — чукчи; ж, з — эвенки, долганы).

Двухоленная упряжка распространена наиболее широко. Она характерна для эвенков, эвенов, якутов, негидальцев как в грузовой нарте, так и в ездовой. Она существует с упряжкой из одного оленя у чукчей и коряков. У ненцев, энцев, нганасанов, долганов, селькупов, кетов, хантов и манси парная упряжка применяется обычно с грузовой нарткой и с женской ездовой.

Упряжка в три и более оленей «всером» характерна для ездовой нарти самодийских народов и их соседей,

пояса характерна для оленных упряжек чукчей, коряков, а также живущих смежно с ними эвенов и юкагиров.

Рассмотрим отдельные части упряжи.

Типы недоузdkов

По своему устройству недоуздки делятся на два типа: простой и сложный.

Простой недоуздок (табл. II, 1—6).

Состоит из оброти (петли) и поводка. Оброт и поводок могут быть из одного ремня или из двух отдельных частей. Простой недоуздок употребляется у всех народов с вьючно-верховым транспортом. Характерен для ездовой и грузовой упряжки чукчей, коряков, а также юкагиров и эвенов, соседящих с ними, и эвенков (за исключением групп, живущих смежно с самодийскими народами); употребляется в грузовой упряжке самодийских народов, кетов, хантов, манси и долганов.

Сложный недоуздок (табл. II, 7—15).

Имеет оброт, составленную из ремешков и костяных пластин, соединенных между собой. Этот недоуздок, кроме ремешков, завязывающихся за рогами оленя, имеет еще цепочку (прикрепленную к одной из пластин) для соединения с соседним оленем. Применяется только в нартенной упряжке.

По количеству костяных пластин выделяются два варианта сложных недоуздов: с двумя пластинами и с четырьмя.

Сложный недоуздок с двумя пластинами.

Употребляется для передового оленя у ненцев, энцев, нганасанов, селькупов, кетов, долганов и илимпийских эвенков (табл. II, 7—11).

Сложный недоуздок с четырьмя пластинами.

У ненцев, нганасанов, энцев, селькупов, кетов и долганов употребляется для пристяжных оленей; у хантов и манси — в упряжке передовика (табл. II, 12—15).

Недоуздок для тренировки оленя в нартенной упряжке имеет костяшки в виде «скамеечек» с зубчиками или в виде «челюсти». Употребляется чукчами, коряками, долганями, эвенками и некоторыми группами эвенков. Назначение этих «скамеечек» и «челюстей» — нажимать на чувствительное место, чтобы олень привыкал идти ровно и спокойно (рис. 12).

Типы лямок

По своему устройству лямки бывают двух типов — простые и сложные.

Простая лямка.

Не имеет подгрудных ремешков. По способу соединения с тягом существуют две разновидности простых лямок: лямка может быть продолжением тяга, конец которого перекидывается через плечо оленя, проходит между его передними ногами и закрепляется кляпом, образуя петлю, или это отдельная петля, соединенная с концом тяга. Первая разновидность характерна для упряжки эвенков, негидальцев, эвенов и соседящих с ними якутов, а также для ороков; вторая — для упряжки чукчей и коряков, а также для грузовой упряжки ненцев, энцев, нганасанов, селькупов, хантов, манси, кетов, долганов, якутов, соседящих с ними, и олекминских эвенков.

Сложная лямка.

Имеет подгрудные ремешки. Такая лямка характерна для ездовой упряжки всех самодийских народов, встречается также в упряжке хантов и манси.

Типы крепления тяга с нартой

По способам крепления тяга с нартой выделяется три типа: привязной (неподвижный), перекидной и блочный.

Привязной тип (табл. III, 1, 2).

Это наиболее простой тип крепления. Конец тяга привязывается неподвижно к нарте. Применяется в упряжке с одним и двумя оленями.

У чукчей и коряков тяг каждого оленя привязывается к переплету сиденья нарты отдельно (табл. III, 1, б). В орокской оленней упряжке тяг, проходящий

между задними ногами оленя, перед нартой раздваивается и привязывается к концам полозьев (табл. III, 2).

Перекидной тип (табл. III, 3—5).

Один тяг для двух оленей перекидывается через баран; бывает только в парной упряжке.

Характерен для эвенков, долганов (только при ездовой прямокопильной нарте), эвенов Якутии, якутов, негидальцев, встречается в грузовой упряжке у ороков (табл. III, 4, 5). В грузовой упряжке у манси, ненцев тяг иногда продевается через передок нарты между полозьями и нащепами (табл. III, 3).

Блочный тип (табл. III, 6—8).

Характеризуется наличием блоков, через которые пропускаются тяжи; блоков бывает два, три и более.

При упряжке в два оленя тяг протянут через два угловых блока (применяется обычно в грузовой нарте).

При упряжке в три оленя к углам, образованным передними концами полозьев и нащепами, привязано по одному блоку (или кольцу), сквозь них продет один тяг на двух боковых оленей; между блоками на этом тяге имеется еще один блок для привязывания отдельного тяга среднего оленя (табл. III, 6).

Увеличение количества оленей в упряжке усложняет систему блоков. При упряжке в четыре оленя (табл. III, 7), кроме привязанных по углам блоков, к середине передней поперечины привязывают еще блок, свободнодвигающийся по поперечине или ремню, привязанному параллельно поперечине. Длинный тяг для двух крайних оленей продет через все три блока, тяжи двух средних оленей привязываются к двум дополнительным блокам, пропущенным через первый тяг.

При упряжке в пять оленей (табл. III, 8) тяг для крайних оленей пропускается поочередно через блоки, укрепленные на передке нарты, и блоки, к которым привязаны тяжи трех средних оленей.

Блочный тип крепления характерен для всех самодийских народов и заимствовавших у них упряжку хантов, манси, кетов, долганов, западных и некоторых илимпийских эвенков, а также соседящих с ними якутов.

Карта 2 дает представление о распространении различных типов крепления тяга с нартой.

ОЛЕННЫЕ СЕДЛА

Типы верховых седел

Верховые седла делятся на два типа: саянский и сибирский.

Саянский тип (табл. IV, 1, 2).

Имеет не только ограниченное распространение — район расселения тофаларов и восточных групп тувинцев (тоджинцев), но и ограниченное применение, вызванное тем, что эти народы, кроме оленей, имеют и лошадей.

Верховое оленьее седло у тофаларов и тувинцев незначительно отличается от конского. Полки в нем несколько длиннее (до 50 см), скреплены, кроме лук, поперечными изогнутыми досками. Луки высокие (до 20 см), массивные, деревянные, часто с инкрустациями и орнаментальной резьбой или насечкой. Укреплены они на полках, отступая от концов на 12—15 см. К полкам спереди привязан подгрудный ремень, сзади — подхвостный ремень, посередине — ремни со стременами.

Сибирский тип.

Не имеет ни подгрудного, ни подхвостного ремней, ни стремян. Луки низкие и соединены с полками почти у концов последних. По устройству полок в сибирском типе можно выделить три варианта: седло с «крылышками», седло с «планками», седло без «крылышек» и «планок».

Седло с «крылышками» (табл. IV, 3а—3б).

«Крылышки» укреплены вертикально или слегка наклонно кнаружи на середине полок. Они представляют собой дужки с вертикальной подпоркой (табл. IV, 3а)

или овально вырезанные пластины (табл. IV, 3d). Луки роговые, заостренные кверху, укреплены с большим наклоном кнаружи. Иногда передняя лука высокая, задняя низкая. Полки седла вместе с «крылышками» плотно обтянуты шкурой оленя мехом внутрь в виде мешков, куда еще набита шерсть. Поверх всего пришита шкура с головы дикого оленя или лося, покрывающая все седло, иногда за исключением передней луки.

Такое седло распространено у алданских, учурских, зейских, бурейских, амгуньских, чумиканских, аянских и сахалинских эвенков, ороков, негидальцев и соседящих с ними якутов.

Седло с «планками» (табл. VI, 4a—4ж).

Полки имеют очень слабый наклон и «крылышки» заменены узкими планками, укрепленными продольно по середине полок (табл. IV, 4a). Луки невысокие (табл. IV, 4a—4e), в виде вертикально поставленных дужек. Обшивка такая же, как у седла с «крылышками». Седло имеет вид плоской и очень толстой подушки (табл. IV, 4d—4ж).

Такое седло распространено у северо-западных якутов, долганов, северных групп илимпийских эвенков, эвенков и юкагиров.

Седло без «крылышек» и «планок» (табл. IV, 5a—5e).

По конструкции седло мало отличается от вьючного: полки обшиты шкурой, луки костяные (табл. IV, 5b). Для расширения седла на него укладывают какую-либо мягкую вещь (мужчины) или вьючат пару больших меховых сум, набитых мягкими и легкими вещами (женщины), и покрывают маленьким ковриком («кумаланом»), после чего завязывают подпругу, перекидывая через середину седла (табл. IV, 5a, 5b).

Такое седло распространено у витимо-олекминских эвенков.

Географическое распространение типов верховых седел показано на карте 3.

Типы вьючных седел

Вьючные седла можно подразделить на два типа: саянский и сибирский.

Саянский тип (табл. V, 1—3).

Седла без обшивки, имеют высокие луки, которые укреплены отступя от концов полок; полки узкие, далеко расставлены друг от друга. Имеются подгрудный и подхвостный ремни.

Этот тип характерен для тофаларов и тувинцев.

Сибирский тип (табл. V, 4—9).

Седла, как правило, с обшивкой. Подгрудного и подхвостного ремней нет. Седла этого типа различаются по форме луки, способу обшивки полок и другим особенностям. По способам обшивки их можно разделить на седла с обшивкой в виде мешка, седла с плотной обшивкой полок и седла с перекладиной.

Седла с обшивкой в виде мешка (табл. V, 4, 5).

Они представляют собой два набитых шерстью и простеганных мешка, в верхние части которых вставлены полки седла.

Распространены у эвенков бассейна Енисея (с невысокими луками), у долганов, якутов и у нижневитимских эвенков (с высокими большими луками, орнаментированными резьбой), у эвенков Яны и Индигирки.

Седла с плотной обшивкой полок (табл. V, 6, 7).

Седла с полками, обшитыми шкурой мехом внутрь, распространены у эвенков, расселенных от Олекмы на восток до Охотского моря, у негидальцев, ороков и южных якутов; седла с обшивкой полок мехом наружу — у витимо-олекминских и илимпийских эвенков, долганов и эвенков.

Седла с перекладиной (табл. V, 8, 9).

Характерной особенностью этих седел является наличие перекладины, которая укреплена между верхушками луки. Седла бывают обшиты целиком или частично (перекладина на середине не обшита). Распространены у эвенков, юкагиров.

Распространение типов вьючных седел показано на карте 4.

Вьючные сумы

Вьючные сумы бывают твердые и мягкие.

Твердые сумы (табл. VI).

Основа из бересты в виде короба с узким прямоугольным дном и расширяющимися кверху стенками. Сумы бывают обшитые и необшитые. Обшитые сумы (берестяной остов оклеен камусами, верх-горловина — ровдужная) характерны для разных групп эвенков, для ороков; встречаются у эвенков (Момский район). Необшитые сумы встречаются у эвенков бассейна Енисея.

Мягкие сумы. По раскрою могут быть разделены на одиночные и двойные.

Одиночные сумы (табл. VI).

Сумы имеют ровдужную горловину на вздержке (табл. VI, 5) или клапан, пристегивающийся с помощью завязок (табл. VI, 6). Распространены у эвенков, эвенков, ороков, негидальцев, долганов, якутов, тувинцев, тофаларов.

Двойные сумы (табл. VI, 7, 8).

Устройство их бывает различно. Это или пара отдельных сум, соединенных широким ремнем (табл. VI, 7), или две сумы, имеющие общую горловину (табл. VI, 8). Распространены у эвенков, юкагиров, встречаются у якутов.

ТИПЫ НАРТЕННОГО ТРАНСПОРТА

По рассмотренным выше отдельным признакам у народов Сибири можно выделить три основных типа нартеного транспорта: чукотско-корякский, тунгусо-якутский и самодийский (карта 5).

Чукотско-корякский тип (табл. VII).

Нарта: дугокопильная, с ремненным креплением.

Упряжка: парная и одиночная.

Упряжь: недоуздок простой, лямка простая; тяж проходит справа от каждого оленя.

Крепление тяжа с нартой: привязное.

Посадка и управление: сидят на нарте верхом (мужчины) и боком справа (женщины); поводок проходит справа от оленей; управление хлыстом.

Распространение: чукчи, коряки, соседящие с ними эвены и юкагиры.

Тунгусо-якутский тип (табл. VII).

Нарта: прямокопильная, с бараном на передке; крепление ремненное и при помощи шипов.

Упряжка: парная.

Упряжь: недоуздок простой, лямка простая (на олене-передовике бывает пояс); тяжи проходят между оленями.

Крепление тяжа с нартой: перекидное.

Посадка и управление: сидят с вытянутыми ногами; поводок проходит справа; управление кнутом.

Распространение: северные и олекминские якуты, эвены Якутии, олекминские эвенки, встречается у долганов.

В этом типе нартеного транспорта можно выделить особый алдано-амурский вариант. При всех характерных признаках типа он отличается особым устройством нарты (алдано-амурский вариант) и способом посадки (верхом).

Распространен у алданских, зейских, бурейских и амгуньских эвенков и соседящих с ними якутов и негидальцев.

Самодийский тип (табл. VII).

Нарта: косокопильная, с пазовым креплением.

Упряжка: веерная, в три-восемь оленей.

Упряжь: недоуздок сложный, лямка сложная; имеется пояс; тяжи проходят между задними ногами оленей.

Крепление тяжа с нартой: блочное.

Посадка и управление: сидят боком слева; поводок проходит слева; управление хореем.

Распространение: ненцы, энцы, нганасаны, ханты, манси, селькупы, кеты, долганы, эвенки (сымские, илимпийские и ербогоченские), западные якуты (у последних трех народов сидят на нарте справа и поводок проходит справа).

Приведенные характеристики выделенных типов упряжного оленного транспорта относятся к ездовой упряжке. Мы указали уже, что у некоторых народов ездовые и грузовые упряжки отличаются не только по конструкции нарт, но и устройству упряжи.

В чукотско-корякском типе эти отличия незначительны и относятся в основном к устройству передка нарты.

В тунгусо-якутском типе, в североякутском варианте нарт, различия относятся только к тщательности отделки нарты, но в алдано-амурском варианте грузовая нарта всегда прямокопыльная, тогда как ездовая может иметь изогнутые копылья.

В самодийском типе различия между ездовой и грузовой нартами очень существенны: в грузовой нарте копылья могут быть установлены косо и прямо. Упряжка всегда парная. Недоузок простой. Пояс в упряжи отсутствует. По всем этим признакам самодийская грузовая упряжка более сходна с тунгусо-якутской, чем самодийская ездовая.

ТИПЫ ВЬЮЧНО-ВЕРХОВОГО ТРАНСПОРТА

По совокупности признаков выделяются два основных типа: саянский и сибирский (карта 5).

Саянский тип.

Характеризуется чертами, сближающими его с вьючно-верховым конным транспортом. Эти черты проявляются в устройстве верхового седла, в наличии подгрудного и подхвостного ремней, стремян. Седло кладется на середину спины оленя. Садятся на оленя слева, с возвышения, посохом не пользуются. Поводок проходит слева. Вьючные сумы мягкие.

Распространен этот тип только у тофаларов и восточных тувинцев (тоджинцев).

Сибирский тип.

Седло без подгрудного и подхвостного ремней, стремян нет. Седло кладется оленю на лопатки. Садятся справа. Поводок проходит справа. Вьючные сумы на твердой основе и мягкие.

Распространен этот тип у эвенков, эвенов, юкагиров, долганов, оленных якутов, негидальцев и ороков.

III

Проблеме происхождения и древности оленеводства, вопросам генезиса различных его типов посвящена обширная литература.¹ Не касаясь всего круга этих тем, мы остановимся преимущественно на вопросах, связанных с историческим взаимоотношением отдельных типов оленного транспорта.

Имеются некоторые общие черты в саянском и самодийском типах оленного транспорта: прохождение поводка слева и посадка слева (у тувинцев и тофаларов — на оленя, у самодийских народов — на нарту).

В пользу реальных исторических связей этих типов говорят и данные по этногенезу самодийских народов. Алтае-саянская теория происхождения самодийцев, аргументированная в свое время А. Кастреном, получила в дальнейшем более полное развитие в работах советских исследователей.

Если А. Кастрен, связывавший наречие енисейских «самоедов» с камасинским и койбальским, представлял себе происхождение северных самодийцев как простое переселение с Саян, то Г. Н. Прокофьев и В. Н. Чернецов в своих работах показали всю сложность этого процесса.² Современные самодийские народы сложились в результате смешения древнего доолленеводческого населения Северо-Западной Сибири с самодийскими племенами, распространившимися из Саянских гор на север и принесшими сюда оленеводство.

В связи с этим большой интерес представляет вопрос о возрасте собачьего транспорта в Западной Сибири. Следует полностью опровергнуть мнение В. Г. Богораза, считавшего собачий транспорт в Западной Сибири сравнительно поздним явлением, которому здесь предшествовал якобы оленный транспорт. Все данные свидетельствуют о том, что в Западной Сибири упряжное собаководство является более древним. Уже самые ранние из известных нам сообщений русских летописей, арабских и западноевропейских писателей отмечают наличие у народов Приуралья езды на собаках, тогда как

сведения о езде на оленях появляются в исторических документах позднее.¹

Проследивая различные сообщения, мы можем установить, что в XI—XIII вв. северное Приуралье и Приобье были областями распространения езды на собаках. В XV в. здесь ездили уже и на собаках, и на оленях. А в XVIII—XIX вв. езда на собаках почти исчезла. Можно считать доказанным, что в Западной Сибири собачья упряжка предшествовала оленной. По-видимому, саянские самодийские племена, знавшие езду на олене верхом, в своем продвижении на север столкнулись с аборигенным населением, ездившим на собаках, частично от него заимствовали упряжное собаководство и перенесли навыки упряжки на оленя.

Следы верхового транспорта можно проследить как бы на пути с Саян на север. Не только тофалары и тувинцы, но и камасинцы ездили на олене только верхом.² Известно, что лесные ненцы в прошлом знали как нартенный, так и вьючно-верховой транспорт. В этом отношении интересно свидетельство И. Георги о наличии в его время верхового транспорта у «самоедов». «Почти у всякого, — пишет он, — есть по нескольку оленей, а у иных по 100 и 150 смиренных оленей. Они ездят на них верхом и впрягают их в санки»³ (рис. 13). Косокопыльная нарта представляет собой, по-видимому, более позднее усовершенствование, которое появилось у самодийских народов после расселения их по тундре, когда они стали владельцами крупных стад, требовавших дальних сезонных перекочевок в течение круглого года. Летнее передвижение по болотистым тундрам с большим количеством кочек и переезды через реки обусловили изменение прямокопыльной нарты в сторону большей высоты, устойчивости и прочности, что было достигнуто увеличением высоты копыльев, их наклонной установкой и расширением расстояния между полозьями.

Древняя собачья нарта Западной Сибири относится к типу прямокопыльных нарт. Собачья лямка была в виде пояса, надеваемого на собаку перед задними ногами,

¹ См. обзор: Г. М. Василевич и М. Г. Левин. Типы оленеводства и их происхождение. Советская этнография, 1951, № 1.

² Г. Н. Прокофьев. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна (ненцев, нганасан, энцев, селькупов, кетов, хантов, мансов). Советская этнография. Сб. статей, III, 1940, стр. 67—76; В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских угров. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, IX, 1941, стр. 18—28.

¹ А. М. Золотарев и М. Г. Левин. К вопросу о древности происхождения оленеводства. Сб. «Проблемы происхождения домашних животных», Л., 1933, вып. I, стр. 171—189.

² Указание Г. Е. Грумм-Гржимайло (Западная Монголия и Урянхайский край, Л., 1926, т. III, вып. 1, стр. 49) на существование запряжки оленей в нарту у тувинцев явно ошибочно, оно противоречит всем имеющимся в нашем распоряжении данным.

³ И. Г. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов... ч. III. СПб., 1777, стр. 8.

с тяжом, проходящим между ними. Этот специфический мало рациональный тип упряжи, при котором собака тянет лишь задней частью корпуса, известен только в Западной Сибири. Можно предполагать, что самодийский тип оленней упряжи с прохождением тяга между задними ногами оленя восходит к более древней собачьей

у чукчей и коряков с такой же посадкой на нарте у илимпийских эвенков и с посадкой на оленя справа у всех тунгусских народов. Существенно указать и на общность некоторых терминов, относящихся к оленеводству. Например, чукотско-корякское название для оленя *корангы* (чукотск.), *хоянга* (корякск.) в своем корне (*кор*||*хой*)¹

Рис. 13. Оленные упряжки ненцев конца XVIII в.

упряжи. В грузовой нарте самодийских народов применяют парную упряжку. Эта упряжка, по-видимому, является более древней по сравнению с веерной ездовой упряжкой.

Переходим к рассмотрению чукотско-корякского оленного транспорта. Еще Л. Шренк в свое время высказал

сближается с тунгусским названием для домашнего оленя — *орон* (*ор* < *хор*). Сближаются и названия яловой важенки *вангахтой* (корякск.), *вангач* (чукотск.), *вангай* (эвенкийск.), а также название тощего оленя *тангахтой* (корякск.), *танга* (эвенкийск.).

Сходство в деталях и терминологическая общность

Рис. 14. Оленные упряжки чукчей конца XVIII в.

мысль о том, что чукчи и коряки заимствовали оленеводство от тунгусских народов.¹ Имеющиеся в нашем распоряжении новые материалы позволяют вернуться к этой гипотезе. При всем различии чукотско-корякского и тунгусского оленеводства у них имеются и общие черты: такая деталь, как прохождение поводка справа. Можно, по-видимому, связывать и посадку на женской нарте справа

вряд ли могут быть объяснены иначе, как реальными историческими связями между далекими предками современных чукотско-корякских и тунгусских групп.

Естественно предположить, что чукчи и коряки приспособили к оленю старинную собачью нарту. Известно,

¹ Переход конечных *р*, *н*, *л* в *й* характерен для многих языков Северо-Восточной Азии: *китан*~*китай* в тунгусских языках; в эвенкийском *алеу*~*эйгу* — острога, в негидальском *ойон*, в эвенкийском *орон* — олень.

¹ Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. II. СПб., 1899, стр. 176, 178.

что прямокопыльная собачья нарта, характерная для восточносибирского собаководства, распространилась на Чукотке и Камчатке в недавнее время, что раньше ей предшествовала здесь дугокопыльная нарта, сохранявшаяся у ительменов в XVIII и даже в XIX в. Можно согласиться с В. Г. Богоразом, который высказал мысль, что древняя собачья нарта у чукчей и коряков была прототипом оленной (рис. 14).

Нам остается рассмотреть типы вьючно-верхового транспорта. Как мы видели, многие элементы саянского типа обнаруживают поразительное сходство с элементами верхового транспортного коневодства. Это относится к устройству седла (со стремянами и ремнями), к седланью (ближе к середине спины), к посадке (слева), к езде (без посоха) и другим признакам. Интересно указать еще на устройство детского седла с луками в виде крестовин, на которые устанавливается люлька. Сходное устройство конского седла для люльки мы знаем у казахов.

Само название для оленного седла то же, что для конского в тюркских языках (*ынгырчак*); обща и другая терминология, например: *баг* в тувинском и тофаларском языках — «недоуздок», а в тюркских — «вязка»; *тартыг* в тофаларском — «подпруга», а в тюркском *тарт* — «тащить».

Конечно, нельзя отрицать возможность того, что отдельные черты сходства саянского типа вьючно-верхового транспорта с коневодством могли получить свое развитие в позднейшее время, что первоначально седло и отдельные части упряжки были другими. Но если вспомнить отдельные детали в саянском и самодийском типах оленного транспорта, происхождение которых, несомненно, относится к отдаленному времени, то отпадает возможность относить целиком все особенности саянского типа только за счет позднейших заимствований от коневодов.

У тунгусских народов распространен как вьючный, так и упряжной транспорт. У отдельных групп (илимпийские, сымские, ербогоченские эвенки) нартенный транспорт, несомненно, заимствован от самодийских народов, у других (эвены Чукотки и Камчатки) — от чукчей и коряков. И у остальных групп нартенный транспорт — явление более позднее по сравнению с вьючно-верховым.

Следует вспомнить, что у тунгусских народов вьючно-верховой транспорт представлен различно. Одни группы эвенков (к западу от Енисея — сымские и расселенные по верхней части бассейна Подкаменной Тунгуски, по верховьям Нижней Тунгуски и Лены) не знают вовсе верховой езды, употребляя оленя только под вьюк, другие же (алданские, зейские, амгуньские и илимпийские эвенки, а также эвены, долганы, негидальцы, ороки) широко пользуются верховой ездой и имеют специальные верховые седла. И, наконец, третьи (витимо-олекминские эвенки) хотя и широко пользуются верховой ездой, но не имеют специального верхового седла (у них верховое седло отличается от вьючного только луками).

Теоретически возможны различные предположения. Можно допустить, что отсутствие верховой езды было свойственно в прошлом всем тунгусским группам и что верховая езда — явление позднейшее, развившееся лишь у некоторых групп.

Возможно и другое предположение, что оленеводство возникло у определенной группы тунгусов на сравнительно узкой территории. В дальнейшем, расселяясь, эти группы передавали свои навыки оленеводства другим. Но не все осваивали эти навыки одинаково; значительная часть тунгусских групп ограничилась только вьючным транспортом.

Имеющиеся в нашем распоряжении различные данные говорят в пользу второго предположения.¹

Ряд терминов в эвенкийском и эвенском языках происходит из монгольских языков, например: «седло» — *эмэгин* (эвенкийск.), *эмгун* (эвенск.), *эмэгэл~эмэл* (мон-

гольск.); «обшивка седла и мешки, в которые вставлены полки седла» — *комдан~хомдан* (эвенкийск.), в монгольском языке *хом* — «потник под седлом верблюда»; «холощение» и «холостить» — *акта* (тунгусск. и монгольск.); «метка на ухе оленя» — *хим~им* (эвенкийск.), *им* (монгольск.); «коврик под седло» — *тэнинэ* (эвенкийск.), «потник» — *тэн* (монгольск.) и другие.

Отметим, что те термины, которые не связаны с монгольскими, имеют в тунгусских языках или описательный характер, или же одновременно два значения, например: *тынгэптун* — «подпруга» (букв. обозначает «предмет, охватывающий грудную клетку»); *уси~ухи* — «поводок» (одновременно обозначает и «длинный ремешок»); *нама* — «вьюк», «вьючить» и другие.

Приведенные данные могут служить указанием на то, что верховой транспорт у тунгусов возник под влиянием конного транспорта монголоязычных групп. Добавим, что и сейчас оленеводство с верховой ездой на специальном седле распространено как раз у групп эвенков в районах отрогов Яблонового и Станового хребтов.

На севере Якутии у эвенов и оленных якутов, южнее — у олекминских эвенков и якутов, а также у долганов распространена прямокопыльная нарта. Генезис ее не совсем ясен. Распространили ее в качестве оленней нарты по Якутии и смежным с нею на западе и на востоке районам преимущественно якуты. Но как она появилась у якутов, из-за отсутствия данных сказать нельзя. По конструкции эта оленняя нарта сходна как с собачьей нартой восточносибирского типа, так и с охотничьей нартой эвенков и других народов Сибири. Заслуживает внимания, что в фольклоре эвенов и якутов с Яны и низовьев Лены часто упоминается собачья упряжка у каких-то нетунгусоязычных групп населения.

Нарта алдано-амурского варианта отчасти сходна с дугокопыльной оленней нартой чукчей и коряков. Следует думать, что так же, как и чукотская нарта, алдано-амурская имеет своим прототипом собачью нарту. А если это так, то открываются интересные связи древнего аборигенного населения Чукотско-Камчатско-Охотского края, с одной стороны, с населением Алдано-Амурского края — с другой.

Оленний транспорт ороков сходен с олзыным транспортом алдано-амурских групп эвенков. Сходна у ороков и эвенков также и терминология, относящаяся к верховому транспорту: *немэ* (орокск.), *намэ* (эвенкийск.) — «верховое седло»; *эмэ* (орокск.), *эмэгин* (эвенкийск.) — «вьючное седло»; *чиңэптун* (орокск.), *тынгэптун* (эвенкийск.) — «подпруга»; *доптун* (орокск., эвенкийск.) — «подстилка под седло»; *серужу* (орокск.), *сэрук* (эвенкийск.) — «мягкая вьючная сума»; *девени* (орокск.), *дэвэрин* (эвенкийск.) — «сума из бересты». Сказания ороков упоминают предков, вышедших с Амгуни на Охотское побережье и далее на Сахалин. Сказанное выше позволяет видеть в этих предках группы древних оленных тунгусов. По поводу оленней упряжки ороков Л. Шренк высказал мысль о том, что они стали запрягать оленей, подражая собачьей упряжке нивхов (гиляков) и айнов.¹ Надо сказать, однако, что орокская нарта коренным образом отличается от нивхской собачьей нарты.

Данные этнографии ороков (самоназвание *ул'та* — переогласованное *ороч*, предания ороков об их выходе с материка, из района Чумикана, верховой транспорт, аналогичный транспорту алдано-зейских групп, общая терминология оленного верхового транспорта, а также общие с эвенкийскими названия некоторых родов, эвенкийские элементы костюма, колыбель и другие) позволяют высказать предположение, что группы тунгусоязычных предков ороков принесли с материка некоторые навыки устройства нарт и на Сахалине их самостоятельно развили.

¹ Подробнее см.: Г. М. Василевич и М. Г. Левиц, ук. соч.

¹ Л. Шренк, ук. соч., стр. 132.

НЕНЦЫ

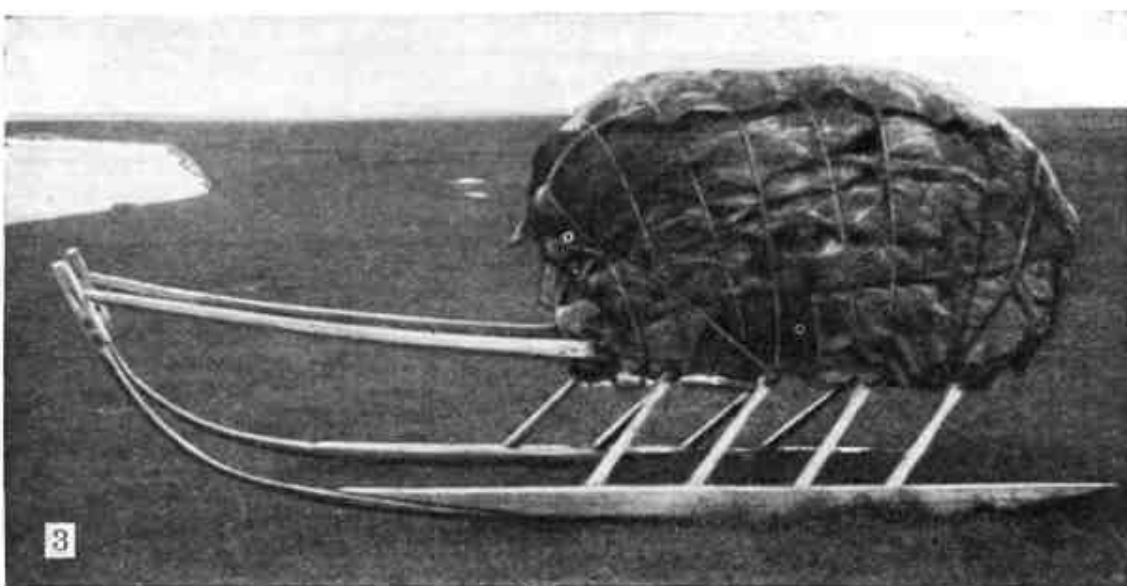
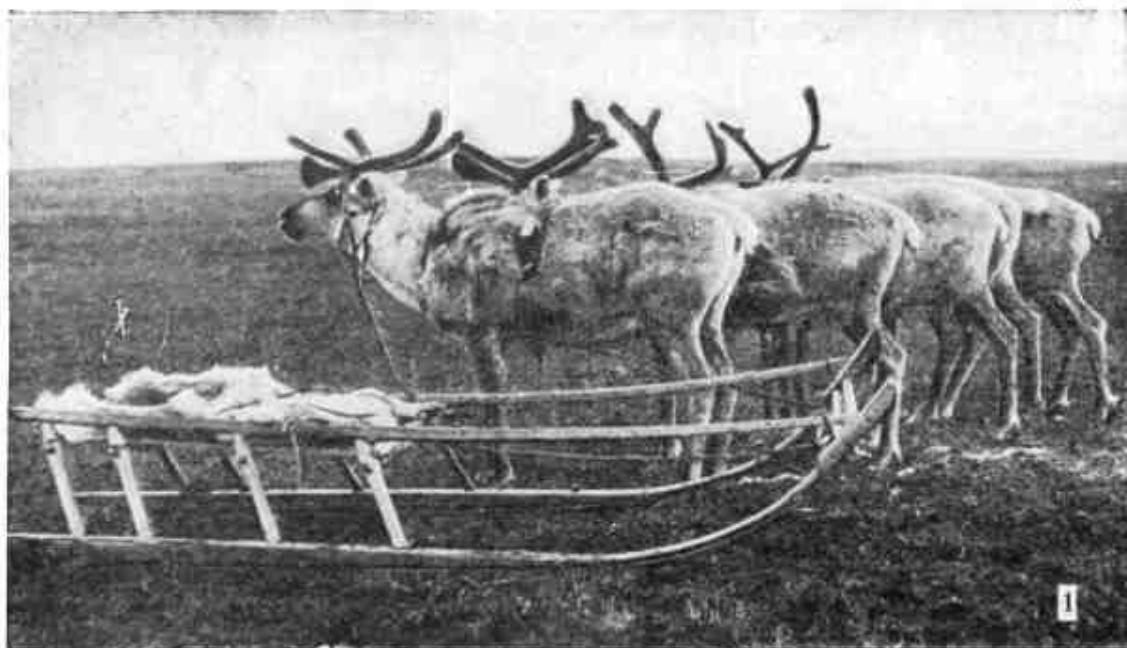

ТАБЛИЦА 1

1 — ездовая упряжка, 2 — нарта для перевозки лодок, 3 — нарта для перевозки мягкой клади (1, 2 — ямальские, 3 — большеземельские ненцы).

ХАНТЫ И МАНСИ

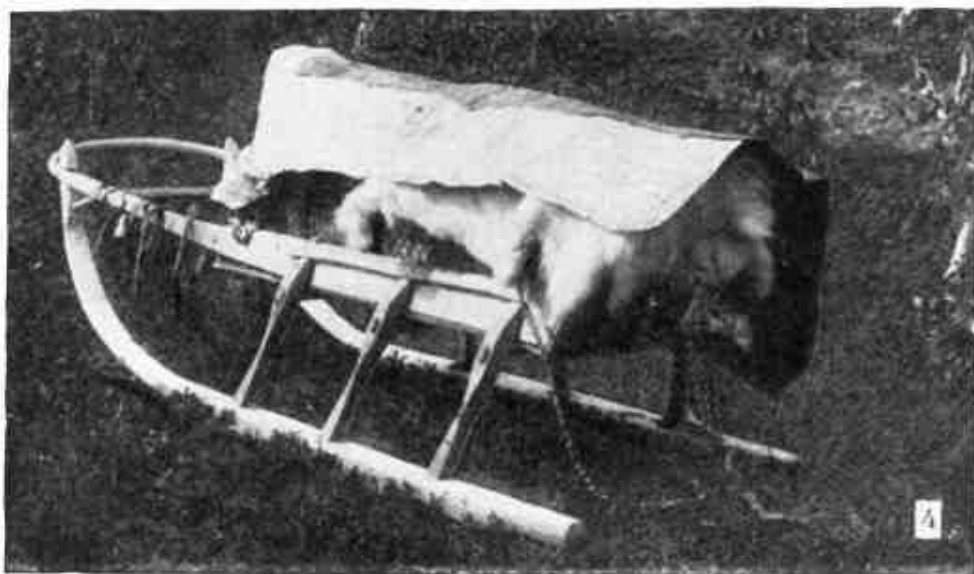
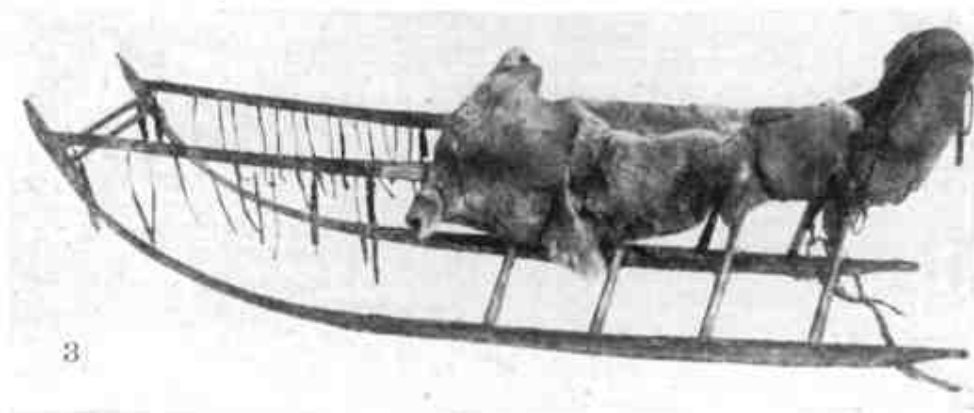
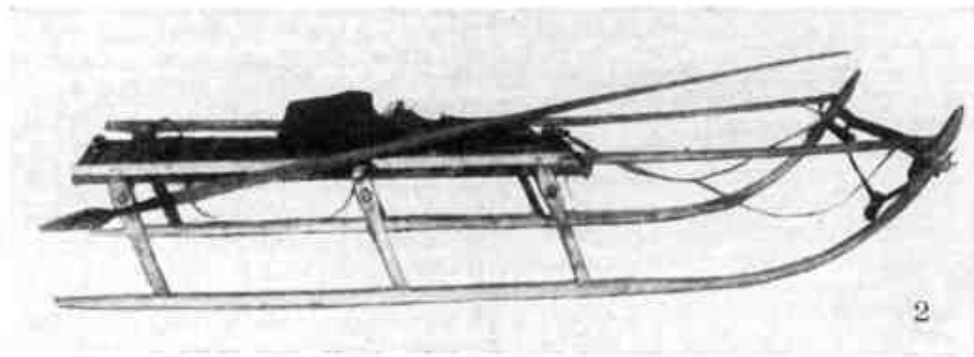

ТАБЛИЦА 2

1 — ездая упряжка, 2 — мужская нарта, 3 — женская нарта, 4 — нарта для перевозки домашних святынь. (1—3 — казымские ханты, 4 — манси).

СЕЛЬКУПЫ

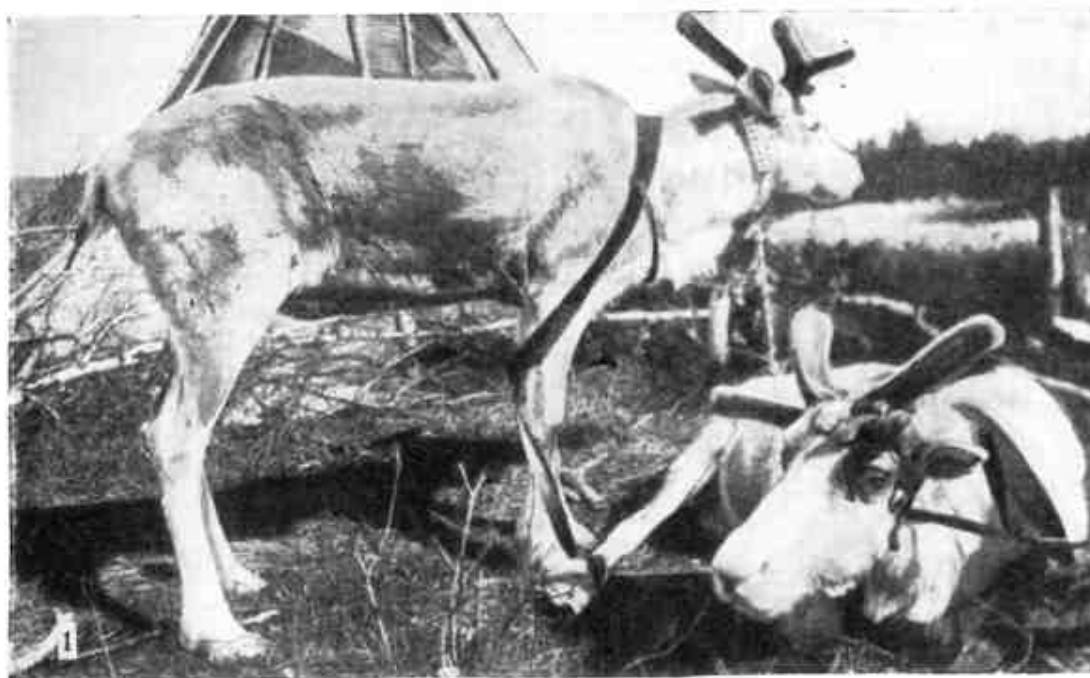

ТАБЛИЦА 3

1, 2 — олени в упряжке, 3 — нарта для перевозки лодок.

КЕТЫ

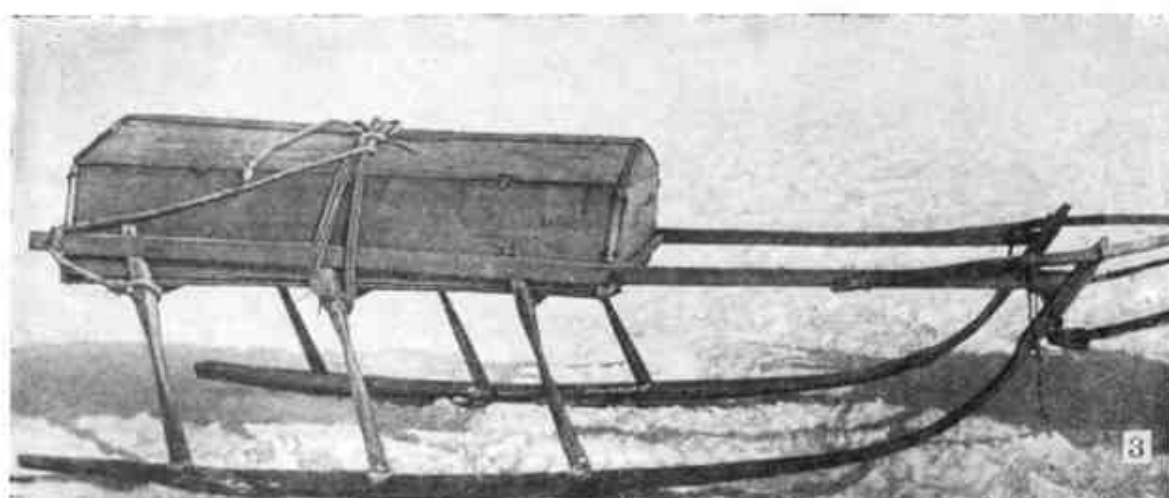

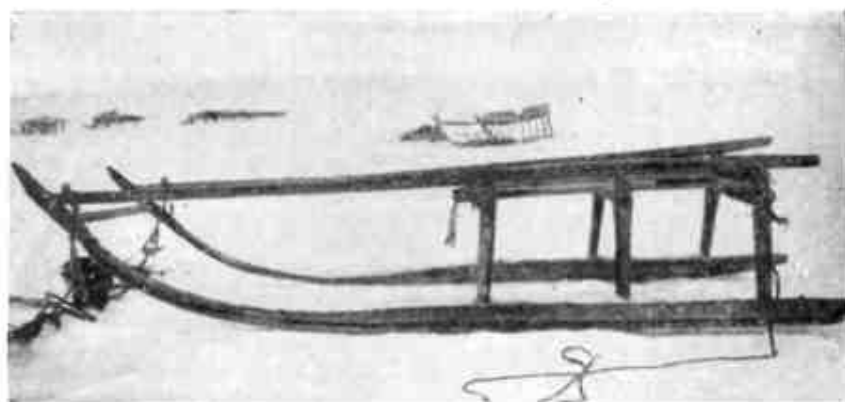
ТАБЛИЦА 4

1 — ездочная упряжка, 2 — ездочная нарта с бараном, 3 — грузовая нарта с ларем.

НГАНАСАНЫ

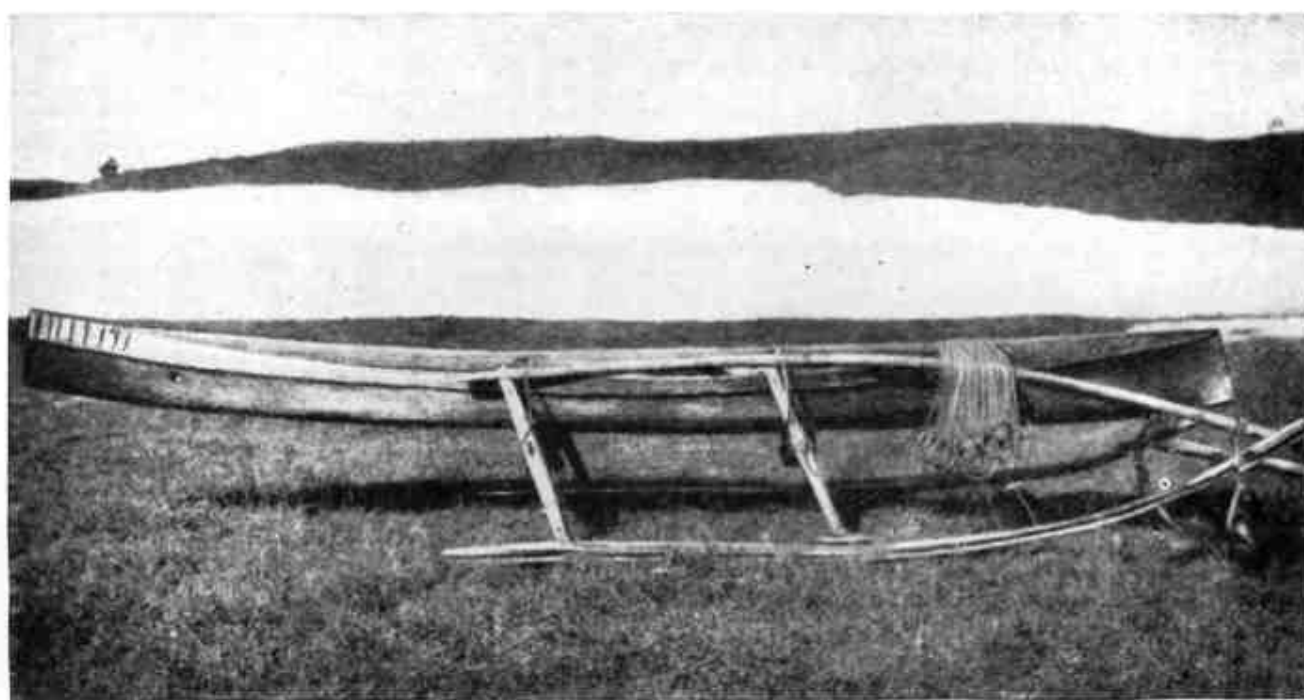
1

2

3

4

ТАБЛИЦА 5

1 — зимняя нарта, 2 — мужская летняя нарта, 3 — женская нарта, 4 — нарта для перевозки лодок
(1—4 — вадеевские нганасаны).

ДОЛГАНЫ

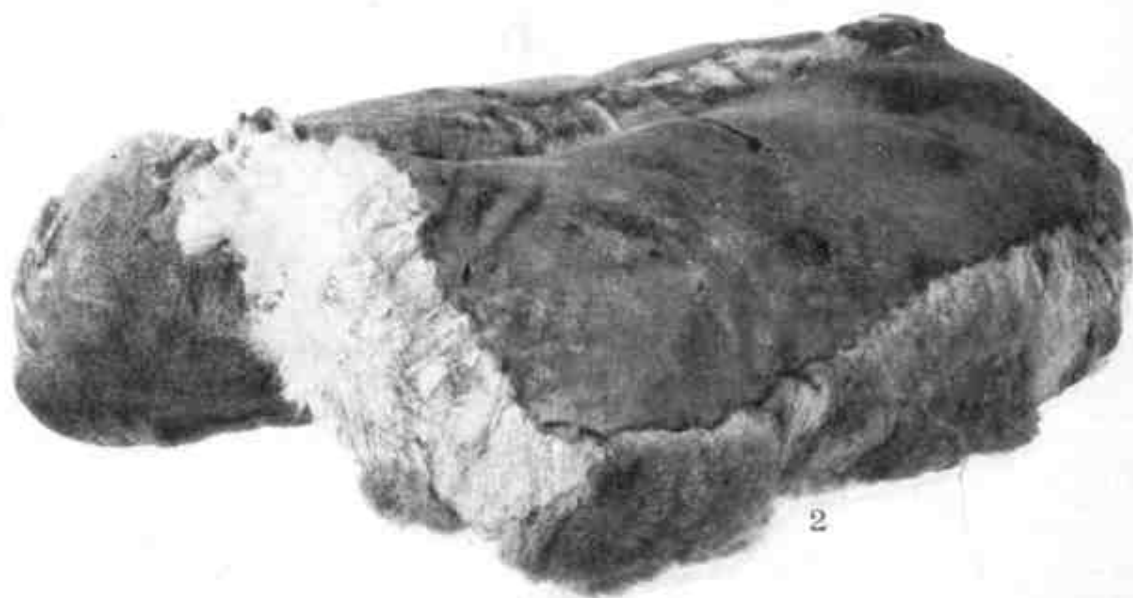

ТАБЛИЦА 6

1, 2 — седла мужские, 3 — седло женское.

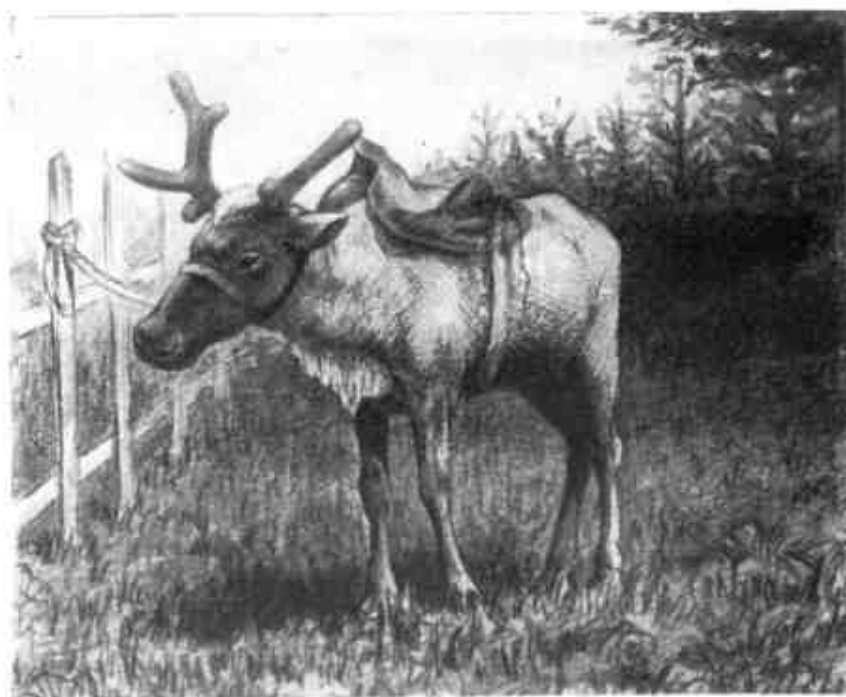
ЭВЕНКИ

1

2

3

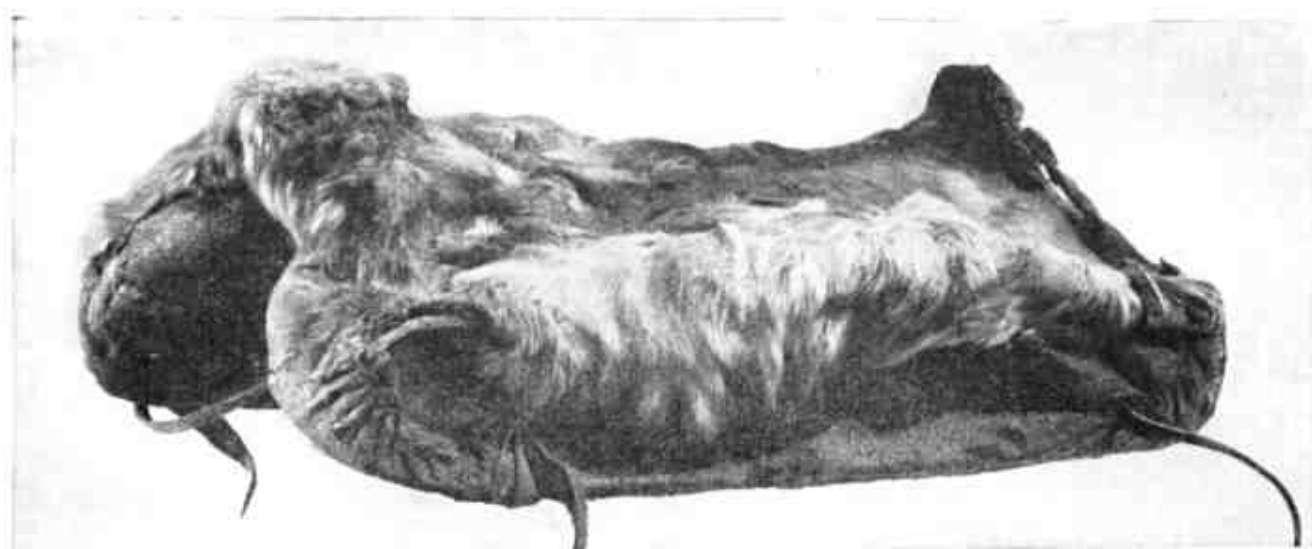

4

ТАБЛИЦА 7

1 — верховая езда на вьючном седле с сумами, 2 — верховая езда на вьючном седле, 3 — верховое седло с «крылышками», 4 — езда на верховом седле с «крылышками» (1 — непские, 2 — витимо-олекминские, 3 — зейские, 4 — чумиканские звешки).

ЭВЕНКИ

1

2

3

ТАБЛИЦА 8

1 — верховое седло с «крылышками», 2 — верховое седло без «крылышек» и «планок», 3 — вьючное седло, используемое как верховое (1 — зейские, 2 — витимские, 3 — илимские эвенки).

ЭВЕНКИ

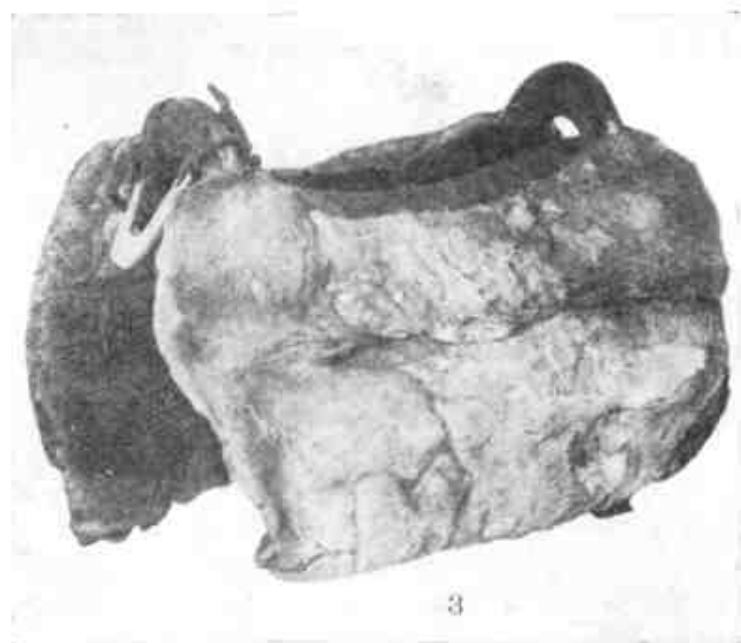
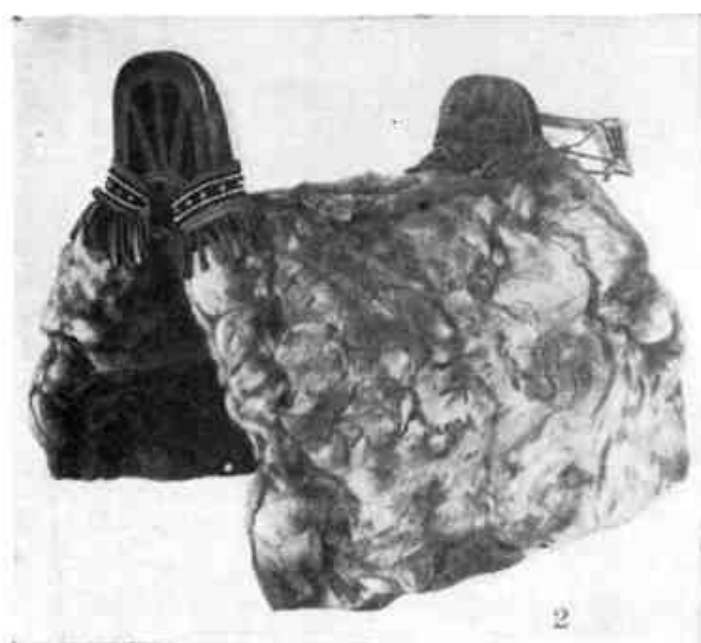
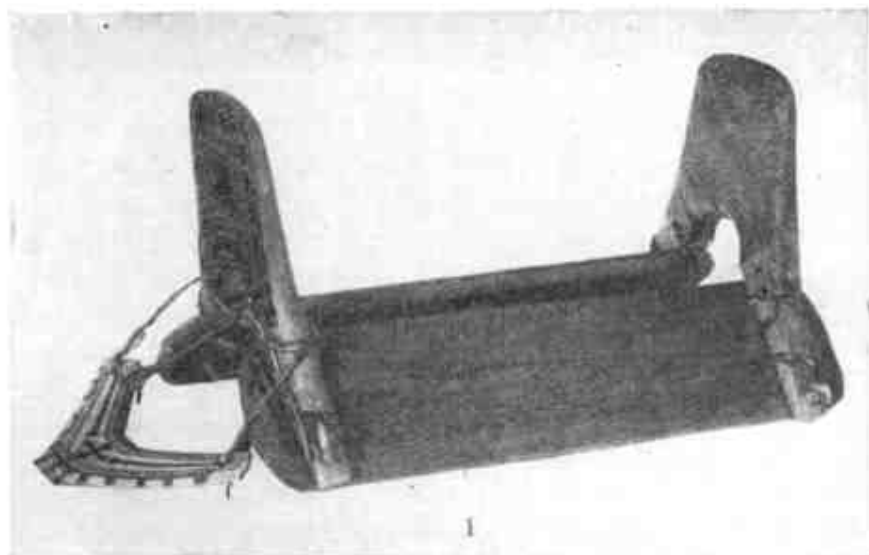
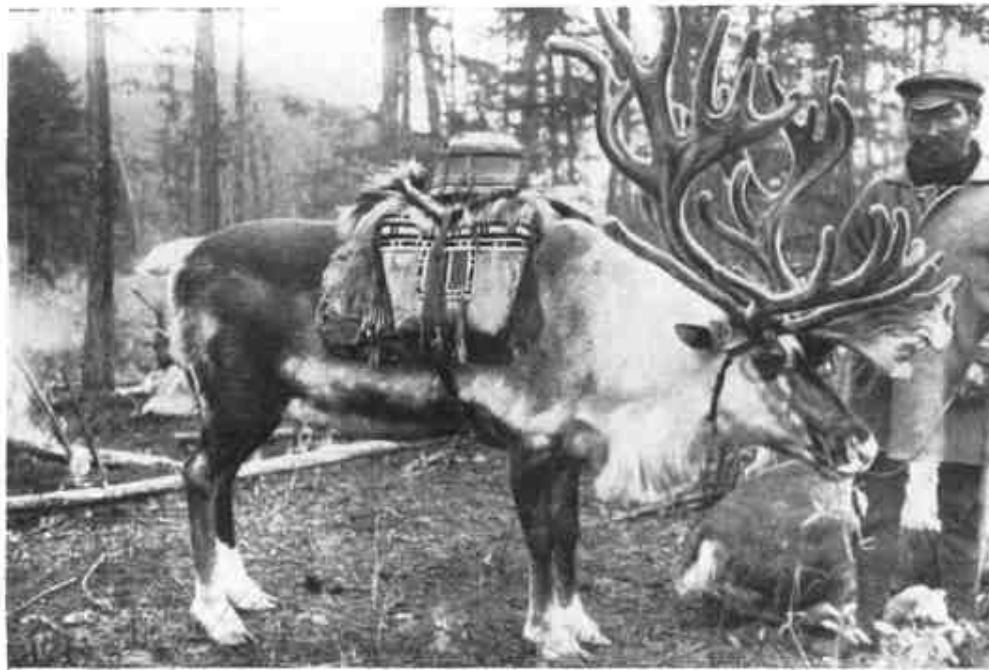

ТАБЛИЦА 9

1, 4 — лeнчики вьючных седел; 2, 3 — вьючные седла (1 — яейские, 2 — илимийские, 3 — подкаменнотунгусские, 4 — сымские эвенки).

ЭВЕНКИ

1

2

3

4

ТАБЛИЦА 10

1 — навьюченный олень (северобайкальские эвенки), 2 — твердые сумы (а — подкаменнотунгусские, б — сымские, в — илимийские, г — зейские и амурские, д — охотские, е — перчинские эвенки), 3 — мягкие сумы (а — охотские, б — подкаменнотунгусские, в — ангарские, г — перчинские, д — чумицкие эвенки), 4 — езда на нарте верхом (учурские эвенки).

ЭВЕНЫ

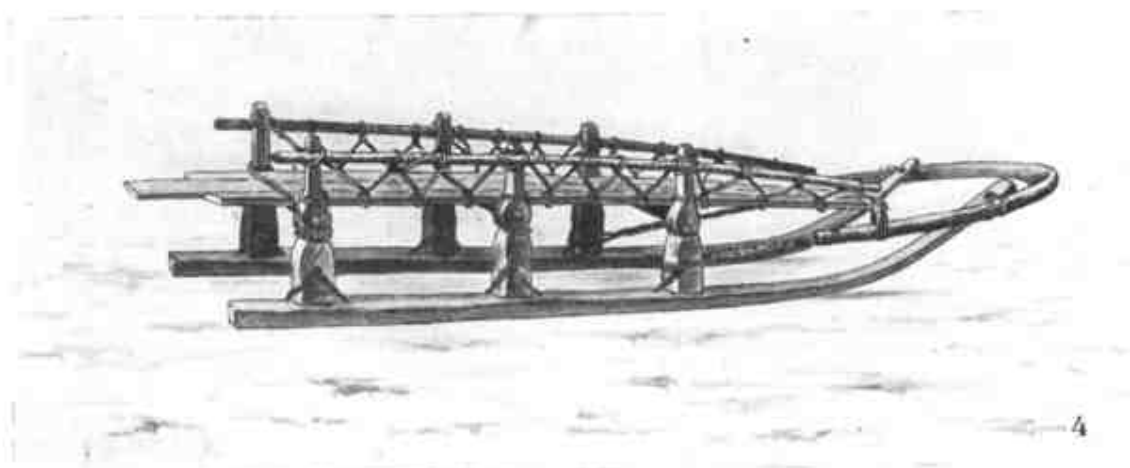
1

2

3

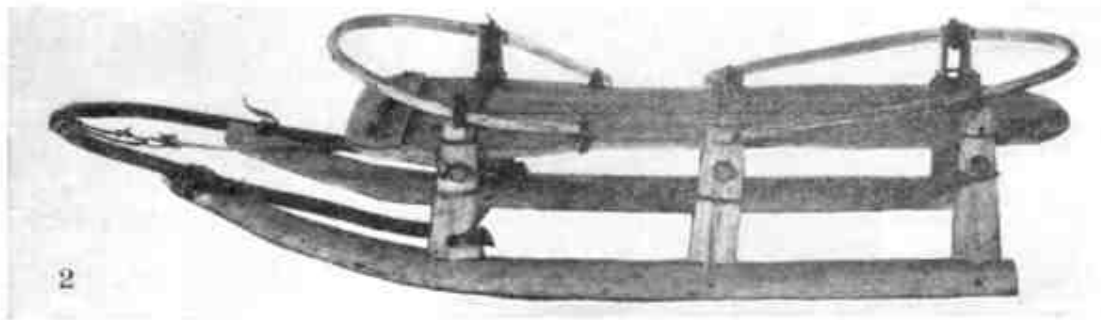
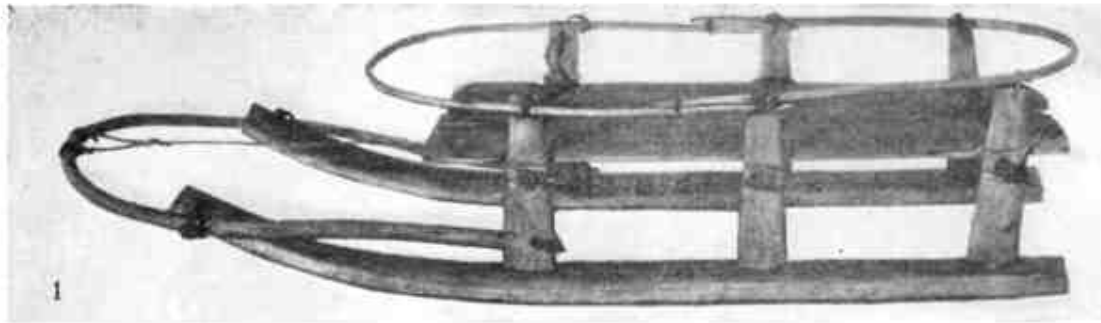

4

ТАБЛИЦА 11

1 — верховая езда на олене, 2 — вьючное и верховое женское седло, 3 — вьючное седло, 4 — нарта (1, 3 — камчатские, 2 — охотские, 4 — момские эвены).

НЕГИДАЛЬЦЫ

ОРОКИ

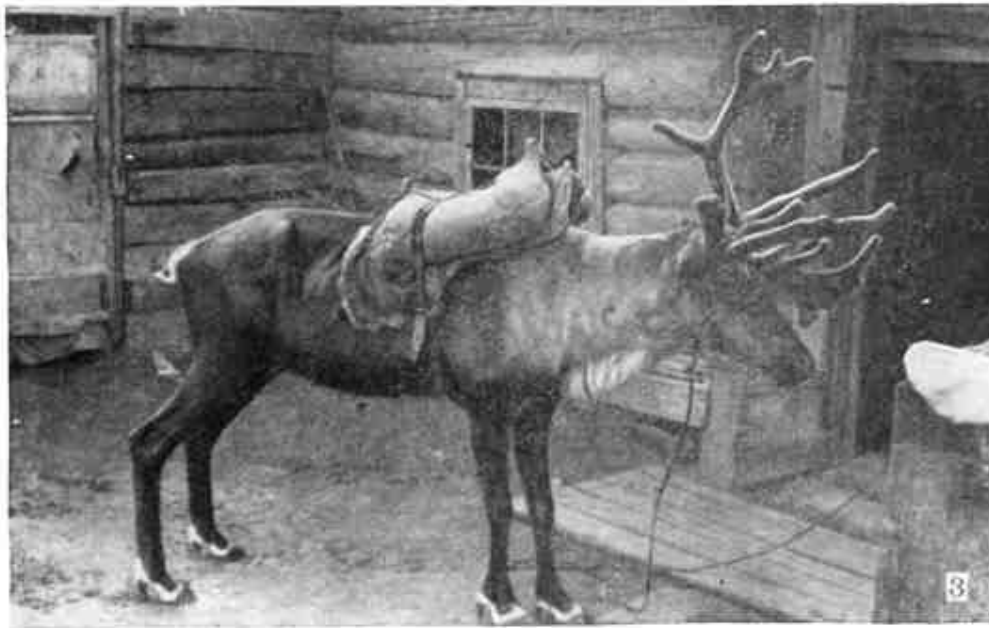

ТАБЛИЦА 12

1 — грузовая нарта, 2 — ездовая нарта, 3 — олень в седле, 4 — верховая езда.

ЯКУТЫ

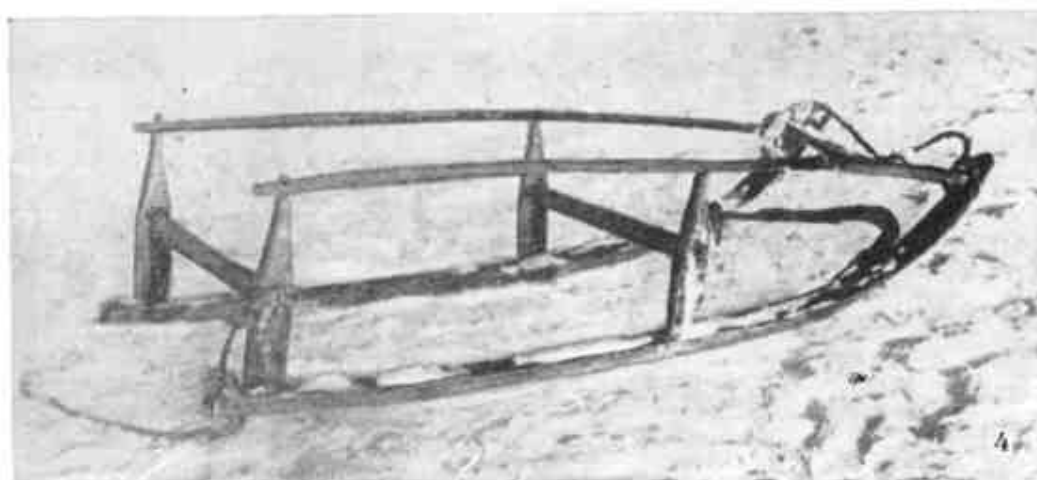
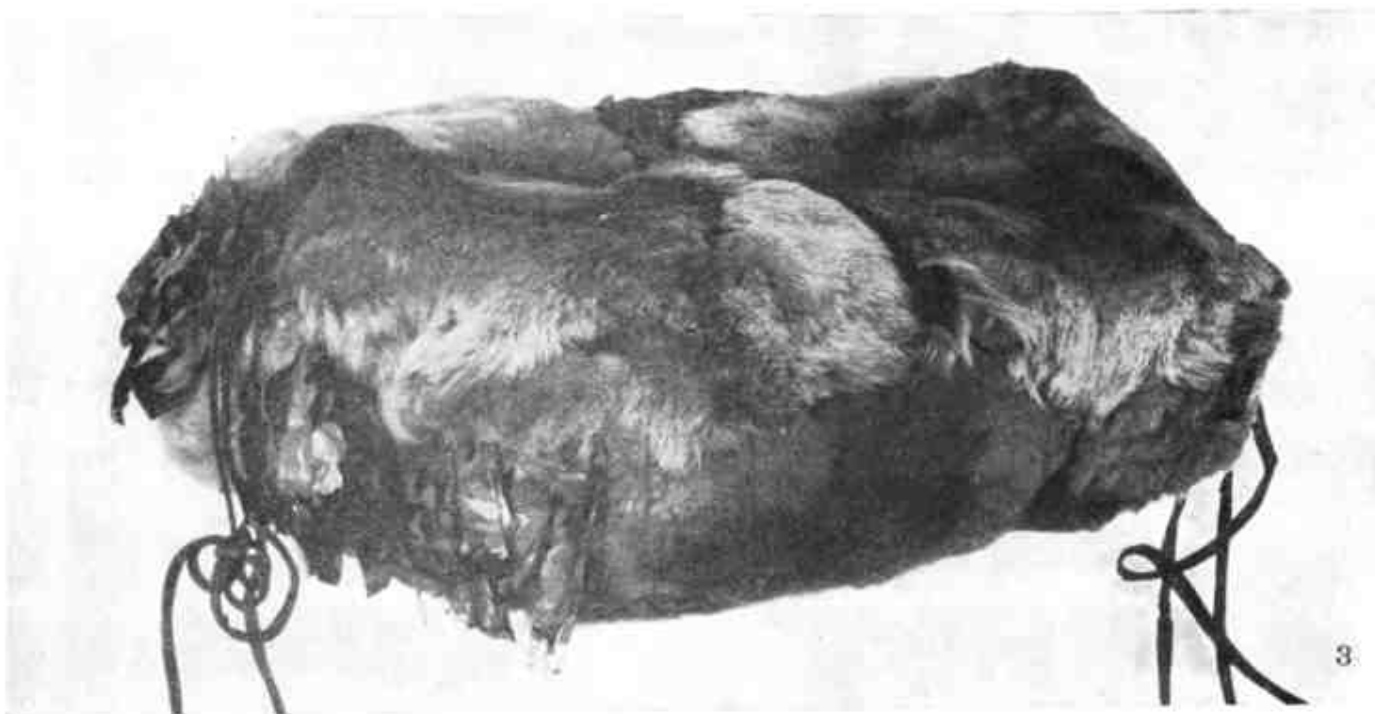
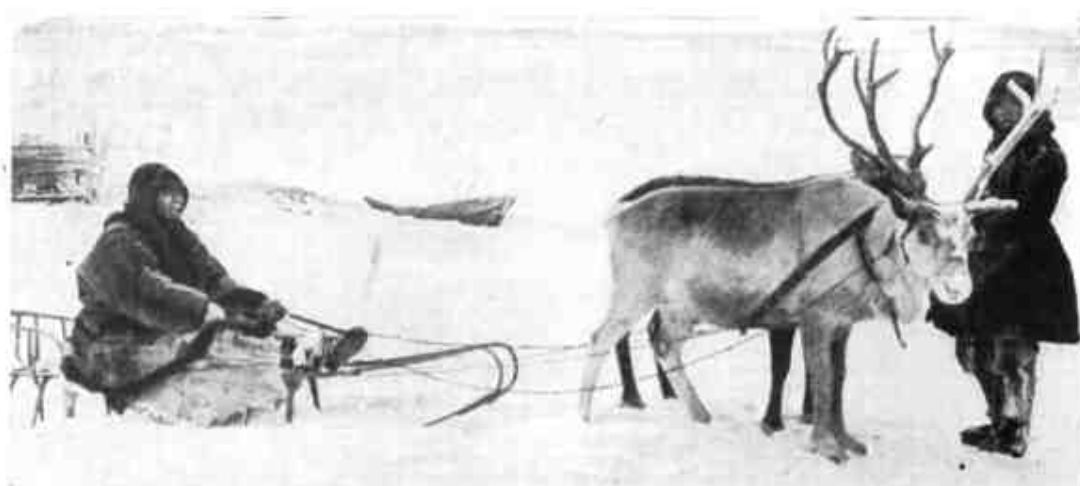

ТАБЛИЦА 13

1 — верховая езда на олене, 2 — сумы, 3 — седло мужское, 4 — грузовая парта (1, 2 — северо-восточные якуты, 3, 4 — оленецкие якуты).

ЮКАГИРЫ

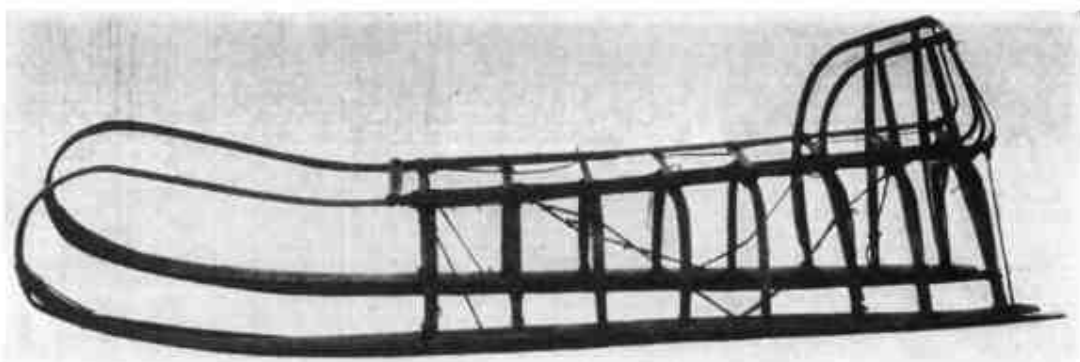

1

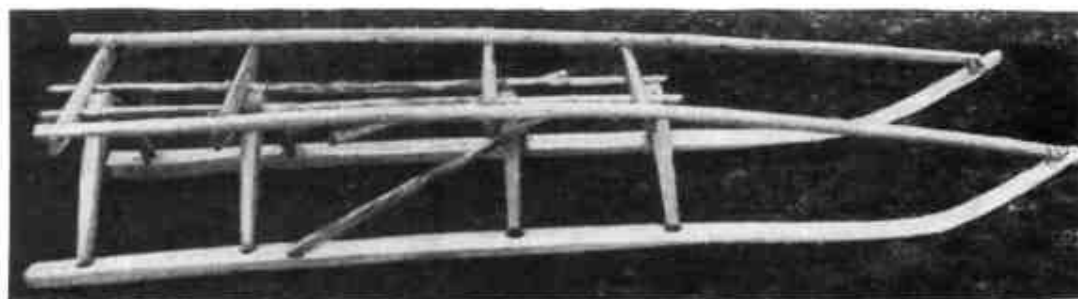
ЧУКЧИ И КОРЯКИ

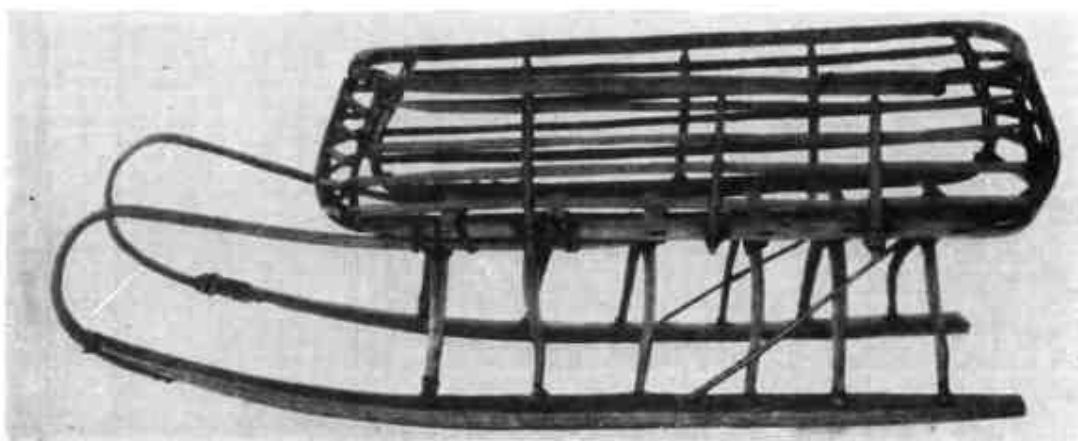
2

3

4

5

ТАБЛИЦА 14

1, 2 — ездоные упряжки, 3 — ездочная нарта (мужская), 4 — грузовая нарта, 5 — нарта для перевозки мелких вещей (2, 4 — чукчи; 3, 5 — коряки).

ТУВИНЦЫ И ТОФАЛАРЫ

1

2

ТАБЛИЦА 15

1 — навьюченный олень, 2 — посадка на оленя (1, 2 — тофалары).

ТУВИНЦЫ И ТОФАЛАРЫ

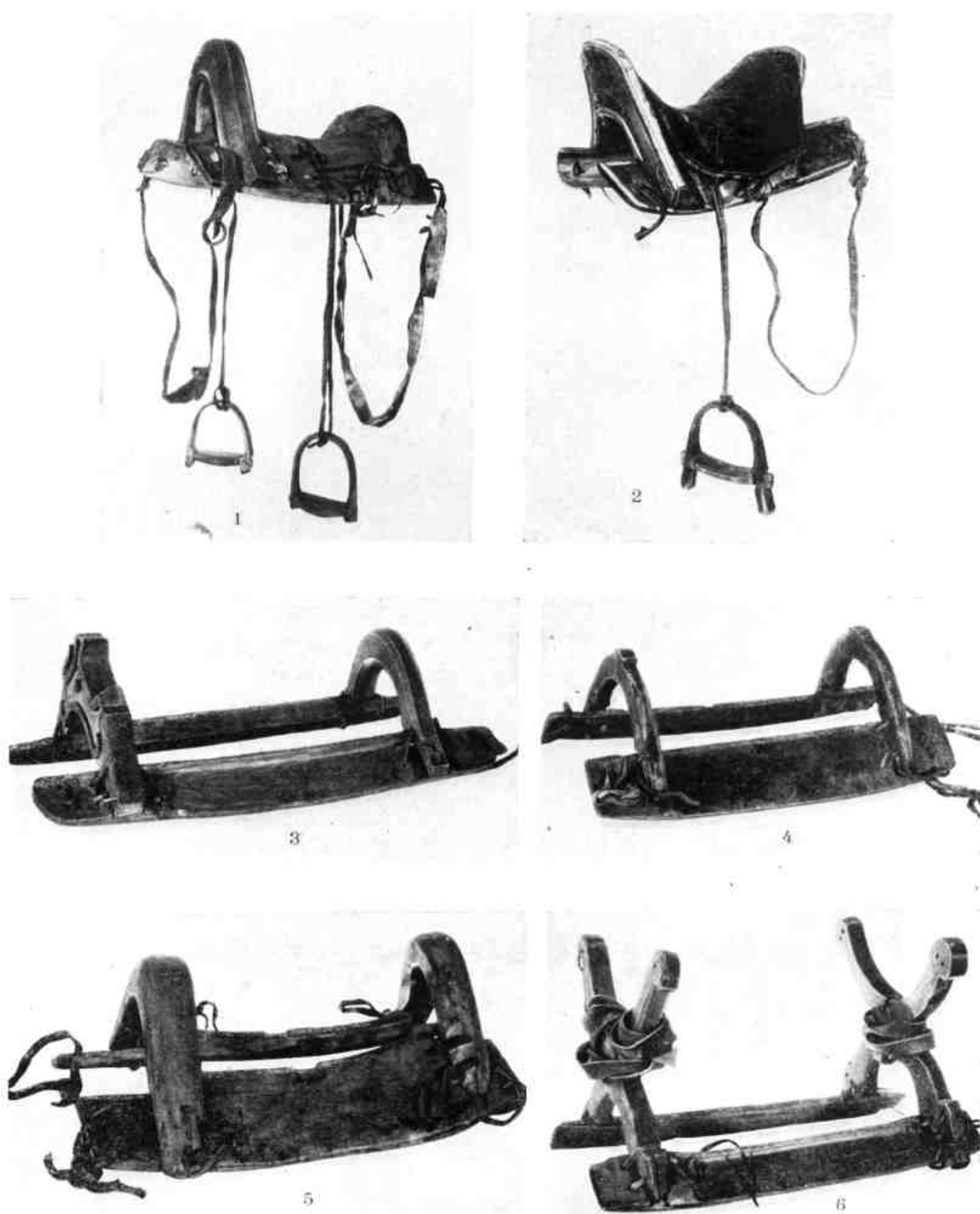
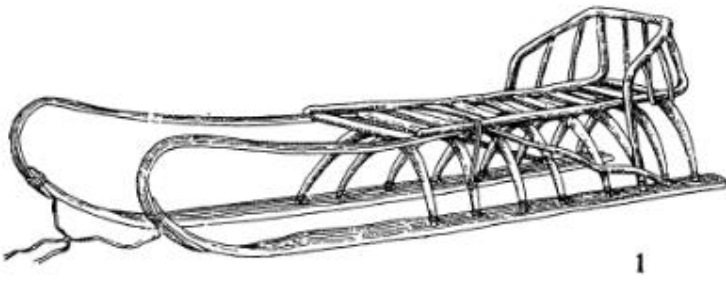

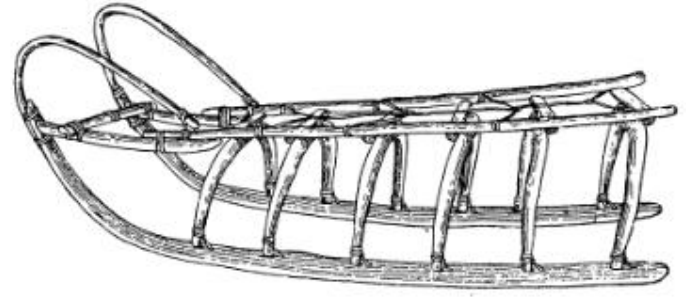
ТАБЛИЦА 16

1, 2 — верховые седла; 3—5 — вьючные седла; 6 — седло для перевозки колыбелей (1—3, 6 — тофалары; 4, 5 — тувинцы)

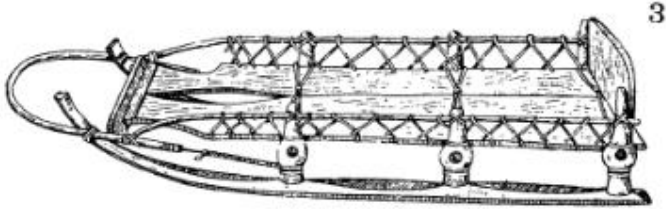
ТИПЫ ЕЗДОВЫХ НАРТ

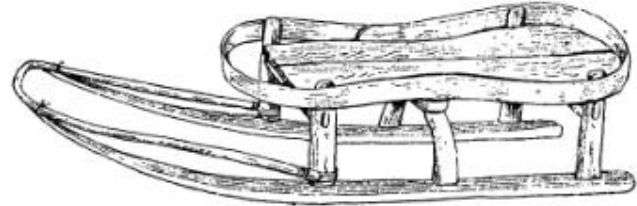
1

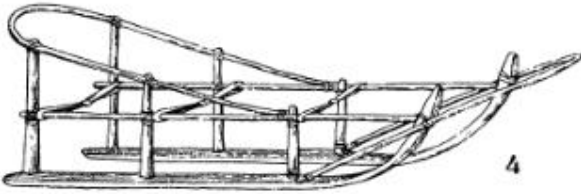
2

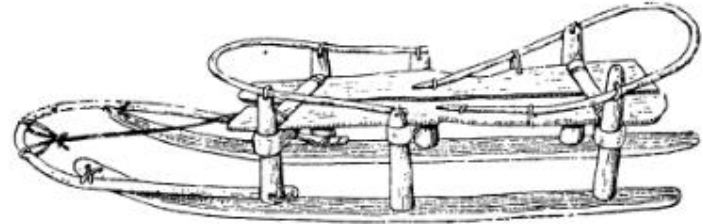
3

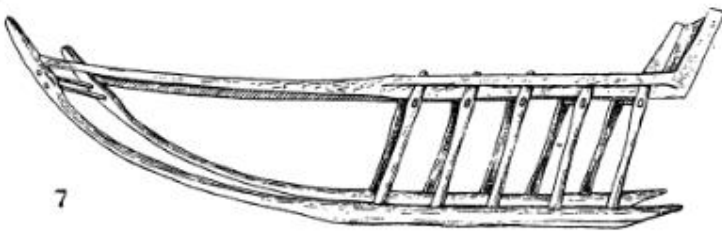
5

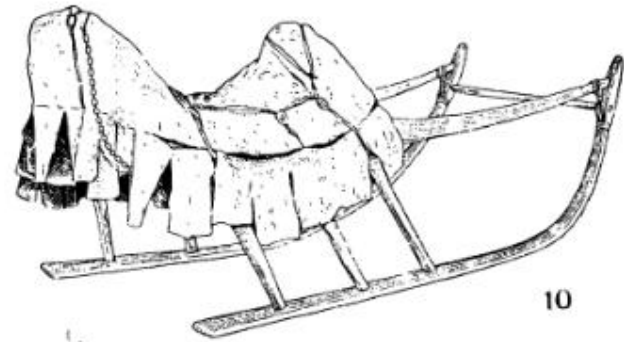
4

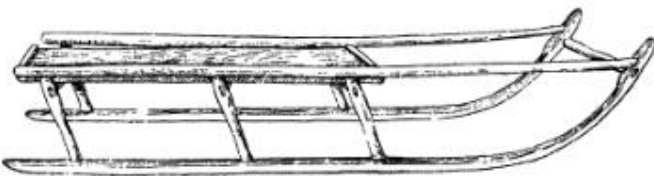
6

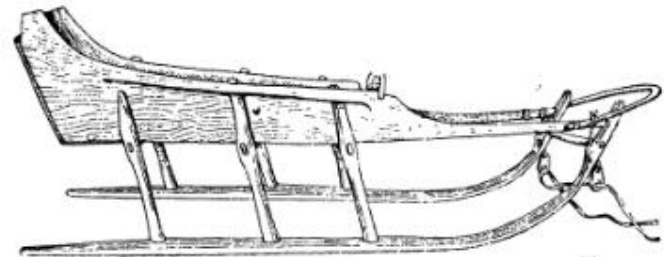
7

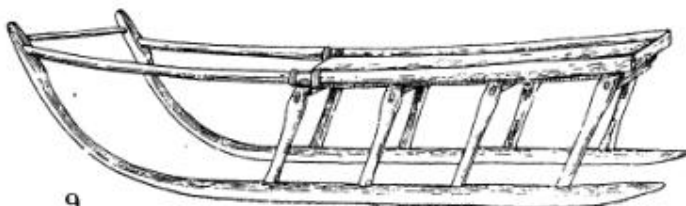
10

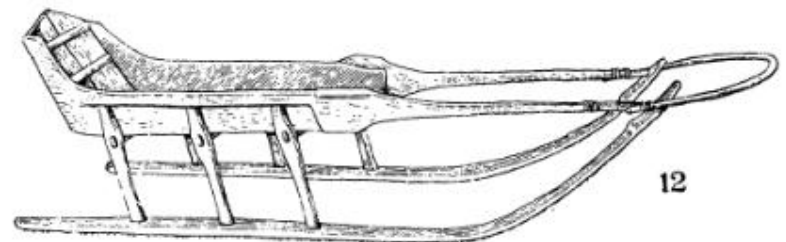
8

11

9

12

ТАБЛИЦА I

1, 2 — дугокопильные; 3—6 — прямокопильные (3, 4 — североякутский вариант, 5, 6 — алдано-амурский вариант);
7—12 — косокопильные (7—10 — тундровый вариант; 11, 12 — таежный вариант).

ТИПЫ НЕДОУЗДКОВ

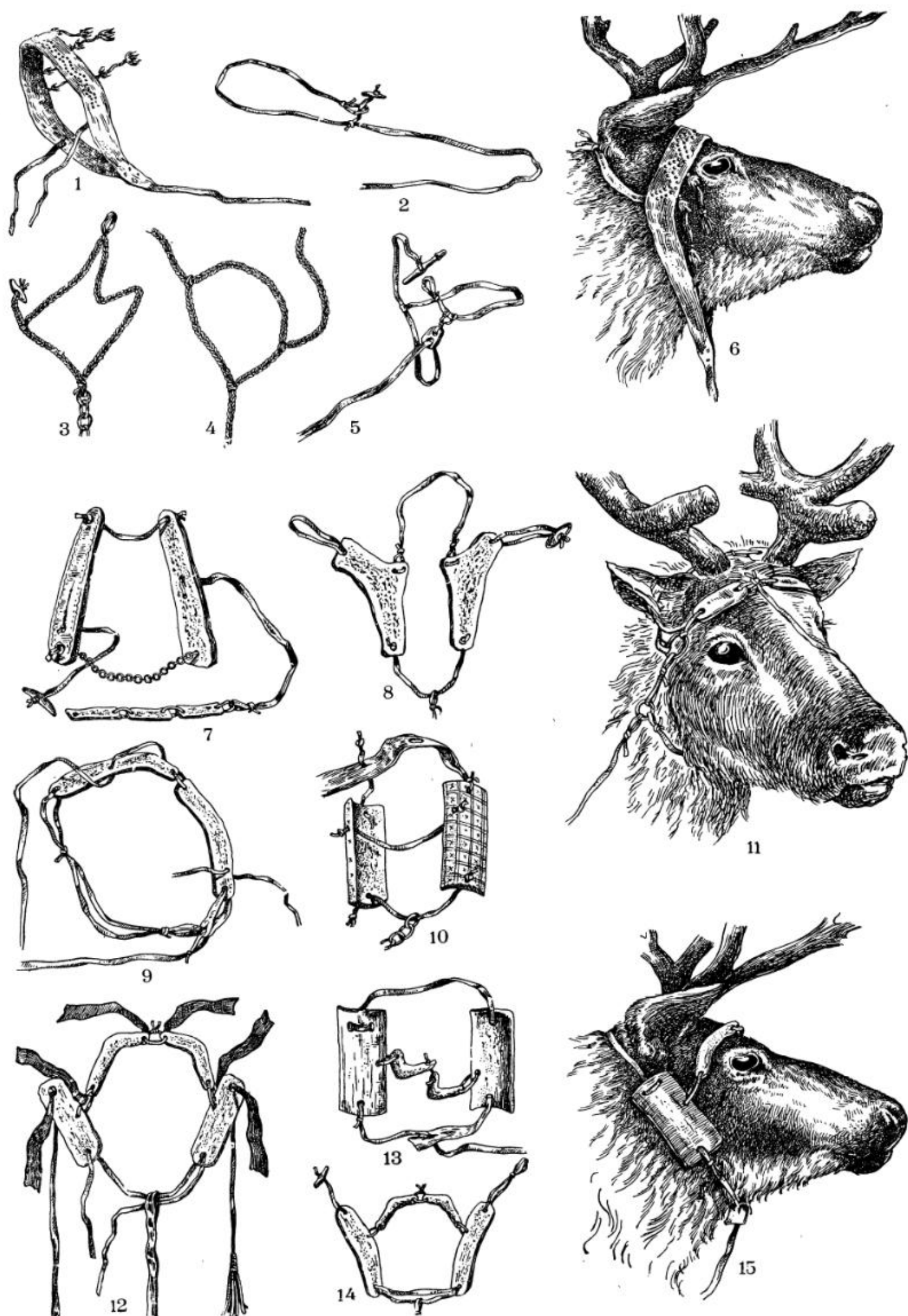

ТАБЛИЦА II

1-6 — простые недоузки; 7-15 — сложные недоузки (7-11 — вариант с двумя пластинами, 12-15 — вариант с четырьмя пластинами).

ТИПЫ КРЕПЛЕНИЯ ТЯЖА С НАРТОЙ

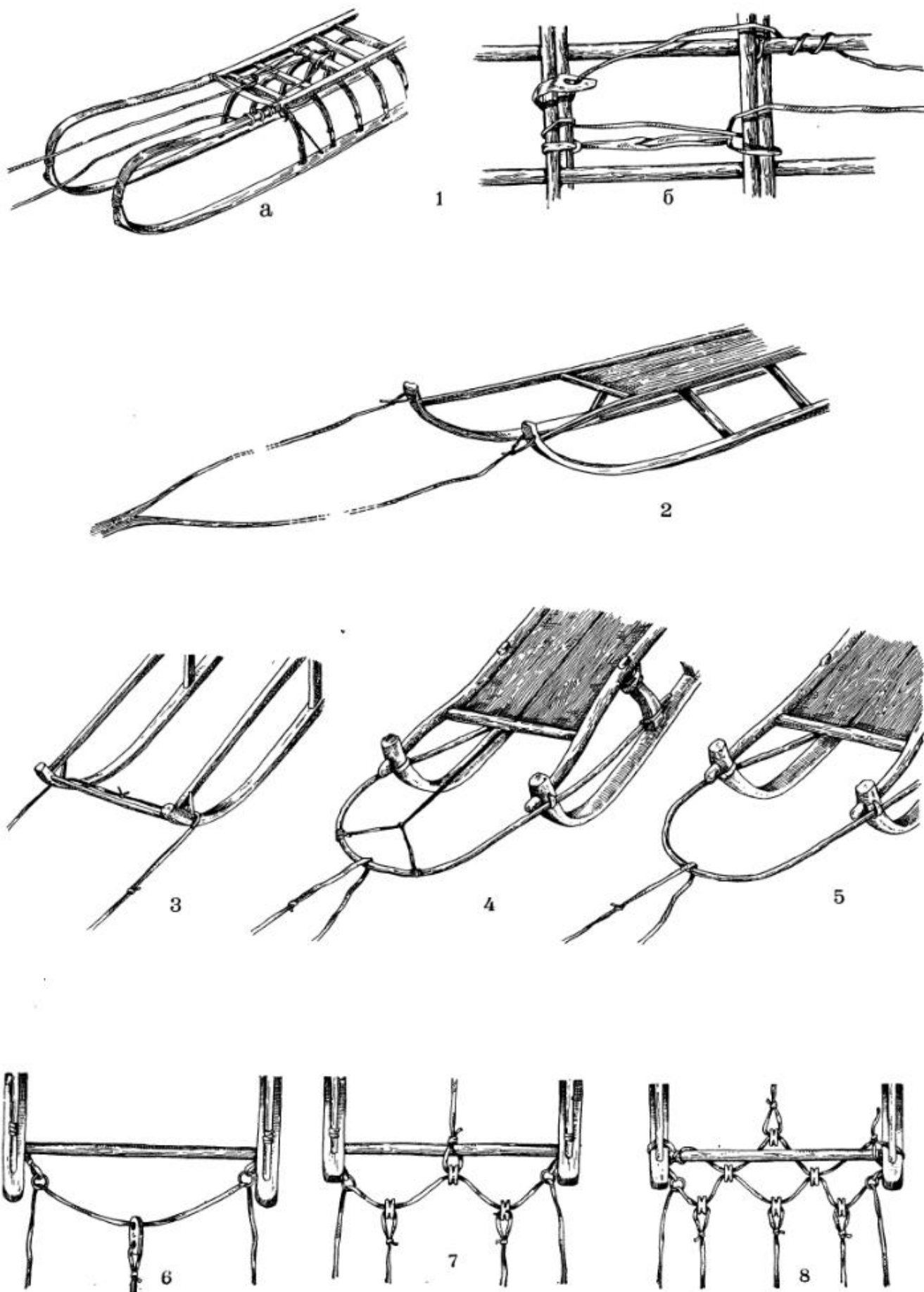

ТАБЛИЦА III

Привязной тип: 1, а и 2 — способы привязывания; 1, б — деталь привязывания. Перекидной тип: 3—5 — способы перекидывания тяга. Блочный тип: 6 — система блоков для трех оленей; 7 — система блоков для четырех оленей; 8 — система блоков для пяти оленей.

ТИПЫ ВЕРХОВЫХ СЕДЕЛ

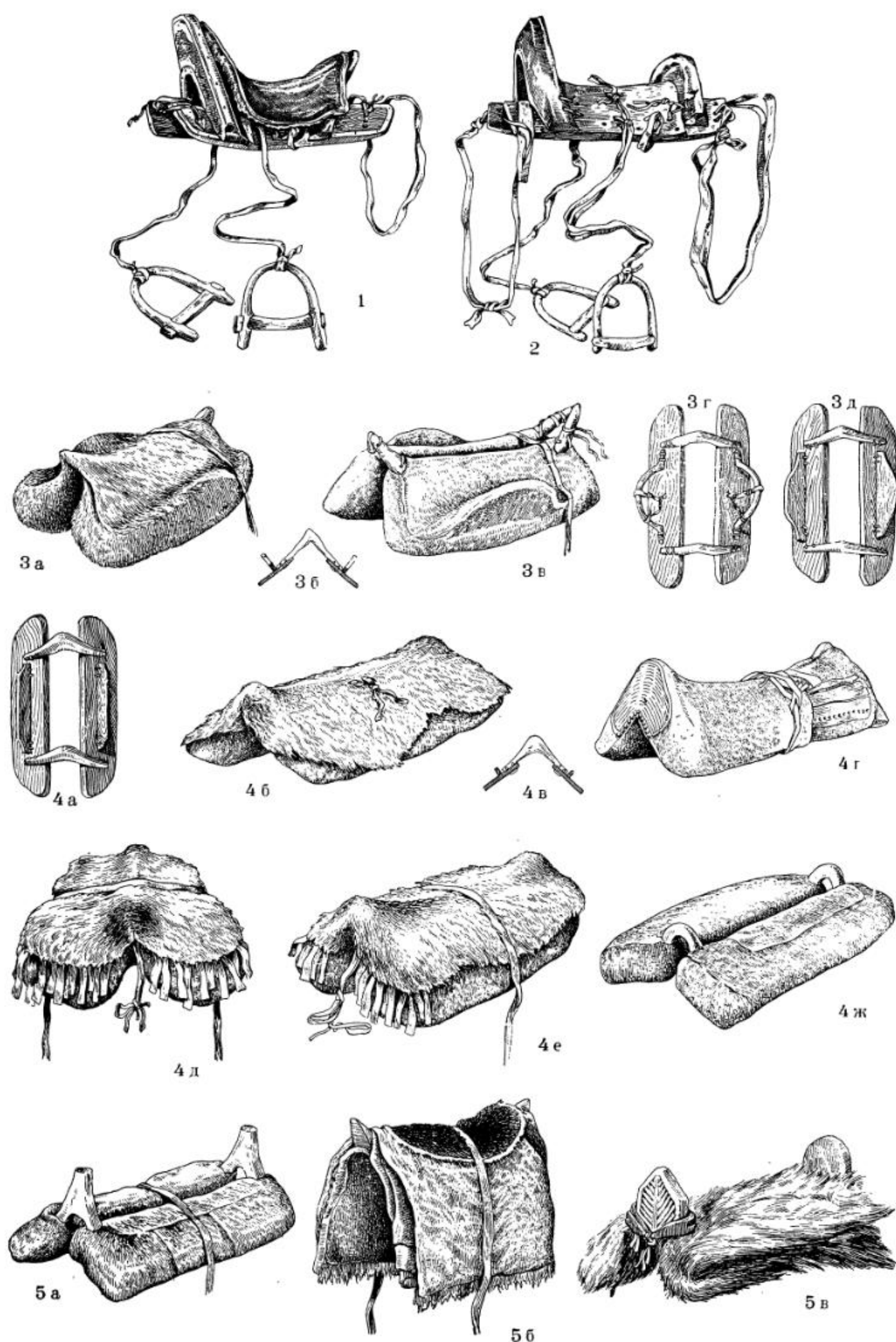

ТАБЛИЦА IV

Саянский тип: 1, 2. Сибирский тип: 3а—3д — седло с «крылышками», 4а—4ж — седло с «планками»
5а—5б — седло без «крылышек» и «планок».

ТИПЫ ВЬЮЧНЫХ СЕДЕЛ

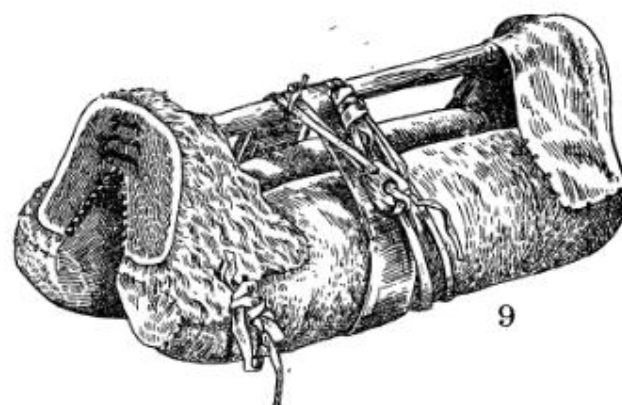
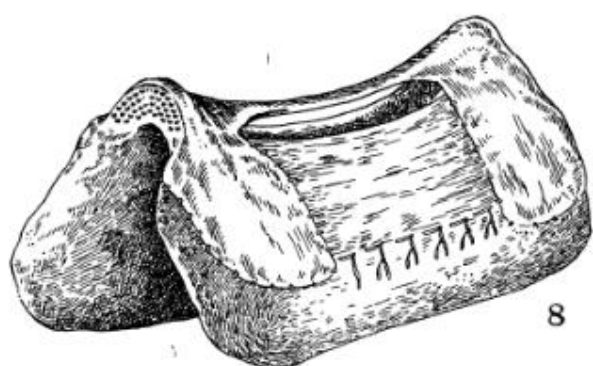
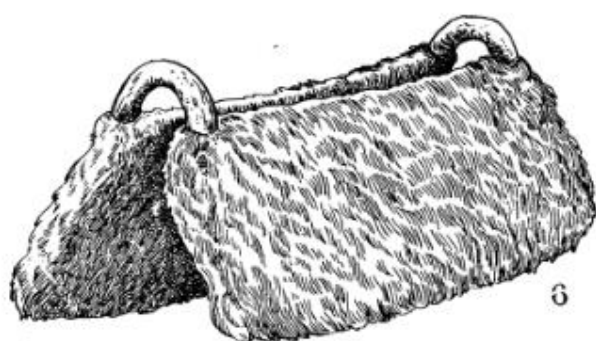
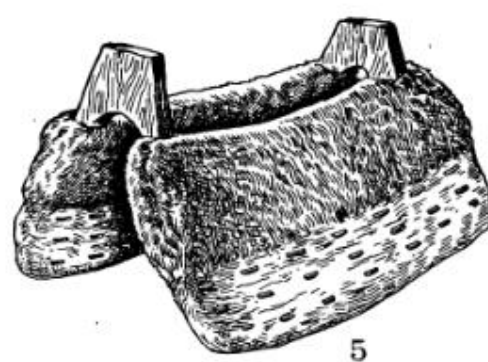
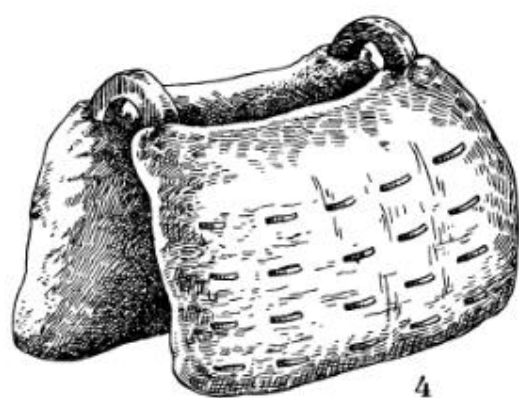
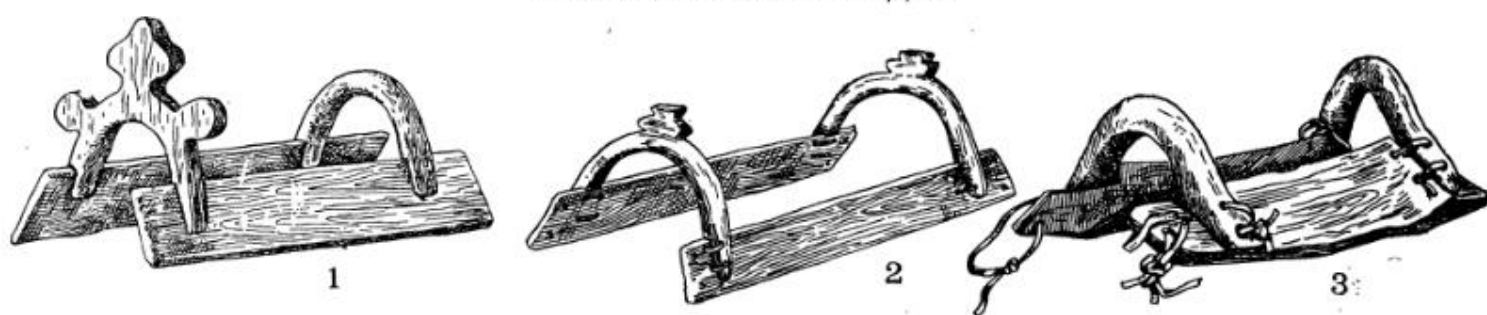

ТАБЛИЦА V

1—3 — саянский тип; 4—9 — сибирский тип (4, 5 — седла с обшивкой в виде мешка; 6, 7 — седла с плотной обшивкой полок; 8, 9 — седла с перекладиной).

ТИПЫ ВЫЮЧНЫХ СУМ

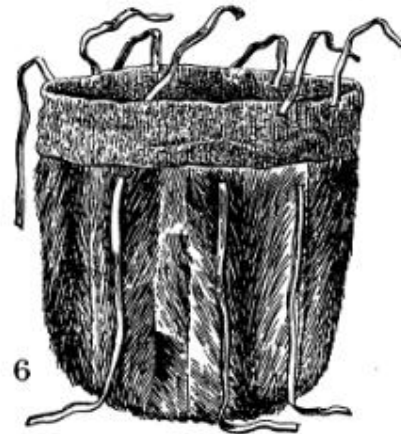
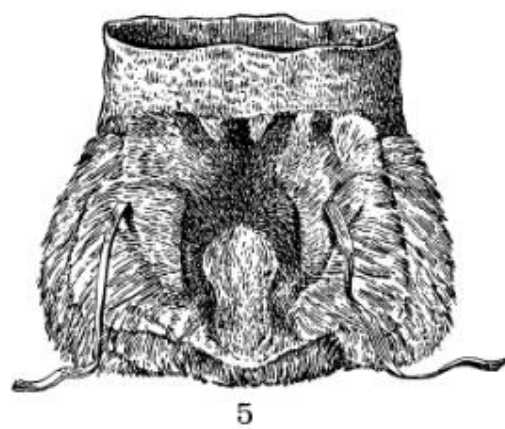
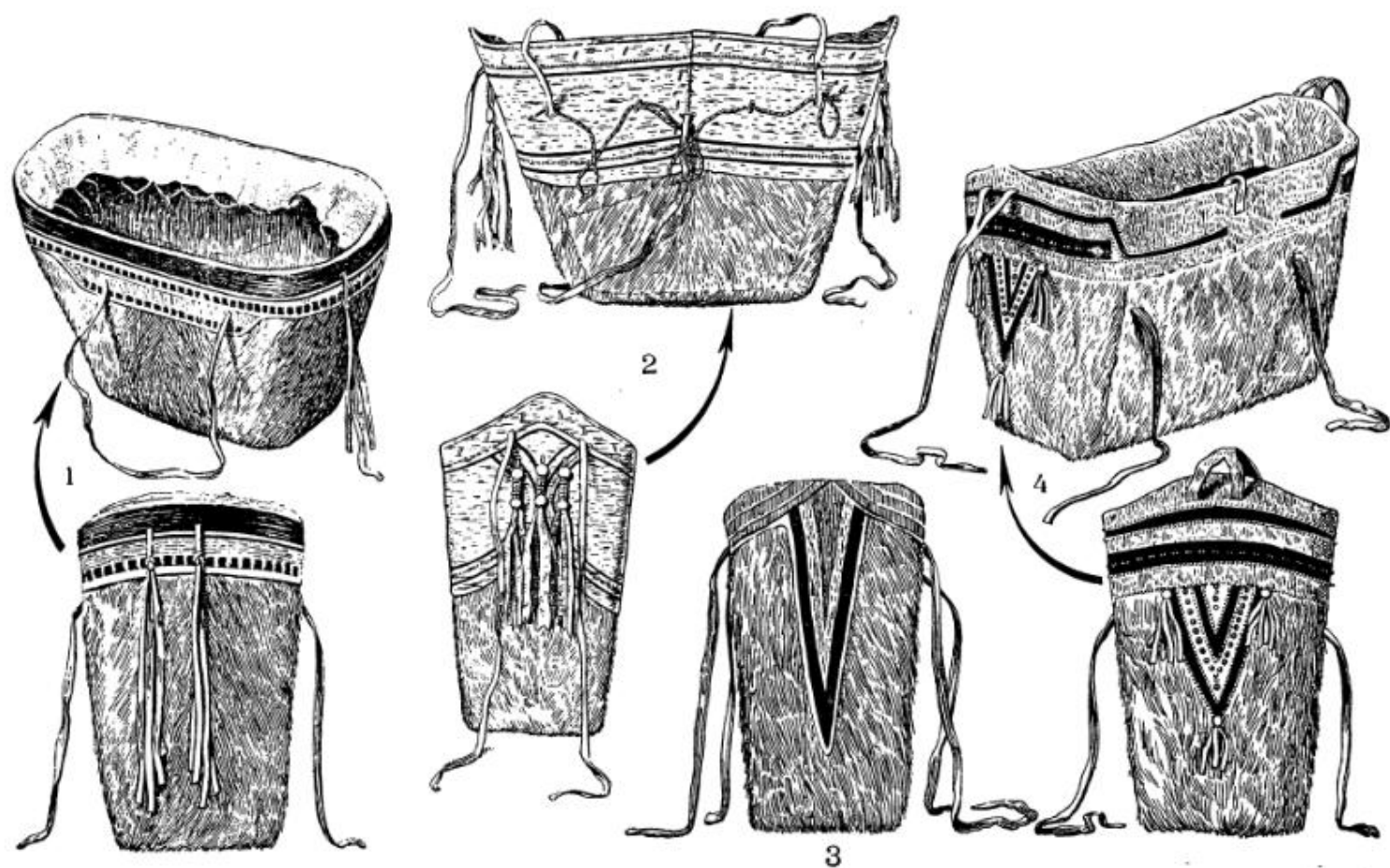
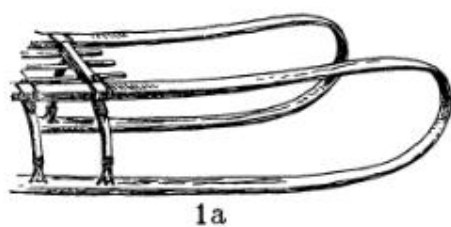

ТАБЛИЦА VI

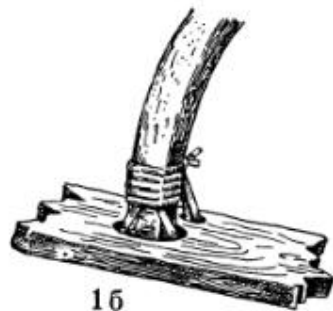
1-4 — твердые сумы; 5-8 — мягкие сумы (5, 6 — одиночные; 7, 8 — двойные).

ТИПЫ НАРТЕННОГО ТРАНСПОРТА

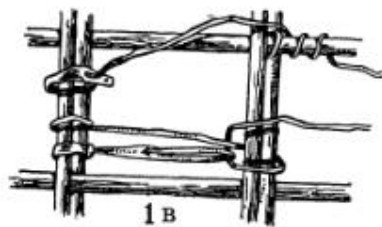
ЧУКОТСКО-КОРЯКСКИЙ

1а

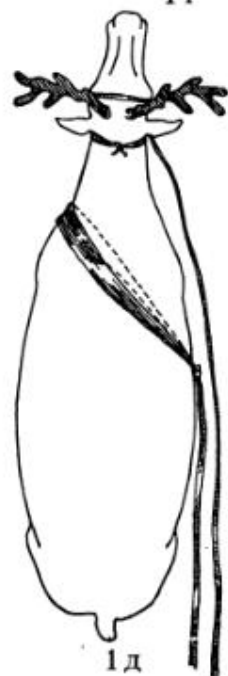
1б

1в

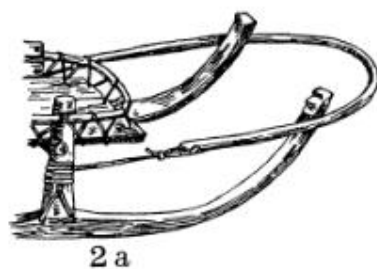

1г

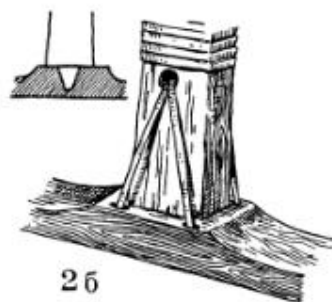

1д

ТУНГУСО-ЯКУТСКИЙ

2а

2б

2в

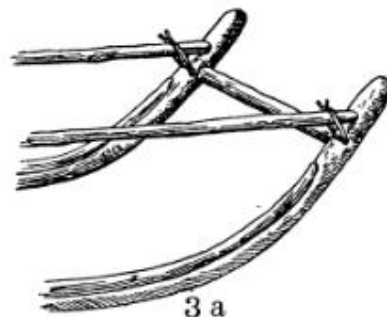

2г

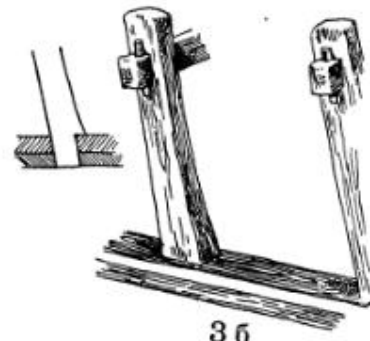

2д

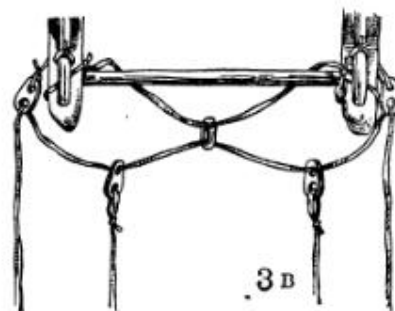
САМОДИЙСКИЙ

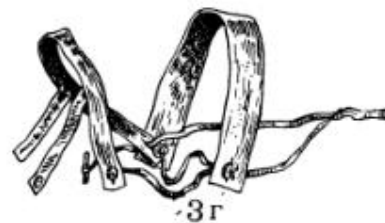
3а

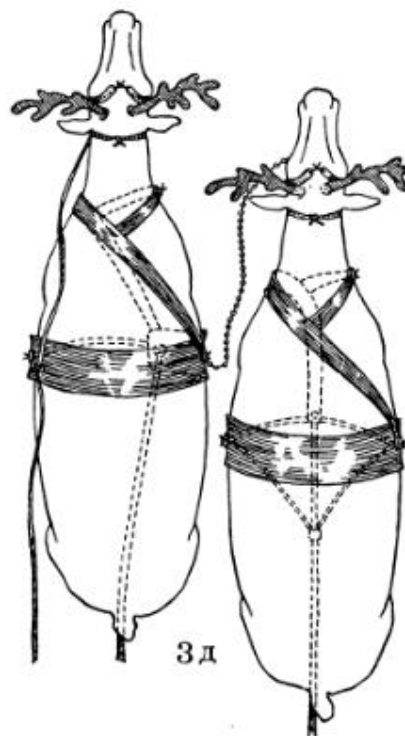
3б

3в

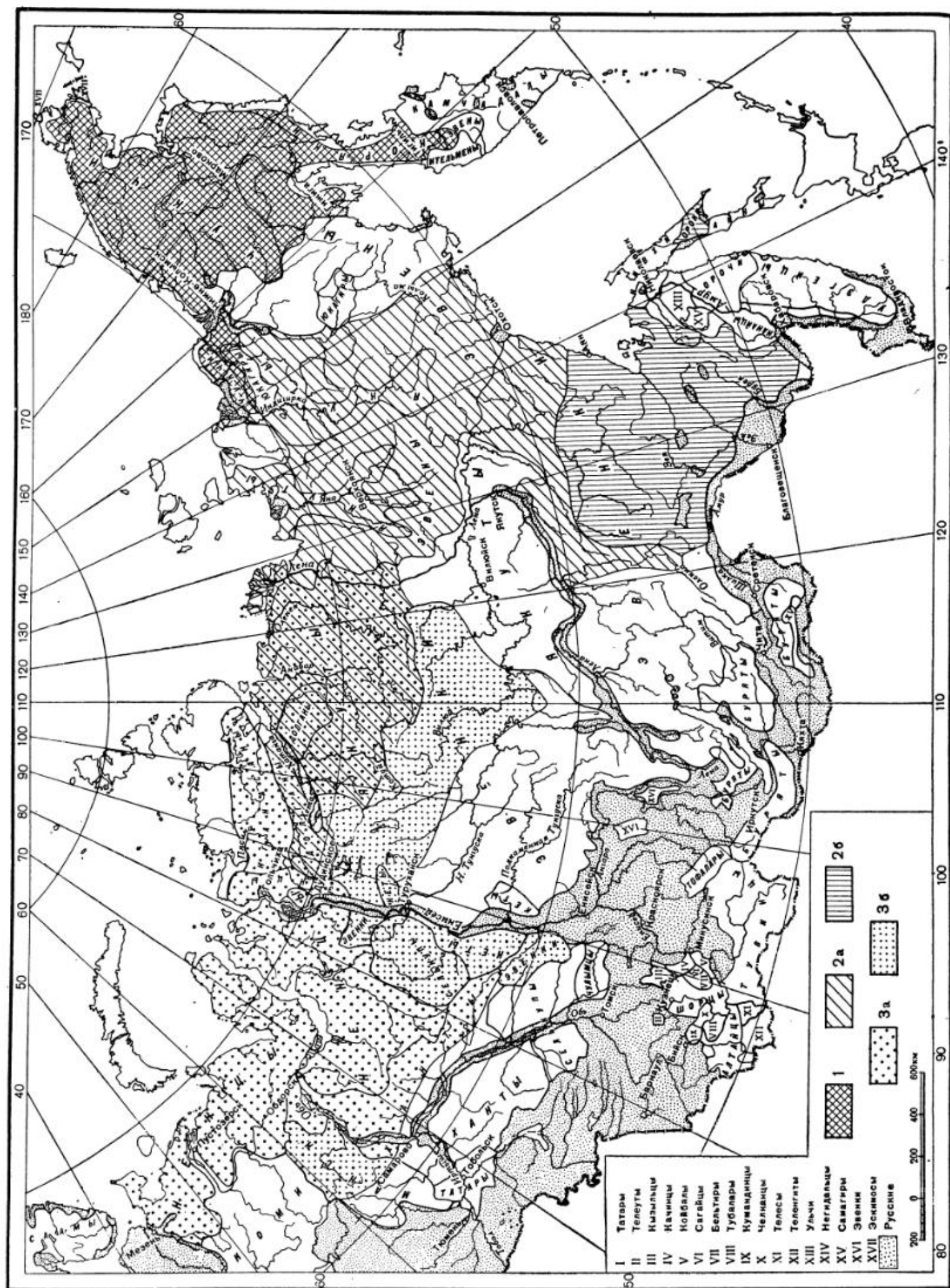
3г

3д

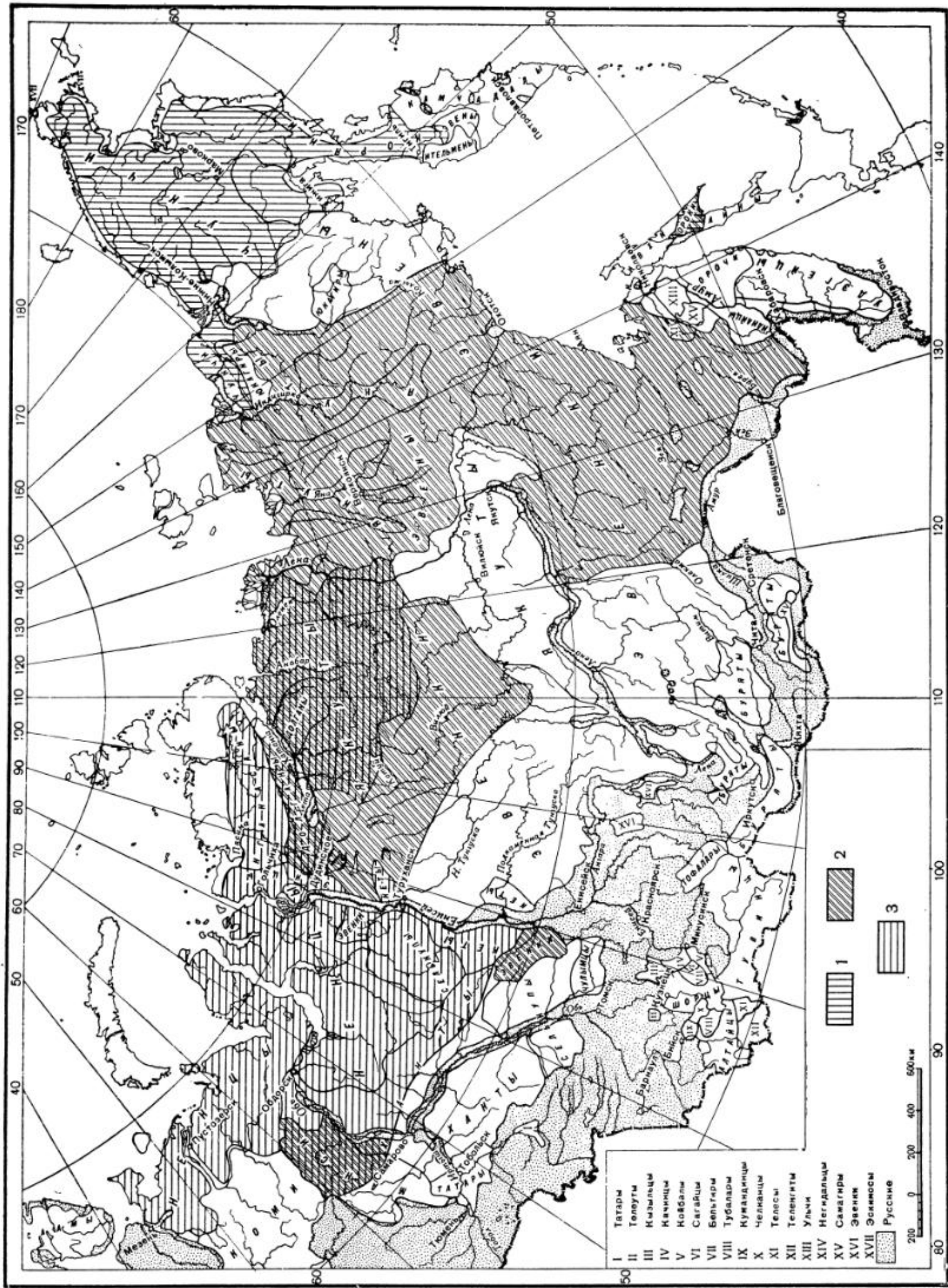
ТАБЛИЦА VII

Чукотско-корякский тип: 1а — крепление передка нарты; 1б — крепление копыла; 1в — крепление тяга с нартой; 1г, 1д — упряжь. Тунгусо-якутский тип: 2а — крепление передка нарты; 2б — крепление копыла; 2в — крепление тяга с нартой; 2г, 2д — упряжь. Самодейский тип: 3а — крепление передка нарты; 3б — крепление копыла; 3в — крепление тяга с нартой; 3г, 3д — упряжь.

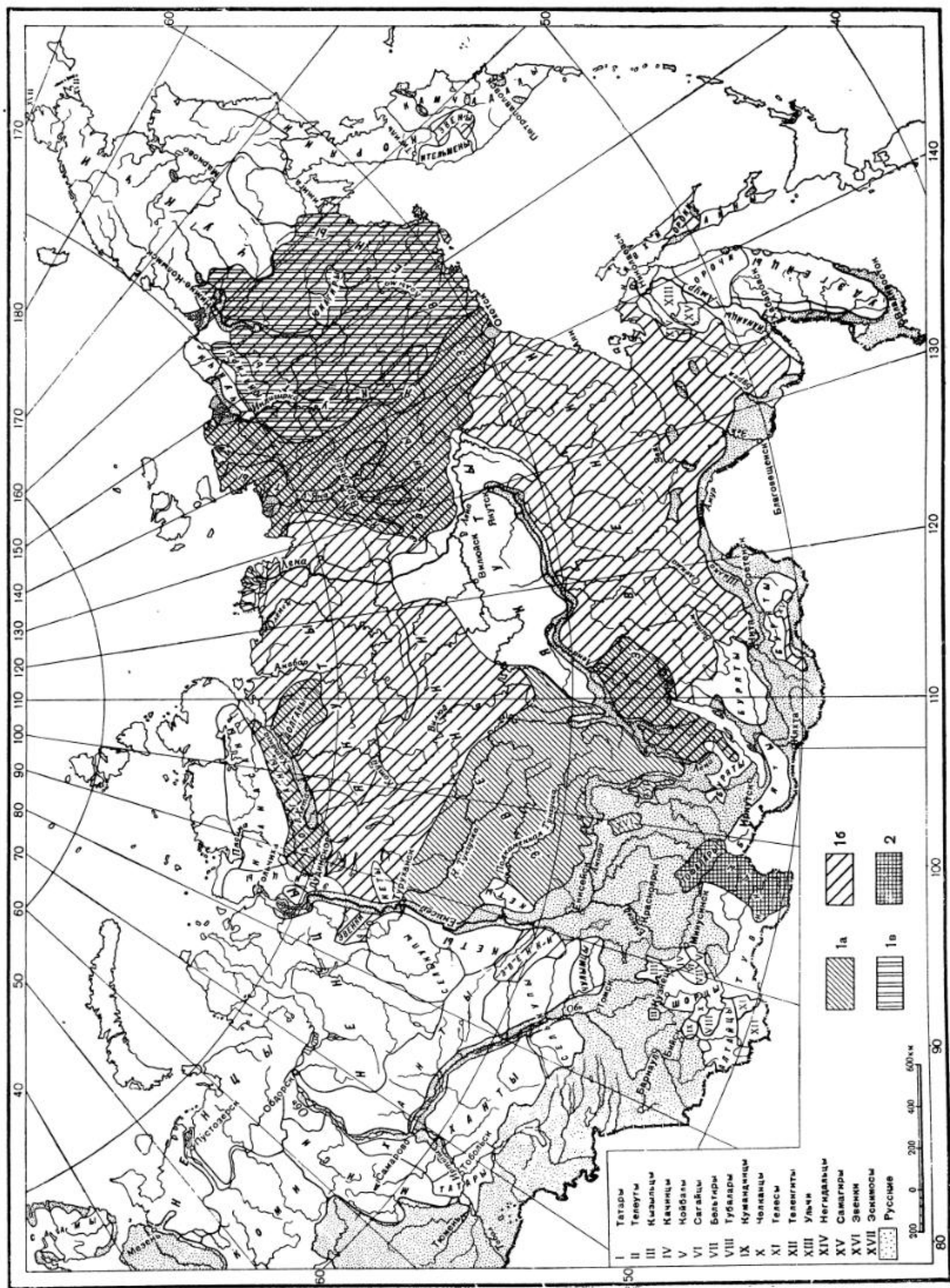

КАРТА 1. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТИПОВ ЕЗДОВЫХ НАРТ

1 — дугоконные; 2a — приполюсные, северокитовый вариант; 2b — приполюсные, алдано-ахурский вариант; 2c — носопольные, тундровый вариант (без барана); 3a — носопольные, тесный вариант (с бараном).

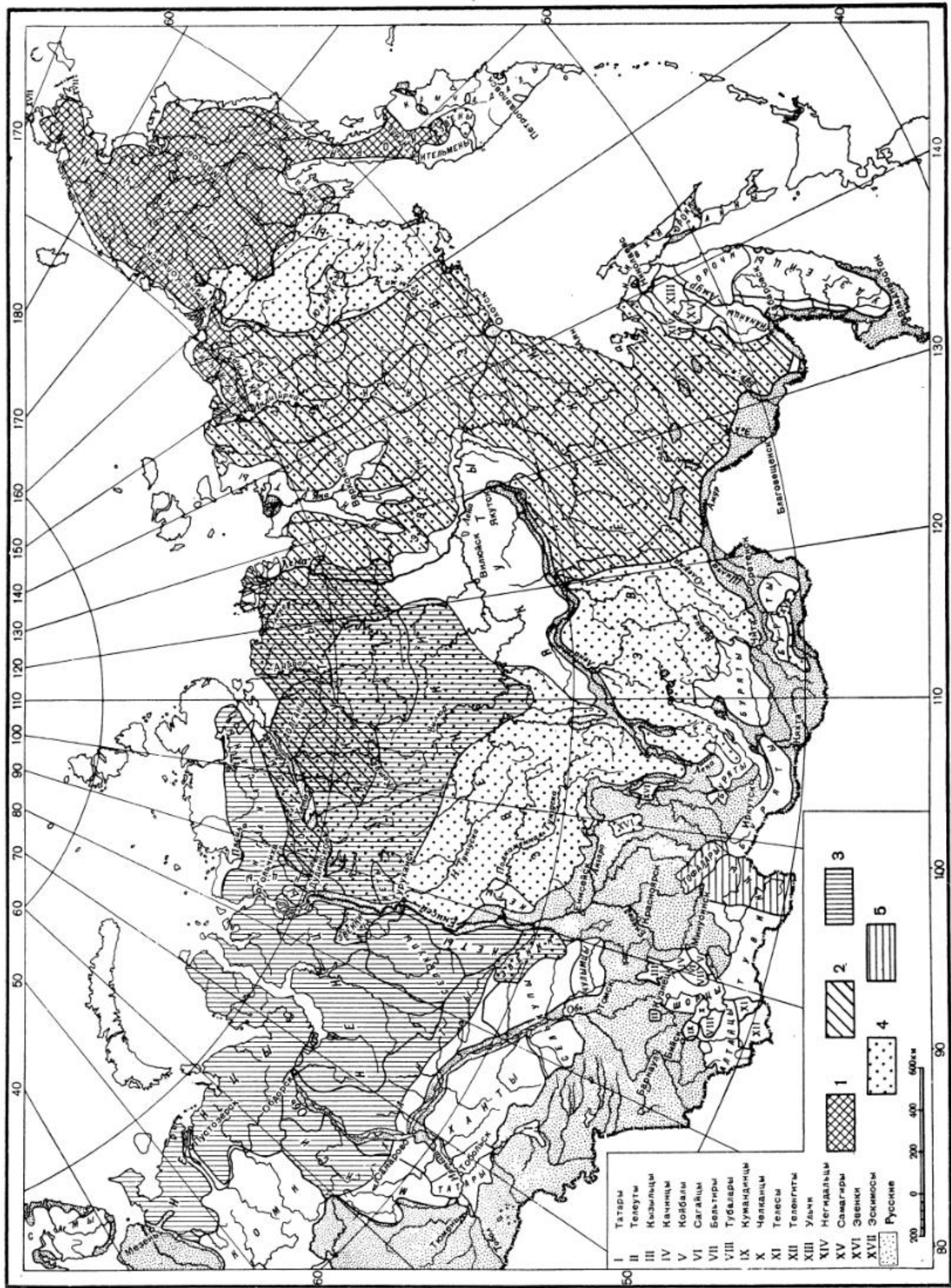

КАРТА 2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТИПОВ КРЕПЛЕНИЙ ТЯЖА С НАРТОЙ
1 — привязной; 2 — перекидной; 3 — блочный.

КАРТА 4. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТИПОВ ВЬЮЧНЫХ СЕДЕЛ

1а — сибирский тип, седло с обшивкой в виде мешка; 1б — сибирский тип, седло с плотной обшивкой; 1с — сибирский тип, седло с перекладной; 2 — саянский тип.

КАРТА 5. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТИПОВ НАРТЕННОГО И ВЬЮЧНО-ВЕРХОВОГО ТРАНСПОРТА

Нартенный транспорт: 1 — чуноотско-коринский тип; 2 — тунгусо-якутский тип; 3 — самоходный тип.

Вьючно-верховой транспорт: 4 — сибирский тип; 5 — саянский тип.

УПРЯЖНОЕ СОБАКОВОДСТВО

Упряжное собаководство как вид транспорта имеет довольно большое значение в хозяйстве многих сибирских народов.

В Западной Сибири оно развито слабо. Значительно большую роль собаководство играет в Восточной Сибири и особенно на Дальнем Востоке. Здесь оно известно во многих районах севера — между Енисеем и Леной, по Лене (нижнему течению), Индигирке, Колыме и их притокам, побережью Чукотского п-ва, п-ву Камчатке, Охотскому побережью, р. Амур (среднему и нижнему течению) и на Сахалине.

Упряжное собаководство предполагает наличие ездовых собак, специально тренируемых и используемых только для транспорта, определенных типов собачьих нарт, собачьей упряжи, упряжки и методов езды на собаках.

Наряду с упряжным собаководством на территории Сибири имеет место использование собаки в качестве подсобной тягловой силы. Если при упряжном собаководстве человек только управляет собаками, то при тягловом он сам помогает собаке тянуть сани (нарту).

Тягловое собаководство несомненно является более древним. На территории Сибири оно в большинстве случаев принадлежит к исчезающим формам и не имеет четко выраженных типов нарт, упряжек, упряжи.

Как упряжное, так и тягловое собаководство имеют свои особенности и могут служить объектом самостоятельного исследования, хотя они и очень тесно связаны между собой.

Задачей данного раздела «Атласа» является описание типов упряжного собаководства; тягловое будет рассматриваться попутно, поскольку оно дополняет или разъясняет те или иные вопросы, связанные с упряжным собаководством.

Наличие литературных источников, графических изображений и музейных экспонатов по XVIII в. дало возможность реконструировать некоторые исчезнувшие типы нарт и упряжи, проследить замену их новыми и т. д. Это нашло свое отражение в картах (они составлены для двух периодов: конец XVIII—начало XIX в. и конец XIX—начало XX в.) и в описательной и иллюстративной части «Атласа», которая также оформлена в виде двух разделов: упряжное собаководство Сибири в конце XIX и начале XX в. и упряжное собаководство Сибири в конце XVIII и начале XIX в.¹

¹ Нарушение хронологического порядка в расположении материала вызвано следующими соображениями: 1) нежеланием авторов отступать от принятого профиля «Атласа», 2) недостатком материала по упряжному собаководству, относящегося к началу XIX в. и к более раннему периоду.

Из элементов упряжного собаководства в качестве основных нами рассмотрены нарта, упряжка (способ расположения собак) и упряжь.

Для лучшего понимания дальнейшего описания прилагаем словарь некоторых специальных терминов, расположенных в алфавитном порядке.

А л ы к	— собачья лямка, шлея; алыком часто называется не только лямка, но и дополнительные поперечные ремни к ней.
Б а р а н	— деревянная горизонтальная дуга впереди нарты или вертикальная дуга, прикрепленная к передней паре копыльев.
В ы з к и, в ы з ы	— поперечины, соединяющие два противостоящие копыла или головки полозьев (головной вяз).
К л ы п	— застежка (колышек), служащий для соединения веревок, ремней, цепей и т. д.
К р е п л е н и е	— способы соединения отдельных частей нарты. Различаются крепления: жесткое — все части нарты соединены неподвижно, при помощи пазов и шипов; мягкое — соединение частей исключительно при помощи ремней.
Н а с т и л	— доски или жерди, укрепленные на вязках.
Н а щ е п	— продольная жердь или брус, соединяющий верхние концы копыльев.
О с т о л (оштол, прудило, прикол)	— тормозная палка для управления собачьей упряжкой, внизу снабженная железным шипом или окованная железом.
П о п е р е ч и н а	— поперечный брус, соединяющий концы полозьев спереди (головной вяз) или сзади.
П о с т р о м к а	— ремень, соединяющий лямку с центральным ремнем упряжки (потягом) или нартой.
П о т ы г	— продольный центральный ремень собачьей упряжки.
У п р ы ж к а	— способ расположения собак в запряжке.
У п р ы ж ь	— совокупность приспособлений и предметов для запряжки собак (сбруя).
Х о р е й	— шест для управления оленями.
Ц у г	— запряжка собак гуськом и парами.

I

УПРЯЖНОЕ СОБАКОВОДСТВО СИБИРИ
В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX в.

Основные элементы упряжного собаководства — нарты, способы упряжки и форма упряжи — довольно однообразны у многих этнических групп Сибири. Ввиду этого целесообразнее характеризовать упряжное собаководство не по отдельным народам, а географически, по районам. Можно выделить следующие районы:

1) Восточная Сибирь, 2) Амурский бассейн и о. Сахалин, 3) Западная Сибирь.

Восточная Сибирь.

По всей территории Восточной Сибири, от р. Лена до побережья Тихого океана и Охотского моря, бытовала однотипная собачья нарта (табл. 1, 1). Это длинная, довольно узкая нарта с прямыми копыльями и двумя дугами. Копылья (три-четыре пары) укреплялись на двух полозьях, передние концы которых загнуты. К головкам полозьев и к первой паре копыльев прикреплялась горизонтальная дуга (так называемый «лежачий баран»). Каждая пара копыльев, ближе к вершинам, соединена поперечинами (вязками), на которые настилались доски (настил). По вершинам всех копыльев проходила жердь в виде дуги или две прямые жерди, по одной с каждой стороны, — нащепы. Пространство между настилом и нащепами оплеталось ремнями в виде сетки. Таким образом, из настила, нащепов и сетки получался род кузова. Часто в ездовой нарте устраивался еще «задок», или «спинка», — сетевое переплетение в задней части, возвышающееся над нащепами. Кроме горизонтальной дуги, имелась еще вертикальная («стоячий баран»), которая прикреплялась к передней паре копыльев.

Горизонтальная дуга служила для прикрепления потяга, а кроме того, выполняла роль буфера, предохраняя полозья от поломок при наталкивании на препятствия. Вертикальная дуга являлась своего рода рулем для возницы: соскочив с нарты, возница, держась за дугу, направлял нарту, удерживая ее в нормальном положении при крутых поворотах и т. д.

Крепление полужесткое. Копылья соединялись с полозом следующим образом: короткий конический шип, которым оканчивался нижний конец копыла, вставлялся в гнездо (мелкое углубление) на полозе (табл. 1, 2, б). Так же соединялись вязки с копыльями: конические шипы на концах вязок входили в отверстия на копыльях; для большей прочности, так как шипы короткие, стыки дополнительно скреплялись ремнями. Остальные части нарт соединялись только при помощи ремней.

Длина нарт сильно варьировала (обычно от 2.5 до 4 м), высота около 50 см.

Для лучшего скольжения полозья зимой часто смазывали водой, чтобы на них образовался слой льда; весной же подбивали полосками китового уса (на Крайнем Северо-Востоке) или кости.

Собачья упряжь (табл. 1, 2) представляла собой кожаную петлю-лямку с поперечной перемычкой посередине (табл. III, 3б). В отверстие просовывалась голова собаки, так что перемычка ложилась ей на спину, а лямка проходила по бокам. К концам лямки прикреплялся узкий длинный ремень (постромка), который ложился собаке сбоку, для правой — слева, а для левой — справа. Этими ремнями собаки пристегивались к центральному ремню упряжки. Чтобы собака не сбрасывала лямку, ее прикрепляли маленьким кляпом к ошейнику. Эта разновидность упряжки носит название «косой».

В. И. Иохельсон на фотографии, заснятой им в 1911 г. на западном побережье Камчатки, показал несколько иной способ ношения упряжи: в лямку просунута голова и одна передняя нога собаки (табл. 1, 3). Пояснительных документов к фотографии не имеется, поэтому остается неясным, заснял ли В. И. Иохельсон реально бытующий способ упряжки или реконструировал его со слов населения. Практика пропускания ноги собаки в лямку, по-ви-

димому, имела место на Камчатке в середине XIX в. и раньше.¹

Наряду с «косой» упряжью в конце XIX и начале XX в. существовала более усовершенствованная — «прямая» (табл. 1, 4 и табл. III, 4б). Она состояла из тех же частей, что и «косая», но имела одну или даже две добавочных перемычки и снабжалась ремешком, проходящим под брюхом собаки. Преимущество ее перед «косой» состояло в том, что благодаря добавочной перемычке и подбрюшному ремню лямка не давила собаке на горло, в то время как лямка «косой» в случае большого натяжения ошейником сильно сдавливала горло. По этим причинам «прямая» упряжь в настоящее время совершенно вытеснила «косую».

Все части упряжи изготовлялись из ремней, иногда обшивались материей и часто орнаментировались.

Упряжка продольная (табл. 1, 5 и табл. II, 2). Центральный ремень (потяг) длиной от 6 до 12 м состоял из нескольких колен, соединенных короткими цепями, иногда кольцами. Одним концом потяг привязывался к середине горизонтальной дуги, но так, что оставался запасной кусок, который закреплялся за вязки; к переднему концу потяга пристегивалась постромка передовой собаки. Остальные собаки располагались попарно — одна с правой, другая с левой стороны — и прикреплялись к потягу длинными постромками. При «косой» упряжке, чтобы собаки не сбрасывали лямок, каждая из них еще дополнительно пристегивалась к потягу короткой цепочкой за ошейник.

Постромки скреплялись с потягом при помощи кляпа, пропущенного через железное кольцо.

Упряжка состояла обычно из четырех-шести пар собак, не считая передовой, которая имела не всегда. Передовая собака была наиболее выдрессирована.

Возница сидел с правой стороны, придерживаясь левой рукой за вертикальную дугу, а в правой держа остол — палку для поощрения и остановки собак (табл. 1, 1). Кроме остолы, собаки управлялись голосом: имелись особые слова команды, к которым они были приучены. В некоторых районах при езде по глубокому снегу догону собачьей упряжке прокладывали лыжами.

Описанное выше упряжное собаководство с особой нартой, характерной упряжкой (цугом) и упряжью в конце XIX и начале XX в. было распространено у приморских чукчей, эскимосов, оседлых коряков, ительменов, у северной группы якутов, у части юкагиров, у оседлых эвенов Охотского побережья и почти у всего русского старожильческого населения Северо-Востока Сибири.

Амурский бассейн и о. Сахалин.

Упряжное собаководство в бассейне р. Амур и на Сахалине имело свои особые черты, характерные только для данной территории. Оно было совершенно сходно у всех этнических групп рассматриваемого района. Поэтому можно ограничиться описанием упряжного собаководства нивхов, как наиболее полно изученного.

Собачья нарта нивхов, просуществовавшая в качестве ездовой до первой четверти XX в., имела следующие характерные особенности: прямые копылья, загнутые с обоих концов полозья и две горизонтальные дуги — спереди и сзади (табл. 2, 1).

Копылья — четыре-пять пар — поставлены вертикально. Каждая пара соединена вязкой. Загнутые концы полозьев спереди и сзади соединялись поперечинами. Нащепы проходили от передних концов полозьев к задним и укреплялись на вершинах копыльев. Таким образом, из двух нащепов и двух поперечин получалась прямоугольная рама, которая застилалась продольно идущими прутьями; последние привязаны ремнями или пропущены через отверстия в вязках. Эта рама с прутьями образовывала площадку для сиденья и клади. Спереди и сзади к полозьям прикреплено по горизонтальной дуге.

Крепление жесткое: отдельные части нарты скреплены таким образом, что концы одной части входили в просвер-

¹ См. стр. 58.

ленные отверстия на другой. Так, нижние слегка стесанные концы копыльев наглухо забивались в несквозные, но достаточно глубокие отверстия в полозьях, а для большей прочности в них сбоку вбивались деревянные гвозди (табл. 1, 1, 6).

Для лучшего скольжения полозья подбивались полосками китового уса или кости. Длина нарты колебалась от 3 до 4,5 м, примерная высота 30 см, ширина не превышала 45 см.

Упряжка состояла из потяга, к которому на равном расстоянии друг от друга привязывались, чередуясь, собаки: если первая — слева, то вторая — справа, третья — опять слева и т. д. (табл. 2, 2 и II, 1). Потяг прикреплялся к горизонтальной дуге и с помощью двух дополнительных ремешков — к концам передней поперечины; иногда еще третий ремешок привязывался к середине поперечины (он являлся как бы продолжением потяга).

Упряжь была крайне проста. Она представляла из себя петлю, которая надевалась на шею собаки и с помощью короткого соединительного ремешка пристегивалась к потягу. В XX в. для передовой собаки стали применять усовершенствованную упряжь. В ней, кроме обычной петли на шею, имелась еще вторая, которая обхватывала брюхо собаки; на лопатках обе петли соединялись вместе (табл. 2, 3).

В нарту обычно впрягалось шесть-семь собак. Возница сидел верхом, в руках у него имелось по тормозной палке (табл. 2, 1), ноги располагались на лыжах (табл. 2, 2). К задней дуге часто прикреплялся ремень, который возница привязывал к поясу или держал в руке. Это делалось на тот случай, чтобы остановить убегающих собак, когда возница соскакивал с нарты.

Нарта, упряжка и упряжь подобного образца бытовали, помимо нивхов, у нанайцев, ульчей, айнов, орочей, частично у удэгейцев и негидальцев.¹

В настоящее время народы Амурского бассейна для езды пользуются восточносибирской нарткой (табл. 2, 4), парной упряжкой (цугом) и «прямой» упряжью. Эти новые элементы упряжного собаководства появились на территории бассейна Амура не раньше конца XIX в. и постепенно вытеснили старые формы. Амурская нарта старого образца сохраняется у нивхов лишь для транспортировки небольших грузов, но применяется с восточносибирской упряжью и упряжкой цугом. Шейная упряжь и попеременная упряжка употребляются при использовании собак для тяги лодки бечевой.

Западная Сибирь.

Дать полную характеристику упряжного собаководства Западной Сибири затруднительно. Во-первых, этнографические материалы по этому вопросу крайне отрывочны, во-вторых, бытуя наряду с оленним транспортом, а также с тягловым собаководством, оно не отличалось четко установившимися формами. Разные виды нарт сочетались с различными видами упряжек и упряжи.

Упряжное собаководство с определенными типами нарт, упряжи и упряжки на территории Западной Сибири в конце XIX и начале XX в. имело место только у небольшой части ненцев (на о. Новая Земля и в районах, прилегающих к Югорскому Шару), а также у старожильского русского населения Северо-Западной Сибири и эпизодически в некоторых районах у хантов и манси.

Ненцы. Собачья нарта новоземельских ненцев в конце XIX и начале XX в. была тождественна с оленной, но имела несколько иные пропорции (табл. 3, 1). Обычно это трехкопыльная, реже четырехкопыльная нарта с полозьями, загнутыми спереди и соединенными поперечиной (головным вязом). Копылья (четырегранные бруски) поставлены не перпендикулярно к полозьям, а под углом (назад и вовнутрь), так что внизу нарта шире, чем вверху (иногда копылья ставились и вертикально). Каждая пара копыльев соединена вязкой, на вязках укреплялся настил. По вершинам копыльев с каждой стороны проходило по нащепу.

¹ Л. Шренк добавляет к этой группе еще ороков (Об инородцах Амурского края, т. II. СПб., 1899, стр. 183), но позднейшие исследования не подтвердили существования ездового собаководства у этого народа (см.: Б. А. Васильев. Основные черты этнографии ороков. Предварительный очерк по материалам экспедиции 1928 г. Этнография, 1929, № 1, стр. 14, 15).

Крепление жесткое: отдельные части нарты скреплены исключительно путем забивания концов одних в четырехугольные отверстия (пазы) на других (табл. 1, 5, 6).

Размеры нарт сильно варьировали, но длина их редко превышала 2—2,3 м, примерная высота 30—45 см.

У ненцев такой нарте соответствовала поперечная упряжка (табл. 3, 2). Собаки пристегивались постромками, идущими от лямок к поперечному ремню, расположенному параллельно головному вязу. Этот ремень прикреплялся к передним концам полозьев и в нескольких местах к головному вязу. По нему свободно двигались кольца. В каждое из них на пару собак пропусклось по одной постромке, которая ложилась правой собаке на левый бок, а левой — на правый. Таким образом, получалась своего рода система блоков (табл. II, 4).

Упряжь состояла из петли-лямки, которая одевалась собаке на грудь или шею и прикреплялась к концу постромки. Кроме того, все собаки соединялись ремнем или цепью, к которой они пристегивались за ошейники; это не давало возможности собакам разбежаться в стороны и запутывать упряжку. Крайняя собака в упряжке с левой стороны считалась передовой, к ее ошейнику привязывалась длинная вожжа.

Ненцы, запрягая в нарту десять-шестнадцать собак, пользовались ими и летом (табл. 3, 3). Для управления служил длинный шест, напоминающий хорей. Посадка ездока — слева.

Ханты и манси. В конце XIX и начале XX в. у хантов и манси собаки использовались в упряжке преимущественно в помощь человеку в мелких хозяйственных работах — в подвозке воды, дров и т. д. — или же помогали охотнику тянуть ручную нарту. Упряжное собаководство было распространено лишь в некоторых районах и то только эпизодически, например при дальних поездках на промысел или за товарами. При этом употреблялись различные типы нарт, упряжек и упряжи. В тайге на промысле ханты и манси часто пользовались ручной нарткой (табл. 4, 1). Это трех-четырекопыльная нарта, длиной от 2 до 2,5 м. Копылья ее вставлены в полозья наклонно (назад) и дополнительно прикреплены еще к полозью ремешками. Каждая пара, примерно посередине, соединена вязками, на которых укреплен редкий настил из тонких прутьев или драпок. На вершинах копыльев — нащепы из жердей. Боковые стороны нарты, от вязок до нащепов, застланы во всю длину редкими драпками или прутьями; иногда таким же образом застлана и задняя часть нарты (спинка). Получался длинный ящикообразный кузов глубиной примерно до 40 см. Спереди к полозьям привязана горизонтальная дуга. В нарту впрягали несколько собак: в тайге — цугом, по речным долинам предпочиталась поперечная упряжка. При продольной упряжке потяг, а при поперечной постромки прикреплялись к горизонтальной дуге.

Наиболее распространена была упряжь, состоявшая из одной петли с ремнем. Петля из мягкого меха обхватывала заднюю часть туловища собаки (область таза), ремень же проходил между задними ногами (табл. 4, 2).

Кроме ручной нарты, описанной выше, манси употребляли нарту, аналогичную ненецкой, с поперечной упряжкой и упряжью в виде петли, надеваемой на заднюю часть туловища собаки (табл. 4, 2). На такой нарте обычно ездили женщины-мансийки. Существовали и другие варианты упряжек и особенно упряжи (шейная и грудные лямки), но они имели крайне ограниченное распространение.¹

Русское старожильское население. Некоторые группы русского старожильского населения Западной Сибири и прилегающих районов к востоку от Енисея употребляли ездовых собак. У русских, живущих на р. Пясины, бытовала низкая и длинная нарта (от 2 м и длиннее) с тремя парами копыльев (табл. 4, 3). Копылья прямые, каждая пара соединена вязками, на которых покоился настил.

¹ Л. П. Лашук со слов своих информаторов коми сообщает, что лопские манси запрягали собак в одну продольную шеренгу, в затылок друг другу. По бокам проходило по длинному потягу. Упряжь состояла из ошейника и поясного ремня, за которые собаки пристегивались к потягам (Л. П. Лашук. Упряжное собаководство в северо-западном Приуралье. Краткие сообщения ИЭ АН СССР, вып. XX, М., 1954). В литературе конца XIX и начала XX в. мы не нашли указаний о бытовании у манси таких типов упряжки и упряжи.

По верхним концам копыльев проходили нащепы. Спереди нарта имела горизонтальную дугу («лежачий баран»), к которой прикреплялся потяг.

Упряжь такая же, как у хантов — петля с ремнем, обхватывающая у собаки область таза. Собаки впрягались цугом. Для торможения употреблялся остол.

В первой четверти XX в. у пясинских русских появилась упряжь нового образца, общераспространенная в Восточной Сибири: лямка с двумя перемычками, надеваемая собаке на грудь.¹

У других групп русского старожильческого населения Западной Сибири и примыкающих к ней районов Восточной Сибири практиковалась наряду с продольной упряжкой цугом также и поперечная упряжка в виде веера. В последнем случае каждая постромка пристегивалась к горизонтальной дуге по отдельности или к одному общему кольцу на дуге. Постромка передовой делалась длиннее остальных и располагалась в центре (табл. 4, 4). Упряжь так же, как и на Пясины, была двух типов: петля-лямка, обхватывающая у собаки область таза, и «прямой» алык. Для понукания употреблялась плеть, для торможения — остол.

Таковы были характерные особенности упряжного собаководства Сибири в конце XIX и начале XX в.

УПРЯЖНОЕ СОБАКОВОДСТВО СИБИРИ В КОНЦЕ XVIII И НАЧАЛЕ XIX в.

Материалы по упряжному собаководству, относящиеся к концу XVIII и началу XIX в., к сожалению, очень неполны. Все же на основании их можно определенно сказать, что в конце XVIII и начале XIX в. существовало развитое упряжное собаководство в тех же трех районах: в Восточной Сибири, в бассейне Амура и на Сахалине и в Западной Сибири. Но характерные особенности нарт, упряжек и упряжи были иными.

Восточная Сибирь.

Наиболее полно можно реконструировать упряжное собаководство Северо-Восточной Сибири. На этой территории в XVIII в. оно было известно оседлому населению — ительменам, оседлым корякам, приморским чукчам и эскимосам.

Ительмены. В XVIII в. у ительменов бытовало два вида собачьих нарт — ездовые и грузовые. О грузовой нарте сведения очень отрывочные, известно лишь, что она была прямокопыльная.

Ездовая нарта имела своеобразную конструкцию (табл. 5, 1). Она состояла из полозьев, на которые укреплялись дугообразные копылья (две дуги); один конец дуги прикреплялся к одному полозу, другой — к другому. На высокие дуги-копылья насаживался узкий ладьевидный кузов. Передние концы полозьев загибались и соединялись поперечиной, к которой прикреплялась собачья упряжка.

Крепление мягкое: отдельные части нарты соединялись при помощи ремней, пропускаемых через просверленные отверстия (табл. 1, 3, 6), или же просто накладывались одна на другую и скреплялись ремешками.

Нарта имела примерно следующие размеры: длина не превышала 2,5 м, высота — около 1 м.

Большинство материалов указывает на то, что у ительменов в XVIII в. преобладала продольная упряжка (цугом). Собаки пристегивались ремнями попарно к длинному потягу, прикрепленному к поперечине, соединяющей полозья; причем коренная пара пристегивалась непосредственно к самой поперечине.

Всего в упряжку запрягалось от двух до пяти пар собак, чаще переднюю пару заменяла одна собака, передовая (табл. 5, 2). Чтобы животные не разбегались в стороны, их привязывали еще за ошейники к коротким цепям на потяге.

Можно предполагать, что раньше ительмены пользовались поперечной упряжкой (потяг отсутствовал, а собаки постромками пристегивались непосредственно к поперечине нарты). Об этом свидетельствует поперечная упряжка на одном старинном экземпляре нарт в Музее

антропологии и этнографии (табл. 5, 3); характер цуговой упряжки у ительменов также говорит о ее связи с поперечной: коренная пара прикреплялась не к потягу, а к поперечине.

Судя по музейным коллекциям, относящимся к концу XVIII и началу XIX в., собачья упряжь у ительменов была образца «косой» (петля-лямка с одной перемычкой), но, по-видимому, употреблялся и другой тип упряжи — простая петля без перемычки.¹ Способ впрягания в такую петлю точно не известен. Судя по некоторым источникам, лямка обхватывала шею и одну переднюю ногу животного (левую для правой собаки в упряжке и правую для левой),² как показано на фотографии, заснятой В. И. Иохельсоном в 1911 г. (табл. 1, 3).

Ездовые нарты и упряжь у ительменов богато ornamentировались крашеными ремешками, деревянные части нарт раскрашивались в виде шахматных клеток, кожаные лямки расшивались сухожильными нитками и т. д.

Источники XVIII в. сообщают, что ительмены садились на нарту боком (с правой стороны). Собаки управлялись при помощи определенных возгласов и остола весьма своеобразной формы (табл. 5, 1). Кроме того, передовая собака сдерживалась длинным узким ремнем, идущим от ее ошейника до кузова нарт. Во время длительных путешествий брались лыжи: при трудном пути ими прокладывали дорогу.

Коряки. Конкретные данные по XVIII в. об упряжном собаководстве оседлых коряков отсутствуют. По косвенным сведениям можно предполагать, что оно было близко к ительменскому.³

Приморские чукчи и азиатские эскимосы. Подлинной собачьей нарты, бытовавшей прежде у приморских чукчей и азиатских эскимосов, не сохранилось, но она может быть реконструирована на основании литературных и иллюстративных источников конца XVIII и начала XIX в.⁴ Это была дугокопыльная нарта. На полозьях укреплялись семь-восемь дуг-копыльев из оленьих рогов. На них накладывалась рама, заменяющая настил. Она состояла из нащепов и семи-восьми поперечных планок. Передние концы полозьев соединялись с нащепами дугообразно изогнутыми планками. Крепление мягкое: отдельные части нарты скреплялись ремешками (табл. 1, 4, 6).

Судя по этим данным, а также по модели из коллекции Музея антропологии и этнографии (табл. 5, 4), собачья нарта приморских чукчей и эскимосов конструктивно ничем не отличалась от ездовой оленьей нарты, бытующей у чукчей и коряков до настоящего времени. Даже размеры их не особенно разнятся.

Упряжь состояла из двух петель, соединенных между собою поперечной перемычкой. В петли продевались передние ноги собаки, перемычка ложилась ей на спину между лопатками (табл. III, 66). К концам петель пришивались постромки.

В нарту впрягалось от трех до семи собак в один поперечный ряд веером: постромка каждой собаки привязывалась к передку нарты (табл. 5, 5 и табл. II, 3). Для управления и понукания собак служил кнут, а не остол.

Нарта вышеописанного образца с поперечной упряжкой бытовала у приморских чукчей и эскимосов в конце XVIII и начале XIX в. Во второй половине XIX в. ее вытеснила прямокопыльная нарта и упряжка цугом. Первоначально новый вид упряжки употреблялся для

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, стр. 49.

² К. Дитмар. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг., ч. 1. СПб., 1901, стр. 139; M. Lessers. Journal historique du voyage, p. I. Paris, MDCCCXC. — В работе С. П. Крашенинникова о способе впрягания собак сказано неясно. Он пишет: «Алаки или лямки делаются из широких мяхих и вдвое изогнутых ремней, которые на собак через переднюю лопатку накладываются, правой собаке через левую, а левой через правую» (ук. соч., стр. 396). Из этого описания скорее можно допустить, что одна нога собаки продевалась в лямку.

³ С. П. Крашенинников, описывая культуру оседлых коряков, подчеркивает, что она мало отличалась от культуры ительменов. Он, как и другие исследователи конца XVIII в., ничего не упоминает о бытовании у коряков нарт особой конструкции.

⁴ К. Мерск. Beschreibung der Tschuktschi von ihren Gebäuden und Lebensart. Рукопись Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. [М.], 1948, стр. 313 и др.

¹ См. стр. 56.

дальних путешествий, старая же применялась для непродолжительных поездок, но к концу XIX в. она совершенно исчезла из обихода. Лишь при церемониальных и спортивных гонках пользовались поперечной упряжкой.

Русское население. В начале XIX в. русскому старожильческому населению побережья Ледовитого океана была уже известна современная восточносибирская нарта с цуговой упряжкой.¹ На Охотском побережье также существовала аналогичная нарта (табл. 6, 1) с упряжкой цугом (собаки прикреплялись попарно к потягу), упряжь была типично восточносибирская — «прямой» алык с двумя перемычками.² Вертикальная дуга отсутствовала на нартах у населения как Северного, так и Охотского побережий, но вместо нее пользовались запасным концом потяга. При помощи его возница отводил нарту в сторону. В конце XIX в. эту роль выполняла вертикальная дуга («стоячий баран»).³

Для понукания собак и остановки нарты употреблялся осто.

Амурский бассейн и о. Сахалин.

Сведений о конструкции нарты, способе упряжки и характере упряжи для территории бассейна Амура и Сахалина в XVIII в. в нашем распоряжении не имеется. Вероятно, все основные элементы упряжного собаководства в XVIII в. были те же, что и в конце XIX в. Во всяком случае для середины XIX в. об этом можно сказать определенно (табл. 6, 2).⁴

Западная Сибирь.

Если для конца XIX в. материалы по западносибирскому собаководству очень скудны, а порой и противоречивы, то это еще в большей степени относится к более раннему периоду. Некоторые исследователи вообще считали западносибирское собаководство очень поздним по происхождению и не имевшим еще твердо установившихся форм.⁵ Однако исторические источники скорее говорят об обратном. Целый ряд известий, относящихся к XVII в. и к более раннему периоду, указывает на бытование в Западной Сибири езды на собаках.

На табл. 6, 3, 4 изображена езда на собаках. Первый рисунок относится к концу XVII в., второй — к концу XVIII или началу XIX в. По ним можно определенно сказать, что упряжь в то время была такая же, как и в конце XIX в. (петля-лямка, обхватывающая заднюю часть туловища собаки, с ремнем, проходящим между задними ногами).

Относительно нарт материалы менее определены. Судя по приведенным изображениям, они отличались от описанных выше нарт ненцев, хантов и манси. Это длинная, узкая и довольно низкая нарта. На полозьях установлены четыре пары прямых копыльев, которые имеют дополнительные крепления ремнями, передок снабжен горизонтальной дугой. Она скорее напоминает

восточносибирскую нарту, чем те нарты, которые употребляли в Западной Сибири в конце XIX в. Особенно реалистично показывает езду на собаках деталь панно конца XVIII или начала XIX в., на котором изображена четырехкопыльная нарта с горизонтальной дугой, цуговая упряжка и упряжь, обхватывающая у собаки область таза¹ (табл. 6, 4).

Этим исчерпываются сведения об упряжном собаководстве народов Сибири конца XVIII и начала XIX в.

Сравнивая основные элементы упряжного собаководства этого периода с данными конца XIX—начала XX в., можно сделать несколько общих заключений. За 100 лет из обихода совершенно исчезла дугокопыльная нарта приморских чукчей, эскимосов и ительменов, ее место заняла прямокопыльная нарта. Большую роль в распространении последней сыграло русское население Сибири. Продвижение прямокопыльной нарты не ограничилось только районами Северо-Восточной Сибири, она достигла бассейна Амура, где вытеснила другой тип древней нарты, бытовавшей у нивхов и их соседей. Вероятно, в начале XIX в. или несколько ранее вышла из употребления древняя нарта населения Западной Сибири. Независимо от нее в северной части этой территории появилась новая нарта, заимствованная от оленного транспорта и приспособленная для впрягания собак.

За этот период можно также проследить унификацию упряжи. Почти все существовавшие в конце XVIII в. формы упряжи постепенно заменились лямкой с двумя перемычками. Исчезли в некоторых районах такие способы упряжки, как веерная; несколько позднее вышла из употребления амурская продольно-поперечная упряжка.

Следует заметить, что при смене форм упряжного собаководства некоторые особенности старого типа часто переносились на новый, заимствованный, если это оправдывалось практической потребностью. Так, в Амурском бассейне в начале XX в., когда в обиход стала уже входить новая восточносибирская нарта, упряжка цугом и грудная упряжь, можно было встретить использование нарты старого образца при новом типе упряжи. В восточносибирской нарте, бытующей на Амуре, имеется головной вяз, характерный для старой амурской нарты.

У ульчей долго еще сохранялись старые традиции в способе посадки: наряду с посадкой боком, которая обычно практиковалась при езде на восточносибирской нарте, часто можно было встретить посадку верхом.

Какими же причинами было вызвано исчезновение всех видов нарт, кроме восточносибирской, а параллельно этому и исчезновение старых форм упряжи и упряжек? Здесь в первую очередь следует учитывать развитие обменных отношений, вызванное проникновением русских товаров. В условиях изолированного существования в XVII—XVIII вв. разъезды с грузами были очень незначительными. Развитие обменных отношений с русскими подняло значение собачьего транспорта. Все старые виды ездовых нарт обладали небольшой грузоподъемностью и были рассчитаны на одного ездока; это относится и к дугокопыльной нарте ительменов, чукчей, и к прямокопыльной нарте народов Амурского бассейна. Эти нарты оказались непригодными к новым практическим потребностям, когда нужно было перевозить одновременно несколько человек и значительные грузы. В этих условиях восточносибирская нарта оказалась наиболее подходящей.

¹ Описание нарты и упряжи приведено в работах Геденштрома (Путешествие Геденштрома по Ледовитому морю и островам оного, лежащим от устья Лены к востоку. Сибирский вестник, 1822, ч. XVII, стр. 174—176), В. П. Врангеля (ук. соч., стр. 339, 340). В книге В. П. Врангеля имеется рисунок и чертеж нарты и упряжи.

² Путешествие флота капитана Сарычева по Северовосточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. . . под начальством флота капитана Биллингса, с 1785 по 1793 год, ч. I. СПб., 1802, рис. к стр. 36.

³ В некоторых районах Сибири и в настоящее время иногда прибегают к помощи запасного конца потяга при управлении упряжкой.

⁴ Л. Шренк, ук. соч.; Н. В. Буссе. Остров Сахалин и экспедиция 1853—54 гг. СПб., 1872.

⁵ В. Г. Богораз. Древние переселения народов в северной Евразии и в Америке. Сб. МАЭ, т. VI, Л., 1927, стр. 44.

¹ Панно находятся в коллекциях Музея антропологии и этнографии за № 5753, они описаны В. Н. Чернецовым в статье «Быт хантов и манси по рисункам XIX в.» (Сб. МАЭ, т. X, М.—Л., 1949). Имеются и другие гравюры, изображающие езду на собаках, но они менее четки.

II

Вопросами классификации упряжного собаководства занимались многие исследователи.¹ В. Г. Богораз в основу классификации брал лишь схему расположения собак в упряжке. В. И. Иохельсон дополнил классификацию В. Г. Богораз, включив в нее типы собачьей упряжи. Г. Монтандон развил и систематизировал главным образом типологию упряжи.

В настоящем разделе «Атласа» сделана попытка выделения определенных типов упряжного собаководства на основе изучения его отдельных элементов — нарт, упряжек и упряжи.

Типы нарт

В основу классификации нарт наиболее целесообразно положить их конструкцию, которая определяется в первую очередь формой и расположением копыльев, а также устройством полозьев, способами соединения отдельных частей, устройством кузова и некоторыми другими особенностями. Нарты в целом по наличию или отсутствию копыльев можно разделить на бескопыльные и копыльные. В упряжном собаководстве нарты всегда копыльные. Бескопыльная (корытообразная) нарта сохранилась у симских эвенков в качестве ручной, в которую иногда подпрягают собаку.

По форме и расположению копыльев могут быть выделены следующие типы нарт: прямокопыльные, дугокопыльные и косокопыльные.

В каждом типе по дополнительным конструктивным особенностям (форме отдельных частей, их размерам, технике крепления, наличию или отсутствию тех или иных деталей и т. д.) выделяются варианты.

Прямокопыльные нарты.

Копылья прямые, вертикально поставленные.

Выделяются два варианта: с передней и задней дугами,² с одной передней дугой.³

Нарта с передней и задней дугами (табл. I, 1, а).

Характерные признаки. Прямые, вертикально поставленные копылья (четыре-пять пар). Полозья загнуты с обеих сторон и снабжены спереди и сзади горизонтальными дугами. Крепление основных частей жесткое (табл. I, 1, б). Кузов отсутствует.

Распространение. В конце XIX и начале XX в. эта нарта была распространена повсеместно у нивхов, нанайцев, ульчей, орочей, айнов, частично негидальцев, удэгейцев. В настоящее время изредка употребляется в некоторых районах в Амурском бассейне в качестве грузовой нарты.

Нарта с одной передней дугой (табл. I, 2, а).

Характерные признаки. Прямые, вертикально поставленные копылья (три-четыре пары). Полозья загнуты только спереди. Имеется одна горизонтальная дуга (спереди) и одна вертикальная. Крепление полужесткое — соединение полозьев с копыльями и вязок с копыльями (табл. I, 2, б), и мягкое — соединение всех остальных частей. На настиле неглубокий кузов, обрамленный нащепами и боковыми переплетениями из ремней.

Распространение. В конце XIX и начале XX в. такая нарта была распространена у приморских чукчей, эскимосов, оседлых коряков, ительменов, русского старожильческого населения Сибири, частично у якутов, охотских эвенов и юкагиров, встречалась также у народов Амурского бассейна.

Дугокопыльные нарты.

Копылья в виде дуг; один конец дуги укреплен на одном, другой на втором полозе. Полозья загнуты только

спереди. Крепление мягкое, исключительно при помощи ремней.

Известны два варианта: двухкопыльный, многокопыльный.

Двухкопыльная нарта (табл. I, 3, а).

Характерные признаки. Нарта двухкопыльная, высокая. Крепление мягкое — дуги-копылья прикрепляются при помощи ремешков, пропущенных сквозь отверстия в полозьях (табл. I, 3, б). Передние концы полозьев соединены поперечиной. На копылья насажен ладьеобразный кузов.

Распространение. Этот вариант представлен старинной нартой ительменов. Кроме них, бытовал, по-видимому, и у оседлых коряков.

Многокопыльная нарта (табл. I, 4, а).

Характерные признаки. Нарта имеет семь-восемь дуг-копыльев, низкая. Концы дуг установлены в слабо обозначенные углубления на полозьях и укреплены с помощью ремешков (табл. I, 4, б). Каждый полоз загнут спереди и соединен с нащепом, образуя дугу. Настил — рама, расположенная на копыльях.

По конструкции эта нарта сходна с оленней нартой чукчей.

Распространение. В прошлом распространена была у эскимосов и приморских чукчей.

К концу XIX в. оба варианта дугокопыльной нарты вышли из употребления.

Косокопыльные нарты (табл. I, 5, а).

Характерные признаки. Копылья прямые (три, реже четыре пары), наклонно поставленные (наклон назад и вовнутрь), плотно укреплены в четырехугольных пазах полозьев (табл. I, 5, б). Полозья спереди соединены поперечиной. Кузов отсутствует. Крепление всех частей исключительно жесткое. По конструкции эта нарта сходна с оленней нартой пенцев.

Распространение. В Северо-Западной Сибири бытует у ненцев, встречается у хантов и манси.

Распространение вышеназванных типов нарт показано на карте 1.

Упряжка (способ расположения собак)

На территории Сибири известны два способа (типа) расположения собак в упряжке: продольная упряжка, поперечная упряжка.

Продольная упряжка.

Основу упряжки составляет потяг, идущий от горизонтальной дуги до передовой собаки; остальные собаки пристегиваются к потягу постромками.

Выделяются два варианта: попеременная упряжка («елочкой») и парная упряжка (цугом).

Попеременная упряжка («елочкой») (табл. II, 1).

Характерные признаки. Собаки пристегиваются к потягу короткими ремешками на равном расстоянии одна от другой, чередуясь попеременно (одна — справа, другая — слева).

Распространение. В конце XIX и начале XX в. попеременная упряжка бытовала у народов Амурского бассейна и на Сахалине — у нивхов, нанайцев, ульчей, орочей, айнов, частично у удэгейцев и негидальцев. В настоящее время почти вышла из употребления.

Парная упряжка (цугом) (табл. II, 2).

Характерные признаки. Собаки располагаются парами: одна собака справа, другая — слева. Они пристегиваются к потягу длинными постромками, а иногда еще дополнительно — за ошейники.

Распространение. В конце XVIII и начале XIX в. парная упряжка бытовала у русского населения Восточной Сибири и Дальнего Востока. Позднее распространилась у приморских чукчей, эскимосов, оседлых коряков, ительменов, северных якутов, оседлых охотских эвенов; в начале XX в. стала проникать в Амурский бассейн. В настоящее время употребляется повсеместно в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

¹ W. Bogoras. The Chukchee. Material Culture. Memoir of the Amer. Mus. of Nat. Hist., vol. VII, p. I, Leiden—New York, 1904; W. Jochelson. The Koryak. Material Culture and Social Organisation. Memoir of the Amer. Mus. of Nat. Hist., vol. VI, p. II, Leiden—New York, 1908; G. Montandon. L'ologénèse culturelle. Paris, 1934.

² В дальнейшем он именуется амурским вариантом.

³ В дальнейшем именуется восточносибирским вариантом.

Поперечная упряжка.

Собаки располагаются в один поперечный ряд.

Различают два варианта: веерная упряжка и блочная упряжка.

Веерная упряжка (табл. II, 3).

Характерные признаки. Длинные постромки, идущие от собачьих лямок, пристегнуты к кольцу на передке нарты, или же каждая в отдельности привязана к поперечине или горизонтальной дуге.

Распространение. В прошлом веерная упряжка была характерна для упряжного собаководства чукчей, эскимосов и, вероятно, ительменов. В конце XIX в. встречалась у хантов, манси и старожильского русского населения между Леной и Енисеем.

Блочная упряжка (табл. II, 4).

Характерные признаки. Постромки — одна на двух собак — пропущены в кольца, свободно двигаясь по ремню, привязанному к поперечине.

Распространение. Такая упряжка известна у отдельных групп ненцев и хантов.

Границы распространения типов упряжек в большинстве случаев совпадают с границами распространения определенных типов нарт. Так, попеременной упряжке соответствует прямокопыльная нарта амурского варианта, блочной упряжке — косокопыльная нарта, веерной — дугокопыльная. Совпадают также границы распространения упряжки цугом и прямокопыльной нарты восточно-сибирского варианта (за исключением районов между Леной и Енисеем, где наряду с упряжкой цугом существует и веерная).

Упряжь

В основу классификации типов упряжи положен способ ношения лямок собаками. По этому признаку представляется возможным все известные виды упряжи разделить на следующие четыре типа: шейная, грудная, тазовая и лопаточная.

Шейная упряжь.

Характерные признаки. Лямка-петля надевается собаке на шею и коротким ремнем привязывается к потягу. Собака тянет шеей.

Различаются два варианта: лямка из одной петли (табл. III, 1а и 1б) и лямка из двух петель (табл. III, 2а и 2б). Второй вариант более усовершенствованный. Он, кроме петли на шею, имеет еще добавочную петлю. Последняя обхватывает туловище собаки в области лопаток, захватывая передние ноги, на спине обе петли соединяются. Второй вариант (с двумя петлями) употреблялся главным образом для передовой собаки.

Распространение. Шейная упряжь характерна для народов Амурского бассейна и Сахалина — нивхов, нанайцев, ульчей, орочей, негидальцев, айнов, удгейцев.

Грудная упряжь.

Характерные признаки. Лямка-петля с одной или двумя поперечными перемычками пристегивается к потягу длинной постромкой. Голова собаки просовывается в петлю, перемычка или перемычки ложатся ей на спину.

Различаются два варианта: лямка с одной перемычкой — «косая» (табл. III, 3а и 3б) и лямка с двумя перемычками и дополнительным подбрюшным ремнем — «прямая» (табл. III, 4а и 4б). «Прямая» упряжь более совершенна; дополнительный ремешок, который проходит под брюхом, закрепляет лямку. При обоих вариантах собака тянет грудью.

Распространение. Первый вариант в конце XIX в. был еще распространен на Камчатке и Чукотке. Широко употреблялся ительменами, коряками и местным русским населением Камчатки, в меньшей степени — приморскими чукчами, азиатскими эскимосами и русским старожильским населением Северо-Востока.

Второй вариант известен от устья Енисея до побережья Тихого океана, на Охотском побережье (с конца XVIII в.) и в бассейне Амура (с начала XX в.).

Тазовая упряжь.

Характерные признаки. Лямка-петля надевается собаке на заднюю часть туловища, обхватывая область таза (табл. III, 5а и 5б). Длинная постромка проходит между задними ногами. При такой упряжи собака тянет задней частью туловища.

Распространение. В конце XIX и начале XX в. встречалась у хантов, манси и старожильского русского населения Западной и Средней Сибири.

Лопаточная упряжь.

Характерные признаки. Лямка из двух отдельных петель, соединенных перемычкой. В каждую петлю пропускается одна передняя нога собаки, перемычка ложится ей на спину между лопатками (табл. III, 6а и 6б). Собака тянет обеими лопатками.

Распространение. Лопаточная упряжь до второй половины XIX в. бытовала на Крайнем Северо-Востоке у эскимосов и приморских чукчей. За пределами Сибири известна в Америке.

На карте 2 показано распространение четырех типов собачьей упряжи, известных с конца XVIII в. Не нашла места в нашей классификации упряжь в виде лямки, распространенная у отдельных групп ненцев, так как не удалось выяснить детали ее устройства. Также неясным остается вопрос о типе старинной собачьей упряжи ительменов. Неизвестно, употребляли ли ительмены в прошлом, кроме грудной, еще простую лямку без перемычек, в которую просовывалась голова и одна передняя нога собаки.¹

Типы упряжного собаководства

Рассматривая составные элементы упряжного собаководства — разновидности нарт, формы упряжек и виды упряжи, — оказалось возможным объединить почти все известные виды нарт в три типа, формы упряжек — в два и виды упряжи — в четыре. Сочетание этих трех элементов не является случайным: как правило, определенному типу нарт соответствует определенный тип или вариант упряжи, а также упряжки. Это объясняется не только традициями, но и практической целесообразностью сочетания определенных форм. Так, например, для длинной восточносибирской нарты продольная упряжка более практична. Она всегда имеет горизонтальную дугу, которая служит не только буфером, предохраняющим полозья от поломок, но также, благодаря своей эластичности, придает нарте в движении большую упругость.

Сочетание определенных типов нарт и упряжек диктуется также условиями местности. В тайге поперечная упряжка малоприспособна, так как собаки постоянно наталкивались бы на препятствия и могли бы легко запутаться. Но в районах льдов и в речных долинах преимущество имеет поперечное расположение собак.

Основываясь на сочетании указанных трех основных элементов упряжного собаководства Сибири, можно в хронологических рамках XVIII—XX вв. выделить пять следующих типов упряжного собаководства.

Восточносибирский тип.

Нарта: прямокопыльная, с одной передней дугой (восточносибирский вариант).

Упряжка: продольная — парная (цугом).

Упряжь: грудная, в двух вариантах (лямка с одной перемычкой — «косая» и с двумя — «прямая»).

Посадка: боком, с правой стороны.

Способ управления: при помощи остола.

Распространение: чукчи, эскимосы, коряки, ительмены, русское старожильское население Восточной Сибири, оседлые охотские эвены, частично якуты и юкагиры; с начала XX в. известен народам Амурского бассейна.

Хронология: этот тип может быть прослежен с конца XVIII в.

¹ Возможно, что старинная упряжь ительменов являлась вариантом лопаточной (с одной петлей) или относилась к смешанному типу, лопаточно-грудному. Г. Монтандон относит ее к шейно-лопаточному (G. Montandon, ук. соч., стр. 131).

Амуро-сахалинский тип.

Нарта: прямокопыльная, с передней и задней дугами (амурский вариант).

Упряжка: продольная — попеременная («елочкой»).

Упряжь: шейная, в двух вариантах — лямка из одной петли и из двух петель (более поздняя).

Посадка: верхом.

Способ управления: с помощью двух остолов.

Распространение: нивхи, нанайцы, ульчи, айны, орочи, частично удэгейцы и негидальцы.

Хронология: этот тип в настоящее время почти вышел из употребления.

Чукотско-камчатский тип. Известен в двух вариантах: чукотском и камчатском.

Чукотский вариант.

Нарта: дугокопыльная (многокопыльный вариант).

Упряжка: поперечная (веерная).

Упряжь: лопаточная.

Посадка: верхом (?).

Способ управления: с помощью кнута.

Распространение: азиатские эскимосы, приморские чукчи.

Хронология: этот вариант перестал бытовать со второй половины XIX в.

Камчатский вариант.

Нарта: дугокопыльная (двухкопыльный вариант).

Упряжка: первоначально, по-видимому, веерная, позднее продольная (парная).

Упряжь: лопаточная (?) или близкая к ней, в XIX в. грудная (лямка с одной перемычкой).

Посадка: боком, с правой стороны.

Способ управления: с помощью остолов и вожжи.

Распространение: ительмены, коряки (?).

Хронология: этот вариант вышел из употребления во второй половине XIX в.

Западносибирский тип.

Нарта: прямокопыльная (детальная конструкция неизвестна).

Упряжка: продольная (парная).

Упряжь: тазовая.

Посадка: боком.

Способ управления: не известен.

Распространение: ханты, манси (?).

Хронология: этот тип бытовал предположительно до начала XIX в.

Северо-западный тип.

Нарта: косокопыльная.

Упряжка: поперечная (блочная).

Упряжь: основной тип упряжи трудно установить, иногда встречается тазовая.

Посадка: боком, с левой стороны.

Способ управления: с помощью хорея.

Распространение: у ненцев, редко у хантов, манси.

Хронология: тип очень позднего происхождения, возник предположительно в XIX в.

III

Как уже указывалось выше, на протяжении 100—150 лет на территории Сибири были известны пять типов упряжного собаководства (карта 3). Упряжное собаководство было характерно для народов Северо-Востока, основным занятием которых являлась охота на морского зверя или рыболовство. К таким народам относились приморские чукчи, эскимосы, оседлые коряки, ительмены, частично северные якуты, эвены и юкагиры. т. е. оседлое население Чукотского п-ва, Камчатки, Охотского побережья и Северного побережья от устья Лены до Колымы. Большое значение упряжное собаководство имело и у русских, живущих на этой территории, здесь оно также было связано с рыболовством.

Следующую группу народов, которые знали развитое упряжное собаководство, составляли рыболовы бассейна р. Амур и о. Сахалин — нивхи, нанайцы, ульчи, айны, орочи. У удэгейцев упряжное собаководство было только у северных групп, которые больше других занимались рыболовством.

Несколько иную картину представляет упряжное собаководство у народов Западной Сибири. Здесь собачий транспорт имел второстепенное значение, уступая место оленному и конному. Это наглядно можно наблюдать у хантов и манси. У ненцев упряжное собаководство имело очень ограниченное распространение, оно было известно только безолненным группам и было связано в большей степени с охотой, чем с рыболовством.

Вопросы происхождения разных типов упряжного собаководства, равно как и отдельных его элементов, весьма сложны¹. Из всего круга вопросов, связанных с генезисом упряжного собаководства, остановимся лишь на некоторых.

Использование собаки в качестве тягловой силы несомненно появилось раньше упряжного собаководства. Совсем недавно широко практиковалось впрягание собаки в ручные нарты у многих народов Сибири, не имеющих специальных упряжных собак. Это применялось в основ-

ном в трех областях хозяйственной деятельности: на промысле в тайге, где охотник вместе с собакой тащил нарту с припасами (ханты, манси, кеты, селькупы, верхоянские, амгуно-чумиканские и некоторые другие группы эвенков, орочи, удэгейцы, ороки); во время перекочевков, когда за отсутствием упряжных животных человек и собака перевозили домашний скот и детей (верхнеколымские юкагиры, сымские эвенки); для мелких хозяйственных работ — подвозки дров, воды и т. д. преимущественно женщинами и детьми (ханты, манси, кеты, коми, селькупы).

В тягловом собаководстве сохранились наиболее примитивного вида нарты и упряжь; таковы, например, волокуша (непские эвенки), бескопыльная нарта (сымские эвенки) и другие формы примитивных нарт, не применяемые в упряжном собаководстве.

Конструкция и формы ручных нарт, точно так же как и упряжи, весьма разнообразны. Мы остановимся лишь на тех, которые сходны с нартами упряжного собаководства. К ним могут быть отнесены следующие разновидности нарт: 1) охотничья (ручная) нарта кетов, селькупов, хантов и манси, 2) другая разновидность охотничьей нарты Западной Сибири, распространенная также в Саяно-Алтайском нагорье и на Европейском Севере, 3) ручная нарта хантов и манси, конструктивно аналогичная собачьей и оленной, 4) охотничья нарта Амурского бассейна (у орочей, удэгейцев, амурских эвенков). Можно считать, что нарты, употребляемые в упряжном собаководстве, восходят к более древним формам ручных нарт. Однако вопрос по отношению к отдельным типам оказывается более сложным.

Охотничья нарта Амурского бассейна (рис. 1) тождественна с собачьей нартой (табл. 2, 1), распространенной на этой территории (амурский вариант), но меньших размеров. Она имеет такой же формы вертикально поставленные копылья (но не четыре-пять пар, как в собачьей, а только две-три), такие же полозья, загнутые с обоих концов и снабженные двумя горизонтальными дугами, одинаковую технику крепления. Амурская охотничья нарта по сравнению с собачьей была более широко рас-

¹ М. Г. Левин. О происхождении и типах упряжного собаководства. Советская этнография, 1946, № 4.

пространена. Кроме тех народов Амурского бассейна, которые занимались ездовым собаководством, охотничью нарту употребляли все группы удэгейцев и амурские эвенки. Имеющиеся материалы пока не позволяют решить вопроса о том, послужила ли охотничья нарта прототипом для собачьей или наоборот. Известно, что у амурских эвенков охотничья нарта этого типа появилась только в XX в., когда эвенки в некоторых районах утратили оленей и должны были заниматься главным образом охотой.

Более определенно можно сказать о происхождении ручной нарти, бытующей у хантов, манси (рис. 2).

Конструктивно она не имеет отличий от оленьей нарти Западной Сибири, но делается несколько меньших размеров. Ею пользуются исключительно для мелких хозяйственных работ около дома с собакой или без собаки; такая нарта очень часто употребляется в качестве детских салазок. Пазовая техника крепления (отверстия выдалбливаются с помощью долота) скорее говорит о копировании ручной нарти с оленьей.

Охотничья ручная нарта кетов (табл. 4, 1) имеет прямые копылья, чаще наклоненные назад, и довольно глубокий кузов из драпок. Такая нарта распространена у кетов главным образом в качестве охотничьей для подвозки припасов в тайгу. Охотник везет нарту сам, а чаще припрягает в нее одну-две собаки. Таким способом пользуются нарткой селькупы, ханты и манси. У последних количество впрягаемых собак бывает и больше. Вопрос об отношении этой разновидности ручной нарти к типам собачьих нарт остается пока нерешенным.

Наибольший интерес в генетическом плане представляет западносибирская охотничья нарта (рис. 3). Она широко распространена в Западной Сибири, включая и Северный Алтай. Такая нарта известна шорцам, северным алтайцам, хакасам, кетам, коми, русским охотникам севера Европы и Зауралья; с некоторыми отличиями в деталях она встречается также у эвенков.

Это прямокопыльная нарта; три, реже четыре или две пары копыльев поставлены вертикально; каждая пара соединена вязками, на которых укреплен настил. Верхушки копыльев соединяют нащепы, по одному с каждой стороны; между ними и настилом образуется род кузова. Боковые стенки кузова переплетаются ремнями или веревками. В северных районах к загнутым передним концам полозьев прикрепляется горизонтальная дуга, на нартах Саяно-Алтайского нагорья она отсутствует.

Сравнивая этот вид охотничьей нарти с прямокопыльной собачьей нарткой (восточносибирским вариантом), можно заметить, что по конструкции обе должны быть отнесены к одному типу. Как в той, так и в другой прямые, вертикально поставленные копылья, дополнительно закрепленные ремешками, одинакового устройства кузов с характерными переплетениями. Сходство довершает горизонтальная дуга. Отличия относятся лишь к размерам и к более тщательной отделке собачьей нарти.

Принимая во внимание такое поразительное сходство, можно высказать предположение, что восточносибирская собачья нарта ведет свое происхождение от западносибирской ручной охотничьей нарти. К этому вопросу мы вернемся ниже, после описания видов упряжи, применявшейся в тягловом собаководстве.

Собачья упряжь для ручной нарти весьма разнообразна и не имеет четко установившихся форм. Наиболее характерным являются два типа упряжи — тазовая и шейная (последняя в обоих вариантах — с одной и двумя петлями-лямками); грудная встречается чрезвычайно редко. Отсутствие устойчивости форм проявляется также в бытовании обоих типов упряжи у одного и того же народа. Кеты применяют как тазовую, так и шейную упряжь. О характере упряжек в тягловом собаководстве говорить не приходится, так как за редким исключением в ручную нарту впрягается только одна собака.

Вопрос о генезисе восточносибирского варианта прямокопыльной нарти тесно связан с вопросом о происхождении восточносибирского типа упряжного собаководства в целом. Имеющиеся материалы позволяют заключить, что в распространении восточносибирского типа упряжного собаководства большую роль сыграло русское население.

Можно проследить продвижение восточносибирского варианта прямокопыльной нарти с запада на восток. За 100 лет эта нарта из районов между Леной и Индигиркой распространилась до побережья Тихого океана на востоке и до Амура на юге. В. И. Иохельсоном было высказано мнение, что русские заимствовали собачью нарту от юкагиров и, усовершенствовав ее, распространили дальше на восток.¹ Хотя у юкагиров в конце XIX в. и был распространен восточносибирский вариант нарти, эта гипотеза встречает возражения. Во-первых, отсутствуют достаточные данные о знакомстве юкагиров с упряжным собаководством до прихода русских. Во-вторых, трудно объяснить, почему русские обратили внимание на собачью нарту, только достигнув Индигирки и Колымы.

Рис. 1. Ручная охотничья нарта. Удэгейцы.

Тягловое и, по-видимому, упряжное собаководство было известно местному населению Западной Сибири задолго до его знакомства с русскими. Здесь же бытовала и ручная охотничья нарта, сходная с нарткой восточносибирского типа упряжного собаководства. Более правдоподобно поэтому приурочить возникновение восточносибирского варианта прямокопыльной нарти к районам Западной Сибири.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в данном случае, несмотря на сходство ручной западносибирской нарти с восточносибирской, вряд ли можно говорить о простом перенесении конструкции и формы с охотничьей нарти на собачью.

Материалы XVIII в. и более раннего периода свидетельствуют о том, что хантам была известна собачья нарта, по-видимому, несколько отличной конструкции. Она также была прямокопыльной, с горизонтальной дугой,

¹ W. Jochelson, ук. соч., стр. 510, 511.

но без кузова или с неглубоким кузовом, без характерных сетевых переплетений боковых сторон; употреблялась с тазовым типом упряжи.

Можно предположить, что именно этот вид нарты и лег в основу создания нового варианта нарты — восточносибирской. На это указывает конструкция собачьей нарты, бытовавшей еще в XX в. у старожильского русского населения р. Пясины (табл. 4, 3). Последняя конструктивно сходна с восточносибирской, но имеет очень неглубокий

заклучить, что русское население Сибири явилось не только распространителем, но и создателем восточносибирского типа упряжного собаководства.

В. Г. Богораз считал, что езда на собаках в Западной Сибири «явно позднейшего происхождения».¹

Если в отношении северо-западного типа (с косокопильной нартой и блочной упряжкой) это положение правильно, то оно никак не может быть распространено на упряжное собаководство Западной Сибири в целом. Сведения об

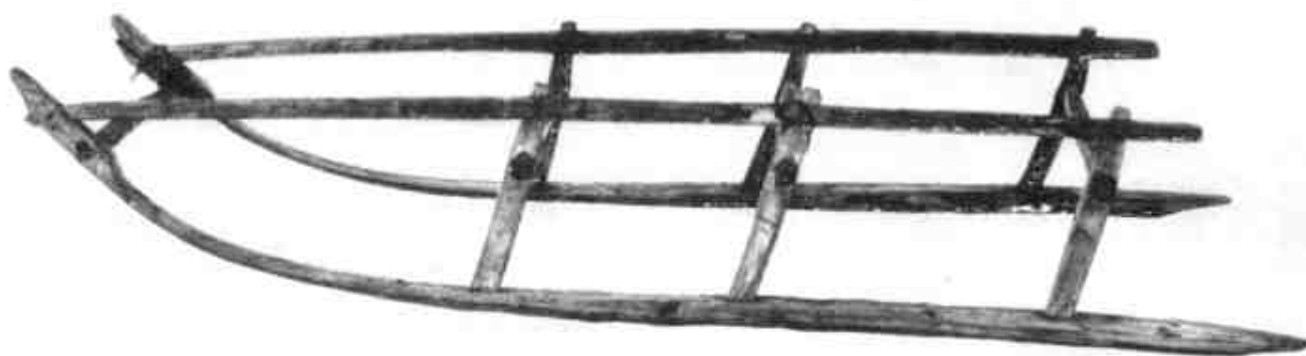

Рис. 2. Ручная норта. Ханты.

кузов, в ней отсутствуют ременные переплетения боковых сторон и вертикальная дуга. Поскольку эта изолированная группа русских сохранила много архаических черт в своем быту, можно допустить, что их вариант собачьей нарты наиболее приближается к прототипу. Интересно, что архаические черты в собаководстве этой группы населения прослеживаются и в упряжи: у пясинских русских до первой четверти XX в. преобладала тазовая упряжь. Заслуживает внимания гравюра из работы Г. Сарычева (табл. 6, 1), на которой изображена езда на собаках в окрестностях Охотска; норта очень близка к восточносибирской, но также не имеет вертикальной дуги и переплетений.

употреблении собак для езды на этой территории содержится во многих исторических известиях, относящихся к XV—XVII вв. и к более раннему времени.² В. Н. Чернецов в доказательство древности упряжного собаководства Западной Сибири приводит лингвистические данные: мансийский термин для грузовой оленьей нарты *амп сум* в буквальном переводе означает — «собачья норта». Это, по его мнению, «указывает на то, что в былое время в нарту впрягалась собака».³

Выше уже отмечалось, что в Западной Сибири можно проследить хронологически два различных типа упряжного собаководства. Первый (западносибирский) предшествовал, по-видимому, оленеводству. Ко второму типу

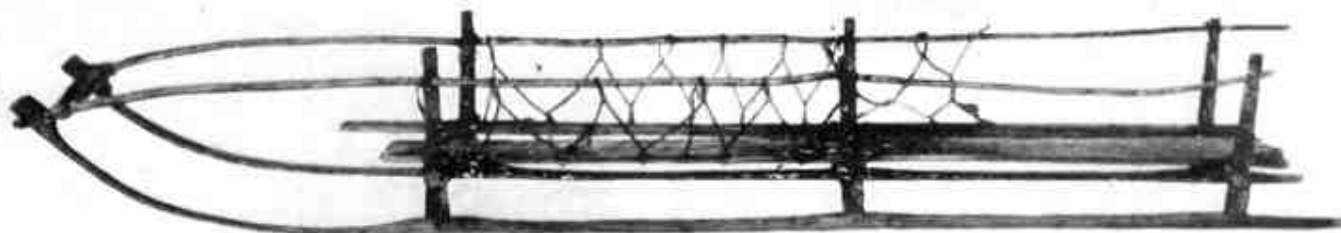

Рис. 3. Ручная охотничья норта. Алтайцы.

В целом развитие восточносибирской нарты рисуется следующим образом. Русские, познакомившись с транспортным собаководством Западной Сибири, воспользовались этим очень удобным средством передвижения. Первоначально, по-видимому, они употребляли местную ездовую нарту, но быстро ее усовершенствовали, дополнив конструкцию некоторыми особенностями ручной охотничьей нарты: увеличили глубину кузова, снабдили переплетениями и т. д. В таком виде норта проникла в Восточную Сибирь, а отсюда постепенно распространилась на Охотское побережье, на Чукотку и Камчатку, на Амур, вытеснив из этих мест все существующие до того времени виды нарты.

Параллельно с усовершенствованием нарты шло и усовершенствование упряжи. Плохо приспособленная для перевозки грузов, сильно изнуряющая собак тазовая упряжь Западной Сибири была заменена новой — грудной, которая является подражанием конской сбруи. Возможно, что и продольно-парная упряжка также ведет свое происхождение от конской упряжки пугом. В целом можно

(северо-западному) относится собаководство ненцев; оно распространено у тех групп или отдельных семей, которые в силу разных причин лишились оленей и вынуждены были заниматься охотничьим промыслом. Ездовые собаки употреблялись при объезде настороженных пастей. В северо-западном упряжном собаководстве норта та же, что и оленья, изменена очень незначительно (норта стала более низкой и менее громоздкой). Способ расположения собак в точности воспроизводит упряжку оленей. Сходство дополняют способ посадки на нарте (с левой стороны) и употребление хорея для управления упряжкой (вместо остола). Современный северо-западный тип упряжного собаководства несет на себе яркие следы недавнего про-

¹ В. Г. Богораз, ук. соч., стр. 44.

² М. Г. Левин, ук. соч., стр. 100, 101.

³ В. Н. Чернецов. Термины средств передвижения в мансийском языке. Сб. статей «Памяти В. Г. Богораза (1865—1936)». М.—Л., 1937, стр. 350.

исхождения от транспортного оленеводства и не имеет, по-видимому, генетической связи с древним западно-сибирским типом.

Суммируя изложенные материалы, касающиеся происхождения упряжного собаководства Сибири и развития отдельных его типов, мы приходим к следующим основным выводам.

1. Базой для возникновения упряжного собаководства явилось использование собаки в помощь человеку, главным образом при перевозке грузов. Возникновение упряжного собаководства и дальнейшее его развитие было обусловлено в основном специализацией рыболовецкого хозяйства. Ручная нарта удовлетворяла потребности охотничьего хозяйства. Когда же из массы древних охотничье-рыболовных племен Сибири выделились рыболовы и охотники на морского зверя и создались условия, обеспечивавшие содержание большого

количества специальных транспортных собак (запасы корма), возникло упряжное собаководство.

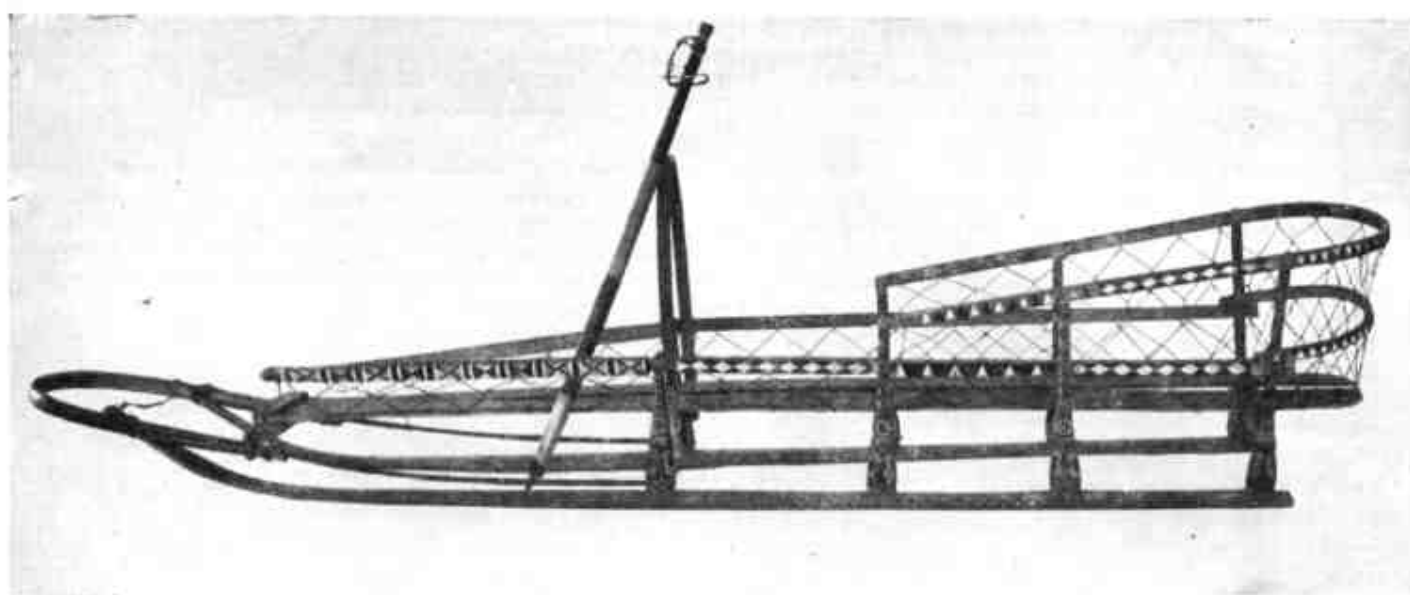
2. Пять описанных выше типов упряжного собаководства возникли независимо в разных центрах, хронологически неодновременно.

Самый молодой из них — северо-западный тип. Он возник, по-видимому, лишь в XIX в. Составные элементы этого типа отражают непосредственное влияние нартенного оленеводства.

Восточносибирский тип упряжного собаководства также имеет позднее происхождение; его возникновение и развитие связано с появлением русских в Сибири и может быть датировано XVI—XVII вв.

Амуро-сахалинский, чукотско-камчатский и западносибирский типы хронологически предшествовали восточносибирскому. Датировка их может быть дана только с накоплением археологических материалов.

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ (КОНЕЦ XIX-НАЧАЛО XX В.)

1

2

3

4

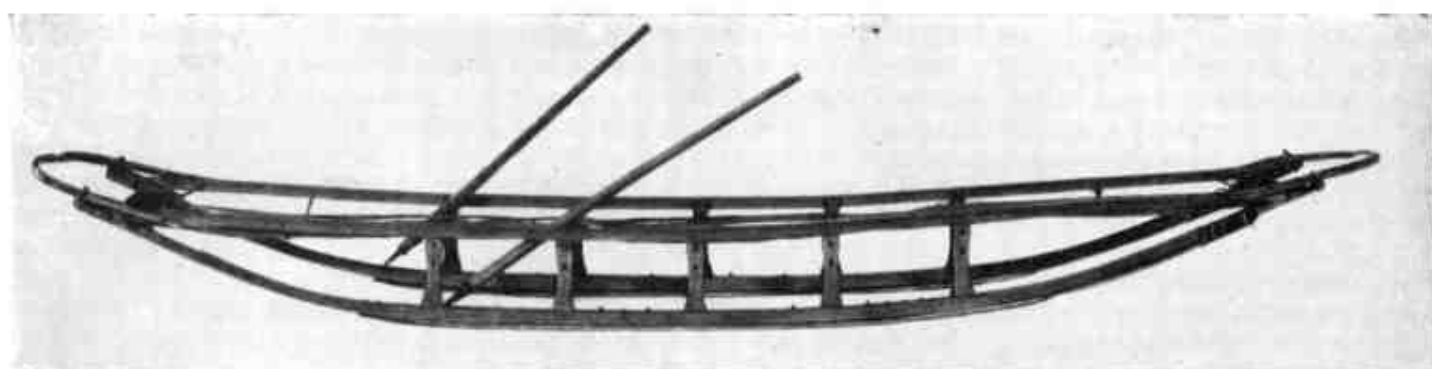

5

ТАБЛИЦА 1

1 — нарта с остолём; 2, 3 — «косая» упряжь; 4 — «прямая» упряжь; 5 — езда на собаках (1 — русское население р. Анадырь; 2-5 — ительмены, русское население Камчатки).

АМУРСКИЙ БАССЕЙН И О. САХАЛИН (КОНЕЦ XIX-НАЧАЛО XX В.)

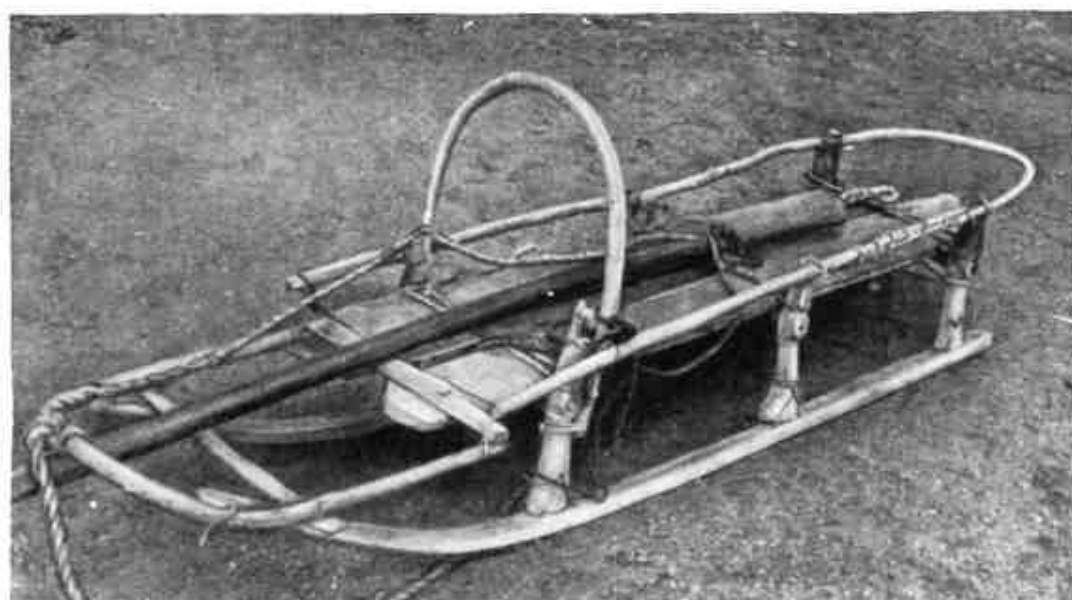
1

2

3

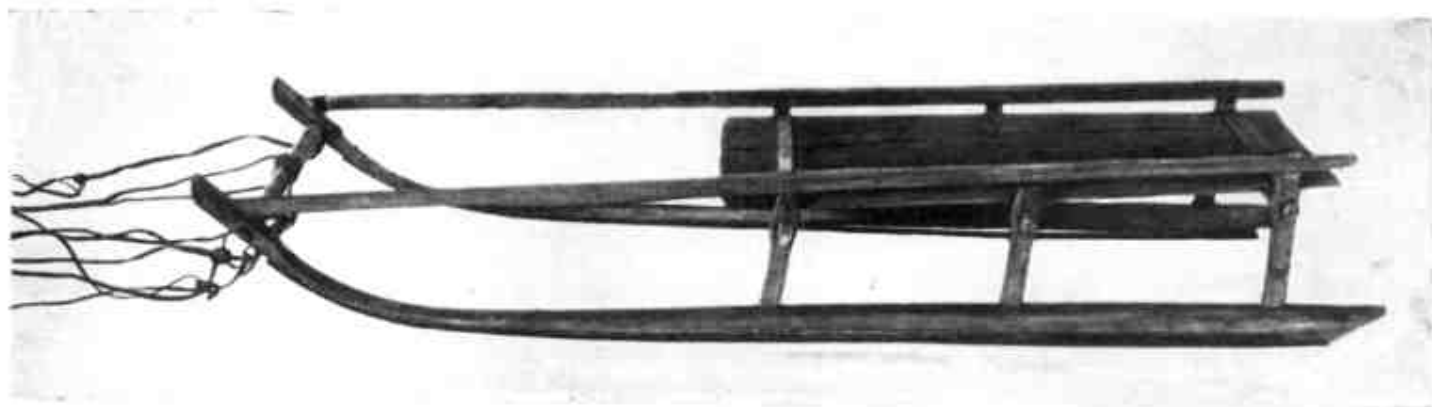

4

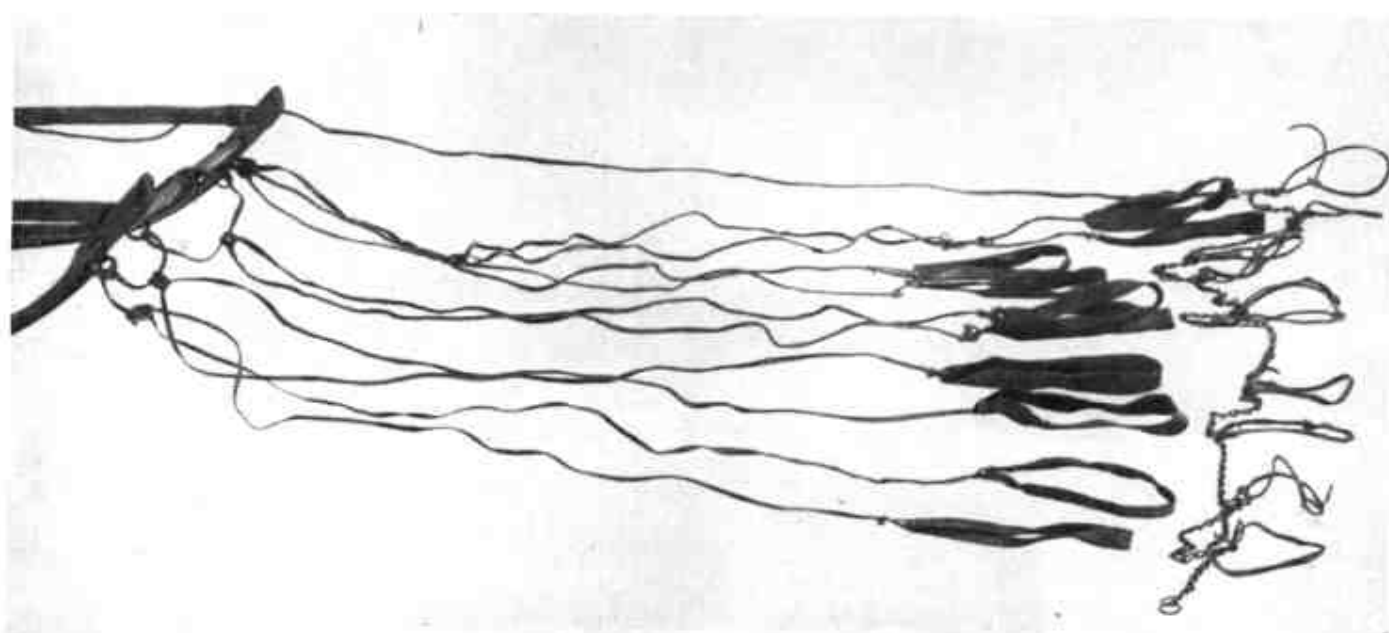
ТАБЛИЦА 2

1 — нарта с остолами; 2 — езда на собаках; 3 — упряжь (лямка из двух петель); 4 — восточносибирская нарта (1, 2, 4 — нивхи; 3 — нанайцы).

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ (КОНЕЦ XIX-НАЧАЛО XX В.)

1

2

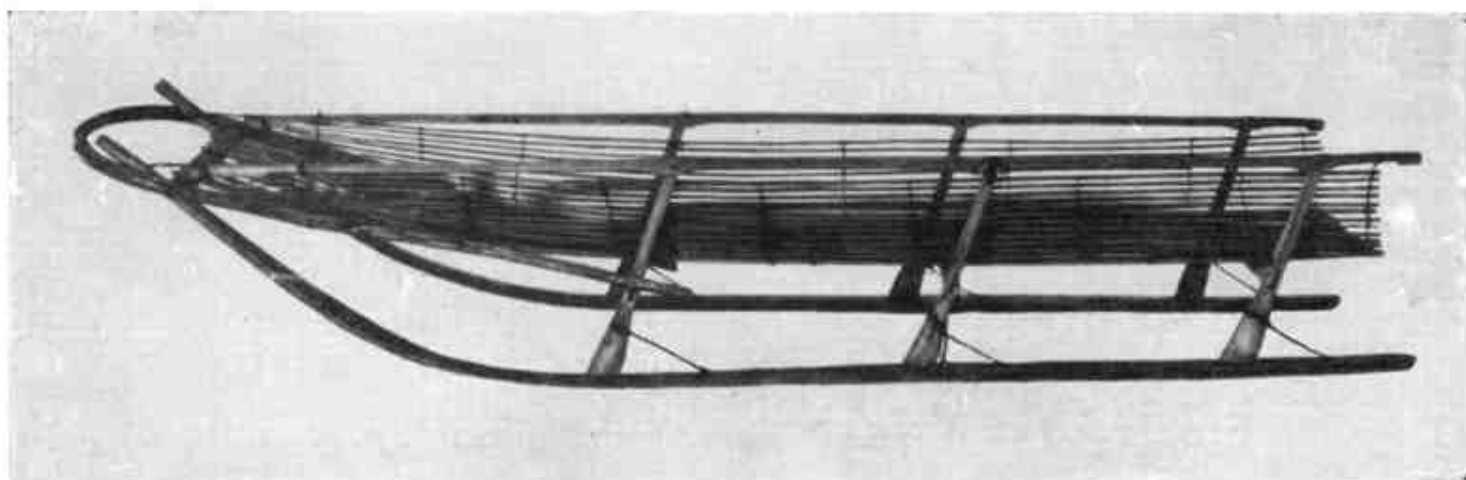

3

ТАБЛИЦА 3

1 — нарта; 2 — упряжка; 3 — собаки в упряжке (1—3 — ненцы).

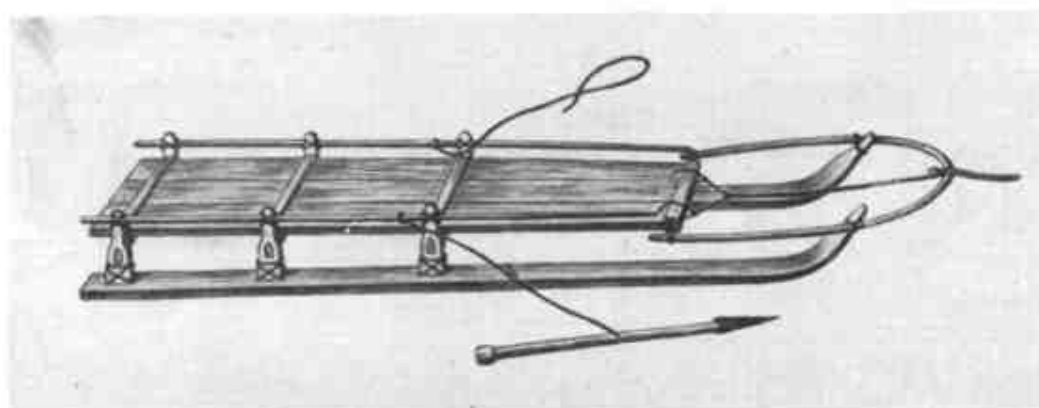
ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ (КОНЕЦ XIX-НАЧАЛО XX В.)

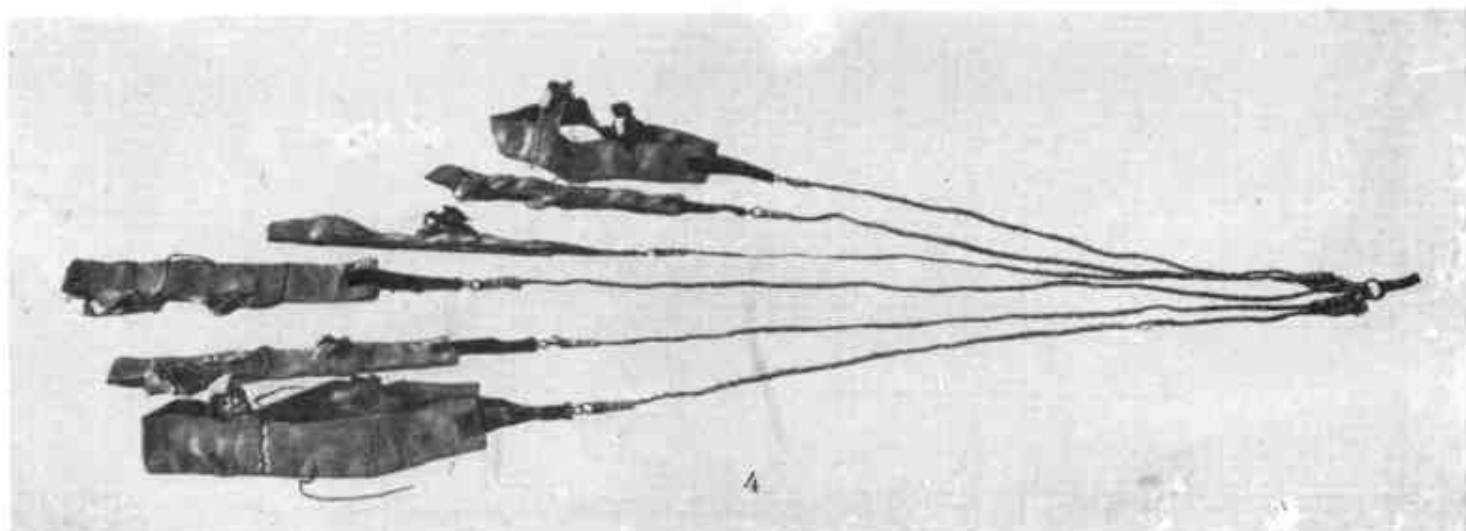
1

2

3

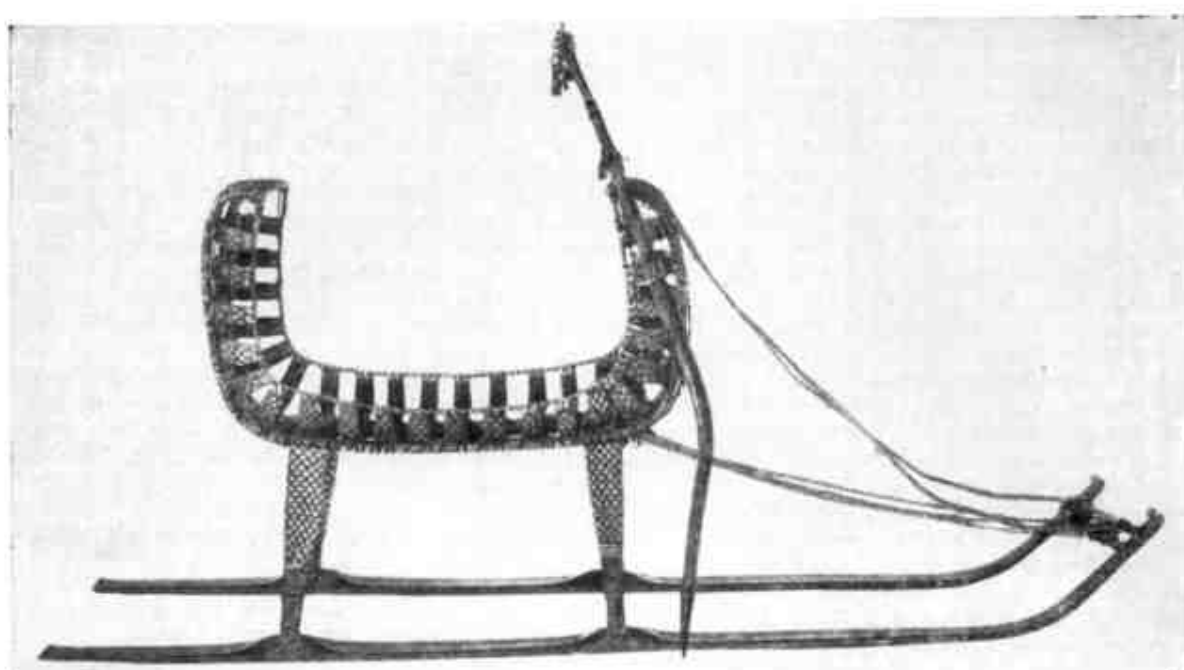

4

ТАБЛИЦА 4

1 — собачья и ручная нарта; 2 — собаки в упряжке; 3 — нарта; 4 — веревная упряжка (1, 2 — ханты; 3—4 — русское население).

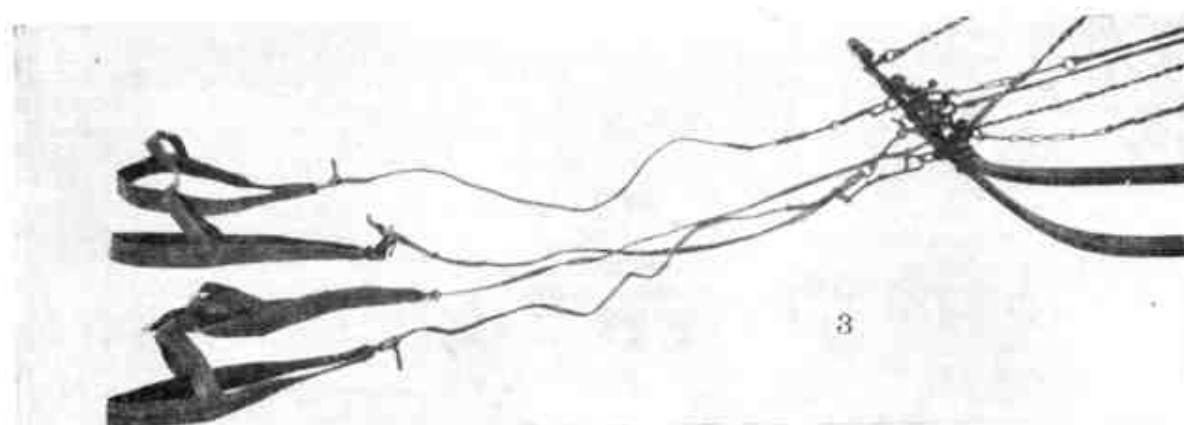
ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ (КОНЕЦ XVIII-НАЧАЛО XIX В.)

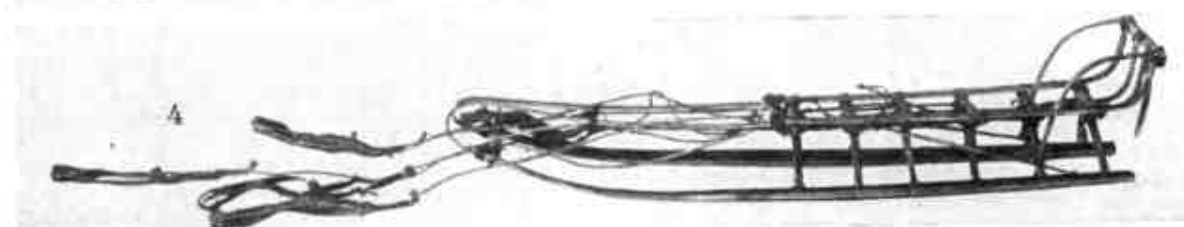
1

2

3

5

ТАБЛИЦА 5

1 — ездая нарта с остолом; 2 — езда на собаках; 3 — всерная упряжка; 4 — нарта; 5 — езда на собаках (1-3 — ительмены; 4, 5 — эскимосы).

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ (КОНЕЦ XVIII-НАЧАЛО XIX В.)

1

АМУРСКИЙ БАССЕЙН И О. САХАЛИН
(НАЧАЛО XIX В.)

2

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ (XVIII-НАЧАЛО XIX В.)

3

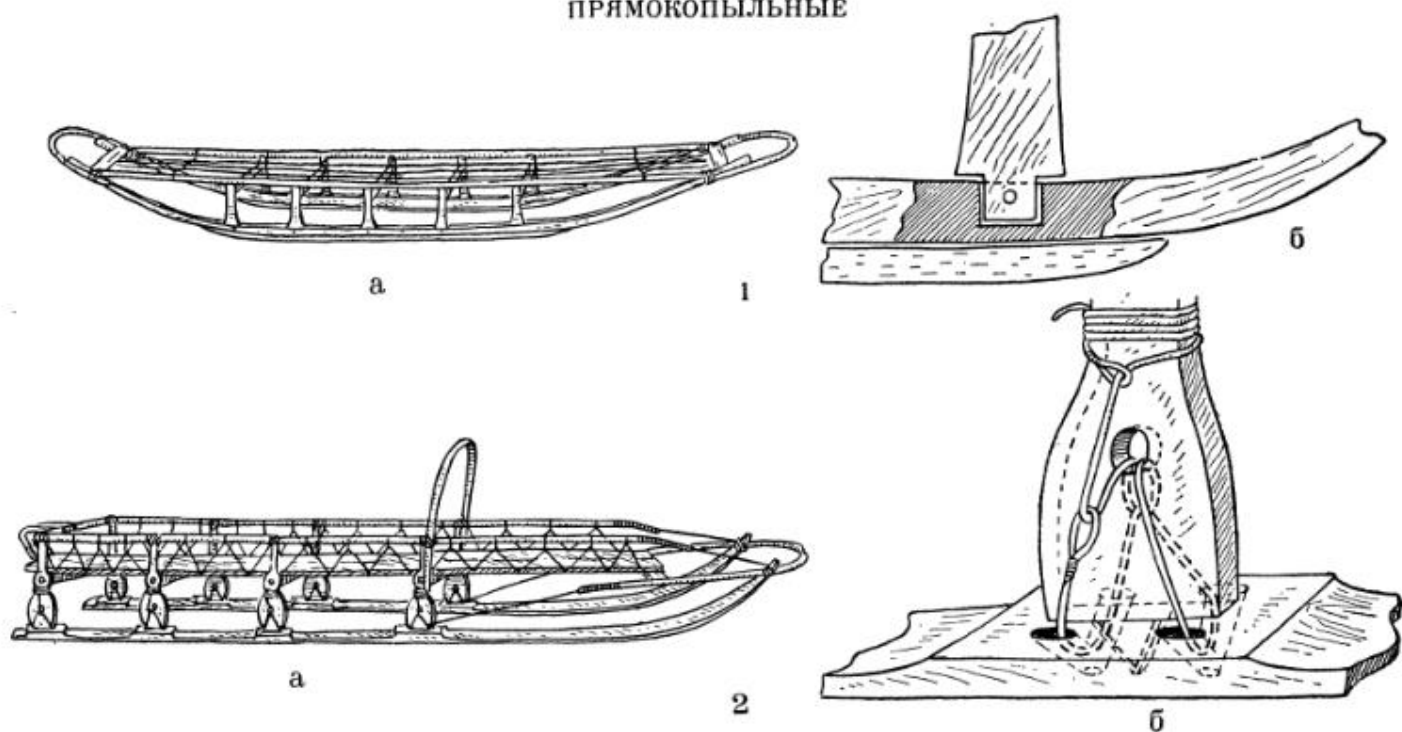
4

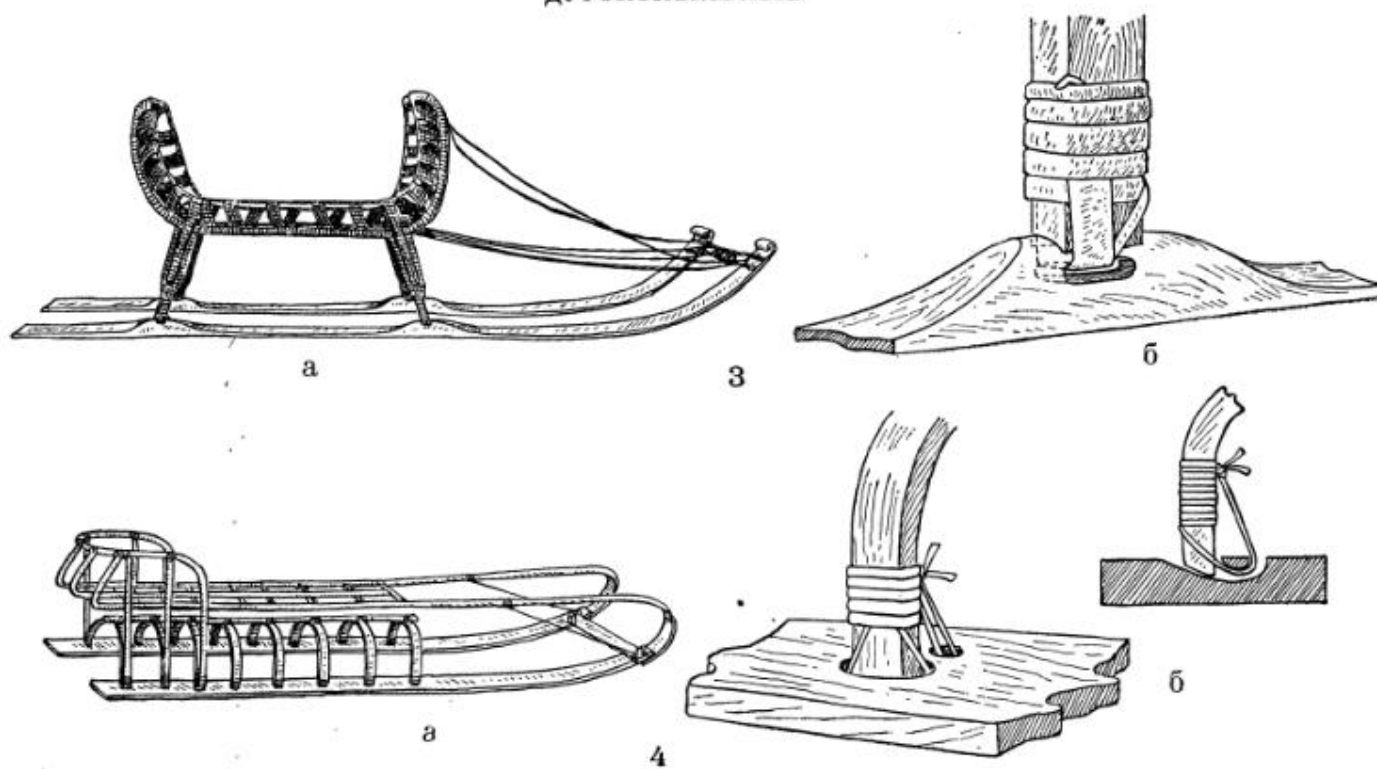
ТАБЛИЦА 6

1 — езда на собаках; 2 — нарта и упряжные собаки; 3 — езда на собаках в районе Оби; 4 — езда на собаках (деталь панно).

ТИПЫ НАРТ
ПРЯМОКОПЫЛЬНЫЕ

ДУГОКОПЫЛЬНЫЕ

КОСОКОПЫЛЬНЫЕ

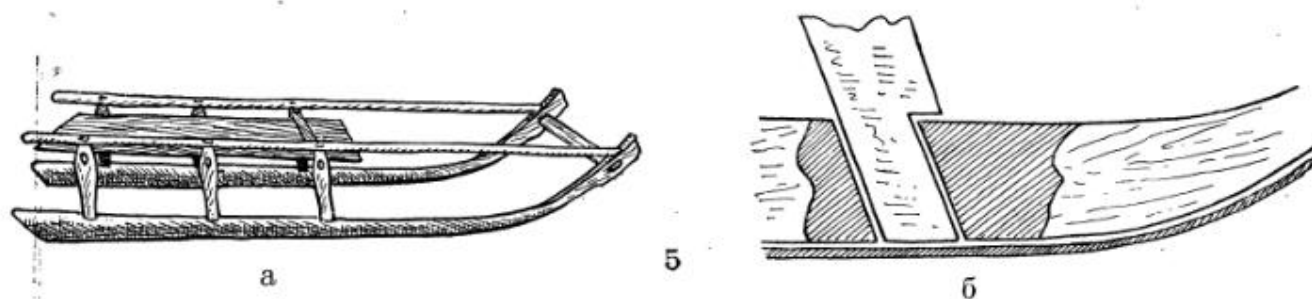

ТАБЛИЦА I

1 — нарта с передней и задней дугами (амурский вариант): а — нарта, б — крепление копыла с полозом; 2 — нарта с одной передней дугой (восточносибирский вариант): а — нарта, б — крепление копыла с полозом; 3 — двухкопильная нарта: а — нарта, б — крепление копыла с полозом; 4 — многокопильная нарта: а — нарта, б — крепление копыла с полозом и разрез крепления; 5: а — нарта, б — крепление копыла с полозом.

ТИПЫ УПРЯЖЕК

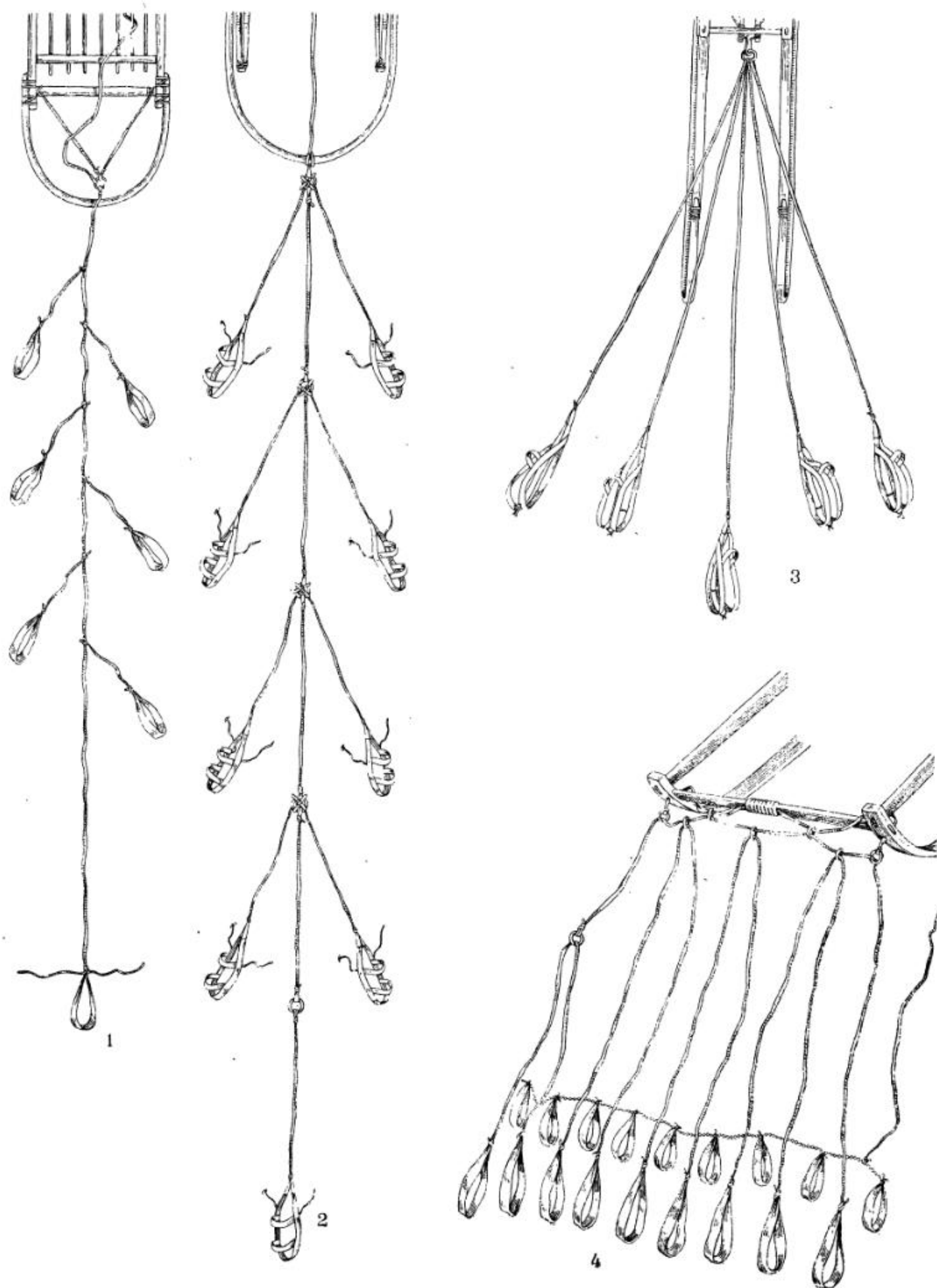

ТАБЛИЦА II

1, 2 — продольная упряжка (1 — попеременная, 2 — парная); 3, 4 — поперечная упряжка (3 — всерная, 4 — блочная).

ТИПЫ УПРЯЖИ

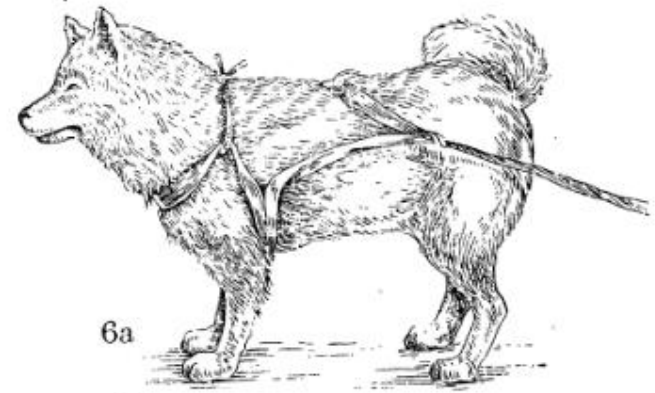
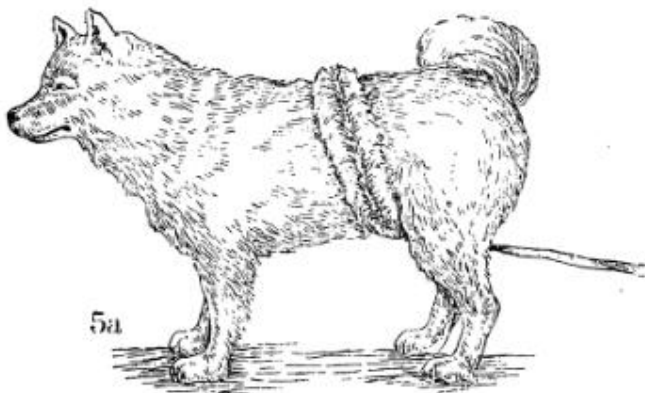
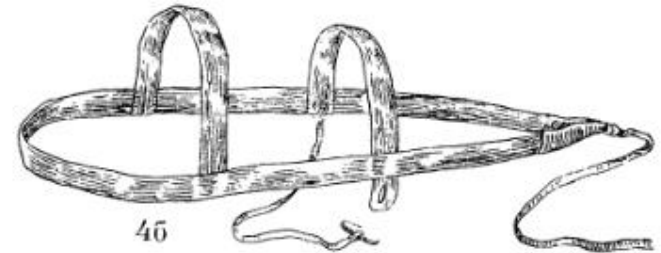
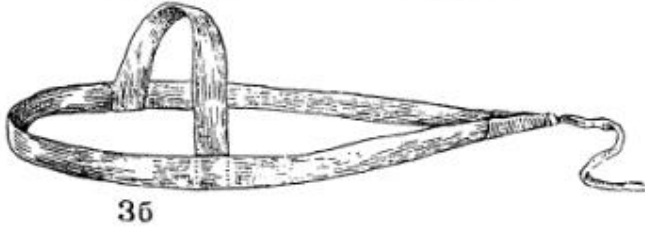
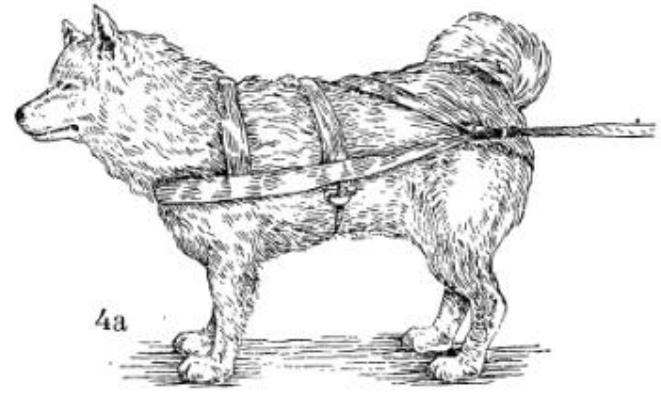
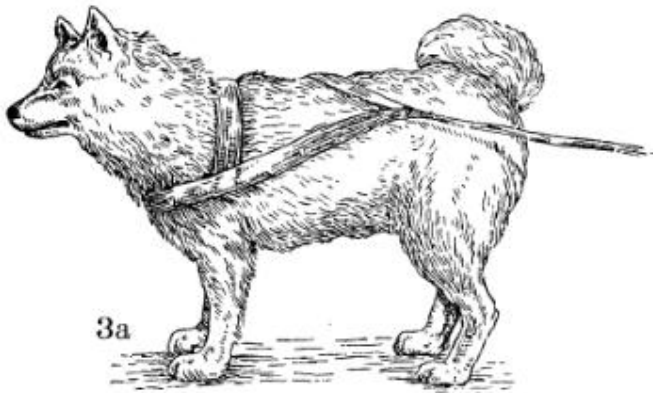
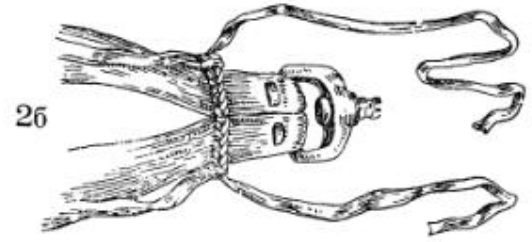
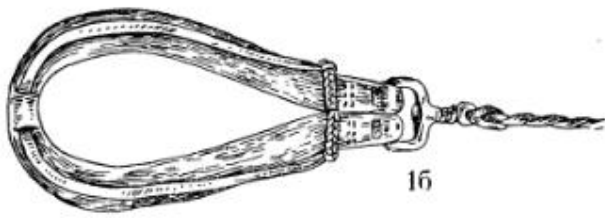
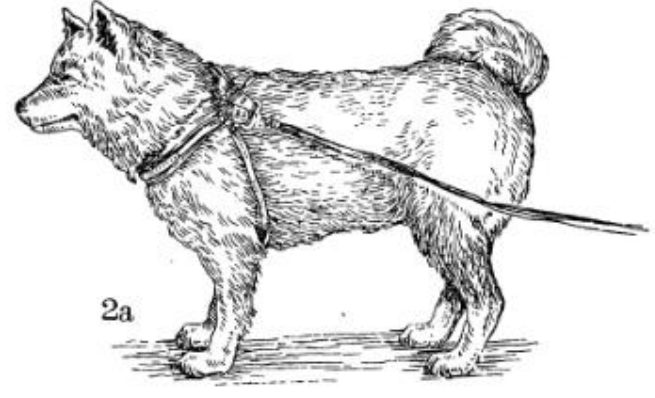
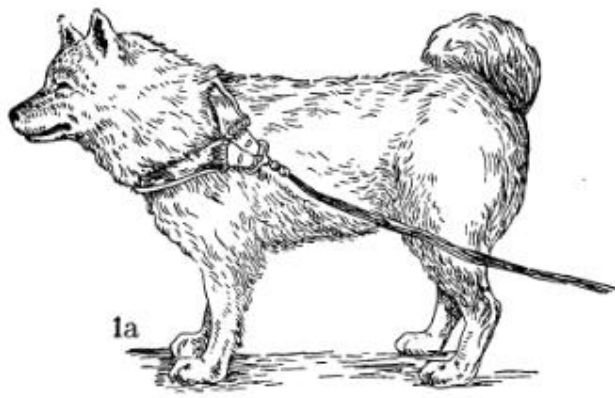
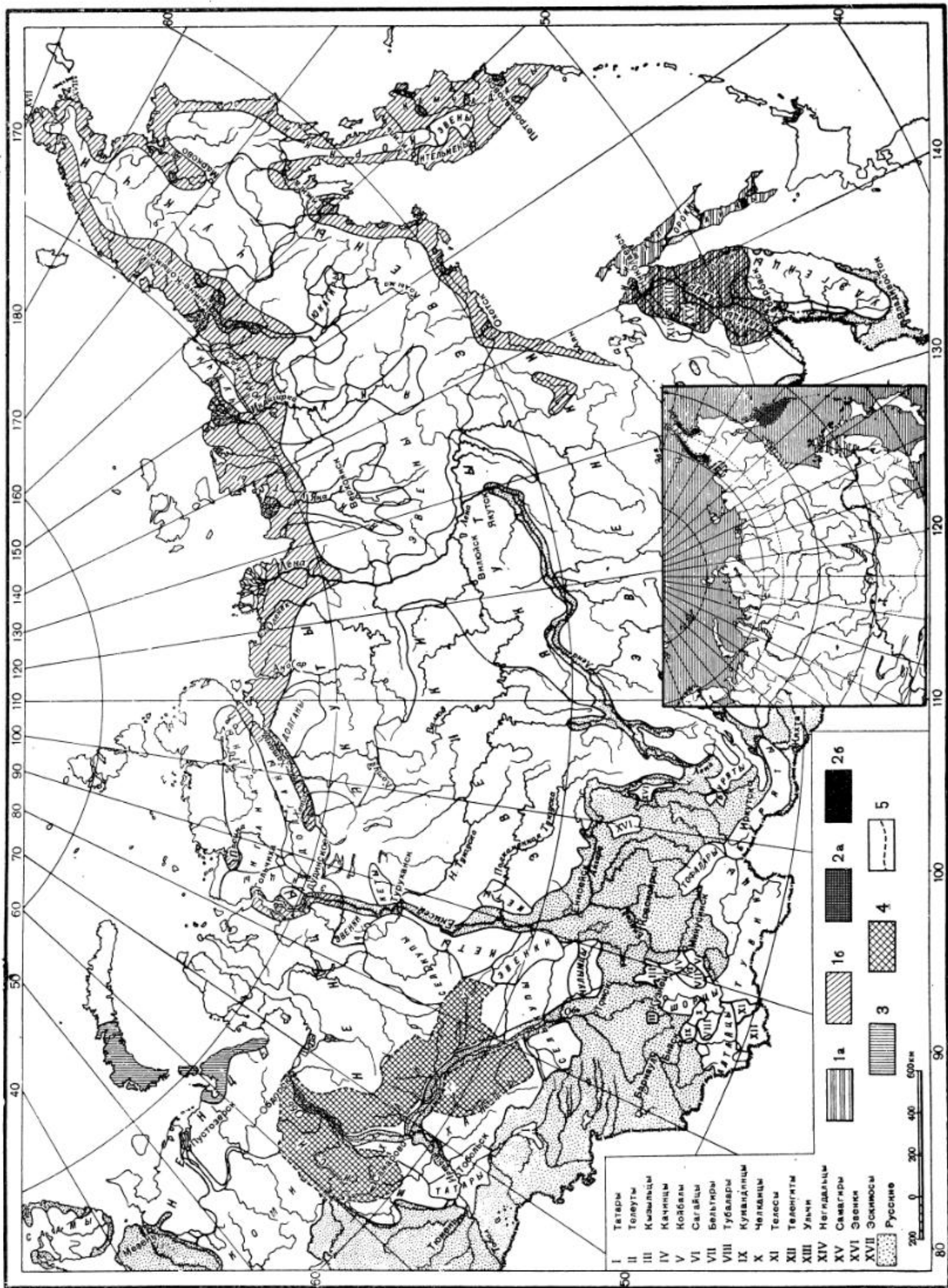

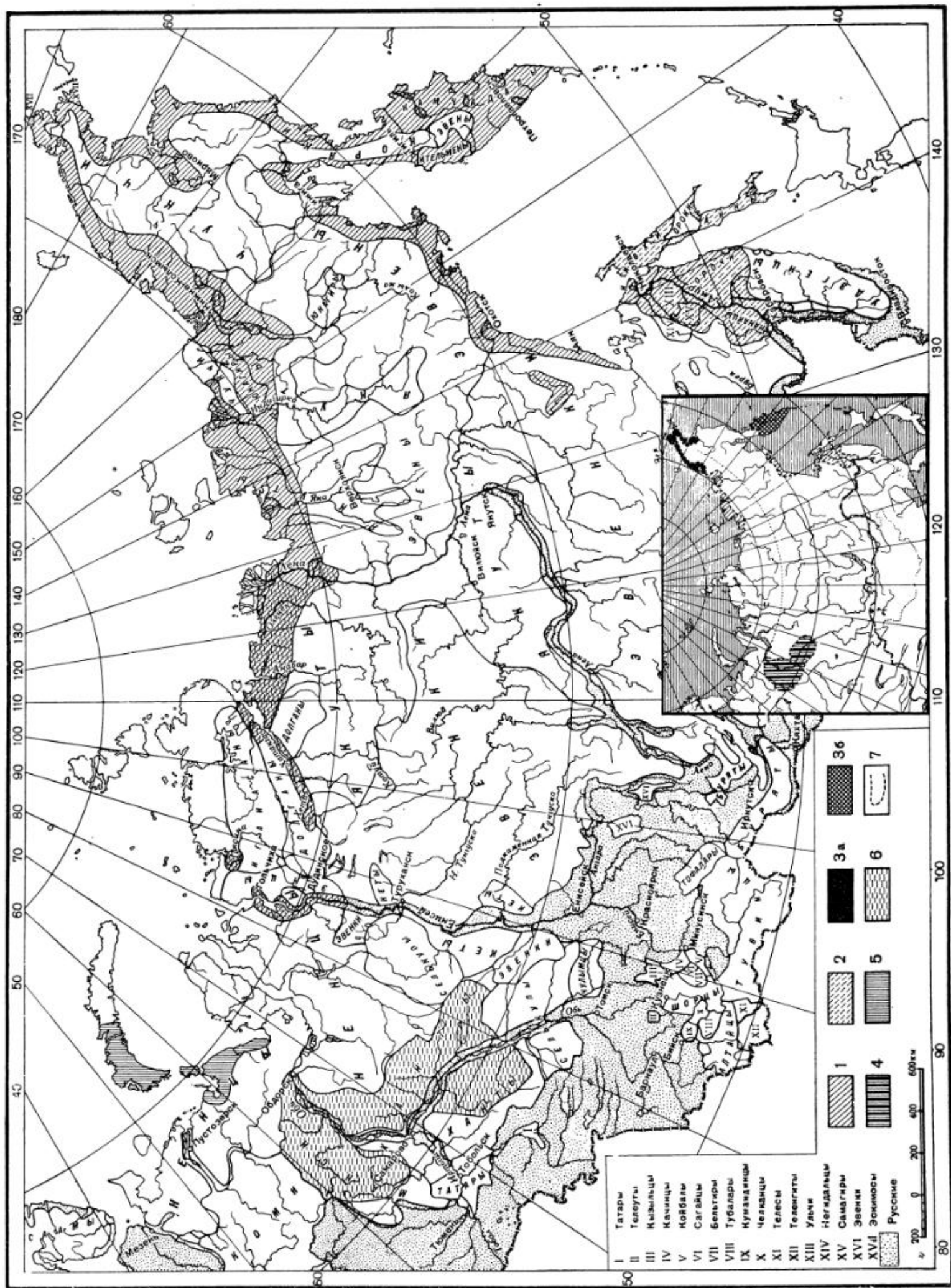
ТАБЛИЦА III

1a и 16 — шейная, с одной петлей; 2a и 26 — шейная, с двумя петлями; 3a и 36 — грудная, с одной перемычкой; 4a и 46 — грудная, с двумя перемычками; 5a и 56 — тазовая; 6a и 66 — лопаточная.

КАРТА 1. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТИПОВ СОБАЧЬХ НАРТ В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX в.
(на врезке — распространение типов собачьих нарт на Дальнем Востоке в конце XVIII и начале XIX в.)

1а — прямокопильные, карта с передней и задней лугами; 1б — прямокопильные, карта с одной передней лугой; 2а — дугокопильные, карта дугокопильная; 2б — дугокопильные, карта дугокопильная; 3 — косякопильные; 4 — карты различных конструкций; 5 — условные границы распространения типов.

КАРТА 3. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТИПОВ УПРЯЖНОГО СОБАКОВОДСТВА В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX в.
(на врезке — распространение типов упряжного собаководства в конце XVIII и начале XIX в.)

1 — восточносибирский; 2 — амуро-сахалинский; 3 — чукоотско-камчатский, вариант чукоотский; 3б — чукоотско-камчатский; вариант камчатский; 4 — западносибирский; 5 — северо-западный; 6 — смешанные формы упряжного собаководства; 7 — условные границы распространения типов.

Л Ы Ж И

Лыжи до сих пор еще играют важную роль в хозяйственной жизни народов Сибири. Бытование их обусловлено главным образом развитием охотничьего таежного промысла. Применение лыж давало возможность охотиться не только летом, но и в зимних условиях и способствовало росту производительности труда охотника.

Возникшие из практической потребности жизни лыжи приобретали те или иные формы в зависимости от географических условий, развития положительных знаний, накопленных многолетним опытом, и состояния техники. Лыжи народов Сибири различаются по своей конструкции и другим техническим особенностям. По своему назначению они бывают специализированными, например охотничьи или для езды на собачьей упряжке. По способу пользования они четко разделяются на скользящие и ступательные. Первые, как показывает само название, основаны на принципе скольжения: во время движения лыжа не приподнимается, а скользит по поверхности снега. Действие же ступательных лыж основано на принципе обычного шага: при движении вместе с ногой приподнимается и лыжа, которая как бы увеличивает размер ступни и не дает ей возможности проваливаться в снег.

Техника изготовления лыж несложна и в основных чертах сходна у всех народов Сибири. Выбирается прямое дерево, обязательно без сучков, и обрабатывается топором и скобелем до получения нужной конфигурации лыжи. Большого труда требовало изготовление выгнутых лыж, т. е. таких, которые в продольном сечении имели не прямую, а волнистую линию. Для этого пользовались специальным станком. Последний состоял из двух параллельно расположенных брусьев, соединенных

обычно пятью свободно вынимающимися планками. Между ними пропускалась лыжа, предварительно распаренная в горячей воде или размоченная, а затем подогретая на огне. Это делалось с тем расчетом, чтобы при выгибании не появлялись трещины. В станке лыжа выдерживалась до получения нужного профиля и высушивалась. После этого ее снимали и окончательно выравнивали края.

Скользящая поверхность выгнутых, а часто и невыгнутых (прямых) лыж обтягивалась меховой обшивкой. Такие лыжи назывались камусными, подволошными или просто подволоками в противоположность голицам, т. е. необшитым. На обшивку, как правило, употреблялись камусы. Способы прикрепления камусной обшивки были различны (она могла приклеиваться, пришиваться или прибиваться), но она всегда закреплялась на скользящей поверхности с таким расчетом, чтобы мех не тормозил скольжения лыжи. Обычно обшивка составлялась из нескольких кусков камуса, иногда даже из камусов разных животных. Она покрывала всю скользящую поверхность и в виде узкого ободка загибалась на скользящую поверхность лыжи.

На место ступательной (грузовой) площадки обычно прибивался кусок бересты, иногда жести или тонкая дощечка. Береста предохраняла обувь и поверхность лыжи от обледенения и, кроме того, придавала ей прочность.

Крепление, как правило, делалось из мягких ремней. Ремень пропускался дважды через сквозные отверстия и образовывал петлю, которыми лыжа удерживалась на ноге.

После этих общих замечаний перейдем к описанию различных видов лыж, бытовавших у отдельных народов Сибири в конце XIX и начале XX в.¹

I

Ханты и манси. Ханты и манси в конце XIX и начале XX в. широко пользовались лыжами, как голицами, так и подшитыми, но предпочтение отдавалось последним, особенно на охоте. Лыжи делали из ели, березы, кедра или сосны, на обшивку шли оленьи или лошадиные камусы.

Для обоих народов характерны три разновидности подшитых лыж. К первой разновидности относятся длинные (150—210 см), достаточно тонкие, выгнутые лыжи, у которых выгибность на скользящей поверхности приходится ближе к заднику, концы заострены и загнут только носок. Форма таких лыж не во всех районах строго выдержана. Очертания концов, особенно носка, весьма разнообразны. Встречались лыжи одинаковой ширины во всех точках (табл. 1, 1), но чаще они имели разную ширину (табл. 1, 2).

Обшивку из оленьих или лошадиных камусов приклеивали; на место ступательной площадки прикреплялся кусок бересты. Манси часто окрашивали деревянную поверхность лыжи красной краской, иногда то же делали и ханты.

Крепление обычно двухпетельное — в одну петлю продевался носок ноги, другая обхватывала пятку, реже

практиковалось однопетельное и трехпетельное крепление. При трехпетельном креплении, кроме петель для носка и пятки, имелась еще добавочная петля для подъема ноги (табл. V, 3); иногда петлю для носка делали из лыжа. Часто ремень крепления пропускался через дужки, прикрепленные к лыже (табл. V, 2).

У манси можно было встретить оригинальное приспособление для защиты обуви от обледенения. Оно заключалось в том, что на месте крепления прибивался мешок из ткани, в который засовывали ногу. При помощи вздержки мешок стягивался вокруг ноги под коленом (табл. 1, 2, а).

Ко второй разновидности подшитых лыж относятся также выгнутые лыжи, но выгибность в отличие от предыдущих приходится под креплением. Концы их заострены, носок, а иногда и задник загнуты, но слабо (табл. 1, 3). Как

¹ Необходимо отметить, что за скудностью материала (были использованы только коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР и Государственного музея этнографии народов СССР) не все разновидности лыж оказались представленными в «Атласе». Нужно надеяться, что дальнейший сбор материалов поможет исправить возможные ошибки и неточности.

правило, такие лыжи короткие (длина в среднем 150 см), довольно тонкие, ширина обычно одинаковая во всех точках (примерно 25 см). Эта разновидность лыж характерна для эвенков¹ и от них, по-видимому, была заимствована хантами. Распространена главным образом у восточных хантов, у других групп хантов встречается реже.

К третьей разновидности подшитых лыж можно отнести лыжи с высокой ступательной площадкой (табл. 1, 4). Это тонкие, длинные (не менее 200 см, при ширине 25 см), с загнутым носком и часто шишкообразными концами лыжи; деревянная поверхность их тщательно обработана. По некоторым признакам их можно отнести к выгнутым лыжам, что подтверждает и В. Н. Чернецов на основании своих полевых наблюдений.²

Специфическую особенность этих лыж составляет ступательная площадка в виде возвышения для ступни. Она получается следующим путем: при изготовлении лыжи та ее часть, где должна ставиться нога, сохраняется более толстой, так что получается продольное возвышение или специально вырезанная площадка по форме ступни. Крепление в таких лыжах чаще трехпетельное (табл. VI, 2): петля (для носка ноги), обычно из луба, прикреплялась к боковым стенкам площадки, к лубяной петле привязывалась ремешковая (для пятки), а к последней — ремешки, образующие третью петлю (для подъема).

Кроме этих трех четко выраженных разновидностей лыж, у хантов и манси можно было встретить и другие формы подшитых лыж, например невыгнутые, довольно толстые, с загнутым носком (табл. 1, 5). Они напоминают обычные русские лыжи, распространенные на Европейском Севере.

Голицы ханты и манси обычно употребляли около дома, чаще ими пользовались женщины и дети, поэтому в некоторых районах они считались женскими лыжами. В отличие от подшитых лыж голицы не выгибали, делали толще, более грубо обрабатывали, в них в меньшей степени выдерживались пропорции, преобладало упрощенное крепление.

На табл. 2 показано несколько довольно распространенных видов голиц. Для северной группы хантов наиболее типичны были голицы с острыми концами, со слегка загнутым носком (табл. 2, 1). Форма их напоминает форму подшитых лыж (ср. табл. 1, 5).

Также сходны по некоторым признакам с подшитыми лыжами голицы на табл. 2, 2 (ср. табл. 1, 2) и на табл. 2, 3 (ср. табл. 1, 4). Лишь для одного вида голиц аналогии с подшитыми лыжами найти не удалось (табл. 2, 4). Это широкие лыжи, суживающиеся к обоим концам (длина 150—160 см, наибольшая ширина 20 см). Распространены были у восточной группы хантов. Интересную подробность о них сообщает Ф. Р. Мартин: по его сведениям, лыжами такой формы пользовались только женщины.³

Для ходьбы на лыжах употреблялся посох с лопатообразным верхним концом и колесиком на нижнем (табл. 2, 5). Лопатка служила для разгребания снега. Были посохи и без колесика (табл. 2, 6).

Наиболее общеупотребительные термины для лыж у хантов и манси следующие:⁴ подшитые — *нымыль* (ханты), голицы — *люмп* (восточная группа хантов), *лох* (северная группа хантов), последнему соответствует *тох* у среднеобских хантов, у манси — *ёса* и *товт*.

Ненцы. Тундровые ненцы лыжами не пользовались. Население лесотундры и таежной зоны употребляло такие же голицы и подшитые лыжи, как и соседние народы — русские (на Европейском Севере) и ханты (в Сибири).

Ненецкий термин для лыж ламба. Различаются лыжи: подшитые — *хоба ламба* (подшитые шкурой, от *хоба* — «кожа», «шкура») и *пена ламба* (подшитые камусом, от *пена* — «камус»), голицы — *пайко*, *пай ламба*, *пай ламба*⁵ (пай — «дерево», «деревянный»).

Селькуны. Подшитые лыжи селькунов с характерным выгибом в задней части близки по конструкции одной из разновидностей лыж хантов и манси. Селькуны изготов-

ляли их обычно из елового дерева, обтягивали оленьими камусами (камусы приклеивались). Форма несколько отличалась от хантыйских. Селькупские лыжи были более короткие (длина редко превышала 150—160 см) и неодинаковой ширины в разных точках (в передней части до 30 см, к заднику постепенно суживались до 25 см); концы делали острыми, загибался только носок. Такие же лыжи употребляли и кеты (ср. рис. 1).

При ходьбе употреблялся посох.

Селькупский термин для подшитых лыж — *тангыш*, для голиц — *тольчи*.¹

Кеты. Кеты употребляли типичные эвенкийские выгнутые лыжи: короткие (длиной 130—150 см), широкие (примерно 30 см), с тупыми концами и слегка приподнятым носком (табл. 2, 7). Левобережным кетам, т. е. обитателям левого берега Енисея, были известны также лыжи с выгибом в задней части и суживающиеся к заднику, сходные с селькупскими (рис. 1).

Голицы по внешнему виду и размерам аналогичны подшитым, но не выгнуты (табл. 2, 8); употреблялись весной по талому снегу. На лыжах преобладало трехпетельное крепление (табл. III, 5).

При ходьбе кеты пользовались посохом с колесиком на нижнем конце и железным крючком на верхнем (табл. 2, 9). Крючок служил для зацепления за деревья и выпугивания белок.

На кетском языке подшитые лыжи называются *асленг*, голицы — *локтак*.²

Эвенки и эвены. В конце XIX и начале XX в. почти все группы эвенков и эвенов употребляли как голицы, так и подшитые лыжи. Подшитые делали из ели, березы или других пород деревьев и обязательно выгибали на станке, затем приклеивали обшивку из оленьих камусов, а на Охотском побережье — часто из шкуры тюленя. На место ступательной площадки приклеивался кусок бересты, вырезанный обычно по форме ступни.

В отличие от выгнутых лыж народов Обского бассейна, у которых выгнутой была задняя часть, эвенкийские лыжи имели выгнутость под креплением, т. е. почти посередине. Конфигурация и размеры их весьма однообразны у всех групп эвенков (табл. 3, 1—4): концы тупые (табл. 3, 1), острые (табл. 3, 3), иногда почти полукруглые (табл. 3, 2), у приайнских эвенков встречались с шишковидным носком (табл. 3, 4).³ Носок у эвенкийских лыж слегка приподнят, задник не всегда; лыжи предельно тонкие (4 мм), короткие, обычно от 125 до 150 см, кажутся еще короче из-за необычайной для лыж ширины — от 25 до 35 см. В Якутии можно было встретить более длинные экземпляры лыж (примерно 160 см), а на Охотском побережье более узкие (18—22 см).

Крепление двухпетельное, иногда трехпетельное (табл. III, 5); при двухпетельном имелись еще дополнительные боковые ремешки, соединяющие обе петли, чтобы последние лучше держались (табл. III, 2, 3).

Подшитые лыжи эвенков хорошо приспособлены для охотничьего промысла: тонкие, чрезвычайно легкие и эластичные (благодаря выгнутости), они хорошо пружинят, а меховая обшивка позволяет легко и бесшумно скользить. Эти качества обеспечивали скорость бега с малой затратой энергии, позволяли делать весьма длительные переходы и близко подкрадываться к преследуемому зверю.

Подшитые лыжи эвенов (табл. 4, 1) однотипны с эвенкийскими (длина их от 125 до 130 см, ширина 24—26 см). Задник украшался кисточкой из кусочков красной материи.

Для торможения и управления при спуске с гор эвенки и эвены употребляли посох. Нижний конец его имел колесико, а на верхний часто насаживался железный или костяной крючок (табл. 4, 2), им цеплялись за деревья при подъеме на горы.

Во время весенней охоты для ходьбы по насту употреблялись голицы. В отличие от подшитых лыж их не выгибали. По размерам и особенно по форме голицы были бо-

¹ См. ниже.

² Устное сообщение В. Н. Чернецова.

³ Sammlung F. R. Martin. Sibirica. Ein Beitrag zur Kenntnis der Vorgeschichte und Kultur Sibirischer Völker. Stockholm, 1897, Taf. 15.

⁴ Хантыйские термины сообщены Н. Ф. Прятковой, мансийские — В. Н. Чернецовым.

⁵ Термины сообщены Л. В. Хомич.

¹ Термины сообщены Е. Д. Прокофьевой.

² Термины сообщены Е. А. Алексеенко.

³ По сообщению собирателя Э. К. Пекарского, лыжи с шишковидными концами делались только эвенками макагирского рода. По сведениям Г. М. Василевич, эвенки этого рода являются выходцами из Амурского бассейна.

лее разнообразны, чем подшитые. Иногда форма их повторяла форму подшитых лыж, как например у енисейских эвенков (табл. 4, 3), но были и узкие, толстые, с заостренным носком и срезанным задником.

У некоторых групп эвенков, по сведениям А. Миддендорфа, встречались своеобразного вида лыжи, которые можно отнести как к подшитым, так и к голицам. Они были выгнутые, но вместо камусной обшивки к ним приклеивались сухожилия.

Подшитые лыжи у эвенков обозначаются одним термином *суксилла* (по диалектам: *суксилда*, *шуксилда* и т. д.), у симских эвенков — *неуша*. Для голиц наиболее распространенным является название *кингэ*, *кигдэ*, *кигдэ*. По-эвенски подшитые лыжи называются *мэрагта*, голицы — якутским термином *кайсар*.¹

Долганы. Долганы в лесотундре употребляли на охоте лыжи, подшитые оленьим камусом, аналогичные эвенкийским. Голицы были распространены слабо. При спуске с гор долганы пользовались посохом.

Термины для обозначения лыж у долганов якутские — *кайыһар* (голицы) и *туут* (подшитые).²

Якуты. Незначительная роль, которую играют лыжи у якутов, объясняется оседлым образом жизни и слабым развитием у них охотничьего промысла.

Наиболее широко были распространены подшитые выгнутые лыжи эвенкийского типа, часто подбиваемые конским камусом. Из голиц преобладали длинные (180 см и длиннее), узкие (12—15 см), с острым загнутым вверх носком и тупым задником (табл. 4, 4). Встречались также голицы и другого вида: широкие и короткие (табл. 4, 5).

Во время движения употреблялся посох (табл. 4, 6). По-якутски лыжи называются *хайыһар*, реже *хаптабай*; подшитые обозначаются словом *туут*, голицы — *хардыһа*.³

Юкагиры. Лыжи юкагиров по форме и размерам не отличаются от эвенских (длина редко превышала 150 см, ширина около 30 см). Обшивкой служил олений камус (приклеивался). Крепление двухпетельное, чаще с дополнительными боковыми ремешками (табл. III, 2, 3).

При ходьбе употреблялся посох.

Юкагиры пользовались лыжами не только во время охотничьего промысла, но также и при перекочевках. Ими прокладывали дорогу для собачьей упряжки.

Кроме скользящих лыж, тундренные юкагиры употребляли ступательные (сетчатые). По конструкции и размерам (длина 65 см, ширина около 20 см) они почти не отличались от чукотских. Любопытно отметить, что по-юкагирски они называются так же, как у чукчей и коряков — «лапы ворона» (*хагамэн-нолс*). Для подшитых лыж употребляется термин *угурчэ* (на колымском диалекте) и *мо'йэди* (на тундренном); голицы называются *ха'ычарал* (тундренный диалект), термин, очень близкий к якутскому *хайыһар*.⁴

Чукчи и эскимосы. Для чукчей (табл. 5, 1) и азиатских эскимосов (табл. 5, 2) характерны ступательные лыжи, тождественные у обоих народов. Их делали из двух планок, скрепленных на концах и разведенных в середине двумя поперечными распорками, так что получалась рама, по конфигурации близкая к овалу. Пустое пространство между планками переплеталось ремнями из перпичьей кожи. Носок слабо загнут и более тупой, чем задник. Планки иногда снизу подбивались костяными пластинками, чтобы облегчить ходьбу по неровной холмистой местности и ледяным глыбам.

Ногу ставили на сетку и укрепляли с помощью двух петель (табл. VII, 2): в одну (обычно из двух ремней) просовывался носок ноги, другая петля (прикрепленная к первой) обхватывала пятку так, что последняя могла свободно приподниматься от поверхности лыжи.

Наиболее часто встречались лыжи длиной 60—70 см (но бывали и длиннее, до 100 см), шириной 15—25 см.

Такие лыжи употреблялись как приморским населением (оседлыми чукчами и эскимосами), так и оленными

чукчами. Первые пользовались ими во время охоты за тюленями, для ходьбы по неровному льду; вторые — при отгоне оленьих стад, когда снег был не особенно глубокий.

В литературе эти лыжи известны под названием «лапки». Чукотское название *элыгыт* (в буквальном переводе «вороньи лапы»)¹ Этот термин, по-видимому, возник по ассоциации с лапой ворона. Эскимосское название — *у'алвыг'ык*.

Кроме «лапок», в конце XIX и начале XX в. чукчи употребляли скользящие лыжи (*тигит*), подбитые оленьим камусом (табл. 5, 3). Они приобретались у эвенков или местного русского населения и использовались лишь в полосе лесов. Для устойчивости при ходьбе на скользящих лыжах чукчи употребляли лыжные посохи с колесиками на нижнем конце (табл. 5, 4).

Рис. 1. Кетка с лыжами.

Коряки. В начале XX в. коряки пользовались ступательными и скользящими лыжами. Ступательные лыжи (табл. 6, 1) несколько отличались от чукотско-эскимосских. Они были значительно больших размеров (длина от 90 см и более), с острыми концами, чаще делались с тремя поперечными распорками и не так густо переплетались ремнями. Употребляли их пастухи и охотники для хождения по неровной местности. Чтобы облегчить подъем в гору снизу прибавались костяные шипы.

Корякский термин для ступательных лыж равнозначен чукотскому — *элыгыт* («вороньи лапы»)²

Коряки значительно шире, чем чукчи, пользовались скользящими подшитыми лыжами (*тигу* — лыжи, «камусные» лыжи — *пантатиги*). Их изготовляли из березовых или осиновых досок, подбивали оленьими камусами. В конце XIX и начале XX в. такие лыжи в основном приобретались от эвенков и местного русского населения.

¹ Чукотские термины заимствованы из словаря, составленного Т. А. Молл и П. И. Ивэнлиэкэ (Чукотский словарь, Л., 1957); эскимосские — из работы Е. С. Рубцовой «Материалы по языку и фольклору эскимосов (чаплинский диалект)» (ч. I, М.—Л., 1954).

² Корякские термины сообщены И. С. Вдовинным.

¹ Эвенкийские термины сообщены Г. М. Василевич; эвенские заимствованы из словаря В. И. Цинциус и Л. Д. Ринас (Эвенско-русский словарь, Л., 1957).

² Термины сообщены А. А. Поповым.

³ Термины сообщены А. А. Поповым.

⁴ Термины заимствованы из работы В. И. Нохельсона (The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus. Memoirs of the Amer. Mus. of Nat. Hist., vol. XIII, p. II, Leiden—New York, 1924).

На п-ве Камчатка преобладали тяжелые и грубо обработанные лыжи.

За последние 50 лет у коряков наблюдается заметное вытеснение ступательных лыж скользящими. В настоящее время первые почти исчезли.

Ительмены. В конце XIX и начале XX в. у ительменов были только скользящие лыжи (табл. 6, 2). Их обычно подбивали тюленьей шкурой, которая приклеивалась или просто прибивалась к лыже гвоздями. Концы делали заостренными, с кисточками из кожи, носок слабо загнвали. При охоте в горах пользовались посохом, верхний конец которого имел роговую или железную головку с двумя изогнутыми остриями. Остриями цеплялись за выступы скал.

В XVIII в. и в первой половине XIX в. наряду со скользящими лыжами ительмены широко употребляли ступательные (рис. 2), которыми пользовались главным образом для прокладывания пути, по которому следовали

Рис. 2. Ительмен на лыжах.

собаки, запряженные в нарты. Судя по описаниям XVIII в. и старинным гравюрам, ступательные лыжи были аналогичны чукотско-эскимосским и корякским. Длина их колебалась от 70 до 90 см, рама имела две поперечные распорки.

Айны. У курильских айнов бытовали ступательные лыжи, по форме они были сходны с корякскими, но имели до шести поперечных распорок. Точные данные об их размерах отсутствуют, но, по-видимому, они были длиннее корякских (табл. 6, 3).

У айнов Сахалина в конце XIX в. встречались ступательные лыжи другого типа (табл. 7, 1, 2). Они состояли из двух дугообразно изогнутых планок в виде полуovalов, концы которых соединялись так, что получалась рама овальной формы. В отличие от чукотских и корякских лыж айнские имели полукруглые концы (носик приподнят) и не снабжались распорками, вместо этого пустое пространство перекрещивалось несколькими ремнями в поперечном направлении. На них ставилась нога, которая укреплялась двумя петлями (табл. 7, 2). Длина таких лыж 50—55 см, ширина не превышала 25 см.

При езде на собачьей нарте сахалинские айны употребляли голицы (табл. 7, 3). Это были довольно короткие (125—140 см), узкие (12—14 см), невыгнутые лыжи. Преобладала форма с острым приподнятым носком и более

тупым, но также приподнятым задником. Бытовали голицы и больших размеров (длина свыше 160 см), с острыми, одинаковой формы концами (табл. 7, 4).

Для охоты айны употребляли подшитые лыжи (табл. 7, 5), по форме они не отличались от голиц (ср. табл. 7, 3).

Нивхи. Для нивхов были характерны невыгнутые лыжи. Они изготовлялись обычно из лиственничного дерева. Голицы представлены несколькими разновидностями, отличающимися одна от другой по конфигурации носка (табл. 8): одни с острыми концами (табл. 8, 1), по форме сходны с айнскими (ср. табл. 7, 4); другие (табл. 8, 2) с угловидным носком. Размеры их редко превышали 160 см в длину и 12—15 см в ширину. Наиболее часто встречалось двухпетельное крепление с добавочными боковыми ремешками (табл. II, 5). Голицы малых размеров составляли необходимую принадлежность собачьей упряжки, когда употреблялась старинная нарта. В таких случаях возница садился на нарту верхом, ноги его находились на лыжах, соскакивая с нарты, он не проваливался в снег. В пути лыжи могли также заменить лопату для отгребания снега и служили своеобразным столиком — на них совершали походную трапезу.

Охотничьи лыжи считались подшитые (табл. 8, 3). По конструкции (выгнутые, с острыми приподнятыми кверху концами) они мало отличались от остроконечных голиц, но, как правило, имели большие размеры (длина 175 см и более, ширина 14 см). На обшивку употреблялась тюленья шкура, которую приклеивали к лыже рыбьим клеем. На шкуру в длину лыжи по краям прибивали гвоздями узкие нащепы из дерева или китового уса, по одному с каждой стороны. Ступательную площадку заменял кусок бересты. Крепление чаще было двухпетельное с добавочными боковыми ремешками (табл. II, 4).

Подшитые лыжи, благодаря большим размерам и меховой обшивке, имели перед голицами то преимущество, что они были более удобны для ходьбы по рыхлому снегу (не проваливались), нащепы уменьшали трение при скольжении и в то же время предохраняли от раската в стороны.

Для регулирования движения служил посох с колесиком на нижнем конце и лопаточкой на верхнем. Верхним концом пользовались для удаления снега, скопившегося под ступней.

Голицы по-нивхски называются *лак*, подшитые — *ань*.¹

Ороки. Ороки пользовались только скользящими лыжами — подшитыми и голицами. Судя по нескольким экземплярам, которые имелись в нашем распоряжении, голицы не отличались от айнских лыж (табл. 8, 4; ср. табл. 7, 3); также мало отличались от них и подшитые (табл. 8, 5; ср. табл. 7, 5). На обшивку ороки употребляли оленьи камусы или шкуру тюленя.

Орокский термин для лыж — *кунгилтэ*.²

Нанайцы. Подшитые (охотничьи) лыжи нанайцев (табл. 9, 1) по конструкции близки к эвенкийским, хотя и отличаются по внешнему виду. Для обоих народов были характерны лыжи с выгнутой под креплением, т. е. почти посередине. В отличие от эвенкийских нанайские лыжи были более длинными (в среднем 150—185 см) и узкими (ширина не превышала 20 см); оба конца приподняты; задник острый, носок оканчивался шишковидной головкой, которая, будучи обтянута мехом, имела вид помпона. Скользящую поверхность обтягивали камусами оленя или лося, а иногда обшивку делали комбинированной, из обоих сортов меха (камусы обычно приклеивались). На место ступательной площадки прикреплялся кусок бересты, режа кожи, жести или костяная пластинка. Крепление двухпетельное (табл. IV, 2), иногда с дополнительными боковыми ремешками.

При ходьбе на лыжах употребляли посох, нижний конец его снабжался острым, обычно костяным наконечником и колесиком, а верхний делался в виде лопаточки (табл. 9, 2). С ее помощью охотник мог удалить снег, накопившийся под пяткой, а в случае надобности разрыть нору соболя и т. д. В отличие от других народов Сибири нанайцы часто употребляли два посоха, причем в качестве второго служил лук. Для этого на одном его конце прикрепляли колесико от лыжной палки (табл. 9, 3).

¹ Нивхские термины сообщены Ч. М. Таксами.

² Термин сообщен К. А. Новиковой.

Голицы у нанайцев аналогичны нивхским. Применялись, как и у большинства народов Амурского бассейна, в упряжном собаководстве.

Подшитые лыжи по-нанайски называются *сокселта*, голицы — *кунгилта*.¹

Ульчи. На охоте ульчи пользовались такими же лыжами, как и их соседи нанайцы (табл. 9, 4). Шишковидная головка, характерная для нанайских лыж, в ульчских была выражена слабее.

Кроме этой разновидности подшитых лыж, у ульчей бытовали еще лыжи несколько иной формы (табл. 9, 5). Они были значительно шире, имели шишковидную головку и, кроме того, снабжались продольными нащепами, прикрепленными на скользящую поверхность поверх обшивки. К сожалению, в нашем распоряжении было слишком мало экземпляров, чтобы судить об их профильной выгнутости. Скорее можно предполагать, что это были плоские (невыгнутые) лыжи.

Что касается голиц, то они ничем не отличались от нивхских и нанайских. Ульчи употребляли голицы также при езде на собачьей нарте.

Ульчский термин для подшитых лыж — *сульта*, для голиц — *кунгилта*.²

Орочи, удэгейцы. Лыжи этих народов наиболее близки к первой разновидности ульчских лыж, но длиннее их (от 180 до 210 см) (табл. 9, 6, 7). Удэгейцы, согласно С. Браиловскому, изготавливали лыжи из дуба или ильмы, подбивали камусами изюбра или дикой козы.³ По данным В. Г. Ларькина, удэгейцы делали лыжи из стволов амурской сирени, а подбивали камусами сохатого.⁴

Подшитые лыжи по-удэгейски называются *сугала*, голицы — *кингила*, по-орочски — *сукта* и *кингила*.⁵

О голицах этих народов трудно что-либо сказать за отсутствием в нашем распоряжении конкретного материала.

Шорцы. Лыжи шорцев невыгнутые, узкие, умеренно длинные и толстые (табл. 10, 1). Средние размеры: длина 150—160 см, ширина 12—16 см, толщина от 2 до 3 см. Носок острый (длина заостренного конца 15—18 см), круто загнут вверх, задник срезанный. Подшитые лыжи изготавливали из березового, черемухового дерева или тальника, голицы — из соснового. Лучшими считались черемуховые лыжи. Подшивали их камусом марала, оленя, а чаще лошади. Шорцам известны четыре способа крепления обшивки: пришивка шнурками или бечевкой, когда шнурок пропущен сквозь отверстия, сделанные в краях лыжи, прихватывая шкуру (табл. 1, 2, а и 2, б); прибивка гвоздями, чаще деревянными (табл. 1, 3); шнуровка, когда веревкой, а иногда проволокой соединяли загнутые края обшивки на скользящей поверхности лыжи (табл. 1, 4); приклейка, применяемая реже. Известен был и комбинированный способ крепления: камусную обшивку сначала приклеивали, а затем для большей прочности пришивали или пришнуровывали или же первоначально пришивали, а затем прибивали (табл. 1, 5).

У шорцев преобладало трехпетельное крепление — петля для носка ноги, другая для подъема и третья для пятки (табл. 1, 6, 7), но встречалось также двухпетельное — петли для носка и пятки (табл. 1, 8) — и однопетельное — петля для носка. На место ступательной площадки прибивался кусок бересты, иногда его заменял кусок жести или тонкая досочка.

Голицы, за исключением обшивки, ничем не отличались от подшитых, но имели гораздо меньшее практическое значение.

При ходьбе на лыжах пользовались посохом. Последний представлял из себя палку, нижний конец которой имел форму выгнутой лопатки (табл. 10, 2). Ею разгре-

бали снег для установки капкана или для почлега, черпали воду из проруби и т. д.

Лыжи шорцев, как и других народов Саяно-Алтайского нагорья — алтайцев, хакасов, тофаларов и тувинцев (зимой — подшитые, весной по талому снегу — голицы), являлись принадлежностью охотничьего промысла и входили наряду с орудиями охоты и ручной нартой в обязательный комплект зимнего охотничьего снаряжения. На зимний промысел в тайгу охотник шел на лыжах и тянул за собой нарту со съестными припасами, а на обратном пути вез добычу.

Шорский термин для подшитых лыж — *шана*, для голиц — *калбрак*.¹

Алтайцы. Наиболее распространены лыжи у северных алтайцев, южные пользовались ими ограниченно. Лыжи алтайцев (табл. 10, 3, 4), за исключением длины (алтайские достигали 180 см), настолько близки к шорским, что их трудно различить. Они обтягивались чаще всего камусами лошади, коровы, реже — марала или козули. Шкуру пришивали или приколачивали гвоздями, или же она держалась с помощью шнуровки (табл. 1, 2—5). Иногда на скользящую поверхность поверх шкуры прибивали продольные нащепы, чтобы лыжи не раскатывались по насту в стороны (табл. 10, 4, б). На место ступательной площадки подбивали кусок бересты, жести или тонкую досочку.

При ходьбе употреблялся посох такого же вида, как у шорцев, на ровной местности — в виде утолщенной сверху палки (табл. 10, 5).

У алтайцев существует один термин для лыж — *чана*.²

Хакасы. Хакасы (главным образом сагайцы) употребляли лыжи в лесной полосе во время охотничьего промысла. Конструкция хакасских лыж тождественна с алтайскими и шорскими (табл. 10, 6). В тех районах, где охота доминировала, лыжи чаще обшивали оленьими камусами; в районах же с преобладанием скотоводства их обшивали шкурой лошади или коровы.

В способах подбивания обшивки, крепления и в других деталях хакасские лыжи повторяют лыжи выше-названных алтайских народов.

Хакасские термины для лыж идентичны с шорскими — *шана* (подшитые) и *калбрак* (голицы).³

Тофалары. Лыжи тофаларов (подшитые — *хах*,⁴ голицы — *ханха*) отличались от лыж других народов Саяно-Алтайского нагорья некоторыми деталями (табл. 10, 7). Для тофаларских лыж характерен более короткий и менее загнутый носок. Обшивка преобладала из оленьих или сохатинных камусов, чаще приклеивалась.

Голицы у тофаларов были распространены шире, чем у соседних тюркских народов (табл. 10, 8).

Тувинцы. У тувинцев лыжи наиболее широко употреблялись охотниками Тоджи. Их делали из елового дерева, обтягивали камусами оленя, сохатого или марала. По форме они не отличались от шорских, но были длиннее и уже.

Тувинское название для подшитых лыж — *хаак* (восточные тувинцы), *чаан* (западные); кроме того, имеется еще термин — *тут* (неясно, к какому виду лыж этот термин относится).⁵

Этим мы заканчиваем конкретное описание лыж, бытовавших в конце XIX и начале XX в. у народов Сибири.⁶ Знакомство с этими материалами дало возможность выявить, с одной стороны, специфику лыж того или иного народа или отдельных локальных групп, с другой — бытование одних и тех же видов у разных этнических групп, не связанных между собой территориально.

¹ Термины сообщены Л. П. Потаповым.

² Термин сообщен Л. П. Потаповым.

³ Термины сообщены Л. П. Потаповым.

⁴ Термины записаны В. Н. Васильевым.

⁵ Термины сообщены Е. Д. Прокофьевой.

⁶ Следует отметить, что лыжи некоторых народов (нганасанов, энцев, бурят, негидальцев и сибирских татар) оказались здесь не упомянутыми. Это объясняется в ряде случаев полным отсутствием коллекций в музеях Ленинграда (например, по негидальцам). Относительно сибирских татар по литературным источникам известно, что заболотные татары (группа, живущая между Кондой и Тавдой) пользовались голицами, которые изготавливали из сосны или ели. Они были толстыми и довольно грубо отделанными; носок заострен и загнут, задник тупой. Примерные размеры: длина 165 см, ширина 12 см. Барабинские татары совсем не употребляли лыж. Почти не пользовались лыжами нганасаны, энцы, буряты. Последние в северных районах иногда на охоте употребляли эвенкийские лыжи.

¹ Т. И. Петрова. Краткий нанайско-русский словарь. М.—Л., 1935.

² Т. И. Петрова. Ульчский диалект нанайского языка. М.—Л., 1936.

³ С. Браиловский. Тазы, или Уди́на (Опыт этнографического исследования). Живая старина, 1901, вып. 11, стр. 82.

⁴ В. Г. Ларькин. Поездка к иманским и хунгарийским удэгейцам. Советская этнография, 1959, № 1, стр. 126.

⁵ Удэгейские термины заимствованы из словаря Е. Р. Шнейдера (Краткий удэгейско-русский словарь. М.—Л., 1936), орочские — из работы Л. Я. Штернберга (Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы, Хабаровск, 1933).

II

Типологией лыж в общем масштабе занимались многие исследователи, но в их классификациях лыжи народов Сибири нашли слабое отражение. Поэтому при составлении «Историко-этнографического атласа Сибири» эти вопросы пришлось рассматривать заново. Как можно было проследить по приведенному выше описанию, лыжи различаются по форме, размерам, материалу, из которого они изготовлены (порода дерева), наличию или отсутствию меховой обшивки, способу соединения обшивки с деревянной основой (подклеенные, подбитые, привязанные), наличию или отсутствию ступательной площадки, креплениям и другим более мелким деталям.

На первый взгляд кажется целесообразным в основу типологии лыж, т. е. разделения на типы, положить признак обшивки, разделив их на обшитые и необшитые (голицы). Но при внимательном рассмотрении этот признак вызывает ряд существенных возражений. Он является слишком общим, и благодаря этому многие виды лыж различной конструкции, как например эвенкийские и алтайские, должны быть отнесены к одному типу; в то же время сходные могут попасть в разные типы, как например лыжи (голицы и подшитые) алтайских народов.

Еще менее обоснована классификация по креплениям, отсутствию или наличию ступательной площадки и другим признакам. Из всех признаков, которые могли бы быть положены в основу классификации лыж, заслуживает внимания конструктивный, как наиболее устойчивый и в известной степени обуславливающий все остальные признаки. Он в большинстве случаев определяет форму лыж и в значительной мере согласуется с их производственным назначением.

Выше уже указывалось, что на территории Сибири представлены две категории лыж — скользящие и ступательные. Рассмотрим их отдельно.

Скользящие лыжи

По конструктивному признаку можно все разновидности скользящих лыж, бытовавших у народов Сибири в конце XIX и начале XX в., подразделить на прямые и выгнутые. С таким делением связан ряд особенностей: выгнутые лыжи должны быть очень тонкими, чтобы получить изгиб профиля, и, как правило, подшитыми, иначе тонкая доска легко может сломаться; для прямых (невыгнутых) лыж толщина не играет особой роли, поэтому они могут быть как подшитыми, так и голицами.

В свою очередь как прямые, так и выгнутые лыжи по более частным конструктивным деталям можно подразделить на типы. Каждый тип обычно связан с определенной территорией его распространения, поэтому целесообразнее дать для типов географические названия: восточносибирский, амурский, северо-западный (для выгнутых лыж), амуро-сахалинский, саяно-алтайский (для прямых) и т. д.

ПРЯМЫЕ СКОльзяЩИЕ ЛЫЖИ

Прямые лыжи, поставленные на гладкую плоскость, касаются ее всеми точками (за исключением загнутых концов) и представляют в продольном сечении прямую линию.

По форме и мелким конструктивным деталям можно выделить следующие типы этих лыж: саяно-алтайский, амуро-сахалинский.

Саяно-алтайский тип (табл. I).

Характерные признаки. Лыжи довольно длинные (средние размеры от 150 до 180 см), узкие (от 11 до 16 см) и толстые (до 3 см); носок острый, высоко загнут, задник срезанный, незагнутый. Встречаются двух

видов — голицы и подшитые. Конструктивных отличий между обоими видами не наблюдается, форма и размеры их идентичны. Способ прикрепления камусной обшивки: прибивка гвоздями (табл. I, 3), пришивки бечевкой (табл. I, 2, а и 2, б) и шнуровка (табл. I, 4), реже приклеивание.

Распространение. В основном характерен для народов Саяно-Алтайского нагорья — алтайцев, шорцев, тофаларов, хакасов, тувинцев. Встречается в виде голиц также и в других местах Сибири, главным образом у якутов, иногда эвенков. Обычно за пределами Саяно-Алтайского нагорья наблюдаются некоторые отклонения от этого типа: отдельные экземпляры лыж часто не имеют устойчивых форм и размеров.

Лыжи этого типа показаны на табл. 10 и табл. 4, 4.

Амуро-сахалинский тип (табл. II).

Характерные признаки. Лыжи довольно длинные (135—175 см), узкие (12—15 см), умеренно тонкие, концы заострены, носок (а часто и задник) полого загнут. Встречаются двух видов — голицы и подшитые. Подшитые обычно снабжены специальными нащепами (табл. II, 1, б и 3) и имеют увеличенные размеры (длина 160—175 см); обшивка приклеивается.

Распространение. Голицы распространены у народов Амурского бассейна (нивхов, нанайцев, ульчей, изредка у эвенков) и на Сахалине (у нивхов, айнов, ороков). Подшитые со специфическими нащепами — у нивхов и, видимо, встречались у ульчей (ср. табл. 7, 3, 4; табл. 8, 1—4).¹

ВЫГНУТЫЕ СКОльзяЩИЕ ЛЫЖИ

Благодаря выгибанию на специальном станке, выгнутые лыжи, поставленные на плоскость, прикасаются к ней не всеми своими точками, поэтому в продольном сечении дают волнистую линию — две выпуклости и одну вогнутость между ними на скользящей поверхности. Соответственно этому на другой стороне появляются две вогнутости и одна выпуклость. В противоположность прямым всегда подбиты шкурой с целью предохранения от поломок.

Различаются следующие типы: восточносибирский, амурский, северо-западный, приобский.

Восточносибирский тип (табл. III).

Характерные признаки. Выгнутые в средней части (выпуклость приходится на то место, где ставится нога), короткие (120—150 см), широкие (25—35 см, иногда и больше), очень тонкие (в среднем 4 мм). Носок тупой или полукруглый, задник чаще полукруглый. Носок, а часто и задник слегка приподняты. Бытуют только в виде подшитых, обшивка всегда приклеивается.

Распространение. Распространен у всех групп эвенков, эвенов, долганов, юкагиров, кетов, частично у хантов, ненцев и якутов; с конца XIX в. стал проникать к корякам и чукчам (ср. табл. 1, 3; табл. 2, 7; табл. 3, 1—3; табл. 4, 1; табл. 5, 3).

Амурский тип (табл. IV).

Характерные признаки. Очень близок к восточносибирскому типу: выгнуты также в средней части, но значительно длиннее и уже (длина 150—210 см, ширина 12—20 см). Носок имеет специфическую форму, обычно оканчивается своеобразной головкой. Меховая обшивка приклеивается.

¹ Из-за недостатка материала пока остался невыясненным вопрос об употреблении голиц этого типа ороками и удайцами и подшитых лыж ороками и айнами.

Распространение. Распространен в основном на территории Амурского бассейна — у нанайцев, ульчей, орочей, удегейцев (ср. табл. 9, 1, 4, 6, 7).

Северо-западный тип (табл. V).

Характерные признаки. Выгнуты в задней части. Форма варьирует: преобладают лыжи различные по ширине, например, широкие в передней части и постепенно суживающиеся к заднику или же широкие посредине и суживающиеся к концам. Носок слегка загнут вверх, задник острый или угловидный. Длина от 150 до 200 см, ширина в разных точках 25—30 см. Обшивка приклеивается.

Распространение. Распространен у селькупов, левобережных кетов и наряду с другими типами у хантов и манси (ср. табл. 1, 1, 2; рис. 1).

Приобский тип (табл. VI).

Характерные признаки. Выгнуты в средней части,¹ длинные (до 200—210 см), ширина около 25 см, концы острые или шишковидные. Характерную особенность составляет высокая ступательная площадка. Обшивка приклеивается.

Распространение. Бытует у хантов и манси (ср. табл. 1, 4).

К перечисленным шести типам скользящих лыж можно отнести большинство их разновидностей, встречающихся на территории Сибири. За пределами классификации оказались лишь виды лыж, имеющие крайне ограниченный район распространения, заимствованные, а также некоторые голицы, форма которых является явным подражанием подшитым.

Ступательные лыжи²

К этой категории относятся лыжи, конструктивную особенность которых составляет рама или обруч овальной, близкой к овалу, круглой или довольно причудливой формы, напоминающей цифру восемь. Рама переплетается ремнями в виде сетки или же просто перевязывается ими в поперечном направлении. Нога ставится на сетку и закрепляется петлями. На территории Сибири эти лыжи представлены одним типом — чукотско-камчатским, который относится к сетчатым лыжам.

Чукотско-камчатский тип (табл. VII).

Характерные признаки. Деревянная рама из двух планок с несколькими (двумя или больше) поперечными распорками, в середине пустое пространство переплетено ремнями в виде сетки. В форме больших отклонений не наблюдается. Размеры довольно сильно

варьируют (длина от 60 до 100 см и даже более, ширина от 15 до 25 см).

Распространение. В конце XIX и начале XX в. бытовали у чукчей, азиатских эскимосов, коряков, курильских айнов, частично у юкагиров. К этому времени уже вышли из употребления у ительменов (ср. табл. 5, 1, 2; табл. 6, 1, 3).

Географическое распространение типов лыж на территории Сибири в конце XIX и начале XX в. показано на карте.

Скользящие лыжи в этот период употреблялись повсеместно в тайге и лесотундре и проникали на север, в тундру, и на юг, в степи.

Прямые подшитые лыжи были известны в основном на территории Саяно-Алтайского нагорья (саяно-алтайский тип) и в пределах низовьев Амура и Сахалина (амуро-сахалинский тип).

Четыре типа выгнутых лыж были характерны для таежной полосы, от Уральского хребта до п-ва Камчатка включительно.

Восточносибирский тип в основном был распространен к востоку от Енисея, в измененных формах (лыжи более толстые и значительно слабее выгнуты) доходил до Чукотки, Камчатки, Охотского побережья.

Амурский тип был известен в Амурском бассейне, за исключением низовий Амура.

Северо-западный тип был распространен к западу от Енисея, восточнее он встречался в виде исключения.

Приобский тип был характерен для населения бассейна средней Оби.

Ступательные сетчатые лыжи чукотско-камчатского типа в конце XIX и начале XX в. употреблялись в тундровой полосе Крайнего Северо-Востока Сибири, от р. Колымы до побережья Берингова пролива, в северной части п-ва Камчатка и на островах Курильской гряды.

В прошлом можно проследить более широкое распространение сетчатых лыж. В XVIII в., кроме чукчей, эскимосов и коряков, они широко употреблялись ительменами. Лишь впоследствии замкнутые границы распространения чукотско-камчатского типа лыж оказались прерванными. За последние 50—70 лет отмечается дальнейшее вытеснение сетчатых лыж скользящими, что можно наблюдать у чукчей и особенно наглядно у коряков.

Кроме Сибири, сетчатые лыжи известны еще в Америке (в тундровой и лесной полосе). Там они достигают большого разнообразия форм. С сибирскими лыжами абсолютно идентичны лыжи американских эскимосов.

На юге за пределами Сибири другой тип ступательных лыж был распространен у айнов о. Хоккайдо, откуда он был занесен на с. Сахалин.

III

Вопрос о происхождении отдельных типов лыж сложен, мы ограничимся лишь рассмотрением некоторых частных вопросов.

Ступательные сетчатые лыжи характерны только для Крайнего Северо-Востока Азии. Бытование их объясняется хорошей приспособленностью к условиям местности. В тундре, имеющей кочкообразный рельеф, благодаря сильным ветрам наметаются гребни из твердого снега, и скользящие лыжи там мало пригодны. Поэтому население тундры или совсем не пользуется лыжами, как например энцы, нганасаны и частично ненцы, или, как народы Крайнего Северо-Востока, употребляют ступа-

тельные лыжи, на которых во время движения не скользят, а ступают. Кроме того, пользование скользящими лыжами в тундре ограничивается отсутствием материала, годного для их изготовления. Так, например, чукчи могли получать скользящие лыжи только от соседних народов.

Происхождение чукотско-камчатского типа лыж, по-видимому, связано с приморской культурой эскимосов и чукчей, которые пользуются только этим типом. У других же народов ступательные лыжи бытуют наряду со скользящими. Так, ительмены еще в XVIII в. пользовались обоими видами лыж. Юкагиры же употребляли ступательные лыжи крайне ограниченно. Эти лыжи мало соответствуют таежной культуре пеших охотников-юкагиров. Здесь скорее можно предполагать чукотское влияние. Что касается курильских айнов, то, по-видимому, чукотско-камчатский тип лыж был занесен к ним с Камчатки.

¹ За отсутствием достаточного количества материала относим этот вид лыж к выгнутому пока условно.

² Эта категория лыж известна многим народам земного шара. В литературе некоторые их типы описаны под названием ракетных (по отдаленному сходству с теннисной ракеткой), канадок (от территории распространения), сетевых, «лапок» и других.

Другой тип ступательных лыж, по форме напоминающий цифру восемь и изредка встречающийся у сахалинских айнов, вряд ли генетически связан с чукотско-камчатским типом Северо-Востока.

Скользкие лыжи в Сибири наибольшего совершенства достигают у охотничьих народов. Именно у них можно наблюдать четко выраженные типы, точность пропорций, продуманность отдельных деталей с точки зрения рационального применения. У народов Сибири подлинными охотничьими лыжами считаются подшитые. Действительно обшивка имеет большое практическое значение. Она содействует легкости скольжения, в то же время при подъеме на гору из-за ворсистости меха тормозится движение назад. Кроме того, обшитые лыжи более бесшумны, не издадут скрипов, как голицы.

Таким образом, обшивка придает лыжам новые качества, особенно необходимые охотнику: бесшумность, быстроту скольжения и возможность подниматься в гору. Своеобразный способ подшивки лыж отдельными кусками шкуры или мехом разных пород животных преследует еще и другую цель — предохранить лыжи от скольжения в стороны; иногда эту роль выполняют нащепы. Для охотничьих лыж характерен также усовершенствованный способ крепления — две, а часто и три петли.

Все эти качества особенно ярко проявляются в выгнутых лыжах, которые на территории Сибири представлены четырьмя типами.

Восточносибирский тип характерен для эвенков и эвенов. Происхождение его, по-видимому, нужно искать в культуре указанных народов. Об этом свидетельствует повсеместное распространение данного типа у всех групп эвенков и эвенов, даже не связанных между собой территориально.

К восточносибирскому типу конструктивно близок амурский. Это позволяет поставить вопрос о тесной связи и даже общности происхождения обоих типов, что находит подтверждение также и в терминологии. У всех тунгусо-маньчжурских народов названия подшитых лыж или производные от этих названий слова имеют один и тот же корень.

С другой стороны, вряд ли можно объяснить случайностью сходство внешней формы амурского типа выгнутых лыж и амуро-сахалинского типа прямых. Археологические и этнографические материалы показывают, что древняя культура аборигенного населения Приамурья была наиболее близка к нивхской, а тунгусо-маньчжурские племена являются более поздними пришельцами на этой территории.

В быту нанайцев, ульчей, орочей и удэгейцев до сих пор прослеживаются элементы чисто таежной северной культуры. К таким элементам, в частности, относятся и выгнутые подшитые лыжи, по нашей классификации восточносибирский и амурский типы.

Можно предполагать, что амурский тип лыж является более поздним, созданным на основе восточносибирского и амуро-сахалинского.

Сложнее вопрос о генезисе выгнутых лыж северо-западного типа. Этот тип характерен для северной части Западной Сибири и распространен в той или иной степени у кетов, селькупов, хантов и манси. Ханты и манси употребляют лыжи северо-западного типа наряду с другими, более характерными для них, что не дает основания считать этот тип специфически угорским.

Что касается кетов, то последние в большей степени пользуются восточносибирскими (эвенкийскими) лыжами. Бытование же северо-западного типа у левобережных кетов может быть объяснено тесными связями с селькупам.

Наиболее четко выражен северо-западный тип у селькупов. Кроме того, он является единственным типом лыж, употребляемым этим народом. Можно было бы допустить, что генезис северо-западного типа связан с селькупам и, возможно, с кетскими племенами. Но это предположение плохо увязывается с материалами, касающимися проблемы этногенеза селькупов и кетов. Если встать на общепринятую точку зрения, что предки селькупов и кетов жили когда-то в Саяно-Алтайском нагорье, то чем объяснить отсутствие у современных обитателей этой территории каких-либо лыж, близких к северо-западному типу? И, наоборот, не имеется никаких материалов, указывающих, что сель-

купам и кетам были известны лыжи, хотя бы отдаленно напоминающие саяно-алтайские. Из этого можно сделать два предположения: 1) северо-западный тип лыж мог быть поздним типом, появившимся у селькупов, когда они уже жили на севере, под воздействием тунгусоязычных племен; 2) алтайские народы, когда-то обладавшие этим типом лыж, со временем его утратили. Материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, не дают ответа на эти вопросы, но второе предположение кажется мало вероятным.

Приобский тип лыж, распространенный у хантов и манси, не имеет аналогий с лыжами как соседних, так и других народов Сибири. Лишь за ее пределами этот тип встречается у саамов Кольского п-ва, и похожие по форме лыжи найдены в археологических раскопках на территории Финляндии.

Прямые (невьгнутые) лыжи представлены на территории Сибири двумя типами. Саяно-алтайский тип тесно связан с охотничьими народами Саяно-Алтайского нагорья. Распространение его за пределами этой территории указывает на древние или позднейшие связи саяно-алтайских народов с другими народами. Древние связи, по-видимому, имели место с якутами и, возможно, с сибирскими татарами, поздние — с некоторыми локальными группами эвенков.

Амуро-сахалинский тип, как указывалось выше, наиболее специфичен для нивхов.

У. Т. Сирелиус высказал предположение, что нивхские лыжи с нащепами развились из сетчатых. Взгляды У. Т. Сирелиуса по этому вопросу отражают его общую эволюционную концепцию. По его мнению, прежде не было такого резкого различия между ступательными и скользкими лыжами, хотя первые являются более примитивными. У. Т. Сирелиус считает, что достаточно было сетчатые лыжи снизу обтянуть шкурой, чтобы получилась скользкая поверхность. Впоследствии вместо рамы стали обтягивать доску, так что отпала необходимость и в сетчатом переплетении. Остатком же рамы в нивхских лыжах являются нащепы.¹

Применительно к лыжам народов Сибири точка зрения У. Т. Сирелиуса вызывает ряд возражений. Во-первых, отсутствуют какие-либо указания, что в Сибири бытовали сетчатые лыжи, подбитые шкурой. Во-вторых, нащепы на нивхских лыжах вряд ли можно рассматривать как остаток рамы, поскольку они прикреплялись поверх шкуры, а не изнутри. Кроме того, нащепы имели чисто практическое значение. Особенно рациональны они были в нивхских лыжах. Амурский лиман с множеством мелких заливов и бухт имел зимой чрезвычайно ровную поверхность. В этих условиях гладко выструганные деревянные нащепы давали возможность легко скользить по снегу и не позволяли лыжам разъезжаться в стороны.

Учитывая такую хорошую приспособленность амуро-сахалинских лыж к условиям местности, можно предполагать, что этот тип лыж был создан в низовьях Амура и Амурского лимана аборигенным населением и с распространением упряжного собаководства по нижнему и среднему течению Амура был заимствован тунгусо-маньчжурскими племенами.

С другой стороны, амуро-сахалинский тип, вероятно, оказал также сильное влияние на создание нового амурского типа выгнутых лыж.

При рассмотрении лыж народов Сибири четко прослеживается одна закономерность. В тех случаях, когда лыжи имеют производственное назначение (на территории Сибири такую роль лыжи играют в охотничьем промысле и в упряжном собаководстве), они бывают определенных типов, тщательно отделяются, имеют точно рассчитанные пропорции. Если же по каким-либо причинам они теряют производственные функции, то обычно утрачивают свои технические качества: нарушаются пропорции, наблюдается сильное варьирование формы, упрощается крепление (одна петля вместо двух или трех) и даже утрачиваются основные конструктивные признаки типа.

Утрата технических качеств особенно сильно проявляется в голицах, которые у местного населения часто считаются «бытовыми» или «ненастоящими» лыжами. Так, голицы у алтайских народов, хотя и имеют производст-

¹ U. T. Sirelius. Suomen kansanomaista kulttuuria. Helsinki, 1919, стр. 370, 371.

венные функции (на них ходят охотиться весной по насту), все же по сравнению с подшитыми они бывают толще, грубее, в них в меньшей степени соблюдены пропорции, преобладает однопетельное крепление и т. д.

В целом голицы можно рассматривать как первичные виды лыж, а подшитые — как более позднее изобретение. Но вряд ли это положение распространимо на все разновидности голиц, бытующих у народов Сибири. Форма некоторых из них, по-видимому, является просто подражанием форме подшитых лыж северо-западного, восточно-

сибирского и приобского типов. Но если подшитые выгнутые лыжи этих типов тонки, легки, эластичны и легко пружинят, то голицы, сходные с ними по внешнему виду (короткие и широкие), но невыгнутые и тяжелые, мало удобны для пользования.

Таким образом, как указывалось выше, по сравнению с четко выраженными типами подшитых лыж в голицах труднее найти характерные устойчивые признаки для отнесения их к тому или иному типу.

ХАНТЫ И МАНСИ

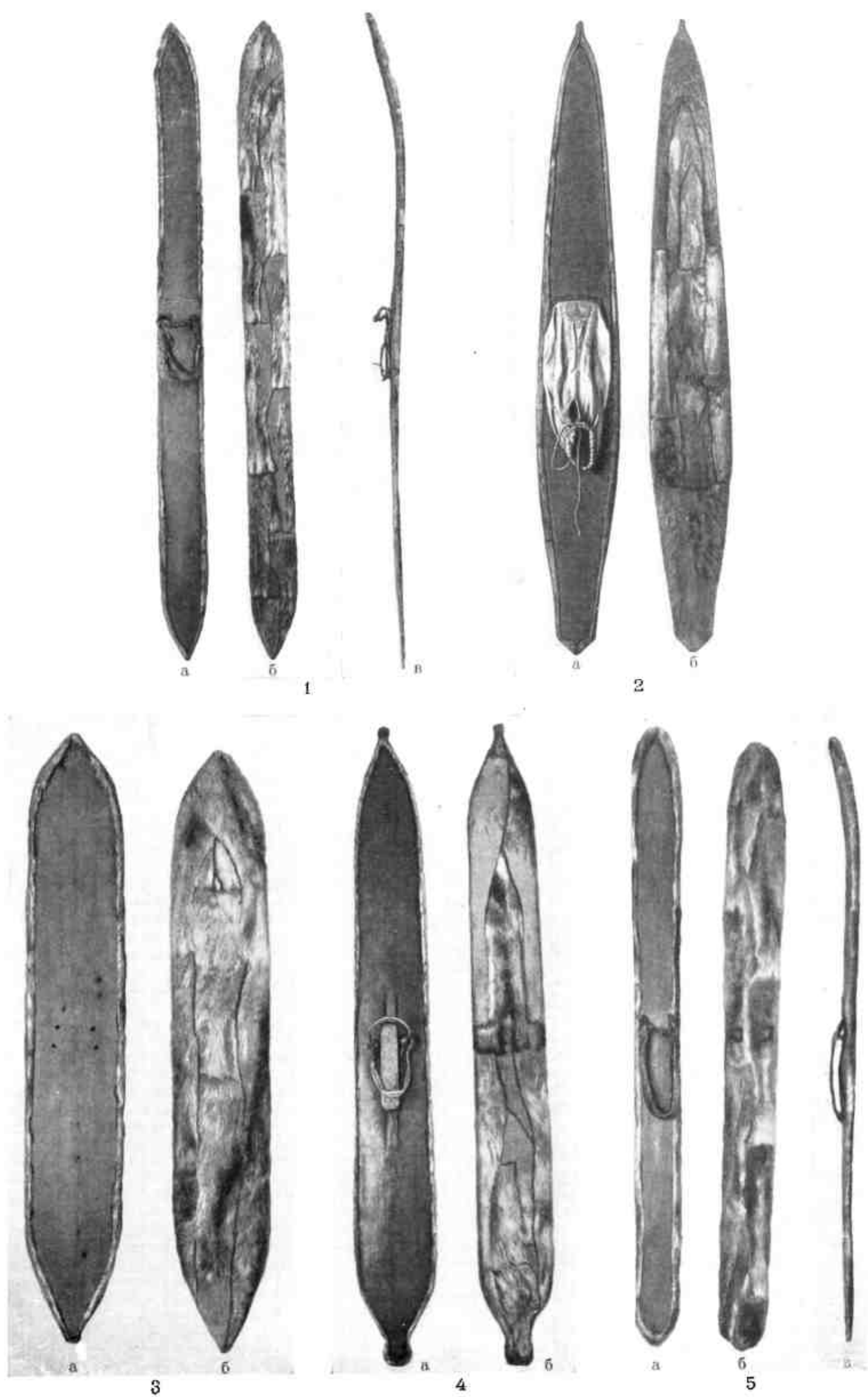
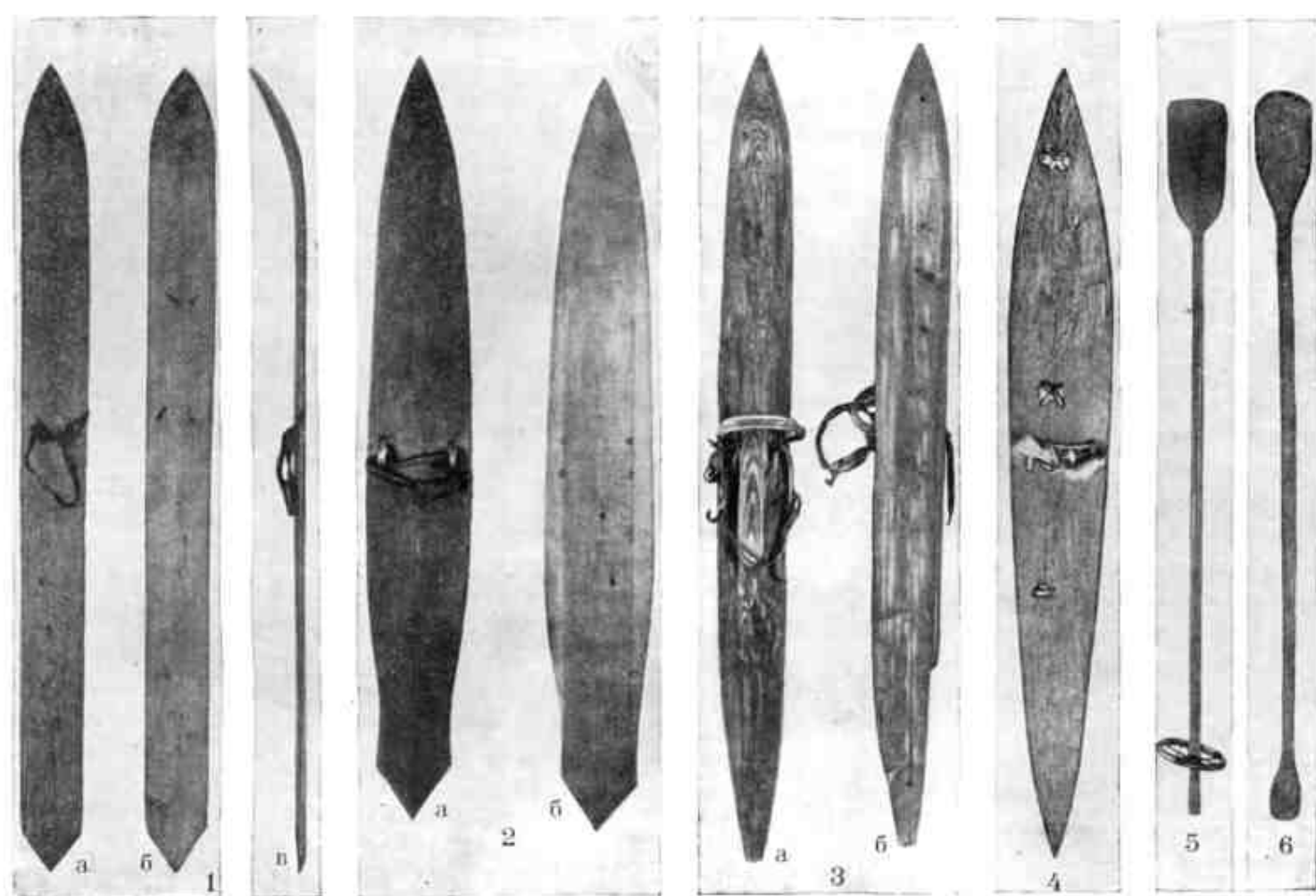

ТАБЛИЦА 1
Подшитые лыжи.

ХАНТЫ И МАНСИ

КЕТЫ

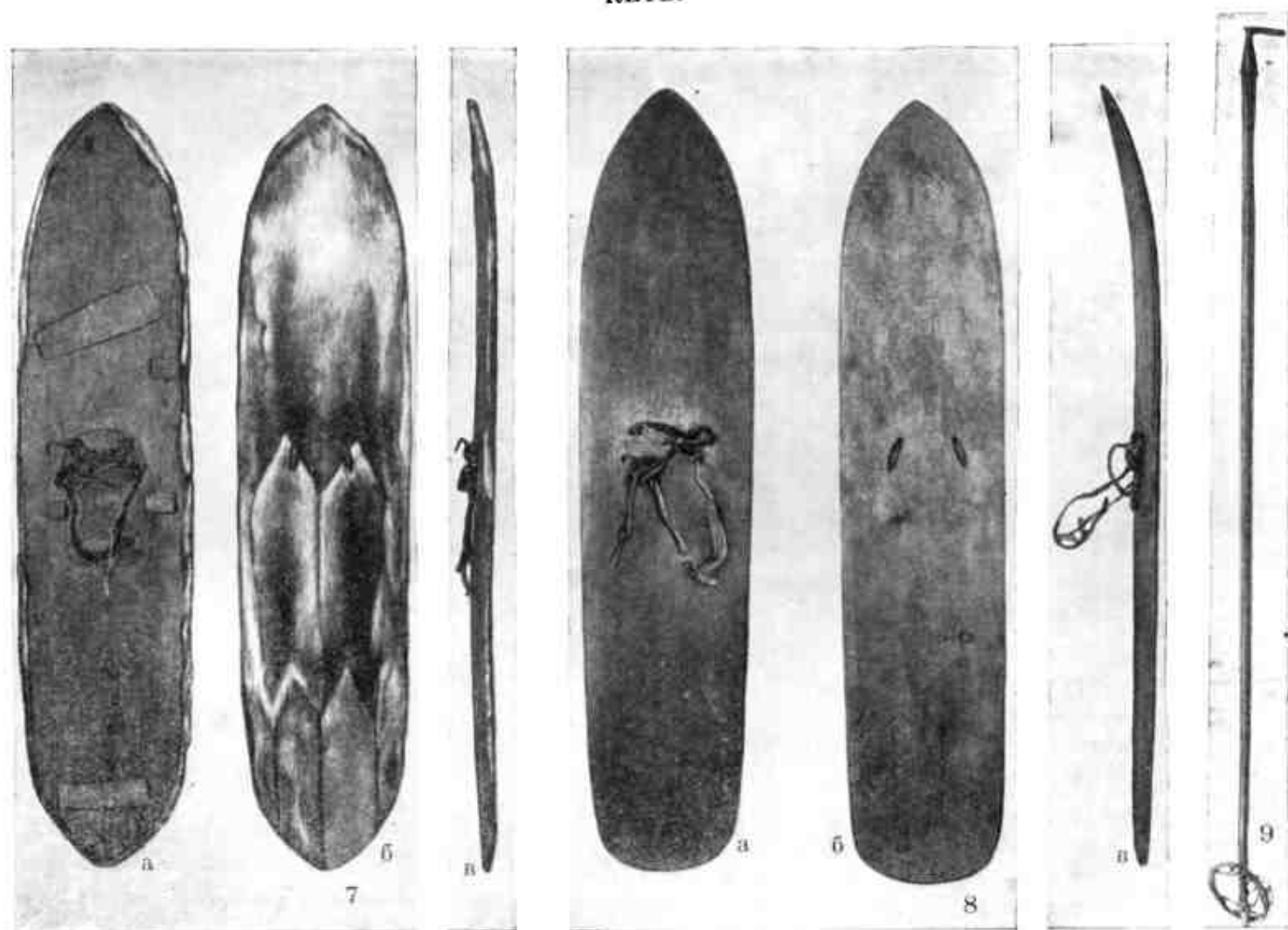

ТАБЛИЦА 2

1, 2, 8 — голицы; 3 — детские лыжи (голицы); 4 — женские лыжи (голицы); 7 — подшитые лыжи; 5, 6, 9 — лыжные посохи.

ЭВЕНКИ

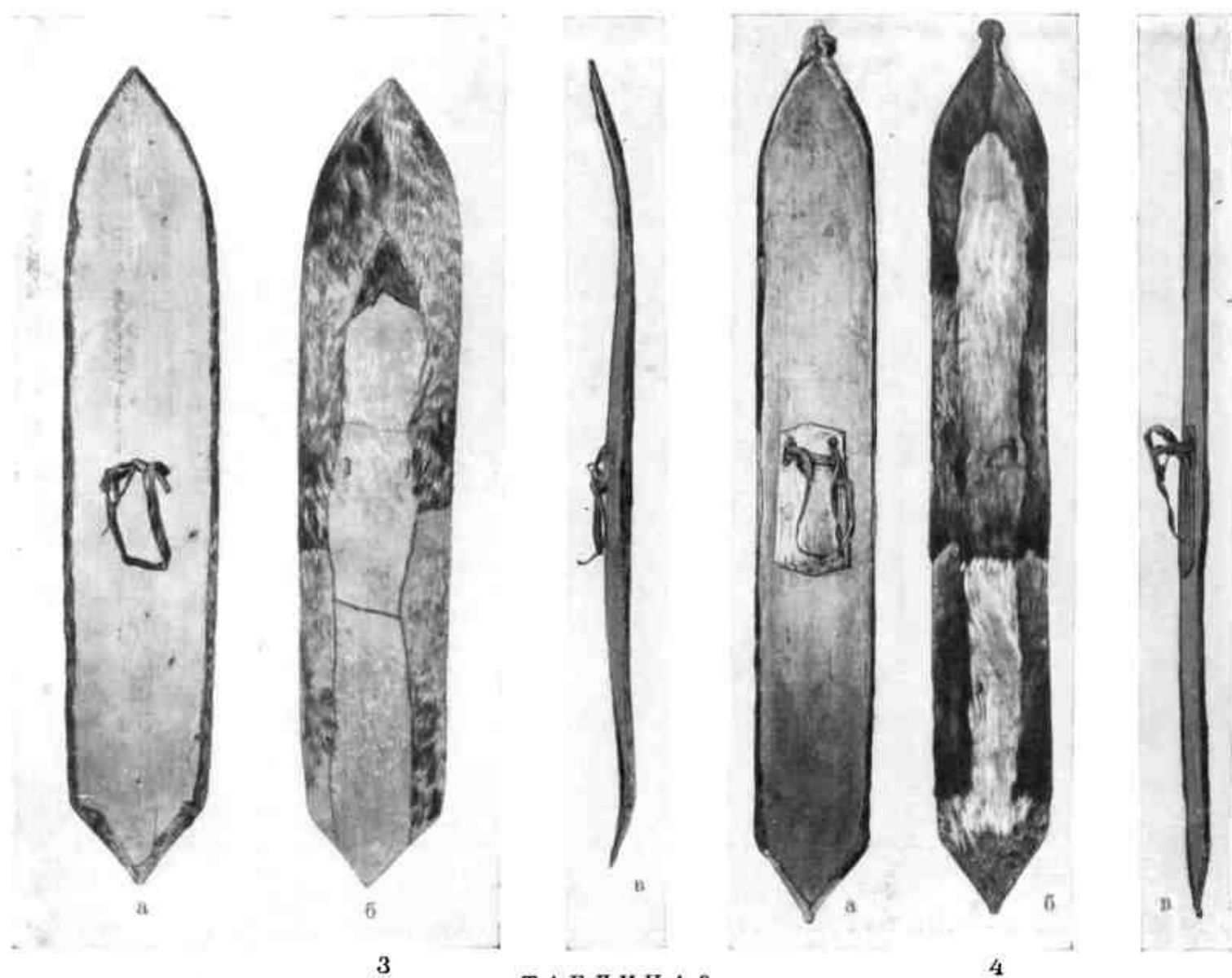
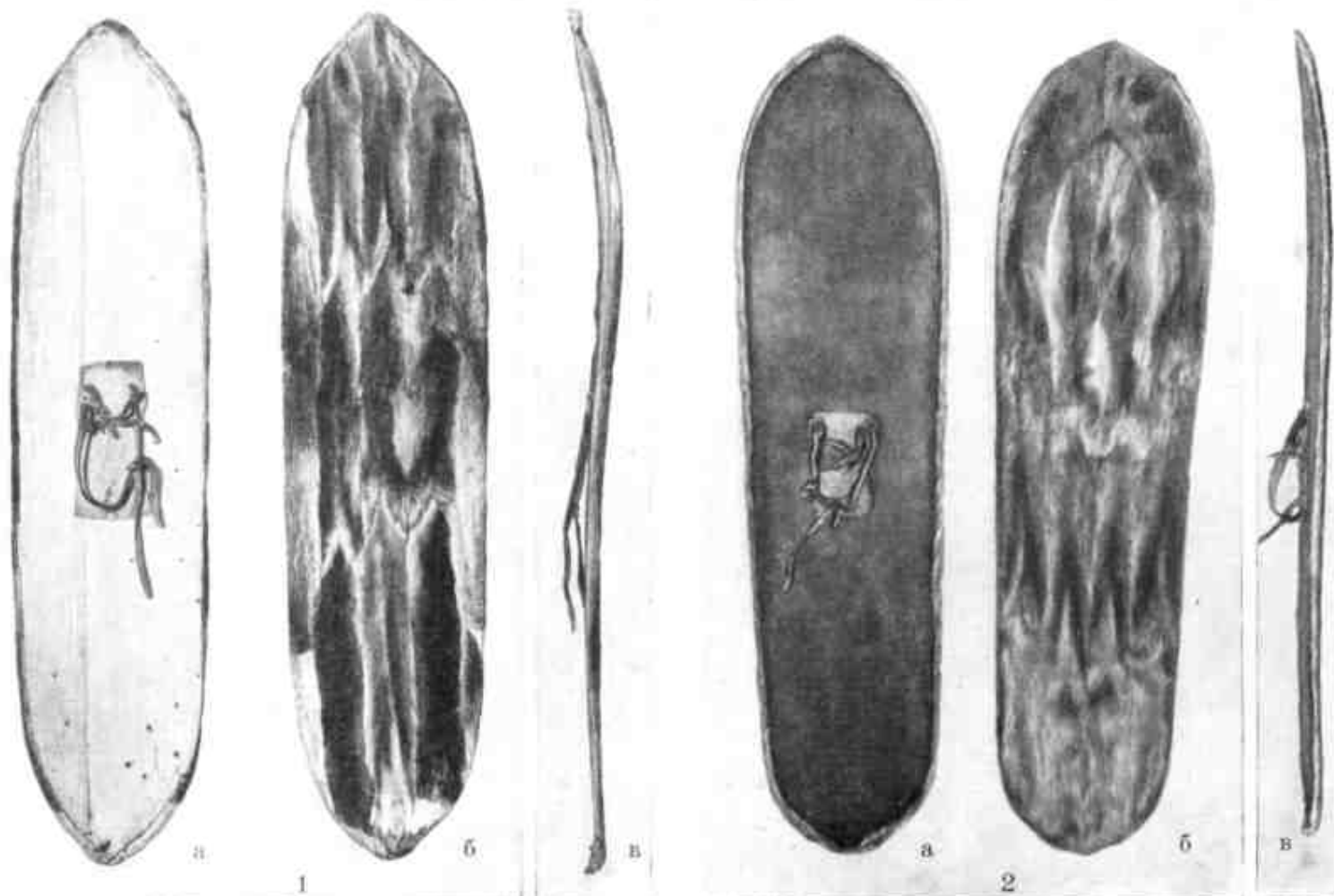
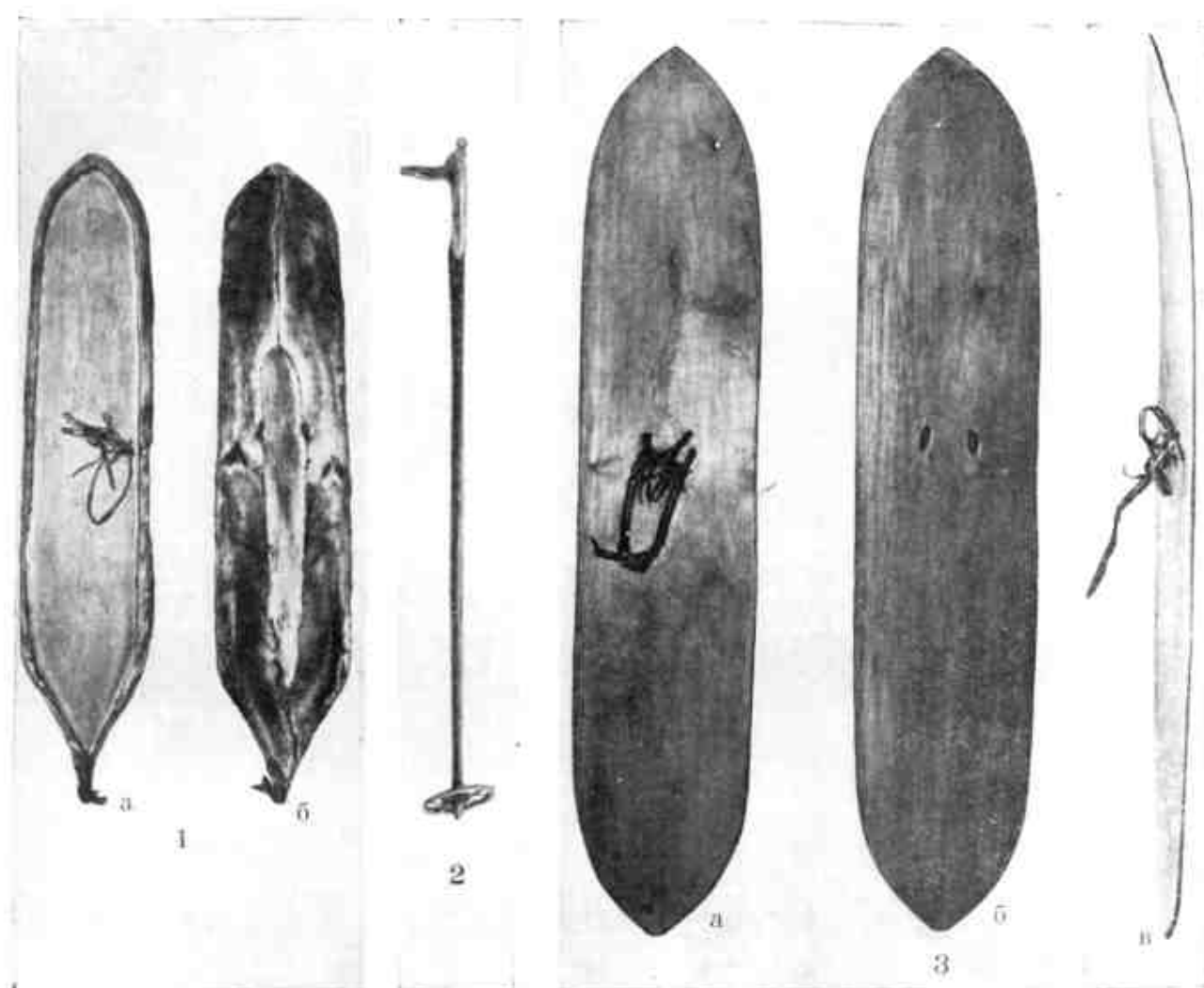

ТАБЛИЦА 3
Подшитые лыжи.

ЭВЕНКИ И ЭВЕНЫ

ЯКУТЫ

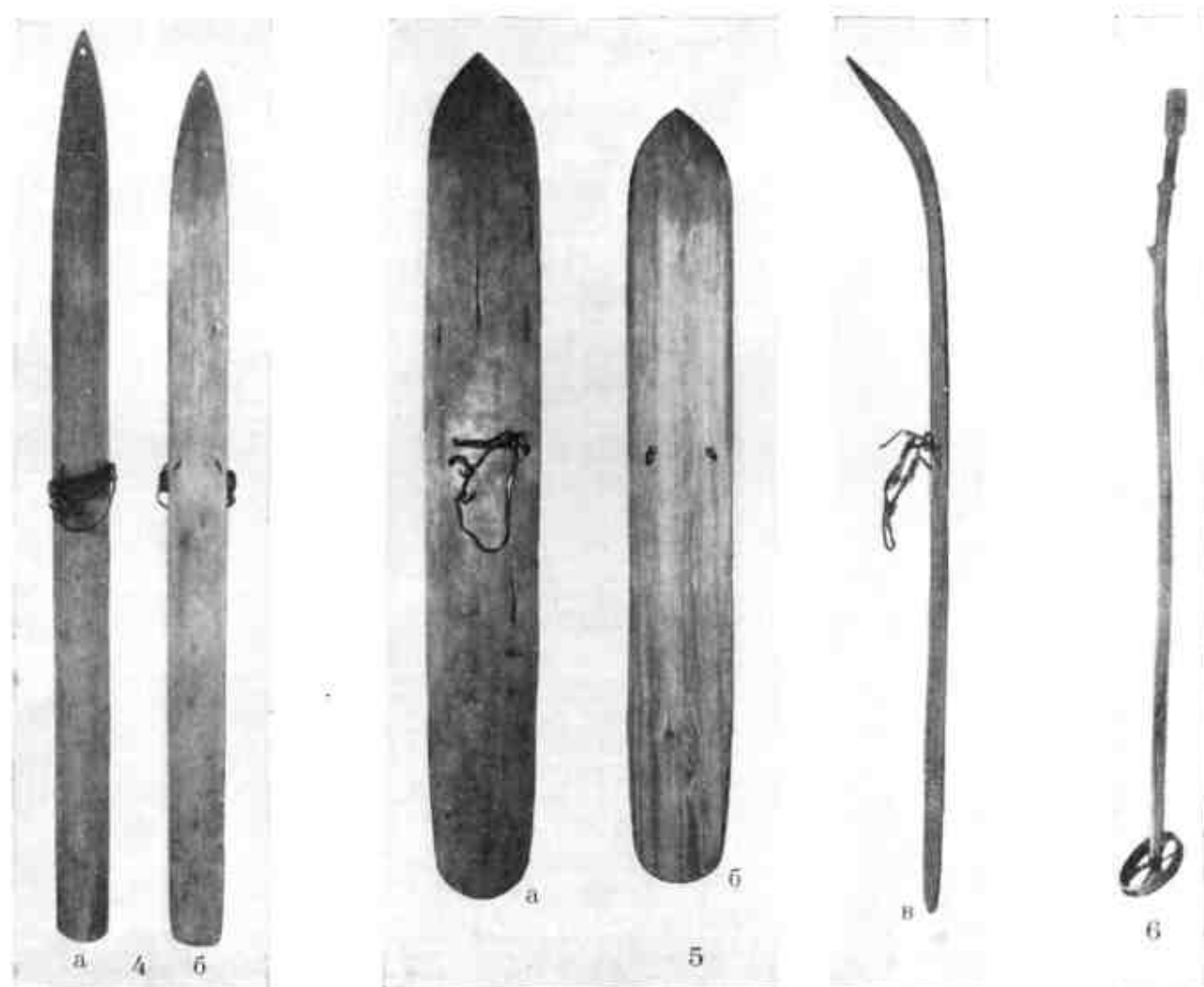

ТАБЛИЦА 4

1 — подбитые лыжи; 2, 6 — лыжные посохи; 3—5 — голцы.

ЧУКЧИ И ЭСКИМОСЫ

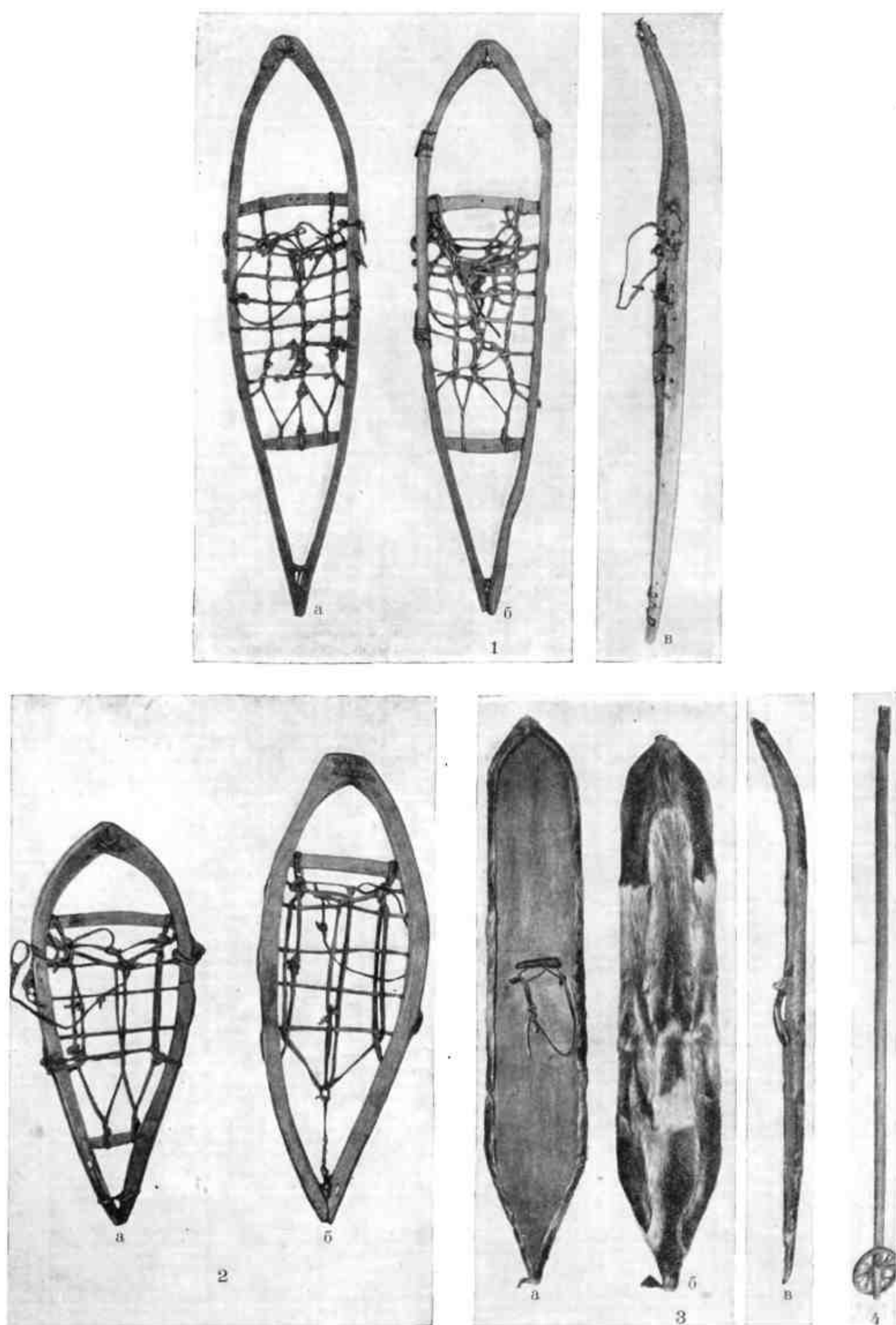
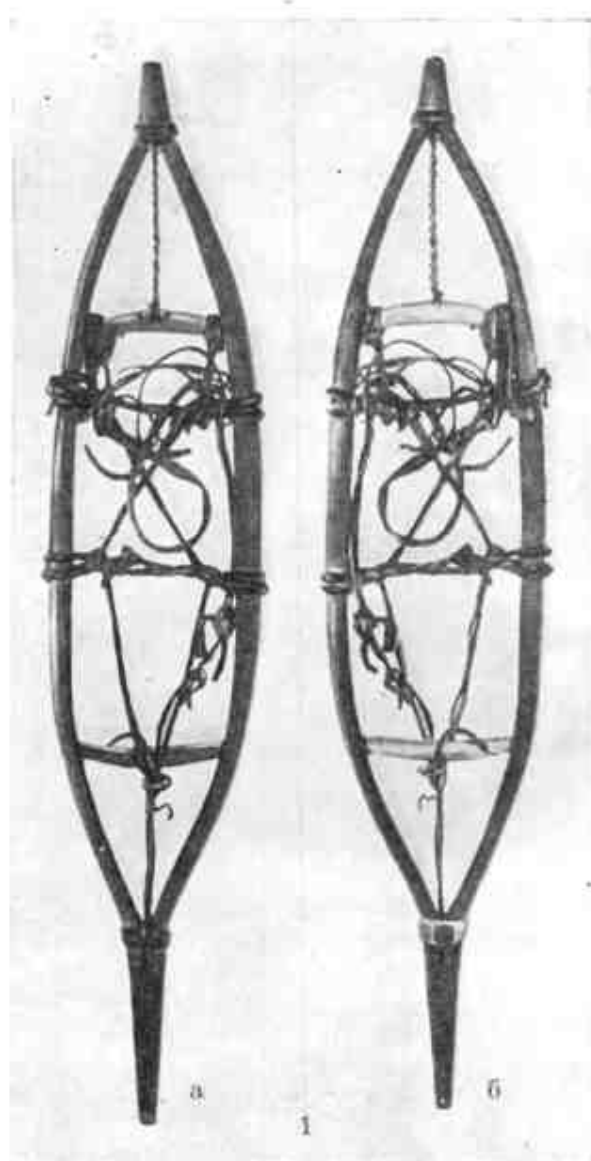

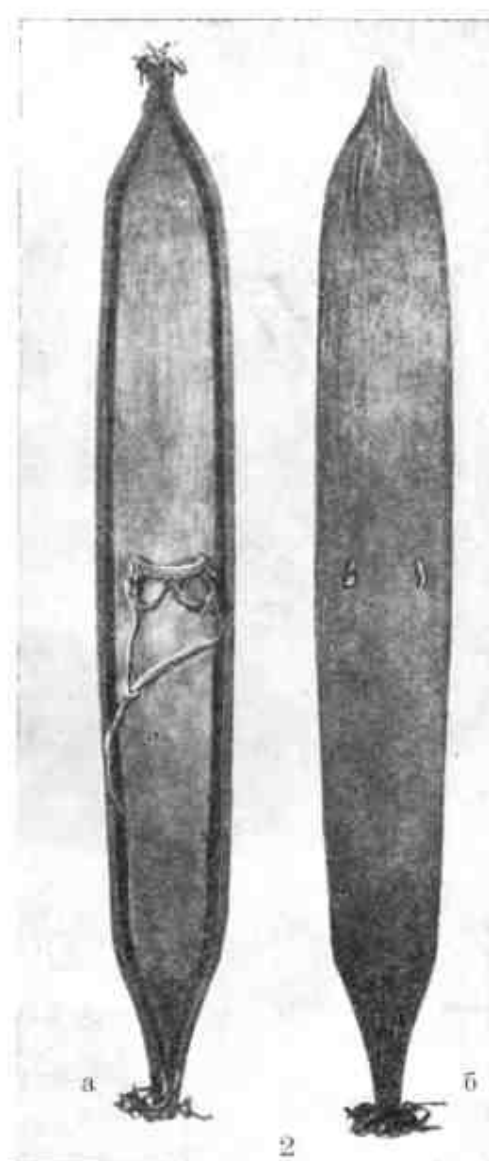
ТАБЛИЦА 5

1, 2 — ступательные лыжи (сетчатые); 3 — подбитые лыжи; 4 — лыжный посох.

КОРЯКИ

ИТЕЛЬМЕНЫ

АЙНЫ КУРИЛЬСКИЕ

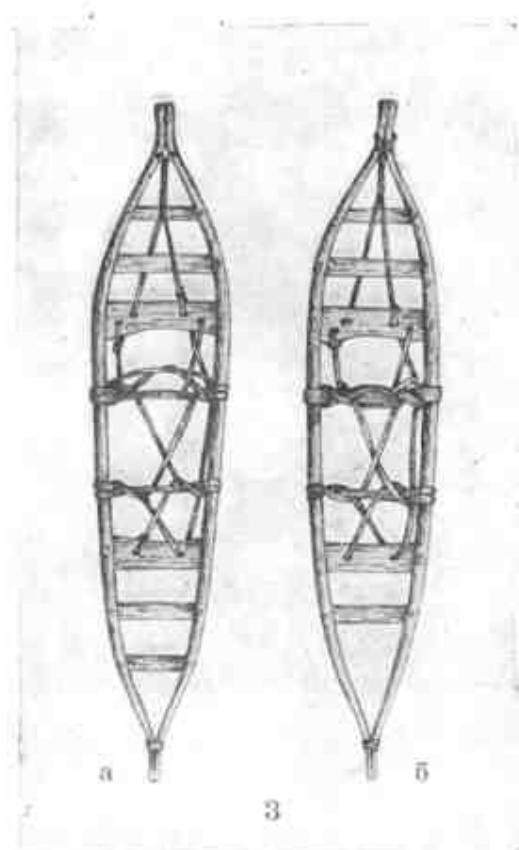

ТАБЛИЦА 6

1, 3 — ступательные лыжи (сетчатые); 2 — подшитые лыжи.

АЙНЫ САХАЛИНСКИЕ

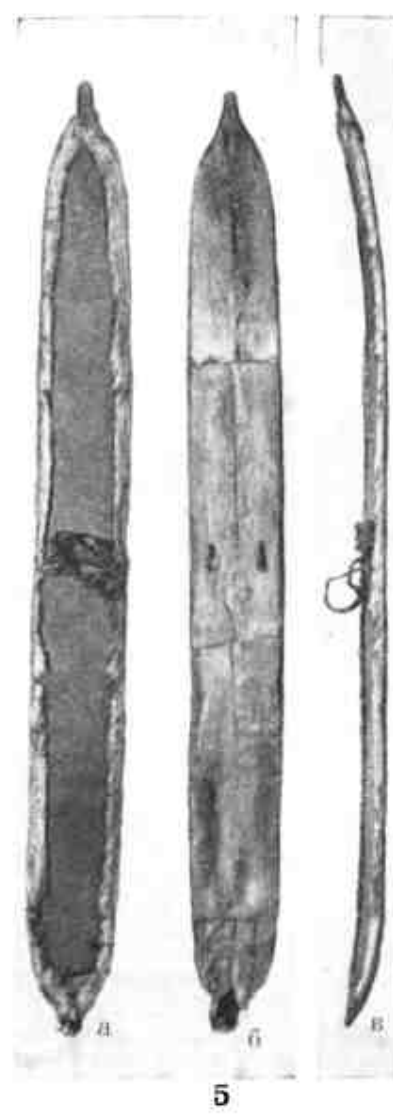
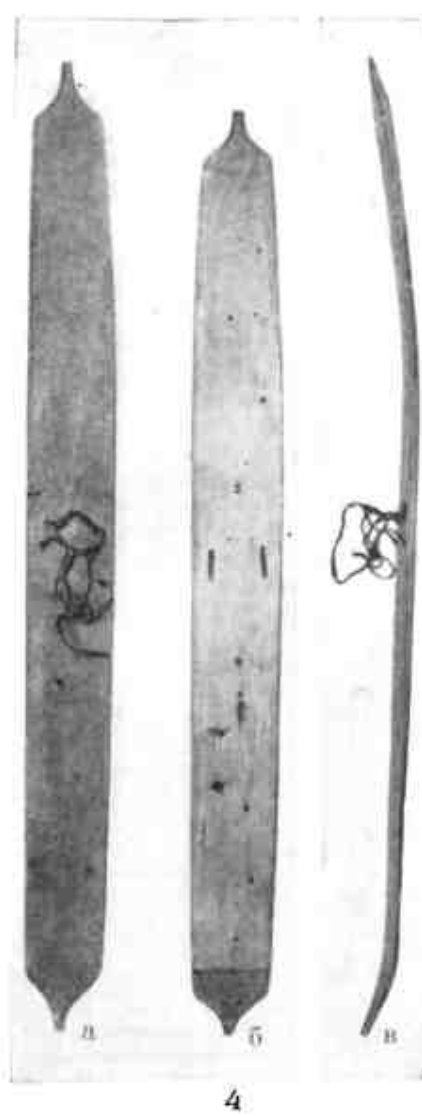
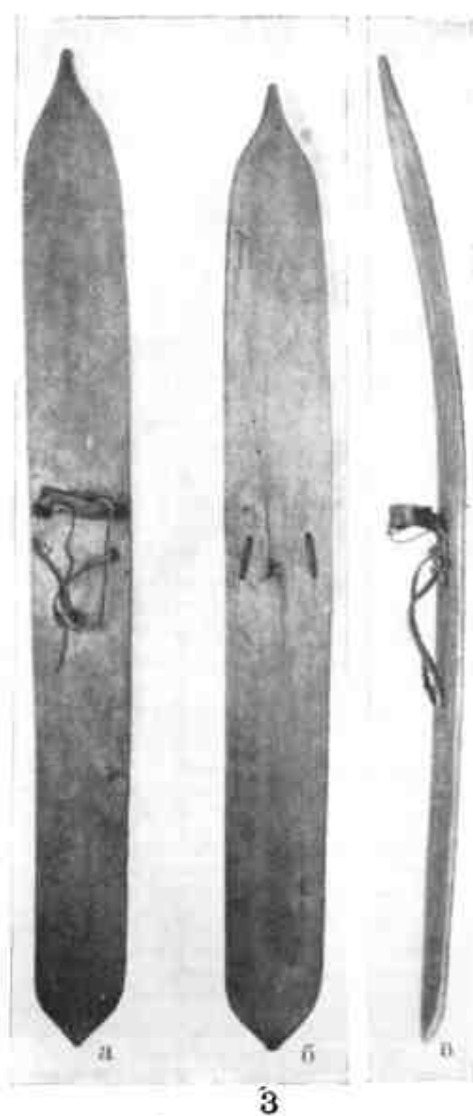
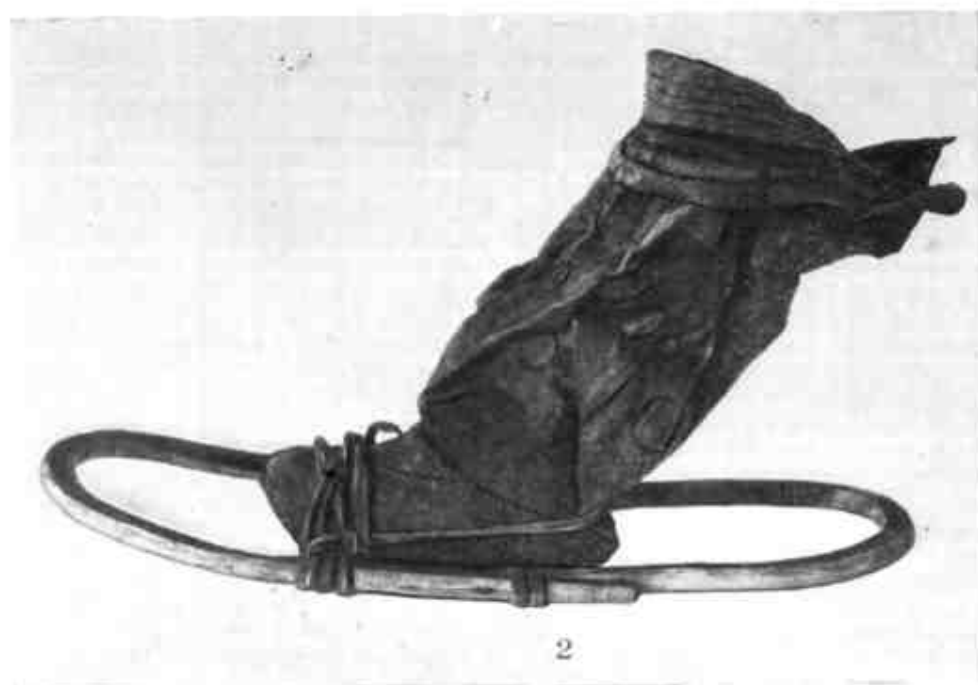
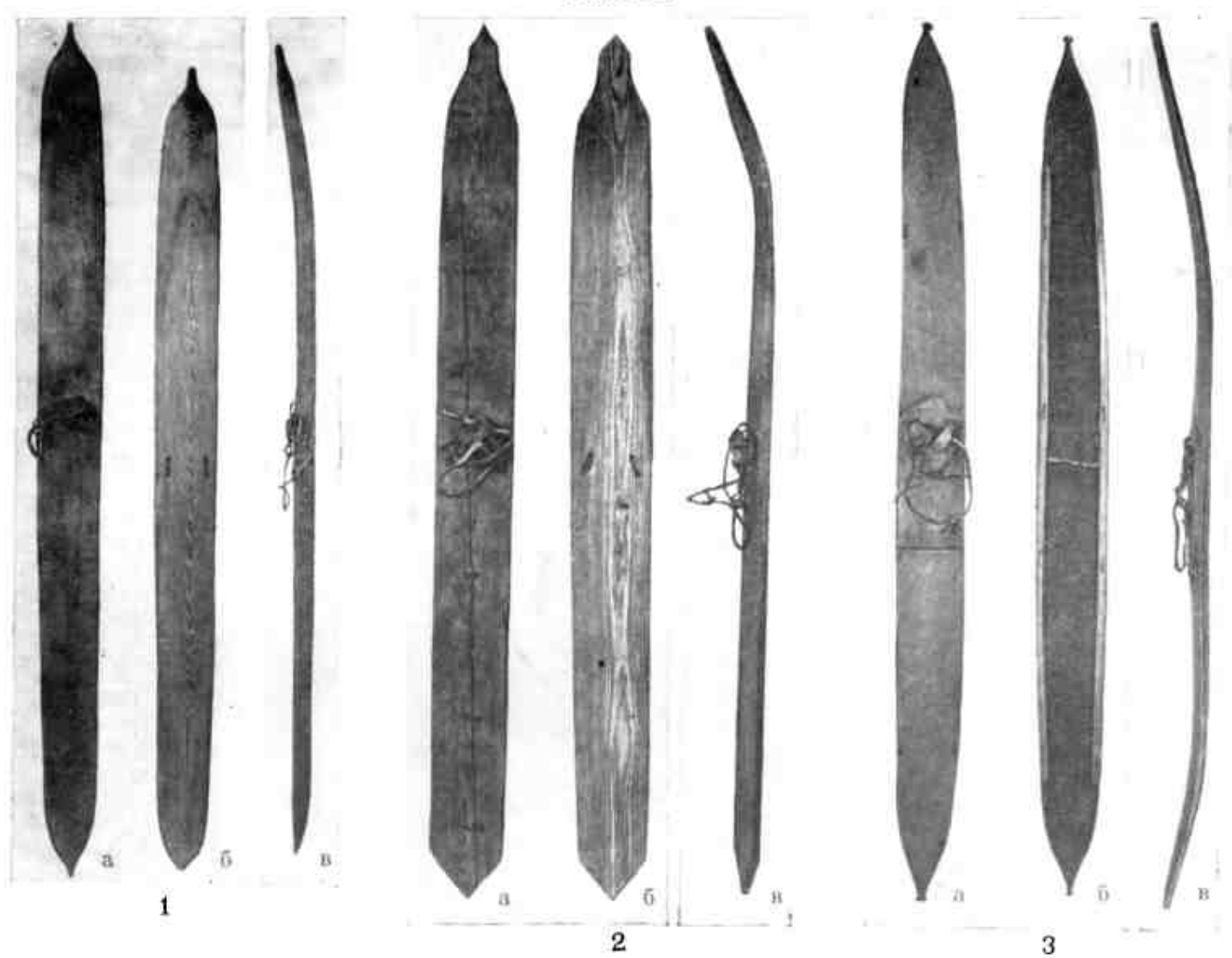

ТАБЛИЦА 7

1, 2 — ступательные лыжи; 3, 4 — голицы; 5 — подшитые лыжи.

НИВХИ

ОРОКИ

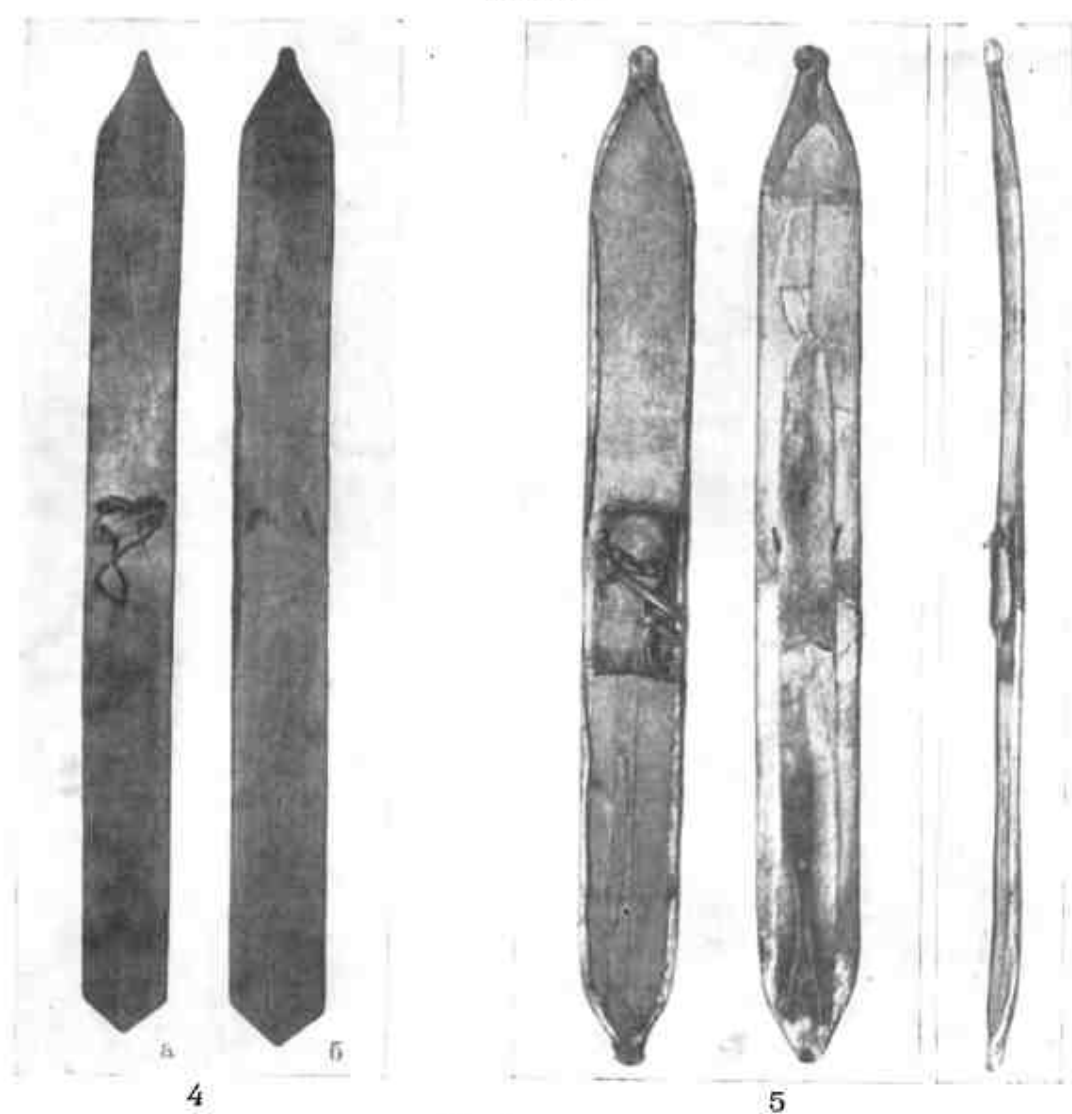
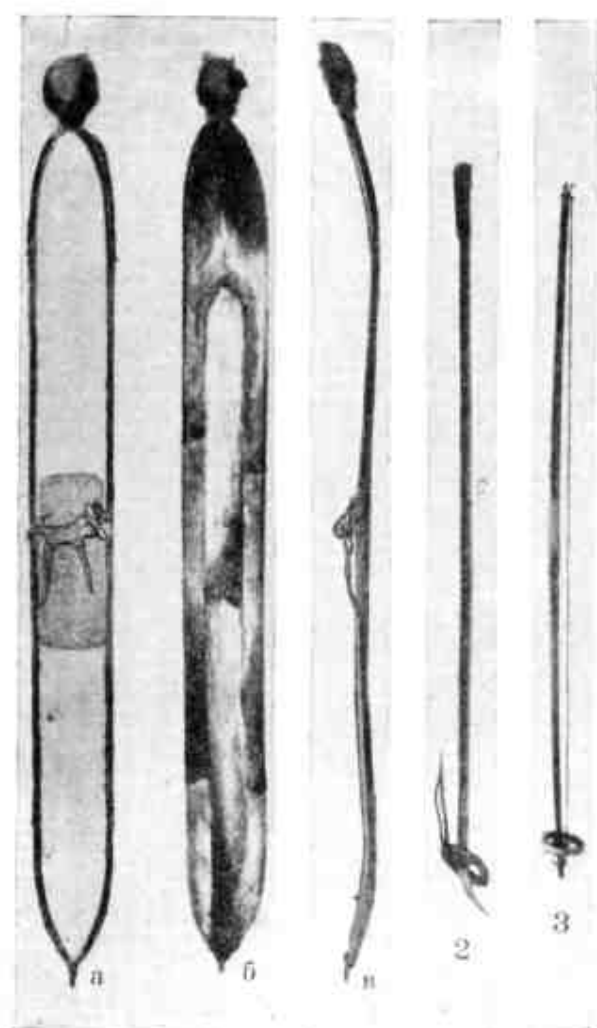

ТАБЛИЦА 8

1, 2, 4 — голицы; 3, 5 — подшитые лыжи.

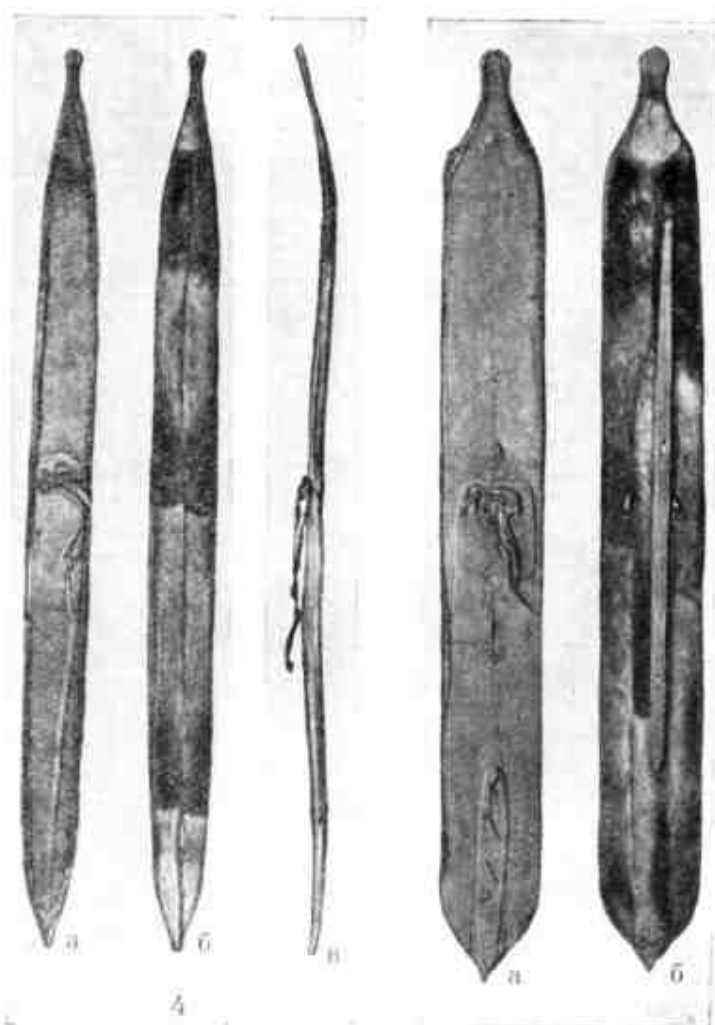
НАНАЙЦЫ

УЛЬЧИ

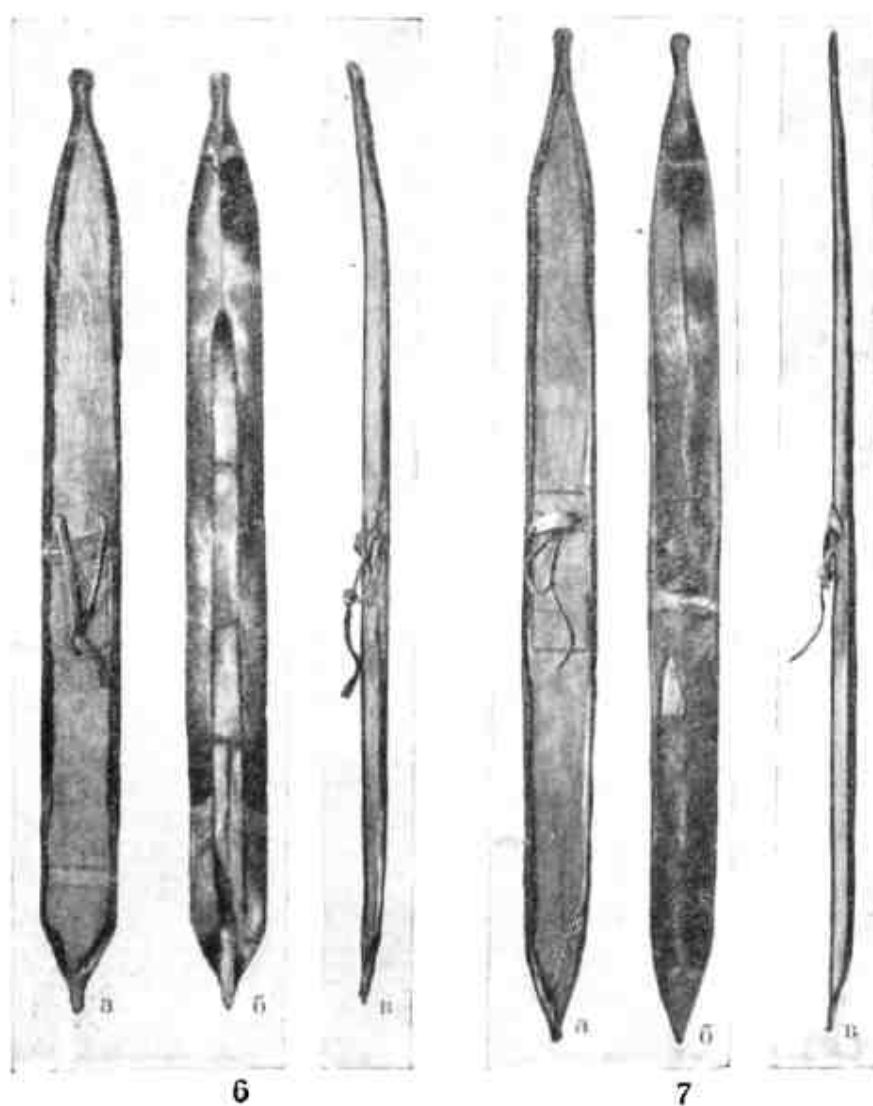

1

ОРОЧИ И УДЭГЕЙЦЫ

5

6

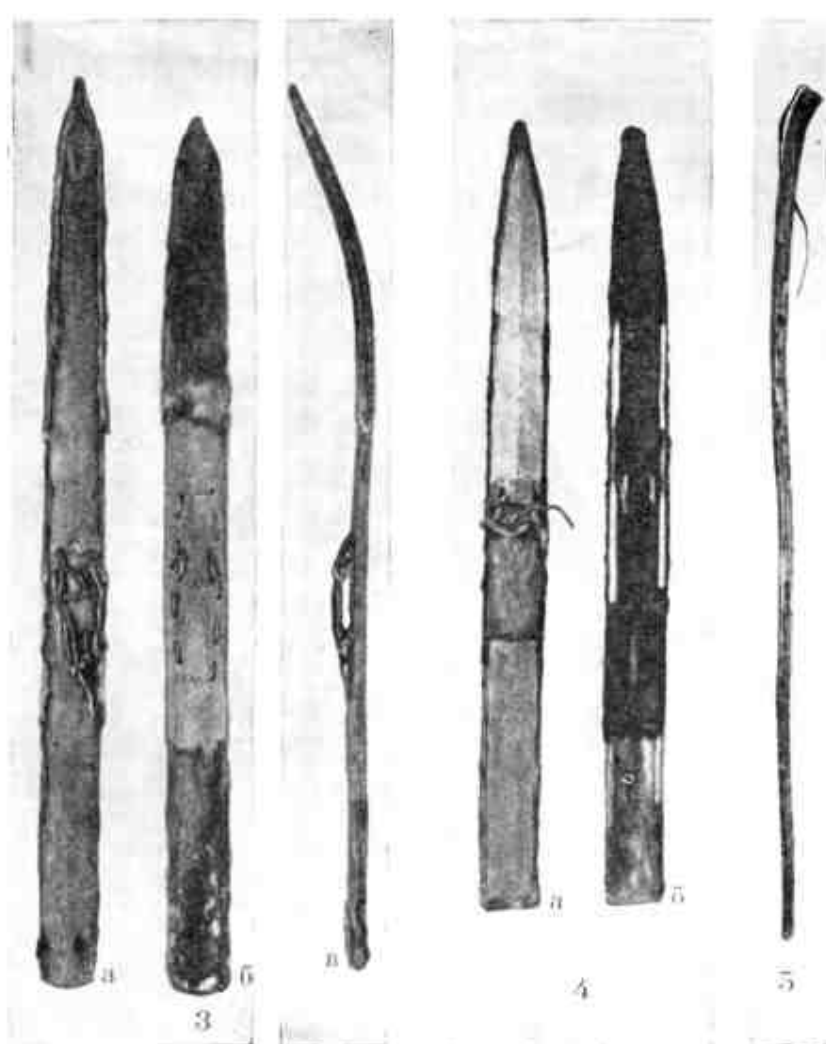
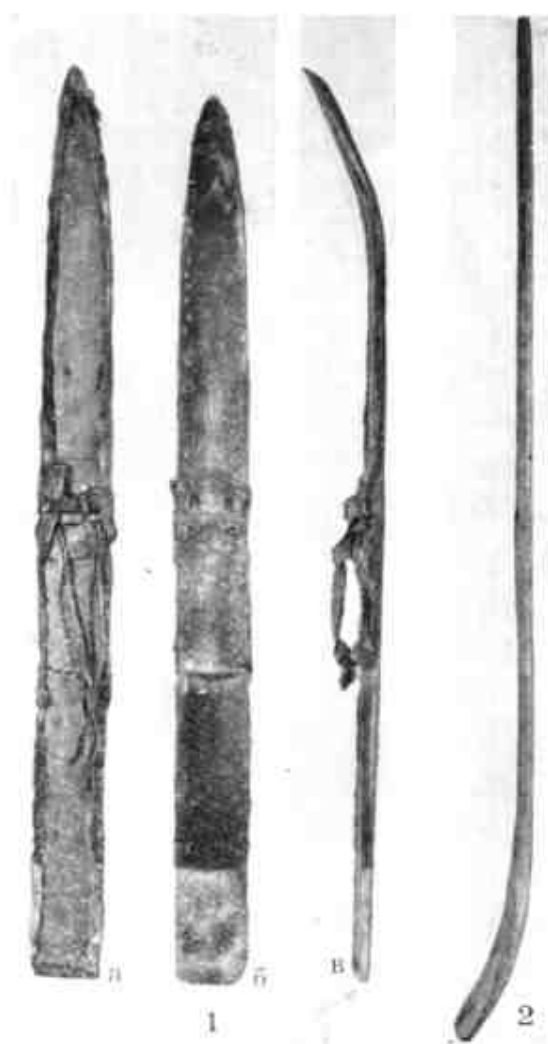
7

ТАБЛИЦА 9

1, 4-7 — подбитые лыжи; 2, 3 — лыжные посохи.

ШОРЦЫ

АЛТАЙЦЫ

ХАКАСЫ

ТОФАЛАРЫ

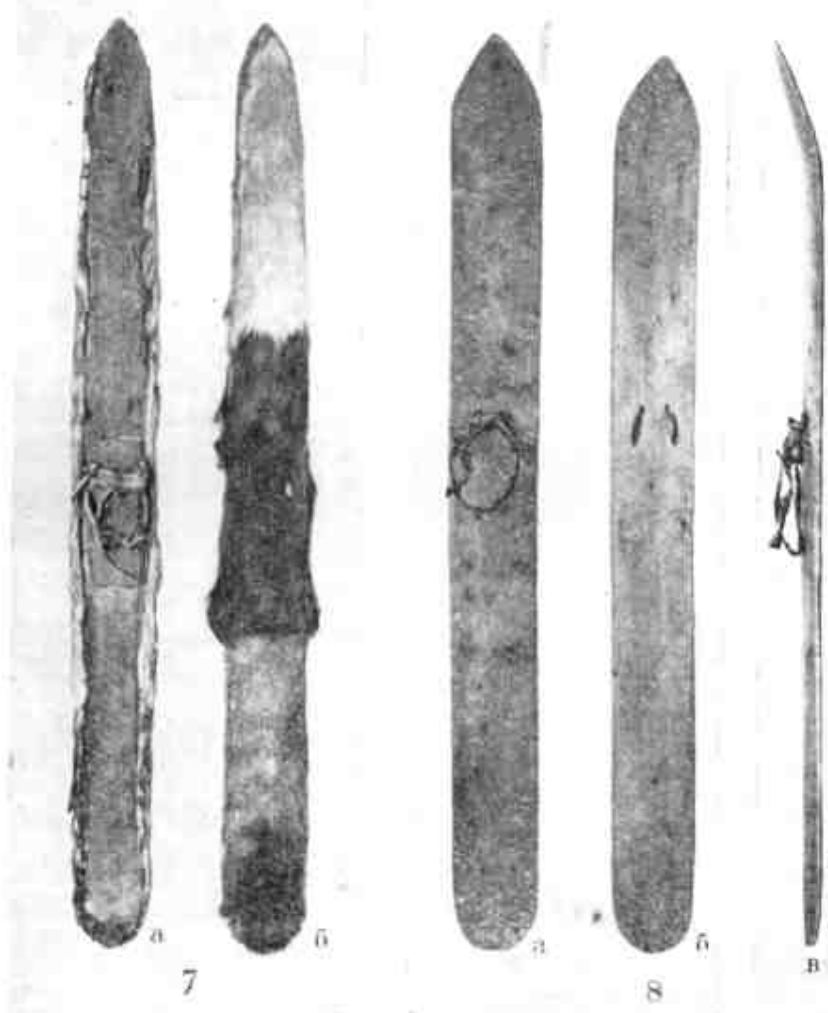
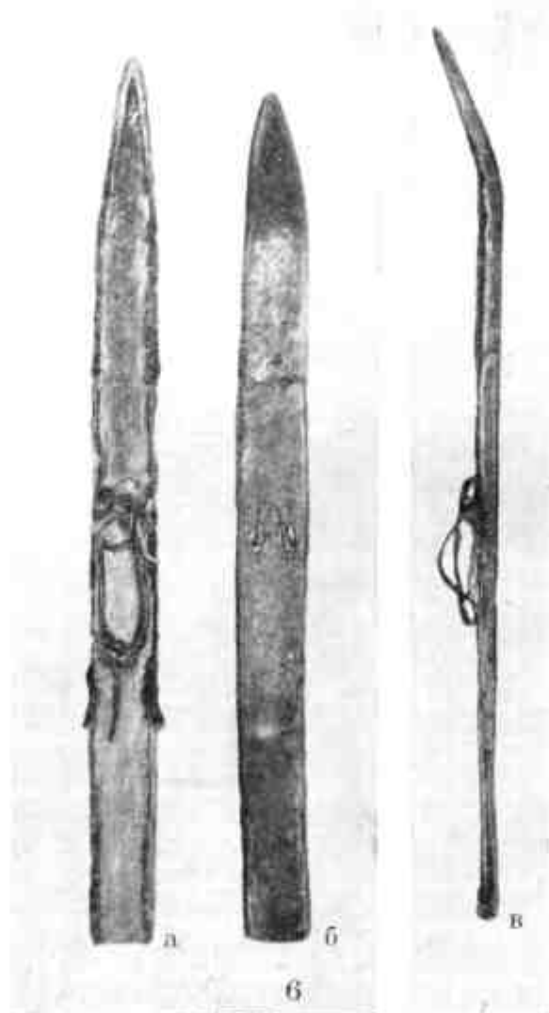

ТАБЛИЦА 10

1, 3, 4, 6, 7 — подшитые лыжи; 2, 5 — лыжные посохи; 8 — голцы.

САЯНО-АЛТАЙСКИЙ ТИП

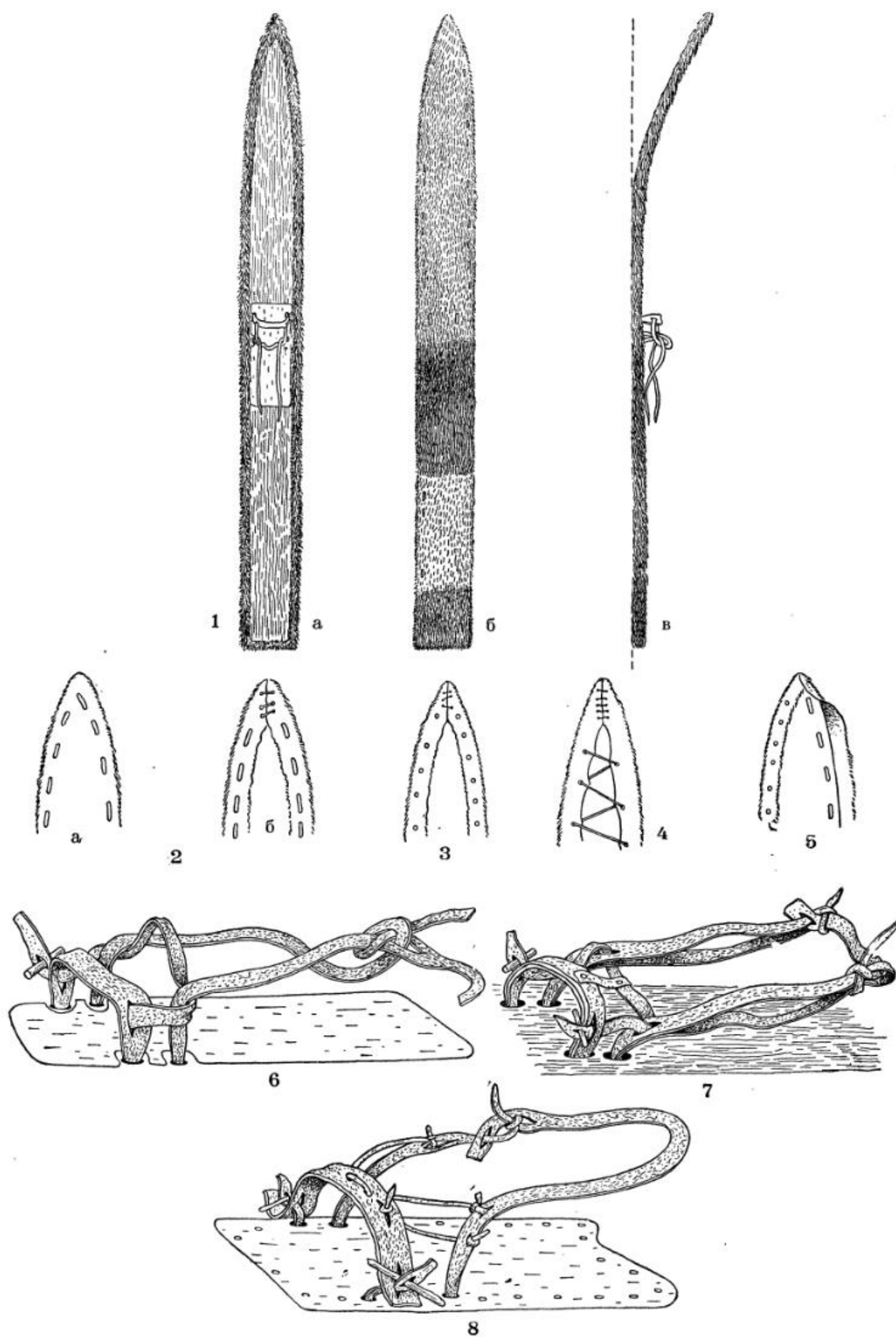

ТАБЛИЦА I

1 — лыжи; 2—5 — способы прикрепления обшивки; 6—8 — виды креплений.

АМУРО-САХАЛИНСКИЙ ТИП

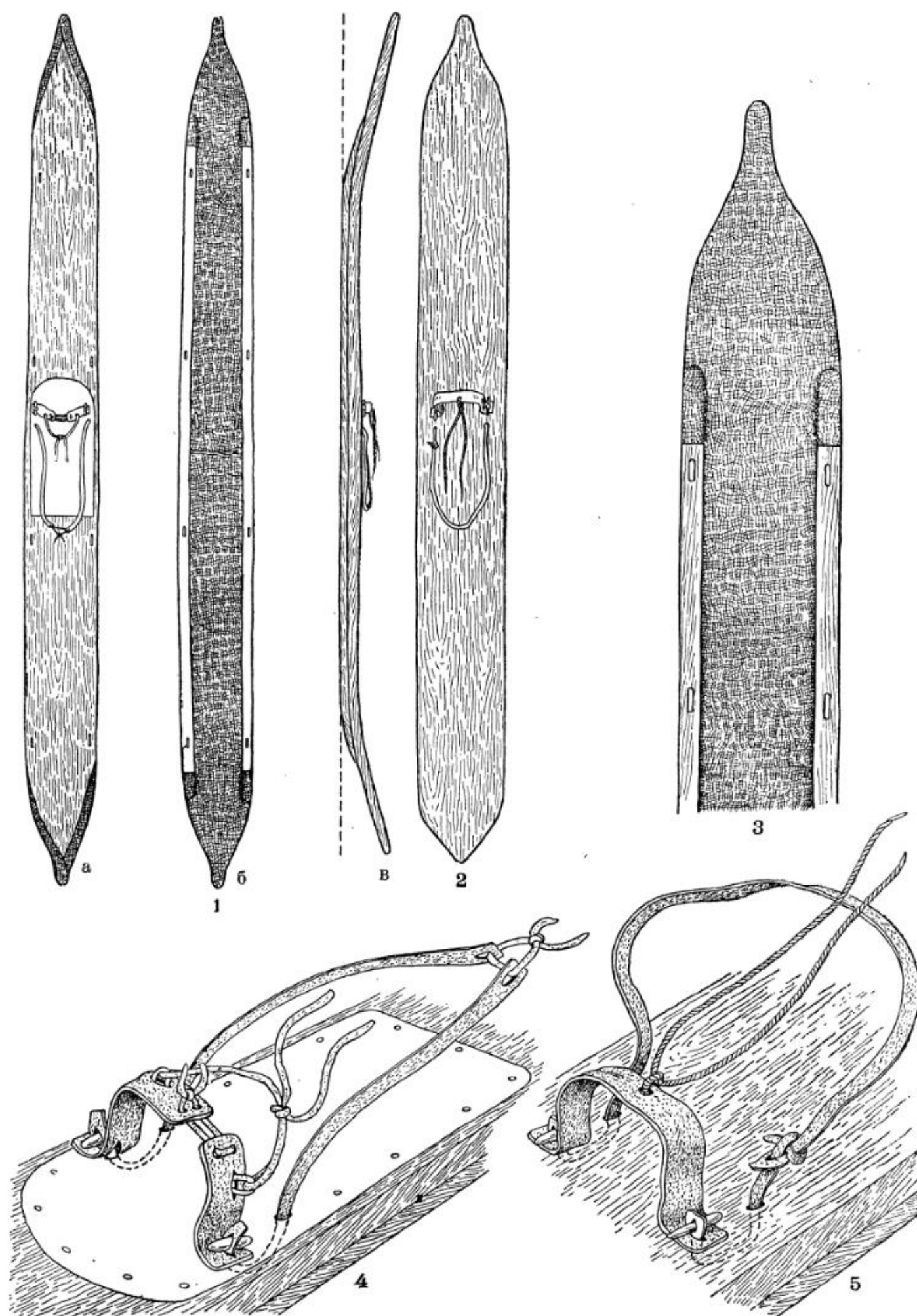

ТАБЛИЦА II

1, 2 — лыжи; 3 — способ прикрепления нащепов; 4, 5 — виды креплений.

ВОСТОЧНОСИБИРСКИЙ ТИП

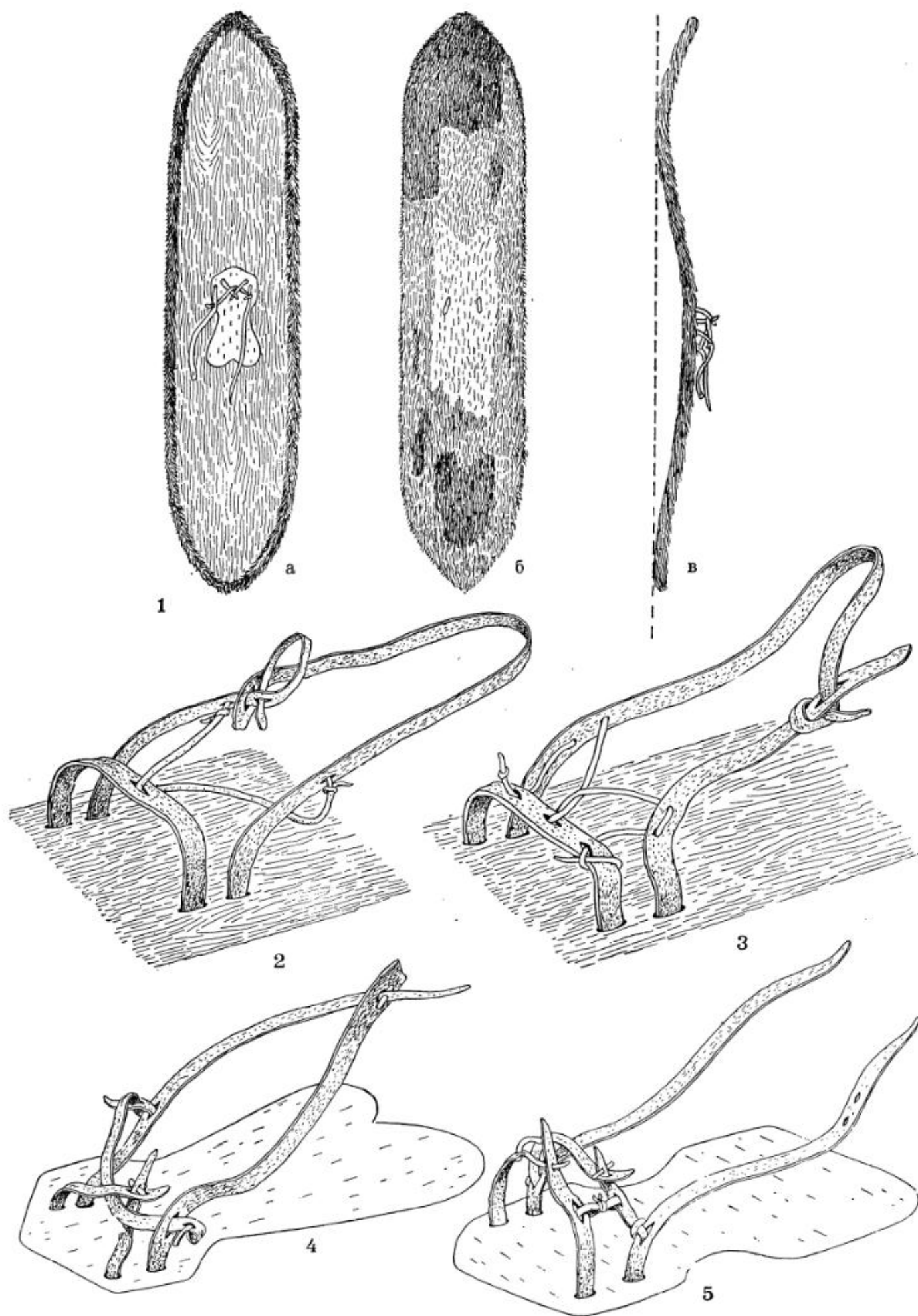

ТАБЛИЦА III

1 — лаж; 2—5 — виды креплений.

АМУРСКИЙ ТИП

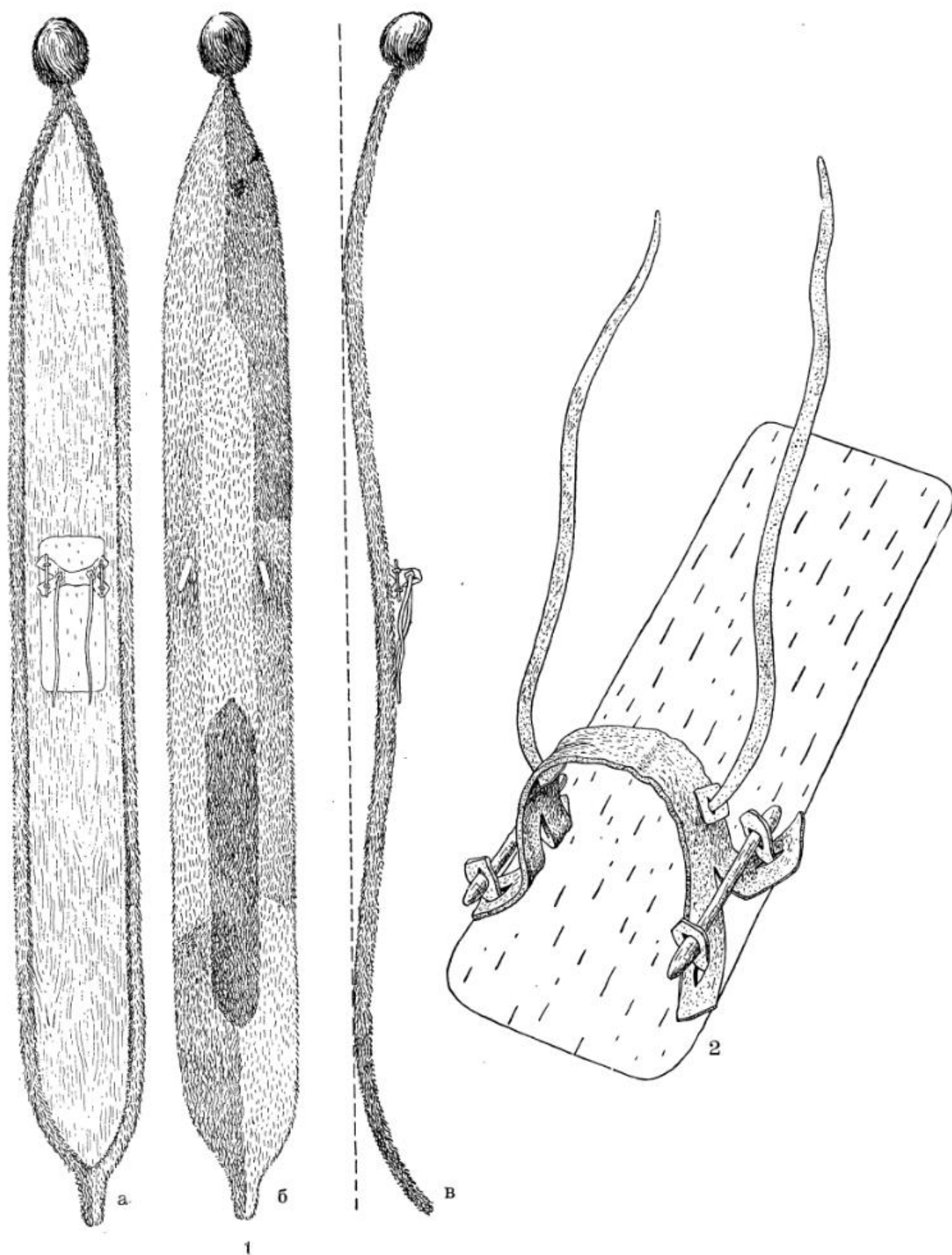

ТАБЛИЦА IV
1 — лыжи; 2 — крепление.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ТИП

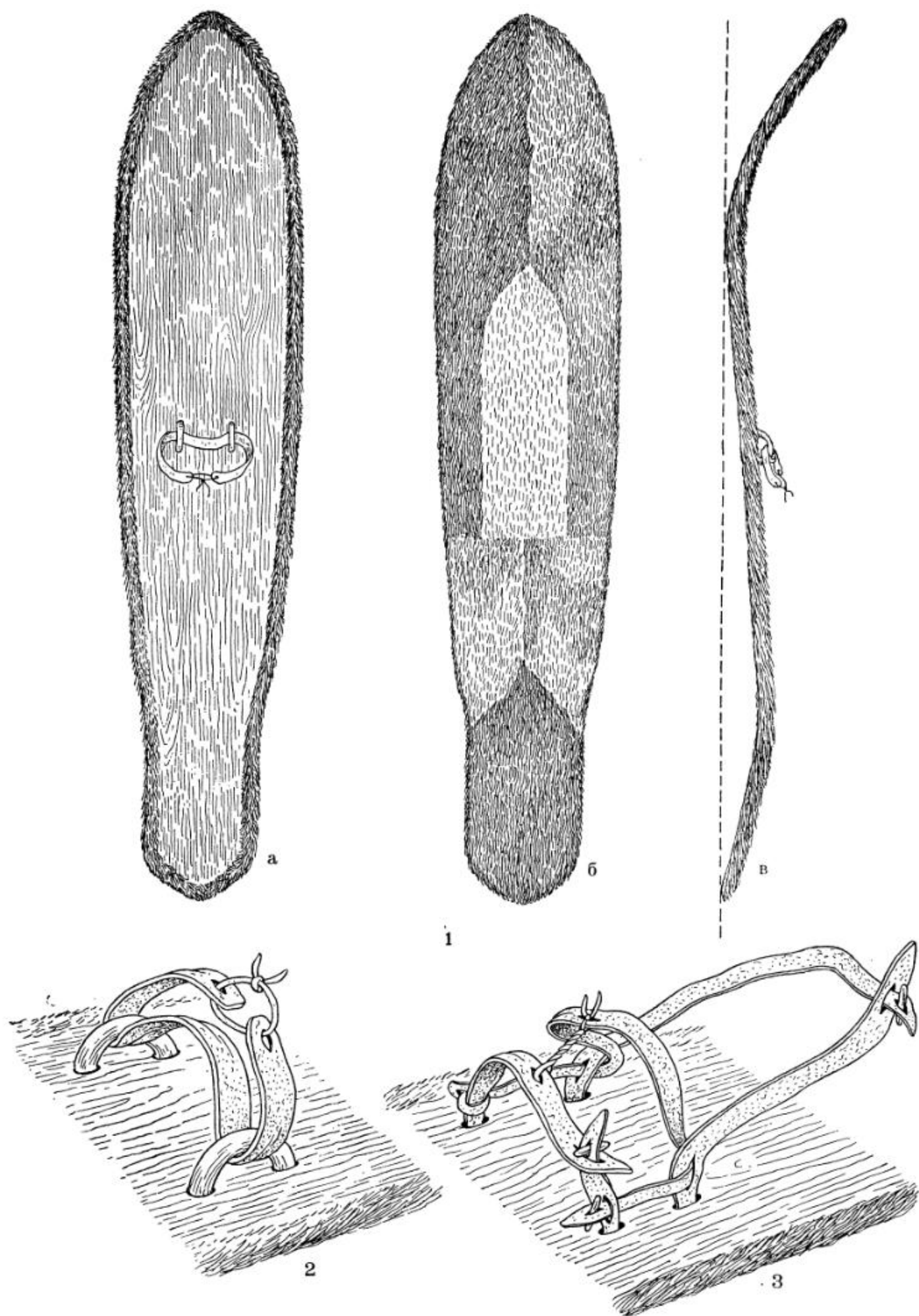

ТАБЛИЦА V

1 — лыжи; 2, 3 — виды креплений.

ПРИБСКИЙ ТИП

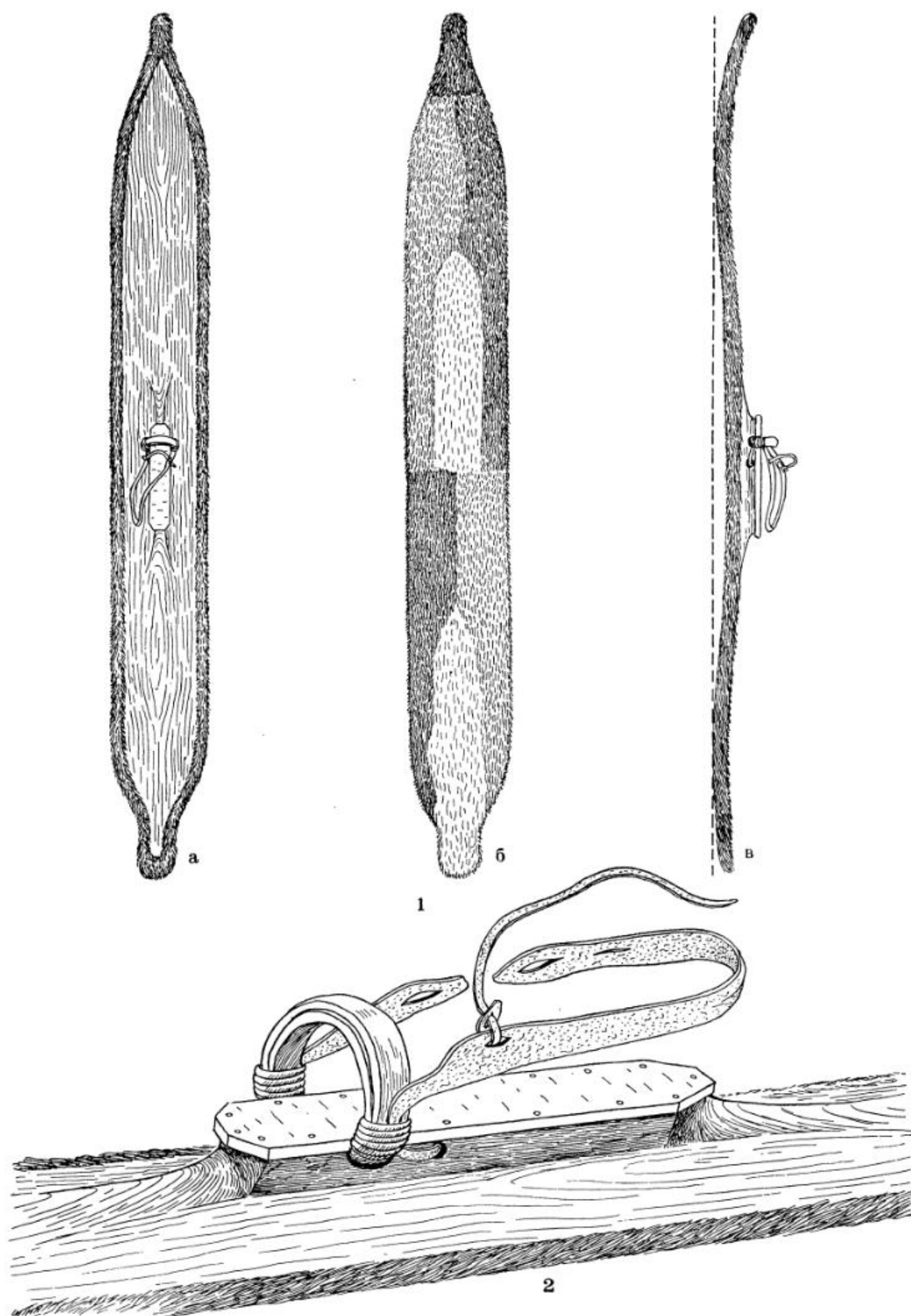
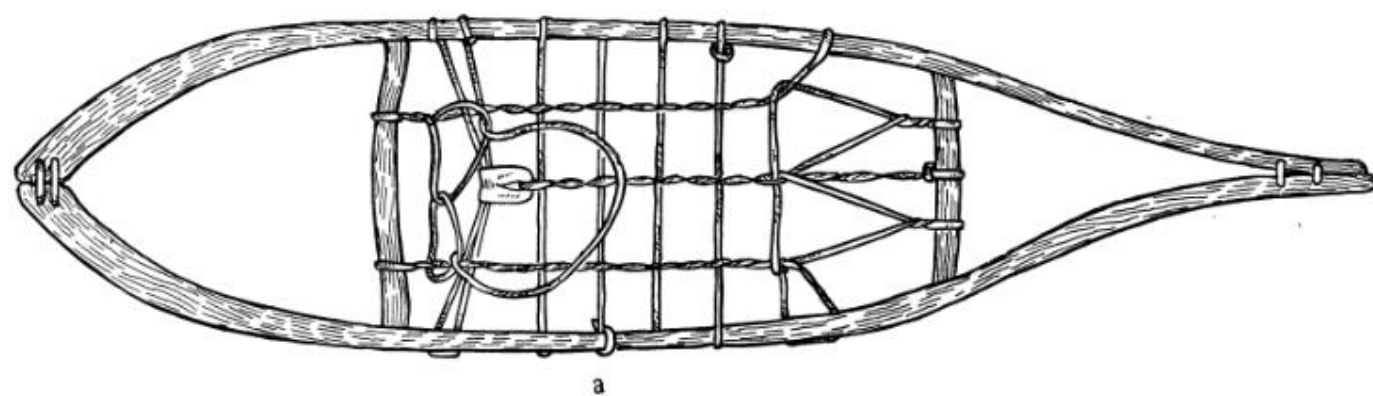

ТАБЛИЦА VI
1 — лыжи; 2 — крепление.

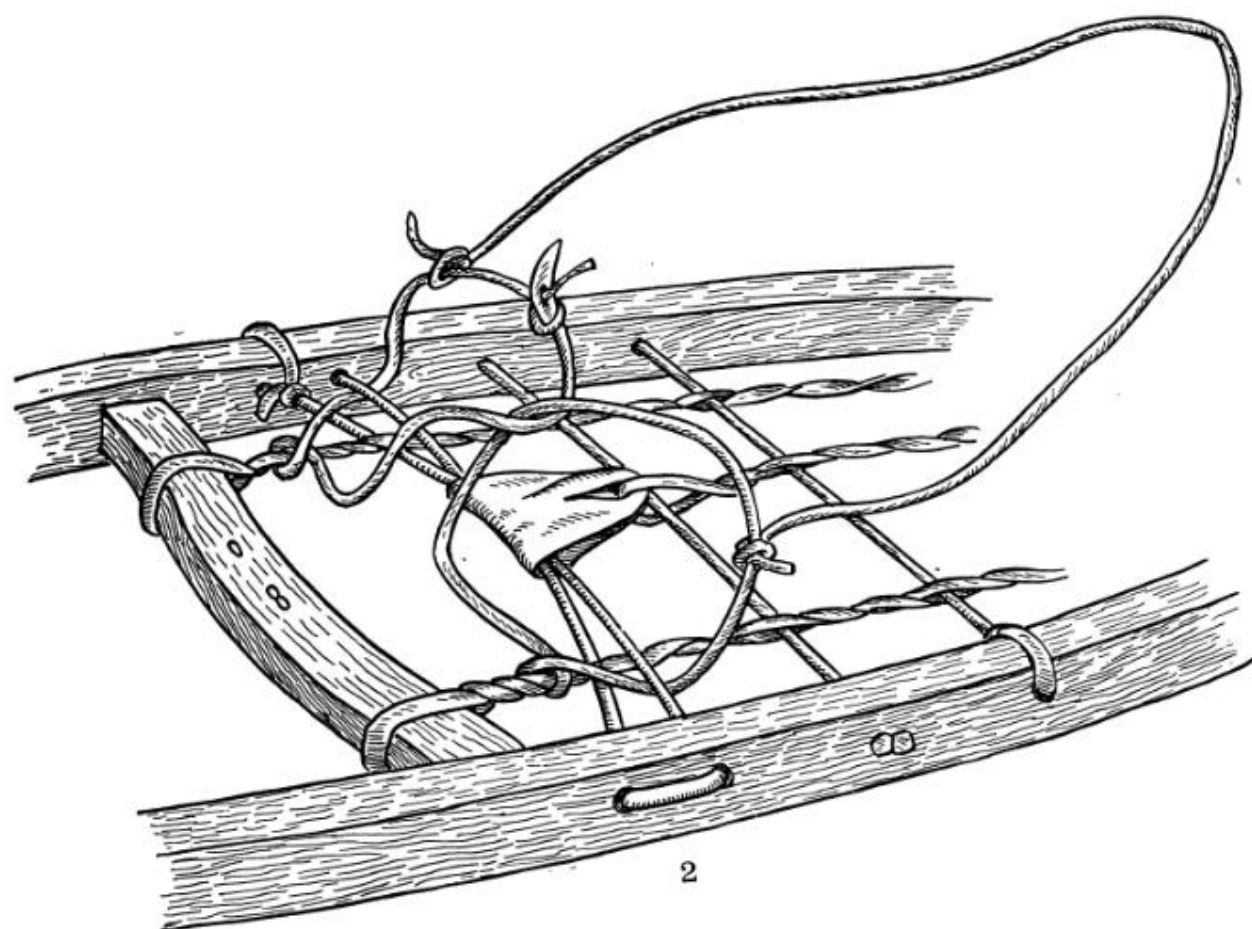
(ЧУКОТСКО-КАМЧАТСКИЙ) ТИП

1

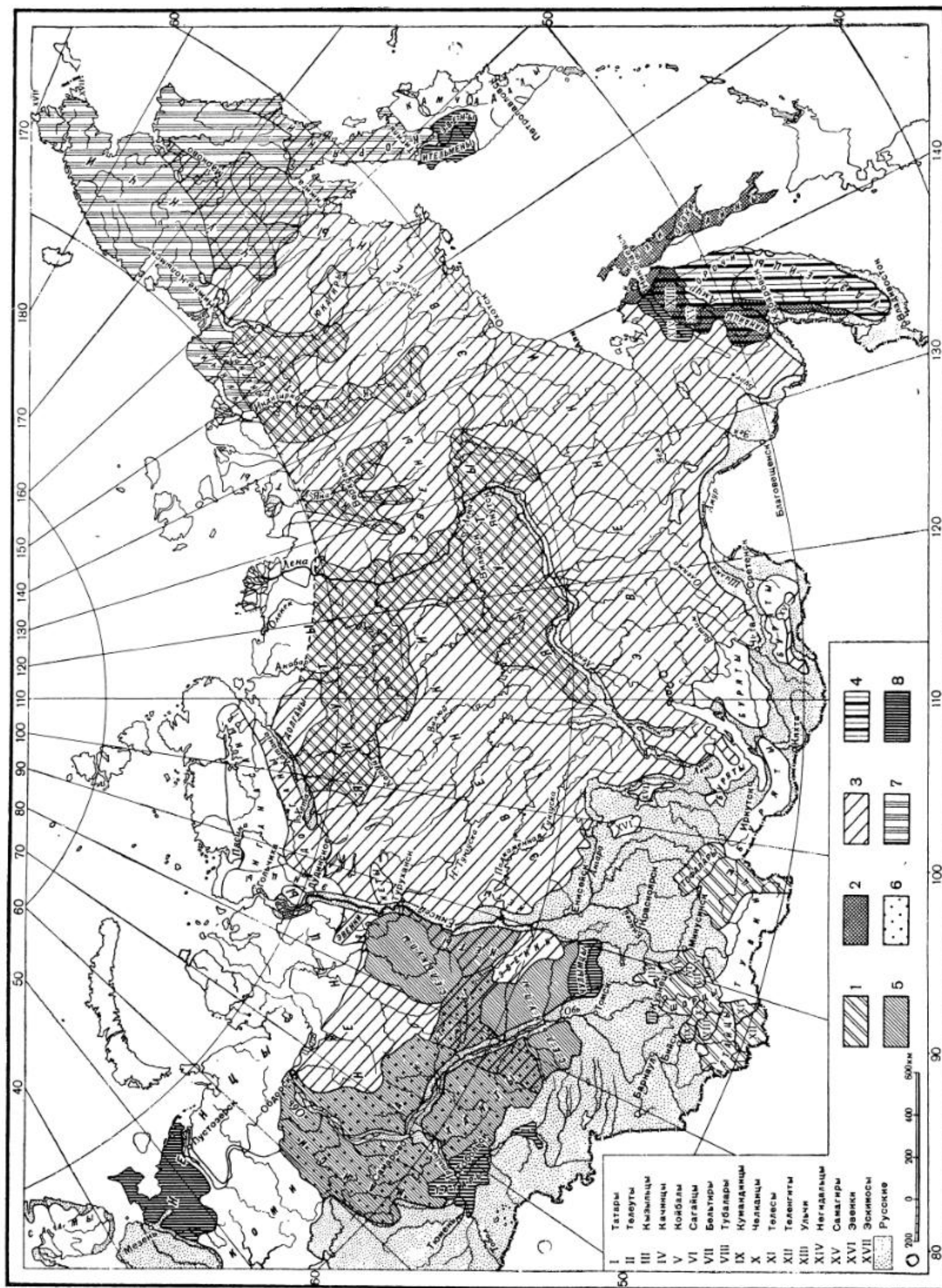
6

2

ТАБЛИЦА VII

1 — лыжи; 2 — крепление.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТИПОВ ЛЫЖ

Прямые скользящие лыжи: 1 — саяно-алтайский; 2 — амуро-сахалинский; 3 — восточносибирский; 4 — амурский; 5 — северо-западный; 6 — приобский. Сугубые лыжи: 7 — чукотско-качатский. Неисследованные районы — 8. — — — условные границы распространения типов.

ЛОДКИ

До социалистической реконструкции хозяйства у нерусского населения Сибири наиболее распространенным средством передвижения по воде являлись лодки. Среди них можно было наблюдать как крайне примитивные формы, например простой корьевого челнока, так и высоко совершенные, например килевидную морскую лодку. Кроме лодок, население широко пользовалось плотами, многие виды которых были весьма своеобразны.

Сводное описание водных средств передвижения народов Сибири дает возможность, во-первых, охарактеризовать отдельные их разновидности, во-вторых, выявить сходство или различие отдельных видов, в-третьих, найти общие основные признаки для целой группы лодок или других видов водного транспорта и т. д.

Эти сведения имеют большое значение для историко-этнографического изучения народов Сибири и представляют интерес для всеобщей истории культуры.

Несколько слов следует сказать о содержании данного раздела. Он ограничен только типами лодок народов Сибири, другие виды водного транспорта не отражены в названии. Это сделано сознательно, так как для истории культуры наибольший интерес представляют лодки. Ввиду этого они не только описаны, но и типологизированы. Остальные виды водного транспорта нашли отражение в описательной части, а также привлечены для доказательств тех или иных положений.

В целях лучшей доходчивости описательного материала и понимания предложенной классификации приведем небольшой словарь встречающихся в статье терминов. В него вошли, во-первых, некоторые местные термины, связанные с названиями лодок, во-вторых, — специаль-

ные термины, употребляемые в судоходстве, но мало известные неспециалистам.

Б а т — долбленный челн, чаще тяжелый, грубо обработанный, с тупыми концами.

В е т к а — русское название, применяемое к небольшому челноку, долбленому или сшитому из трех досок; восточнее Енисея применяется к обоим этим типам, в Северо-Восточной Сибири — обычно к сшитому челноку. В некоторых районах Сибири веткой называют также берестяную лодку.

И л и м к а — русское название для обозначения особого вида лодки с плоским дном, прямыми боками, острым носом и палубой. Илимки строились на Илимском волоке, по-видимому, оттуда и ведут свое название.

К а ю к — речное килевое судно, род полубарки с двухскатной крышей, загнутым носом и каюткою на корме. В Нижнеколымске каюком называется также долбленка.

К и л ь — нижняя продольная прочная связь судна, проходящая большей частью по середине днища; служит для придания прочности корпусу судна.

Н а б о и — доски, одна или две, набитые по бортам долбленки.

О м о р о ч к а — русское название, главным образом для берестяных лодок; в Амурском бассейне этим термином часто называют легкие челноки из дерева, как долбленные, так и сшитые.

С т р у ж о к — русское название для долбленок в Восточной Сибири.

Ч е л н о к — собирательное название для лодок малых размеров независимо от их конструкции.

Ш п а н г о у т ы — поперечные ребра, образующие остоу судна.

I

Ханты. Водный транспорт имел большое значение в хозяйстве хантов. Речное рыболовство, составлявшее основу их экономики, обусловило развитие у них водных средств передвижения. Вероятно, поэтому у хантов наблюдается, с одной стороны, разнообразие лодок, а с другой — их твердо установившиеся специфические формы, характерные только для Обского бассейна.

В конце XIX и начале XX в. наиболее простой формой лодки являлась долбленка (местное русское название — «облас», «обласок»). Она выдалбливалась из ствола кедра, осины или ветлы, реже черемухи (длина от 4 до 7 м; ширина от 0.5 до 0.9 м), имела до 10 поперечных распорок для прочности и сохранения формы. По своим размерам долбленки подразделялись на малые, средние и большие. Для всех трех характерным являлась малая ширина по отношению к длине, чаще выукло-острое днище, острый выдающийся вперед нос, одинаковое устройство носа и кормы и низкие борта (табл. 1, 1).

Назначение этих долбленок различно: малыми пользовались при охоте на уток, средними — при рыбной ловле и большими — для переездов. Грузоподъемность больших долбленок весьма значительна: они поднимали до десяти человек. Для гребли употреблялись весла с лопастью на одном конце и небольшой поперечной рукояткой на другом. Различались мужские и женские весла. Последние были короче, имели выгнутую лопасть, стержень часто украшался резьбой.

Облас был характерен для всех групп хантов. В некоторых местах он являлся единственным средством передвижения по воде, как например у хантов, живущих по рр. Вах, Сургут, Васьюган.

Другой разновидностью лодок у хантов являлась так называемая «калданка» (табл. 1, 2). Она состояла из выдолбленного, но очень плоского днища и нашитых бортов (по одной доске с каждой стороны). Часто днище и борта делали из разных пород деревьев:

днище — предпочтительно из кедра, борта — из ели или осины. Подобно обласу калданку разводили поперечными распорками. Скрепление производили сосновыми или кедровыми корневищами: бортовые доски плотно пригоняли к днищу и пришивали корневищами через просверленные отверстия, швы замазывали смолой.

Средняя длина калданки приблизительно 5 м. Она приводилась в движение такими же веслами, как и облас.

Наиболее распространена была калданка у северной группы хантов. Иногда пользовались сдвоенными калданками. Для этого ставили две лодки рядом, соединяли их жердями и устраивали настил, так что получался довольно устойчивый плот.

У хантов, особенно живущих по Оби, встречались и большие дощатые лодки с плоским днищем и наставными бортами из нескольких досок (типа русской гребной лодки).

Иногда на больших калданках и дощатых лодках сооружалось сводчатое покрытие из берестяных полотнищ, реже из досок (табл. 1, 3). Это делалось с целью защиты от непогоды при дальних переездах. Изредка можно было встретить и специально крытые суда (каюки).

Паруса употребляли чрезвычайно редко даже на больших лодках.

Для обозначения обласа и калданки в хантыйском языке существует одно название — *рым* (восточная группа хантов), что соответствует названию *хон* у северной группы. Чтобы оттенить величину, добавляется прилагательное — «малая» (*ай*), «средняя» (*кутыл*), «большая» (*вен*). Русская лодка, пароход, баржа, каюк обозначаются одним термином — *кирыс*.¹

Манси. Для манси были типичны те же виды лодок, как и для хантов, т. е. долбленка и калданка; дощатые встречались у них реже. При перевозках большой клади пользовались также сдвоенными лодками. В XVIII в. бытовала берестянка.²

Название лодки у манси — *хан*³ — аналогично хантыйскому.

Сибирские татары. Ввиду отсутствия материала не представляется возможным охарактеризовать виды лодок всех локальных групп сибирских татар, поэтому приходится ограничиться лишь группой так называемых заботливых татар.

По мелким рекам, болотам (а в наше время по «резкам», т. е. узким каналам в болотах, очищенным от зарослей) они употребляли долбленки, сделанные из осинового дерева. По рассказам татар, они научились их делать у хантов. Долбленка напоминает облас, но линия от носа до кормы более прямая, и поэтому носовая часть меньше выдается вперед. Для устойчивости и прочности челнок снабжался прямыми поперечными распорками. Весла однолопастные, с поперечной рукояткой, как у хантов; часто для отталкивания пользовались шестью. На многоводных реках татары употребляли русские лодки, которые изготовляли из кедра. Последние широко были распространены также у тюменских и тобольских татар.

Ненцы. Водными средствами сообщения ненцы пользовались ограниченно. Лодки изготовляли из осины или сплавленного кедра, а чаще приобретали у своих южных соседей (селькупов, хантов); в большом употреблении были общераспространенные в Сибири дощатые лодки русского образца.

Название лодки по-ненецки — *нгано* или *ано* (в зависимости от диалекта). Долбленка называется *хой нгано*, т. е. горная лодка.⁴

В прошлом ненцам, по-видимому, были известны кожаные челноки.⁵

Нганасаны. Нганасаны сами лодок не изготовляли, что объясняется отсутствием на территории их расселения крупных деревьев. Они покупали лодки у своих восточных или южных соседей.

Нганасаны пользовались исключительно лодками-долбленками (*нгандуй*)¹ двух видов. Первый вид — хантыйская долбленка (облас), ее покупали у хантов. Долбленки второго вида, называемые якутскими, привозились с востока. Для первого вида характерны острые, выступающие вперед концы (нос и корма); для второго — также острые нос и корма, но борта сходятся с днищем почти под прямым углом; кроме того, особенностью второго вида является наличие кривых ребер и набоев для придания глубины. Гребли длинными двухлопастными веслами.

Второй вид долбленки считался более удобным.

Такие челноки-долбленки употреблялись во время охоты на водоплавающую птицу, при рыбной ловле, в меньшей степени для переездов.

Подобно ненцам, нганасанам в прошлом, по-видимому, были известны кожаные лодки.²

Энцы. Лодки энцев не имели существенных отличий от лодок соседних народов. Широко распространены были челноки типа хантыйской калданки (табл. 1, 4). Они приводились в движение длинным двухлопастным веслом. Челноки употреблялись во время промысла, главным образом при охоте на водоплавающую птицу. Для переездов иногда служили дощатые лодки русского образца (табл. 1, 5). По-энецки челнок называется *оддо*.³

Селькупы. Водный транспорт у селькупов имел большое значение. Селькупы широко употребляли долбленки (табл. 2, 1), типичные для всего Обского севера, с прямыми распорками.⁴ Лодки больших размеров имели долбленое днище и широкие наставные борта. Часто они снабжались сводчатым покрытием, как у хантов.

Селькупский термин для челнока — *анты*, для лодки — *ала(ко)*.⁵

Кеты. Лодки кетов аналогичны лодкам других народов Обского бассейна. В конце XIX и начале XX в. у них повсеместно была распространена долбленка (*дыльти*),⁶ такая же, как хантыйский облас, из осинового дерева (табл. 2, 2). Гребли двухлопастными веслами, однолопастные весла применялись чаще для руления и отталкивания на мелких местах. На долбленках кеты безбоязненно пускались в плавание даже по большим рекам, не исключая Енисея. Но такая долбленка была мало пригодна для перевозки грузов. Поскольку кеты во время перекочевков пользовались в основном водными путями, то грузовые лодки являлись необходимостью. Подкаменнотунгусские и елогуйские кеты применяли большие крытые лодки (местное русское название — «илимка», кетское — *асель*) (табл. 2, 3). Это дощатая плоскодонная лодка (часто днище составлялось из нескольких досок) с острым носом и тупой кормой; прямо поставленные борта сшивались из нескольких досок. Сводчатое покрытие сооружалось иногда из досок; чаще же свод из прутьев покрывался полотнищами бересты. Большие размеры илимок (длина до 15 м, грузоподъемность достигала 4 т) и специальное покрытие позволяли в течение всего лета жить в них целыми семьями. На своды часто настилали доски и укрепляли мачту, на бортах делали поручни, так что получалась палуба. На ней просушивали сети, хранили рыболовные принадлежности. Илимка приводилась в движение однолопастными веслами, на мелких местах для отталкивания употреблялись шесты, при ветре — парус. Еще чаще применялась тяга бечевой. Илимку вдоль берега тянули люди и собаки.

Эвенки. Различное направление хозяйственной деятельности у отдельных локальных групп эвенков, расселенных на большой территории, наложило свой отпечаток на их водные средства передвижения. У них можно

¹ Термины сообщены Н. Ф. Прытковой.

² П. С. Паллас. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санктпетербургской императорской академии наук, ч. II, кн. I. СПб., 1786, стр. 328.

³ Диалектные различия этого термина приведены в работе В. Н. Чернецова (Термины средств передвижения в мансийском языке. Сб. статей «Памяти В. Г. Богораза (1865—1936)», М.—Л., 1937, стр. 356).

⁴ А. П. Пырерко и Н. М. Терещенко. Русско-ненецкий словарь. М., 1948.

⁵ Ф. Белявский. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833, стр. 258, 259; П. М. Ламартиньер. Путешествие в се-

верные страны (1653 г.). Зап. Моск. археол. института, т. XV, 1912, стр. 91.

¹ Термин сообщен А. А. Поповым.

² А. А. Попов. Нганасаны, вып. I. Материальная культура. Труды ИЭ АН СССР, новая серия, т. III, М.—Л., 1948, стр. 50.

³ Термин сообщен Е. Д. Прокофьевой.

⁴ См. стр. 107.

⁵ Термины сообщены Е. Д. Прокофьевой.

⁶ Термины сообщены Е. А. Алексеев.

встретить разные виды лодок. Наиболее распространенными в конце XIX—начале XX в. являлись челноки нескольких конструкций, изготовленные из разного материала: от самых грубых, примитивных до очень легких, быстроходных, поражающих изяществом отделки.

Большие лодки эвенки употребляли мало. Незначительная потребность в грузовых лодках, по-видимому, объясняется наличием верхового оленного транспорта, которым пользовались эвенки при перекочевках. Челноки же широко употреблялись во время охоты на оленя, лося, водоплавающую птицу, при рыбной ловле, для одиночных переездов и т. д. Их можно разделить на три группы: долбленые, берестяные и составные.

Сымские эвенки пользовались челноками-долбленками, которые изготовлялись из тополя или ольхи (табл. 3, 1) и мало чем отличались от обласов хантов и кетов; только эвенки делали нос и корму более массивными, менее выдолбленными. Иногда к долбленной основе они нашивали узкие набои. Гребли обычно однолопастным веслом.

У эвенков восточнее Енисея преобладающим видом челнока являлась берестянка, неизвестная сымским эвенкам. Она имела в основе каркас, состоящий из продольных дранок и кривых ребер. Концы как тех, так и других сверху прикреплялись к двум ободам, разведенным в середине. Такой остов обтягивался специально обработанными берестяными полотнищами, швы засмаливались.

Подобная конструкция типична для всех берестянок. В деталях же они различались главным образом по форме носа и кормы.

У эвенков, живущих по рр. Нижняя и Подкаменная Тунгуски, Олекма и Витим, была распространена берестянка с острым носом и кормой (табл. 3, 2); острый нос образовывался благодаря удлиненным ободам бортов и усеченному днищу.

У эвенков Якутии (по рр. Олекма, Витим, по правым притокам Вилюя) и восточнее Лены преобладали берестянки с носом иной формы (табл. 3, 3). Они также имели острые концы, но острой являлась нижняя часть (за счет удлиненного днища) при усеченном верхе.

Берестянки в большинстве случаев были рассчитаны на одного человека, поэтому длина их редко превышала 4 м. Лишь в некоторых районах ими пользовались и для перевозки грузов, тогда они делались больших размеров. Берестянки приводились в движение длинными двухлопастными веслами.

В северной зоне, главным образом в Якутии, эвенки пользовались составными челноками. Это небольшая лодка из трех досок: одна составляла днище и две — борта; часто наверху бортов нашивались узкие набои. В этих же районах употреблялись долбленки, аналогичные якутским. На рр. Баргузин и Шилка эвенки пользовались колодообразными долбленками, тяжелыми и грубо обработанными.

У амурских эвенков, живущих в системе рр. Бира и Бурей, до настоящего времени встречаются лодки довольно больших размеров, выдолбленные из целого ствола дерева, на заднем конце вставляется поперечная доска, поэтому корма получается тупой.

Берестяные лодки по-эвенкийски в большинстве районов называются *дяв*.¹ Часто этот термин с уменьшительным суффиксом — *дякан* — применяется к долбленкам. Он же служит для обозначения небольших лодок разных конструкций, например у сымских эвенков для долбленок (обласов), у витимо-олекминских и подкаменно-тунгусских — для берестянок, у верхнеолекминских и верхнеалданских — для веток из трех досок и т. д. У амурских эвенков берестянка называется *умурэчун*, долбленка с тупой кормой — *утунуу*.

В качестве грузовых эвенки главным образом употребляли дощатые лодки русского происхождения (табл. 3, 4). У сымских эвенков грузовые лодки были аналогичны хантыйским, с плоским днищем и бортами из досок, у эвенков Якутии часто можно встретить дощатую лодку с выдолбленным днищем. Амурские эвенки пользовались дощатой лодкой, общераспространенной в Амурском

бассейне.¹ Дощатые лодки называются *онгочо*, а чаще русскими терминами — *багас* (баркас), *набэй* (набойная) и другими. Кроме лодок, при переправах через реки эвенки употребляли плоты (*тэму*), для этого связывали несколько бревен вместе.

В конце XIX в. у эвенков еще бытовала своеобразная кожаная лодка (*мэрэкэ*). Она изготовлялась следующим образом: остов состоял из двух связанных по концам жердей (ободов), в середине разведенных несколькими кривыми поперечными ребрами. Такой остов обтягивался чехлом, сшитым из кожи лося, так что получалась неглубокая лодка. Вовнутрь ее настилались доски, на которые клался груз. Подобные лодки изготовлялись по мере надобности, остов после переправы выбрасывался. Известно, что они были распространены у алданских, зейских и учурских оленных эвенков, а также у илимпийских (верховья рр. Оленек и Анабара).

Якуты. В конце XIX и начале XX в. якуты пользовались для передвижений по воде челноками — долблеными, составными, берестяными — и дощатыми лодками.

Долбленка якутов (табл. 4, 1) была уже упомянута при описании лодок нганасанов. Эта форма долбленок характерна для большинства народов Восточной Сибири. Особенностью ее являются вертикально расположенные борта, которые сходятся на концах перпендикулярно или почти перпендикулярно к линии днища, и кривые ребра. На борта нашивались неширокие набои для придания лодке большей глубины. Их пришивали кореньями или прибивали гвоздями. Для прочности и сохранения формы долбленки снабжались еще поперечными распорками.

Составной челнок (русское название — «ветка») бытовал во многих районах Сибири, как среди коренного населения, так и у русских (табл. 4, 2). Он состоял из трех досок. К плоскому днищу (из одной доски) пришивали с каждой стороны по борту, концы бортов скрепляли под прямым или тупым углом к линии днища. Крепление производили корневищами, встречалось также и пазовое крепление, швы заливали смолой, в края бортов вставляли поперечные распорки. Удобством якутских дощатых челноков являлась их глубина. У северных якутов челнок был менее глубоким, и концы бортов сходились к линии днища под более тупым углом, также как у юкагиров.

Долбленки и составные челноки употреблялись в основном при охоте на водоплавающую птицу и при рыбной ловле и были рассчитаны на одного, реже на двух-трех человек. Весла были двухлопастные, гребли попеременно, то одной, то другой лопастью.

Оба вида челнока обозначаются термином *тым*.²

В южных районах Якутии большое распространение имела берестянка, называемая якутами чаще термином *туос тым* (берестяной челнок) или *тонгус тымта* (тунгусский челнок). По конструкции и форме берестянки не отличались от берестяных лодок эвенков. Берестянка с острыми концами в верхней части и усеченной линией к днищу была известна юго-западным якутам (табл. 4, 3); более же характерна для якутов берестянка с удлиненным днищем и усеченной линией кверху (табл. 4, 4).

Дощатые лодки (*онгочо*) различных видов очень широко употреблялись якутами. В северо-восточных районах пользовались так называемым карбасом — лодкой с выдолбленным днищем, кривыми ребрами и наставными бортами.³ У якутов, живущих в системе Олекмы, верховьев Алдана и Зей, предпочитались плоскодонные лодки. Большое распространение имели также килевые лодки. При большой ширине такие лодки были очень неглубоки (табл. 4, 5). Все дощатые лодки, описанные выше, и другие разновидности, не указанные здесь, вероятно, русского происхождения. Об этом говорят названия многих из них: *хайык* (от слова «как»), *хаарбас* (от карбаса) и т. д., хотя у местных жителей они часто считаются якутскими. Для переправ через реки якуты употребляли также плоты.

Долганы. Водный транспорт долганов не имеет существенных отличий от транспорта соседних народов. Им

¹ Эвенкийские термины заимствованы из словарей Г. М. Василевич.

² См. стр. 111, 112.

³ Якутские термины сообщены А. А. Поповым.

⁴ См. стр. 110.

известны челноки-долбленки (*тыи*)¹ двух видов. Долбленки первого вида не отличались от хантыйского обласа. Долганы обычно приобретали их у хантов. Второй вид челнока совпадает с якутской долбленкой, но долганы умели изготавливать его и сами. На изготовление долбленок употреблялись стволы ели или лиственницы. Длина челноков не превышала 4,5 м при ширине 0,75 м.

Кроме долбленок, долганы пользовались составными челноками (*тыи*), такими же как у якутов. Величина их не отличалась от долбленок.

Как долбленые, так и составные челноки употреблялись главным образом на охоте на водоплавающую птицу и при рыбной ловле. Передвигались на челноках с помощью двухлопастных весел.

Для перевозок, а также при неводьбе долганы пользовались общераспространенными в Сибири дощатыми лодками (*онгочо*) с плоским или выдолбленным днищем и наставными (из нескольких досок) бортами. Предпочитались лодки небольших размеров, от 4 до 5 м в длину.

Эвены. Водными средствами передвижения пользовались главным образом оседлые эвены. Для этой цели они приобретали лодки у соседних народов. На севере получали долбленку и составной челнок (ветку) от юкагиров, в других районах — от якутов и эвенков. Анадырские эвены употребляли так называемые «баты». Это — лодка, выдолбленная из целого ствола дерева, тяжелая, грубо обработанная, с поперечными распорками, чаще с тупыми концами. Применялись также сдвоенные баты: два бата ставили рядом и соединяли жердями, на жердях устраивался настил из досок (табл. 5, 1). Такие лодки-плоты были достаточно устойчивыми и большой грузоподъемности. На них обычно перевозили грузы. Вверх по течению отталкивались шестью, вниз — прибегали к помощи небольшого однолопастного весла. Лодка у эвенков обозначается термином *моми*.²

Юкагиры. Юкагиры в большей степени, чем другие народы Северо-Восточной Сибири пользовались водным транспортом. Реки для них являлись единственными путями перекочевки летом, особенно у верхнеколымских юкагиров.

В конце XIX и начале XX в. у юкагиров бытовали три разновидности лодок: челнок-долбленка, составной челнок и дощатая лодка. Долбленка (*экчил*)³ у местных русских чаще известна под названием «стружок», аналогична якутской (ср. табл. 4, 1). Она выдалбливалась из ствола тополя. Борта располагались почти под прямым углом и соединялись обычно четырьмя поперечными прямыми распорками. Долбленка юкагиров очень изящная и легкая (вес ее около 30 кг). Длина ее редко превышала 6 м, ширина 0,6 м. Ее приводили в движение двухлопастным веслом, на мелких местах для этой цели употребляли короткие шесты.

Долбленка в большей степени являлась промысловой, чем транспортной лодкой. Ею пользовались во время охоты на дикого оленя, когда стада переправлялись через реки. Ту же роль выполнял и составной челнок — *ходол* (табл. 5, 2). Устройство его сходно с якутским: три осиновые доски (одна — днище и две — борта) сшивали сухожиливыми нитками, швы замазывали лиственной смолой. Способ передвижения такой же, как и в долбленках. Преимущество дощатого челнока перед долбленкой состоит в том, что он более устойчив на воде, так как имеет плоское дно и более высокие борта.

Юкагиры достигли высокого совершенства в изготовлении челноков. У верхнеколымских юкагиров они служили предметом обмена с соседними народами — чукчами, северными якутами, иногда даже с коряками.

Дощатые лодки юкагиров позднего происхождения. Появление их связано с приходом русских. Составная дощатая лодка (по-юкагирски — *карбач*, по-русски — карбас) состояла из двух частей — выдолбленного днища и набоев (табл. 5, 3). К днищу пришивали набои (по две доски с каждой стороны), причем днище и нижние набои делали из тополевого дерева, верхние часто — из листвен-

ницы. Составные части карбаса сшивали березовыми прутьями, швы проконопачивали мхом. Прочность придавали кривые ребра (4—6 штук, в зависимости от величины лодки). Карбас приводили в движение однолопастными веслами, управлялся он специальным рулевым веслом. Часто для передвижения карбасов, где позволяли условия местности, использовали упряжных собак.

Эта лодка, которую юкагиры освоили благодаря русскому населению, совершенно вытеснила старинный плот (*мино*). Последний делался из бревен и имел форму треугольника, вершина которого служила носом, а основание кормой; передвигался плот с помощью двух или четырех весел (табл. 5, 4). Юкагирский плот, с одной стороны, являлся судном очень примитивной формы, с другой — совершенным типом плота. На таких плотах в старину юкагирские семьи совершали перекочевки. Еще в конце XIX в. его можно было встретить по среднему течению Омолона.

Чукчи. Основным средством передвижения у приморских чукчей почти до конца XIX в. являлись кожаные лодки, известные в литературе под названием «байдара» (по-чукотски — *лыгытвэат*, т. е. «настоящее судно») и «каяк» (по-чукотски — *йанратвык'ай*). Обе лодки имели решетчатый остов, обтянутый кожей морских животных, главным образом моржа.

Байдара (табл. 6, 1) — открытая лодка, а каяк закрытая (табл. 6, 2). Последний обтягивался кожей и сверху, за исключением небольшого круглого отверстия (люка), в которое помещался человек. Подробное описание этих видов лодок будет приведено при характеристике водного транспорта эскимосов. Здесь же мы ограничимся лишь общими сведениями.

В конце XIX и начале XX в. байдара у приморских чукчей являлась промысловой и транспортной лодкой. На больших байдарах с парусами выезжали охотиться в море на кита и моржа, развозили товары вдоль побережья и т. д. Небольшими байдарами пользовались при передвижении на короткие расстояния вблизи поселков, например, для осмотра рыболовных сетей, при охоте с припая в зимнее время, для вылавливания убитых тюленей, птиц и т. д.

Каяк являлся также промысловой лодкой. В конце XIX в. он сохранялся у тех групп чукчей, которые совмещали оленеводство с рыболовством и охотой. Употреблялся главным образом при охоте на диких оленей во время ежегодных переправ последних через реки. Это имело место по Анадырю и некоторым другим рекам Чукотского п-ва. Речной каяк чаще обтягивали оленьей кожей, люк был больших размеров, чем у каяка приморского населения.

Оленные чукчи, живущие вблизи побережья, употребляли такие же байдары, как и приморские. Население внутренних районов Чукотки почти не пользовалось водными средствами передвижения. Лишь в некоторых местах иногда применялись деревянные, выдолбленные или дощатые челноки, получаемые от юкагиров, якутов или местного русского населения. Анадырские чукчи пользовались тяжелыми долбленками-батами. Их скрепляли по два и настилали доски, как это делали эвены, коряки и ительмены.

При перекочевках поздней весной, когда разливались горные реки, оленные чукчи устраивали своеобразные плоты. Для этого связывали несколько нарт вместе и ставили их на шкуру от покрывки шатра, которая была водонепроницаема. Концы покрывки загибали и привязывали к нартам, чтобы вода не попала внутрь шкуры. Такое сооружение спускали на воду. На нем перевозили людей и домашние вещи.

Кроме вышеописанных средств передвижения по воде, чукчи в конце XIX и начале XX в. употребляли также привозные промысловые лодки (вельботы).

Эскимосы. Кожаные лодки эскимосов — байдара (*ан'ьяник*)² и каяк (от эскимосского *кайк'*)³ — которые упоминались выше, являются высоким техническим

¹ Долганские термины сообщены А. А. Поповым.

² В. И. Левин. Краткий эвенско-русский словарь. М.—Л., 1936.

³ Юкагирские названия лодок приведены по В. И. Иохельсону.

¹ Чукотские термины сообщены И. С. Вдовиным.

² Е. С. Рубцова. Материалы по языку и фольклору эскимосов (Чаплинский диалект), ч. I. М.—Л., 1954.

³ В. Г. Богораз. Материалы по языку азиатских эскимосов. Л., 1949.

достижением, освоенным в прошлом народами приполярной зоны. Конструкция байдары и каяка близка к килевой лодке.

Основу решетчатого остова байдары составлял продольный брус с загнутыми вверх концами. Дно образовывали прямая часть бруса и боковые выгнутые планки, концы которых привязывали к бруссу в тех точках, где начинались загибы. К планкам прикреплены поперечные ребра (шпангоуты), образующие борта лодки. По концам шпангоутов проходили бортовые дуги, по одной с каждой стороны. Все эти части скрепляли ремнями. Затем остов обтягивали кожей моржа. С наружной стороны поверх покрытия на продольный брус прибивали пластинку из ребра кита, которая предохраняла кожу от трения при вытаскивании и спуске байдары на воду.

Размеры байдар были различны, от маленькой (для двух человек) до большой лодки, достигающей в длину 11—11,5 м при ширине 1,5—2 м, и грузоподъемностью до 2 т. В такой лодке на нескольких скамейках помещалось шесть-восемь человек гребцов.

В конце XIX в. гребные весла были двух видов: широкие — короткие и длинные — узкие. Последние являлись подражением веслам китобойных лодок, часто эскимосы приобретали их даже готовыми от американских торговцев. Рулевое весло имело широкую лопасть. В конце XIX в. оно стало заменяться рудем грубой работы.

Байдара снабжалась мачтой, к реям привязывался квадратный парус, иногда даже два, один над другим. В конце XIX в. можно было встретить также и треугольные паруса. Они изготовлялись из ткани, но прежде делались из хорошо выделанной оленьей кожи (ровдуги). Для устойчивости, особенно при сильном ветре, к бортам байдары привязывали поплавки из надутых шкур тюленя.

Байдара имела большие преимущества перед многими деревянными судами прибрежного плавания. Она легка, при этом устойчива на воде. Остов ее, связанный ремнями, очень эластичный, что давало возможность хорошо маневрировать во льдах и не ломаться под ударами льдин. Неглубокая посадка позволяла плавать по мелководью с большим грузом и сравнительно легко причаливать к берегу во время прибою. Эти качества байдары в условиях примитивного ведения хозяйства делали ее незаменимой для морского промысла.

С развитием торговых отношений с русскими, а впоследствии с американскими китобоями постепенно увеличивалось значение байдары как средства передвижения. На них развозили товары вдоль побережья. В таких случаях, где представлялась возможность, применяли тягу бечевой вдоль берега. Для этого употреблялись ездовые собаки.

Каяк имел некоторые конструктивные отличия от байдары. Основу решетчатого остова составляли также продольный брус и поперечные ребра, правда, без многих передаточных частей. Но в отличие от байдары остов каяка дополнительно оснащался поперечными планками, которые соединяли бортовые дуги, так что получалась палуба. Остов, в том числе и палуба, обтягивался кожей, за исключением небольшого круглого отверстия, напоминающего люк. На обтяжку шли кожи лахтака, иногда тюленя. Благодаря такому устройству каяк был водонепроницаем и сверху. Для защиты от попадания воды в люк прибегали к такому способу: к ободу люка привязывали кусок кожи, и человек, сидя в каяке, прикрывался им или натягивал на обруч свою непромокаемую одежду. Азиатским эскимосам, как и чукчам, был известен только однолючный каяк, т. е. на одного человека. Садился на дно вытянув ноги, гребли двухлопастным веслом.

Прежде каяки были широко распространены по побережьям обоих океанов; на них выезжали в море охотиться на морских животных. К началу же XX в. у эскимосов они почти вышли из употребления.

Коряки. Водные средства сообщения оседлых коряков имеют много общего с эскимосскими и чукотскими.

Основная промысловая лодка — байдара (*култайт-выит*,¹ т. е. лодка из лахтанных кож), конструктивно сходна с эскимосско-чукотской, но имеет ряд отличий в

деталях. Корякская байдара (табл. 6, 3) была значительно короче, но в то же время шире эскимосской. Длина ее редко превышала 10 м, ширина же была около 2,5 м. Таким образом, отношение длины к ширине выражалось как 10 : 2,5, т. е. 4 : 1, в то время как в чукотско-эскимосской байдаре это отношение равнялось 11,5 : 1,5, т. е. 23 : 3. Концы бортов снабжались добавочными дугами, которые придавали носу и корме полукруглую форму, в эскимосской же концы были острыми. На носу устраивали развилку, через нее проходил лям (ремень) от гарпуна.

Покрытие байдары коряки делали из кож лахтаков, реже из моржевых. Под продольный брус поверх кожи прикрепляли узкую доску с целью предохранения покрытия от трения о камни и морское дно. Большой байдарой управляли восемь гребцов и один рулевой. Она приводилась в движение однолопастными веслами, которые вкладывались в петли, заменяющие уключины; управляли с помощью кормового весла. Последнее отличалось от гребного более широкой лопастью. По ветру применяли парус обычно треугольной формы.

Каяк (*матые*), как и байдара, отличался от эскимосского только в деталях (табл. 6, 4). Он также имел решетчатый остов с круглым отверстием сверху. Остов обтягивали кожей лахтака. В отличие от эскимосско-чукотского корякский каяк был короче, шире, а круглое отверстие больших размеров. Коряки иногда прибегали к такому же способу защиты от попадания воды в люк, как и эскимосы, т. е. прикрывались куском кожи, привязанным к ободу люка, или натягивали на обруч свою непромокаемую одежду.

Примерные размеры каяка следующие: длина доходила до 3 м, наибольшая ширина — 0,75 м, высота — 0,3 м. В движение каяк приводили либо одним двухлопастным веслом, чаще же двумя однолопастными.

В прошлом каяки были широко распространены у оседлых коряков, но в начале XX в. на восточном побережье Камчатки они совершенно исчезли, а на западном — сохранялись лишь у коряков Пенжинской губы.

Если байдара и каяк являлись морскими судами, то для передвижения по внутренним водам все группы оседлых коряков употребляли долбленые лодки, очень тяжелые, грубо обработанные, малоустойчивые на воде (корякское название — *ылавит*). Устройство и форма их аналогичны батам, распространенным у эвенков. Длина таких долбленок достигала 6 м, ширина — 0,70 м, высота — около 0,6 м. Вверх по течению применяли шесты, отталкиваясь ими от речного дна, поэтому в бате чаще приходилось стоять; вниз по течению гребли веслом. Сдвоенные баты (табл. 6, 5) употребляли аляutorцы, каргинцы и паланцы. На батах коряки совершали небольшие переезды для осмотра рыбных заповор, перевозки рыбы и т. д. Для перевозки же людей и грузов пользовались сдвоенными батами.

У коряков в конце XIX и начале XX в. также встречались и дощатые лодки с долбленным днищем и с наставными бортами, по устройству похожие на юкагирский карбас. Для тяги часто применялась бечева. Лодку вдоль берега тянули люди или собаки.

Кочевые коряки водными средствами передвижения почти не пользовались.

Ительмены. У ительменов наиболее распространенным средством передвижения по воде в конце XIX и начале XX в. были долбленые лодки — баты (по-ительменски *хтым*)¹ и плоты из сдвоенных, а иногда и строенных батов (табл. 6, 6), как у коряков, но больших размеров.

Нивхи. Нивхи низовьев Амура и западного побережья Сахалина употребляли дощатую лодку (*му*),² пользуясь ею для передвижения как по рекам, так и по Татарскому проливу (табл. 7, 1). Ее делали из шести досок елового дерева. Днище (из одной доски) несколько выгнуто посередине. К нему пришивали борта (по одной доске с каждой стороны), но так, что внизу они выступали в виде полозьев. В носовой части днище выдавалось вперед и часто оканчивалось резным изображением. Нос делали из двух досок, расположенных под острым углом, и прибивали к бортам и днищу. Тупая корма — доска трапецевидной

¹ Г. М. Корсаков. Нымланско (корякско)-русский словарь. М., 1939.

¹ Термин сообщен Е. П. Орловой.

² Нивхские термины и их значение сообщены Ч. М. Таксами.

формы — прибывалась к днищу и обоим бортам. Отдельные части лодки скрепляли деревянными гвоздями. Пазы тщательно законопачивали мхом, затем заколачивали планками и засмаливали. Нос лодки, кроме резного изображения, часто орнаментировали узорами, выполненными краской. Для сидения употребляли переносные скамейки, которые ставили на дно лодки. Лопатообразный выступ носа (удлиненное днище) защищал лодку от больших волн и от ударов о скалистые крутые берега.

Гребные весла однолопастные (длиной немного больше 2 м), довольно массивные, укреплялись в уключины. Рулевые весла были меньших размеров и иной формы. Иногда применялся четырехугольный парус из рыбьей кожи.

Длина лодок достигала 8 м, ширина в разных точках была различна — от 0.8 до 1 м и даже более, глубина — около 0.5 м.

Такие лодки применялись на рыбном промысле, при охоте на морского зверя, для дальних и близких переездов. Других видов средств для передвижения по воде, по сообщениям исследователей, амурские нивхи в конце XIX в. не знали.¹ Наоборот, по мелким рекам Сахалина дощатых лодок нивхи совсем не употребляли, а пользовались долбленками (табл. 7, 2). Нивхское название долбленки — *мла-му* (буквально «лодка с ушами»). Нивхи выдалбливали их из ствола тополя. Для этих долбленок характерны были лопатообразные выступы на обоих концах в верхней части, по внешнему виду похожие на козырьки. Бока такой долбленки наращивали планками, прочность придавали поперечные прямые распорки. При движении употребляли весла, а чаще шесты.

Айны. Благодаря жизни на островах, у айнов на первый план выдвинулся специализированный морской транспорт. Он представлен несколькими разновидностями лодок. Для плавания по морю пользовались долбленкой с высокими наставными бортами. На Сахалине она по внешнему виду походила на нивхский челнок с выступающими козырьками, причем на носу и корме имелось по два выступа, расположенных один над другим (табл. 7, 3). У жителей Курильских островов в такой лодке козырьки отсутствовали (табл. 7, 4).

Из других разновидностей айнских лодок следует отметить своеобразную дощатую лодку с продольным бруском, к которому пришивались продольные доски, но так, что линия днища не была четко выражена.

На подобных лодках айны ходили под парусом. Для управления служили два рулевых весла, гребных весел было не менее четырех пар.

В конце XIX в. у айнов можно было встретить японские кунгасы.

Сахалинские айны для передвижений по мелким рекам пользовались долбленками, напоминающими нивхские, но неглубокими и более грубо обработанными.

Ороки. Ороки пользовались такой же долбленкой из тополя, как и сахалинские нивхи (табл. 7, 5). Передвигались на ней с помощью шестов и весел. Она обозначается термином *угда*.²

Нанайцы. Формы лодок у нанайцев, как и у других народов Амурского бассейна, весьма разнообразны и специфичны.

У них бытовали долбленки двух видов, берестяные и дощатые челноки, а также большие составные лодки. Во второй половине XIX в. из челноков предпочитались берестяные (по-нанайски *джаи*,³ у русских известны под названием «морочек»). Нанайская берестянка отличалась от эвенкийской острыми и загнутыми вверх концами (табл. 8, 1).

Гребли двухлопастным веслом, когда же требовалось не производить шума, то передвигались с помощью двух однолопастных весел небольшого размера; на мелководье отталкивались небольшими шестами. Изредка применялся парус.

Размеры берестянок сильно варьировали, но преобладала длина 5—6 м при наибольшей ширине (посередине) 0.7 м и глубине 0.3 м.

В XX в. берестянки стали заменяться небольшими дощатыми челноками (табл. 8, 2). Их делали из трех досок по типу якутской ветки с острыми концами. Одна доска, несколько выгнутая посередине, составляла днище; две другие — борта. Последние плотно пригоняли к днищу и приколачивали деревянными гвоздями, швы проконопачивали мхом. Длина челнока не превышала 3 м. Весла употребляли такие же, как и в берестянке. Термин для дощатого челнока у сахачи-алянских нанайцев тождествен с названием берестянки (*джаи*),⁴ название у других групп нанайцев выяснить не удалось.

Долбленки нанайцев были двух форм. Первые (по-нанайски *отонго*, *гульба*)⁵ — с острыми концами, усеченными к днищу, нос и корма не выступали над бортами; их снабжали поперечными распорками (табл. 8, 3). Для гребли нанайцы употребляли такие же весла, как и в берестянке. Берестяные, дощатые и долбленые челноки употреблялись главным образом на охоте и рыбной ловле. Для ружья или остроги на носу устраивали специальное приспособление в виде развилки.

Другая разновидность долбленки (нанайское название — *онни-магда* и *аварне*,⁶ у местных русских известна под названием «бат») отличалась тупой кормой и лопатообразным носом (образованным из удлиненного днища), который далеко выдавался вперед (до 0.7 м). Для большей прочности стенок долбленка оснащалась несколькими поперечными прямыми распорками. Изготавливалась она преимущественно из ивы. Примерная длина 7—8 м (включая и длину носа), ширина 0.5 м, глубина 0.4—0.5 м.

Она главным образом употреблялась для передвижений по горным быстротечным и мелководным рекам. Благодаря лопатообразному носу уменьшалась скорость движения по воде. Вверх по течению применялись шесты.

Дощатые лодки нанайцев (табл. 8, 4) по форме напоминают вышеописанную долбленку с лопатообразным носом, но конструктивно тождественны с дощатой лодкой нивхов. Нанайский термин для этого вида лодки — *тем-чиэн*, или *угда*.⁴

Негидальцы. Негидальцы пользовались теми же видами лодок, как и соседние с ними народы Амурского бассейна: берестянкой (*омочин*, *алкагда*), составным челноком (*монго*) и дощатой лодкой (*огда*). При переездах через реки употреблялся также плот из бревен (*там*).⁵

Ульчи. У ульчей в конце XIX и начале XX в. бытовали те же самые виды лодок, что и у нанайцев: берестянка, долбленка двух форм (с острыми концами и с лопатообразным носом), составной челнок из трех досок и большая дощатая лодка. В отличие от нанайцев ульчи чаще употребляли парус.

Кроме того, ульчи пользовались еще морской лодкой, неизвестной нанайцам, но встречающейся у нивхов. Конструкция и форма последней тождественна с речной дощатой лодкой, но применительно к морским переездам ее делали значительно больших размеров (главным образом шире и глубже). Это достигалось благодаря дополнительно нарастанным бортам, носу и корме. Морскую лодку оснащали большим количеством пар гребных весел (табл. 8, 5). Она употреблялась при охоте на морского зверя.

Ульчские термины для лодок следующие: берестянка — *зай*, долбленка с острыми концами и челнок из трех досок — *утоного*, большая дощатая лодка — *угда*, морская — *наму угдани*, долбленка с лопатообразным носом — *уль*, или *унни магда*.⁶

Орочи и удэгейцы. Орочи и удэгейцы пользовались лодками, общераспространенными у народов Амурского бассейна. В качестве речных лодок употребляли долбленки

¹ К. М. Мильникова - Форштейн. Развитие тунгусо-манчжурской лодки по данным языка. Сб. статей «Памяти Б. Г. Богораза (1865—1936)», М.—Л., 1937.

² Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. II. СПб., 1899.

³ Там же.

⁴ Термины записаны Н. А. Липской.

⁵ К. М. Мильникова - Форштейн, ук. соч.

⁶ Ульчские термины лодок сообщены А. В. Смоляк, за исключением последнего, который заимствован из работы Л. Шренка (см.: Л. Шренк, ук. соч.).

¹ В двадцатых годах XX в. для передвижений по морю нивхи наращивали борта дощатой лодки дополнительными досками, чтобы сделать ее более глубокой. Когда появилось это усовершенствование, выяснить не удалось.

² Термин записан Б. А. Васильевым.

³ Т. И. Петрова. Краткий нанайско-русский словарь. М.—Л., 1935.

с острыми концами (по-удэгейски *утунге*, по-орочски *от-онго*) (табл. 8, 6) или лопатообразным носом (по-удэгейски *ана*, или *угда*; по-орочски *ульмагда*)¹ (табл. 8, 7). Материалом для изготовления лодок чаще всего служили стволы тополя.

Берестянки в конце прошлого века орочи и удэгейцы пользовались редко. Они были мало пригодны для горных рек, поэтому естественно предпочтение отдавалось долбленкам. Берестянки и легкие долбленки с острыми концами употребляли главным образом при охоте на крупных животных (лося, изюбра и других), долбленки с лопатообразным носом служили в качестве грузовых лодок.

Для морского промысла в мелких бухтах приморские орочи пользовались долбленками (*мооми*). Форма их не отличалась от формы речной долбленки с острыми концами, но размеры были значительно больше (длина 4.5 м, ширина 0.5 м). В открытое море выезжали на больших дощатых лодках (*тымткы*), таких же, как и у ульчей. Длина их достигала 7 м при ширине около 1.5 м и глубине 0.7 м.

Буряты. Водным транспортом буряты пользовались редко. Отсутствуют какие-либо указания на то, что у них бытовали специфические формы лодок. Ангарские буряты употребляли тяжелые, грубо обработанные, колодообразные долбленки. Они применялись для перевозок и весьма своеобразно при рыбной ловле: во время ледохода привязывали долбленку к льдине, а человек стоя ловил острой рыбу. Кроме долбленок, буряты употребляли русские гребные лодки.

Бурятский термин для лодки — *онгосо*.²

Хакасы. У хакасов водные средства передвижения распространены слабо. Лишь у чулымцев они широко употреблялись при рыбной ловле. В основном для этой цели служили лодки русского образца. Более подробных сведений о водном транспорте хакасов в нашем распоряжении не имеется.

Тофалары. Тофалары употребляли долбленые лодки и плоты, такие же как у тувинцев.

Тувинцы. Наиболее распространенным видом водного транспорта у тувинцев в конце XIX и начале XX в. был плот (табл. 9, 1), по-тувински *сал*.³

Его делали из нечетного числа бревен, среднее бревно было длиннее остальных. На плоту передвигались только по течению, отталкиваясь шестами, реже употребляли своеобразное весло. Оно состояло из шеста, на один ко-

нец которого насаживалась перпендикулярно доска. Таким веслом загребали воду или отгребали ее от плота. Иногда буксиром служила лошадь, которая тянула привязанный *сал*.

Тувинцы-скотоводы употребляли для переправы бурдюки, т. е. надутые цельные шкуры животных, которые привязывали к лошади, пуская ее вплавь по воде, а сами сидели на шкуре.

На переправах через большие реки в некоторых местах Тувы употребляли своеобразный плот *онгочо* (табл. 9, 2). Брели две колодообразные долбленки с характерными скульптурными изображениями на носах в виде конских голов и соединяли их вместе поперечными брусками, на которые настилали доски. Возможно, что форма *онгочо* является внешним подражанием переправе на бурдюках с лошадьми, хотя сами тувинцы считают, что *онгочо* заимствована от монголов. В настоящее время такие плоты на территории Тувы не употребляются.¹

С лодками тувинцы познакомились очень поздно. В центральных районах Тувы лодки-долбленки (*хеме*) появились в середине прошлого века; в XX в. тувинцы их изготавливали из стволов тополя, осины, реже лиственницы. Долбленки имели плоское дно, острые концы, возвышающиеся над бортами, и поперечные распорки. По форме они сходны с лодками шорцев и северных алтайцев. Передвигались на них главным образом с помощью шестов.

В других районах Тувы долбленки и русские гребные лодки появились еще позднее.

Алтайцы. Алтайцы пользовались водным транспортом редко. Лишь у северных алтайцев можно было встретить долбленку такой же формы, как у шорцев, и русскую гребную лодку.

Шорцы. Лодки шорцы употребляли для переездов и при рыбной ловле. При передвижении по горным рекам отдавалось предпочтение долбленкам из осины. Они были двух видов: колодообразные с поперечными распорками (табл. 9, 3) и легкие челноки с кривыми ребрами, напоминающие обско-енисейский облас, но с менее приподнятым носом (табл. 9, 4). Передвигались на них с помощью однолопастных весел и шестов.

На больших реках пользовались обычными русскими лодками. Имеются сведения, что в прошлом шорцам была известна берестянка.²

Все виды лодок называются одним термином *кебе*, или *кебеге*.³

II

Вышеописанные материалы показывают, что у ряда народов Сибири бытовали сходные формы лодок. Это сходство в некоторых случаях может быть объяснено территориальной близостью (например, дощатая лодка нивхов, нанайцев, ульчей и других народов Амурского бассейна; челнок-долбленка Обско-Енисейского бассейна, распространенный у хантов, манси, кетов и других народов Западной Сибири), в других — этнической общностью (например, берестянка у многих групп эвенков, не связанных между собой территориально).

Можно проследить и обратное явление — употребление разных форм лодок у одного и того же народа. Чтобы объяснить эти явления, необходимо обобщить все сведения о лодках и классифицировать различные их разновидности.

При классификации мы сознательно не учитывали многие разновидности лодок, хотя и бытовавшие у народов Сибири, но заимствованные ими от других народов. Это относится главным образом к гребным лодкам и другим судам, которые народы Сибири получили от рус-

ских. Некоторые из них местное население в процессе общения с русскими научилось и изготовлять, другие же до сих пор завозятся торговыми организациями. Оставлены вне рассмотрения и некоторые виды айских лодок, вопрос о происхождении которых требует дополнительного исследования.

В основу классификации лодок положен конструктивный признак. По этому признаку лодки разделяются на группы. В каждой группе выделяются типы, составляющие основное звено классификации, а типы делятся на варианты.

По конструкции остова лодки народов Сибири можно разделить на четыре группы: 1) долбленые, 2) составные, 3) каркасные и 4) килевидные. Для первой группы основой конструкции является остов, выдолбленный из целого ствола дерева; для второй — остов, составленный из нескольких частей; для третьей — каркас и для четвертой — решетчатый остов с продольным креплением, напоминающим киль. Эти основ-

¹ Орочские термины взяты из работы Л. Я. Штернберга (Гильяки, орочи, гольды, негидальцы. Статьи и материалы, Хабаровск, 1933), удэгейские термины сообщены В. Г. Ларькиным.

² Русско-бурят-монгольский словарь. М., 1954.

³ Тувинские термины сообщены Е. Д. Прокофьевой.

¹ По сообщению К. В. Вяткиной, население Монгольской Народной Республики еще совсем недавно широко употребляло подобные плоты.

² Л. П. Потапов. Очерки по истории Шории. М.—Л., 1936, стр. 109.

³ Термины сообщены Л. П. Потаповым.

ЛОДКИ

ные конструктивные особенности остова, связанные с различной техникой изготовления, обуславливают часто форму, размеры, грузоподъемность и другие отличительные свойства лодок.

При определении типа, кроме конструкции остова, принимался во внимание целый ряд сопутствующих, частных признаков: форма лодки, конструктивные особенности ее отдельных частей и т. д.

Следующим звеном классификации являются варианты. Кроме основных признаков группы и типа, варианты характеризуются рядом дополнительных мелких деталей: формой носа или кормы и другими.

Долбленые лодки

Характерные признаки. Остов выдолблен из ствола дерева (встречающиеся иногда пришивные узкие набои по краям бортов не изменяют основы конструкции). Для прочности и устойчивости края разводятся поперечными распорками, иногда еще кривыми ребрами.

По конструкции носа и другим более мелким деталям выделяются следующие типы лодок: колодообразные, остроконечные, с лопатообразным носом.

Колодообразные (табл. I, 1).

Характерные признаки. Тяжелый, грубо выдолбленный остов, напоминающий колоду, большей частью с тупыми, но иногда и острыми концами. Поперечные распорки прямые. Почти всегда приводится в движение шестами, весла имеют вспомогательное значение. Часто употребляются вместо плота. Для этого сдвигаются обычно две, а иногда и более долбленок, и на них делается настил.

Распространение. На Крайнем Северо-Востоке у ительменов, оседлых коряков, встречаются также у чукчей и эвенков; в Южной Сибири у шорцев, ограничено у бурят, эвенков, тувинцев.

Остроконечные (табл. I, 2—4).

Характерные признаки. Остов выдолблен, распорки прямые или кривые ребра, иногда те и другие одновременно. Борты часто наращиваются узкими набоями. Передвигаются с помощью однолопастного или двухлопастного весла.

По форме концов различаются варианты: западносибирский, восточносибирский и амурский.

Западносибирский вариант. Преобладает форма с острыми и несколько поднимающимися кверху концами (носом и кормой), прямыми распорками (редко кривыми ребрами); набои не характерны (табл. I, 2).

Распространение. У хантов, манси, кетов, селькупов, сымских эвенков, долганов, сибирских татар, шорцев, тувинцев, алтайцев, незначительно у ненцев.

Восточносибирский вариант. Преобладает форма с прямой бортовой линией и бортами, сходящимися под прямым или почти под прямым углом к линии днища. Обычно долбленка дополнительно оснащается узкими набоями (табл. I, 3).

Распространение. Известен якутам, эвенкам, эвенам, юкагирам, иганасанам и долганам.

Амурский вариант. Характерны остроконечные челноки, усеченные к днищу, с прямой бортовой линией, без набоев, с прямыми распорками (табл. I, 4).

Распространение. У нанайцев, ульчей, орочей, удэгейцев.

С лопатообразным носом (табл. I, 5, 6-).

Характерные признаки. Наличие лопатообразного выступа (на носу у днища) или козырька (в верхней части на носу). Корма тупая или также с характерным козырьком. Распорки прямые. Вместо весел чаще употребляются шесты.

По расположению выступа различаются два варианта: амурский и сахалинский.

Амурский вариант. Лопатообразный нос, корма тупая (табл. I, 5).

Распространение. У нанайцев, ульчей, орочей, удэгейцев.

Сахалинский вариант. Характерны выступы (козырьки) в верхней части носа и кормы (табл. I, 6).

Распространение. Известен сахалинским нивхам, орокам, айнам.

Составные лодки

Характерные признаки. Лодка сколачивается или спшивается из нескольких (трех или более) частей. По конструкции днища выделяются три типа лодок: плоскодонные, круглдонные и сложные лодки.

Плоскодонные (табл. II, 1).

Характерные признаки. Плоское днище из одной доски, к нему пришиваются борты (по одной доске с каждой стороны). Борты на концах спшиваются под прямым или тупым углом. Распорки всегда прямые. Набои не характерны. Передвигаются с помощью одного двухлопастного или двух однолопастных весел.

Распространение. Основная территория распространения — Восточная Сибирь и Амурский бассейн. Бытуют у якутов, юкагиров, эвенков, у северных и некоторых других групп эвенков, негидальцев, нанайцев, ульчей. На западе известны долганам.

Круглдонные (табл. II, 2).

Характерные признаки. Днище выдолбленное, к нему нашиваются доски (борты), по одной с каждой стороны. Поперечные распорки прямые, редко — кривые ребра. Весла чаще однолопастные.

Распространение. Бытуют в Западной Сибири у хантов, манси, энцев, ненцев, изредка у кетов.

Сложные (табл. II, 3).

Характерные признаки. Цельное, слабо вогнутое посредине днище, выступающее вперед в носовой части. Борты у днища выступают в виде полоза. Корма тупая, нос из двух досок, сходящихся под углом. Обычно многовесельная лодка.

Распространение. У нивхов, нанайцев, ульчей, орочей, негидальцев, амурских эвенков.

Каркасные лодки

Характерные признаки. Остов лодки — каркас, обтянутый берестой. Представлены одним типом — каркасным.

Каркасные (табл. II, 4—6).

Характерные признаки. Деревянный каркас, обтянутый полотнищами бересты. Предпочитаются двухлопастные весла. По форме концов различаются варианты: приенисейский, ленский, амурский.

Приенисейский вариант. Берестянка с острыми и выступающими в верхней части носом и кормой (табл. II, 4).

Распространение. Преобладает у западных и южных групп эвенков (исключая сымских) по Нижней и Подкаменной Тунгускам, Олекме и Витиму, у якутов (по рр. Олекма и Витим).

Ленский вариант. Берестянка с выступающим днищем (табл. II, 5).

Распространение. Преобладает у эвенков и якутов, живущих по Витиму, Олекме, Вилюю и другим рекам восточнее Лены.

Амурский вариант. Берестянка с фигурно загнутыми концами (табл. II, 6).

Распространение. Повсеместно распространена у нанайцев, ульчей, негидальцев и амурских эвенков.

Килевидные лодки

Характерные признаки. Решетчатый остов, обтянутый кожей. Остов имеет в основании продольный брус, который проходит посредине днища и загибается кверху на корме и носу. К бросу непосредственно или через передаточные части прикрепляются поперечные ребра (шпангоуты). На территории Сибири из-

вестны два типа лодок: закрытые (каяк) и открытые (байдара).

Закрытые — каяк (табл. III, 1, 2).

Характерные признаки. Решетчатый остов состоит из продольного бруса, шпангоутов, бортовых дуг и поперечных планок, соединяющих борта. Остов, за исключением небольшого круглого отверстия сверху, весь обтянут кожей. Гребут одним двухлопастным или двумя однолопастными веслами.

Распространение. Известен азиатским эскимосам, приморским чукчам (каяк длинный, узкий с небольшим люком), оседлым корякам (каяк по сравнению с эскимосским более короткий и широкий, люк большего диаметра).

Возможно, что эскимосский и корякский каяки являются двумя самостоятельными вариантами.

Открытые — байдара (табл. III, 3а и 3б, 4а и 4б).

Характерные признаки. Решетчатый остов состоит из продольного бруса, шпангоутов, бортовых дуг и некоторых других дополнительных частей; обтянут кожей морских животных. Обычно многовесельная лодка.

По конструкции концов выделяются два варианта: чукотский (табл. III, 3а и 3б) и камчатский (табл. III, 4а и 4б).

Чукотский вариант. Характерны острые концы.

Распространение. Известен по побережью Чукотского п-ва у эскимосов и чукчей.

Камчатский вариант. Характерны полукруглые концы.

Распространение. Известен корякам.

К рассмотренным типам можно отнести все наиболее распространенные виды лодок у народов Сибири. Как уже указывалось выше, остались неклассифицированными различные виды лодок, заимствованные или мало распространенные. К ним относятся: 1) карбас — лодка с выдолбленным днищем, нашивными бортами и кривыми ребрами (табл. 5, 3), распространенная почти по всей Сибири (особенно у юкагиров, долганов, якутов, эвенков); 2) закрытая лодка (илимка), плоскодонная, с высоко выступающим носом, тупой кормой и сводчатым покрытием для жилья; наиболее распространенная у кетов (табл. 2, 3); 3) разновидности русских гребных лодок с кривыми ребрами, употребляемые повсеместно для движения по крупным рекам в качестве грузовых. Во многих районах изготавливаются местным населением.

Из-за недостатка материала не представляется возможным также выяснить место в классификации многих видов айских лодок и некоторых других, например долбленок, распространенных в районе Зеи.

Общее представление о распространении типов лодок на территории Сибири дает карта.

Долбленые лодки в конце XIX и начале XX в. бытовали в Сибири почти повсеместно, за исключением Крайнего Северо-Востока, от Колымы до Анадыря, части водораздела между Енисеем и Леной и Амурского лимана.

Из трех типов долбленых лодок наиболее широко был распространен тип остроконечных лодок. Он в трех вариантах известен, за исключением некоторых районов, от Урала до Амурского бассейна. Тип колодообразной долбленки в конце XIX и начале XX в. сохранялся лишь в двух, территориально не связанных между собой районах — на Камчатке (у ительменов и коряков) и на юге Сибири (у эвенков, бурят, шорцев, тувинцев и частично у алтайских народов), но несомненно в прошлом он имел гораздо более широкое распространение. Тип долбленки с лопатообразным носом был характерен для бассейна Амура и Сахалина.

Составные лодки трех типов также широко употреблялись на территории Сибири. Плоскодонный тип преобладал в Восточной Сибири, преимущественно в северной ее части, и Амурском бассейне, где он появился очень поздно. Круглодонный тип был характерен для Западной Сибири, в бассейнах Оби и Енисея, восточнее Енисея он

встречался в виде исключения. Тип сложной дощатой лодки бытовал лишь в среднем и нижнем течении Амура, Амурском лимане и на западном побережье Сахалина.

Каркасные лодки (берестянки) были распространены между Енисеем и Леной, за исключением северных районов этой территории, и в бассейне Амура. Кроме этих двух основных зон, они употреблялись также восточнее Лены, постепенно исчезая к Охотскому морю. Судя по фольклорным и историческим данным, берестяные лодки прежде широко были известны в Западной Сибири, от Урала до Енисея, и в Юго-Западной Сибири.

Килевидные лодки значительно меньше были распространены, чем другие типы. В конце XIX и начале XX в. они употреблялись на Крайнем Северо-Востоке (главным образом по побережью), к востоку от Колымы до Охотского моря на юге. Почти на всем этом протяжении сосуществовали оба типа килевидных лодок (открытые и закрытые). Но в рассматриваемый нами период закрытый тип стал выходить из употребления: он бытовал еще по побережью Ледовитого океана, почти исчез на Тихоокеанском побережье (кроме среднего течения р. Анадырь) и сохранялся на Охотском побережье.

Территориально типы лодок группируются следующим образом. Для Западной Сибири, от Урала до Енисея, был характерен западносибирский вариант остроконечного типа долбленых лодок. Он повсеместно бытовал у хантов, манси, кетов, селькупов, симских эвенков, заболотных татар; на юге — у шорцев, северных алтайцев. Наряду с долбленкой на этой территории существовал также круглодонный тип составных лодок, но с более ограниченным районом распространения. Он известен только хантам, манси, ненцам, энцам.

К востоку от Енисея западносибирский вариант остроконечного типа долбленок сменялся восточносибирским вариантом того же типа и плоскодонным типом составных лодок. Оба эти вида лодок были распространены в северной части Восточной Сибири и на Крайнем Северо-Востоке у якутов, юкагиров, северных групп эвенков и эвенов, известны были также долганам и нганасанам (последним только долбленка). В более южных районах этой территории долбленку заменяла каркасная берестяная лодка в двух вариантах, характерная для эвенков и якутов на южной границе их обитания.

Следующей зоной распространения специфических форм лодок является бассейн Амура и о. Сахалин. Здесь был известен амурский вариант остроконечного типа долбленок (главным образом у нанайцев, ульчей, орочей, удэгейцев) и особый амурский вариант каркасной берестяной лодки (у нанайцев, ульчей, негидальцев). Кроме того, употреблялась еще долбленка с лопатообразным носом (у нанайцев, ульчей, орочей, удэгейцев), а иногда и кормой (у населения Сахалина — ороков, нивхов и айнов). В Амурском бассейне, за исключением лимана, долбленки бытовали наряду с каркасными лодками, но следует отметить, что здесь наблюдалась некоторая специализация между этими видами лодок. Если берестянками пользовались для передвижения по немногочисленным рекам, то долбленки, особенно с лопатообразным носом, предпочитались для движения по горным рекам. Таким образом, значение долбленок возрастало в верхнем течении Амура, в то время как на той же территории исторически прослеживается исчезновение берестянок. Дощатая лодка сложного типа нивхов, нанайцев, негидальцев, ульчей и орочей также была характерна только для Амурского бассейна.

Специфическими лодками побережья Крайнего Северо-Востока в конце XIX и начале XX в. являлись два типа килевидных кожаных лодок (у эскимосов, приморских чукчей, оседлых коряков). Для южных внутренних районов этой территории был характерен колодообразный тип долбленки (ительмены, коряки и частично соседящие с ними народы).

На юге Сибири отсутствовали специфические формы лодок. Здесь у тюркских народов и бурят сохранился исчезающий тип колодообразных долбленок и бытовал западносибирский вариант остроконечной долбленой лодки.

III

Вопросы происхождения отдельных типов лодок, как и вопросы их классификации, почти совершенно не освещены в литературе. В порядке предварительных заключений остановимся на нескольких узловых вопросах.

Из анализа материала можно заключить, что только килевидная лодка народов Сибири была связана с развитием специализированного морского транспорта и морского зверобойного промысла. Что касается морской лодки нивхов и ульчей, то она по существу является речной, лишь отчасти приспособленной к плаванию в прибрежной полосе. В данном случае изменение функций не сопровождалось изменением конструкции.

Происхождение килевидной лодки несомненно связано с приморской культурой. Археологические находки каяков на Чукотском п-ве обнаружены в древнеберинго-морской культуре, остатки байдар известны с раннепунукского периода.¹ Территория распространения килевидной лодки была прежде, видимо, значительно шире. Имеются некоторые сведения, указывающие на бытование в прошлом кожаных лодок по побережью Ледовитого океана далее на запад. К сожалению, конструкция их не описана. Судя по некоторым гравюрам, кожаная лодка пенцев по внешнему виду напоминала каяк.² Иного происхождения, вероятно, кожаные лодки внутренней зоны Сибири. Эти лодки относятся к категории временных. Конструкция их крайне проста: остов состоит из верхних ободов и кривых ребер, обтянутых кожей. Вероятно, такие виды временных лодок в прежнее время были значительно шире распространены на территории Сибири. Так, совсем еще недавно эвенки употребляли корьевые лодки аналогичной конструкции. Они сооружались на месте для одного переезда или одной переправы и после использования бросались. Такие водные средства передвижения могли создаваться только в кочевом хозяйстве. Это можно наблюдать не только у эвенков, но и у оленных чукчей, которые пользовались плотами, сооруженными из нарт. Таким образом, связывать генезис килевидной лодки с кожаной лодкой внутренней зоны Сибири нет никаких оснований.

Если кожаная килевидная лодка связана с приморской культурой, то три варианта берестяных лодок характерны для таежной культуры тунгусо-маньчжурских народов — эвенков, нанайцев, ульчей, негидальцев (в прошлом, по-видимому, были у орочей и удэгейцев). Берестянка употребляется и якутами, но последние считают ее эвенкийской лодкой, называя *тонгус тынта* — «тунгусский челнок» или *омук онгочото* — «чужая лодка»; эвенки же отдают ей предпочтение перед долбленкой. Термин для берестянки является общим почти для всех тунгусо-маньчжурских народов (эвенкийский — *дэв*, нанайский — *джаи*, ульчский — *зай*, маньчжурский — *дзэу*, маньчжурский — *чжал*), чего нельзя сказать относительно названий других типов лодок у этой группы народов. За недостатком материала остается открытым вопрос о соотношении современной берестянки с древней западносибирской.

Мало известно о происхождении плоскодонного типа составных челноков. Последние везде существуют вместе с долбленками (например, у юкагиров, долганов) или берестянками (например, у якутов и других). При этом можно проследить постепенную замену долбленок и особенно берестянок более удобным составным челноком. Высокая техника изготовления составного челнока позволяет предположить, что он возник под влиянием русских, принеших в Сибирь усовершенствованные железные инструменты.

Разные типы долбленых лодок на территории Сибири, по-видимому, возникли не одновременно. Наиболее примитивным и древним является колодообразный тип, сохранившийся к началу XX в. только в некоторых районах.

Более позднего происхождения остроконечный тип, т. е. для его производства требовались достаточно усовершенствованные инструменты. В. Н. Чернецов, разбирая мансийские термины лодок, отмечает несовпадение слова «лодка» в обско-угорских и венгерских языках. Это, по его мнению, объясняется тем, что западносибирский челнок с распорками и разведенными бортами до прихода угорских племен на север не был им известен.¹

Интересен вопрос о долбленке с лопатообразным носом. По форме она идентична с дощатой лодкой. Эти два типа хотя и относятся к разным группам лодок (один к долбленным лодкам, другой к составным), но оба имеют характерную особенность — выступающее днище. Возникает вопрос, какой тип явился исходным. Л. Шренк считает, что форма сложной дощатой лодки была перенесена на долбленку.² Это положение весьма спорно. Во-первых, составная лодка более сложна для изготовления. Во-вторых, лопатообразный нос в долбленке имеет большее практическое значение, чем в дощатой. По горным быстротечным рекам, где можно употреблять только долбленки, благодаря лопатообразному выступу уменьшается скорость движения, кроме того, выступ предохраняет лодку от поломок и помогает сохранять устойчивость.

Круглодонный тип составной лодки, по-видимому, является развитием западносибирского варианта остроконечного типа долбленки. Здесь долбленая основа стала только днищем, к которому наращивались борта. Таким образом, на основе долбленки был создан новый тип, но уже составной лодки.

В заключение остановимся несколько подробнее на связи разных типов лодок с хозяйственной деятельностью народов Сибири.

Небольшие лодки разных типов являлись у народов Сибири главным образом промысловыми. Так, охотники-рыболовы являлись обладателями чрезвычайно легких быстротечных челноков: долбленых (тип остроконечных), берестяных (тип каркасных) и дощатых (плоскодонный тип), которые больше приспособлены для охоты (например, на дикого оленя, лося, водоплавающую птицу и т. д.), чем для рыбного промысла.

Приморские охотники Крайнего Северо-Востока являются, по-видимому, создателями не только кожаного челнока (каяка), но и многовесельной килевидной лодки и дополнительного оснащения к ней — паруса со всеми принадлежностями.

Для перевозки грузов и перекочевок у народов Сибири служили в основном плоты. С появлением устойчивых и обладающих большой грузоподъемностью лодок русского образца последние постепенно начинают вытеснять местные грузовые виды водного транспорта. Но, как правило, русская лодка не заменила основных типов промысловых лодок, с которыми она не могла соперничать в легкости и скорости движения по рекам. Таким образом, русская лодка в первую очередь удовлетворяла возросшие потребности в транспорте и только во вторую очередь оснастила рыбный промысел, особенно во время неводьбы.

Эти немногочисленные выводы являются предварительными, проверка и уточнение их — дело дальнейших исследований.

¹ С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947, стр. 94.

² Ф. Белявский, ук. соч., рис. III.

¹ В. Н. Чернецов, ук. соч., стр. 356—358.

² Л. Шренк, ук. соч., стр. 195.

ХАНТЫ

1

2

3

ЭНЦЫ

4

5

ТАБЛИЦА 1

1 — долбенка (облас); 2 — калдаика; 3 — крытая лодка; 4 — долбенка с наставными бортами; 5 — русская лодка.

СЕЛЬКУПЫ

1

КЕТЫ

2

3

ТАБЛИЦА 2

1, 2 — долбленки; 3 — илимка.

ЭВЕНКИ

1

2

3

4

ТАБЛИЦА 3

1 — долбленка (сымские эвенки); 2 — берестянка (витимо-олекминские эвенки); 3 — берестянка (амурские эвенки);
4 — дощатая лодка (забайкальские эвенки).

ЯКУТЫ

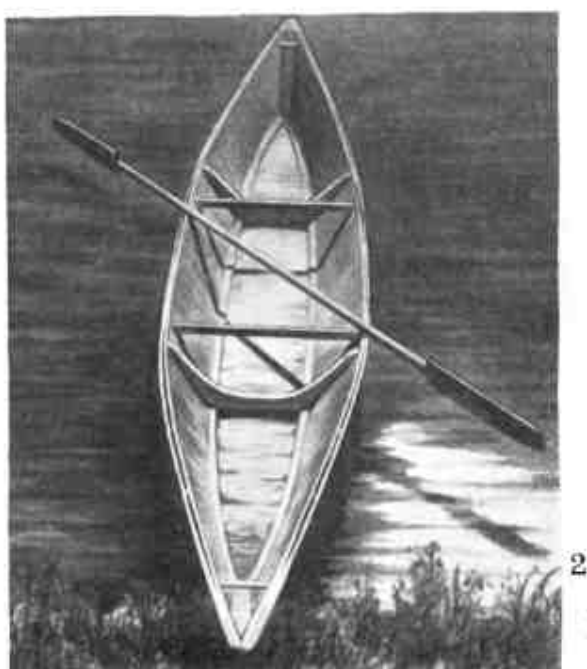

ТАБЛИЦА 4

1 — долбенка; 2 — челнок из трех досок; 3, 4 — берестянки; 5 — дощатая лодка.

ЭВЕНЫ

1

ЮКАГИРЫ

2

3

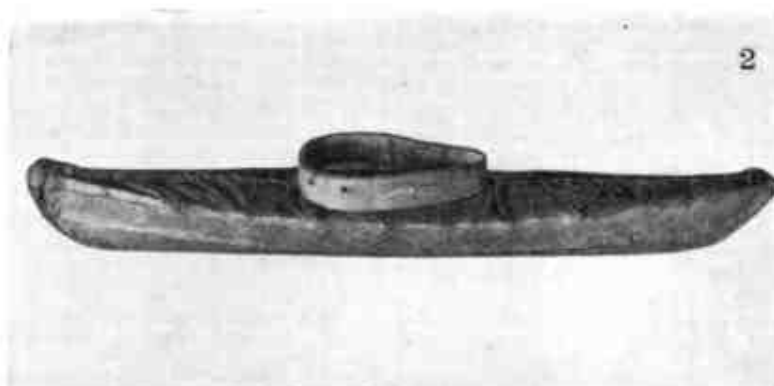

4

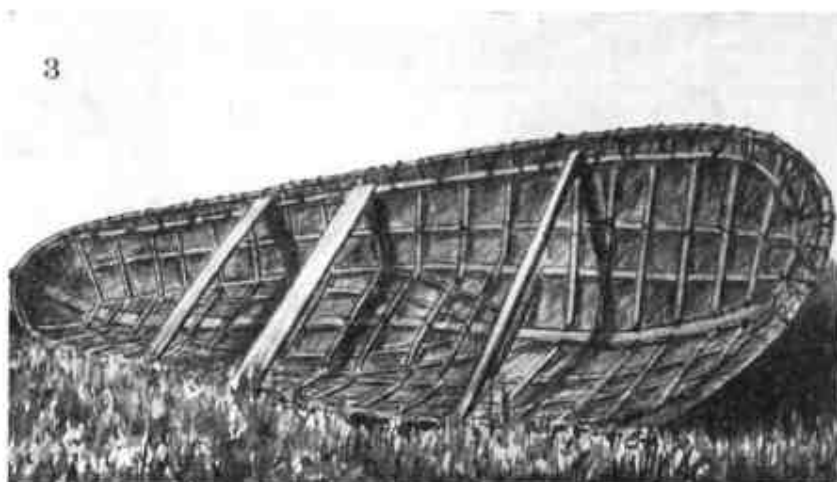
ТАБЛИЦА 5

1 — баты; 2 — челноки из трех досок, 3 — карбас; 4 — плот.

ЧУКЧИ

КОРЯКИ

ИТЕЛЬМЭНЫ

ТАБЛИЦА 6

1, 3 — байдары; 2, 4 — каяки; 5, 6 — сдвоенные баты.

НИВХИ

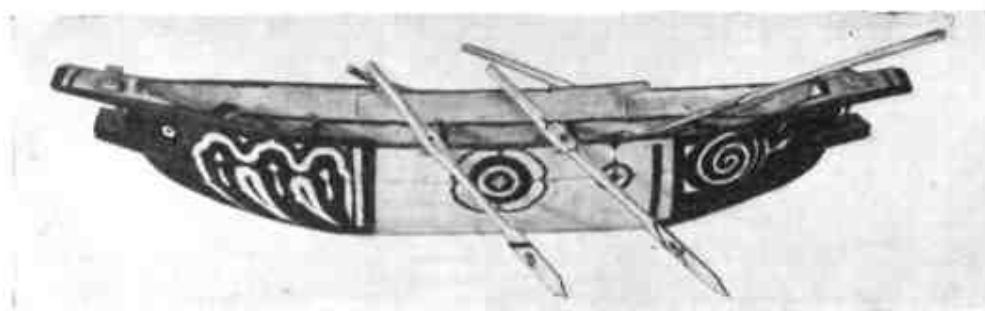

1

2

АЙНЫ

3

4

ОРОКИ

5

ТАБЛИЦА 7

1 — дощатая лодка; 2, 3, 5 — долбленки с козырьками; 4 — долбленка с наставными бортами.

НАНАЙЦЫ

1

2

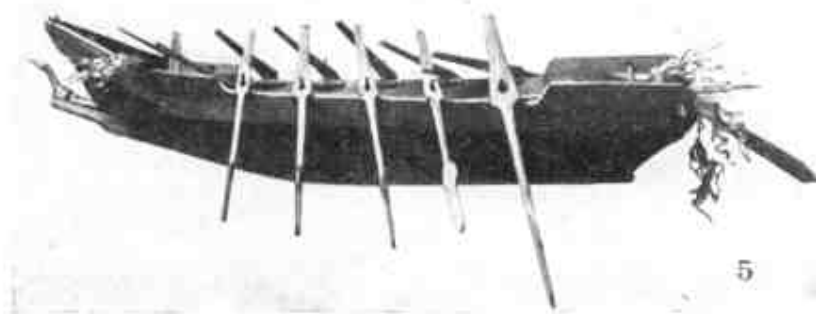

3

УЛЬЧИ

4

5

ОРОЧИ И УДЭГЕЙЦЫ

6

7

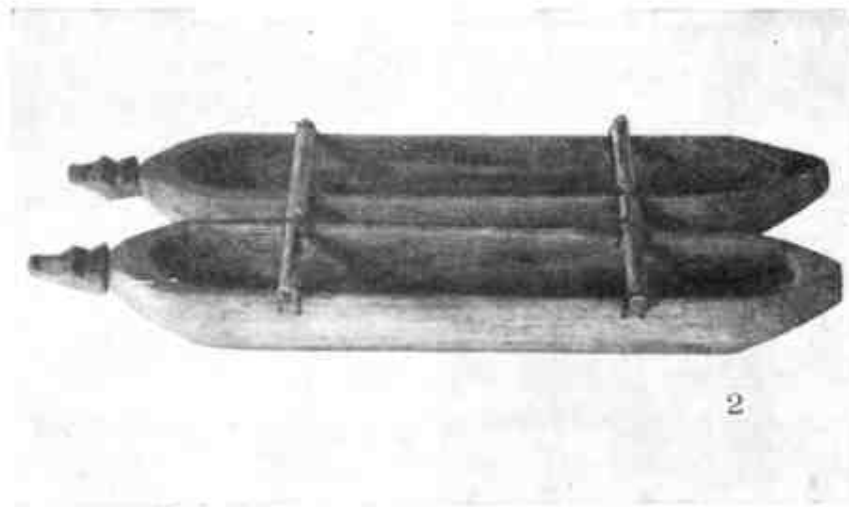
ТАБЛИЦА 8

1 — берестянка; 2 — челнок из трех досок; 3 — долбленки; 4 — дощатая лодка; 5 — морская лодка; 6 — долбленка с острыми концами; 7 — долбленка с лопатообразным носом.

ТУВИНЦЫ

1

2

ШОРЦЫ

3

4

ТАБЛИЦА 9

1 — плот; 2 — сдвоенные долбленки; 3, 4 — долбленки

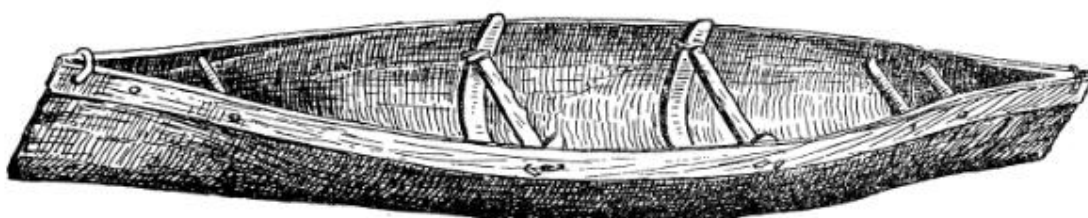
ТИПЫ ДОБЛЕНЫХ ЛОДОК

1

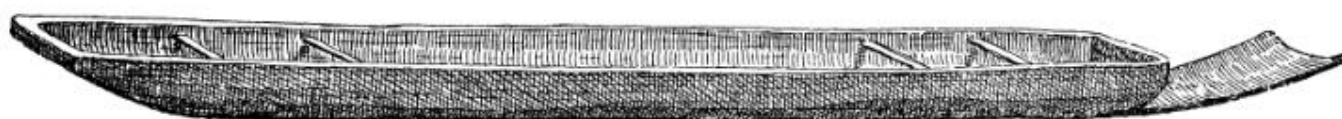
2

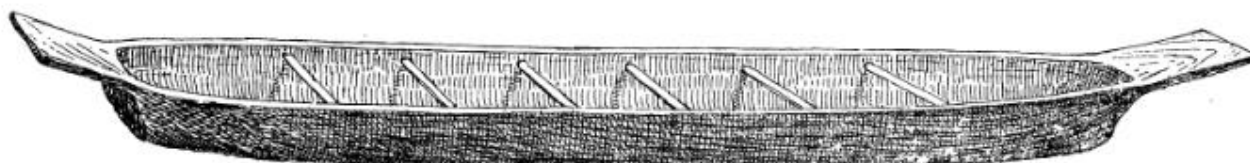
3

4

5

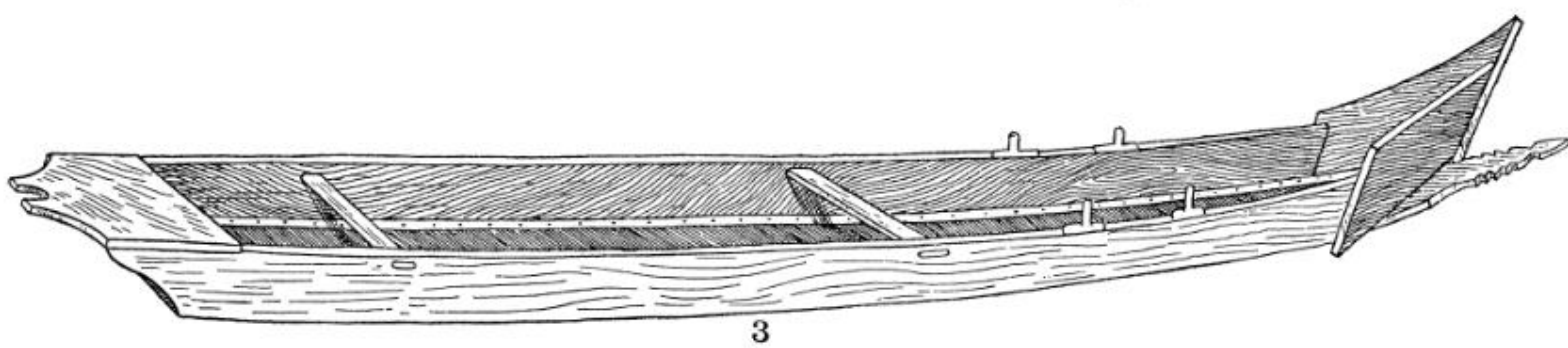
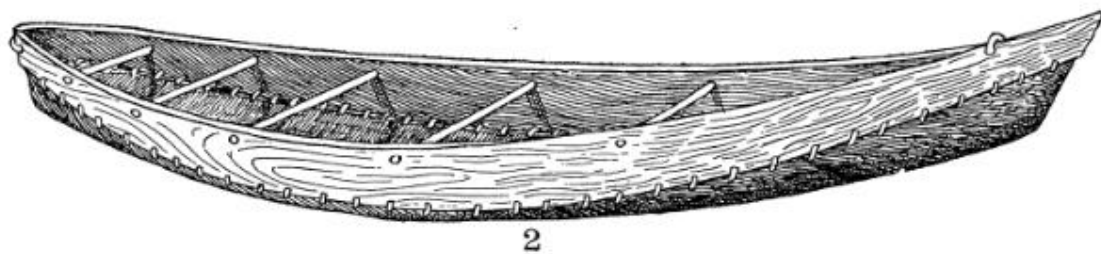
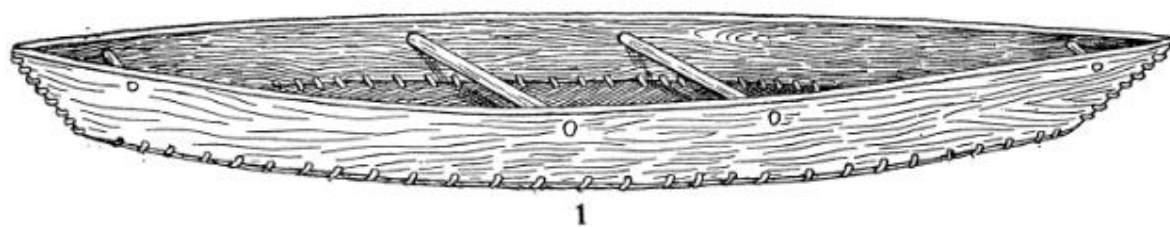

6

ТАБЛИЦА I

1 — колодообразные; 2—4 — остроконечные (2 — западносибирский, 3 — восточносибирский, 4 — амурский варианты); 5, 6 — с лопатообразным носом (5 — амурский, 6 — сахалинский варианты).

ТИПЫ СОСТАВНЫХ ЛОДОК

ТИПЫ КАРКАСНЫХ ЛОДОК

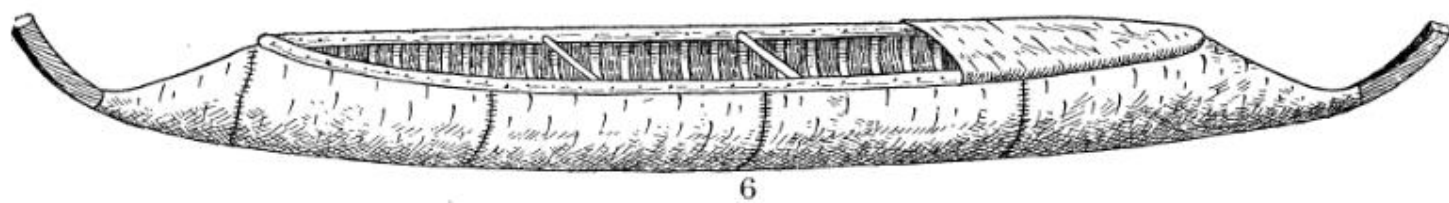
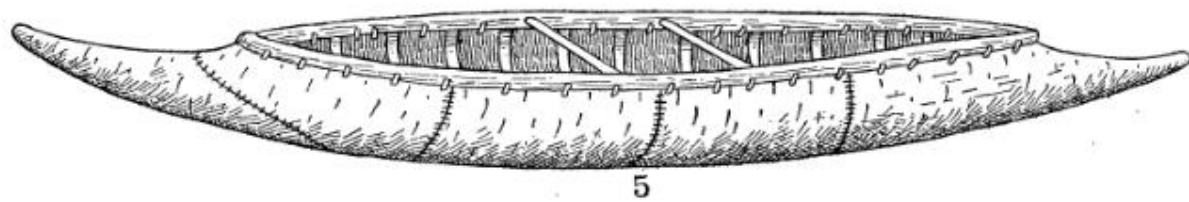
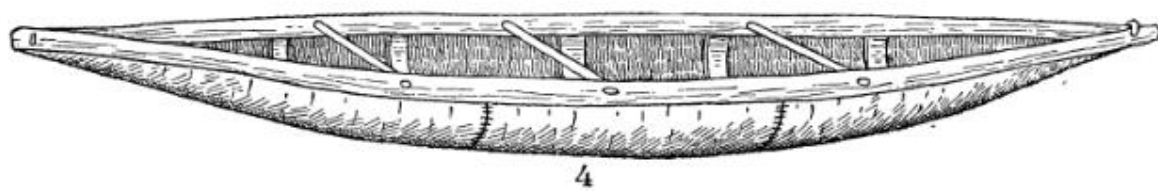

ТАБЛИЦА II

1 — плоскодонные; 2 — круглодонные; 3 — сложные; 4—6 — каркасные (4 — приенисейский, 5 — левский, 6 — амурский варианты).

ТИПЫ КИЛЕВИДНЫХ ЛОДОК

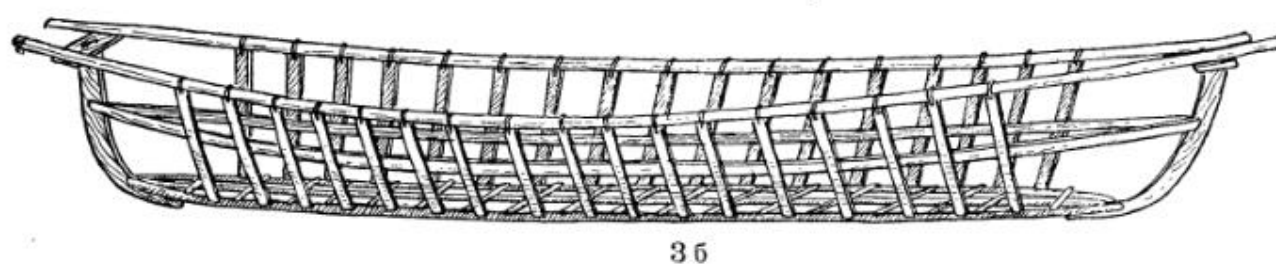
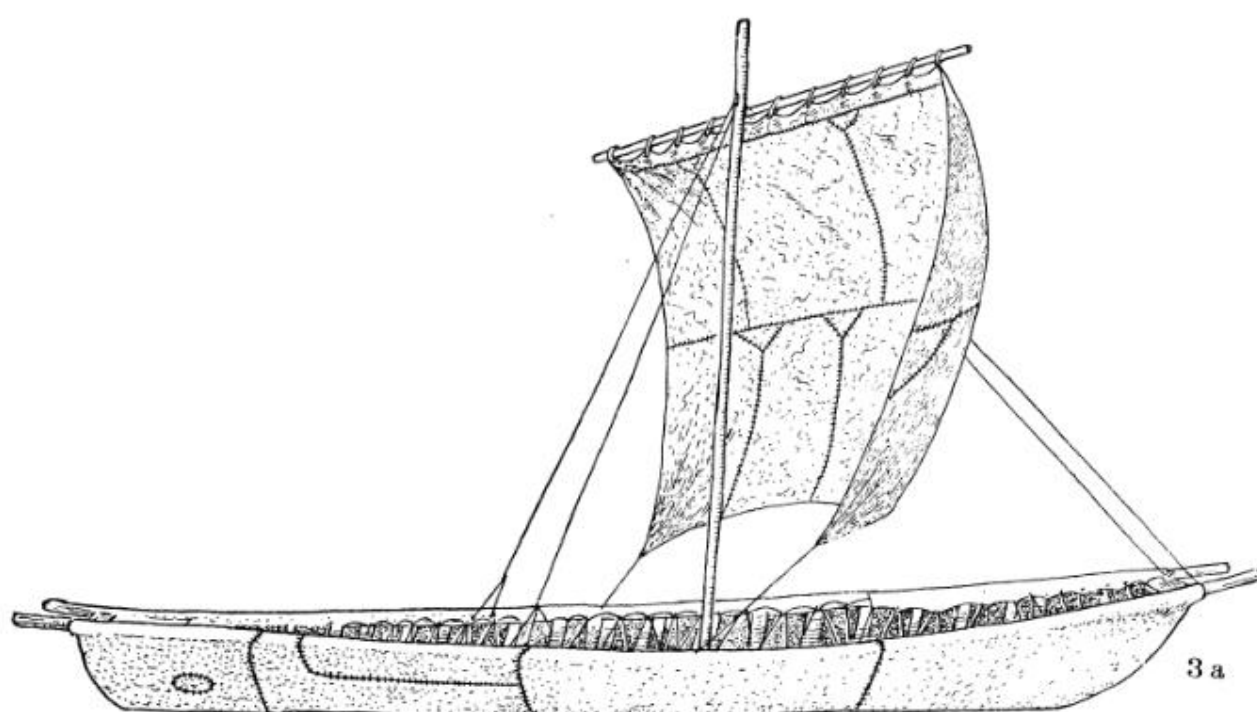
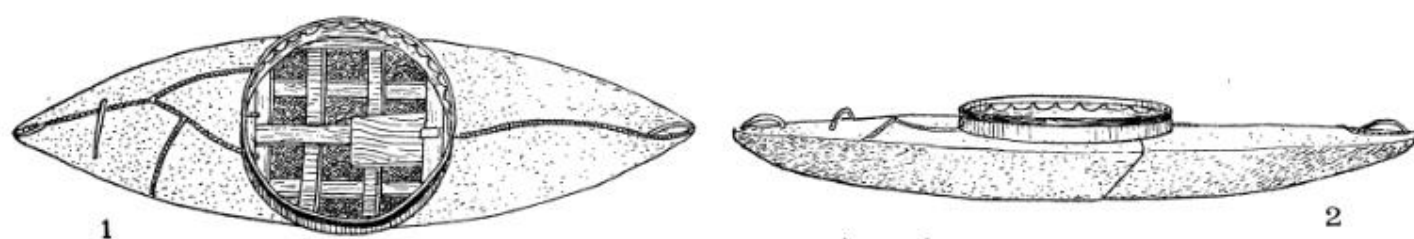
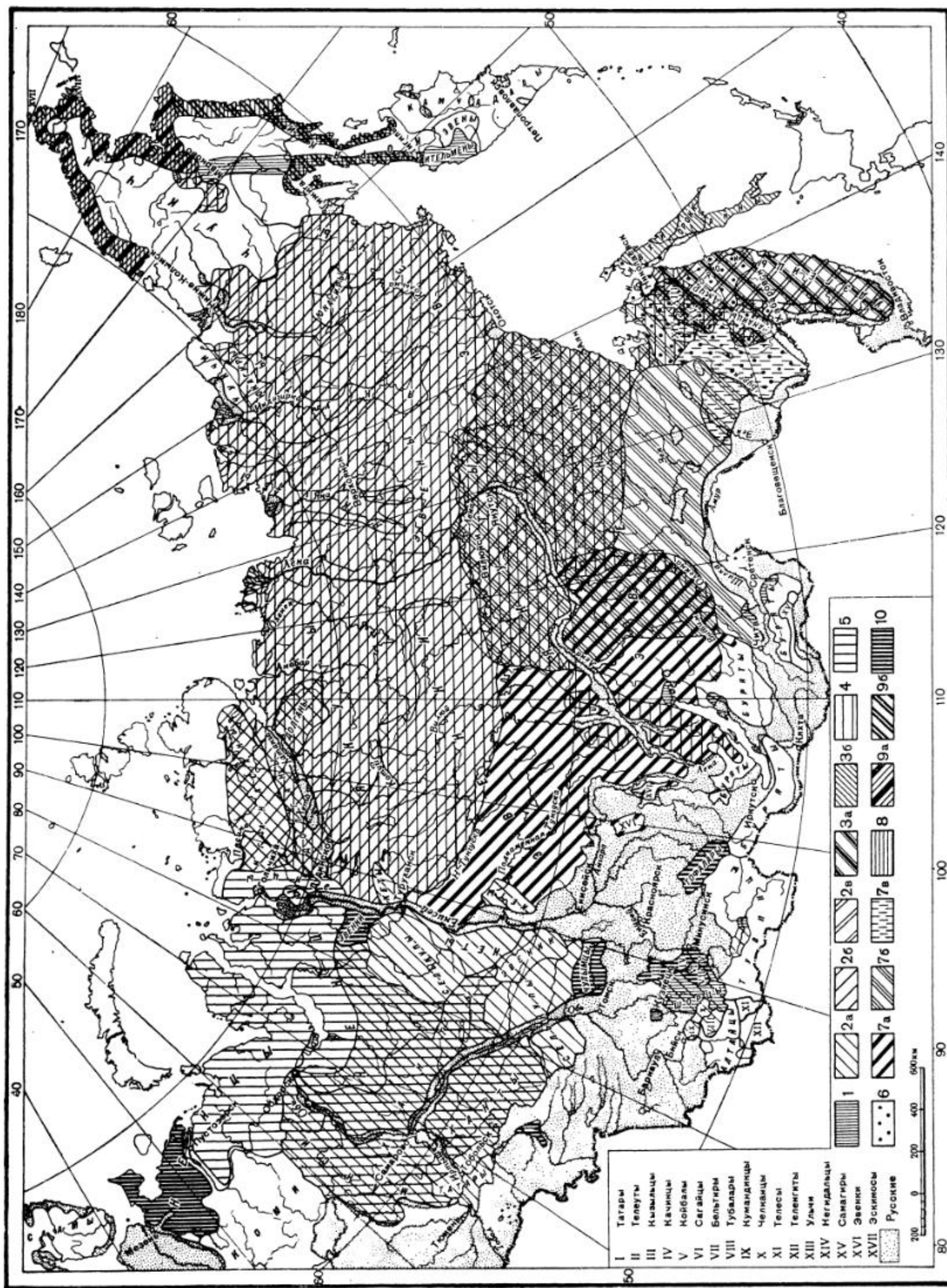

ТАБЛИЦА III

1, 2 — закрытые; 3а и 3б — открытые (чукотский вариант); 4а и 4б — открытые (камчатский вариант).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТИПОВ ЛОДОК

Добавлены: 1 — колодообразные; 2a — остроконечные, западносибирский вариант; 2b — остроконечные, восточносибирский вариант; 2c — остроконечные, амурский вариант; 3a — с лопатообразным носом, амурский вариант; 3b — с лопатообразным носом, сахалинский вариант; 3c — плоскодонные; 4 — плоскодонные; 5 — круглодонные; 6 — сложные; Каркасные (берестяные): 7a — каркасные, приенисейский вариант; 7b — каркасные, ленский вариант; 7c — каркасные, амурский вариант; 8 — открытые, чукотский вариант; 9a — открытые, камчатский вариант; 9b — открытые, камчатский вариант; 10 — открытые, камчатский вариант. Исследования в районе — 10.

Ж И Л И Щ Е

О жилых постройках народов Сибири имеется довольно много сведений в этнографической литературе, но большинство из них мало удовлетворительно для научного использования. Эти сведения весьма поверхностны, неполны, иногда и не совсем достоверны. Кроме того, часто отсутствуют необходимые чертежи планов и конструкций, и только в некоторых случаях приводятся фотографии и рисунки внешнего вида жилищ обычно только с переднего фасада. Этих недостатков не лишены даже известные монографии по народам Сибири.

Наша попытка изучения распространения типов жилищ у народов Сибири в известной мере должна считаться первым опытом. Неудовлетворительное качество источников, однако, не дает нам возможности представить эту тему в таком виде, в каком хотелось бы. Так, например, за недостатком материалов не везде удалось дать такие важные сведения, как основные размеры жилищ, чертежи конструкций и планов. Чертежи конструкций идеально следовало бы дать в аксонометрической проекции, но от этого пришлось отказаться.

Жилые постройки народов Сибири как по архитектурным формам, так и по конструкциям различны и тесно связаны с климатическими условиями и окружающей географической средой, доставляющей строительные материалы. Географическая среда в условиях примитивной техники оказывала большое влияние на конструкцию и архитектурные формы жилищ, придавая им большое разнообразие.

Меньшее влияние, чем это можно было предполагать, оказывала на архитектурные формы жилищ хозяйственная деятельность человека. Так, мы имеем конические шалаши как у охотников-оленьеводов (кочевников), так и у охотников, рыболовов и оседлых скотоводов; различаются шалаши этих групп деталями конструкции, а не архитектурными формами. Очень часто жилища разной конструкции бывают одинаковы по внешнему виду, поэтому при их изучении имеет важное значение детальное описание конструкции, и почти ничего не дают фотографии и рисунки внешнего вида жилищ.

Полусферические, двухскатные, конические и другие каркасные переносные жилища кочевого населения становятся непереносными, постоянными у оседлого населения и соответственно этому меняют свою конструкцию, сохраняя, однако, прежнюю внешнюю архитектурную форму.

Что касается срубных жилищ, то они независимо от внешних архитектурных форм связаны с оседлым хозяйством. Правда, и здесь возможны исключения. Так, например, долганы-оленьеводы и охотники имели обыкновение

проводить два-три зимних холодных месяца в срубных избах, заимствованных от русских.

В зависимости от естественных богатств для постройки жилищ применялись различные материалы: дерево, кость, дерн и камень. Каркасные жилища покрывались берестой, корой, землей, шкурами животных и рыбьими кожами.

Народы Сибири создали жилище, которое, несмотря на относительную примитивность, показывает умение этих народов хорошо приспосабливаться к суровым северным условиям.

Легкий переносный конический шалаш (чум) был незаменимым в лесотундре и тундре, изобилующей жесткими пургами. Благодаря своей обтекаемой форме он не подвергался снежным заносам. Во время сильных пург вокруг чума образовывался глубокий ров, предохраняющий от заносов, в то время как русские прямоугольные срубные избы заметало снегом до самой крыши. Таким же качеством обладали и распространенные на северо-востоке Сибири палеоазиатские и эвенские цилиндрические шалаши (яранги).

Несмотря на легкость конструкции чумы и яранги обладали большой устойчивостью благодаря подпоркам изнутри с подветренной стороны. В ярангах эти подпорки являлись постоянными, в чумах они устанавливались только во время сильных пург. Кроме того, для устойчивости яранги против сильных ветров, господствующих главным образом на морском побережье, коническая крыша с подветренной стороны делалась более пологой, благодаря чему вершина ее получалась сдвинутой в сторону от центра, причем тем сильнее, чем севернее было местонахождение яранги. В жилищах оленных коряков и чукчей, а также эвенов, кочующих в лесотундре и в лесной полосе, вершина крыш была расположена ближе к центру, поскольку ветры там не имеют такой силы, как в тундре.

Для защиты входа жилища от снежных заносов также устраивались особые приспособления. В жилищах оседлого населения это были сени самого разнообразного устройства. В корякских ярангах перед входом устраивался двухскатный коридор, покрытый шкурами. Корякское восьмиугольное полуподземное жилище с входом сверху имело вокруг входного отверстия своеобразное воронкообразное сооружение, прекрасно защищающее от снежных заносов.

Крыша, предохраняющая жилище от пагубных последствий осадков, получала самые разнообразные формы — от плоской и односкатной до конической.

Проблема сохранения тепла внутри жилища также разрешалась различно. Наиболее распространенным как у кочевников, так и у оседлых народов являлся очаг, начиная от простейшей формы — костра, раскладываемого на земле, до шестка в виде заполненных глиной прямоугольника, пятиугольника и треугольника из досок или тонких кругляков. Там, где отсутствовало древесное топливо, очаг заменялся жировой лампой из камня или

По своему построению раздел «Жилище», написанный известным исследователем этнографии А. А. Поповым, несколько отличается от других разделов «Атласа». Редакторы не сочли возможным вносить существенные изменения в текст и иллюстративный материал, подготовленные покойным А. А. Поповым. (От редакции).

из кости морских животных. Чувалы из жердей, обмазанных глиной, или глинобитные, связанные с оседлыми типами жилищ, имели у сибирских народов ограниченное распространение. Встречались они у угорских народов, селькупов, кетов, шорцев, чулымцев, телеутов, кызыльцев и якутов.

Жилища амурских народов обогревались так называемыми «канами», заимствованными от маньчжуров или китайцев, глинобитными печами, трубы от которых проводились под нарами, расположенными вдоль стен.

Специфика хозяйства народов Сибири привела к возникновению сезонных жилищ, которые в одних случаях имели существенные конструктивные отличия от постоянных, в других — отличались только внешним покровом. Так, например, у большинства народов Севера зимние и летние конические шалаши имели совершенно одинаковую конструкцию, но только зимой покрывались покрышками, шитыми из меховых шкур оленей; летом — полотнищами из ровдуги или полосами, шитыми из отдельных кусков бересты.

В зависимости от того, на какой срок обитания были рассчитаны жилища народов Сибири, их можно разделить следующим образом: 1) у к р ы т и я — жилища для пребывания в течение нескольких дней; 2) в р е м е н н ы е ж и л и щ а, которые имели более совершенную конструкцию, чем укрытия, и были рассчитаны на более продолжительный срок обитания, примерно до двух месяцев (сюда относятся также шалаши на сенокосных угодьях, на местах рыбной ловли и, наконец, охотничьи шалаши, которые устанавливались на местах постоянных угодий, где промыслили зверя ежегодно в строго определенное время); 3) п о с т о я н н ы е ж и л и щ а, рассчитанные на долгое обитание. Следует заметить, что термин «постоянные жилища» мы употребляем условно, за неимением другого более подходящего, поскольку у большинства народов Сибири было не одно жилище, а два — зимнее и летнее, — которые по своей конструкции в большинстве случаев отличались друг от друга.

Временные и постоянные жилища народов Сибири разделяются на наземные и полуподземные, свайные, подземные.

Наземные и полуподземные жилища по своей конструкции разделяются на каркасные и срубные.

Основу каркасных жилищ, в прошлом наиболее распространенных в Сибири, составлял каркас или остов, который имел самое разнообразное устройство. В одних

случаях каркас покрывался досками, плахами (иногда дополнительно снаружи обмазывался глиной или обкладывался дерном), берестой, корой, берестяными, кожаными, войлочными и другими покрышками; в других случаях он оплетался хворостом и обмазывался глиной; иногда каркас служил опорой для стен, которые делались из приставных жердей или камня. В дальнейшем наземные и полуподземные каркасные жилища мы будем называть «шалашами».¹

У срубных жилищ стены делали из горизонтально уложенных друг на друга бревен. Каждое нижнее бревно соединялось с верхним, лежащим на нем, под углом при помощи врубки, обычно сегментальной. Каждый ряд бревен сруба назывался «венцом». В дальнейшем для краткости срубные жилища мы будем называть «срубом».

Свайные жилища были каркасные или срубные.

Подземные жилища имели только каркасную конструкцию.

Наземные и полуподземные, свайные и подземные жилища можно разделить на типы, причем каждый из таких типов дает варианты на основе различий деталей конструкции.

Каркасные наземные и полуподземные временные и постоянные шалаши подразделяются на десять следующих типов: сферический (рис. 1, а), полусферический (рис. 1, б), в форме рассеченного цилиндра (рис. 1, в), двухскатный (рис. 1, г), прямоугольный (рис. 1, д), конический (рис. 1, е), пирамидообразный (рис. 1, ж), в форме усеченной пирамиды (рис. 1, з), цилиндрический (рис. 1, и), многоугольный (рис. 1, к).

Наземные и полуподземные срубы имеют только два типа: прямоугольный (рис. 1, л) и многоугольный (рис. 1, м).

Свайные постройки известны одного типа — прямоугольные с двухскатной крышей.

Подземные каркасные жилища имеют два типа: прямоугольный (рис. 1, н) и в форме усеченной пирамиды (рис. 1, о).

Ввиду своеобразного устройства мы выделяем в особую группу два типа жилищ: илимки и нартенные чумы.

Для того чтобы дать общее представление о всем разнообразии типов жилищ народов Сибири, сначала мы даем перечень их по народам, иллюстрируя этот материал фотографиями внешнего вида жилищ. При этом мы располагаем народы не по лингвистической классификации, а по сходству культуры.

I

Манси. Летний временный шалаш из гнутых дуг, покрытый корой (табл. 1, 1); летний двухскатный шалаш, покрытый берестой; зимний двухскатный шалаш из досок; летний шалаш с двухскатной крышей, покрытый берестой или корой (табл. 1, 2); летний шалаш с четырехскатной крышей, покрытый берестой и корой (табл. 1, 3); летний конический шалаш, покрытый берестой (табл. 1, 4); зимний конический шалаш, покрытый шкурами; летний сруб с двухскатной крышей; зимний сруб с двухскатной крышей; подземное жилище.

Ханты. Летний временный двухскатный шалаш из двух односкатных шалашей (табл. 1, 5); летний временный двухскатный шалаш, покрытый корой; летний двухскатный шалаш на срубном основании, покрытый берестой (табл. 2, 1); летний шалаш с односкатной крышей, покрытый берестой (табл. 2, 2); летний шалаш из двух шалашей с односкатными крышами, покрытый берестой или корой; летний шалаш с двухскатной крышей, покрытый берестой или корой (табл. 2, 3); летний шалаш с боковыми стенками из бревен, с двухскатной крышей (табл. 2, 4); летний шалаш с четырехскатной крышей, покрытый берестой или корой; летний конический шалаш, покрытый берестой (табл. 3, 1); зимний конический шалаш, покрытый шкурами (табл. 3, 2); зимний полуподземный шалаш пирамидообразной формы, покрытый корой (табл. 3, 3); зимний полуподземный шалаш

в форме усеченной пирамиды, покрытый корой и жердями (табл. 3, 4); летний сруб из досок с двухскатной крышей (табл. 4, 1); летний сруб с двухскатной крышей (табл. 4, 2); летний сруб из досок с двухскатной крышей, на сваях (табл. 4, 3); зимний полуподземный сруб с двухскатной крышей (табл. 5, 1); зимний сруб с двухскатной крышей; подземные жилища.

Селькупы. Летний конический шалаш, покрытый берестой (табл. 6, 1); зимний конический шалаш, покрытый шкурами; зимний конический шалаш, покрытый берестой и обложенный жердями; зимнее полуподземное жилище в виде усеченной пирамиды, как у кетов (ср. табл. 6, 2); зимний полуподземный сруб; илимка — крытая лодка, как у кетов (ср. табл. 7, 4); подземные жилища (табл. 5, 2, 3); сруб с плоской крышей.

Кеты. Зимний полуподземный шалаш в форме усеченной пирамиды (табл. 6, 2); временные шалаши из гнутых дуг полусферической формы (табл. 6, 3; табл. 7, 1) и в форме рассеченного цилиндра (табл. 7, 2); зимний конический шалаш, покрытый шкурами; летний шалаш, покрытый берестой (табл. 7, 3); илимка — крытая лодка (табл. 7, 4).

¹ В дальнейшем изложении всюду сохраняется этот термин автора, хотя он и не может быть признан удачным. (Ред.).

Энцы. Летний и зимний конические шалаши, покрытые шкурами.

Нганасаны. Летний конический шалаш, покрытый

Барабинские татары. Прямоугольный шалаш с плоской крышей, с плетеными, обмазанными глиной стенами (табл. 9, 1).

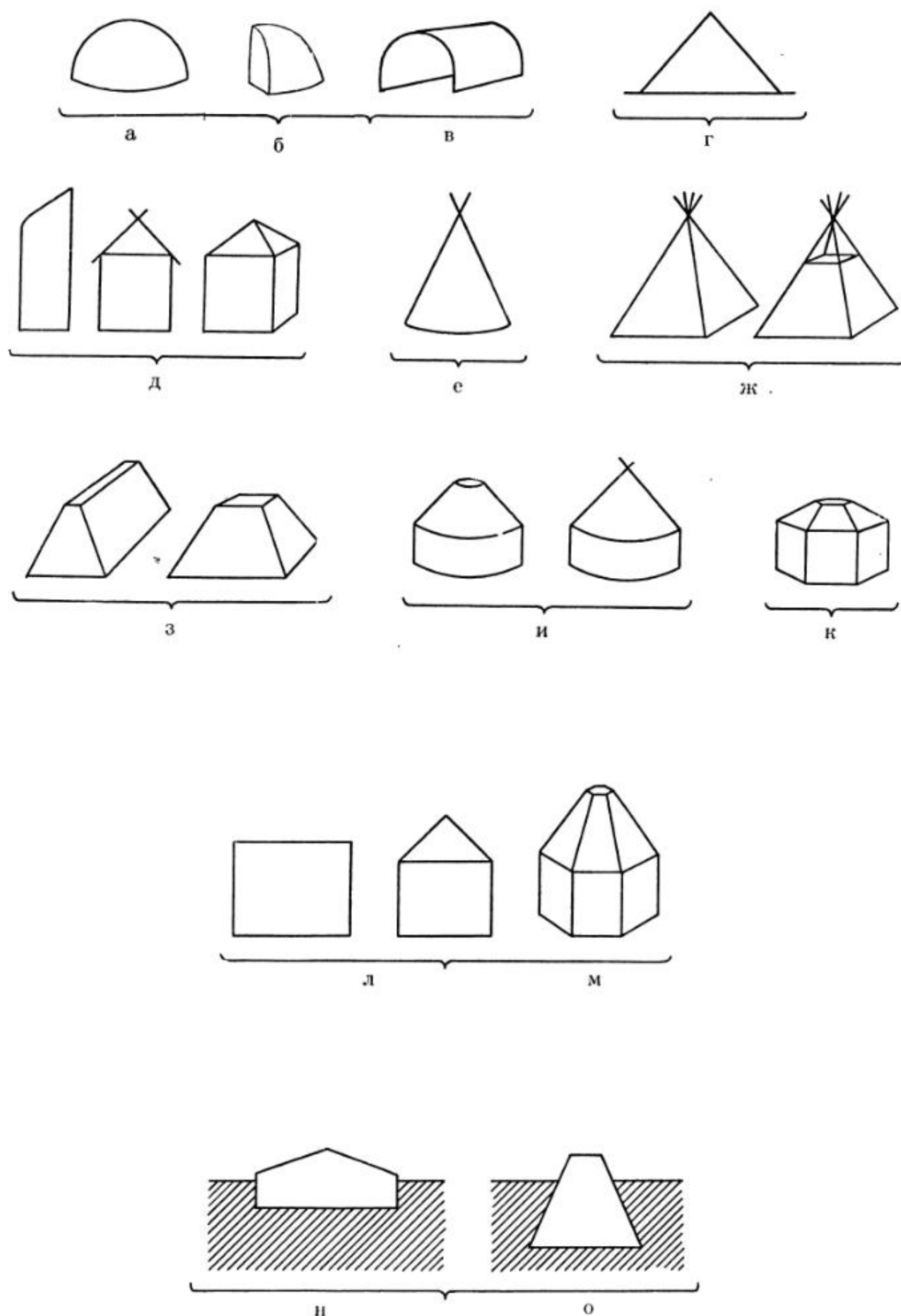

Рис. 1. Классификация жилищ.

шкурами (табл. 8, 1); зимний конический шалаш, покрытый шкурами.

Ненцы. Летний конический шалаш, покрытый шкурами (табл. 8, 2); летний конический шалаш, покрытый берестой (табл. 8, 3); зимний конический шалаш, покрытый шкурами,

Шорцы. Летний шалаш в форме усеченной пирамиды (табл. 9, 2); прямоугольный шалаш; прямоугольный сруб с двухскатной крышей, покрытой берестой (табл. 9, 3); сруб с двухскатной крышей.

Тубалары. Конический шалаш, покрытый берестой или корой; зимний шалаш без крыши в виде усеченной

пирамиды, покрытый берестой; летний шалаш с двухскатной крышей, покрытый берестой (табл. 10, 1); летний шалаш с четырехскатной крышей, покрытый берестой; цилиндрический нерешетчатый шалаш, покрытый корой; летний прямоугольный сруб с конической крышей, покрытой корой (табл. 10, 2); многоугольный сруб с конической крышей, покрытой корой.

Челканцы. Жилища те же, что у тубаларов, отсутствовал только многоугольный сруб.

Алтай киж. Прямоугольный шалаш; конический шалаш, покрытый берестой или корой (табл. 10, 3); временное летнее жилище в форме усеченной пирамиды; цилиндрический решетчатый шалаш, покрытый войлоком (табл. 11, 1); прямоугольный сруб с конической или четырехскатной крышей, покрытой корой (табл. 11, 2); многоугольный сруб с конической крышей, покрытой корой (табл. 11, 3).

Теленгиты. Летний конический шалаш, покрытый корой и досками (табл. 12, 1); летний конический шалаш, покрытый войлоком (табл. 12, 2); прямоугольный шалаш с конической или четырехскатной крышей (табл. 12, 3); цилиндрический решетчатый шалаш, покрытый войлоком; прямоугольный сруб с конической крышей из досок, покрытой войлоком или дерном (табл. 12, 4).

Телеуты. Конический шалаш, покрытый корой (табл. 13, 1); прямоугольный шалаш с плетеными стенами, обложенными землей (табл. 13, 2); шалаш в форме усеченной пирамиды, покрытый корой; цилиндрический нерешетчатый шалаш; прямоугольный сруб с четырехскатной крышей, покрытой корой (табл. 13, 3) или землей (табл. 14, 1); многоугольный сруб с конической крышей, покрытой корой (табл. 14, 2).

Кумандинцы. Жилища те же, что у алтай киж, кроме того, имеется двухскатное подземное жилище (табл. 14, 3).

Качинцы. Прямоугольный шалаш с четырехскатной крышей, покрытой корой (табл. 15, 1); шалаш в форме усеченной пирамиды, покрытый корой (табл. 15, 2); цилиндрический шалаш, покрытый корой; цилиндрический решетчатый шалаш, покрытый берестой или войлоком; многоугольный сруб с многогранной крышей, покрытой корой или досками (табл. 15, 3).

Сагайцы. Летний конический шалаш, покрытый берестой или корой; шалаш в форме усеченной пирамиды, покрытый корой (табл. 16, 1); многоугольный шалаш с многогранной крышей, со стенами в забирку или каркасными; цилиндрический нерешетчатый шалаш, покрытый досками, берестой или корой (табл. 16, 2, 3); цилиндрический решетчатый шалаш, покрытый берестой или войлоком; цилиндрический шалаш с плетеными стенками, как у кызыльцев (ср. табл. 17, 2); многоугольный сруб с многогранной крышей, покрытой корой или досками.

Бельтиры. Конический шалаш, покрытый берестой, корой или войлоком; восьмиугольный сруб (табл. 17, 1). Остальные виды жилища те же, что у сагайцев.

Кызыльцы. Цилиндрический шалаш с плетеными стенами (табл. 17, 2); прямоугольный сруб с четырехскатной крышей, покрытой корой (табл. 17, 3). Остальные виды жилища те же, что у сагайцев.

Тофалары. Конический шалаш, покрытый берестой (летом) (табл. 18, 1) или шкурами (зимой).

Тувинцы. Прямоугольный шалаш, покрытый корой (табл. 18, 2); конический шалаш, покрытый корой (табл. 18, 3), берестой (табл. 19, 1) или шкурами; цилиндрический решетчатый шалаш, покрытый войлоком (табл. 19, 2); многоугольный шалаш, покрытый корой (табл. 19, 3); многоугольный сруб с многогранной или плоской крышей (табл. 19, 4).

Буряты. Цилиндрический решетчатый шалаш, покрытый войлоком; прямоугольный сруб с двухскатной крышей; прямоугольный сруб с четырехскатной крышей (табл. 20, 1); многоугольный сруб с многогранной крышей, покрытой землей (табл. 20, 2) или досками.

Якуты. Сферический шалаш; шалаш в форме усеченной пирамиды (табл. 21, 1); летний конический шалаш, покрытый берестой (табл. 21, 2); конический шалаш, покрытый шкурами (зимой) или ровдугой (летом); летний пирамидообразный шалаш, обложенный землей или покрытый корой (табл. 21, 3); зимний конический шалаш на прямоугольном или многоугольном срубном основании; зимний конический шалаш из жердей, обложенный

землей; шалаш в форме пирамиды; шалаш в форме пирамиды с плоской крышей; шалаш в форме пирамиды на срубном основании; зимний двухскатный шалаш на срубном основании (табл. 22, 1); зимние многоугольные срубы с плоской (табл. 22, 2), многогранной и конической крышами (табл. 22, 3).

Долганы. Конический шалаш, покрытый ровдугой (летом) (табл. 23, 1) или шкурами (зимой); пирамидообразный шалаш, обложенный дерном (табл. 23, 2); пирамидообразный шалаш с плоской крышей (табл. 23, 3); зимний шалаш в форме усеченной пирамиды на срубном основании; партенный чум.

Эвенки. Летний прямоугольный шалаш, покрытый корой (табл. 23, 4); летний конический шалаш, покрытый берестой (табл. 24, 1, 2) или сеном (табл. 24, 5); зимний конический шалаш, покрытый корой (табл. 24, 3, 4); зимний и летний конический шалаш, покрытый ровдугой (табл. 24, 6); зимний шалаш из досок в форме многогранной пирамиды, покрытый землей; зимний пирамидообразный шалаш из досок, обложенный землей (табл. 25, 1); цилиндрический решетчатый шалаш (такой же, как у бурят), покрытый войлоком (табл. 25, 2); летний прямоугольный сруб с двухскатной крышей, покрытой корой (табл. 25, 3); летний прямоугольный сруб с четырехскатной крышей, покрытой корой (табл. 25, 4).

Эвены. Конический шалаш, покрытый ровдугой; пирамидообразный шалаш (такой же, как у эвенков); зимний цилиндрический шалаш, покрытый шкурами; летний цилиндрический шалаш, покрытый берестой.

Негидальцы. Летний шалаш в виде рассеченного цилиндра; летний конический шалаш, покрытый берестой (табл. 26, 1); летний прямоугольный шалаш с двухскатной крышей, покрытый корой (табл. 26, 2); прямоугольный шалаш с двухскатной крышей, покрытый берестой (табл. 26, 3). О других видах жилищ сведения отсутствуют.

Нанайцы. Летний сферический шалаш, покрытый циновками и берестой (табл. 27, 1); летний шалаш в форме рассеченного цилиндра, покрытый берестой (табл. 27, 2); летний двухскатный шалаш, покрытый корой; летний прямоугольный шалаш, покрытый корой (табл. 27, 3); летний конический шалаш, покрытый травой (табл. 28, 1); фанза — зимний шалаш с двухскатной крышей (табл. 28, 2); полуподземное жилище с двухскатной крышей; подземное жилище с двухскатной крышей (табл. 28, 3).

Ульчи. Летний шалаш в форме рассеченного цилиндра (табл. 29, 1); летний двухскатный шалаш, покрытый берестой (табл. 29, 2); летний прямоугольный шалаш с двухскатной крышей, покрытый берестой или корой (табл. 29, 3); цилиндрический шалаш, покрытый циновками (табл. 30, 1); фанза (табл. 30, 2); зимний сруб с двухскатной крышей (табл. 30, 3).

Орочи, удэгейцы. Двухскатный шалаш, покрытый корой (табл. 31, 1, 2); летний прямоугольный шалаш с закругленной двухскатной крышей, покрытый корой (табл. 31, 3); прямоугольный шалаш с двухскатной крышей, покрытый корой (табл. 31, 4); зимний сруб с низкими стенками и с двухскатной крышей, покрытой корой (табл. 32, 1); зимний сруб с высокими стенами и с двухскатной крышей, покрытой корой (табл. 32, 2, 3).

Ороки. Зимний и летний конические шалаши, покрытые рыбьими кожами (табл. 33, 1); зимний конический шалаш, покрытый корой (табл. 33, 2); летний двухскатный шалаш, покрытый корой (табл. 33, 3).

Нивхи. Летний шалаш в форме рассеченного цилиндра; летний двухскатный шалаш, покрытый травой; летний шалаш с двухскатной крышей, покрытый травой (табл. 33, 4); прямоугольный шалаш с двухскатной крышей, покрытый корой (табл. 33, 5); сахалинский летник с двухскатной крышей (табл. 34, 1); амурский зимник с двухскатной крышей (табл. 34, 2); летнее жилище на сваях (табл. 34, 3); зимнее подземное жилище (табл. 34, 4).

Коряки. Цилиндрический шалаш; многогранный полуподземный шалаш без раструба (табл. 35, 1), многогранный полуподземный шалаш с раструбом (табл. 35, 2).

Чукчи. Цилиндрический шалаш приморских чукчей (табл. 35, 3); цилиндрический шалаш оленных чукчей (табл. 35, 4).

Эскимосы. Цилиндрический шалаш (табл. 36, 1); летний шалаш с односкатной крышей.

Ительмены. Сруб с четырехскатной крышей, покрытой корой (табл. 36, 2).

Юкагиры. Конический шалаш, покрытый шкурами; якутско-эвенкийский пирамидообразный шалаш; якутский шалаш в форме усеченной пирамиды; цилиндрический шалаш (такой же, как у эвенков); срубы

с плоской или конической крышей, покрытой корой (табл. 36, 3).

Айны. Прямоугольный шалаш с двухскатной (табл. 37, 1) или четырехскатной крышей, покрытой корой; полуподземный двухскатный шалаш (табл. 37, 2); подземное жилище (табл. 37, 3).

II

Наземные и полуподземные жилища

Наземные и полуподземные жилища были временными и постоянными. По своей конструкции они подразделялись на каркасные и срубные.

ВРЕМЕННЫЕ КАРКАСНЫЕ НАЗЕМНЫЕ ЖИЛИЩА

Сферический тип.

Летний шалаш якутов (табл. 1, 1). Распространен в Амгинском, Таттинском, Чурапчинском и Мегино-Кангаласском районах. Он устанавливался на сенокосных угодьях для укрытия от дождя, солнца и для ночевки. Остов шалаша делался из ивовых стволов средней толщины, воткнутых нижними концами в землю (в плане круга) и переплетенных верхушками попарно в дугу. Сначала устанавливалась одна такая дуга, потом крестообразно другая и затем по окружности остальные. Получившийся при этом сферический каркас переплетался в клетку неочищенными от ветвей стволами ивы. Шалаш обкладывался травой, которая сверху закреплялась вязками из тонких талин; вмещал он от двух до трех человек; делался или круглым в плане (диаметр 2 м), или несколько вытянутым (диаметры 2 и 2,5 м). Входное отверстие закрывалось куском лиственничной коры или специальной приставной дверью из сена, заложенного между тонкими досками или жердями.

Полусферический тип.

Летний шалаш елогуйских кетов (табл. 1, 2; табл. 6, 3). Каркас его делали из прутьев. Шесть или восемь прутьев тальника втыкали нижними концами в землю в плане прямоугольника. Затем верхушки противостоящих прутьев связывали вместе попарно так, что получался ряд параллельных дуг. У крайней дуги втыкали в землю пять или шесть прутьев тальника, которые загибали под прямым углом и загнутые части привязывали к верхушкам дуг. Эти прутья образовывали каркас задней стенки и крыши шалаша. Готовый остов покрывали тисками (полотнищами, сшитыми из кусков бересты): боковые стороны, одну поперечную (заднюю) и сверху. Каждая из тисок имела на углах веревки, которыми она привязывалась к прутьям остова. Передняя (незакрытая) часть шалаша служила входным отверстием.

Иногда устанавливали два шалаша открытыми сторонами, один против другого (табл. 7, 1). Очаг в виде костра устраивали снаружи шалаша, недалеко от входа. Для подвешивания котла или чайника втыкали палку с сучком.

Длина шалаша была 2—3 м, ширина — 1,5—2 м, высота — 1,8 м.

Кеты в таких шалашах, которые сооружали по берегам рек, жили два или три летних месяца во время рыболовного сезона.

Тип в форме рассеченного цилиндра.

Летний рыболовный шалаш кетов (табл. 1, 3; табл. 7, 2). Он имел форму разрезанного вдоль цилиндра. Остов его состоял из двух рядов ивовых прутьев, нижними концами воткнутых в землю, а верхними — соединенных попарно, так что они образовывали ряд параллельно идущих дуг, переплетенных с боков горизонтальными прутьями в виде редкой решетки. Таким образом, получался каркас, имеющий форму сводчатого коридора. У концов этого коридора втыкали в землю прямые

путья, также горизонтально переплетенные и образующие остов фронтовых стен. На одном конце оставляли входное отверстие. Каркас покрывали берестой или покрывкой из ткани. Дымовое отверстие отсутствовало, так как огонь разводился за пределами шалаша.

Шалаш нанайцев, ульчей, негидальцев и нивхов (табл. 1, 4; табл. 27, 2; табл. 29, 1). Л. Шренк описывает его под названием *хомора* следующим образом: «Она сооружается из нескольких согнутых в дугу ивовых прутьев, воткнутых в землю в ряд один за другим на расстоянии фута и соединенных между собой вплетенными между ними продольными прутьями. Этот остов покрывается березовой корой, или тонкими соломенными циновками, или же брезентом, сшитым из рыбьих шкур; а чтобы шалаш был по возможности непроницаем для дождя, циновки эти располагаются так, что верхняя своим краем всегда покрывает нижний край. Задняя часть хоморы совсем закрыта тем же способом; а у передней, открытой стороны ее вместо двери висит берестовая или соломенная завеса, которая свертывается сверху и задерживается там снуром».¹

Шалаш манси. Он был такой же формы, как нанайский, но несколько другой конструкции (табл. 1, 5; табл. 1, 1).

Такой шалаш встречался также у селькупов-рыболовов. В плане квадрата устанавливали три пары столбов с развилками на концах. На них клали три продольные жерди, через которые перекидывали дуги такого же устройства, как у вышеописанных шалашей кетов и амурских народов.

Двухскатный тип.

Охотничий летний шалаш лозвинских манси, ваховских и среднеобских хантов (табл. 1, 6; табл. 1, 5). Основу его составляли четыре стойки² с развилками на концах, установленные в плане удлиненного прямоугольника (а).³ На развилки стоек закладывались концы двух длинных продольных жердей (б). К ним приставлялись наклонно редкие жерди каркаса стен (в), но таким образом, что верхние концы их не сходились, образуя узкое пространство между продольными жердями во всю длину шалаша. Когда стены покрывали корой, указанное пространство оставалось не покрытым. Таким образом, шалаш состоял как бы из двух односкатных заслонов, повернутых открытыми сторонами друг к другу. Пространство (г) между ними служило для выхода дыма от костра, разводимого посредине шалаша.

Подобные шалашы достигали больших размеров. Они устраивались в тех случаях, когда охотники предполагали жить на одном месте довольно продолжительное время.

Рыболовный летний шалаш хантов средней Оби (чертеж в поперечном разрезе — табл. 1, 7). Основу его составляли две стойки с развилками на концах (а). На развилки стоек закладывались концы продольной жерди. К ней с обеих сторон приставлялись наклонно редкие жерди каркаса стен (б).

¹ Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. II. СПб., 1899, стр. 65.

² В дальнейшем для облегчения описания конструкции жилищ употребляется терминология, принятая в архитектуре для деревянных конструкций: *стойки* — основные столбы каркаса жилища, *обвязка* — приспособление, соединяющее части каркаса жилища, *стена в забирку* — объяснение дано дальше в тексте.

³ Буквы в данном случае и в дальнейшем даны для обозначения отдельных деталей конструкции жилищ, изображенных на таблицах.

Верхние концы их перекрещивались и придавливались продольной жердью, идущей параллельно нижней (е). Шалаш сверху покрывался корой, на переднем фронте оставалось входное отверстие. Внутри шалаша, посредине, разводился костер, над ним находилось отверстие для выхода дыма.

Зимний шалаш кондинских манси и хантов (табл. I, 8). Он сооружался на несколько лет на местах сезонной охоты. Конструкция его была следующая: два дерева, растущие на некотором расстоянии друг от друга, подрубали на высоте 1.5—2 м (а). В полукруглые выемы на концах этих естественных стоек закладывали концы продольной балки (б). Между стойками клали на землю четыре бревна в виде прямоугольного венца, служившие нижней обвязкой (в), так что стойки приходились посредине переднего и заднего бревен обвязки. По углам обвязки устанавливалось наклонно по одной жерди (г), верхние концы жердей покоились на продольной балке. На этих наклонных жердях с одной боковой стороны, несколько отступив от верхних концов, делалось по зарубке, куда закладывались концы второй продольной балки (д), идущей параллельно верхней. На этой стороне наклонные доски стены нижними концами вставлялись в паз бокового бревна нижней обвязки, а верхними концами приставлялись к нижней продольной балке (д). С противоположной стороны доски стены также нижними концами вставлялись в паз бокового бревна обвязки, верхними же концами приставлялись к верхней продольной балке (б). Таким образом, между верхней и нижней продольными балками оставалась узкая щель во всю длину шалаша, служившая дымовым отверстием. Фронтонные стены делались из вертикально поставленных досок, нижние концы которых вставлялись в пазы передней и задней бревен обвязки, а верхние концы закреплялись прибитой снаружи наклонной жердью. Входное отверстие было с правой стороны стойки. Очаг в виде костра находился посредине шалаша.

Летний рыболовный шалаш материковых нивхов (табл. I, 9). На расстоянии 2.5—3 м друг от друга из двух тонких жердей устанавливали наклонно под углом две стойки. Одна из этих жердей оканчивалась развилкой, куда вставлялся конец другой (а). На эти стойки клали тонкую балку и к ней с обеих сторон приставляли наклонно редкие жерди, а к ним привязывали лыком длинные продольные жерди. К задней стороне шалаша приставляли вертикальные жерди, а к ним привязывали горизонтальные. Передняя сторона шалаша была открытой. Каркас сверху покрывался сеном. Иногда в подобных шалашах стойки для продольной верхней балки делали с раздвоенными концами и ставили их вертикально (а) (табл. II, 1). Огонь разводили за пределами шалаша.

Шалаш нивхов (табл. II, 2; табл. 33, 4). В плане прямоугольника устанавливались четыре стойки (а). К ним с трех сторон, с задней и двух боковых, привязывали по три продольных жерди (б), а с передней стороны только одну (в), образующую вместе с верхними продольными жердями верхнюю обвязку. К боковым жердям обвязки наклонно приставлялись длинные жерди стропил двухскатной крыши таким образом, что нижние концы их упирались в землю, а верхние перекрещивались между собой (г) и на них клалась тонкая коньковая балка (д). К стропилам между верхней обвязкой и коньковой балкой привязывались две-три слегы (е). К верхней части фасадных сторон дополнительно привязывалось по одной поперечной короткой жерди (ж). Обрешетка крыши от коньковой балки до верхней обвязки покрывалась корой, а сверху еще сеном. Все это придавливалось наклонными жердями, идущими параллельно стропилам. Заднюю и две боковые стороны каркаса стен покрывали сеном, у передней же стороны сеном покрывали только верхнюю часть (имевшую форму треугольника) от жерди обвязки до стропил. На плане (табл. II, 3) кружками показаны нижние концы стропил (г), у задней стенки шалаша показан дощатый настил для сиденья и спанья (з).

Прямоугольный тип.

Шалаш с односкатной крышей сургутских и васьюганских хантов (табл. II, 4). Сооружался на рыбалках. В плане прямоугольника уста-

навливались четыре стойки с развилками на концах: две задние — короткие, две передние — примерно вдвое выше (а). С боковых сторон между этими двумя стойками (ближе к передней) устанавливалось еще по одной стойке, которые были немного выше передних и тоже оканчивались развилками (б). На развилки задних, средних и передних стоек укладывалось по продольной жерди (в). У задней продольной жерди втыкали в землю вертикально длинные тонкие жерди (и), которые загибались над ней и сверху придавливались второй продольной жердью (г), идущей параллельно первой, концы ее удерживались двумя стойками, не дававшими ей возможности скатываться (д). Загнутые части вертикальных жердей (и) образовывали стропила односкатной крыши и лежали на продольной жерди средних стоек. На стропила клались продольные жерди-слегы. Таким образом получалась обрешетка крыши, которая сверху покрывалась тисками. Благодаря дополнительным средним стойкам, крыша спереди имела идущий под углом узкий скат (е). На гребень крыши клалась продольная жердь, образующая как бы коньковую балку (ж), концы которой удерживались длинными жердями, воткнутыми с боковых сторон шалаша (з).

Иногда задняя стенка шалаша устраивалась из ивовых ветвей, которые укладывали между двумя рядами вертикально забитых в землю кольев.

Шалаш ваховских хантов (табл. II, 5). Он отличался от предыдущего только тем, что расстояние между половинками шалаша было настолько широко, что между ними устанавливался решетчатый помост для копчения рыбы (а).

Конический тип.

К сожалению, сведения о конических временных шалашах народов Сибири очень скудны. Конструкция их из жердей или кольев, поставленных в плане круга и перекрещивающихся концами, была очень проста.

Шалаш кондинских и леушинских манси. По сообщению У. Сирелиуса, манси сооружали небольшие конические шалашы из ивовых стволов, покрытых сеном. Устраивали их во время сенокоса.

Шалаш якутов. Конические шалашы, покрытые сеном, нам приходилось видеть у якутов во время сенокоса.

Шалаш орочей. В. П. Маргаритов приводит рисунок конического временного шалаша орочей Советской Гавани (табл. II, 6), но описание его ограничивает следующими краткими словами: «Юрта, изображенная на т. I, рис. 3, есть временное жилье, построенное на скорую руку где-либо в тайге, на месте продолжительной охоты, или на берегу бухты для ловли весной рыбы хое».¹

Пирамидообразный тип.

О существовании пирамидообразных временных охотничьих шалашей у народов Сибири известно только из сообщения И. А. Лопатина.

Шалаш нанайцев. И. А. Лопатин пишет: «Когда зимою после первого, остающегося на всю зиму, снега, гольды уходят в тайгу на место своей охоты, они там сооружают особого устройства временное жилище, которое у русских северян и у сибиряков принято называть зимовьем (пывзан), а у гольдов унтэха... Унтэха строится из срубленных деревьев таким образом, что с виду оно похоже на четырехскатную крышу. На одном из скатов делается дверь, а вверх, где скаты сходятся, оставляется отверстие для выхода дыма. Все сооружение укупоначивается мхом, а зимою тщательно заваливается со всех сторон снегом».² Судя по описанию, конструкция этого шалаша напоминает конструкцию нивхского полуподземного жилища.

Тип в форме усеченной пирамиды.

Шалаш шорцев (табл. II, 7). В плане прямоугольника устанавливались четыре стойки с развилками на концах. На них клали четыре жерди: две продольные и две поперечные, образующие прямоугольник. К ним

¹ В. П. Маргаритов. Об орочах Императорской гавани. СПб., 1888, стр. 6.

² И. А. Лопатин. Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские. Зап. Общества изуч. Амурского края, т. XVII, Владивосток, 1922, стр. 92.

с четырех сторон наклонно приставляли длинные кругляки, горбыли или доски, образующие стены. Верхние концы боковых кругляков или досок образовывали узкое продольное отверстие, служащее для выхода дыма. Наклонные стены служили как бы заслонами, защищающими от ветра. На передней поперечной стене оставляли входное отверстие, которое закрывали легко отодвигающимися досками. Иногда эти доски заменяли приставной дощатой дверью от старой юрты. На боковые горизонтальные жерди (посредине) клали поперечную жердь, к которой подвешивали крюк для котелка или чайника, висящего над очагом.

В подобных шалашах проживала шорская семья на пашне во время полевых работ. Иногда стены шалаша сверху покрывали берестой, пихтовыми ветками или сеном, а снаружи придавливали вторым рядом наклонно приставленных жердей.

Охотничий зимний шалаш шорцев (табл. II, 8). По конструкции он сходен с описанным выше, но имеет большие размеры. Внутри шалаша посредине задней поперечной горизонтальной жерди находился ствол естественно растущей толстой ветвистой пихты. Стены делали из тонких стволов деревьев и из жердей, приставленных наклонно к верхним горизонтальным жердям. Верхние концы этих стволов и жердей, опираясь на нижние ветви пихты, образовывали как бы естественную крышу (на чертеже для лучшего показа конструкции дана только одна боковая стена). Стены снаружи обкладывались сеном и придавливались наклонно приставленными жердями. На передней стене оставляли ничем не закрываемое входное отверстие.

Шалаш шорцев (табл. II, 9). Конструкция его сходна с конструкцией описанного выше шалаша и отличается лишь тем, что верхние концы жердей и досок стен не выступали высоко за верхние горизонтальные жерди. Крышу делали из досок и жердей с отверстием для выхода дыма, сверху ее застилали кусочками бересты.

Шорцы в таких шалашах жили во время полевых работ.

Шалаш якутов (табл. II, 10). В плане прямоугольника устанавливали четыре стойки, из двух перекрещивающихся жердей каждая (а). На развилках укладывали поперечные и продольные жерди, образовывавшие верхнюю обвязку (б). К ним с трех сторон приставлялись наклонно редкие жерди остова стен. Такие же редкие жерди составляли остов плоской крыши. Переднюю сторону шалаша оставляли открытой. Каркас покрывали сеном и придавливали вторым рядом жердей. Очага не было, огонь разводили за пределами шалаша. Устанавливали его во время сенокоса.

ПОСТОЯННЫЕ КАРКАСНЫЕ НАЗЕМНЫЕ И ПОЛУПОДЗЕМНЫЕ ЖИЛИЩА

Сферический тип.

Летний шалаш нанайцев (табл. III, 1; табл. 27, 1). Остов его состоял из ряда согнутых в дугу ивовых прутьев, воткнутых концами в землю. Каждая из этих дуг переплеталась с идущими горизонтально тонкими прутьями в виде редкой решетки. Таким образом, получался каркас довольно правильной сферической формы. Он целиком покрывался полотнищами из бересты; в жаркие дни берестой покрывалась только верхняя часть, шалаша, нижняя же — циновками, сплетенными из камыша. Покрышка снаружи укреплялась в первом случае воткнутыми в землю кольями, плотно прилегающими к стенкам, во втором — веревками. Вверху шалаша, в центре, устраивалось дымовое отверстие, а сбоку — входное отверстие с порогом из колоды или доски. Дымовое отверстие в ненастную погоду закрывали особой циновкой. Дверь заменяло подвесное берестяное полотнище или циновка, сплетенная из камыша, которая днем в ясные дни свертывалась кверху и привязывалась. Очаг находился посредине шалаша.

Двухскатный тип.

Летний шалаш казымских хантов (табл. 2, 1). Он представлял собой как бы двухскатную

крышу, установленную на низком срубном основании и покрытую берестой, придавленной сверху расколотыми бревнами. На переднем фасаде шалаша имелось входное отверстие, вверху — дымовое.

Шалаш оленекских якутов (табл. 22, 1). Он представлял собой двухскатную палатку из полотна, установленную на срубном основании. На переднем фасаде устраивалось входное отверстие и отверстие, через которое пропускался конец трубы от печи из листового железа. Труба поддерживалась двумя воткнутыми в землю и перекрещивающимися кольями. Дверь сколачивалась из досок.

Шалаш орочей, удэгейцев, нанайцев, негидальцев (табл. III, 2—4; табл. 31, 1, 2). Он мог быть зимним и летним, конструкция обоих шалашей была одинаковой. Только зимний шалаш строился более прочно, из толстых жердей, летний — из тонких и имел меньшие размеры. Основу шалаша составляли две пары жердей, воткнутых наклонно в землю на некотором расстоянии друг от друга (а) (табл. III, 2). Скрещивающиеся концы жердей связывали. На них клали продольную балку (б), к которой с обеих сторон наклонно приставляли жерди остова стен (в); перекрещивающиеся концы этих жердей также связывали попарно. К ним привязывали тонкими прутьями ряд поперечных слег. На обоих фасадных сторонах летнего шалаша оставляли входные отверстия (г). У зимнего шалаша входное отверстие устраивали только одно (на одной из фасадных сторон).

Летний шалаш покрывали снаружи одним слоем бересты, зимний — двойным слоем бересты, сверху еще еловой корой и, кроме того, обкладывали снегом. При этом гребень шалаша покрывали согнутыми кусочками бересты и коры. Вверху шалаша, возле продольной балки, оставляли одно или два прямоугольных отверстия для дыма или же щель во всю длину шалаша. Вход закрывался дверью, представлявшей собой тальниковую раму с натянутой рыбьей кожей, шкурой оленя, лося или нерпы; эта рама привязывалась к верхнему косяку входного отверстия. В летних шалашах иногда дверь не привязывалась, а только приставлялась.

Шалаш в плане имел форму удлиненного прямоугольника (табл. III, 3).

Как можно видеть из прилагаемого чертежа (табл. III, 5), иногда у орочей, удэгейцев и негидальцев конструкция летнего шалаша несколько отличалась: вверху продольная балка лежала на двух столбах с развилками (а).

Летний шалаш ороков (табл. III, 6; табл. 33, 3). Основу его составляли две пары наклонных жердей, воткнутых в землю и перекрещивающихся верхними концами (а). На них лежала длинная продольная жердь (б). К последней приставляли наклонные жерди, образующие каркас боковых стен. К обоим фасадам приставляли полукругом наклонные жерди (в), благодаря которым шалаш спереди и сзади казался коническим, а с боков двухскатным. Остов снаружи покрывали еловой корой и придавливали вторым рядом жердей. Входное отверстие устраивали как на переднем, так и на заднем фасаде и в зависимости от направления ветра пользовались то тем, то другим.

Прямоугольный тип.

Шалаша этого типа по конструкции крыши подразделялись на шалаша с односкатной, двухскатной и четырехскатной крышей.

С односкатной крышей. Шалаш хантов (табл. III, 7). Сооружался для продолжительного пребывания на рыбалке. В плане прямоугольника устанавливали четыре стойки с развилками на концах: две передние имели длину 1.5 м (а), две задние — от 0.5 до 1 м (б). В развилки стоек клали концы двух продольных балок — передней и задней (в), а на них — концы двух боковых наклонных жердей (г). Между этими наклонными жердями помещали тонкие ивовые стволы, которые у нижней продольной балки коленчато загибали и нижними концами втыкали в землю (д). Таким образом образовывались стропила односкатной крыши и каркас задней стены шалаша. С боковых сторон между передней и задней стойками втыкали в землю по два кола (е). Весь каркас сверху и с трех сторон (двух боковых и задней)

покрывался тисками. Сверху тиски придавливали вторым рядом согнутых ивовых стволов (ж) и одной или двумя слегами, лежащими на них (з). Концы слег удерживались верхними концами второго ряда кольев, воткнутых в землю и плотно зажимающих тиски, покрывающие боковые стороны шалаша (и). Перед шалашом устраивали вешало для вяления рыбы.

Летний шалаш угорских народов.¹ По конструкции он сходен с жилищем, изображенным на табл. III, 7. Отличался от него лишь тем, что передняя сторона имела стену с дощатой дверью (табл. 2, 2). Шалаш покрывался берестой или пихтовой корой.

Летний шалаш приморских чукчей и эскимосов (табл. III, 8). В нем жили с июня по август, когда просушивали покрывки цилиндрических шалашей. Устанавливали шесть стоек в плане прямоугольника (а). К ним привязывали поперечные (б) и продольные (в) жерди обрешетки крыши. Причем передняя поперечная жердь дополнительно скреплялась двумя перекрещивающимися жердями у входного отверстия (г). Поскольку три задних стойки были ниже трех передних, крыша получалась односкатной. К боковым сторонам каркаса наклонно приставляли жерди (д).

Остов целиком покрывали покрывками, сшитыми из оленьих шкур, к нижним краям привязывали камни. Вход был спереди. Для этого откидывали край покрывки.

Сдвухскатной крышей. Летний шалаш манси и хантов (табл. III, 9; табл. 1, 2; табл. 2, 3). Распространен по Васьюгану, Ваху, Югану, средней Оби, Салыму и Сосве.

В плане прямоугольника на некотором расстоянии друг от друга устанавливали пять стоек с развилками на концах (а). Фронтонные стойки имели различную высоту: средняя была самой высокой, по обе стороны от нее располагались по две стойки, которые последовательно укорачивались. В развилки этих стоек помещали концы пяти продольных балок (б). У фасадных и боковых сторон остова втыкали в землю вертикальные жерди, которые у фасадов были различной (в), а у боковых сторон одинаковой длины (г). На продольные балки укладывали стропила из жердей (д), которые привязывали к средним балкам. На верхнюю балку накладывали вторую коньковую балку (е), концы которой привязывали к концам двух вертикальных жердей, установленных рядом со средней (высокой) фасадной стойкой (ж). На одном из фасадов устраивали входное отверстие с дощатым порогом (з). Крышу и стены покрывали кусками бересты, причем у стен их закрепляли вторым рядом воткнутых в землю жердей, на крыше — вторым рядом стропил. Кроме того, на стропила накладывали продольные слегы. Входное отверстие закрывали дверью из бересты или досок.

Посредине шалаша сооружали прямоугольный очаг из глины со стенками из жердей. По обеим сторонам высокой верхней балки устраивали по отверстию для выхода дыма.

Летний шалаш сосвинских манси (табл. IV, 1). Каркас в основном был таким же, как и у предыдущего шалаша (ср. табл. III, 9). Он покрывался пихтовой корой. На обоих фасадах имелось по три стойки с развилками на концах, к ним привязывали по два коротких поперечных шеста (а) и на них клали по две продольных жерди (б), служивших для хранения рыбы или для ее копчения. За очагом, у задней стенки, на четырех развилчатых кольях, воткнутых в землю, устраивали подобие стола для посуды и пищи (в).

Летний шалаш казымских хантов (табл. IV, 2). Он состоял как бы из двух шалашей с односкатными крышами, поставленных один против другого открытыми сторонами таким образом, что вверху получалось во всю длину шалаша узкое дымовое отверстие. Остов каждой половины шалаша составляли четыре стойки, каждая с развилчатым вырезом на конце, установленные в плане прямоугольника. Две из этих стоек — средние (а) — были высокими, две крайние (б) — низкими. В развилчатые концы стоек вставляли продольные доски (в). По всей длине верхней доски имелись отверстия, на ниж-

ней же доске было только по одному отверстию у концов (г). Крайние жерди, образующие фронтонные стропила (д), вставляли концами в отверстия верхней и нижней досок, а расположенные между ними стропила (е) верхними концами вставляли в отверстия верхней доски, а нижними — клали свободно на ребро нижней доски.

Остов покрывали берестой.

Летний шалаш хантов Малого Атлыма (табл. 2, 4). Конструкция крыши ничем не отличалась от конструкции крыши вышеописанных хантских шалашей, только нижние концы стропил опирались на края боковых стен, сделанных из расколотых бревен и плах и заложенных между четырьмя парами вертикальных жердей, воткнутых в землю. Крышу и фасадные стороны покрывали берестой или корой и придавливали сверху жердями.

Летний шалаш учурских эвенков (табл. IV, 3—5). Остов его состоял из восьми стоек, установленных в плане квадрата: четыре по углам, четыре между ними (а) (табл. IV, 3). Две фасадных (средних) стойки были выше угловых и на них лежала продольная балка (б). Две продольные балки лежали также на угловых стойках. К последним сбоку приставляли и привязывали по одному столбу (в) (табл. IV, 4) с полукруглым вырезом на конце (г). На эти вырезы опирались нижние концы передних и задних фронтальных стропил (д). Между ними (посредине) помещали третью пару стропил (ж) (табл. IV, 5). На эти стропила укрепляли продольные слегы (е) (табл. IV, 4), а после того как крышу покрывали корой, на перекрещивающиеся верхние концы стропил укладывали еще одну слегу (и). На угловых стойках, с задней и боковых сторон, примерно на одной трети высоты делали обвязку из жердей, а с передней фасадной стороны две обвязки: две жерди шли от угловой стойки к средней, две другие — от бокового столба-косяка входного отверстия до другой угловой стойки. Короткая жердь (ж), укрепленная горизонтально между стропильными ножками, образовывала как бы верхний косяк входного отверстия, а средняя фасадная стойка и столб на некотором расстоянии от нее (з), подпирающий верхним концом жердь (ж), — боковые косяки. Каркас покрывали лиственничной корой. В прошлом внутри шалаша, вероятно, устраивали очаг. В конце XIX и начале XX в. устанавливали железную печь, для дымоходной трубы с левой стороны стойки переднего фасада оставляли отверстие.

Летний шалаш амгуньских эвенков (табл. IV, 6). Остов его состоял из четырех стоек (а), установленных в плане квадрата и соединенных верхней обвязкой из четырех жердей (б). Посредине фасадных сторон устанавливали по одной длинной стойке (в), которые соединялись продольной балкой (г). Угловые стойки с трех сторон (задней и боковых) соединяли двумя параллельными обвязками: одна шла внизу (д), вторая (е) — на расстоянии, примерно, одной трети высоты стойки. На переднем фасаде обвязки (ж) соединяли левую угловую стойку со столбом, представляющим боковой косяк входного отверстия, и фасадную стойку с правой угловой стойкой (з). Стропила заменяли дощатым настилом крыши (и). Остов шалаша покрывали корой.

Летний шалаш нанайцев, ульчей, негидальцев и амурских нивхов (табл. IV, 7; табл. 27, 3; табл. 29, 3; табл. 26, 2, 3). Остов его делали из ивовых и ольховых жердей и прутьев. В плане квадрата устанавливали четыре угловых стойки с развилками на концах (а). С фасадных сторон между двумя угловыми стойками ставили по одной длинной стойке с развилкой на конце (б). Все стойки соединяли продольными жердями (в). На них укрепляли стропила (г), на расстоянии 30—35 см одно от другого. Верхние концы их соединяли следующим образом: одно из стропил оканчивалось отверстием, куда вставляли конец второго (д). Нижние концы стропил привязывали к продольным жердям угловых стоек. К боковым сторонам каркаса приставляли жерди (е), верхние концы которых привязывали к продольным балкам. Жерди фасадных сторон каркаса (ж) привязывали концами к фронтонным стропилам. Стропила и жерди каркаса стен переплетали поперечными прутьями в редкую решетку (з).

Из описания Л. И. Шренка можно заключить, что иногда в ульчских шалашах продольных жердей, под-

¹ По личному сообщению В. Н. Чернецова.

держивающих стропила, было не три, а пять.¹ В этом случае между высокой фасадной стойкой и угловыми устанавливались еще две стойки с развилчатыми концами. Очевидно, подобную же конструкцию имели и негидальские шалаши. На приводимой фотографии (табл. 26, 3) можно видеть, как балки, выступая далеко вперед, образуют как бы навес, являющийся продолжением крыши. Л. И. Шренк относительно нанайского шалаша пишет, что потолочная балка, проходящая от поперечной стены к другой, поддерживалась еще столбом в самом центре шалаша.²

По его сообщению, шалаш покрывали берестой. Но, как можно видеть на фотографии, его покрывали также и корой или берестой и корой одновременно.

Л е т н и й ш а л а ш н и в х о в (табл. IV, 8; табл. 33, 5). В плане прямоугольника устанавливали четыре угловых стойки с полукруглыми вырезами на концах (а). С фасадных сторон между этими угловыми стойками устанавливали по одной длинной стойке (б) также с полукруглым вырезом на конце. Эти стойки соединяли попарно продольными балками (в). На балки накладывали стропила. Фасадные стропила (г) на нижнем конце имели загиб, образованный естественным разветвлением корня дерева; у остальных такого загиба не было (д). Все стропила у верхнего конца имели полукруглый вырез (е), при помощи которого закреплялись за продольную среднюю балку. На стропила с обеих сторон накладывали слезы, нижняя из них удерживалась загибом фронтальных стропил. На одном из фасадов устраивали входное отверстие с дощатой дверью. Правым косяком ее служила средняя стойка, левым — специальная жердь (ж) такой же высоты, как и угловая стойка. Угловые стойки с боковых и задней сторон имели по три обвязки (з), концы которых прибивались гвоздями. Такие же обвязки были и на переднем фасаде (и), но одни концы их прибивали к косякам входного отверстия. Шалаш сверху покрывали корой, которую на крыше укрепляли балкой (к), положенной параллельно балке средней стойки, и придавливали продольными слегами; у стен кору придерживали обвязками из тонких жердей. Внутри вдоль трех стен устраивали скамьи из досок, лежащих на забитых в землю стойках из отрезков толстых бревен (л) (табл. IV, 9, 10). Направо от входа устанавливали железную печь (м). В прошлом, вероятно, в шалаше был очаг.

З и м н и к (ф а н з а) н а н а й ц е в (табл. V, 1, 2; табл. 28, 2). В плане прямоугольника устанавливали четыре стойки, примерно в рост человека (а). Между ними с двух (боковых) сторон устанавливали ряд стоек такой же длины (б). На каждой из фасадных сторон между угловыми стойками находились еще три стойки, из которых средняя была выше двух боковых (в). К этим стойкам привязывали по две тонких жерди; их концы, выступающие вверх, образовывали развилки (г). В эти развилки клали концы трех продольных балок, соединяющих фасадные стойки (д). Это делалось только в тех случаях, когда фасадные стойки были тонкими. Угловые и боковые стойки также соединяли продольными балками (е). Верхняя продольная балка внутри шалаша поддерживалась средней стойкой. Между проемами оконных и входного отверстий устанавливали дополнительные столбы (ж).

Стены шалашей сооружали двумя способами: в забирку и в плетенку. При первом способе стены делали из тонких ивовых или ольховых жердей, равных по длине расстоянию между двумя стойками. Концы этих жердей стесывали под углом и закладывали в продольные пазы, имеющиеся на обеих сторонах каждой стойки (табл. V, 1). При втором способе стены оплетали хворостом. Как можно видеть из чертежа (табл. V, 2), конструкция шалашей с плетеными стенами имела некоторые различия. Угловые стойки соединяли поперечными балками, и они вместе с боковыми продольными балками образовывали верхнюю обвязку. На поперечные балки клали концы дополнительных четырех продольных балок. Стойки соединяли тонкими поперечными жердями, которые оплетали вертикальными прутьями.

Обрешетка крыши состояла из тонких стропил с продольными слегами. Затем делался настил из тонких жер-

дей. После этого крышу (сверху) и стены (с обеих сторон) обмазывали глиной, смешанной с мелко нарезанной сухой травой. После обмазки крышу покрывали сеном и придавливали слегами.

З и м н и й п о л у п о д з е м н ы й ш а л а ш н а н а й ц е в (табл. V, 3). Из прилагаемого чертежа можно видеть, что осто́в этого жилища имеет много сходства с остовом фанз. Отличия заключались в следующем: четыре угловых стойки соединялись не только боковыми балками, но и поперечными, таким образом, конструкция имела верхнюю обвязку; боковые стойки, расположенные между угловыми стойками, были ниже последних и соединялись поперечными балками; две продольных средних балки поддерживались внутренними стойками. Из единственного краткого описания И. А. Лопатина остается невыясненным, как делали стены — в забирку или в плетенку.¹ Окно устраивали только одно — на переднем фасаде рядом с входным отверстием. Поскольку часть стен находилась в яме, наземная часть их была низкая.

З и м н и к у л ь ч е й (табл. V, 4—8; табл. 30, 2). Приводим полностью единственное детальное описание конструкции этого жилища, данное С. В. Ивановым (табл. V, 4): «Этот зимник... имел в длину 6,45 м, в ширину 6,95 м, т. е. долевой фасад его был несколько короче поперечного. Всего в доме было 14 наружных и 2 внутренних столба. Фундамент и цоколь отсутствовали. Коньковое бревно покоилось на двух наружных (а, — А. П.) и двух внутренних (б, в, — А. П.) столбах высотой до 4 м. На фронтонных сторонах дома установлено было по два дополнительных столба (г, — А. П.), на которые опирались слезы крыши (д, — А. П.). Вдоль долевых фасадов вкопано было по четыре коротких столба (е, — А. П.) высотой в 2 м. Они служили опорами для длинного продольного бревна (ж, — А. П.) или нижней слезы крыши. Концы их, как и торцы продольных слез и конькового бревна, выходили за пределы стены на 75 см. Столбы, слезы и конек составляли каркас дома. Промежутки между столбами каркаса были забраны короткими тонкими плашками, торцы которых, предварительно скошенные с двух сторон, входили в пазы, прорубленные в столбах...»

Дом имел пять окон. Дверь находилась на долевом фасаде, обращенном к реке. Верхние концы шести высоких столбов, на которых лежали конек крыши и верхние продольные слезы, имели полукруглую выемку; концы 8 малых столбов, принимавших тяжесть двух нижних слез — ступенчатую выемку... Обрешетка крыши состояла из жердей, покрытых кусками бересты. Поверх бересты лежал слой травы, придавленный несколькими горизонтально положенными жердями (гнетами). Толщина глиняной обмазки стен доходила до 3—4 см. Никаких перегородок в доме не было. Вдоль стен тянулись низкие нары (з, — А. П.) шириною в 1,75 м. Единственный очаг (и, — А. П.) помещался налево от двери. Внутри дома, на расстоянии метра от правой (от входа) поперечной стены, на высоте 2 м от пола, перекинута была поперечная балка (к, — А. П.), подпираемая в центре столбом. Эта балка связывала собою продольные стены. Потолок отсутствовал, пол был земляной. Такова в общих чертах конструкция старинного зимника ульчей.

Если сравнить этот зимник с нивхским, описание и план которого дает Шренк, то сходство между ними будет почти полным. Различия заключаются, пожалуй, только в том, что дверь у нивхских зимников помещается обычно на поперечной стене, а это редко бывает в жилищах ульчей.²

Л. И. Шренк приводит план (табл. V, 9) и описание ульчского зимника, который он видел на юге расселения ульчей.³ Впоследствии описанную ульчскую постройку стали делать срубной и с канами.

З и м н и к н и в х о в (табл. 34, 2). Как можно видеть из описания Л. И. Шренка, это жилище по конструкции мало чем отличалось от ульчского, поэтому мы остановимся только на некоторых отличающих его деталях. Стены устраивали в забирку, законопачивали мхом и обмазывали глиной. «Массивная, отлогая крыша, — пишет

¹ И. А. Лопатин, ук. соч., стр. 78.

² С. В. Иванов. Старинное зимнее жилище ульчей. Сб. МАЭ, т. XIII, М.—Л., 1951, стр. 78, 79.

³ Л. Шренк, ук. соч., стр. 59.

¹ Л. Шренк, ук. соч., стр. 61, 62.

² Там же, стр. 62.

Л. И. Шренк, — которая зимой обременяется снегом и таким образом должна выносить большую тяжесть, требует для своего сооружения и для своей поддержки довольно сложной системы балок.¹ Но автор не дает описания этой системы балок. Вероятно, она была такой же, как и в ульчских шалашах.

Крышу покрывали еловой корой и слоем сухой травы. Все это придавливали слегами. Входное отверстие устраивали на одной из фасадных стен, у правого угла. Окна, затянутые кожей кеты, имелись или на всех четырех стенах, или на трех.

На передней фасадной стене под крышей находилось круглое отверстие для вентиляции, закрывающееся соломенной циновкой.

Зимний шалаш удэгейцев (табл. 31, 4). Это жилище (фанза), по сообщению С. Браиловского, имело локальное распространение в районах, где удэгейское население более всего подвергалось культурному влиянию китайцев.

«На избранном под постройку месте, представляющем продолговатый четырехугольник, — пишет С. Браиловский, — врытается в землю по три-четыре столба (бруса) на каждой из длинных сторон и по два или по три столба на каждой из коротких сторон. На крайние столбы кладутся *поперечные* (курсив мой, — А. П.) и *продольные* бруссы, которые образуют сверху четырехугольник. Если фанза больших размеров, то *кладется, для большей скрепы, посредине продольный и два поперечных бруса. На среднюю балку верхнего прямоугольника опираются два вертикальные столба, поддерживающие конек крыши* (курсив мой, — А. П.). Основание крыши образуют жерди, укрепленные на каждой из продольных балок и на коньке, а равно и жерди, положенные поперек первых жердей, параллельно продольным балкам. Образованный таким образом переплет крыши покрывают мелким камышом, соломой или травой; поверх такой крыши или кладут для обеспечения от разрушительных ветров жерди, или насыпают земли. В последнем случае крыша не высока».²

Стены делали в забирку. Входное отверстие устраивали посредине одной из фасадных стен. Одностворчатая дверь состояла из двух частей: верхней, решетчатой, оклеенной китайской бумагой; нижней, сколоченной из досок. По обеим сторонам входного отверстия устраивали два окна, нередко имелись окна и на длинных сторонах фанзы.

С. Браиловский пишет, что он видел вдоль побережья Татарского пролива и рек, впадающих в Японское море, жилища переходного типа от двухскатного шалаша к фанзам, по форме сходные с первыми, крытые камышом и травой. У них короткие стены были обмазаны глиной. Внутри были устроены нары из дерева и глины, под ними проходили дымоходы от печи, сделанные из глины и камня. Вытяжная труба, так же как и у фанзы других народов Приамурья, находилась вне шалаша.

Шалаш сахалинских айнов (табл. 37, 1). О конструкции его дают представления следующие сведения Ф. Денрадовича: «... вбивают в землю четыре столба, от 3 до 4-х вершков в диаметре (на расстоянии 4—8 м, — А. П.), соединяют их четырьмя же балками несколько меньших размеров и затем на этом базисе удерживают стропила, составляющие с обшивкой из древесной коры (обыкновенно еловой) крышу юрты. Боковые же стены состоят из шестов, прикрепленных ко всем четырем брусам, в наклонном положении, в свою очередь обшитых еловой же корой».³

Входные отверстия располагали на южной стене. Дверь делали из сколоченных досок. Она не отворялась, а отодвигалась по пазам, устроенным сверху и внизу на прикрепленных горизонтально брусках.

Посредине шалаша устраивали один или два очага. На крыше оставляли отверстие для выхода дыма, одновременно служившее и окном. Оно было двойное, по обе стороны коньковой балки, и та его часть, которая прихо-

дилась с подветренной стороны, закрывалась. Это жилище в основном служило летником, но, как пишет Ф. Денрадович, некоторые семьи жили в нем и зимой.

Полуподземный шалаш курильских айнов (табл. V, 10—13; табл. 37, 2). Для описания этого исчезнувшего жилища мы располагаем весьма неудовлетворительными, очень краткими сведениями Р. Торри.⁴ Представление о нем дает план (табл. V, 10), чертеж разреза шалаша (табл. V, 11) и чертеж остова по модели (табл. V, 12). По этим чертежам можно видеть, что основу каркаса помещения (1) составляли четыре стойки, установленные в плане прямоугольника (а), соединенные верхней обвязкой из четырех балок (б). К задней и передней сторонам посредине балок обвязки установлено по одной длинной стойке (с). Концы последних соединены продольной балкой (г). К этой балке с обеих сторон прикреплены стропила (д). Передняя часть шалаша также состоит из стоек, только сделанных из тонких жердей, соединенных верхней обвязкой (е). Нетрудно заметить, что между планом, чертежом разреза и чертежом остова по модели имеются большие расхождения. Если мы по модели сделаем план, он не будет похож на план, данный тем же Р. Торри, а будет иметь вид, представленный на табл. V, 13. В разрезе мы имеем слегка сферическую крышу, на модели — двухскатную. Р. Торри пишет, что ни в одной из комнат нет света, а между тем на приложенной им же фотографии (табл. 37, 2) на передней стене жилого помещения под крышей имеется оконное отверстие.

С четырехскатной крышей. Шалаш тувинцев тоджинцев (табл. V, 14; табл. 18, 2). Четыре-угольные стойки с развилчатой прорезью на концах устанавливали в плане прямоугольника (а). В прорези вставляли концы двух балок (б). На эти балки клали концы двух других, идущих перпендикулярно к первым (с). Таким образом, получалась верхняя обвязка. Остов крыши представлял собой как бы постепенно суживающийся четырехугольный сруб, но без зарубок на концах.⁵ Две стойки на одной из сторон каркаса служили косяками входного отверстия (г). Остов целиком покрывали корой, которую на крыше придавливали жердями, а с боков закрепляли горизонтальными гибкими жердями. Дверь делали из досок. В середине шалаша разводили костер, над ним на крыше оставляли отверстие для выхода дыма.

Летний шалаш сосвинских манси (табл. VI, 1; табл. 1, 3). В плане прямоугольника устанавливали четыре стойки (иногда с развилчатыми концами) (а). К верхним концам их привязывали горизонтальные жерди, которые образовывали верхнюю обвязку (б). С четырех сторон этого остова втыкали в землю длинные тонкие жерди (с). На линии обвязки они загибались и соединялись верхними концами, затем скреплялись с горизонтальными обручами, привязанными с внутренней стороны (г). Таким образом, получался каркас четырехскатной крыши. Шалаш целиком покрывали полосами бересты или коры. Для того чтобы закрепить покрывку, втыкали второй ряд жердей параллельно первому ряду, эти жерди также сгибали и концы их связывали. В центре крыши оставляли дымовое отверстие, под ним находился очаг.

Конический тип.

Распространенный повсеместно в Сибири, за исключением бурят,⁶ некоторых народов Приамурья и северо-восточных палеоазиатов (коряков, чукчей и эскимосов), каркасный конический шалаш (чум) встречался как у кочевых, так и у оседлых народов. В зависимости от этого он был переносным и непереносным. Остов его со-

¹ R. Torii. Etudes Archéologiques et Ethnologiques. Les Aïnou des Îles Kouriles. Journal of the College of the Science, Imperial University of Tokyo, vol. XLII, Art 1, Tokyo, 1919, стр. 237, 238.

² В дальнейшем подобную конструкцию крыши мы называем крышей-костром. Крыша делалась из бревен, положенных горизонтально и не связанных по углам зарубками, благодаря чему между бревнами оставались сквозные щели. Крыша костром, в зависимости от стен жилища, имела форму четырехгранной или многогранной усеченной пирамиды и обычно сверху покрывалась берестой или корой.

³ По устным преданиям, в старину он был и у бурят.

¹ Л. Шренк, ук. соч., стр. 16.

² С. Браиловский. Тазы, или Уды́а. Живая старина, 1901, вып. II, стр. 107.

³ Ф. Денрадович. Этнографический очерк южного Сахалина. Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. СПб., 1875, II, вып. 1, стр. 6.

стоял из наклонно поставленных по кругу шестов или жердей в форме конуса, верхние концы этих жердей перекрещивались или опирались друг на друга. Представление о конструкции конических шалашей можно получить из прилагаемого рисунка тувинского чума (табл. VI, 2). Конические шалашы в литературе описаны очень плохо, за исключением кетского, угорского, самодийского и долганского.

Переносные шалашы. В лесных местностях остов конического шалаша делали каждый раз заново (часто из неочищенных от коры тонких деревьев) и при откочевках оставляли, чтобы освободить транспорт от лишнего груза. Иначе обстояло дело в тундре, где не было леса. Там остов чума делался из длинных тонких шестов, очищенных от коры. Народы Севера, которым летом, а иногда и зимой приходилось кочевать верхом на оленях (долганы, северные якуты, некоторые группы эвенков и эвенов), на нижних утолщенных концах шестов делали сквозные отверстия (табл. VI, 3). Через эти отверстия шесты нанизывались по несколько штук на ремень и перекидывались по обе стороны седла таким образом, что верхние тонкие концы их волочились по земле. Поэтому при летних перекочевках особенно по каменистым местам тонкие концы шестов быстро стачивались.

Остов переносного шалаша сверху покрывали специальными покрывками, которые всегда возили с собой. Как указывалось выше, покрывки, сшитые из кусочков бересты, назывались «тисками», сшитые же из оленьих шкур, ровдуги или рыбьих кож — «нюками». Нюки из ровдуги и тиски служили главным образом покрывками для летних шалашей. Но иногда (при верховом оленем транспорте) для облегчения перевозимого груза у некоторых групп эвенков (например, у енисейских) зимние нюки делались из ровдуги, служившей плохой защитой от холода; зимние чумы покрывались также нюками из рыбьей кожи (у ороков).

Несмотря на общее сходство конструкции конических шалашей, мы, однако, можем найти некоторые различия в деталях, заключающиеся в скреплениях основных шестов или жердей.

Шалаш северных угорских народов и ненцев (табл. VI, 4—12; табл. 3, 2; табл. 8, 2). Величина шалаша зависела от количества шестов (от тридцати до пятидесяти). При летних кочеваниях для облегчения перевозок количество шестов сокращали (так ненцы доводили их до двадцати штук). Шесты (длиной от 5 до 6 м) к верхнему концу постепенно становились тоньше (табл. VI, 4). В одних случаях их делали гладкими (специально обрабатывали рубанком), в других — только грубо обтесывали топором. От этих шестов несколько отличались по своему устройству два основных шеста, которые были толще и иногда имели прямоугольное сечение; на верхних концах их были сквозные отверстия, через которые пропусклась веревка, завязывавшаяся петлей (табл. VI, 5). Ненцы Гыданской тундры делали не два, а три основных шеста, но их также соединяли петлей.

При установке шалаша сначала под углом ставили два основных шеста (а) (табл. VI, 6). Затем устанавливали остальные шесты остова в определенном порядке, последовательно по четверке жердей (А, Б, В, Г). Концы этих жердей просовывали в петлю основных шестов. После этого ставили шест, поддерживающий задние концы горизонтальных шестов (б), которые служили для подвешивания крюка над очагом. Затем приставляли остальные шесты остова (Д, Е, Ж, З), но концы их не просовывали в петлю основных шестов. В центре шалаша устраивался очаг (е), около него — дощатый настил (з).

В северных районах зимой и летом шалаш покрывали нюками из оленьих шкур. Северные манси, обитавшие в районе Уральских гор, зимние шалашы покрывали тисками, поверх их — нюками из шкур; юго-восточные (по Агану, Тром-Югану) манси зимние шалашы покрывали нюками в один ряд; северные (куноватовские) — в два ряда; ненцы и энцы — также в два ряда. При двойной покрывке нижний нюк застилался мехом внутрь, верхний — мехом наружу; при этом каждый слой нюка состоял из двух половин, имевших форму усеченного развернутого конуса (а) (табл. VI, 8). Таким образом, при двойной покрывке полагалось четыре половины, при одинарной — две.

К боковым сторонам каждой из этих половин нюков пришивали веревки: у ненцев и энцев они были сплетены из оленьих сухожилий, у угорских народов — из конского волоса (б). Поднимали нюки при покрывании остова шалаша с помощью двух длинных шестов, концы которых просовывали в «кармашки» (в) (табл. VI, 8, 9). Затем подтянутую половину нюка привязывали к остову шалаша боковыми веревками (табл. VI, 10). Край одной половины покрывки, перекрывая входное отверстие, образовывал откидную дверь.

Вверху шалаша оставляли дымовое отверстие. Для регулирования тяги служил мешок, прикрепленный при помощи шеста сбоку дымового отверстия (а) (табл. VI, 11). Иногда для этой цели ненцы пользовались куском кожи, прикрепленным к концу длинного шеста (табл. VI, 12).

У северных ненцев, а также у энцев летний чум покрывали нюками из шкур, но только в один ряд. В летнем чуме отсутствовал дощатый настил пола. В остальном устройство его ничем не отличалось от зимнего.

Шалаш нганасанов (табл. VI, 13—18). Он имел в диаметре от 2.5 до 9 м, количество шестов в большом шалаше достигало шестидесяти штук. Основных шестов было два. Один из них на верхнем утолщенном конце имел два или три отверстия разной величины: нижнее делалось более широким в диаметре, остальные последовательно сужались (а) (табл. VI, 13). Конец второго шеста постепенно стесывался (б) или, как у долганского шалаша, имел уступчатые нарезки, по форме напоминающие поставленные один на другой цилиндры с последовательно уменьшающимся диаметром. Каждая из этих нарезок соответствовала размерам одного из отверстий первого, основного шеста. Такое устройство основных шестов позволяло увеличивать размеры шалаша: вставляя конец второго основного шеста в нижнее отверстие первого, увеличивали диаметр основания шалаша; вставляя в верхние отверстия, — уменьшали (табл. VI, 14). Нганасанский шалаш покрывался и зимой и летом нюками из оленьих шкур (табл. VI, 15): зимой в два ряда, летом — в один.

О том, как выглядел зимний нганасанский шалаш внутри, дает представление приложенный рисунок (табл. VII, 1).

Шалаш долганов и якутов (табл. VII, 2—9; табл. 23, 1). Распространен на территории современного Таймырского национального округа. Существовало три способа скрепления основных шестов шалаша. При первом способе устанавливали три шеста в виде треноги без всякого скрепления (табл. VII, 2), а к ним приставляли четвертый; таким образом, получались как бы ребра четырехгранной пирамиды; затем к этим четырем основным шестам приставляли остальные шесты остова. При втором способе также устанавливали три шеста, но у концов на месте перекрещивания их связывали веревкой (табл. VII, 3). При третьем способе основных шестов было два. На конце одного из них делали отверстия разного диаметра (так же, как у нганасанов); на конце другого шеста делали уступчатые вырезы, по форме напоминающие поставленные один на другой цилиндры с последовательно уменьшающимися диаметрами, соответствующими диаметру одного из отверстий на конце первого основного шеста (табл. VII, 4). Значение подобного устройства основных шестов описано выше. По сообщению К. М. Рычкова, такого же устройства основные шесты шалаша встречались у нижнетунгусских эвенков, территориально примыкающих к долганам.¹

Зимние шалашы долганы и якуты покрывали нюками из шкур оленей с подстриженной шерстью, причем в два ряда (меховой стороной нюка наружу) покрывали только зажиточные.

Летние шалашы покрывали нюками из ровдуги, более легкими для перевозок вьюком на олене. Летние нюки в отличие от зимних состояли из двух отдельных полос — верхней и нижней. Если у зимних нюков к краям пришивали длинные веревки, то к краям летних пришивали короткие ремешки (а), которыми их привязывали к шестам (табл. VII, 5). К верхнему краю нюка также для этой цели пришивали вязки (б). Нижние края ровдужных нюков

¹ К. М. Рычков. Енисейские тунгусы, ч. I. Землеведение, 1917, кн. I—II, стр. 47.

прикрепляли к земле специальными колышками (е) при помощи петель (з).

У зимнего шалаша передние края двух внутренних половин нюков привязывали к двум шестам, заменявшим боковые косяки входного отверстия прямоугольной формы, закрывавшегося снаружи концом одной из половин наружного нюка (табл. VII, 6). В тех случаях, когда покрывка зимнего шалаша была одинарной, так же как в летнем шалаше, входное отверстие, имевшее треугольную форму, закрывалось свободным концом одной половины нюка, а края другой половины привязывали к одной из жердей, сбоку входного отверстия. Летом огонь разводили в углублении на земле или прямо на земле, причем кострище иногда обкладывали кругом кусочками дерна (табл. VII, 7).

Переходя к описанию конических переносных шалашей северных якутов, расселенных на восток от Анабара, эвенков, а также эвенов, мы столкнулись почти с полным отсутствием материалов, дающих хотя бы краткие описания этого жилища.¹ Это заставило нас заняться дополнительно сбором сведений. Большую помощь в этом отношении нам оказали Г. М. Василевич и студенты северного факультета Государственного педагогического института им. Герцена в Ленинграде. Собранные материалы в основном касаются способов соединения верхушек шестов и устройства приспособлений для вешания крюков над очагом.

Представления о конических переносных шалашах тунгусо-маньчжурских народов дают фотографии (табл. 24, 1, 2, 6).

Шалаш эвенков (табл. VII, 10—15; табл. VIII, 1—4). Верхушки основных шестов шалаша скреплялись различными способами. У енисейских и олекминских эвенков основные шесты шалаша не отличались от остальных шестов. Все они упирались концами, образуя острую верхушку шалаша (табл. VII, 10). Наряду с этим у енисейских эвенков существовал и другой способ скрепления шестов: три или четыре шеста устанавливали в виде треноги или ребер четырехгранной пирамиды, и концы их скрещивались без всякой завязки (табл. VII, 2). Такой же способ скрепления шестов существовал и у эвенков Иркутской области (в Катангском и Качугском районах), у амурских эвенков и ороков. У эвенков, кочевавших в верховьях Олекмы, верхушки трех основных шестов шалаша связывались веревками и ремнями (табл. VII, 3). Такое же скрепление существовало у эвенков Саккырырского и Момского районов Якутии.

В эвенкийском шалаше было двадцать пять шестов² (табл. VII, 11). Шалаш в диаметре имел 2 м, в высоту 2—3 м. Летние шалашы покрывали тисками или ровдужными нюками, зимние — нюками, сшитыми из оленьих шкур или ровдуги. Эвенки Катангского района шалаш (летний и зимний) покрывали четырьмя полотнищами нюков из выделанных оленьих или лосиных шкур. Нижние два полотнища делали шире и длиннее и к концам их пришивали веревки для привязывания к шестам (табл. VII, 12). Верхние полотнища делали меньше и пришивали по углам железные или медные кольца, куда просовывали концы длинных шестов, когда поднимали нюки вверх (табл. VII, 13).

Приспособление для подвешивания котлов и чайников над очагами почти у всех эвенков было однообразно (табл. VII, 14, 15; табл. VIII, 1—3).

Эвенки Качугского района иногда для защиты от дождя надевали на верхушку шалаша берестяной колпак (табл. VIII, 4).

Конический шалаш приаянских эвенков описан Э. К. Пекарским и В. П. Цветковым. «Ураса (конический шалаш, — А. П.) представляет из себя конус с диаметром основания около 7 аршин и высотой 4.5 арш. Остов урасы делается из очищенных от коры жердей. Для установки последних на расчищенном месте ставят две основные жерди — *салхамча*, соединяющиеся наверху под углом; скреплением служат сучья на верхушке жердей, обращен-

ные в разные стороны. К этим жердям приставляют другие, идя „против солнца“. Весь деревянный остов урасы имеет около 40 жердей. Когда остов готов, на него кладут плотную покрывку, которая защищала бы обитателей от дождя, ветра и т. п. Покрывка делится на две части: верхнюю (*ylänmin*) и нижнюю (*унакан*) и делается одинаково — только названия разные. . . . Преимущественным видом покрывки (20 из 45) является покупная материя и береста. . . . У основания урасы привязываются узкие берестяные полсти (*тыкса*) без звеньев, после чего низ покрывается особую полстью (также *тыкса*), которая шьется из бересты в два ряда, но в один слой; края четырехугольных берестяных полос пришиваются друг к другу непосредственно. . . .

Отдельные части покрывки привязывают к жердям остова, а сверху накладывают еще слой жердей, штук в 12. Иные покрывку не привязывают к жердям, а придавливают верхним слоем жердей и снизу еще — поленьями.¹

Заканчивая описание переносных эвенкийских шалашей, приведем два интересных факта.

По сообщению К. А. Новиковой, эвены Ольчского и Северо-Эвенского районов в некоторых местах, чтобы предохранить шалаш от медведей, строили из плах и бревен конический шалаш больших размеров и внутри его устраивали конический шалаш меньших размеров, покрытый нюками.

По сообщению Ф. Августиновича, колымские эвенки и эвены в конических шалашах, покрытых нюками из шкур, делали два входных отверстия с двух противоположных сторон.²

Шалаш верхнеколымских юкагиров. Верхние концы шестов связывали корой или кольцом из ивового прута. Покрывка шалаша состояла из трех полос нюков, сшитых из дымленных оленьих шкур. В отличие от всех других народов Сибири юкагиры покрывали шалаш нюками в три ряда — верхний, средний и нижний. Нижняя полоса нюка не сходилась боковыми краями, образуя входное отверстие. В центре шалаша устраивали на земле очаг, окруженный камнями. В таких шалашах верхнеколымские юкагиры жили во время охоты на оленей и лосей в течение зимних месяцев и весной, а также во время летнего рыболовного сезона.

Непереносные шалашы. Летний шалаш манси и хантов (табл. VIII, 5—13; табл. 1, 4; табл. 3, 1). Этот вид жилища был распространен главным образом в таежной полосе и рассчитан на длительное пребывание во время рыболовного сезона, если и переносился, то редко. Шесты для шалаша вырубались каждый раз на месте и поэтому не столь тщательно выстругивались, как у других северных кочевников, которым приходилось возить их с собой. Надо полагать, что шестов у летнего шалаша было меньше чем у зимнего и ставились они реже, потому что покрывались берестой. Наше предположение подтверждается сообщением М. Б. Шатилова, который в летнем шалаше ваховских хантов насчитывал только от пятнадцати до двадцати штук шестов.³ Верхушки шестов перекрещивались и связывались ремнем или веревкой.

Тиски для шалаша спивали сухожильными нитками из вываренных полос бересты, наложенных в два-три ряда таким образом, что слои их перекрещивались. Этим достигалась большая прочность. Для покрывки шалаша требовалось четыре тиски. Из них две нижние (табл. VIII, 5) имели форму усеченного развернутого конуса и с боковых краев к ним прикреплялись веревки (а) для привязывания к шестам; две верхние тиски (табл. VIII, 6) были прямоугольной формы и имели также веревки с боков (а), а в верхних углах небольшие кармашки (б), куда вставлялись концы шестов, которыми поднимали вверх тиску.

В низовьях Оби существовала несколько упрощенная система покрывок. Тиски были сравнительно небольших

¹ Э. К. Пекарский и В. П. Цветков, ук. соч., стр. 78, 79.

² Ф. Августинович. Три года в Северо-Восточной Сибири. Древняя и Новая Россия, XVIII, 12, 1880, стр. 712, 715.

³ М. Б. Шатилов. Ваховские ости. (Этнографические очерки). Труды Томского краеведческого музея, т. IV, 1931, стр. 42.

¹ Исключение в этом отношении представляет работа Э. К. Пекарского и В. П. Цветкова (Очерки быта приаянских тунгусов. Сб. МАЭ, т. II, вып. 1, СПб., 1913), где дается довольно подробное описание конического шалаша, но, к сожалению, без иллюстраций.

² По сообщению Г. М. Василевич.

размеров, расположенные в два яруса. Нижний ярус состоял из четырех-пяти тисок, имеющих закругленный нижний край (табл. VIII, 7). На них накладывался второй ряд из трех-четырех тисок прямоугольной формы (табл. VIII, 8). Иногда в таежной полосе шалаш покрывался не тисками, а отдельными кусками свежесодранной бересты и пихтовой коры, которые удерживались жердями, приставленными снаружи.

Дверь в летнем шалаше представляла собой прямоугольный кусок тиски, края которой для прочности обшивали кожей или берестой. Ее подвешивали на двух веревках, одними концами привязанных к ее углам, а другими — к верхушке одного из шестов, или (на Сосве) подвешивали к входному отверстию при помощи вязки (табл. VIII, 9). Иногда к боковой стороне двери пришивали кожаные петли, через которые пропускали шест, нижним концом воткнутый в землю и прислоненный к шалашу (на Сосве) (табл. VIII, 10).

Летний шалаш тазовских селькупов (табл. VIII, 14—16). В шалаше было два основных шеста. Один из них на верхнем конце имел отверстие с веревочной петлей (табл. VIII, 14). В эту петлю просовывали конец второго шеста. Когда оба шеста устанавливали под острым углом, к ним приставляли концы остальных шестов. Шалаш покрывали девятью тисками. Берестяную дверь подвешивали к верхней части входного отверстия.

Летний шалаш кетов Подкаменной Тунгуски (табл. VIII, 17; табл. IX, 1—5). «Размеры чума зависят от длины шестов, составляющих его остоу, и величины берестяных покрышек. Высота чума редко превышает 2.3 м, а диаметр основания — 5 м. Конический остоу чума состоит из 20—35 наклонно установленных еловых шестов. Из них пять шестов, более толстых и длинных, являются основными и устанавливаются в первую очередь. Их длина 3—3.5 м, длина остальных шестов — 2.5—3 м.

... Устанавливаются два шеста — *сушень*, определяющие положение остальных шестов (а; табл. VIII, 17, — А. П.). ... Один из этих шестов в верхней части имеет развилку (верхнюю его часть раскалывают или используют естественные сучки, образующие развилку), в которую при установке чума вставляют верхнюю часть другого шеста. ... На основные шесты (*сушень*) накладывают три угловых шеста — *алатен* (б, — А. П.). ... С внутренней стороны к основным шестам на высоте 130—170 см привязывают обруч — *теп* — из черемухи (в, — А. П.). ... После закрепления обруча на него по кругу накладывают 20—30 мелких жердей — *котенг*, длина которых обычно не превышает 2.7 м. Там, где будет входное отверстие, жерди не устанавливают (входное отверстие всегда ориентировано в сторону реки). При сооружении чума в зимних условиях обруч обычно не применяют. ...

Остоу чума в два яруса обкладывается берестяными покрышками — *киболь*. ... Каждая покрышка спивается из трех полос бересты нитками из оленьих жил — *дель*. Края покрышек, чтобы они не обтрепывались, обкладывают узкими полосками бересты и тщательно обшивают. Нижний ярус состоит из трех покрышек, имеющих закругленные нижние углы (табл. IX, 3, — А. П.), верхний ярус — из двух покрышек, обычно прямоугольных (табл. IX, 4, — А. П.), а иногда также с закругленными нижними углами. ...

В верхней части чума оставляется отверстие — *кут-линь* — для выхода дыма, защищенное от дождя, ветра и снега двумя прямоугольными кусками бересты. ... Входное отверстие прикрывается прямоугольной дверью — *алат*, сшитой из двух слоев бересты (табл. IX, 5, — А. П.). ... Над местом хозяина и хозяйки нередко устраивали полог — *холмек* — из ровдуги или покушного материала. ...

При перекочевках берестяные покрышки свертывали и в таком виде перевозили. Шесты остоу оставляли на месте.¹

Шалаш елогуйских кетов (табл. IX, 6—15; табл. 7, 3). Конструкция его несколько отличается

от конструкции шалаша кетов Подкаменной Тунгуски. Шалаш имел не пять, а семь основных шестов (табл. IX, 6). Один из этих шестов на верхнем конце был естественной развилкой (табл. IX, 8). Другой шест имел заостренный верхний конец, который вставлялся в развилку первого шеста. Когда эти шесты были поставлены наклонно и соединены верхушками, к ним по кругу приставляли остальные пять основных шестов (а) (табл. IX, 6). Между основными шестами по кругу располагали более тонкие шесты, количество которых зависело от размеров шалаша, но обычно оно колебалось от восемнадцати до двадцати четырех штук. К основным шестам с внутренней стороны привязывали два обруча из тонкого черемухового ствола. Первый обруч, служивший прочной опорой для шестов, привязывали примерно на половине высоты шалаша (б); второй обруч (в) привязывали на высоте 70 см от пола. Этот обруч заменял вешалку для одежды, которую перекидывали через него.

В шалаше по обеим сторонам от входа устраивали места для хранения кухонных принадлежностей и продуктов (г). В одних случаях они представляли собой небольшие дощатые настилы на двух развилчатых столбиках с перекладинами; задние концы последних помещали на нижний обруч. Сверху на перекладины клали доски (табл. IX, 9). Под этими настилами привязывали собак. В других случаях вместо этих настилов устраивали загородки из трех досок (табл. IX, 10). Собак привязывали по сторонам входа перед загородками.

Расстояние между двумя передними основными шестами служило входным отверстием, порог делался из положенного с наружной стороны шалаша обрубка бревна (д) (табл. IX, 6) или доски, закрепленной двумя кольшками.

Остоу летнего шалаша покрывали тремя рядами тисок (длиной в 4—4.5 м, шириной 0.5 м) таким образом, что нижний край верхнего ряда заходил на верхний край нижележащего ряда (табл. IX, 11). Каждая из тисок имела на углах веревки, которыми привязывалась к шестам остоу. У двух тисок нижнего ряда края загибались за боковые шесты входного отверстия и привязывались к ближайшим шестам. Дымовое отверстие со стороны входа закрывали специальной тиской маленького размера. Сверху тиски придавливали шестами разной длины.

Дверь, сшитая из бересты, имела трапециевидную форму. В одних случаях она подвешивалась при помощи деревянного крюка, который закидывали за верхний край тисок (табл. IX, 12). В других случаях ее привязывали веревкой к месту скрещивания верхних концов шестов остоу (табл. IX, 13).

Зимние шалаши прежде покрывали нюками из оленьих шкур, теперь их покрывают сукоными полотнищами.

Очаг чума занимал прямоугольное пространство, огороженное с четырех сторон обрубками тонких бревен. В летнем шалаше боковые бревна очага были длиннее поперечных и доходили до самого входа (табл. IX, 14). Очаг летнего чума отличался от очага зимнего (табл. IX, 15).

Диаметр шалаша — 4—4.5 м, высота — 2—3 м.

Зимний и летний шалаш народов Алтая (табл. X, 1—3; табл. 10, 3; табл. 12, 1, 2; табл. 13, 1). Шалаш имел четыре основных жерди, у двух из них на верхнем конце была развилка (табл. X, 1). Эти основные жерди устанавливали в виде ребер пирамиды. К ним иногда приставляли еще несколько жердей. Затем с наружной стороны привязывали на некотором расстоянии друг от друга два обруча (а) (табл. X, 2). К этому коническому остоу в плане круга наклонно приставляли жерди стен длиной до 4.5 м (б). Часть жердей делалась короче для того, чтобы было дымовое отверстие. Затем остоу покрывали лиственничной корой, берестой или войлоком. Покрышку из коры или бересты сверху придавливали жердями или плахами. Зимой войлочные шалаши имели двойную покрышку. Входное отверстие находилось между двумя широко расставленными жердями и закрывалось подвешенной шкурой или куском войлока. Для этого примерно на высоте 1 м прикрепляли поперечную жердь, к которой привязывали верхний край шкуры или войлока. Позднее входное отверстие стали снабжать деревянной рамой с дощатой одностворчатой или двустворчатой дверью.

¹ С. И. Вайнштейн. Чум подкаменнотунгусских кетов. Краткие сообщения ИЭ АН СССР, вып. XXI, М.—Л., 1954, стр. 39—43.

В середине шалаша находился очаг (табл. X, 3).

Шалаш тувинцев-скотоводов (табл. 18, 3). Южным тувинцам такой шалаш служил летним жилищем, тоджинцам-оленьводам — и летним и зимним (табл. 19, 1). Как в зимнем, так и в летнем шалашах основных жердей было три или две. При трех жердях их связывали концами в виде треноги; при двух — конец одной из них вставляли в естественную развилку (от сучка дерева) второй.

Шалаш покрывали берестой или корой.

Шалаш тувинцев. Г. Е. Грумм-Гржимайло описывает еще одну разновидность тувинского шалаша, отличного по конструкции от предыдущего. Он пишет: «... там, где такие конические юрты, как у толжинцев, например, являются господствующим типом жилища, остов их делается иначе: его составляют равной длины жерди, которые верхними заостренными своими концами втыкаются в отверстия деревянного круга, диаметром около полуаршина (по-идты), образующего венец юрты и в то же время ее дымовое отверстие. Такой остов прикрывается полстями особо обработанной бересты, сшитыми из двух или трех полос ее, шириной вершков в восемь, длиной в сажень каждая, которые натягиваются на остов, начиная от его основания, с помощью двух шерстяных веревок (арканов), прикрепленных к противоположным краям каждой полости; эти веревки переплетаются засим вокруг жердей и привязываются, одна к вбитому в землю колышку, другая к одной из жердей; при этом наблюдается, чтобы полсти заходили одна на другую, верхние на нижние и так до венецного круга, который остается открытым. ... Вход в юрту, обращенный или на юг или на восток, завешивается особой полстью. У более состоятельных соютов берестяные полсти заменяются войлоком, а иногда и выделанными шкурами. ... такие юрты. ... представляют уже переход к куполообразным, носят название алачных, тоз алачки».¹

Летний шалаш оседлых якутов-скотоводов (табл. X, 4—6; табл. 21, 2). В зависимости от размеров шалаша устанавливали в плане круга до двенадцати столбов с вырезами на верхних концах (а) (табл. X, 4). В эти вырезы клали обруч из двух или трех согнутых жердей, стесанных с внутренней стороны (б). Иногда обруч в нарядных шалашах заменяли резными досками, которые вставляли в боковые пазы столбов (а) (табл. X, 5). К обручу приставляли длинные жерди, три из них на месте скрепления верхних концов связывали (в) (табл. X, 4). Часть жердей была короче, чтобы оставить отверстие для выхода дыма. С внутренней стороны к жердям сверху привязывали еще два обруча (г, д) (табл. X, 4). Благодаря тому что нижние концы жердей вкапывали в землю, а верхние притягивали к обручам, стенки шалаша получали слегка выгнутую поверхность. Остов покрывали длинными берестяными полотнищами, орнаментированными с внутренней стороны. Полотнища на верхних углах имели волосяные шнуры, которыми их привязывали к жердям и снаружи придавливали вторым рядом жердей, верхние концы которых стягивали обручем. Входное отверстие в старину закрывалось откидной подвесной полосой орнаментированной бересты, позже — дощатой дверью. В середине шалаша устраивали очаг в виде прямоугольного дощатого шестка, набитого глиной.

Богатые якуты иногда нижнюю часть остова берестяного конического шалаша делали более сложной конструкции (табл. X, 7). Посредине нижнего обруча имелись две пары перекрещивающихся четырехгранных балок (а). Там, где они посредине образовывали квадратное отверстие, их подпирали четырьмя столбами (б), к нижним концам которых прикреплялись дощатые стенки очага. Над этими столбами насаживались цилиндрические шпиды.

Берестяные якутские шалашы строились настолько фундаментально, что на зиму не разбирались; они достигали больших размеров — до 10 м высоты и 8 м в диаметре.

Летний шалаш якутов р. Чона (табл. X, 8—11). Концы двух основных жердей скрепляли под острым углом при помощи отверстия и шипа (табл. X, 9). К этим жердям приставляли третью жердь, и все это скреп-

ляли веревочной завязкой (табл. X, 10). Остальные жерди размещали наклонно в плане круга. Остов покрывали лиственничной корой и придавливали жердями, сверху оставляли отверстие для выхода дыма. Между двумя широко расставленными жердями с перекладинами сверху и внизу прикрепляли дощатую дверь. Посредине шалаша устраивали очаг в виде треугольного низкого заполненного глиной сруба из тонких жердей (табл. X, 11).

Зимний и летний шалаш оленеских якутов (табл. X, 12). У этого шалаша наклонные жерди стен плотно прилегали друг к другу. Летние шалашы снаружи обкладывали дерном, зимние — мхом, а сверху засыпали снегом. Входное отверстие закрывали шкурой. Вверху оставалось дымовое отверстие. На таблице дан разрез модернизированного конического шалаша; в нем имеется окно, которое прежде обычно отсутствовало; вместо очага устроен чувал из жердей, обмазанных глиной, с прямоугольным шестком из досок, заполненным землей. Ввиду наличия чувала вверху шалаша отсутствует дымовое отверстие.

Шалаш северо-западных якутов (табл. X, 13). Распространен по притокам р. Мойеро. Зимой шалаш покрывался нюками из шкур. Его устанавливали на квадратном срубном основании из трех венцов.

Шалаш ессейских якутов. Зимний шалаш, покрытый нюками из шкур, устраивали на шестигранном или восьмигранном срубном основании.¹ Очевидно, конические шалашы устанавливали на срубном основании, когда предполагали жить продолжительно на одном месте.

Шалаш илимпийских, аянских и алданских (район Нелькана) эвенков. Остов имел две основных жерди. Одна из них у верхнего конца имела прямоугольное отверстие, куда вставлялся шип конца второй жерди. У нижнетунгусских и подкаменнотунгусских эвенков шалаш имел стенки из плотно приставленных друг к другу жердей, покрытых корой и сверху придавленных жердями. Аянские, учурские и алданские эвенки стены делали также из жердей, но реже поставленных. Обкладывали эти жерди мхом и загребали снегом. Наверху имелось дымовое отверстие. В этих шалашах зимой жили оседло семьи охотников, когда последние отправлялись на промысел.

Шалаш сунгарийских нанайцев. Известно, что у этой группы нанайцев существовали летние переносные конические шалашы, покрытые соломой или травой (табл. 28, 1). Конструкция их неизвестна.

Летний шалаш хантов (табл. X, 14). Распространен на Иртыше, Агане и Тром-Югане. Этот шалаш представлял как бы переходную форму от конического шалаша к пирамидообразному. Две основные жерди устанавливали под углом, концы их соединяли при помощи развилки и шипа. К ним приставляли еще четыре наклонные жерди, образующие остов. Посредине этот остов скрепляли снаружи толстым деревянным обручем и к нему приставляли верхушки наклонно поставленных жердей стен таким образом, что они у обруча образовывали круг, а внизу квадрат с закругленными углами. Двери делали из досок, посредине шалаша устраивали очаг с дымовым отверстием над ним.

Зимний шалаш эвенков Подкаменной Тунгуски (табл. X, 15). Остов его состоял из шести толстых жердей, установленных наклонно в плане шестигульника на некотором расстоянии друг от друга (а) и соединенных между собой в верхней части с каждой стороны двумя перекладинами из узких досок, шипы которых входили в боковые зарубки жердей (б). Перекладины образовывали как бы два параллельных обруча, из которых верхний был меньше нижнего. Благодаря обручам верхние концы толстых жердей не сходились, образуя отверстие для выхода дыма. Нижняя половина стенок делалась из наклонно приставленных жердей (в), которые прямоугольными вырезами упирались на нижний обруч, образуя снаружи выступы. На эти выступы клали горизонтальные доски верхней половины стенок (г), которые достигали второго обруча. На одной из сторон остова оставляли входное отверстие, забранное сверху и снизу

¹ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, том III, вып. 1. Л., 1926, стр. 38, 39.

¹ По сведениям О. В. Ионовой.

поперечными досками. Стены снаружи обкладывали мхом и загребали снегом. Посредине шалаша был очаг.

В этих шалашах зимой жили безоленные эвенки.

Пирамидообразный тип.

Осенний и зимний охотничий шалаш хантов (табл. XI, 1, 2). Распространен на Агане и Тром-Югане. Конструкция его состояла из четырех опорных столбов, образующих ребра пирамиды (а). Противостоящие столбы соединялись верхушками попарно: конец одного столба вставлялся в развилчатый вырез другого (б). Затем у концов опорных столбов с четырех сторон прикреплялись в виде квадрата четыре поперечных коротких жерди (в), образуя отверстие для выхода дыма, одновременно служившее окном. К этим поперечным жердям приставляли концы расколотых тонких и толстых жердей стен. Концы же коротких жердей стен (г) приставляли к опорным столбам. Стены для защиты от холода обкладывали снаружи хвоей или мхом. Входное отверстие устраивали в одной из стен. В центре шалаша находился очаг в форме прямоугольника из четырех жердей (д).

Подобные шалашы, но без очага, сооружали также кондинские манси для ночевки, когда они ловили рыбу на озерах.

Зимний шалаш среднеобских хантов (табл. XI, 3; табл. 3, 3). Остов его устраивали над квадратным углублением в земле. Стенки углубления закрепляли досками, поддерживаемыми забитыми в землю колышками. На уровне высоты углубления вдоль обеих сторон делали земляные лежанки (а), боковые стенки которых также закрепляли досками. К боковым сторонам углубления ставили в виде пирамиды четыре жерди (б), соединенные попарно верхними концами под острым углом при помощи развилчатых вырезов и шипов. По углам углубления ставили четыре дополнительных жерди (в); кроме того, с передней и задней стороны углубления приставляли еще по две жерди (г). К верхним концам угловых жердей прикрепляли параллельно друг к другу две горизонтальные палки, на выступающие концы которых клали еще две палки. Таким образом, получалась как бы квадратная рама (д), отверстие которой заменяло окно. К трем сторонам каркаса (двум боковым и задней) шалаша прикладывали по три тонких горизонтальных жерди (е); к передней стороне (где устраивали вход) — две горизонтальных жерди (ж). Удерживались они короткими обручками сучков, специально оставленных на восьми наклонных жердях остова стен. Остов шалаша покрывали наклонно приставленными жердями и снаружи обкладывали землей. Дверь делали из досок. Направо от входа находился чувал из жердей, обмазанных глиной, смешанной с травой (з) (табл. XI, 3, 4). Над ним устраивалась полка из досок (и).

Перед входом в шалаш сооружались сени (табл. XI, 5), которые были уже длины стенки шалаша. У двух выступающих углов сеней забивали в землю два развилчатых столба (к), служивших подставкой для передних концов двух боковых горизонтальных жердей (л). Подставкой для задних концов их служила одна из горизонтальных жердей остова передней стенки шалаша. На выступающие передние концы боковых жердей укладывали одну поперечную жердь (м). Сверху сени покрывали поперечными жердями, стены состояли из наклонно поставленных расщепленных жердей (н). Входное отверстие сеней устраивали на одной из боковых стен (о).

Летний и зимний шалаш долганов, северных якутов и эвенков (табл. XI, 6, 7; табл. 21, 3; табл. 23, 2; табл. 25, 1). Основу его составляли четыре опорных столба, установленных в виде пирамиды (а). Противоположные столбы соединялись верхушками попарно при помощи отверстия на конце одного столба и шипа на конце другого (табл. XI, 7) или просто перекрещивались (табл. XI, 6). К столбам с четырех сторон прикрепляли поперечные палки или доски, образующие у верхушки остова как бы квадратную раму, служащую одновременно дымовым отверстием и окном. Стены шалаша делали из наклонно приставленных жердей (иногда стесанных с внутренней стороны), упиравшихся верхними концами в раму дымового отверстия, и обкладывали снаружи дерном. Зимние шалашы иногда обклады-

вали мхом и сверху засыпали снегом. Входное отверстие завешивали ровдугой или закрывали дощатой дверью.

Летний шалаш есеевских якутов и зимний шалаш оленекских якутов (табл. XI, 8—13). Основание шалаша представляло квадратный сруб из пяти-шести тонких бревен (а). Внутри его устанавливали в виде пирамиды четыре жерди. Противоположные жерди соединялись попарно верхними концами при помощи развилчатых вырезов и шипов (б) (табл. XI, 8—10). Ниже этого скрепления жерди соединялись поперечными досками, образующими квадратное отверстие для выхода дыма и для света (в) (табл. XI, 8, 12). Стены состояли из наклонно приставленных жердей, концы которых имели прямоугольные выступы. Верхние выступы упирались в доски верхнего квадрата, нижние — в верхние бревна сруба (основания) (табл. XI, 11). Верхние концы коротких жердей стен приставляли к четырем основным жердям. Щели между жердями прокладывали мхом, стены снаружи покрывали лиственничной корой. К косякам входного отверстия, установленным наклонно, прикрепляли ремнями петлями дощатую дверь. Два нижних бревна сруба (основания) служили порогом. Порог был высокий, поэтому перед ним насыпали землю в виде пологого ската и на нее сверху клали короткие жерди, укрепленные колышками, забитыми у концов.

Зимний шалаш долганов, северных якутов и эвенков (табл. XI, 14; табл. 23, 3). Этот шалаш являлся переходной формой от пирамидообразного шалаша к шалашу в виде усеченной пирамиды. Конструкция его была такая же, как и у описанного выше долганского и якутского шалаша, с тем отличием, что поперечные жерди, образующие верхнюю раму, устанавливались ниже (а) и на них настилали крышу из жердей с квадратным дымовым отверстием посередине. Таким образом, между скрещенными концами четырех опорных столбов и крышей оставалось незаполненное пространство. Крышу и стены покрывали дерном и землей. Иногда якуты очаг заменяли чувалом, тогда отверстие для трубы делали не посередине крыши, а в углу (табл. XI, 15).

Тип в форме усеченной пирамиды.

Зимний шалаш ваховских хантов (табл. XII, 1—3; табл. 3, 4). Выкапывали в земле квадратное углубление, стенки которого обкладывали бревнами. Посредине этих бревен (боковых) устанавливали по две наклонных жерди с развилчатыми вырезами на верхних концах (а) (табл. XII, 1). В эти вырезы закладывали концы коротких поперечных досок (б), соединявших верхушки двух противостоящих наклонных жердей. К этим доскам с передней и задней стороны остова приставляли по две наклонных жерди (в) и, кроме того, устанавливали четыре жерди по углам (г). Таким образом, остов получался в виде усеченной пирамиды. Стены делали из вертикально приставленных жердей, которые удерживались поперечными жердями (д), лежащими на обручках сучков основных жердей остова, и сверху покрывали землей. Для того чтобы земля не осыпалась, снаружи прикладывали поперечные жерди (а) (табл. XII, 2), подпираемые с земли вертикальными жердями. В одних случаях на поперечные доски (б) (табл. XII, 1) сверху настилались жерди, в других — квадратное отверстие между ними служило окном и в него вставляли пластинку льда. Когда на поперечные доски настилали жерди, тогда окно устраивали на одной из боковых стен. Двери сколачивали из досок (табл. XII, 3).

Иногда перед входом устраивали сени (табл. XII, 4). На расстоянии нескольких метров от передней стенки шалаша забивали в землю две жерди с развилками (а). На эти развилки клали концы двух продольных жердей (б), задние концы которых лежали на крыше шалаша. На них укладывали спереди и сзади две поперечные короткие жерди (в), а на них в свою очередь — продольные жерди (г), которые сверху покрывали сеном. С боковых сторон остова сеней забивали вертикальными жердями, которые также покрывали сеном. Входное отверстие сеней располагалось против двери шалаша.

Из описания конструкции этого шалаша нетрудно видеть, что основу его составляли наклонно поставленные вертикальные жерди, которых в данном случае было двенадцать.

Рассмотрим теперь разновидности зимних шалашей угорских народов в виде усеченной пирамиды, имеющих иное количество наклонных жердей, которые в дальнейшем для краткости мы будем называть подпорками. От количества подпорок несколько изменялась в деталях и конструкция шалашей.

Шалаш хантов, с четырьмя подпорками (табл. XII, 5). Углубление основания имело форму прямоугольника, у которого боковые стороны были длиннее передней и задней сторон. Четыре подпорки (а) устанавливали посредине боковых сторон углубления. Концы их соединяли четырьмя короткими балками, образующими квадратную раму (б). К этим балкам приставляли концы наклонных жердей стен (в). Квадратная рама являлась как бы потолком, который настилали из жердей (г). Окно устраивали на боковой стороне (д) и покрывали пластинкой льда. В правом углу от входа находился чувал (е).

У обдорских хантов такой шалаш имел сени, по ширине одинаковые с передней стенкой шалаша, входное отверстие находилось спереди (ж). Для сооружения сеней у передних углов шалаша и против них (где предполагались задние углы сеней), а также по сторонам входного отверстия забивали в землю столбы с продольными пазами по бокам (з). В эти пазы вставляли концы горизонтальных досок или жердей стен. У передней стенки шалаша забивали вертикально ряд жердей (и). Пространство между ними и пологим скатом передней стены шалаша засыпали землей. Сени имели плоскую крышу.

Шалаш юганских хантов, с шестью подпорками (табл. XII, 6). Четыре подпорки (а) были установлены точно таким же образом, как и у предыдущего шалаша (ср. табл. XII, 5), лишь устанавливались дополнительно еще две угловые подпорки (б) так, что верхние концы их лежали между перекрещивающимися концами балок, образующих верхнюю раму. Между боковыми балками рамы укладывали параллельно две горизонтальные балки (в). На них клали две поперечные ивовые жерди, образующие в середине рамы прямоугольное отверстие (г), стороны которого снаружи застилали поперечными досками. Примерно на половине длины подпорок снаружи укрепляли горизонтальные балки (д). К ним наклонно приставляли вертикальные расколотые жерди стен плоской поверхностью внутрь (е).

Внутри вдоль трех стен шалаша располагались земляные нары, края которых укреплялись досками (ж). В левом углу от входа сооружали чувал (з).

Спереди шалаша устраивали сени. У передней стенки шалаша забивали вертикально в один ряд три жерди с развилками (и, к). Параллельно им на некотором расстоянии забивали еще три таких же жерди (л). Каждые две противостоящие жерди соединяли попарно тремя продольными балками (м). Из них средняя балка помещалась выше боковых, поскольку средние жерди были выше остальных. Балки покрывали двумя рядами ивовых жердей (н), располагая их поперек. Для боковых стен сеней примерно на расстоянии 35 см друг от друга (для передней стены на расстоянии 65 см) забивали вертикальные жерди. Эти жерди оплетали тонкими ивовыми ветвями с листьями: боковые — в виде перекрещивающихся зигзагов (о), передние — в виде простого зигзага (п).

Шалаш хантов Кушевата и нижнего течения Оби, с восемью подпорками (табл. XII, 7). Конструкция его напоминала конструкцию шалаша с четырьмя подпорками с тем только различием, что на углах имелись дополнительные четыре подпорки (а). Остов покрывался тонкими нерасщепленными жердями. Отверстие окна устраивалось в стене, направо от входа (б), чувал — в правом углу от входа (в).

На Кушевате края углубления основания шалаша укрепляли тройным рядом бревен, на которых устанавливали подпорки.

Зимний шалаш кетов (табл. XII, 8—12; табл. 6, 2). В земле выкапывали углубление (размером 1.75×1.75 м, глубиной 50—75 см), в основе четырехугольное, со стороны входа оно имело трапециевидную форму. Стенки углубления были отвесными, ничем не укреплялись, только по верхним краям обкладывались тонкими жердями (а) (табл. XII, 8). Над углублением сооружали остов, основу которого составляли четыре наклонные подпорки (б) (длиной 3.2 м), нижними концами вкопанные

в землю. Они соединялись с боков попарно тремя поперечными жердями (в). На две верхние поперечные жерди клали две другие (г). Таким образом, образовывалось квадратное отверстие (окно), которое покрывалось сверху пластинкой льда. К подпоркам приставляли дополнительно восемь коротких жердей, по четыре спереди и сзади (д),¹ из которых две пары, так же как и подпорки, имели по три поперечных перекладины.

Вход устраивали со стороны трапециевидной стенки углубления. Основу входного отверстия составляли два вертикальных столбика (длиной 1 м), расположенных на расстоянии 70 см друг от друга (е) и соединенных сверху и снизу горизонтальными перекладинами (ж). Две боковые перекладины (длиной 90 см) (з) соединяли столбики с нижней поперечной перекладиной двух приставленных к подпоркам жердей. Нижняя горизонтальная перекладина, представляющая порог, находилась ниже уровня земли на 20—25 см, поэтому перед входом выкапывали пологое углубление. Каркас шалаша покрывали дранками, досками, травой и засыпали землей. Высота шалаша достигала 2.15 м.

Дверь делали из досок, обшитых оленьей шкурой, и подвешивали на ременных петлях или делали из бересты в виде полосы, сшитой в два или три слоя, и подвешенной верхним концом к поперечной палке входного отверстия.

Очаг устраивали у двери (табл. XII, 9).

Летний шалаш с плоской крышей шорцев, тубаларов и хакасов (табл. XII, 13—15; табл. 9, 2). Остов его состоял из четырех стоек, установленных в плане удлиненного прямоугольника (а) (табл. XII, 13). Каждая из стоек имела на верхнем конце шип (а) (табл. XII, 14), который входил в углубление, вырезанное у конца короткой поперечной балки (б) (табл. XII, 15). На этой балке, немного отступая от концов, имелись два полукруглых выема (в) (табл. XII, 14), куда помещались концы двух длинных продольных балок (б) (табл. XII, 13). Иногда шипы столбов вставляли в углубление у концов продольных балок. В этом случае поперечную балку с полукруглыми вырезами клали сверху на продольные балки (в) (табл. XII, 15). Горизонтальные балки образовывали верхнюю обвязку, на которую опирались концы наклонно поставленных жердей и досок стен (в) (табл. XII, 13). Крышу настилали из поперечных досок (г) (табл. XII, 13) и сверху покрывали корой. Вверху оставляли дымовое отверстие.

Зимний и летний шалаш якутов, с двухскатной или плоской крышей (табл. XIII, 1; табл. 21, 1). В плане прямоугольника устанавливали четыре или восемь стоек (а) с полукруглыми вырезами на концах. В эти вырезы клали концы двух поперечных балок (б), а на них — две продольные балки (в). Эти балки образовывали верхнюю обвязку. На середину обвязки клали одну или две поперечные балки (г). Иногда под концы их подкладывали «подушки» — толстые брусочки дерева. В больших шалашах на обвязку обычно клали четыре поперечные балки так, чтобы между ними получались пролеты. Настил крыши делали из кругляков. При двух поперечных средних балках крышу настилали в два ряда таким образом, чтобы кругляки (д) располагались по обоим сторонам этих балок, образуя два пологих ската; при четырех — в три ряда, средний ряд был плоским, а два ряда по его сторонам имели наклон, образуя два пологих ската.

Для установки стен примерно на расстоянии 1 м от стоек выкапывали неглубокий ров в виде круга. В этот ров ставили нижние концы наклонных жердей, стесанных только с внутренней стороны (е); верхние концы их прислоняли к сторонам обвязки. Оставленная на жердях кора (с наружной стороны стен) прочно удерживала глиняную обвязку. Для квадратных окон (от 20 до 60 см²), которых, смотря по величине шалаша, было от двух до восьми и больше, и для входного отверстия оставляли пролеты между жердями стен. Затем жерди, стоящие по краям пролета, соединяли при помощи зарубок поперечинами (ж), образующими прямоугольные оконные или входные отверстия. Части пролетов ниже и

¹ Для большей наглядности на рисунке показано только по три жерди.

выше поперечин закладывались кругляками (з) таким образом, что кругляки прямоугольными вырезами на концах приставлялись к поперечинам. Настил крыши делали из жердей, покрывали лиственничной корой и сверху засыпали землей. Иногда корьевого настила не делали. Стены у зимних шалашей обмазывали коровьим навозом, смешанным с глиной; у летних — только глиной, во избежание пожара от искр, вылетающих из трубы. В некоторых случаях снаружи вокруг стен устраивали для защиты от холода земляные завалины, боковые стороны которых обносили жердями в забирку. Чуval был глинобитным или из жердей, обмазанных глиной (и) (табл. XIII, 1, 2).

Двери делали из досок, иногда для тепла их с внутренней стороны обтягивали коровьей шкурой. Изредка перед входом устраивали открытые сени в виде навеса на четырех столбах.

Оконные рамы летом обтягивали рыбьей кожей или пузырями, волосистой сеткой и кусочками стекла в берестяной оправе. Зимой вставляли пластинки льда.

Зимний шалаш долганов и северозападных якутов (табл. XIII, 3—5). При его постройке срубали на высоте 1.5—2 м от земли два растущих на некотором расстоянии друг от друга дерева (а). Против них на некотором расстоянии вкапывали в землю два столба (б). На этих столбах укладывали четыре балки, образующие как бы квадратную раму (в). Посредине рамы клали бревно — матицу (г). Затем из крупных жердей настилали крышу, которая благодаря матице была покатой. Сверху крышу засыпали землей. Внизу наподобие фундамента устраивали сруб (высотой в три бревна), на нем устанавливали нижние концы вертикальных жердей стен (д). Для большей устойчивости верхние бревна сруба снабжались пазами.

Цилиндрический тип.

Шалашы этого типа подразделяются на решетчатые и нерешетчатые.

Нерешетчатые. Нерешетчатые шалашы у народов Сибири были переносными и стационарными. Первые бытовали у южных тюркских народов, у северо-восточных палеоазиатов (приморских чукчей и оседлых коряков) и эскимосов; вторые — у южных тюркских народов, у эвенов, а также у оленных коряков и чукчей.

Непереносный шалаш телеутов (табл. XIII, 6). Остов его состоял из вертикально воткнутого в плане круга шестов с прямоугольным вырезом на верхнем конце, направленным внутрь (а). В эти вырезы вставляли обруч (б). Остов крыши конический. Он состоял из наклонных шестов (в) с прямоугольными вырезами на нижних концах, которыми они опирались на обруч, а верхними концами привязывались к меньшему обручу, образуя дымовое отверстие (г). Каркас сверху покрывали полотнищами из бересты. Посредине шалаша находился очаг.

Непереносный шалаш сагайцев (табл. XIII, 7, 8; табл. 16, 3).¹ Остов его состоял из вертикально воткнутого в землю в плане круга шестов с развилчатыми вырезами на концах (а) (табл. XIII, 7). Через эти вырезы пропусклся обруч (б). На этот обруч опиралась наклонно с помощью выреза на нижнем конце короткая жердь с отверстием у верхнего конца (в). В это отверстие вставляли шип длинной наклонной жерди (г), нижний конец которой втыкали в землю так, что он не выходил за линию круга, образованного вертикальными шестами. Через обе жерди продевали обруч (д) меньших размеров, чем нижний. К верхнему обручу приставляли верхние концы наклонных шестов крыши (е), которые с помощью прямоугольных вырезом на концах опирались на нижний обруч. Иногда верхние концы этих шестов перекрещивались. С наружной стороны к нижнему обручу приставляли доски стен. Остов шалаша покрывали кусками бересты, которые у стенок придерживались кольями, воткнутыми

вертикально в землю и стянутыми снаружи толстыми прутьями, стесанными с внутренней стороны и привязанными концами к боковым столбам входного отверстия. Куски бересты, покрывающие крышу, сверху придавливались жердями и досками. В центре крыши оставляли дымовое отверстие. Под ним посредине шалаша на земляном полу находилась неглубокая яма, в которой разводили огонь. Дверь делали из досок. В высоту шалаш имел 2.8 м, в диаметре — 4.65 м.

Непереносный шалаш приморских чукчей (табл. XIII, 9; табл. 35, 3). Основную опору шалаша составляла длинная жердь в центре, крепко забитая нижним концом в землю (а). К концу этой жерди привязывали короткую перекладину (б). Иногда вместо перекладины на конце жерди делали развилку. В иных случаях основную жердь заменяли треногой из жердей, связанных верхними концами. По радиусу от основной жерди в плане овала втыкали палки или китовые ребра (в). Эти палки (или ребра) соединяли попарно при помощи ремненных вязок слегка изогнутыми тонкими палками или китовыми ребрами, образующими обруч (г). Длинные тонкие палки (д), составлявшие остов крыши, верхними концами привязывали к перекладине центральной жерди, нижними — к обручу. Остов внизу обкладывали дерном (е) или камнями в виде низкой стенки. Боковые стороны входного отверстия, обращенного к морю, обкладывали иногда также кусками дерна. Это отверстие во время буранов закрывали куском кожи, в остальное время оставляли открытым. Крышу изнутри подпирали наклонными жердями с перекладиной на верхнем конце. Каркас шалаша сверху обтягивали специально сшитой покрывкой. Для того чтобы покрывку не сносило ветром, ее снаружи стягивали ремнями из моржовой кожи и, кроме того, к краям привязывали камни.²

Описываемый шалаш представлял собой двухкамерное жилище, так как внутри его устраивался специальный полог для жилья (ёрон'ы). Полог был такой же, как у эскимосов.³ Очаг отсутствовал, его заменяли каменные жирники, служившие не только для приготовления пищи, но и для освещения.

Непереносный зимний шалаш приморских чукчей и эскимосов (табл. XIII, 10). Основу шалаша составлял центральный столб, вкопанный нижним концом в землю (а). От него в плане овала по радиусу втыкали в землю вертикально шесты (б), которые соединялись между собой шестами, расположенными по диагонали (в). Верхние концы вертикальных шестов скреплялись обручем. На него по радиусу клали горизонтальные шесты (г), подпиравшие центральный столб. Тонкие шесты (д), образующие остов крыши, нижними концами привязывали к обручу, а верхними — к верхушке центрального столба. Посредине этих шестов с внутренней стороны привязывали второй обруч (е), по величине меньший, чем первый, благодаря этому остов крыши имел куполообразную форму. Дверь делали из досок. Крышу покрывали шкурами морских зверей и брезентом и стягивали ремнями из моржовой кожи. Основным ремнем опоясывал покрывку у основания крыши, другие ремни стягивали покрывку сверху, к последним привязывали короткими ремнями камни. Вверху крыши устраивали дымовое отверстие. Этот шалаш также представлял собой двухкамерное жилище (табл. XIV, 1, 2). Иногда пологом разгораживали шалаш поперек (табл. XIV, 3). Когда в шалаше проживало несколько семей, делали несколько полов (табл. XIV, 4).³

Зимний и летний переносный шалаш оленных чукчей (табл. XIV, 5; табл. 35, 4).⁴ Опору шалаша составляли три длинные жерди (а), уста-

¹ Н. Ф. Калинин. Наш Крайний Северо-Восток. Приложение к вып. 33-му Записок по гидрографии, СПб., 1912, стр. 58, 59.

² Описание полога см. на стр. 148.

³ Планы заимствованы из работы Е. П. Орловой (Азиатские эскимосы. Изв. ВГО, 1941, т. 73, вып. 2, стр. 210). В этой работе неправильно даны планы жилищ в виде круга, тогда как они овальные.

⁴ Как можно видеть из дальнейшего описания этих шалашей (у палеоазиатских народов и эвенов), конструкция их имеет не цилиндрическую, а многогранную форму. Однако, когда остов их покрывали шкурами, то эта многогранность конструкции становилась

¹ Описание конструкции шалаша, данное в статье Ю. А. Шибасовой «Из истории хакасского жилища» (Краткие сообщения ИЭ АН СССР, вып. X, 1950), по словам проф. Л. П. Потапова и П. И. Каралькина, имеет некоторые неточности, поэтому мы пользовались предоставленными нам материалами П. И. Каралькина, взяв, однако, правильный чертеж плана из работы Ю. А. Шибасовой.

новленные в виде треноги, верхние концы которых связывали вместе при помощи ремня, пропущенного через отверстия. Вокруг этих жердей в плане овала устанавливали короткие шесты в виде раздвинутых ножек циркуля (или треног) (б), связанных верхними концами с помощью ремешков, пропущенных сквозь отверстия. Концы этих шестов соединяли поперечными шестами (в). К последним привязывали нижние концы длинных шестов остова крыши (г), верхушки которых свободно приставляли к вершинам центральных жердей. С внутренней стороны шесты остова крыши подпирала распорками из длинных жердей с поперечинами (д), которые устанавливали после того, как остов был покрыт. К центральному жердю шалаша для устойчивости от ветра привязывали дополнительно большие камни.

Каркас шалаша обтягивали снаружи покрывками, сшитыми из оленьих шкур со стриженной шерстью, мехом наружу. Покрывка состояла из двух половин, на ее изготовление шло до сорока больших оленьих шкур. Покрывку привязывали к остову веревками, пришитыми к краям, и укрепляли камнями, привязанными снаружи, или камнями придавливали ее нижние края. Кроме того, покрывку привязывали к тяжелым груженным нартам, поставленным у стенок шалаша снаружи.

Вход находился между двумя половинами покрывки, край одной половины откидывался, заменяя дверь.

Иногда в переднюю стенку шалаша шпивали для доступа света кусок моржовой кишки или тонкой оленьей кожи.

Вверху шалаша, ближе к выходу, оставляли дымоходное отверстие.

Шалаш имел внутри двухкамерное устройство. У задней стенки его против входа устраивали меховой полог, который имел форму перевернутого вверх дном ящика. Полог был двух видов. Полог первого вида был легким. Им пользовались весной, летом и осенью, а также зимой в период кочевков. Полог второго вида был более тяжелый. Его сооружали тогда, когда приходилось три-четыре холодных зимних месяца проводить оседло на одном месте.

Покрывку для полога первого вида шили из двенадцати-пятнадцати оленьих шкур: летом — из шкур со стриженной шерстью, в другое время года — из густошерстных; летом — мехом наружу, зимой — мехом внутрь; покрывка окрашивалась настоем ольховой коры в темно-красный цвет. К внешней стороне полога пришивали петли, в которые продевали две длинные горизонтальные жерди. Задняя жердь привязывалась к остову шалаша, передняя поддерживалась двумя развилчатыми шестами (табл. XIV, б). Земляной пол в пологе покрывали ивовыми ветками или циновками, плетеными из ивовых прутьев, а поверх них — оленьими шкурами. Нижние края боковых сторон полога подгибались и закладывались под циновки. Такой полог служил оленям чукчам главным образом спальным помещением.

Величина полога зависела от количества обитателей шалаша. В небольших пологах с трудом помещались (спиной к спине) четыре человека. Пологи большого размера имели высоту около 2 м, ширину — 2 м (или немного больше), длину — 3,5 м.

Полог второго вида, по-видимому, имел такое же устройство, что и пологи приморских чукчей и эскимосов. Их шили мехом наружу из шкур молодых оленей, снятых поздней осенью. Внутри полога целый день горел жирник, а снаружи в очаге тлел огонь, поэтому покрывка не подвергалась сырости и ее не приходилось снимать и сушить.

Этот полог был больших размеров, чем первый (высота — 2 м, ширина — более 2 м, длина — до 4,5 м).

Переносный шалаш эвенов Марковского района (табл. XV, 1—9). Основу шалаша составляли четыре жерди (а) длиной 5,5—6 м, диаметром 7—8 см (табл. XV, 1), поставленные в виде пирамиды. Противостоящие жерди соединялись под углом верхними концами. Для этого

на одной жерди делалось прямоугольное отверстие, куда просовывался заостренный конец второй жерди (табл. XV, 2). Вокруг этой пирамиды устанавливали каркас шалаша из складных частей, удобных для перевозки (табл. XV, 1). Двенадцать комплектов треног из палок с отверстиями на верхних концах (связанных вместе при помощи ремешков, пропущенных через эти отверстия) составляли остов стенок шалаша. У одиннадцати треног палки были примерно одинаковой длины — от 1,5 до 1,7 м (табл. XV, 3); у двенадцатой треноги, устанавливаемой у входного отверстия, все три палки делались различной длины — самая короткая была длиной около 80 см (табл. XV, 4). Двадцать два шеста (длиной около 4 м) с отверстиями на утолщенных нижних концах, через которые пропусклись ремешки (табл. XV, 5), составляли остов крыши.

Собирали каркас шалаша следующим образом. Вокруг пирамиды в плане круга устанавливали треноги таким образом, что две палки втыкали в землю нижними заостренными концами под углом. Между перекрещивающимися верхними концами этих палок клали нижний конец одного из шестов крыши (табл. XV, 6), который обхватывался ремешком, соединяющим палки треноги. Верхний конец этого шеста клался на перекрещивающиеся концы основных жердей. Третья палка треноги помещалась горизонтально между перекрещивающимися концами двух первых палок треног (б) (табл. XV, 1). Таким образом, третьи палки треног составляли как бы обруч, соединяющий концы треног, поддерживающих двенадцать шестов крыши (в). Между этими шестами привязывались к горизонтальным палкам треног при помощи ремешков, пропущенных через отверстия, остальные шесты крыши (г).

Остов сверху покрывали двумя нюками из оленьих шкур. Нижний нюк представлял собой узкую и длинную полосу, опоясывающую каркас стенки в виде кольца (табл. XV, 7). Нюк привязывался к шестам крыши петлями, пришитыми к его верхнему краю. Концы нюка закладывались один на другой, образуя покрывку входа. Верхний нюк, покрывающий крышу, имел круглую форму с узким вырезом и с тремя длинными веревками, пришитыми к одному краю выреза (табл. XV, 8). Этими веревками нюк крепко привязывался к крыше.

К двум задним жердям пирамиды привязывали горизонтальный шест (д) для подвешивания котельных крюков (деревянных или роговых), имеющих С-образную форму (табл. XV, 1). Под крюками прямо на земле разводился костер.

Справа и слева от очага (а) (табл. XV, 9) устраивали спальные места из шкур оленя, разостланных на циновки, сплетенные из тальника (б). По сторонам входа привязывали собак.

Зимний переносный шалаш эвенов (табл. XVI, 1—7). Распространен был у эвенов современного Магаданского района и Камчатки. Он был рассчитан для проживания двух семей.¹

Основу конструкции шалаша составляли четыре жерди (а) (табл. XVI, 1), установленные в виде пирамиды. Поскольку у этой пирамиды две продольные стороны были длиннее двух поперечных, то и расстояние между жердями было неравное: у поперечных сторон жерди устанавливались ближе друг к другу. К этим жердям привязывали концы двух длинных горизонтальных шестов, идущих параллельно (б). На них клали короткие поперечные палки с железными крюками для подвешивания над очагом котлов и чайников (в). Посредине продольных сторон пирамиды приставляли наклонно по одной жерди (г) с таким расчетом, чтобы нижние концы их вышли за пределы основания пирамиды. Таким образом, последняя из четырехгранной превращалась в шестигранную. Перекрещивающиеся концы жердей связывали ремнем (д).

Каркас стен состоял из четырнадцати треног (по семи с каждой стороны) из тонких палок, связанных вместе у верхнего конца ремешком, пропущенным через отверстия. Из трех палок треноги одна делалась короче остальных (табл. XVI, 2). Треноги устанавливали в виде двух полу-кругов (табл. XVI, 3), соединяющих противостоящие основные жерди пирамиды, узкие расстояния между

лась незаметной и стенки жилищ получали цилиндрическую форму. Поскольку в основу классификации типов жилища нами взят их внешний вид, то мы эти шалаша несмотря на многогранный каркас относим к цилиндрическому типу.

¹ По нашей просьбе старший научный сотрудник Института языкознания АН СССР К. А. Новикова во время работы в экспедиции описала это своеобразное жилище и сделала его чертеж.

которыми оставались открытыми для входных отверстий. Треноги ставили следующим образом: две длинные палки — в виде раздвинутых ножек циркуля (а) (табл. XVI, 3), третью (короткую) — горизонтально (б), а свободный конец ее клали на развилку соединения верхних концов второй треноги, длинные палки которой устанавливали рядом с первой также в виде раздвинутых ножек циркуля.

Таким образом, короткие палки треног соединяли верхушки длинных палок в виде полукруга.

Остов конической крыши шалаша состоял из двадцати восьми длинных шестов с отверстием на нижнем утолщенном конце и ремнем, пропущенным через это отверстие (табл. XVI, 4). Каждый из шестов (е) приставлялся наклонно таким образом, что верхний конец его перекрещивался с концами шести основных жердей шалаша, а нижний привязывался к горизонтальной палке треноги (табл. XVI, 3).

Остов стен покрывали двумя прямоугольными полотнищами из ровдуги, имевшими по верхнему краю ремешки для привязывания к горизонтальным палкам треног и к нижним концам шестов крыши (табл. XVI, 5). Крыша не имела специальных покрышек, для этого употребляли различные ветхие оленьи шкуры.

Входных отверстий было два. Они были расположены между двумя противостоящими основными жердями и закрывались подвесными дверями из кусков ровдуги. Двери имели трапециевидную форму с закругленным нижним краем и ремешками по верхнему краю, на наружной стороне имела поперечная палка, продетая концами в ремешки (табл. XVI, 6).

Шалаш, предназначенный для проживания одной семьи, имели такую же конструкцию, но с тем отличием, что у них было одно входное отверстие.

Известно, что подобные цилиндрические шалашы были у юкагиров, но подробного описания их мы не имеем.

Переносный шалаш оленных коряков (табл. XVII, 1—3). Он по сравнению с чукотским имел некоторые конструктивные отличия: иногда центральный треножник отсутствовал, а вместо него устанавливали в плане квадрата четыре жерди (а) (табл. XVII, 1) с небольшим наклоном так, что концы их не сходились, а соединялись с верхушками шестов, образующих остов крыши, при помощи ремешков, пропущенных через отверстия. К этим четырем жердям примерно посередине привязывали с трех сторон поперечные палки (б), из которых две боковые удерживались еще двумя парами подпорок из кольев (в).

Остов шалаша покрывали снаружи нюками из оленьих шкур мехом наружу. Зимние покрышки шили из лучших, новых шкур, летние — из старых поношенных; но у обеих шерсть для легкости подрезали ножом. Иногда нюки для летних шалашей шили из ровдуги. Концы их, свисая со стороны входа, образовывали откидную дверь. С внутренней стороны нюки привязывались к жердям остова. Кроме того, нижние края их подшивали внутрь и придавливали камнями, тяжелыми мешками с одеждой или груженными нартами. Снаружи нюки обвязывали ремнями, концы которых привязывали к груженым нартам или к кольям, забитым в землю или в снег. В последнем случае для прочности снег вокруг кольев обливали водой. Помимо этого, к крыше привязывали нарты, придавливавшие нюк к остова.

Внутренние пологи (а) (табл. XVII, 3) по своей форме не отличались от чукотских, описанных выше.

Нетрудно заметить, что по конструкции корякские шалашы мало чем отличались от чукотских, только иногда у зимних шалашей перед входом устраивали подобие сеней (а), крытых покрышками из шкур (табл. XVII, 2). Остов сеней состоял из двух горизонтальных шестов, связанных под острым углом. Раздвинутые концы их лежали на поперечном шесте остова стенки шалаша; связанные — на подпорке из двух шестов, установленных в виде раздвинутых ножек циркуля.

В длину корякский шалаш достигал 8—9 м.

Переносный шалаш оленных коряков и чукчей. Описание и чертеж этого своеобразного жилища дает Н. Н. Беретти¹ (табл. XVII, 4—7). «Юрты

кочующих коряков и чукчей устроены из целой системы тонких жердей, связанных между собою ремнями и покрытых сверху выделанными и сшитыми между собой оленьими постелями... Основными при постановке юрты являются жерди а, б, в (табл. XVII, 4, — А. П.), связанные ремнем так, чтобы концы их уходили вверх за перевязку и служили как бы гнездом для укладки концов жердей, держащих крышу юрты. Форма юрты — правильный восьмигранник, высотой 145—180 см, на который надстроена сперва усеченная восьмигранная пирамида, на последнюю — восьмигранная пирамида. Стены восьмигранника представляют собою правильные прямоугольники г (табл. XVII, 6, — А. П.), связанные между собою диагональной жердью д, и подперты с внутренней стороны наклонными жердями е. Наклонные плоскости усеченной пирамиды образуются жердями к (табл. XVII, 5, 6, — А. П.), лежащими с одной стороны на верхних сторонах прямоугольника г (табл. XVII, 6, — А. П.), с другой — на жердях м, последние, в свою очередь, лежат на поставленных наклонно жердях, имеющих на концах форму рогатки н (табл. XVII, 5, 7, — А. П.). Верхняя пирамида образуется жердями л (табл. XVII, 5, — А. П.), лежащими нижними концами на жердях м (табл. XVII, 6, — А. П.), верхними в гнезде, получившемся от соединения основных жердей а, б, в... Вся вышеуказанная система жердей покрывается оленьими постелями так, чтобы в середине крыши осталось круглое отверстие, диаметром около 106 см, служащее для освещения юрты и выхода дыма. Сверху юрта увязывается ремнями».¹

Решетчатые. Среди цилиндрических шалашей совершенно особое место занимают по своеобразию своей конструкции так называемые «кошечные» или «войлочные юрты», имеющие решетчатый складной каркас стен.

Переносные шалашы бурят, тувинцев, хакасских и алтайских племен (табл. XVIII, 1—11; табл. 19, 2; табл. 11, 1). Как у бурят, так и у тюркских народов конструкция шалашей была сходной. Наблюдались лишь незначительные отличия в деталях, главным образом в устройстве верхнего оброча. Легкость, портативность, складные решетчатые стенки этого шалаша говорят о том, что он мог возникнуть только у кочевников.

Конструкция шалаша состояла из деревянного каркаса и покрышек (войлочных или берестяных).

Деревянный каркас состоял из отдельных разборных частей, которые для краткости мы будем называть бурятскими терминами,² хотя эти части у тюркских народов носили иные названия.

Стенки шалаша делали из косо перекрещивающихся тонких палок (дранок у хакасов). Они состояли из нескольких звеньев — *хана*. Буряты каждое звено делали в виде решетки из четырехгранных палок. На палках в точках перекрещивания имелись отверстия, в которые пропусклись ремешки, концы его с обеих сторон закреплялись узлами (а) (табл. XVIII, 2). Подобное подвижное скрепление позволяло решетке складывать и растягивать. В сложенном виде они были удобны для перевозок. Поскольку палкам придавался легкий изгиб, то звенья получали некоторую округлость.

Число звеньев в бурятских шалашах колебалось от восьми до двенадцати; в тувинских — от шести до восьми; в алтайских — от пяти до шести. В высоту (в растянутом виде) каждое звено имело у бурят до 1.75 м, у тувинцев и у алтайцев — до 1.25 м; в длину звено достигало 1.5—2 м.

Наверху шалаша прикреплялся обруч (*тона*), служивший дымовым отверстием и опорой для прямых палок каркаса крыши (табл. XVIII, 3). *Тона* у бурят были нескольких разновидностей.

Одной из разновидностей *тона* был обруч с отверстиями для концов прямых палок остова крыши и с пере-

изучением северо-восточных палеоазиатов, вызывает сомнения, но поскольку эти конструкции опубликованы, мы не считаем возможным их исключать из нашего описания.

¹ Н. Н. Беретти. На крайнем Северо-Востоке. Зап. Владивостокского отделения ГРГО, т. IV (XXI), 1929, стр. 52, 53.

² Б. В а н ч и к о в. Войлочная юрта агинских бурят. Бурятско-ведческий сборник, вып. III—IV, Иркутск, 1927.

¹ Приводимое Н. Н. Беретти описание конструкции корякских цилиндрических шалашей у некоторых специалистов, занимающихся

кладинами из шести перекрещивающихся тальниковых дуг (табл. XVIII, 4).

Эти *тона* имели ту особенность, что прямые палки остова крыши прикреплялись не прочно. Они свободно отделялись от *тона* при разборке шалаша.

В фондах Государственного музея этнографии народов СССР мы обнаружили *тона* весьма сложной конструкции. В ней прямые палки остова крыши прочно привязаны и не отделяются при разборке. Это сэкономило время, так как не нужно было каждый раз вставлять палки в отверстия *тона* (табл. XVIII, 5—7).

Тона делится на две половины. Каждая состоит из изогнутой толстой палки длиной 1.35 м (а) (табл. XVIII, 5), от которой по радиусу отходят три перекладины (б). К ним сверху привязана круглая палка, согнутая дугой (в) в виде полуокружности; снизу прикреплена такая же дуга (г). Между дугами наклонно привязаны особые палочки в форме лопаточек (д), из которых каждая имеет сквозное отверстие на тонком конце (табл. XVIII, 6, 7). Прямые палки остова крыши (также с отверстиями на конце) просовывались в узкие свободные пространства между лопатообразными палочками *тона*. Затем сквозь отверстия палок и лопаточек продевалась веревка, концы которой связывались узлом. При установке *тона* обе половины ее связывались ремнями и таким образом получался обруч.

Тона у тувинского шалаша представляла собой обруч диаметром 80 см, с перекладинами из четырех или шести перекрещивающихся тальниковых дуг.

Униа — прямые палки остова крыши шалаша. Они имели одинаковое устройство у бурят и у тувинцев в тех случаях, когда свободно отделялись от *тона* (табл. XVIII, 8). На верхнем конце *униа* имелся круглый шип (а), диаметр которого соответствовал диаметру отверстия *тона*, на нижнем конце — ремennая петля (б), надевавшаяся на верхний конец *хана*. У бурят верхний конец *униа* имел отверстие (а) (табл. XVIII, 9).

В бурятских шалашах *униа* достигал в длину 2 м и больше, в тувинских — 1.5—2 м.

Буряты, тувинцы и алтайцы решетчатые шалашы покрывали полостями из войлока; хакасы — как войлоком, так и полотнищами, сшитыми из кусочков бересты. Покрывки снаружи привязывались волосняными веревками или придерживались деревянным ободом.¹

При сооружении шалаша решетки устанавливали в плане круга, концы их связывали веревками (а) (табл. XVIII, 1). Тувинцы, хакасы и алтайцы решетки для прочности привязывали к колышкам, забитым в землю с внутренней стороны (б). Затем приставляли в виде рамы-косяки входного отверстия. У тувинцев на верхнем косяке делали косые углубления для нижних концов *униа* (табл. XVIII, 10). После этого при помощи *униа* поднималась *тона*. Затем приставляли остальные *униа*; таким образом, получался остов конической крыши.

Бурятский решетчатый шалаш имел в диаметре 4—6 м, в высоту — до 1.75 м; тувинский — в диаметре до 4.3 м, в высоту — 1.3 м.

Представление о внутреннем устройстве тувинского шалаша дает приложенный план (табл. XVIII, 11).

Цилиндро-конический тип.

Зимний переносный шалаш эвенов (табл. XVI, 8, 9).² Распространен был у эвенов современного Магаданского района. Он представлял собой переходный тип от конического шалаша к цилиндрическому. Одна половина его устроена в форме цилиндрического шалаша, другая — в виде конического. Подобные шалашы были предназначены для проживания одной семьи.

Многоугольный тип.

Шестиугольный шалаш сагайцев (табл. XIX, 1, 2). Единственное подробное описание его, которое мы приводим, дает Ю. А. Шибаева (табл. XIX, 1).

«По кругу в землю вбиты шесть столбов (*трис*) (а, — А. П.), образуя внутри его шесть стен. На столбы гори-

зонтально положены балки, служащие основанием крыши (*чаабых*). На балки верхними концами опираются слегка наклонные доски-горбыли (*чарты*), которые образуют внутреннюю стену (*хана*) (б, — А. П.). Снаружи, опираясь верхними краями на балки, а нижними несколько отступая от стен, приложены большие куски лиственничной коры (в, — А. П.). . . Кора придерживается вертикальными, также слегка наклонными слегами (г, — А. П.).

Остов крыши состоит из тонких балок, концы каждой из них лежат на концах двух соседних, образуя решетку (*хыйнды*) (д, — А. П.). Последняя покрыта пластинками коры, укрепленными сверху березовыми слегами (е, — А. П.). Слеги положены от середины крыши к ее краю. В центре крыши оставлено дымовое отверстие (*туннук*). Снаружи *одах* (т. е. шалаш, — А. П.) представляет собою круглое, куполообразное жилище, несколько суженное кверху».¹

Шестиугольный летний шалаш оседлых тувинцев — тоджинцев (табл. XIX, 3; табл. 19, 3). Остов его состоял из шести стоек с развилчатыми вырезами на концах (а), куда входили концы верхних перекладин, образующих верхнюю обвязку (б). Такие же перекладины имелись примерно на расстоянии трети высоты от верхних концов вертикальных стоек (в) и еще ниже (г). Концы этих перекладин входили в зарубки с обеих сторон стоек. К одной из сторон каркаса шалаша приставлялись два столба, служащие боковыми косяками входного отверстия. Остов крыши был шестигранный, сводчатый.

Шалаш покрывался слоем лиственничной коры, которая на крыше придавливалась короткими жердями, а с боков закреплялась двумя параллельно идущими ивовыми обручами. Дверь делали из досок.

Многоугольный шалаш сагайцев (табл. XIX, 4). Основу шалаша составляли от пяти до восьми стоек, стены делались из жердей в забирку (табл. XIX, 5). Крыша была многогранная, костром.

Зимний и летний восьмиугольный полуподземный шалаш коряков, с раструбом (табл. XIX, 6—10; табл. 35, 2). По описанию В. И. Иохельсона, для шалаша вырывали в земле круглую яму глубиной 1—1.5 м. В ней закладывали стены в виде восьмиугольника (табл. XIX, 6). Эти стены имели различную длину: две длинные (а), две более короткие (б) и четыре еще короче (в). Для устройства их вкапывали восемь стоек (г) высотой в рост человека. На верхних концах стоек делали полукруглые выемы, куда вставляли концы балок, образующих верхнюю обвязку. Между стойками вертикально забивали два ряда расколотых тополевых или осиновых жердей (д) (табл. XIX, 7) так, что верхние концы их вставлялись в пазы бревен обвязки. Иногда наружный ряд жердей клали горизонтально, в этом случае концы их вставляли в продольные пазы, сделанные с боков угловых стоек. Пространство между двумя рядами жердей забивали сеном. Снаружи стены доверху засыпали землей. Посредине шалаша вкапывали в землю в плане прямоугольника четыре столба, более высокие, чем стойки стен (от 5 до 7 и более метров) (е). На концах их делали полукруглые вырезы (ж), куда вставляли концы двух поперечных балок. В выемы у концов этих балок клали две другие балки (з). Таким образом, получался прямоугольник на столбах. От этих балок до верхней обвязки стен наклонно настилали расколотые жерди (и, к), получался настил. Щели настила законопачивали сеном и засыпали землей, а сверху обкладывали досками.

В верхние балки, по обе стороны поддерживающих их столбов, вставлялись (нижними концами) с наклонном вверх восемь длинных бревен (л); верхние расходящиеся концы этих бревен поддерживались столбами, врытыми в землю вдоль стен (м). Пространства между этими бревнами (л) с внутренней стороны застилали плахами таким образом, что образовывался восьмиугольный раструб (н).

Внутри раструба из расколотых бревен в два ряда с прокладкой мхом и землей настилали прямоугольную крышу (о) (табл. XIX, 8). Посредине ее оставляли квадратное отверстие, размером 1×1 м (п). Оно одновременно

¹ А. А. Кузнецова и П. Е. Кулаков. Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск, 1898, стр. 114.

² Этот шалаш описан по нашей просьбе К. А. Новиковой.

¹ Ю. А. Шибаева, ук. соч., стр. 42.

служило дымоходом и зимним входным отверстием. Раструб защищал от снежных заносов верхнее входное отверстие шалаша. Кроме того, зимой в нем складывали дрова для отопления.

Одна из стенок раструба с восточной стороны устраивалась ниже других, чтобы можно было по стремянке с крыши залезать в раструб.

Сени представляли узкий коридор (*p*). В плане прямоугольника устанавливали четыре стойки в рост человека. Пространство между ними забиралось тонкими жердями, образуя три стены. В передней стене устраивали входное отверстие (*c*) (табл. XIX, 7) с дощатой дверью на деревянных петлях. Такое же входное отверстие прорубали в стене шалаша (*m*). Крышу сеней застилали поперечными тонкими жердями. Посредине ее устраивали отверстие (*y*) для регулирования тяги огня очага. Иногда оно делалось такой величины, что через него могли влезать в шалаш женщины и дети, однако мужчинам не разрешалось пользоваться этим ходом.

Входили в шалаш и выходили из него зимой через прямоугольное отверстие в крыше, пользуясь для этой цели вертикально поставленной стремянкой из расколотого бревна со сквозными отверстиями вместо ступенек. Летом пользовались входной дверью через сени.

Очаг устраивали почти посредине шалаша, его сдвигали на 0.5 м в сторону сеней. Он состоял из двух продолговатых камней, лежащих на земле (*φ*) (табл. XIX, 6). Между ними разводили костер.

Н. Н. Беретти дает несколько иное описание корякового шалаша, чем В. И. Иохельсон.¹ Остановимся на этих отличиях.

В шалашах, описанных Н. Н. Беретти, стены делались также из двойного ряда жердей, но расстояние между рядами было шире (до 70 см) и закладывалось оно не только сеном, но и землей (*a*) (табл. XIX, 9). Стоек для стен было не восемь, а больше (*b*). Наклонные жерди крыши (*e*) опирались на верхнюю обвязку не концами, а средней частью (табл. XIX, 10). Столбы, подпирающие раструб, упирались не в землю, а на нижний край крыши, поэтому они были не вертикальными, а наклонными (*g*).

Зимний и летний восьмиугольный полуподземный шалаш коряков, без раструба (табл. XIX, 11, 12; табл. 35, 1). Он был сходен по конструкции с предыдущим шалашом, но отличался тем, что не имел раструба. Стенки состояли только из одного ряда жердей и поэтому стоек было меньше. Ввиду отсутствия раструба как зимой, так и летом пользовались нижним ходом через сени.

СРУБНЫЕ НАЗЕМНЫЕ И ПОЛУПОДЗЕМНЫЕ ЖИЛИЩА

Прямоугольный тип.

При описании прямоугольного срубного жилища мы берем за основу конструкцию крыши, поскольку срубная настенная часть везде одинакова, лишь в некоторых случаях обращаем внимание на внутреннее устройство стен, имеющих отличия от срубных изб.

Зимний полуподземный сруб хантов (табл. XX, 1, 2; табл. 5, 1). В основании сруба вырывали прямоугольную яму глубиной 40—50 см. Стенки ее укрепляли срубом из бревен, не очищенных от коры; у сруба только три-четыре венца выходили над поверхностью земли. Щели между бревнами закладывали мхом. Передняя и задняя стены над наземными венцами завершались бревнами, расположенными в форме усеченных треугольников, между этими бревнами закладывались продольные слои обрешетки двухскатной крыши (*a*) (табл. XX, 1). Эти слои застилались поперек сплошным накатником из бревен или жердей и сверху засыпались слоем земли. Иногда накатник под слоем земли покрывали берестой. В стене переднего фасада устраивали входное отверстие высотой до 1 м, закрывавшееся дверью из тесаных досок. Нередко перед входом устраивали сени в виде узкого коридора.

Внутри сруба, направо от входа, располагался чумал (*a*) (табл. XX, 2). Иногда справа от входа устраивали не-

большую перегородку из досок (*b*), заложенных между двумя парами клиньев, связанных лыком. Она отделяла спальные места. На плоской верхушке крыши посредине имелось прямоугольное отверстие (*e*), заменявшее окно, оно закрывалось пластинкой льда.

Сруб имел в длину до 6 м, в ширину до 4—5 м.

Зимний наземный сруб хантов (табл. XX, 3). По своей конструкции (устройству крыши) этот сруб ничем не отличался от предыдущего.

Перед входом в жилище устраивались бревенчатые сени с плоской крышей (*a*). Передние концы бревен боковых стен сеней соединялись с концами бревен поперечной стены при помощи врубки (*b*), задние же — вставлялись в продольные пазы двух столбов, установленных у передней стены сруба по сторонам входного отверстия (*e*).

Срубное жилище сосвинских манси (табл. XX, 4—6). Конструктивно оно было сходно с предыдущим, отличался лишь настил крыши, верхние края которого не сходились, а образовывали узкую щель вдоль всего сруба (табл. XX, 4). Таким образом, это жилище представляло собой два прямоугольных шалаша с односкатной крышей, как бы приставленных широкими открытыми сторонами друг к другу.

Летний сруб хантов (табл. 4, 1). Принцип устройства крыши ничем не отличался от устройства стен. Стены из толстых досок представляли сруб. Но если при помощи врубки можно было скреплять прочно бревна, то доски могли легко развалиться, и это потребовало бы специальных дополнительных креплений. Поэтому доски стен укрепляли вертикальными шестами. Их ставили попарно с наружной и с внутренней сторон стен и соединяли короткими досками, которые имели по два отверстия. Каждая доска просовывалась в отверстие, сделанное в стене, таким образом, чтобы одно из отверстий на этой доске оказалось с наружной стороны стены, другое — с внутренней. Затем в эти отверстия продевались шесты. Иногда они скреплялись проще: привязывались попарно веревкой из лыка, пропущенной через отверстие в стене.

Зимний полуподземный сруб селькупов (табл. XX, 7, 8). Сруб с несколько закругленными боковыми стенами устанавливали над прямоугольной ямой глубиной около 0.5 м. Конструкция крыши состояла из двух продольных балок, положенных концами на верхний венец сруба (*a*) (табл. XX, 8) и служивших опорой для настила из досок. Крыша была двухскатной, пологой, почти плоской. На стене, противоположной входу, устраивали окно (размером 25×40 см), закрывавшееся пластиной льда. Справа от входа или в центре сруба находился чумал из жердей, обмазанных глиной. Чело чумала делали из лодки-однодеревки, пришедшей в негодность. Часть лодки, вместе с жердями чумала выступающая на 0.5 м над крышей, образовывала трубу. Сруб снаружи покрывали землей.

Зимний и летний сруб шорцев (табл. 9, 3). Устройство крыши этого жилища ничем не отличалось от устройства крыш описанных выше хантыйских срубов. У него на фронтонах стороны поперечные бревна верхнего венца также завершались треугольниками из бревен, служившими опорой для продольных слег крыши. Сруб ставили прямо на земле, только иногда под углы закладывали камни. Двухскатную крышу застилали досками, сверху покрывали берестой и засыпали слоем земли. Узкое входное отверстие (ниже человеческого роста) с дощатой дверью находилось у правого угла сруба (редко у левого, как например по р. Малая Кондома). Перед входом устраивали из вертикально поставленных досок крытые сени, крыша которых являлась продолжением крыши сруба.

Жилище освещалось отверстием в центре крыши, которое зимой закрывали пластиной льда (*a*) (табл. XX, 9). Позднее стали делать застекленное окно в стене, противоположной входу.

Стены сруба зимой проконопачивали мхом. Примерные размеры жилища были 3.5×4 м.

Сруб с четырехскатной крышей забайкальских бурят (табл. XX, 10; табл. 20, 1). Посредине сруба в плане квадрата устанавливали четыре столба (*a*) длиной выше стен, соединенных верхней обвязкой из четырех балок (*b*). К обвязке наклонно приставляли доски настила крыши в виде крестообразного

¹ Н. Н. Беретти, ук. соч., стр. 51, 52.

перекрытия; свободные угловые пространства также покрывали досками разной длины. Крышу сверху обкладывали дерном или покрывали слоем земли.

Перед входом устраивали бревенчатые сени с двухскатной крышей из досок, покрытых землей. Передние концы бревен боковых стен сеней соединялись с концами бревен поперечной стены при помощи врубки, а задние концы вставлялись в продольные пазы двух столбов, установленных у передней стены сруба.

Передняя стена сеней завершалась вверху треугольником, служившим опорой для концов продольных слег крыши. Задние концы этих слег опирались на передний скат крыши сруба.

Сруб алтайских племен (табл. XXI, 1; табл. 10, 2; табл. 11, 2; табл. 12, 4; табл. 13, 3). Основу каркаса крыши составляли четыре жерди, установленные в виде ребер пирамиды (а). Концы двух из этих жердей имели по развилке, куда закладывались концы двух других. С внутренней стороны к этим жердям (примерно на половине их высоты) привязывали обруч из тонкого ствола дерева (б). Этот каркас крыши со всех сторон обкладывали досками, на вершине оставляли отверстие для выхода дыма. Сверху доски покрывали корой и придавливали жердями или обкладывали дерном. Таким образом, крыша (в основании прямоугольная) постепенно принимала коническую форму.¹

Сруб кызыльцев (табл. XXI, 2; табл. 17, 3). Четырехскатная крыша складывалась костром, покрывалась корой и сверху придавливалась бревнами. Посредине оставляли отверстие для выхода дыма. Маленькие окна в старину затягивали бычьим пузырем, позже стали застеклять.

В срубах жили чаще летом. Если предполагали жить в них зимой, то бревна стен проконопачивали мхом и снаружи обмазывали глиной.

Многоугольный тип.

Шести-восьмиугольные срубы алтайских племен (табл. XXI, 3; табл. 11, 3; табл. 14, 2). Жилища этого типа имели коническую крышу, покрытую корой или берестой, иногда обложенную дерном и покрытую землей.

Шестиугольный сруб тувинцев (табл. XXI, 4). Он имел крышу на четырех столбах, поставленных посредине жилища (а). Эти столбы были не столь длинными, благодаря этому скаты крыши получались пологими и имели форму низкой усеченной многогранной пирамиды. Верхушки столбов имели развилчатые вырезы, куда вставлялись концы продольных балок, на них клались две поперечные балки. Балки образовывали прямоугольное дымовое отверстие. Крыша застилалась редкими жердями (б), которые верхними концами опирались на балки, а нижними — на последний венец бревен сруба; затем сверху покрывалась корой. Под дымовым отверстием устраивался очаг с железным таганом в виде круглого углубления в земляном полу.

В других срубах тувинцев (табл. 19, 4) крыша была иного устройства. Стены сруба, начиная примерно с десятого венца, постепенно суживались, образуя как бы основание усеченной многогранной пирамиды высотой в три-четыре венца. Венцы сверху застилались продольными бревнами, которые засыпались землей.

Многоугольный сруб хакасских племен (табл. XXI, 5—8; табл. 15, 3; табл. 17, 1). Прежде у качинцев существовали только шестиугольные срубы, но примерно с 80-х годов прошлого века они вытесняются восьми-десятиугольными. У зажиточных появляются даже двенадцати-четырнадцатигульные срубы. У сагайцев срубы имели шесть и восемь углов, у кызыльцев только шесть. Строились они из лиственничных или сосновых бревен, причем для предохранения от гниения бревен нижнего венца сруб ставили не на землю, а на камни, заменявшие фундамент. Стены делали в замок или в лапу, они имели от пяти до пятнадцати венцов (при длине каждой стороны сруба примерно 3—3.5 м). Если жилище являлось не только летним, но и зимним, то щели между бревнами законопачивали мхом; стены снаружи обмазывали

глиной, а снизу засыпали землей. Крышу делали костром из тонких бревен с таким же количеством скатов, сколько было стен у сруба; в центре оставляли квадратное дымовое отверстие, которое в старинных срубах (не имевших окон) служило одновременно и окном. Остов крыши покрывали лиственничной корой или берестой. Позднее его стали крыть тесом. Крыша в зависимости от расположения бревен остова получала форму усеченной многогранной пирамиды. Е. К. Яковлев упоминает о другом способе устройства крыши, когда свод ее поддерживался пятью жердями, расположенными внутри юрты вокруг очага.¹ Такое же устройство остова крыши было в многоугольных срубах тувинцев и бурят. Остается только непонятным, для чего ставился пятый столб.

Входное отверстие устраивали на восток и закрывали дощатой дверью.

Размеры срубов были следующие: длина и ширина небольшого шестиугольного сруба равнялись примерно 2—2.75 м, восьмиугольного — 8 м, двенадцатигульного — 12 м.

Многоугольный сруб бурят (табл. XXII, 1; табл. 20, 2). Описание его дают в своей работе И. А. Молодых и П. Е. Кулаков: «Юрты бываю... восьми- и шестиугольные (преимущественно). Строятся они из бревен или брусьев с треугольным сечением, толщиной в 3—4 вершка, длиной 4—6 аршин. Стена кладется из 12—16 рядов, вышиной 3—4 аршина. В юрте устраивается досчатый пол, прерывающийся в центре земляной квадратной площадкой 3.5—4 арш. в стороне. По углам этой площадки поставлены столбы, связанные сверху — на высоте 4—5 арш. над землей — брусьями. На этих брусьях и стенах юрты покоится потолок из 2—2.5 вершковых плах. Плахи верхними концами лишь немного заходят за брусья, оставляя квадратное отверстие для прохода дыма. Сверху потолка, на стенах юрты, устроены борта, удерживающие землю, насыпанную на потолок слоем в 4—6 вершков. По большей части земля эта прикрывается тесовой или драновой крышей. . . иногда же крыша заменяется просто дерном».²

Восьми-шестиугольные срубы якутов. Они имели крышу трех видов: плоскую (табл. 22, 2), в форме многогранной усеченной пирамиды и коническую (табл. 22, 3).

Плоская крыша сооружалась двумя способами. При первом способе настилали круглые бревна на последний венец сруба. Как можно видеть по фотографии (табл. 22, 2), в этом случае края крыши выступали вперед за стены. При втором способе на верхний венец сруба клали от одной до трех поперечных балок (а) (табл. XXII, 2), которые иногда подпирались столбами (б). На эти балки клали короткие бревна настила. Поскольку балки лежали на венце, крыша получалась пологой, почти с незаметными на глаз скатами.

Крышу в форме многогранной усеченной пирамиды устраивали костром (табл. XXII, 3), совершенно так же, как в хакасских многоугольных срубах.

Коническую крышу делали из жердей; она была сходна с крышей алтайских многоугольных срубов (табл. 22, 3).

Крышу покрывали корой, а сверху землей. Посредине крыши оставляли отверстие для дыма, заменявшее также и окно. Позднее появляются окна и чувал, который устраивали в одном из углов сруба — направо или налево от входа. Очаг и чувал были такие же, как и в других якутских жилищах.

Представление о большом многоугольном срубе можно получить из следующего описания О. В. Ионовой (табл. XXII, 2): «Сруб имеет в высоту 2 м, сложен из 15 венцов, соединенных „русским углом“ (в лапу, — А. П.). Ширина каждой стены 3.70 м. Внутри сруба стоят 7 столбов (б, — А. П.), подпирающих три матицы (а, — А. П.), идущие параллельно стене, в которой расположена дверь. На трех средних столбах лежит плаха (в, — А. П.), которая соединяет собой все три матицы. Под концы главной матицы, состоящей из 2 бревен, положены брусски, делающие крышу

¹ Е. К. Яковлев. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Минусинск, 1900, стр. 32.

² И. А. Молодых и П. Е. Кулаков. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии. СПб., 1896, стр. 120, 121.

¹ В дальнейшем крыши такой конструкции мы будем называть коническими.

слегка выпуклой посредине. Крыша состоит из жердей, сверху засыпанных землей. Дверь выходит на восток. . . В 5 стенах 7 окон размером 30×30 см.¹

Это жилище интересно тем, что оно принадлежало якутскому богачу времен Екатерины II. На табл. XXII, 4 показан уголок этого жилища.

Свайные жилища (каркасно-срубные)

Прямоугольный тип.

Летнее жилище нивхов, с двухскатной крышей (табл. 34, 3). Летник представлял собой своеобразное соединение каркасного жилища со срубным. В прошлом, как пишет Л. И. Шренк, оно было целиком каркасным. Та часть жилища, которая стала позже срубной, имела стены из тонких бревен, концы которых были заострены и пропущены в боковые желоба сруба.

Наземное устройство летника Л. И. Шренк объясняет следующими причинами: во-первых, на материке — желанием предохранить жилище от затопления, вызываемого разливом Амура, а на побережье Сахалина — от нагоняемой морскими ветрами воды; во-вторых — желанием предохранить жилище от сырости при влажном климате.

Летники имели в длину от 12 до 15 м. Устройство их было следующее (табл. XXII, 5—8). Вкапывались в землю в плане прямоугольника два ряда столбов высотой от 1.75 до 2 м (а) (табл. XXII, 5). На них клали продольные бревна (б), иногда бревна помещали на «подушку» — подкладку из толстого бруска (в). Бревна эти служили основой для настила, состоявшего из поперечного, плотно уложенного накатника (г). На этом настиле сооружалась прямоугольная постройка с двухскатной крышей без потолка, состоявшая из двух отделений — переднего и заднего (А, Б) (табл. XXII, 6). Переднее отделение строилось несколько отступая от переднего края настила. Стены его делали из досок, прикрепленных концами к тонким столбам; четвертую стену заменяла передняя стена второго отделения срубной постройки.

В первом отделении (посредине) и во втором (несколько ближе к входному отверстию) устанавливали столбы длиной выше стен (а). В полукруглые вырезы на концах столбов клали длинное бревно, служившее средней балкой крыши (б). В первом отделении столб иногда заменяли коротким обрезком бревна, установленным на доске (а) (табл. XXII, 7), лежащей на двух балках (в) (табл. XXII, 6). Пологая двухскатная крыша состояла из грубо сколоченных досок (иногда покрытых корой), скрепленных продольными слегами. Первое отделение служило складом для различной домашней утвари, рыбных запасов и т. д. В середине передней стены устраивали входное отверстие.² Поднимались в летник при помощи приставной лестницы из одного бревна с зарубками.³

Летний сруб из досок манси и хантов (табл. 4, 3). Конструкция этого жилища в литературе не описана. Как можно видеть по фотографии, сруб устанавливался на восьми коротких сваях, конструкция крыши была сходна с конструкцией крыш описанных выше срубных полуподземных жилищ угорских народов. Подобные срубы сооружались около рек для предохранения от сырости. У сосвинских манси посредине жилища устраивался очаг из досок, заполненный землей, с двумя стойками для подвешивания очажных крюков.

¹ О. В. Ионов. Жилые и хозяйственные постройки якутов. Сибирский этнографический сборник, I. Труды ИЭ АН СССР, новая серия, т. XVIII, М.—Л., 1952, стр. 265.

² Л. Шренк, ук. соч., стр. 48.

³ На южном Сахалине устраивались подобной же конструкции летники не на сваях, а на земле (табл. 34, 1). В них дощатая площадка, выступающая с переднего края платформы, приходилась прямо на землю. Надо полагать, что в таких летниках жили иногда и зимой, так как Л. И. Шренк пишет: «Зимой, перед входом в юрту, по краям площадки воздвигается еще нечто вроде несовершенной стены или перегородки. Для этого с обеих сторон ее спереди — там, где на плане находится линия точек (край передней платформы, — А. П.), ставится отвесно ряд жердей и досок, связанных между собой переплетенными прутьями, пустые пространства между которыми еще заделываются травой и хворостом. . . Таким образом, перед юртой образуется как бы род других предварительных сеней. Здесь приют для собак, которые, помещаясь по обе стороны входа, в то же время его сторожат» (Л. Шренк, ук. соч., стр. 48, 49).

Подземные жилища

В прошлом подземные жилища, по-видимому, были довольно широко распространены у многих народов Сибири, но в XIX в. они уже почти исчезли. На основании имеющихся сведений мы можем судить, что подземные жилища были двух типов: прямоугольные (наиболее распространенные) и в форме усеченной пирамиды. Конструкция подземных жилищ описана очевидцами очень неполно, но известно, что она была каркасной.

Прямоугольный тип.

Прямоугольные подземные жилища по одному характерному признаку — по форме крыши — делятся на жилища с плоской крышей, с двухскатной крышей и с четырехскатной крышей, имеющей форму усеченной пирамиды.

С плоской крышей. Зимний шалаш хакасов. Все наши сведения об этом шалаше ограничиваются следующим кратким описанием Е. К. Яковлева: «В настоящее время сохранились еще землянки иного типа, представляющие из себя попросту яму в почве в рост человека, обшитую по бокам тесом, а то и без обшивки, над которой поставлен небольшой — в 2—3 бревна — сруб с плоской, как у зимника, крышей».¹

Зимний шалаш кзыльцев. По сведениям П. И. Каралькина, шалаш представлял собой как бы прямоугольную пещеру, вырытую на склоне горы таким образом, что плоская крыша его и три стены (боковые и задняя) были земляные, забранные жердями. По словам стариков, шалаш встречался еще в XIX в.

Шалаш эскимосов. По сообщению Г. А. Меновщикова, это был прямоугольный шалаш, вырытый на склоне горы; он встречался у эскимосов м. Дежнева и на о. Ратманова. Подробное описание конструкции шалаша отсутствует.

С двухскатной крышей. Зимник кумандинцев (табл. 14, 3). Судя по рисунку, приведенному в работе Н. М. Ядринцева,² кумандинцам был известен подземный шалаш с двухскатной крышей.

Шалаш нанайцев (предположительно зимний) (табл. XXIII, 1; табл. 28, 3). В земле выкапывали прямоугольную яму (а), стенки ее только иногда укрепляли тонкими жердями. Посредине передней и задней фронтонных сторон устанавливали два столба (б), на концы их клали продольную балку (в). К ней с обеих сторон приставляли жерди стропил (г). Обрешетку крыши покрывали корой и слоем земли. На переднем фасаде устраивали входное отверстие с дощатой дверью (д) (табл. XXIII, 2). На заднем фронте под крышей имелось два окна (е).

С четырехскатной крышей. Шалаш манси, хантов и селькупов (табл. XXIII, 3; табл. 5, 2, 3). В земле вырывали прямоугольную яму глубиной около 1.5 м. У передней стороны ее выкапывали проход, полого спускающийся вниз. Стены ямы укрепляли вертикально поставленными расщепленными бревнами или жердями (а). По краям ямы клали по одной балке (б). На поперечные балки укладывали посредине две продольные (в) и на них — три короткие поперечные балки (г), которые делили крышу на четыре части. Этот остов крыши застилали расщепленными бревнами или жердями (д), которые сверху покрывали землей. На скате крыши (на стороне, противоположной входу) устраивали одно или два окна (е). В летних шалашах окна были застеклены, в зимних — закрыты пластинами льда. Земляной проход имел ступеньки, выложенные досками. В начале его устанавливали два столба с развилками (ж), на которые клали концы поперечной жерди (з). Боковые стенки прохода укрепляли вертикально поставленными жердями (и). Крышу прохода застилали продольными расщепленными бревнами или жердями (к), передние концы которых лежали на поперечной жерди; задние — на поперечной передней балке; сверху крышу застилали сеном.

Тип в форме усеченной пирамиды. Зимний шалаш нивхов (табл. XXIII, 4, 5; табл. 34, 4). Он описан Л. И. Шренком: «Землянка или под-

¹ Е. К. Яковлев, ук. соч., стр. 30.

² Н. М. Ядринцев. Алтай и его инородческое царство. Исторический вестник, т. XX, 1885, стр. 629, 633.

земная юрта — гиляцкий *торыф* — сооружается наподобие палатки. . . Для большой юрты этого рода вырывают в земле углубление от 20-ти до 22-х футов в квадрате и от 3-х до 4-х футов глубины. Стенки углубления плотно уколачиваются или, по крайней мере в верхней части, обшиваются деревом. Вокруг воздвигается пирамидальная, со всех сторон одинаково покатая крыша из тонких, плотно прилаженных одно к другому бревен, покоящихся на четырех поперечных бревенчатых перекладинах, которые в свою очередь поддерживаются четырьмя бревенчатыми же столбами (а; табл. XXIII, 5, — А. П.) внутри юрты. Только на самой верхушке крыши оставляется отверстие для дыма. Снаружи крыша для большей плотности покрывается еще сухой травой и землей. . . С той стороны юрты, которая наиболее защищена от господствующего в данной местности ветра, расположен вход (б, — А. П.). Последний, однако, ведет не прямо в жилое помещение, а сначала в довольно длинный, низкий проход (в, — А. П.), крытый сверху жердями или прутьями и сухой травой. . . В конце прохода дверь, которая или, как наша обыкновенная, ходит на петлях, или состоит из горизонтальной подвижной доски. . . Малая подземная юрта построена по тому же образцу, только в меньших размерах.¹

Зимний шалаш сахалинских айнов (табл. XXIII, 6, 7; табл. 37, 3). Понять конструкцию этого жилища помогают приводимые нами план и чертеж в разрезе, заимствованные из работы Р. Торни, к сожалению, данные им без всякого описания.²

Айнские подземные шалаши являлись коллективным жилищем и строились несколькими хозяйствами; в маленьких шалашах проживала одна-две семьи, в больших — до четырех-пяти родственных семей.

В основании шалаша выкапывали квадратную яму глубиной примерно до 1.25 м, что и заставило нас отнести этот тип жилища к подземным. Посредине устанавливали в плане квадрата четыре столба, концы которых соединяли балками в форме прямоугольника (а) (табл. XXIII, 7). К углам прямоугольника приставляли четыре наклонные жерди, являвшиеся опорой для стен. Верхние концы их перекрещивались, нижние — вкапывались по углам верхнего края ямы (б) (табл. XXIII, 6). К этим опорным жердям приставляли наклонно жерди стен, которые придавали шалашу форму четырехгранной пирамиды. На правой от входа стене устраивали квадратное отверстие, служившее окном (размером примерно 60×60 см). Вход находился на откосе южной стены и закрывался выдвижной дощатой дверью (размером 1×1 м). К порогу двери приставляли лестницу из наклонного бревна с зарубками для спуска внутрь шалаша (в).

По утверждению Н. В. Буссе, перед входом в шалаш айны устраивали сени, которые, вероятно, делались в виде коридора, как и в нивхском подземном шалаше. Однако о сенях ничего не говорит в своем описании шалаша Ф. Депрерадович, отсутствуют сени и на чертежах в работе Р. Торни, а также на фотографии Садийси Насидзуру.³ Это заставляет предполагать, что сени устраивались не всегда.

Шалаш вместе с сенями покрывали корой и заваливали землей в виде холма. По утверждению всех исследователей, направо от входа помещался чужал. Относительно печи Н. В. Буссе и Ф. Депрерадович дают различные сведения, которые и приводим полностью. Н. В. Буссе пишет: «Подле дверей устроен камин, труба которого выходит полого в сени, не поднимаясь из-под крыши; для прохода дыма в крыше над сенями оставлено отверстие».⁴ У Ф. Депрерадовича находим: «У той же стены, где дверь, правее от входа, сделана печь наподобие тех, которые устраиваются в своих домах якутами, то есть просто большой глиняный камин, с совершенно прямой трубой, из хворосту, густо вымазанного глиной».⁵

Кроме печи, внутри шалаша каждая семья имела свой отдельный очаг, который помещался между четырьмя основными столбами шалаша.

Из поздних исследователей описание подземного шалаша айнов дает Н. Кирилов. Хотя из этого описания остается неясной конструкция шалаша, видимо, отличающаяся от конструкции предыдущего, Н. Кирилов приводит интересные сведения, отсутствующие в более ранних работах, как например наличие верхнего входа в шалаш (отверстия в крыше коридора).¹

В заключение остановимся на двух типах жилищ, встречающихся у кетов, селькупов и долганов.

Кеты и тазовские селькупы часть лета проводили в илимках, больших плоскодонных лодках с каютами (из ряда прутьев, согнутых дугой) в виде полуцилиндрического свода, покрытого берестяными полотнищами (табл. 7, 4).

Долганы зимой и поныне живут в нартенных чумах, представляющих собой каркасные домики, крытые тканями, а поверх них покрывками из шкур. Домики имеют застекленные окна и железную печь; по сравнению с прежними коническими чумами они очень удобны, так как не требуют времени для установки. Нартенный чум в конце прошлого века был заимствован у русских и в настоящее время почти вытеснил конический чум как зимнее жилище (табл. XXIII, 8).

Попытаемся показать распространение различных типов жилищ на территории Сибири.

Во второй половине XIX и начале XX в. наиболее распространены были наземные и полуподземные жилища, имевшие каркасную конструкцию (шалаша) (карта 1). По типам они распределяются в следующем порядке.

Шалаши сферической и полусферической формы (из дуг) были зафиксированы у сымских эвенков, у елогуйских кетов, у якутов Мегино-Кангаласского, Чурапчинского, Таттинского и Амгинского районов Якутии, у нанайцев долины Амура.

Шалаши в форме рассеченного цилиндра были известны на западе у манси (на р. Сыгва), у кетов (на Енисее); на востоке у негидальцев, нанайцев, ульчей и нивхов.

Двухскатные шалаши встречались у манси, хантов, якутов, негидальцев, нанайцев, удэгейцев, орочей, ороков и нивхов.

Прямоугольные шалаши были распространены в Сибири весьма широко у хантов, живущих по средней Оби, Васьюгану, Ваху, Салыму, Сосве и Малому Атлыму; у тюркских народов — барабинцев, шорцев, тубаларов, челканцев, кумандинцев, алтай кижки, теленгитов, телеутов, качинцев, тувинцев-тоджинцев; у тунгусо-маньчжуров — учурских и амгунских эвенков, негидальцев, нанайцев, ульчей, удэгейцев, орочей; у сахалинских нивхов и айнов Сахалина и Курильских островов; встречались также у приморских чукчей и эскимосов.

Конические шалаши были известны угорским народам — нижнеобским манси (Северное Приуралье, Сосва, Конда, Сыгва), хантам (Сургут, Вах, Казым, Кунюват, Сыгва, Обдорский район, Аган, Тром-Юган); самодийским народам — ненцам, энцам, нганасанам, северным селькупам (тазовским и туруханским); северным кетам; тюркским народам — тубаларам, челканцам, кумандинцам, алтай кижки (живущим по левому берегу Катунь), теленгитам, телеутам, качинцам, сагайцам, бельтирам, кызыльцам, тофаларам, тувинцам, южным якутам-скотоводам и северным якутам-оленоводам; тунгусо-маньчжурским народам — долганам, всем группам эвенков и эвенов, негидальцам, нанайцам (родовые группы киле, акани), орочам, орокам; из палеоазиатских народов — юкагирам.

Пирамидообразные шалаши были распространены у угорских народов — среднеобских, ваховских и северных хантов (по рр. Аган, Тром-Юган); у тунгусо-маньчжурских народов — долганов, у эвенкийского населения (от юга современного Таймырского национального округа до Колымы), а также у нижнетунгусских и забайкальских эвенков; у тюркских народов — северных якутов (по всей территории их расселения).

¹ Н. Кирилов. Айно (предварительное сообщение). Сахалинский календарь на 1898 г., отд. II, типограф. о. Сахалин, 1898, стр. 54, 55.

¹ Л. Шренк, ук. соч., стр. 11—13.

² R. Torii, ук. соч., стр. 243, рис. 87.

³ Садийси Насидзуру. Айны Сахалина (на японском языке). Токио, 1942, серия Музея Сахалина, № 5, стр. 37.

⁴ Н. В. Буссе. Остров Сахалин и экспедиция 1853—54 гг. СПб., 1872, стр. 98.

⁵ Ф. Депрерадович, ук. соч., стр. 7.

Шалаши в форме усеченной пирамиды были известны угорским народам — хантам; северным селькупам; подкаменнотунгусским кетам; тюркам — шорцам, тубаларам, челканцам, кумандинцам, алтай кижиги, телеутам, качинцам, сагайцам, бельтирам, якутам; долганам и эвенкам (илимпийским и алданским), территориально близким к якутам; юкагирам.

Цилиндрические шалаши (перешитчатые) были распространены у тюрков — тубаларов, челканцев, телеутов, качинцев, сагайцев, бельтиров, кызыльцев; у палеоазиатских народов — оленных коряков, чукчей и эскимосов; у тунгусо-маньчжурских народов — эвенов.

Цилиндрические шалаши (решетчатые) встречались у тюрков — алтай кижиги, теленгитов, качинцев, сагайцев, бельтиров, кызыльцев, тувинцев (южных); у монгольских народов — бурят (селенгинских и агинских).

Многоугольные шалаши были распространены у тюрков — сагайцев, бельтиров, тувинцев; у палеоазиатских народов — коряков.

Распространение наземных и полуподземных срубных жилищ показано на карте 2.

Прямоугольные срубы преобладали у угорских народов — южных манси и хантов; у селькупов (южных и северных); у тюрков — шорцев, тубаларов, челканцев, кумандинцев, алтай кижиги, теленгитов, телеутов, кызыльцев; у монгольских народов — западных бурят.

Многоугольные срубы были известны тюркам — тубаларам, алтай кижиги, теленгитам, телеутам, качинцам, сагайцам, бельтирам, кызыльцам, тувинцам, якутам; монгольским народам — западным бурят.

Постройки на сваях были у хантов и манси нижнего течения Оби и у нивхов (карта 3).

Подземные жилища в виде прямоугольной ямы, выкопанной в земле, встречались у манси и хантов Васюган и Агана, у соседних с ними селькупов, у хакасов, а также у нанайцев. Подземные жилища в форме усеченной пирамиды были у нивхов и айнов Сахалина. Подземные жилища в виде пещер, вырытых в склоне горы, встречались у кызыльцев и эскимосов (карта 3).

III

Мы постарались описать различные типы и варианты жилищ у народов Сибири, обращая внимание главным образом на конструктивные особенности, имеющие для научных выводов такое же важное значение, как покрой при изготовлении одежды. Необходимо при этом отметить, что внешняя форма жилищ у многих народов Сибири принимает форму простых геометрических тел — куба, конуса, пирамиды и других — независимо от культурных связей и форм хозяйственной деятельности. Но зато этнически или территориально локализуются детали конструкции этих жилищ.

Временные жилища сферической формы ведут свое происхождение, вероятно, от известных у многих первобытных народов укрытий, сделанных из связанных веревками кустов, растущих по кругу. Усовершенствование этих укрытий, заключавшееся в том, что растущие кусты заменялись дугами из срезанных прутьев, позволило эти жилища делать настолько обширными (как, например, у нанайцев), что в них могла поместиться целая семья (табл. XXIV, 1, 2). Гнутая (сферическая) конструкция жилищ сохранялась, как мы видели, у очень немногих народов Сибири; у угорских народов она даже применялась для сооружения довольно сложных, относительно усовершенствованных прямоугольных шалашей с односкатной и четырехскатной крышей (табл. XXIV, 3).

Наиболее распространены были почти у всех народов Сибири (как у оседлых, так и кочевых) конические шалаши (чумы), по своему устройству чрезвычайно сходные между собой. Каркас их состоял из наклонно установленных в плане круга шестов, которые, перекрещиваясь концами, принимали форму конуса. Несмотря на общее сходство, конструкция конических шалашей имела в деталях некоторые различия, которые дали возможность связать разновидности этих шалашей с определенными этническими группами. Такими конструктивными отличиями являлись способ крепления верхушек основных шестов и устройство приспособлений для подвешивания очажных крюков. На основании этих признаков мы можем выделить следующие основные разновидности конических шалашей: ненецкий, селькупский, нганасанский, кетский, южнотюркский (саяно-алтайский), тувинский и тунгусский.

В ненецком шалаше было два или три основных шеста, верхушки которых соединялись веревочной или ременной петлей, пропущенной через специальные отверстия. Приспособление для подвешивания очажных крюков состояло из двух горизонтальных шестов, передние концы которых прикреплялись к двум шестам у входа, задние — к одному шесту у стены, противоположной входу (табл. XXIV, 4).

В шалаше тазовских селькупов на конце одного из основных шестов делалось отверстие, в которое пропу-

скалась ременная или веревочная петля. Очажный крюк подвешивался к верхушке шалаша (табл. XXIV, 5).

В нганасанском и энецком шалашах основных шестов было два. На конце одного из них делалось два или три отверстия разного диаметра, куда просовывался конец второго основного шеста. Приспособление для подвешивания очажных крюков, состоявшее из двух горизонтальных шестов (так же как и у ненцев), прикреплялось к трем специально поставленным для этой цели шестам (табл. XXIV, 6).

В кетском шалаше один из двух основных шестов имел на конце развилку, куда вкладывался конец второго шеста. К ним привязывали обруч, к которому дополнительно прикрепляли еще три шеста. Остальные шесты свободно приставляли к обручу. Обруч одновременно служил подставкой для горизонтальной палки, к которой подвешивали очажные крюки (табл. XXIV, 7). У ело-гуйских кетов очаг и приспособление для подвешивания котлов устраивались по-иному (табл. XXIV, 8).

В южнотюркском шалаше основу составляли четыре жерди с развилчатыми концами, которые устанавливались в виде ребер пирамиды. Снаружи к ним привязывали два обруча, к которым приставляли остальные жерди остова. Очаг представлял собой костер, очажных крюков не было (табл. XXIV, 9).

В тувинских шалашах крепление шестов производилось тремя способами. При первом способе концы шестов втыкались в отверстия деревянного обруча подобно обручу решетчатых шалашей; при втором — на одном из основных шестов оставляли естественную развилку, если имелось подходящее дерево; при третьем — связывали концы трех основных шестов, которые устанавливали в виде треноги. Очаг представлял собой костер, очажных крюков не было (табл. XXIV, 10).

В тунгусских шалашах крепление шестов производилось четырьмя различными способами. При первом способе устанавливали в виде треноги или пирамиды три или четыре шеста, концы их перекрещивались без всяких креплений; к ним приставляли в плане круга остальные шесты остова. Этот способ был распространен у енисейских, приамурских и сахалинских эвенов, у эвенов Катангского и Качугского районов Иркутской области и у ороков. При втором способе перекрещивающиеся концы шестов связывались. Такой способ был известен эвенкам, кочующим в верховьях Олекмы, южнее линии Лена—Витим, эвенкам Саккырырского и Момского районов Якутии. При третьем способе концы шестов не перекрещивались, а упирались своими верхушками, образуя острую вершину. Этот способ был распространен у енисейских и олекминских эвенов. При четвертом способе верхушки двух основных шестов перекрещивались и удерживались

при помощи оставленных ветвей. Он был известен аяно-нельканским эвенкам (табл. XXIV, 11). Характерной особенностью приспособления для подвешивания очажных крюков у эвенков и эвенов являлось наличие одного или двух горизонтальных шестов, привязываемых одним концом к шесту, установленному несколько отступая от центра шалаша, другим — к шесту стены, противоположной входу, или к двум шестам, установленным в центре шалаша (табл. XXIV, 12).

Скрепления шестов конических шалашей у хантов и манси, долганов и северных якутов сходны с вышеупомянутыми способами скрепления. Известно, что ханты и манси заимствовали конический тип жилища у ненцев, поэтому у северных групп угорских народов скрепление шестов производилось ненецким способом, у южных — тунгусским (перекрещиванием и завязкой). У долганов встречались как иганасанский, так и тунгусские способы скрепления основных шестов. Зато у них совсем по-иному устраивалось приспособление для подвешивания очажных крюков. Два горизонтальных шеста прикреплялись передними концами к шесту, установленному (отступая от центра) против входного отверстия; задними концами — к шестам стены, противоположной входу (табл. XXIV, 13). У якутов-оленьеводов Таймыра, вплоть до Анабара, скрепление основных шестов было такое же, как и у долганов. У оленекских якутов был распространен второй тунгусский способ скрепления. Если у таймырских и захатангских якутов приспособление для подвешивания очажных котлов было такое же, как у долганов, то у других групп северных якутов оно было, как у эвенков, т. е. состояло из одного горизонтального шеста, привязанного к двум шестам: к одному — в центре шалаша, к другому — на противоположной от входа стене.

Отмеченные выше особенности деталей устройства шалашей позволяют высказать некоторые соображения. Петельное скрепление основных шестов конического шалаша было свойственно самодийским народам, за исключением иганасанов и энцев. Двухшестное приспособление для подвешивания очажных крюков было характерно также для самодийских народов, за исключением селькупов, а также долганов и таймырских якутов. Тунгусские способы скрепления основных шестов были более примитивными. Одношестное устройство для подвешивания очажных котлов было характерно для эвенкийских и эвенских конических шалашей.

У кетов мы имеем как развилчатое соединение, так и обруч, т. е. оба элемента, встречавшиеся в шалашах южных тюрок Сибири. В тюркских шалашах отсутствуют очажные крюки, а следовательно, и приспособления для их подвешивания. У тувинцев крюк заменялся железным таганом.

Выпадает по своей сложной конструкции старинный берестяной якутский конический шалаш, на котором следует остановиться подробнее. У старых исследователей мы встречаем ошибочные высказывания о происхождении этого жилища. Так, А. Ф. Миддендорф считал якутскую урасу эвенкийским жилищем (*ütän*), заимствованным и расширенным якутами.¹ В. Ф. Троцанский на том основании, что у якутов существовало слово *буор ураха* («земляная ураса»), считал, что берестяная ураса была также и зимним жилищем и что она когда-то обкладывалась дерном или обмазывалась глиной.²

Оба исследователя допускают ошибку, путая два совершенно различных по конструкции жилища, имеющих сходство лишь по внешней конической форме. Конструкция якутской урасы не может быть связана генетически с эвенкийским *утэн*. Термин *буор ураха* ничего еще не доказывает. Якуты им называют конические шалаши, крытые землей, вероятно, заимствованные от эвенков. Эти шалаши не имеют конструктивно ничего общего с берестяной урасой. Последняя никогда не была зимним жилищем и не обкладывалась дерном.

Берестяная якутская ураса представляла собой фундаментальную постройку, которая не разбиралась на зиму. Несмотря на коническую форму урасы, столь далекую от формы цилиндрических решетчатых шалашей южных кочевников Сибири, в деталях ее устройства мы

находим в измененном виде некоторые элементы, свойственные решетчатым цилиндрическим шалашам.

Ввиду обилия строительного материала в якутской урасе решетчатые стенки и шесты покато́й крыши были заменены длинными жердями, которые у верхних концов привязывались к обручу, образовывавшему дымовое отверстие. Не трудно видеть в этом обруче подобие верхнего круга решетчатого шалаша. Еще разительнее становится сходство якутской урасы с решетчатым шалашом, когда мы ознакомимся с некоторыми деталями ее внутреннего устройства. Невольно приходит мысль, не является ли узорная волосная веревка, в качестве украшения перевивающая нижний обруч якутской урасы, той самой узорной волосной веревкой, которая таким же образом опоясывала верхние края решеток в южных шалашах. Орнаментированную берестяную покрывку урасы также можно сравнить с орнаментированными покрывками некоторых видов южных решетчатых шалашей. К сожалению, мы лишены возможности продолжить дальнейшие сравнения ввиду отсутствия детального описания и чертежей внутреннего устройства решетчатых шалашей. Обратим внимание и на внешнюю форму якутской урасы, отдаленно напоминающую форму решетчатых шалашей. Все известные нам конические шалаши народов Сибири не имеют той округлости стен, которую имеет якутская ураса.

Односкатных шалашей, рассчитанных на длительное проживание, мы у народов Сибири не обнаружили, хотя односкатные заслоны в виде укрытий были распространены очень широко. Что касается двухскатных шалашей, то их можно на основании конструктивных особенностей разделить на угорские и тунгусо-маньчжурские. Последние территориально связаны с юго-восточными тунгусо-маньчжурскими народами, включая народы Приамурья.

Хантам и манси были известны две разновидности двухскатных шалашей. Первая, встречавшаяся на средней Оби, представляла собой как бы два односкатных шалаша, поставленных открытыми сторонами один против другого таким образом, что между ними оставалось узкое пространство во всю длину шалаша, служившее отверстием для выхода дыма. При этом каждая из половин имела свои стойки с развилчатыми концами. Эта конструкция полностью сохраняла особенности односкатных заслонов (табл. XXV, 1). Во второй разновидности двухскатных шалашей эти заслоны соединяются в верхней части, причем отпадает необходимость в четырех стойках, остаются только две, но узкое пространство между ними сохраняется вдоль коньковой балки на правом скате крыши шалаша (табл. XXV, 2). Наконец, продольное пространство заменяется прямоугольным отверстием в середине крыши двухскатного шалаша.

Характерной конструктивной особенностью тунгусо-маньчжурских двухскатных шалашей (сюда мы относим и нивхские) можно считать устройство стоек для удерживания коньковой балки, служившей опорой для стропил (одновременно являвшихся и каркасом стен). У одних народов (в том числе и у народов Приамурья) стойки совершенно совпадают с угорскими — два столба с развилками. Здесь мы имеем, вероятно, простое совпадение, поскольку в прошлом угорские народы и народы Приамурья вряд ли имели культурный контакт. У других народов стойки из столбов с развилками заменялись двумя парами перекрещивающихся жердей, скрепленных связками (табл. XXV, 3). Насколько нам известно, такая разновидность стоек для двухскатных временных и постоянных жилищ встречалась только у народов Приамурья. В них сохранилась без изменения конструкция примитивного двухскатного укрытия.

Необходимо обратить внимание на своеобразное устройство двухскатного летника ороков. В нем стойки для коньковой балки также состояли из двух пар перекрещивающихся жердей, но отличалось устройство стен переднего и заднего фасадов. Фасады имели не прямые стенки, как у всех других народов Приамурья, а полукруглые, в форме половин конусов. Они получались благодаря наклонно приставленным (в плане полукруга) жердям остова фасадных стен (табл. XXV, 4).

Из прямоугольных шалашей совершенно своеобразную конструкцию имели угорские шалаши с односкатной и четырехскатной крышей. Стойки для верхних обвязок этих шалашей были на концах с развилками и

¹ А. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II, отд. VI. СПб., 1878, стр. 780.

² В. Ф. Троцанский. Наброски о якутах Якутского округа. Казань, 1911, стр. 7.

в этом отношении особенно не отличались от стоек, встречавшихся в жилищах других народов Сибири. Но совершенно своеобразное, больше нигде не встречающееся устройство имели жерди каркаса стен и крыши. В шалашах с односкатной крышей вертикальные жерди задней стороны остова вкапывались нижними концами в землю и по линии верхней обвязки сгибались под углом и образовывали стропила крыши (табл. XXV, 5). У шалаша с четырехскатной крышей концы загнутых жердей перекрещивались и закреплялись завязкой (табл. XXV, 6).

Также совершенно особую конструкцию имел прямоугольный шалаш с двухскатной крышей казымских хантов, составленный как бы из двух шалашей, приставленных открытыми сторонами друг к другу так, что между верхними краями крыш оставалось узкое продольное пространство во всю длину шалаша, служившее отверстием для выхода дыма. Стропила закреплялись своеобразным образом, нигде больше в Сибири не встречающимся (табл. XXV, 7). Другая разновидность прямоугольного двухскатного шалаша у хантов имела более примитивную конструкцию. Этот шалаш также представлял собой как бы два односкатных шалаша, поставленных открытыми сторонами друг против друга. Но расстояние между ними оставалось такое широкое, что там устраивался настил для копчения рыбы (табл. XXV, 8).

Но у хантов были и другие прямоугольные шалашы с двухскатной крышей. Основу их составляли десять фасадных стоек с развилчатыми концами (по пяти с каждого фасада), имевших различную длину. Эти стойки служили опорой для пяти продольных балок, средняя из которых являлась коньковой балкой. Концы стропил перекрещивались и на них клалась вторая продольная балка параллельно нижней коньковой балке. Каркас стен состоял из вертикально поставленных жердей (табл. XXV, 9).

Конструктивные особенности имели тувинские прямоугольные шалашы, покрытые корой. Основу шалаша составляли четыре стойки с верхней обвязкой, крыша костром была четырехскатной (табл. XXV, 10).

Тюркские шалашы имели установленные в плане прямоугольника четыре стойки, служившие опорой стен в забирку.¹ Крыша была костром или коническая (табл. XXV, 11).

Эвенкийские прямоугольные шалашы с двухскатной крышей в основе своей конструкции напоминали угорские, но были более упрощенными. В них фасадных стоек было только шесть. Из них две средние (высокие) поддерживали коньковую балку. В одной из разновидностей шалаша нижние концы фасадных стропил опирались на дополнительные стойки, привязанные к угловым стойкам (табл. XXV, 12). Другое отличие эвенкийских шалашей заключалось в том, что угловые стойки соединялись средними и нижней обвязками, служившими для удерживания коревой покрывки стен.

Конструкция прямоугольных шалашей с двухскатной крышей, широко распространенных в прошлом у народов Приамурья, была сходна с конструкцией угорского шалаша с тем различием, что у амурских шалашей фасадных стоек с развилками было шесть, и, кроме того (по крайней мере у ульчского шалаша, по другим народам сведений не имеем), верхние концы стропил скреплялись совершенно особым способом: на конце одного стропила делалось отверстие, куда просовывался конец другого стропила (табл. XXV, 13, а).

Нивхский прямоугольный двухскатный шалаш имел по три стойки на каждом фасаде, которые соединялись тремя средними обвязками. Конструкция крыши имела своеобразные особенности в деталях. Так, нижние концы фасадных стропил имели загиб, образованный естественным загибом корня дерева. Такое устройство удерживало нижнюю слегу обрешетки крыши. Верхние концы стропил были с полукруглым вырезом, которым обхватывали сверху коньковую балку (табл. XXV, 13, б).

Большой интерес для понимания того, как могли возникнуть прямоугольные шалашы с двухскатной крышей у народов Приамурья, представляет один вид нивхского шалаша. У него стропила двухскатной крыши

из длинных жердей достигали земли, образуя как бы двухскатный шалаш, внутри которого находилось пристроенное помещение. Подтверждением нашего предположения является и тот факт, что орочи иногда внутри двухскатных шалашей устраивали боковые вертикальные стены (табл. XXV, 14).

Мы здесь не рассматриваем амурских шалашей, известных часто в литературе под названием «фанз» и имевших своеобразную систему отопления.

В шалашах пирамидообразной формы бросается в глаза общее для всех них конструктивное сходство: основа из четырех наклонно поставленных жердей, соединенных верхушками и образующих грани пирамиды. Встречались они у угорских народов и эвенков, от последних были заимствованы долганами, северными якутами и юкагирами. У нас нет никаких сведений относительно бытования пирамидообразного шалаша у эвенков Верхней и Подкаменной Тунгусок и у восточных эвенков. В коллекциях Музея антропологии и этнографии мы обнаружили лишь фотографию пирамидообразного шалаша у забайкальских эвенков. Учитывая исключительную бедность литературы по сымским, подкаменно-тунгусским и верхнетунгусским группам эвенков, можно предположить, что эти жилища могли легко выпасть из поля зрения путешественников. Наблюдения последних в подавляющем большинстве носили случайный характер, тем более, что поездки осуществлялись обычно в летний сезон, когда эвенки кочевали в конических шалашах на летней территории, не совпадающей с территорией зимних кочевков (пирамидообразные же шалашы у эвенков в основном являлись зимними жилищами). Нам хотелось бы обратить внимание на сходство одной из разновидностей пирамидообразного шалаша угорских народов (табл. XXV, 15) с пирамидообразным шалашом тунгусских народов (табл. XXV, 16). Такое сходство жилищ довольно сложной конструкции вряд ли случайно. Ханты в прошлом территориально соприкасались с западными эвенками и могли вступать с ними в культурные взаимоотношения. Следовательно, здесь могло иметь место заимствование.

В дальнейшем у угорских народов усовершенствование конструкции пирамидообразного шалаша шло за счет увеличения дополнительных наклонных жердей, служащих для поддержки горизонтальных стесов, образующих сложный каркас стен (табл. XXV, 17). У тунгусских же народов оно шло по линии устройства плоской крыши. Для этого прежняя обвязка, служившая одновременно опорой наклонных стен и дымовым отверстием, стала устраиваться ниже и получила новое назначение — удерживать настил плоской крыши. При этом обвязка теряла одну из своих прежних функций — переставала служить дымовым отверстием, так как последнее устраивалось особо посередине плоской крыши (табл. XXV, 18). То обстоятельство, что пирамидообразные шалашы с плоской крышей имели локальное распространение (у долгано-якутского населения и частично у территориально близких к ним эвенков), заставляет нас сделать предположение, что появление на этой территории плоской крыши связано с приходом якутов. Вероятно, якуты в подражание крыше своих балаганов (жилищ в форме усеченной пирамиды) стали делать и пирамидообразные шалашы с плоской крышей. Нашу попытку в одной из своих работ объяснить происхождение якутского шалаша в форме усеченной пирамиды от конического шалаша следует признать ошибочной.¹ Якутский шалаш в форме усеченной пирамиды совсем иного происхождения.

Из шалашей, имеющих форму усеченной пирамиды, можно выделить три разновидности: угорский, кетский и тюркский. Угорские и кетские шалашы ведут свое происхождение, видимо, от конических шалашей; тюркский — возник, вероятно, самостоятельно, так как имеет такие конструктивные особенности, которые можно связать только с жилищем тюркских народов Сибири.

В угорской разновидности этого шалаша отпадала необходимость в скрещивании верхушек четырех наклонных основных жердей, поскольку концы их под-

¹ С подобными же стенами в забирку встречались многоугольные шалашы у хакасов.

¹ А. А. Попов. Кочевая жизнь и типы жилищ у долган. Сибирский этнографический сборник, I. Труды ИЭ АН СССР, новая серия, т. XVIII, М.—Л., 1952.

держивались прямоугольной вязкой (табл. XXVI, 1). В некоторых случаях отверстие прямоугольной вязки служило окном, в других — оно застилалось, и таким образом получалась плоская крыша.

В кетской разновидности шалаша четыре основных наклонных жерди не образовывали ребер пирамиды, так как устанавливались параллельно и попарно соединялись под острым углом с помощью верхней прямоугольной обвязки. Для придания каркасу формы усеченной пирамиды приставлялись наклонно под углом дополнительные жерди (табл. XXVI, 2).

Примитивные тюркские шалаши в плане имели форму удлиненного прямоугольника, более совершенные — квадрата. Основу их составляли стойки, установленные в плане прямоугольника и соединенные верхней обвязкой из балоков, которые образовывали как бы прямоугольную раму (табл. XXVI, 3). Стены делались из жердей или плах, наклонно приставленных к сторонам обвязки. В наиболее примитивных шалашах (алтайских) крыша отсутствовала, верхние концы жердей боковых стен далеко выступали вверх и образовывали продольную узкую щель во всю длину шалаша, служившую дымовым отверстием (табл. XXVI, 4). В усовершенствованных шалашах устраивалась крыша. В этих случаях верхние концы жердей стен не выступали за балки верхней обвязки. В одной из разновидностей якутского временного шалаша четыре стойки заменялись четырьмя перекрещивающимися жердями. Шалаши такой конструкции можно считать типичными для всех сибирских тюрков. Они не встречались только у тофаларов. Шалаши со стойками и с верхней обвязкой, но со стенами не из жердей, поставленных наклонно, встречались, как мы видели, и у тувинцев.

Нам хотелось бы более подробно остановиться на якутском балагане — шалаше в форме усеченной пирамиды с плоской крышей (табл. XXVI, 5). Относительно происхождения якутского балагана имеется несколько различных точек зрения. В. Ф. Трошанский считал его заимствованным от русских;¹ В. Л. Серошевский предполагал, что якуты получили его «от неизвестных соседей, аборигенов»² на Амгинско-Ленском плоскогорье. Обе эти точки зрения следует считать ошибочными. Якутский балаган конструктивно ничем не отличается от шалаша южных тюрков и даже по внешнему виду подобен одной из разновидностей сагайского шалаша (табл. 16, 1). Правда, сагайский шалаш отличался от якутского балагана тем, что не имел окон и чувала. Но в работе И. Георги имеется следующее любопытное сообщение о якутских балаганах: «Свет приходит в них делаемым в потолке отверстием, в которое и дым выходит. В самой середине юрты горит огонь, а около одного проделаны низменные татарские полати».³ Следовательно, в XVIII в. якутские балаганы не имели ни окон, ни чувала, последние появились, вероятно, под влиянием русских. Наше предположение подтверждается некоторыми лингвистическими данными. Окно по-якутски называется *туннук*. Это ничто иное, как тюркское *tüñlük* ~ *tüñlik* ~ *tüñik* ~ *tüñük* — отверстие для выхода дыма;⁴ чувал имеет два названия: *көмүлүк* от русского слова «камельк» и *оһох* от тюркского *очак*, *очок* — «очаг». Все это, очевидно, говорит о том, что якуты перенесли название дымового отверстия, одновременно служившего для проникновения света, на окно; название очага — на чувал.

В связи с этим следует отметить следующий интересный факт. Чувалы в прошлом имели у народов Сибири локальное распространение. Они были известны угорским народам, кетам и селькупам; из тюркских народов — только шорцам, телеутам, челканцам и кызылцам. Мнение вышеупомянутых исследователей о том, что персидское слово «балаган» было принесено якутам русскими, вызывает сомнение, поскольку это слово встречается и у бурят.

У народов Сибири встречались шалаши с плетеными

¹ В. Ф. Трошанский, ук. соч., стр. 4.

² В. Л. Серошевский. Якуты, т. I. СПб., 1896, стр. 358.

³ И. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей, ч. II. СПб., 1776, стр. 182.

⁴ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. III, вып. V. СПб., 1903, стр. 1545, 1553, 1555.

стенами, обложенными дерном; к сожалению, они почти не описаны. Возможно, что такие шалаши могли возникнуть в безлесных степных местностях, как например у барабинцев. Однако подобные шалаши существовали и у некоторых народов лесной полосы Сибири, где, казалось бы, не было необходимости делать плетеные стены ввиду обилия строительного материала. Так, И. Георги указывает на существование в XVIII в. у абинцев (шорцев), живших по Кондоме и Мрассу, хижин, «из хворосту выплетенных».¹ Шалаши с плетеными стенами были известны также сибирским татарам и телеутам.

Переходя к описанию цилиндрических шалашей, мы отдельно рассмотрим тюрко-монгольские и палеоазиатские шалаши ввиду конструктивных различий между ними, говорящих о совершенно самостоятельном развитии тех и других.

Наиболее совершенные цилиндрические шалаши — решетчатые. По изогнутости шестов остова крыши их принято делить на тюркские и монгольские. Алтайские, хакасские и тувинские решетчатые шалаши должны быть отнесены к монгольским. Шесты остова крыши у них прямые и совпадают с шестами крыши бурятских (монгольских) шалашей, совпадают также и другие детали конструкции. Это, очевидно, говорит о том, что решетчатые юрты были заимствованы южными тюрками от монголов. Благодаря прямым шестам остова крыши верхушка решетчатого шалаша имела коническую форму (табл. XXVI, 6), тогда как у тюркских народов Средней Азии (у казахов и других) она была сферической формы. У южных тюркских народов бытовали еще цилиндрические шалаши нерешетчатой конструкции; каркас стен этих шалашей состоял из вертикальных жердей, установленных в плане круга (табл. XXVI, 7). На основании чертежей телеутского и сагайского шалашей (табл. XIII, 6, 7) можно предполагать, что нерешетчатые шалаши возникли из решетчатой юрты. В этих шалашах и юртах имеются такие общие конструктивные элементы, как верхний обруч, стропила крыши и, наконец, нижний обруч, который в нерешетчатых шалашах мог заменяться веревочной вязкой. Однако можно предположить и иное происхождение цилиндрических нерешетчатых шалашей. В некоторых случаях они могли возникнуть и из конических жилищ. На это указывает следующее сообщение П. С. Палласа о чулымских татарах: «Здесь крещенные татары живут летом в мерзких юртах, кои состоят частью из связанных вверху шпичами кольев, частью же из березовых кольев, кои будучи с самой земли около некоторых больших обручей утверждены и обломаны, составляют вид калмыцкого шалаша и устланы сильно разваренными и вместе спитыми берестами».²

Необходимо обратить внимание и на то обстоятельство, что в одной из разновидностей хакасского нерешетчатого шалаша верхний обруч поддерживается двумя длинными жердями, скрепленными верхушками под углом, которые можно принять за остаток жердей конического шалаша (табл. XXVI, 8).

Не вызывает сомнения происхождение кызыльского цилиндрического шалаша с плетеными стенами от решетчатого. Такого же происхождения, вероятно, и многоугольные шалаши хакасов и тувинцев, имеющие типичные тюркские конструктивные элементы — стойки, соединенные верхней обвязкой (табл. XXVI, 9). Первоначальная цилиндрическая форма этих шалашей должна была стать многогранной из-за особенностей нового материала — дерева.

Шалаши северо-восточных палеоазиатов можно разделить на постоянные и переносные. Первые в свою очередь — на чукотско-эскимосские и корякские. Несмотря на территориальную близость и сходство культуры чукчей и коряков, постоянные жилища их конструктивно сильно отличались.

Чукотско-эскимосские шалаши имели цилиндрическую форму и, несомненно, возникли совершенно самостоятельно, независимо от цилиндрических шалашей других народов Сибири. В отличие от тюрко-монгольских шалашей они, как мы видели, в плане имели овал, благодаря чему острая верхушка конической крыши оказалась сдвинутой от центра, и крыша поэтому полу-

¹ И. Георги, ук. соч., ч. II, стр. 167.

² П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, половина I. СПб., 1788, стр. 449.

чила асимметричную форму. Каркас стен состоял из вертикальных столбов (которые могли быть китовыми ребрами), соединенных на концах обручем. Опорой верхних концов шестов, образующих каркас крыши, служил столб, поставленный внутри шалаша отступя от центра (табл. XXVI, 10). Иногда этот столб заменялся треногой из жердей (табл. XXVI, 11). Второй характерной особенностью чукотско-эскимосских шалашей, отличающих их от жилищ других народов Сибири, была двухкамерность (наличие внутри пологов).

Корякские постоянные шалашы были полуподземными, восьмиугольной формы. Один из этих шалашей — западный — имел на крыше своеобразный раструб (табл. XXVI, 12), другой — восточный — был без раструба (табл. XXVI, 13). Характерной особенностью корякских шалашей являлись сени в виде узкого коридора. В шалаше с раструбом было два входа: один через верхнее отверстие (служившее дымоходом), второй через сени; в шалаше без раструба был один вход — только через сени. отверстие в крыше существовало, но использовалось только как дымовое.

Переносные шалашы (яранги), встречающиеся и по настоящее время у оленных коряков и чукчей, как нам кажется, сохранили некоторые элементы конструкции постоянных корякских шалашей: многогранность каркаса стен и остаток сеней, иногда имеющихся в корякских ярангах в виде коридора, покрытого шкурами. Необходимо также обратить внимание на отсутствие в корякских переносных шалашах опорных столбов для шестов, составляющих каркас крыши. Четыре жерди нельзя считать опорой, поскольку и без них шесты остова крыши прочно бы держались, так как концы их перекрещивались. Эти жерди составляли специальное приспособление для подвешивания очажных крюков и представляли остаток тех самых четырех столбов, которые ставились посередине корякского полуподземного шалаша. Три средние опорные жерди появляются только в чукотской яранге. Они являются привнесением в ярангу конструктивного элемента другого типа жилища (конического). Нет ничего особенного и в том, что в остальном конструкция яранги сильно разнится от конструкции постоянного шалаша. Новое назначение жилища как переносного должно было привести к большим изменениям.

Возникновение корякско-чукотского переносного шалаша (яранги) по нашему мнению связано с возникновением оленеводства у этой группы палеоазиатов. Учитывая южное местоположение коряков, естественно предположить, что они раньше чукчей заимствовали оленеводство у эвенов. Изменение оседлого быта вынудило коряков создать новое кочевое жилище на основе сильно измененной конструкции старого. Наличие цилиндрико-конического типа жилища (соединение яранги с коническим шалашом) у эвенов является подтверждением этого предположения (табл. XXVI, 14).

Интересно отметить, что эвены, передав оленеводство палеоазиатам, сами вынуждены были заимствовать более удобный по сравнению с коническими шалашами новый тип жилища и распространили его далеко на северо-запад вплоть до Лены (табл. XXVI, 15).

Говоря о полуподземных жилищах палеоазиатских народов и айнов, мы должны обратить внимание на неточность терминологии. В одних случаях эти жилища называли землянками, в других — подземными жилищами. Первый термин неточный, а второй — неправильный, вносит путаницу. В прошлом палеоазиатские народы никогда не имели подземных жилищ, за исключением ительменов, у которых стены шалаша находились в земле на глубине 1—1.5 м. Палеоазиатские жилища были полуподземные. Мы можем лишь отнести к подземным, и то с большой натяжкой, прямоугольные старинные шалашы эскимосов, которые, по словам Г. А. Меновщикова, соорудились в склоне холма.

В историческом плане представляют большой интерес, к сожалению, плохо описанные, полуподземные шалашы айнов Курильских островов. Они имеют отдаленное сходство с полуподземным жилищем эскимосов Южной Аляски, описанным Э. В. Нельсоном.

Что же касается подземного жилища айнов в форме усеченной пирамиды, то, как можно судить по единственному чертежу разреза из работы Р. Торни, оно по своей конструкции имело большое сходство с нивхским подземным жилищем.

Одним из древних типов подземного жилища, очевидно, следует считать искусственные пещеры, в которых, по рассказам, жили предки селькупов (остатки этих жилищ были найдены Е. Д. Прокофьевой и описаны ею).¹ От предков селькупов они, очевидно, были заимствованы и угорскими народами. Однако мы имеем сведения о существовании подобных жилищ и у других народов, которые в настоящее время относятся к тюркской группе. Так, И. Георги сообщает о жилищах телеутов следующее: «В прежние времена делали они себе хижинки в ярах или расселинах гор, так что гора служила оградой с трех сторон; крышу и переднюю стену делали из хворосту и прочее». ² Отсюда становится понятным, почему у телеутов, живших в лесной полосе, были шалашы со стенами, плетеными из хвороста. Хотя пещерные жилища и исчезли, но плетеные стены по традиции делали и при постройке жилища нового типа. И. Георги также сообщает о жилищах с плетеными стенами у абинских татар, живших по Кондоме и Мрассе. ³ Это заставляет предполагать, что в далеком прошлом и у них существовали пещерные жилища. По устному сообщению П. И. Каралькина, записанному со слов стариков, подобные пещерные жилища изредка встречались у кызыльцев еще в XIX в. Таким образом, на одном из древнейших типов жилищ прослеживаются культурные связи между селькупами, угорскими народами и северо-западными тюрками.

В работе У. Т. Сирелиуса описано распространенное у угорских народов и селькупов весьма интересное подземное жилище в виде прямоугольной глубокой ямы с узким входным коридором. ⁴ Здесь невольно возникает мысль, не является ли древнее пещерное жилище предков селькупов его прототипом.

В XIX—XX вв. на Амуре сохранились два типа подземных жилищ. Один — в виде прямоугольной ямы с двухскатной крышей (у нанайцев). Возможно, такого же устройства было исчезнувшее подземное жилище ульчей. Второй (у нивхов) — в форме усеченной пирамиды — имел сходство с зимними жилищами айнов.

Из срубных жилищ народов Сибири представляют большой интерес некоторые разновидности жилищ прямоугольного типа, с двухскатной крышей. Эти жилища имели фасадные стены с фронтоном в форме треугольника, к которым прикреплялись концы слег обрешетки крыши, окно было расположено посередине крыши, имелся чувал.

Переходя к рассмотрению многоугольного типа срубных жилищ, мы не можем не обратить внимания на одну подробность. И. Георги, отмечая наличие многоугольных срубов у бурят, обходит полным молчанием хакасов. Вряд ли следует считать это обстоятельство случайным. Не говорит ли сообщение И. Георги о позднем появлении многоугольного жилища у хакасов?

Надо полагать, что тюрки заимствовали многоугольный тип срубного жилища у бурят. У последних форма этого жилища воспроизводила форму войлочной юрты, и появление его было, вероятно, вызвано отсутствием войлока. Это подтверждается тем, что многоугольное срубное жилище было распространено у лесных (западных) бурят, в то время как решетчатая войлочная юрта — у степных (южных). Как мы видели выше, крыша в бурятских многоугольных срубах поддерживалась четырьмя столбами. Точно таким же образом прежде поддерживалась крыша и в хакасском многоугольном срубе, о чем, как указывалось выше, пишет Е. К. Яковлев: «...на встречающемся редко явлении, где свод деревянной юрты тем не менее поддерживается 5 жердями (пятью, а не четырьмя? — А. П.), расположенными внутри юрты кругом очага, мне указывали инородцы, как на пережиток древности; да и в самом деле, эти 5 жердей, сильно стесняя обитателей, оказывались совершенно излишними». ⁵ Это сообщение служит прямым доказательством того, что хакасы заимствовали многоугольный сруб у бурят. Заимствовав этот тип жилища, тюрки усовершенствовали его, изменив устройство крыши.

¹ Е. Д. Прокофьева. Древние жилища на реках Тым и Кеть. Советская этнография, № 2, 1947.

² И. Георги, ук. соч., ч. II, стр. 161.

³ Там же, стр. 167.

⁴ U. T. Sirelius. Über die primitiven Wohnungen der finnischen und Ob-ugrischen Völker. Finnisch-ugrische Forschungen Zeitschrift für Finnisch-ugrische Sprach- und Volkskunde, Band VII, Heft 1—3, 1907, стр. 106, 107.

⁵ Е. К. Яковлев, ук. соч., стр. 32.

Убрав неудобные столбы, хакасы изобрели для крыши конструкцию костром (которая от них, вероятно, была заимствована и якутами). Тувинцы хотя и научились от хакасов делать крышу костром, но наряду с этим в многоугольных срубах сохраняли и бурятскую конструкцию на четырех столбах.

В отношении жилищ на сваях известно, что они встречались только у угорских народов и нивхов. Возможно, что такие жилища в прошлом были широко распространены в Приамурье и на Крайнем Северо-Востоке (у коряков и ительменов) в качестве хозяйственных построек.

Таковы наши соображения о происхождении некоторых типов жилищ народов Сибири. Необходимо напомнить, что нашей задачей являлось описание жилищ народов Сибири в определенный строго ограниченный хронологический период, во второй половине XIX и начале XX в. В указанное время некоторые народы от старых жилищ перешли к русским срубным измам (например, ительмены, некоторые группы западных татар — тюменские, бухарские, тобольские и другие). К народам, утратившим полностью не только свои самобытные жилища, но и всю материальную культуру, относятся юагиры, которые в указанное время жили в срубах русского типа, в якутских балаганах, в эвенкийских чумах и пирамидообразных шалашах, в эвенских переносных цилиндрических шалашах. Как рано начался у юагиров процесс консолидации с соседними народами, показывает сообщение И. Георги, в котором говорится, что уже в XVIII в. юагиры проживали в якутских юртах.¹ В отношении собственных жилищ юагиров мы имеем только краткие упоминания об остатках подземных жилищ в работах Ф. П. Врангеля² и М. Геденштрама.³

На основании вышеизложенного материала можно сделать некоторые общие выводы.

По распространению типов и вариантов жилищ в прошлом вся территория Сибири может быть разделена на две культурные изолированные области, которые мы условно назовем областью материковой культуры и областью приморской культуры.

Первая область занимала всю территорию Сибири, за исключением территории, населенной северо-восточными палеоазиатами.

Хозяйственная деятельность народов и племен, населявших область материковой культуры, была чрезвычайно разнообразной, начиная от примитивной охоты и рыболовства и кончая развитым скотоводством. Здесь этнические группы не были изолированы одна от другой, каждая из них вступала в культурное общение с соседними, в результате передавала свои и заимствовала чужие типы и варианты жилищ; получив их, часто совершенствовала применительно к своим условиям. В качестве примера для иллюстрации взаимного культурного общения между народами можем указать на хантов. Ханты не были аборигенами Сибири, но на новой родине в результате контакта с соседями они обогатили свою материальную культуру. Это обогащение коснулось и жилищ. Поэтому мы находим у них такое большое количество типов и вариантов жилищ, которое не наблюдается ни у одного из народов Сибири. С другой стороны, встречаются явления и иного порядка. Ненцы — народ южного происхождения, когда-то их предки жили южнее, в лесной полосе, и, вероятно, как и все народы лесной полосы, имели несколько типов жилищ. Но, попав в новую географическую среду, т. е. в зону Приполярья, они сохранили лишь один тип жилища — конический шалаш, — наиболее приспособленный для кочевой жизни в тундре, и не создали ни одного нового типа жилища.

Естественно, что процесс приспособления к географическим условиям происходил постепенно на основе долготелней практики и опыта. Мы можем указать на айнов, в прошлом жителей далекого юга, которые, столкнувшись с суровым климатом Сахалина, не совсем удачно сумели разрешить задачу приспособления жилища к новым при-

родным условиям. Они, продолжая жить в легких шалашах из коры, которые служили плохой защитой от холода, не нашли ничего лучшего, как зимой обкладывать снаружи стены соломой или травой. И только в некоторых районах Сахалина айны стали зимой пользоваться подземными жилищами, сходными по конструкции с нивхскими.

С приходом русских у народов области материковой культуры широкое распространение получают срубные жилища, напоминающие русские (описание последних не входило в нашу задачу). В связи с этим необходимо сказать несколько слов о срубной технике у народов Сибири. Надо полагать, что у угорских народов она появилась довольно рано (вероятно, в западных районах), задолго до освоения Сибири русскими. Вопрос о том, была ли срубная техника известна алтайским народам, остается открытым. Найденные С. И. Руденко на Алтае в курганных погребениях срубы, датируемые несколькими веками до нашей эры, не служат еще доказательством наличия срубной техники у населения Алтая в более поздний период. Мы склонны думать, что до прихода русских срубы алтайцам не были известны.

Вторая область — область приморской культуры — была населена народами, у которых в прошлом основным занятием являлся морской зверобойный промысел. Это были коряки, чукчи и эскимосы. У ительменов наряду с рыболовством также имел большое значение морской зверобойный промысел. Что касается сухопутной охоты, то на основании орудий охоты, описанных С. П. Крашенинниковым,¹ можно предполагать, что она у ительменов получила развитие с приходом русских.

У нивхов по линии жилищ связь прослеживается только с народами области материковой культуры. Правда, подземные жилища их стоят совершенно особняком и не находят аналогии с жилищами других народов Сибири. Нам кажется не убедительным связывать свайные хозяйственные постройки нивхов с палеоазиатскими. В нашу задачу не входило рассмотрение хозяйственных построек народов Сибири, но одно лишь наличие свайных хозяйственных построек у нивхов и у северо-восточных палеоазиатов (без подробного рассмотрения их конструкции) не служит еще доказательством культурной связи между этими народами. В прошлом хозяйственные постройки на сваях были довольно широко распространены и у других народов Сибири (у угорских народов, долганов, тунгусо-маньчжурских народов и оседлых якутов).

Конструкции жилищ народов области приморской культуры совершенно отличаются от конструкций жилищ народов области материковой культуры, что, очевидно, говорит о довольно позднем контакте северо-восточных палеоазиатов с южными пришельцами, т. е. современными народами материковой зоны. Каким образом могло сложиться подобное положение, вопрос сложный, который может быть разрешен совместными усилиями этнографов и археологов. Любопытно отметить, что такая изолированность культуры палеоазиатских народов была замечена нами и при изучении плетения и орудий охоты у народов Сибири.

Область приморской культуры отличалась бедностью типов жилищ. В ней были представлены только цилиндрические и многоугольные шалаша и одна разновидность прямоугольного шалаша с односкатной крышей (у эскимосов). Но эти жилища по своей конструкции значительно отличались от цилиндрического, многоугольного и прямоугольного типов жилищ других народов Сибири. Это, очевидно, говорит о самостоятельном развитии жилищ области приморской культуры.

За исключением яранги оленных чукчей и коряков, возникшей позже, с появлением оленеводства, другие типы жилищ северо-восточных палеоазиатов сходны с жилищами народов Северо-Западной Америки. Это было убедительно доказано в свое время В. И. Иохельсоном.²

¹ И. Георги, ук. соч., ч. II, СПб., 1777, стр. 59.

² Ф. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг., ч. II, СПб., 1841, стр. 141.

³ М. Геденштрам. Очерки о Сибири. СПб., 1830, стр. 97.

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, стр. 241—255.

² В. И. Иохельсон. Древние и современные подземные жилища племен Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки. Ежегодник Русского антропологического общества, т. II, СПб., 1908.

МАНСИ

1

2

3

4

ХАНТЫ

5

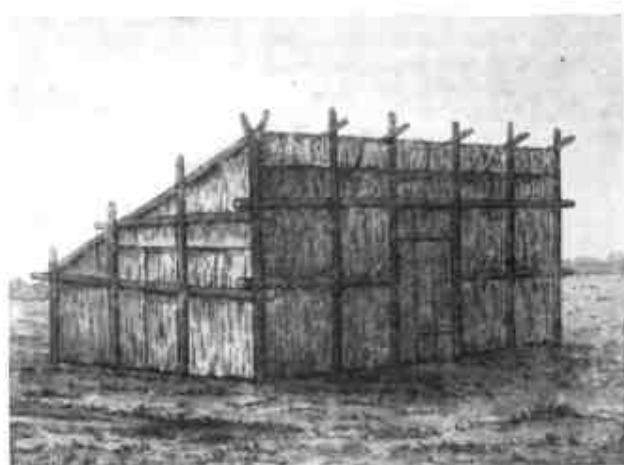
ТАБЛИЦА 1

1 — шалаш из гибких дуг; 2 — шалаш с двухскатной крышей; 3 — шалаш с четырехскатной крышей;
4 — конический шалаш с берестяной покрывкой; 5 — жилище из двух односкатных шалашей

ХАНТЫ

1

2

3

4

ТАБЛИЦА 2

1 — двухскатный шалаш; 2 — шалаш с односкатной крышей; 3, 4 — шалаши с двухскатной крышей.

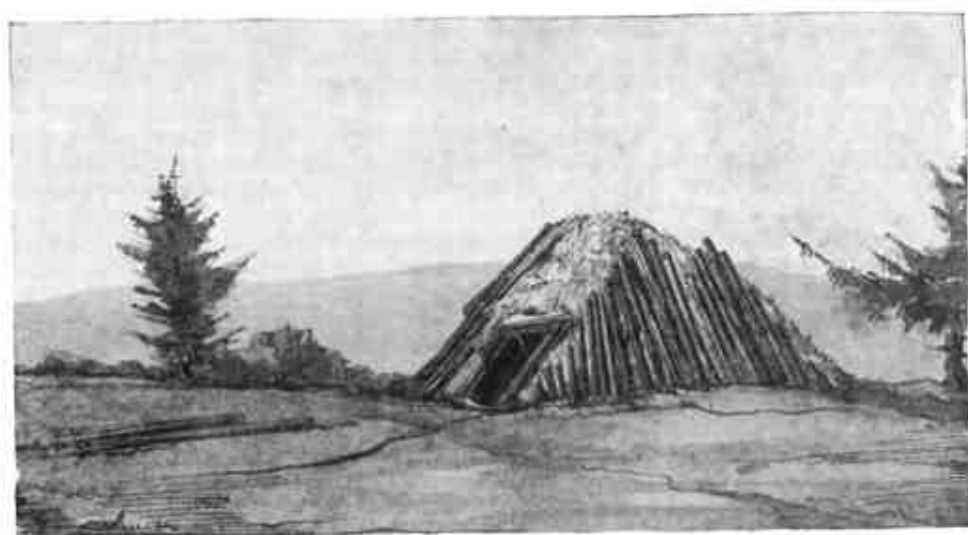
ХАНТЫ

1

2

3

4

ТАБЛИЦА 3

1 — конический шалаш, покрытый берестой; 2 — конический шалаш с покрывками из шкур; 3 — шалаш пирамидообразной формы; 4 — шалаш в форме усеченной пирамиды.

ХАНТЫ

1

2

3

ТАБЛИЦА 4

1 — сруб из досок; 2 — прямоугольный сруб; 3 — прямоугольные срубы на сваях.

ХАНТЫ

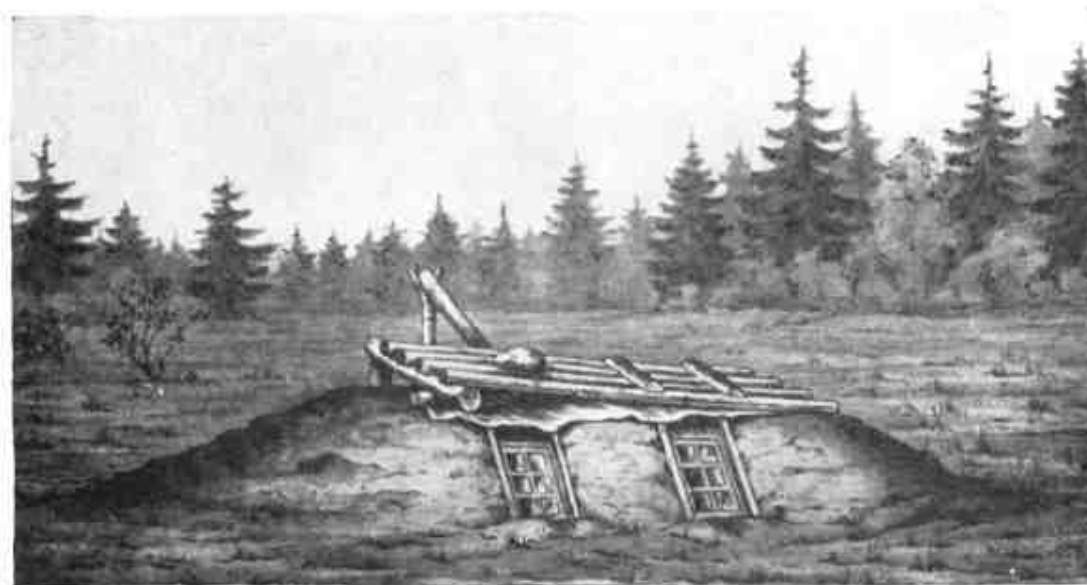

1

СЕЛЬКУПЫ

2

3

ТАБЛИЦА 5

1 — полуподземный сруб; 2, 3 — подземные жилища.

СЕЛКУПЫ

1

КЕТЫ

2

3

ТАБЛИЦА 6

1 — конический шалаш; 2 — шалаш в форме усеченной пирамиды; 3 — шалаш из гнутых дуг.

КЕТЫ

1

2

3

4

ТАБЛИЦА 7

1 — двойной шалаш из гнутых дуг; 2 — шалаш из гнутых дуг; 3 — конический шалаш; 4 — илимки (лодки).

НГАНАСАНЫ

НЕНЦЫ

ТАБЛИЦА 8

1 — детский конический шалаш; 2 — конический шалаш с покрышками из шкур;
3 — конический шалаш с покрышками из бересты.

БАРАБИНСКИЕ ТАТАРЫ

1

ШОРЦЫ

2

3

ТАБЛИЦА 9

1 — мазанка; 2 — шалаш в форме усеченной пирамиды; 3 — прямоугольный сруб.

ТУБАЛАРЫ

1

2

АЛТАЙ КИЖИ

3

ТАБЛИЦА 10

1 — двухскатный шалаш; 2 — прямоугольный сруб; 3 — конический шалаш.

АЛТАЙ КИЖИ

1

2

3

ТАБЛИЦА 11

1 — цилиндрический шалаш, покрытый войлоком; 2 — прямоугольный сруб; 3 — многоугольный сруб.

ТЕЛЕНГИТЫ

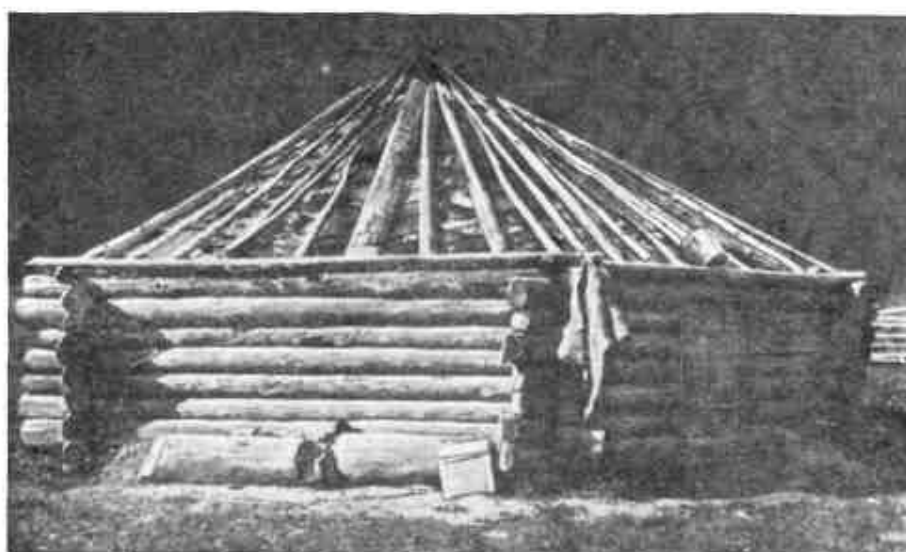
1

2

3

4

ТАБЛИЦА 12

1 — конический шалаш из досок; 2 — конический шалаш, покрытый войлоком; 3 — прямоугольный шалаш;
4 — прямоугольный сруб.

ТЕЛЕУТЫ

1

2

3

ТАБЛИЦА 13

1 — конический шалаш; 2 — прямоугольный шалаш; 3 — прямоугольный сруб.

ТЕЛЕУТЫ

1

2

КУМАНДИНЦЫ

3

ТАБЛИЦА 14

1 — прямоугольный сруб; 2 — многоугольный сруб; 3 — подземное жилище.

КАЧИНЦЫ

1

2

3

ТАБЛИЦА 15

1 — прямоугольный шалаш; 2 — шалаш в форме усеченной пирамиды; 3 — многоугольный сруб.

САГАЙЦЫ

1

2

3

ТАБЛИЦА 16

1 — шалаш в форме усеченной пирамиды; 2 — цилиндрический шалаш из коры;
3 — цилиндрический шалаш из досок.

БЕЛЬТИРЫ

1

КЫЗЫЛЫЦЫ

2

3

ТАБЛИЦА 17

1 — многоугольный сруб; 2 — цилиндрический шалаш; 3 — при моугольный сруб.

ТОФАЛАРЫ

1

ТУВИНЦЫ

2

3

ТАБЛИЦА 18

1, 3 — конические шалаши; 2 — прямоугольный шалаш.

ТУВИНЦЫ

1

2

3

4

ТАБЛИЦА 19

1 — конический шалаш; 2 — цилиндрический шалаш; 3 — многоугольный шалаш; 4 — многоугольный сруб.

БУРЯТЫ

1

ТАБЛИЦА 20

1 — прямоугольный сруб; 2 — многоугольный сруб.

ЯКУТЫ

2

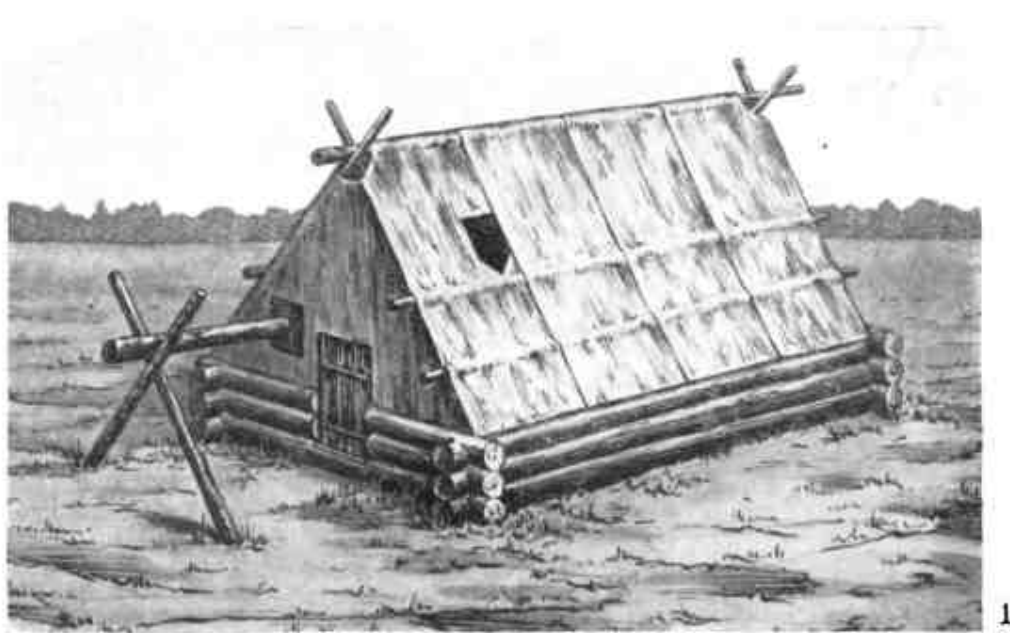

3

ТАБЛИЦА 21

1 — шалаш в форме усеченной пирамиды; 2 — конический шалаш;
3 — пирамидообразный шалаш.

ЯКУТЫ

1

2

3

ТАБЛИЦА 22

1 — двухскатный шалаш; 2, 3 — многоугольные срубы.

ДОЛГАНЫ

1

2

3

ЭВЕНКИ

4

ТАБЛИЦА 23

1 — конический шалаш; 2, 3 — пирамидообразные палаши; 4 — прямоугольный шалаш.

ЭВЕНКИ

1

2

3

4

5

6

ТАБЛИЦА 24

1, 2 — конические шалаши, покрытые берестой; 3, 4 — конические шалаши, покрытые корой; 5 — конический шалаш, покрытый сеном; 6 — конический шалаш с покрывками из оленьей кожи.

ЭВЕНКИ

1

2

3

4

ТАБЛИЦА 25

1 — пирамидообразный шалаш; 2 — цилиндрический шалаш; 3, 4 — прямоугольные срубы.

НЕГИДАЛЬЦЫ

1

2

3

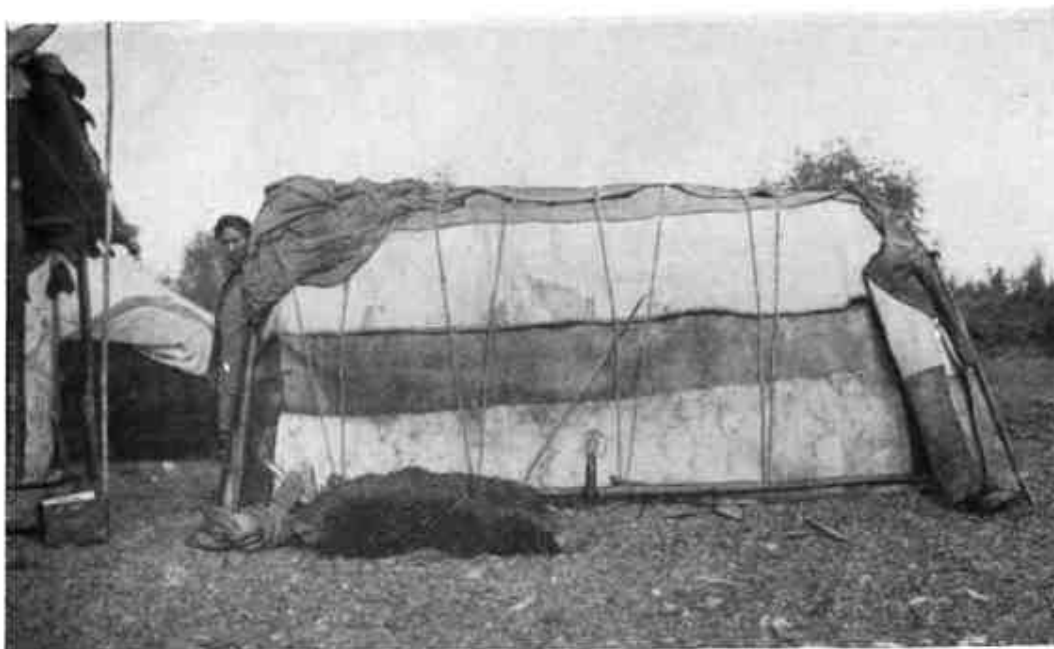
ТАБЛИЦА 26

1 — конический шалаш; 2, 3 — прямоугольные шалаши.

НАНАЙЦЫ

1

2

3

ТАБЛИЦА 27

1 — шалаш сферической формы; 2 — шалаш на гнутых дуг; 3 — прямой шалаш.

НАНАЙЦЫ

1

2

3

ТАБЛИЦА 28

1 — конический шалаш, покрытый травой; 2 — фанза; 3 — подземное жилище.

УЛЬЧИ

1

2

3

ТАБЛИЦА 29

1 — шалаш из гнутых дуг; 2 — двухскатный шалаш; 3 — прямоугольный шалаш.

УЛЬЧИ

1

2

3

ТАБЛИЦА 30

1 — цилиндрический шалаш, покрытый циночками; 2 — фанза; 3 — прямоугольный сруб.

ОРОЧИ, УДЭГЕЙЦЫ

1

2

3

4

ТАБЛИЦА 31

1 — двухскатный шалаш; 2 — зимний двухскатный шалаш; 3, 4 — прямоугольные шалаши.

ОРОЧИ, УДЭГЕИЦЫ

1

2

3

ТАБЛИЦА 32
1—3 — прямоугольные срубы.

ОРОКИ

1

2

3

НИВХИ

4

5

ТАБЛИЦА 33

1 — конический шалаш с покрывками из рыбьей кожи; 2 — конический шалаш, покрытый корой; 3, 4 — двухскатные шалаши; 5 — прямоугольный шалаш.

НИВХИ

1

2

3

4

ТАБЛИЦА 34

1, 2 — прямоугольные шалаш; 3 — жилище на сваях; 4 — подземное жилище.

КОРЯКИ

1

2

ЧУКЧИ

3

4

ТАБЛИЦА 35

1 — полуподземное жилище без раструба; 2 — полуподземное жилище с раструбом;
3, 4 — цилиндрические шалаши.

ЭСКИМОСЫ

ИТЕЛЬМЕНЫ

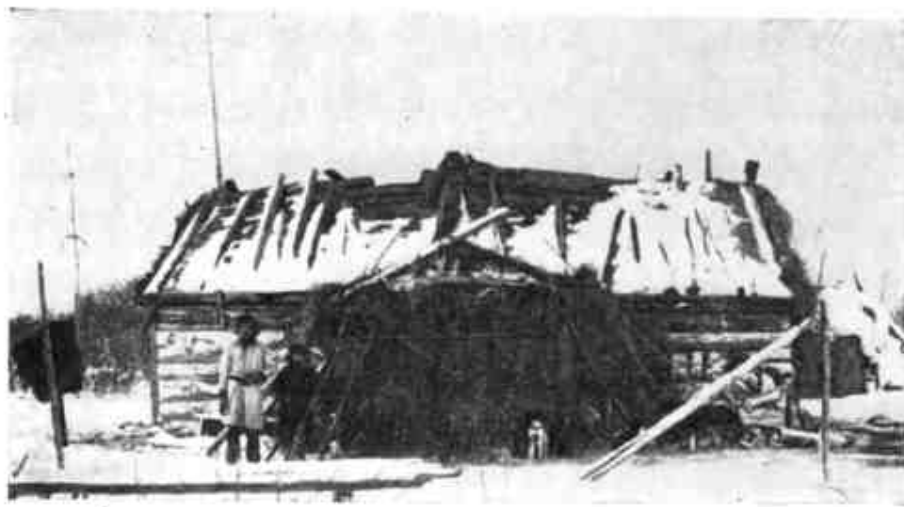
ЮКАГИРЫ

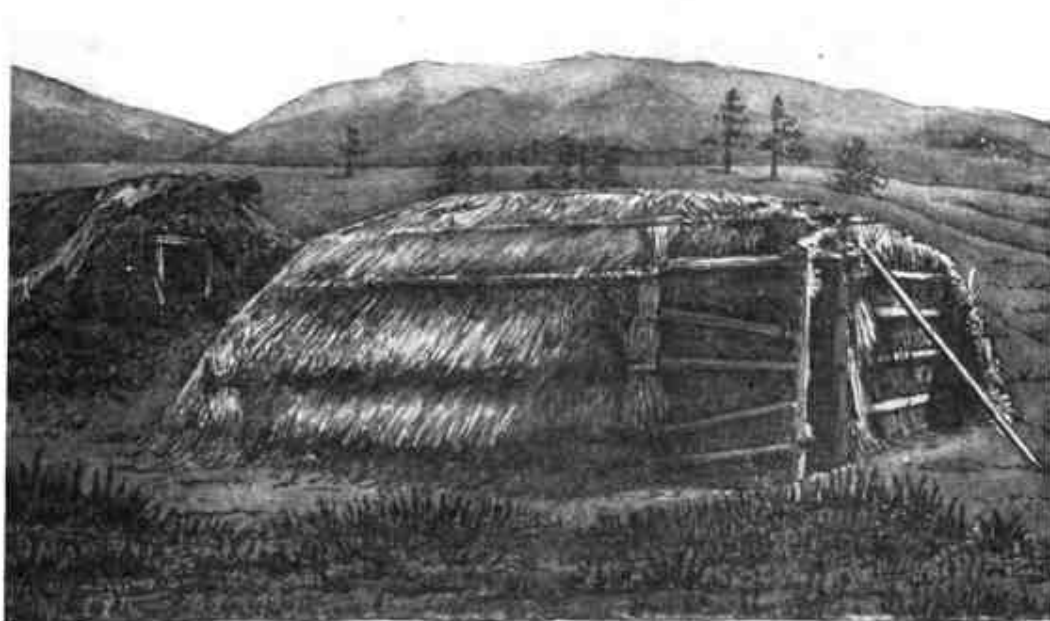
ТАБЛИЦА 36

1 — цилиндрический шалаш; 2, 3 — прямоугольные срубы.

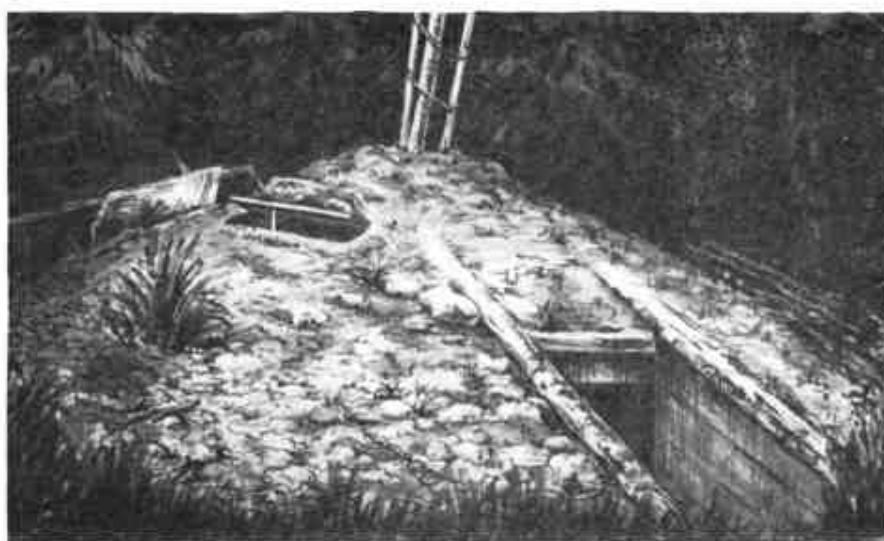
АЙНЫ.

1

2

3

ТАБЛИЦА 37

1 — прямоугольный шаш; 2 — полуподземное жилище; 3 — подземное жилище.

ВРЕМЕННЫЕ КАРКАСНЫЕ ЖИЛИЩА

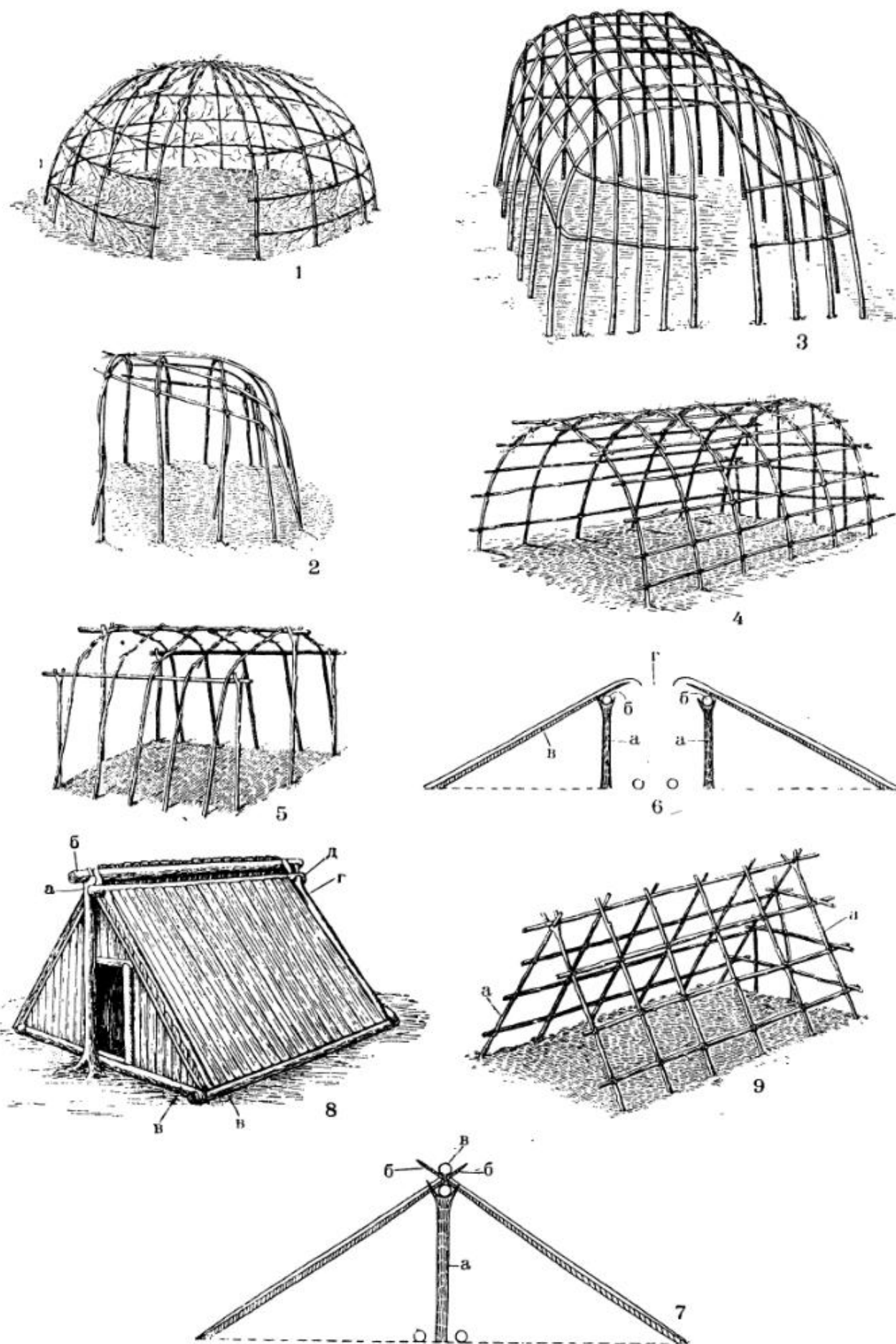

ТАБЛИЦА I

Сферические: 1 — остов жилища. Полусферические: 2 — остов жилища. В форме рассеченного цилиндра: 3—5 — остоны жилищ. Двухскатные: 6, 7 — разрезы жилищ; 8 — конструкция жилища; 9 — остов жилища (1 — якуты; 2, 3 — кеты; 4 — нанайцы, ульчи, нивхи; 5 — манси; 6, 8 — манси, ханты; 7 — ханты; 9 — пивхи).

ВРЕМЕННЫЕ КАРКАСНЫЕ ЖИЛИЩА

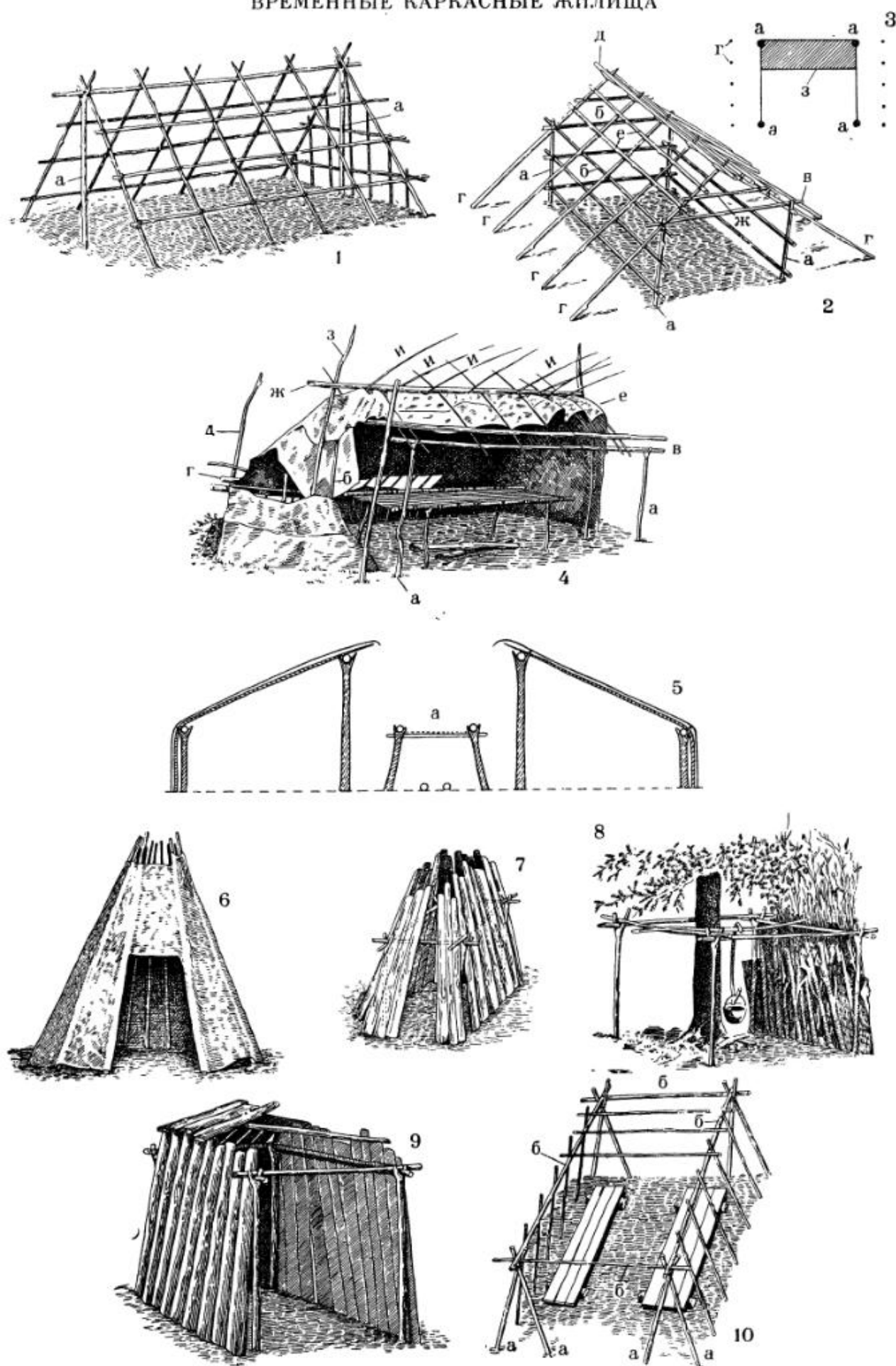

ТАБЛИЦА II

Двухскатные: 1, 2 — остовы жилищ; 3 — план жилища. Прямоугольные: 4 — конструкция жилища; 5 — разрез жилища. Конические: 6 — конструкция жилища. В форме усеченной пирамиды: 7—10 — остовы жилищ (1—3 — нивхи; 4, 5 — ханты; 6 — орочи; 7—9 — шорцы; 10 — якуты).

ПОСТОЯННЫЕ КАРКАСНЫЕ ЖИЛИЩА

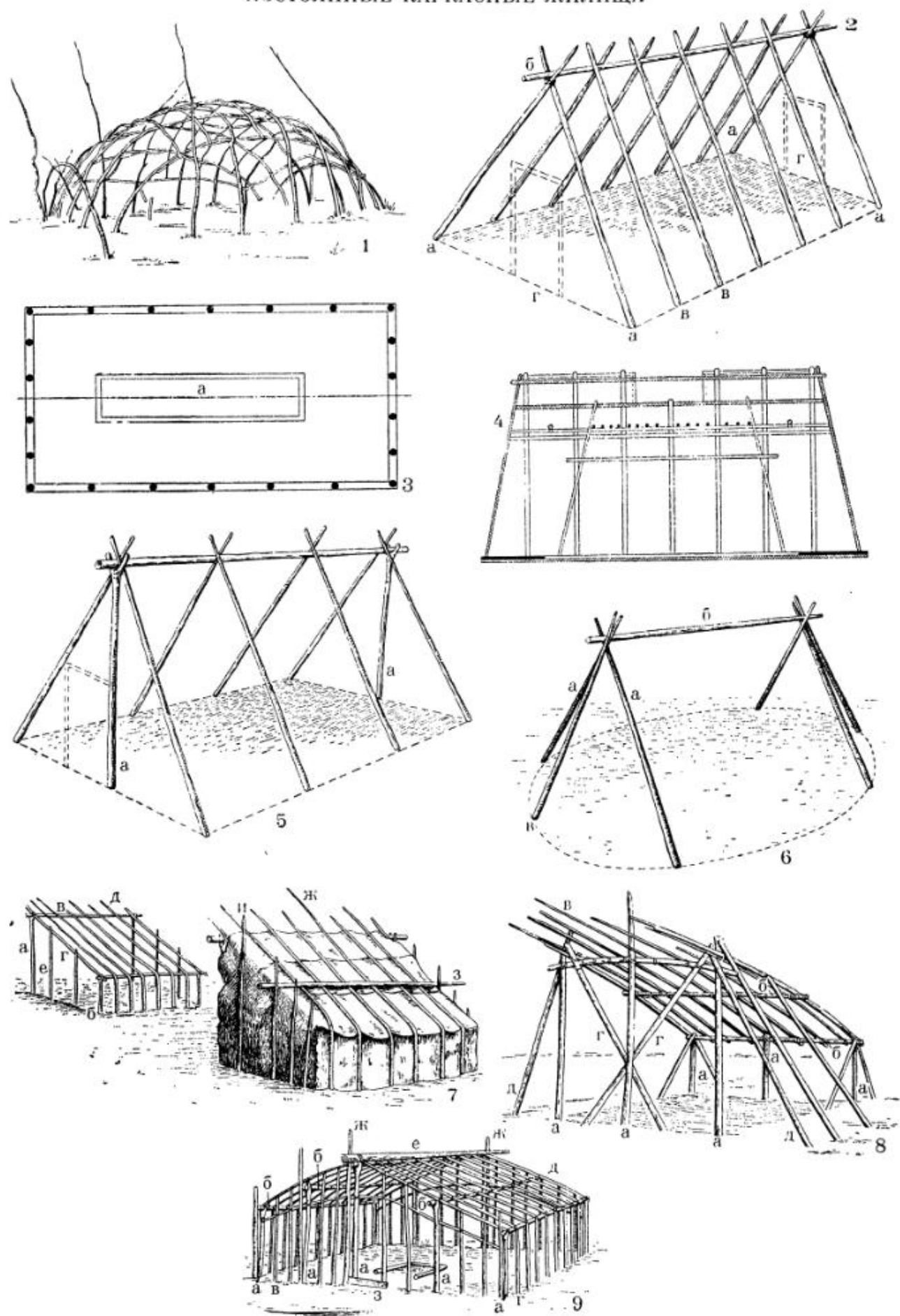

ТАБЛИЦА III

Сферические: 1 — осто́в жилища. Двухскатные: 2 — осто́в жилища; 3 — план жилища (а — очаг); 4 — продольный разрез; 5, 6 — осто́вы жилищ. Прямоугольные: 7 — осто́в и конструкция жилища; 8, 9 — осто́вы жилищ (1 — нанайцы; 2—4 — оро́чи; 5 — оро́чи, негидальцы; 6 — оро́чи; 7 — ханты; 8 — чукчи, эскимосы; 9 — манси, ханты).

ПОСТОЯННЫЕ КАРКАСНЫЕ ЖИЛИЩА

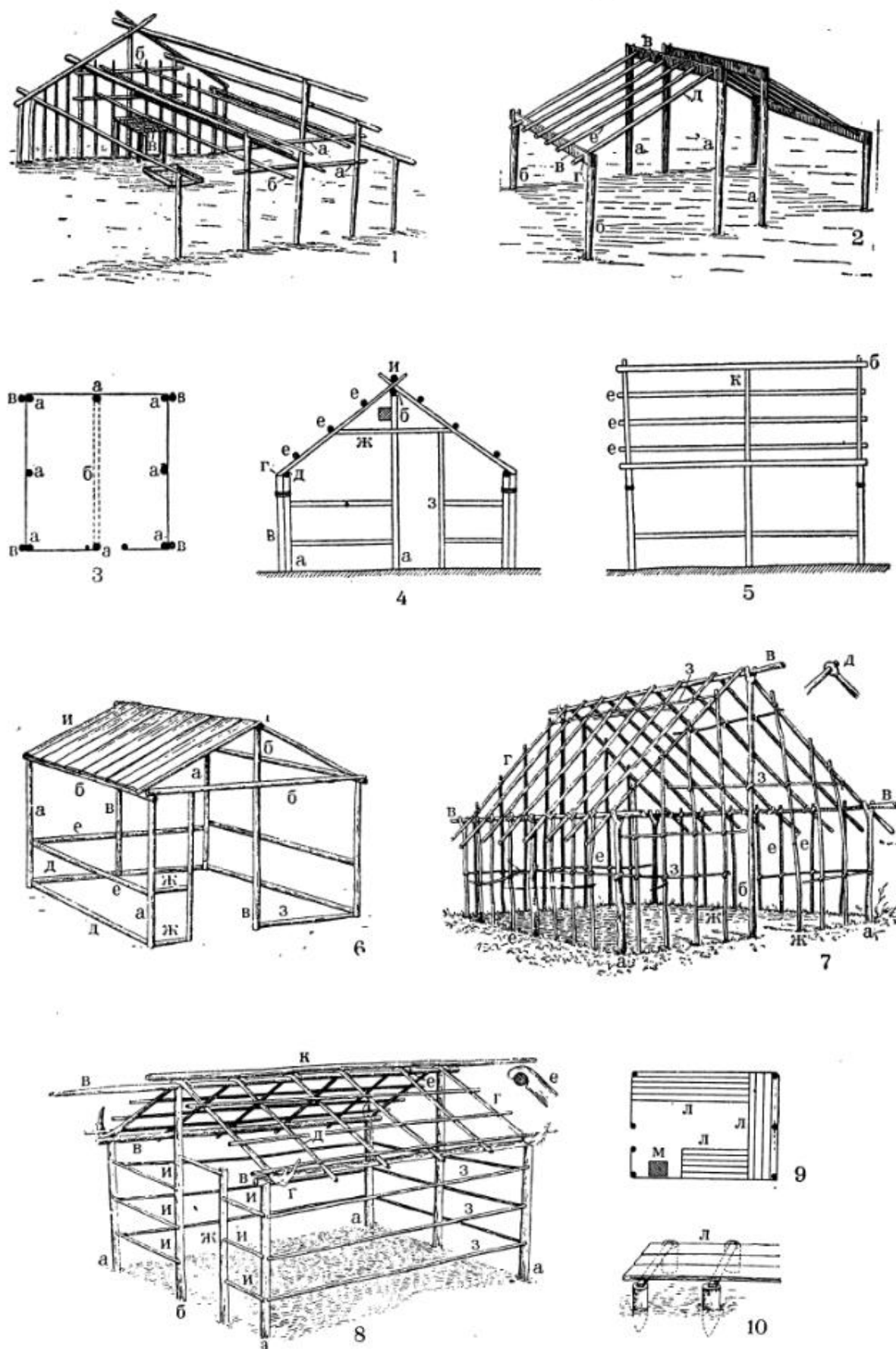

ТАБЛИЦА IV

Прямоугольные: 1, 2 — остовы жилищ; 3 — план жилища; 4 — передний фасад жилища; 5 — боковая сторона жилища; 6—8 — остовы жилищ; 9 — план жилища; 10 — скамейка (1 — манси; 2 — ханты; 3—6 — эвенки; 7 — нанайцы, ульчи, негидальцы, нивхи; 8—10 — нивхи).

ПОСТОЯННЫЕ КАРКАСНЫЕ ЖИЛИЩА

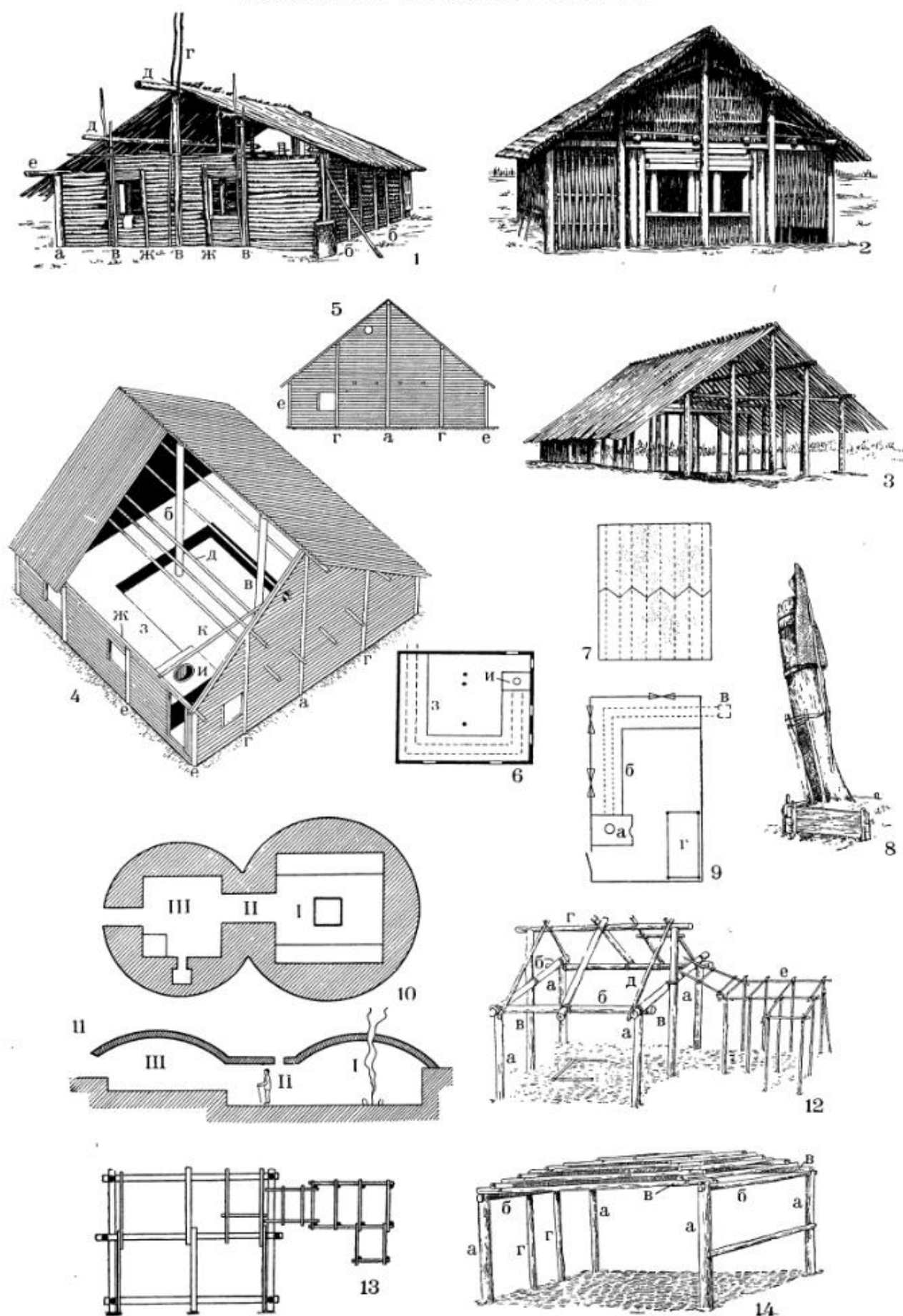

ТАБЛИЦА V

Прямоугольные: 1—4 — остовы жилищ; 5 — задний фасад; 6 — план жилища; 7 — рама, обтянутая рыбьей кожей; 8 — труба; 9 — план жилища (а — печь, б — каны, в — труба, г — собачья «кровать»); 10 — план жилища; 11 — разрез жилища; 12 — остов жилища (по модели); 13 — план жилища (по модели); 14 — остов жилища (1—3 — нанайцы; 4—9 — ульчи; 10—13 — айны; 14 — тувинцы).

ПОСТОЯННЫЕ КАРКАСНЫЕ ЖИЛИЩА

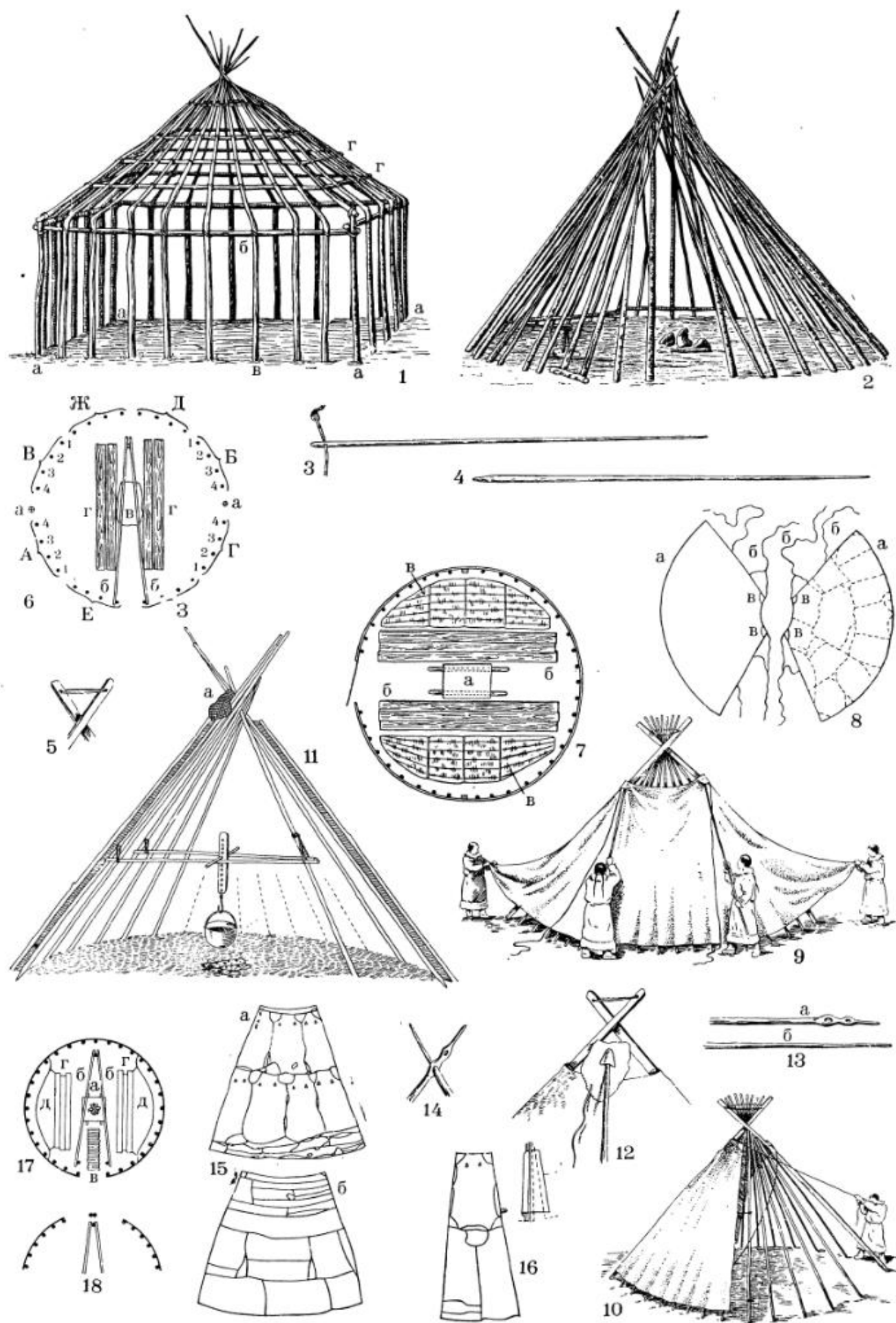

ТАБЛИЦА VI

Прямоугольные: 1 — осто́в жилища. Конические: 2 — осто́в чума; 3, 4 — шесты чума; 5 — скрепление верхушек основных шестов; 6 — план летнего чума; 7 — план зимнего чума (а — очаг, б — настил из досок, в — настил из циновок); 8 — покрывки; 9 — поднятие покрывки; 10 — привязывание покрывки; 11 — разрез чума; 12 — клапан для регулирования дыма; 13 — верхушки основных шестов; 14 — способ скрепления основных шестов; 15 — покрывки (а — внутренняя, б — наружная); 16 — дверь зимнего чума; 17 — план зимнего чума (а — очаг, б — приспособление для подвешивания крюков, в — дрова, г — дощатый настил, д — настил из шкур); 18 — деталь плана чума (1 — манси; 2 — тувинцы; 3 — эвенки, долганы, северные якуты; 4—12 — неинцы; 13—18 — иганасаны).

ПОСТОЯННЫЕ КАРКАСНЫЕ ЖИЛИЩА

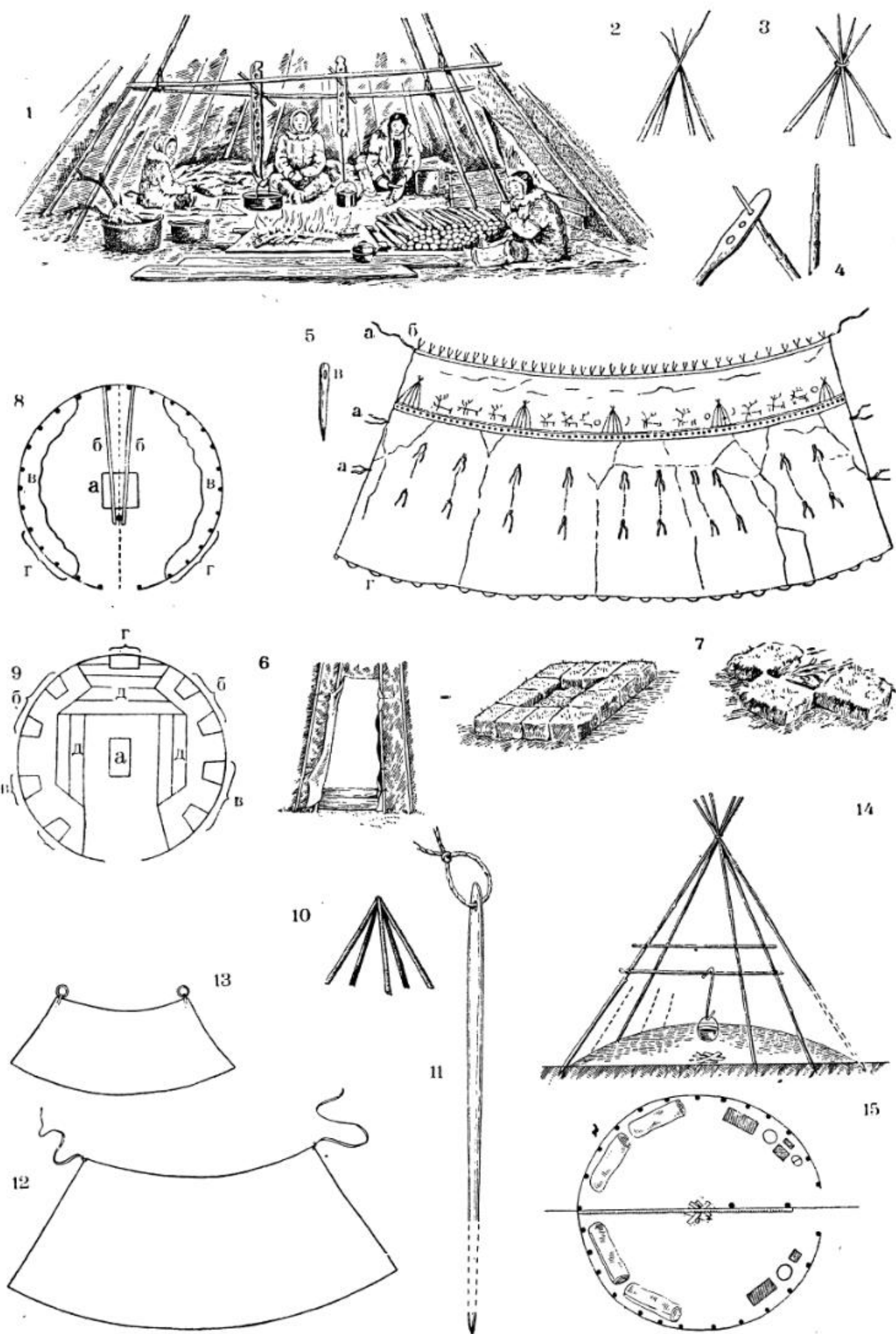

ТАБЛИЦА VII

Конические: 1 — внутренний вид зимнего чума; 2—4 — способы крепления верхушек шестов; 5 — покрывка летнего чума; 6 — входное отверстие чума; 7 — очаги; 8 — план зимнего чума (а — очаг, б — приспособление для подвешивания крюков, в — спальные места, г — места для кухонных принадлежностей); 9 — план зимнего чума (а — железная печь, б — мужские спальные места, в — женские спальные места, г — почетное место, д — дощатый настил); 10 — способ установки шестов чума; 11 — шест чума; 12, 13 — покрывки; 14 — приспособление для подвешивания крюков; 15 — план чума (1 — иганасаны; 2, 3 — долганы, северные якуты; 4—9 — долганы; 10—15 — эвены).

ПОСТОЯННЫЕ КАРКАСНЫЕ ЖИЛИЩА

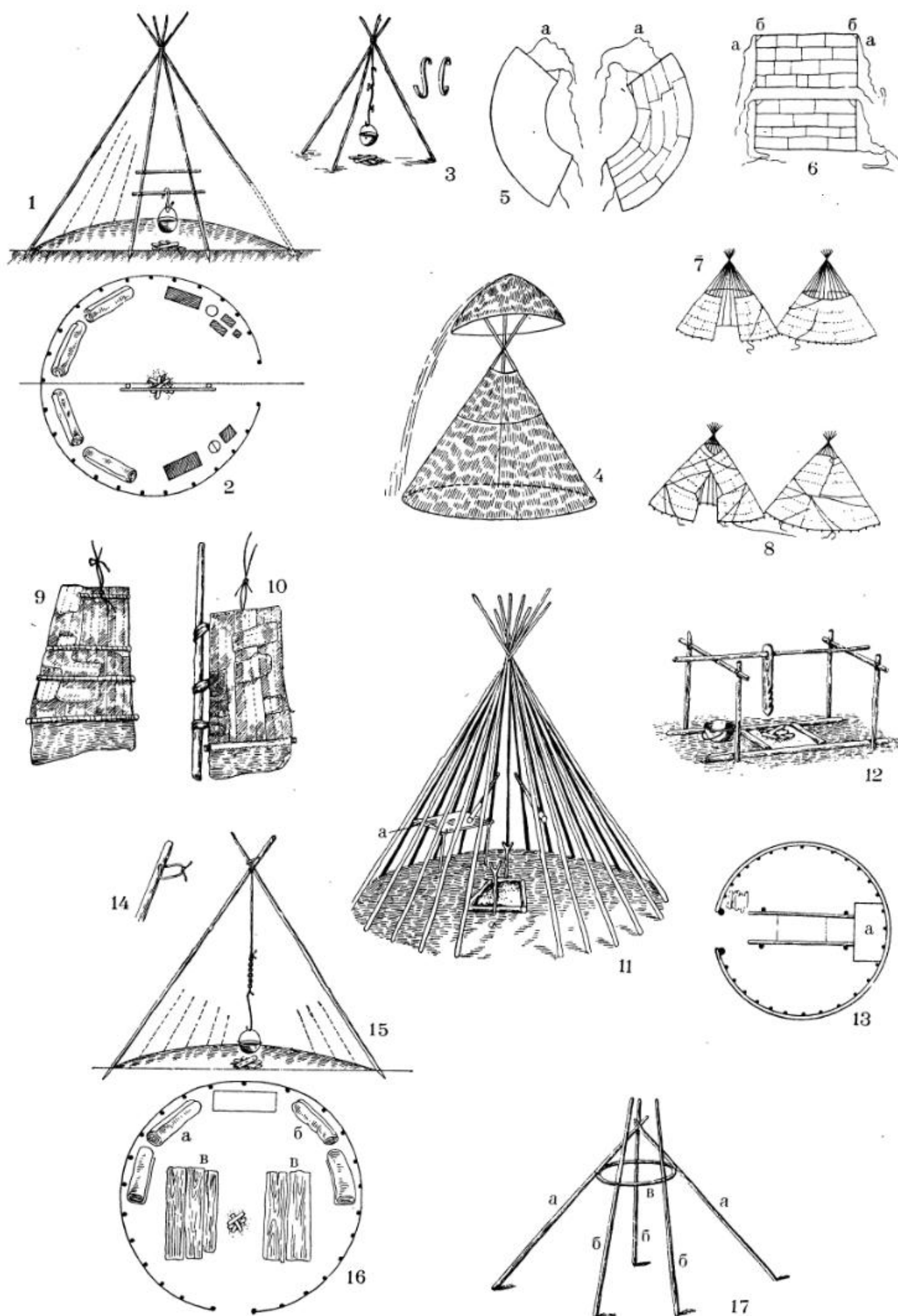

ТАБЛИЦА VIII

Конические: 1 — приспособление для подвешивания крюков; 2 — план чума; 3 — тренога для подвешивания крюка; 4 — колпак для защиты чума от дождя; 5, 6 — берестяные покрывки; 7, 8 — способы покрытия остова чума; 9, 10 — двери чумов; 11 — остова чума (а — настил для кухонных принадлежностей); 12 — очаг с приспособлением для подвешивания крюков; 13 — план чума (а — настил для кухонных принадлежностей); 14 — верхушка основного шеста чума; 15 — способ подвешивания крюка; 16 — план чума (а — мужское спальное место, б — женское спальное место, в — настил); 17 — остова чума (1—4 — эвенки; 5—10 — ханты, манси; 11—13 — ханты; 14—16 — селькупы; 17 — кеты).

ПОСТОЯННЫЕ КАРКАСНЫЕ ЖИЛИЩА

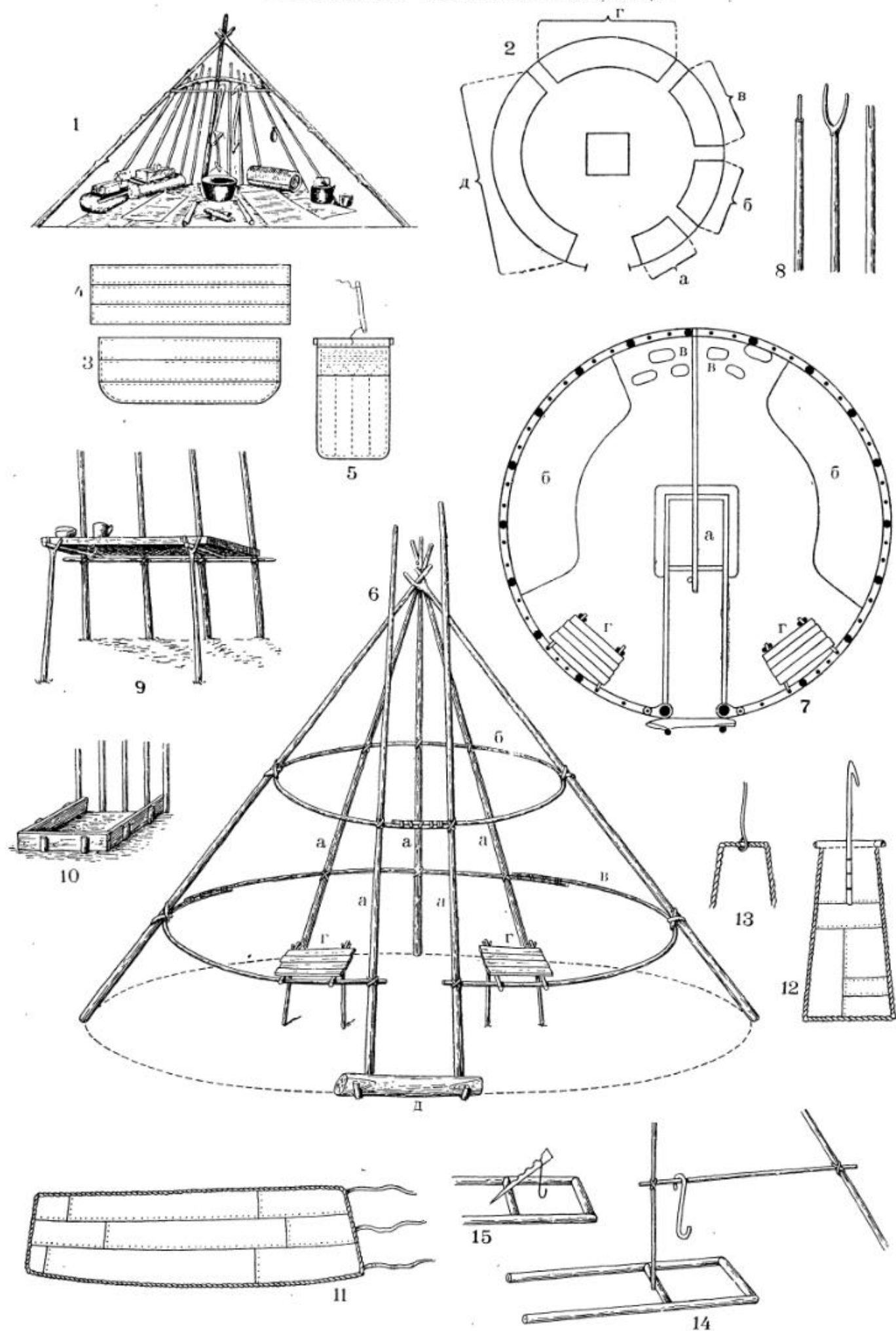

ТАБЛИЦА IX

Конические: 1 — разрез чума; 2 — план чума (места: а — для собак, б — для хозяйки, в — для хозяина, г — для гостей, д — для детей); 3, 4 — берестяные покрывки; 5 — дверь; 6 — осто́в чума; 7 — план чума (а — очаг, б — спальные места, в — место для хранения домашних вещей, г — места для кухонных принадлежностей); 8 — основные шесты; 9, 10 — настил и загородка для кухонных принадлежностей; 11 — берестяная покрывка; 12, 13 — двери; 14, 15 — очаги с приспособлениями для подвешивания котлов (1—15 — кеты).

ПОСТОЯННЫЕ КАРКАСНЫЕ ЖИЛИЩА

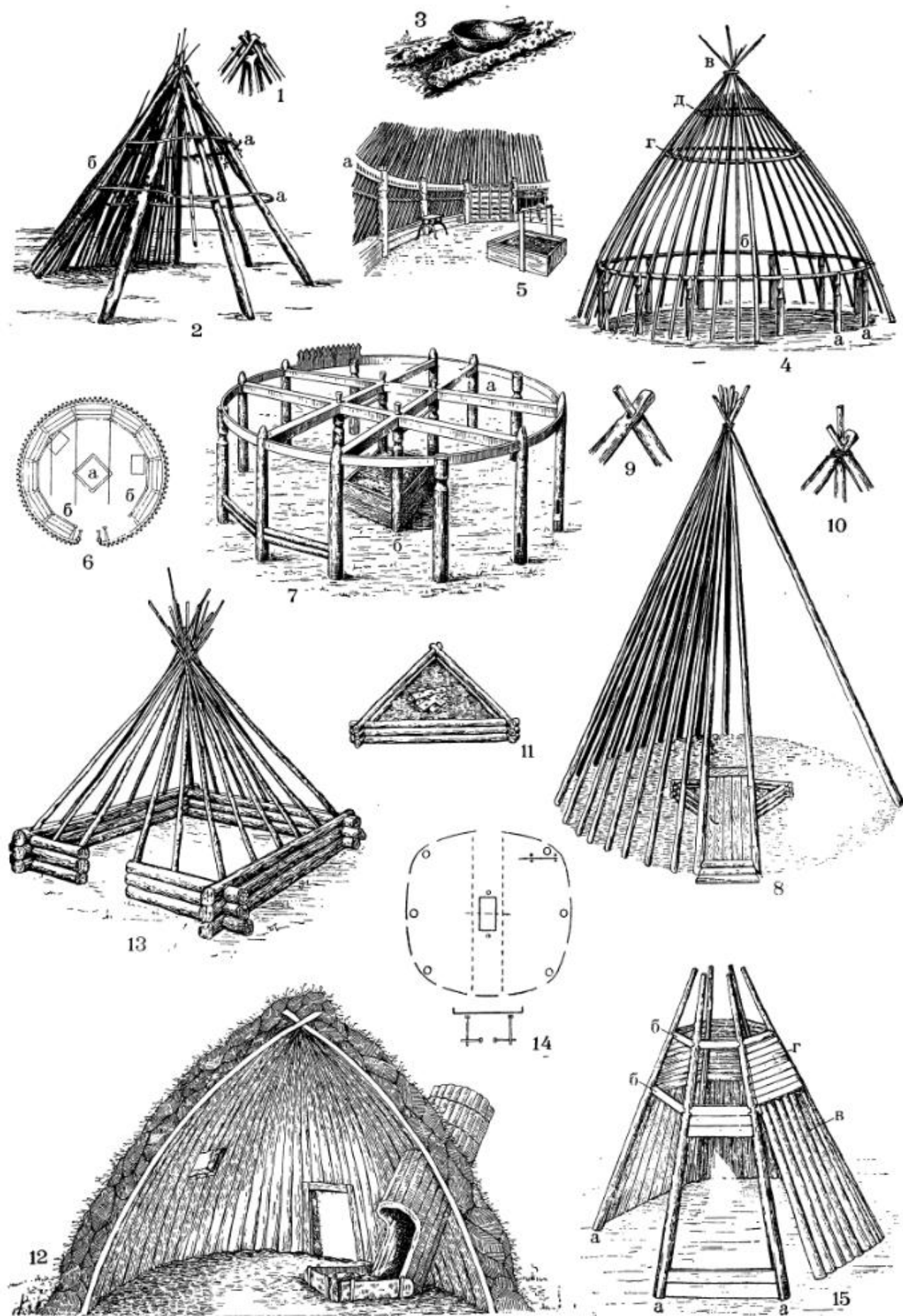

ТАБЛИЦА X

Конические: 1 — скрепление верхушек жердей жилища; 2 — остов жилища; 3 — очаг; 4 — остов жилища; 5 — внутренний вид жилища; 6 — план жилища (а — очаг, б — лежанки); 7 — сложная конструкция нижней части жилища; 8 — остов жилища; 9, 10 — способы скрепления верхушек жердей; 11 — очаг; 12 — разрез жилища; 13 — остов чума на срубном основании; 14 — план чума; 15 — остов жилища (1—3 — народы Алтая; 4—13 — якуты; 14 — ханты; 15 — эвенки).

ПОСТОЯННЫЕ КАРКАСНЫЕ ЖИЛИЩА

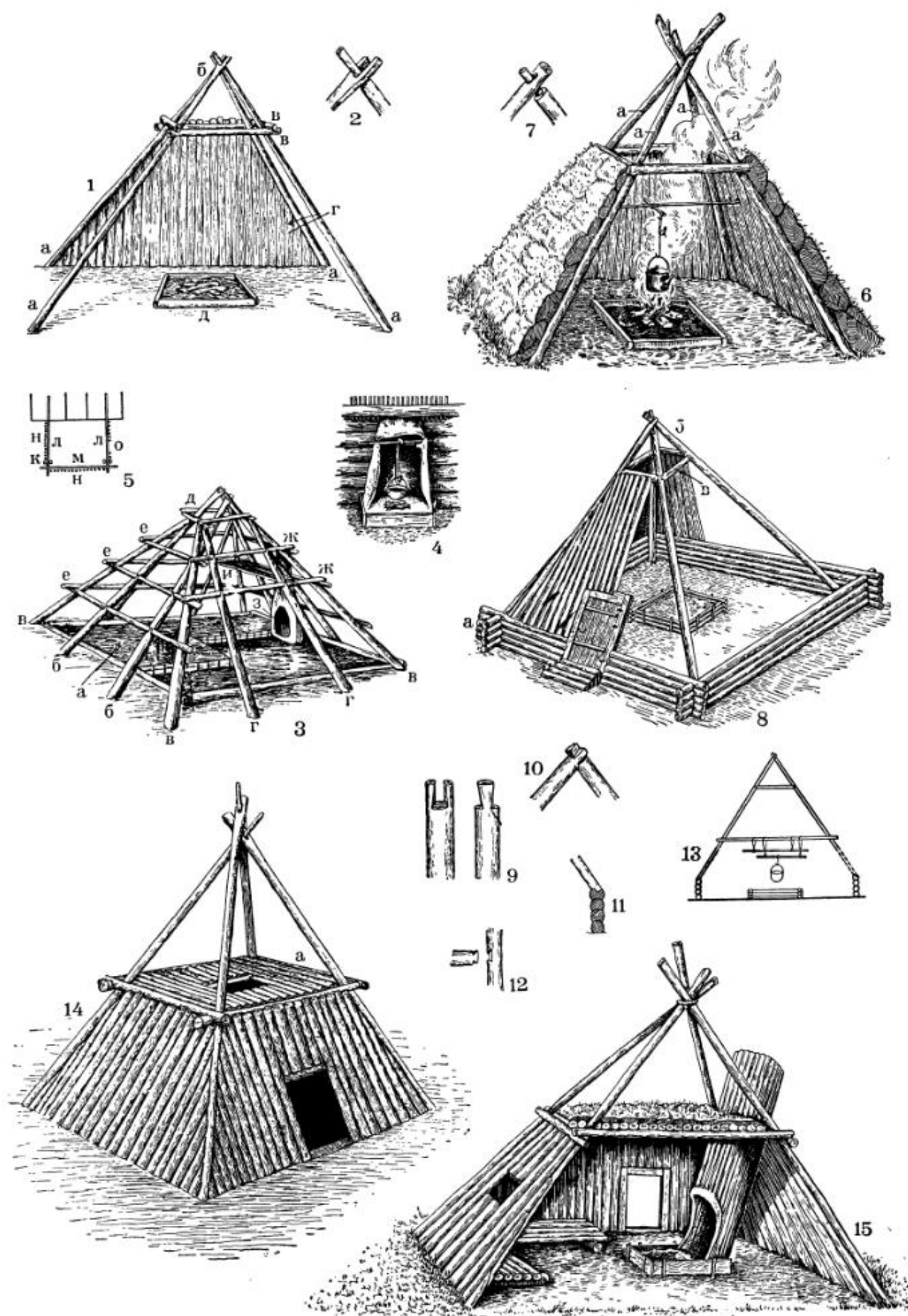

ТАБЛИЦА XI

Пирамидообразные: 1 — остов жилища; 2 — способ крепления основных столбов; 3 — остов жилища; 4 — чужал; 5 — план сеней; 6 — разрез жилища; 7 — способ крепления верхушек основных столбов; 8 — остов жилища; 9, 10 — концы основных жердей и способы их крепления; 11, 12 — детали крепления отдельных частей; 13 — разрез жилища; 14 — конструкция жилища; 15 — разрез жилища (1—5 — ханты; 6, 7 и 14 — долганы, эвенки, северные якуты; 8—13 и 15 — якуты).

ПОСТОЯННЫЕ КАРКАСНЫЕ ЖИЛИЩА

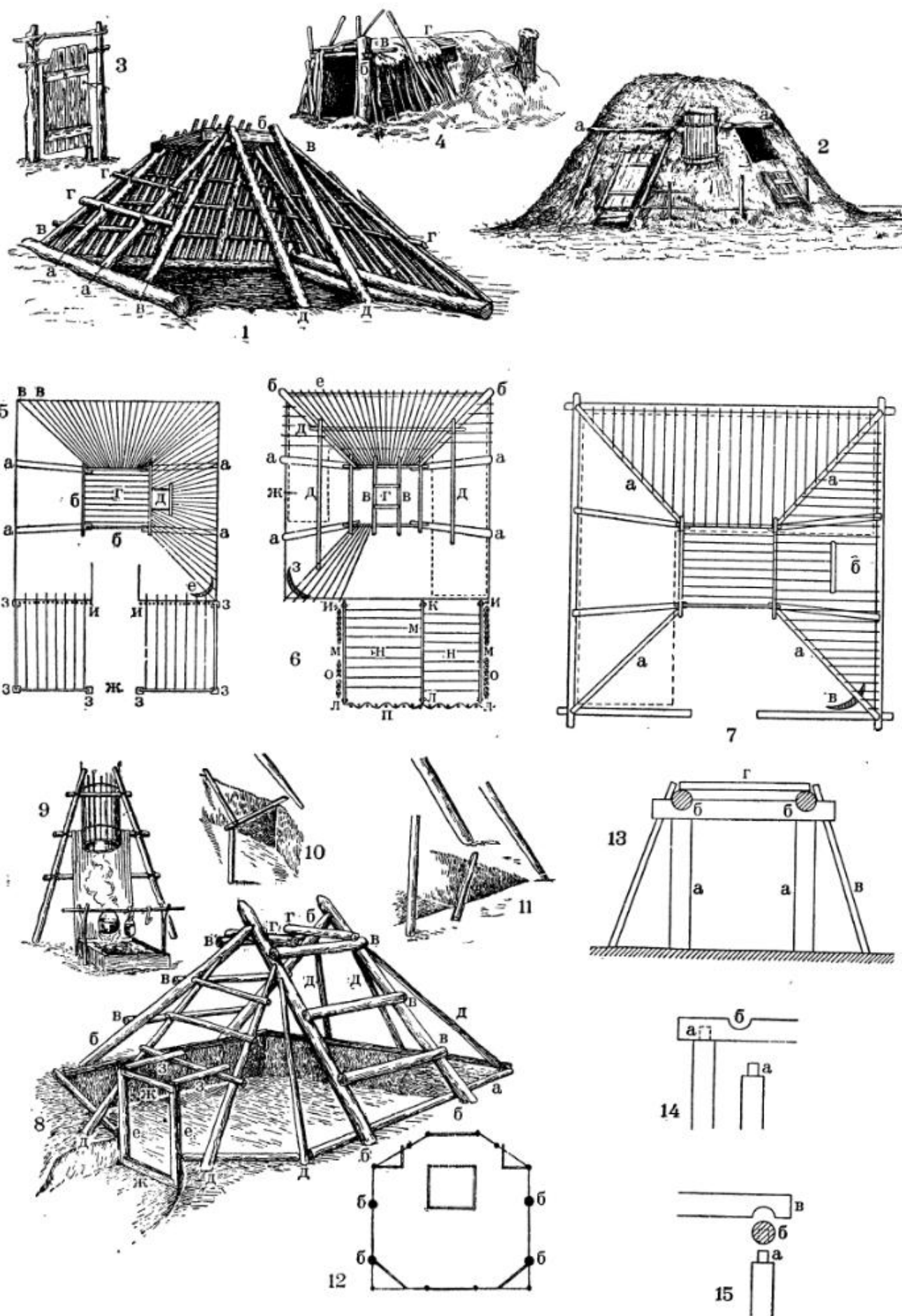

ТАБЛИЦА XII

В форме усеченной пирамиды: 1 — остов жилища; 2 — наружный вид жилища; 3 — дверь; 4 — сени; 5—7 — конструкции жилищ (сверху); 8 — остов жилища; 9 — очаг; 10, 11 — подставки для угловых по-
лок; 12 — план жилища; 13—15 — детали остова жилища (1—7 — ханты; 8—12 — кеты; 13—15 — тубалары).

ПОСТОЯННЫЕ КАРКАСНЫЕ ЖИЛИЩА

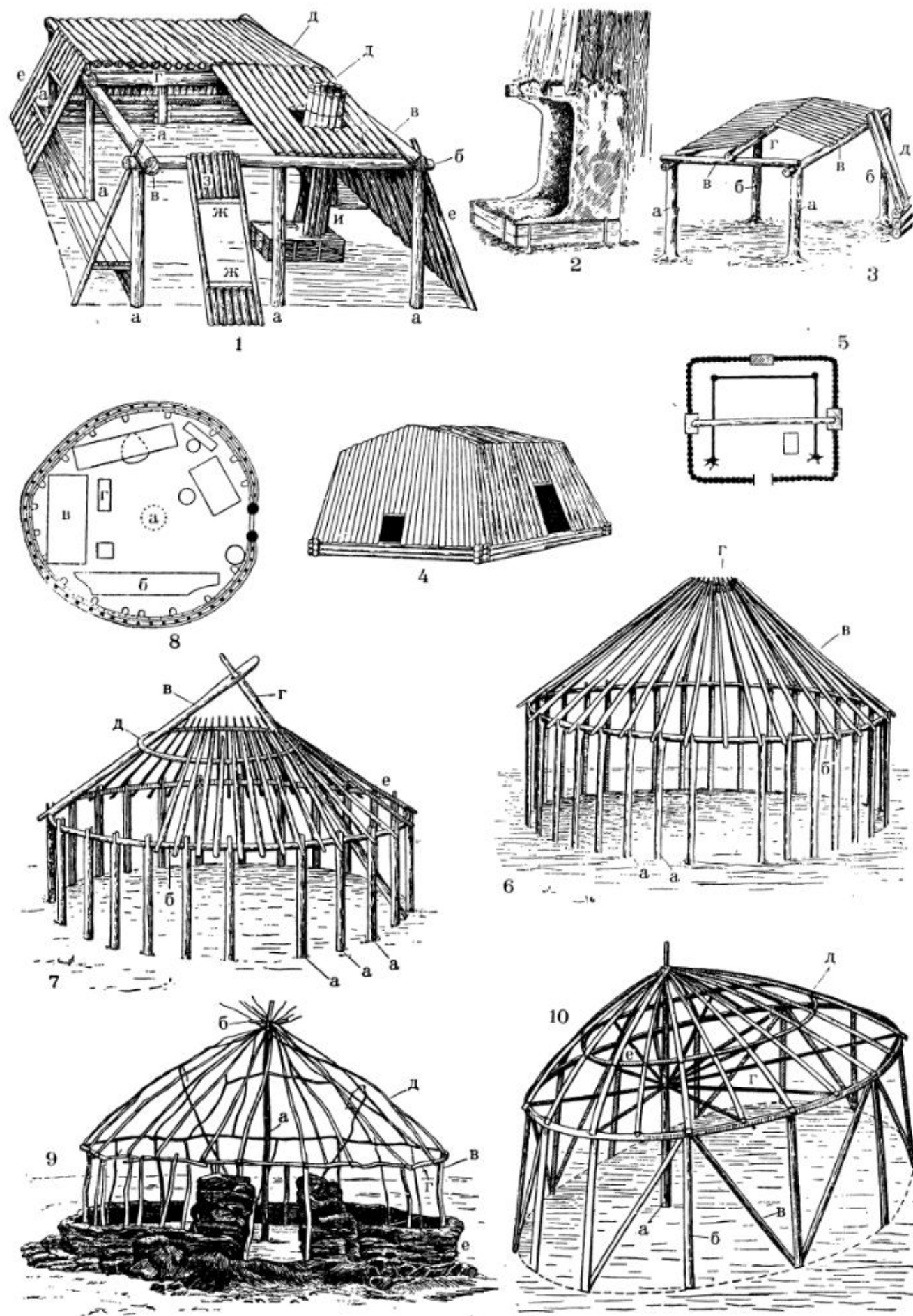

ТАБЛИЦА XIII

В форме усеченной пирамиды: 1 — остов жилища; 2 — чумал; 3 — остов жилища; 4 — конструкция жилища; 5 — план жилища. Цилиндрические: 6, 7 — остовы жилищ; 8 — план жилища (а — очаг, б — конник-скамья, в — кровать, г — скамья); 9, 10 — остовы жилищ (1, 2 — якуты; 3—5 — долганы, северные якуты; 6 — телеуты; 7, 8 — сагайцы; 9 — чукчи; 10 — чукчи, эскимосы).

ПОСТОЯННЫЕ КАРКАСНЫЕ ЖИЛИЩА

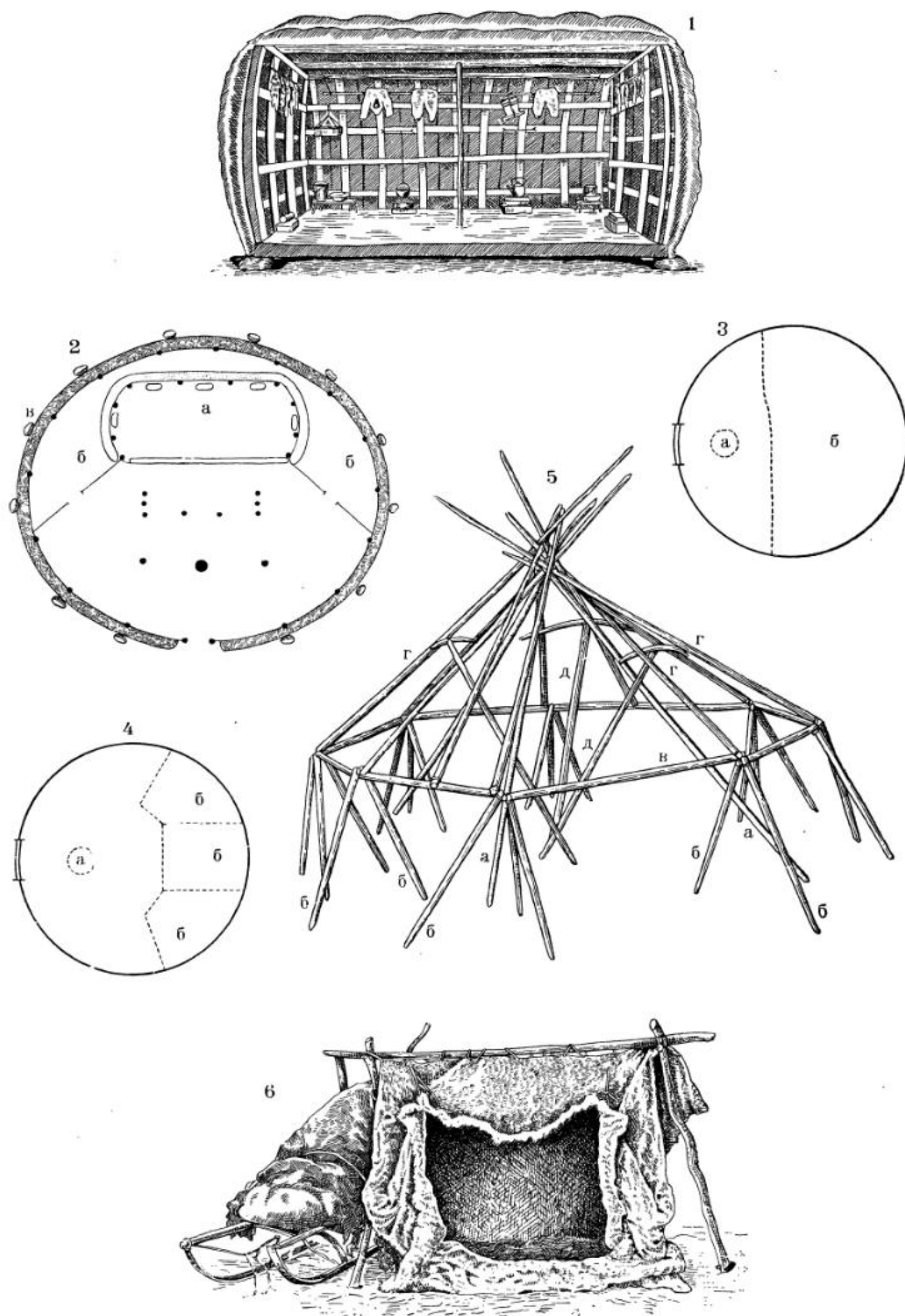

ТАБЛИЦА XIV

Цилиндрические: 1 — внутренний вид полога; 2 — план жилища (а — полог, б — загородки для хранения вещей, в — камни для придавливания покрывшек); 3, 4 — планы жилищ с одним и тремя пологами (а — очаг, б — пологи); 5 — остов жилища; 6 — полог (1—4 — эскимосы; 5, 6 — чукчи).

ПОСТОЯННЫЕ КАРКАСНЫЕ ЖИЛИЩА

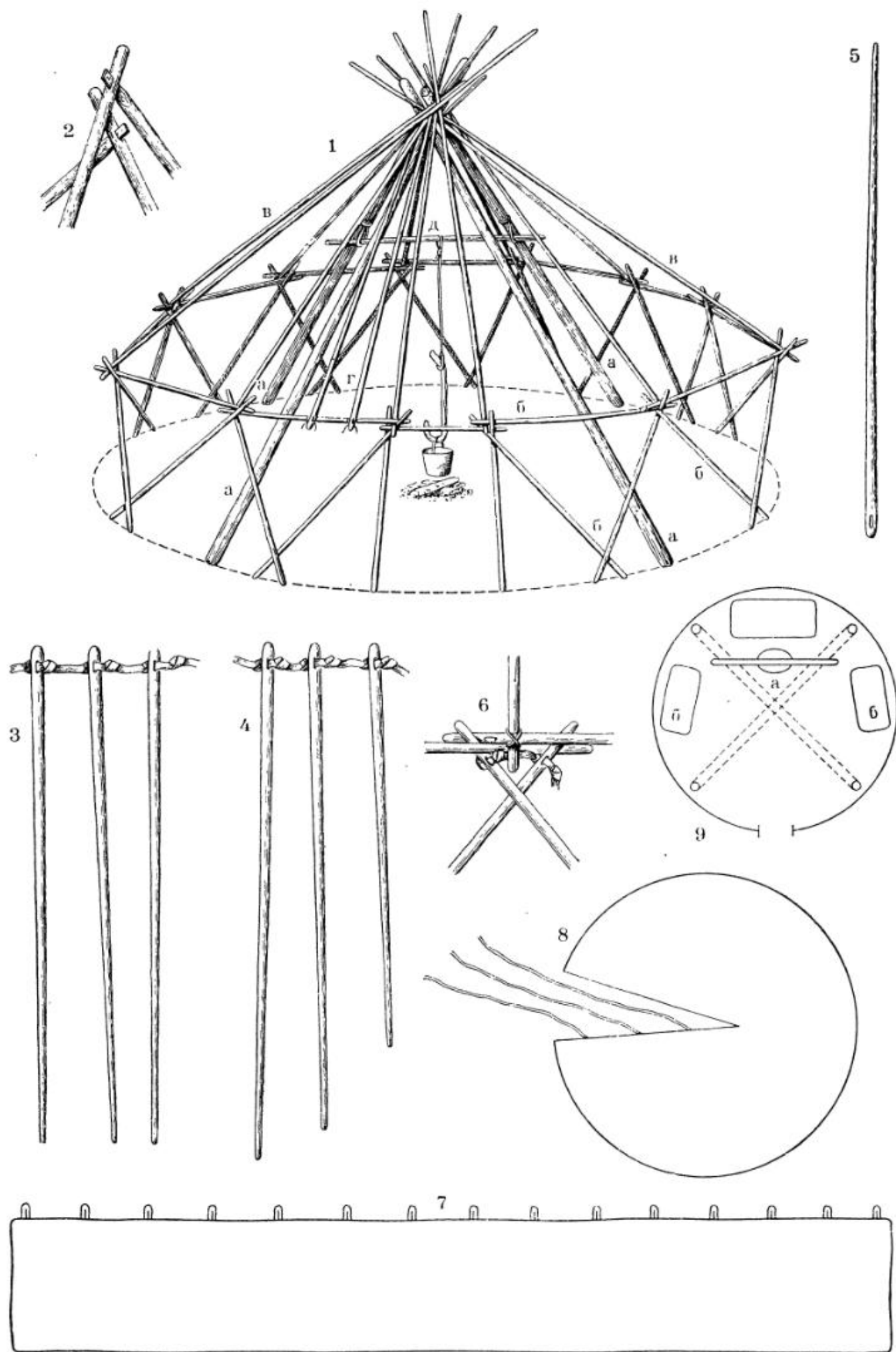

ТАБЛИЦА XV

Цилиндрические: 1 — осто́в жилища; 2 — спосо́бы скрепления верхушек основных жердей; 3—6 — части осто́ва; 7, 8 — нижняя и верхняя по́крышки; 9 — план жилища (1—9 — эвены).

ПОСТОЯННЫЕ КАРКАСНЫЕ ЖИЛИЩА

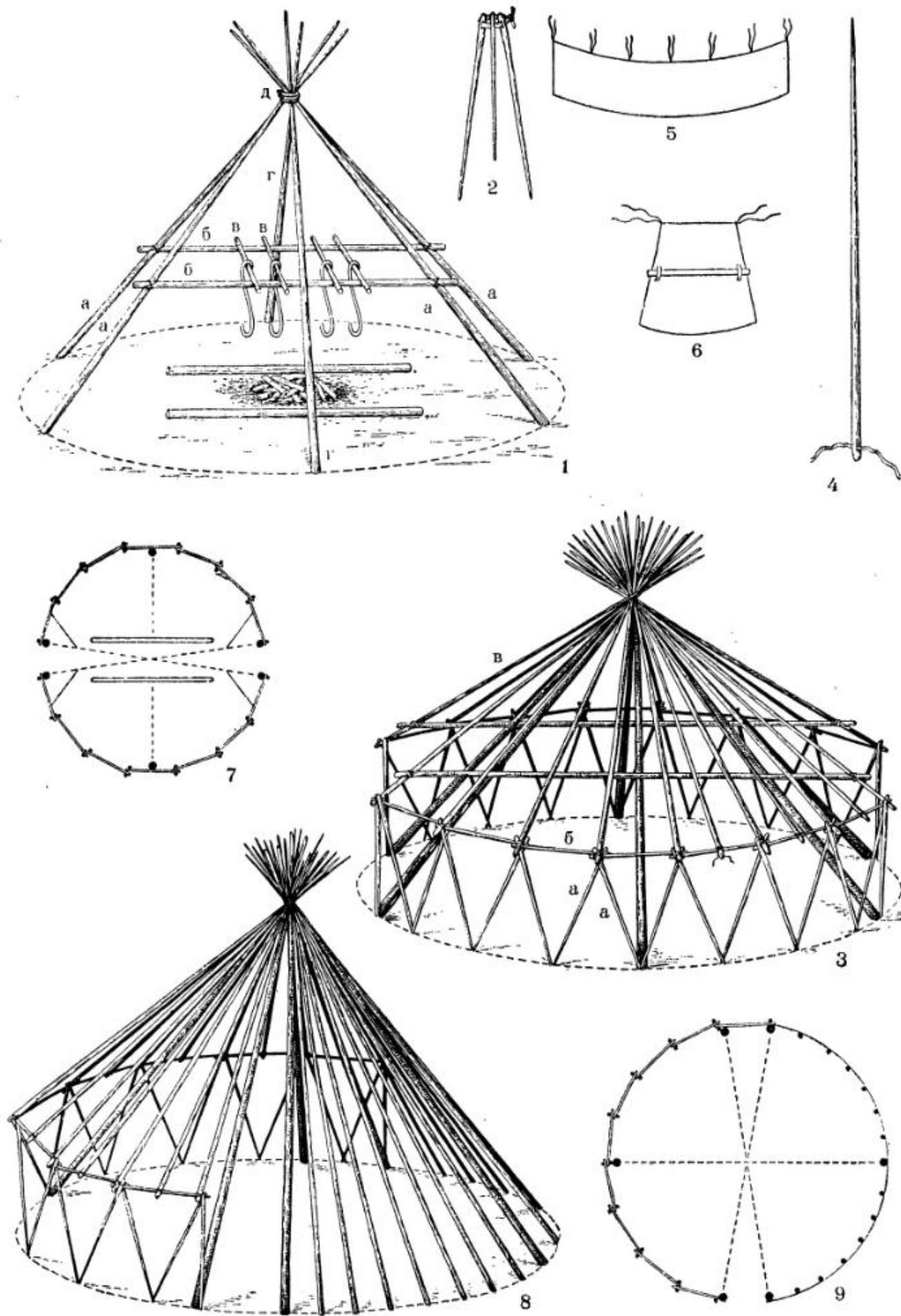

ТАБЛИЦА XVI

Цилиндрические: 1 — способ установки основных жердей; 2 — тренога каркаса стен; 3 — остов жилища; 4 — шест крыши; 5 — покрывка; 6 — дверь; 7 — план жилища. Цилиндро-конические: 8 — остов жилища; 9 — план жилища (1—9 — эвены).

ПОСТОЯННЫЕ КАРКАСНЫЕ ЖИЛИЩА

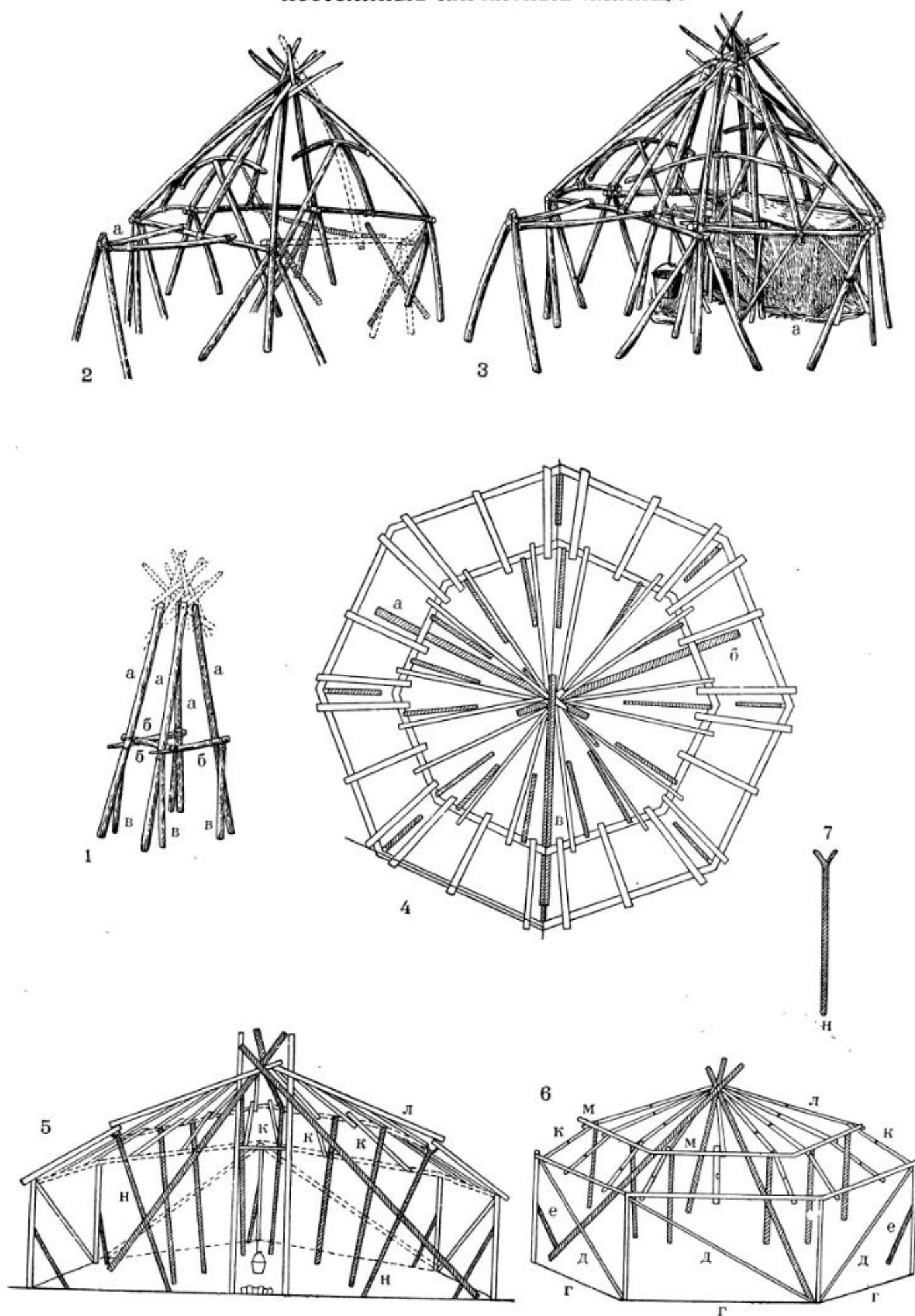

ТАБЛИЦА XVII

Цилиндрические: 1 — основные столбы жилища; 2, 3 — остовы жилищ; 4 — остов крыши; 5 — разрез жилища; 6 — остов жилища; 7 — жердь для подпиорки крыши (1—7 — коряки).

ПОСТОЯННЫЕ КАРКАСНЫЕ ЖИЛИЩА

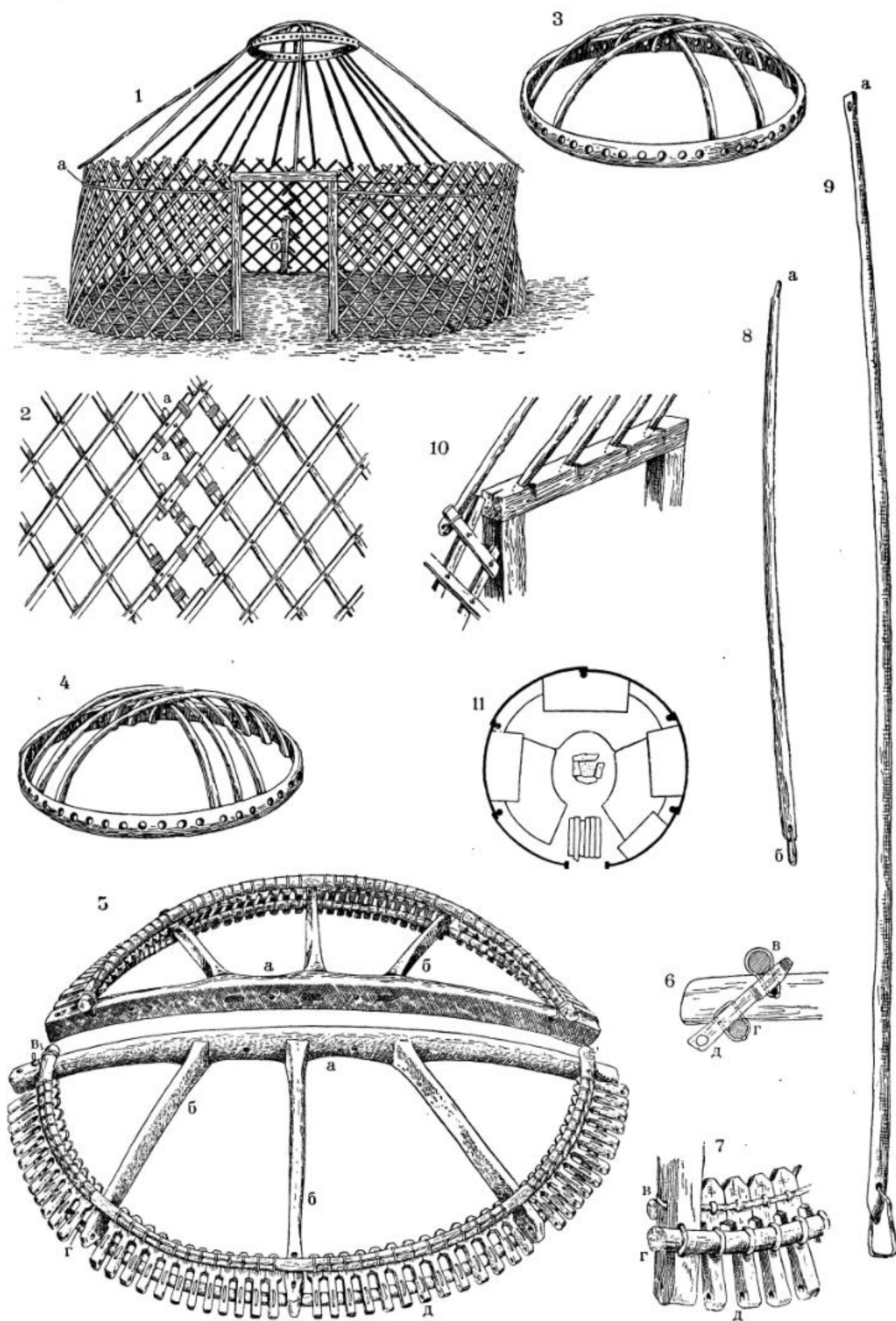

ТАБЛИЦА XVIII

Цилиндрические: 1 — остов жилища; 2—10 — отдельные части жилища; 11 — план жилища (1—3, 8, 10, 11 — тувинцы; 4—7, 9 — буряты).

ПОСТОЯННЫЕ КАРКАСНЫЕ ЖИЛИЩА

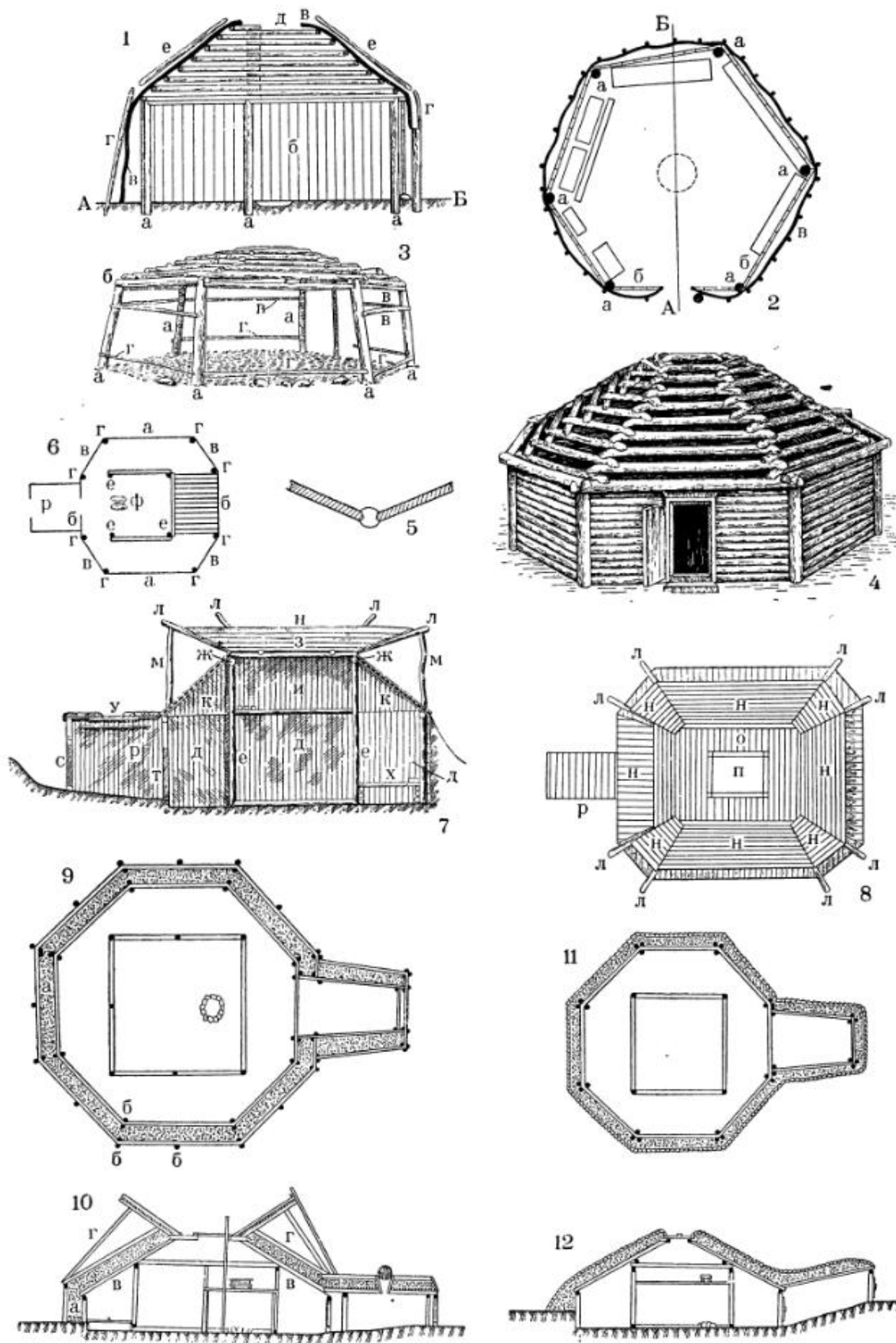

ТАБЛИЦА XIX

Многоугольные: 1 — разрез жилища; 2 — план жилища; 3, 4 — остовы жилищ; 5 — деталь устройства стен; 6 — план жилища; 7 — разрез жилища; 8 — конструкция (сверху); 9 — план жилища; 10 — разрез жилища; 11 — план жилища; 12 — разрез жилища (1, 2, 4, 5 — сагайцы; 3 — тувинцы; 6—12 — коряки).

СРУБНЫЕ ЖИЛИЩА

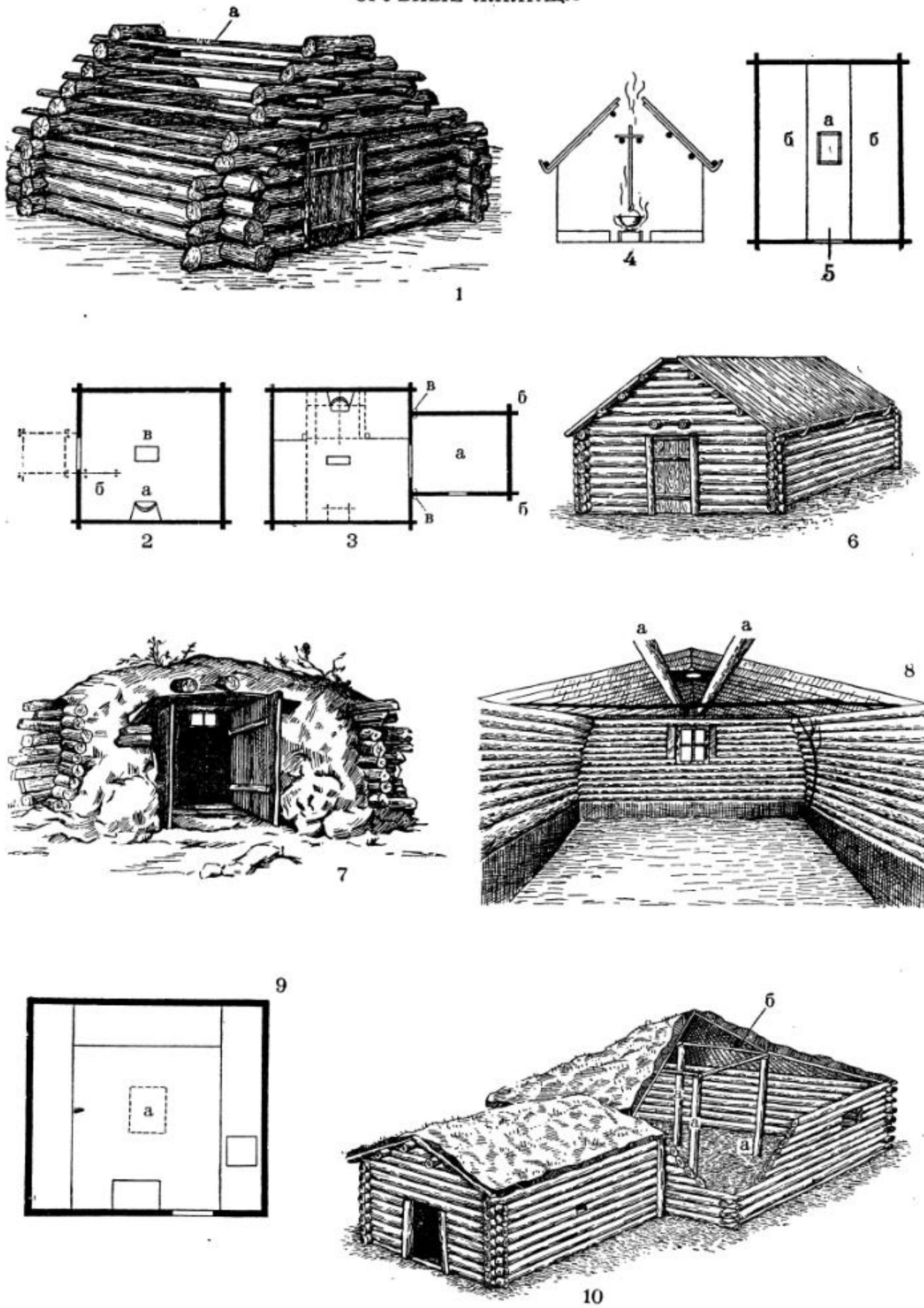

ТАБЛИЦА XX

Прямоугольные: 1 — осто́в жилища; 2, 3 — планы жилищ; 4 — разрез жилища; 5 — план жилища (а — очаг, б — лежанки); 6 — внешний вид жилища; 7, 8 — внешний и внутренний вид жилища; 9 — план жилища; 10 — конструкция жилища (1—3 — ханты; 4—6 — манси; 7, 8 — селькупы; 9 — шорцы; 10 — буряты).

СРУБНЫЕ ЖИЛИЩА

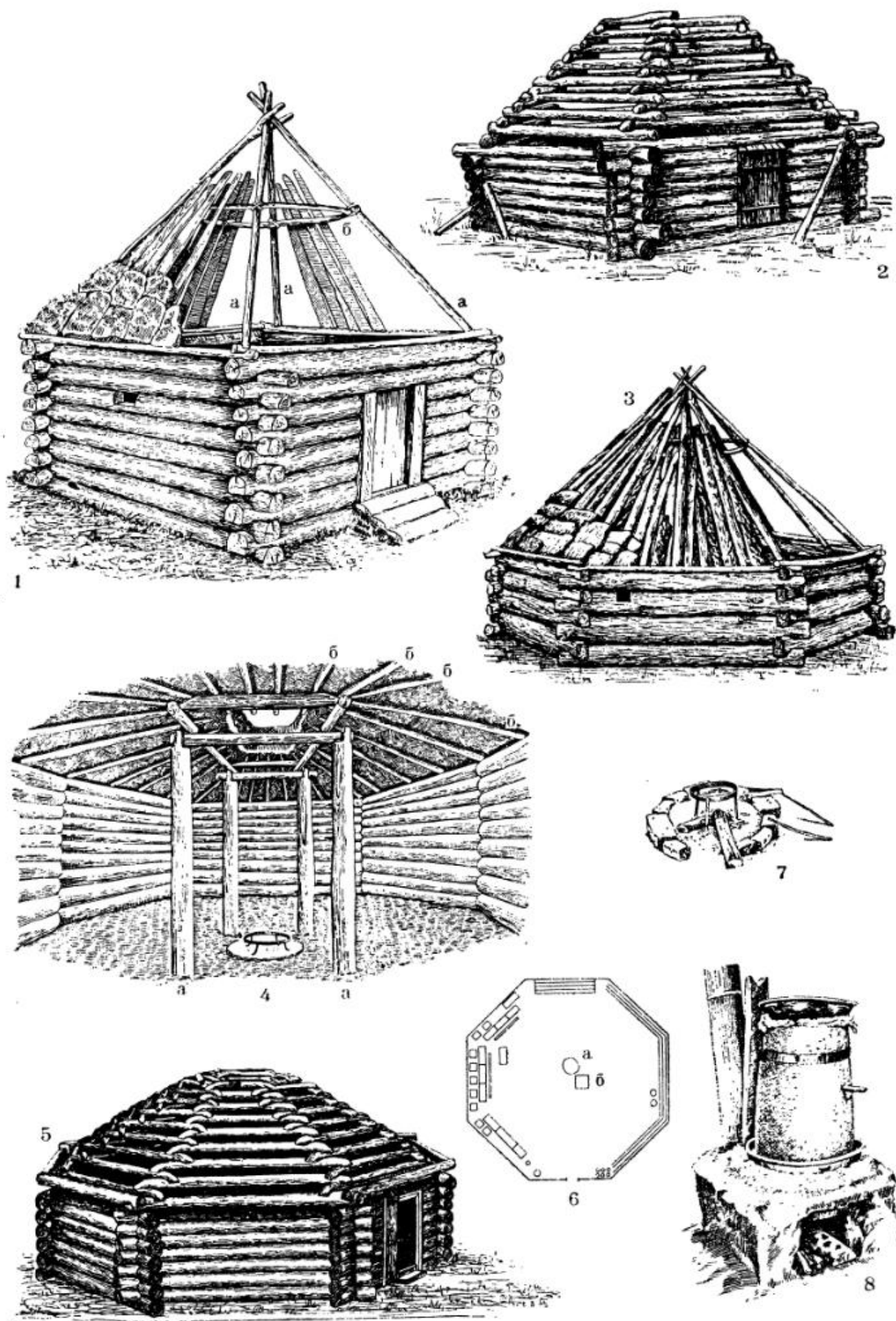
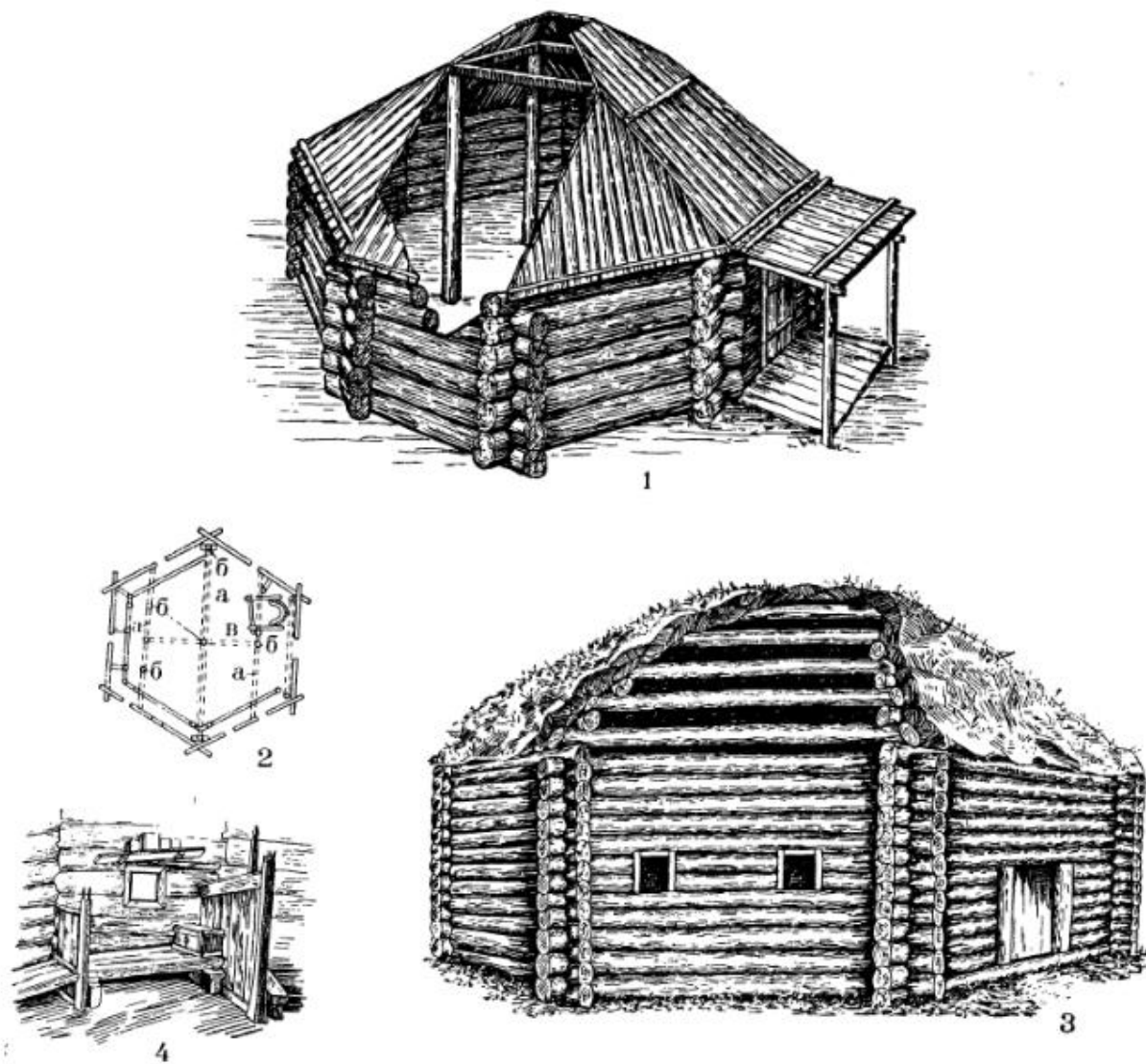

ТАБЛИЦА ХХІ

Прямоугольные: 1, 2 — конструкция жилищ. Многоугольные: 3 — конструкция жилища; 4 — разрез жилища; 5 — конструкция жилища; 6 — план жилища (а — очаг, б — печь); 7 — очаг; 8 — печь (1, 3 — алтайцы; 2 — кызыльцы; 4 — тувинцы; 5—8 — хакасы).

СРУБНЫЕ ЖИЛИЩА

СВАЙНЫЕ ЖИЛИЩА

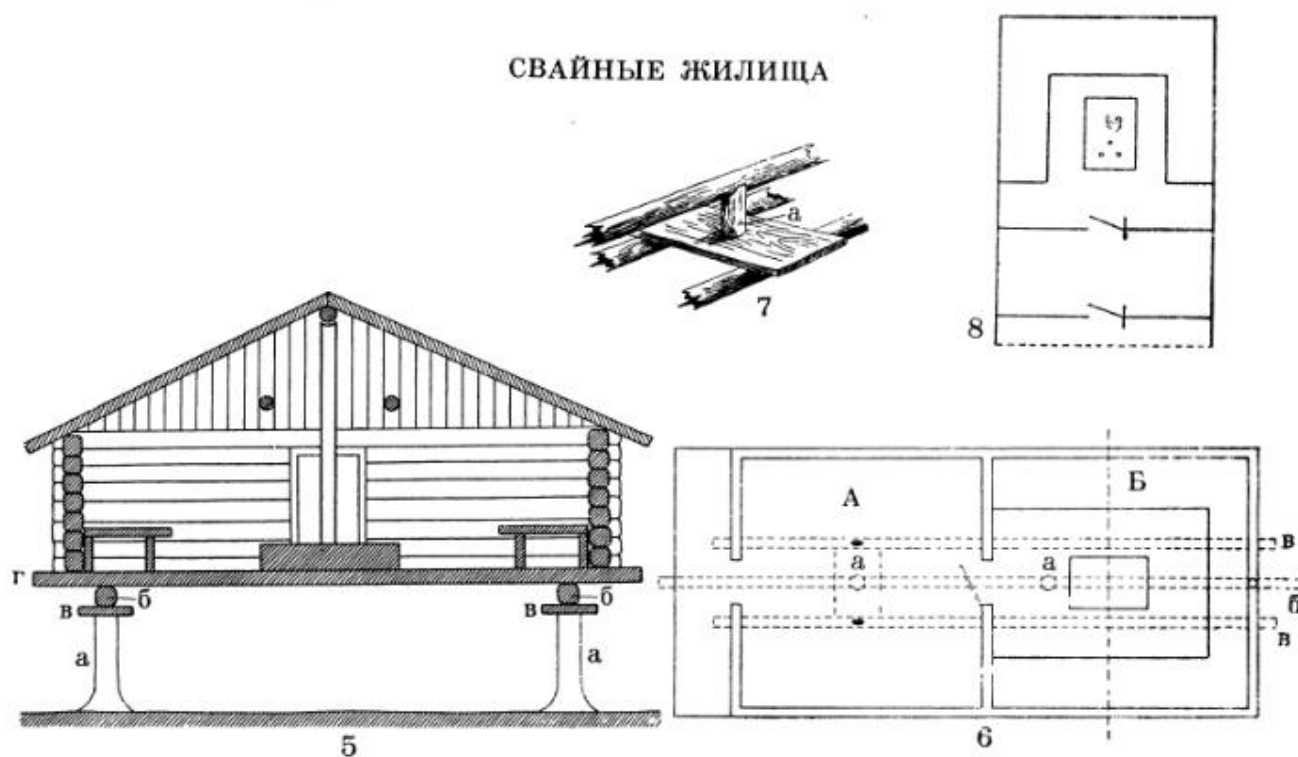
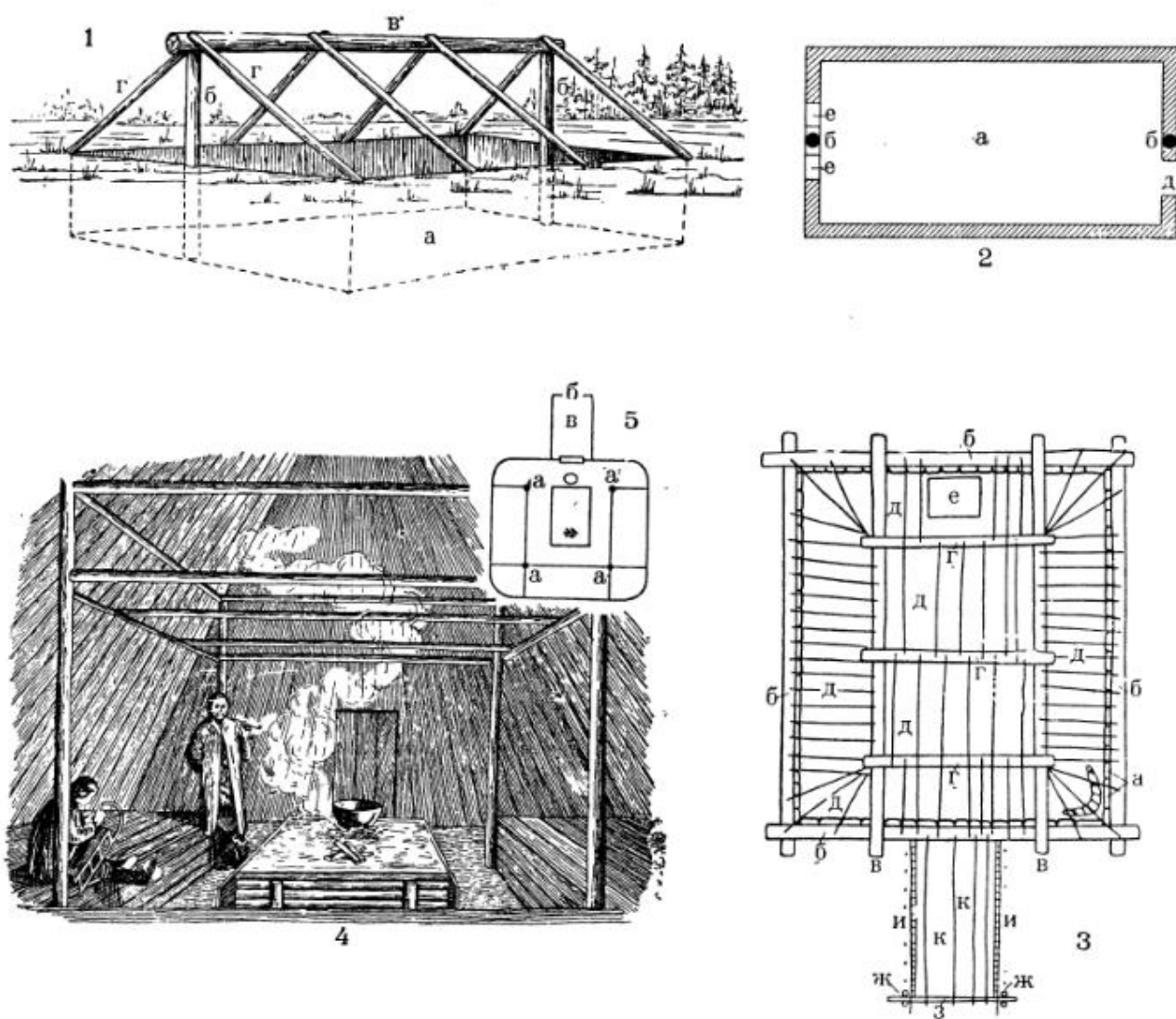

ТАБЛИЦА XXII

Многоугольные: 1 — конструкция жилища; 2 — план жилища; 3 — конструкция жилища; 4 — внутренний вид части жилища. Свайные жилища: 5 — разрез жилища; 6 — план жилища; 7 — деталь устройства столбика, подпирающего балку; 8 — план жилища (1 — буряты; 2—4 — якуты; 5—8 — нивхи).

ПОДЗЕМНЫЕ ЖИЛИЩА

НАРТЕННЫЙ ЧУМ

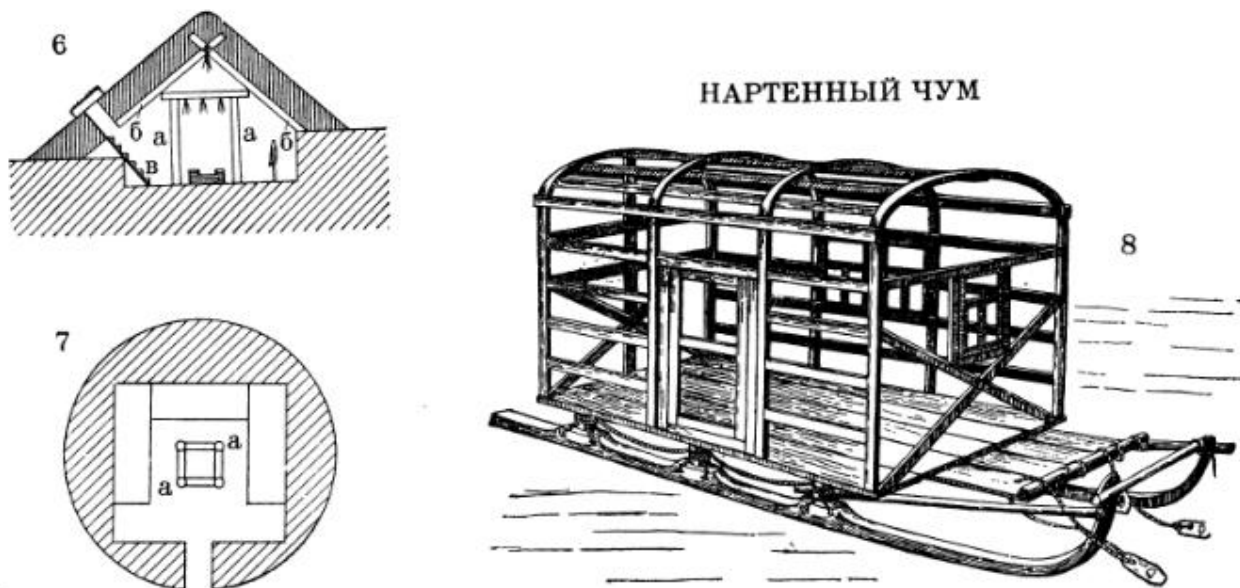

ТАБЛИЦА XXIII

Прямоугольные: 1 — остов жилища; 2 — план жилища; 3 — конструкция жилища (сверху). В форме усеченной пирамиды: 4 — внутренний вид жилища; 5 — план жилища; 6 — разрез жилища; 7 — план жилища. Нартенные чумы: 8 — остов жилища (1, 2 — нанайцы; 3 — ханты, манси, селькупы; 4, 5 — нивхи; 6, 7 — айны; 8 — долганы).

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИЙ ЖИЛИЩ

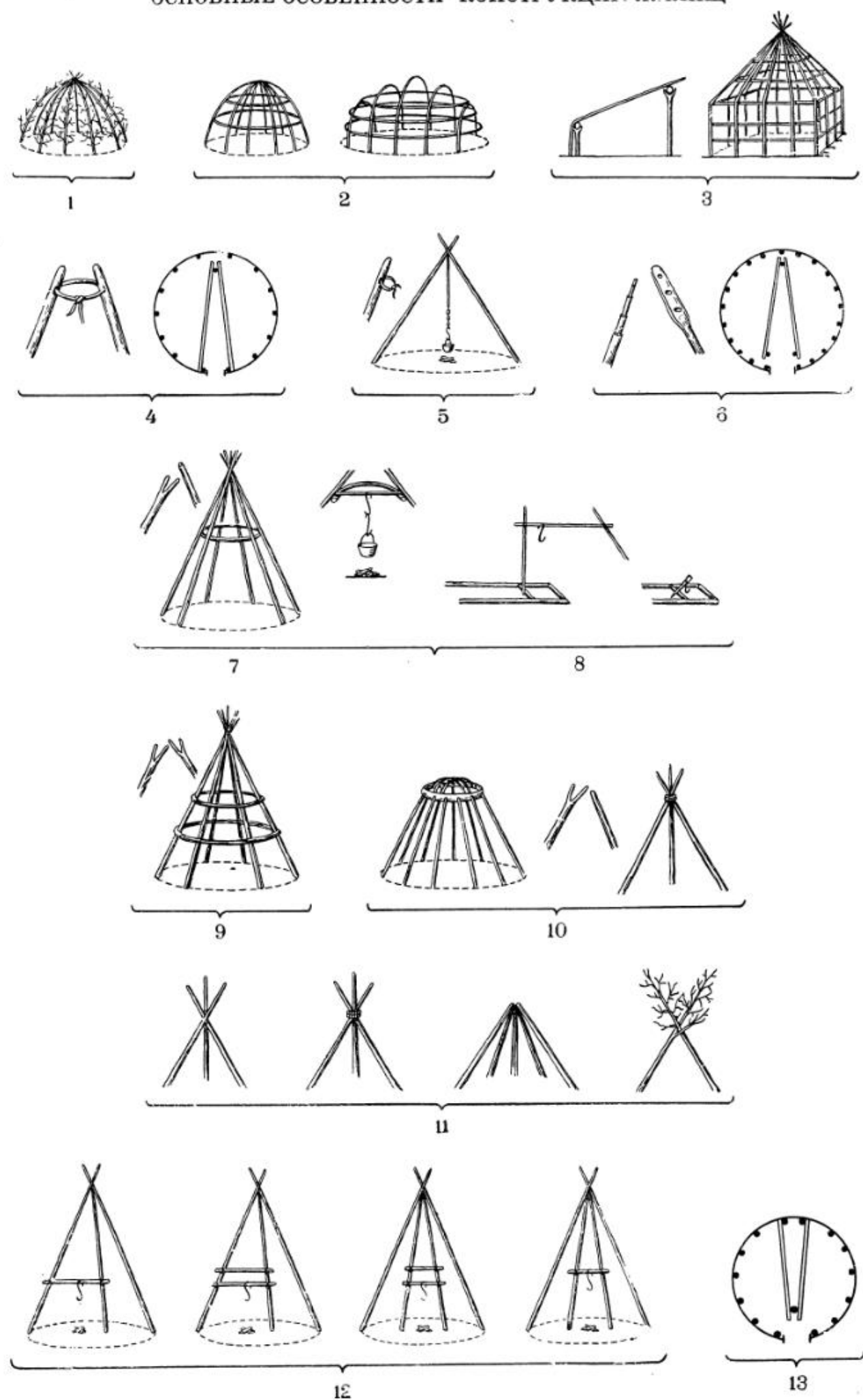

ТАБЛИЦА XXIV

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИЙ ЖИЛИЩ

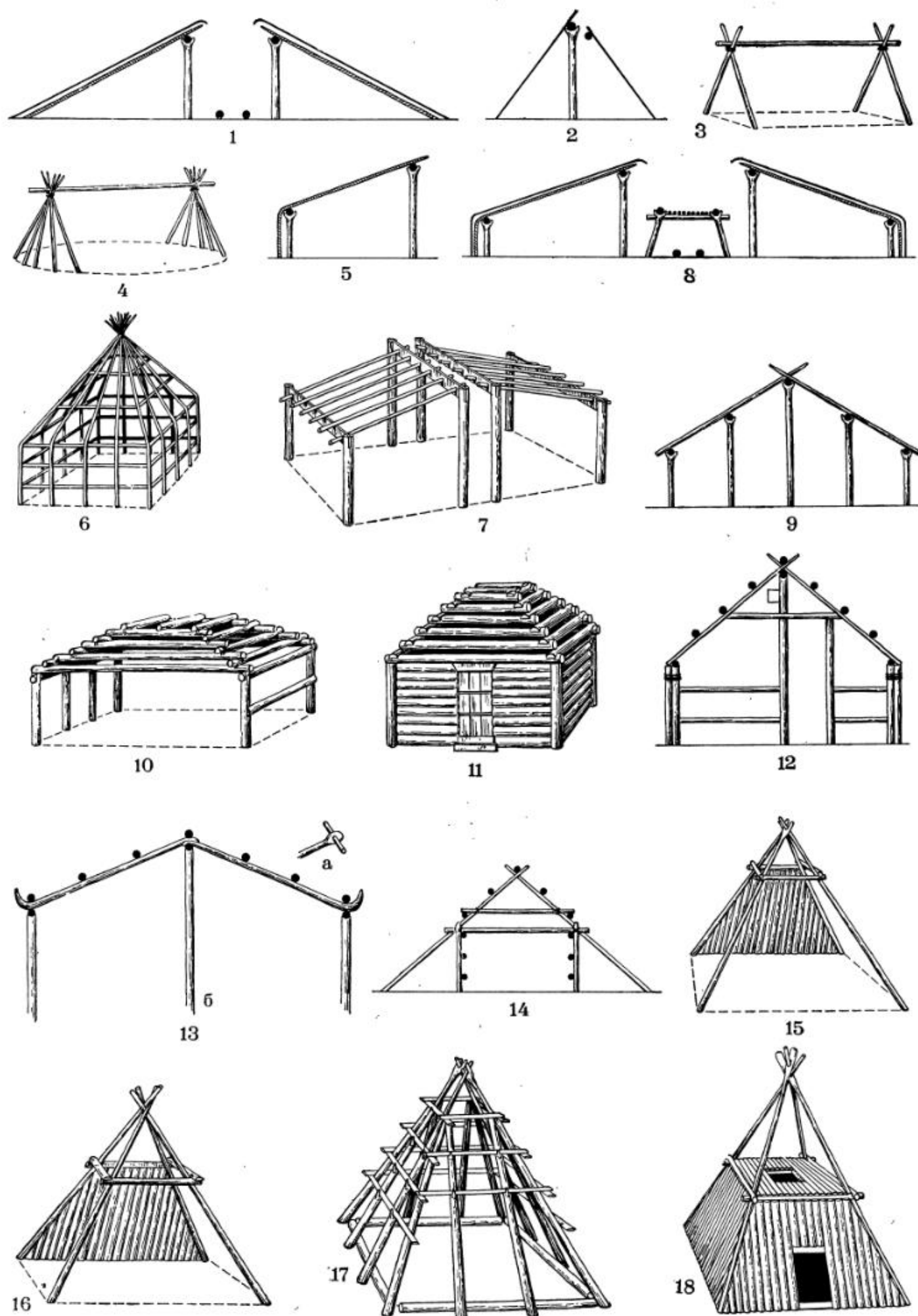

ТАБЛИЦА XXV

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИЙ ЖИЛИЩ

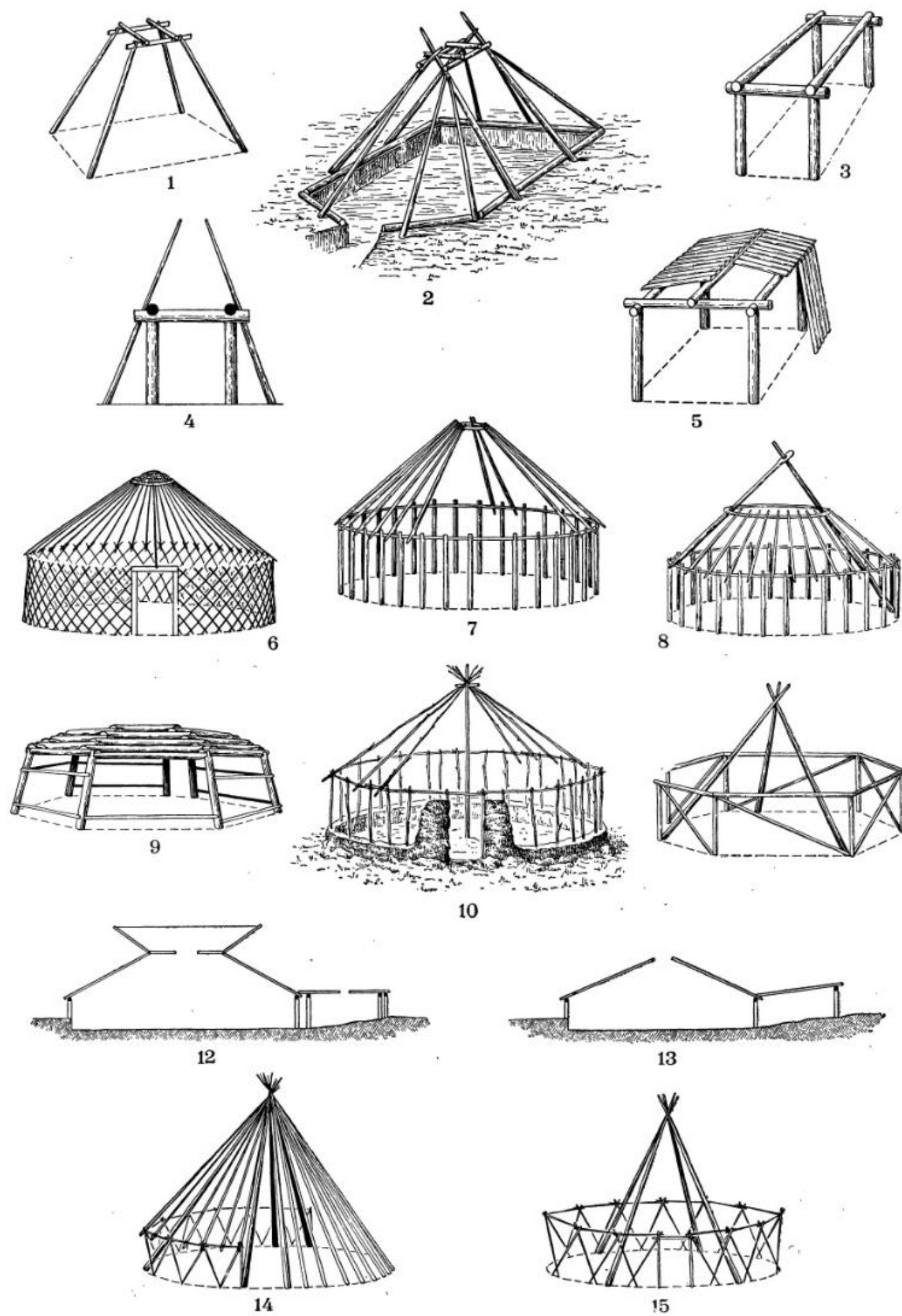
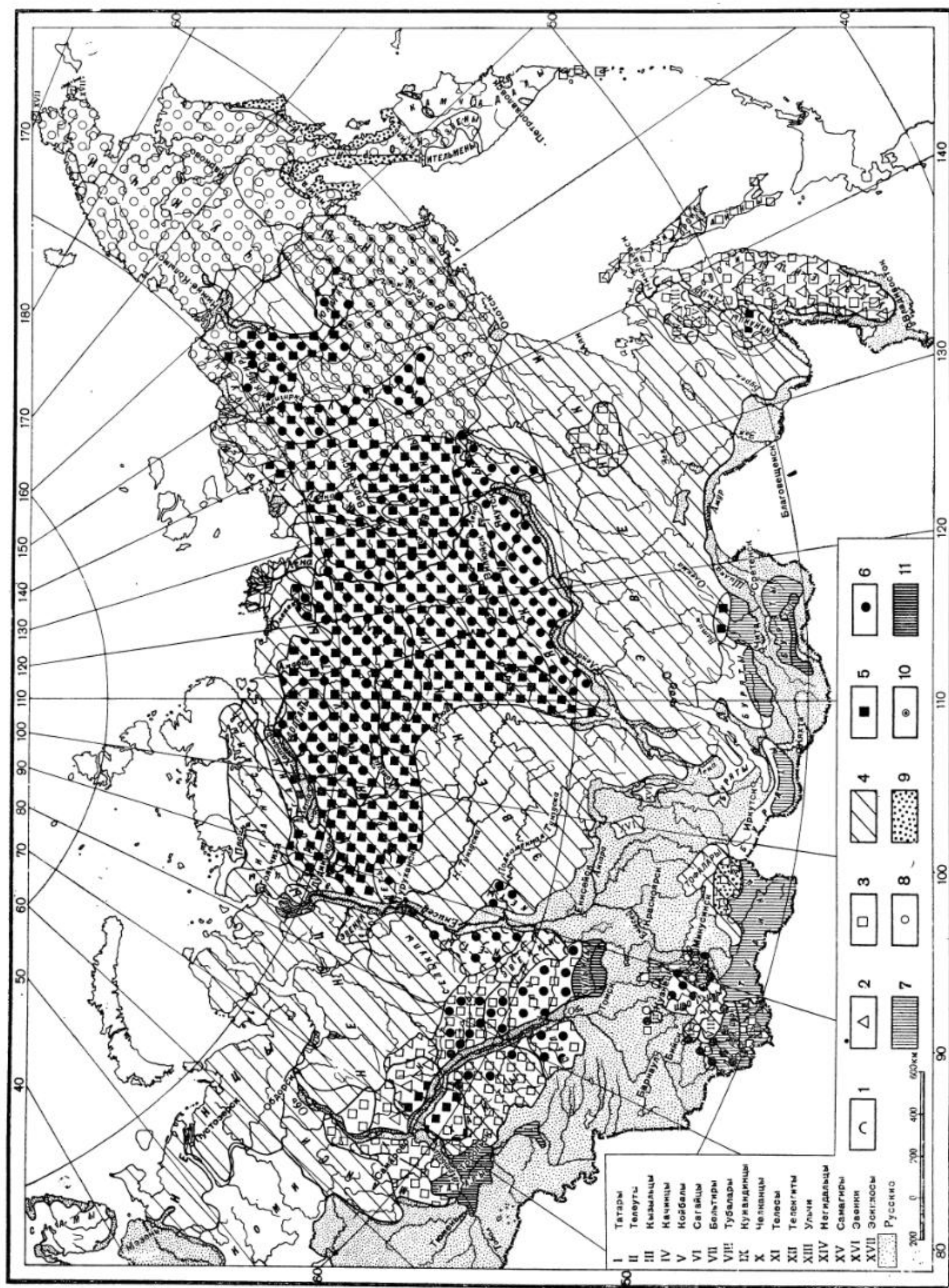
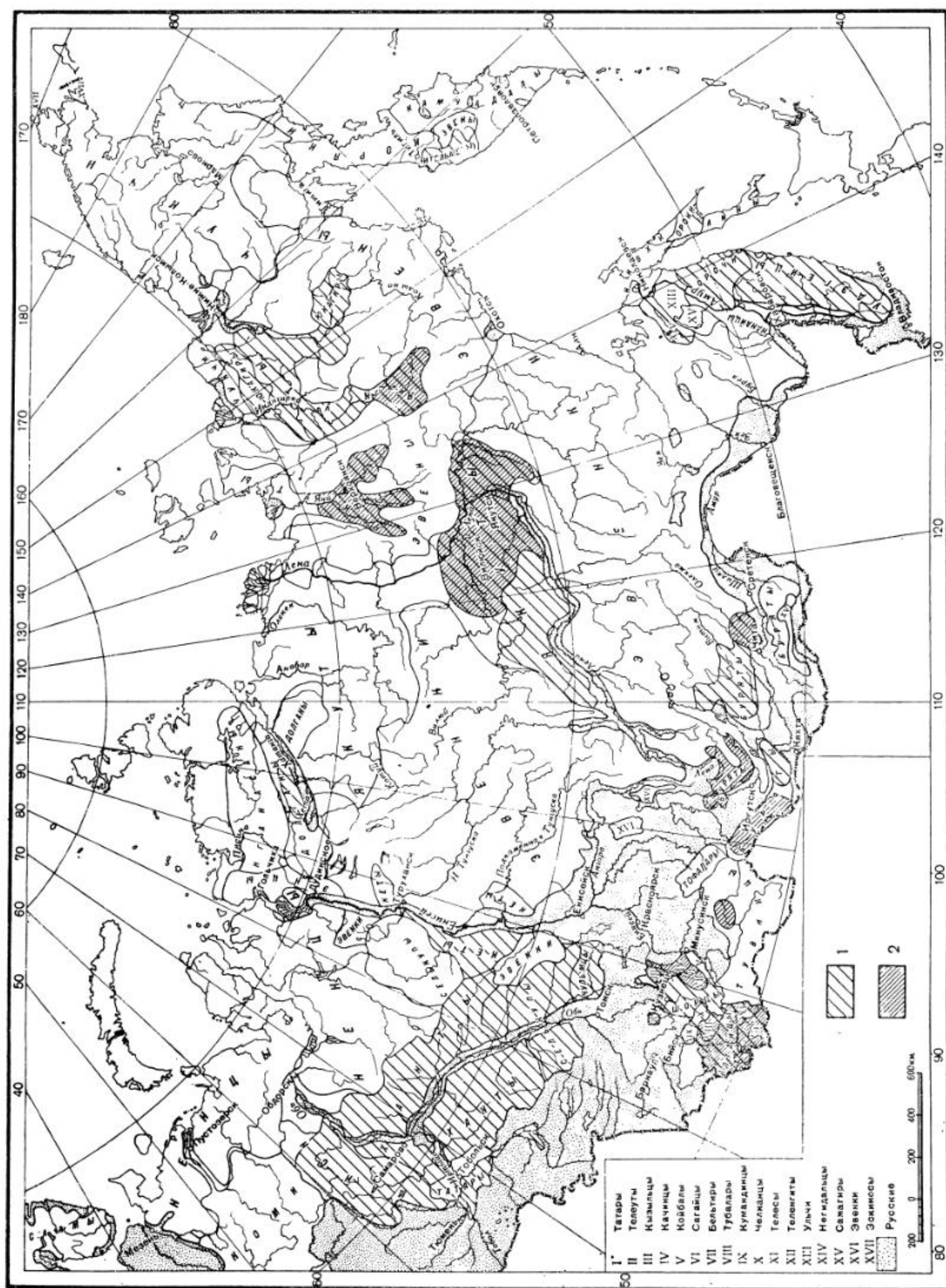

ТАБЛИЦА XXVI

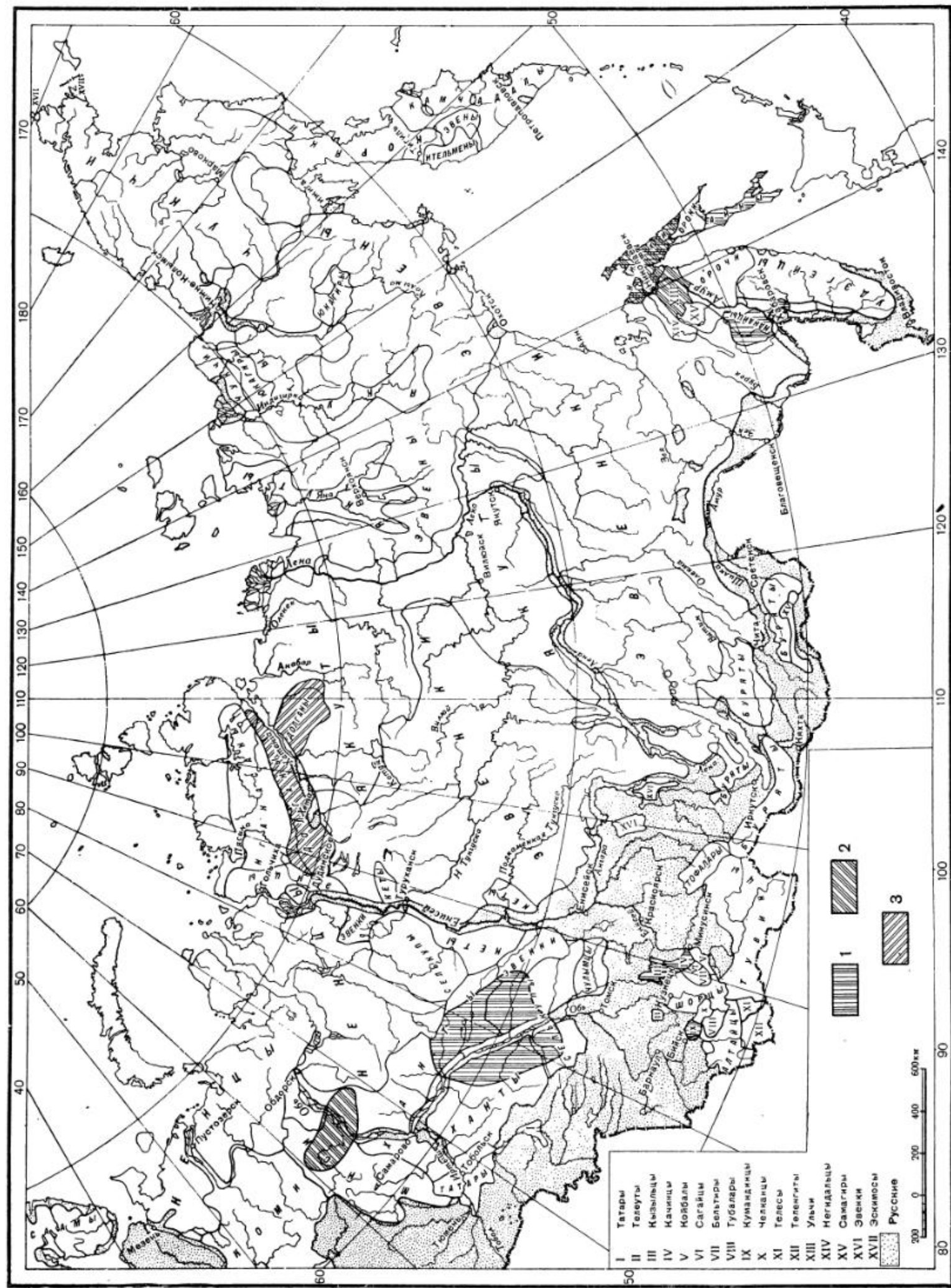

КАРТА 1. РАСПРОСТРАНЕНИЕ НАЗЕМНЫХ И ПОЛУПОДЗЕМНЫХ КАРКАСНЫХ ЖИЛИЩ

1 — из гнутых дуг (полусферические, сферические и в форме расеченного цилиндра); 2 — в форме усеченной пирамиды; 3 — конические; 4 — конические; 5 — многоугольные; 6 — цилиндрические, решетчатые; 7 — цилиндрические, конические (получуг-полужанга); 8 — плоские, конические; 9 — плоские, конические; 10 — плоские, конические; 11 — плоские, конические; 12 — плоские, конические; 13 — плоские, конические; 14 — плоские, конические; 15 — плоские, конические; 16 — плоские, конические; 17 — плоские, конические; 18 — плоские, конические.

КАРТА 2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПАЗЕМНЫХ И ПОЛУПОДЗЕМНЫХ СРУБНЫХ ЖИЛИЩ

КАРТА 3. РАСПРОСТРАНЕНИЕ СВАЙНЫХ, ПОДЗЕМНЫХ И ДРУГИХ ТИПОВ ЖИЛИЩ

1 — подземные; 2 — свайные; 3 — нартенные чумы.

ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА

Обширная литература по этнографии народов Сибири, за малым исключением, дает весьма краткие и односторонние сведения об одежде этих народов, учитывая главным образом материал и украшения ее и опуская описание покроя.¹ Лишь за последние годы вышли в свет две работы по одежде народов Сибири монографического характера.²

Верхняя одежда народов Сибири в конце XIX и начале XX в. состояла из обычной (повседневной) для каждого народа одежды и специальной, т. е. промысловой, дорожной, празднично-обрядовой и культовой.

Для опыта нашей классификации была взята лишь одна обычная верхняя одежда. При сравнительном изучении одежды всех народов Сибири выяснилось, что эта одежда была в свое время повсеместно единственной одеждой. Особая нательная одежда почти у всех народов Сибири стала появляться только в XVII—XVIII вв. После появления особой нательной одежды старая одежда стала бытовать только в качестве верхней.

В отличие от обычной верхней одежды перечисленные выше остальные категории одежды бытовали не везде и не всегда.

Одежда, как и все другие явления культуры, не статична, она постоянно изменяется, хотя отдельные ее формы могут существовать и очень долгий срок. Поэтому для нашей классификации мы брали одежду, бытовавшую в

определенный исторический период, и при описании одежды каждого народа выделяли наиболее типичную одежду с ее самобытными чертами.

Прежде всего вся верхняя одежда сибирских народов делится на глухую, т. е. одежду без разреза, надеваемую через голову, и распашную, имеющую разрез спереди.

Для выявления типов одежды было необходимо учесть, описать и изучить все формы обычной верхней одежды народов Сибири, бытовавшие в конце XIX и начале XX в.

В результате этой работы выявилась специфика одежды каждого народа, а также те однородные черты, которые были свойственны одежде нескольких народов.

Прежде чем перейти к описанию одежды отдельных народов Сибири, следует дать основную, общепринятую терминологию, связанную с покроем одежды. С п и н к а, п о л к и и б о к о в ы е п о л о т н и ц а или клинья, сшитые вместе, составляют с т а н одежды; края полков у разреза спереди называются п о л а м и; вырез для шеи носит название в о р о т а; вырез для рукава — п р о й м а. Кроме этого, мы будем употреблять термин о т р е з н а я о д е ж д а, которым будем называть одежду, имеющую горизонтальный или поперечный отрез (вертикальный или продольный шов на спинке одежды для покроя значения не имеет, так как он обусловлен шириной материала, поэтому он нами во внимание приниматься не будет).

I

Ненцы. Обычной верхней мужской одеждой у всех групп ненцев была малица (*малыца*) — глухая одежда с пришитым капюшоном; шили ее преимущественно из шкур молодых оленей (табл. 1, 1).

Делали малицу из двух шкур мехом внутрь; она представляла собой длинную и широкую рубаху, суживающуюся к плечам и расширяющуюся книзу. Двойной капюшон и широкую полосу, пришитую по подолу (*панда*), делали мехом наружу. К рукавам малицы пришивали камусные рукавицы с разрезами для вынимания

из них рук. Надевали малицу через голову. Снаружи малицу покрывали рубахой-чехлом из сукна или бумажных тканей. Длинной малица была ниже колен, но подпоясывали ее с большим напуском, так что длина ее достигала только колен. Изношенная малица служила летней одеждой.

В Канинской и Тиманской тундрах была распространена малица без капюшона, с высоким, стоячим, двойным воротником мехом наружу. Капюшон заменяла шапка. Канинские ненцы шили малицу из двух кроеных шкур, в бока вставляли дополнительные полотнища, перегнутые вдоль (табл. 1, 2).

Женская верхняя одежда (*паны*) у ненцев Канинской, Тиманской и Малоземельской тундр представляла собою распашную двойную шубу из оленьего меха, с прямым разрезом спереди, со сходящимися полами. Верхняя часть шубы до пояса — широкая, мешкообразная — состояла из двух рядов шкурок. Первый ряд шкурок перегибали через плечо и по наружной части руки, второй ряд шкурок располагали ниже, и они покрывали грудь и спину; в бока шубы вшивали большие клинья-ластовицы, переходящие в нижнюю часть рукава и доходящие до обшлага.

¹ Материалом для данного раздела, кроме литературных источников, послужили предметы из коллекций следующих музеев: Музея антропологии и этнографии АН СССР, Государственного музея этнографии народов СССР, б. Центрального музея народоведения.

² Л. П. Потапов. Одежда алтайцев. Сб. МАЭ, т. XIII, М.—Л., 1951, стр. 5—59; Н. Ф. Прыткова. Одежда хантов. Сб. МАЭ, т. XV, М.—Л., 1953, стр. 123—233. Когда «Атлас» находился в печати, вышли в свет еще работы Ю. А. Шибановой (Одежда хакасов. Сталинабад, 1959) и В. П. Дьяконовой (Материалы по одежде тувинцев (по полевым материалам 1958 г.). Труды тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции, I. М.—Л., 1960, стр. 238—266).

Поясная часть шубы представляла собой широкую полосу меха. Нижнюю часть шубы сшивали из полос цветного сукна и нашитых на него полос белого длинношерстного меха, преимущественно собачьего. Вдоль пол пришивали полосу из белого оленьего меха, проходящую и по вороту, где к ней пришивали опушку из оленьего или песцового меха. Полы завязывали с помощью ровдужных завязок. К рукавам шубы пришивали камусные рукавицы. Верхнюю часть шубы украшали параллельно чередующимися полосками темного и светлого меха и полосками цветного сукна. Шубу шили ниже колен и обычно подпоясывали шерстяным плетеным поясом (табл. 2, 1).

Женской верхней одеждой большеземельских и восточных ненцев была распахная, длинная, широкая, прямо-

Рис. 1. Шуба из оленьих ушей (восточные ханты).

спинная, двойная шуба (*паны*) с прямым разрезом спереди и сходящимися полами. Верх и подклад шубы делали из оленьего меха; к рукавам пришивали рукавицы (табл. 2, 2).

Шубу украшали полосками узоров, выполненными меховой мозаикой, причем полоски вшивали вдоль всех основных швов одежды; подол шубы оторачивали широкой полосой короткошерстного оленьего меха. Подобной же полосой меха надставляли полы шубы, причем эта полоса проходила и по вороту, где к ней в виде воротника пришивали опушку из собачьего или песцового меха. В спинку и бока шубы, внизу над меховой оторочкой, вшивали треугольные клинья. Полки одежды были одинаковы, но при надевании шубы правая пола слегка заходила на левую, и шуба подпоясывалась.

Летней женской одеждой повсюду служила изношенная зимняя одежда; иногда употреблялся один верх шубы без подклада. Кроме того, летнюю одежду шили и из сукна (*нгаля паны*, *нгаля ной*), причем, подражая покрою меховой шубы, сукно кроили по поперечной нитке и вшивали треугольные клинья над подолом (ненцы с р. Хета) (табл. 3, 1).

Ханты и манси. Верхняя одежда хантов и манси в конце XIX и в начале XX в. была одинакова, поэтому описание ее нами объединено.

Мужской верхней зимней одеждой у северных групп хантов и манси была заимствованная ими у ненцев малица (*молься*). Изношенная малица служила летней одеждой. У других групп хантов малица была распространена только в качестве дорожной одежды.

Мужской верхней одеждой южных групп хантов и манси (кондинских) были заимствованные от русских шубы, аямы, сукманы и шабуры, т. е. одежда, не подлежащая описанию в настоящем разделе.

Мужской верхней одеждой у восточных хантов служили распахные шубы или халаты, по покрою прямоспинные, с прямыми полками одинаковой величины. Халаты шили из белой или черной байки (сукна) (табл. 3, 2). Короткие зимние шубы были двойные, верх собирался из беличьих лапок, оленьих ушей (рис. 1), подклад делался из заячьих шкурок. Иногда верх шили из грубого оленьего меха. Шубы были с прямыми сходящимися полами, на ровдужных завязках.

Женская одежда манси (северных) и хантов (северных и восточных) была распахная, широкая, прямоспинная, с прямым разрезом спереди и сходящимися полами. Шили ее из шкур, ровдуги, сукна и бумажных тканей.

Зимнюю меховую шубу (*сах*) делали двойной, т. е. на подкладе из меха или же из птичьих шкурок. К рукавам шубы пришивали рукавицы. У хантов и манси (оленьеводов) как верх шубы, так и подклад преимущественно делали из оленьего меха. У восточных хантов верх шубы из оленьего меха делали весьма редко, а если он и бывал, то мех был низкого качества; обычно шубы шили из заячьих шкурок и беличьих лапок и покрывали сукном или другой тканью. К вороту пришивали опушку, полы завязывали с помощью ровдужных завязок.

Меховые шубы северные ханты и манси украшали узорами, выполненными мозаикой из меха двух цветов и полосками из цветного сукна, вшитыми в швы вдоль узора и по его контуру. Узорные полосы располагали вдоль основных швов одежды. Подол и полы оторачивали широкой полосой короткошерстного меха иного тона, чем шуба (табл. 4, 1, 2).

Восточные ханты украшали шубы ажурными, оловянными бляшками собственного изготовления и шитьем из бисера; украшения располагались вдоль пол, по подолу, на воротнике и на рукавах, причем левая пола украшалась беднее правой или совсем не украшалась, так как при надевании шубы она закрывалась правой половиной; затем одежда подпоясывалась (рис. 2).

Летней женской одеждой у хантов обычно служила изношенная зимняя одежда или же одежда, сшитая из сукна и бумажных тканей, по покрою и украшениям соответствующая с зимней.

Типичным украшением летней одежды северной группы хантов была аппликация из цветных тканей, имитирующая меховую мозаику зимней одежды (табл. 5, 1).

Летняя одежда манси, сшитая из сукна, отличалась иным покроем: ее делали без боковых полотнищ или клиньев, причем стан одежды кроился вместе с рукавами из одного полотнища сукна, перегнутого по поперечной нитке (табл. 5, 2).

Характерной особенностью одежды восточной группы хантов были воротники, ластовицы и обшлаги, сделанные из другого материала.

Женская суконная одежда южных хантов отличалась от одежды хантов северной и восточной групп покроем спинки, которая кроилась в талию; по бокам одежда была отрезная и собиралась у пояса в сборки. Бисерное шитье покрывало все основные швы одежды и нижние концы пол (табл. 6, 1).

По целому ряду источников нами было установлено, что в прошлом у хантов и манси мужская одежда по покрою совпадала с женской и была распахной.¹

Материалом для одежды служила прежде также и рыба кожа (налима, осетра).

У восточных хантов в конце XIX—начале XX в. существовала мужская промысловая одежда (*коляз*), ранее бывшая, по-видимому, обычной верхней одеждой. Кроили ее из одной целой шкуры оленя без швов на боках; она имела надставные полки и была длиной за колено; концы пол при ходьбе затыкались за пояс.

¹ Н. Ф. Пряткова, ук. соч., стр. 143.

Сибирские татары. Верхняя одежда сибирских татар изучена весьма слабо.¹ Приводимое нами описание в основном относится к одежде тобольских татар.

Зимней верхней мужской одеждой татар были овчинные тулупы и шубы (*тун*) без воротника, крытые сукном, нанкой или дабой. Шубы подпоясывали бумажными или шерстяными кушаками ярких цветов. Летней верхней одеждой служил кафтан (*бешмет*) со спинкой в талию, расклешенный в подоле, длиною ниже колен, с длинными рукавами, имеющими в нижней части разрезы для вынимания рук при омовениях. Воротник бешмета был высокий, стоячий; левая пола заходила на правую и завязывалась. Шили бешметы из цветных, полосатых среднеазиатских тканей (табл. 6, 2). Стеганные бешметы носили и зимой. Летом же часто вместо бешмета мужской одеждой служил так называемый камзол (*камзул*) — короткая (длинною до колен) одежда из сатина, молескина и других бумажных тканей; покроем ее спинки был в талию, воротник — шалью. Камзол застегивался справа налево. У барабинских татар рукава камзола были длиною до локтя.

Женской верхней зимней одеждой было *кюрта* — пальто, сшитое в талию, с низким стоячим воротником, стеганое или на меху. Летнее пальто того же покроя делали на тонкой подкладке из бумажной ткани. Женский камзол представлял собой безрукавку, большей частью бархатную, обшитую по подолу, полам и проймам позументом, шелковой лентой или шнуром фабричного производства.

Летом женщины носили халаты из набивного среднеазиатского ситца на подкладке из коленкора. Халаты были так называемого туникообразного покроя, с клиньями в боках, со стоячим воротником. Застегивали халат с помощью медных полусферических, ажурных пуговиц и прорезных петель. Обе полы, воротник, обшлага и подол украшали нешироким золотым позументом (табл. 7, 1).²

У группы томских татар в начале нашего столетия еще сохранились распашные халаты прямого туникообразного покроя, с боковыми клиньями, с прямыми длинными рукавами, пришитыми непосредственно к стану одежды. Шили эти халаты из полосатого среднеазиатского шелка. Надевали их пожилые женщины при выходе на улицу в праздничные дни, а также во время свадьбы в них сидели матери жениха и невесты. Халаты накидывались на голову, рукава скреплялись сзади на спине, для глаз оставалась лишь щелка (табл. 7, 2).

Подобный халат, но с пуговицей и воздушной матерчатой петлей в качестве застежки надевали пожилые мужчины в особо торжественные дни.

Селькуны. Сведения по одежде отдельных групп селькупов неоднородны.

Верхняя мужская и женская одежда селькупов в основном была одинакова. Тазовские селькупы шили одежду из оленьих шкур. По покрою это была одежда, сшитая из одной целой, некроенной шкуры, с надрезами-проймами для рукавов и со швами на плечах. Иногда полки одежды надставляли полосами из ровдуги или сукна; кроме того, обычно к рукавам одежды пришивали широкие обшлага из ровдуги или сукна. К концам рукавов прикрепляли рукавицы, сшитые из камусов (табл. 8, 1). На подклад под одежду шили лисий мех, беличий и лисьи лапки и птичьи шкурки.

Баишенские селькупы имели одежду с матерчатым стеганым верхом, на таком же подкладе, что и у тазовских; по покрою эта одежда полностью совпадала с кетской. Одежда тазовских и баишенских селькупов завязывалась спереди ровдужными завязками, подпоясывалась поясом и не имела никаких украшений.

Об одежде нарымских селькупов сведений почти нет. Известно, что на р. Чижанка зимняя одежда у них была того же вида, что и у других групп. Летняя женская одежда представляла собой матерчатый кафтан с прямым разрезом, со сходящимися полами, спинку каф-

тана кроили в узкую талию, бока одежды делали отрезные, собранные у пояса в сборки (табл. 8, 2).

Нарымские селькупы украшали свои кафтаны аппликацией из цветных тканей (на обшлагах); к правой поле (на груди) пришивали овальный кусочек сукна с нашитыми на него медными и фарфоровыми пуговицами.

Кеты. У кетов верхняя мужская и женская одежда совпадала. Зимнюю одежду шили из оленьих шкур мехом наружу и внутрь; иногда верх ее (*хакэт*) шили из молескина или какой-либо другой бумажной ткани и простегивали на подкладе из заячьих шкурок (табл. 9, 1). По покрою одежда была распашная, прямоспинная, с прямым разрезом, со сходящимися полами, кроенная из одной

Рис. 2. Женская зимняя и летняя одежда (сургутские ханты).

викуры или из одного целого полотнища сукна по поперечной нитке, без боковых швов. Полю завязывали ровдужными завязками. К рукавам одежды пришивали рукавицы. Длинною мужская одежда достигала колен, женская — циклоток.

Летнюю одежду (*котлам* от *котл* — сукно) шили из сукна. В большинстве случаев в качестве летней одежды использовали изношенную зимнюю одежду (табл. 9, 2; 10, 1, 2).

Мужская одежда, за исключением шуб, шитых мехом наружу, украшалась аппликацией из прямых полосок тесьмы или цветных тканей и шелка, нашиваемых вдоль наплечных швов и по воротнику. На женской одежде, кроме этого, аппликацией украшали полы и подол. У зимней одежды, шитой мехом внутрь, подол оторачивали полосой из беличьих и лисьих лапок.

Независимо от того, что обе полки одежды были одинаковы и в покрое и в украшении, при надевании одежды правая пола запахивалась на левую. Одежду мужчины подпоясывали ремненным поясом, образуя пазуху; женская одежда также была с пазухой, но ее подпоясывали мягким поясом низко по бедрам.

¹ По одежде сибирских татар музейным материалом мы почти не располагали; некоторые сведения приводятся нами по материалам И. П. Струковой, хранящимся в архиве ИЭ АН СССР, и по экспедиционным материалам В. В. Хримовой.

² Описанный нами экземпляр одежды был привезен от хантов, у которых он фигурировал в качестве приклада в «шайтаньей» избушке.

Эвены.¹ Верхняя одежда эвенков отличалась большим многообразием.

Одежда западных эвенков — одинаковая для мужчин и женщин — была распахная и именовалась в литературе обычно «фраком». Делали ее из одной целой некроенной шкуры таким образом, что центральная часть шкуры покрывала спину, а боковые части шкуры представляли собою узкие полки. В верхней части шкуры делали вертикальные надрезы-проймы для вшивания рукавов, на плечах располагали швы. С этой одеждой обязательно надевали специальный нагрудник, защищавший грудь и живот от холода. Шили одежду из ровдуги и оленьих шкур мехом наружу.² Рукава делали узкие, с узкими проймами и ластовицами, с обшлагами и пришитыми рукавицами. Подол одежды сзади выкраивали мысом и он был длиннее, чем перед (табл. 11, 1).

По подолу одежды, по полам вниз от пояса, на спинке от плеча вдоль проймы рукава пришивали длинную бахрому из козьей шерсти, по которой скатывалась дождевая вода (табл. 11, 2).

Одежду украшали мозаикой из меховых полосок, бисером и полосками из окрашенной ровдуги и тканей.

Мужская и женская одежда различалась лишь по форме нагрудника: нижний конец мужского нагрудника был в виде острого мыса, у женского — прямой.

Позднее эту одежду стали шить только из ровдуги в сочетании с ситцевыми тканями.

Описанная одежда в конце XIX—начале XX в. была распространена у ангарских эвенков, к западу от Енисея у групп сымских, тымских и нарымских эвенков и к востоку от него в районе рр. Пит, Бахта и Вельмо.

Одежда эвенков кроилась также из одной целой шкуры, но со сходящимися полами и с двумя узкими прямоугольными клиньями, вшитыми на спине от пояса вниз до подола.

Одежду этого покроя шили из шкур, ровдуги и сукна. Она была как мужской, так и женской; в основном была распространена у эвенков с Подкаменной Тунгуски и у илимпийских эвенков, а также на Нижней Тунгуске (табл. 11, 3; 12, 1, 2).

Наряду с этой одеждой у енисейских, охотских и вилуйских эвенков была распространена одежда раскроя из целой шкуры с двумя треугольными клиньями на спинке, ныне характерная для одежды эвенков (табл. 12, 3; 13, 1, 2). У енисейских эвенков спинка в этой одежде иногда кроилась отдельно.

Самой распространенной одеждой у всех групп эвенков была так называемая «парка». Носили ее как мужчины, так и женщины. Шили ее из оленьих шкур. Она была короткой, с прямыми сходящимися полами, завязывающимися на завязки, с отдельно выкроенной спинкой в талию; по этому же покрою делали одежду из ровдуги и сукна. Меховая парка не имела никаких украшений; одежду из сукна украшали аппликацией в виде полосок ткани и рядов медных пуговиц; ворот парки был большей частью круглым на вздержке или же к нему пришивали отложной воротник. Парка с воротником была распространена у эвенков с истоков Подкаменной и Нижней Тунгуски, Лены, у илимпийских (оз. Томпоко), у чумиканских и у забайкальских эвенков (табл. 13, 3; 14, 1—3; 15, 1, 2).

У авамских эвенков и у эвенков с верховьев Нижней и Подкаменной Тунгуски в покрое мужской парки сохранилась более старая форма, генетически связывающая парку с так называемым «фраком». Парку эту, как и фрак, кроили из одной целой шкуры, обертывающей тело вокруг, т. е. она не имела боковых швов (табл. 15, 3).

У илимпийских эвенков была одежда, носившая явные черты влияния якутской (табл. 16, 1—3). Это была шуба с прямым разрезом и полами, завязывающимися на завязки; спинку кроили в талию, от пояса вниз до подола вшивали клин посередине или делали разрез, иногда же вшивали три клина — фалды.

Женская одежда авамских эвенков имела спинку покроя в талию. На спинке, от середины проймы рукава до пояса,

вшивали два полукруглых клина из меха другого тона от пояса вниз шли два прямоугольных клина, собранные в сборки. Разрез спереди прямой, полки одинаковые, сходящиеся, рукава с пришитыми рукавицами (табл. 17, 1).

У забайкальских эвенков (ороченов), кроме описанной выше парки, была еще женская верхняя одежда, шитая из ровдуги, бумажных и шелковых тканей, в виде кафтана с прямым разрезом спереди, со сходящимися полами, со спинкой, кроенной в талию; боковые полотнища ее в поясной части имели надрезы и были собраны в мелкие сборки. Воротник отложной. Украшение одежды состояло из аппликации матерчатыми полосками и пуговицами (табл. 17, 2, 3).

Одежда группы конных эвенков (*хамнабан*) по своему виду и покрою полностью совпадала с одеждой бурят.

Покрой этой одежды так называемый «монгольский», т. е. стан одежды, кроенный из одного полотнища, перекинутого через плечи, был прямоспинный, расширяющийся книзу; левая пола покрывала правую; воротник стоячий. Рукава (широкие в пройме) суживались к обшлагоу особого покроя с выступом, закрывающим тыльную часть кисти руки.

Женская одежда (табл. 18, 1) была отрезная и по поясу собиралась в сборки, представляя собой как бы кофту с юбкой, причем спинка одежды замужней женщины имела покроем в талию, обусловленный закругленной формой пройм, в то время как в девичьей одежде эта же часть одежды была покроя кимоно, т. е. перед, спинка и часть рукавов выкраивались из одного полотнища ткани, сложенной поперек вдвое (табл. 18, 2).

Долганы. У долганов, как ни у одного из сибирских народов, наблюдалось полное несовпадение мужской и женской одежды; вероятно, это можно объяснить только тем, что в образовании долганов участвовали представители нескольких разных этнических групп. Так, мужская одежда долганов тяготела к эвенской, где она являлась и мужской и женской; в то же время женская одежда совпадала с одеждой авамских эвенков; в мужской одежде наблюдались еще и элементы якутской одежды.

Старинная верхняя одежда долганов (*мукадлан*) (табл. 19, 1), бытовавшая только у мужчин, была распахная, из оленьих шкур мехом наружу; полы сходились и завязывались ровдужными завязками, но несмотря на это под одежду надевали нагрудник, прикрывавший грудь и живот. Внешне как одежда, так и нагрудник имели сходство с одеждой эвенков, но по покрою различались. Одежда долганов имела спинку, кроенную отдельно, в талию, с треугольными клиньями у пояса и с полосами меха, расположенными внизу ярусами, в то время как полки одежды были целые. Подол сзади был несколько длиннее, чем спереди. Вдоль пол и спереди по поясу нашивали полосу сукна большей частью красного цвета, вышитую бисером, таким же образом украшали и треугольные клинья на спинке; по красному сукну бисером проходила полоска над подолом, спускавшаяся иногда по вертикали вниз, имитируя, по-видимому, существовавшую когда-то одежду с «хвостом».

Кроме описанной одежды, у мужчин была распространена еще эвенкийская парка, с отдельно скроенной спинкой, носившая название *кѣп хопоо* (табл. 19, 2; ср. табл. 14, 3).

Летней мужской одеждой служили кафтаны (*сон тап*, что значит «шуба верх») из черного сукна или плеса, с прямым разрезом спереди и сходящимися полами, с широким отложным воротником. Спинку кроили в талию; от пояса вниз до подола был разрез, в который вставляли клин, заложенный снаружи в виде бантовой складки; по покрою эта одежда совпадала с якутской (табл. 19, 3).

У женщин имела распространение одежда совершенно такая же, как и у авамских эвенков, с покроем спинки в талию, полукруглыми клиньями на спинке выше пояса и двумя прямоугольными клиньями от пояса вниз (табл. 20, 1; ср. табл. 17, 1).

Зимой женскую одежду шили из оленьих шкур, летом из сукна, но того же покроя, причем сукно на спинке не раскраивали, а полукруглые клинья вырезали отдельно из ткани и нашивали поверх сукна. Иногда же в суконной одежде клинья на спинке вшивали из сукна другого цвета (табл. 20, 2). Кроме сукна, летнюю одежду шили иногда и из ровдуги, делая ее того же покроя, но клинья на спинке вставляли из сукна.

¹ Полные сведения об одежде эвенков в нашем распоряжении имелись не по всем группам.

² В прошлом в горных районах эту же одежду шили из трех шкурок козули, причем позднее она продолжала существовать в качестве праздничной.

Энци и иганасаны.¹ Мужская верхняя одежда энцев и иганасанов была глухая, двойная, с капюшоном (*му*). Верх ее шили из летних шкур или шкурок пыжика двух цветов (белых и черных). Раскрой верхней одежды был мелкий, от пояса до подола одежда состояла из ряда горизонтальных полос, образующих ярусы; из вертикально расположенных полос меха на груди получался как бы нагрудник. Под мышками вшивали большие ровдужные ластовицы. Верхняя одежда была короткая, выше колен. Нижняя одежда была без капюшона. Ее шили длиною до колен, мехом к телу; спинка ее была целая. Перед нижней одежды в отличие от верхней имел более крупный раскрой: на груди, посередине от ворота, шел шов, а от пояса до подола — полукруглая вставка в виде передника. По подолом верхней и нижней одежды пришивали опушку из белой собачьей шкурки. У верхней одежды над опушкой проводили полосу красной охрой в палец шириною; по подолу нижней одежды шли две полосы охрой и графитом; полосы окаймляли декоративным швом из белого подшейного оленьего волоса (табл. 21, 1, 2).

Нижняя зимняя одежда служила летней мужской одеждой.

Верхней женской одеждой энцев и иганасанов была двойная шуба (*лифарие*), распашная, с опушкой по вороту (табл. 22, 1, 2). Украшение верха женской одежды, так же как и мужской, состояло из полосок, выполненных краской, из узких полосок цветного сукна и меховой мозаики. Нижняя женская одежда по раскрою совпадала с нижней мужской одеждой. Она была длиннее верхней одежды и пришивалась к последней вплотную или в нескольких местах. Летней женской одеждой обычно служила нижняя зимняя одежда.

Якуты. Якутская мужская и женская одежда в основном покрое полностью совпадала, различия были за счет материала, длины одежды и количества ее украшений.

Основной покрой одежды заключался в следующем: при одинаково раскроенных полках спинку кроили отдельно, в талию, образованную благодаря особому вырезу или покрою спинного полотнища (см. чертеж, табл. VIII). От этого основного покроя шли следующие варианты: 1) посередине спинки от подола вверх делался разрез (табл. 22, 3; 23, 1); 2) к краям разреза пришивали две прямоугольные полосы сукна иного цвета, чем одежда; в верхней своей части они складывались вместе и наглухо зашивались, образуя выступающий наружу клин с разрезом (табл. 23, 2); 3) в разрез сзади вшивался прямоугольный клин, закладывающийся снаружи в виде бантовой складки или фалды (табл. 24, 1); 4) при трех таких складках одну из них делали на разрезе, а две боковые образовывались из особого покроя спинки и боковых полотнищ (табл. 24, 2, 3).

Рукав одежды очень широкий в пройме, заложенный на плече в глубокие складки или в сборки, суживающиеся к обшлаго. Воротник отложной, причем размеры его иногда бывали значительными. Воротник делали всегда из более дорогого материала по сравнению с тем, что шел на одежду: у суконных кафтанов — из плиса, у меховых шуб — из лучшего меха, у одежды из лошадиных и коровьих шкур воротник сшивали из кусочков той же шкуры, но черного цвета.

Разрез спереди на одежде делали всегда посередине, обе полы оторачивали и украшали одинаково, но при надевании одежда имела несколько запахнутые справа налево полы. Пуговицы и петли на одежде пришивали необычно: пуговицы к верхней поле, а петли к нижней.

Старинная одежда, как мужская, так и женская, представляла собой длинную шубу мехом наружу, с разрезом сзади, с широкими в пройме рукавами, но без складок и сборок на плечах. Шуба имела специфическое украшение на спинке в виде двух как бы раздвинутых крыльев. Шубу эту обычно шили из рысьего меха, опушку по полам, подолу и вдоль разреза сзади делали из меха бобра. На спинке, от ворота вниз, вставляли прямоугольный кусок бобрового меха, от его основания направо и налево

вшивали кусочки замши, поверх которых нашивали полукруглые полосы из меха бобра в виде крыльев (табл. 25, 1). Одежда эта носила название *сангыях* (буквально «мехом наружу»¹). Видимо, позднее это название у якутов стало употребляться более широко в применении к разной одежде: так называли и женское пальто, и мужскую одежду.

В описываемое нами время эта шуба являлась только женской одеждой.

Наряду с *сангыях* была еще другая женская шуба (*сон*) на подкладе из заячьего меха, ровдужный верх ее украшали широкими полосами черного бархата и красного сукна, расположенными по полам, подолу, обшлагам и по разрезу сзади. Покроя она была общеякутского, описание которого дано нами выше, т. е. спинка с разрезом внизу, рукава широкие, сложенные в складки (табл. 25, 2).

Летнюю одежду этого же покроя, называемую также *сон* (мужскую и женскую), шили из сукна и бумажных тканей, причем вместо меховой опушки пришивали оторочку из сукна другого цвета.

Нарядную женскую одежду того же покроя делали на атласной подкладке; воротник, обшлага, полы, подол, разрез сзади обшивали широкими полосами из меха бобра, выдры, рыси, чернобурой лисы и т. п. Верх одежды делали из черного сукна (рукава и бока) и цветной парчи (спинка, полки), окаймленной узкими полосками красного сукна с нашитыми по ним фигурными металлическими бляшками; на спинке, боках и полках пришивали низки из цветных бус с фигурными металлическими подвесками на концах (табл. 26).

У якутов были известны еще два вида женских шуб под названием *сангыях*, но другого покроя. Из них шуба, носившая название «тунгусская», совпадала по покрою с долганской мужской одеждой (*мукаалкан*). Шили ее из оленьей шкуры мехом наружу; полки и треугольные клинья на спинке составляли из узких полосок того же меха, но другого цвета (табл. 27, 1).

Шуба другого вида, встречающаяся в районе устья р. Солема, была покроя долганской женской шубы (табл. 27, 2, 3; ср. табл. 20, 1).

Мужская старинная шуба (*сангыях*) была заменена одеждой (по названию *сон*) общеякутского покроя, длиною до колен. Шили ее обычно из коровьих и лошадиных шкур мехом внутрь (табл. 22, 3), иногда у богатых ее делали из оленьих шкур мехом наружу.

Эвены. Верхняя зимняя мужская и женская одежда эвенов была одинакова.

Она представляла собой меховой кафтан (*тэты*) мехом наружу, длиною до колен, сшитый из одной целой шкуры, покрывающей спину, бока и частично грудь. На спинке ниже пояса вшивали два расширяющих одежду треугольных клина, сложенных в виде двух глубоких встречных складок. Чтобы складки лежали пышнее, иногда с изнанки под них подшивали полосу жесткой кожи лахтака (табл. 28, 1).

Рукава кафтана делали узкие, с пришитыми рукавицами. Ворот круглый, на вздержке.

Полы кафтана сходились и завязывались только на груди, поэтому под одежду обязательно надевали нагрудник, нижнюю часть которого (от пояса) богато украшали бисером, шитьем из подшейного оленьего волоса и полосками из окрашенной ровдуги. Таким же образом украшали полы и подол кафтана.

Под зимний кафтан эвены надевали второй кафтан, сшитый мехом внутрь, скроенный из одной целой шкуры, с прямыми полками; этот кафтан служил эвенам летней одеждой (табл. 28, 2).

Кроме описанной одежды, у эвенов была еще одежда с двумя прямоугольными клиньями на спинке, широко распространенная у эвенов Подкаменной Тунгуски; делали ее большей частью из ровдуги (табл. 28, 3; 29, 1).

Юкагиры. Верхняя одежда юкагиров была неоднородна. У них существовала одежда, совпадающая по форме с эвенской одеждой, т. е. имела два клина треугольной формы (табл. 29, 2). Наряду с этой одеждой была и эвенкская одежда с двумя прямоугольными клиньями (табл. 30, 1), но при этом юкагирская одежда имела свою

¹ Одежда энцев и иганасанов во многом совпадала, поэтому мы даем ее общее описание.

¹ В. Л. Серошевский. Якуты, т. I. СПб., 1896, стр. 334.

специфику в украшении, в материале и частично в покрое. Спинку юкагирского кафтана часто кроили отдельно от полок; кроме того, от вершин прямоугольных клиньев, расположенных на спинке, делали надрезы по направлению к бокам одежды. Эти надрезы зашивали в сборки и поверх украшали нашивками из полосок материи. В отличие от эвенкийской в одежде юкагиров была другая гамма цветов; кроме того, она украшалась не бисером, а вышивкой оленьим волосом, аппликацией из кожаных и матерчатых полосок и оловянными литыми бляшками (табл. 30, 2).

Чукчи. Одежда оседлых и оленных чукчей была одинакова.

Верхняя мужская и женская одежда чукчей не совпадала.

Обычной верхней мужской одеждой чукчей была глухая, широкая и короткая одежда — кухлянка (*ирын*), состоящая из двух отдельно сшитых меховых рубах, вдетых одна в другую.

Нижнюю рубаху шили мехом внутрь из двух целых оленьих шкур, положенных хвостовой частью вниз, в силу чего одежда в подоле была широкая, а кверху суживалась. На обеих шкурах на подоле, на месте хвоста, вшивали полукруглые клинышки¹ (табл. 31, 1а).

Ворот на груди вырезали довольно низко и делали его большей частью на вздержке. Опушку ворота обычно пришивали из собачьего меха, богатые — из волчьего.

Проймы рукавов были широкие и закругленные (в зависимости от ширины узкой, головной части шкуры, приходящейся на грудь одежды). Рукава широкие, суживающиеся к кисти. По подолу пришивали полосу белого собачьего или волчьего меха.

Верхнюю рубаху делали мехом наружу (табл. 31, 1б), перед ее также представлял собою целую шкуру, спинка была кроеная; в бока одежды вшивали по шкуре, перегнутой вдоль; таким образом, одежда была очень широкая. По подолу пришивали полосу темного меха. Грудь верхней рубахи в отличие от нижней расширялась с помощью клиньев. В круглый ворот выпускали меховую опушку от нижней рубахи. Обычно кухлянку шили длиной до колен, затем ее подпоясывали ремнем с большим напуском, куда складывали разные мелочи: табак, трубку и т. п. Подпоясанная кухлянка становилась еще короче. У стариков кухлянка была значительно длиннее. Нагрудный вырез кухлянки покрывали небольшим, квадратным (около 25 см) меховым нагрудником, который с помощью узких ремешков завязывался на шее и защищал от холода открытое место.

Летней одеждой служила нижняя рубаха от кухлянки. Иногда же летом носили так называемые «камлейки» — ровдужные или матерчатые рубахи того же покроя, что и нижняя рубаха кухлянки, только значительно длиннее и с капюшоном. Такие камлейки обычно служили для предохранения мехового верха кухлянок от снега и дождя (табл. 31, 2).

Особых украшений мужская одежда не имела, щегольство и парадность одежды определяли качеством меха, наличием опушки из узкой полосы меха выдры или росомехи на рукавах и подоле. Нарядным считался темный мех с легкой белой пестринкой.

Любопытно отметить, что в то время как обычная мужская одежда чукчей делалась без капюшона, мужская одежда покойника была всегда с капюшоном; по-видимому, обычная верхняя одежда прежде тоже имела капюшон.

Женская одежда чукчей (в женском произношении *кеццы*, мужском — *керкер*)² состояла из двух отдельно сшитых комбинезонов, вдетых один в другой, повернутых мехом в разные стороны. Комбинезоны делали длиной до колен. Ворот был в виде большого выреза, спускающегося на грудь и на спину. Иногда его завязывали с помощью двух ремешков, пришитых на груди; оторачивали ворот собачьим или волчьим мехом. Рукава комбинезона широкие, прямые, с опушкой из собачьего меха или из меха рыси. Штаны комбинезона собирались на вздержку ниже колен и затягивались ремешками поверх обуви (табл. 32, 1а и 1б).

В теплое время женщины носили только нижний комбинезон мехом к телу.

Вне дома поверх комбинезона надевали одежду (табл. 33, 1) покроя, более распространенного у коряков, характерной особенностью которого являлись рукава и капюшон, скроенные из одной шкуры (см. табл. XIX). Шили ее мехом внутрь из летней шкуры взрослого оленя, тонкошерстной, хорошо выделанной и окрашенной настоем олхи в красивый красный цвет. Длинной такую одежду делали выше колен, из-под нее были видны штаны комбинезона. По подолу и рукавам пришивали опушку из собачьего меха. Женская одежда под названием камлейка имела иной раскрой: подол ее сзади вырезали в виде хвоста (табл. 33, 2). Подобный крой подола с «хвостом» был в погребальной одежде коряков. По плечам и по спинке нашивали небольшие куски волчьего меха и ровдужные ремешки с бусами. Женская камлейка с «хвостом» была обрядовой одеждой, употреблявшейся на праздниках.

Коряки. Мужская верхняя зимняя одежда коряков (кухлянка) по покрою совпадала с чукотской. Она также состояла из двух рубах, повернутых мехом в разные стороны и пригнанных так, что они надевались и снимались вместе (табл. 34, 1а и 1б). Длинной кухлянка не достигала колен, мех для верхней одежды предпочитался пестрый. Основным отличием коряжской кухлянки от чукотской было наличие орнаментированной меховой мозаикой полосы («опуван») шириной в 10—12 см, идущей по подолу. Опушку делали из собачьего меха или из меха выдры. У ворота коряжской кухлянки с капюшоном пришивали меховой клапан (нагрудник) из камусов, который служил для защиты лица от холодного ветра (табл. 35, 1).

Летней мужской одеждой у коряков были камлейки, которые они шили из ровдуги и из тканей. Женщины обычно меховую камлейку надевали поверх двойного мехового комбинезона. Надевали ее мехом внутрь, наружную сторону, хорошо выделанную, красили в темно-красный или бурый цвет и украшали подвесками из бисера и лоскутков белого меха (табл. 35, 2).

Женская камлейка длиной достигала щиколоток, она была с капюшоном или с воротником из собачьей шкуры.

Женский комбинезон того же покроя, что и у чукчей, у коряков встречался в качестве верхней одежды только в районах соприкосновения их с чукчами, на Палладе; в остальных районах это была нижняя одежда (табл. 35, 3).

Судя по фольклорным данным, у коряков в прошлом обычная кухлянка, по-видимому, была с «хвостом», т. е. покроя, существовавшего у них в описываемое нами время в мужской погребальной одежде.

Ительмены. Верхняя мужская и женская одежда ительменов в XIX в. полностью совпадала с описанной нами одеждой коряков.

До прихода русских ительмены шили одежду из оленьих, собачьих, соболиных и нерпичьих шкур.

По описанию С. П. Крашенинникова, кухлянки ительменов в XVIII в. были разных покроев: «... у одних подол бывает ровной, а у других назади с нарочитою выемкою и с хвостом долгим: первые под именем куклянок круглых, а другие под именем куклянок с хвостами известны»¹.

Эскимосы. Еще в конце XIX в. азиатские эскимосы носили длинную глухую одежду — кухлянку, сшитую из птичьих шкурок перьями внутрь. Наружную сторону кухлянки окрашивали в цвет охры, ворот обшивали полоской меха камчатского бобра (табл. 36, 1). В связи с развитием обмена с чукчами-оленьеводами одежда эта была вытеснена одеждой из оленьего меха. Верхнюю зимнюю мужскую одежду — глухую кухлянку (*атжук*) — шили из оленьих шкур и из шкур морского зверя; подобно чукотской и коряжской она состояла из двух рубах, надеваемых одна на другую мехом в разные стороны. Кухлянка была короткой одеждой: она не достигала колен на 20—25 см, кроме того, ее еще подпоясывали (табл. 36, 2).

¹ Эти клинья затем утратили свое первоначальное значение и превратились в орнаментальный мотив.

² Русские называют ее *хоньба*.

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, стр. 387.

В качестве летней одежды использовалась нижняя рубаха, шитая мехом внутрь, или выношенная верхняя.

Женская одежда эскимосов представляла собой двойной меховой комбинезон (*к'алывагын*) такого же покроя, как и у чукчей.

Летней одеждой эскимосов, как мужской, так и женской, была глухая одежда — камлейка, шитая из нерпичьих кишок. По швам камлейку украшали кусочками шерсти детенышей моржей, окрашенной в красный и синий цвета. На рукава и подол камлейки нашивали полосы цветной кожи. Самый низ одежды обшивали каймой из птичьих шкур (табл. 36, 3). Позднее стали шить камлейки из покупных тканей — мужские из однотонных, женские из цветных.

Нивхи. Зимней верхней мужской и женской одеждой нивхов была шуба (*окл*) из собачьего меха, двойная, широкая, длиною до колен; левая пола запахивалась на правую и застегивалась сбоку с помощью трех мелких металлических шаровидных пуговиц. Для верха шубы предпочитали черный или темно-бурый мех, для подклада употребляли более тонкий и мягкий мех молодых собак или щенков (табл. 37, 1). Все, как правило, носили шубы из собачьих шкур, только у женщин, кроме этих шуб, можно было иногда встретить шубы из лисьего меха. На Амурском лимане, а по мнению Л. Шренка,¹ и на Охотском побережье у группы нивхов, занимавшихся тюленьим промыслом, были шубы из тюленьих шкур. Чтобы не попадал в рукава снег, концы их обертывали несколько раз полосой кожи или широкой тесьмой и завязывали.

Шкуры пушных зверей — лисиц, речных выдр, соболей, белок и других — употребляли только в качестве опушки на одежде.

Летней верхней одеждой мужчин служил халат (*ларкл*), шили его из сукна и из тканей белого, синего и серого цветов (табл. 37, 2). Бумажные ткани и сукна исстари доставляла нивхам торговля с китайцами, а затем позднее — с русскими.

Матерчатый халат был покроя кимоно; при этом покрое из одного полотнища широкой ткани, сложенного вдвое поперек, выкраивали спинку халата, всю левую полку, верхнюю часть правой полки и плечевую часть рукавов, т. е. рукава были цельнокроенные, а не вшивные. Правую полку и рукава надставляли добавочным материалом (см. чертеж табл. XV).

Халаты шили длиною до колен; ворот делали круглый; левая пола сверху имела полукруглый вырез и застегивалась у шеи, у правого плеча и на правом боку на три пуговицы. Халаты подпоясывали с напуском.

Мужские халаты украшений не имели; изредка по краю левой полы и по обшлагам халата нашивали узкую полоску темной ткани.

Наряду с халатами мужской летней одеждой была кофта того же покроя, что и халат, длиною несколько ниже пояса.

Летней женской одеждой были халаты из рыбьих кож или из материи того же покроя, что и мужские халаты (кимоно) (табл. 38, 1, 2). Матерчатый халат окаймляли вокруг ворота, по левой поле и по подолу широкой полосой материи иного цвета, чем халат, большей частью темного. На подоле, по кайме, нашивали обычно на ремешках один или два ряда медных пластинок или же медные китайские монеты с отверстием в центре.

Будничную женскую одежду, шитую из рыбьей кожи, не украшали; более нарядную одежду украшали широкими полосами черной краски и разнообразными вышивками. Полосы располагали вокруг ворота, по левой поле, на рукавах (в виде наплечий и обшлагов) и по подолу. Особенно богато украшалась спинка халата: на ней делали аппликацию из кожи, вышивку разноцветными нитками, по подолу прикрепляли металлические украшения.

Для мужской зимней одежды нивхов была характерна еще юбка-передник (*коске*), придерживающая полы шубы. Шили ее из тюленьих шкур, завязывали на талии. При езде на собаках, когда приходилось сидеть верхом на

низких нартах, такая юбка отлично защищала от дождя, снега и ветра.

Ороки. Ороки свою одежду шили главным образом из оленьих шкур. Кроме того, материалом для одежды им служили тюленьи шкуры, рыба кожа и китайские бумажные ткани, которые они получали от нивхов. От них же они получали и медные украшения для женской одежды (пластинки и монетки).

По покрою одежда ороков была весьма разнообразна. У них была одежда, подобная нивхской, с запахивающейся левой полкой. Мужскую шубу из собачьего меха они, так же как и нивхи, носили с юбкой-передником из нерпичьей шкуры. Наряду с этими шубами у ороков, в особенности у женщин, были шубы, шитые из целой шкуры оленя, с прямоугольными клиньями на спинке, вниз от пояса, со сходящимися полами, завязывающимися ровдужными ремешками (табл. 39, 1). Летней одеждой служили матерчатые халаты покроя кимоно и халаты (*покто*) из рыбьей кожи (табл. 39, 2).

Нанайцы. Материалом для верхней одежды нанайцев служили рыба кожа, шкуры и ткани.

Нанайцы, жившие на притоках Амура, где преобладала охота, одежду шили главным образом из шкур лося, оленя, козули и кабарги.

Ткани для нанайской одежды были исключительно китайского происхождения, позднее — русские.

По мере удаления от мест обитания крупной рыбы, т. е. от устья Амура к его верховьям, употребление одежды из рыбьей кожи постепенно сокращалось. Чем дальше вверх по Амуру, тем ярче сказывалось китайское влияние на одежду нанайцев.

В одежде живущих смежно ульчей и нанайцев различия не было.

Типичной верхней мужской и женской одеждой был халат (*тэтуэ*) покроя кимоно с полкой, запахивающейся слева направо. От китайской одежды он отличался отсутствием стоячего воротника и более узким рукавом (табл. 40, 1).

Зимой надевали по несколько халатов одновременно или же ватную и подбитую мехом одежду.

Халаты как из рыбьей кожи, так и из тканей нанайцы богато украшали вышивкой, выполненной аппликацией и цветными нитками (табл. 40, 2; 41, 1). На халатах из рыбьей кожи вышивку располагали по вороту, верхней части левой полы и главным образом сосредоточивали на спинке. На матерчатых халатах вышивкой покрывали ворот, левую полу, обшлага и подол; кроме того, на мужских халатах вышивку располагали внизу по боковым швам, где иногда были разрезы или же их имитация. Женские халаты, кроме вышивки, украшали нашитыми по подолу мелкими медными фигурными подвесками (табл. 40, 2). Праздничная и свадебная одежда нанайцев отличалась от обычной одежды покроем: она имела спереди прямой разрез, полы ее были сходящиеся, а в женской одежде был обязателен нагрудник.

Ульчи. Одежда ульчей во многом совпадала с одеждой нивхов, т. е. она была покроя кимоно, с запахивающейся левой полкой, но на границе с нанайцами одежда ульчей имела другой вид. Здесь зимняя мужская и женская одежда ульчей представляла собой шубу из оленьего, лосиного, а чаще из собачьего меха покроя кимоно, но с прямым разрезом спереди и сходящимися полами; шили ее мехом наружу.

Летнюю мужскую и женскую одежду шили из рыбьих кож или материй (табл. 41, 2).

Женские халаты из рыбьих кож бытовали по всей территории расселения ульчей.

Халаты у пожилых мужчин достигали колен, у женщин они были ниже колен. Молодые парни носили куртки также покроя кимоно.

Халаты, шитые на подкладке, назывались *капчума*, без подкладки — *покто*; зимой их подбивали ватой и простегивали. Концы рукавов халата повязывали особыми нарукавниками в виде широкой орнаментированной ленты.

Халаты из материй украшали широкой полосой ткани иного цвета, чем халат; полоса проходила вокруг ворота, по подолу и по левой поле. Спинки халатов из рыбьей кожи богато украшали (табл. 41, 3).

¹ Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. II. СПб., 1899, стр. 79.

Зимняя одежда особых украшений не имела.

О покрое старинной одежды ульчей можно судить по погребальной одежде, которая имела разрез спереди (посередине) и дополнялась нагрудником.

Орочи. Материалом для одежды орочей-охотников в основном служили меха, у прибрежных жителей — тюленьи шкуры.

Зимняя меховая и ровдужная верхняя одежда орочей имела покроем, совпадающий с покроем эвенкийской одежды; она была цельнокроенной, с прямыми полами, с прямоугольными клиньями в спинке, расширяющимися подол одежды (табл. 42, 1, 2).

Летние верхние мужские и женские халаты орочи шили из тканей и делали их того же покрою, что и нивхи, т. е. кимоно (табл. 42, 3). Особенность их заключалась в том, что халат шили из тканей двух или трех цветов (табл. 43, 1). Иногда верх и низ халата делали из тканей разного цвета, получалась как бы юбка с кофтой.

Для защиты тела от укусов мошки рукава халата туго перевязывали на кистях рук специальными нарукавниками.

Халаты украшали широкой полосой ткани, нашиваемой вокруг ворота, по левой доле и по подолу; на женских халатах полосы нашивали, кроме того, вдоль боковых швов.

Женские халаты из рыбьей кожи также украшали полосами, выполненными краской (табл. 43, 2).

Удэгейцы. Верхняя одежда удэгейцев у мужчин и женщин была одинакова. Она представляла собою халат покрою кимоно, общего для всех народов Амура. Материалом для халатов служила рыбья кожа, звериные шкуры и китайские ткани. Длина мужского халата достигала колен, женский халат был значительно длиннее.

Халаты из рыбьей кожи раскрашивались минеральными красками.

Удэгейцы носили еще халаты, характерные тем, что у них рукава и подол делались из ткани другого цвета, причем иногда одежда принимала вид не целого халата, а кофты с юбкой (табл. 44, 1, 2). Покроем старинной одежды удэгейцев, с прямым разрезом спереди прослеживается в свадебной и похоронной одежде.

Негидальцы. Зимние мужские и женские шубы негидальцев были того же покрою, что и зимние шубы нивхов. Женские шубы делали только из собачьих шкур (табл. 45, 1), а мужские шубы шили также и из лосиных шкур.

Летней мужской и женской одеждой были халаты, по покрою совпадавшие с нанайскими. Женскую одежду этого покрою шили преимущественно из рыбьих кож (табл. 45, 2) и китайских тканей.

Старинная форма одежды негидальцев сохранилась в мужской охотничьей одежде (табл. 45, 3). По покрою эта одежда имела большое сходство с эвенкийской, скроенной из одной целой шкуры без швов на боках.

Шорцы. Одежда северных шорцев была русского образца, шили ее из самодельного холста, покупных тканей и овчин. Богатые шорцы пользовались исключительно покупными тканями или готовым платьем.

Верхняя одежда южных шорцев у мужчин и женщин была одинакова. Она представляла собою распашной халат (*кендыр*) из домотканного холста, с прямым разрезом спереди и одинаковыми полками, которые при надевании халата немного запахивались слева направо, и халат подпоясывался кушаком. Халаты носили и нараспашку (табл. 46, 1, 2).

Название халата *кендыр* произошло от растения, из волокон которого делали холст. Шорцы в массе своей носили халаты из кендыря, богатые шили их из покупного манчестера или темного плиса.

Стан халата был туникообразного покрою, т. е. одно или два прямых полотнища холста перекидывали через плечи, в бока вшивались по два широких, треугольных клина; рукава были прямые.

Халат носили летом и зимой. В сильные морозы надевали одновременно по несколько халатов.

Мужская и женская одежда различалась лишь украшением. Мужской халат украшали полосой черного сукна, ткани или плиса, нашитой по вороту в виде стоячего воротника и спускающейся на грудь по краям пол. Полосу эту вышивали цветными нитками, тамбуром. Такие

же нашивки делали на обшлагах халата, а иногда на полах внизу и по подолу.

Женскую одежду украшали нашивками из узких полосок ткани по обшлагам, подолу и левой доле, которая при надевании халата покрывала правую. Нашивки делали в виде прямых и зигзагообразных полосок. Ворот иногда плотно зашивали рядами раковин (*caury*).

Алтайцы (челканцы). Одежда северных алтайцев — челканцев (шолганов) — была совершенно одинакова с шорской. Можно лишь добавить к основному описанию одежды шорцев, что холщевый, старинный халат челканцев, шитый из кендыря, носил название *коунок*, мужская одежда вышивки не имела, а женский халат (*кѳѳнек*) был менее украшен, чем шорский, но все же ворот и рукава его обшивали черным сатином и по вороту шла вышивка нитками, тамбуром (табл. 47, 1, 2).

Алтайцы (кумандинцы). Верхняя одежда другой группы северных алтайцев (кумандинцев) была одинакова для мужчин и женщин. Она почти полностью совпадала с одеждой шорцев, различие было лишь в покрое полка и боковых клиньев халата. У кумандинских халатов полки более широкие и надставлены треугольными клиньями, пришитыми к краям пол. Боковые клинья были своеобразного раскроя — вершина одного из клиньев образовывала ластовицу рукава (табл. 47, 3).

Свои халаты кумандинцы шили длиною до колен, при надевании слегка запахивали их слева направо, но носили и нараспашку.

Алтайцы (алтай кизи и теленгиты). Зимняя мужская одежда южных алтайцев — овчинная шуба (*мон*) — в силу особых условий климата высокогорного Алтая употреблялась часто и летом (табл. 48, 1, 2).

По покрою шуба была прямая, свободная, расширяющаяся книзу; левую полу запахивали на правую, на груди делали ступенчатый (теленгитская шуба) или обычный полукруглый вырез. Покроем спинки в талию зависел от формы глубоких, полукруглых пройм рукавов. Воротник шубы был отложной, большей частью из лисьего меха; оторочку по левой доле и подолу, а также обшлага рукавов делали из черного плиса или жеребчатой шкуры. Для украшения одежды предпочитали хотя бы в небольшом количестве мех выдры.

Алтайские шубы были рассчитаны на удобства при верховой езде и шились поэтому длинными.

Шубы бедняков часто шились из козьих шкур; шубы богатей делались из белых овчин и покрывались китайским шелком или бархатом; у менее зажиточных — моlessином.

Характерной летней одеждой южных алтайцев, как мужской, так и девичьей, являлся широкий халат на подкладке (*чоклэн*) (табл. 49, 1).

Стан этого халата кроился из целого полотнища широкой ткани, перекинутой через плечи со спины наперед, спереди из него выкраивался ворот, ступенчатая левая доля и верхняя часть правой доли, которая надставлялась другим куском; шили халат и с боковыми клиньями.

Халаты чаще шили из русского домотканного сукна, богатые делали их из фабричного сукна на шелковой или сатиновой подкладке. Воротники четырехугольной формы были из плиса или цветных сукон обычно иного цвета, чем халат.

Зимней женской одеждой южных алтайцев являлась овчинная шуба (*мон*), отрезная, от пояса собранная в сборки или же прямая. Левую полу женской шубы в отличие от мужской вырезали в виде четырехугольного выступа, который украшали нашивками. Обшлага шубы обшивали красной материей и мерлушкой, выкраивали полукруглым клином, спускающимся на кисть руки (табл. 49, 2; 50, 1).

Шубы бедняков материей не покрывали; подол шубы украшали полосой цветной ткани красного или другого цвета, на обшлага нашивали узкие полоски мерлушки.

У богатей шубы покрывали китайским шелком, на воротник употребляли лисий мех или мерлушку.

Кроме девичьего халата (*чоклэн*), описанного выше, у женщин была еще летняя специфическая одежда замужней женщины (*чегедэк*), которую она носила всю жизнь (табл. 50, 2).

Чегедэк — безрукавка с широкими проймами, длинная, распашная, с прямым разрезом спереди, состояв-

шая из двух частей: лифа и пришитой к нему юбки, собранной в сборки, на которой сзади, посредине от подола вверх, сделан разрез. Лиф делался на подкладке, юбка была без подкладки. Безрукавку не застегивали, но на левой доле всегда пришивали две большие красные пуговицы.

Украшали безрукавку по полам, проймам и вдоль разреза сзади полоской парчи и большим количеством разноцветных (радужных) полосок шитья, выполненных крученой шелковой нитью. У богатых ее покрывали бархатом, у небогатых — дешевым плюсом или дабой.

Безрукавка служила верхней одеждой, в холодное время ее надевали поверх шубы.

У вдов она сменялась широкой, длинной одеждой (*чуба* или *терлек*), сшитой из темной материи. Как и безрукавка, она состояла из двух частей: верхней куртки на подкладке и пришитой к ней юбки в сборку без подкладки; левая доля была выкроена четырехугольным выступом и запаховалась направо; проймы рукавов широкие, как у безрукавки; рукава широкие и короткие; ворот круглый. Украшением одежды служили полосы из материи, нашитые вдоль пол, подола и по талии. Зимой такую одежду надевали под шубу.

Алтайцы (телеуты). Телеуты уже во второй половине XIX в. в основном перешли к ношению одежды русского покроя, но наряду с русской одеждой у них все же сохранилась и своя.

Летняя верхняя мужская одежда представляла собой короткий кафтан (*телен*) со спинкой покроя в талию. Левая доля слегка заходила на правую. Шили его из ткани черного цвета, подпоясывали поясом из полосы бумажной ткани.

Зимой мужской одеждой телеутов была шуба (*кызыл тон*) прямоспинного покроя. Кроме шубы, у мужчин была еще осенняя верхняя одежда (*сырмал*) покроя короткого кафтана (*телен*), но на толстой стеганой подкладке или на меху (табл. 51, 1).

Летняя женская одежда (*телен*) по крою вполне совпадала с мужским кафтаном. Делали ее обычно из шерстяной ткани или из сатина черного цвета на подкладке из ситца (табл. 51, 2).

Зимнюю женскую шубу (*тон*) кроили с прямой спинкой и с большими клиньями в боках, сильно расширяющимися одеждой в подоле. Делали ее на меховой подкладке (табл. 51, 3).

Женская осенняя одежда (*сырмал*) имела также прямоспинный покрой, сильно расширяясь в подоле, с прямым разрезом спереди; делали ее стеганной на вате (табл. 52, 1).

Летней женской одеждой были халаты, сшитые из двух прямых полотнищ коленкора, перекинутых со спины наперед; к подолу одежда сильно расширялась за счет больших боковых клиньев (табл. 52, 2).

Хакасы.¹ Мужскую зимнюю шубу хакасов (*тон*, *кыска тадартон*), приспособленную для верховой езды, зачастую носили и летом (табл. 53, 1). В зависимости от достатка шубы шили из мерлушки, из меха белки, лисы; чаще же всего они были овчинные, дубленые (белые и черные); покрывали шубы плюсом и другими тканями; украшали полосками цветного шитья по швам и нашивками из парчи и ярких материй.

По крою мужская шуба была длинная, заднюю часть ее делали длиннее, чем перед; от пояса шуба расклинивалась (от трех до семи клиньев); спинка шубы в зависимости от покроя пройм рукавов (глубоких, остроугольных) кроилась в узкую талию. Овчинные шубы — нагольные и крытые — были с круглым отложным воротником из меха; подол и левую полу оторачивали полосой меха (у бедных — мехом ягненка, у богатых — мехом выдры и мерлушкой); к концам рукавов пришивали специально выкроенную меховую опушку, отгибающуюся и прикрывающую тыльную сторону кисти руки. Шубу запаховали всегда слева направо. Кроме длинных шуб, мужчины носили еще короткие шубы длиной до колен (*соданг тон*), овчинные, с опушкой на рукавах.

Затем у мужчин бытовала верхняя одежда русского покроя — однорядка, шабур, поддевка и т. п.

Осенне-весенней одеждой служил суконный кафтан (*сикпен*), по названию совпадавший с алтайским, по крою же напоминавший русский армяк.

Женские шубы были двух покровов: одна того же покроя, что и мужская (табл. 53, 2), и другая с отрезной спинкой в талию, от пояса сильно расклешенная (от четырех до десяти клиньев), длинная (табл. 53, 3).

Шубы шили из белой выделанной овчины, мерлушки, из меха рыси, козы, с опушкой из овчины и с отделкой из материи или меха. Шубы иногда украшали по спинке узорами, вышитыми шелком.

Летней женской одеждой был кафтан (*сикпен*) тех же двух покровов (табл. 54, 1, 2; 55), что и шуба, только из черного сукна, иногда на холщевой или коленкоревой подкладке. Воротник делали отложной, шалью, преимущественно красного цвета, из сукна или ткани, с украшением из крупных перламутровых пуговиц. Обшлага рукавов, по форме подобные отогнутой опушке на рукавах шубы, покрывались вышивкой; спинку кафтана вышивали цветными нитками.

Кроме описанной женской одежды, у качинцев (в начале XX в.) еще сохранялась в качестве одежды старух шуба (*идэктыг тон кач*). Особенностью покроя этой одежды была спинка, скроенная в талию, с глубокими остроугольными проймами рукавов; на высоте колен одежда собиралась в сборки при помощи ниток из воловьих жил, образуя как бы волан. Левая доля с четырехугольным выступом глубоко запаховалась направо. Воротник — стоячий; на обшлагах — опушка, вырезанная полукругом и спускающаяся на кисть руки (табл. 56, 1).

Эта шуба позднее стала праздничной и свадебной одеждой замужних женщин.

Подобной же одеждой замужних женщин, ставшей позднее только свадебной, была безрукавка (*сигедек*), по крою схожая с алтайской безрукавкой, с прямым разрезом спереди и со складкой-фалдой сзади, ниже пояса, там, где у алтайской одежды был разрез (табл. 56, 2).

В конце XIX — начале XX в. безрукавка у хакасов была добавочной верхней одеждой, надевавшейся поверх кафтана или шубы.

Тувинцы. Верхнюю зимнюю мужскую одежду — шубу (*тон*) — делали длинной, при ходьбе полы ее затыкали за пояс (табл. 57, 1, 2). Шубы шили из оленьих шкур (у тоджинцев), из шкур косуль и из овчин. Шуба была прямого покроя, несколько расширяющаяся к подолу, с прямыми рукавами, имеющими глубокие прямоугольные проймы. Левая доля покрывала правую. Она имела полукруглый вырез на груди и застегивалась на три пуговицы: у ворота, на правом плече и сбоку под правым рукавом (табл. 58, 1).

Женская шуба была того же покроя, что и мужская, но длиннее (табл. 58, 2). Левую полу шубы, воротник и подол обшивали черным плюсом, у ворота на груди обшивку полы вырезали двумя выступами. На шубах бедняков это украшение отсутствовало, нашивалась лишь весьма узкая полоска черной ткани.

Зажиточные тувинцы зимние шубы описанного покроя крыли тканью, большей частью моlessином, причем эту покрывку делали иного покроя, монгольского (табл. 59, 1).

Летние шубы кроили подобно зимним. Кроме летних шуб, были еще летние халаты, мужские и женские, различавшиеся по крою. Мужской халат (*шува терлик* или *ой тон*) был короче шубы, верх его делали из тканей синего, зеленого и вишневого цветов на подкладке из белой бязи. Кроили его из одного целого прямого полотнища широкой ткани, перекинутого со спины наперед; из этого полотнища выкраивали левую полку, плечевые части рукавов и верхнюю часть правой полки, остальную часть этой полки кроили отдельно и пришивали. Воротник делали стоячий, рукава суживались к обшлагам и спускались на кисть руки. Левая доля, как и у шубы, прикрывала правую и застегивалась на три пуговицы (табл. 59, 2).

Женский летний халат (*ибчи тон*) шили из чесучи и далимбы; в верхней своей части, до колен, он был того же покроя, что и мужской, но на уровне колен к нему пришивали широкий волан. Женскую одежду украшали нашивками из широких полос черного плюса и цветных лент, отороченных цветным шнуром и шелковой узкой

¹ Описание хакасской одежды дано в основном по музейным образцам одежды качинцев и сагайцев; одежда кызыльцев, бельтиров и койбалов не отличалась от одежды качинцев и сагайцев, но в музейных собраниях Ленинграда она не представлена.

тесмой цветов радуги (нашивки располагали главным образом по левой поле в виде прямолинейных уступов) (табл. 60, 1).

По литературным сведениям,¹ в конце XIX в. существовал еще иной покрой женских шуб. Он совпадал с покроем шуб качинок, т. е. подол шубы у колен с помощью ниток из воловьих жил стягивался в сборки.

К началу XX в. эти шубы исчезли и сменились шубами монголо-бурятского покроя.

Тофалары. Зимнюю одежду тофалары шили из оленьих шкур и шкур изюбра мехом внутрь.

Летнюю одежду шили из русских тканей и сукон, из плиса, из китайской далимбы, из бурятского грубо выделанного сукна.

Верхняя зимняя мужская одежда — шуба (*мон*) — была прямоспинная, длиной на 4—5 см ниже колен, с узким стоячим воротником; шуба запахивалась слева направо и застегивалась на правом боку с помощью кожаных пуговиц и петель. Рукава шубы имели широкие прямоугольные проймы и узкие обшлага. Воротник и обшлага делали из черного плиса (табл. 60, 2).

Женская шуба была того же покроя, но отрезная. Украшение женской одежды состояло из разноцветных суконных полосок, в особенности красных и черных, пришивающихся к воротнику, обшлагам и по левой поле одежды, где они располагались прямоугольными уступами (табл. 61, 1).

Женскую летнюю одежду (*армазы*) шили из черного плиса; одежда была отрезная, со сборками вокруг пояса и у ворота, рукава с квадратными ластовицами, левая пола запахивалась на правую и украшалась меховой опушкой в виде уступов (табл. 61, 2).

Буряты. Верхняя зимняя мужская и женская одежда бурят совпадала по покрою. Зимние шубы обычно шили из овчин (у бедняков — из телячьих и жеребятных шкур); они были нагольные и крытые китайкой, тафтой и парчой. Бурятские шубы относились к монгольскому крою, т. е. они были прямоспинные, расширяющиеся книзу, левая пола запахивалась на правую; воротник низкий стоячий; рукава широкие в пройме и суживающиеся к обшлаго, выкроенному с особым полукруглым выступом, прикрывающим тыльную часть кисти руки. Полы шуб оторачивали мехом или тканью. У забайкальских бурят шуба была длиной до пят, у балаганских и аларских — короткая, немного ниже колен.

Летнюю мужскую и женскую одежду — халат (*тырлик*) — буряты шили из тканей; бумажные и шерстяные ткани они приобретали у русских, а шелковые — у китайцев. Халат кроили из одного целого полотнища широкой ткани, перекинутого со спины наперед; из этого полотнища выкраивали часть правой полки, целиком левую и верхние части рукавов. Правую полку надставляли другим куском ткани. В бока вшивали треугольные клинья; воротник стоячий, вокруг него по плечам имелась нашивка из бархата. Верхний край левой полы вырезали фигурно и украшали вышивкой по черному атласу. Халат подпоясывали (табл. 62, 1, 2; 63, 1).

Другую женскую летнюю одежду (*дыгилей*) шили из дабы, гаруса и шелка. Она была распашная и представляла собой кофту длиной немного ниже талии и пришивную к ней в сборку юбку. Левая пола этой одежды запахивалась на правую. Рукава одежды (у селенгинских бурят) в проймах делали сборчатыми. Ворот, обшлага, а иногда и подол обшивали меховой опушкой или же оторачивали шелком или плисом (табл. 63, 2).

Поверх этой одежды женщины надевали обязательно безрукавку (*оджи, уджи*), короткую, до пояса, или же длинную, состоявшую также из кофты и юбки, спитых вместе, но имевшую прямые сходящиеся полы и разрез сзади, от подола вверх (табл. 64, 1).

Девичья одежда отличалась от женской, она имела в основе покрой кимоно, при котором рукав кроился вместе со станом одежды. Делали ее отрезной и от талии собирали в сборки (табл. 64, 2).

Обзор систематизированного материала по верхней одежде народов Сибири дает нам прежде всего возможность

высказать ряд положений, общих для всей сибирской одежды.

Выбор материала для верхней одежды у народов Сибири находился в прямой зависимости от типа хозяйства. Так, у охотников и рыболовов материалом для одежды в основном служили шкуры промысловых ими животных, а в бассейнах крупных рек (Обь, Амур), кроме того, рыба кожа. В некоторых районах для пошива одежды употреблялись ткани собственного производства, например ткани из крапивы или кендыря (ханты, шорцы). У оленеводов, естественно, главным материалом для одежды служили оленьи шкуры, у морских охотников — шкуры морских животных. Скотоводы шили одежду большей частью из овчин и шкур диких коз.

Кроме материалов местного происхождения, в Сибирь в силу исторически сложившихся связей проникали и другие материалы, например ткани и сукна кустарного или фабричного изготовления, которые вначале приобретались путем обмена. Раскрой покупных тканей и сукон приспособляли к ранее существовавшим покроям из шкур, ровдуги и рыбьих кож.

С условиями хозяйственной деятельности были связаны не только материал одежды, но и ее форма.

Одежда охотников и рыболовов, находившихся во время промысла постоянно в движении, была легкая, облегающая и короткая или же подпоясанная с напуском-пазухой, которая служила местом хранения мелких припасов, а иногда и добытой пушнины (ханты).

В районах санного оленеводства мужская одежда была глухая, но длина ее, по-видимому, находилась в зависимости от условий пастбы и транспорта. Так, например, у ненцев пастухи передвигались за стадом на высоких нартах, что вызывало необходимость в длинной одежде, защищавшей ноги от холода. На северо-востоке у чукчей была короткая одежда, так как пастухи были пешие или нарты употребляли низкие. Длинная одежда при низких нартах мешала передвижению.

У скотоводов-кочевников одежда была длинная, расклешенная и широкая в подоле, большей частью с разрезом сзади, т. е. одежда, целиком приспособленная к верховой езде на лошади.

В рассматриваемое нами время у народов Сибири имела место дифференциация мужской и женской одежды по форме и покрою, но прослеживалось это не всегда и не везде. Мужская и женская одежда резко различалась лишь там, где у мужчин была глухая, а у женщин распашная одежда (ненцы). Иногда причиной такого различия было изменение мужской одежды под влиянием новых климатических и хозяйственных условий. Примером могут служить северные ханты, в прошлом имевшие как для мужчин, так и для женщин распашную одежду; затем они заимствовали от ненцев глухую мужскую одежду, в то время как женская одежда сохранила прежнюю форму распашной.

Мужская и женская распашная одежда по крою большей частью совпадала; в ней наблюдались лишь небольшие различия. Так, например, женская одежда была длиннее мужской, что имело место у охотников и рыболовов (эвенки, ханты), кроме того, женская одежда всегда была богаче украшена.

Различия одежды по форме и крою в зависимости от возраста и семейного положения наблюдалось лишь у народов Южной Сибири (алтайцы, хакасы).

Социальные различия не всегда находили свое отражение в одежде. Иногда эти различия выражались лишь в некоторых внешних признаках, например в богатстве украшений, а также в качестве и разнообразии материала. В одежде бедняков, как правило, сохранялись наиболее архаичные формы. У богатей наряду со своей одеждой появлялась «чужая», купленная или сделанная по образцу покупной, и «жалованная» одежда.

Строгих различий по форме и крою в зависимости от сезонов в сибирской одежде не было: зимняя одежда одновременно являлась и летней (народы Алтая); верх двойной зимней одежды, надеваемой без подклада, употреблялся в качестве летней одежды (обские угры, долганы, эвенки), и, наоборот, один подклад мог быть летней одеждой; в свою очередь надетые одновременно несколько холщевых халатов служили зимней одеждой (ханты, шорцы и другие).

¹ Феликс К о н. За пятьдесят лет. М., 1936, кн. 3, стр. 112.

II

Приведенные иллюстрации и описание дают представление о многообразных формах сибирской одежды и выявляют в ней значительное количество общих элементов, но все это вместе взятое еще недостаточно для понимания происхождения и распространения этой одежды.

Необходимо было найти такой общий и устойчивый признак, по которому можно было бы систематизировать всю одежду народов Сибири.

Таким устойчивым признаком явился основной покрой одежды, точнее покрой стана одежды. Правильность выбора этого признака для классификации одежды подтвердилась тем, что внешне различная мужская и женская одежда при анализе покроя оказалась совершенно совпадающей, что и позволило нам их объединить.

Положив в основу классификации этот признак, мы получили возможность почти все многообразие форм сибирской одежды свести в распахной одежде к семи, в глухой одежде к пяти типам.

Распахная одежда

Тип I. Енисейский (табл. I, II).

Основные признаки: стан одежды состоит из одной целой шкуры со швами на плечах.

Вариант 1-й: полки узкие, несходящиеся (табл. I, 1, 2).¹

Распространение: в мужской и женской одежде эвенков ангарских, тымских и нарымских, а также на притоках Енисея — Сым, Бахта, Вельмо и Пит.

Вариант 2-й: полки сходящиеся (широкие или надставные) (табл. I, 3—8).

Распространение: в мужской и женской одежде кетов и селькупов, в мужской одежде восточных хантов и в женской одежде энцев и иганасанов.

Вариант 3-й (переходный ко II типу): полки сходящиеся, швы на груди (табл. II, 1—4).

Распространение: у авамских эвенков и у эвенков с верховьев Нижней и Подкаменной Тунгусок, у пегидальцев и у эвенов (летний кафтан или подклад под зимний кафтан).

Тип II. Восточносибирский (табл. III—V).

Основные признаки: стан одежды скроен из одной целой шкуры, перегнутой через плечи; швы на груди; на спинке, вниз от пояса, два клина.

Вариант 1-й: клинья треугольной формы (табл. III, 1—4).

Распространение: у эвенов, у охотских, вилюйских и енисейских эвенков, у юкагиров как в мужской, так и в женской одежде.

Вариант 2-й: клинья прямоугольной формы (табл. IV, 1—8).

Распространение: в мужской и женской одежде эвенов и юкагиров, у ороков и орочей, а также у эвенков Подкаменной² и Нижней Тунгусок и у илимпийских эвенков.

Вариант 3-й: клинья треугольной или прямоугольной формы, спинка скроена отдельно от полок (табл. V, 1—4).

Распространение: в мужской одежде долганов, в женской одежде юкагиров, енисейских эвенков и частично якутов.

Тип III. Среднесибирский (табл. VI).

Основные признаки: спинка целая, скроена в талию из отдельной шкуры, полки прямые, сходящиеся.

Распространение: в мужской и женской одежде всех групп эвенков, за исключением западных (сымских), и в мужской одежде долганов и северных якутов.

Тип IV. Западносибирский (табл. VII).

Основные признаки: стан одежды туникообразного покроя, т. е. спинка и полки составляют одно перекинутое прямое полотнище с косыми клиньями в боках.

Распространение: в мужской одежде у шорцев, северных алтайцев (челканцев и кумандинцев), у сургутских хантов, у тобольских и томских татар; в женской одежде у шорцев, челканцев, хантов средней и нижней Оби и у тобольских татар.

Сюда же надо отнести женскую меховую одежду хантов, манси и ненцев (всех групп), которая имеет те же основные признаки, но форма ее обусловлена материалом, так как мех не дает возможностей для раскроя из перекинутых полотнищ.

Тип V. Ленский (якутский) (табл. VIII, IX).

Основные признаки: спинка целая, прямая, с выемами в талии, обусловленными особым раскроем пройм рукавов и боковых полотнищ.

Вариант 1-й: посредине спинки, от подола вверх, разрез (табл. VIII, 1—4).

Вариант 2-й: в разрез на спинке вшит выступающий клин также с разрезом (табл. IX, 1, 2).

Вариант 3-й: в разрез на спинке вшит прямоугольный клин, сложенный в бантовую складку (табл. IX, 3—6).

Вариант 4-й: в разрез на спинке и в боковые швы вшито по прямоугольному клину, сложенному в бантовые складки (табл. IX, 7—9).

Распространение: все варианты встречаются в мужской и женской одежде якутов. Кроме якутов, одежда 1-го варианта встречается у илимпийских эвенков из района оз. Чиринда; 3-й вариант имеется в мужской одежде у долганов и в женской у илимпийских эвенков; 4-й вариант встречается в женской одежде илимпийских и витимских (р. Калакан) эвенков.

Тип VI. Южносибирский (табл. X—XIV).

Основные признаки: спинка целая или отрезная, покрой в талию, ширина талии обусловлена глубокими остроугольными, прямоугольными или закругленными проймами; левая пола запахивается на правую.

Вариант 1-й: спинка целая в узкую талию с остроугольными проймами, стан одежды в раскрое расширяется к подолу (табл. X, 1—3).

Вариант 2-й: спинка целая того же покроя, от пояса расклешенная (табл. XI, 1—3).

Распространение: оба варианта встречаются в мужской и женской одежде хакасов.

Вариант 3-й: спинка отрезная, вниз от отреза расклешенная (табл. XII, 1—3).

Распространение: в женской одежде хакасов.

Вариант 4-й: спинка с прямоугольными или закругленными проймами, расширяющаяся к подолу (табл. XIII, 1—4).

Распространение: в мужской одежде южных алтайцев, тофаларов; в мужской и женской одежде тувинцев.

Вариант 5-й: перед и спинка отрезные, от пояса одежда собрана в сборки, проймы закругленные (табл. XIV, 1—5).

Распространение: в женской одежде южных алтайцев, бурят, тофаларов и забайкальских эвенков (конных).

Тип VII. Восточноазиатский (табл. XV, XVI).

Основные признаки: стан одежды покроя кимоно, т. е. спинка, полки и часть рукавов выкроены из одного полотнища ткани, сложенного вдвое, при этом большей частью целиком выкраивают левую полку, а правую надставляют из другого куска; иногда

¹ Одевается с нагрудником.

² У эвенков Подкаменной Тунгуски эта одежда со швом на плече.

ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА

полки выкраивают одинаковой ширины и тогда надставляют левую.

Вариант 1-й: одежда неотрезная (табл. XV, 1—9).

Распространение: в мужской одежде у тувинцев, бурят, южных алтайцев, ороков, орочей, нивхов, ульчей, нанайцев, удэгейцев и негидальцев; в женской одежде у орочей, ороков, нивхов, нанайцев, ульчей, негидальцев, удэгейцев, бурят и южных алтайцев.

Вариант 2-й: одежда отрезная (как бы сшитые вместе кофта с юбкой) (табл. XVI, 1—4).

Распространение: в женской одежде орочей, удэгейцев, бурят и конных или забайкальских эвенков.

Описанные семь типов одежды характеризуют всю мужскую верхнюю распашную одежду народов Сибири; в одежде женщин, кроме этих семи типов, бытовали еще типы одежды, не имевшие в конце XIX и начале XX в. аналогий в мужской одежде и не включенные в нашу классификацию.

Глухая одежда

Глухая одежда у народов Сибири была менее разнообразна, чем распашная; она локализовалась по Крайнему Северу и не имела совпадающих типов в мужской и женской одежде.

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

Тип VIII. Северо-восточный (табл. XVII).

Основные признаки: перед и спинка состоят из двух целых некроенных шкур хвостовой частью вниз.¹

¹ Из двойной одежды палеоазиатов взят покрой только рубахи, сшитой мехом внутрь, как более примитивный и, по-видимому, более древний.

Распространение: в одежде чукчей, коряков, ительменов и азиатских эскимосов.

Тип IX. Приуральский (табл. XVIII).

Основные признаки: перед и спинка одежды из двух одинаково кроенных шкур, иногда в бока вшиваются прямоугольные куски шкур, перегнутые вдоль.

Распространение: в одежде ненцев, хантов и манси.

Тип X. Таймырский (табл. XVIII).

Основные признаки: раскрой из мелких кусков, покрой прямой, большие клинья в боках — ластовицы; низ (от пояса до подола) сшит из меховых полос.

Распространение: в одежде энцев и иганасанов.

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

Тип XI. Чукотско-камчатский (табл. XIX).

Основные признаки: фигурный раскрой стана.

Распространение: в одежде коряков, чукчей и ительменов.

Тип XII. Северо-восточный (табл. XX).

Основные признаки: комбинезон, спинка и перед одинакового раскроя из целых шкур.

Распространение: в одежде чукчей, коряков и азиатских эскимосов.

В приведенной сводке типов одежды и на картах, которые соответствуют этой сводке, показано этническое распространение типов одежды и их вариантов.

СВОДКА ТИПОВ ВЕРХНЕЙ ОДЕЖДЫ

Народ	Типы и варианты верхней одежды ¹		Народ	Типы и варианты верхней одежды ¹	
	мужской	женской		мужской	женской
Ненцы (кроме канинских)	IX (табл. 1, 1)	IV (табл. 2, 2; табл. 3, 1)	Чукчи	VIII (табл. 31, 1a)	XI (табл. 33, 1, 2)
Ханты северные	IX	IV (табл. 4, 2; табл. 5, 1)	Коряки	VIII (табл. 34, 1b)	XII (табл. 32, 1a)
Ханты восточные	I, 2		Ительмены	VIII	XI (табл. 35, 2)
Манси северные	IV (табл. 3, 2)	IV	Эскимосы	VIII	XII (табл. 35, 3)
Сибирские татары (томские и тобольские)	IX	IV (табл. 4, 1)	Нивхи	VII, 1 (табл. 37, 1, 2)	XI
Селькупы	IV (табл. 7, 2)	IV (табл. 7, 1)	Ороки	II, 2	XII
Кеты	I, 2 (табл. 8, 1)	I, 2 (табл. 8, 1)	Нанайцы	VII, 1	VII, 1 (табл. 38, 1, 2)
Эвенки	I, 2 (табл. 9, 1, 2; табл. 10, 2)	I, 2 (табл. 10, 1)	Ульчи	VII, 1 (табл. 40, 1; табл. 41, 1)	II, 2 (табл. 39, 1)
	I, 1, 3 (табл. 11, 1; табл. 15, 3)	I, 1 (табл. 11, 1)	Орочи	VII, 1	VII, 1 (табл. 39, 2)
	II, 1, 2, 3 (табл. 12, 3; табл. 13, 1, 2)	II, 1, 2, 3 (табл. 11, 3; табл. 12, 1—3; табл. 13, 2)	Удэгейцы	II, 2 (табл. 42, 1, 2)	VII, 1 (табл. 40, 2)
	III (табл. 13, 3; табл. 14, 2, 3; табл. 15, 2)	III (табл. 14, 1; табл. 15, 1)	Негидальцы	VII, 1 (табл. 42, 3)	VII, 1 (табл. 41, 2, 3)
	V, 1	V, 1, 3, 4 (табл. 16, 1—3)	Шорцы	VII, 1 (табл. 44, 1)	II, 2 (табл. 42, 1, 2)
Долганы	II, 3 (табл. 19, 1)	VI, 5 (табл. 18, 1)	Северные алтайцы (челканцы и кумандинцы)	I, 3 (табл. 45, 3)	VII, 1 (табл. 43, 1, 2)
	III (табл. 19, 2)	VII, 2 (табл. 18, 2)	Южные алтайцы (кроме телеутов)	VII, 1 (табл. 45, 1)	VII, 2 (табл. 44, 1, 2)
Энцы	V, 3 (табл. 19, 3)	Не классифицирована	Хакасы	IV (табл. 46, 1)	VII, 1, 2 (табл. 44, 1, 2)
Иганасаны	X (табл. 21, 1)	I, 2 (табл. 22, 1)	Тувинцы	IV (табл. 47, 1, 3)	IV (табл. 46, 2)
Якуты	X (табл. 21, 2)	I, 2 (табл. 22, 2)		VI, 4 (табл. 48, 1, 2)	IV (табл. 47, 2)
	V, 1, 2, 3, 4 (табл. 22, 3; табл. 23, 2; табл. 24, 1, 3; табл. 25, 1)	V, 1, 2, 3, 4 (табл. 23, 1; табл. 24, 2; табл. 25, 2; табл. 26)		VII, 1 (табл. 49, 1)	VI, 5 (табл. 49, 2; табл. 50, 1)
Эвены	III	II, 3 (табл. 27, 1)		VI, 1, 2 (табл. 53, 1)	VII, 1 (табл. 49, 1)
	I, 3	I, 3 (табл. 28, 2)		VII, 1 (табл. 57, 1, 2; табл. 58, 1)	VI, 1, 2, 3 (табл. 53, 2, 3; табл. 54, 1, 2; табл. 55)
Юкагиры	II, 1, 2 (табл. 28, 3)	II, 1, 2 (табл. 28, 1; табл. 29, 1)	Тофалары	VII, 1 (табл. 59, 1, 2)	VI, 4 (табл. 58, 2)
	II, 1, 2 (табл. 29, 2; табл. 30, 1)	II, 1, 2, 3 (табл. 29, 2; табл. 30, 1)	Буряты	VI, 4 (табл. 60, 2)	VI, 5 (табл. 61, 1, 2)
				VII, 1 (табл. 62, 1, 2)	VI, 5 (табл. 63, 2)
					VII, 1, 2 (табл. 63, 1; табл. 64, 2)

¹ Римскими цифрами обозначены типы одежды, арабскими — варианты; в скобках даны сноски на фототаблицы.

III

Перейдем теперь к рассмотрению и характеристике выявленных нами типов одежды.

Распашная одежда I типа в 1-м варианте в конце XIX и начале XX в. локализовалась на очень небольшой территории, примыкающей к Енисею. На основании сохранившихся названий частей одежды и традиционного расположения украшений на ней (из меха и заменивших его материалов) можно, по-видимому, говорить о том, что ранее одежда этого типа была распространена значительно шире.

Одежда 2-го варианта I типа принадлежала в основном кетам, кроме того, соседящим с ними селькупам и восточным хантам (ваховским). У последних этот тип одежды перешел уже в производственную (охотничью мужскую) одежду.

3-й вариант I типа совмещал в себе признаки как I, так и II типов. Это парка, распространенная у эвенков (авамских и эвенков с верховьев Нижней и Подкаменной Тунгусок).

У эвенков этот покрой обнаруживается в летнем кафтане, который служил также подкладом под верхний, зимний кафтан и, по-видимому, являлся наиболее архаичной одеждой. В верхней одежде негидальцев, ставшей теперь уже охотничьей, также сохранился покрой 3-го варианта I типа.

Одежда II типа в первых двух вариантах в основе своей являлась той же целой шкурой, как и одежда I типа, но с вшитыми на спинке, от пояса вниз, клиньями. Значение и происхождение двух форм клиньев — остроугольных и прямоугольных — объяснить пока трудно, но можно сказать, что одежда с теми и другими клиньями существовала одновременно у одного и того же народа; в основном она характерна для тунгусо-маньчжурских народов. Одежда 3-го варианта II типа являлась некоторым видоизменением покроя одежды 1-го варианта того же типа.

Преобладающим типом мужской одежды эвенков была одежда III типа, так называемая «парка». Встречалась она и в женской одежде эвенков. Парка была распространена у всех групп эвенков от Енисея до Охотского побережья, но она различалась по покрою. От Енисея до Витима парка была очень широкой в подоле, со спинкой, скроенной в талию; от Витима на восток парка была прямая и имела спинку слегка в талию.

Одежда I и II типов, по-видимому, представляет собой наиболее древнюю одежду народов Сибири. Прimitивность раскроя ее стана из одной целой шкуры говорит в пользу этого предположения. II и III типы одежды по распространению занимают наибольшую часть центральной территории Сибири. Таким образом, все эти три типа одежды являются специфически сибирскими.

IV тип распашной одежды был одним из наиболее распространенных в Западной Сибири. В основном он охватывал одежду всех народов Северного Алтая, встре-

чался у тобольских и томских татар, хантов, манси и ненцев. У всех перечисленных народов, за исключением ненцев и северных групп хантов и манси, IV тип бытовал как в мужской, так и в женской одежде.

Общность типа одежды у народов Северного Алтая и обских угров, по-видимому, не случайна, она указывает на этногенетические связи этих двух групп в прошлом. С большой вероятностью можно предположить, что группа барабинских татар была когда-то промежуточным звеном между народами Алтая и Оби.

Этот тип имел широкое распространение в одежде среднеазиатских народов — таджиков, туркменов, узбеков и других.

V тип одежды в конце XIX и начале XX в. был характерен для якутов. Некоторые детали раскроя (спинка в талию, широкая в подоле, разрез сзади) и форма (известно, что в прошлом якутская одежда была длиннее) говорят о сходстве одежды этого типа с одеждой степных скотоводческих народов Южной Сибири.

Тип VI был характерен для мужской и женской одежды народов Южной Сибири и Забайкалья. Это длинная, расклешенная в подоле одежда, специально приспособленная для верховой езды. Кроме того, эта одежда имела ряд элементов покроя монгольской одежды (удвоенная пола, запахивающаяся слева направо, характерный обшлаг, рукава и т. п.). Отдельные варианты одежды VI типа распространены и за пределами Сибири: так, покрой женской одежды бирарских эвенков (Северный Китай) относится к 4-му варианту этого типа.

Одежда VII типа была распространена у народов Южной Сибири, Забайкалья и Нижнего Амура. Характерным для нее являлось наличие многих элементов, присущих монгольской и маньчжурской одежде (стан одежды кроился из одного перекинутого полотнища ткани, левая пола удваивалась и запахивалась слева направо; обшлаг рукава был фигурным; отрезная одежда — в виде кофты с юбкой).

За пределами Сибири одежда VII типа широко была распространена у китайцев, монголов и в отдельных вариантах у кумарских эвенков (Северный Китай).

Подытоживая классификацию распашной одежды, можно указать еще и на соответствие типов одежды различным формам хозяйственной деятельности: типы I, II и III представляют собой одежду охотников и рыбаков, IV тип объединяет одежду оседлых земледельцев и, наконец, V, VI и VII типы являются одеждой кочевников-скотоводов.

Что касается глухой одежды, то она имела меньшее распространение у народов Сибири и территориально распределялась только по ее северным окраинам. Кроме того, глухая одежда являлась в основном мужской; женская глухая одежда имела только у народов северо-востока.

НЕНЦЫ

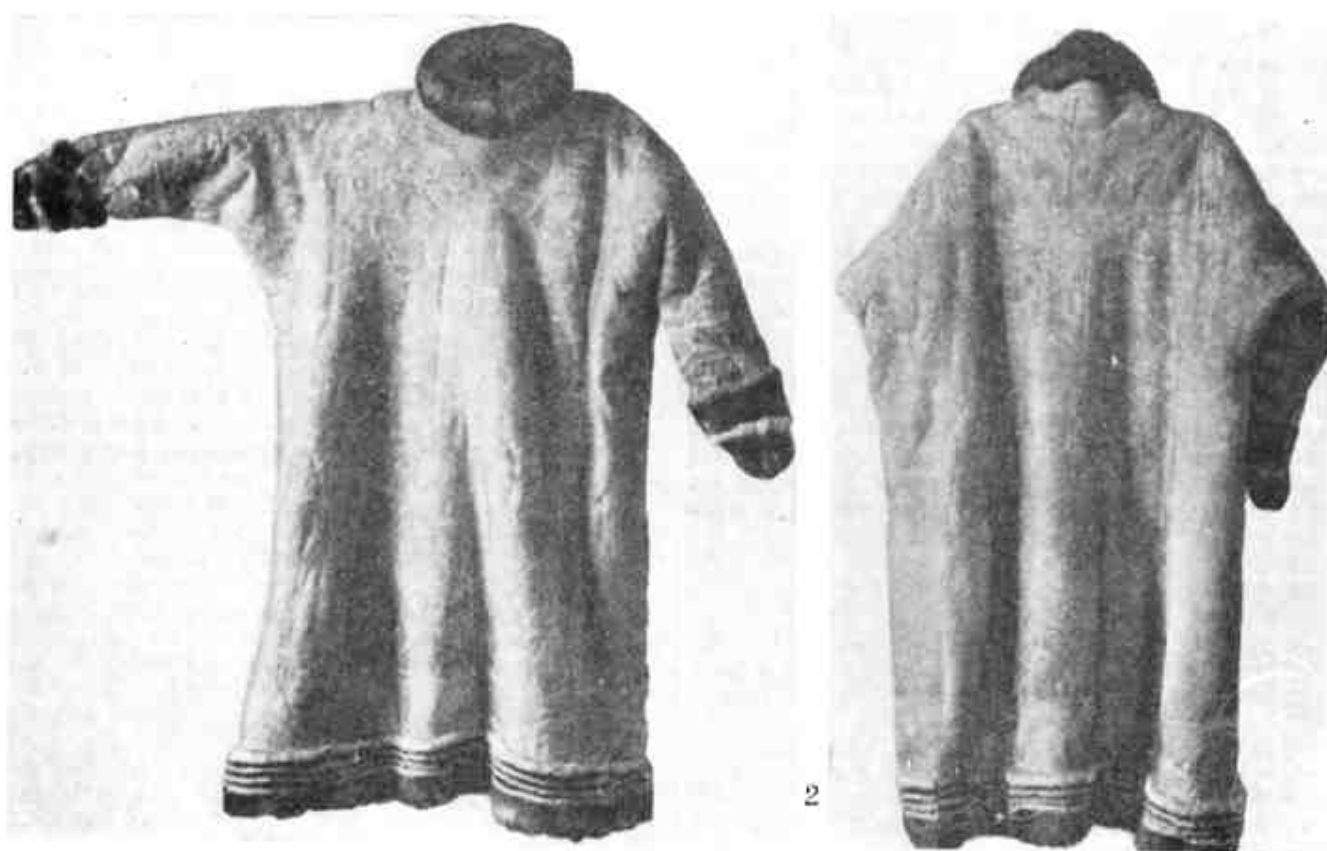

ТАБЛИЦА 1

1 — малица с капюшоном, 2 — малица без капюшона.

НЕНЦЫ

ТАБЛИЦА 2

1, 2 — женские меховые шубы (1 — канинские, 2 — большеземельские ненцы).

НЕНЦЫ

ХАНТЫ И МАНСИ

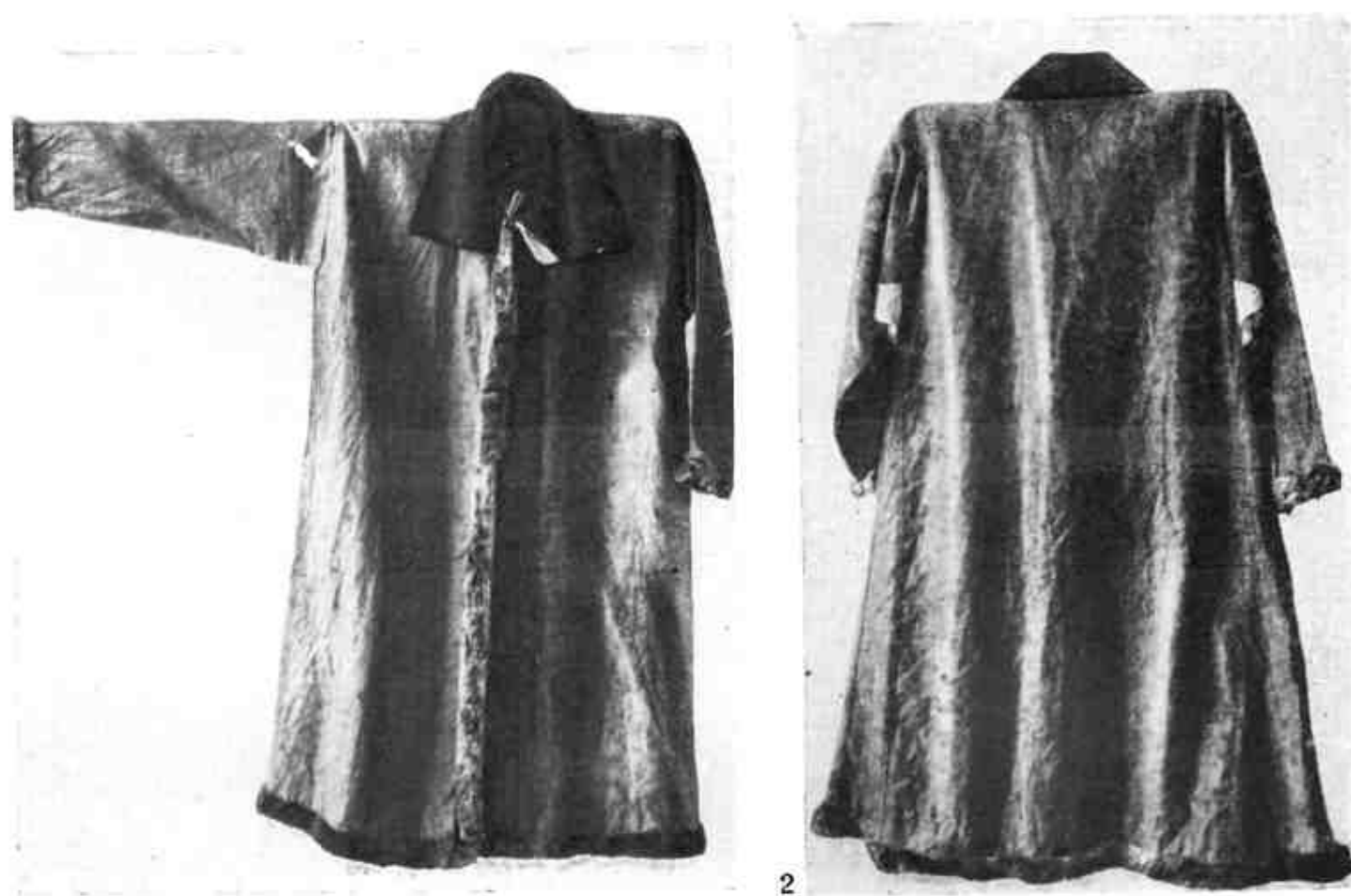

ТАБЛИЦА 3

1 — женская сукошная одежда, 2 — мужской халат (1 — ненцы, 2 — ханты).

ХАНТЫ И МАНСИ

ТАБЛИЦА 4
1, 2 — женские меховые шубы (1 — манси, 2 — ханты).

ХАНТЫ И МАНСИ

1

2

ТАБЛИЦА 5

1 — женский летний халат, 2 — женская одежда из сукиа (1 — ханты, 2 — манси).

ХАНТЫ И МАНСИ

СИБИРСКИЕ ТАТАРЫ

ТАБЛИЦА 6

1 — женский суковный кафтан, 2 — мужской кафтан (1 — ханты иртышские, 2 — татары тобольские).

СИБИРСКИЕ ТАТАРЫ

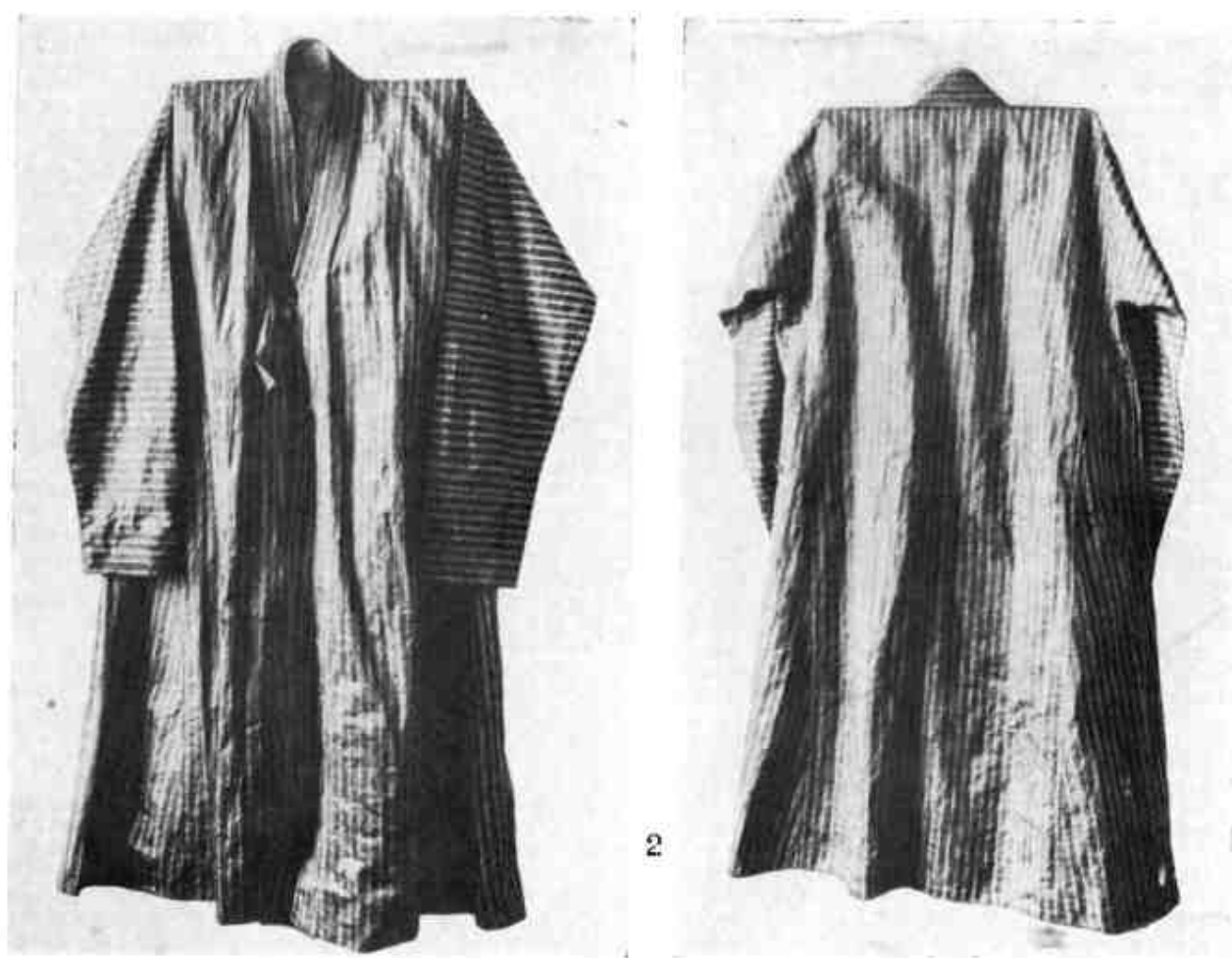

ТАБЛИЦА 7

1 — женский халат, 2 — халат (1 — тобольские, 2 — томские татары).

СЕЛЬКУПЫ

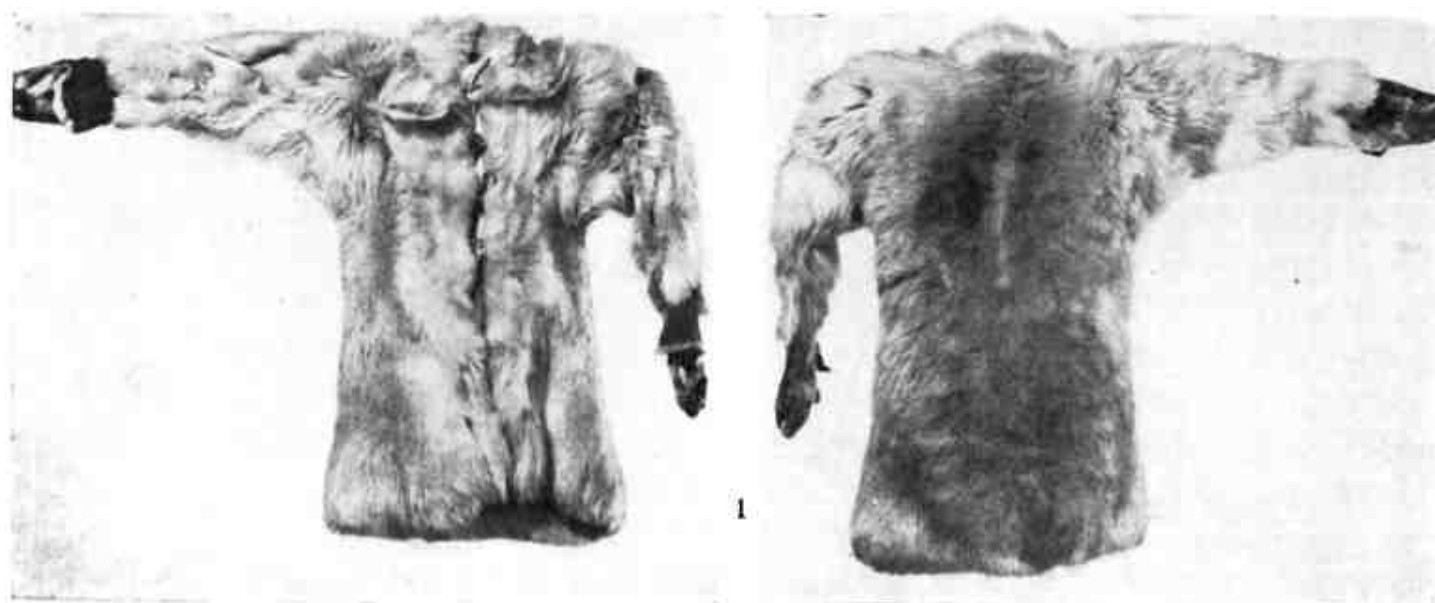

ТАБЛИЦА 8

1 — мужская и женская одежда, 2 — женский кафтан.

КЕТЫ

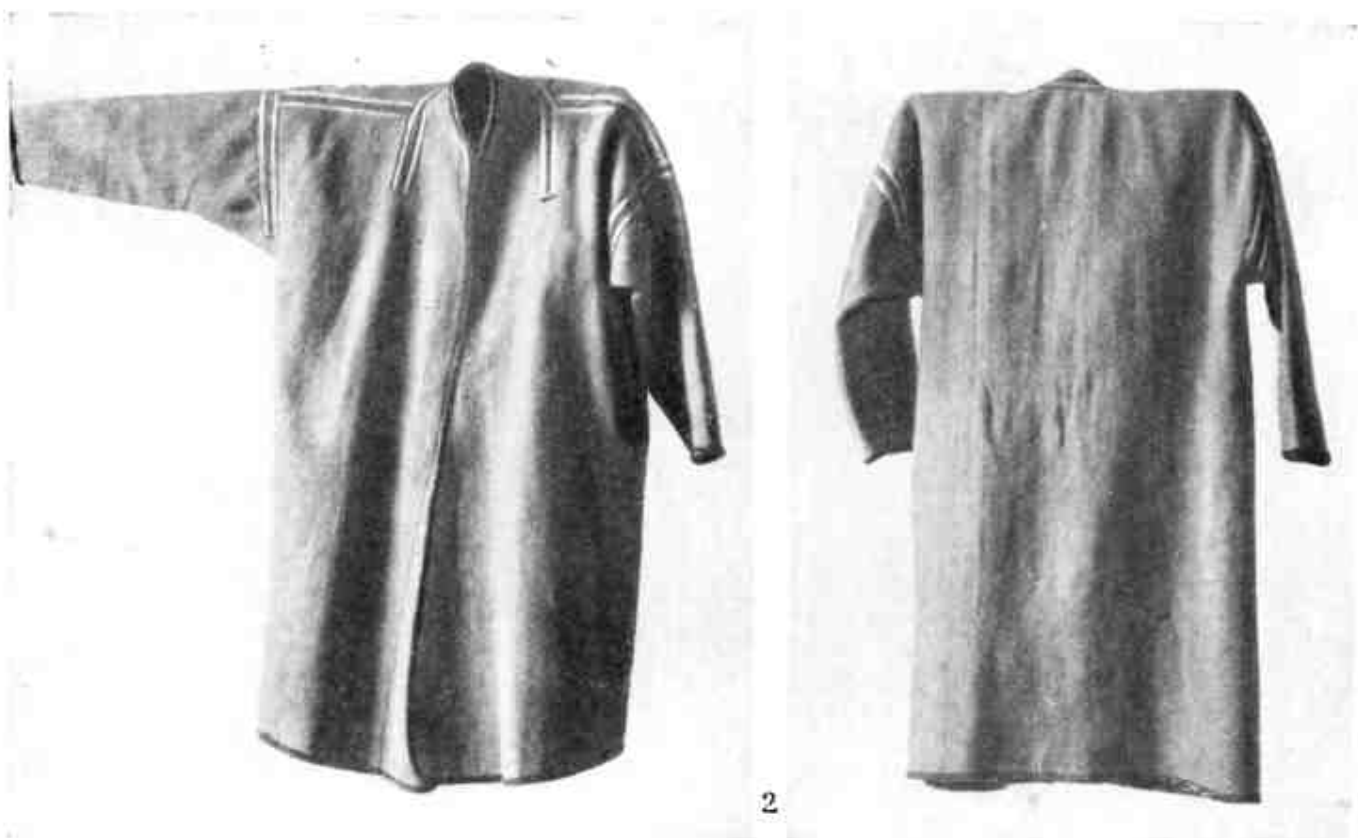
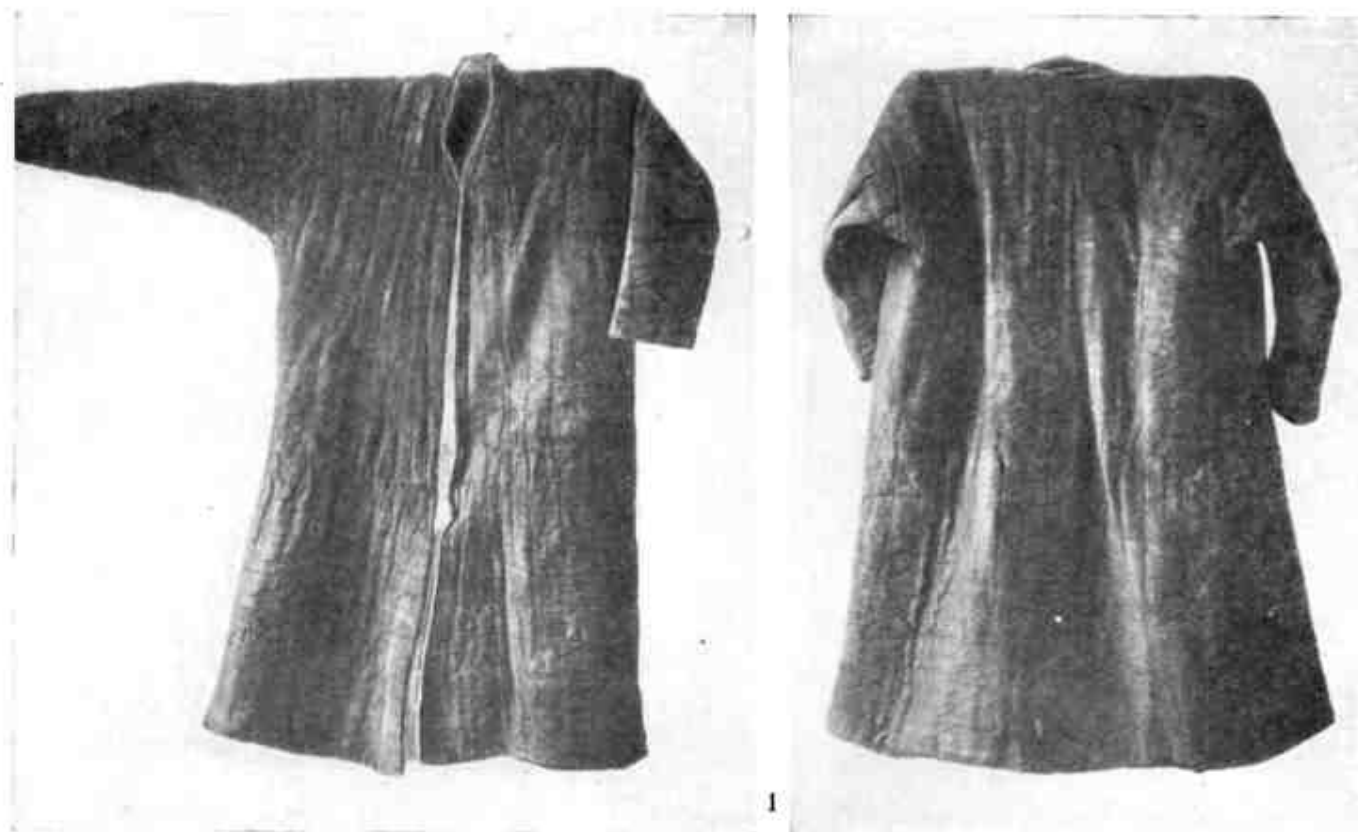

ТАБЛИЦА 9

1 — мужская шуба на заячьем меху, 2 — мужская одежда из сукна.

КЕТЫ

1

2

ТАБЛИЦА 10

1 — женская одежда из сукна, 2 — мужская меховая парка.

ЭВЕНКИ

1

2

3

ТАБЛИЦА 11

1 — мужская и женская одежда, 2 — мужская одежда, 3 — женская меховая шуба (1 — ангарские, 2 — сымские, 3 — подкаменно-тунгусские эвенки).

ЭВЕНКИ

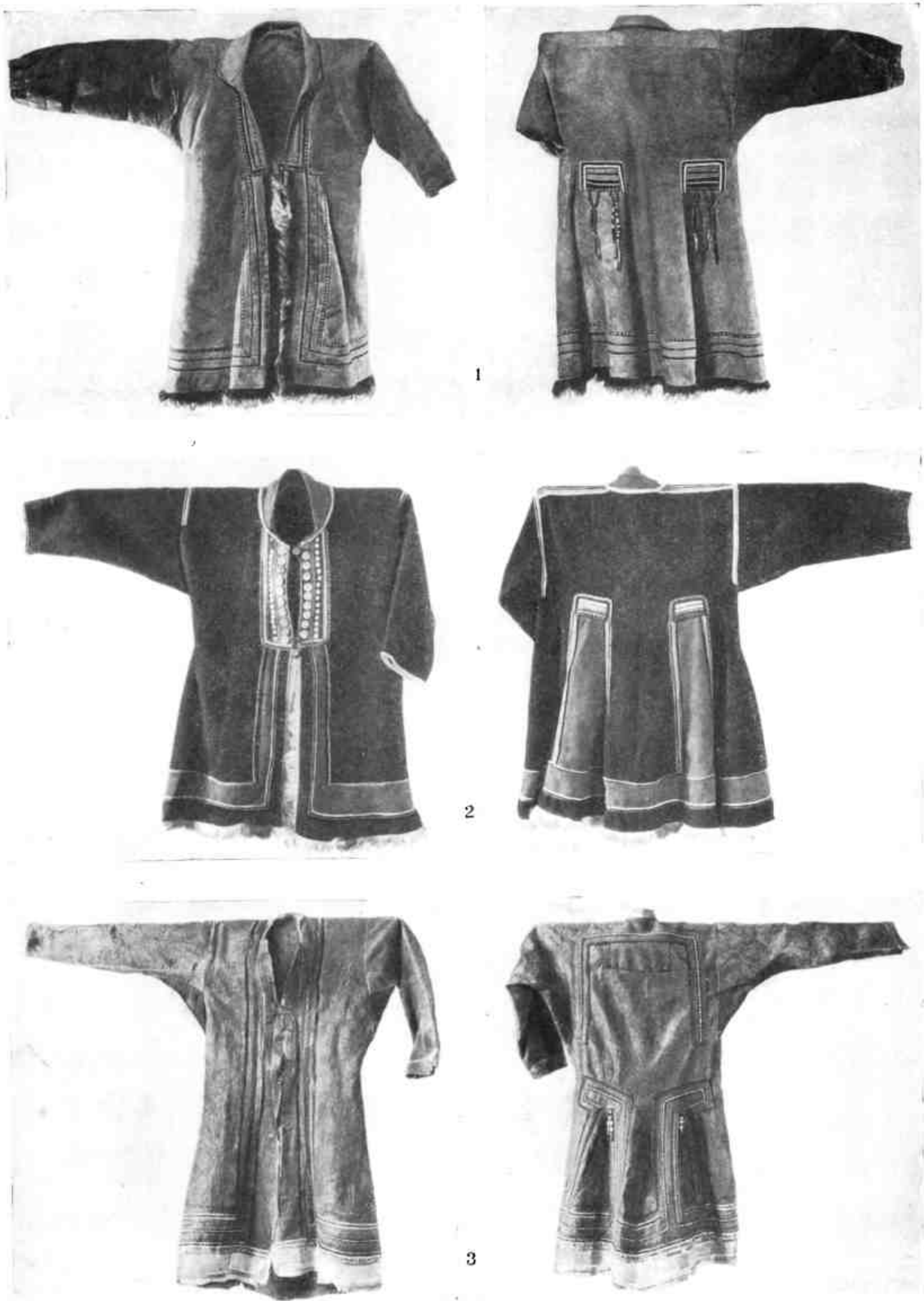

ТАБЛИЦА 12

1 — женская меховая одежда, 2 — женская одежда из сукна, 3 — мужская и женская одежда (1 — нижнетунгусские, 2 — подкаменнотунгусские, 3 — туруханские эвенки).

ЭВЕНКИ

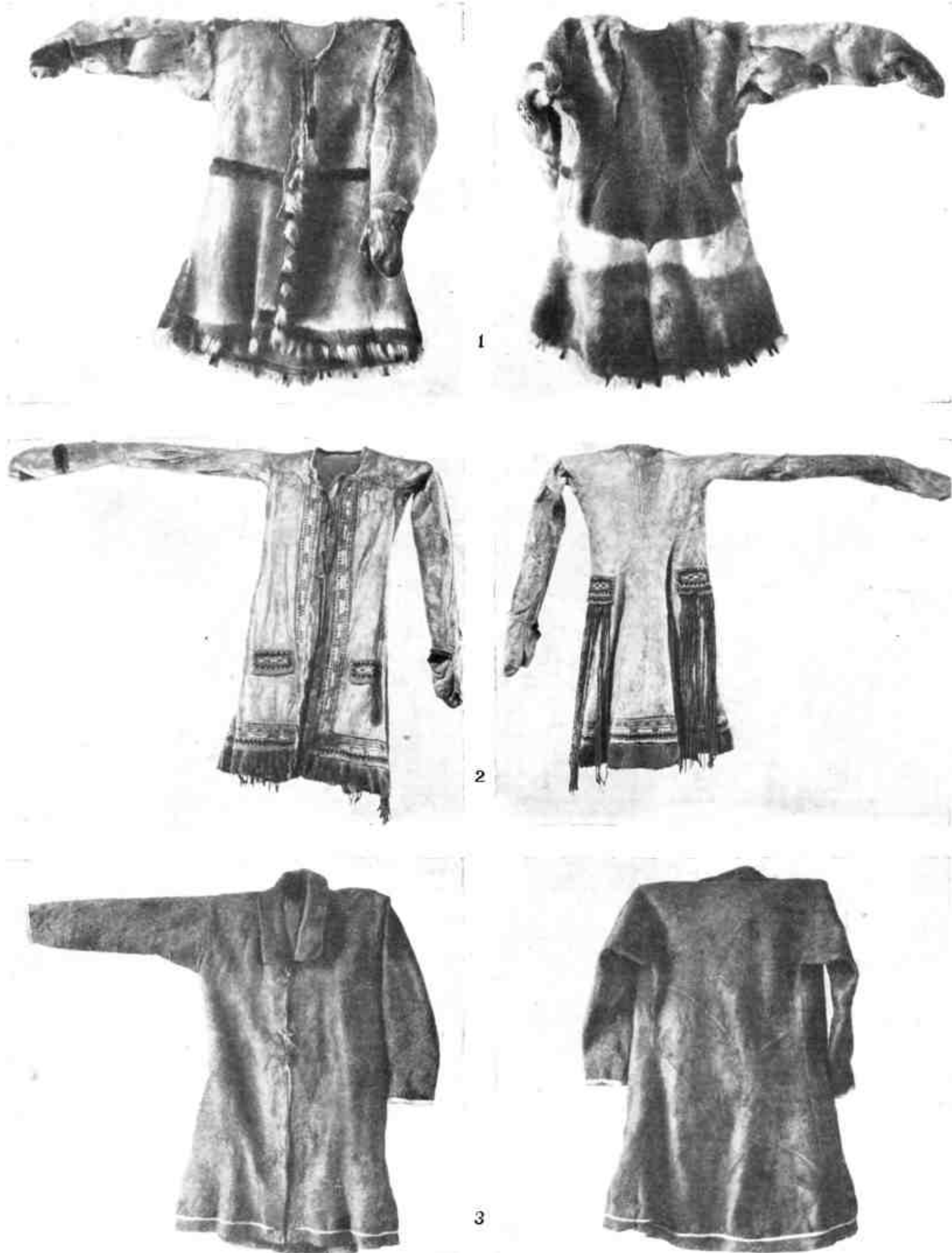

ТАБЛИЦА 13

1 — мужская меховая пуба, 2 — мужская и женская одежда, 3 — мужская одежда из ровдуги (1 — алдмнийские, 2 — охотские, 3 — забайкальские эвенки).

ЭВЕНКИ

ТАБЛИЦА 14

1 — женская меховая парка, 2 — мужская короткая шуба, 3 — мужская одежда из меха (1 — подкаменнотунгусские, 2 — чумиканские, 3 — илимские эвенки).

ЭВЕНКИ

ТАБЛИЦА 15

1 — женская одежда из сукна, 2 — мужская одежда из сукна, 3 — мужская короткая одежда (1, 2 — подкамонготунгусские, 3 — аламские эвенки).

ЭВЕНКИ

1

2

3

ТАБЛИЦА 16

1 — женская меховая шуба, 2 — женская одежда из ровдуги, 3 — женская одежда из сукна (1—3 — эвенки илимпийские).

ЭВЕНКИ

ТАБЛИЦА 17

1 — женская меховая шуба, 2 — женская одежда, 3 — женский летний кафтан (1 — аляскинские, 2, 3 — эвенки).

ЭВЕНКИ

ТАБЛИЦА 18

1 — женская одежда, 2 — девичья одежда (1, 2 — эвенки-скотоводы).

ДОЛГАНЫ

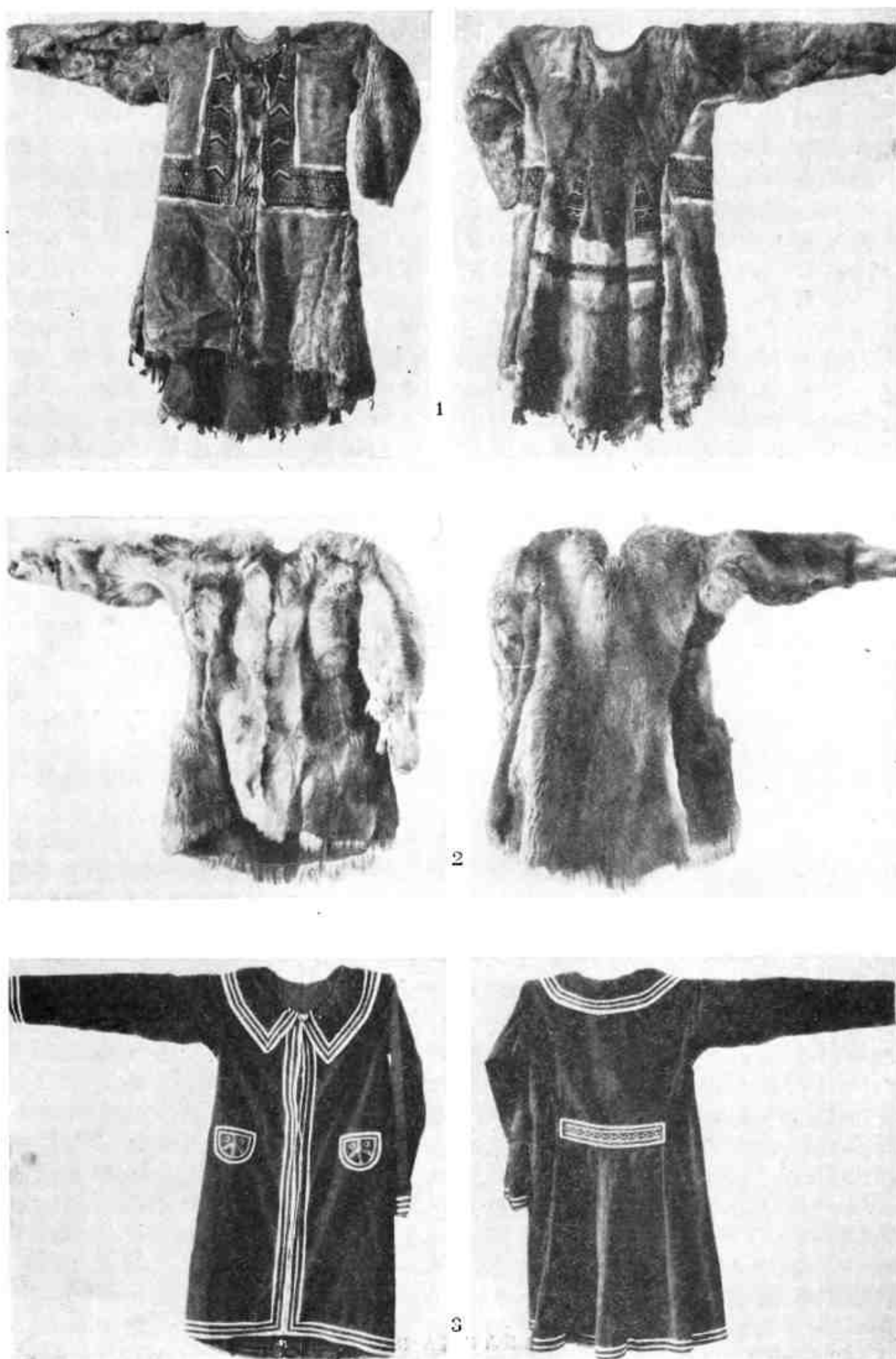

ТАБЛИЦА 19

1 — мужская меховая одежда, 2 — мужская одежда (парка), 3 — мужская одежда из ткани.

ДОЛГАНЫ

1

2

ТАБЛИЦА 20

1 — женская меховая шуба, 2 — женская одежда из сукна.

ЭНЦЫ И НГАНАСАНЫ

1

2

ТАБЛИЦА 21

1, 2 — мужская одежда (1 — энцы, 2 — нганасаны).

ЭНЦЫ И НГАНАСАНЫ

ЯКУТЫ

ТАБЛИЦА 22

1, 2 — женские меховые шубы (1 — энцы, 2 — нганасаны), 3 — мужская шуба.

ЯКУТЫ

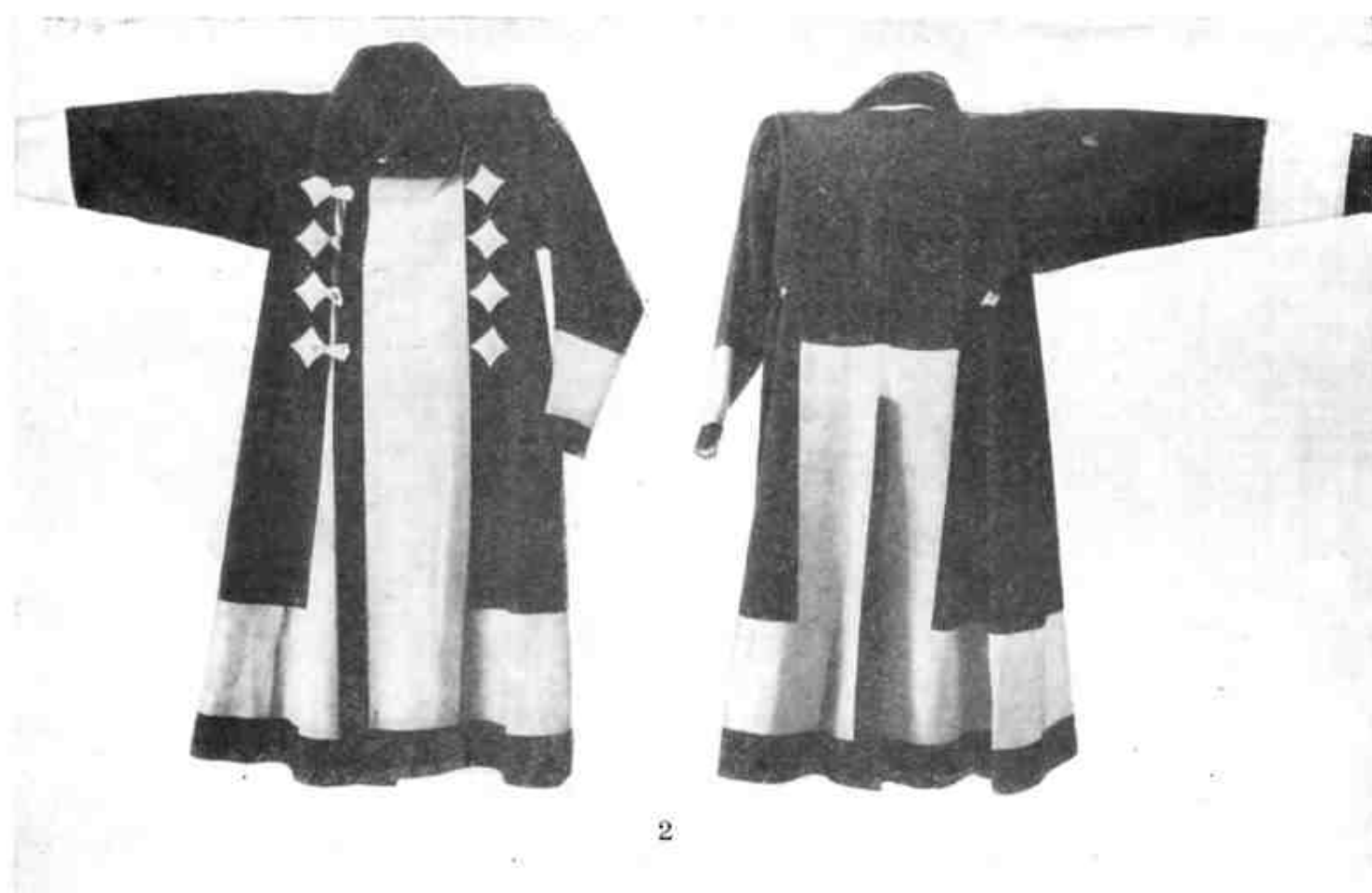

ТАБЛИЦА 23

1 — женская одежда из сукна, 2 — мужская одежда из сукна.

ЯКУТЫ

1

2

3

ТАБЛИЦА 24

1 — мужская одежда, 2 — женская одежда из сунна, 3 — мужской летний кафтан.

ЯКУТЫ

1

2

ТАБЛИЦА 25
1 — старинная одежда, 2 — женская шуба.

ЯКУТЫ

ТАБЛИЦА 26
Женская парадная шуба.

ЯКУТЫ

ТАБЛИЦА 27

1-3 — женские меховые шубы.

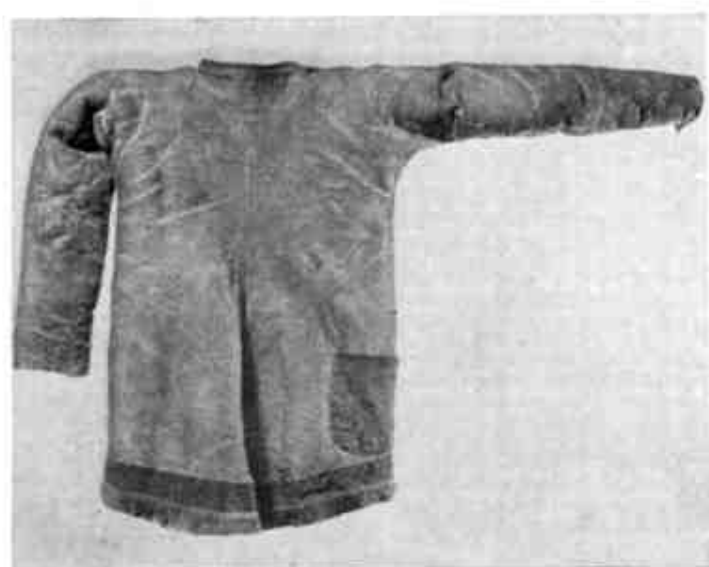
ЭВЕНЫ

1

2

3

ТАБЛИЦА 28

1 — женская одежда из меха, 2 — женский летний кафтан, 3 — мужская одежда из ровдуги.

ЭВЕНЫ

ЮКАГИРЫ

ТАБЛИЦА 29

1 — женская летняя одежда, 2 — меховая одежда.

ЮКАГИРЫ

1

2

ТАБЛИЦА 30

1 — мужская и женская одежда из роудуги, 2 — женская меховая шуба.

ЧУКЧИ

1a

1b

2

ТАБЛИЦА 31

1a и 1b — мужская двойная меховая одежда (1a — нижняя, 1b — верхняя), 2 — мужская ровдужная одежда с капюшоном.

ЧУКЧИ

1a

1б

ТАБЛИЦА 32

1a и 1б — женский двойной меховой комбинезон (1a — верхний, 1б — нижний).

ЧУКЧИ

1

2

ТАБЛИЦА 33

1 — женская одежда с капюшоном, 2 — женская одежда с капюшоном (камлейка).

КОРЯКИ

1а

1б

ТАБЛИЦА 34

1а и 1б — меховая двойная мужская одежда (1а — верхняя, 1б — нижняя).

КОРЯКИ

1

2

3

ТАБЛИЦА 35

1 — мужская двойная меховая одежда с капюшоном, 2 — женская одежда с капюшоном, 3 — женский двойной меховой комбинезон (верхний).

ЭСКИМОСЫ

1

2

3

ТАБЛИЦА 36

1 — мужская и женская одежда из птичьих шкур, 2 — мужская двойная одежда (верхняя), 3 — мужская одежда из нерпичьих кишок.

НИВХИ

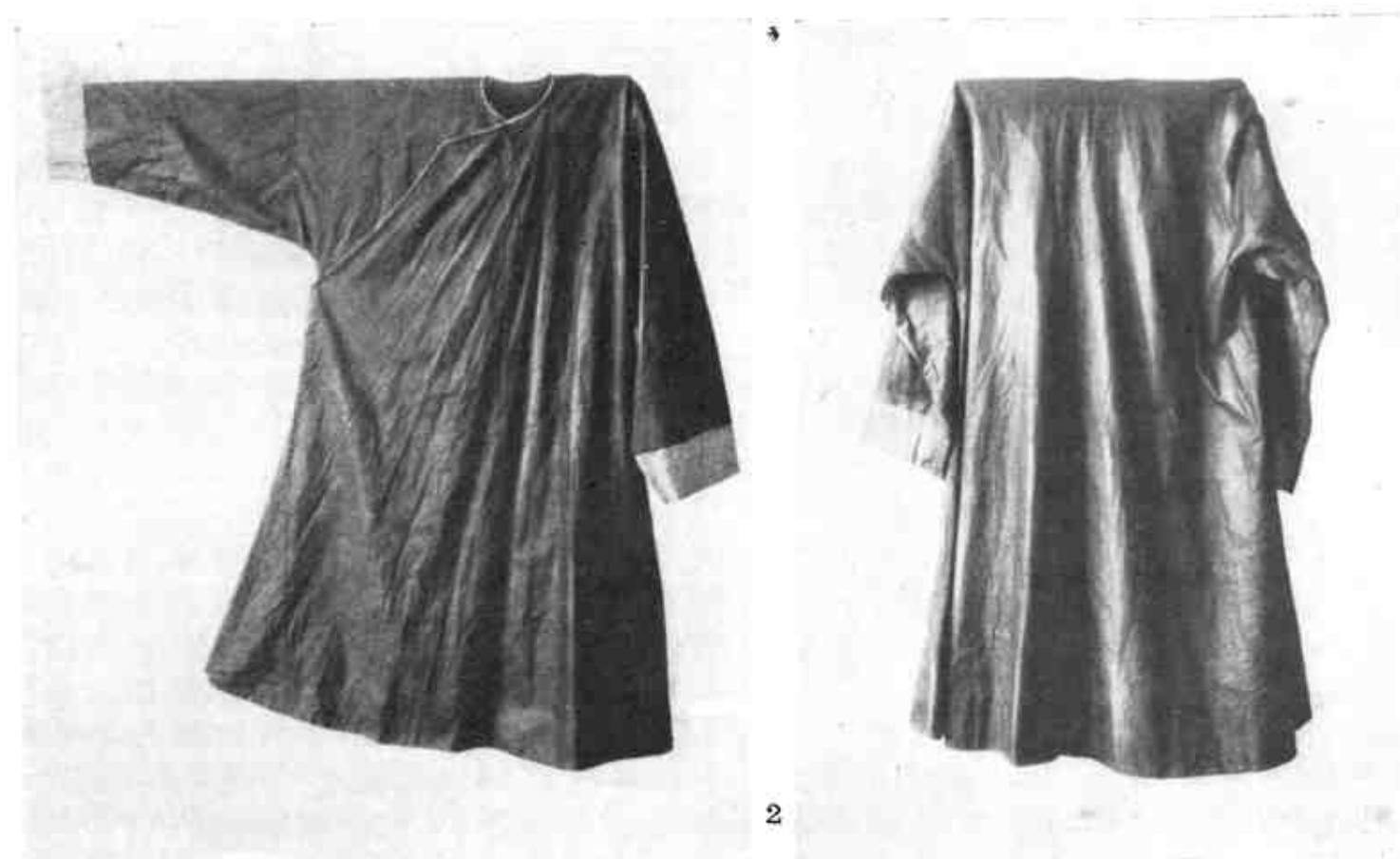
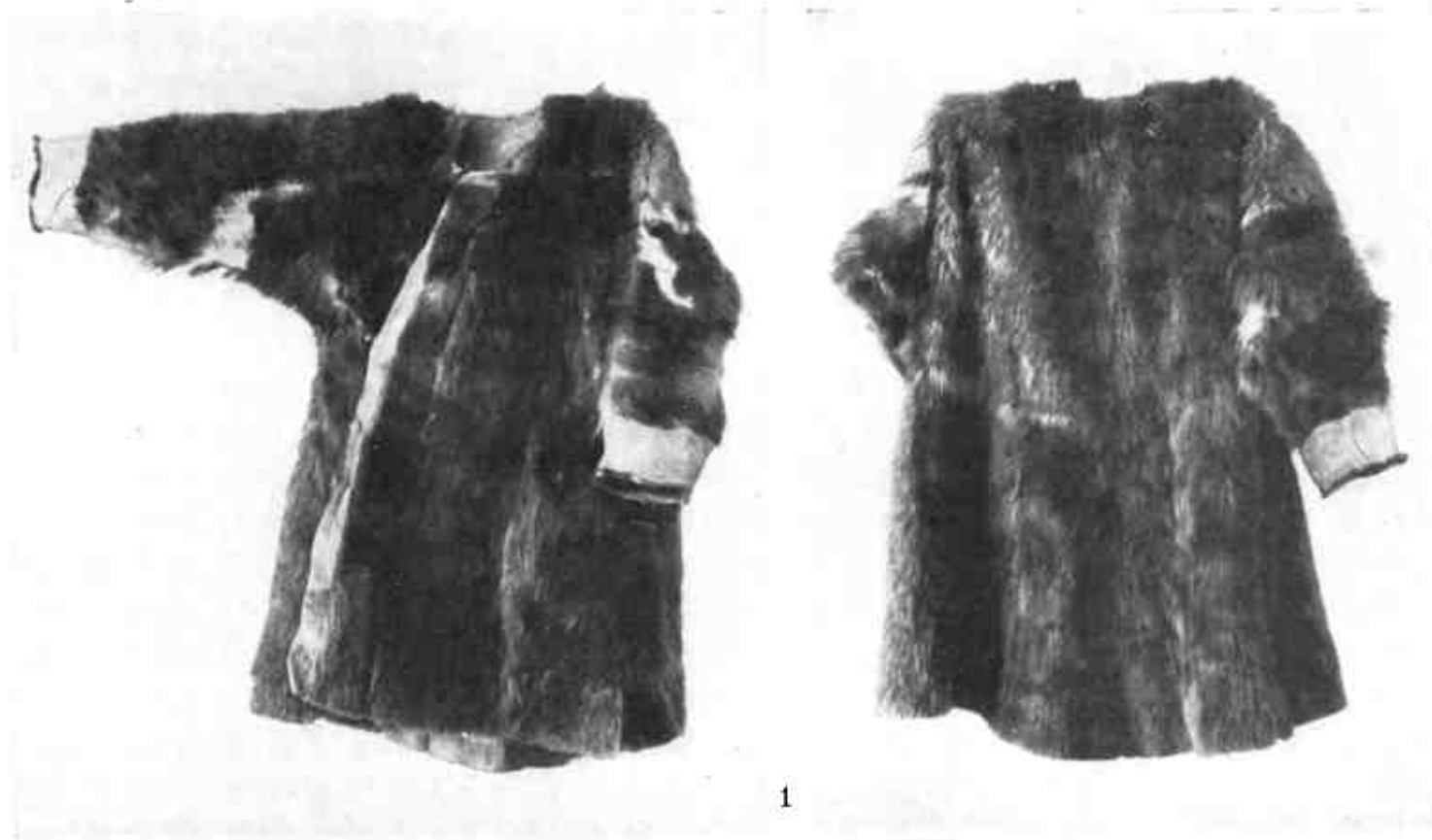

ТАБЛИЦА 37

1 — мужская шуба из собачьего меха, 2 — мужской халат из ткани.

НИВХИ

ТАБЛИЦА 38

1 — женский халат из ткани, 2 — женская одежда из рыбьей кожи.

ОРОКИ

ТАБЛИЦА 39

1 — женская шуба из оленьего меха, 2 — женская одежда из рыбьей кожи.

НАНАЙЦЫ

ТАБЛИЦА 40

1 — мужской халат из ткани, 2 — женская одежда из рыбьей кожи.

НАНАЙЦЫ

1

УЛЬЧИ

2

3

ТАБЛИЦА 41

1 — мужской халат из ткани, 2, 3 — женская одежда из рыбьей кожи.

ОРОЧИ

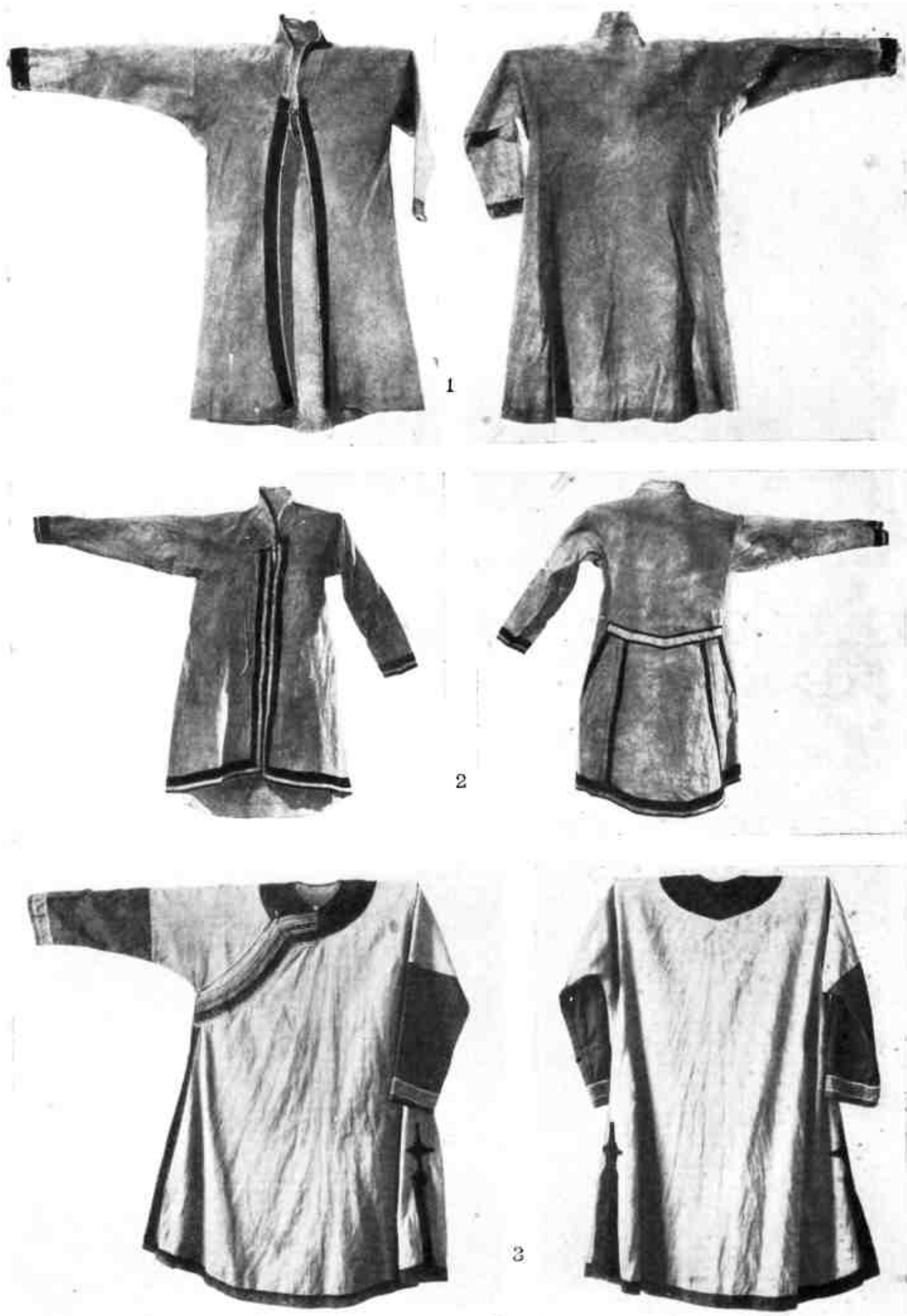

ТАБЛИЦА 42

1 — ровдужная одежда, 2 — меховая одежда, 3 — мужской халат из ткани.

ОРОЧИ

1

2

ТАБЛИЦА 43

1 — женский халат, 2 — женская одежда из рыбьей кожи.

УДЭГЕЙЦЫ

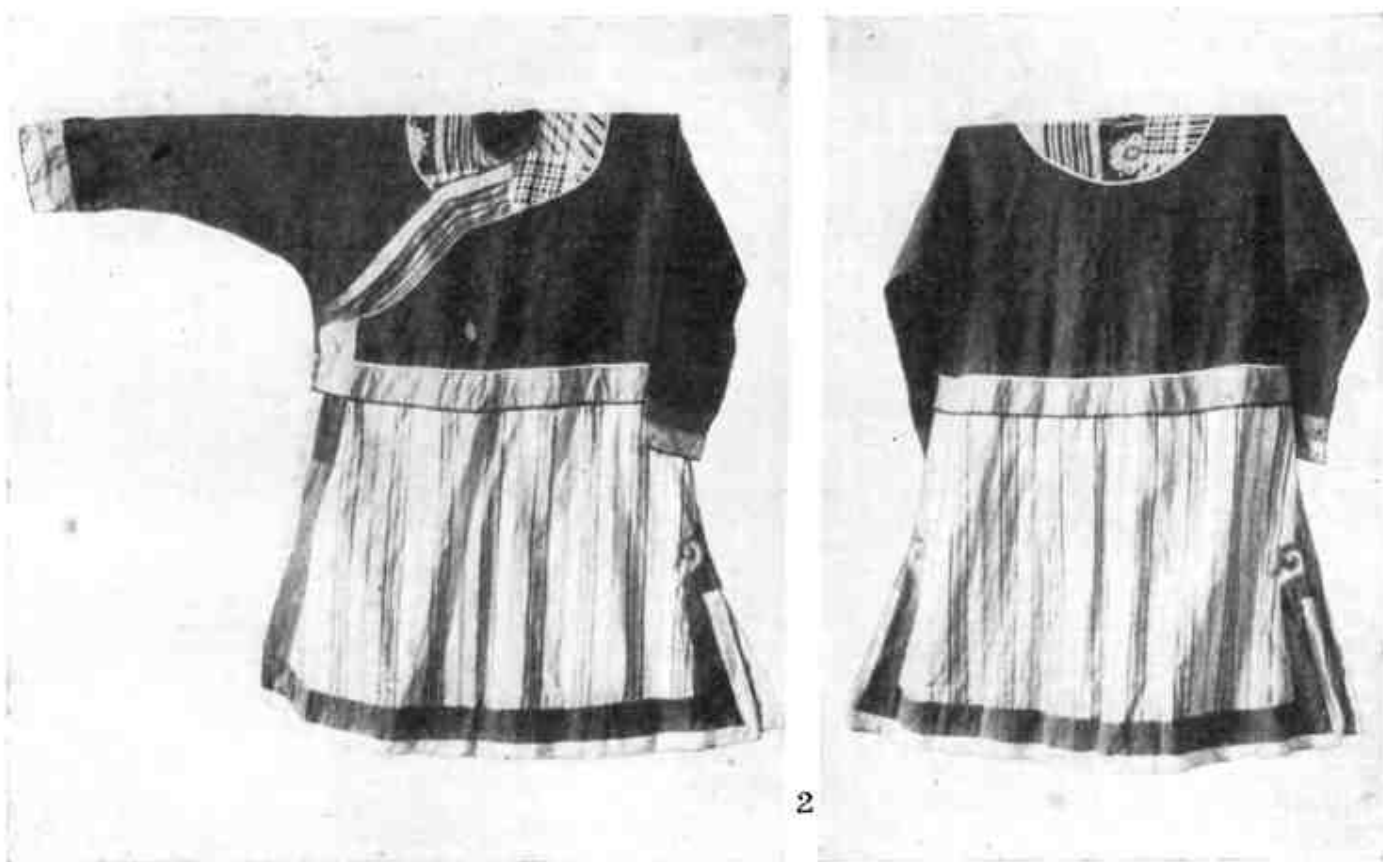

ТАБЛИЦА 44

1, 2 — мужская и женская одежда.

НЕГИДАЛЬЦЫ

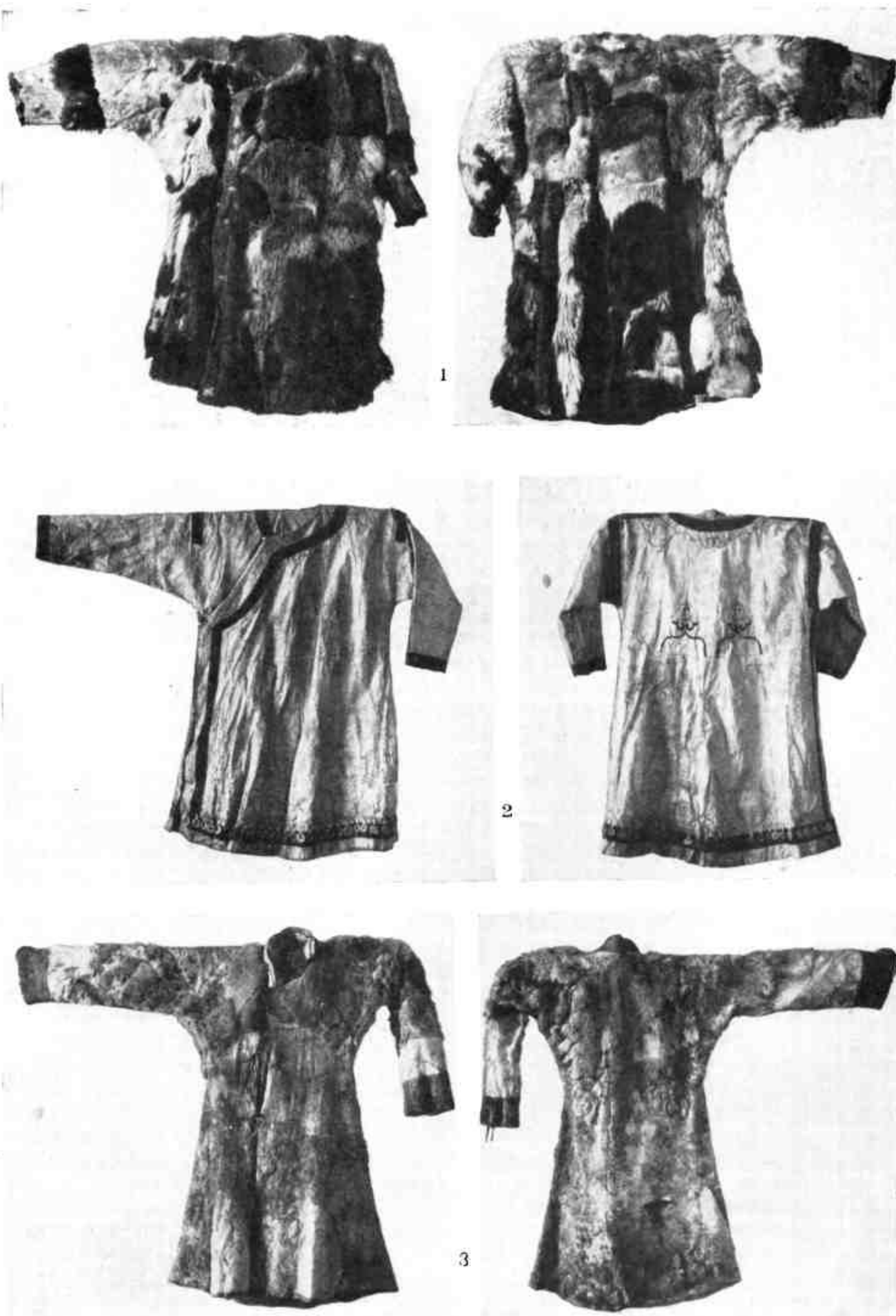

ТАБЛИЦА 45

1 — мужская и женская шуба из собачьего меха, 2 — женский халат из рыбьей кожи, 3 — мужская одежда из меха.

ШОРЦЫ

1

2

ТАБЛИЦА 46

1 — мужской халат из холста, 2 — женский халат из холста.

АЛТАЙЦЫ

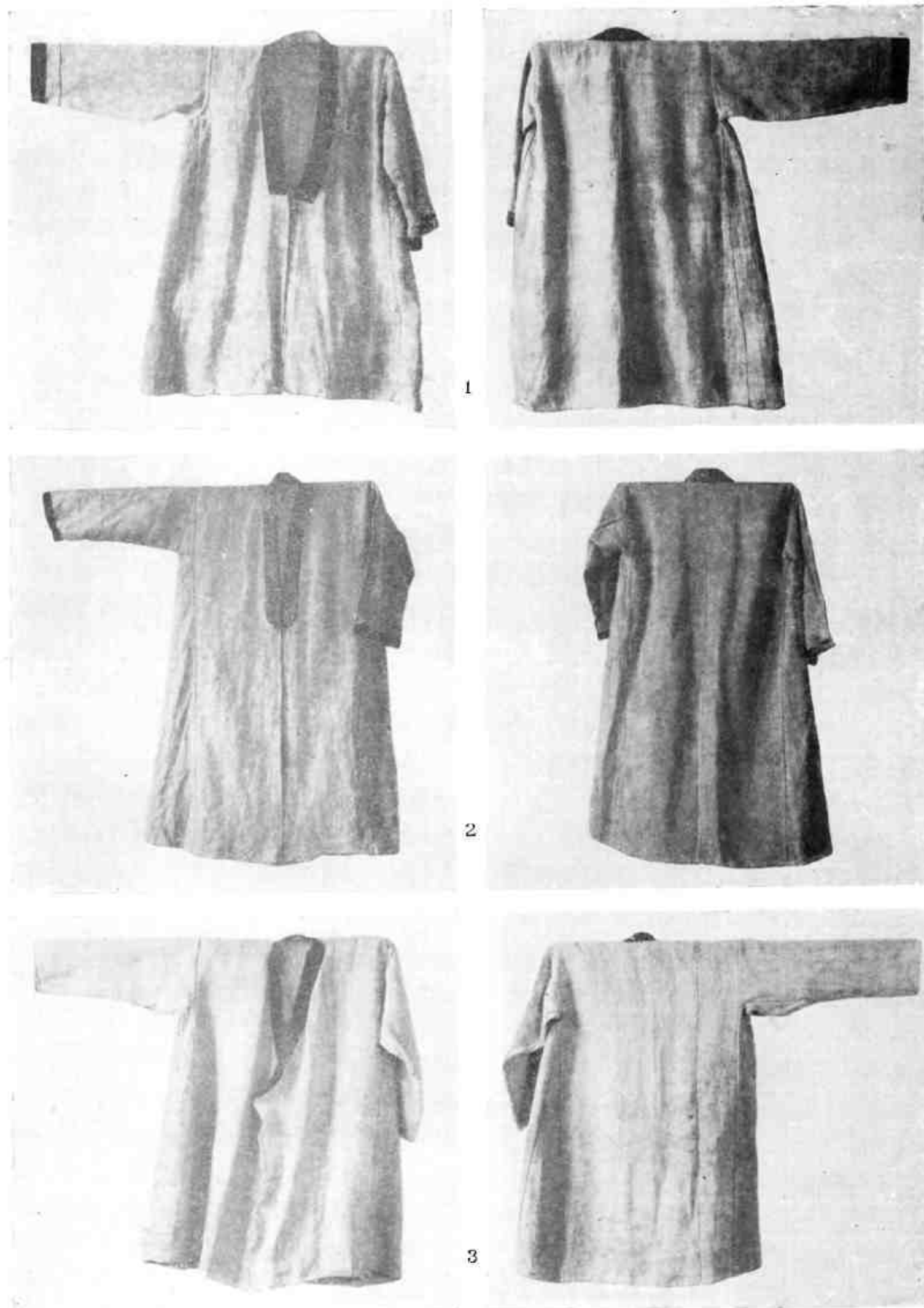

ТАБЛИЦА 47

1 — мужской халат из холста, 2 — женский халат из холста, 3 — халат из холста (1, 2 — четканцы, 3 — кумандинцы).

АЛТАЙЦЫ

1

2

ТАБЛИЦА 48

1, 2 — мужские шубы (1 — алтай кожи, 2 — теленгиты).

АЛТАЙЦЫ

1

2

ТАБЛИЦА 49

1 — женский халат, 2 — женская шуба (1, 2 — алтай кижки).

АЛТАЙЦЫ

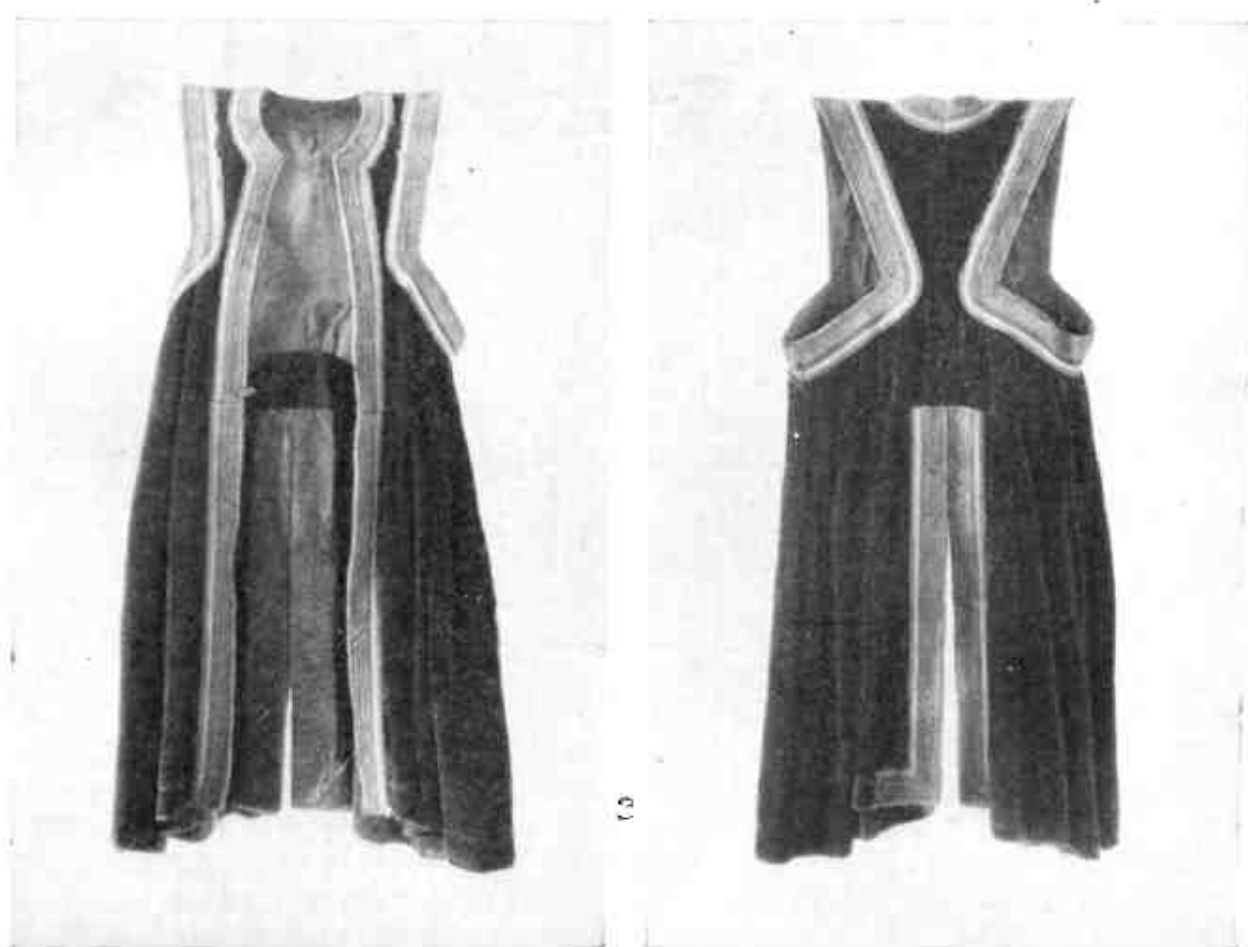

ТАБЛИЦА 50

1 — женская пуба, 2 — безрукавка замужней женщины (1 — телегиты, 2 — алтай кижы).

АЛТАЙЦЫ

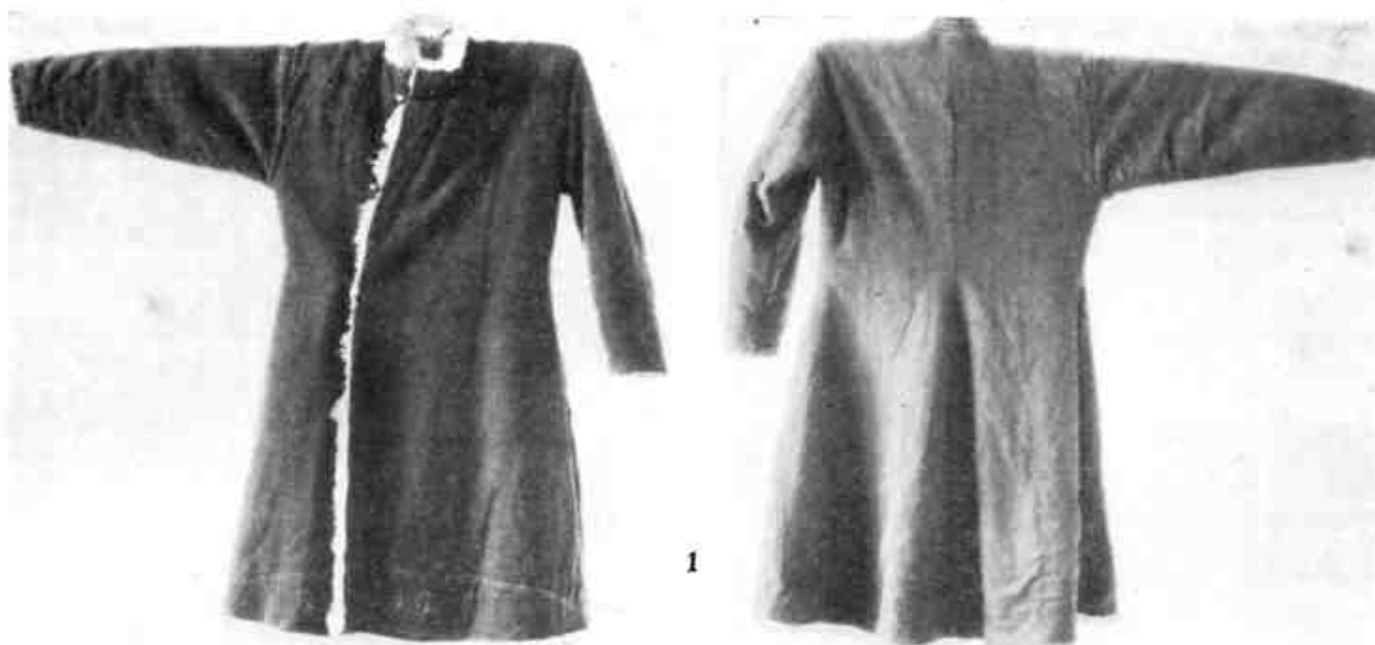

ТАБЛИЦА 51

1 — мужская шуба, 2 — женская одежда, 3 — меховая шуба, крытая бархатом (1—3 — телеуты).

АЛТАЙЦЫ

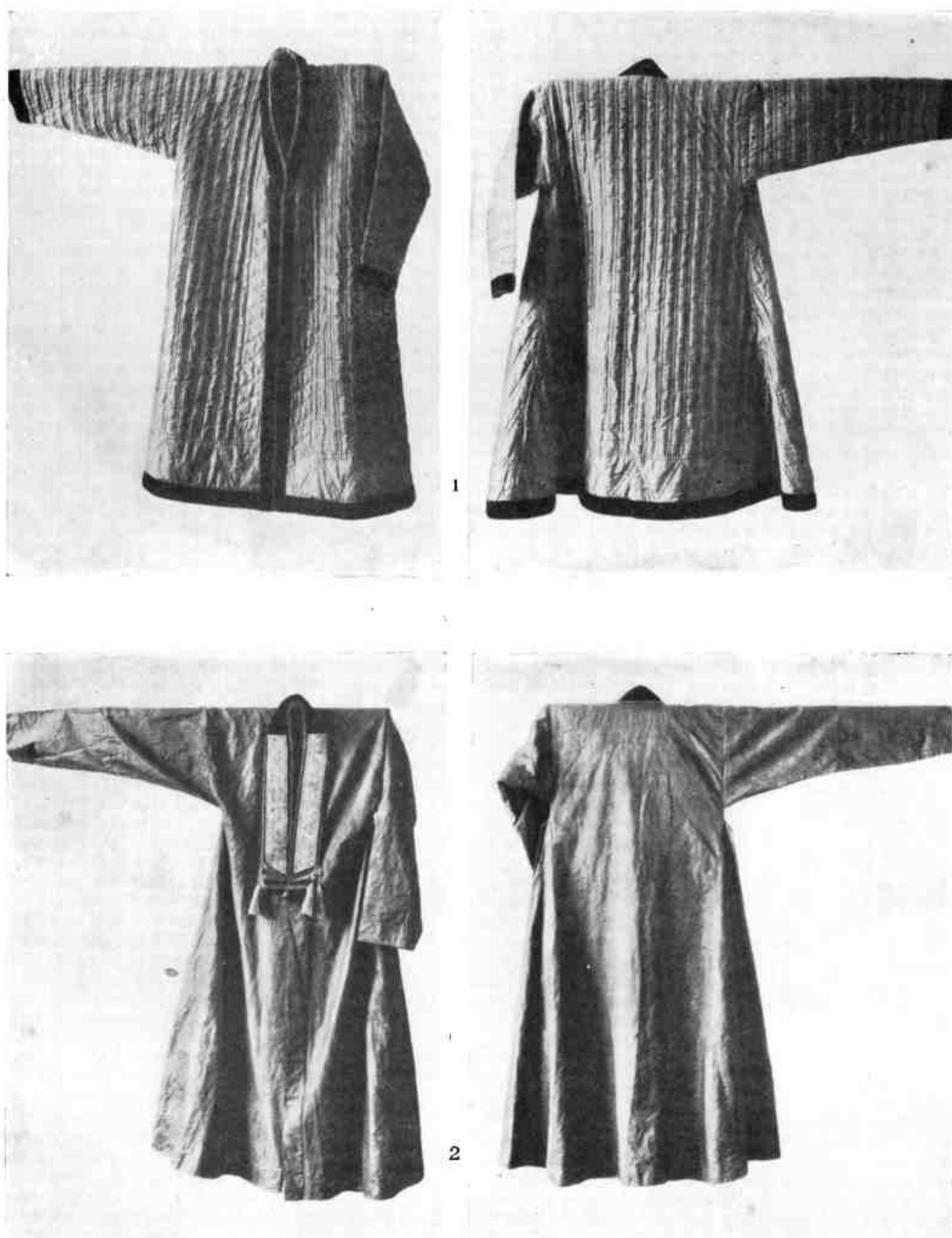

ТАБЛИЦА 52

1 — женская одежда, стеганая, 2 — женская летняя одежда (1, 2 — телеуты).

ХАКАСЫ

ТАБЛИЦА 53

1 — мужская шуба, 2, 3 — женские шубы.

ХАРАСЫ

1

2

ТАБЛИЦА 54

1, 2 — женская одежда из сукна.

ХАКАСЫ

ТАБЛИЦА 55
Женский кафтан.

ХАКАСЫ

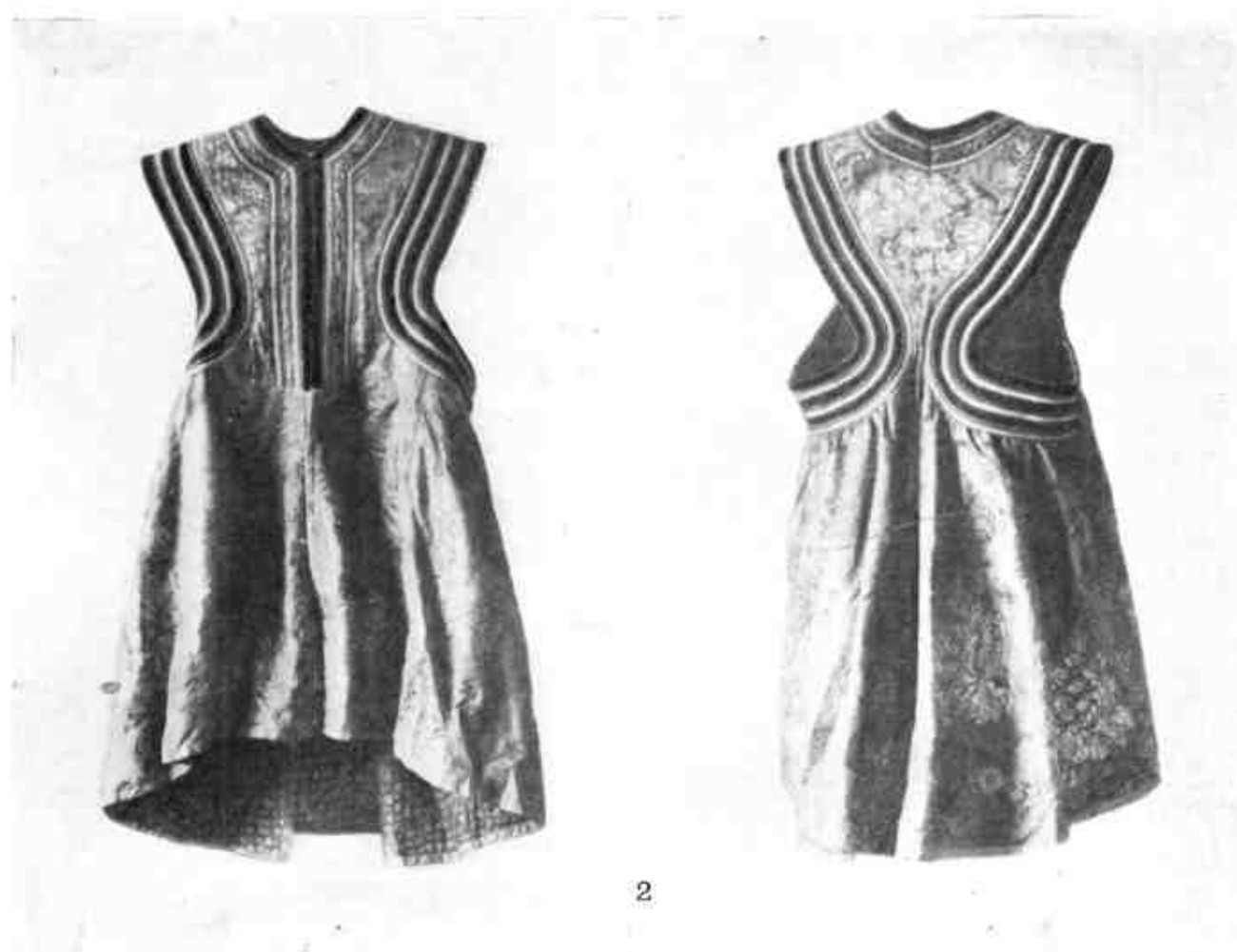

ТАБЛИЦА 56
1 — женская шуба, 2 — женская безрукавка.

ТУВИНЦЫ

1

2

ТАБЛИЦА 57

1 — мужская зимняя шуба, 2 — мужская осенне-весенняя шуба.

ТУВИНЦЫ

ТАБЛИЦА 58

1 — мужская меховая шуба, 2 — женская меховая шуба.

ТУВИНЦЫ

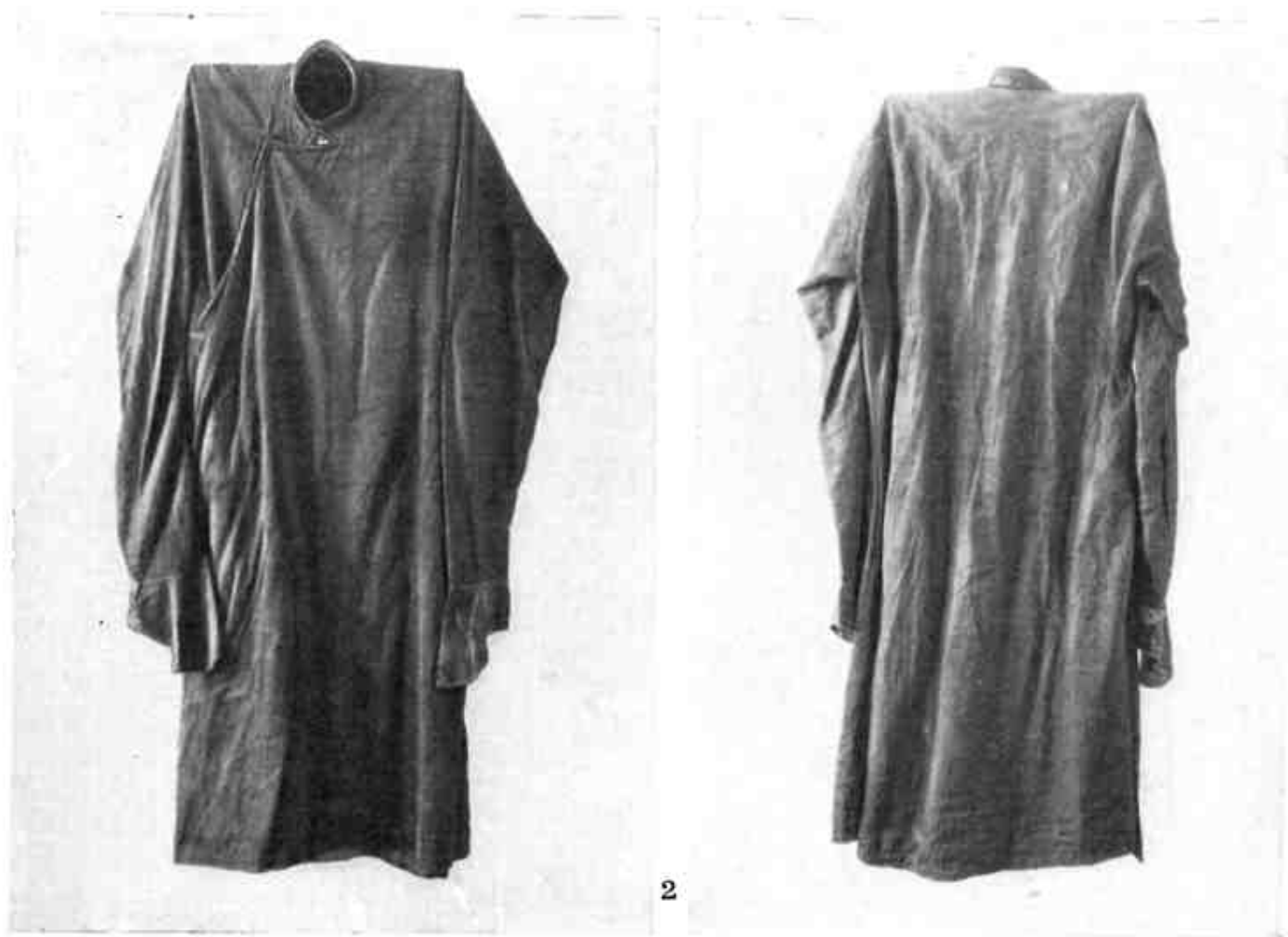
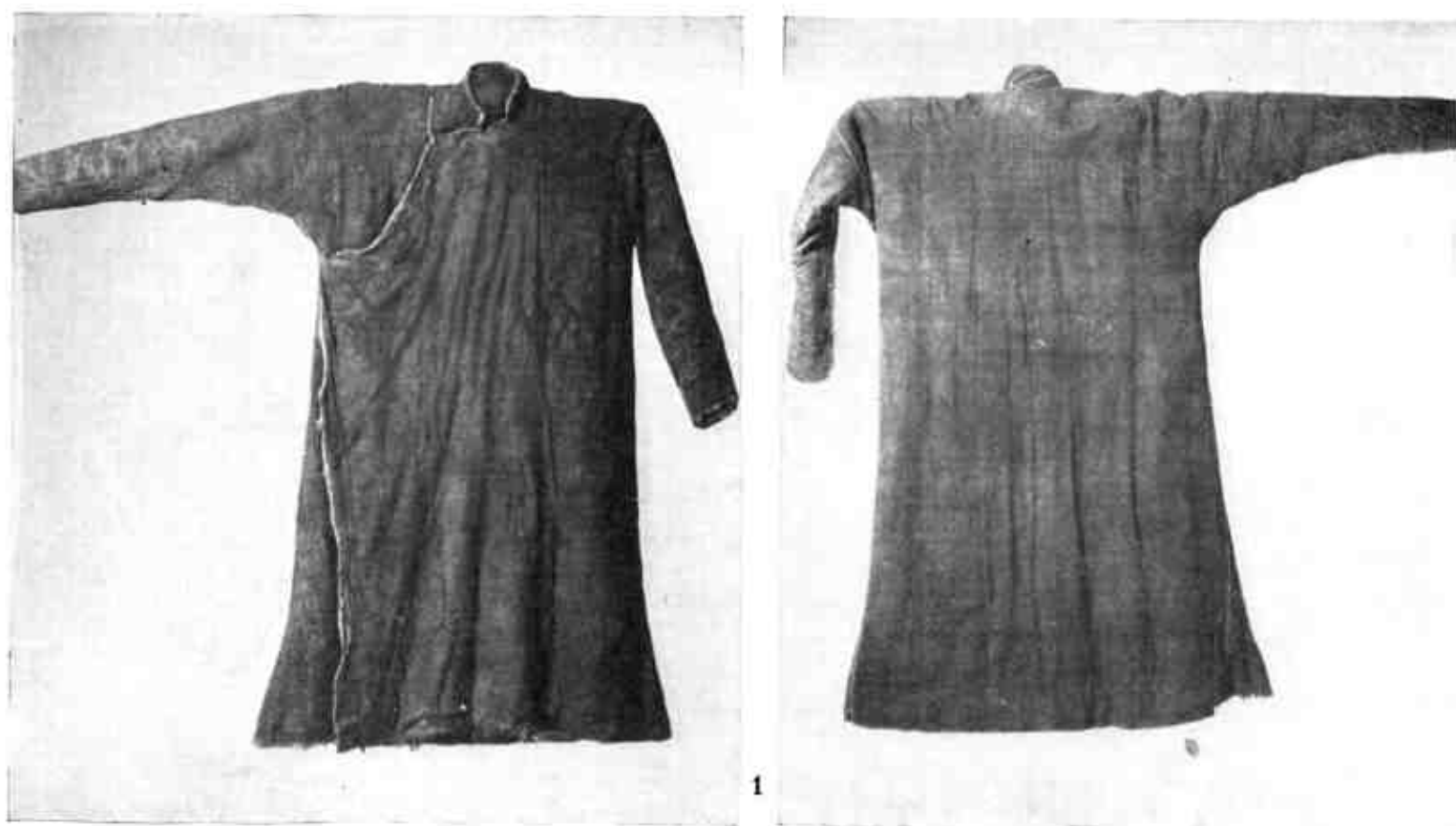

ТАБЛИЦА 59

1 — мужская меховая одежда, 2 — мужской халат.

ТУВИНЦЫ

1

ТОФАЛАРЫ

2

ТАБЛИЦА 60

1 — женская летняя одежда, 2 — мужская туба.

ТОФАЛАРЫ

ТАБЛИЦА 61

1 — женская шуба, 2 — женская летняя одежда.

БУРЯТЫ

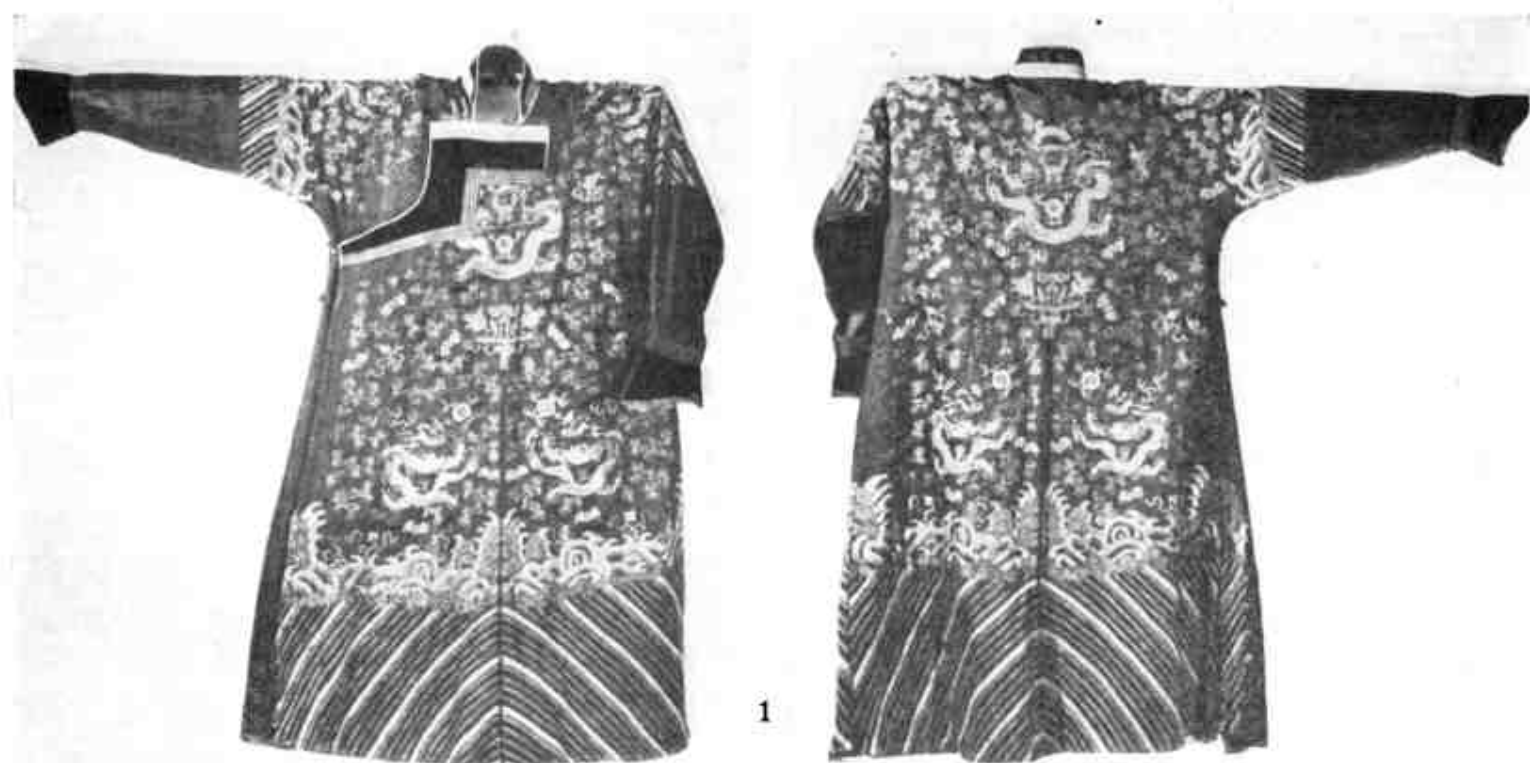

ТАБЛИЦА 62

1 — мужской халат, 2 — мужской халат осенний.

БУРЯТЫ

1

2

ТАБЛИЦА 63

1 — женский халат, 2 — женская одежда.

БУРЯТЫ

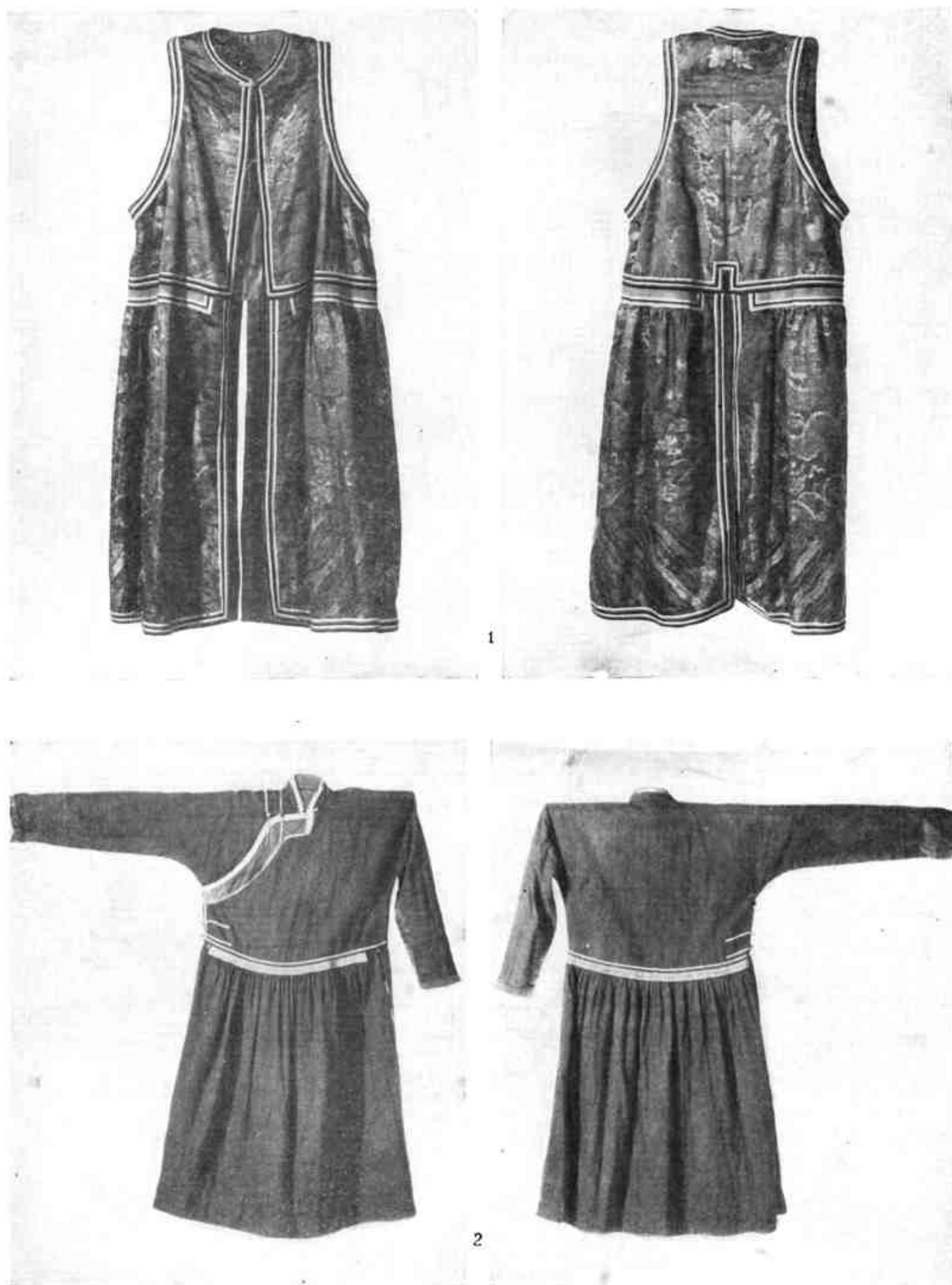
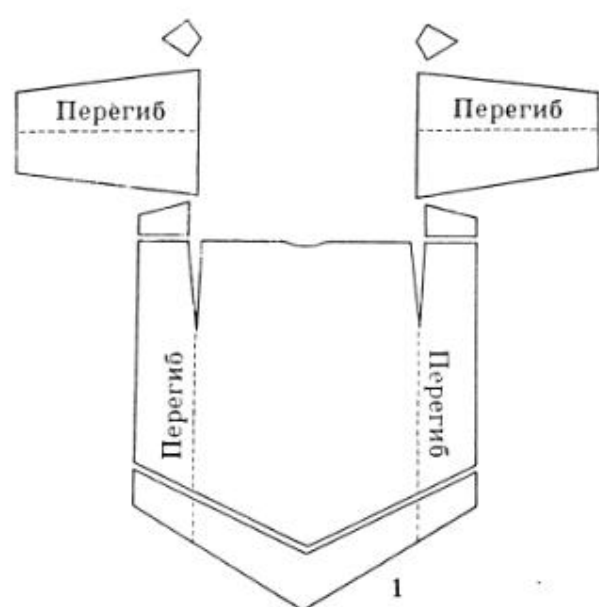

ТАБЛИЦА 64
1 — безрукавка, 2 — женский халат.

ТИП I. ЕНИСЕЙСКИЙ

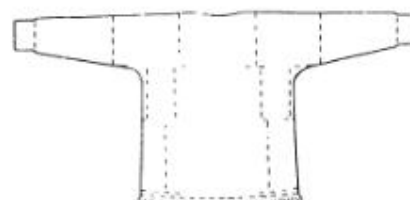
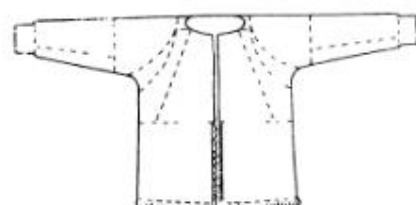
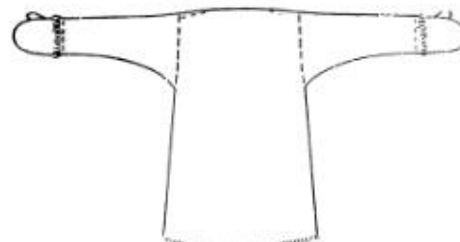
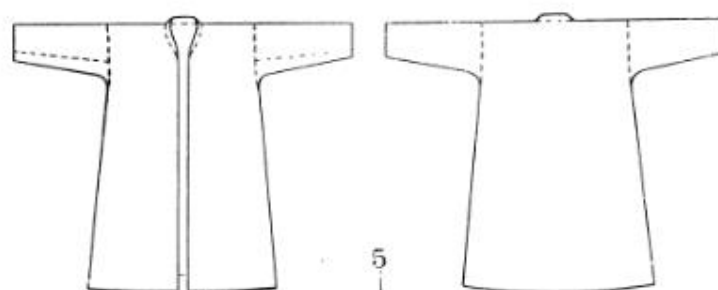
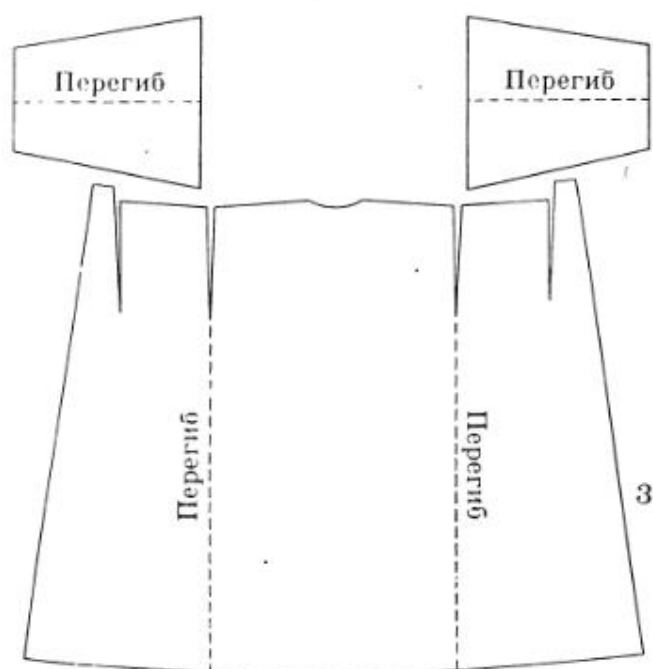
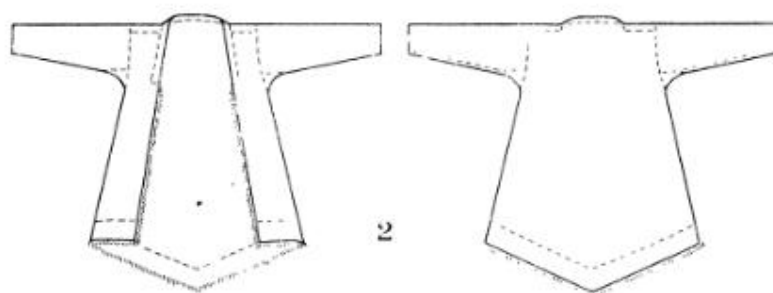

ТАБЛИЦА I

В а р и а н т 1-й: 1 — раскрой; 2 — чертеж-схема (см. табл. 11, 1). В а р и а н т 2-й: 3 — раскрой; 4—8 — чертежи-схемы (см. табл. 10, 2; табл. 9, 1; табл. 10, 1; табл. 8, 1; табл. 22, 1).

ТИП I. ЕНИСЕЙСКИЙ

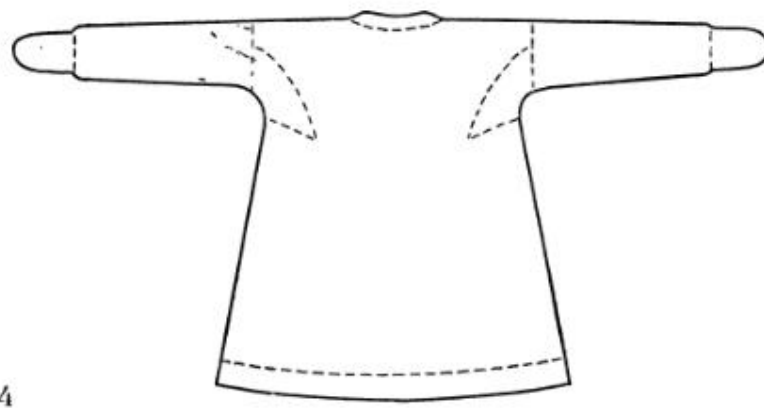
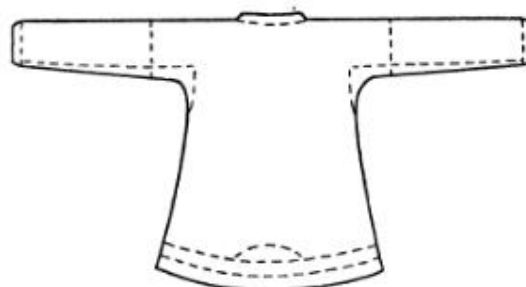
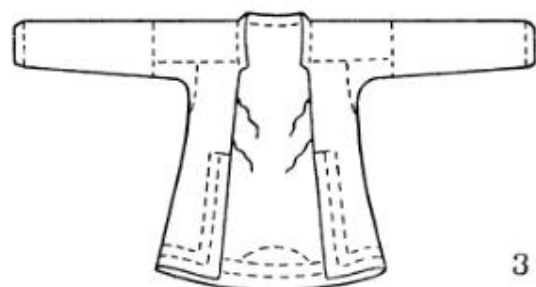
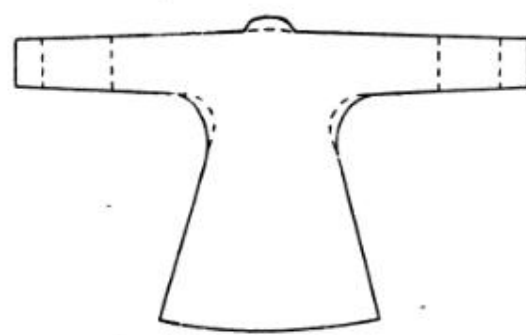
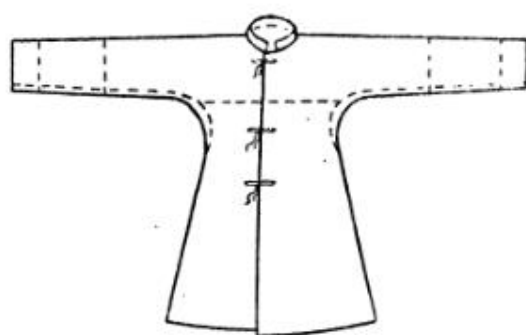
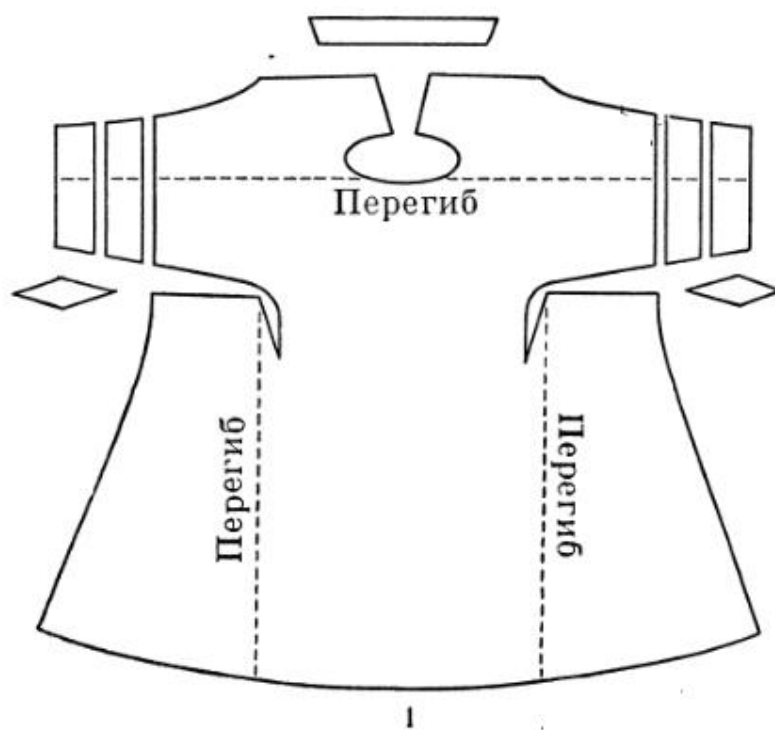
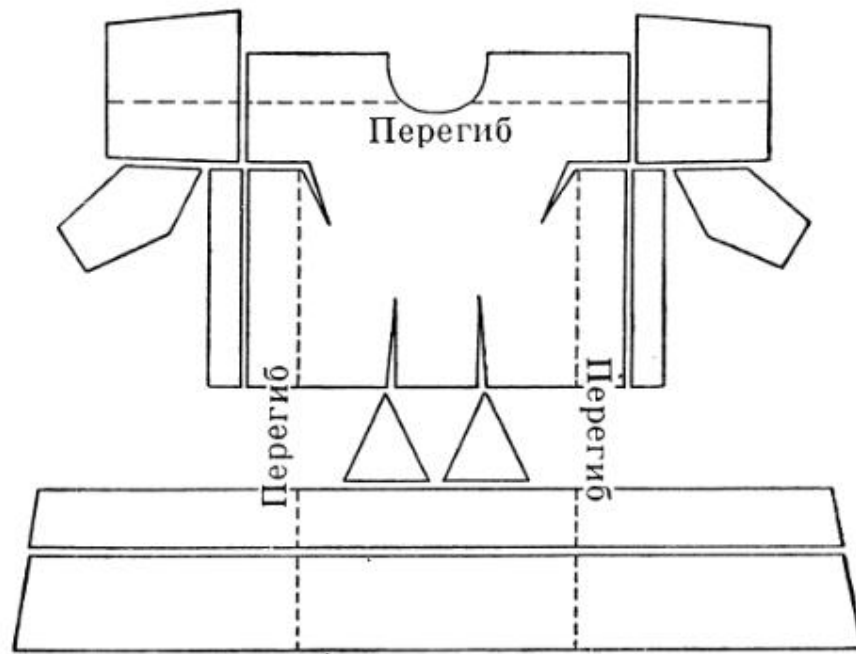

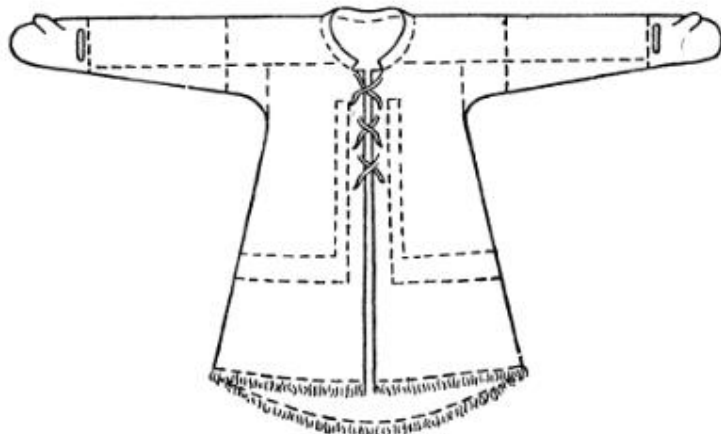
ТАБЛИЦА II

В а р и а н т 3-й: 1—раскрой; 2—4—чертежи-схемы (см. табл. 45, 3; табл. 28, 2; табл. 15, 3).

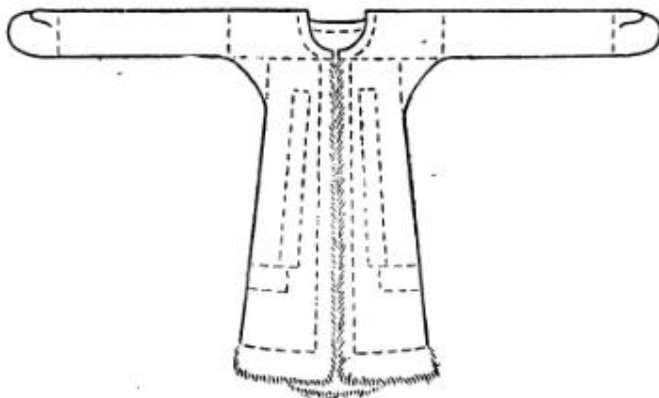
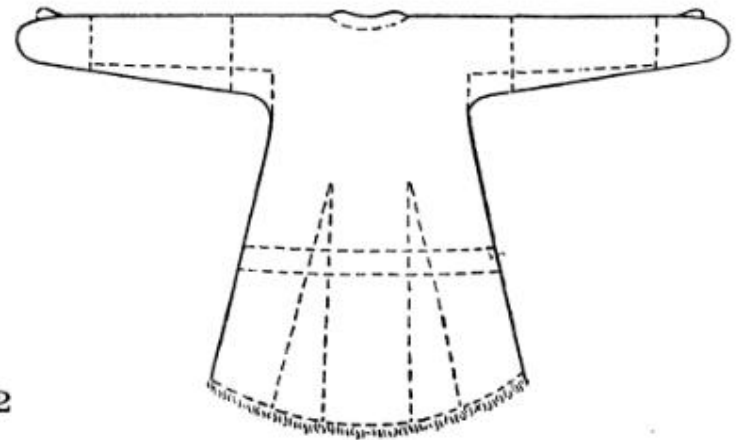
ТИП II. ВОСТОЧНОСИБИРСКИЙ

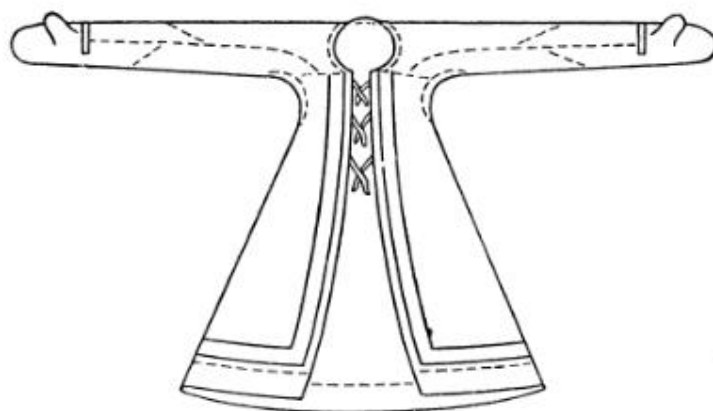
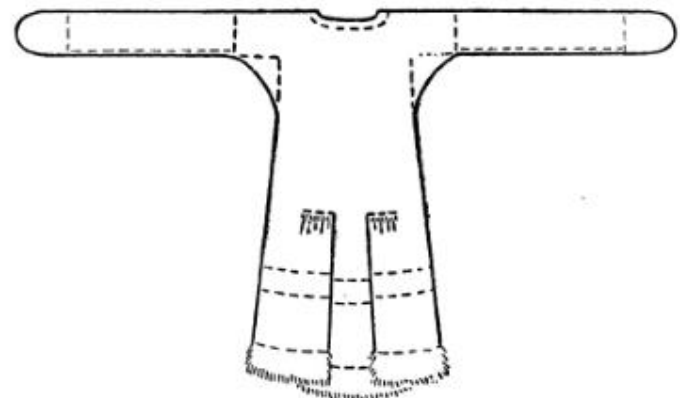
1

2

3

4

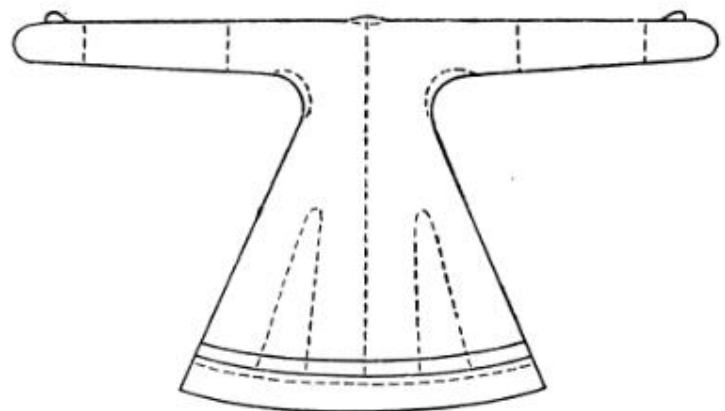

ТАБЛИЦА III

В а р и а н т 1-й: 1 — раскрой; 2 — 4 — чертежи-схемы (см. табл. 28, 1; табл. 29, 2; табл. 13, 2).

ТИП II. ВОСТОЧНОСИБИРСКИЙ

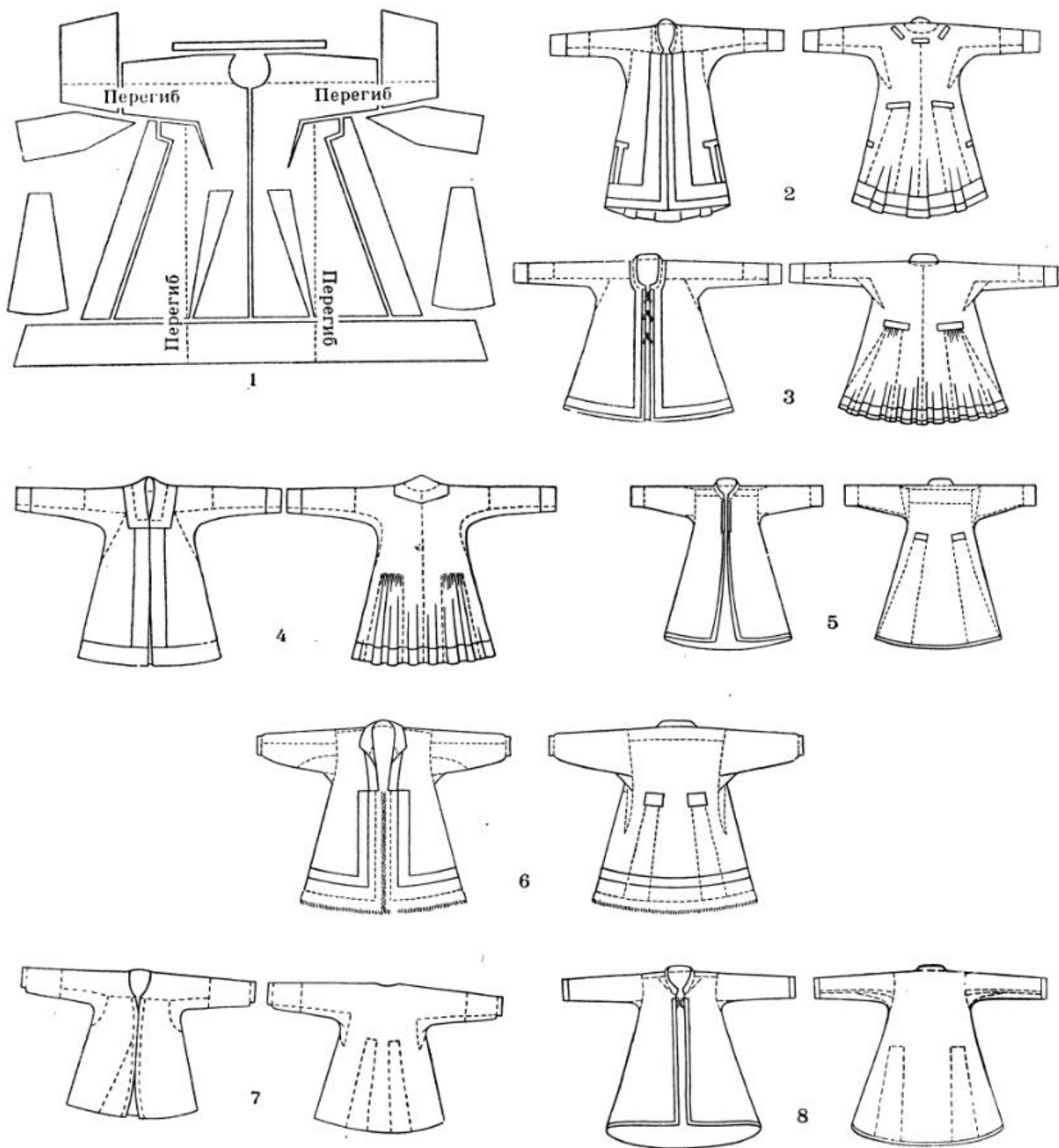

ТАБЛИЦА IV

В а р и а н т 2-й: 1 — раскрой; 2—8—чертежи-схемы (см. табл. 29, 1; табл. 28, 3; табл. 30, 1; табл. 11, 3; табл. 12, 1; табл. 39, 1; табл. 42, 2).

ТИП II. ВОСТОЧНОСИБИРСКИЙ

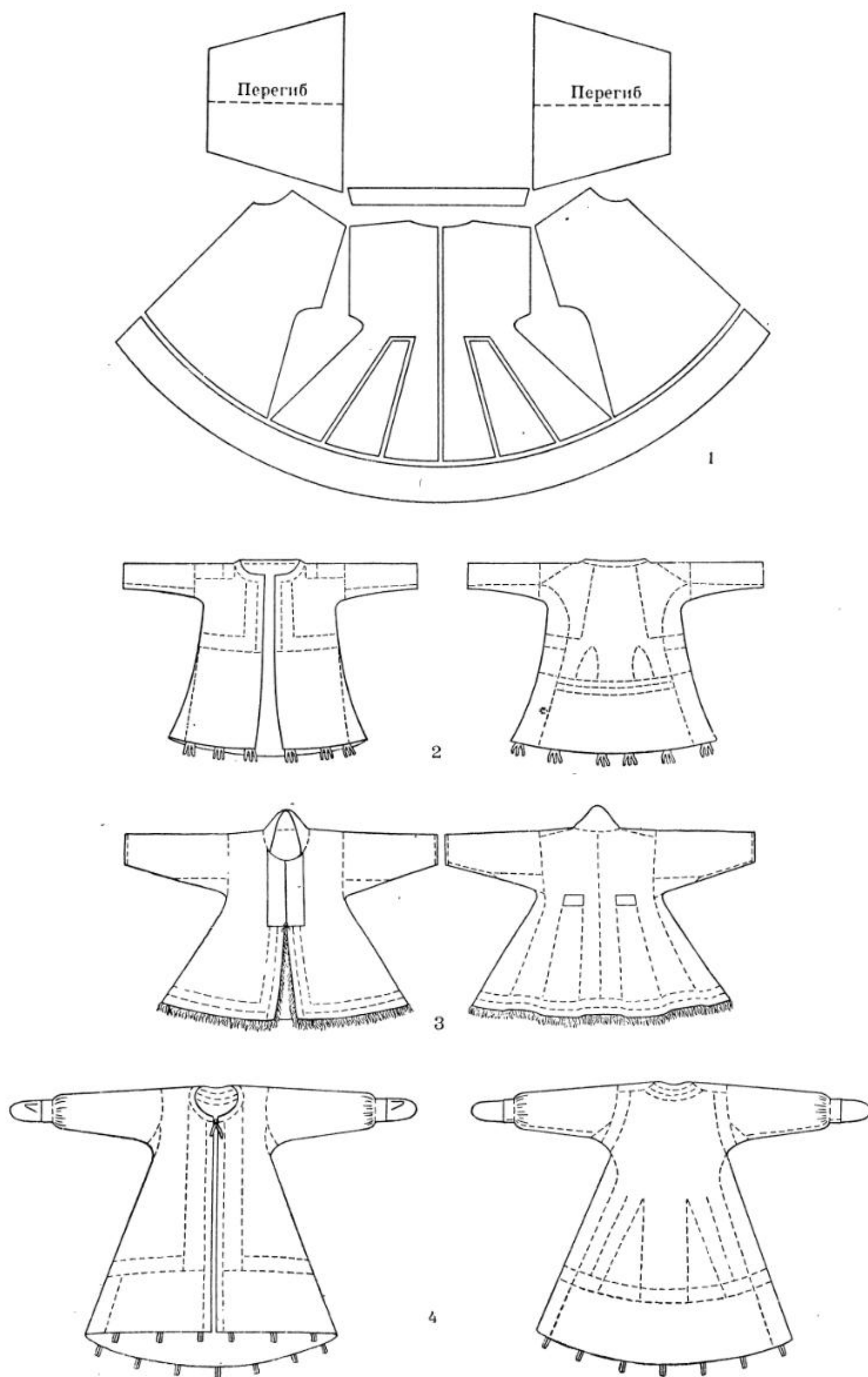

ТАБЛИЦА V

Вариант 3-й: 1 — раскрой; 2—4 — чертежи-схемы (см. табл. 19, 1; табл. 12, 2; табл. 27, 1).

ТИП III. СРЕДНЕСИБИРСКИЙ

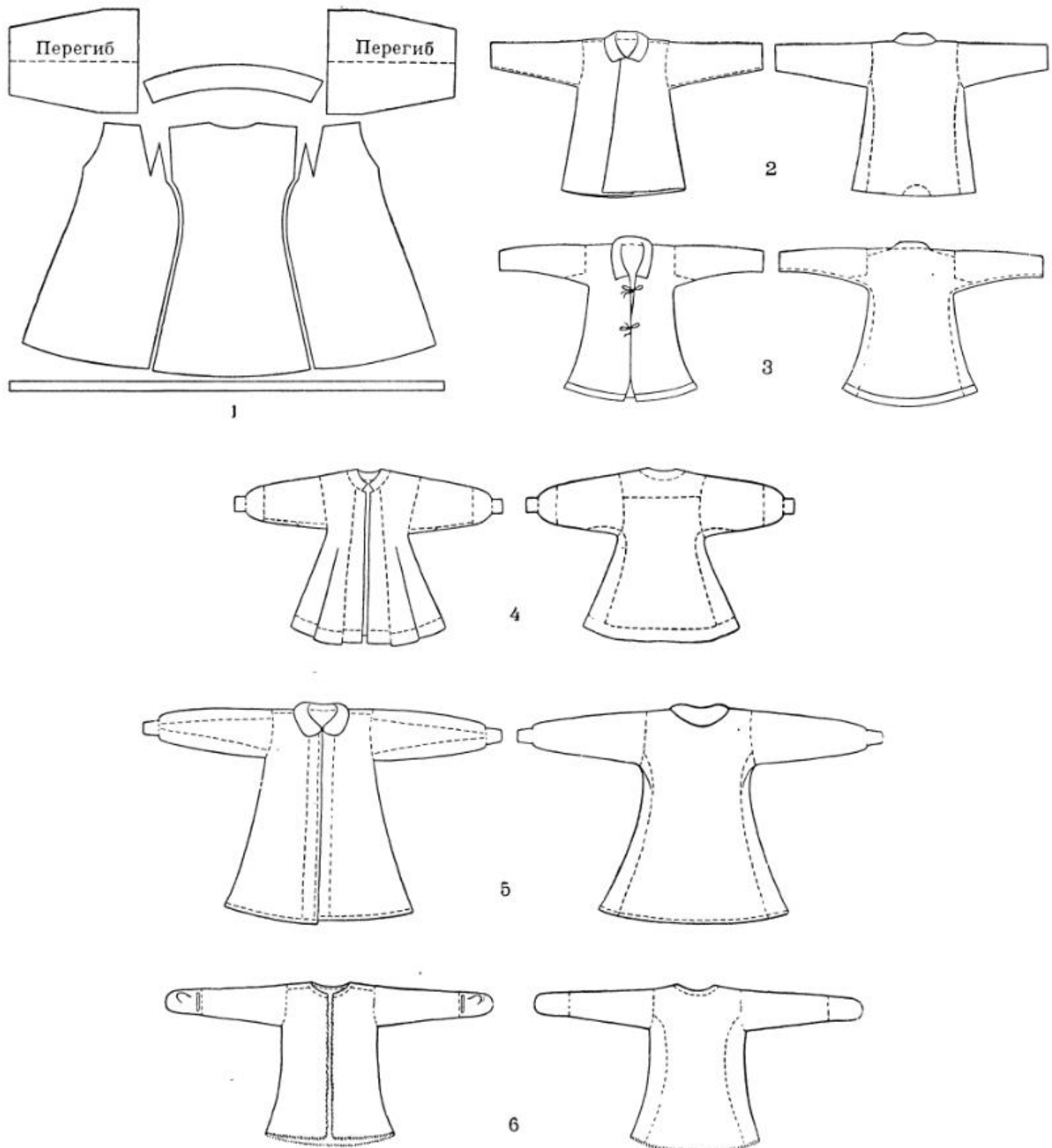

ТАБЛИЦА VI

1 — раскрой; 2—6 — чертежи-схемы (см. табл. 14, 2; табл. 13, 3; табл. 14, 1; табл. 14, 3; табл. 19, 2).

ТИП IV. ЗАПАДНОСИБИРСКИЙ

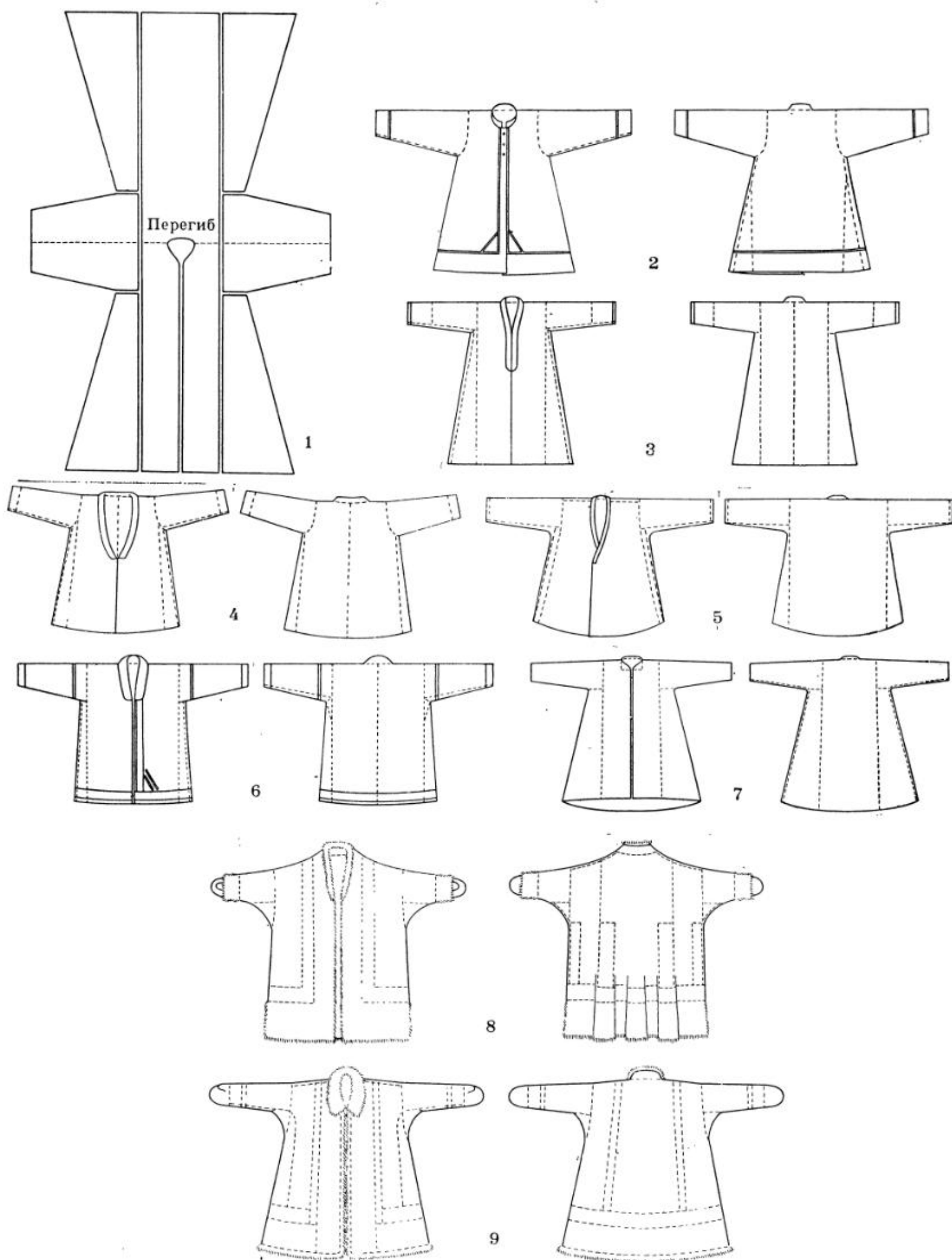

ТАБЛИЦА VII

1 — раскрой; 2—9 — чертежи-схемы (см. табл. 7, 1; табл. 47, 2; табл. 47, 1; табл. 47, 3; табл. 46, 2; табл. 5, 1; табл. 4, 2; табл. 4, 1)

ТИП V. ЛЕНСКИЙ (ЯКУТСКИЙ)

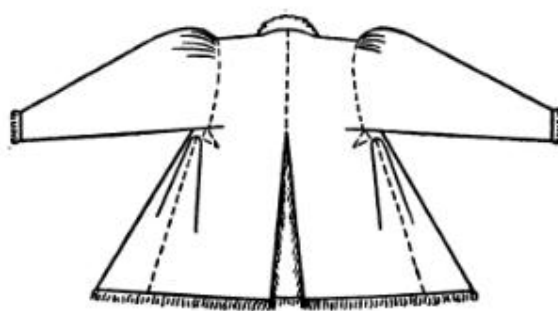
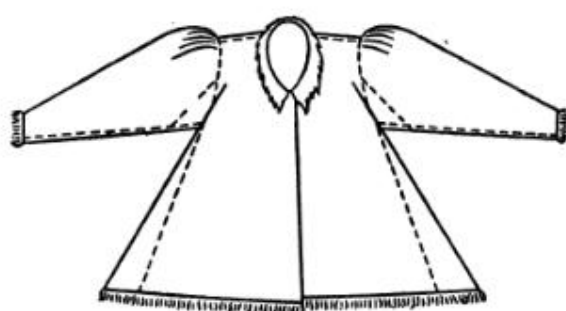
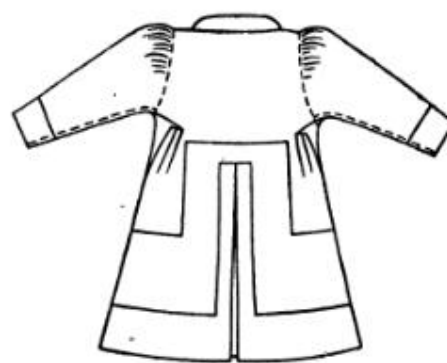
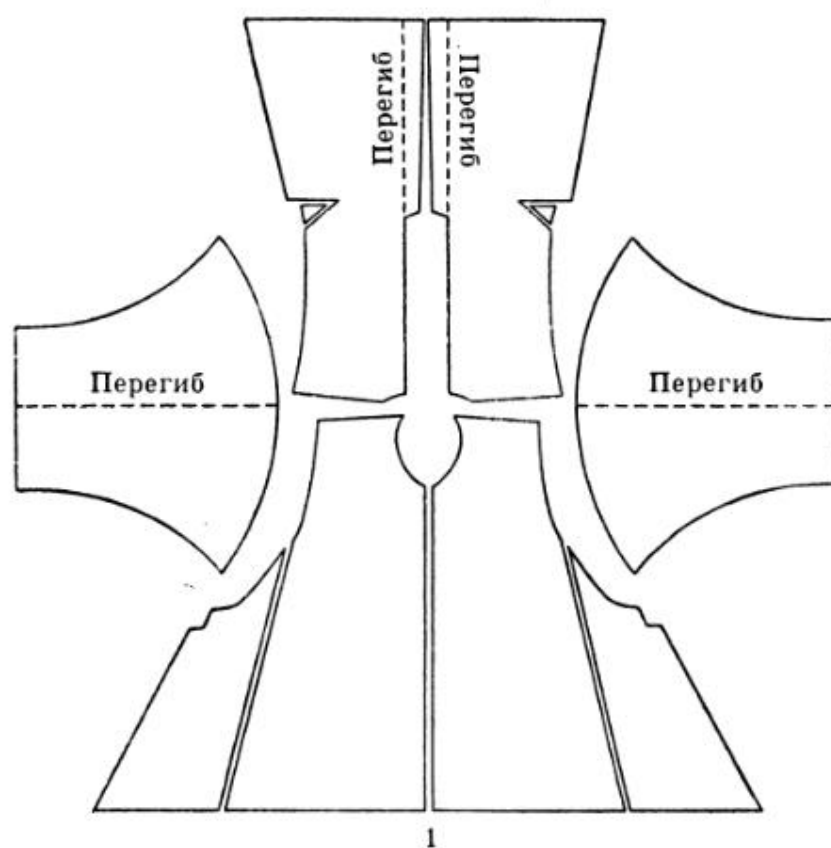

ТАБЛИЦА VIII

В а р и а н т 1-й: 1 — раскрой; 2—4 — чертежи-схемы (см. табл. 23, 1; табл. 22, 3; табл. 16, 2).

ТИП V. ЛЕНСКИЙ (ЯКУТСКИЙ)

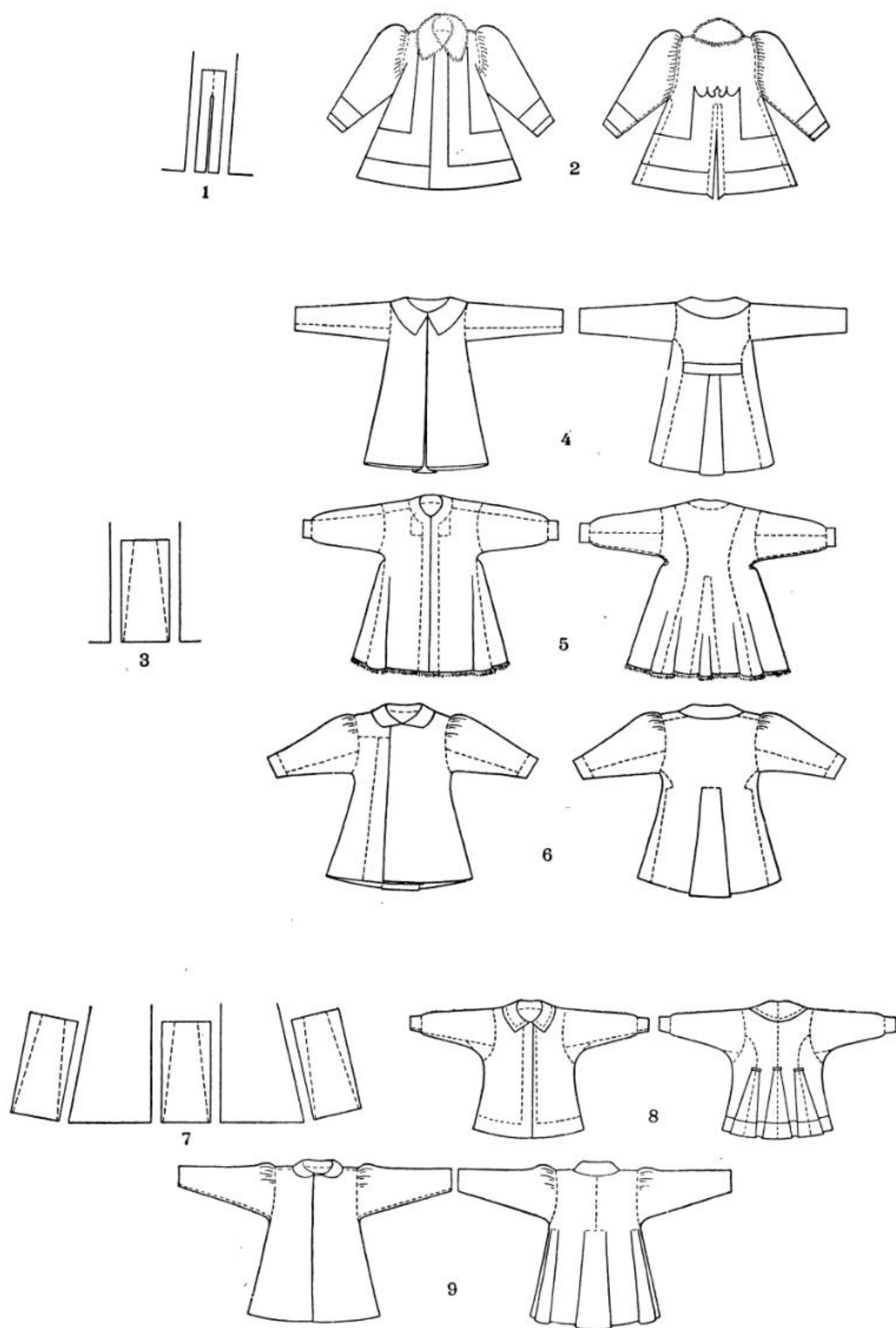

ТАБЛИЦА IX

Вариант 2-й: 1 — деталь раскроя; 2 — чертеж-схема (см. табл. 25, 2).
 Вариант 3-й: 3 — деталь раскроя; 4—6 — чертежи-схемы (см. табл. 19, 3; табл. 16, 1; табл. 24, 1).
 Вариант 4-й: 7 — деталь раскроя; 8, 9 — чертежи-схемы (см. табл. 16, 3; табл. 24, 3).

ТИП VI. ЮЖНОСИБИРСКИЙ

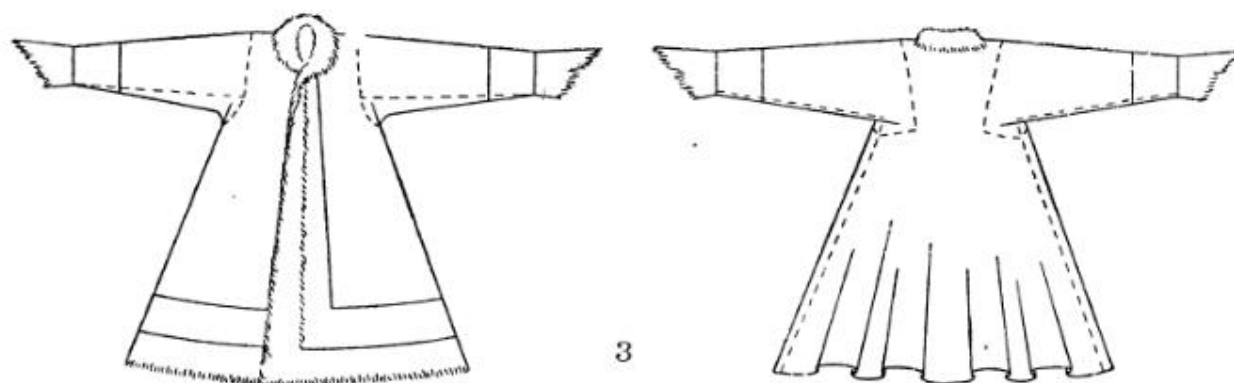
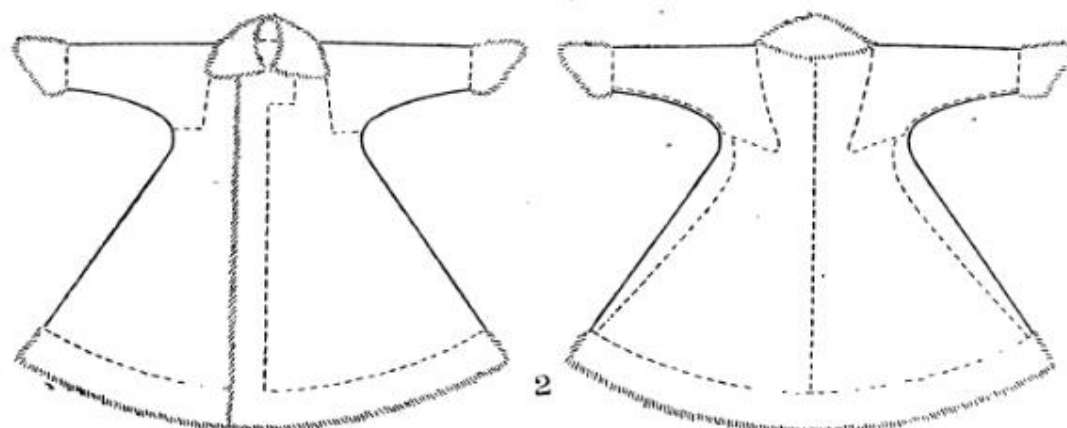
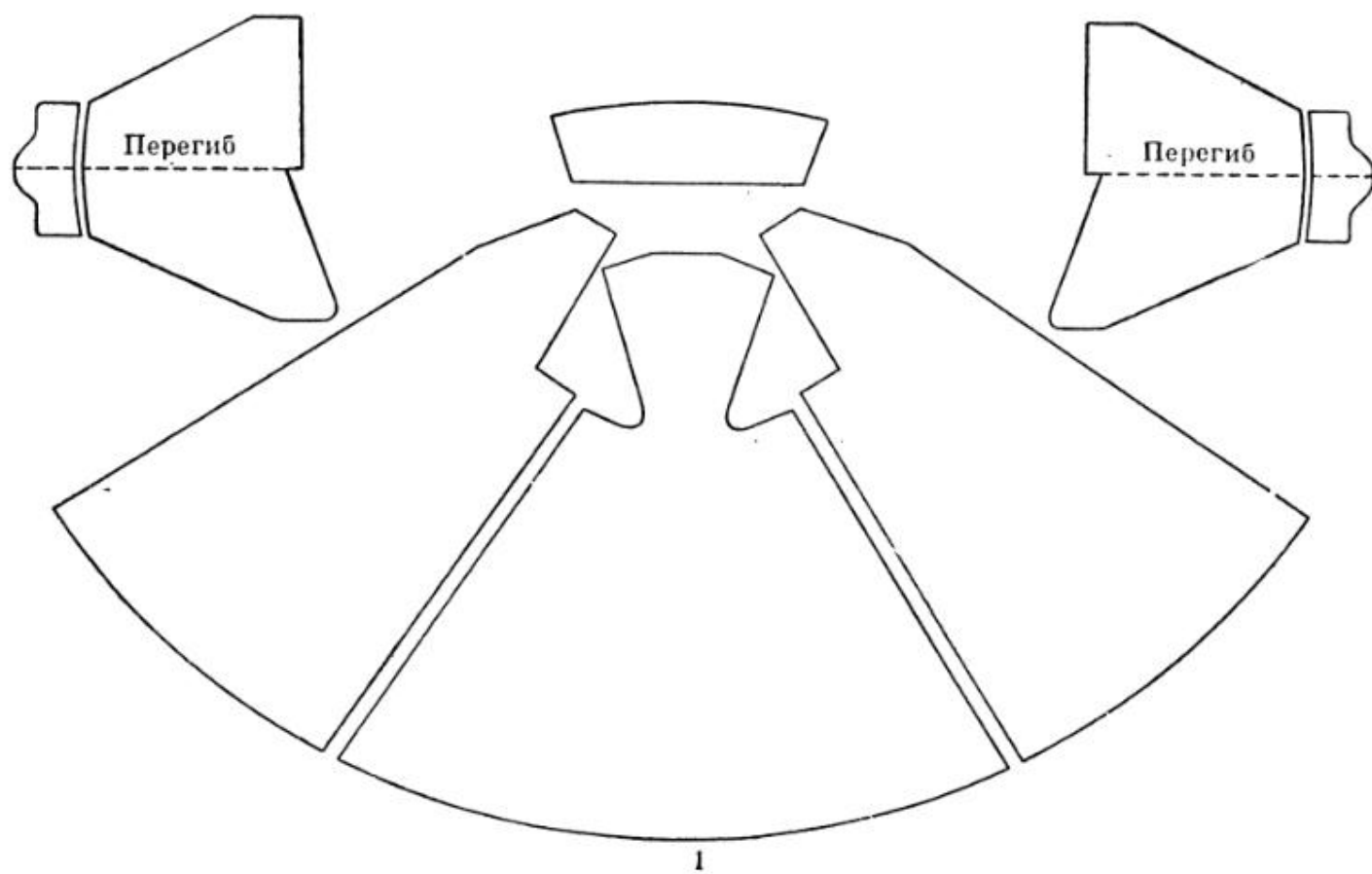

ТАБЛИЦА X

В а р и а н т 1-й: 1 — раскрой; 2, 3 — чертежи-схемы (см. табл. 53, 1; табл. 53, 2).

ТИП VI. ЮЖНОСИБИРСКИЙ

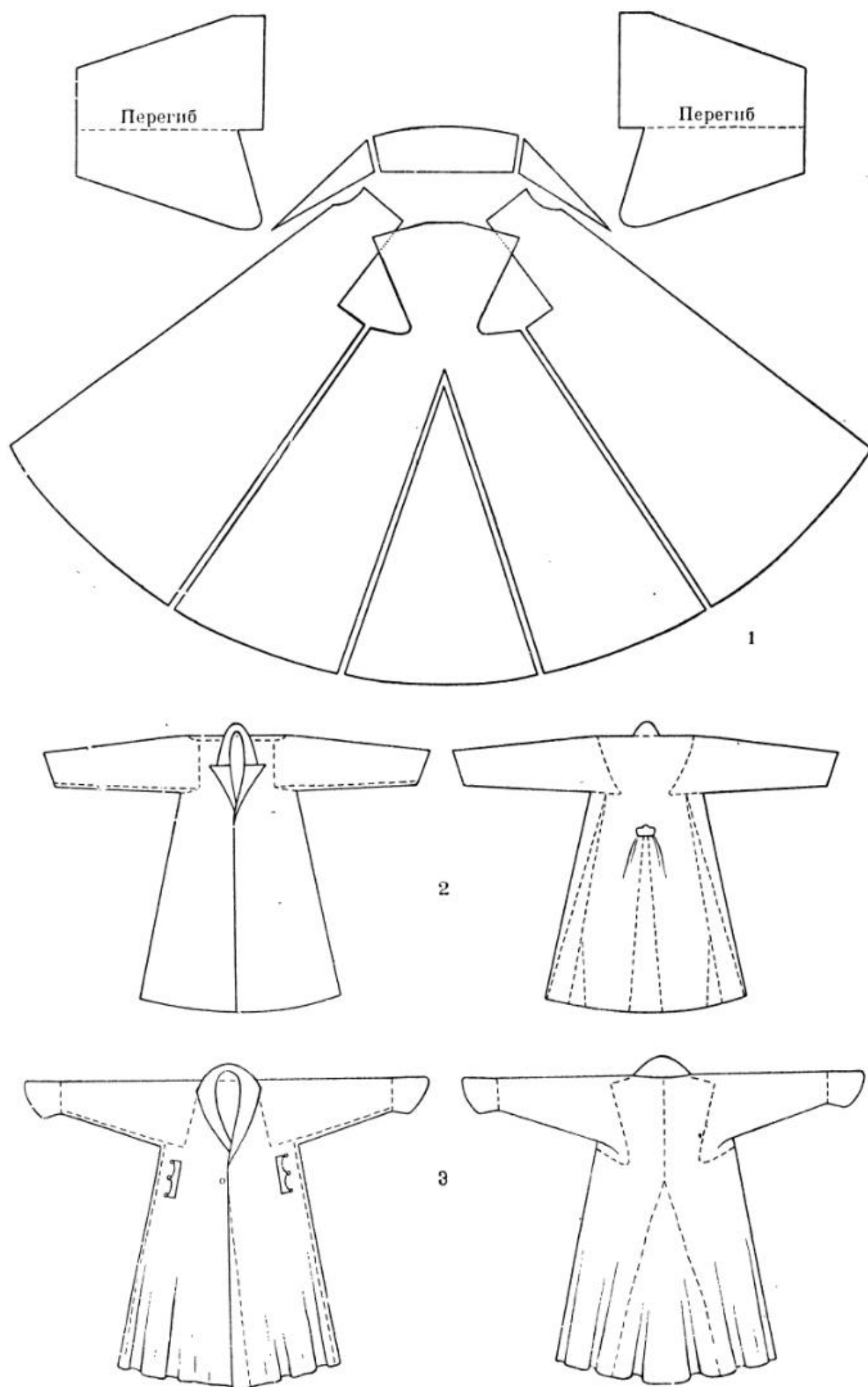

ТАБЛИЦА XI

В а р и а н т 2-й: 1 — раскрой; 2, 3 — чертежи-схемы (см. табл. 54, 2; табл. 55).

ТИП VI ЮЖНОСИБИРСКИЙ

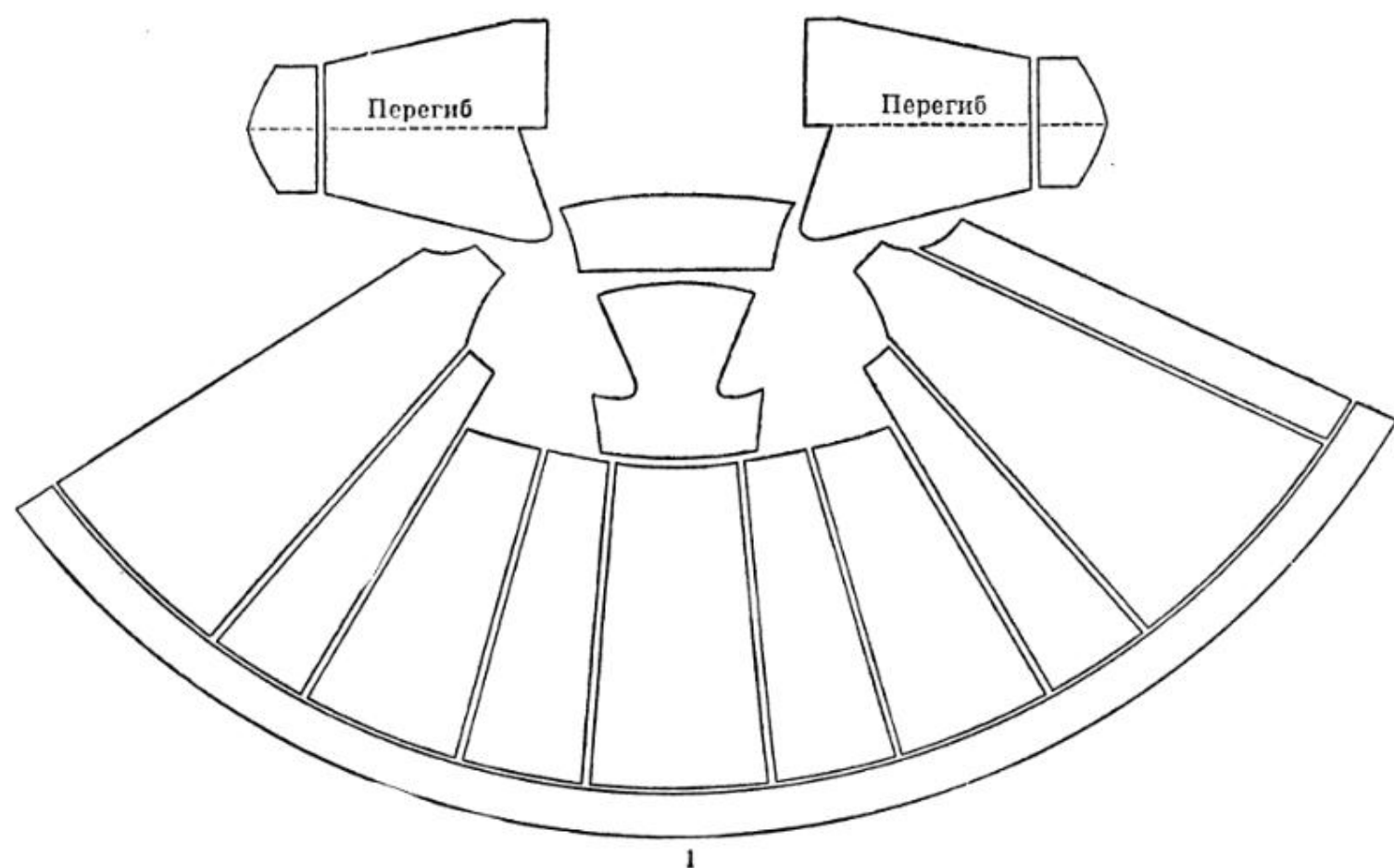

ТАБЛИЦА XII

В а р и а н т 3-й: 1 — раскрой; 2, 3 — чертежи-схемы (см. табл. 54, 1; табл. 53, 3).

ТИП VI. ЮЖНОСИБИРСКИЙ

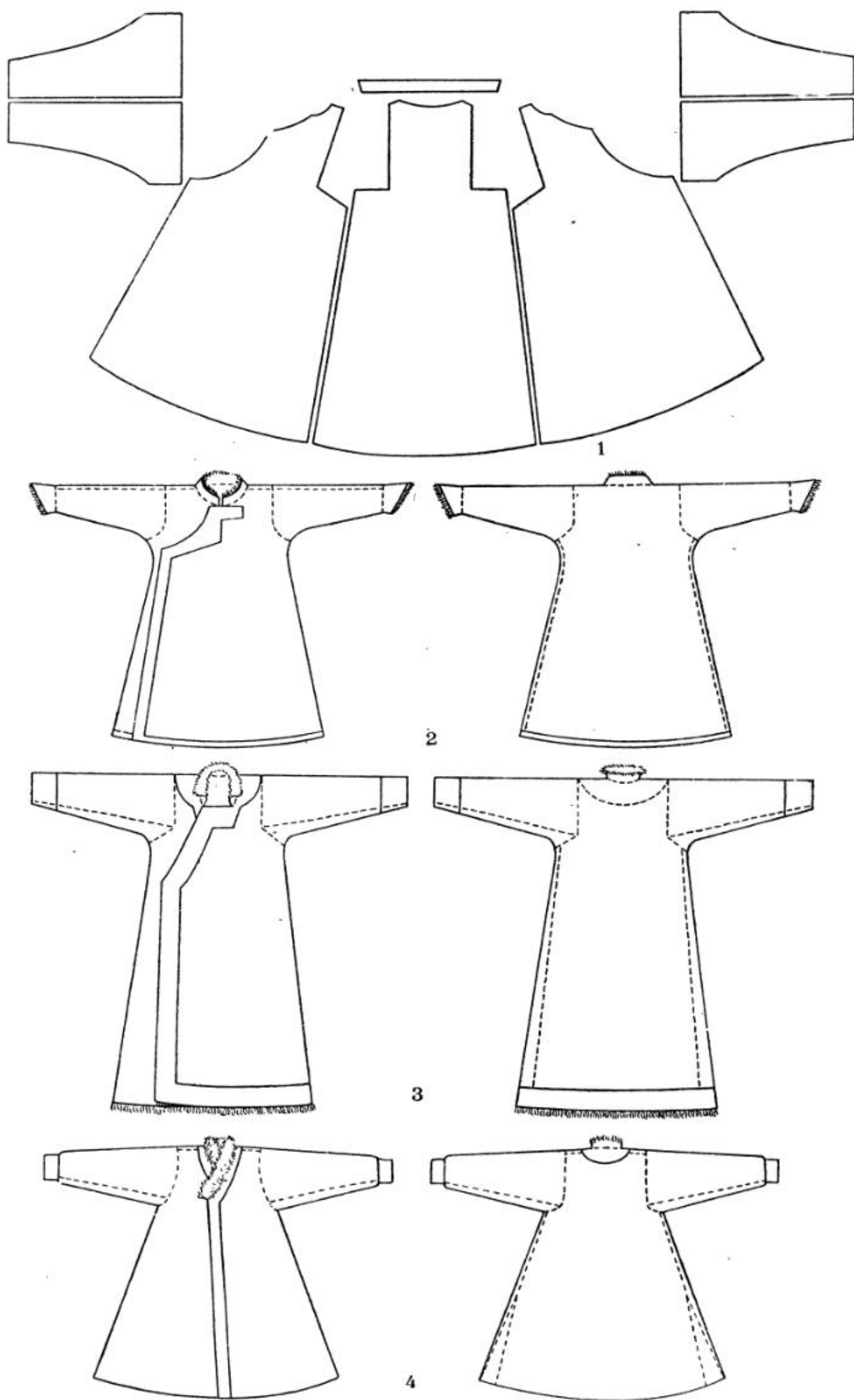

ТАБЛИЦА XIII

В а р и а н т 4-й: 1 — раскрой; 2—4 — чертежи-схемы (см. 58, 2; табл. 48, 1; табл. 60, 2).

ТИП VI. ЮЖНОСИБИРСКИЙ

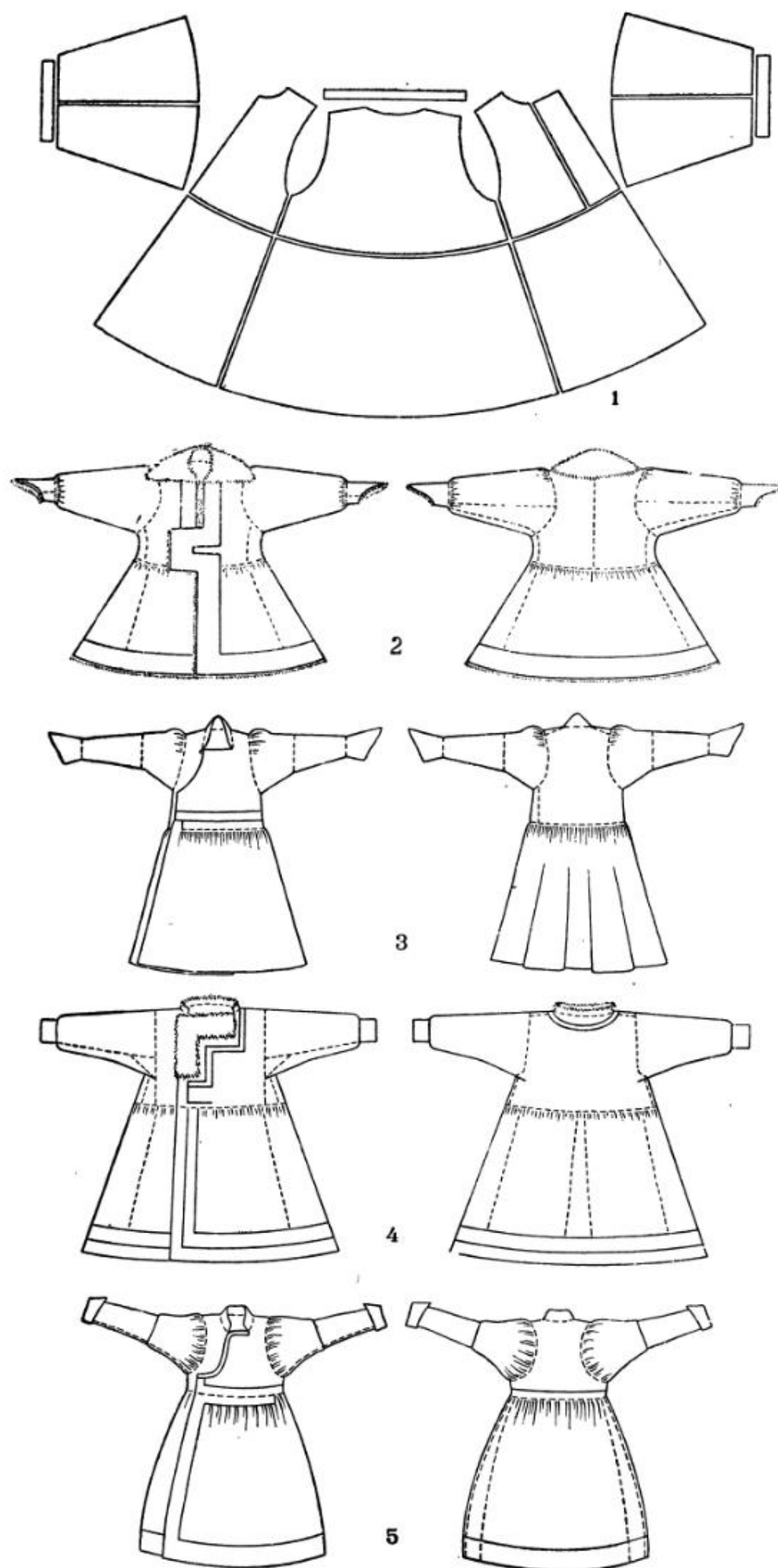

ТАБЛИЦА XIV

В а р и а н т 5-й: 1 — раскрой; 2—5 — чертежи-схемы (см. табл. 49, 2; табл. 18, 1; табл. 61, 1; табл. 63, 2).

ТИП VII. ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЙ

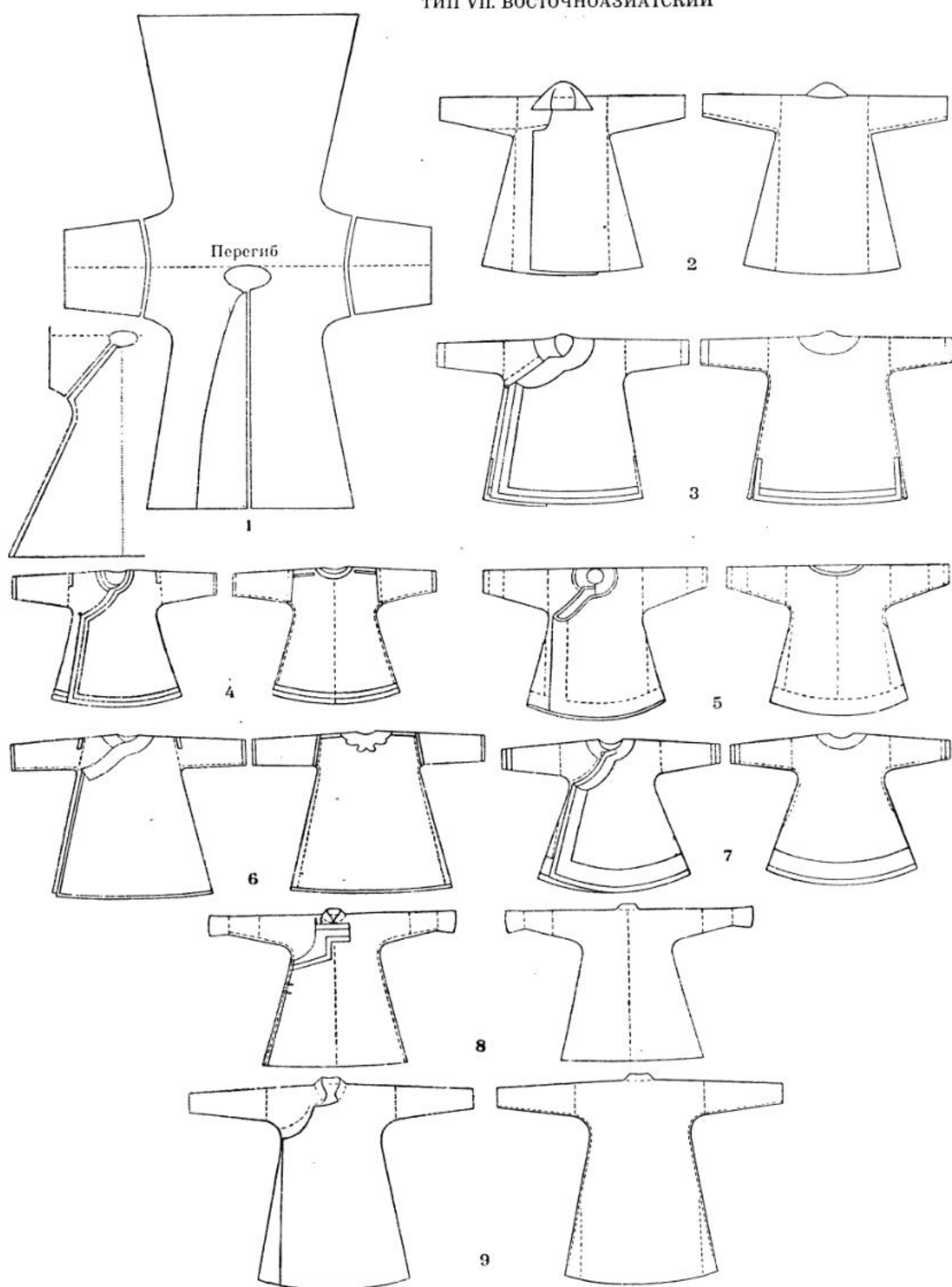

ТАБЛИЦА XV

В а р и а н т 1-й: 1 — раскрой; 2—9 — чертежи-схемы (см. табл. 49, 1; табл. 41, 1; табл. 45, 2; табл. 44, 1; табл. 38, 2; табл. 43, 1; табл. 63, 1; табл. 59, 1).

ТИП VII. ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЙ

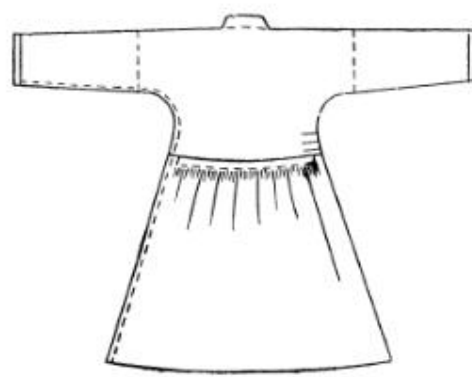
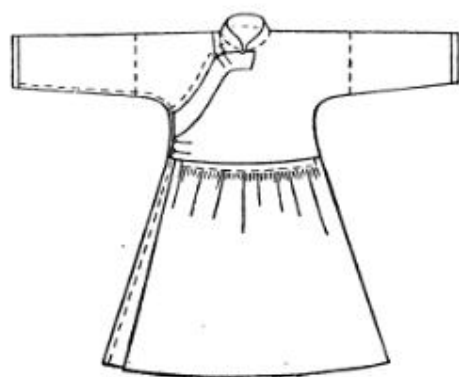
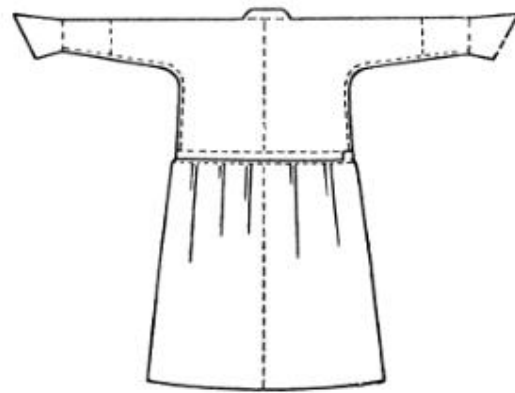
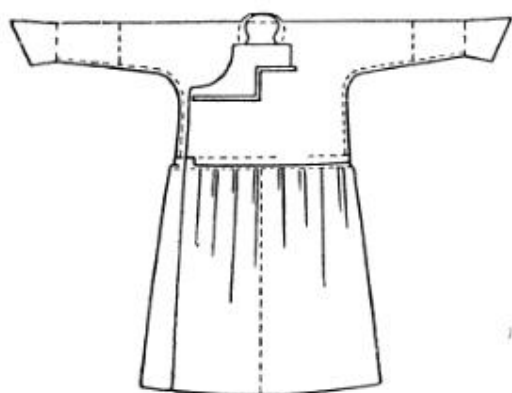
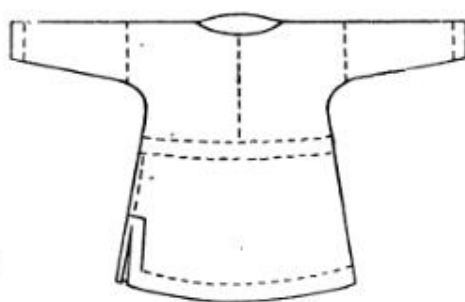
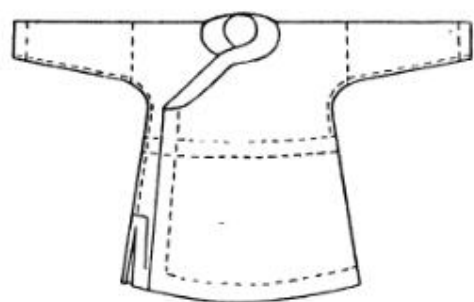
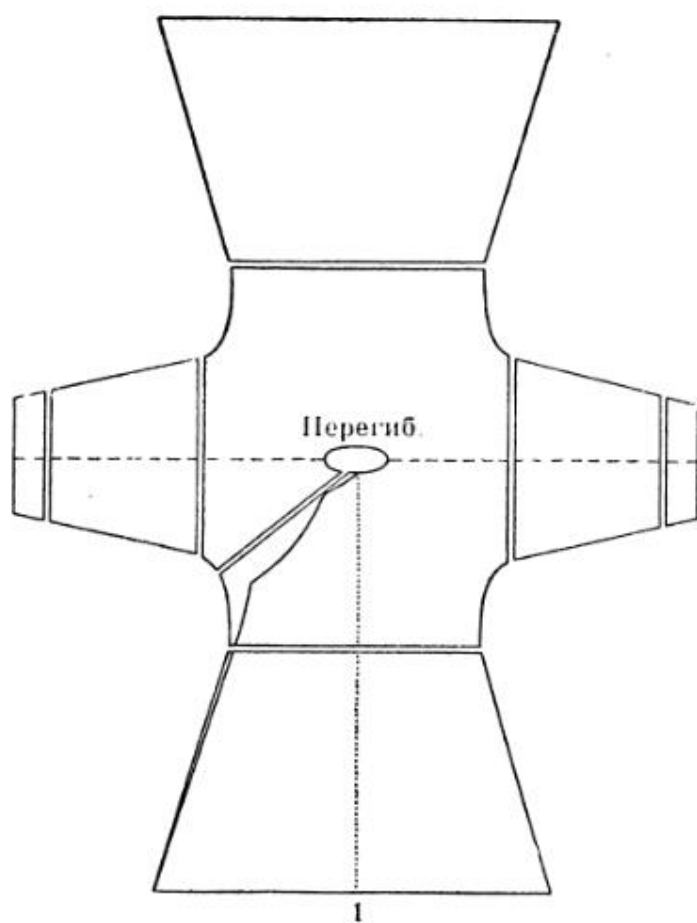

ТАБЛИЦА XVI

В а р и а н т 2-й: 1 — раскрой; 2—4 — чертежи-схемы (см. табл. 44, 2; табл. 18, 2; табл. 64, 2).

ТИП VIII. СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ (МУЖСКАЯ ОДЕЖДА)

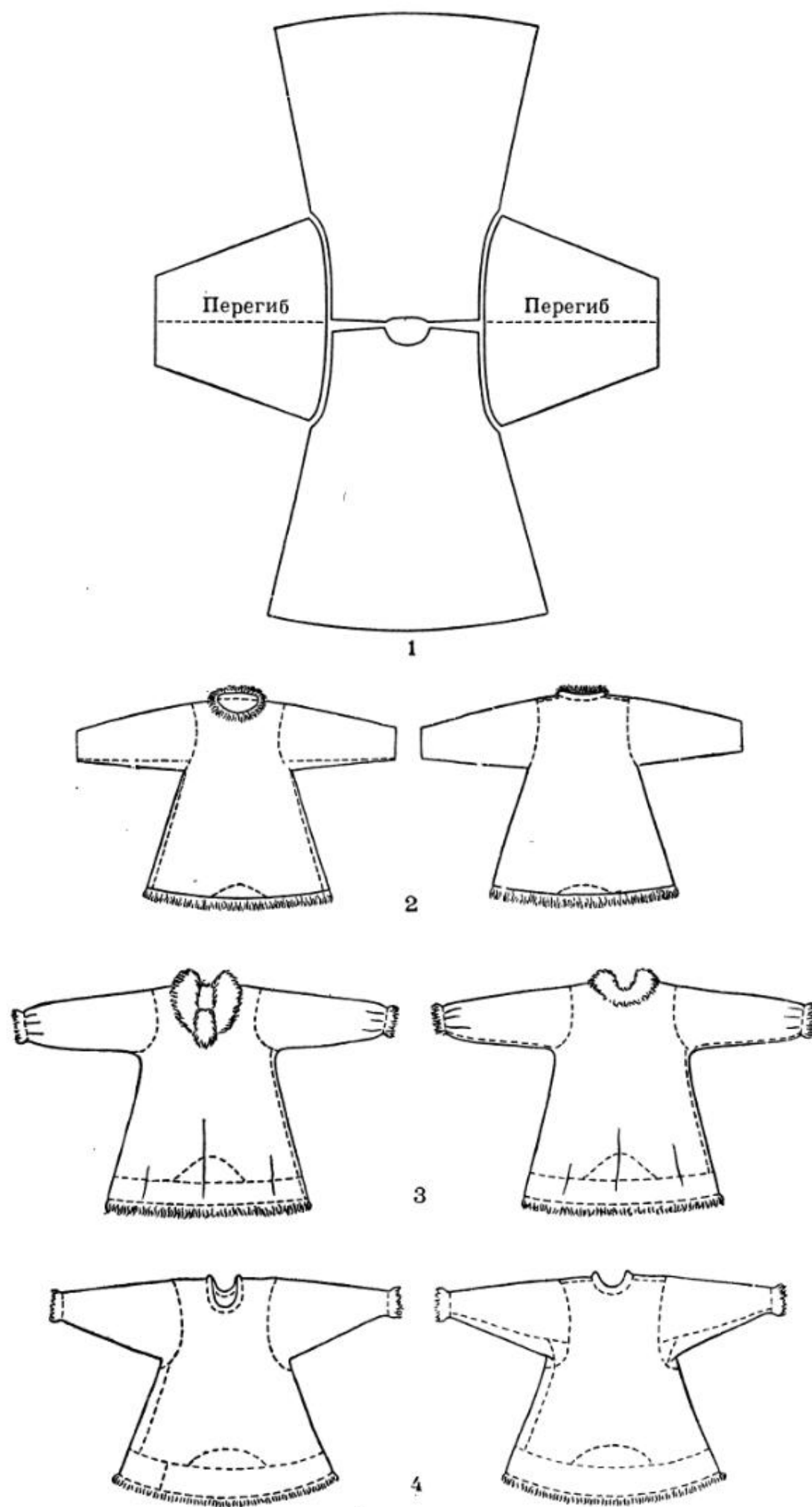

ТАБЛИЦА XVII

1 — раскрой; 2—4 — чертежи-схемы (см. табл. 31, 1а; табл. 34, 1б; табл. 34, 1а).

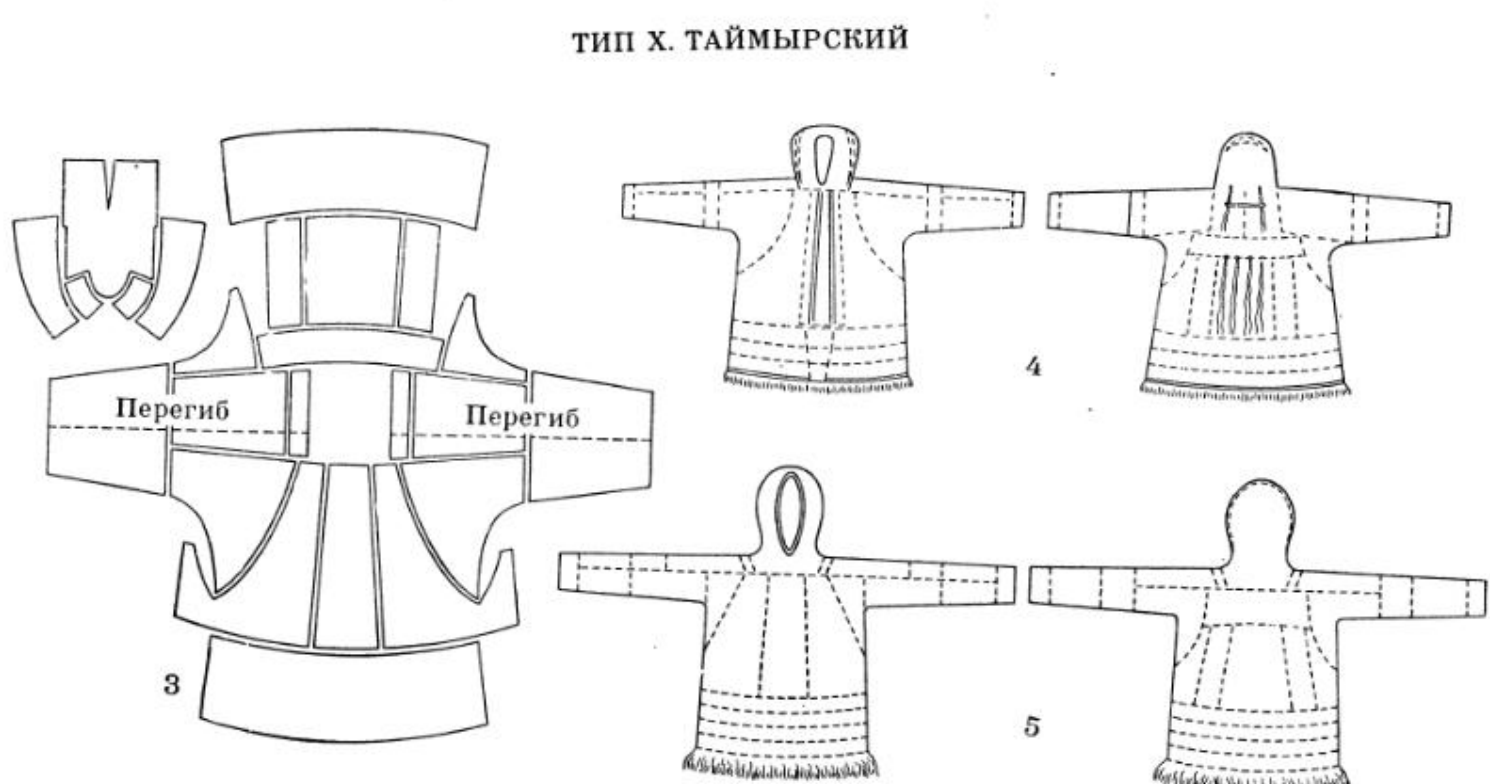
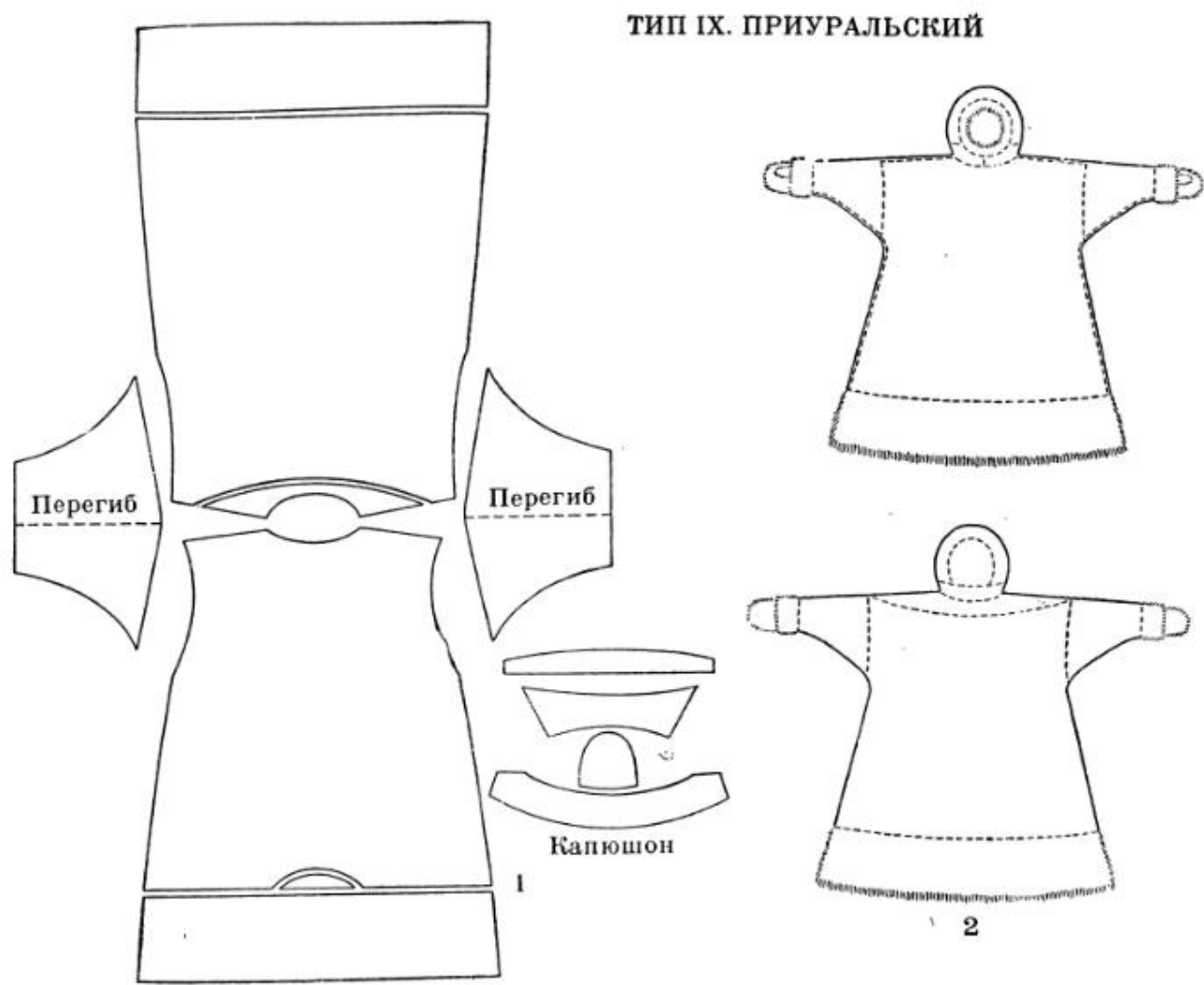

ТАБЛИЦА XVIII
 1 — раскрой; 2 — чертеж-схема (см. табл. 1, 1); 3 — раскрой; 4, 5 — чертежи-схемы (см. табл. 21, 2; табл. 21, 1).

ТИП XI. ЧУКОТСКО-КАМЧАТСКИЙ

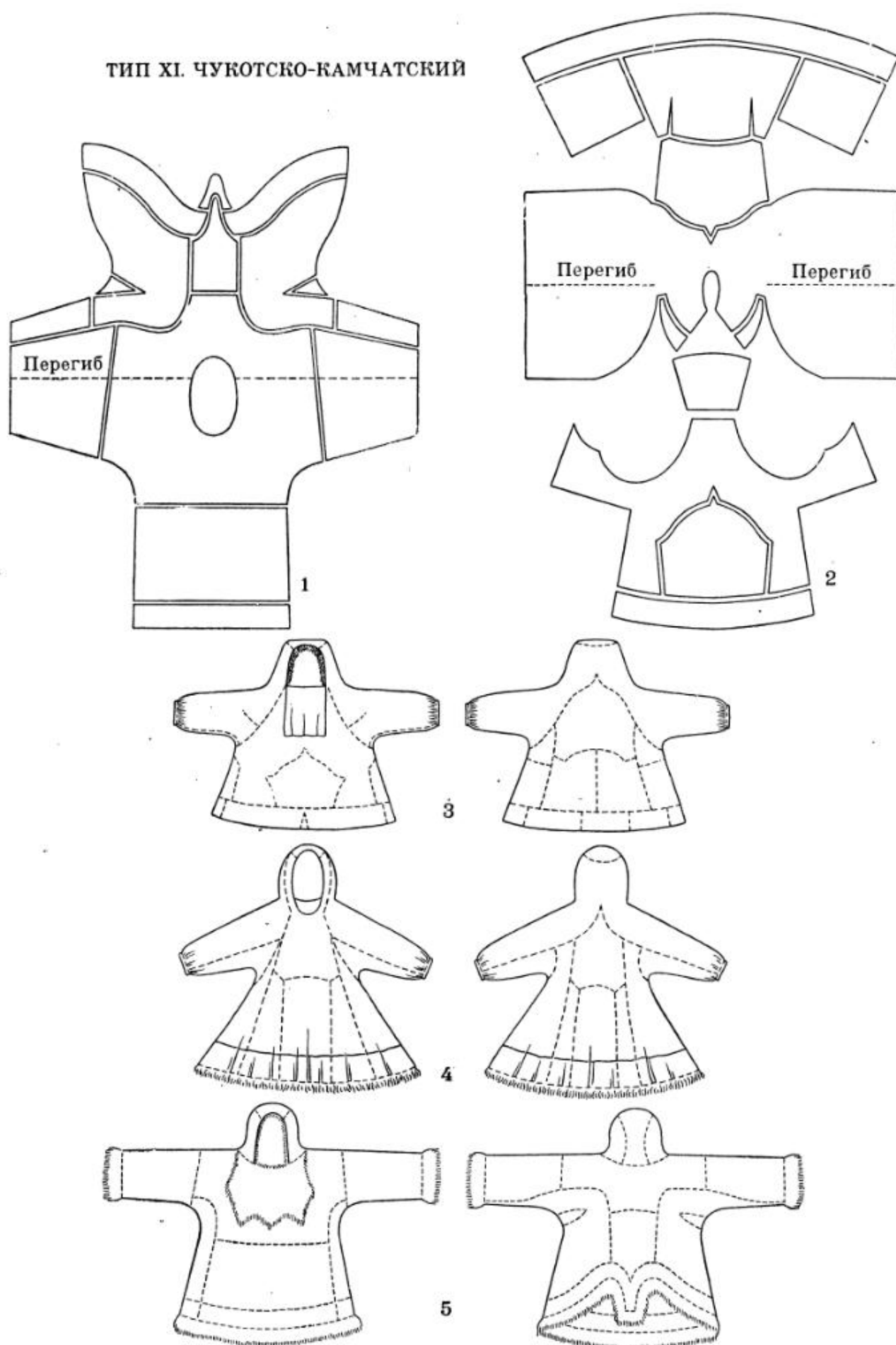

ТАБЛИЦА XIX

1, 2 — раскрой; 3—5 — чертежи-схемы (см. табл. 35, 2; табл. 33, 1; 33, 2).

ТИП XII. СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ (ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА)

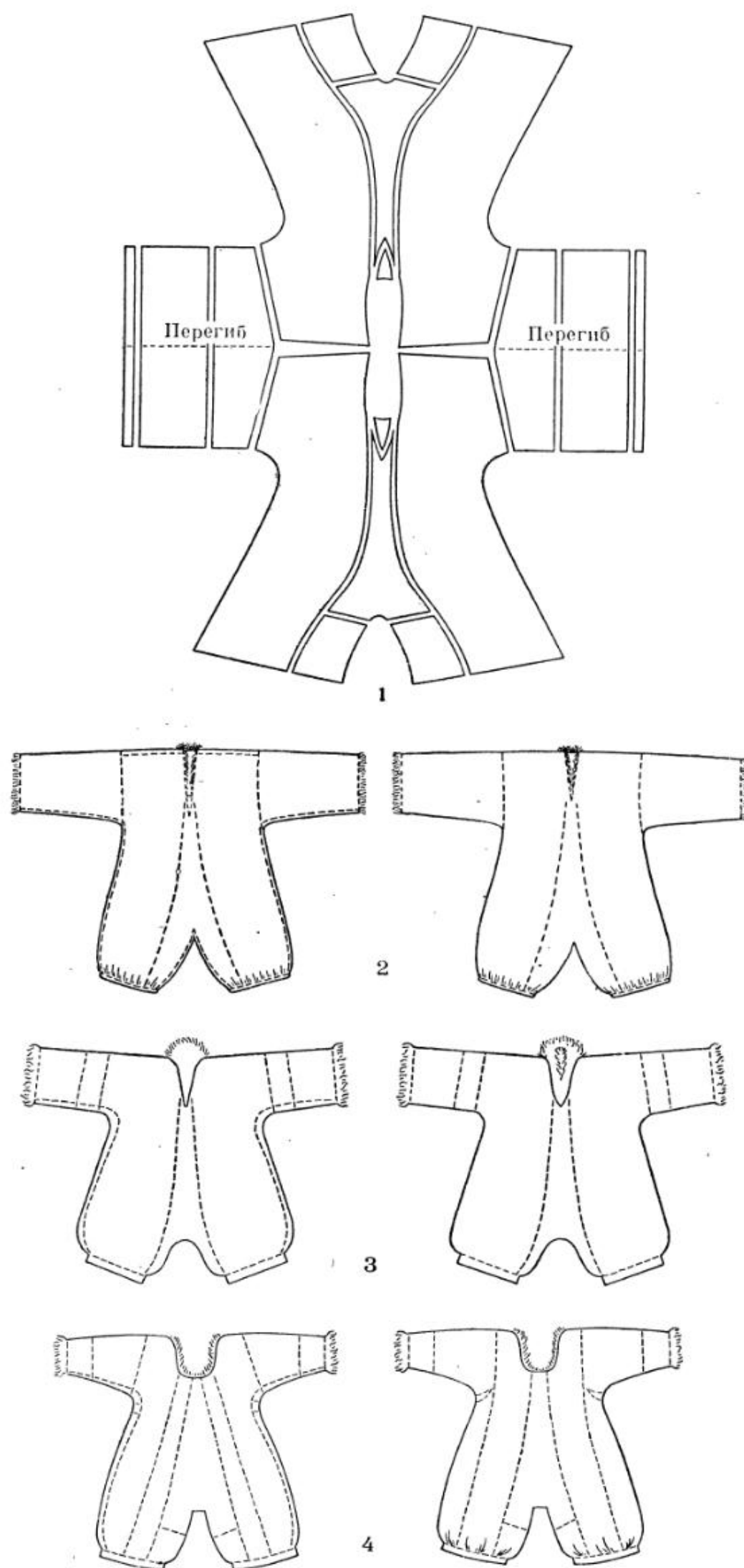
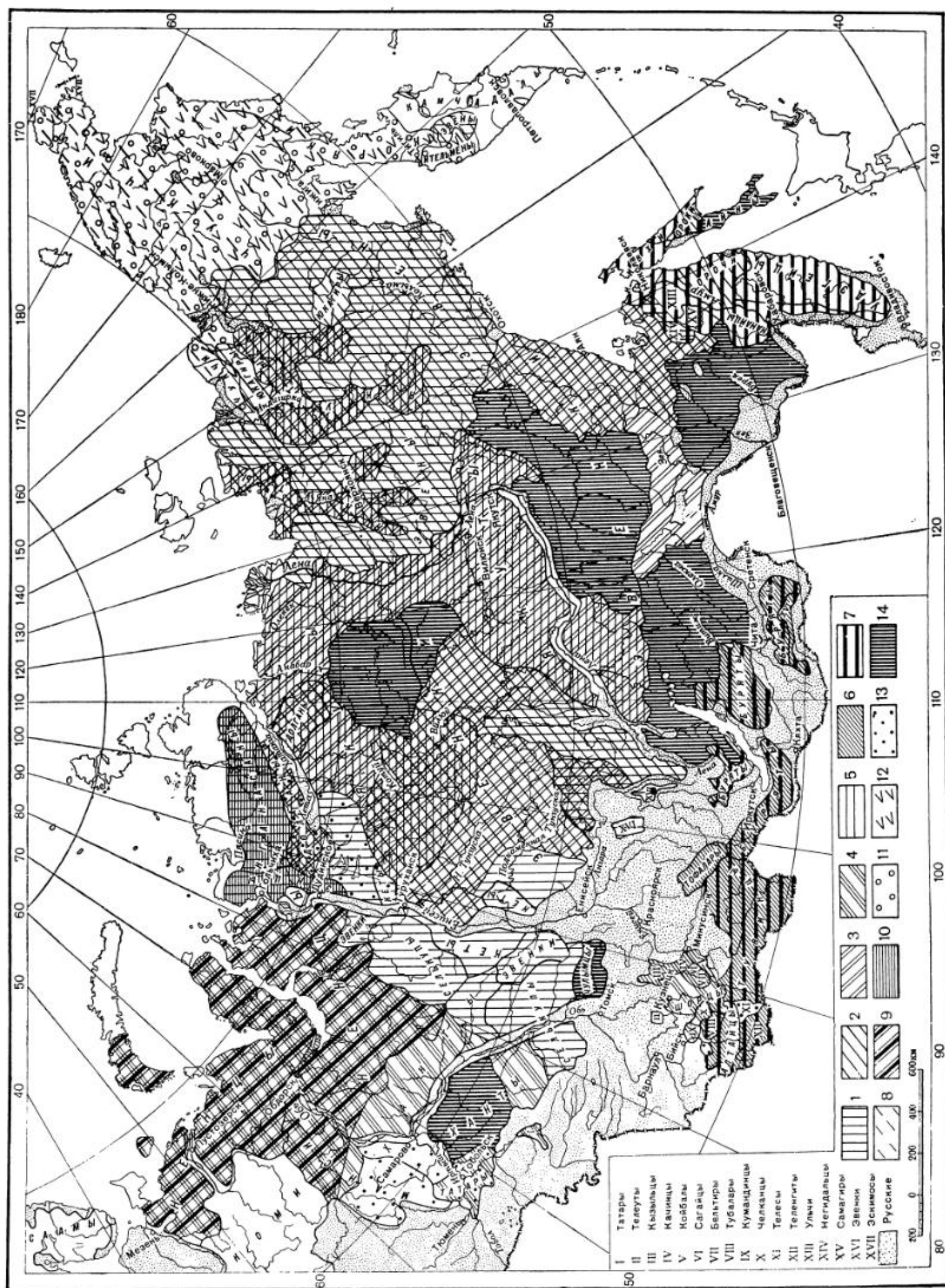

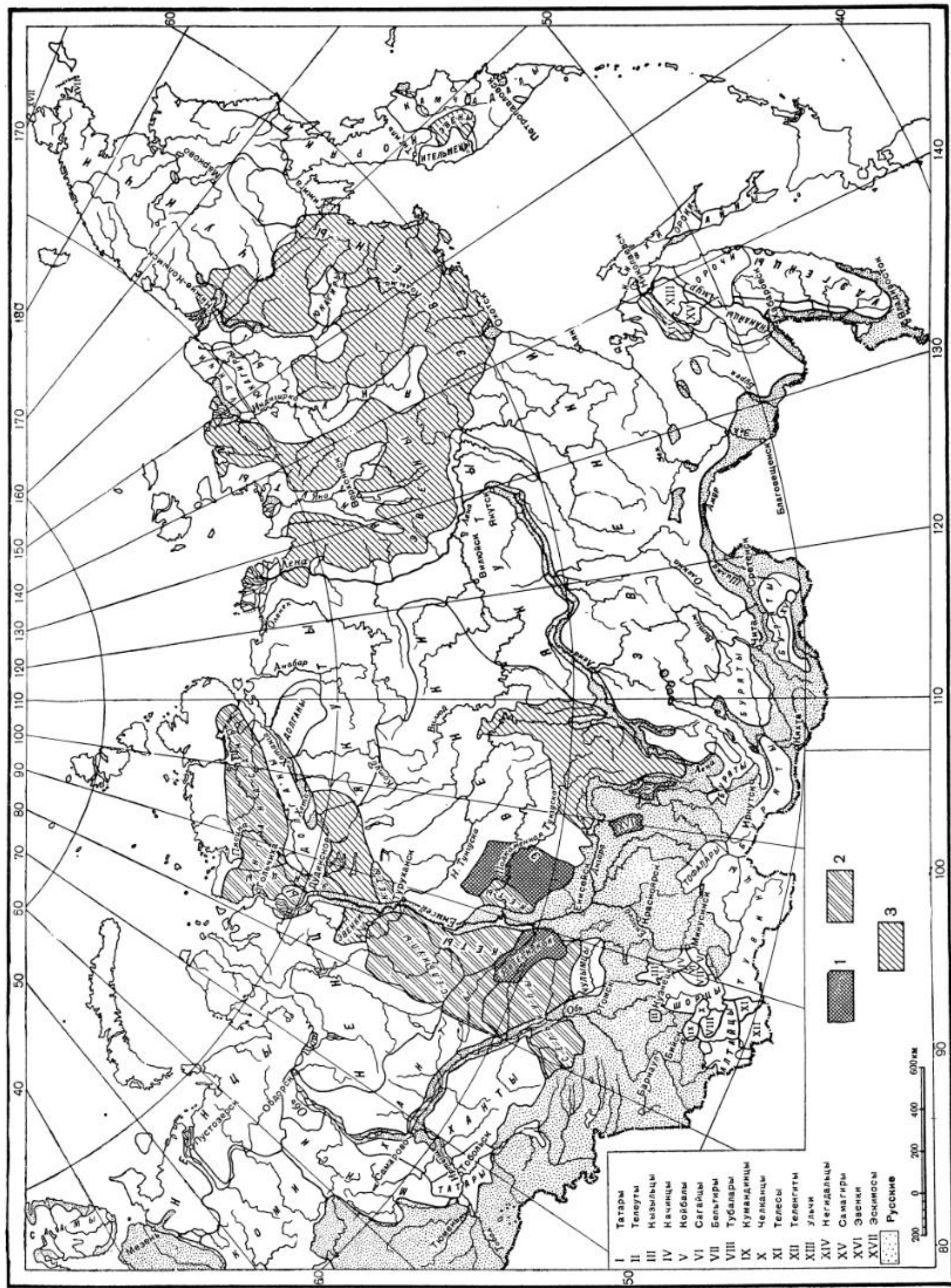
ТАБЛИЦА XX

1 — раскрой; 2—4 — чертежи-схемы (см. табл. 32, 1а; табл. 32, 1б; табл. 35, 3).

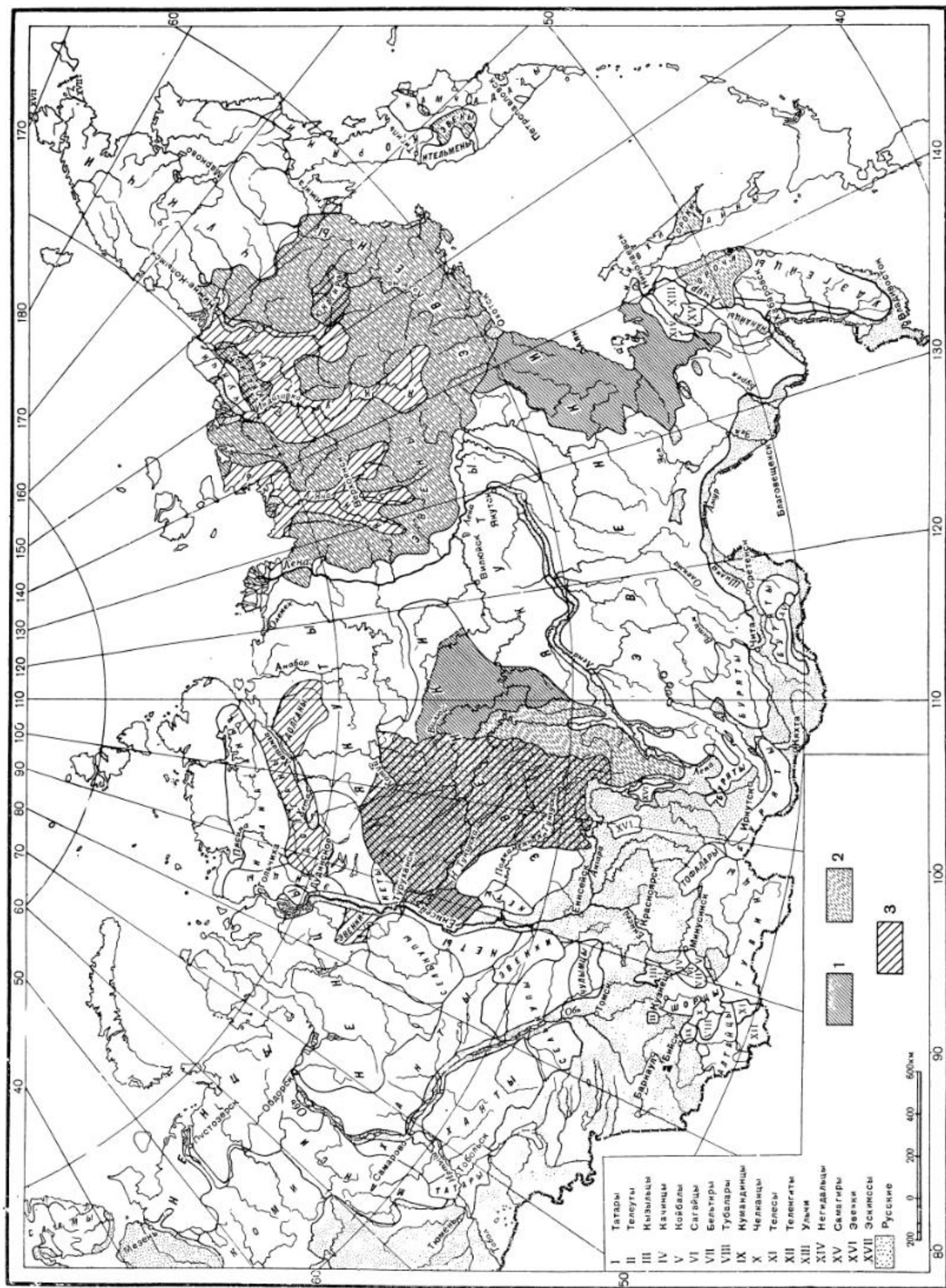
КАРТА 1. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТИПОВ ВЕРХНЕЙ ОДЕЖДЫ

Распространение: 1 — енисейский; 2 — восточносибирский; 3 — среднеазиатский; 4 — западносибирский; 5 — ленский; 6 — южносибирский; 7 — восточносибирский; 8 — северо-восточный (мужская одежда); 9 — приуральский; 10 — таймырский; 11 — чукокно-нахский (женская одежда); 12 — северо-восточный (женская одежда); 13 — ненецкий; 14 — ненецкий (мужская одежда); 15 — ненецкий (женская одежда); 16 — ненецкий (мужская одежда); 17 — ненецкий (женская одежда); 18 — ненецкий (женская одежда).

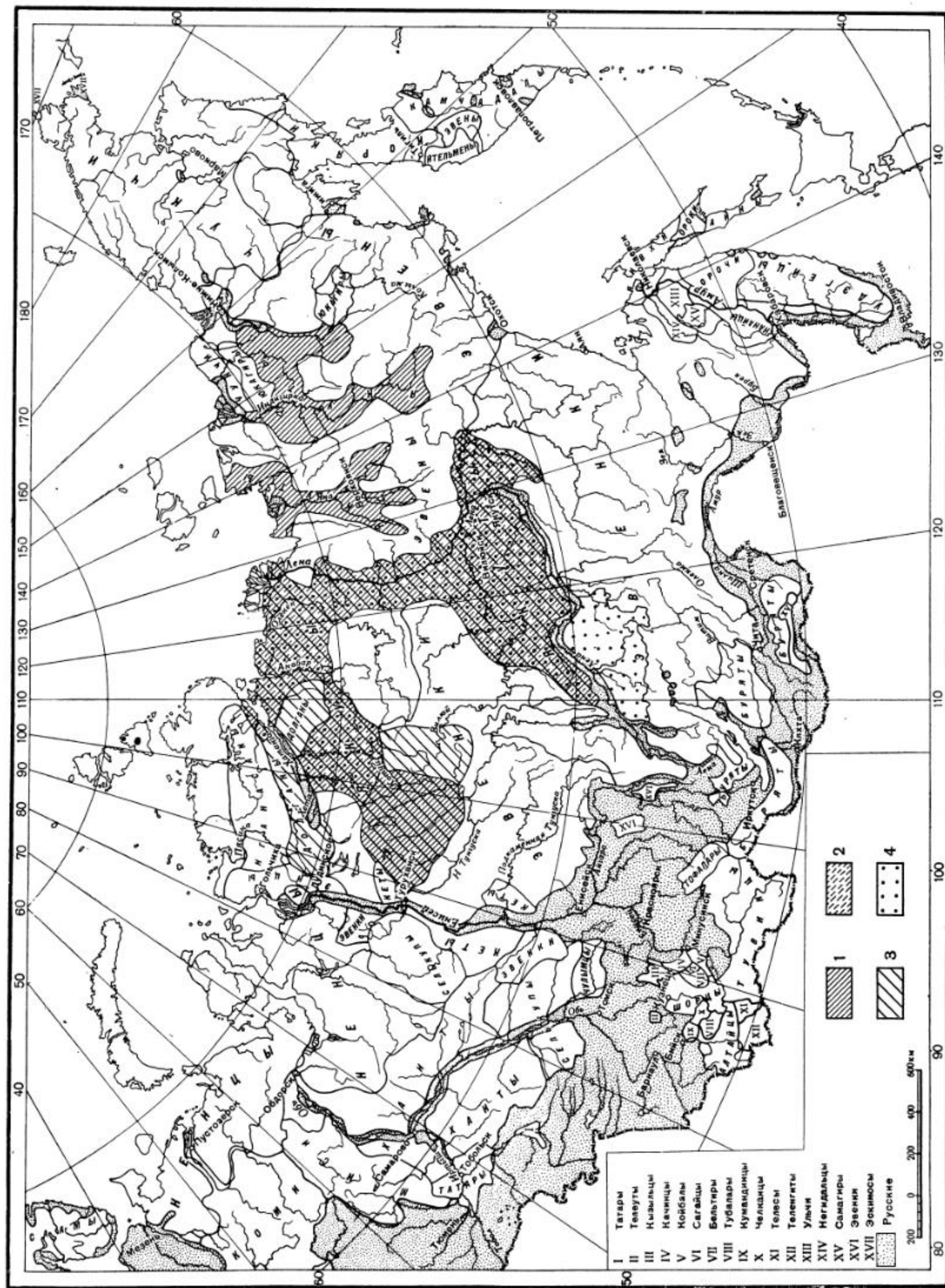
КАРТА 2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВАРИАНТОВ ВЕРХНЕЙ ОДЕЖДЫ ЕНИСЕЙСКОГО ТИПА

1 — вариант 1-й; 2 — вариант 2-й; 3 — вариант 3-й.

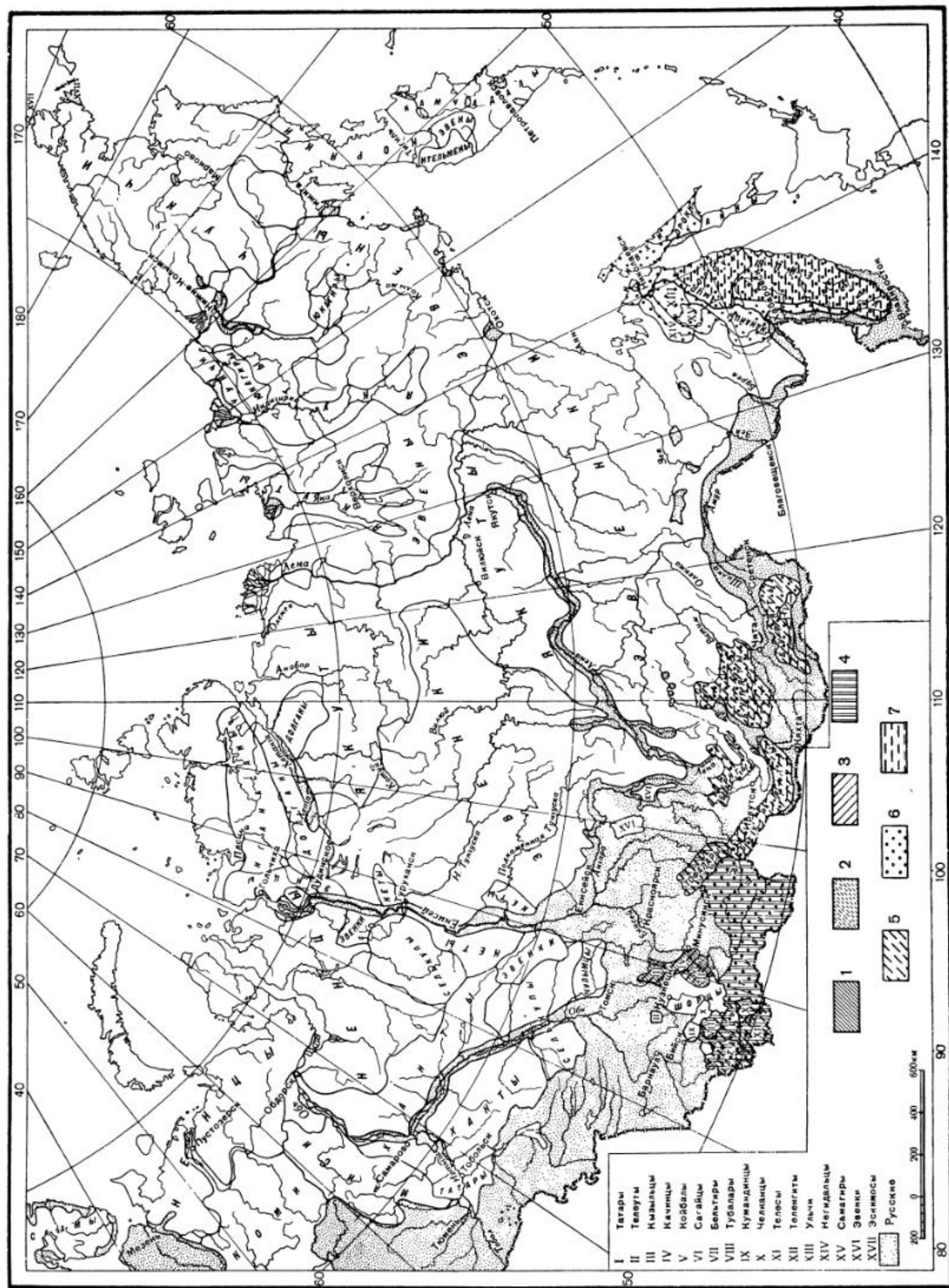

КАРТА 3. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВАРИАНТОВ ВЕРХНЕЙ ОДЕЖДЫ ВОСТОЧНОСИБИРСКОГО ТИПА

1 — вариант 1-й; 2 — вариант 2-й; 3 — вариант 3-й.

КАРТА 4. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВАРИАНТОВ ВЕРХНЕЙ ОДЕЖДЫ ЛЕНСКОГО ТИПА

КАРТА 5. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВАРИАНТОВ ВЕРХНЕЙ ОДЕЖДЫ ЮЖНОСИБИРСКОГО И ВОСТОЧНОАЗИАТСКОГО ТИПОВ

Южносибирский тип: 1 — вариант 1-й; 2 — вариант 2-й; 3 — вариант 3-й; 4 — вариант 4-й; 5 — вариант 5-й.
Восточноазиатский тип: 6 — вариант 1-й; 7 — вариант 2-й.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

В этнографической литературе по народам Сибири описанию головных уборов уделено значительное внимание, но, к сожалению, оно целиком направлено на описание их внешнего вида, т. е. материала и украшений. Совершенно отсутствуют или весьма скудны сведения о покрое головных уборов, о способах их ношения, о дифференциации по социальному признаку и т. д.¹

В конце XIX и начале XX в. головными уборами народов Сибири являлись капоры, шапки, шляпы, колпаки, тюбетейки, повязки и платки. Капором принято называть мягкий головной убор, облегающий всю голову, иногда закрывающий даже шею. Шапка — головной убор, не

закрывающий уши, с мягкой тульей, большей частью круглой формы, с отворотом или околышем (наушники выкраиваются отдельно и пристегиваются или пришиваются к шапке). Шляпа — головной убор с твердой тульей и с широкими или узкими полями. Колпак — головной убор с мягкой конусовидной тульей, большей частью свисающей вниз.

Для классификации головных уборов взяты повседневные, наиболее типичные их формы. Капюшоны, наглухо пришитые к верхней глухой одежде, как самостоятельные головные уборы не рассматриваются, так как они являются составной частью одежды.

I

Ненцы. Летом как мужчины, так и женщины никаких головных уборов не носили.

Зимой у всех групп ненцев мужским головным убором служил капюшон, пришитый к глухой верхней одежде (малице). Исключение составляла группа ненцев Канинской и Тиманской тундр, где малицу шили без капюшона, а на голову надевали высокую круглую шапку, спитую из оленьего меха, на подкладе из того же меха, с короткими «ушами», украшенную по швам полосками цветного сукна (табл. 1, 1).

Женским головным убором у всех групп ненцев, за исключением канинских, являлся меховой капор (табл. 1, 2). Капор этот состоял из трех частей: одна широкая полоса меха проходила поперек теменной части головы и по бокам спускалась до шеи, другая приходилась на макушке и третья прикрывала шею сзади. Шили капоры из тонкого оленьего меха (пешки). Делали их двойными, т. е. на подкладе обычно из оленьего меха, лебяжьих шкурок и иногда из меха песца. Спереди по краю капора, вокруг лица, пришивали пышную опушку из песцового хвоста, из собачьего меха, из белого оленьего меха, реже из меха россомахи. Все три части капора обычно соединяли между собой орнаментированными полосами, выполненными техникой мозаики из меха двух цветов, а в швы прокладывали узкие кантики из красного сукна. Затылочную часть выкраивали из шкурки с головы олененка, так и в носовую часть ее обычно вшивали треугольный кусочек из оленьего меха другого тона, чем

шкурка; в глазные отверстия вшивали белые или темные кусочки меха в зависимости от цвета шкурки; эти вставки окантовывали по швам узкими цветными суконными кантиками. К отверстиям от рожек или к основаниям отрезанных ушей пришивали кисточки из цветных суконных полосок. Сзади, по нижнему краю капора, пришивали или привязывали к специально пришитым ровдужным петлям подвески, состоящие из крупных цветных бус, пронизок из медных трубочек и круглых металлических литых блях с разными изображениями. Такой же капор бытовал и у восточных ненцев, но с некоторыми изменениями: сохраняя пышную опушку из песцового хвоста и тяжелые металлические подвески, спускающиеся на спину, верх капора делали из цветного сукна (красного, черного и желтого цветов) (табл. 1, 3).

Женский головной убор, бытовавший у канинских ненцев, представлял собой капор (табл. 1, 4), спитый из двух полукруглых кусков тонкого оленьего меха. В шов вшивали треугольные кусочки сукна красного и желтого цветов в виде кисточек. Капор завязывали под подбородком с помощью узкой цветной тесьмы, продернутой в его край. К нижнему краю, по бокам (за ушами), пришивали украшение — две длинные подвески (длиной около 1 м), скрепленные между собой массивной медной цепочкой. Подвески были на подкладе из черного сукна. Каждая из них состояла из чередующихся рядов мелких полосок, белого оленьего меха, полосок цветного сукна (красного и зеленого цветов), кусочков мозаики, выполненной из меха темного и белого цветов и кисточек из красного и желтого сукна.

В начале нашего века подобный головной убор бытовал у иоканьских саамов в качестве детского головного убора (рис. 1). Можно предположить, что это один из старинных головных уборов саамов, сохранившийся только в детской одежде; он был заимствован от них ближайшей группой ненцев.

¹ Для написания данного раздела были использованы литературные источники; предметы и описи коллекций Музея антропологии и этнографии АН СССР, Государственного музея этнографии народов СССР и коллекции б. Центрального музея народоведения, входящие ныне в его фонды, а также полевые материалы, как личные, так и принадлежащие другим лицам.

В подборе материала и в первичной обработке его принимала участие В. Б. Астановская.

Ханты и манси. У северных групп хантов и манси мужчины головных уборов не носили. Зимой защитой от сильных морозов был капюшон глухой одежды (малицы), в менее сильные холода обычно отброшенный на спину.

У северной группы манси (на р. Сосва) наряду с капюшоном малицы существовал и другой зимний мужской головной убор в виде мехового капора, сшитого из двух частей: широкой меховой полосы, проходящей поперек теменной части головы, и отдельно выкроенного куска полукруглой формы, закрывающего затылочную часть

Рис. 1. Детский головной убор. Самы.

головы. Капоры эти делали двойными из оленьего меха; длинные меховые лопасти, пришитые к капору, украшали меховой мозаикой двух тонов (белого и темного). На концах лопастей пришивали бахрому из полосок цветного сукна (табл. 2, 1). У этой же группы манси были распространены капорообразные коми-зырянские шапки, сшитые большей частью из оленьих камусов. Длинные лопасти этих шапок манси в отличие от коми-зырян украшали меховой мозаикой (табл. 2, 2). Капоры описанного выше покроя, но с короткими «ушками», иногда делали из собольих лапок и шкурок гагар (табл. 2, 3).

Женскими зимними головными уборами у манси были меховые капоры двух покроев. Один капор был покроя, широко распространенного у ненцев. Состоял он из трех частей: одна широкая полоса меха проходила поперек теменной части головы и по бокам спускалась до шеи; вторая закругленная часть покрывала макушку и третья часть прикрывала шею сзади (табл. 3, 1). В отличие от ненцев манси делали свои капоры и с матерчатым верхом на подкладе из оленьего меха.

Женский капор манси другого покроя состоял из двух частей: меховой полосы, проходящей поперек головы, и полукруглого куска, закрывающего затылок. Делали его

из целой шкуры росوماхи с песцовой опушкой на подкладе из меха росوماхи или из оленьего. На затылочной части вшивали полукруглый кусочек красного сукна. По нижнему краю капора, сзади, привязывали медные бляхи (табл. 3, 2). Подобные капоры у ненцев являлись головными уборами невест и свех.

Южные ханты и манси, а также восточные ханты в качестве летнего мужского головного убора употребляли ситцевые платки, иногда они носили покупные картузы или самодельные фуражки-бескозырки.

Зимой у южных хантов мужчины носили самодельные шапки из оленьего меха, имитировавшие русские головные уборы того времени. У восточных хантов мужчины носили капоры (табл. 3, 3). Делали их из широкой меховой полосы, проходящей поперек головы, и отдельно скроенного полукруглого куска, покрывающего затылок. Капоры шили из разного меха и из птичьих шкурок (табл. 3, 4). Будничные капоры делали из заячьего меха; праздничные — из оленьего меха, меха колонка, белчих и лисьих лапок и т. п.; украшали их полосками сукна с вышивкой из бисера. Завязывали капор под подбородком с помощью длинных ровдужных или кожаных ремешков, оканчивающихся кистями из бус и суконной бахромы.

Ваховские ханты повязывали голову шалью, концы которой перекрещивали на груди и завязывали на спине.

Женским зимним головным убором у северной группы хантов (обдорских, казымских) являлся меховой капор, заимствованный ими у ненцев (табл. 4, 1). Шили его из оленьего меха, большей частью темного цвета, опушка вокруг лица была из оленьего длинношерстного меха или из песцового хвоста. Капор украшали орнаментированными полосками меха двух цветов, выполненными техникой мозаики. Теменную и затылочную части капора делали из шкурки с головы олененка. На этой шкурке зашитые отверстия от глаз, ушей и рожек украшали полосками белого и красного сукна. К нижнему краю головного убора пришивали тяжелые металлические подвески, спускающиеся на спину. Они состояли из крупных медных пронизок и разнообразных блях.

У других групп хантов специального зимнего женского головного убора не было, обычно зимой голову покрывали и повязывали большой шалью.

Что касается летних женских головных уборов, то как у хантов, так и у манси в конце XIX и начале XX в. летним головным убором являлся платок.

У северных хантов в прошлом в качестве девичьего бытовал особый головной убор, представлявший собой «венец»: полоса из красного сукна охватывала голову, к ней пришивались перекрещивающиеся полоски, проходящие по голове (табл. 4, 2). Весь убор вышивался бисером. В начале XX в. его носили только маленькие девочки.

У южной группы хантов (рр. Иртыш, Салым) еще в начале нашего века бытовали женские головные повязки, надеваемые под платок. Они назывались *сарават* (ср. татарское *сарауц*) (табл. 4, 3). Такая повязка состояла из полосы бумажной ткани, которая охватывала голову и завязывалась на затылке. Спереди на нее нашивали полоску сукна или бумажной ткани, вышитую бисером, а по краю этой полоски прикрепляли поднизь из цветного бисерного ажурного плетения.

Сибирские татары (тобольские).¹ Повседневным мужским головным убором татар являлась маленькая шапочка полусферической формы, с плоским верхом, так называемая «тюбетейка» (табл. 5, 1). Тюбетейки делали большей частью из цветного бархата на подкладе из бумажных тканей; бархат сплошь зашивали золотым шитьем и позументом. Летом поверх тюбетейки надевали суконную или войлочную круглую шапку, зимой — меховую. Тулью шапки сшивали из четырех прямоугольных, одинаковой величины клиньев с заостренной одной стороной. Зимние шапки шили из белой овчины, покрывали черным сукном; по нижнему краю пришивали узкую опушку из меха выдры (табл. 5, 2).

У женщин головным убором были колпак и налобная повязка. Эти головные уборы теперь употреб-

¹ Материалы по другим группам сибирских татар как в литературе, так и в музеях отсутствуют.

ляются только как праздничные. Колпаки с твердым околышем делали в виде мешка. Их вязали из шерсти или шили из шелковых и бархатных тканей. При надевании закругленную часть колпака закидывали набок или назад. Вышивали колпаки шерстью, синелью, серебряной ниткой, бисером и жемчугом (табл. 5, 3). Налобную повязку (*сарауц*) делали большей частью из бархата, покрытого вышивкой золотой или серебряной нитью (табл. 5, 4). Поверх колпака и повязки надевали платок. Женщины носили еще маленькие круглые шапочки из бархата, которые покрывали также платком или тюлем.

Селькупы. К сожалению, мы не располагаем материалом по всем группам селькупов, поэтому приведем лишь отдельные сведения о головных уборах этого народа.

Как у женщин, так и у мужчин летом основным головным убором являлись легкие платки, зимой — теплые шали.

У байшинских селькупов мужчины зимой носили меховой капор (табл. 6, 1). Шили его из широкой меховой полосы, которая перекидывалась поперек головы, и отдельно скроенной части полукруглой формы, покрывающей затылок. Материал, из которого шили капоры, был весьма разнообразен: шкурки оленят, мех с песцовых и беличьих лапок и шкурки, снятые с шеек гагар. Вместо завязок пришивали длинные суконные полосы, на которые снаружи нашивали чередующиеся полосы из темного и белого меха.

У нарымских селькупов мужским головным убором являлись круглые шапки, сшитые из крестьянского домогканного сукна, с тульей из трех клиньев и широким околышем-отворотом (табл. 6, 2).

Кеты. У кетов, как и у селькупов, головными уборами мужчин и женщин были покупные платки и шали. У курейских кетов как мужчины, так и женщины носили капор. Он состоял из двух частей: широкой полосы, проходящей поперек головы, и отдельно выкроенного куска полукруглой формы, закрывающего затылок. Кроме того, у кетов встречался мужской капор иного покрова. Он состоял из трех меховых частей: продольной, покрывающей темя и затылок головы, и двух боковых лопастей, защищающих щеки и уши (табл. 6, 3).

Эвенки. В конце XIX и начале XX в. у всех групп эвенков основным головным убором являлся капор различных покровов. Капор у эвенков был как мужским, так и женским головным убором, различия между ними заключались в основном лишь в количестве украшений. В прошлом головной убор эвенков представлял собой целую шкурку, снятую с головы животного, причем сохраняли не только уши, но и молодые рога. Этот головной убор носил название *мета*, т. е. «шкура с головы оленя», и был широко распространен у эвенков. В описываемое нами время у эвенков в бассейнах рр. Нижняя и Подкаменная Тунгуски еще бытовали грубые и тяжелые капоры, сделанные из целой шкурки с головы оленя, причем отверстия от рогов и ушей большей частью не зашивали, а глазные отверстия плотно зашивали цветным сукном и бисером (табл. 7, 1).

Капоры других групп эвенков различались по районам. Так, у подкаменно-тунгусских и у илимпийских эвенков бытовал капор, сшитый из трех частей: продольная часть покрывала темя и затылок головы, боковые части закрывали уши (табл. 7, 2). Шили капоры обычно из оленьего меха и на меховом подкладе, иногда делали их и из сукна. Женские капоры, крытые сукном или тканью, украшали аппликацией из полосок цветной бумажной ткани.

У авамских эвенков капор имел иной покрой. Он состоял из двух частей: широкой полосы, положенной поперек головы, и отдельно выкроенного куска полукруглой формы, закрывающего затылочную часть. Капоры шили двойные (на подкладе), меховые; затылочную часть иногда делали из красного сукна, украшали бисерным шитьем (табл. 7, 3).

Капор вилюйских эвенков и по форме, и по покрою совпадал с капором эвенков. Он имел вид чепца, плотно облегающего голову, с полукруглой вставкой на макушке. Шили его из оленьего меха и ровдуги, без подклада; украшали цветным бисером, вышивкой оленьим волосом и полосками окрашенной кожи (табл. 7, 4).

Вообще, окраинные группы эвенков имели в своих головных уборах отдельные элементы, характерные для головных уборов их соседей. Так, например, у норильских эвенков (между нижним Енисеем и Нижней Тунгуской) капоры по покрою приближались к ненецким (табл. 8, 1); украшение капора черными, желтыми, зелеными и красными суконными полосками также характерно для одежды самодийских групп. У охотских эвенков существовали два разных типа капора. Один из них по покрою и по форме примыкал к эвенческому капору, второй по тем же признакам сближался с корякским. Капор эвенского покроя шили в виде чепца (табл. 8, 2). Летний делали из тонкого оленьего меха без подклада, украшали цветным бисером, шитьем из белого и окрашенного оленьего подшейного волоса и полосками цветной кожи; окантовку спереди делали из короткошерстного меха или из полоски черного бархата. Зимний капор шили из оленьих камусов на подкладе из этого же меха, украшали полосками из кожи, расшитой оленьим волосом и красной шерстью. Опушку делали из беличьего и тарбаганьего меха (табл. 8, 3, 4).

Капор корякского покроя шили из беличьего меха на подкладе; лицевую опушку делали из полоски меха выдры (табл. 9, 1).

У эвенков, живших по Обско-Енисейскому водоразделу (сымские, тымские и другие), кроме описанного выше капора из шкурки с головы оленя (*мета*), бытовал еще особый старинный головной убор в виде повязки (табл. 9, 2). Делали его из широкой полосы ровдуги, которая охватывала голову и завязывалась на затылке с помощью ровдужных завязок или зашивалась наглухо. К этой полосе пришивали четыре лямки, проходящие крестообразно по голове и плотно зашитые бисером (голубым, желтым, белым и синим). По самому краю (над ушами) прикрепляли подвески из бисера. Такие повязки-венцы были мужскими и женскими. У мужских повязок ободок и лямки были уже. Мужчины надевали венец на платок, который завязывали на макушке под пучком волос или под косой.

У эвенков, расселенных между Енисеем и Леной, основным головным убором мужчин был платок, но по способу ношения он имитировал головную повязку. Его складывали углом по диагонали, сворачивали в виде жгута и обвязывали голову; концы платка перекрещивали под косой и завязывали спереди узлом, который прятали под жгут.

Эвенки, жившие на восток от Лены и в районе Байкала, давно начали носить привозные картузы и шапки, а также местные головные убory (русские, якутские или бурятские малахай).

У забайкальских эвенков (ороченов) женским головным убором служила шапка весьма своеобразного покрова. Она состояла из двух одинаковых полукруглых частей, соединенных между собой полоской, проходящей поперек головы. Шапку шили из беличьих шкурок мехом внутрь. Снаружи ее украшали нарисованными черной минеральной краской полосками, окантованными швами из оленьего подшейного волоса, и кисточками, нарезанными из полосок ровдуги (табл. 9, 3).

Головные убory группы конных эвенков (*хамназан*) полностью совпадали с головными уборами бурят. У них была распространена мягкая капорообразная шапка с меховым отворотом (так называемый «малахай»), сшитая из бумажной ткани; конусообразная тулья вместе с суконной подкладкой прострачивались концентрическими кругами. К макушке головного убора пришивалась кисть из красного крученого шелка (табл. 9, 4).

У этой же группы эвенков бытовала шапка, которая состояла из конусообразной стеганой тульи и широкого отворота, подбитого бархатом и обычно отогнутого кверху, с разрезом сзади, в который пропускались шелковые ленты.

Долганы. У долганов резкой разницы между мужскими и женскими головными уборами не наблюдалось. Головным убором им служил капор двух покровов. Наиболее распространенным был капор, состоящий из трех частей: центральной (продольной) полосы, покрывающей темя и затылок головы, и двух боковых полос, закрывающих уши и щеки (табл. 10, 1). Капор второго покрова со-

стоял из двух частей: широкой полосы, проходящей поперек головы, и вшивной полукруглой части, закрывающей затылок (табл. 10, 2). Шили капоры из меха, ровдуги и сукна. Их делали на подкладе из оленьего меха с пышной опушкой вокруг лица и с небольшой опушкой по нижнему краю капора (у шеи). Меховые капоры, шитые из шкурок с лапок лисы, волка или голубого песца, по-видимому, были наиболее старинными; в конце XIX и начале XX в. их носили только женщины и пожилые мужчины (табл. 10, 3). Мех разных цветов подбирали на эти капоры таким образом, что продольная часть их украшалась поперечными полосками. У ровдужных капоров также украшали продольную вставку, вышивая ее белым подшейным волосом (табл. 10, 4).

Долганы украшали свои капоры большим количеством цветного бисера в виде рядов, расположенных по основному швам капора. На продольной, теменной, части обычно делали украшение в виде горизонтальных полосок. Суконные капоры также украшали бисером или его заменяли вышивкой аппликациями из полосок цветных бумажных тканей.

Энцы и нганасаны. Головные уборы энцев и нганасанов были одинаковы. Мужчины летом ходили с непокрытой головой, зимой головным убором им служил капюшон, пришитый к глухой верхней одежде.

Женский головной убор энцев и нганасанов представлял собой капор, состоящий из двух частей: широкой меховой полосы, проходящей поперек головы, и полукруглого куска, прикрывающего затылок (табл. 11, 1, 2). Шили капоры из белой тонкой оленьей шкурки мехом внутрь или наружу. Капор мехом внутрь употребляли в качестве домашнего головного убора, одновременно он служил подкладом для дорожного капора, имевшего такой же покрой, но сшитого мехом наружу (табл. 11, 3). У нганасанов верхний капор делали из отдельных полосок тонкой белой оленьей шкурки мехом наружу, соединенных между собой суконными кантиками черного и красного цветов. По краю капоров (вокруг лица) пришивали опушку из черного собачьего меха (табл. 11, 4).

Якуты. У якутов было большое разнообразие головных уборов. Наиболее старинным считался капор с высокой конусообразной макушкой. Шили его из меха, ровдуги или плиса, делали на меховом подкладе, вокруг лица он оторачивался широкой полосой беличьего или тарбаганьего меха (табл. 12, 1, 2). Такой капор носили как мужчины, так и женщины. В конце XIX в. он был распространен только у бедных якутов. Наряду с ним бытовал другой тип головного убора, по своему происхождению, по-видимому, близкий к первому. Это женская глубокая шапка, удлиненная в затылочной части (обычно из рысьего или бобрового меха), передняя часть шилась также из дорогого меха (черного камчатского бобра или из черных беличьих хвостов). Верх шапки был из черного или зеленого сукна с красными вставками, с нашитой иногда круглой серебряной чеканной пластинкой (табл. 12, 3). Этот головной убор был главным образом достоянием богатых якутов.

В. Л. Серошевский сближает оба описанные головные убора с киргизским капором.¹

Наиболее распространенной по всей Якутии (как у мужчин, так и у женщин) была круглая шапка с наушниками. Шили ее из оленьего меха на подкладе из брюшной части беличьих шкурок. Богатые якуты подклад делали из меха бобра, покрывали шапки шкурками с лапок красных или чернобурых лисиц. Летними головными уборами якутов были картузы, ситцевые платки (повязываемые на лбу) и шляпы с невысокой тульей и широкими полями, сплетенные из конского волоса, на матерчатой подкладке. Жены богатых якутов носили круглые поярковые шляпы, завязывавшиеся под подбородком широкими яркими лентами.

У северных якутов зимним мужским и женским головным убором был меховой капор, состоящий из трех частей: полосы, покрывавшей темя и затылок, и двух боковых полос, защищавших уши и щеки (табл. 12, 4). Капоры шили из оленьего меха, из шкурок с песцовых или лисьих лапок, подклад делали из беличьего меха. Опушка вокруг лица была из лисьего меха. Праздничный капор

украшали бисером, опушку делали из рысьего или песцового меха.

Наряду с описанным капором у северных якутов бытовал еще капор, сшитый из двух частей: широкой полосы меха, положенной поперек головы, и отдельно скроенного полукруглого «затылочка».

Эвены. У эвенов между мужскими и женскими головными уборами больших различий не было. Как и у других народов, эти различия относились не к покрою, а к количеству украшений на женских головных уборах.

В конце XIX и в начале XX в. у охотских эвенов и у эвенов Якутии бытовал еще старинный женский головной убор — капор в виде круглого чепца с круглым отверстием в затылочной части (табл. 13, 1). Такой головной убор шили из отдельных полосок ровдуги и меха, украшали бисером, шитьем из белого оленьего подшейного волоса и чередующимися узкими полосками кожи, окрашенными в черный и коричневый цвета. Благодаря отверстию на макушке волосы оставались неприкрытыми, через это отверстие женщины пропускали свои украшенные косы.

Наиболее распространенный у эвенов капор в виде чепца, плотно облегающего голову (как мужской, так и женский), шили из ровдужных и меховых полосок; на макушке вшивали кусочек меха полукруглой формы (табл. 13, 2, 3). Зимние капоры делали с подкладом, летние — без подклада, открытую шею защищал от холода платок. Спереди к зимнему капору пришивали опушку из короткошерстного меха, края летнего капора обшивали полоской черного бархата. Капоры украшали (по ровдужным полоскам) шитьем из бисера и белого оленьего подшейного волоса, а также узкими полосками кожи (черного, белого и желтого цветов) и тюленьего меха, окрашенного в красный цвет.

В районе устья Лены капор эвенов в отличие от правильной круглой формы остальных эвенских головных уборов имел несколько конусообразную форму и иные украшения. Шили его из сукна черного и красного цветов на меховом подкладе, широкая опушка вокруг лица была из короткошерстного меха; украшение состояло из мелких оловянных бляшек (табл. 13, 4). Эвенский капор этого района по украшению похож на головной убор юкагири, а по покрою — на капор северных якутов.

У анадырских эвенов был распространен капор, сшитый из трех частей: продольной полосы, покрывающей теменную и затылочную части головы и двух лопастей, защищающих щеки и уши (табл. 14, 1). Такой покрой являлся характерным для эвенков. Капоры эти делали меховыми, двойными; летние шили из ровдуги, в швы прокладывали кантики из красной бумажной ткани; к нижнему краю капора пришивали кусок бумажной ткани, защищавший шею от укусов комаров (табл. 14, 2).

У эвенов, живших смежно с коряками, бытовал капор иного покроя. Состоял он из трех частей: продольной полосы, покрывающей темя и затылок, и двух боковых частей, закрывающих уши и щеки. Продольная вставка в средней своей части несколько расширена, ко лбу же и к шее суживается. В этом покрое можно наблюдать сходство с покроем коряжского капора. Такие капоры шили из меха или ровдуги, украшением служила цветная окантовка швов: в меховых — цветными кантиками из сукна, в ровдужных — полосками окрашенной кожи (табл. 14, 3, 4).

Юкагиры. Головным убором юкагири, как мужским, так и женским, был капор. Капоры были шести разных покроев. Капор первого покроя состоял из продольной полосы и двух боковых лопастей, покрывающих уши и щеки; такой покрой был широко распространен у эвенков (табл. 15, 1). Капор второго покроя, встречавшийся у индигирских юкагири, состоял из поперечной полосы, проходящей по темени головы, и отдельно вшитого полукруглого куска, прикрывающего затылок (табл. 15, 2). Капор третьего покроя совершенно такой же, что и эвенский, т. е. в виде чепца, плотно облегающего голову, с полукруглой вставкой на макушке (табл. 15, 3). Капор четвертого покроя, встречавшийся в Верхне-Колымском районе, имел некоторое сходство с капором северных якутов (широкая опушка из короткошерстного меха и приподнятая конусообразная макушка) (табл. 15, 4). Капор пятого покроя (только летний женский головной убор) не отличался от

¹ В. Л. Серошевский. Якуты, т. I. СПб., 1896, стр. 330.

эвенского чепца с круглым отверстием на макушке (табл. 15, 5). Капор шестого покроя, бытовавший у юкагиров, соседящих с чукчами, совпадал с чукотским и корякским, т. е. он состоял из трех частей: продольной, ромбовидной, закрывающей темя и затылок головы, и двух лопастей, покрывающих уши.

Шили капоры из оленьего меха и ровдуги, украшали их вышивкой из цветных ниток и белого оленьего подшейного волоса, полосками разноцветной кожи и красного сукна, бисером и металлическими бляшками.

Коряки. Женщины оседлых коряков головного убора не имели, они носили одежду с капюшоном. У оленых коряков женщины надевали головной убор лишь во время перекочевок, по форме он совпадал с мужским.

Мужской головной убор коряков — капор. Шили его двойным: из шкур оленят, из меха с собачьих или волчьих лап, на подкладе из выпоротков. Спереди пришивали двойную опушку, причем верхнюю из короткошерстного меха (выдры, бобра), нижнюю — из пушистого (собаки, песца). Сзади у шеи делали опушку из собачьего или волчьего меха, в редких случаях из меха росوماхи. Состоял капор из трех частей: продольной, покрывающей темя и затылок головы, и боковых, закрывающих уши и щеки. Характерной особенностью его покроя являлась ромбовидная форма продольной (теменной) части, которая посредине резко расширяясь, суживалась ко лбу и к шее (табл. 16, 1, 2).

Капор держался на голове с помощью ремненной петли, перегибающейся под подбородком и закидывающейся на темя. Сброшенный с головы, благодаря этой петле, он оставался висеть на спине. Такой капор носили с одеждой без капюшона. В одежде с капюшоном надевали капор того же покроя, но с короткой опушкой. Украшением служили главным образом полоски из камусов оленят темного цвета, чередующиеся с белыми. Они располагались вдоль теменной части капора. Кроме того, капоры украшали кисточками из шкурок молодых нерп, выкрашенных в красный цвет, цветным бисером (красным, синим, черным, зеленым и белым).

Ительмены. В конце XIX и начале XX в. у ительменов самобытных головных уборов уже не было. Как мужчины, так и женщины носили корякскую глухую одежду с капюшоном или двойные меховые капоры, подобные корякским (табл. 16, 3, 4). По описанию Г. Стеллера, у ительменов до прихода русских были особые мужские головные уборы. Летом они носили деревянные шляпы или легкие шляпы из стержней перьев. Зимой голову обвязывали ремнем, к которому привешивали отдельные доскутки меха, защищавшие глаза, уши и затылок, темя же головы оставалось открытым.

Женщины головных уборов не носили.¹

Чукчи. Приморские и оленные чукчи носили одинаковые капоры, сшитые из шкурок с лап выдры, собаки или росوماхи, а также из тонкого оленьего меха (пыжика). Делали их на подкладе из оленьего меха. Покрой капора полностью совпадал с корякским (табл. 17, 1). Опушка вокруг лица двойная, из темного и серого меха. Большей частью на опушку употребляли мех бобра.

Летний капор того же покроя шили из стриженного оленьего меха шерстью внутрь, без подклада, наружная сторона дыmlеная, опушка вокруг лица бобровая (табл. 17, 2). Украшением капоров, кроме бисера, служили ажурные полоски из белой кожи и красного кумача или сукна.

У оленных чукчей существовал еще головной убор, который преимущественно носили молодые пастухи. Это род круглого шлема с отверстием на макушке, завязывающийся под подбородком. У приморских чукчей такой головной убор употреблялся во время спортивных игр (табл. 17, 3).

Эскимосы. Материал, которым мы располагали для описания головных уборов азиатских эскимосов, весьма ограничен. Эскимосы носили капоры. Делали их двойными (на меховом подкладе), шили из оленьих шкурок. Капор состоял из трех частей: продольной полосы, покрывающей темя и затылок головы, и боковых, защищающих уши и щеки (табл. 17, 4). Кроме капоров, эскимосы носили еще круг-

лые шапки, материалом для их изготовления служили птичьи шкурки и полоски нерпичьих кишок (табл. 17, 5, 6).

Нивхи. Летом мужчины почти не носили головных уборов. Для защиты от дождя и солнца служили шляпы конической формы, сшитые из бересты. Они украшались аппликацией из ажурного орнамента, вырезанного из окрашенной бересты (черного и красного цветов) (табл. 18, 1). На голове шляпа держалась с помощью завязок и ободка из луба, пришитого внутри шляпы. Кроме того, мужчины носили еще фетровые шапки китайского происхождения в виде колпаков с отогнутыми вверх краями, с кистью на макушке (ср. табл. 20, 2).

Зимний мужской головной убор — двойной капор. Верх его делали большей частью из тюленьей шкуры, иногда в сочетании с тканью или с другими шкурками. Подклад всегда был из лисьего меха, спереди он выступал в виде опушки, обрамляя лицо. Центральная часть капора, покрывавшая макушку и затылок, имела эллипсоидную форму и обычно украшалась вышивкой, выполненной меховой мозаикой или аппликацией. Нижний край капора также имел опушку из длинношерстного собачьего меха, большей частью белого цвета, защищавшую шею от холода (табл. 18, 2).

Зимой мужчины носили еще маленькие круглые шапочки, подобные нанайским, сшитые из полосок меха с козьих ног и полосок кожи; на макушке шапочки пришивали беличий хвост. Шапочка держалась на голове с помощью ровдужных завязок, под нее надевали шлемовидное покрывало (табл. 18, 3).

Зимой, но в теплую погоду, на голову надевали боа из беличьих хвостов, которое обычно носили на шее. Это же боа иногда надевали и поверх головного убора для предохранения лба от холода.

Летом женщины головной убор не носили. Зимний головной убор женщины — глубокая шлемовидная шапка, на макушке которой пришита шишечка из крученого шнура красного цвета (табл. 18, 4). Такую шапку шили из черной или синей ткани большей частью китайского происхождения, на подкладе из лисьего меха, с опушкой из меха речной выдры по краям шапки. Наряду с шапками женщины носили еще капоры, по форме совпадающие с мужскими капорами.

Кроме того, женщины носили еще шлемовидный капор, по виду и покрою совпадающий с женским капором негидальцев. Он имел фестоновидный нижний край. Верх капора делали из шелковой китайской ткани, подклад — из лисьего меха, выступающего в виде опушки вокруг лица, нижний край оторачивали мехом речной выдры (табл. 18, 5).

Во второй половине XIX в. у нивхов бытовал еще женский головной убор, не имевший массового распространения. Его употребляли лишь жены богатых нивхов. По своей форме он весьма интересен, в нем сохранились более древние элементы. Это был капор из шкурок рыси: часть его, покрывавшую макушку, делали из шкурки с головы рыси, оставляя торчащие уши, украшенные шелком и кисточками. К краям капора пришивали широкую кайму собольего меха, а сзади рысий хвост, спускавшийся на спину.¹

Ороки. Женский головной убор ороков по форме не отличался от шлемовидной шапки нивхов. Наряду с ним бытовал и капор, совпадающий с мужским нивхским капором (табл. 19, 1).

Мужской капор по покрою и форме также не отличался от нивхского мужского капора (табл. 19, 2). Наряду с ним у ороков бытовал еще капор, который состоял из трех частей: прямой полосы, покрывающей темя и затылок головы, и двух боковых частей, покрывающих уши и щеки. Такой покрой был широко распространен у эвенков (табл. 19, 3, 4).

Нанайцы. В летнее время нанайцы предпочитали ходить без головных уборов, но по утрам и вечерам они все же надевали поверх накомарника шляпы, сшитые из бересты. Форма такой шляпы напоминает невысокий конус с широким основанием. Украшали их тисненым и накладным раскрашенным узором (табл. 20, 1).

¹ G. W. Steller. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt, 1774, стр. 130.

¹ Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. II. СПб., 1899, стр. 87, табл. XXI, рис. 2.

У мужчин в большом употреблении были поярковые шапки китайского происхождения в форме колпака, с отогнутыми вверх краями (табл. 20, 2), украшенными цветной тесьмой; затем маленькие полусферические шапочки и шляпы с высокой тульей и маленькими полями.

Зимним и осенним мужским головным убором являлась маленькая полусферическая шапочка с наушниками. В теплую погоду наушники обычно подвешивали во внутрь шапочки. Шили эти шапочки из рыбьей кожи, меха и ткани на меховом подкладе (из меха белки, козули, кабарги), на макушке пришивали беличий хвост. Околыш шапочки богато украшали шитьем и раскраской, иногда на него нашивали металлические бляшки.

Под шапочку обычно надевали шлемовидное покрывало, сшитое из белой ткани и украшенное аппликацией из цветных тканей. Покрывало спускалось на шею и плечи. Оно защищало летом от комаров, а зимой от снега (табл. 20, 3).

Женским зимним головным убором являлась шапка, стеганная на вате, в виде шлема. Шили ее из плиса или бумажных тканей большей частью черного или синего цвета; на макушке обязательно пришивали шишечку, сплетенную из красного шнура, а иногда спускали кисть; тулью шапки украшали фарфоровыми пуговицами, нашитыми в виде разных фигур (ромбов, крестов и т. п.); сзади иногда пришивали ленты, спускающиеся на спину. Такие шапки носили девушки-невесты и молодые женщины (табл. 20, 4). С приходом русских широко распространились головные платки.

Ульчи. Летним головным убором ульчей, женским и мужским, служила шляпа конической формы, сшитая из бересты и украшенная аппликацией из окрашенной бересты (табл. 21, 1).

Мужчины летом носили еще войлочные маньчжурские шляпы. Зимний мужской капор был сходен с нивхским мужским капором.

Женским головным убором являлась шлемовидная шапка, как у нанайцев, и капорообразная шапка с открытым затылком, сшитая из бумажной ткани, стеганная на вате. Ее украшали вышивкой, аппликациями, на макушке пришивали матерчатый шарик (табл. 21, 2).

Орочи. Мужские головные уборы орочей весьма схожи с нанайскими. Летом они носили конические шляпы из бересты, в большом употреблении были также мягкие фетровые шляпы с высокой тульей и узкими полями. Зимой надевали такую же круглую шапочку, как и нанайцы (табл. 21, 3). От нанайской она отличалась иным материалом и отсутствием беличьего хвостика на макушке.

Под шапочку надевали шлем из белой бумажной ткани, украшенный аппликацией.

Женский головной убор по форме и покрою совпадал с ульчской капорообразной шапкой. Делали ее на меху, верх был из китайского стеганого шелка (табл. 21, 4).

Удэгейцы. В летнее время удэгейцы почти не носили головных уборов. Иногда они надевали конические шляпы, сделанные большей частью из бересты (табл. 22, 1) или соломы, и круглые войлочные шляпы с высокой тульей.

Зимним мужским головным убором удэгейцам служила так называемая охотничья шапочка полусферической формы, которая была характерна для нанайцев и орочей. Ее шили из шести-семи чередующихся полосок рыбьей кожи, беличьего меха, цветной ткани или сукна. Чаше шапочки делали из шкурки с ног козули (мех иногда состригали, оставляя только в виде полос). В центре шапочки (снаружи) пришивался беличий хвост, часто с цветным шнурком и шелковыми цветными кисточками. Шапочка держалась на голове с помощью кожаной петли, проходящей под подбородком (табл. 22, 2).

Женщины летом покрывали голову кусками синей китайской ткани или ситцевыми платками, во время дождя они надевали мужские шляпы из бересты; зимой же носили теплые платки или меховые наушники, прикрывающие большую часть головы.

Общим для мужчин и женщин являлся головной убор, сшитый в виде шлема, спускающегося на плечи, из синей или белой ткани, украшенной полосками цветных тканей. Такой головной убор мужчины надевали под охотничью шапочку, летом он защищал голову и шею от мошки и комаров, зимой — от снега.

Женский шлем в отличие от мужского спереди, ниже подбородка, зашивался наглухо.

Негидальцы. Мужской головной убор негидальцев — меховой капор, состоящий из трех частей (продольной, покрывающей теменную и затылочную части головы, и двух боковых, защищающих уши). Капор такого покроя был широко распространен у эвенков. К нижнему краю капора обычно пришивали прямоугольный кусок мягкой ткани для защиты шеи от ветра, снега и укусов комаров (табл. 22, 3). Кроме капоров, мужчины зимой носили еще и покупные шапки с наушниками, иногда шили островерхие шапки из случайно подобранного меха.

Женским зимним головным убором негидальцев был глубокий шлемовидный капор, сшитый из собачьего меха и покрытый шелковой китайской тканью. Фигурно вырезанный нижний край капора закрывал шею (табл. 22, 4).

Летом женщины покрывали голову ситцевыми платками, завязывая их под подбородком, и шальями, концы которых завязывали сзади на шее.

Шорцы. К началу XX в. у шорцев были широко распространены головные уборы русского происхождения, они были покупные и самодельные. Так, летом мужчины носили самодельные картузы, которые делали из домашнего холста, вшив тулю и околыша вшивали кант из цветной ткани, имитируя какой-то форменный головной убор; шили картузы из кожи и даже из бересты (табл. 23, 1—3).

Летом мужчины еще носили мягкие холщевые шапки с круглой тульей, собранной на макушке в сборки, пришитые к кружку из холста или из другого материала (табл. 23, 4).

Употребляли холст домашнего изготовления, из кендыря, на подкладку шел ситец. Часто на тулью шапки в виде околыша нашивали широкую полосу черного плиса, вышитого делными нитками; в таких случаях кружок на макушке делали тоже из плиса. Летнюю холщевую шапку использовали и в качестве зимнего головного убора, тогда на тулью в виде околыша нашивали полосу из шкурки кабарги (табл. 23, 5).

Зимой мужчины носили круглые меховые шапки, крытые бархатом; тулью делали из трех треугольных клиньев, сходящихся на макушке головы; нижний край шапки обшивали дмотканым холстом (табл. 23, 6). Шапку надевали поверх платка, защищающего от холода уши.

У женщин основным головным убором были платки: летом — легкие, зимой — теплые.

Алтайцы (челканцы). Головные уборы у северных алтайцев — челканцев (шолганов) — в основном были русского происхождения, но наряду с этим бытовали еще и холщевые самодельные шапки, как у шорцев (табл. 23, 7).

Женским головным убором являлся только платок.

Алтайцы (кумандинцы). К началу XX в. другая группа северных алтайцев (кумандинцы), как и челканцы, уже утратила свои самобытные головные уборы. Кое-где можно было еще встретить шапку, сшитую из домашнего холста, изготовленного из кендыря; по покрою она совпадала с шорской (табл. 23, 8).

Алтайцы (алтай кики и теленгиты). Старинным головным убором южных алтайцев была шапка, первоначально бытовавшая в качестве мужского и женского головного убора, затем ставшая принадлежностью только женской одежды, а позднее — свадебным головным убором (табл. 24, 1). Покрой ее очень своеобразен: она состояла из тульи и околыша особой формы. Тулья делалась из светлой бязи или какой-либо другой бумажной ткани на подкладке из грубого холста, которая приклеивалась тестом. Верх тульи, заложенный в складки, имел форму вытянутого десятиугольника, в центре которого пришивался овальный кусочек красной ткани. Околыш — из меха, приклеенный тестом к подкладке, — имел шов только спереди. Кроился он в виде неправильного пятиугольника, верхний край его был слегка выгнут, а нижний — вогнут. Околыш к тулье пришивался нижним краем и слегка прикреплялся в нескольких местах. Такая шапка, надетая на голову, напоминала высокий гребень.

Околыши делали обычно из мерлушки, зажиточные алтайцы — из меха соболя или лисицы, а бедняки заменяли мех стеганой материей.

В начале XX в. у южных алтайцев мужчины и женщины носили круглую овчинную шапку с мягкой высокой

тульей, покрытой тканью. По нижнему краю тульи нашивали серебряный галун или делали опушку из мерлушки, а наверх обязательно прикрепляли кружок из другой материи. К нему пришивали длинную кисть из крученых ниток, обычно голубого или желтого цветов. Ее прикрепляли с помощью нити, на которую были нанизаны бусы и бисер.

Богатые алтайцы такие шапки покрывали шелком и бархатом; опушку делали из меха выдры и соболя. Иногда и всю шапку шили из меха с лапок какого-либо ценного зверя (табл. 24, 2).

У теленгитов были распространены еще круглые, суживающиеся кверху шапочки, большей частью из белого бараньего меха, крытые плисом. Тулью шили из четырех клиньев; нижний край шапочки оторачивали узкой полоской меха выдры; на макушке часто пришивали узелок, скрученный из цветных ниток (табл. 24, 3).

Кроме описанных головных уборов, у южных алтайцев встречались еще войлочные шапки, заимствованные от русских.

Алтайские женщины и девушки повсеместно носили круглую войлочную шапочку с загнутыми вверх полями, образующими околыш. Шапочку эту покрывали материей и простегивали нитками.

Алтайцы (телеуты). У телеутов в качестве женского головного убора бытовала старинная «соболья» шапка, ставшая позднее праздничным и ритуальным головным убором. Тулью этой шапки (высотой 30 см) делали в виде мешка, большей частью из красного сукна. Состояла она из четырех прямоугольных клиньев, переходящих в треугольные, сшитые вершинами вместе (табл. 24, 4). Подклад шили по размеру головы из овчины, к нему пришивали нижний край тульи. Околыш иногда делали из собольей шкурки. Тулью шапки украшали золотыми и серебряными галунами, нашитыми вдоль швов. При надевании верх шапки заламывали вправо.

Повседневным зимним головным убором являлась шапка (плотно облегающая голову), одинаковая у мужчин и у женщин. Шили ее из овчины, покрывали тканью, у мужчин — чаще плисом. Делали эту шапку из четырех треугольных клиньев, сходящихся верхушками в центре макушки головы. Опушку большей частью делали из меха бобра (табл. 24, 5). Женщины надевали поверх шапки платок.

У мужчин бытовала еще шапка, валянная из войлока, отогнутые кверху края ее обшивали темной материей (табл. 24, 6).

Хакасы.¹ У качинцев и сагайцев мужским зимним головным убором служили двойные меховые шапки, большей частью из мерлушки, с околышем. Верх шапок иногда делали из материи; у богачей-баев встречались шапки из бобрового меха (табл. 25, 1).

Кызыльцы шили шапки из шкур козули, из шкурок, снятых с ушей козуль и маралов, и иногда употребляли суконные шапки остроконечной формы на ватной подкладке.

Летний мужской головной убор у качинцев и сагайцев — небольшая круглая шапка из овчины. У кызыльцев мужчины носили покупные картузы или войлочные самодельные шляпы.

К началу XX в. повседневным головным убором женщин был платок. В прошлом летним головным убором были вязаные колпаки, по типу совпадающие с татарскими колпаками; кроме того, женщины и девушки носили одинаковые с мужскими покупные войлочные шляпы с высокой тульей. Зимние женские шапки были такие же, как и у мужчин. Шили их из овчины, мерлушки, меха выдры, лисицы, бобра, но чаще делали с пливовым верхом и меховым околышем, иногда всю шапку покрывали плисом.

Зимой женщины носили еще шапку в виде глубокого капора; шили ее обычно из четырех пятиугольных клиньев, которые вершинами сходились вместе на макушке головы. Ее шили из меха, покрывали плисом и оторачивали по краям мехом (табл. 25, 2).

У качинцев бытовала еще шапка покроя, известного под названием «конфедератка». Она имела высокую мягкую

тулью, сшитую из четырех пятиугольных клиньев, соединенных вместе на макушке и образующих четырехугольный верх. Тулью делали из плиса и вышивали шелком, верх ее свободно падал на плечо (табл. 25, 3).

У кызыльцев женщины меховых шапок почти не носили, они пользовались русскими платками и шальями.

Богатые хакасы предпочитали покупные шапки русского изделия.

Тувинцы. Наиболее распространенным головным убором тувинцев была конусовидная шапка с отворотами (бортами) или без них, сделанная из дорогих тканей или же из грубых шкурок. Тоджинцы-охотники шили свои шапки из шкур, снятых с голов сохатых и диких коз, глазные и носовые отверстия на этих шкурах зашивали. Эти шапки были без подкладки (табл. 25, 4). Иногда по краю шапки пришивали оторочку из полоски бумажной ткани с мехом черного барашка, а сзади прикрепляли кусок синей бумажной ткани на красной подкладке, защищающий шею (табл. 25, 5). Непременной принадлежностью этих шапок являлась пришитая к их верхушке узкая тряпочка или скрученный узелок из красной ткани.

У тувинцев была распространена еще шапка, тождественная с головным убором жителей Северной Монголии. Ее носили как мужчины, так и женщины; женская шапка отличалась лишь обилием украшений и материалом. Она состояла из круглой, несколько суживающейся кверху тульи. Тулью делали обычно из шелка (иногда из сукна) и обязательно на вате, простеганной вертикальными швами, сходящимися на макушке, где пришивалась шишечка (кокарда), свернутая из шнура. К тулье по краю пришивали отворот шапки, состоявший из козырька, затылочной части и наушников, скроенных вместе. Отворот делали на меху и при одевании отгибали мехом наверх; иногда его покрывали той же тканью, что и тулью, большей же частью делали из другой ткани (табл. 26, 1, 2). Наушники обычно завязывали на затылке. Мех на шапку употребляли соболей и лисий. Тулью зимней мужской шапки иногда делали из шкуры дикой козы, а отворот — из черной мерлушки. К затылочной части шапки пришивали две длинные ленты.

В некоторых районах мужским головным убором служила шапка китайского производства; тулья ее была круглая, из войлока, покрытая шелком; наушники и два козырька (спереди и сзади) делали меховые.

Тофалары. У тофаларов в начале нашего века происходил процесс смены самобытной одежды на русскую, особенно сильно это отражалось на летней одежде. Головные уборы (шляпы, шапки, картузы) тофалары покупали у русских или изготавливали сами, но по русским образцам (табл. 26, 3, 4).

Женщины обычно покрывали голову платком. Мужчины носили круглые шапки из бараньего меха (иногда крытые сукном или тканью), с небольшой опушкой по краю. В некоторых районах шапки по покрою совпадали с тувинскими.

Буряты. Наиболее распространенным головным убором бурят были капорообразная шапка (малахай) и шапка с пришитым отворотом. Капорообразную шапку обычно шили из цветной ткани, тулью прострачивали вместе с сукном, подложенным снизу; отворот подбивали мехом бобра или выдры, и при надевании головного убора его обычно отгибали мехом наверх и завязывали на затылке. На макушке обязательно пришивали кисть из красных шелковых шнурков. В прошлом, кроме шелковой кисти, пришивали пучок птичьих перьев или кисть из конского волоса, окрашенного в красный цвет. Подобный головной убор описан нами у конных эвенков (ср. табл. 9, 4).

Шапка с отворотом состояла из конусообразной стегающей тульи и широкого отворота, отогнутого спереди и имеющего разрез сзади. Тулью и отворот сверху делали из китайской шелковой ткани, снизу отворот подшивали мехом, черным плисом или бархатом; сзади к тулье, в разрез отворота, прикрепляли две красные суконные ленты. Для устойчивости тулью и отворот клали на бумажную материю, сложенную в несколько рядов и проклеенную (табл. 27).

Летом мужчины носили войлочные шапки, а женщины повязывали голову платком.

¹ Описание головных уборов хакасов в основном составлено по коллекциям и материалам, относящимся к качинцам и сагайцам.

² Наличие вышивки на этой шапке объясняется тем, что она была переделана из мужского головного убора.

Приведенное выше описание повседневных головных уборов, бытовавших в конце XIX и начале XX в. у народов Сибири, позволяет сделать некоторые обобщения и выводы.

У народов Сибири, за исключением южносибирских, в указанное время в качестве основного, а иногда и единственного головного убора был капор. В прошлом он несомненно представлял собой шкурку, снятую целиком с головы животного, что находит подтверждение и в терминологии. Так, у эвенков словом *мета* обозначается «шкурка с головы оленя» и «капор, сшитый из шкурки с головы оленя»; у негидальцев капор носит название *метаха*. Капоры, сшитые целиком из шкурки с головы оленя, бытовали еще в начале нашего века у нижнетунгусских эвенков.

Употребление части шкурки с головы животного для женских капоров и в настоящее время можно наблюдать у ненцев (шкурки с головы олененка), у народов Амура (шкурки с головы рыси), у северо-восточных палеоазиатов в дорожных капорах (шкурки с головы волка), а также у других народов Сибири в праздничных и обрядовых головных уборах.

Основным материалом для шитья капоров служили

шкуры: у оленеводов — оленьи (а также ровдуга); у охотников — шкурки промысловых зверей. На опушку обычно употреблялся мех других, более ценных пушных зверей. У некоторых народов Сибири капоры шили из привозного сукна, но покрой их при этом не изменялся. Украшали капоры мехом разных оттенков (белый и черный камус), полосками окрашенного меха, вышивкой подшейным оленьим волосом и полосками окрашенной кожи. Из привозимых материалов употребляли цветное сукно, большей частью красного цвета, цветной бисер и медные подвески.

Капоры у большинства народов Сибири являлись одновременно мужскими и женскими головными уборами, различаясь лишь материалом и количеством украшений.

У народов Сибири капор был зимним убором. Старые, изношенные капоры иногда надевали и летом. В меньшей мере в Сибири были распространены другие головные уборы: шапки, шляпы и колпаки. Эти головные уборы представляют собой результат влияний и заимствований. Если в капорах признаки социально-экономического неравенства отражены слабо, то в остальных головных уборах они сильнее прослеживаются в качестве материала и украшений.

II

В основу классификации головных уборов народов Сибири, так же как и верхней одежды, был положен покрой.¹

В приводимую классификацию включены лишь наиболее типичные головные уборы, бытовавшие у ряда народов Сибири. Головные уборы, встречавшиеся только у одного народа, в классификацию не вошли. Не включены в нее также головные повязки и платки. Головная повязка, по-видимому, широко применялась в прошлом у народов Сибири. Вполне возможно, что она была первым головным убором, который служил для поддержания длинных волос, но в конце XIX и начале XX в. головная повязка встречалась лишь у немногих народов, да и то в реликтовых формах. Головные платки являются исторически более поздним, пришлым элементом в материальной культуре народов Сибири. Принцип покроя, положенный в основу классификации головных уборов, при рассмотрении платков не применим. Их можно классифицировать лишь по способу завязывания и ношения, так как в этом прослеживается имитация внешнего вида каких-либо самобытных головных уборов или же подражание «чужим» головным уборам.

Капоры

Тип I.

Основные признаки: раскрой из трех частей — полосы, проходящей поперек головы по темени, закругленной части, покрывающей макушку (обычно из шкурки с головы оленя), и полосы, закрывающей затылок и шею (табл. I, 1а и 1б).

Распространение: женские головные уборы всех групп ненцев (за исключением канинских), северных групп хантов и манси (обдорских, сосвинских и казымских), а также норильских эвенков.

Тип II.

Основные признаки: раскрой из двух частей — широкой полосы, проходящей поперек головы, и небольшой, отдельно скроенной затылочной части полукруглой формы (табл. I, 2а и 2б).

Распространение: женские головные уборы энцев и иганасанов; мужские головные уборы восточных

хантов, селькупов (баишинских); женские и мужские головные уборы северных манси, кетов, долганов, авамских эвенков, северных якутов и юкагиров.

Тип III.

Основные признаки: раскрой из трех частей — продольной, покрывающей теменную и затылочную части головы, и двух боковых частей, защищающих уши и щеки (табл. I, 3а и 3б).

Распространение: мужской головной убор кетов, ороков, негидальцев; женский и мужской головной убор долганов, илимпийских и подкаменнотунгусских эвенков, эвенов, северных якутов, юкагиров и эскимосов.

Тип IV.

Основные признаки: раскрой из трех частей — продольной, покрывающей темя и затылок головы (ромбовидной формы, т. е. широкой в центре и суживающейся к концам), и двух боковых частей, защищающих уши и щеки (табл. I, 4а и 4б).

Распространение: в головных уборах коряков, чукчей, ительменов, эвенов (соседей с коряками), юкагиров (расселенных в смежных районах с чукчами) и эвенков Охотского побережья.

Тип V.

Основные признаки: раскрой мелкий; форма в виде чепца, плотно облегающего голову, с полукруглой вставкой на макушке (табл. I, 5а и 5б).

Распространение: головные уборы эвенов, юкагиров, вилюйских и охотских эвенков.

Тип VI.

Основные признаки: раскрой мелкий; форма в виде чепца, плотно облегающего голову; полусферическая часть, покрывающая макушку, с круглым отверстием (табл. I, 6а и 6б).

Распространение: головные уборы эвенов, чукчей и юкагиров.

Тип VII.

Основные признаки: раскрой из трех частей — центральной в форме вытянутого ромба (проходит поперек макушки головы) и двух прямых полос, пришитых к ее краям (табл. I, 7а и 7б).

Распространение: женские и мужские головные уборы нивхов, ороков и мужские ульчей.

¹ Капор, представляющий собой целую шкуру с головы оленя, не вошел в классификацию, как не имеющий раскроя.

Тип VIII.

Основные признаки: шлемовидный капор с фестонобразным нижним краем (табл. I, 8а и 8б).

Распространение: головные уборы нивхов и негидальцев.

Шапки**Тип I.**

Основные признаки: тулья круглая и низкая.

Вариант 1-й: безоколыша и отворота (табл. II, 1а и 1б).

Распространение: у шорцев, северных алтайцев (челканцев и кумандинцев), южных алтайцев, тофаларов, сибирских татар (тобольских).

Вариант 2-й: с твердым околышем или с отворотом (табл. II, 2а и 2б).

Распространение: у хакасов, южных алтайцев, селькупов и якутов.

Тип II.

Основные признаки: тулья полусферической формы, закрывает только теменную часть головы (табл. II, 3а и 3б).

Распространение: в мужских головных уборах нанайцев, орочей, удэгейцев и нивхов.

Тип III.

Основные признаки: шлемовидная, с высокой тульей и с «ушами» (стеганая) (табл. II, 4а и 4б).

Распространение: у нивхов, нанайцев, ульчей и ороков.

Тип IV.

Основные признаки: тулья полусферической формы (стеганая), с отворотом.

Вариант 1-й: отворот цельный, мягкий, подбит мехом, завязывается на затылке (табл. II, 5а и 5б).

Распространение: у конных эвенков и у бурят.

Вариант 2-й: отворот мягкий, пришитый, состоящий из двух козырьков и наушников (табл. II, 6а и 6б).

Распространение: у тувинцев, тофаларов и бурят.

Вариант 3-й: отворот твердый, пришитый, подбит бархатом, с разрезом сзади или глухой (табл. II, 7).

Распространение: у конных эвенков и бурят.

Шляпы**Тип I.**

Основные признаки: конусообразная, берестяная (табл. II, 8а и 8б).

Распространение: у нанайцев, ульчей, нивхов, удэгейцев и орочей.

Тип II.

Основные признаки: невысокая круглая тулья и широкие поля (табл. II, 9).

Распространение: у якутов.

Тип III.

Основные признаки: высокая тулья и узкие поля (табл. II, 10).

Распространение: у народов Амура.

Колпаки**Тип I.**

Основные признаки: тулья высокая, мягкая, спускающаяся набок (табл. II, 11а и 11б).

Распространение: у сибирских татар (тобольских).

СВОДКА ТИПОВ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ¹

Народ	Типы	№№ таблиц	Народ	Типы	№№ таблиц
Капоры			Шапки		
Невны (кроме канинских)	I (ж)	1, 2, 3	Сибирские татары (тобольские)	I, 1 (м)	5, 2
Ханты северные	I (ж)	4, 1	Селькупы	I, 2 (м)	6, 2
Ханты восточные	II (м)	3, 3, 4	Эвенки	IV, 1, 3 (м, ж)	9, 4
Манси северные	II (м, ж)	2, 1, 3; 3, 2	Якуты	I, 2 (м, ж)	
	I (ж)	3, 1	Нивхи	II (м)	18, 3
Селькупы (баишинские)	II (м)	6, 1		III (ж)	18, 4
Кеты	III (м)	6, 3	Ороки	III (ж)	
	II (м, ж)		Нанайцы	II (м)	20, 3
Эвенки	I (ж)	8, 1		III (ж)	20, 4
	II (м, ж)	7, 3	Ульчи	III (ж)	
	III (м, ж)	7, 2	Орочи	II (м)	21, 3
	IV (м, ж)	9, 1	Удэгейцы	II (м)	22, 2
	V (м, ж)	7, 4; 8, 2—4	Шорцы	I, 1 (м)	23, 4, 5
Долганы	II (м, ж)	10, 2	Алтайцы северные	I, 1 (м)	23, 7, 8
	III (м, ж)	10, 1, 3, 4	Алтайцы южные	I, 1 (м, ж)	24, 2, 3, 5
Энцы	II (ж)	11, 1, 3		I, 2 (м, ж)	24, 6
Нганасаны	II (ж)	11, 2, 4	Хакасы	I, 2 (м)	25, 1
Якуты северные	II (м, ж)		Тувинцы	IV, 2 (м, ж)	26, 1, 2
	III (м, ж)	12, 4	Тофалары	IV, 2 (м)	
Эвены	III (м, ж)	14, 1, 2		I, 1 (м)	
	IV (м, ж)	14, 3, 4	Буряты	IV, 1 (м, ж)	9, 4
	V (м, ж)	13, 2, 3		IV, 2 (м, ж)	27
	VI (ж)	13, 1		IV, 3 (м, ж)	
Юкагиры	II (м, ж)	15, 2	Шляпы		
	III (м, ж)	15, 1	Якуты	II (м, ж)	
	IV (м, ж)		Нивхи	I (м)	18, 1
	V (м, ж)	15, 3		III (м)	
	VI (ж)	15, 5	Нанайцы	I (м)	20, 1
Коряки оленные	IV (м, ж)	16, 1, 2		III (м)	
Ительмены	IV (м, ж)	16, 3, 4	Ульчи	I (м, ж)	21, 1
Чукчи приморские	IV (м, ж)	17, 1, 2		III (м)	
Чукчи оленные	IV (м, ж)	17, 1, 2	Орочи	I (м)	
	VI (м)	17, 3		III (м)	
Эскимосы	III (м, ж)	17, 4	Удэгейцы	I (м)	22, 1
Нивхи	VII (м, ж)	18, 2		III (м)	
	VIII (ж)	18, 5	Колпаки		
Ороки	III (м)	19, 3, 4	Сибирские татары (тобольские)	I (ж)	5, 3
	VII (м, ж)	19, 1, 2			
Ульчи	VII (м)				
Негидальцы	III (м)	22, 3			
	VIII (ж)	22, 4			

¹ В столбце втором римскими цифрами обозначены типы головных уборов, арабскими — варианты; буквы в скобках указывают на принадлежность головного убора мужчине (м) и женщине (ж). В столбце третьем даны ссылки на фототаблицы.

В приведенной нами сводке типов, а также на специальной карте показано этническое распространение типов и вариантов головных уборов.

I тип капора сохранил элементы древнего головного убора (использование части шкуры с головы животного с ушами и небольшими рогами). Он локализовался на европейском, приобском и приенисейском севере, был распространен у ненцев и заимствован их соседями: северными хантами и манси, а также норильскими эвенками.

II тип капора в прошлом был, по-видимому, характерен для западной группы эвенков, хотя к концу XIX в. он у них уже вышел из употребления, но сохранился у соседних народов (у восточных хантов, байшинских селькупов и долганов). Капор этого типа бытовал также у энцев и иганасанов, что вполне закономерно, так как тунгусские элементы прослеживаются и в другой одежде этих народов.

III тип капора был известен всем народам Сибири, в составе которых можно предполагать тунгусский компонент. Капор этого типа у ороков и негидальцев сохранял еще и древнюю традицию; центральная, продольная, часть его обычно выкраивалась из лобной шкурки животного (олени).

IV тип капора строго локализовался на северо-востоке.

V и VI типы капоров были характерны для тунгусоязычных народов северо-востока и, по-видимому, вели

свое происхождение от одного из древнетунгусских головных уборов.

VII тип капора был известен только некоторым народам Амура.

VIII тип капора — монгольского происхождения; он представлял собой переходную форму к шапке.

Выявленные у народов Сибири типы шапок и шляп распространены и за ее пределами.

При изучении головных уборов возникает вопрос о связи их с тем или иным типом одежды. При исследовании одежды народов Сибири выяснилось, что основной верхней одеждой у этих народов была распахная одежда с прямым разрезом спереди и со сходящимися полами. Изучение головных уборов показало, что распахной одежде соответствовал определенный головной убор — капор, который в описываемое нами время также являлся основным головным убором народов Сибири. Распахная шуба и капор, обычно сочетались по материалу и украшениям.

Правильность определения типов верхней одежды подтверждается и анализом головных уборов. В тех случаях, когда у какого-либо народа имелось несколько типов одежды, многотипность наблюдалась и в головных уборах. Так, например, у ороков бытовала одновременно нивхская и эвенкийская одежда и головные уборы у них были нивхские и эвенкийские. Подобные же факты наблюдались и у негидальцев.

НЕНЦЫ

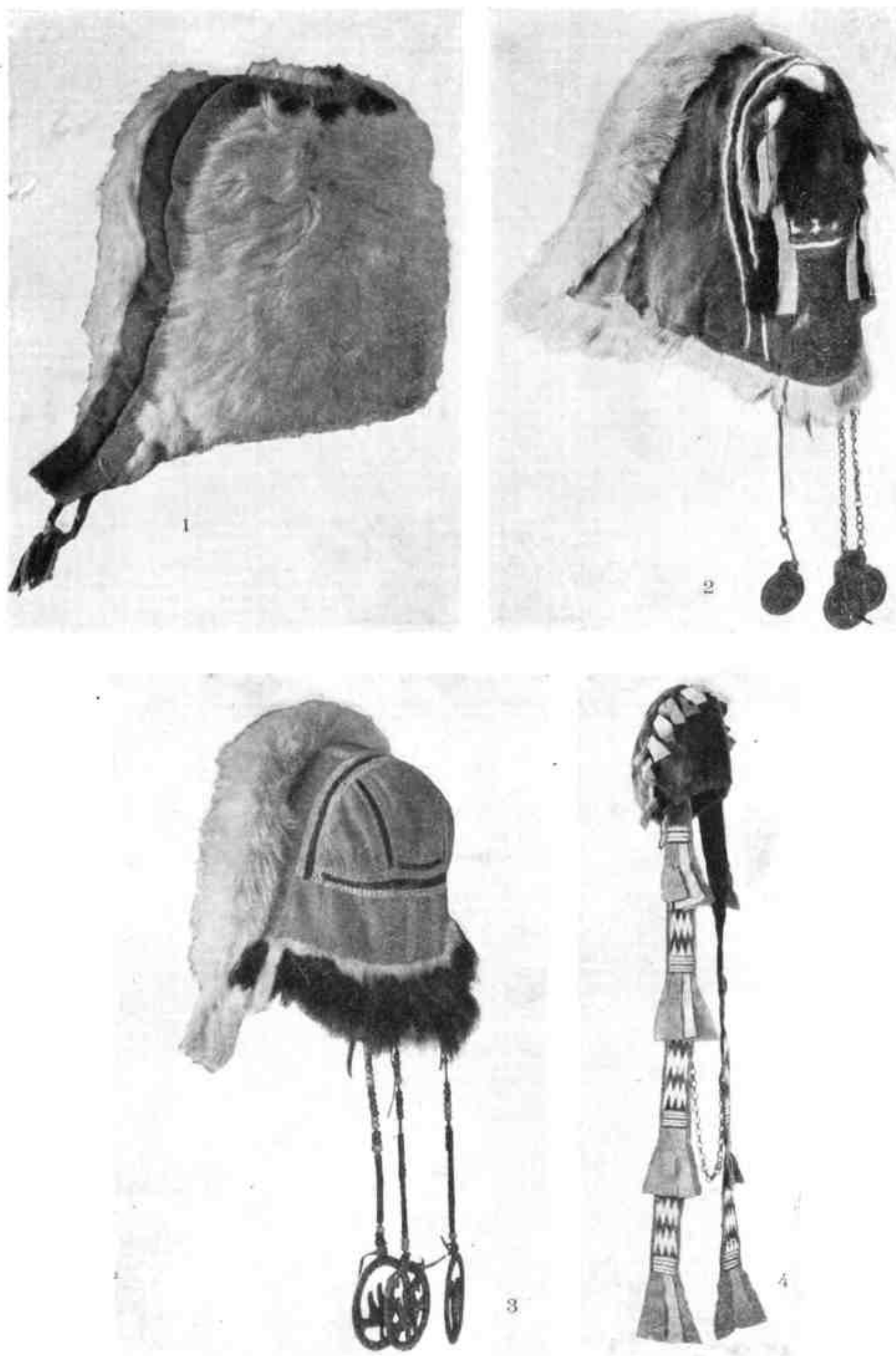

ТАБЛИЦА 1

1 — мужская шапка (ненцы канинские); 2 — женский капор; 3 — женский капор (ненцы восточные);
4 — женский капор (ненцы кашиские).

МАНСИ

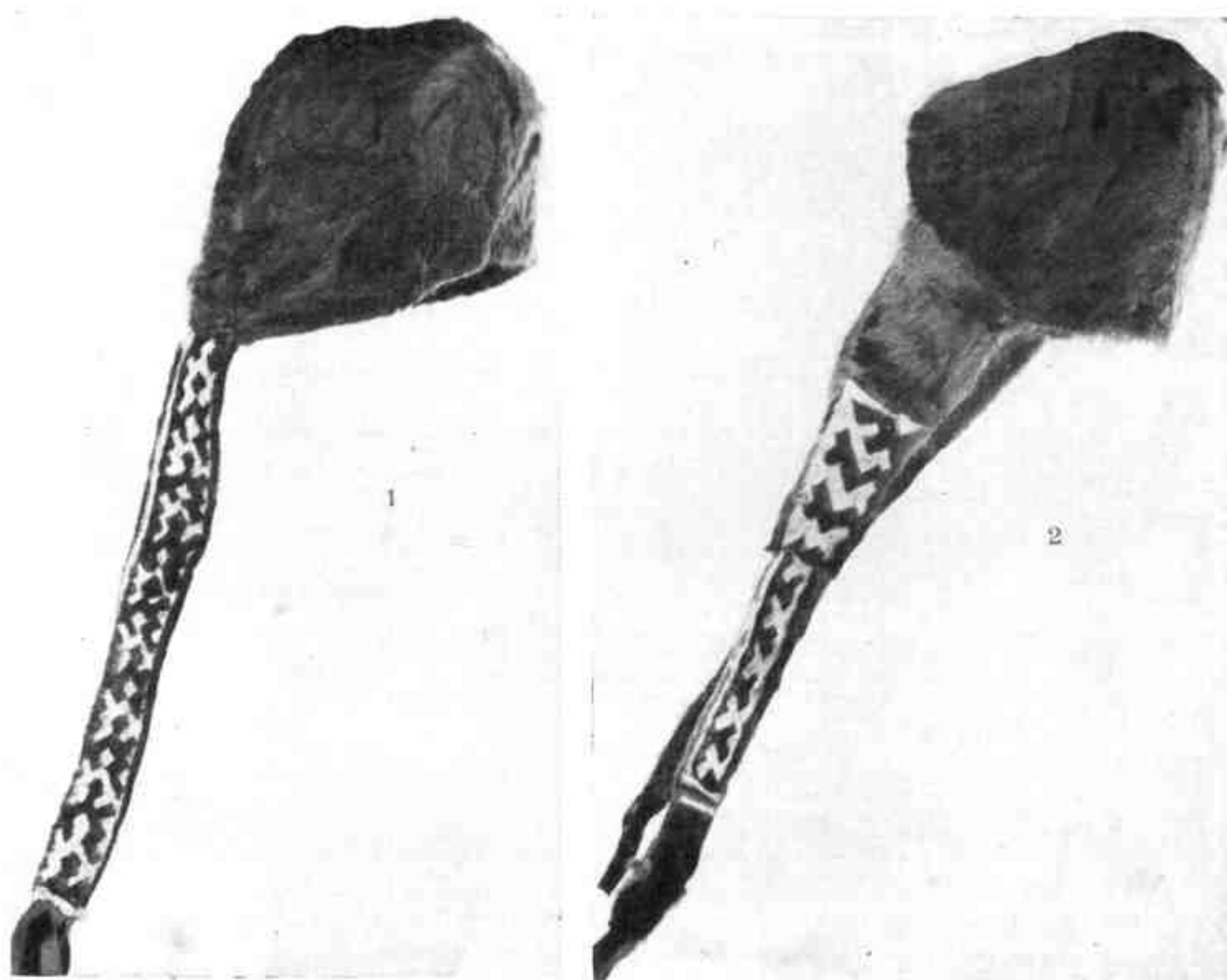

ТАБЛИЦА 2

1 и 3 — мужские капоры; 2 — мужская зимняя шапка.

МАНСИ

ХАНТЫ

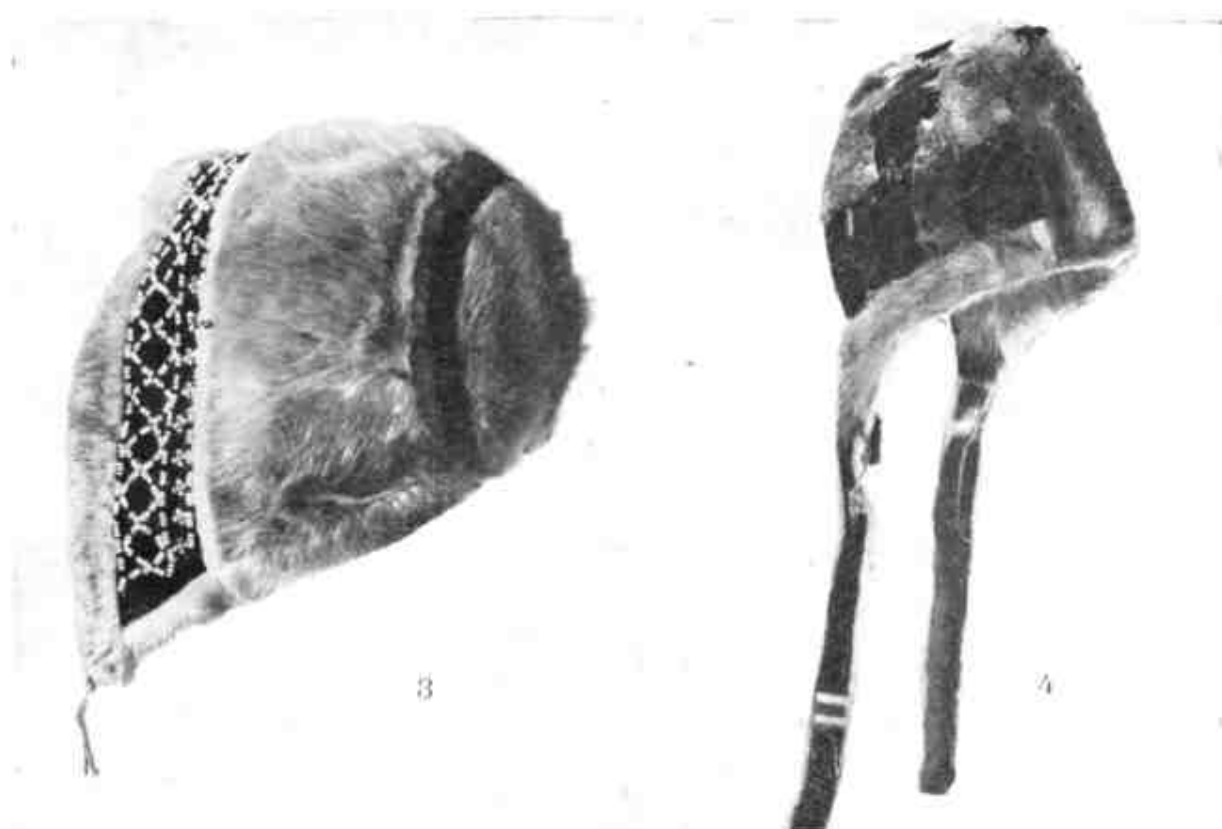

ТАБЛИЦА 3

1 и 2 — женские капоры (манси северные); 3 и 4 — мужские капоры (ханты восточные).

ХАНТЫ

ТАБЛИЦА 4

1 — женский капор (ханты северные); 2 — головная повязка (ханты северные); 3 — головная повязка (ханты пртышские).

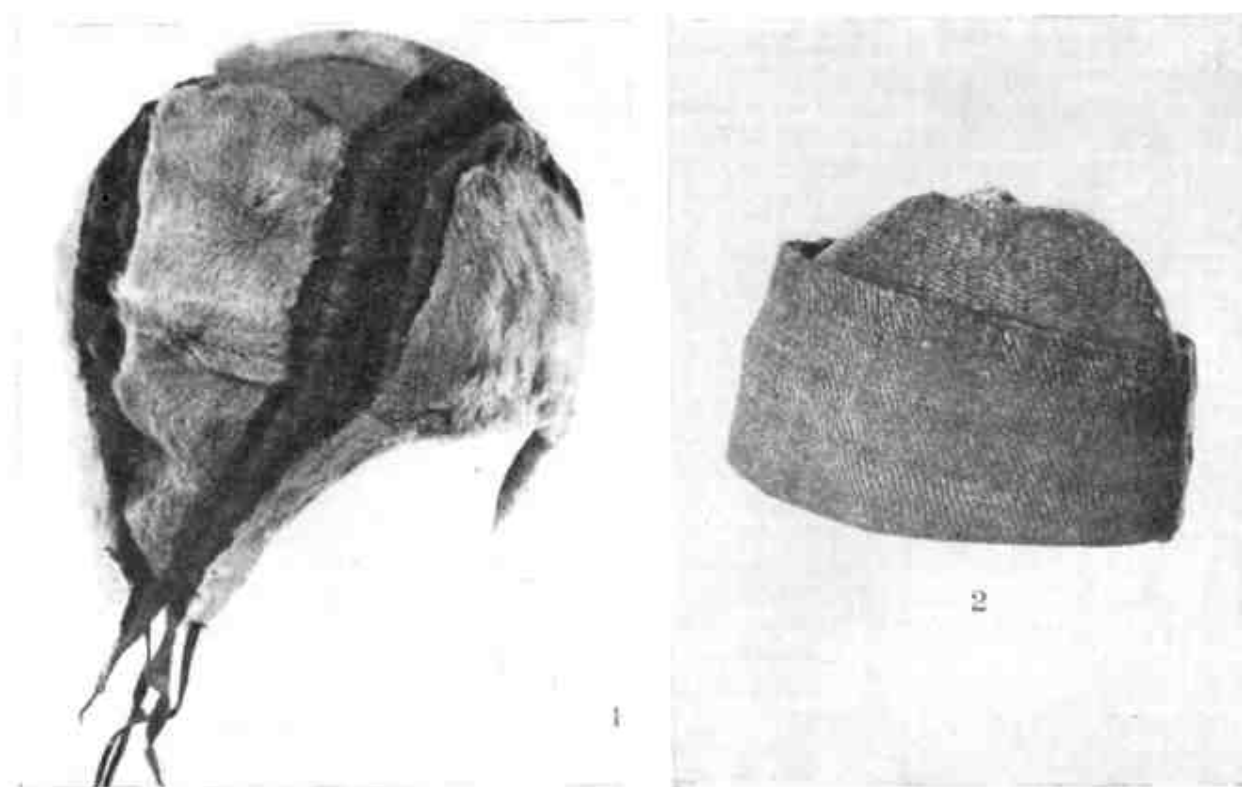
СИБИРСКИЕ ТАТАРЫ

ТАБЛИЦА 5

1 — мужская тюбетейка (татары тобольские); 2 — мужская зимняя шапка (татары тобольские); 3 — женский колпак (татары тобольские); 4 — головная повязка (татары тобольские).

СЕЛЬКУПЫ

КЕТЫ

ТАБЛИЦА 6

1 — мужской капор (селькупы баишинские); 2 — мужская шапка (селькупы нарымские); 3 — мужской капор.

ЭВЕНКИ

ТАБЛИЦА 7

1 — капор (эвенки с р. Катанга); 2 — капор (эвенки плимпейские); 3 — капор (эвенки авамские); 4 — капор (эвенки вилейские).

ЭВЕНКИ

ТАБЛИЦА 8

1 — женский капор (эвенки норильские); 2 — женский капор (эвенки охотские); 3 и 4 — капоры (эвенки охотские).

ЭВЕНКИ

ТАБЛИЦА 9

1 — капор (эвенки охотские); 2 — мужская головная повязка (эвенки сымские); 3 — женская шапка (эвенки забайкальские); 4 — шапка (эвенки-скотоводы).

ДОЛГАНЫ

ТАБЛИЦА 10
1-4 — капоры.

ЭНЦЫ И НГАНАСАНЫ

ТАБЛИЦА 11

1 — женский капор, нижний (энцы); 2 — женский капор, нижний (нганасаны); 3 — женский капор, верхний (энцы); 4 — женский капор, верхний (нганасаны).

ЯКУТЫ

ТАБЛИЦА 12

1 и 2 — капоры; 3 — женская шапка; 4 — капор.

ЭВЕНЫ

1

2

3

4

ТАБЛИЦА 13

1 — женский открытый капор; 2 — летний капор; 3 — зимний капор; 4 — капор.

ЭВЕНЫ

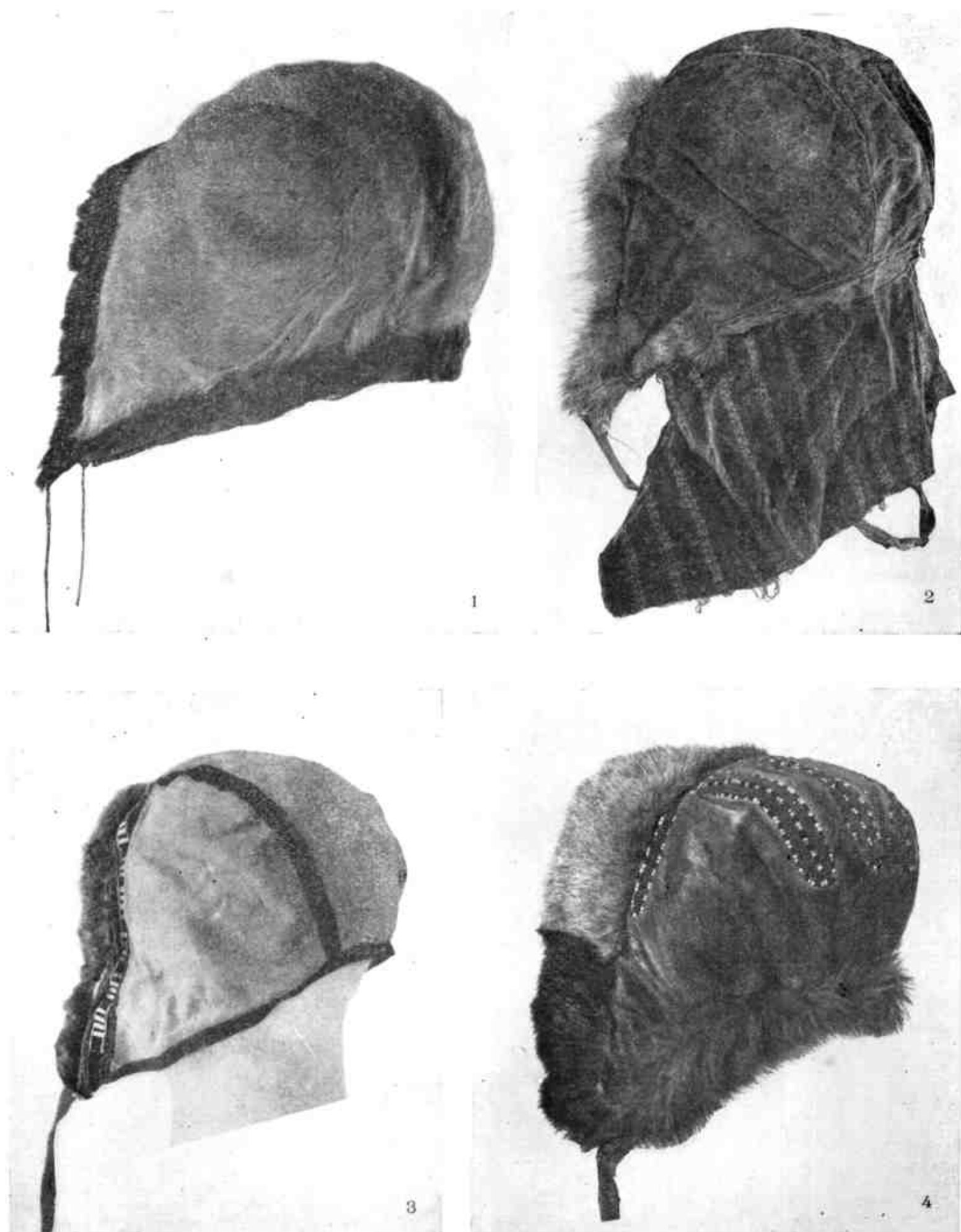

ТАБЛИЦА 14

1-4 — напоры.

ЮКАГИРЫ

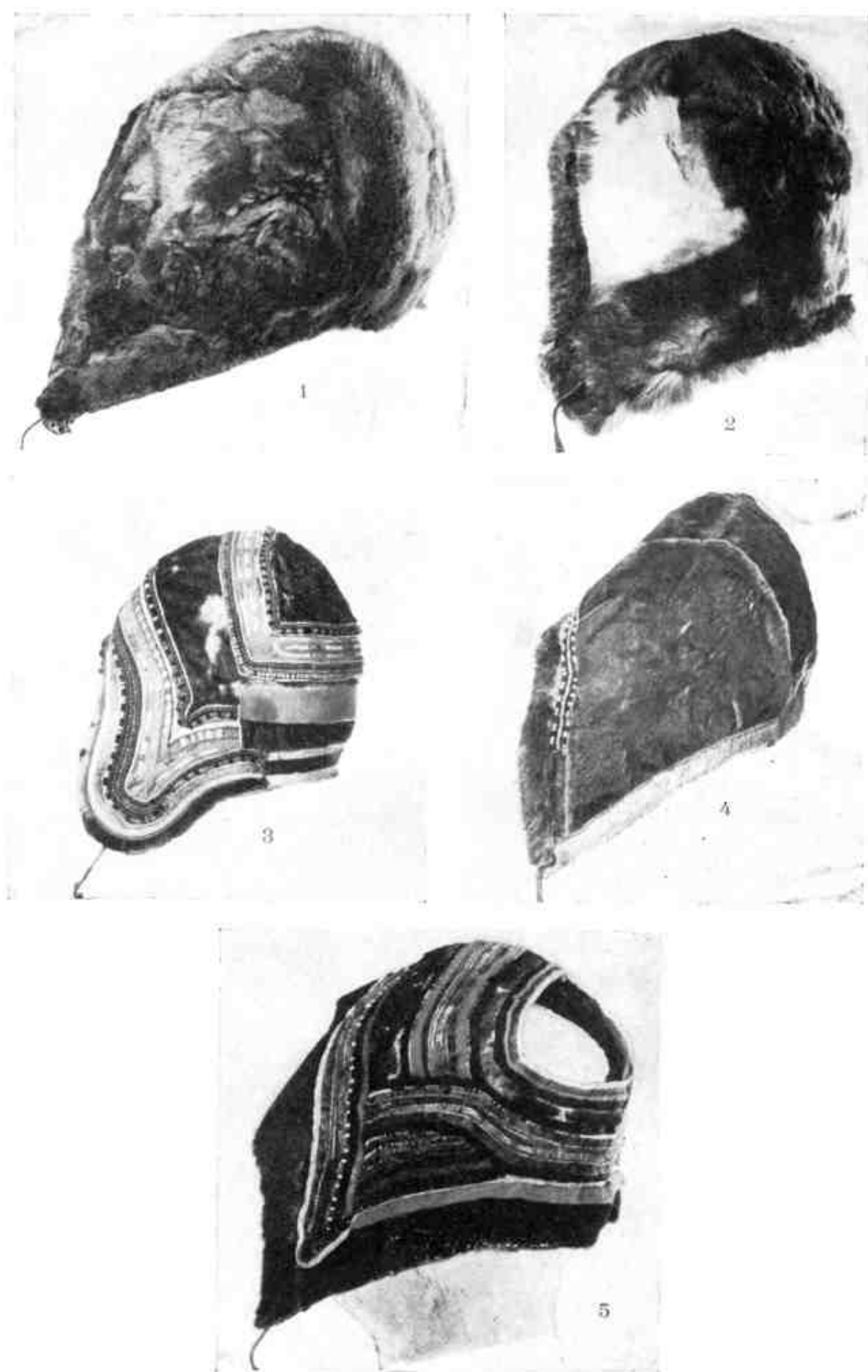

ТАБЛИЦА 15
1 — 4 — капоры; 5 — открытый капор.

КОРЯКИ

ИТЕЛЬМЭНЫ

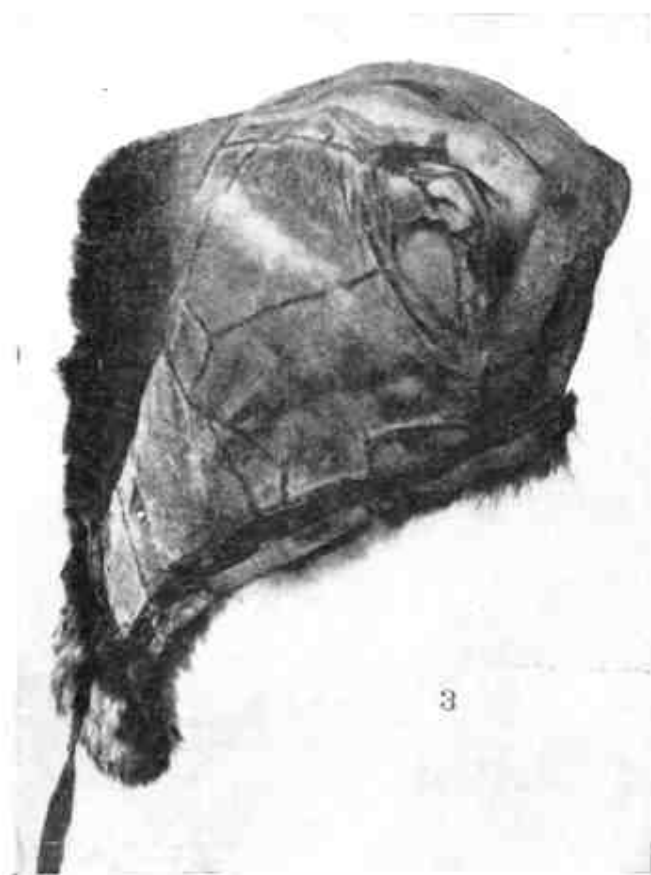

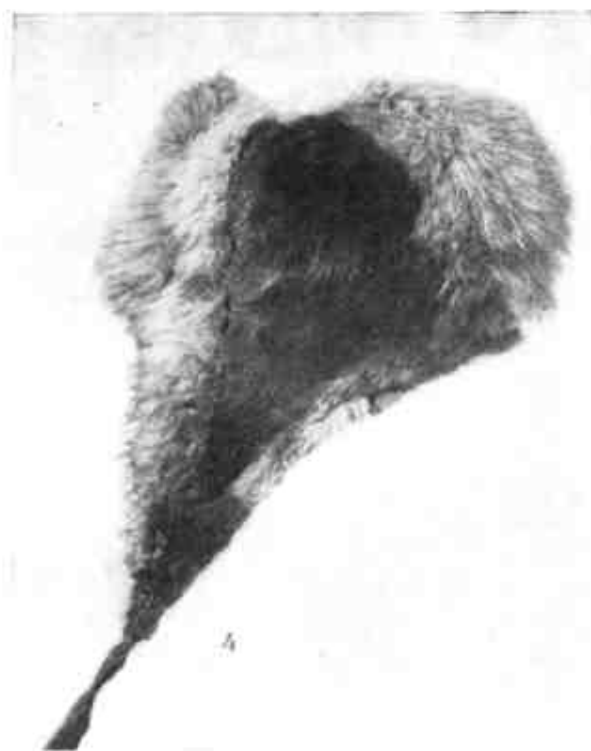
ТАБЛИЦА 16
1 — 4 — капоры.

ЧУКЧИ

ЭСКИМОСЫ

1

4

2

5

3

6

ТАБЛИЦА 17

1 и 2 — капоры; 3 — мужской открытый капор; 4 — капор; 5 — шапка из птичьих шкурок; 6 — шапка из кипечных полосок.

НИВХИ

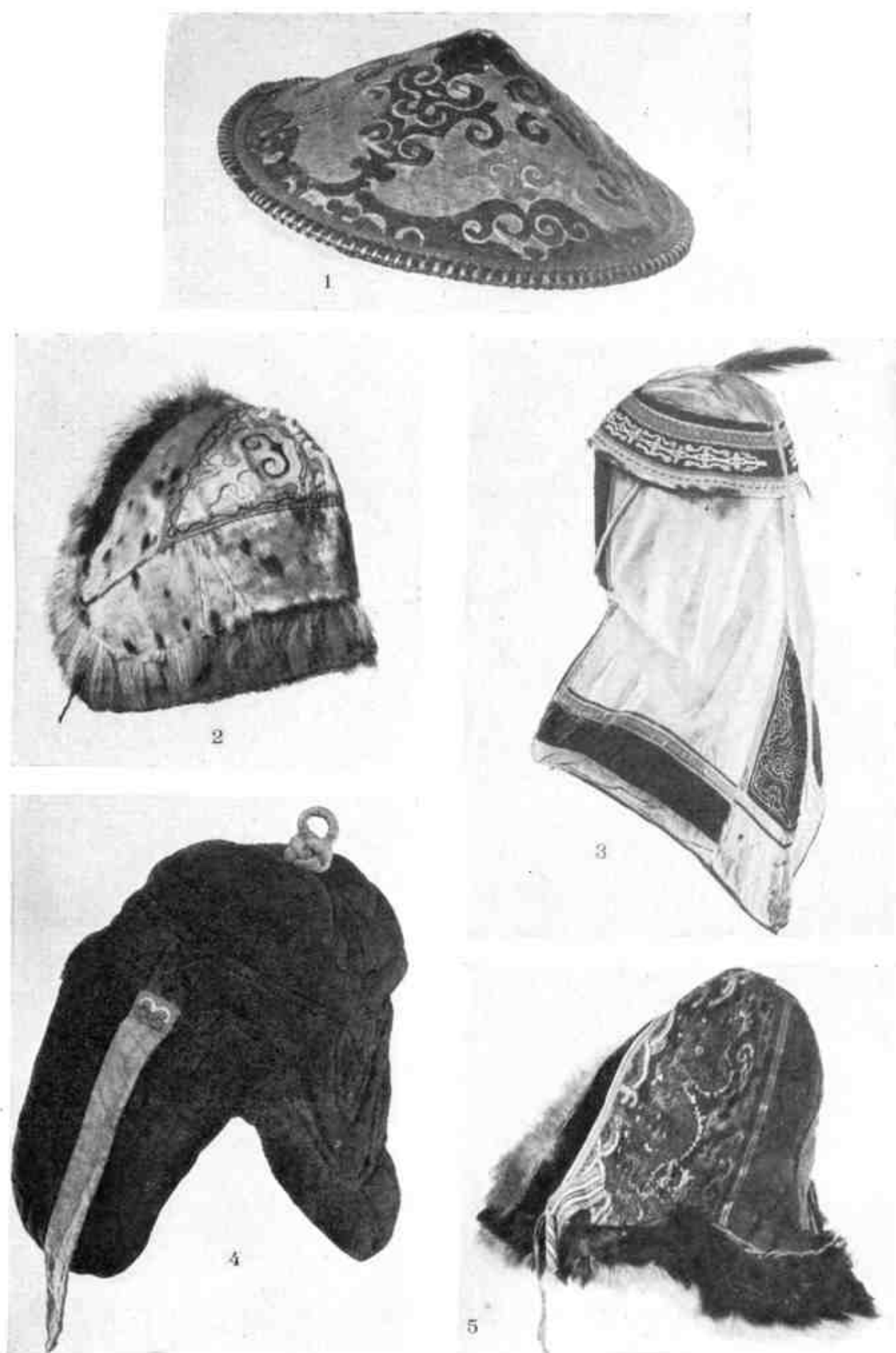

ТАБЛИЦА 18

1 — шляпа из бересты; 2 — мужской капор; 3 — мужская шапочка и шлем; 4 — женская шапка; 5 — женский капор.

ОРОКИ

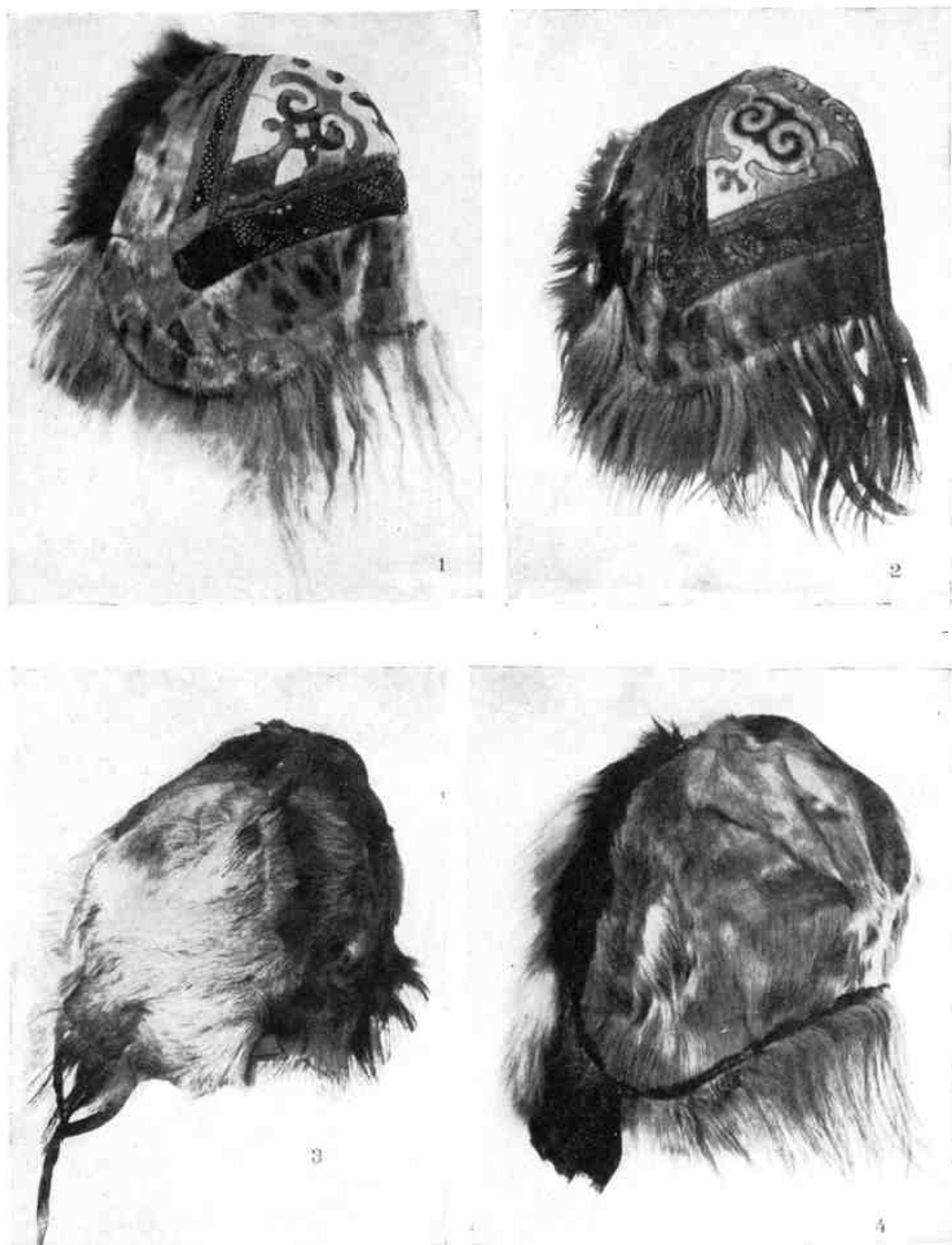

ТАБЛИЦА 19

1 — женский капор; 2 — 4 — мужские капоры.

НАНАЙЦЫ

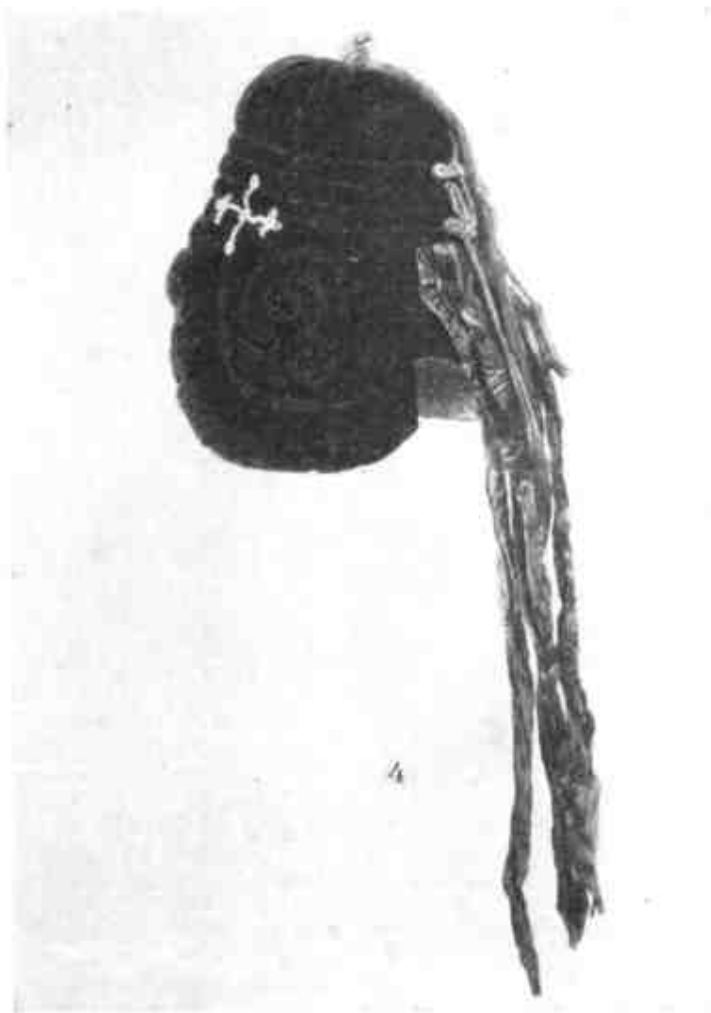
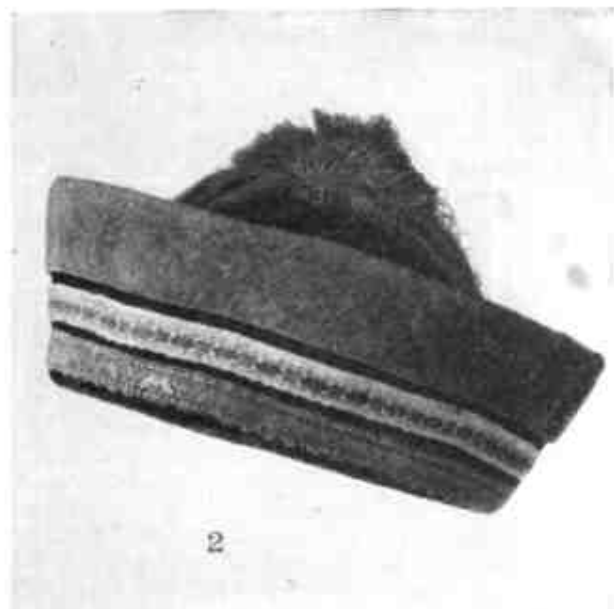

ТАБЛИЦА 20

1 — шляпа из бересты; 2 — мужская шапка; 3 — мужская шапочка и шлем; 4 — женская шапка.

УЛЬЧИ

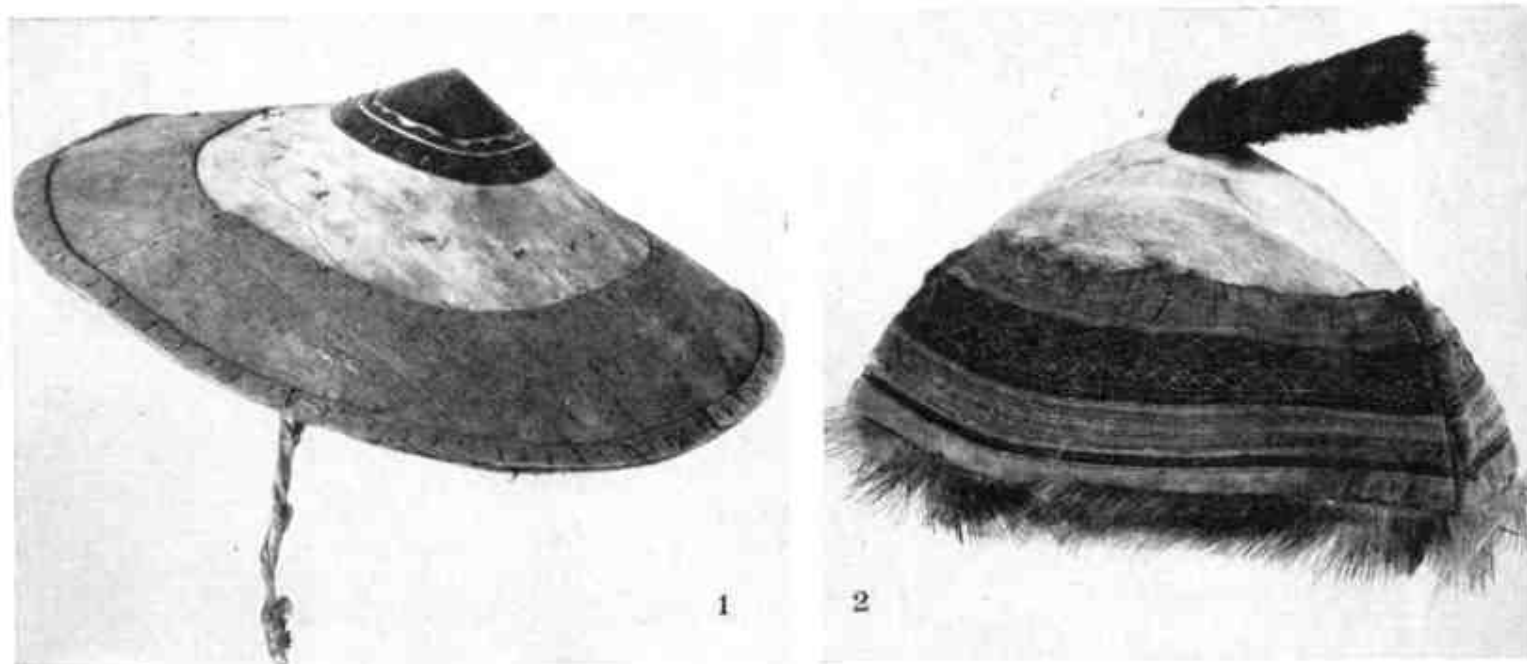
ОРОЧИ

ТАБЛИЦА 21

1 — шляпа из бересты; 2 — женская шапка; 3 — мужская шапочка; 4 — женская шапка.

УДЭГЕЙЦЫ

НЕГИДАЛЬЦЫ

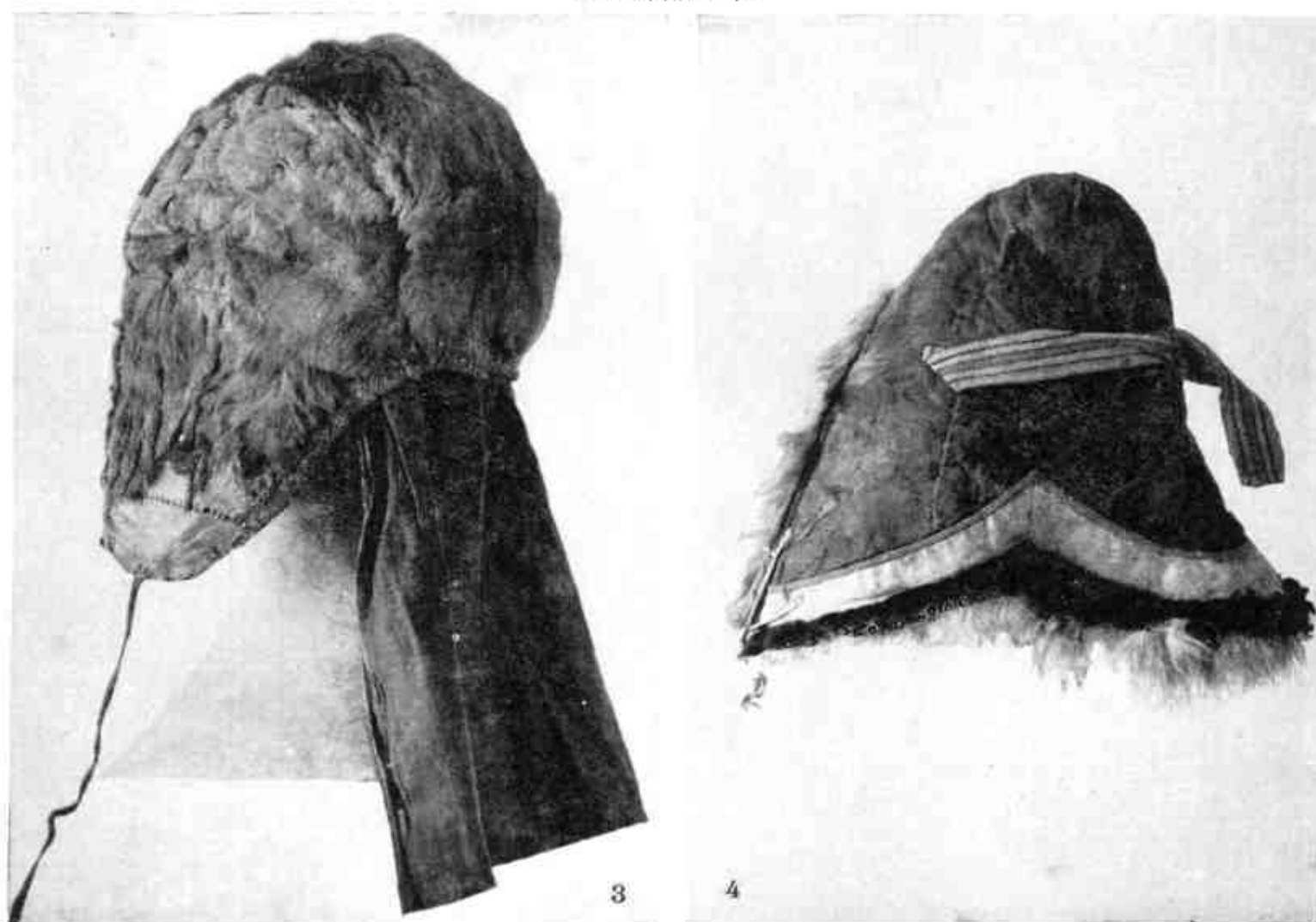

ТАБЛИЦА 22

1 — шляпа из бересты; 2 — мужская шапочка; 3 — мужской капор; 4 — женский капор.

ШОРЦЫ

АЛТАЙЦЫ

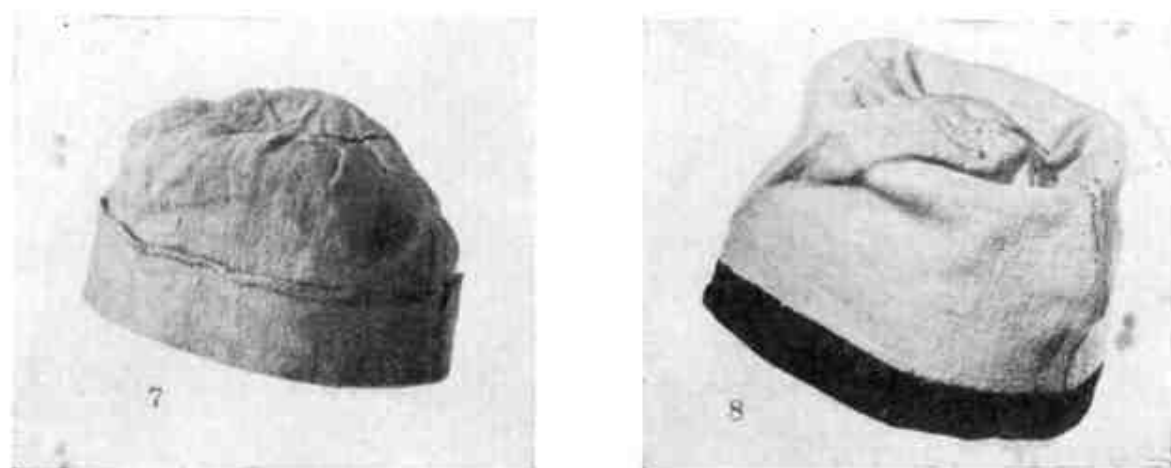

ТАБЛИЦА 23

1 — мужской картуз из кожи; 2 — мужской картуз из холста; 3 — мужской картуз из бересты;
4 — мужская летняя шапка; 5, 6 — мужские зимние шапки; 7 — мужская шапка (челканцы);
8 — мужская шапка (кумандинцы).

АЛТАЙЦЫ

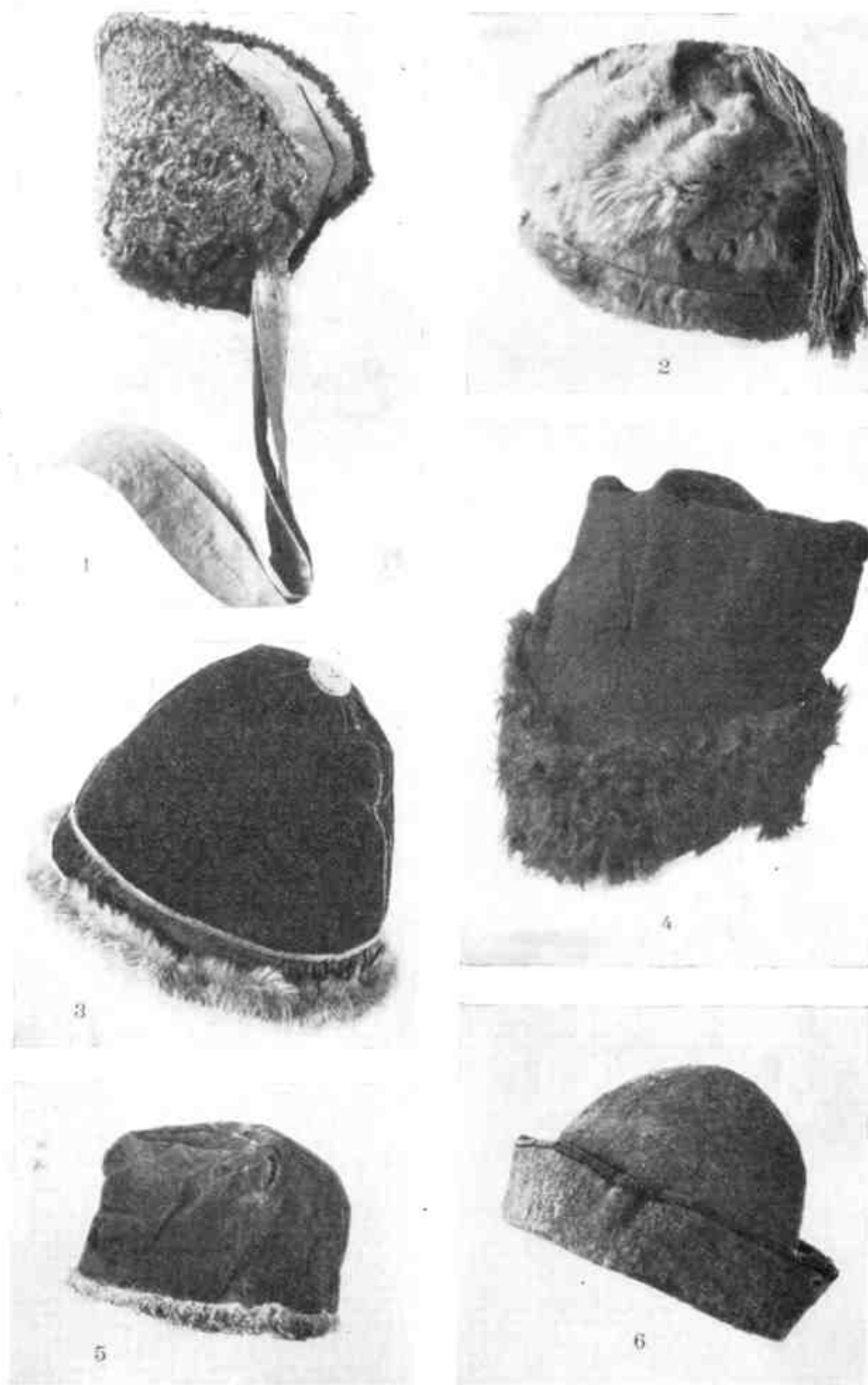

ТАБЛИЦА 24

1 — мужская и женская шапка (алтай кижиги); 2 — шапка (алтай кижиги); 3 — зимняя шапка (теленгиты); 4 — женская шапка (телеуты); 5 — зимняя шапка (телеуты); 6 — мужская войлочная шапка (телеуты).

ХАКАСЫ

1

2

3

ТУВИНЦЫ

4

5

ТАБЛИЦА 25

1 — мужская зимняя шапка; 2 — женская зимняя шапка; 3 — шапка; 4 и 5 — мужские шапки.

ТУВИНЦЫ

ТОФАЛАРЫ

ТАБЛИЦА 26

1 — мужская шапка; 2 — женская шапка; 3 — мужская зимняя шапка; 4 — шапка.

БУРЯТЫ

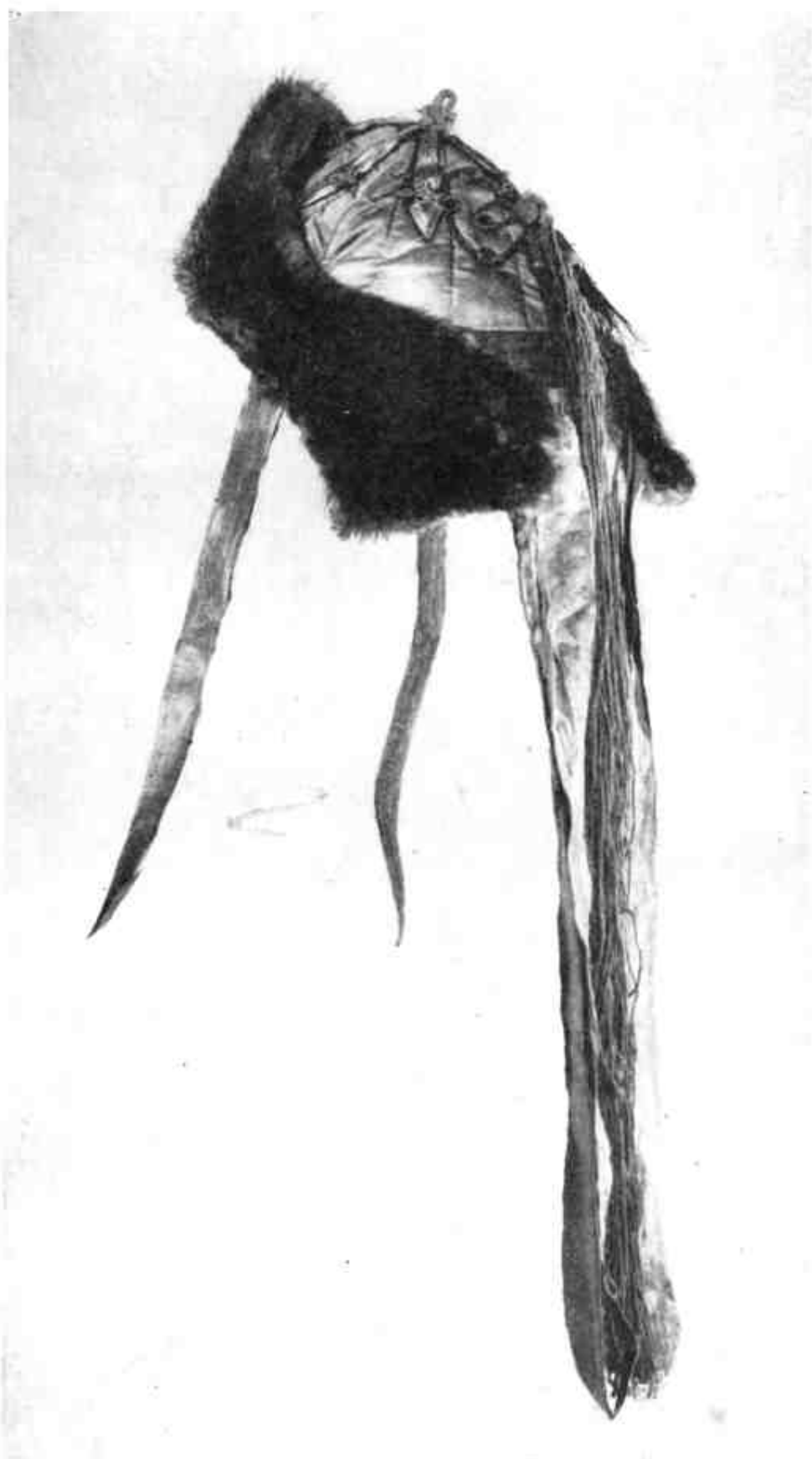

ТАБЛИЦА 27
Шапка.

ТИПЫ КАПОРОВ

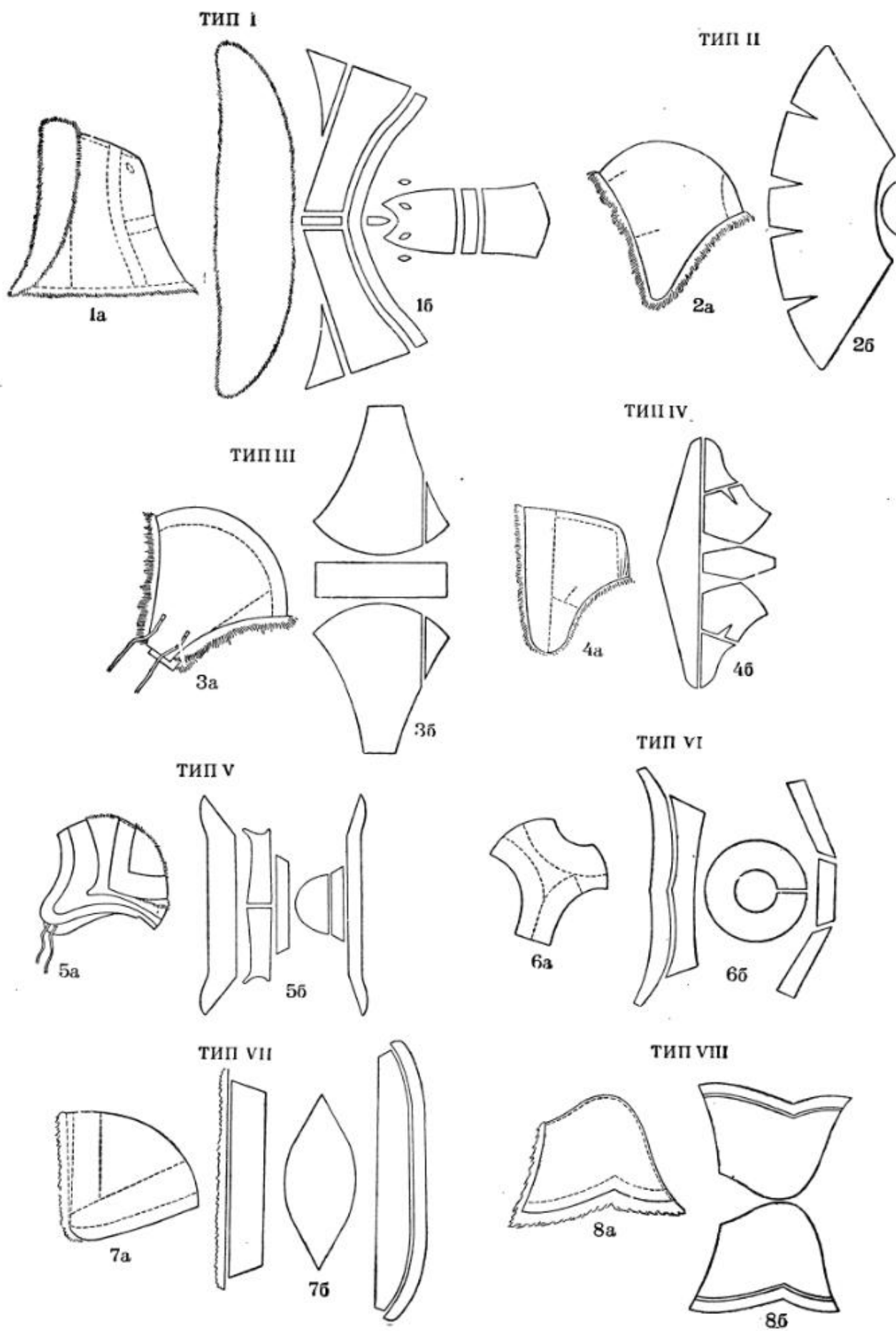
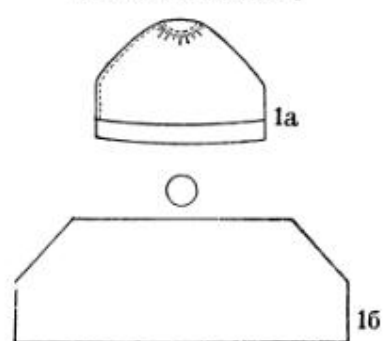

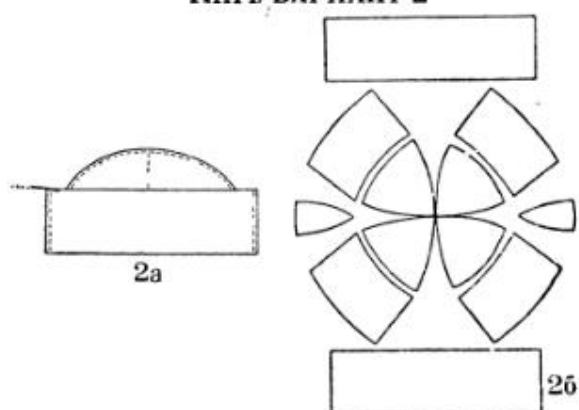
ТАБЛИЦА 1
Чертежи-схемы и раскрой.

ТИПЫ ШАПОК

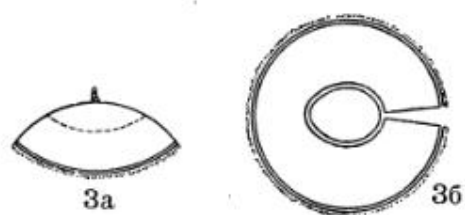
ТИП I. ВАРИАНТ 1

ТИП I. ВАРИАНТ 2

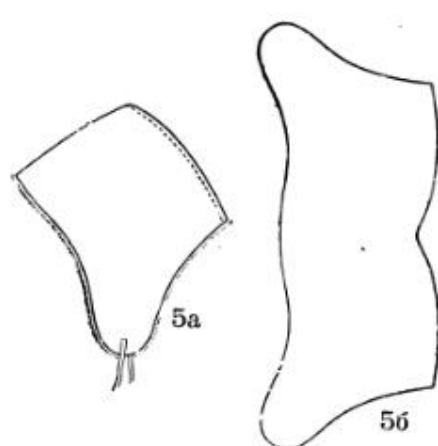
ТИП II

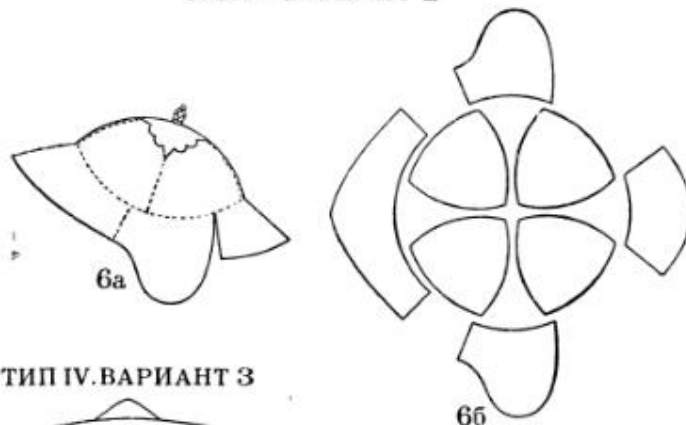
ТИП III

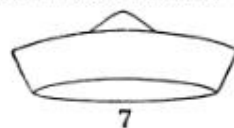
ТИП IV. ВАРИАНТ 1

ТИП IV. ВАРИАНТ 2

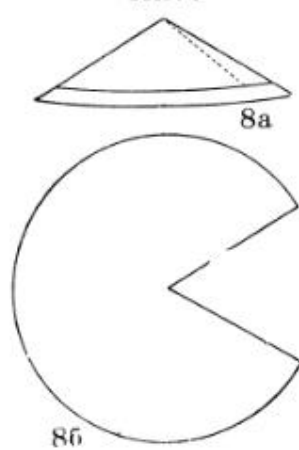

ТИП IV. ВАРИАНТ 3

ТИПЫ ШЛЯП

ТИП I

ТИП II

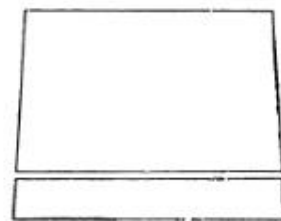
ТИП III

ТИПЫ КОЛПАКОВ

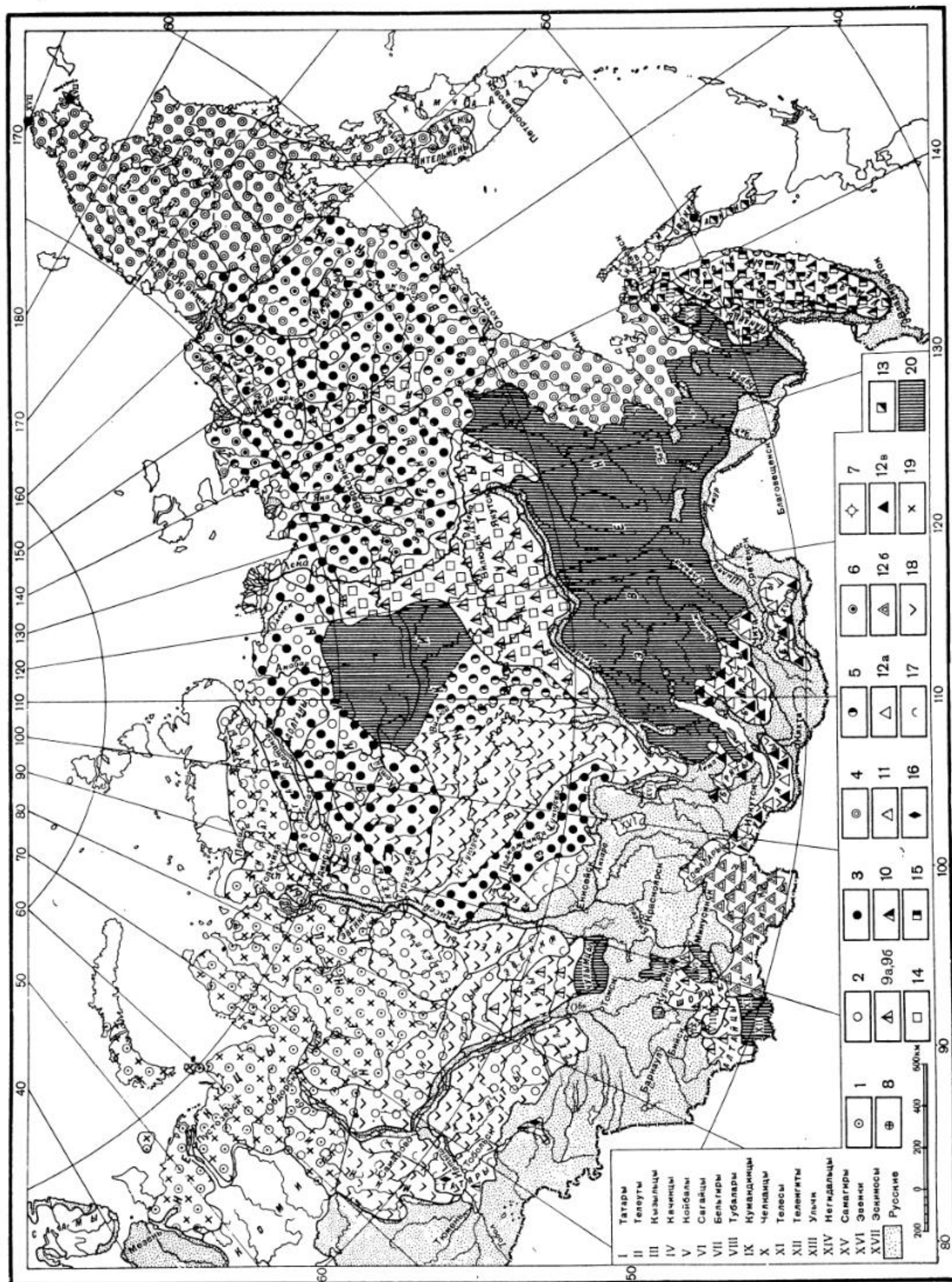

11a

11б

10
ТАБЛИЦА II
Чертежи-схемы и раскрой.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТИПОВ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ

апорты: 1 — тип I; 2 — тип II; 3 — тип III; 4 — тип IV; 5 — тип V; 6 — тип VI; 7 — тип VII; 8 — тип VIII.
 Шапки: 9a, 9b — тип I; 10 — тип II; 11 — тип III; 12a — тип IV, вариант 1-й; 12b — тип IV, вариант 2-й; 13 — тип IV, вариант 3-й.
 Шляпы: 14 — тип I; 15 — тип II; 16 — тип III; 17 — тип IV; 18 — тип V; 19 — тип VI; 20 — тип VII; 21 — тип VIII.

О Р Н А М Е Н Т

В зависимости от целей изучения народный орнамент классифицируют по материалу, технике или предметам, на которых он нанесен, по ведущим сюжетам и мотивам, по содержанию, по местным названиям узоров и т. д.

Совокупность ряда признаков орнамента принимает обычно устойчивый характер, отражая господствующие в данный исторический период художественные вкусы народа, его социальных групп или классов.

Как и другие явления культуры, орнамент не остается раз навсегда неизменным, хотя отдельные мотивы и признаки его могут удерживаться в течение весьма длительного времени. Орнамент развивается: он усложняется или упрощается, переоформляется, утрачивает одни и приобретает другие черты в зависимости от той конкретной исторической обстановки, в условиях которой протекает его бытование.

Настоящий раздел не ставит своей задачей всестороннее изучение орнамента, его цель — выявление основных его типов, бытовавших в течение второй половины XIX и первой четверти XX в. Ограничивая документальный материал указанным периодом, необходимо, однако, указать, что многие из приведенных ниже узоров и типов орнамента

сохраняются и в наши дни, хотя в советское время в состав орнамента вошел ряд новых мотивов и эмблем.

В основу типа нами положены орнаментальные фигуры (мотивы), т. е. наиболее характерные и относительно устойчивые признаки орнамента.

Прилагаемые иллюстративные таблицы не охватывают всего многообразия орнаментальных форм, созданных народами Сибири на протяжении многих столетий. Они дают представление лишь о наиболее распространенных мотивах, встречающихся на одежде, посуде, утвари, постройках и других предметах материальной культуры этих народов.¹ Ниже, при описании самих типов, характеристика орнамента будет несколько расширена.

Таблицы образцов орнамента пронумерованы арабскими цифрами в отличие от таблиц с типами орнамента, помеченных римскими цифрами. Те же римские цифры, заключенные в скобки, помещены и на таблицах образцов рядом с порядковым номером рисунка. Они указывают на принадлежность данного орнаментального мотива к одному или нескольким типам. В тех случаях, когда эта принадлежность неясна, рисунок имеет только порядковый номер.

I

Ханты и манси (табл. 1 и 2). Орнамент хантов и манси (обских угров) в основных своих чертах настолько близок, что для наших целей с полным основанием может рассматриваться как нечто целое.

Среди мотивов, входящих в его состав, имеются как простые, так и более сложные.

К первым следует отнести полосы, прямоугольники, ромбы, зигзаг, шевроны, вписанные треугольники, сетку, волнистую линию, меандры, шашечные узоры, ломаные линии, равнобедренные треугольники, вершина которых увенчана поставленным на угол квадратом (так называемые «головки»), крест из пяти квадратиков, крест с перекрещенными концами, простейший роговидный узор, диагонально пересеченные квадраты, кружки с точкой в центре, концентрические круги, серии точек, пятиугольные ячейки и другие фигуры.

К более сложным мотивам принадлежат роговидные фигуры со многими отростками, вертикальные линии или полосы с отходящими от них вправо или влево прямыми отростками, такие же полосы, пересеченные рядом коротких горизонтальных полос, ромбы с отростками. У южных (иртышских) хантов и южных манси в вышивке встречаются ступенчатые ромбы, четырех- и восьмиконечные розетки и геральдически расположенные фигуры птиц, стоящих по сторонам стилизованного дерева.

На севере территории, занимаемой народами угорской группы, преобладают узоры из светлого и темного оленьего меха и цветных сукон (на одежде, мешках); на юге — узоры, вышитые цветными, главным образом красными и

синими, нитками по холсту, а также орнамент из бисера. Широко распространена берестяная орнаментированная посуда. На деревянных и костяных изделиях орнамент встречается реже.

Ненцы (табл. 3 и 4). Ненецкий орнамент примыкает к простейшим хантыйско-мансийским узорам. В его составе встречаются полосы, квадраты и рогообразные фигуры, «головки», треугольники, пересеченные прямоугольники, зигзаг, кружки; широко используются мех и цветные сукна. Орнаментом покрываются предметы одежды, мешки, сумки, изделия из кости и дерева.

Селькупы (табл. 5). Орнамент различных территориальных групп селькупов неоднороден по своему составу. У тазовских селькупов он примыкает к ненецкому; у байшинских ограничивается треугольниками, зигзагом, пересеченными квадратами и полосами; у нарымских (тымских и кетских) селькупов — близок к орнаменту восточных (сургутских, ваховских, васьюганских) хантов. Орнамент тазовских и байшинских селькупов строится на прямых, нарымских — на прямых и кривых линиях с характерными расширяющимися к концу отростками. Орнаментируются главным образом одежда и берестяная посуда.

Нганасаны и энцы (табл. 6 и 7). Орнамент этих народов близок к ненецкому, но включает и ряд неизвест-

¹ Для иллюстративных таблиц использованы коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР, Государственного музея этнографии народов СССР, а также ряда музеев Сибири.

ных ненцам мотивов: вильчатые фигуры, наклонно поставленные кресты, F-видные и П-образные фигуры, вертикальные прямые, от которых отходят в ту или другую сторону короткие горизонтальные линии. Известны также мелкие розетки (штампы), дуги, серии точек. Орнаментом покрывается меховая одежда, мешки, изделия из ровдуги и мелкие предметы из кости и металла.

Кеты (табл. 8). Орнамент строго геометрический. Из простейших мотивов встречаются кружки, кружки с точкой в центре, серии точек, полосы, зигзаг, треугольники, пересеченные квадраты или прямоугольники, полукруги. Среди более сложных фигур выделяются рогообразные узоры, похожие на ненецкие, но с закругленными или заостренными концами. Эти узоры, расположенные на горизонтальной линии, нередко чередуются с вертикально поставленными прямыми линиями. Рогообразные узоры образуют иногда крестообразную фигуру. Кроме перечисленных мотивов, встречаются шестиугольные ячейки, заполненные рогообразными узорами. Орнаментом украшается одежда из сукон, берестяная и деревянная посуда и мелкие предметы из кости.

По своим мотивам кетский орнамент, с одной стороны, близок к эвенкийскому, с другой — к простейшим формам хантыйско-мансийского и ненецкого орнамента.

Долганы (табл. 9 и 10). Орнамент геометрический, несложный по своим формам. Часто встречаются цветные горизонтальные полосы, дуги или дуги, увенчанные на месте соединения крестиком, треугольниками, зигзаг, диагонально перекрещенные прямоугольники, вписанные треугольники, ромбы, точки, полукруги, шевроны, перекрещенные и concentрические круги, крестообразные фигуры, четырехконечные розетки. Ряд мотивов сходен с эвенкийскими и якутскими узорами. Орнаментируются одежда, деревянные, костяные и металлические предметы. Широко применяются бисер и цветные сукна.

Эвенки (табл. 11 и 12). Орнамент эвенков, отдельные группы которых разбросаны на огромных пространствах Сибири, представляет собой по составу своих мотивов довольно пеструю картину. Наиболее целостным и, по-видимому, сохранившим древнейшие черты является орнамент дальневосточных и приенисейских эвенков, отдельные мотивы которого прослеживаются у прибайкальских, зейских, алданских и у других групп эвенков.

Орнамент этот строго геометричен, прост по форме и несложен по композиции. Он состоит из полос, дуг или арок, кругов, чередующихся квадратов, прямоугольников, зигзага и различных по форме крестообразных фигур. Из других геометрических мотивов приенисейским эвенкам известны ромбы, диагонально пересеченные квадраты или прямоугольники. Разнообразие применяемого при этом материала, различная расцветка кожи, тканей и бисера значительно обогащают этот простой орнамент и придают предметам нарядную внешность. Эвенки, живущие к западу от Лены, а также по Алдану и Чумикану, восприняли некоторые элементы якутского и амурского криволинейного орнамента (спирали, лирообразные и растительные мотивы), творчески переработав их, что особенно заметно у алданских эвенков (табл. 11, 15—21). Забайкальские эвенки включили в свой орнамент отдельные мотивы бурятского орнамента, маньчжур — даурского и маньчжурского, аяские эвенки — мотивы орнамента северо-восточных палеоазиатов. Эвенки, живущие близко к нанайцам, восприняли от них орнаменты, характерные для нижнеамурского искусства и т. д. Но наряду с локальными орнамент эвенков сохранил и некоторые общие всем группам мотивы. К ним относятся упомянутые выше полосы, круги, а также concentрические кружки и кружки с точкой в центре. Для орнаментации применяются цветные сукна, кожа, бисер, мех, краски, олений волос и цветные нитки. Орнаментом украшаются предметы одежды, выюнные сумы, коврики, мешки, предметы из дерева, кости и металла.

Эвены (табл. 13). Орнамент эвенов мелкий, строго геометрический, примыкающий, с одной стороны, к орнаменту северо-восточных палеоазиатов, с другой — к орнаменту эвенков. Основные мотивы: полосы различных цветов, мелкие, чередующиеся между собой квадраты или прямоугольники светлого или темного цветов (нередко расположенные в шахматном порядке), прямые линии, кресты, круги. Попадаются также криволинейные узоры, припи-

кающие к эвенкам от якутов. Орнамент встречается главным образом на меховой и ровдужной одежде; широко применяются бисер, кожа, белый олений волос и цветные нитки.

Народы Нижнего Приамурья, Приморья и Северного Сахалина (табл. 14 и 15). Орнамент народов Нижнего Приамурья, Приморья и Северного Сахалина (нанайцев, ульчей, пегидальцев, нивхов, ороков, орочей, удэгейцев) очень близок друг другу. Широкое распространение в вышивке и бересте получил здесь довольно крупный криволинейный орнамент, состоящий из разного рода спиралей и завитков, а также розеток, включающий стилизованные (обычно парные) изображения птиц, рыб, бабочек, пресмыкающихся, окруженных теми же спиралью. Все эти зооморфные фигуры нередко и сами превращены в спирали. Орнамент удэгейцев несколько мельче и лишен явно выраженных зооморфных элементов. Различные сочетания перечисленных элементов и сложные композиции придают амурскому орнаменту богатство и многообразие, еще более усиливающиеся благодаря применению ярких и пестрых красок.

При орнаментации одежды широко используются цветные ткани, разноцветные шелковые нитки, а также окрашенная в синий, реже в красный и другие цвета рыба кожа. Иногда вместо ниток употребляется белый олений или лосиный волос. Наряду с криволинейным встречается иногда и прямолинейный, крайне простой по своим формам орнамент, в основе которого лежат полосы, мелкие квадраты или прямоугольники (в вышивке). Кроме описанного, у перечисленных народов, особенно в низовьях Амура и на Сахалине, распространен резной по дереву и кости спирально-ленточный орнамент с характерным для него переплетением широких лент.

Циркульный орнамент, состоящий из мелких кружков, вкрапленных между спиралью и лентами, встречается значительно реже (на кости, дереве, иногда бересте).

В нижнеамурской орнамент вошли также и некоторые мотивы и символические знаки китайского происхождения. Таковы, например, дракон, летучая мышь, фигура, напоминающая медную китайскую монету «чоха», с отверстием в середине (ср. табл. XI, 17), знак «инь-ян» (ср. табл. XI, 18), меандр и некоторые другие.

Орнаментом украшаются одежда, постройки, лодки, берестяная и деревянная посуда, циновки, мелкие предметы из кости и металла. Орнаментация предметов, составивших прежде собственность зажиточной верхушки населения, особенно торговой ее прослойки, отличалась особой пышностью и цветистостью. Широко использовался для этого бархат (для фонов), китайские шелковые ткани и нитки. Бедняки довольствовались берестой, рыбой кожей и дешевыми тканями.

Айны сахалинские и курильские (табл. 16). Орнамент айнов геометрический, прямолинейно-криволинейный, в отдельных случаях переходящий в растительный. Излюбленными мотивами являются одиночные или парные спирали, широкие ленты, узор, похожий на фигурную скобку, ступенчатые ромбы, прямоугольники, расположенные в шахматном порядке. На Сахалине, где айны соприкасались с нивхами, орнамент включил в свой состав некоторые нивхские элементы. На плетеных изделиях курильских айнов имеется орнамент, близкий по своим мотивам к орнаменту на корякских корзинках и на мешках, плетенных из травы (табл. 16, 7, 8). Орнаментировались одежда, деревянная посуда и утварь, мелкие предметы из кости, плетеные циновки.

Алеуты (табл. 17—19). Преобладает простейший прямолинейно-геометрический орнамент, состоящий из точек, полос (нередко окрашенных в пестрые цвета), прямоугольников, расположенных в шахматном порядке, чередующихся между собой квадратов светлого и темного цветов, зигзага, ромбов, углов, ступенчатых ромбов, косых крестов и других узоров. В росписи нередко встречаются S-видная спираль, розетки, кружковый орнамент, шевроны и дуги.

Орнаментом украшались одежда из кишок морских животных, плетеные мешки и циновки, деревянные и костяные предметы. Широко использовались белый олений волос, кожа, нитки (от русских) и краски.

Большая часть орнаментированных предметов вышла из употребления еще в XIX в.

Чукчи (табл. 20). Орнамент строго геометрический, с преобладанием прямолинейных форм. Широко распространены полосы, мелкие квадраты и прямоугольники

(нередко расположенные в шахматном порядке), шевроны, треугольники, диагонально пересеченные прямоугольники, ромбы, зигзаг, полуovalы, круги, полукруги, циркульный орнамент, пунктир, сетка, четырехконечные, приближающиеся к кругу розетки, Y-образные фигуры, напоминающие китовые хвосты, сердцевидные и Ж-образные фигуры и составленные из них кресты.

Орнаментом украшаются кожаная одежда и другие изделия из кожи, при этом широко используется белый олений волос и покупные нитки. Орнамент на костяных предметах встречается относительно редко.

Азиатские эскимосы (табл. 21). Характер и формы орнамента те же, что у чукчей, дополненные в текущем столетии рядом более сложных геометрических, а также растительных узоров.

Орнаментируются главным образом одежда, обувь, сумочки. Для вышивки применяются олений волос, цветные нитки, кожа и бисер.

Коряки (табл. 22 и 23). Орнамент во многом сходен с мелким геометрическим орнаментом чукчей, но в плетении и меховых изделиях принимает более крупные размеры и иногда более сложные формы. У коряков, особенно пенжинских, прослеживается в орнаменте влияние русского народного искусства (шестилепестковые розетки, вписанные в круг, цветочные мотивы), а у южных — некоторые мотивы айнского искусства (парная спираль с бутоновидным выступом между завитками), попавшие к корякам, по-видимому, через посредство ительменов.

Орнаментируются одежда, меховые ковры, изделия из кости и металла, берестяная посуда, плетеные мешки и корзинки. Кроме местных материалов, применяются цветные нитки и бисер.

Ительмены (табл. 24). В связи с обрусением населения Камчатки старинный ительменский орнамент почти исчез. Представление о нем дают предметы XVIII и начала XIX в., хранящиеся в музеях или описанные в литературе того времени. Ительменский орнамент сходен с мелким геометрическим орнаментом чукчей и коряков. Подобно корякскому он включает в свой состав мотивы русского народного орнамента (гирлянды с бутонами и цветами). Орнаментировались меховая одежда, нарты, предметы из кости и металла.

Юкагиры (табл. 25). Орнамент примыкает, с одной стороны, к мелкому геометрическому орнаменту чукчей, коряков и ительменов, с другой — к эвенско-эвенкийскому (круги, дуги, дуги с ромбовидными утолщениями на месте соединений). Орнаментом украшаются одежда, обувь, деревянные и костяные предметы. Широко используются кожа, бисер, цветные сукна и белый олений волос.

Якуты (табл. 26—30). Якутский орнамент XIX и начала XX в. включает в свой состав как прямолинейные, так и сложнокриволинейные мотивы, нередко в соединении друг с другом. Простейшие прямолинейно-геометрические узоры состоят из полос (простых или покрытых вертикально или наклонно расположенными линиями), ромбов, квадратов, прямоугольников, треугольников, зигзага, вписанных треугольников, светлых и темных квадратов, расположенных в шахматном порядке, шестиугольников, диагонально пересеченных квадратов и прямоугольников, крестов, составленных из ромбов, сетки и тому подобных фигур.

К криволинейным орнаментам относятся лировидные узоры, различного вида спирали (одиночные, парные и S-видные), рогообразные фигуры, кресты, (разветвленные на концах или имеющие на них ромбообразные утолщения), «волна», фигура, похожая на сердце, с ромбиком или крестом наверху, дуга, дуги с крестами на месте соединения, пальметки, миндалевидные фигуры, четырехлепестковые розетки и циркульный узор. Криволинейные мотивы нередко образуют довольно сложные композиции и в вышивке отличаются яркостью цветов.

Орнамент встречается на одежде, обуви, рукавицах, шапках, меховых ковриках, чепраках, мешках, колчанах, на разнообразных изделиях из бересты, дерева и металла, на предметах из кости. Для орнаментации применяются цветные сукна, бисер, металлические бляшки, цветные нитки. На старинных предметах из кожи, относящихся к XVIII и началу XIX в., имеется орнамент из белого волоса оленя и накладной кожи.

Многие простейшие геометрические узоры сходны с таковыми же эвенкийско-юкагирскими, сложнокриволинейные узоры во многом сближаются с саяно-алтайскими, а также с орнаментом народов Средней Азии — казахов, киргизов, горных таджиков.

Орнамент состоятельных якутов отличался прежде пышностью и богатством своих форм, но каких-либо новых его типов верхушка якутского общества не создала. Широко используя орнаментальные мотивы, разработанные народными мастерами и мастерицами, якутские тойоны, кулаки и торговцы в отличие от бедноты применяли их для украшения бытовых предметов из серебра, покупали серебряные нитки, сукна и другие дорогостоящие материалы для отделки одежды и конской упряжи.

Хакасы (табл. 31—33). У хакасов можно различить два основных вида орнамента — прямолинейный и криволинейный. Первый встречается на предметах из дерева и состоит из сравнительно мелких, строго геометрических узоров — полос, квадратов, перекрещенных квадратов, простых или заштрихованных треугольников, зигзага, вписанных друг в друга прямоугольников, шевронов и простых или пересеченных прямыми или наклонными линиями полос. Второй (более крупный по размерам) орнамент включает в себя различные мотивы, близкие к растительным и рогообразным. Этот орнамент различен по композиции и представлен крестами или крестообразными розетками, строго симметричной пальметкой или растительным побегом. Некоторые мотивы этого орнамента перерастают в явно цветочные формы, а завитки переходят в листья. В отдельных случаях чувствуется влияние русского геометрического или цветочного орнамента. Сложнокриволинейный и растительный орнамент характерен для вышивки и изделий из войлока. В вышивке он отличается яркими цветами, четко выделяющимися на темном фоне ткани. Изредка встречаются розетки монгольского типа (на перламутровых пуговицах), а также простейший циркульный орнамент (на костяных вещах).

Орнаментом украшаются одежда, рукавицы, кисеты, войлочные ковры, чепраки, подушки, деревянные ящики, курительные трубки и предметы из кости. Богатые хакасы применяли для бытовых предметов дорогостоящие материалы — плюш, бархат, серебро, перламутр.

По технике и формам простейший геометрический орнамент на деревянных изделиях хакасов близок к таковому же орнаменту обских угров и ненцев, а также к орнаменту некоторых европейских народов (русских, народов Поволжья). Отдельные мотивы криволинейного орнамента близки к якутским, алтайским, казахским и киргизским узорам.

Чулымские татары. Орнамент недостаточно изучен. На деревянных изделиях он состоит из прямолинейно-геометрических фигур — зигзагов, диагонально перекрещенных прямоугольников, имеющих ровные или зубчатые края, треугольников, косых нарезных линий и других простейших мотивов, близких к резному орнаменту хакасов и северных алтайцев.

Алтай кизи и теленгиты (табл. 34—36). Орнамент алтай кизи состоит как из прямолинейных, так и из криволинейных мотивов. В число прямолинейных (более простых по форме) узоров входят горизонтальные линии, полосы, шевроны, дуги и полукруги, зигзаг, треугольники (простые и заштрихованные), вписанные треугольники, ромбы, прямоугольники и квадраты, зубцы, сетка, диагонально пересеченные прямоугольники, меандр, Г-образные фигуры, кресты и близкие к ним узоры. К криволинейным относятся простая и S-видная спираль, парноспиральные фигуры, среди них характерная для алтайцев *кульдя* (соединение ромба с парной спиралью), рогообразные фигуры, пальметки, побеги растительного типа, сердцевидные и миндалевидные фигуры, круги и розетки с различными, вписанными в них мелкими геометрическими элементами, циркульный орнамент на кости. Рогообразный орнамент близок к якутскому, хакасскому и особенно к казахско-киргизскому. Из символических мотивов, характерных для монголо-китайского искусства, известны «узел» (табл. 36, 12) и подвергшийся стилизации символический знак «шоу» (табл. 36, 6).

В орнаменте теленгитов также заметно влияние монгольского искусства. Алтай кизи и теленгиты украшают

орнаментом одежду, конскую сбрую, деревянную и кожаную посуду, ковры, кровати и другие предметы обихода. Богатые алтайцы пользовались прежде дорогостоящими материалами — серебром, галунами и т. п.

Кумандинцы (табл. 37, 1, 2). Орнамент на тканых и вязаных изделиях близок к вышитому орнаменту южных хантов и тканому русскому орнаменту и состоит из разного рода крючков, ромбов с отростками и ломаных рогообразных линий. Орнаментом покрываются чаще всего пояса, чулки и рукавицы. Орнамент на дереве имеет много общего с шорским. Для него характерны полосы, прямые линии, вписанные квадраты и другие простейшие фигуры.

Шорцы (табл. 37, 3, 4; табл. 38—40). Простейший прямолинейный орнамент близок к алтайскому, хакасскому и тувинскому. Он состоит из полос, горизонтальных линий, зигзага, простых, покрытых сеткой или вписанных треугольников, квадратов, диагонально пересеченных квадратов, шевронов, ромбов, звезд, крестов, косых линий, сетки, чередующихся между собой светлых и темных прямоугольников, рогообразных узоров, составленных из ломаных линий.

Наряду с прямолинейным имеется и криволинейный орнамент: concentрические кружки и кружки с точкой в центре, дуги, овалы, роговидные фигуры (парные спирали), растянутый зигзаг с округлыми петлями на изломах, простая спираль, «волна», миндалевидные узоры, овалы, простейшие розетки.

Орнамент встречается на одежде, а у северных шорцев на тканых поясах, вязаных чулках и рукавицах, где он близок к кумандинскому. Орнаментом покрываются также деревянные ящики, берестяная посуда, изделия из рога (главным образом предметы охотничьего снаряжения) и другие предметы обихода.

Тофалары (табл. 41). Орнамент несложен и сводится главным образом к простейшим прямолинейно-геометрическим узорам в виде квадрата, вписанных прямоугольников, шевронов, ромбов, диагонально пересеченных квадратов, полос, покрытых вертикальными черточками, крестиков, зигзага, крючков. Криволинейные мотивы — волнистая линия, concentрические и простые круги, миндалевидная фигура — встречаются реже. Орнаментом украшаются предметы из дерева (оленные седла, ящички), одежда, кисеты.

Тувинцы (табл. 42 и 43). Тувинцам известны те же геометрические орнаменты, что и тофаларам, но более усложненные и дополненные рядом новых мотивов: заштрихованные треугольники, сетка, зигзаг (простой и состоящий из нескольких параллельных линий), меандр, Ж-образные и другие фигуры. Наряду с простейшим прямолинейным, особенно характерным для тоджинцев, большое развитие получил криволинейный орнамент, сходный с монголо-тибетско-китайским, казахским, якутским и алтайским. Мотивы этого орнамента похожи то на рога (завитки, спирали), то на пальметки, то на китайские «облака». Можно встретить и крестообразные узоры, и мотивы, похожие на растительные побеги. Значительное место принадлежит разного рода розеткам и проникшим в тувинский орнамент китайским символическим знакам, нередко сильно видоизмененным и стилизованным. Таковы знаки в виде китайского «шоу» (табл. 42, 2, 4, 6, 21—23), трикветрум, «инь-ян», парные ромбики (табл. 42, 2), «узел» (табл. 42, 1), фигура, похожая на

медную китайскую монету «чох» (табл. 42, 7). Сюда же следует отнести мотивы в виде стилизованных листьев и цветов лотоса (табл. 43, 27).

Орнамент расписной, близкий к монгольскому, отличается яркостью расцветки и сложностью криволинейных, главным образом растительных мотивов. Той же сложностью и даже пышностью форм отличается и монголо-китайский орнамент на изделиях из серебра.

Орнаментом украшаются одежда, мебель, деревянная и кожаная посуда, изделия из серебра, конская сбруя, седла и чепраки.

Сибирские татары и бухарцы (табл. 44). Орнамент крупный, главным образом растительный: стилизованные деревья, пышные цветы, бутоны, листья, стебли. Встречается в вышивке (тюбетейки, головные уборы, головные повязки, накладки) и отличается богатством и разнообразием употребляемых при вышивании материалов (гарус, цветные и золотые нитки, галун, синель, бить, жемчуг, металлические бляшки, серебряные монеты и другие). Фоном часто служит бархат темных цветов или яркий шелк. Подобного рода дорогими материалами могли пользоваться только богатые татары и бухарцы, среди которых было много торговцев. Через них проникали к татарам серебряные украшения и металлическая посуда из Средней Азии и от казанских татар.

Известно небольшое количество кожаных изделий (кошельки, обувь), покрытых орнаментом из спиралей или тех же растительных мотивов. Орнамент в целом находит много аналогий в искусстве казанских татар и узбеков.

Буряты (табл. 45 и 46). Для орнамента бурят характерны парные и S-видные спирали, пальметовидные и рогообразные узоры, а также близкие к ним мотивы, похожие на стилизованные в китайском стиле «облака» (главным образом в металле). Из пальметовидных и роговидных узоров составляются гирлянды и кресты. Рогообразные, спиральные и крестовидные мотивы сходны с подобными же узорами якутов и народов Саяно-Алтайского нагорья, а также с узорами казахов и киргизов.

Наряду с перечисленными фигурами нередко можно встретить разнообразные розетки и круги: в одних случаях сложные, с включением растительных мотивов; в других — менее сложные, лучистые, напоминающие солнце; в третьих — в виде небольшого кружка с точкой в центре или concentрических кружков.

Рядом с криволинейным орнаментом существует другой, основу которого составляют прямые линии. Таковы зигзаг, треугольники, ромбы, простые и перекрещенные квадраты, сетка, наконец, полосы, обычно окаймляющие тот или иной предмет.

У забайкальских бурят, воспринявших монголо-тибетский расписной орнамент по дереву, узоры отличаются яркостью расцветки и более сложным характером криволинейных, главным образом растительных форм. Не менее сложен у забайкальских бурят и орнамент на изделиях из серебра, включающий мотивы монголо-китайского искусства — «узел», знаки «шоу», «инь-ян» и другие. Орнаментом украшаются одежда, обувь, чулки, мебель, суконные и войлочные ковры, налущья, колчаны и стрелохранилища, конская сбруя, седла и чепраки, изделия из металла.

Заканчивая на этом краткие характеристики орнамента народов Сибири, переходим к вопросу о его типах.

II

Уже при беглом просмотре таблиц с образцами орнамента можно заметить, что некоторые мотивы совершенно различны, другие сходны или полностью совпадают друг с другом. В одних случаях это сходство (или тождество) обнаруживается в пределах группы родственных по языку народов, например у народов самодийской или угорской групп или народов, населяющих Нижнее Приамурье; в других — оно наблюдается у народов, говорящих на разных языках, но живущих в соседстве друг с другом, как например у кетов, селькупов и некоторых

групп эвенков, или у ульчей и нивхов; в третьих — сходные орнаментальные мотивы прослеживаются у народов, говорящих на разных языках и в настоящее время живущих друг от друга на расстоянии нескольких тысяч километров, например у симских эвенков и чукчей.

Кажущееся на первый взгляд многообразие орнаментальных фигур при более углубленном их изучении может быть сведено к нескольким более или менее устойчивым комплексам, которые в дальнейшем мы будем именовать типами орнамента.

Есть основания предполагать, что эти типы, разработанные в одних случаях каким-либо одним народом, в других — группой родственных или территориально близких народов, представляют собою результат длительного исторического развития.

Следует еще раз подчеркнуть, что речь будет идти именно о комплексах, а не об отдельных мотивах, тем более не о каких-либо мелких деталях орнамента. Сравнение отдельных мотивов, взятых вне того орнаментального комплекса, куда они входят, лишило бы нас исторической почвы и в конечном итоге могло бы привести к ложным выводам и неправильным заключениям. Сравнение отдельных узоров в некоторых случаях допустимо, в особенности при использовании археологического материала, где комплексы сопутствующих друг другу орнаментов не всегда известны, но в этом случае необходимо иметь хотя бы некоторую уверенность в том, что сравниваемые мотивы родственны и восходят к общему источнику.

При определении типа орнамента мы должны также принимать во внимание не какой-либо один, хотя бы и характерный его признак, а одновременно несколько более или менее устойчивых признаков, повторяющихся в определенных исторически сложившихся условиях. При таком подходе к орнаменту отпадает необходимость принимать во внимание случайные или неустойчивые признаки.

Итак, условимся понимать под типом орнамента комплекс более или менее близких по характеру мотивов, который в пределах художественной культуры одного народа, родственных народов или территорий, населенной несколькими народами, отличается относительной устойчивостью, повторяется на протяжении более или менее длительного отрезка времени и обычно связан с определенным материалом и категориями бытовых предметов.¹

Рассматривая под указанным углом зрения орнамент народов Сибири, можно выделить в нем двенадцать основных типов, краткая характеристика и карты распространения которых даны ниже. Для каждого типа указаны границы его распространения, внешние признаки, главные фигуры (мотивы), входящие в его состав, и материал, на котором орнамент этого типа чаще всего встречается. В ряде случаев отмечается наличие данного типа у других народов, живущих за пределами Сибири. Каждый тип орнамента иллюстрируется, кроме того, таблицей наиболее характерных для него мотивов.²

Переходим к рассмотрению типов орнамента.

Тип I. Северосибирский (табл. I).

Распространение (карта 1). Распространен на широкой территории Северной Азии, но в наиболее отчетливой форме представлен в орнаменте эвенов, юкагиров, чукчей, азиатских эскимосов, коряков и ительменов. В XIX в. был хорошо известен населению Алеутских островов. Прослеживается также у эвенов, иганасанов, якутов, шорцев, алтайцев, тувинцев, народов Нижнего Амура и Сахалина — негидальцев, нанайцев, ульчей, нивхов — и других народов. За пределами Сибири его можно встретить у народов Европейской части СССР и в Средней Азии. На востоке он уходит к народам Северной Америки, где широко представлен у эскимосов.

Внешние признаки. Орнамент мелкий, прямолинейно-геометрический, силуэтный, одно- или многозональный, чаще всего ахроматический.

Главные фигуры. Квадраты или прямоугольники светлого и темного цвета, чередующиеся между собой (табл. I, 1, 2), прямые параллельные линии, узкие полосы (табл. I, 3, 4), зигзаг (табл. I, 5, 6), короткие вертикальные линии (усики) или полосы, отходящие под прямым углом вверх или вниз от горизонтальной прямой (табл. I, 7, 8), треугольники (табл. I, 9), простые и ступенчатые квадраты и ромбы (табл. I, 10) и различные комбинации из этих фигур, например серии квадратов (табл. I, 11—14).

¹ В отдельных случаях в тот или иной тип могут входить мотивы, в которых не удается обнаружить близости к другим мотивам того же типа. С другой стороны, в разных типах могут оказаться близкие по форме мотивы.

² Наименования типов, включающие территориальный признак, носят условный характер. В дальнейшем при изучении вопроса о границах распространения тех или иных типов орнамента за пределами Сибири их наименования могут быть изменены.

Орнаментируемые предметы. Орнаментальные мотивы I типа характерны для предметов из кожи, меха, а также для вышивки, росписи по коже и дереву. Их можно встретить в резьбе по дереву и в гравировке по кости.

Тип II. Саяно-алтайский (табл. II).

Распространение (карта 1). Распространен у алтайцев, шорцев, хакасов, чулымских татар, тофаларов, тувинцев и якутов. Прослеживается у угров, народов самодийской группы, долганов, приенисейских эвенов, бурят и частично у северо-восточных палеоазиатов (чукчей, коряков) и юкагиров. Отдельные мотивы этого орнамента известны и некоторым народам Европейской части СССР.

Внешние признаки. Орнамент простой, строго геометрический, преимущественно прямолинейный, нередко с внутренней разработкой входящих в него мотивов. Встречаются как крупные, так и мелкие фигуры, чаще всего ахроматические. Из криволинейных фигур характерен миндалевидный узор, иногда пересеченный по длине прямой чертой. Расположение орнамента преимущественно зональное.

Главные фигуры. Треугольники (табл. II, 1), решетчатые (пересеченные) треугольники (табл. II, 2), треугольники с вписанными в них малыми треугольниками (табл. II, 3), сближенные, входящие друг в друга зигзаги (табл. II, 4), шевроны (табл. II, 5), косая сетка (табл. II, 6), ромбы (табл. II, 7), прямоугольники с вписанными в них мелкими прямоугольниками (табл. II, 8), диагонально пересеченные квадраты или прямоугольники (табл. II, 9), миндалевидные фигуры (табл. II, 10).

Орнаментируемые предметы. На юге Сибири встречается главным образом на изделиях из дерева и в росписи, на севере — на изделиях из дерева, кости и бересты.

Тип III. Среднесибирский (табл. III).

Распространение (карта 2). Распространен у эвенов, долганов, якутов, частично у эвенов, юкагиров, кетов; сходные мотивы встречаются у алтайцев и шорцев.

Внешние признаки. Орнамент геометрический, криволинейный, простейший по очертаниям, одно- или многозональный и медальонный, нередко окомуренный. Встречаются как мелкие, так и крупные узоры.

Главные фигуры. Арочки или дуги (табл. III, 1), дуги с утолщением или крестом в местах соединений (табл. III, 2), крестообразные фигуры с утолщениями, дугами или выступами на концах (табл. III, 3).

Орнаментируемые предметы. Встречается на изделиях из меха, кожи, дерева и кости.

Тип IV. Североазиатский (табл. IV).

Распространение (карта 2). Распространен почти у всех народов Сибири, а также за ее пределами у народов Европейской части СССР, в Средней Азии и на Кавказе. Известен многим народам Европы, Америки, Африки, Южной Азии (Индия).

Внешние признаки. Орнамент криволинейный, простой, строго геометрический, большей частью мелкий.

Главные фигуры. Точка (табл. IV, 1) или кружок (табл. IV, 2), полукружок, кружок с точкой в центре (табл. IV, 3) или концентрические кружки (табл. IV, 4, 5). Точки и кружки обычно располагаются зонально, реже группируются в более сложные фигуры, образуя розетки. Все эти узоры нередко сочетаются с горизонтальными линиями или зигзагами.

Орнаментируемые предметы. Мелкий кружковый орнамент встречается главным образом на изделиях из кости и рога, реже в металле и росписи; более крупный — на предметах из дерева и бересты, а также в вышивке.

Тип V. Приобский (табл. V).

Распространение (карта 3). Распространен у хантов и манси, европейских и зауральских ненцев, тазовских и нарымских селькупов, иганасанов, энцев, т. е. у народов самодийской и угорской групп. Прослеживается также у кетов. За пределами Сибири сходный или более усложненный орнамент того же типа встре-

чается у народов Поволжья, главным образом у марийцев и мордвы.

Внешние признаки. Орнамент отличается в общем довольно крупными узорами геометрического характера с преобладанием прямых линий, резких изломов и различных отростков. В ряде случаев наблюдается стремление к равенству фона и узора. Орнамент силуэтный, преимущественно бордюрный (зональный), но имеются и замкнутые узоры (розетки). Большинство фигур отличается симметрией, некоторые из них асимметричны. Характерную черту орнамента составляет противопоставление светлого и темного материала. В мехе этот орнамент ахроматичен, в сукнах и бисере имеет яркую расцветку.

У восточной группы хантов (сургутских, ваховских) и нарымских селькупов (тымских и кетских) описанный орнамент нередко приобретает криволинейные очертания.

Главнейшие фигуры. Меандры (табл. V, 1), Г-образные фигуры (табл. V, 2), ветвисто-роговидные фигуры, симметричные (табл. V, 3, 4, 5) и асимметричные (табл. V, 6), «головки» (табл. V, 7), вертикальные линии с отростками (табл. V, 8, 9), кресты (табл. V, 10, 11).

Орнаментируемые предметы. Встречаются на изделиях из меха, цветных сукон (одежда, сумки), бересты (посуда), кожи (одежда), а в более сложных формах — в вышивке цветными нитками по холсту у южных хантов (одежда) и в бисере (украшения, одежда).

Тип VI. Нижнеиртышский (табл. VI).

Распространение (карта 3). В недавнем прошлом (начало XX в.) был известен южным хантам (живущим по Иртышу, Конде с притоками, Демьянке, Салыму) и южным манси. В 20-х годах вышел из употребления. За пределами Сибири известен народам Поволжья (мордва, марийцы, чуваш).

Внешние признаки. Орнамент зооморфный, растительный, геометрический, с наклонностью к геральдическому расположению зооморфных мотивов и к строгой симметрии. Для фигур обычно применяется темный контур. Нередко комбинируется в розетки. Узоры двухцветные, преимущественно красные и синие. Фигуры внутри контура подвергаются декоративной разработке. На оконтающих линиях часто можно встретить мелкие завитки и усики. Орнамент большей частью густо заполняет собой поверхность предмета, включаясь в систему геометрических орнаментов VII типа.

Главнейшие фигуры. Отдельные или парные птицы, стоящие по сторонам дерева (табл. VI, 1, 2), крестообразная розетка (табл. VI, 3), восьмиконечная розетка (табл. VI, 4), ступенчатый ромб (табл. VI, 5).

Орнаментируемые предметы. Встречается на одежде, в вышивке цветными нитками по домашнему (крапивному) или покупному холсту.

Тип VII. Иртышско-алтайский (табл. VII).

Распространение (карта 4). Распространен у южной группы хантов (Иртыш, Салым, Конда), южных манси и нарымских селькупов, а на Северном Алтае у шорцев и кумандинцев. Характерен также для многих народов Европейской части СССР.

Внешние признаки. Орнамент прямолинейно-геометрический, с дополнительными отростками и крючками у отдельных фигур, с заполнением по возможности всей поверхности предмета или его части (ковровое расположение). Крупные фигуры замкнутого типа заполнены внутри дополнительными элементами — ромбами, квадратами, линиями. Наряду с ковровым встречается и зональное расположение фигур.

Главнейшие фигуры. Решетчатые ромбы (табл. VII, 1, 2), крючкообразные фигуры в различных комбинациях (табл. VII, 3—6).

Орнаментируемые предметы. Встречается в вышивке цветными нитками по белому холсту (обские угры), в бересте (селькупы), в тканях и вязаных работах (северные алтайцы).

Тип VIII. Амуро-сахалинский (табл. VIII).

Распространение (карта 4). Распространен у нанайцев, ульчей, нижнеамгуньских негидальцев,

нивхов, ороков, орочей и удэгейцев. Встречается у некоторых групп эвенков и у сахалинских айнов.

Внешние признаки. Орнамент криволинейно-геометрический, крупный, преимущественно зональный (в вышивке встречаются розетки), строго симметричный. Преобладают яркие цвета. Нередко в орнамент включены стилизованные зооморфные мотивы, как местные (пресмыкающиеся, рыбы, птицы, олени), так и маньчжуро-монголо-китайские. Нередко этот орнамент включает в свой состав китайский меандр, знак «инь-ян», фигуру, напоминающую медную китайскую монету («чох»). Спиральный орнамент в зависимости от того, на чем он исполняется, имеет свои особенности. В вышивке, аппликации и на бересте спиральные узоры отличаются сложными формами, нередко окантованы и включают в свой состав богато разработанные зооморфные мотивы; на дереве и кости этот орнамент приобретает строго геометрический, спирально-ленточный характер и достигает иногда довольно крупных размеров, особенно в архитектуре. Широкие ленты его в большинстве случаев переплетаются между собой. Этот орнамент наиболее развит у нивхов и ульчей, в меньшей степени у нанайцев, орочей, ороков и айнов.

Главнейшие фигуры. Спирали (табл. VIII, 1—5), ленты (табл. VIII, 6), розетки (табл. VIII, 7), крестообразные (табл. VIII, 8) и почковидные (табл. VIII, 9) фигуры, чешуйки (табл. VIII, 10); из зооморфных — лягушка (табл. VIII, 11), ящерица (табл. VIII, 12), змея (табл. VIII, 13), рыба (табл. VIII, 14), олень (табл. VIII, 15), птица (табл. VIII, 16), дракон (табл. VIII, 17), бабочка (табл. VIII, 18), летучая мышь (табл. VIII, 19).

Орнаментируемые предметы. Встречается на одежде, посуде и другой утвари, постельных принадлежностях, на оружии, лодках, амбарах и других предметах.

Тип IX. Южносахалинский (табл. IX).

Распространение (карта 4). В XIX в. был распространен у сахалинских и курильских айнов.¹

Внешние признаки. Орнамент крупный, геометрический, прямо- и криволинейный, встречается в виде бордюров и розеток. При криволинейных очертаниях принимает иногда формы, близкие к растительным. В аппликациях широколенточный, большей частью двухцветный с внутренней разработкой; в вышивке тонколинейный, многоцветный и характеризуется большим количеством парных спиралей. Построение орнамента симметричное.

Главнейшие фигуры. Парные спирали и ленты (табл. IX, 1), розетки (табл. IX, 2), скобообразные фигуры (табл. IX, 3), чешуйки (табл. IX, 4), переплетающиеся ленты (табл. IX, 5), ступенчатые ромбы (табл. IX, 6), сетка (табл. IX, 7), иногда в сочетании с мотивами растительного характера.

Орнаментируемые предметы. Встречается орнамент главным образом на одежде, циновках, отчасти на изделиях из дерева, реже на кости.

Тип X. Южносибирский (табл. X).

Распространение (карта 4). Распространен у якутов, хакасов, тувинцев, бурят, частично у алтайцев и эвенков (живущих к западу от Лены, а также у алданских и других). Некоторые мотивы этого орнамента в упрощенной форме вошли в состав долганского орнамента. За пределами Сибири широко распространен у народов Средней Азии, особенно у киргизов, казахов и горных таджиков. Частично известен и некоторым народам Европейской части СССР.

Внешние признаки. Орнамент сложно-криволинейный, детализированный, симметричный, большей частью ахроматический в дереве, полихромный в вышивке; крупный и мелкий. Включает много сложных композиций, состоящих как из геометрических фигур, так и из мотивов растительного характера.

Главнейшие фигуры. Различные, в том числе и S-видные, спирали (табл. X, 1—3), «волна» (табл. X, 4), крестообразные фигуры с роговидными от-

¹ За рубежом встречается у айнов о-ва Хоккайдо, но заметно вытесняется японским орнаментом.

ветвлениями на концах (табл. X, 5, 6), пальметка (табл. X, 7), лирообразная фигура (табл. X, 8).

Орнаментируемые предметы. Встречается в вышивке и на изделиях из кожи, дерева и металла.

Тип XI. Восточноазиатский (табл. XI).

Распространение (карта 4). Встречается у забайкальских бурят, тувинцев, алтайцев, теленгитов, частично у эвенков, (нерчинских и других, а также у южных окитаившихся удэгейцев (тазов). За пределами Сибири широко распространен в Монголии, Тибете, Маньчжурии и Китае.

Внешние признаки. Орнамент в основном криволинейный, в росписи и вышивке многоцветный, иногда с применением золотой краски или золотых ниток. Некоторые узоры приобретают пышный или витиеватый характер. Встречается плетенка. Отдельные геометрические мотивы принимают иногда растительные формы.

Главнейшие фигуры. В состав орнамента входят растительные набег, листья, цветы, пальметовидные, лотосовидные и облаковидные узоры, зооморфные и нероглифические китайские символические фигуры, геометрические (главным образом ленточно-меандровидные) мотивы.

Из перечисленных мотивов чаще всего встречаются: «волна» (табл. XI, 1), пальметка или ее части (табл. XI, 2—5), «облако» (табл. XI, 6), крестообразные розетки (табл. XI, 7), переплетающиеся завитки (табл. XI, 8), цветы, листья, растительные побеги (табл. XI, 9—12), знаки «шоу» (табл. XI, 13, 14), «нить счастья» (табл. XI, 15), парные ромбы (табл. XI, 16), монетовидный узор (табл. XI, 17), китайский символический знак «инь-ян»

(табл. XI, 18), Т-образный (табл. XI, 19) и Г-образный (табл. XI, 20) меандр.

Из зооморфных фигур известны летучая мышь, парные рыбки, бабочка, дракон.

Орнаментируемые предметы. Орнамент встречается на изделиях из металла, в резьбе и раскраске по дереву, на предметах из кожи и в вышивке.

Тип XII. Тоболо-иртышский (табл. XII).

Распространение (карта 4). В XIX в. известен был бухарцам и сибирским татарам. Теперь встречается редко, главным образом на старых вещах. За пределами Сибири распространен у казанских татар и в Узбекской ССР.

Внешние признаки. Орнамент крупный, криволинейный, симметричный и асимметричный, располагающийся зонально или образующий замкнутые фигуры. Отличается богатством форм и фактуры.

Главнейшие фигуры. Цветы, бутоны, листья, стебли, гирлянды (табл. XII, 1—4), спирали.

Орнаментируемые предметы. Встречается в вышивке (одежда, головные уборы, накидки, обувь).

Ознакомившись с основными типами орнамента народов Сибири, естественно поставить вопрос о том, можно ли хотя бы некоторые типы связывать с определенными народами или группами народов и наряду с географическим присоединить к названию их этнический признак? На этот вопрос следует ответить утвердительно. Типы V, VI и VII тесно связаны с народами угорской и самодийской

ТИПОВОЙ СОСТАВ ОРНАМЕНТА

Народ	Преобладающие типы орнамента	Сопутствующие типы орнамента	Отдельные мотивы, не входящие в состав типов, представленных во 2-м и 3-м столбцах
Северо-восточные палеоазиаты, юкагиры, азиатские эскимосы, алеуты	I (у алеутов также IV)	III, IV (у юкагиров); II (у юкагиров, чукчей, коряков); IV (у эскимосов, коряков, ительменов и части чукчей)	Полуовалы, кресты, Ж-образные, сердцевидные, Y-видные фигуры (у чукчей), S-видные (у алеутов), Y-видные (у эскимосов), неправильные полуовалы (у юкагиров)
Эвены	I, IV	III, X (редко)	
Эвенки	III (у сымских I, у охотских I, III, IV)	I, II, IV ¹	
Народы Приамурья, Приморья и Северного Сахалина	VIII (у верховских негидальцев III, у удэгейцев также I)	I, IV (у ороков III, у тазов XI)	
Северные ханты и манси, народы самодийской группы (в их числе тазовские селькупы)	V	I, II, IV	Ломаные фигуры и зигзаг с отростками (селькупы), розетки (иганасаны), комбинации из Т-образных фигур (европейские ненцы); волнистые линии, пересеченные квадраты (ненцы), сердцевидные фигуры (ненцы)
Южные группы хантов и манси, нарымские селькупы	VI, VII (у хантов и манси), V и VII (у нарымских селькупов)	I, II, IV, V	
Шорцы, кумандинцы	VII	I, II, IV, X	Петлеобразные зигзаги, елочка, неправильные полуовалы, кресты, звезды, овалы (у шорцев)
Сибирские татары и бухарцы	XII		
Якуты	X	I, II, III, IV	Кресты из квадратов, пересеченные диагонально квадраты, розетки
Тувинцы	II, XI	I, X	Ж-образные фигуры, косички
Хакасы	X, II	IV	Сложнопересеченные квадраты
Алтай кижиги	II	I, IV, X, XI	Петлеобразные зигзаги, свисающие ромбы, неправильные полуовалы, «сухарики», шестиугольные ячейки, сердцевидные фигуры
Теленгиты	X, XI	IV	
Тофалары	II	I	Крестообразные розетки
Чулымские татары	II		
Буряты	II, X (у забайкальских XI)	I, IV	Зигзаг с отростками на углах, сердцевидные фигуры и круг с «перлами» (северобайкальские буряты)
Долганы	II, III	I, IV, X	Крестообразные розетки, зигзаг с отростками на углах
Кеты	III, V	I, II, IV	Шестиугольные ячейки
Сахалинские и курильские айны	IX	I (у сахалинских VIII)	

¹ У отдельных групп эвенков можно встретить и мотивы орнамента других типов, например типа VIII (в районах, примыкающих к Амуру), типа X (преимущественно в Якутии и в районах, примыкающих к озеру Ессей), типа XI (у забайкальских эвенков).

групп, тип III характерен для тунгусоязычных народов, тип VIII — для народов маньчжурской ветви, тунгусо-маньчжуров, тип IX ограничен айнами, тип XII — татарами, тип X — остальными тюркоязычными народами, к искусству которых частично примыкает и бурятский орнамент.

III

Рассматривая конкретный исторический материал XIX и начала XX в., мы видим, что орнамент одного народа или группы родственных по языку или культуре народов неоднороден по своему составу и чаще всего бывает представлен несколькими типами. Один или два из них (редко три) оказываются преобладающими, широко распространенными и легко различимыми; другие типы сопутствуют им, играют второстепенную роль, не всегда сразу уловимы и встречаются реже. У некоторых народов или их территориальных групп мы находим отдельные мотивы орнамента, не входящие в выделенные нами основные типы.

Прилагаемая выше сводка дает общее представление о типовом составе орнамента народов Сибири. На ней показаны как преобладающие, наиболее характерные для каждого народа типы (столбец второй), так и типы, сопутствующие им (столбец третий). Для некоторых народов в последнем (четвертом) столбце отмечены местные мотивы.

Обратимся ко второму столбцу нашей сводки и одновременно к картам 1—4.

Знакомясь с ним, мы видим, что орнамент северо-восточных палеоазиатов относится к одному типу (I). К нему примыкает частично и орнамент алеутов. В значительной мере тот же характер носит орнамент эвенов, что свидетельствует либо о том, что он испытал на себе сильнейшее влияние палеоазиатского искусства, либо о том, что он почти в неприкосновенности сохранил древние формы, общие как северо-восточным палеоазиатам, так и эвенам.

Орнамент народов Амура образует самостоятельный тип (VIII), известный также сахалинским нивхам.

Эвенки создали свой тип орнамента (III).

Орнамент северных угров и народов самодийской группы относится к одному и тому же типу (V). Южные группы хантов и манси разработали особый тип (VI), а южные и восточные группы еще один тип (VII). Тот же VII тип мы обнаруживаем на Северном Алтае у шорцев и кумандинцев.

Орнамент сибирских татар и бухарцев (тип XII) отличается от орнамента других тюркоязычных народов Сибири и примыкает к орнаменту казанских татар. Якутов, хакасов, теленгитов и бурят объединяет общий им всем X тип орнамента, входящий также в состав орнамента тувинцев. У хакасов наряду с X типом богато представлен II тип орнамента, преобладающий у алтай кижки. Теленгиты, испытавшие на себе влияние монгольской культуры, разработали наряду с X также XI тип орнамента.

Орнамент тофаларов и чулымских татар относится к II типу. Последний присутствует также в орнаменте бурят и долганов. Но в целом долганский орнамент, как это видно по второму столбцу таблицы, более сложный.

Смешанным является и кетский орнамент. Он состоит из III и V типов, т. е. обнаруживает несомненную близость, с одной стороны, к эвенкийскому, с другой — к хантыйско-мансийскому орнаменту.

Криволинейный орнамент сахалинских и курильских айнов следует отнести к особому типу (IX), хотя в далеком прошлом он, может быть, частично примыкал к амурсахалинскому.

Наличие X типа орнамента у якутов, хакасов, теленгитов, тувинцев и бурят нельзя, конечно, рассматривать как случайное явление. О давних исторических связях тюркоязычных и монгольских племен Сибири свидетельствуют многие источники, в том числе и археологические.

Таким образом, из двенадцати типов девять можно связать с теми или иными конкретными народами. Что касается I, II и IV типов, то для них, поскольку они встречаются у целого ряда современных народов, этнический показатель не указан.

В то же время связи собственно алтайского орнамента (тип II) с якутским и хакасским (тип X) менее заметны, они почти не прослеживаются у северных алтайцев (кумандинцев) и шорцев. Отсутствие этих связей у тофаларов говорит о сравнительно недавнем процессе тюркизации этих народов.

Большой интерес представляет собой сходство южно-хантыйского орнамента с североалтайским (тип VII), с одной стороны, и с орнаментом народов Поволжья — с другой. Звенья, которые соединяли в прошлом угорские племена с североалтайскими, в настоящее время утрачены, но можно предполагать, что народы, жившие ранее между Алтаем и бассейном Оби, имели тот же орнамент.

По линии связи сибирского орнамента с орнаментом ряда народов Европейской части СССР V и XII типы орнамента не являются единственными. Ту же близость к искусству народов Поволжья обнаруживают угорские орнаменты VI, а при более углубленном изучении и VII типов. Во всяком случае, оба эти типа стоят ближе к декоративному искусству европейских народов, нежели к орнаменту восточных соседей угров.

Посмотрим теперь, о чем говорит третий столбец нашей таблицы, в котором указаны сопутствующие типы. Они свидетельствуют, с одной стороны, о культурных связях народов Сибири; с другой — об вкладе, который внес тот или иной народ в искусство другого народа, частично войдя в его состав; с третьей — они в отдельных случаях указывают на более древние типы орнамента, в значительной степени вытесненные позднейшими типами.

Мы видим, например, что орнамент юкагиров включает некоторые эвенкийские мотивы (тип III), а орнамент северо-восточных палеоазиатов — ряд мотивов саяно-алтайского типа (II). Эвенкийский орнамент имеет как эвенкийские (тип III), так и якутские мотивы (тип X), а эвенкийский в свою очередь обнаруживает примесь палеоазиатских мотивов (тип I), присутствующих и в искусстве народов Нижнего Приамурья.

Пестрота состава эвенкийского орнамента объясняется широким расселением эвенов на территории Сибири и их длительным контактом и культурными связями с соседними народами.

Орнамент северных хантов и манси нередко сопровождается фигурами, входящими в типы I (северосибирский) и II (саяно-алтайский). Якутский орнамент включает чукотско-корякские (тип I), эвенкийские (тип III) и другие мотивы, что объясняется вхождением в состав якутов как палеоазиатских и юкагирских, так и эвенкийских групп, а также древними связями с народами Саяно-Алтайского нагорья.

Близость тувинцев к районам, населенным монгольскими племенами, вызвала появление в тувинском орнаменте ряда фигур, сходных с монгольскими. То же следует сказать о теленгитах и алтай кижки, но алтайский орнамент имеет некоторые мотивы, общие с якутскими, хакасскими и тувинскими. Бурятский орнамент (тип XI) наряду с монгольскими включает в свой состав орнаменты, близкие к чукотским и корякским.

У долганов, помимо двух основных типов (II и III), обнаруживаются также узоры якутского (тип X) и северосибирского (тип I) происхождения. У кетов сопутствующими типами являются II и I типы, а у айнов, с одной стороны, I тип (северосибирский), с другой — амурсахалинский (VIII тип) (плетенка).

Заслуживают внимания и данные, содержащиеся в четвертом столбце сводки. Так, например, кроме отмеченных сопутствующих типов, в орнаменте чукчей и отчасти эскимосов мы встречаем ряд геометрических фигур, не ха-

рактрных для других народов Крайнего Северо-Востока: полуовалы, Ж-образные, сердцевидные и Y-видные фигуры, а у алеутов — S-видные спирали.

У шорцев в отличие от кумандинцев имеются орнаментальные фигуры в виде крестов, звезд, овалов, елочки и т. д.

Типовой состав орнамента народов Сибири (карта 5) раскрывает перед нами картину значительного смешения и переплетения элементов художественной культуры этих народов, отражающую как культурно-исторические, так и этногенетические процессы, происходившие на территории Сибири в прошлом. В связи с этим многие связанные с орнаментом вопросы требуют дальнейшего, более углубленного изучения.

По картам и сводке видно также, что некоторые типы орнамента имеют чрезвычайно широкое распространение. Так, тип IV (кружковый орнамент) объединяет собой целый ряд народов, говорящих на разных языках и географически весьма отдаленных друг от друга. Мы находим его у палеоазиатов Крайнего Северо-Востока, у народов Нижнего Амура и Северного Сахалина, а также у эвенков, кетов, долганов, народов угорской и самодийской групп, у якутов, народов Саяно-Алтайского нагорья, наконец, у бурят, т. е. почти повсеместно. Это может служить указанием на глубокую древность кружкового орнамента.

Довольно часто у различных народов Сибири встречается в качестве сопутствующего I тип.

Явления, о которых свидетельствует орнамент, неслучайны. За ними стоят и их определяют общественно-экономические условия и исторические судьбы народов Сибири. Многие стороны орнамента находят свое объяснение в сложных процессах этногенеза, как древних, так и более поздних, а также в культурных связях одних народов с другими.

Выявленные нами типы орнамента являются, таким образом, категориями не формального, а исторического порядка, позволяющими если не решить, то по крайней мере поставить некоторые вытекающие отсюда более общие проблемы.

Необходимо прежде всего отметить, что орнаменты того или иного типа вырабатывались первоначально на каком-либо одном материале и связаны были с определенным кругом бытовых предметов. Так, например, орнамент I типа возник, как можно предполагать, при изготовлении одежды, сшитой из кожи или меха, при широком употреблении сухожильных ниток и оленьего волоса. Некоторые из мотивов этого типа связаны также с посудой и утварью, сделанными из глины, бересты и дерева. Орнамент II типа получил свое распространение главным образом на предметах из дерева и кости. Другие типы орнамента, по крайней мере в XIX и начале XX в., связаны были с более широким кругом предметов. Так, например, тип III характерен как для одежды, так и для вещей, сделанных из кости и дерева. Тип IV (кружковый орнамент) чаще всего встречается на костяных и роговых предметах, реже в дереве и бересте. Его же, но в более развитых, усложненных и укрупненных формах можно найти в вышивке.

Орнаменты V, VI и VII типов стоят в тесной связи с вышивкой по холсту и с ткачеством, но встречаются и на меховых вещах, а также на изделиях из бересты, куда были, по-видимому, перенесены с вышитых и тканых работ. Сложноспиральные формы VIII типа, лишенные признака переплетения, обычно встречаются в вышивке и на изделиях из бересты. Спирально-ленточные орнаменты того же типа, но с наличием переплетения характерны для деревянных и костяных предметов. Тип X распространен на различных предметах из войлока, кожи и тканей, а также в дереве и металле. Тип XI имеет не менее широкое применение: его можно встретить на изделиях из металла, дерева, кожи, в вышивке, в аппликациях из материи. XII тип встречается главным образом в вышивке цветными нитками.

Наличие связи орнамента с определенным материалом и предметами быта отражает в то же время и разделение труда между членами общества. В большинстве случаев орнамент на одежде, на берестяной и глиняной посуде создается женщинами и отличается от орнамента на дереве, кости и металле, исполняемого мужчинами. Но иногда, например у якутов, орнамент одного и того же

типа (тип X) встречается как на одежде, так и на изделиях из дерева и металла.

Говоря о типах орнамента, необходимо указать и на отношение их к хозяйственным укладам отдельных народов Сибири в рассматриваемый исторический период. Вопрос этот более сложен, поскольку орнамент связан с хозяйственной практикой населения не прямо, а опосредствованно и лишь частично определяется этой практикой. Связь орнамента с хозяйственной деятельностью легко устанавливается в области технологии искусства, например в выборе того или иного материала и техники его обработки. Так, народы Амура и Оби, будучи рыбаками, широко используют в качестве материала для орнамента рыбью кожу; морские охотники часто пользуются мехом и кожей нерпы, усами сивуча; оленеводы и охотники за дикими оленями широко применяют в вышивке и мозаике темный и светлый мех оленя, олений волос и сухожильные нитки; скотоводы Саяно-Алтайского нагорья — конскую кожу и т. д. Не менее отчетливо отражают трудовую практику населения и его материальную культуру местные названия отдельных узоров. Среди них встречаются названия промысловых животных, рыб и птиц, предметы хозяйственного обихода и т. д. Что касается типов орнамента, то их связи с типами хозяйства при недостаточной пока изученности этого вопроса, особенно применительно к археологическому материалу, представляются пока лишь в самых общих чертах. Можно, например, заметить, что низшим формам хозяйства, основанным на охоте, рыболовстве, частично на собирательстве, соответствуют типы орнаментов, в состав которых входят простейшие, преимущественно геометрические узоры, большей частью прямолинейные и сравнительно мелкие. К ним примыкают и типы орнамента оленеводческих народов. У народов с более высокими формами хозяйственной деятельности (скотоводов, отчасти земледельцев) орнаменты отличаются сложными, чаще всего криволинейными формами, нередко включающими в свой состав растительные мотивы. Особое положение занимают народы Нижнего Амура, которые, будучи рыбаками и охотниками, разработали орнамент, приближающийся по своему характеру и сложности к орнаменту скотоводческих народов Сибири. С другой стороны, скотоводческие народы наряду с орнаментами сложной структуры сохраняют и простейшие мотивы, характерные для охотников и рыболовов.

Нельзя не отметить далее, что богатые и пышные формы орнамента мы находим у народов, у которых производство художественных изделий частично перешло уже в руки специалистов-ремесленников, обслуживавших в прошлом главным образом наиболее состоятельную часть общества (якуты, буряты, хакасы, тувинцы-скотоводы). Простейшие формы орнамента уже не соответствовали эстетическим запросам этих народов, обладавших по сравнению с лесными охотниками или рыбаками более высокой культурой, отражавшей иные художественные запросы и иные эстетические вкусы. С другой стороны, передвигаясь на значительные расстояния, кочевые скотоводческие племена уже с давних времен завязывали экономические и культурные связи с различными народами, в их числе и с земледельческими, а во время военных походов брали в плен женщин и ремесленников, овладевали имуществом покоренных народов. Все это не могло не отразиться и на художественной культуре самих кочевников, не могло не привести к обогащению их искусства.

Рассматривая типы орнамента с точки зрения характера, простоты или сложности входящих в их состав фигур, представляется возможным объединить ряд типов сибирского орнамента в более обширные комплексы.

Так, орнаменты первых четырех типов — северо-сибирского, саяно-алтайского, среднесибирского и североазиатского — объединяет простота форм и композиции, преобладание прямолинейных узоров над криволинейными, строго геометрический характер форм и слабо выраженная полихромия. Все эти типы образуют первый комплекс.

Орнамент II типа, входящий в этот комплекс, хотя и имеет довольно широкое распространение в Сибири, но концентрируется в основном в пределах Саяно-Алтайского нагорья, Якутии и Западной Сибири. Этот орнамент, неизвестный народам Амурского бассейна, находит, однако, много аналогий в искусстве народов Европей-

ской части СССР (не исключая и русских) и Средней Азии. Чаще всего он встречается на дереве и кости. У хакасов, в частности, он прочно удерживается на деревянных предметах, в то время как вышитый орнамент этого народа относится к другому типу (X). Мы имеем в виду орнамент, состоящий из мелких, слегка углубленных треугольников, по форме и технике исполнения близкий к резному орнаменту саамов, северных русских и некоторых других народов, живущих к западу от Урала.

Первый комплекс, представленный главным образом I типом орнамента, прослеживается также у эскимосов Северной Америки. Некоторые фигуры III типа, входящего в комплекс, например дуга, появляются в Сибири еще в эпоху неолита (китайская стадия прибайкальского неолита),¹ а также в усть-полуйской керамике.² Характерный для северосибирской кости зигзаг (табл. I, 6) встречается в европейской протонеолитической культуре Маглемозе (приблизительно 10 000 лет до н. э.), где также связан с костью. На костяных изделиях Маглемозе можно найти орнаменты, подобные эскимосским (на кости), с одной стороны, и иганасанским (в раскраске кожи) — с другой. Они состоят из прямой линии с отходящими от нее вверх или вниз короткими прямыми отростками (шпорами, усиками), иногда удвоенными (табл. I, 7). На тех же костяных предметах Маглемозе имеются орнаменты, состоящие из светлых и темных квадратов (табл. I, 1), расположенных в шахматном порядке.³

Чрезвычайно широкое распространение указанного комплекса, относительная простота самих орнаментов и прямая связь полосового орнамента с техникой шитья по коже сухожиливыми нитками и волосом говорят о его глубокой древности. Если принять во внимание, что еще сравнительно недавно техника обработки кости и камня у некоторых народов Сибири, в частности у палеоазиатов Крайнего Северо-Востока Азии, носила неолитический характер, то I тип мы можем возводить по крайней мере к неолиту. Эта точка зрения подкрепляется и работами советских археологов. В одной из своих работ А. П. Окладников, говоря о неолите Прибайкалья, высказывает предположение, что «именно этот архаический для нашего времени „гиперборейский“ орнамент из оленьего подшейного волоса был широко распространен и среди неолитических племен Прибайкалья; что их мужчины и женщины носили меховые одежды, празднично расшитые полосчатым разноцветным узором из оленьего волоса».⁴ Этот орнамент несомненно сохранял свое значение и в последующие исторические периоды. Что касается II типа, то некоторые из входящих в его состав узоров (сетка, шевроны, диагонально пересеченные прямоугольники) можно встретить на костяных предметах палеометаллической эпохи на юге Сибири,⁵ а в пределах Урала и в более раннее время.

Циркульный (кружковый) орнамент (IV тип), поскольку он выполняется механически, с помощью металлического инструмента, мог получить широкое распространение в эпоху палеометалла, но, как предполагает А. П. Окладников, правильный кружок с точкой в центре можно было нанести и каменным инструментом.⁶ Если это так, то появление циркульного орнамента следует в ряде случаев относить ко времени неолита.

Орнаменты V, VI и VII типов образуют собой второй комплекс, ограниченный Северо-Западной частью Сибири, с выходом на север Европейской части СССР. Но западная граница этого комплекса отодвигается за пределы Урала, прежде всего к коми-зырянам (VII тип) и к народам Поволжья — башкирам, чувашам, отчасти казанским татарам, затем мордве и марийцам. У всех этих народов встречаются те или иные варианты угро-самодийского орнамента, дополненные рядом более сложных его форм, а также другими мотивами, не имеющими параллелей в угро-самодийском искусстве. Можно предполагать, что

прежде южная граница этого комплекса доходила до Северного Алтая, где остатки его сохранились до настоящего времени (у шорцев и кумандинцев). Датировать этот комплекс пока трудно, но сформировался он, по видимому, позже, чем первый неолитический и отчасти палеометаллический комплекс, хотя отдельные мотивы его можно встретить на памятниках уральского неолита. Г-образными фигурами украшена, например, прикамская неолитическая керамика, а также южносибирская керамика андроновского времени. На Севере в полуйское время близкие к угорским орнаментам фигуры (меандры, фигуры с отростками) встречаются на изделиях из кости (колл. МАЭ № 5331).

VIII и IX типы образуют третий комплекс. Начало формирования его следует, по-видимому, относить к местному неолиту с его криволинейно-спиральным орнаментом, представленном на археологическом материале керамикой. В гуннский период этот комплекс осложнился новыми, также криволинейными мотивами, испытав на себе в дальнейшем влияние монголо-китайского искусства.

В последний четвертый комплекс входят орнаменты X и XI типов. Отдельные мотивы этого комплекса, например парные спирали, появляются в Южной Сибири уже в тагарское время (VII—I вв. до н. э.) и продолжают развиваться в гунно-сарматскую эпоху. В это время указанный комплекс приобретает черты, близкие к современному орнаменту тюрко- и монголоязычных народов Сибири, а также кочевых тюркоязычных народов Средней Азии (казахов, киргизов). Те же черты носит орнамент енисейских кыргызов (хакасов), хорошо представленный на металлических изделиях этого народа. В монгольский период указанный комплекс несколько видоизменяется и в него включаются элементы китайской орнаментики и китайской символики. Четвертый комплекс характерен для Южной Сибири, а также для якутов, но в их орнамент китайские символы не вошли.

Говоря о первых трех комплексах сибирского орнамента, как наиболее древних, необходимо указать, что распространение некоторых типов, входящих в их состав, географически более или менее совпадает с границами неолитических культур Сибири и Дальнего Востока, нанесенными на карту, приложенную к одной из статей А. П. Окладникова.¹ На этой карте им выделены западно-арктическая и обская (восточноуральская) культуры, границы которых приблизительно соответствуют распространению современного орнамента северных угров, представленного V типом. Обособляется им в особую культуру и амурская неолитическая культура, границы которой почти сливаются с распространением современного орнамента VIII и IX типов. Южно- и северокамчатская, частично восточноарктическая неолитические культуры имели распространение в районах расселения современных народов Крайнего Северо-Востока, орнамент которых носит теперь сходные черты и выделен нами в I тип. Границы байкальской неолитической культуры, занимающей на карте А. П. Окладникова значительную территорию Центральной Сибири, более или менее соответствуют современному распространению эвенкийского орнамента (III тип), передвинувшегося теперь к северо-западу.

Дальнейшая увязка этнографического материала с археологическим несомненно даст в руки историка новый и важный в научном отношении материал.

В заключение необходимо указать, что в орнамент некоторых народов Сибири вошли и мотивы русского народного изобразительного искусства. Влияние последнего особенно чувствуется у якутов, хакасов и коряков, удачно сочетающих свои древние узоры с русским цветочным орнаментом.

Как постановка, так и решение ряда вопросов, затронутых в настоящем разделе «Атласа», носят предварительный характер. Дальнейшее изучение сибирского орнамента, которое потребует широкого привлечения исторического материала, должно будет способствовать более углубленной постановке намеченных проблем.

¹ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, М.—Л., 1950, рис. 117.

² Колл. МАЭ № 5331.

³ Г. Обермайер. Доисторический человек. СПб., 1913, рис. 285, 286.

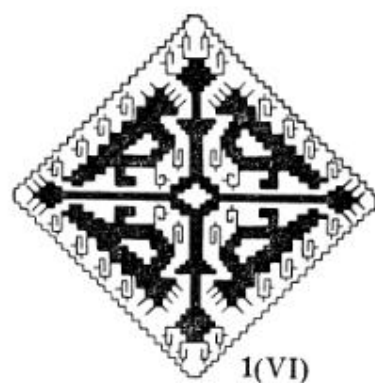
⁴ А. П. Окладников, ук. соч., стр. 277, 278.

⁵ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, М.—Л., 1949, табл. III.

⁶ А. П. Окладников, ук. соч., стр. 390.

¹ А. П. Окладников. Неолитические памятники как источник по этнографии Сибири и Дальнего Востока. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. IX, 1941, стр. 7.

ХАНТЫ И МАНСИ
ВЫШИВКА ЦВЕТНЫМИ НИТКАМИ

1(VI)

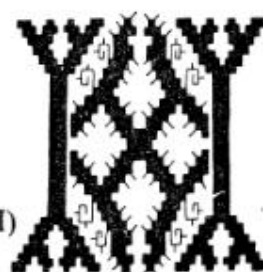
2(VI)

3(VI)

4(VI)

5(VI)

6(VI)

7(VI)

АППЛИКАЦИЯ ИЗ ЦВЕТНЫХ ТКАНЕЙ

8(V)

10(V)

9(I)

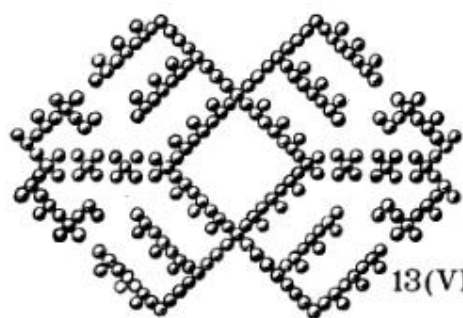

11(I)

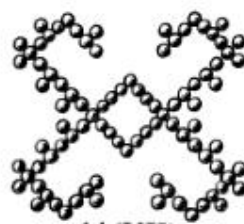

12(I)

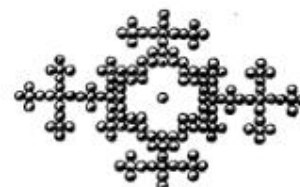
ШИТЬЕ БИСЕРОМ

13(VII)

14(VII)

15(V)

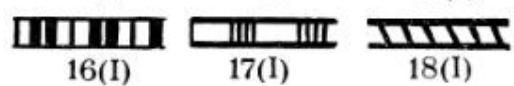
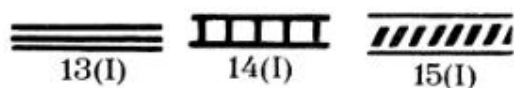
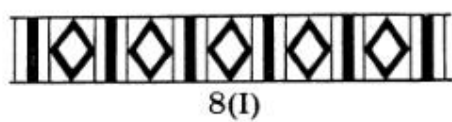
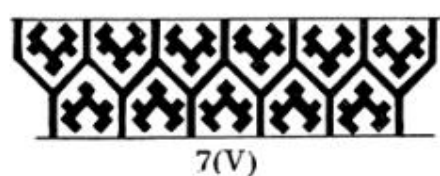
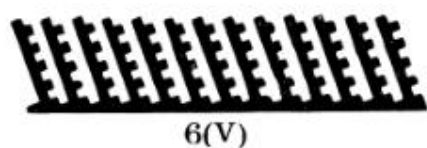
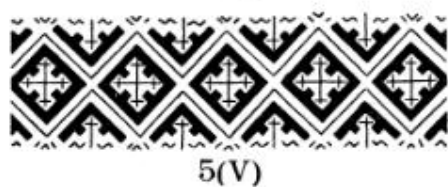
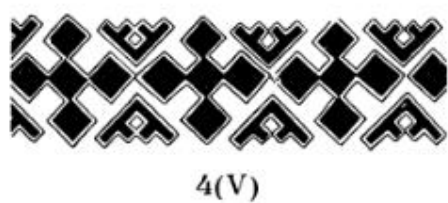
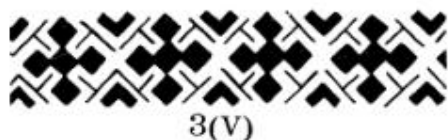
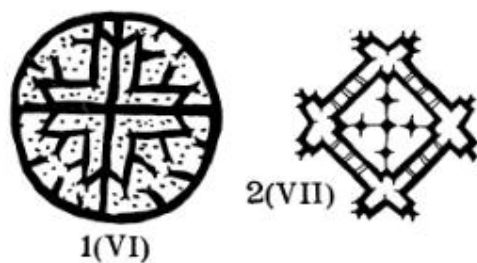

16(VII)

ТАБЛИЦА 1

ХАНТЫ И МАНСИ

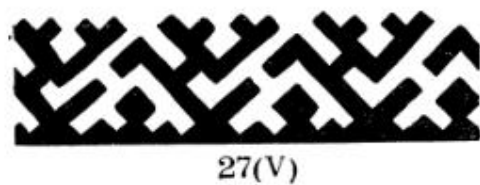
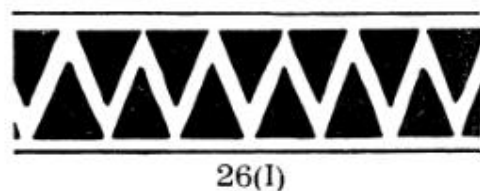
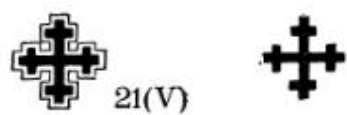
ВЫСКАБЛИВАНИЕ И ТИСНЕНИЕ ПО БЕРЕСТЕ

ШТАМП ПО БЕРЕСТЕ

МОЗАИКА ИЗ МЕХА

РЕЗЬБА ПО КОСТИ

ТАБЛИЦА 2

НЕНЦЫ
МОЗАИКА ИЗ МЕХА И ЦВЕТНЫХ ТКАНЕЙ

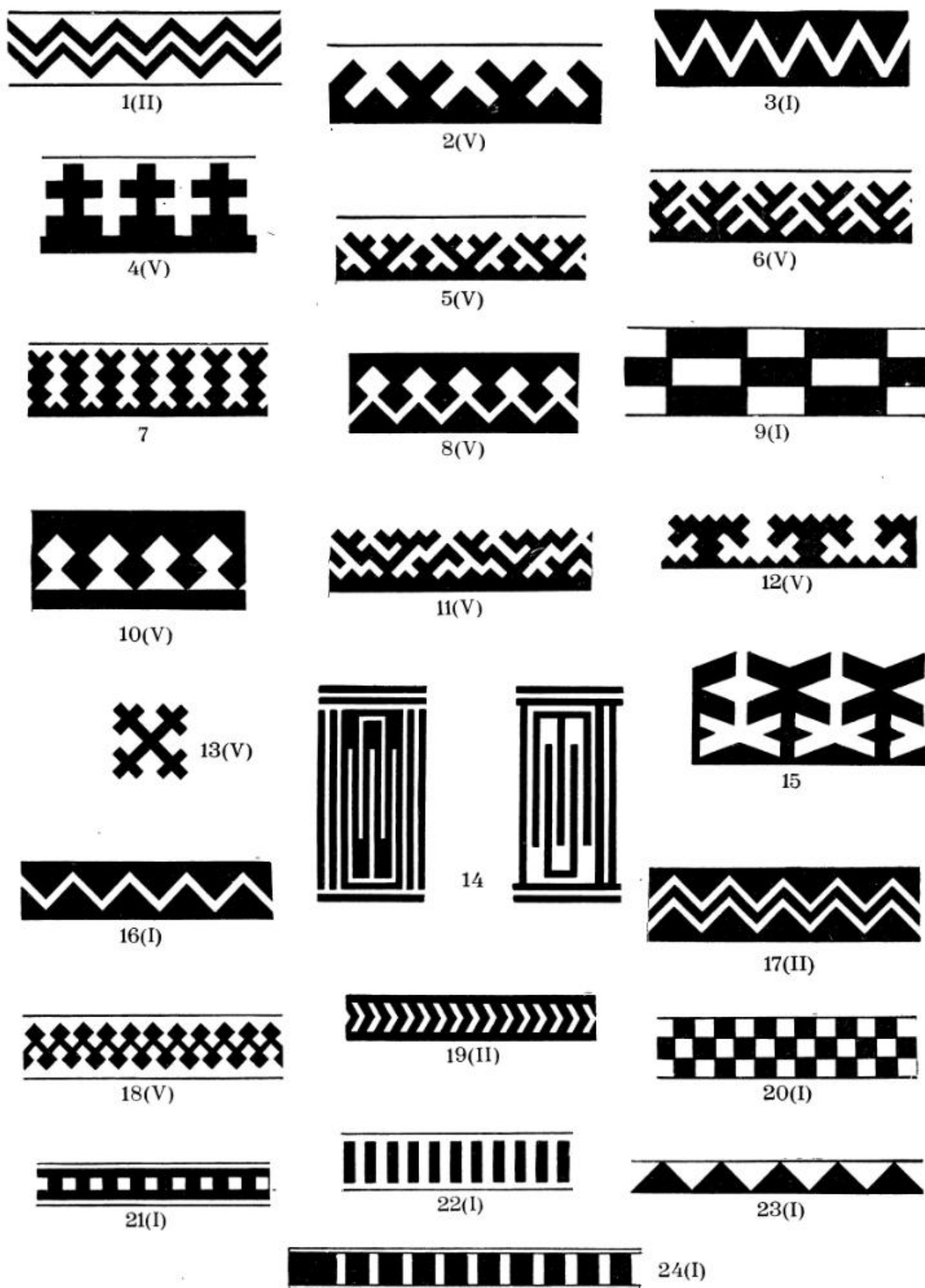

ТАБЛИЦА 3

НЕНЦЫ
ИНКРУСТАЦИЯ ОЛОВОМ ПО ДЕРЕВУ

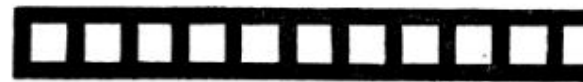
1(II)

2(II)

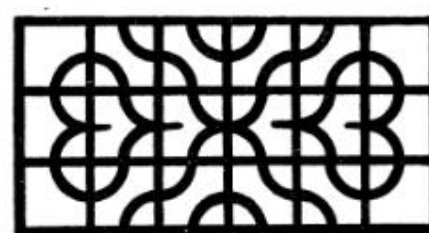
3(I)

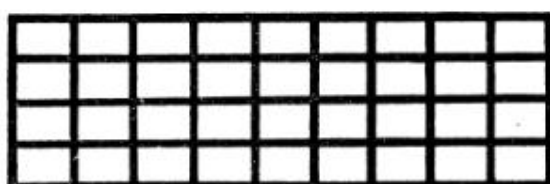
4(I)

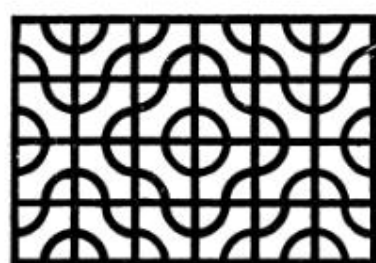
5

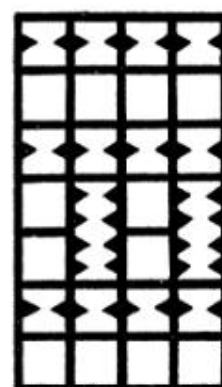
6

7(I)

8

9

10(I)

11(II)

12(I)

13(II)

14(I)

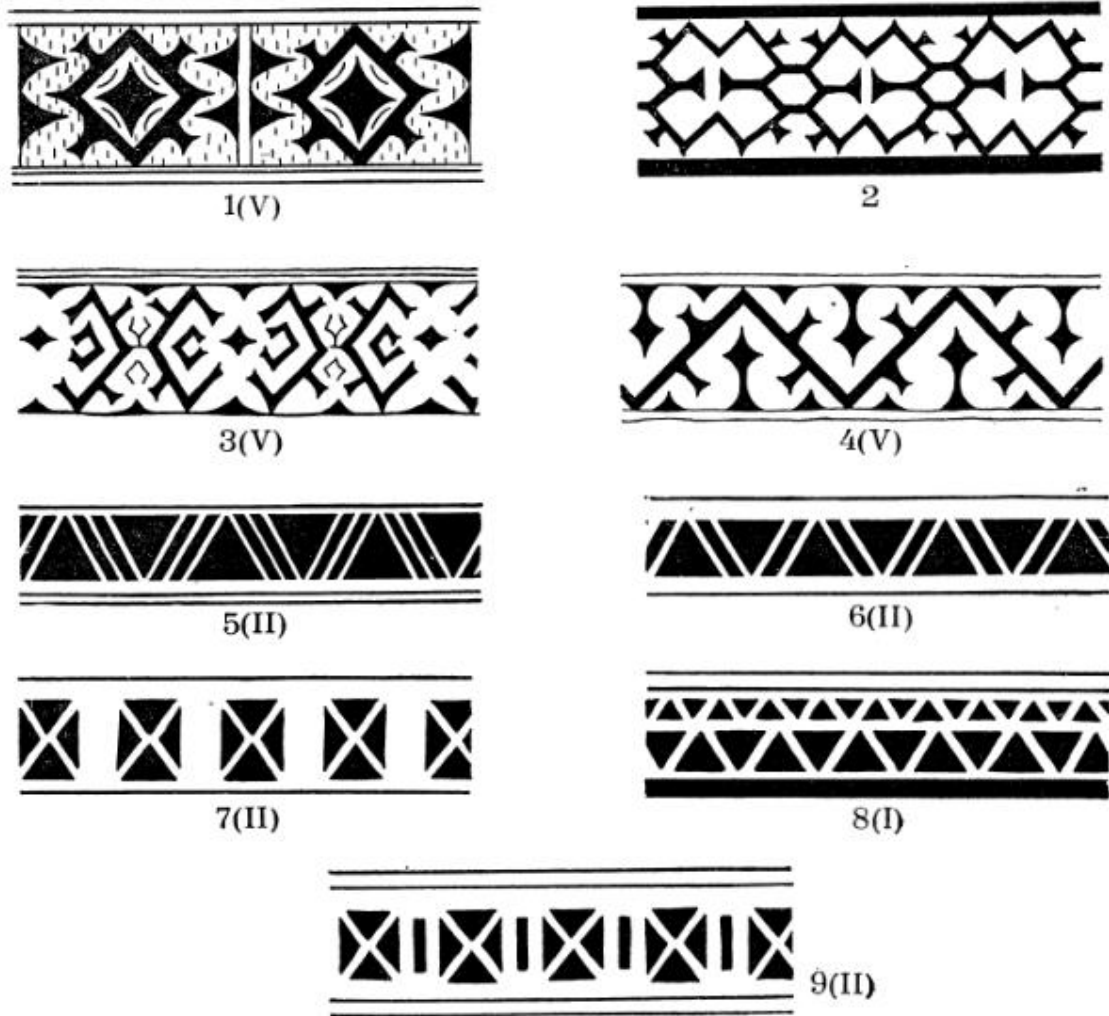

15(I)

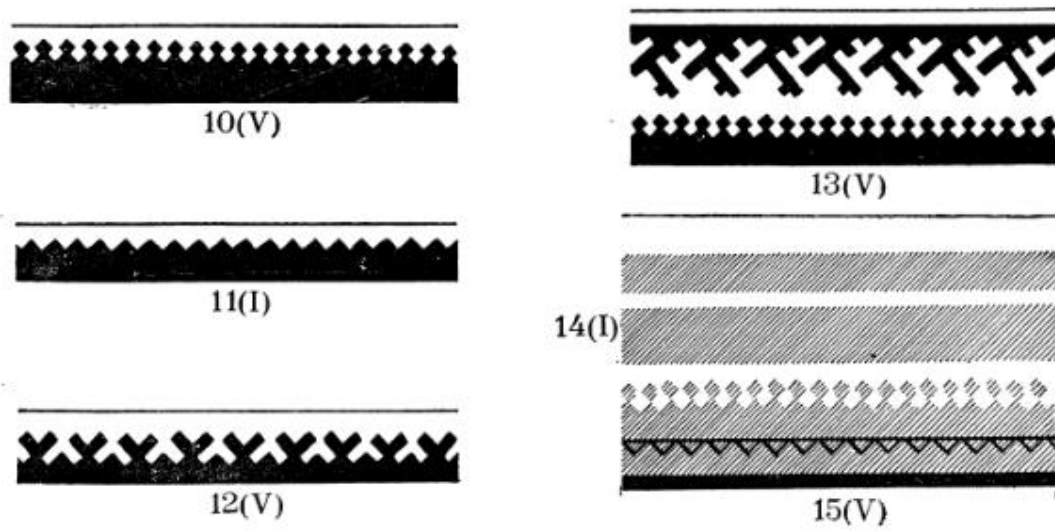
ТАБЛИЦА 4

СЕЛЬКУПЫ

ВЫСКАБЛИВАНИЕ И РЕЗЬБА ПО БЕРЕСТЕ

АППЛИКАЦИЯ ИЗ ЦВЕТНЫХ ТКАНЕЙ

РЕЗЬБА ПО КОСТИ

ТАБЛИЦА 5

НГАНАСАНЫ

МОЗАИКА ИЗ МЕХА И ЦВЕТНЫХ СУКОН

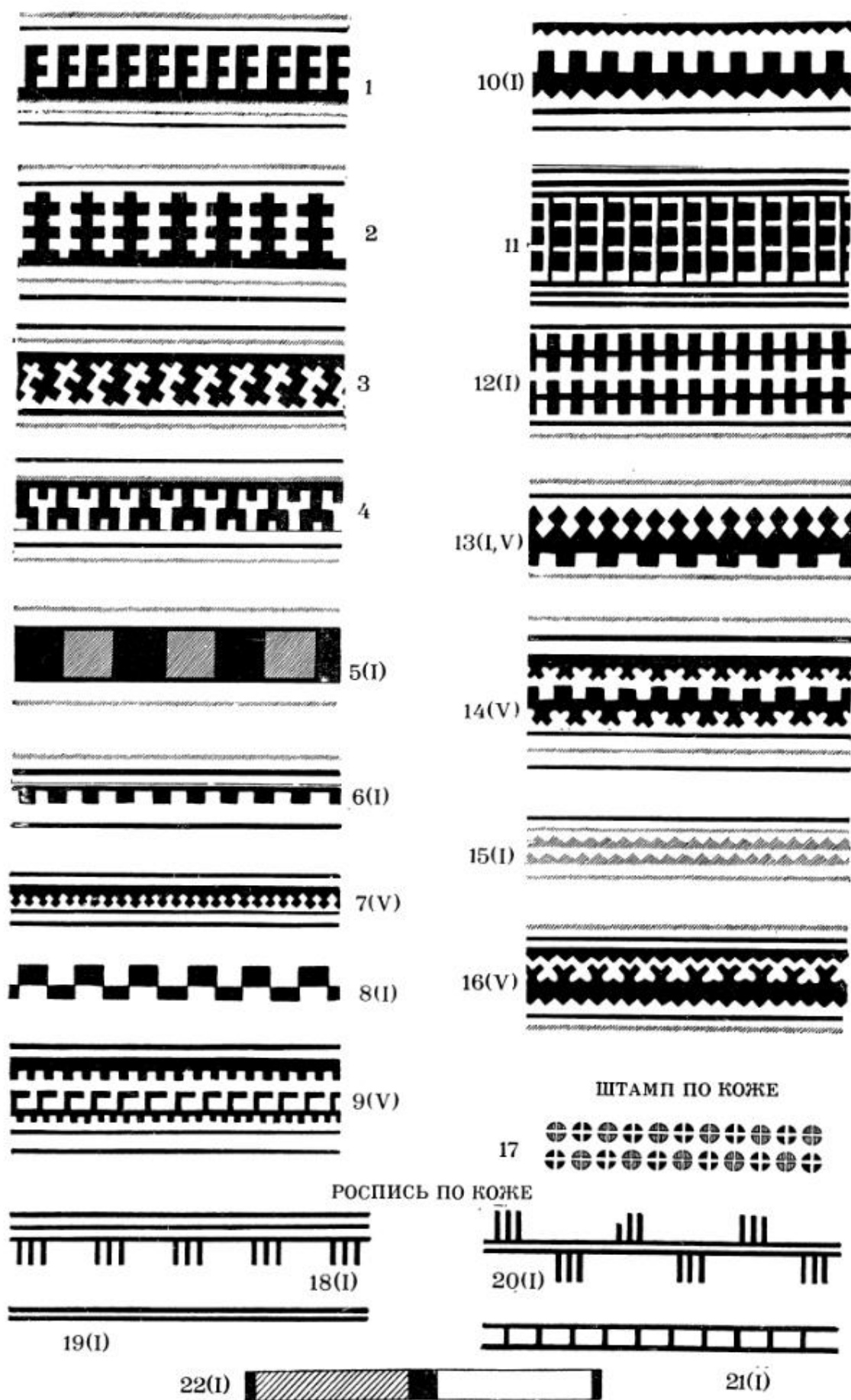

ТАБЛИЦА 6

ЭНЦЫ
МОЗАИКА ИЗ МЕХА

1(V)

2(V)

3

4(V)

5(V)

6(V)

7

8(V)

9 (I)

10(V)

11(II)

12(I)

13(V)

14

15

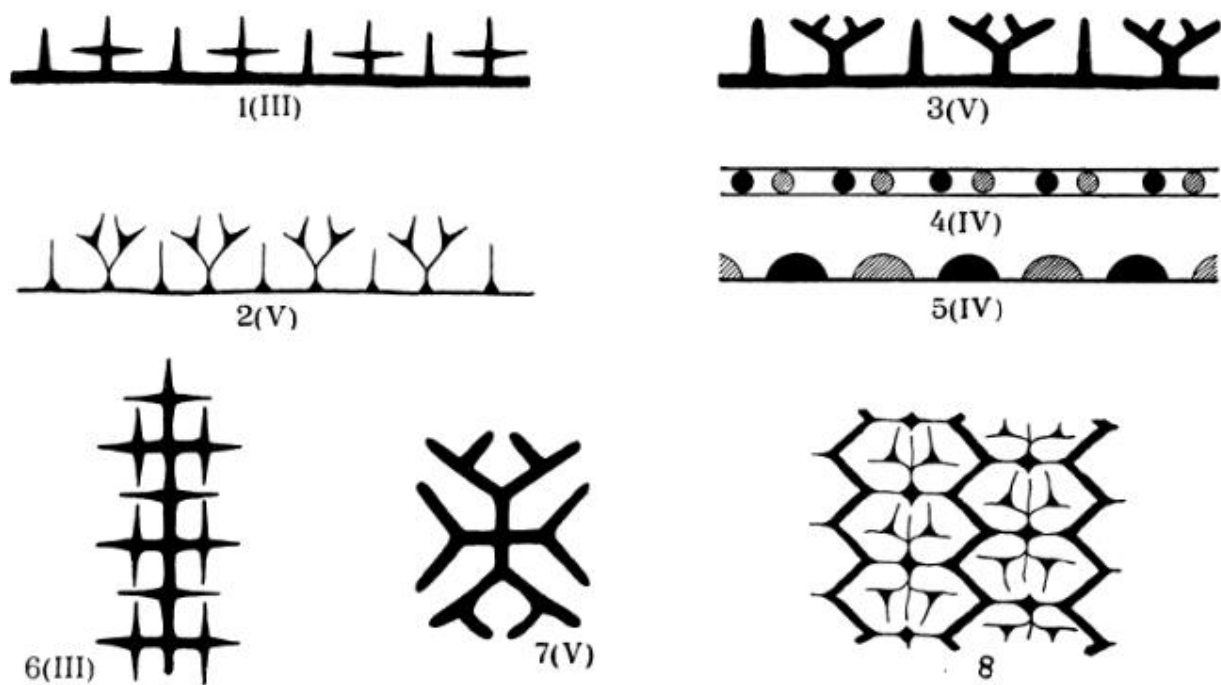

16(I)

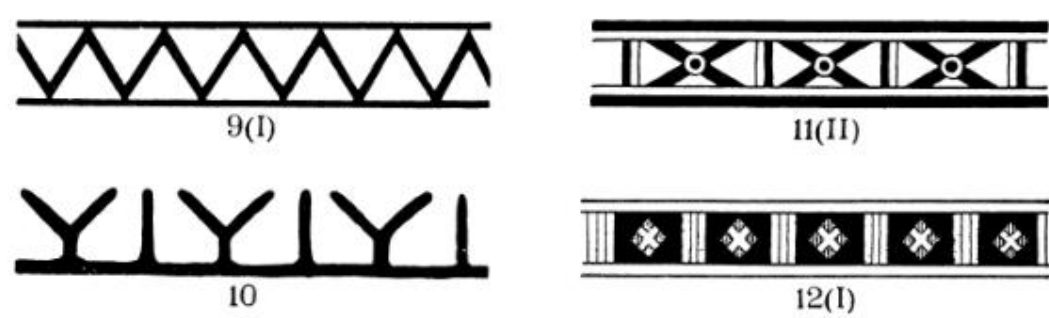
ТАБЛИЦА 7

КЕТЫ

РОСПИСЬ ПО ДЕРЕВУ, КОЖЕ И БЕРЕСТЕ

АППЛИКАЦИЯ ИЗ ЦВЕТНЫХ ТКАНЕЙ

ВЫШИВКА ОЛЕНЬИМ ВОЛОСОМ

РЕЗЬБА ПО БЕРЕСТЕ

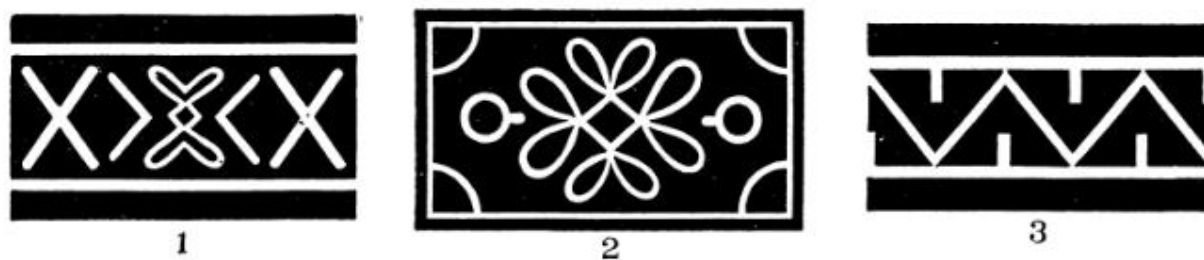

РЕЗЬБА ПО КОСТИ

ТАБЛИЦА 8

ДОЛГАНЫ
ШИТЬЕ БИСЕРОМ

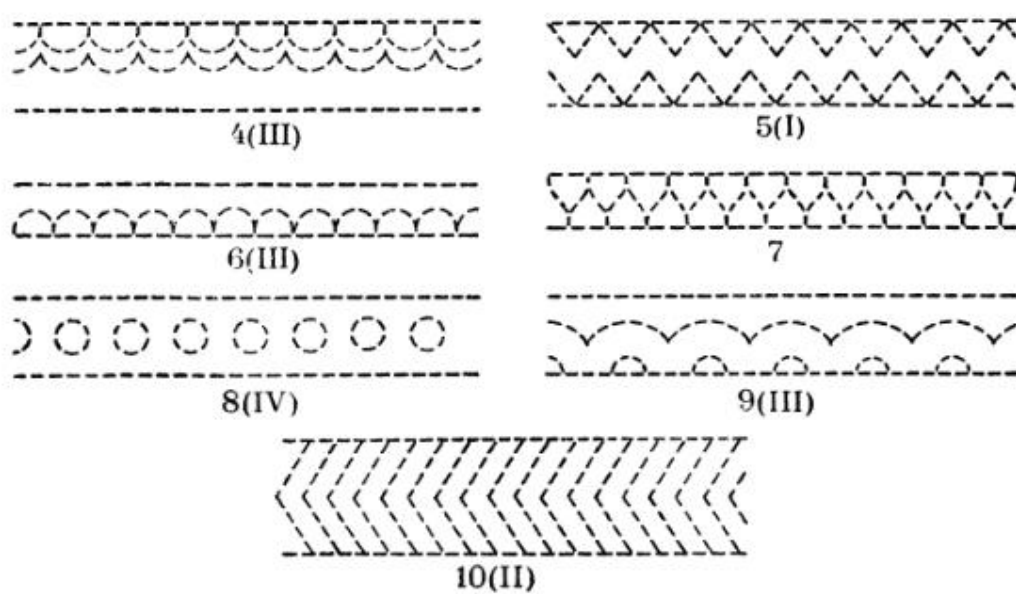

1

2

3

ВЫШИВКА СУХОЖИЛЬНЫМИ НИТКАМИ

4(III)

5(I)

6(III)

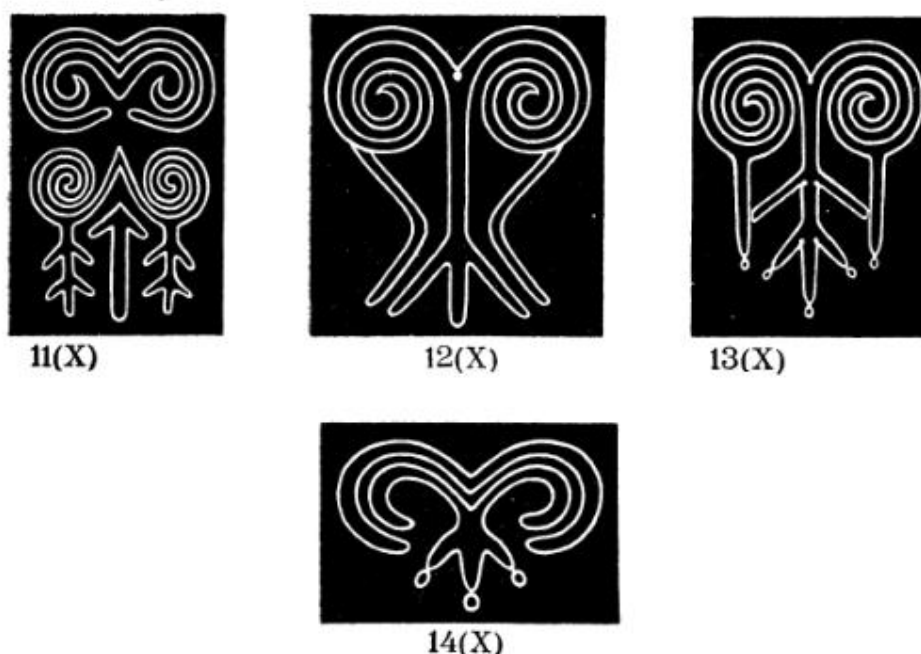
7

8(IV)

9(III)

10(II)

ВЫШИВКА ОЛЕНЬИМ ВОЛОСОМ

11(X)

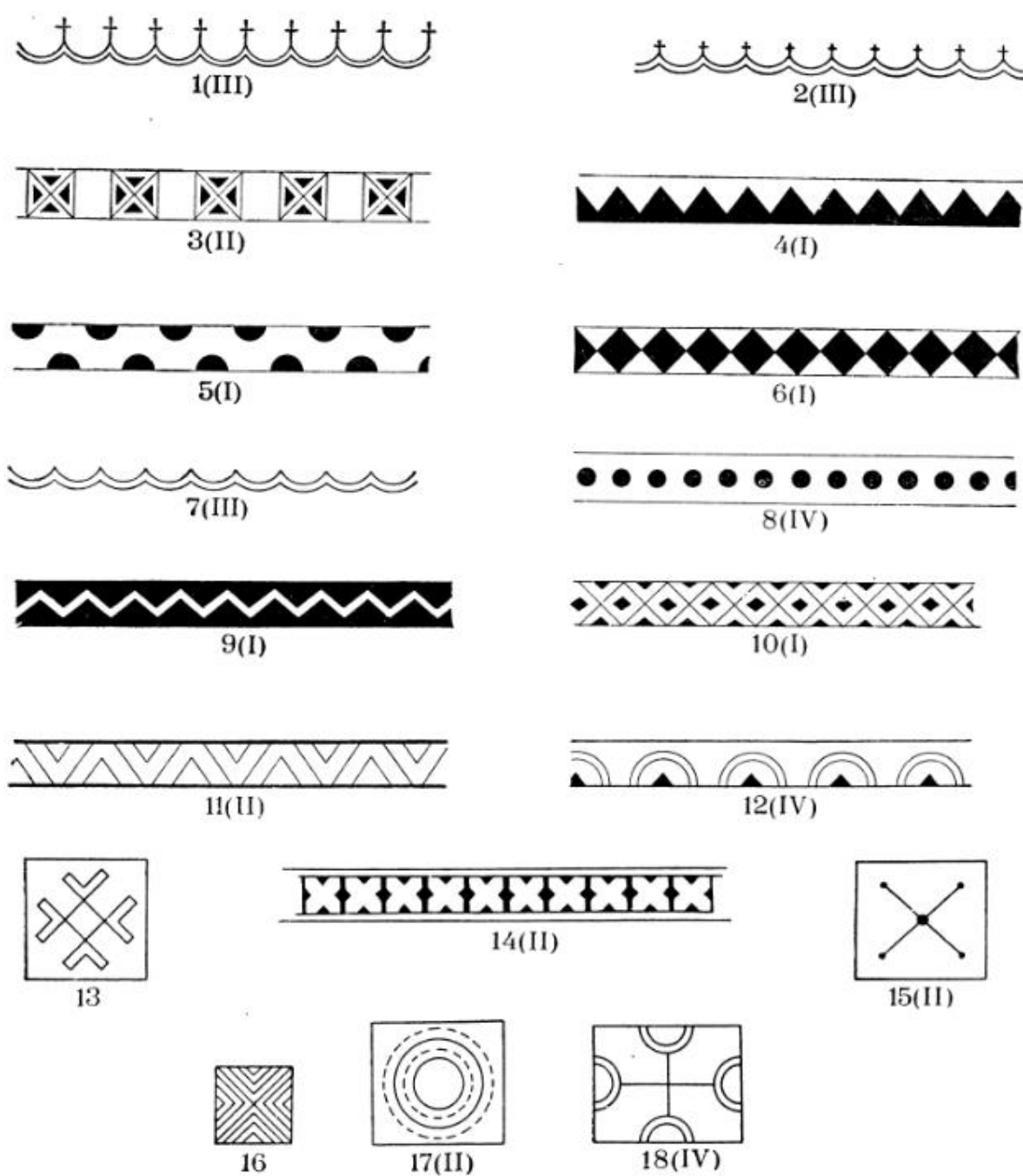
12(X)

13(X)

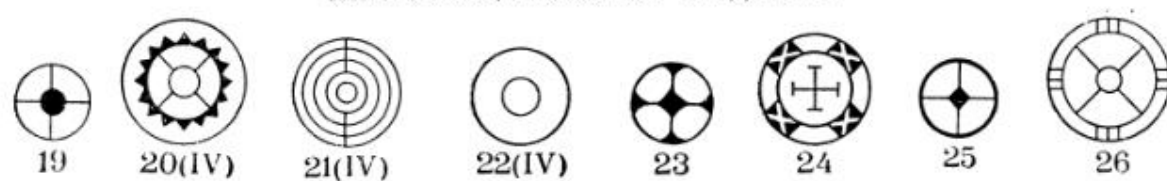
14(X)

ТАБЛИЦА 9

ДОЛГАНЫ
РЕЗЬБА ПО КОСТИ

ИНКРУСТАЦИЯ ОЛОВОМ ПО ДЕРЕВУ

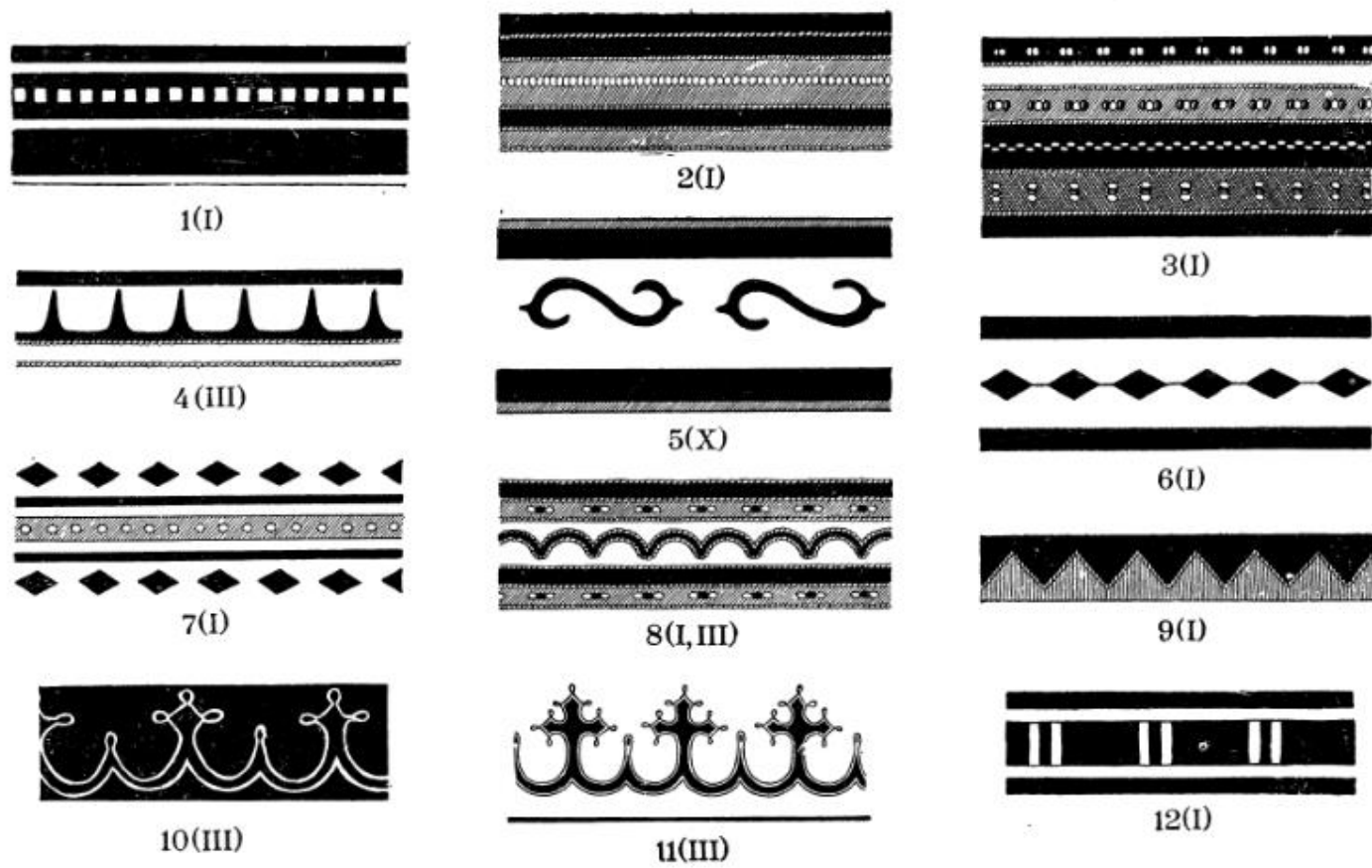
ШТАМП ПО МЕТАЛЛУ

ТАБЛИЦА 10

ЭВЕНКИ

РОСПИСЬ, ШИТЬЕ БИСЕРОМ И ВЫШИВКА ОЛЕНЬИМ ВОЛОСОМ ПО КОЖЕ.

БУМАЖНЫЕ ШАБЛОНЫ ДЛЯ ВЫШИВКИ

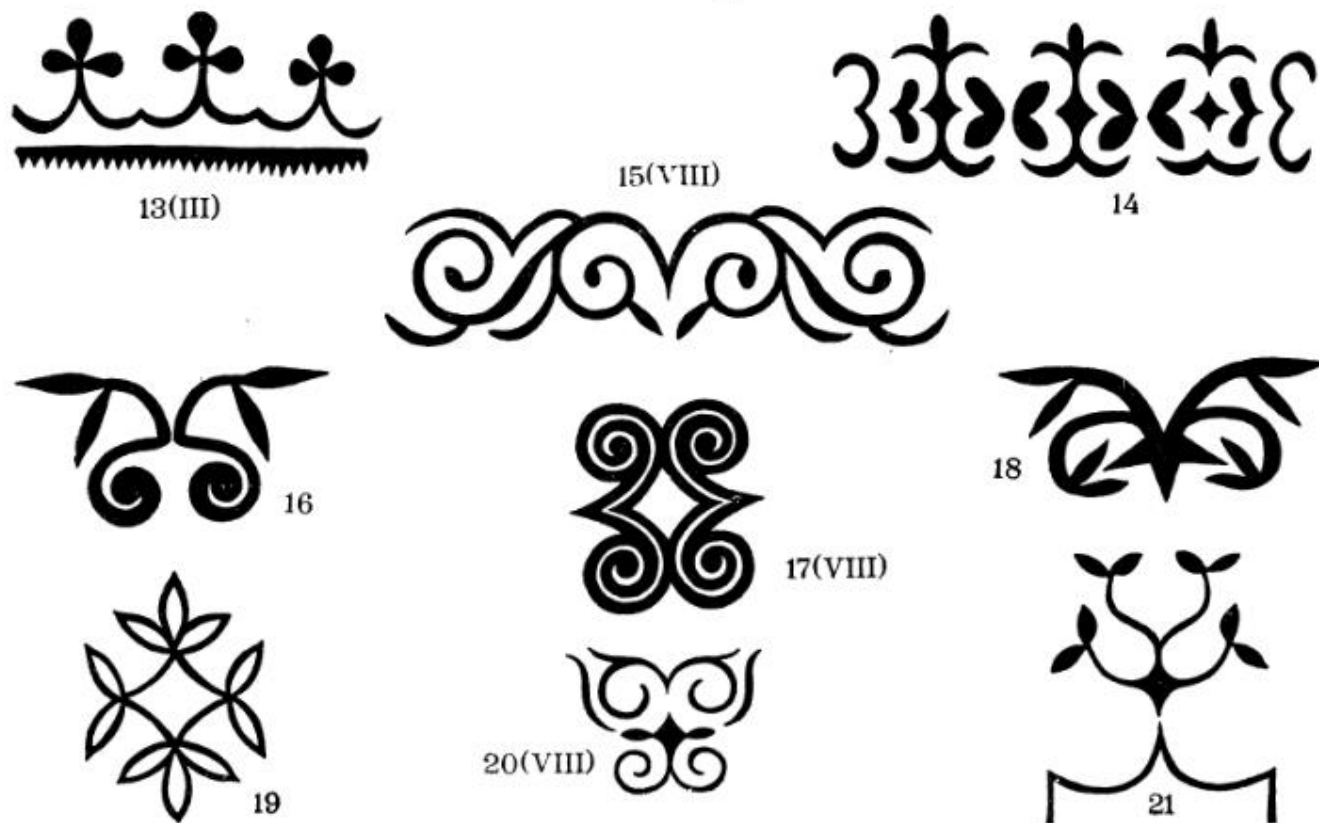
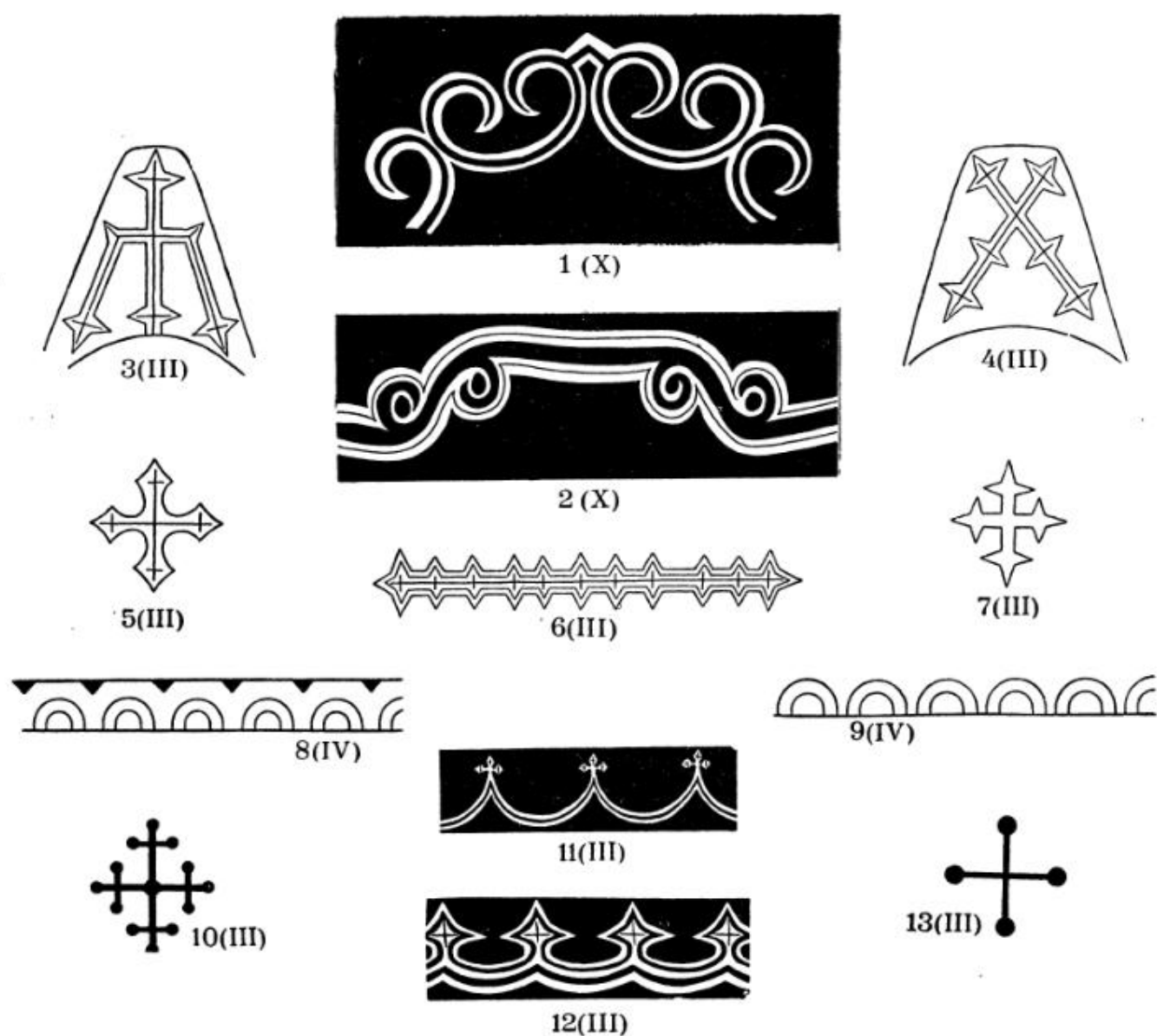

ТАБЛИЦА 11

ЭВЕНКИ
РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ

РЕЗЬБА ПО КОСТИ

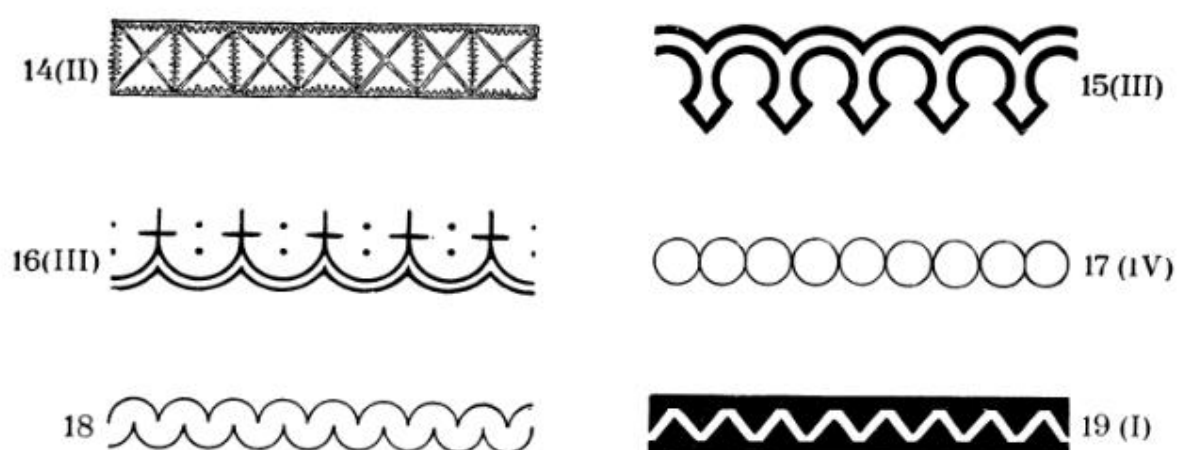
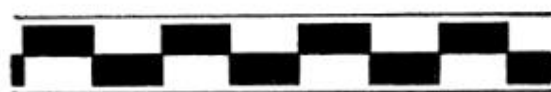

ТАБЛИЦА 12

ЭВЕНЫ

АППЛИКАЦИЯ ИЗ КОЖИ И ВЫШИВКА ОЛЕНЬИМ ВОЛОСОМ

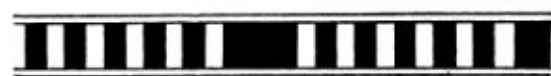
1(I)

2(I)

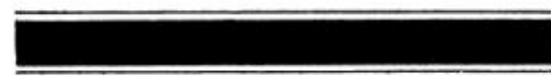
3(I)

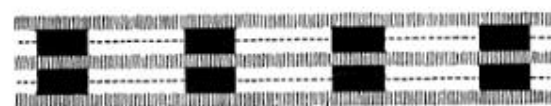
4(I)

5(I)

6(I)

7(I)

8(I)

ШИТЬЕ БИСЕРОМ

9(III)

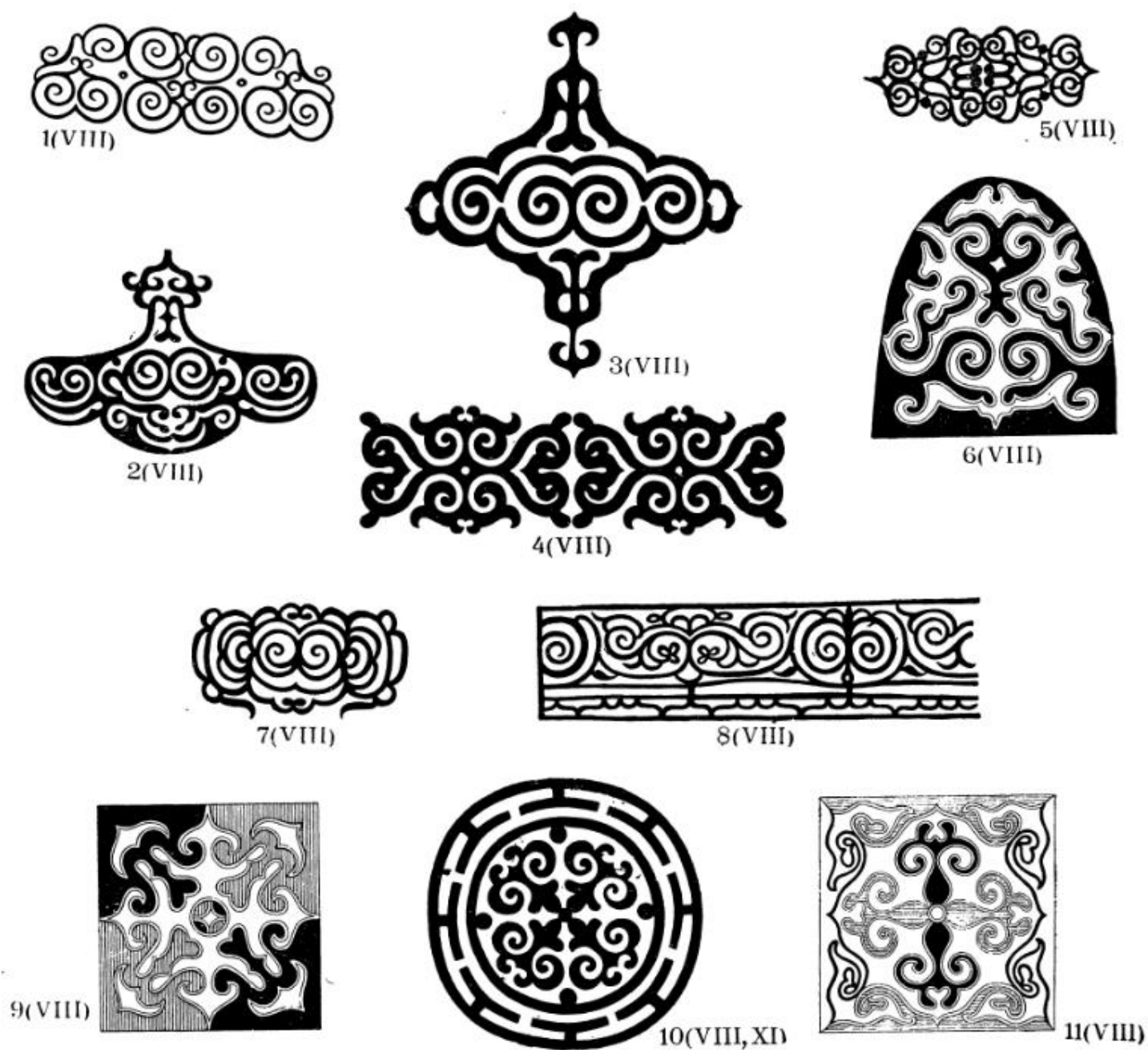

10(IV)

ТАБЛИЦА 13

НАРОДЫ НИЖНЕГО ПРИАМУРЬЯ,
ПРИМОРЬЯ И СЕВЕРНОГО САХАЛИНА

ВЫШИВКА ЦВЕТНЫМИ НИТКАМИ И АППЛИКАЦИЯ ИЗ РЫБЬЕЙ
КОЖИ И ЦВЕТНЫХ ТКАНЕЙ

АППЛИКАЦИЯ ИЗ БУМАГИ

РЕЗЬБА И РОСПИСЬ ПО БЕРЕСТЕ

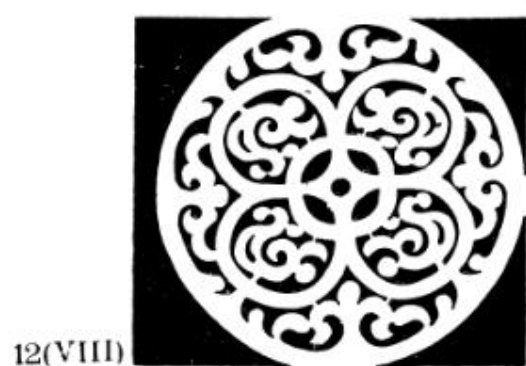
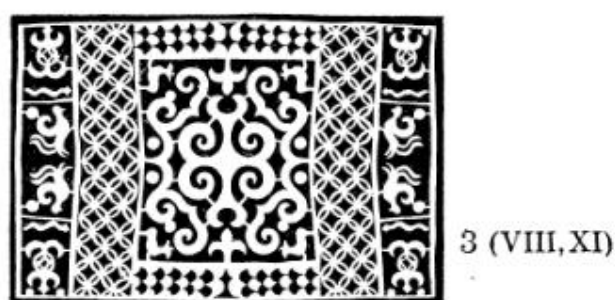
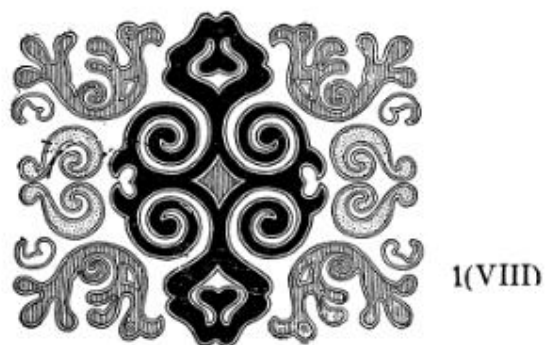

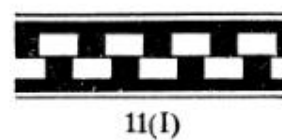
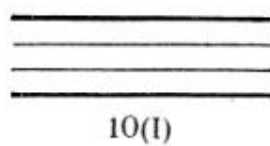
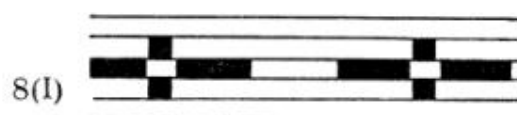
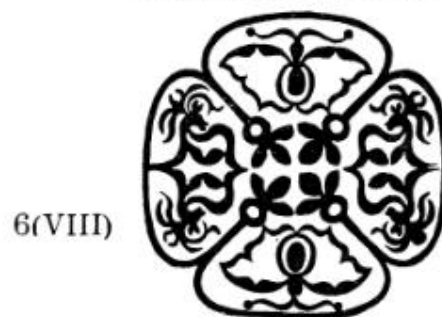
ТАБЛИЦА 14

НАРОДЫ НИЖНЕГО ПРИАМУРЬЯ, ПРИМОРЬЯ И
СЕВЕРНОГО САХАЛИНА

АПЛИКАЦИЯ
ИЗ ЦВЕТНЫХ ТКАНЕЙ И БУМАГИ

ВЫШИВКА
ЦВЕТНЫМИ НИТКАМИ

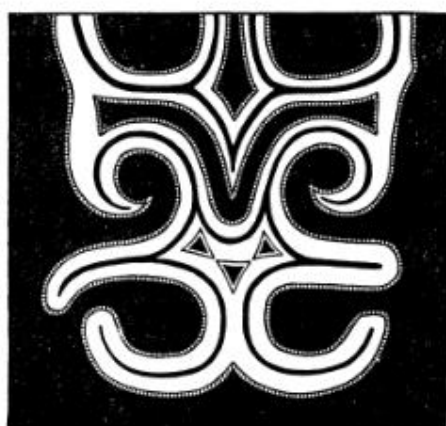

РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ

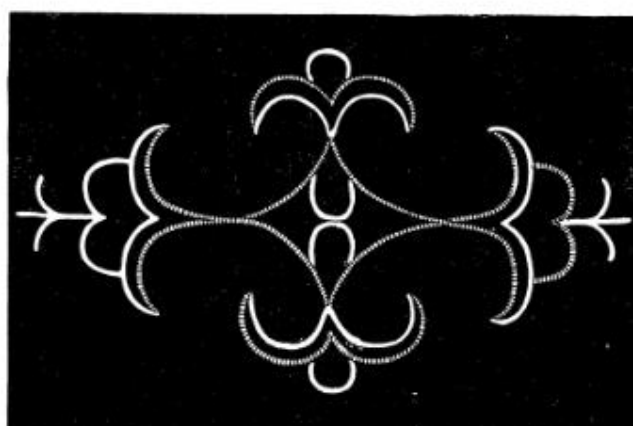

ТАБЛИЦА 15

АЙНЫ САХАЛИНСКИЕ И КУРИЛЬСКИЕ
ВЫШИВКА ЦВЕТНЫМИ НИТКАМИ

1(IX)

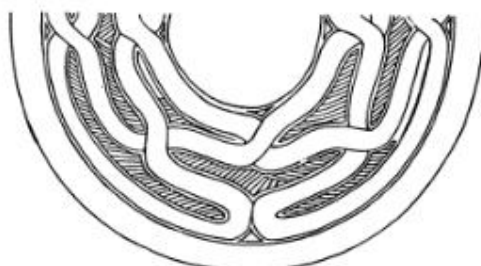

2(IX)

РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ

3(IX)

4(VIII)

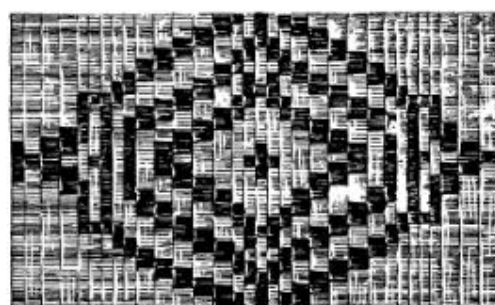

5(IX)

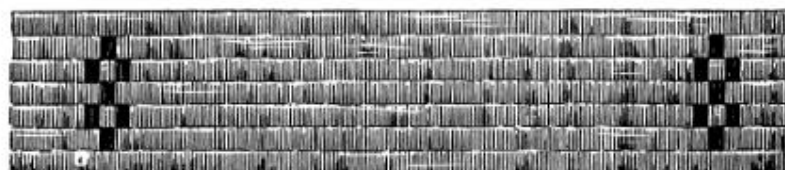
ПЛЕТЕНИЕ ИЗ ТРАВЫ

6(IX)

7(IX)

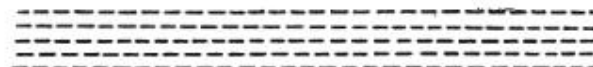
8(I)

ТАБЛИЦА 16

АЛЕУТЫ
ВЫШИВКА ЦВЕТНЫМИ НИТКАМИ

1(I)

2(I)

3(I)

4(I)

5(I)

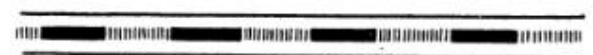
6(I)

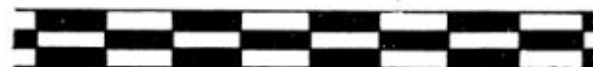
7(IV)

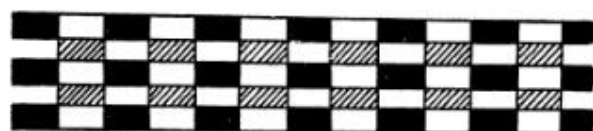
8(I)

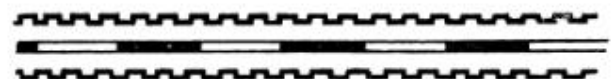
9(I)

10(I)

11(I)

12(I)

13(I)

ТАБЛИЦА 17

РОСПИСЬ ПО ДЕРЕВУ

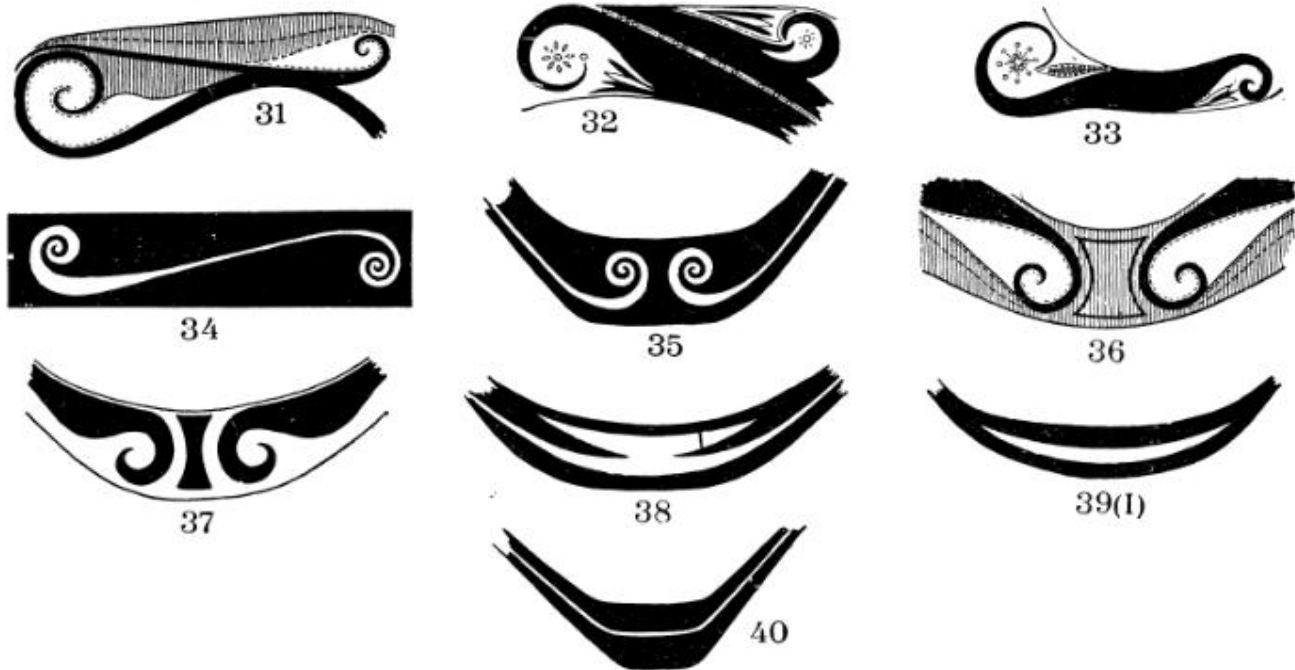
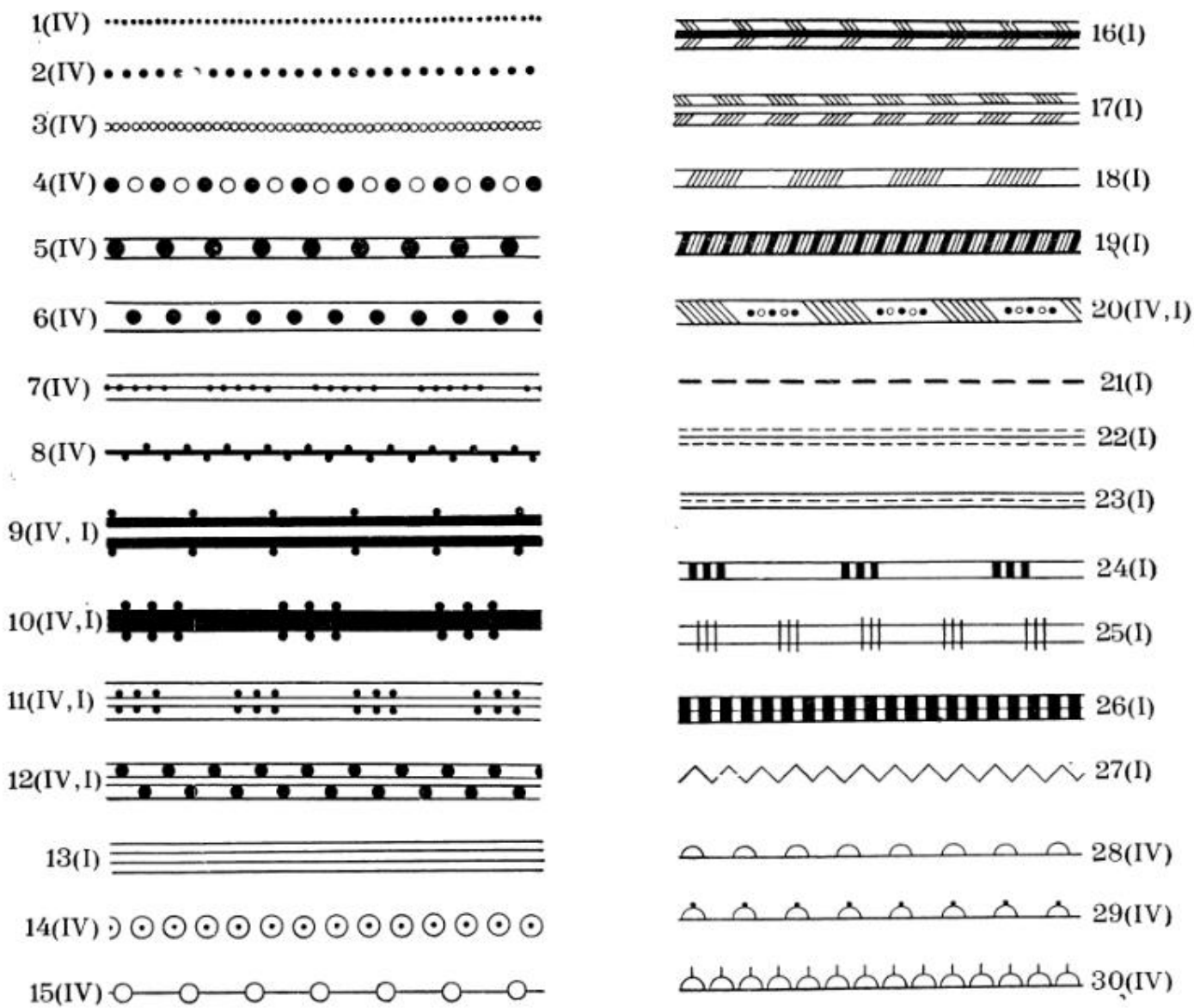

ТАБЛИЦА 18

АЛЕУТЫ
РЕЗЬБА ПО КОСТИ

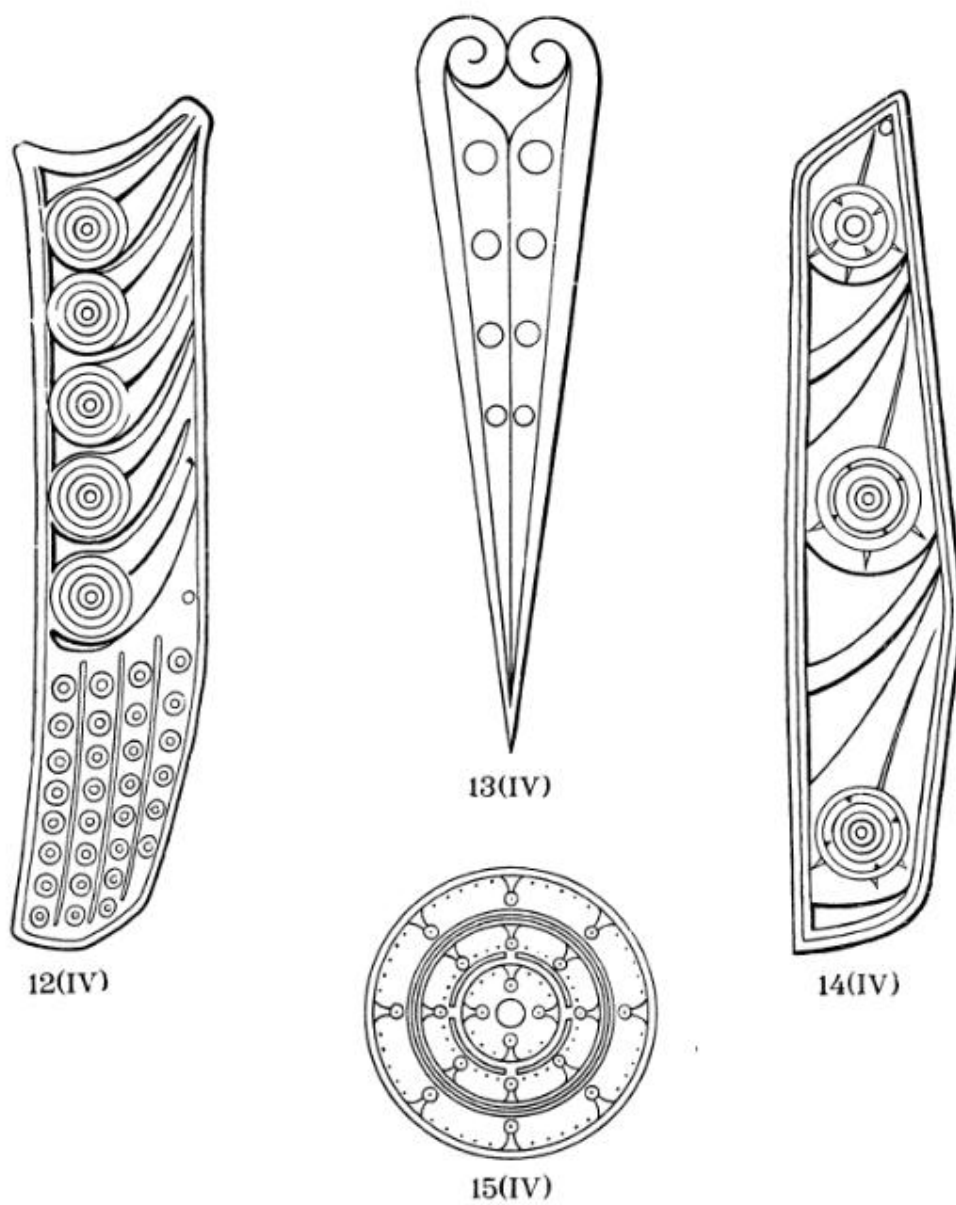
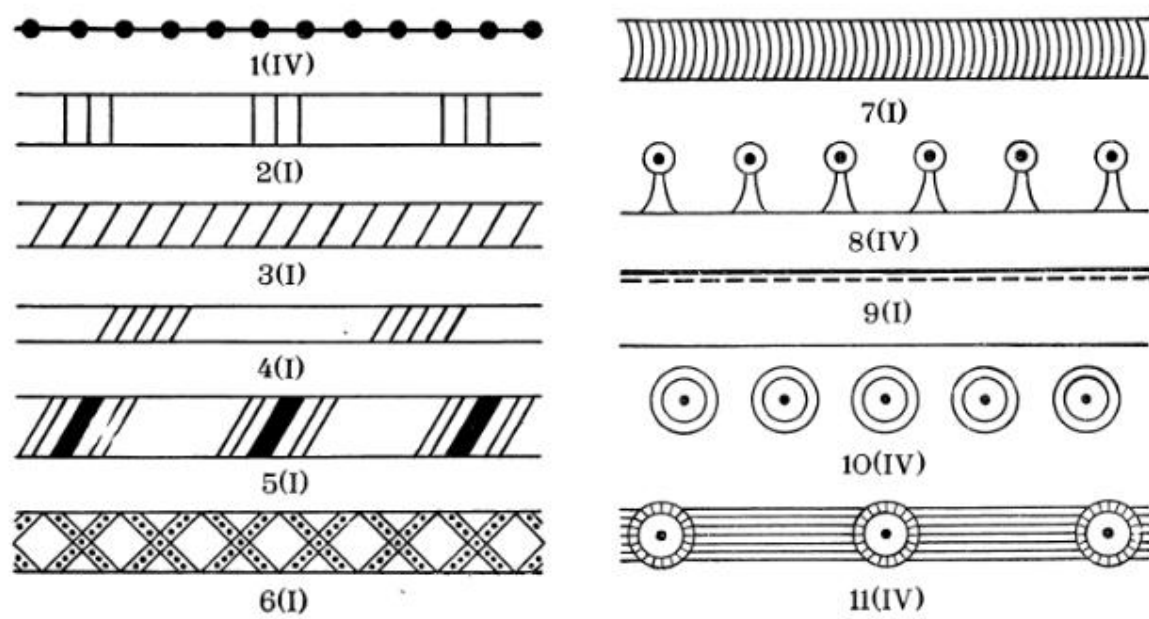

ТАБЛИЦА 19

ЧУКЧИ

ВЫШИВКА ОЛЕНЬИМ ВОЛОСОМ И АППЛИКАЦИЯ ИЗ КОЖИ

1(IV)

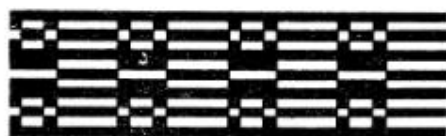
2(I)

3(I)

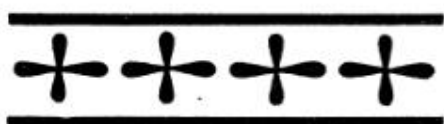
4(I)

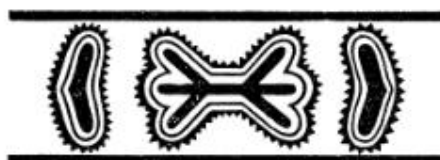
5(I)

6

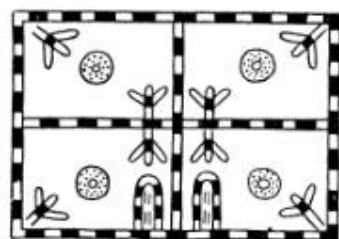
7

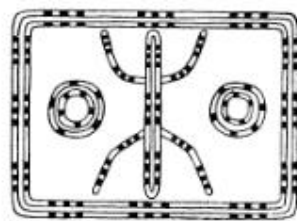
8

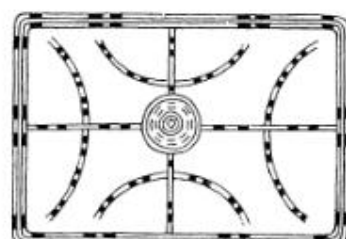
9(I)

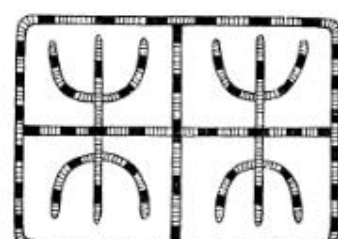
10

11

12

13

ИНКРУСТАЦИЯ ОЛОВОМ ПО ДЕРЕВУ

14(I)

15(II)

16(I)

17(I)

18

19(II)

20(I)

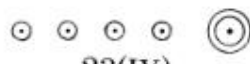
РЕЗЬБА ПО КОСТИ

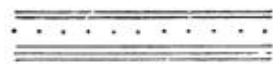
21

22(II)

23(IV)

24(I)

25(I)

ТАБЛИЦА 20

АЗИАТСКИЕ ЭСКИМОСЫ

АППЛИКАЦИЯ ИЗ КОЖИ

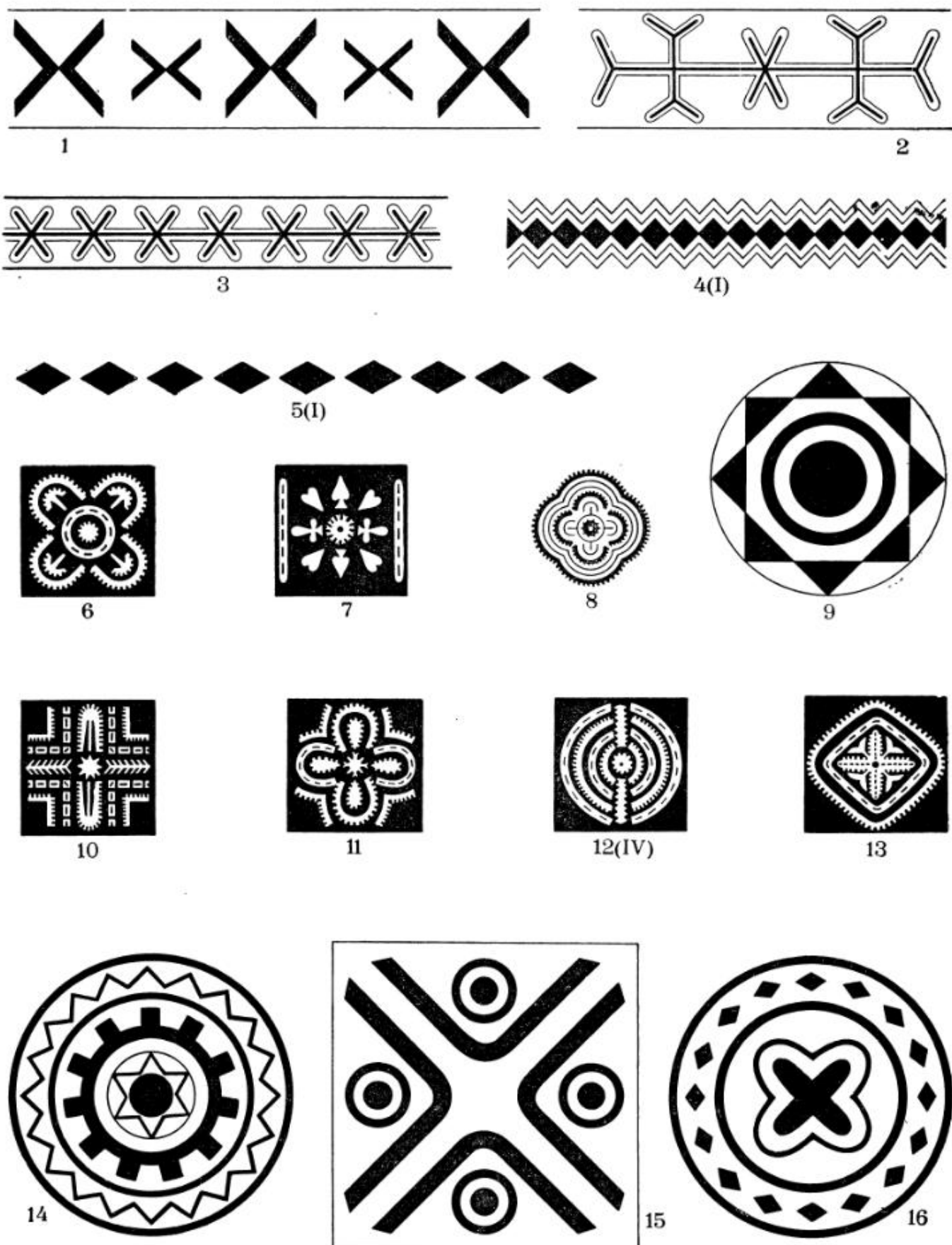
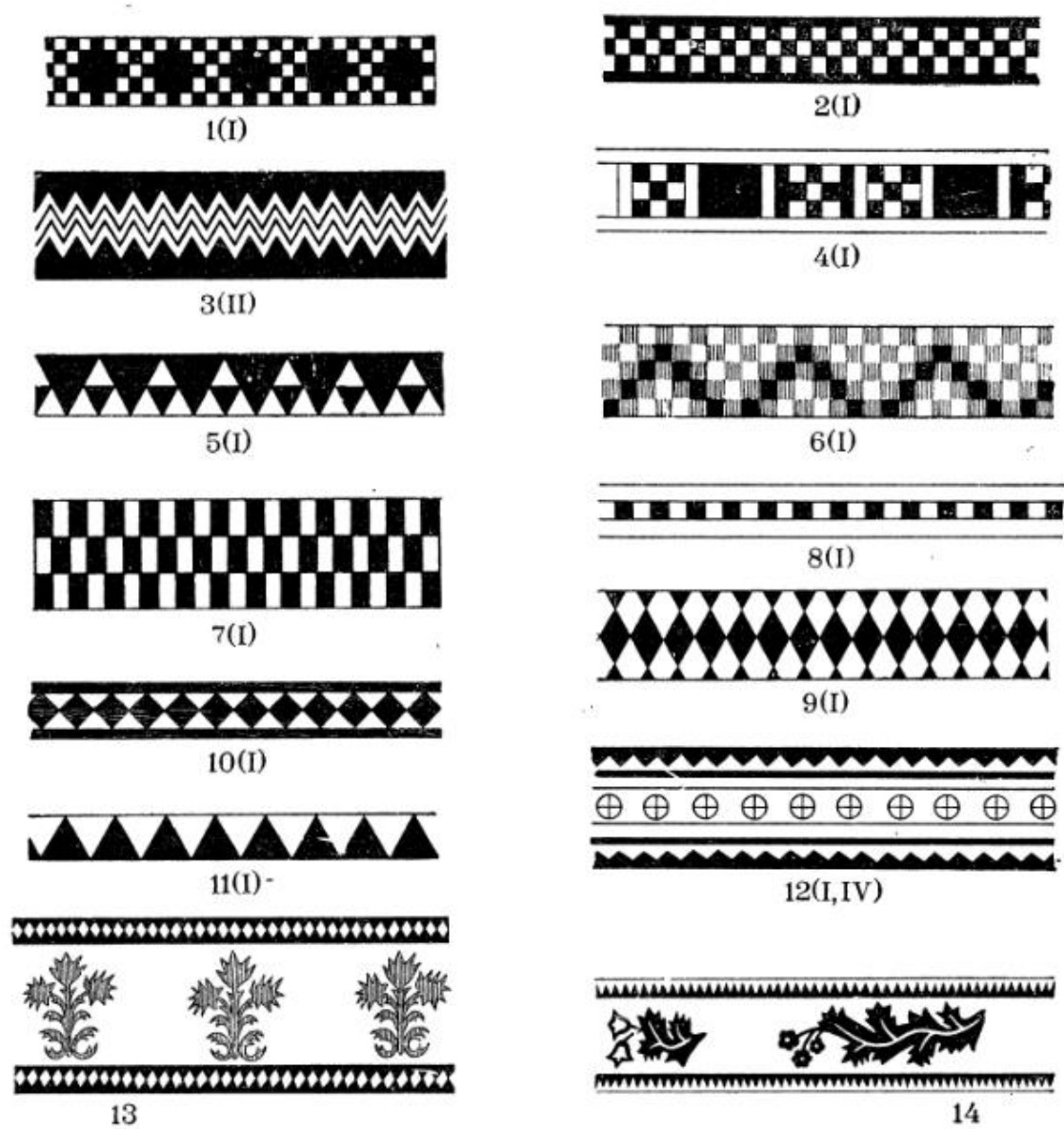

ТАБЛИЦА 21

КОРЯКИ

МОЗАИКА ИЗ МЕХА И ВЫШИВКА ЦВЕТНЫМИ НИТКАМИ

ВЫШИВКА СУХОЖИЛЬНЫМИ НИТКАМИ

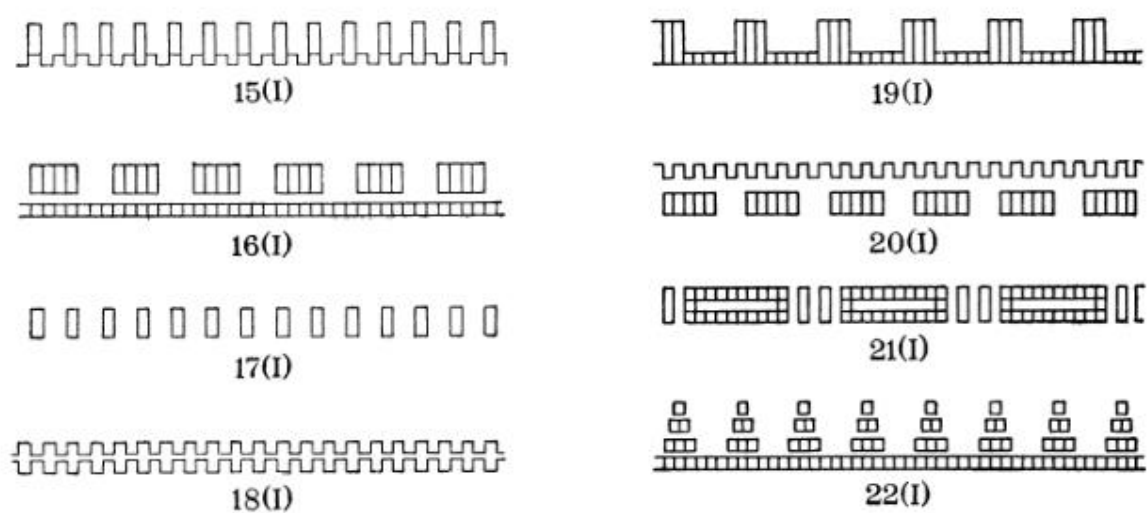
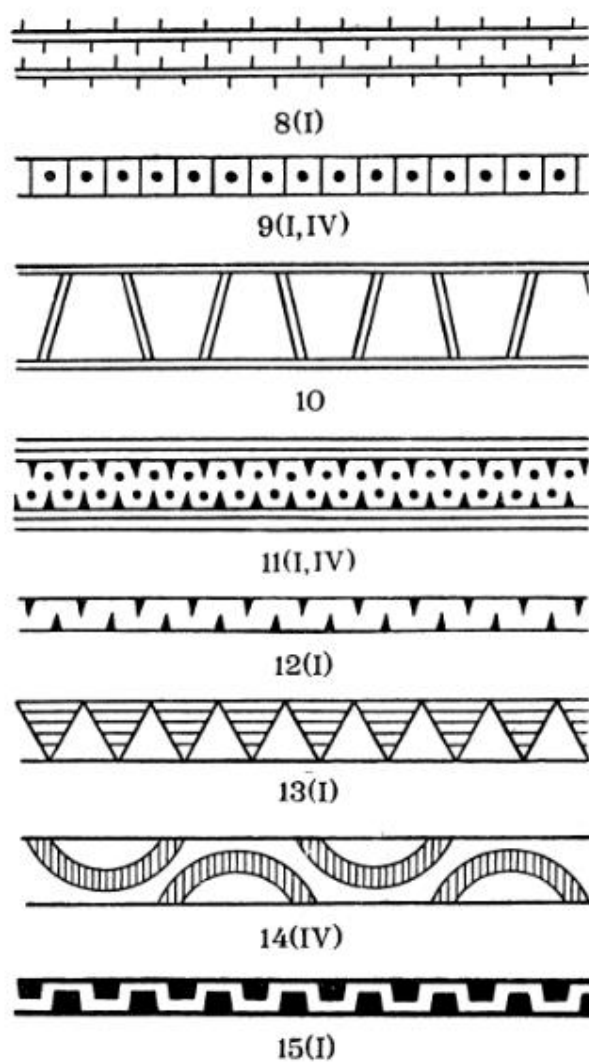
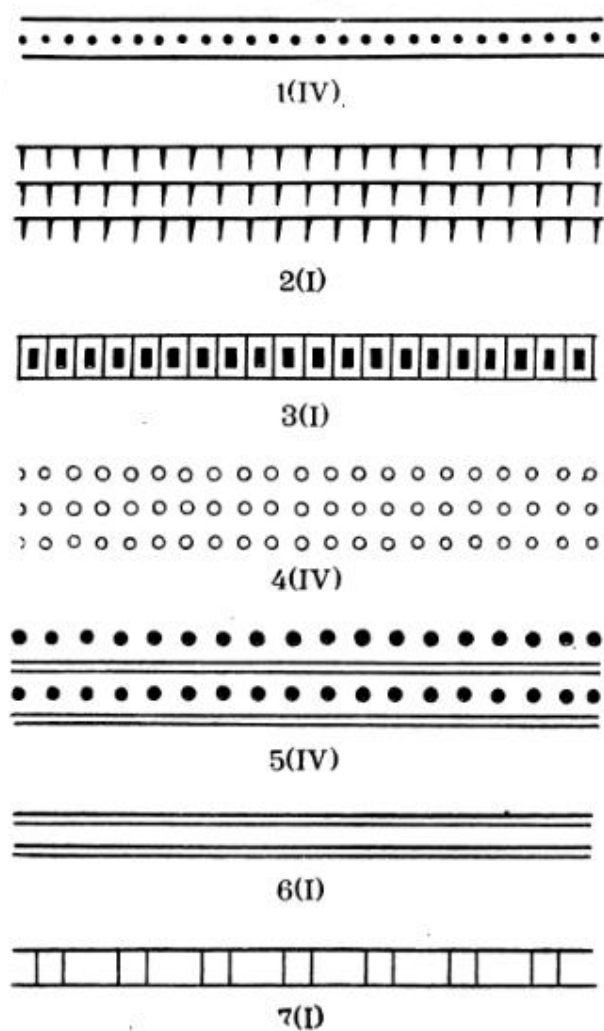

ТАБЛИЦА 22

КОРЯКИ
РЕЗЬБА ПО КОСТИ

ТИСНЕНИЕ ПО БЕРЕСТЕ

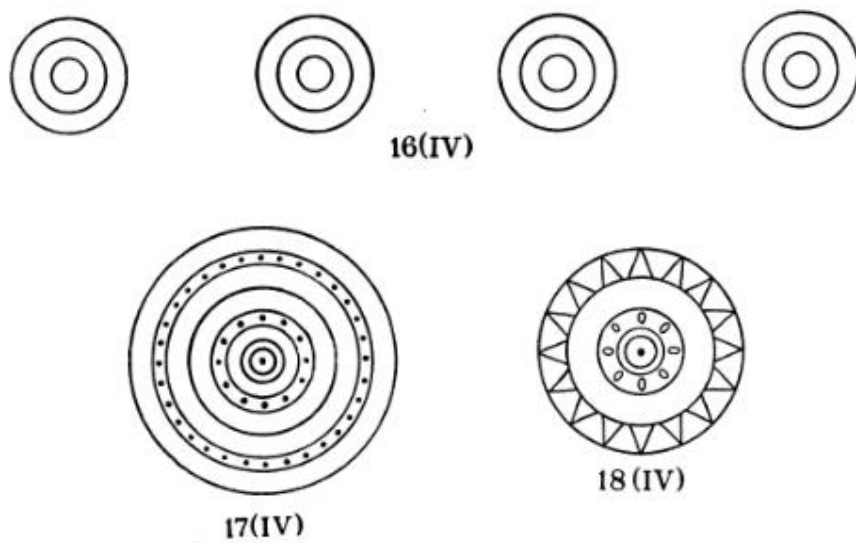
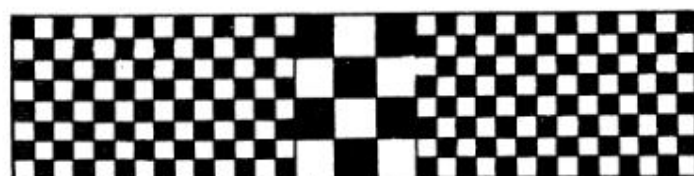

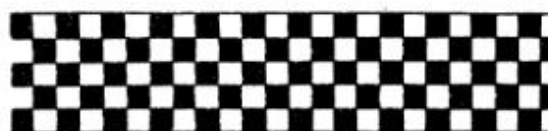
ТАБЛИЦА 23

ИТЕЛЬМЕНЫ
МОЗАИКА ИЗ МЕХА

1(I)

РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ

2(I)

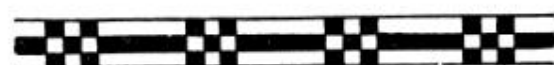
3(I)

4(I)

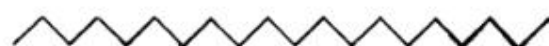
5(II)

6(I)

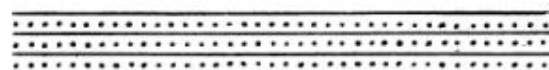

7(I)

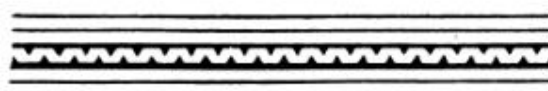

8(I)

РЕЗЬБА ПО КОСТИ

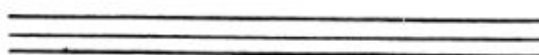
9(IV,I)

10(I)

11(I,IV)

12(I)

13(I)

14(I,IV)

ТАБЛИЦА 24

ЮКАГИРЫ

РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ

1(II)

2(I)

3(I)

4(I)

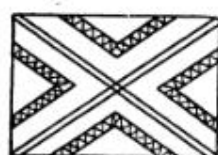
5(I)

6(I)

7(I)

8(II)

ИНКРУСТАЦИЯ ОЛОВОМ ПО ДЕРЕВУ

9

10

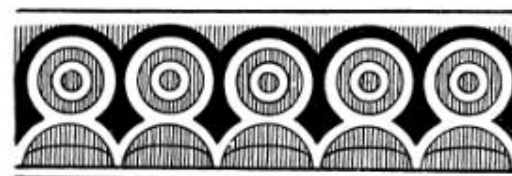

11

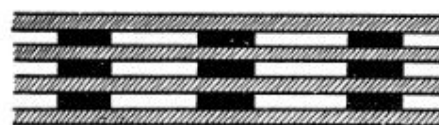

12

ШИТЬЕ БИСЕРОМ И ВЫШИВКА ОЛЕНЬИМ ВОЛОСОМ

13(III)

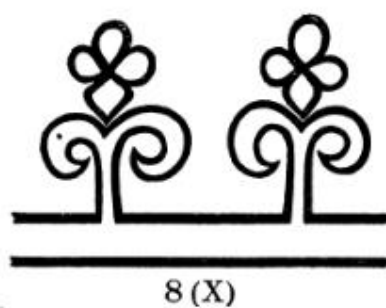
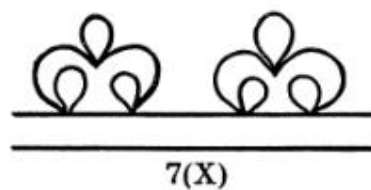
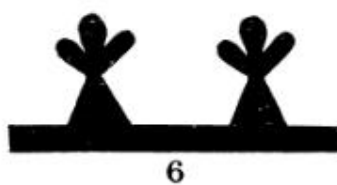
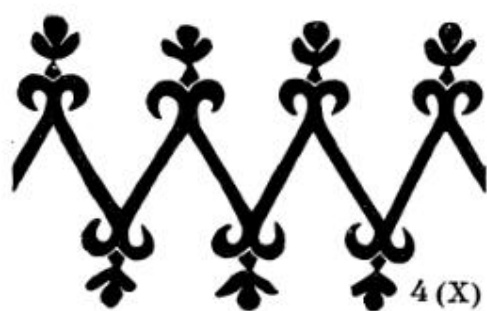
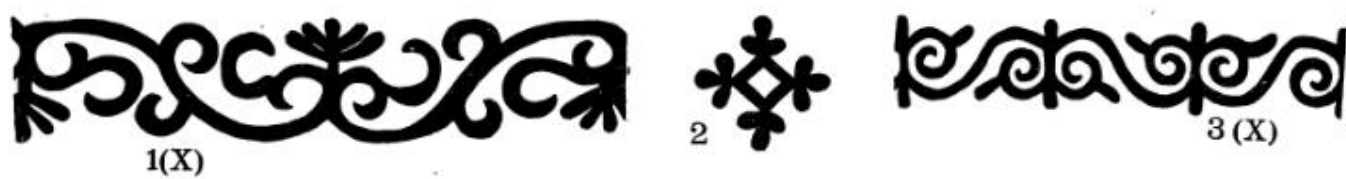

14(I)

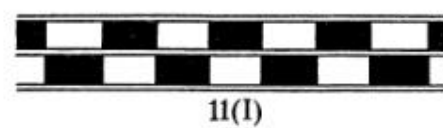
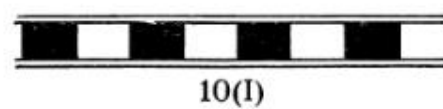
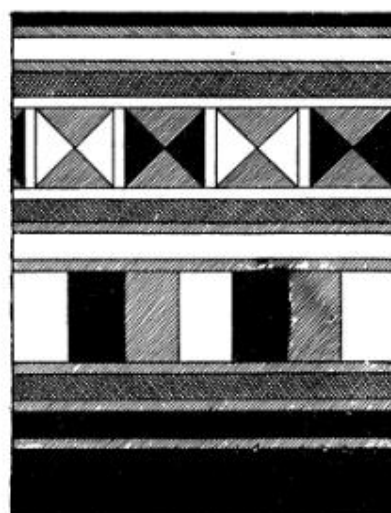
ТАБЛИЦА 25

ЯКУТЫ

ВЫШИВКА ЦВЕТНЫМИ НИТКАМИ

МОЗАИКА ИЗ ЦВЕТНЫХ ТКАНЕЙ

ШИТЬЕ БИСЕРОМ

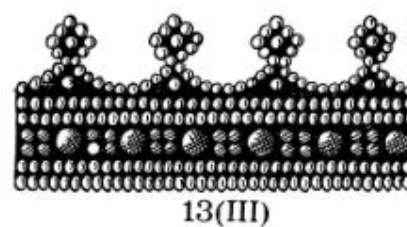
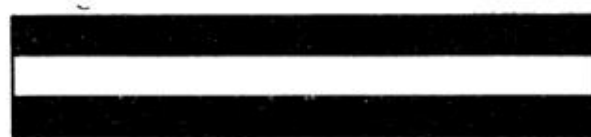

ТАБЛИЦА 26

ЯКУТЫ

МОЗАИКА ИЗ МЕХА

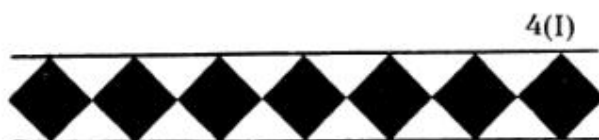
1(I)

2(I)

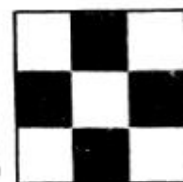
3(II)

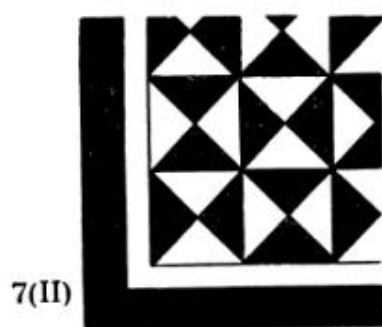
4(I)

5

6(I)

7(II)

8

АППЛИКАЦИЯ ИЗ КОЖИ

9(III)

ТАБЛИЦА 27

ЯКУТЫ
РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ

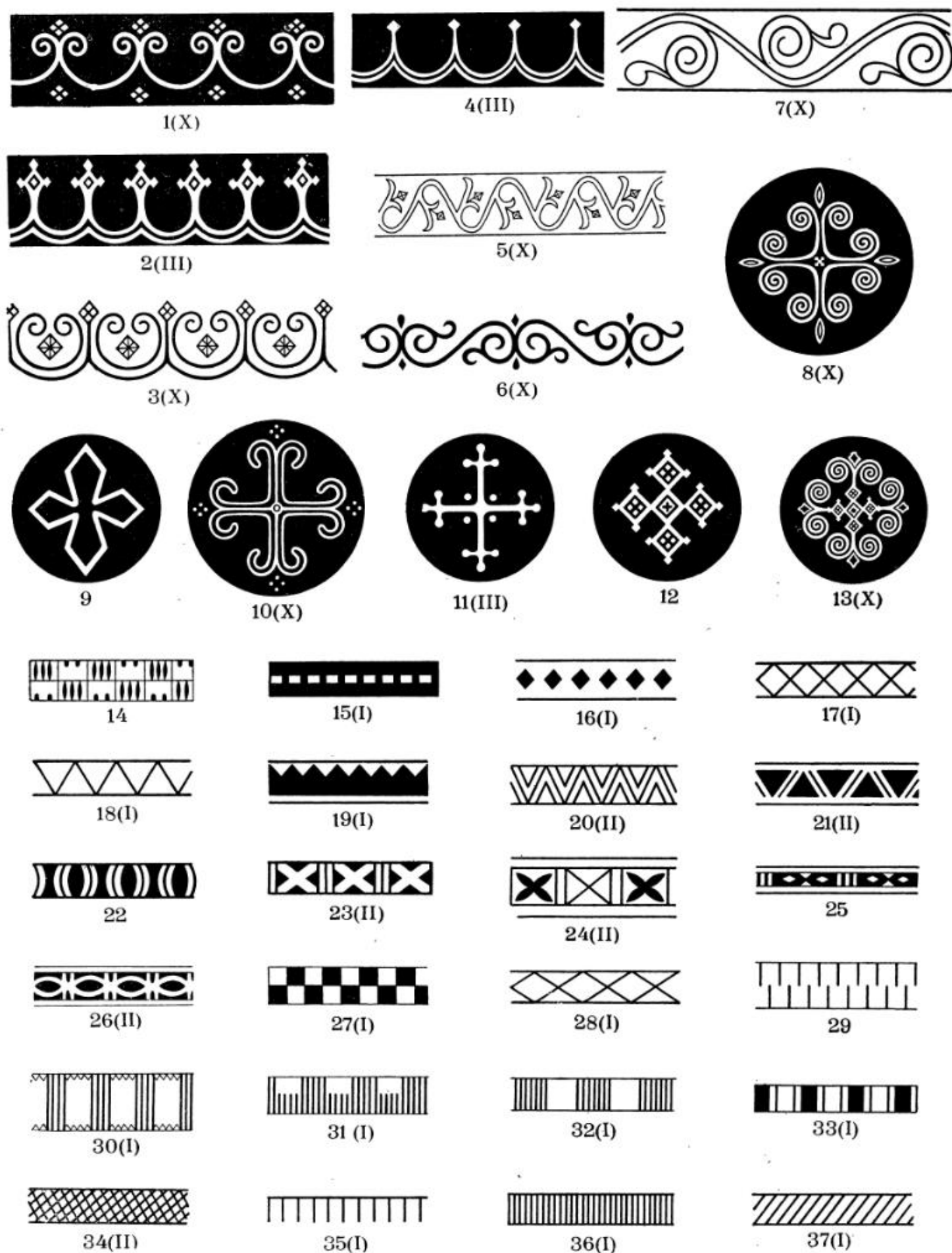
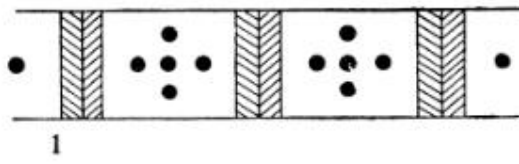

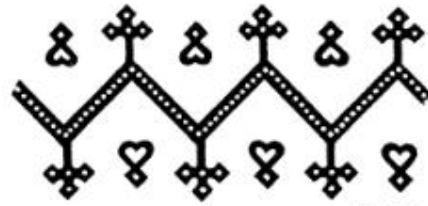
ТАБЛИЦА 28

ЯКУТЫ

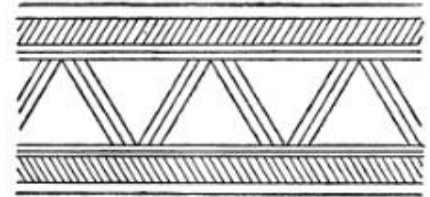
РЕЗЬБА И ТИСНЕНИЕ ПО БЕРЕСТЕ.

1

5(III)

7(II, I)

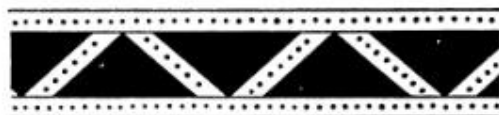
2(II)

6(X)

8(III)

3(I)

4(IV)

ШТАМП ПО ГЛИНЕ

9(I)

10(I)

11

12

ЧЕКАНКА И РЕЗЬБА ПО МЕТАЛЛУ

13(X)

14(X)

15(X)

16(X)

РЕЗЬБА ПО КОСТИ

17(III)

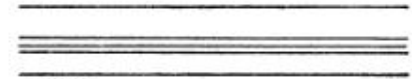
18(I)

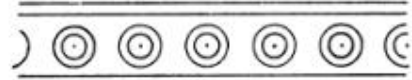
19(II)

20(II)

21(I)

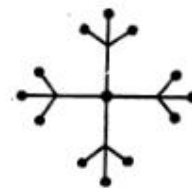
22(IV)

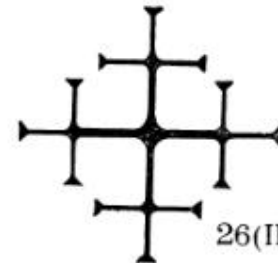
23(I)

24(I)

25(III)

26(III)

ТАБЛИЦА 29

ЯКУТЫ

ШТАМП ПО ГЛИНЕ

1

2(I)

3(I)

4(I)

5(I)

6(I)

7

8

9

10(IV)

11(IV)

12(III)

13(III)

ТАБЛИЦА 30

ХАКАСЫ
ВЫШИВКА ЦВЕТНЫМИ НИТКАМИ

1 (X)

2 (X)

3 (X)

4 (X)

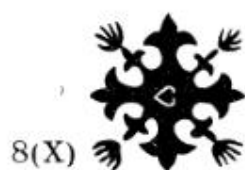
5 (X)

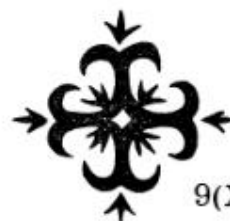
6 (X)

7 (X)

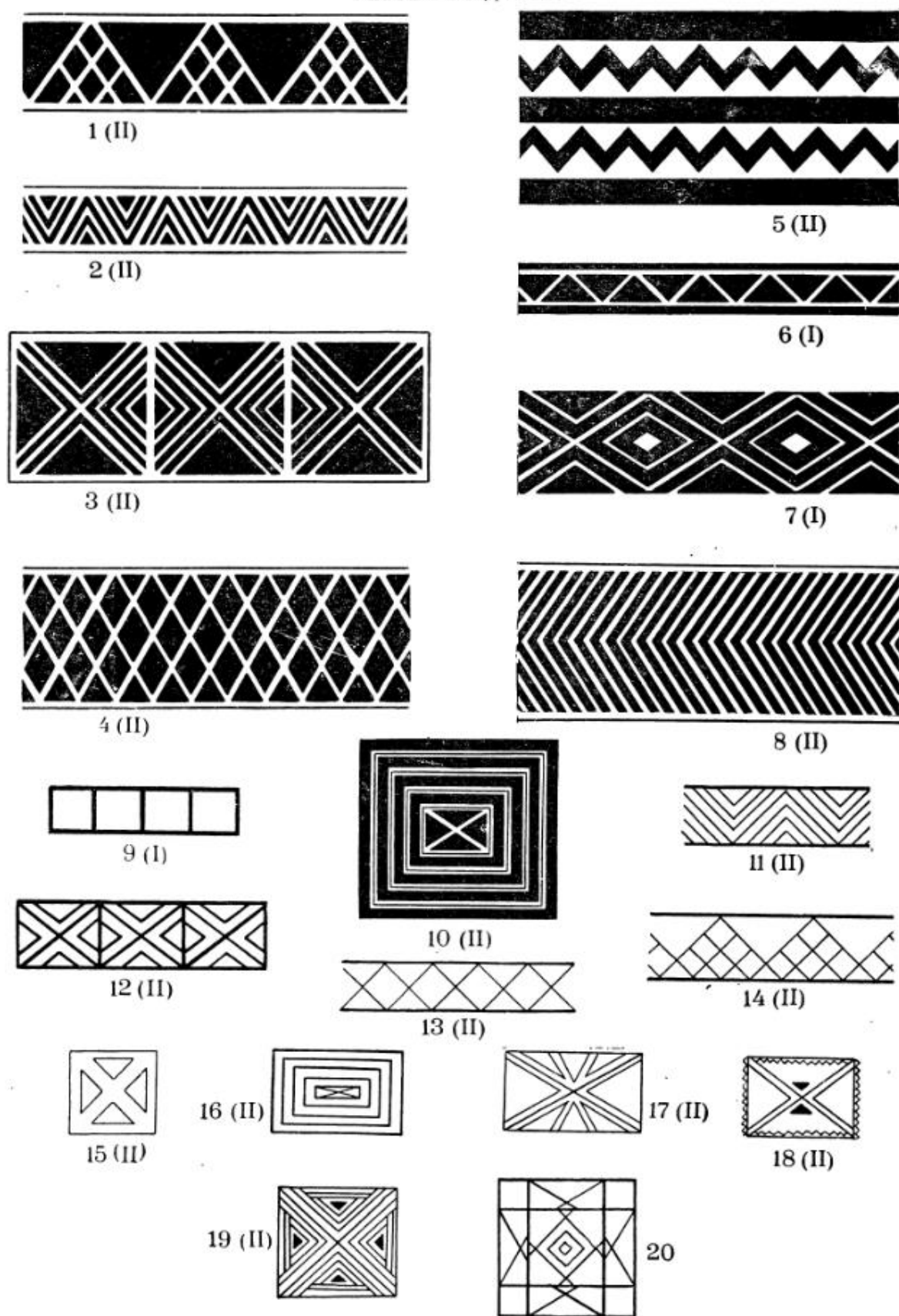
8 (X)

9 (X)

ТАБЛИЦА 31

ХАҢАСЫ
РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ

РЕЗЬБА ПО КОСТИ

ТАБЛИЦА 32

ХАҢАСЫ

ИНКРУСТАЦИЯ ОЛОВОМ ПО ДЕРЕВУ

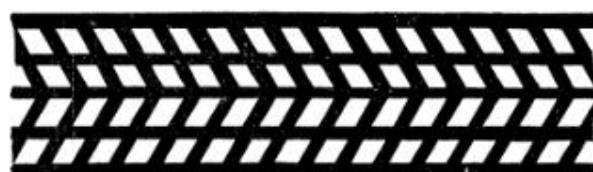
1(II)

2(IV)

3

4(II)

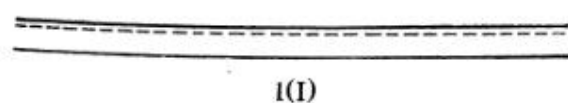

5(II)

ТАБЛИЦА 33

АЛТАЙ КИЖИ И ТЕЛЕНГИТЫ

ВЫШИВКА

1(I)

2(XI)

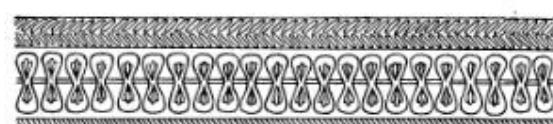
3

4(II)

5(II)

6

7(I)

8(I)

9

10(X)

ЦВЕТНОЙ ВОЙЛОК

11(X)

12(X)

ТАБЛИЦА 34

АЛТАЙ КИЖИ И ТЕЛЕНГИТЫ

РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ

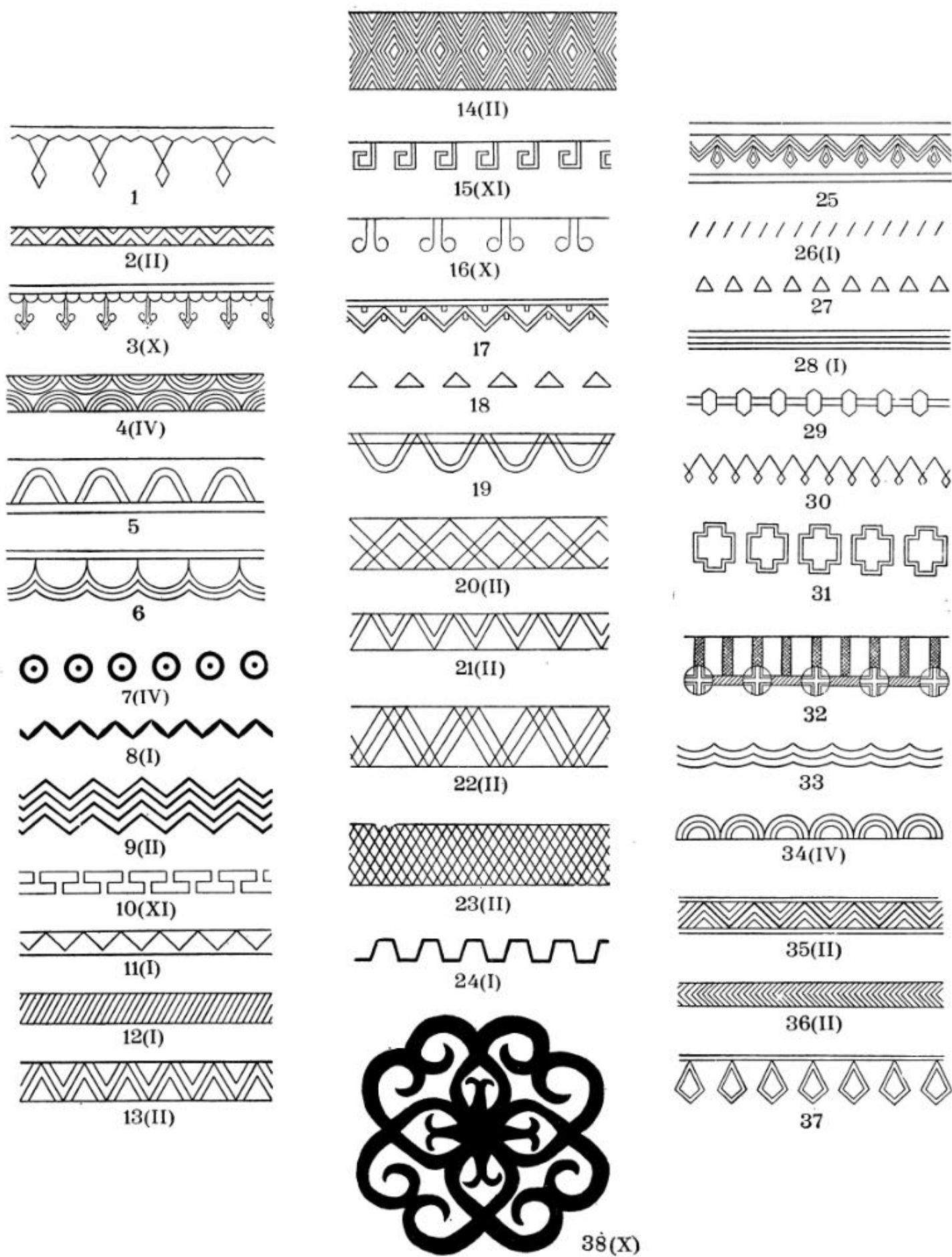
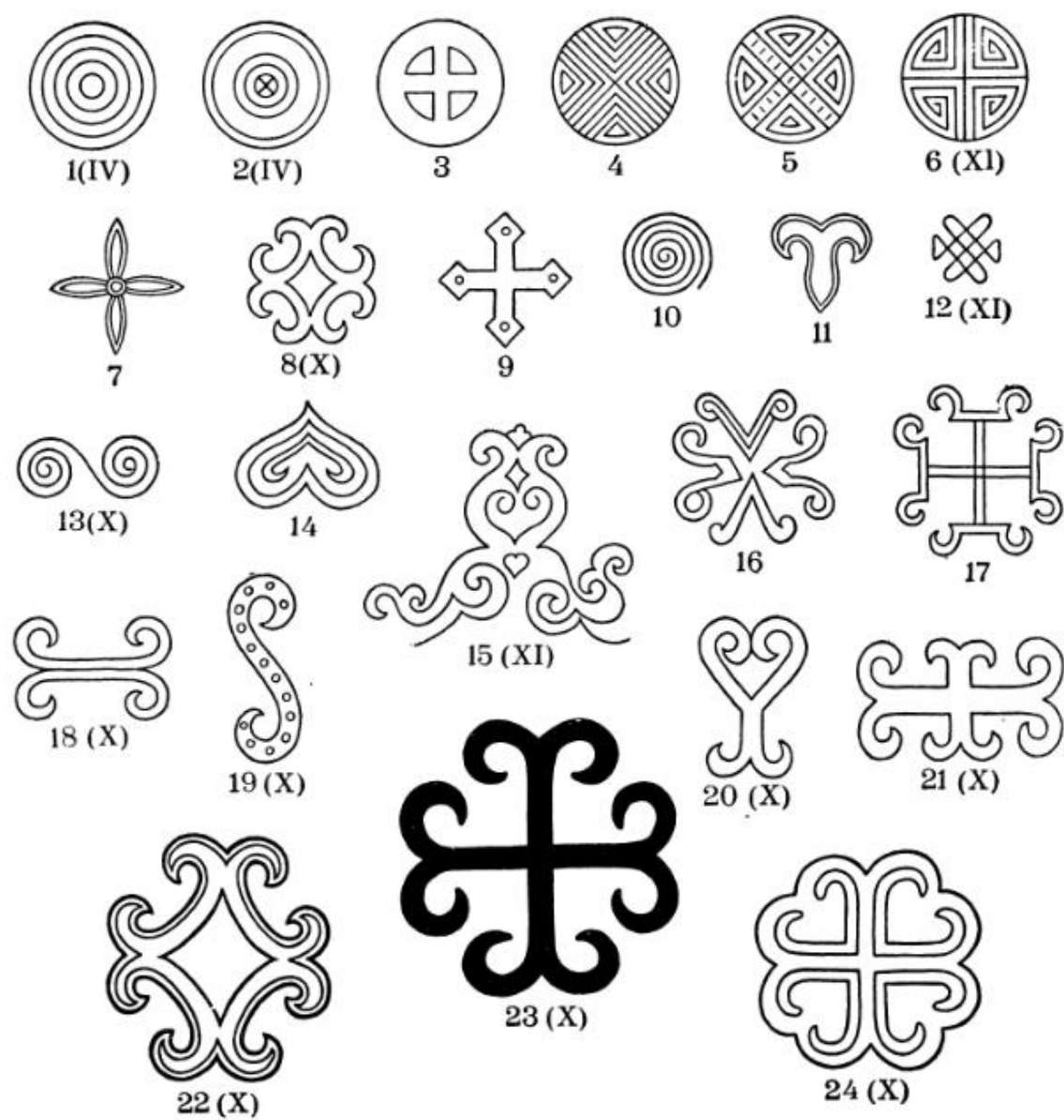

ТАБЛИЦА 35

АЛТАЙ КИЖИ И ТЕЛЕНГИТЫ

ТИСЧЕНИЕ ПО КОЖЕ

РЕЗЬБА ПО КОСТИ

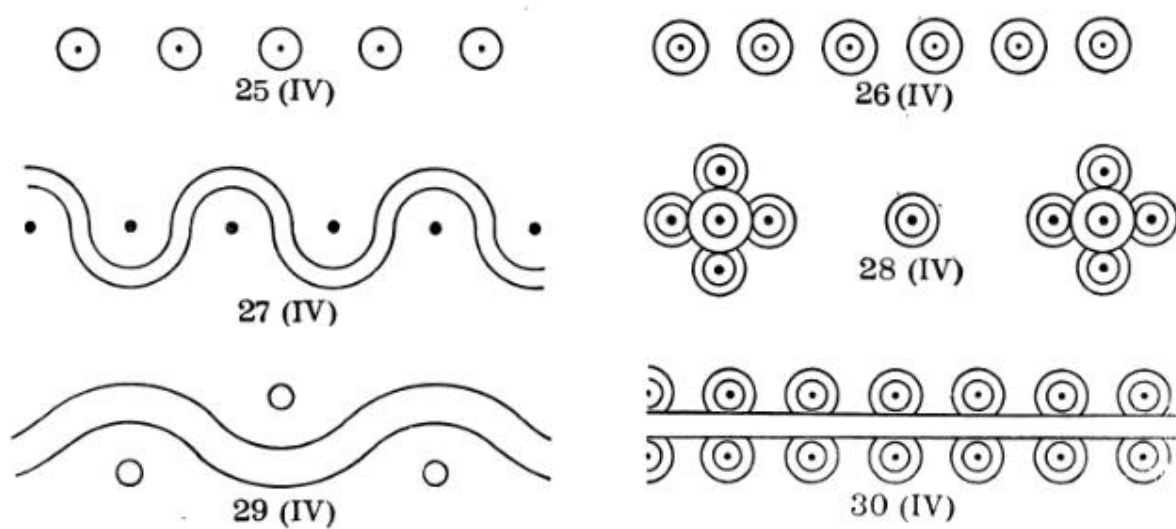

ТАБЛИЦА 36

КУМАНДИНЦЫ И ШОРЦЫ

ТКАНЬЕ И ВЯЗАНИЕ

КУМАНДИНЦЫ

1(VII)

2(VII)

ШОРЦЫ

3(VII)

4(VII)

ТАБЛИЦА 37

ШОРЦЫ ВЫШИВКА ЦВЕТНЫМИ НИТКАМИ

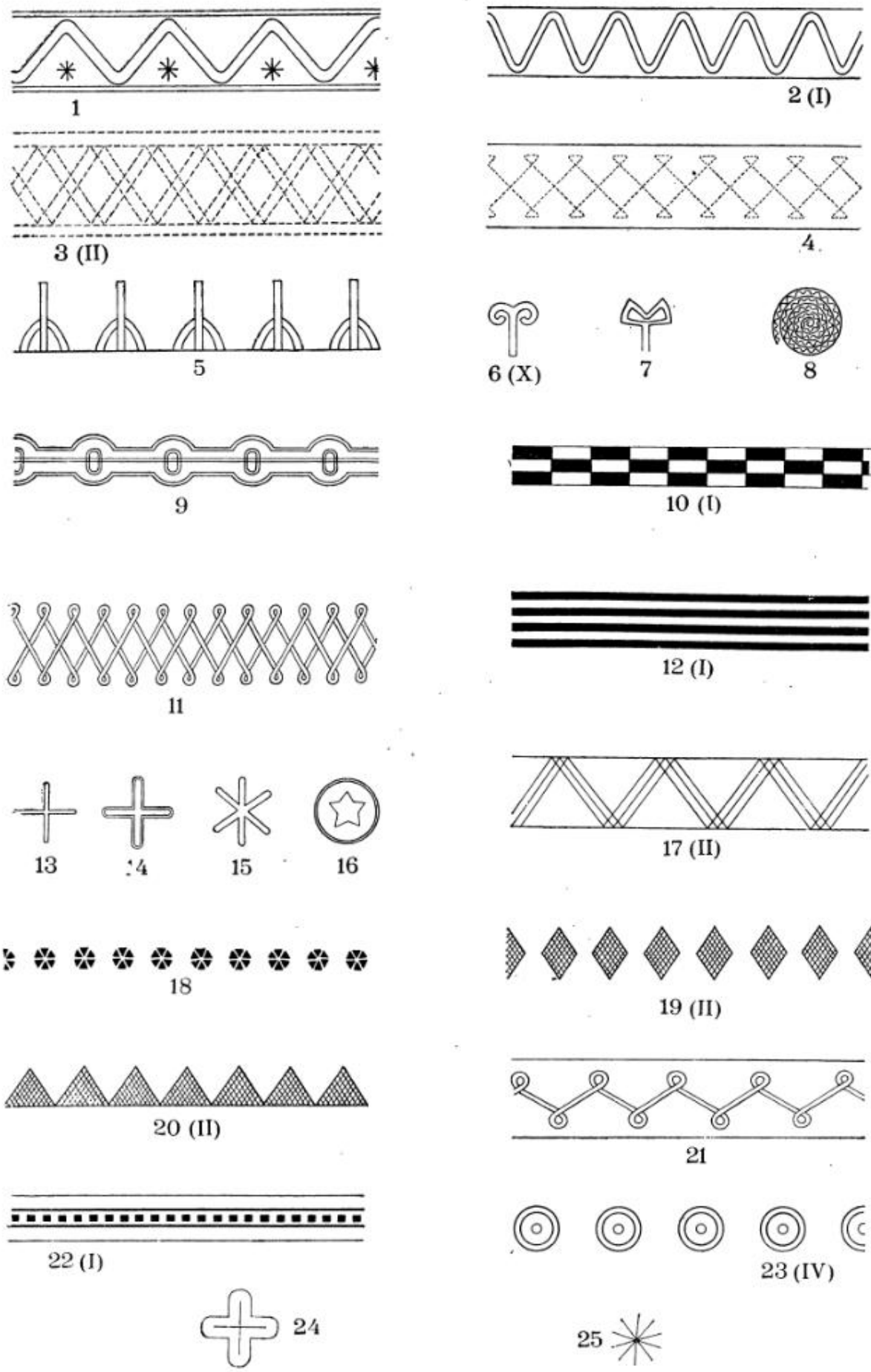

ТАБЛИЦА 38

ШОРЦЫ
РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ

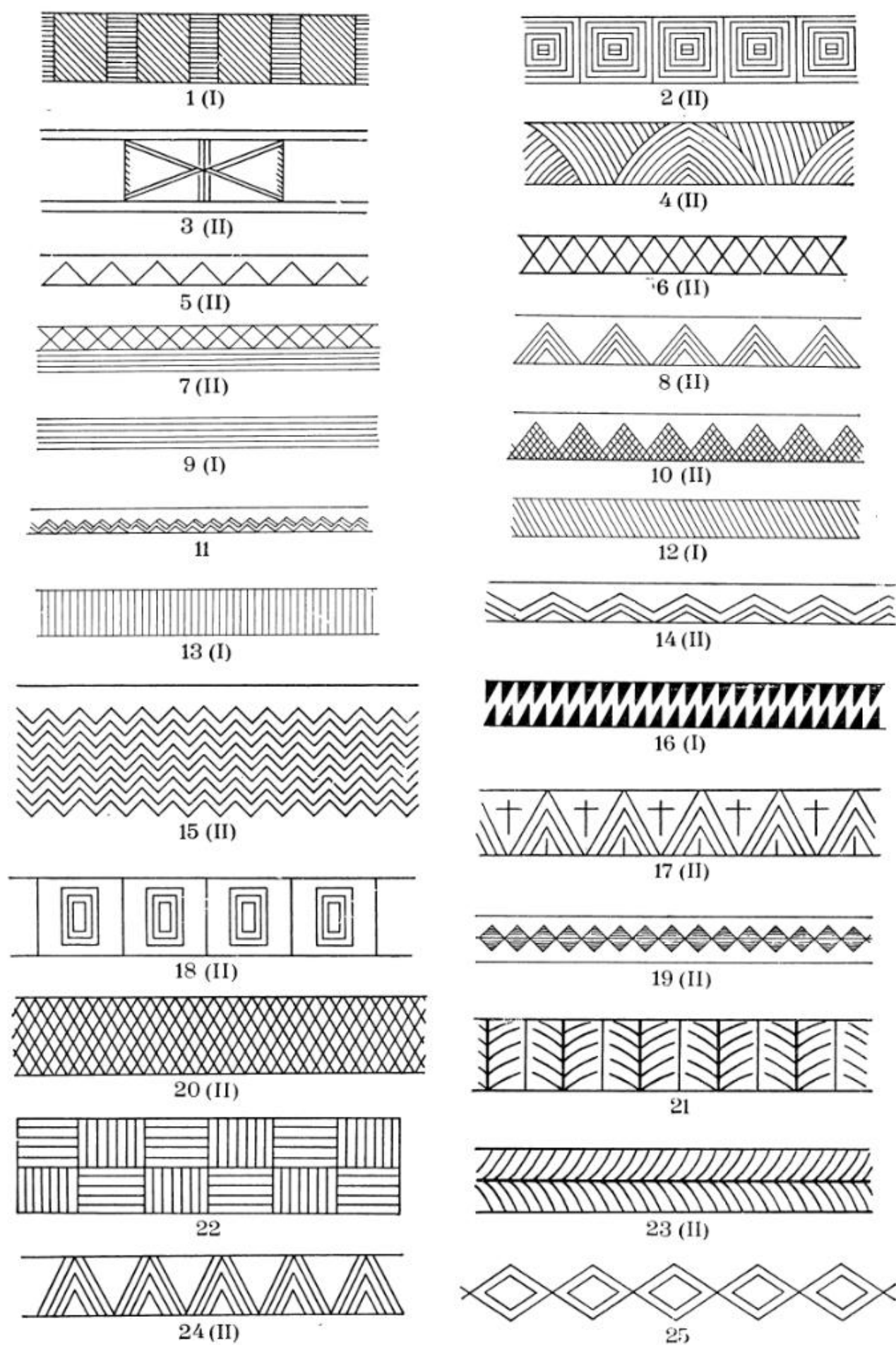

ТАБЛИЦА 39

ШОРЦЫ

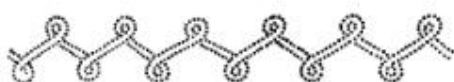
РЕЗЬБА ПО КОСТИ

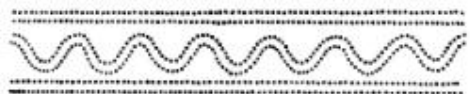
1

2

3

4

5 (X)

6 (IV)

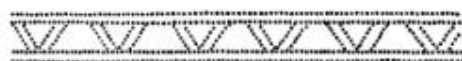
7 (IV)

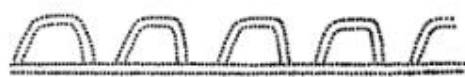
8 (IV)

9 (II)

10 (II)

11

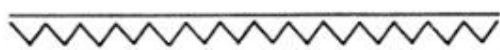
ТИСНЕНИЕ ПО БЕРЕСТЕ

12 (II)

13 (II)

14 (II)

15 (II)

ВЫШИВКА

16 (II)

17 (XI)

18

ШТАМПЫ ПО ГЛИНЕ

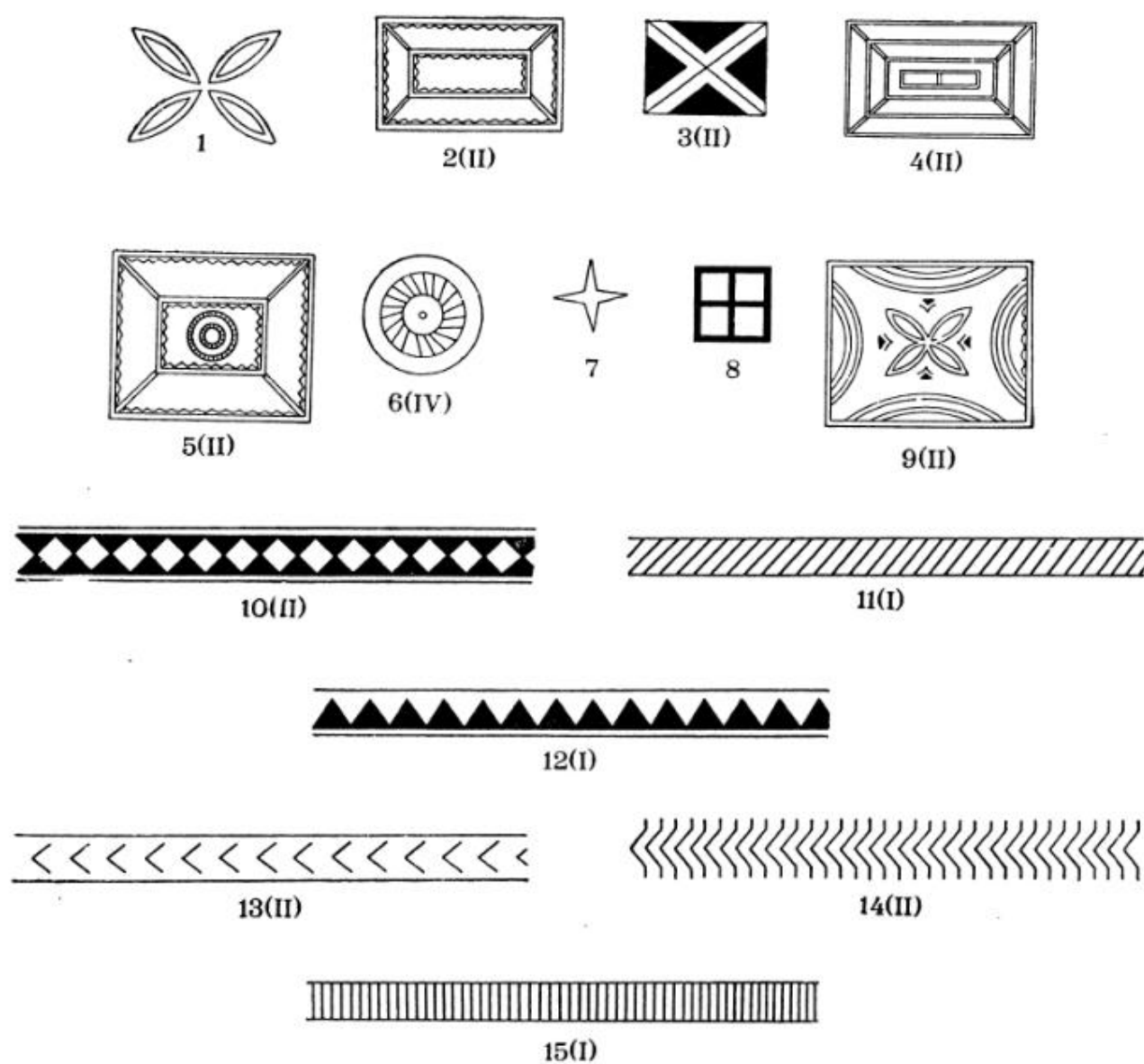
19

20

ТАБЛИЦА 40

ТОФАЛАРЫ
РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ

ВЫШИВКА

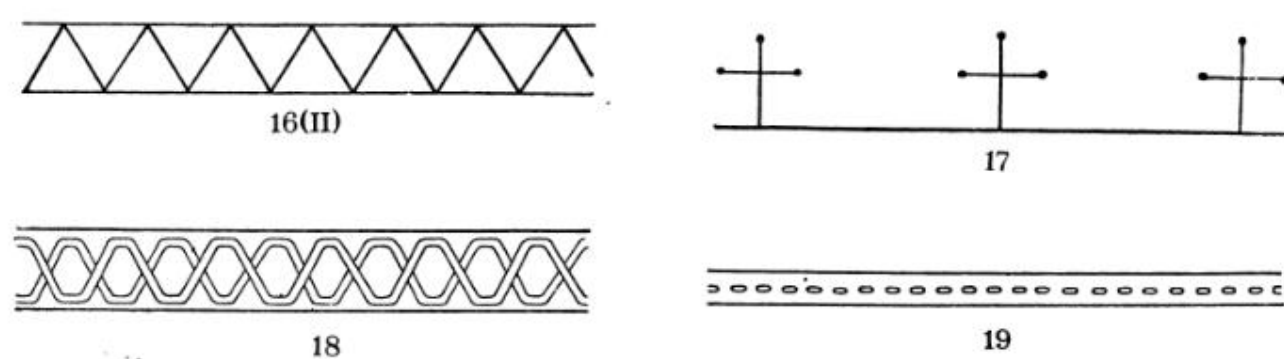
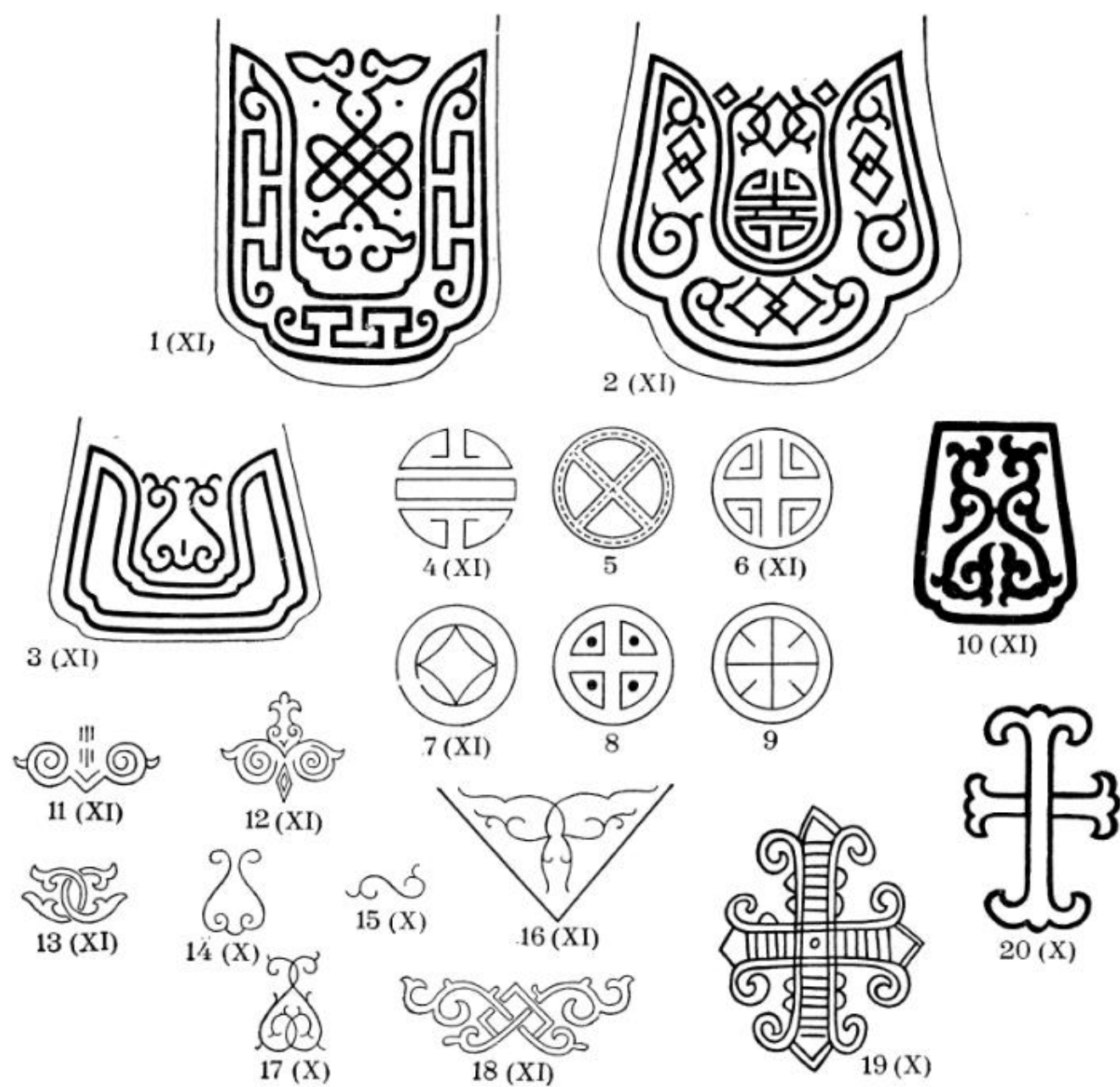
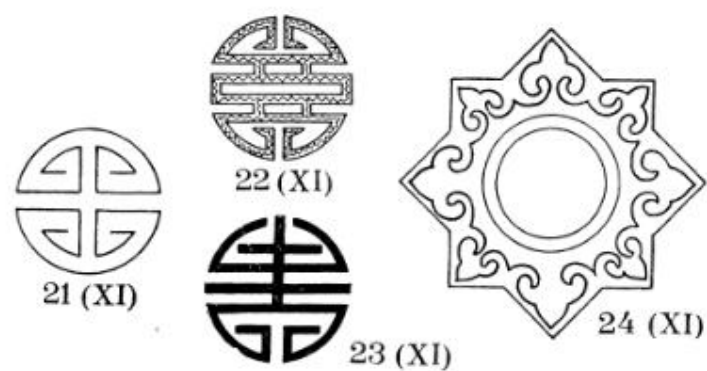

ТАБЛИЦА 41

ТУВИНЦЫ
ТИСНЕНИЕ ПО КОЖЕ

ВЫШИВКА

АППЛИКАЦИЯ ИЗ ТКАНЕЙ

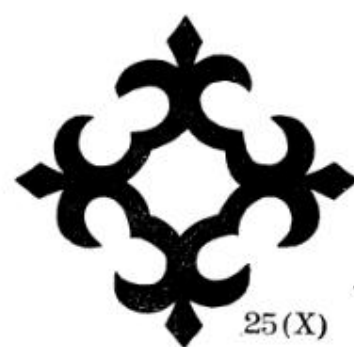
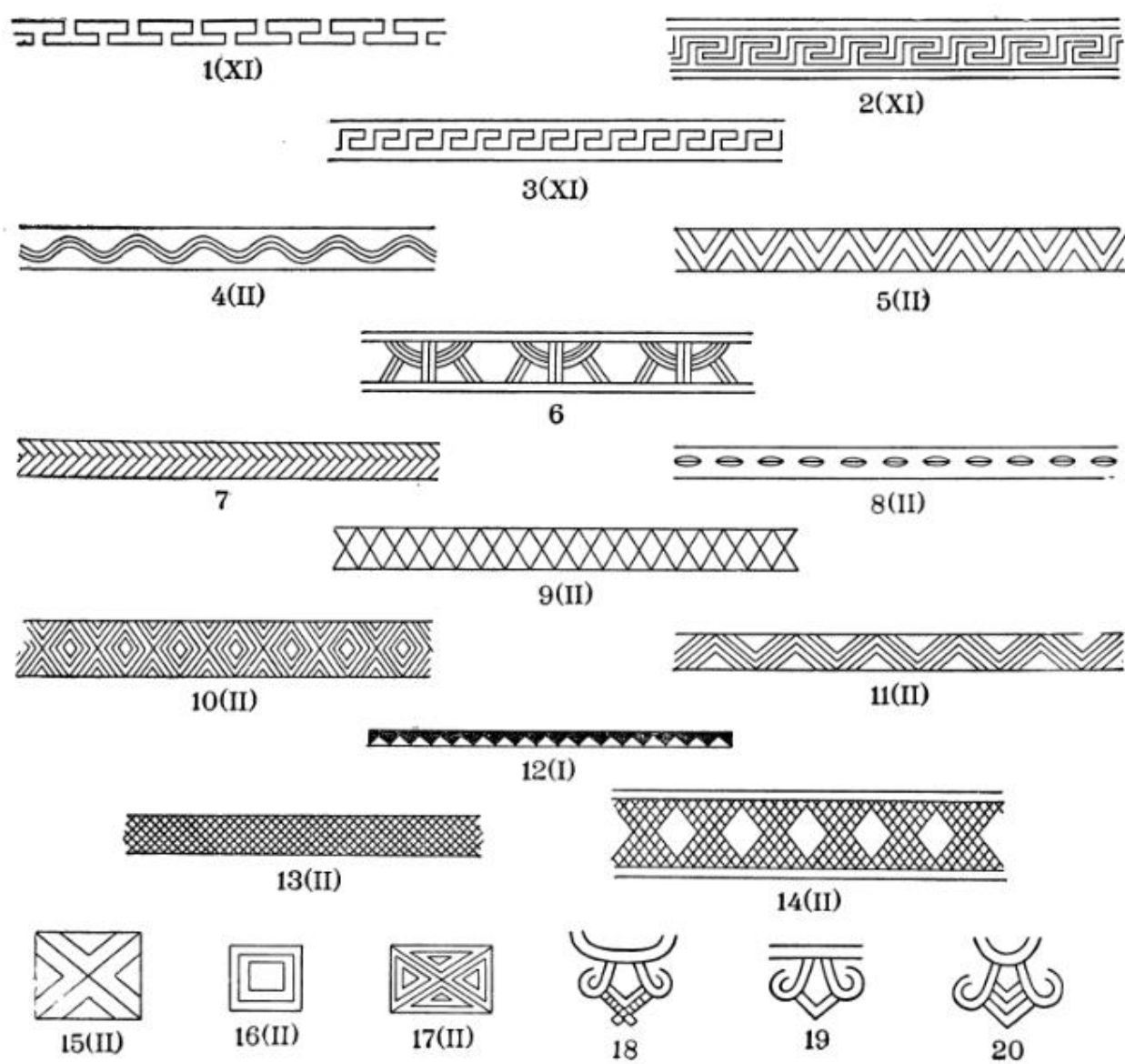

ТАБЛИЦА 42

ТУВИНЦЫ
РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ

РОСПИСЬ ПО ДЕРЕВУ

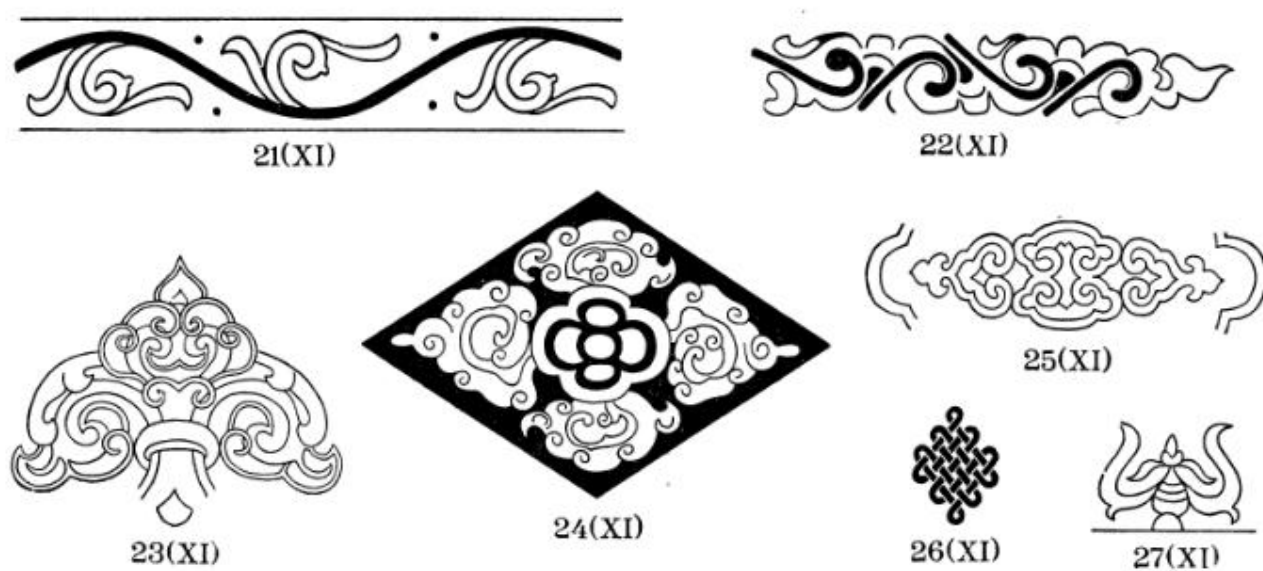

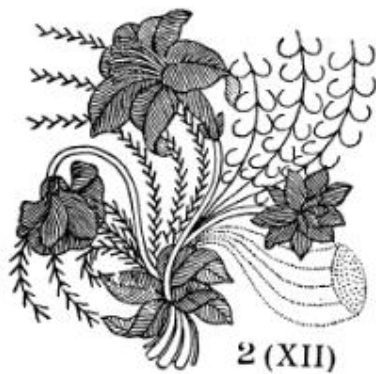
ТАБЛИЦА 43

СИБИРСКИЕ ТАТАРЫ И БУХАРЦЫ

ВЫШИВКА

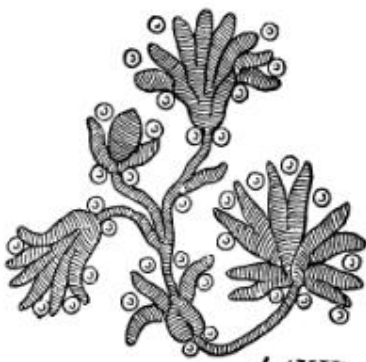
1 (XII)

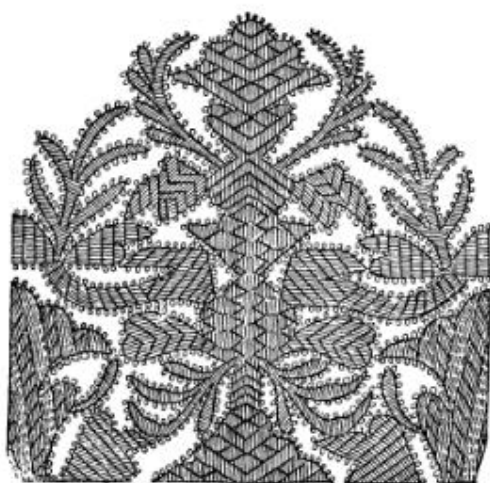
2 (XII)

3 (XII)

4 (XII)

5 (XII)

6 (XI)

ТАБЛИЦА 44

БУРЯТЫ

ВЫШИВКА И АППЛИКАЦИЯ ИЗ ВОЙЛОКА, ТКАНЕЙ И КОЖИ

1(X)

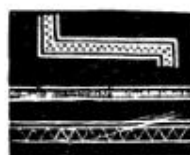
2(X)

3 (XI)

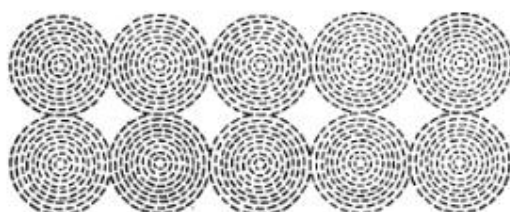

4(I)

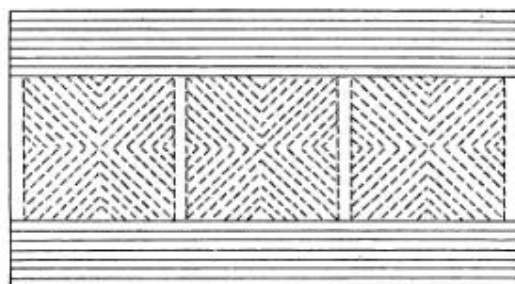

5

СТЕГАНIE ПО ВОЙЛОКУ

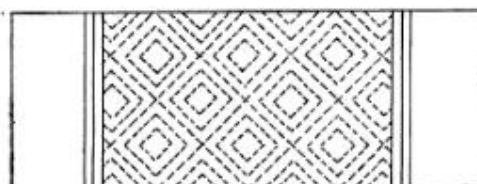

6 (IV)

7 (II)

СТЕГАНIE ПО ПЛИСУ

8 (II)

ВЯЗАНИЕ ИЗ ШЕРСТИ

9(X)

10(X)

11(X)

12

13

14

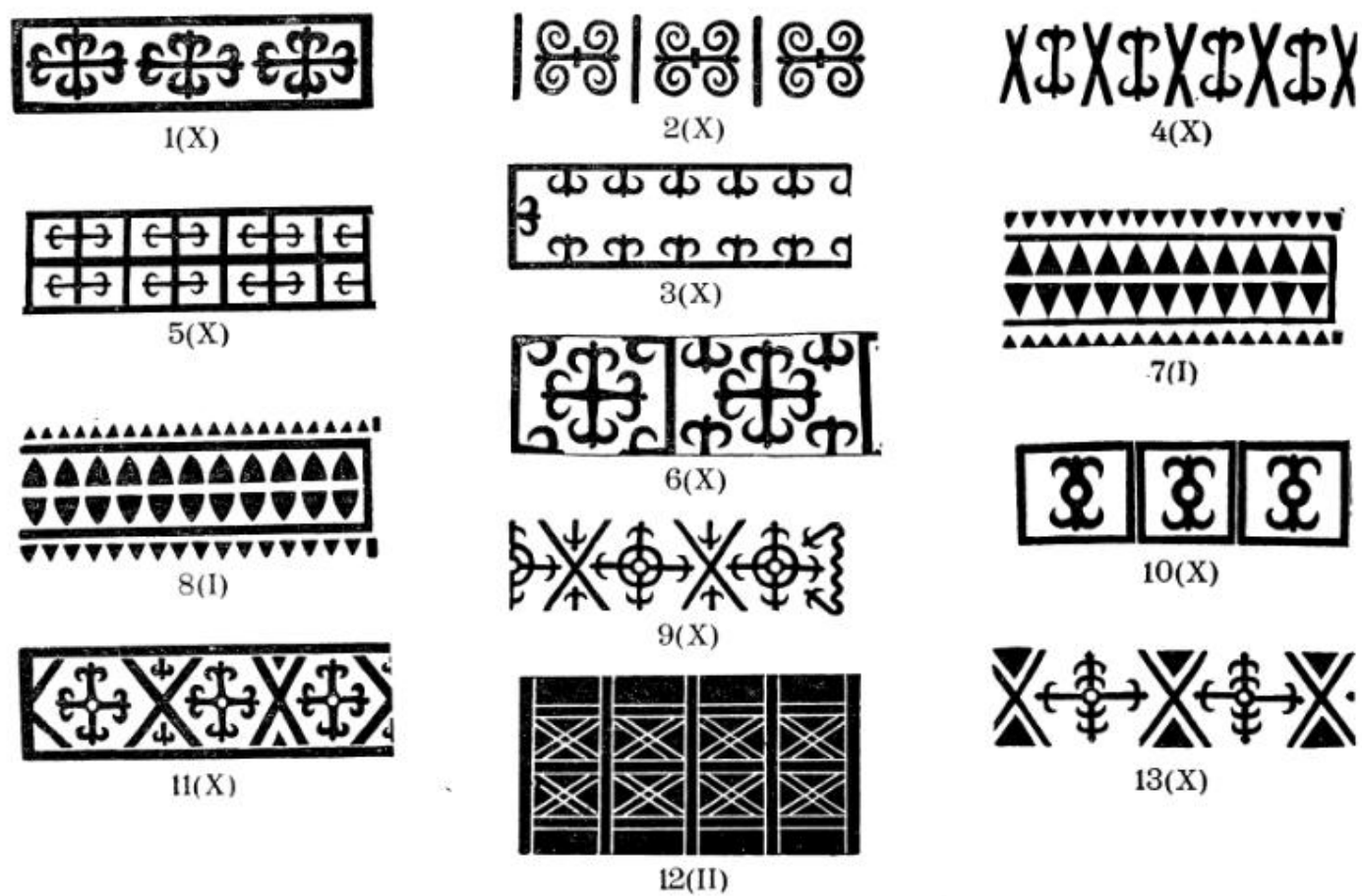
15

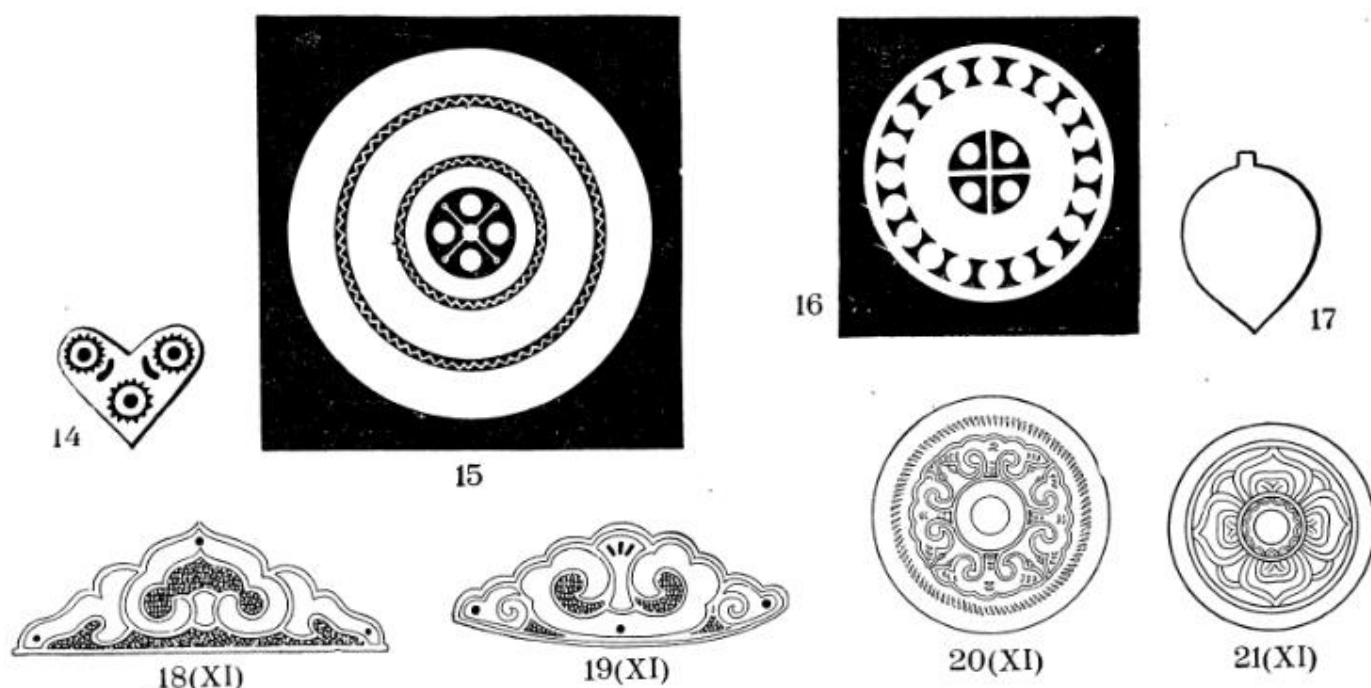
16

ТАБЛИЦА 45

БУРЯТЫ
РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ

АППЛИКАЦИЯ И ГРАВИРОВКА ПО МЕТАЛЛУ

РЕЗЬБА ПО КОСТИ

ТАБЛИЦА 46

ОРНАМЕНТ СИБИРИ
ТИП I. СЕВЕРОСИБИРСКИЙ

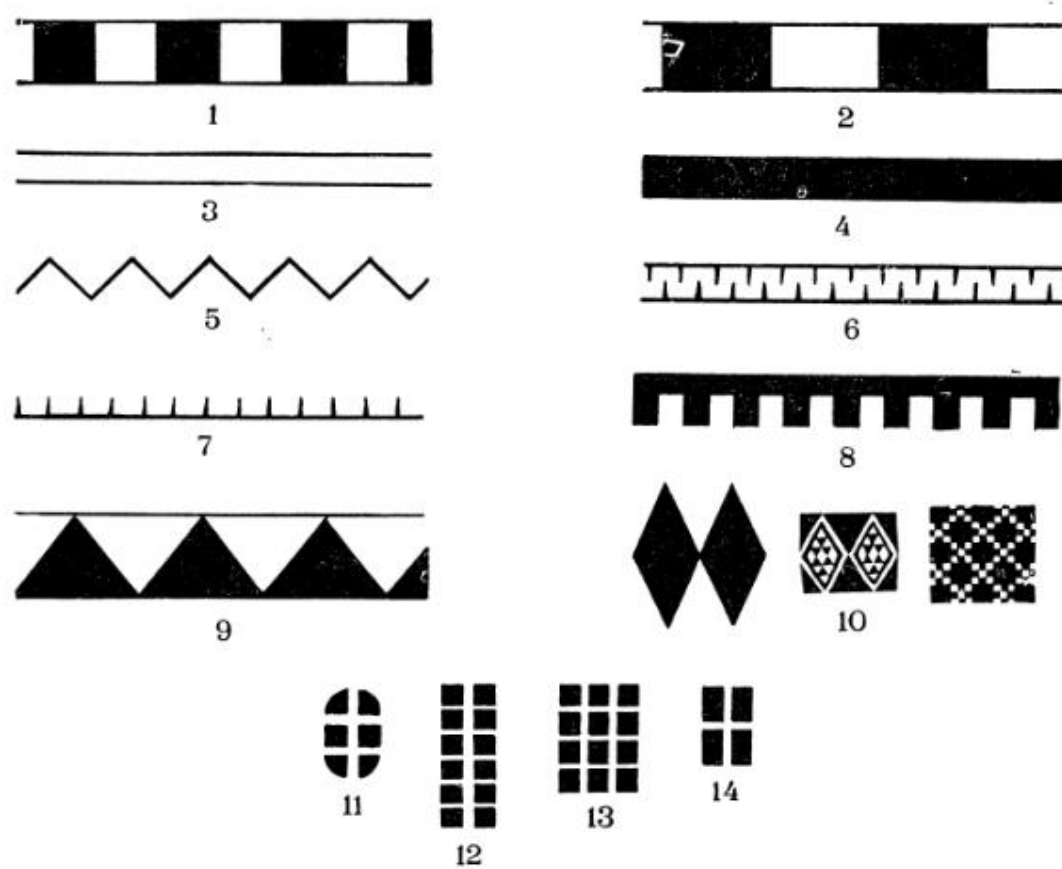

ТАБЛИЦА I

ТИП II. САЯНО-АЛТАЙСКИЙ

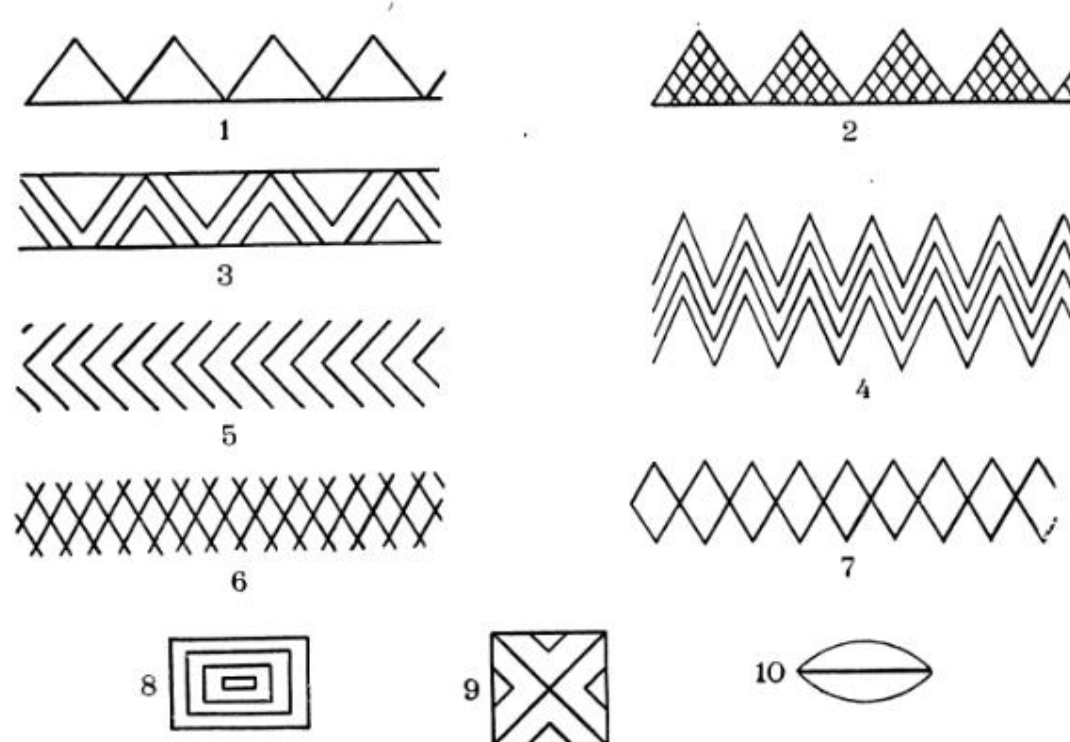

ТАБЛИЦА II

ОРНАМЕНТ СИБИРИ
ТИП III. СРЕДНЕСИБИРСКИЙ

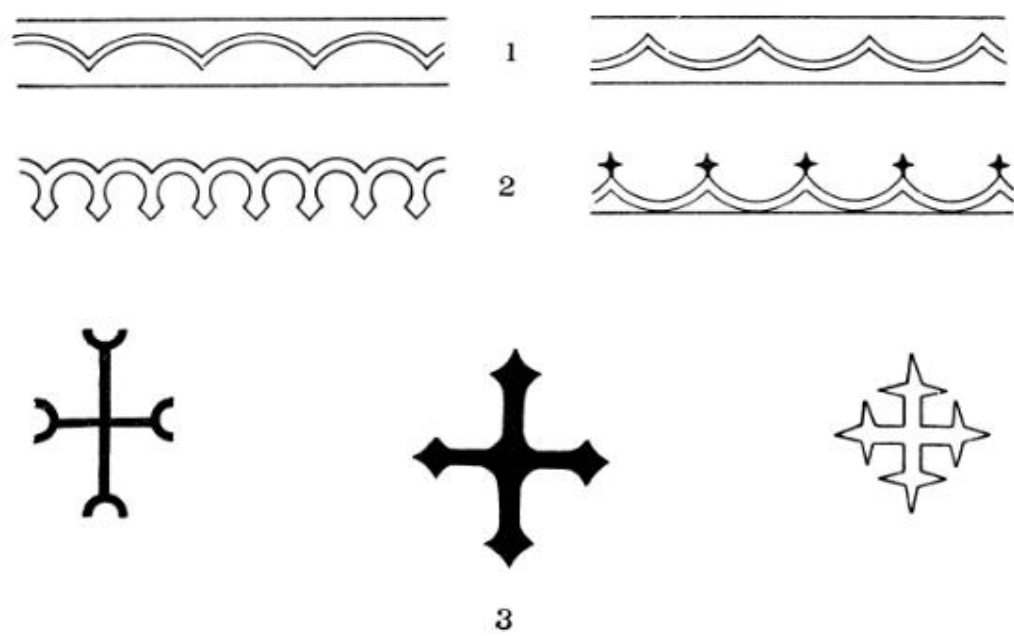

ТАБЛИЦА III

ТИП IV. СЕВЕРОАЗИАТСКИЙ

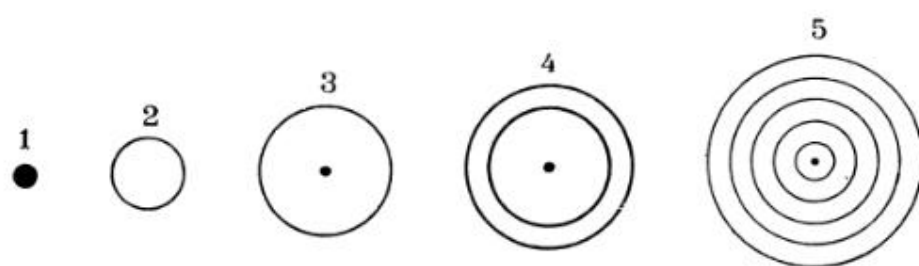

ТАБЛИЦА IV

ОРНАМЕНТ СИБИРИ

ТИП V. ПРИОБСКИЙ

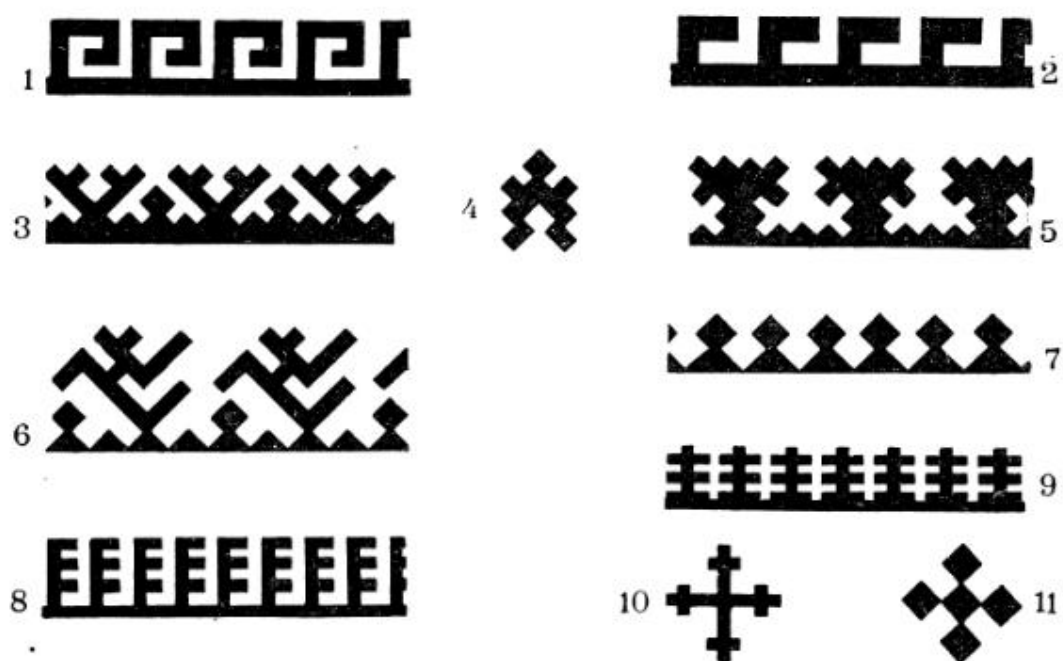

ТАБЛИЦА V

ТИП VI. НИЖНЕИРТЫШСКИЙ

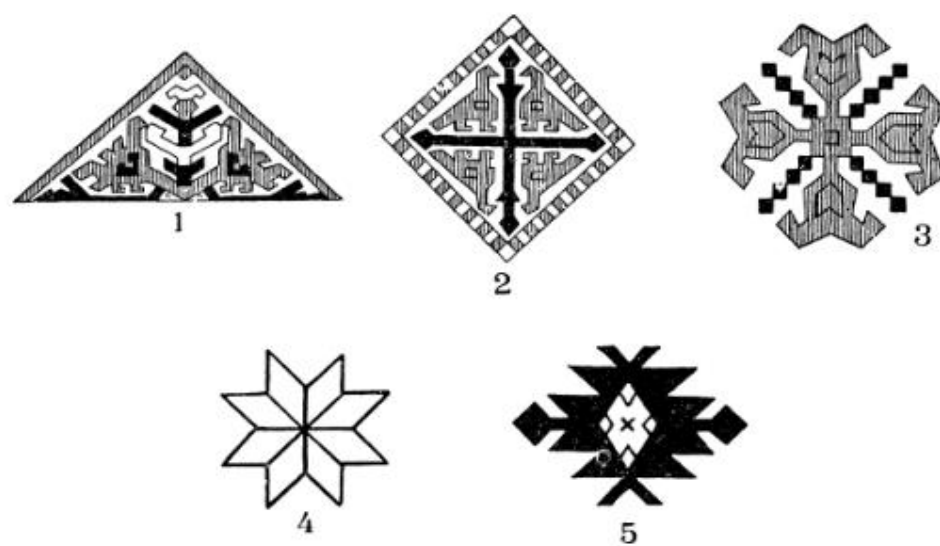

ТАБЛИЦА VI

ТИП VII. ИРТЫШСКО-АЛТАЙСКИЙ

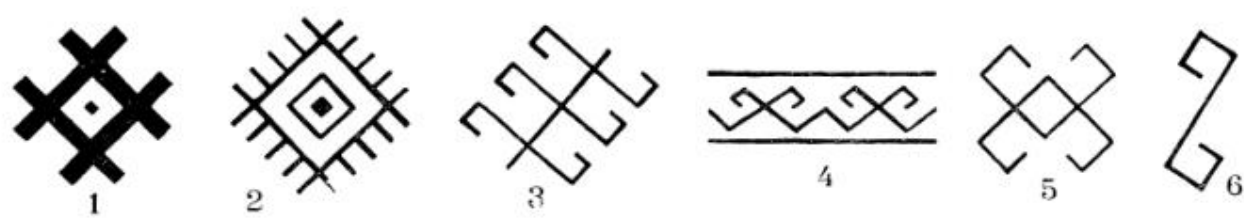

ТАБЛИЦА VII

ОРНАМЕНТ СИБИРИ
ТИП VIII. АМУРО-САХАЛИНСКИЙ

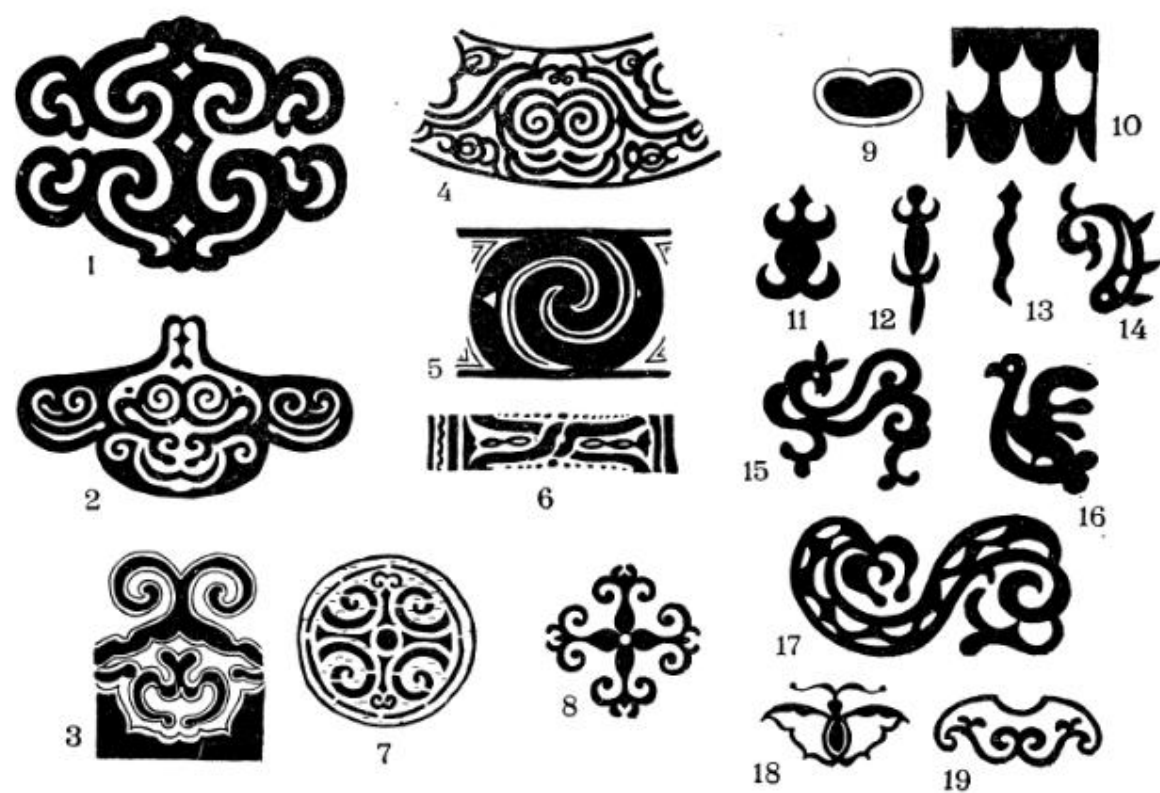

ТАБЛИЦА VIII

ТИП IX. ЮЖНОСАХАЛИНСКИЙ

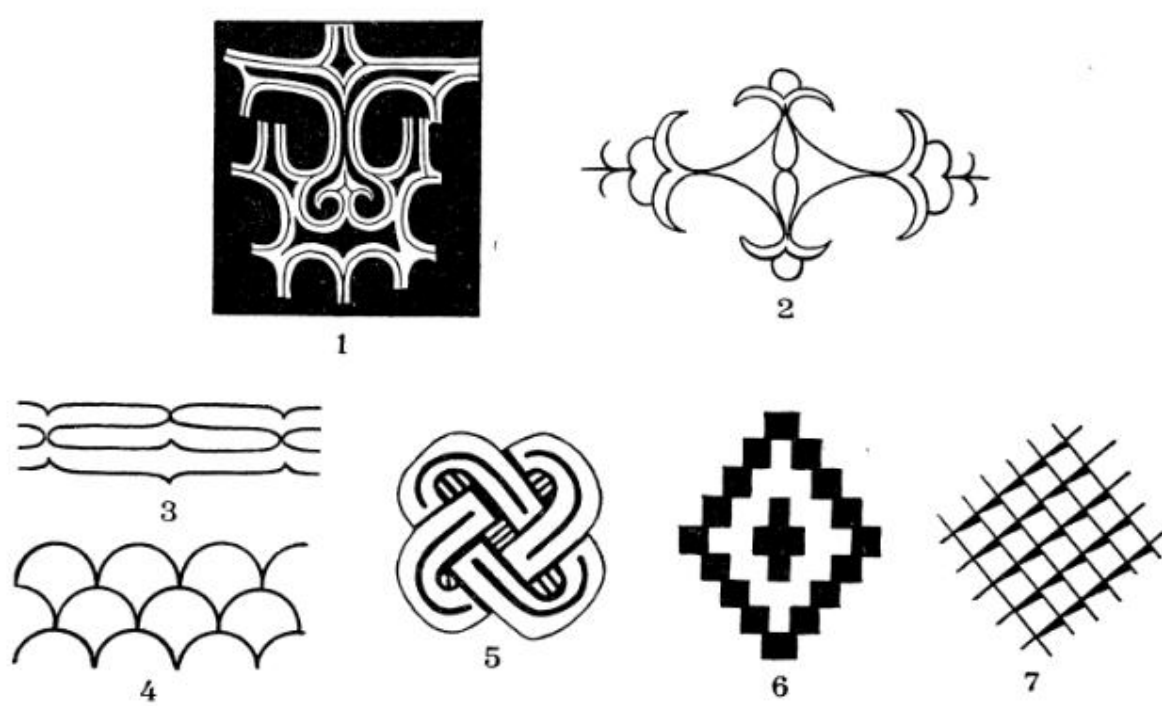

ТАБЛИЦА IX

ОРНАМЕНТ СИБИРИ

ТИП X. ЮЖНОСИБИРСКИЙ

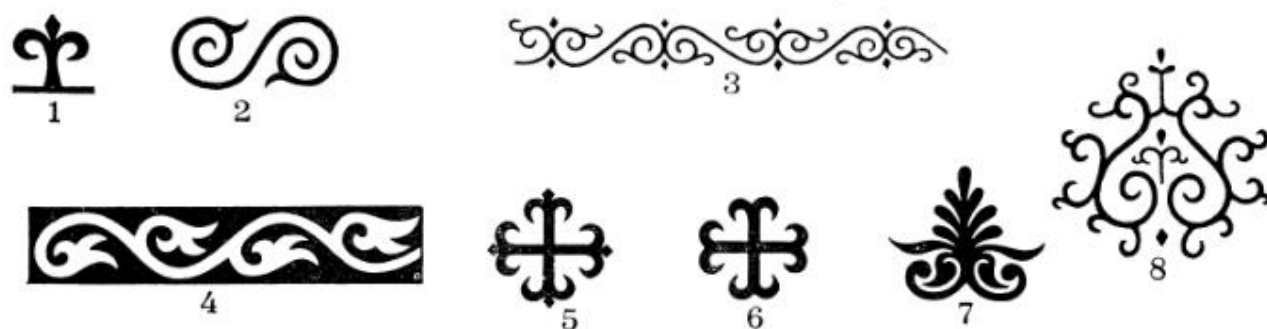

ТАБЛИЦА X

ТИП XI. ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЙ

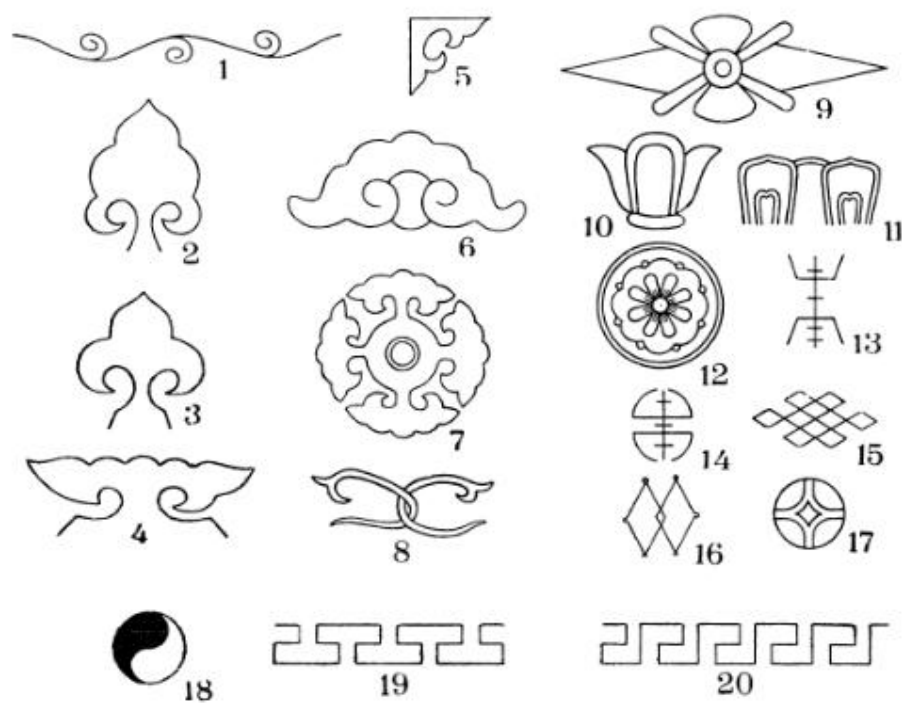
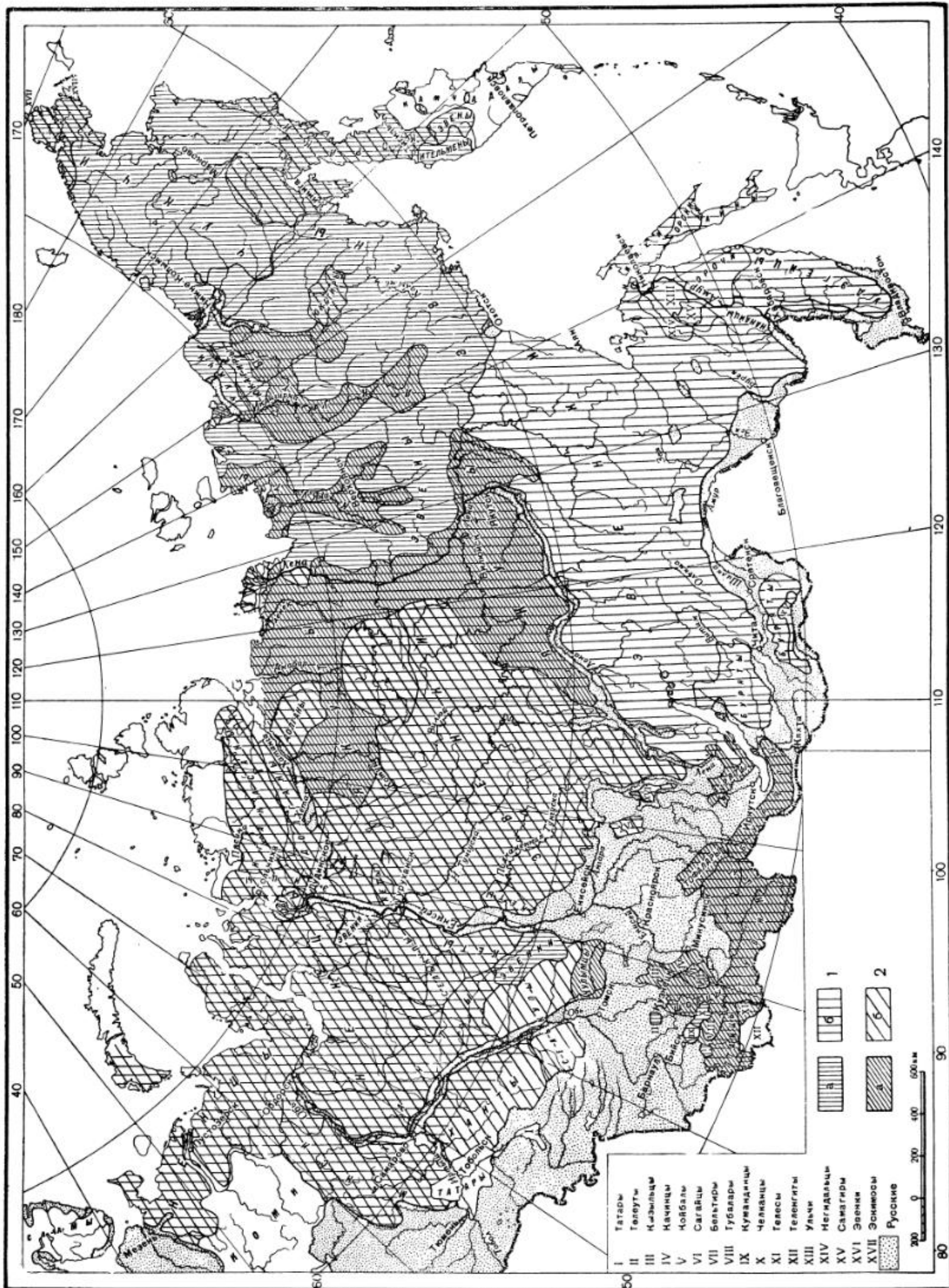

ТАБЛИЦА XI

ТИП XII. ТОБОЛО-ИРТЫШСКИЙ

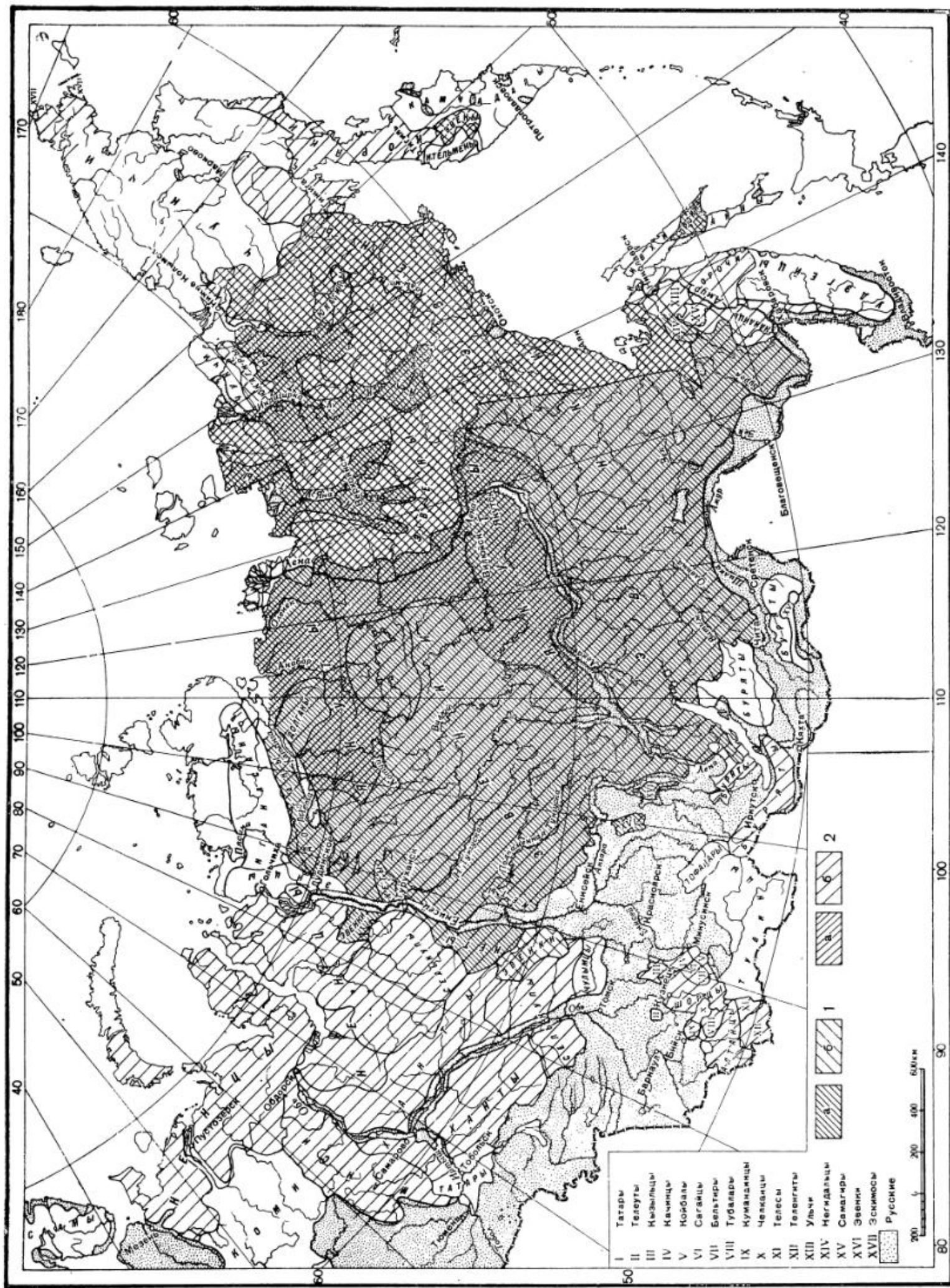

ТАБЛИЦА XII

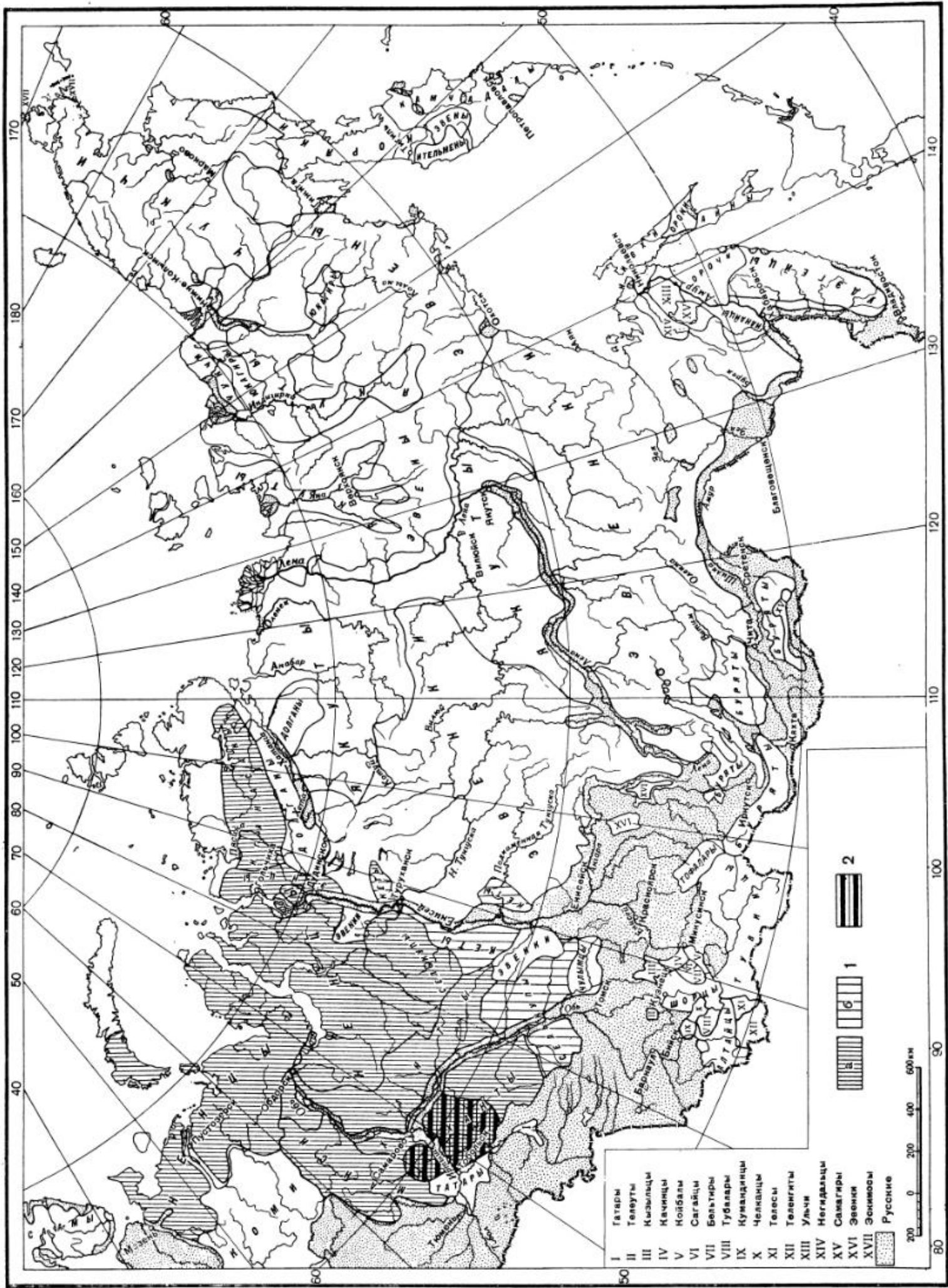
КАРТА 1. РАСПРОСТРАНЕНИЕ I И II ТИПОВ ОРНАМЕНТА

1 — тип I, северосибирский; 2 — тип II, саяно-алтайский; а — распространен, б — слабо распространен.

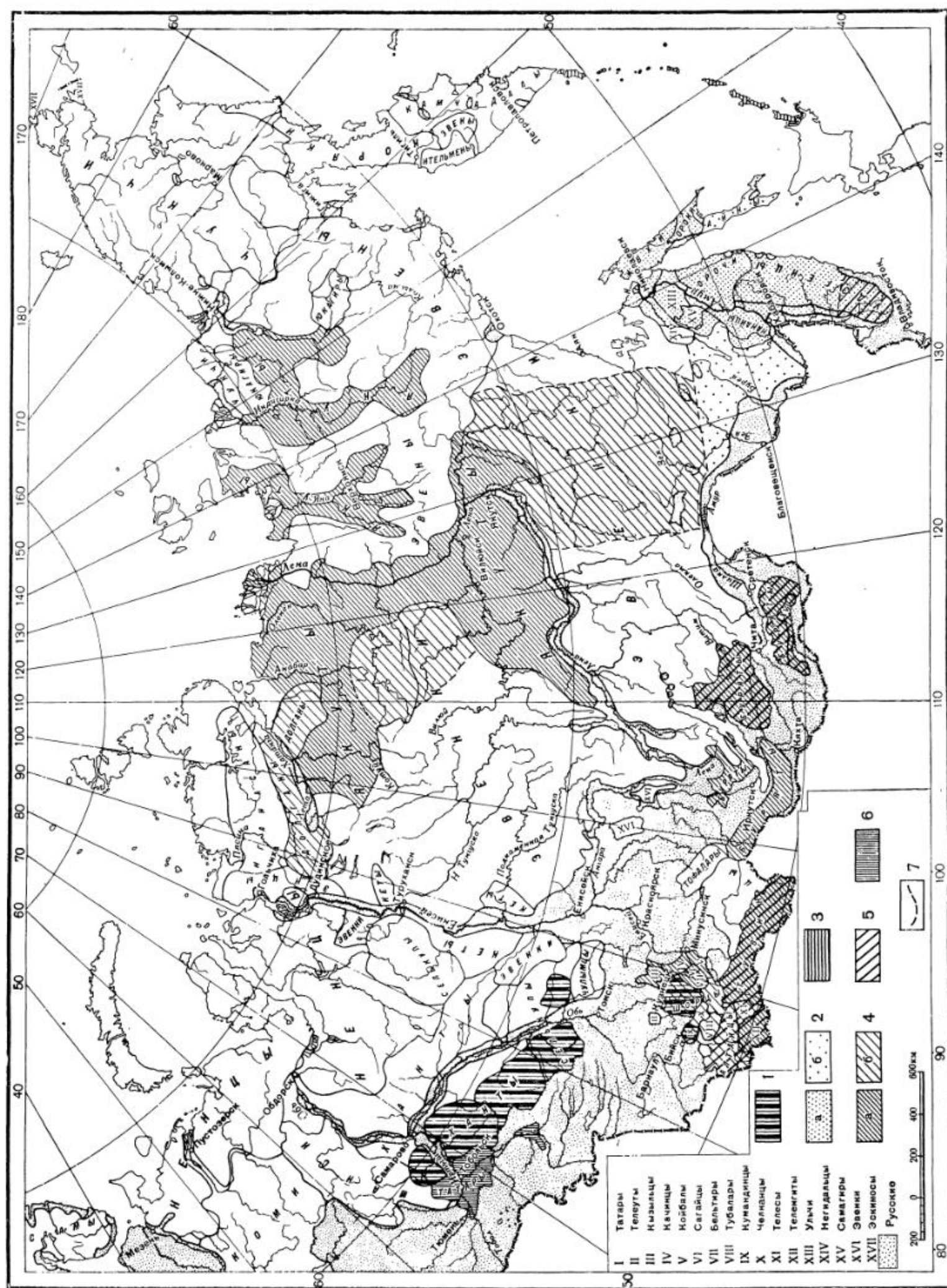
КАРТА 2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ III И IV ТИПОВ ОРНАМЕНТА

1 — тип III, среднеазиатский; 2 — тип IV, северозападный; а — распростран, б — слабо распростран.

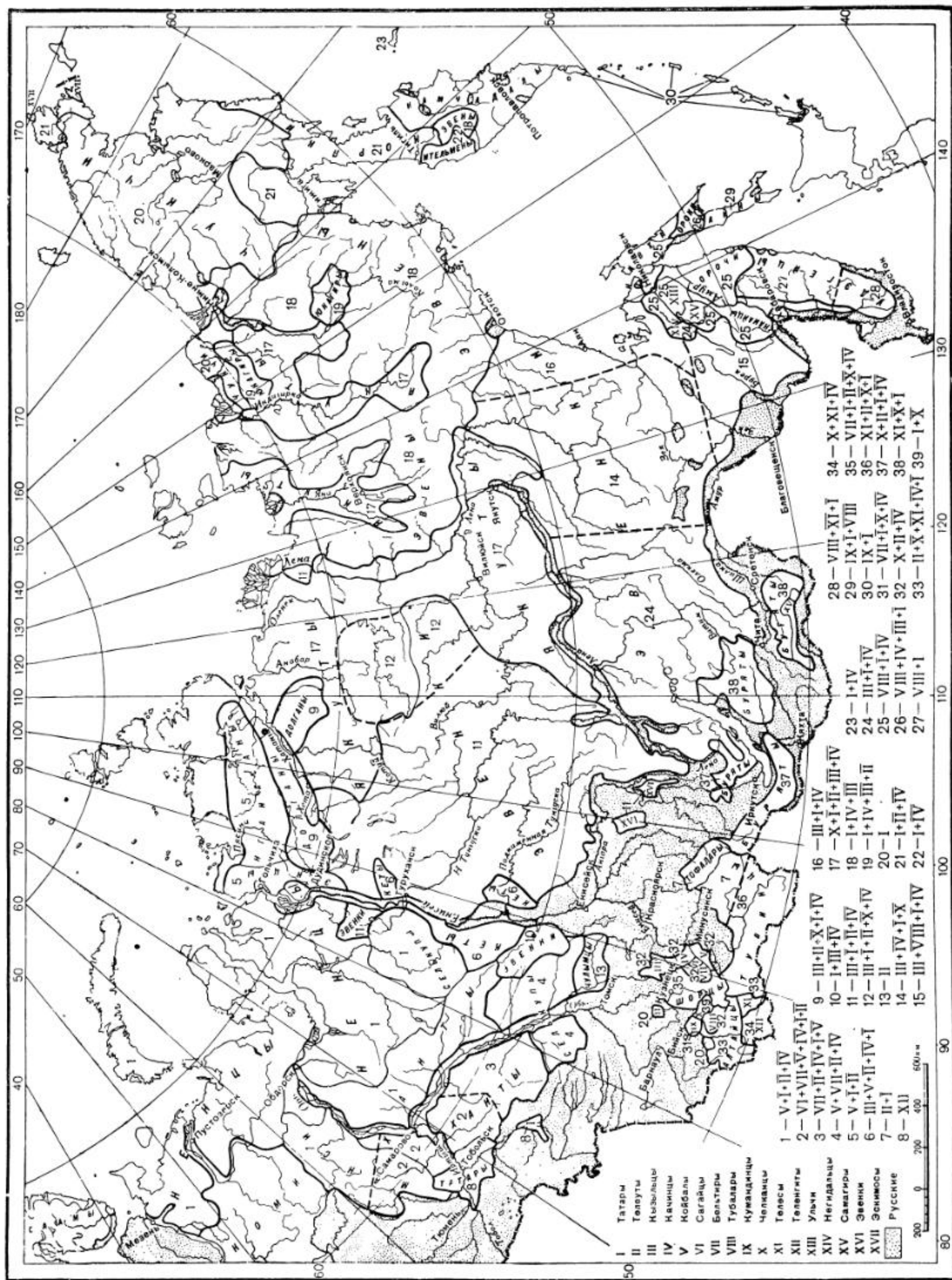
КАРТА 3. РАСПРОСТРАНЕНИЕ V И VI ТИПОВ ОРНАМЕНТА

1 — тип V, распространен; 2 — слабо распространен; 3 — тип VI, распространен.

КАРТА 4. РАСПРОСТРАНЕНИЕ VII, VIII, IX, X, XI И XII ТИПОВ ОРНАМЕНТА

I — тип VII, иртышско-алтайский; 2 — тип VIII, амурско-сахалинский; 3 — тип IX, южносахалинский; 4 — тип X, южносахалинский; 5 — тип XI, тобольско-иртышский; 6 — тип XII, тобольско-иртышский; 7 — условные границы распространения типов.

КАРТА 5. ТИПОВОЙ СОСТАВ ОРНАМЕНТА

Типы I — северосибирский; II — саяно-алтайский; III — среднеазиатский; IV — северокитайский; V — приобский; VI — нижнеиртышский; VII — иртышско-алтайский; VIII — амурско-сахалинский; IX — южносахалинский; X — южносибирский; XI — восточносибирский; XII — тобольно-иртышский (черта над цифрой означает сопутствующий тип); XIII — условные границы распространения типового комплекса.

ШАМАНСКИЕ БУБНЫ

Обязательным атрибутом шамана почти у всех народов Сибири являлся особый музыкальный инструмент — бубен.

К началу XX в. у ряда народов Сибири отмечается исчезновение бубнов под влиянием усиленной пропаганды христианства и ламаизма. Однако у большинства этих народов в изучаемый период (конец XIX и нач. XX в.) бубны еще бытовали наряду с другими шаманскими атрибутами.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед народами Сибири светлый путь к построению новой жизни. Прекратился вековой гнет, прекратилась эксплуатация местного населения купцами, кулаками и шаманами. Реорганизация хозяйства на основе коллективизации, внедрение новой техники значительно повысили уровень материального благосостояния этих народов. Квалифицированное медицинское обслуживание, всеобщее обучение, общий рост культуры уничтожили веру в «силу» шаманов, лам и других посредников, «добывавшихся» выполнением различных обрядов «милостей» от духов и богов. Шаманство исчезает, а с ним и все его атрибуты. Бубен кое-где сохранился как народный музыкальный инструмент. Например, у народов Северо-Востока Сибири бытуют ансамбли бубнов, под аккомпанемент которых выполняются массовые народные пляски.

Исследование бубнов имеет значение для понимания исторических связей между народами Сибири, а также для изучения развития религиозных представлений этих народов.

Бубен, как и все шаманские атрибуты, являлся «священным» предметом, развитие его отличалось от развития объектов материальной культуры. Последние изменялись, совершенствовались в повседневной трудовой практике людей. Этот процесс вызывался жизненной необходимостью общества.

Бубнами владели и пользовались немногочисленные избранники-шаманы, которые были заинтересованы в сохранении древних форм атрибутов культа. Шаманы сознательно консервировали, строго передавали из поколения в поколение традиции устройства и оформления своих бубнов. Бубен делали шаману такой же, какой имел его дед и прадед. Изменение устройства бубна шло очень медленно. Однако в ходе исторического развития народов Сибири, в процессе слияния различных этнических групп и культур бубны все же менялись.

Таким образом, бубен является своеобразным историческим памятником, изучение которого может пролить свет на прошлое народов Сибири.

Бубен являлся не только музыкальным и культовым инструментом, он в то же время, по представлениям сибирских народов, был и сложным символом, вещественным выражением шаманской идеологии. Помимо этого, бубен в известной степени отражал художественную культуру того народа, у которого он бытовал. Художественное выполнение бубна было обусловлено искусством не только самого шамана, но и мастерством его сородичей, на которых возлагалась обязанность устройства бубна. Почти у всех народов Сибири не сам шаман делал для себя культовые атрибуты, а их изготавливали, «выдавали» ему сородичи. При этом часть работы выполняли женщины: они

выделывали шкуру, натягивали и пришивали ее на деревянный обруч, украшали бисером, если этого требовала традиция. Мужчины заготавливали деревянные части бубна, вытесывали и выгибали обруч, выковывали железные подвески, рисовали установленные традицией рисунки на бубне.

Определение формы бубна может быть лишь приближенным. Особенно трудно определение некруглых форм бубнов, потому что в течение срока своей «службы» бубен значительно деформировался. При выполнении шаманского обряда (камлания) бубен для лучшей звучности неоднократно грели над открытым огнем костра, очага. Опытные, старые люди умели это делать без особого вреда для бубна. Они тщательно следили за тем, чтобы деревянный обруч и натянутая на нем кожа нагревались равномерно. Но все же частое нагревание деформировало бубен.

Это положение нельзя рассматривать так, что у народов Сибири не было устойчивых форм бубнов. Наоборот, наблюдается постоянное повторение определенной формы бубна у каждого конкретного народа.

В данном разделе «Атласа» мы употребляем широко известные в этнографической литературе термины для обозначения отдельных частей бубна (рис. 1).

Бубен состоит из деревянного обруча круглой или овальной формы, называемого «обечайкой». Ширина обечайки варьирует у разных народов от 2,5 до 20 см. Материалом для обечайки служили разные породы деревьев.

Пластины, назначенную для обечайки, выгибали либо над открытым огнем, либо с помощью особого приспособления (рис. 2). Затем концы ее сшивали при помощи тонких корней кедра или черемухового лыка.

Почти у всех народов Сибири обечайка на внешней и на внутренней сторонах имела определенные приспособления. На внешней стороне — ряды столбиков, выточенных из березового дерева, кости, березовой губы, на которые натягивали по длине всей окружности обечайки жилые нити, тонкие ремешки, шнурки и т. д. На некоторых бубнах по краям обечайки прикрепляли узкие сарговые полосы (черемуховое лыко). При таком устройстве кожа, натягиваемая на бубен, не прилегала плотно к обечайке, между обечайкой и кожей образовывались полости-резонаторы. Иногда в обечайке делали прорезы-щели, посредством которых указанные полости сообщались с внутренней полостью бубна. Однако бубны большинства народов таких прорезов не имели. Резонаторные столбики были различной формы. Встречались бубны, имевшие столбики четырех различных форм (у якутов). Иногда выступы на внешней стороне обечайки, образованные столбиками, прикрывались железными круглыми «шапочками», предохранявшими кожу бубна от разрывов (кеты). На внутренней стороне обечайки прикрепляли рукоять, за которую держали бубен, и скобки с подвесками; исключение составляли чукчи и эскимосы, у которых рукоять прикреплялась к внешней стороне бубна, снизу.

Материалом для изготовления рукояти служило дерево (почти всегда береза), олений рог, моржевый клык, железо и иногда ремни. По форме рукояти представляли собой либо вертикальную пластину, либо крестовину.

На обечайку натягивали кожу животного. Чаще всего это была шкура дикого (реже домашнего) оленя, лося, марала и т. д. По-видимому, установившаяся традиция в выборе шкуры того или иного животного соответствовала древнему хозяйственному укладу каждого конкретного народа.¹

Некоторые народы употребляли для обтяжки женских и мужских бубнов разный материал. Обычно на мужской бубен брали шкуру самца, на женский — самки животного.

Способы прикрепления кожи к обечайке были неодинаковы у разных народов. Так, чукчи и эскимосы кожу олененка или кожу желудка моржа привязывали к обечайке, а иногда приклеивали ее; амурские народы (нивхи), айны, а также буряты и маньчжуры только приклеивали; ханты, манси, ненцы продевали в край обтяжки жильную нить и в нескольких местах прикрепляли кожу к обечайке деревянными гвоздями или пришивали ее; алтайцы, якуты, эвенки, кеты, селькупы и дру-

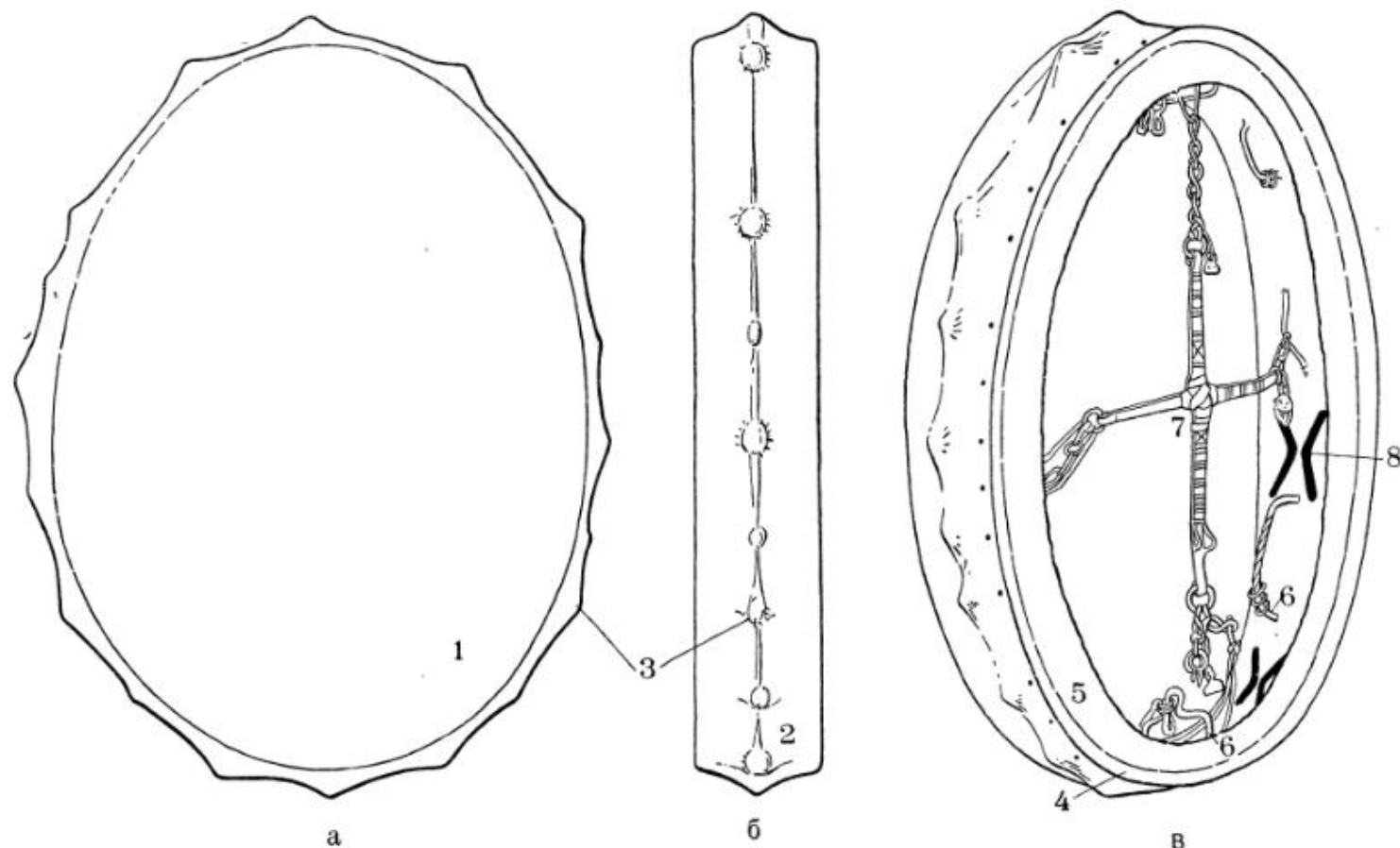

Рис. 1. Схема бубна: а — наружная сторона бубна; б — бубен сбоку; в — внутренняя сторона бубна.

1 — шкура, натянутая на обечайку; 2 — обечайка; 3 — резонаторные «шишки»; 4 — место прикрепления шкуры к обечайке; 5 — свободная кромка шкуры; 6 — железные скобы с подвесками; 7 — крестовина (рукоять бубна); 8 — резонаторные щели в обечайке.

На обтяжку использовали верхнюю часть шкуры, так как эта часть считалась «чистой».

Выделывали шкуры с разной степенью тщательности. Одни народы брали невыделанную сырую шкуру, лишь

где народы пришивали кожу к краю обечайки, оставляя при этом довольно широкий ее край свободным, собирая его на жильную нить.

На многих бубнах красками наносились рисунки на внутреннюю и особенно на внешнюю сторону обтяжки бубна (у долганов, алтайцев), а иногда и на обе ее стороны (у алтайцев, энцев). Встречались бубны, у которых рисунки наносились на обе (или одну) стороны обечайки. Обычно для нанесения рисунков применялась красная краска, реже — белая и черная, а у некоторых групп эвенков — зеленая и желтая.

По указаниям шамана мужчины наносили рисунки, передававшиеся по традиции от предков шамана; рисунки были строго определенными для каждого народа. Они были разной сложности: от простых кругов, повторявших форму бубна, до сложнейших композиций (алтайские и хакасские бубны) с большим количеством антропоморфных и зооморфных изображений, рисунков деревьев, небесных светил и т. д.

Эти рисунки вскрывают одно из важнейших значений бубна как символа вселенной. Мы видим среди них изображение плоской земли, окаймленной горами и морями, опрокинутого над ней куполообразного неба, опирающегося в края земли, и другие изображения, отражающие представления о вселенной, о которых рассказывают устные мифы сибирских народов (алтайцы, кеты, селькупы).

Многие рисунки отражают значение бубна как символа ездового животного; обычно на обтяжке изображалось в этом случае животное (олень) или только его голова.

При бубне имела колотушка. Колотушки менее разнообразны по форме, чем бубны. Обычно они представляли собой деревянную или костяную лопаточку разной ширины, иногда употребляли естественную развилку

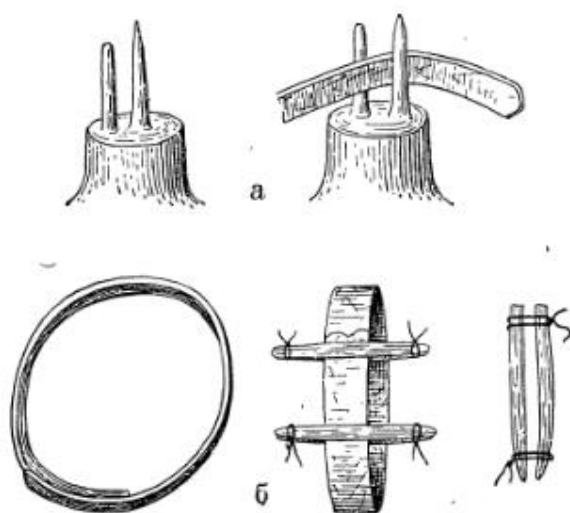

Рис. 2. Приспособление для сгибания обечайки: а — пень с выточенными на нем кольщиками; б — скрепление согнутой обечайки для просушки.

состригая с нее шерсть; другие — выделывали ее до тонкой светлой кожи; некоторые народы продымливали шкуру, коптили ее над костром.

¹ Охотники на морского зверя натягивали на бубны кожу желудка моржа, рыболовы — рыбью кожу и т. д.

ветки (шорцы). Лопаточку обтягивали камусами самца оленя, козули, медведя или шкурой со лба оленя, медведя, а иногда кусочками шкуры с любой части тела животного.

Помимо служебной роли при бубне, колотушка у всех народов Сибири являлась самостоятельным ша-

манским атрибутом, употреблявшимся при гадании и «лечении».

Приемы гадания и «лечения» колотушкой почти у всех шаманов были одинаковы.

Таково в общих чертах устройство бубнов. Ниже приводится описание бубнов отдельных народов.

I

Ненцы (табл. 1 и 2). Ненецкий бубен (*пензер*, *пендер*, *пендерко*, *тадибе-пензер*¹) имел круглую, реже овальную форму, небольшой размер (50—60 см в диаметре). Обечайку (шириной до 8 см) делали из ливневницы, реже — из ели. На внешней стороне обечайки устанавливали семь или четырнадцать столбиков, вырезанных из березы, березовой губы, реже — из рога оленя, мамонтовой кости. На столбики натягивали жильную нить или тонкие ремешки. Большое количество столбиков на сравнительно малой окружности обечайки создавало характерную для ненецких бубнов волнистую линию края бубна (табл. 1, 2, б). На внутренней стороне обечайки укрепляли (не всегда) железные скобки с подвешенными на них кольцами или квадратными железными пластинками.

Обечайку обтягивали кожей дикого, реже домашнего оленя, «пожертвованного» светлым небесным духам. Для этого шкуру хорошо выделывали, затем пришивали или собирали по краю на жильную нить и редкими стежками прикрепляли к обечайке.

Внутри бубна к обечайке привязывали ремнями сложную деревянную рукоять в виде развилки. Рукоять состояла из двух палок: основной, расположенной по продольному диаметру, и боковой — короткой (табл. 2, 1). Боковая палка соединялась с основной под углом с левой (редко с правой) стороны и прибивалась к ней деревянным гвоздем или вставлялась в специально вырезанное отверстие в центре. На обеих палках вырезали семь изображений — обычно плоские или скульптурные головы и лица духов шамана (*тадебце*) (табл. 1, 1, а). Рукоять делали обычно березовую, иногда употребляли рог оленя, при этом его не вытачивали, а подбирали естественно разветвленные рога (рис. 3).

В некоторых бубнах боковая палка имела длинный свободный конец, не прикрепленный к обечайке. Были бубны и с полной крестовиной. Встречались рукояти с изображениями голов (трех) на концах палок (табл. 2, 2). В верхней части бубна иногда укрепляли цепочки с колокольцами (табл. 2, 1).

На некоторых бубнах на наружной стороне обтяжки имелся кружок. Этот кружок иногда обводили красной краской. Перед натягиванием на обечайку кожу смачивали и в центр ее завязывали круглую монету для того, чтобы при высыхании кожи имелся запас, иначе, высохнув, кожа могла лопнуть. При подсыхании кожи монету вынимали. Эта монета (или металлическая бляха) и оставляла след в виде кружка в центре бубна.

У печорских ненцев Малоземельской тундры бубен был несколько отличен от вышеописанного (табл. 2, 3, а и б). Форма его была круглая, на внутренней стороне обечайки отсутствовали железные скобки. На обечайку натягивалась кожа дикого оленя. Рукоять представляла собой палку (меньше диаметра бубна), прикрепленную обоими концами к внутренней стороне обечайки. Посредине рукоять поддерживала короткая деревянная стойка, вделанная в обечайку. Размер этих бубнов был несколько меньше других ненецких бубнов (диаметр до 45 см).

По устному сообщению ненцев, в Малоземельской тундре бытовали именно такие бубны.

Колотушка (*пенгабце* или *ладуранце*) представляла собой деревянную узкую лопаточку, обтянутую шкурой оленя или оленьей ровдугой.

¹ *Тадибе* — шаман.

По старым представлениям ненцев, бубен являлся шаманским оленем, переносившим шамана в «невидимые миры», и в то же время сам бубен служил «охранителем» оленьих стад от болезней, волков и т. д.

Стремление выразить представление о бубне как об олене отразилось и в материале, из которого изготовлялся бубен. В Музее антропологии и этнографии хранится уникальный бубен, в котором рукоять сделана из естественного разветвления рога оленя, резонаторные столбики — также из рога оленя, подвеска на рукояти — копытце олененка (рис. 3).

Рис. 3. Бубен без обтяжки. Большеземельские ненцы.

Рисунков на бубнах, как правило, не было. Только у печорских ненцев встречались бубны с рисунками. Их наносили красной краской на наружную сторону обтяжки и на обечайку.

Эти рисунки состояли из волнистой линии по краю бубна (она осымслялась как горы, стоящие на краю земли) и перекрещивающихся линий, которые считались «опорой неба», сходящегося с краями земли и изображенного в виде опрокинутого над землей купола. Таким образом, здесь мы имеем следы значения бубна как символа вселенной.

Ханты (табл. 3 и 4). Ханты разделялись на несколько групп, отличных одна от другой по типу хозяйства, языку и материальной культуре. Существовали различия у этих групп и в религиозных воззрениях, а следовательно, и в культовых атрибутах, в частности, в шаманских бубнах. Северные группы хантов по типу хозяйства и по материальной культуре близки к ненцам-оленьводам. Южные группы (в основном охотники-рыболовы) имели хозяйство, похожее на хозяйство селькупов и северных групп сибирских (в частности, заболотных) татар.

Северные группы хантов (казымские, обдорские) имели бубен, по устройству (в общих чертах) и названию сходный с ненецким.

Бубен (*пензэр*) северных хантов (обдорских) был круглой или почти круглой формы, сравнительно небольшой (30—70 см в диаметре). Обечайка имела ширину до 10 см; ее делали обязательно из очень тонкой и легкой березовой доски. На внешней стороне обечайки устанавливали резонаторные столбики числом семь, четырнадцать или двадцать один. Столбики вытачивали также из березы. На них накладывали во всю длину окружности обечайки сплошной сарговый (чаще тонкую ветку черемухи, расколотую пополам) обруч. На него сверху наклеивали обтяжку бубна. Такое устройство обечайки давало характерную для хантыйских бубнов вторую линию обода (табл. 3, 2, б). Иногда в полости, образующиеся между обечайкой и обтяжкой бубна, клали мелкие камешки. Тогда бубен при употреблении издавал шум подобно детской погремушке. Внутри бубна на обечайку прикрепляли либо семь проволочных скобок с подвесками, по числу небесных кругов (у обдорских хантов), либо от одной до трех скобок с кольцами (у казымских хантов).

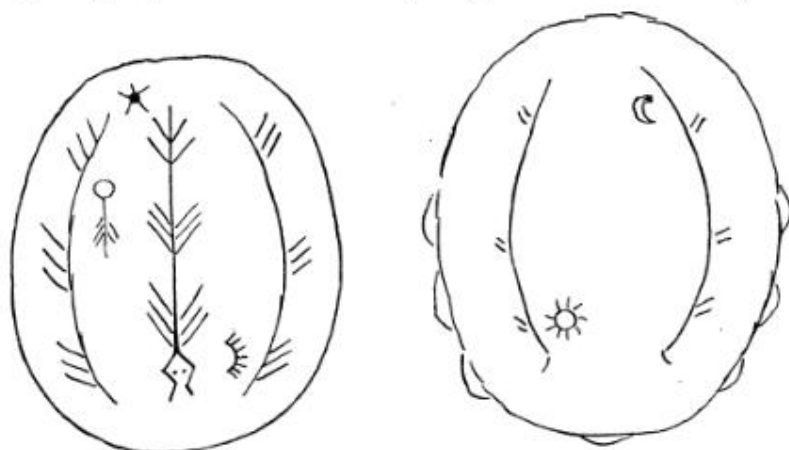

Рис. 4. Рисунки на внешней стороне бубнов. Тазовские селькупы.

Для обтяжки бубна употребляли обязательно шкуру домашнего оленя, которую тщательно выделывали в тонкую кожу и прикрепляли к самому краю обечайки. При обтяжке, так же как и у ненцев, в кожу завязывали монету. Пришивали кожу к обечайке толстыми жильными нитками сплошным швом. Березовские ханты обтяжку загибали внутрь бубна и закрепляли редкими стежками.

Внутри бубна по вертикали вставляли рукоять, представлявшую собой естественную развилку березовой ветки. Тремя концами развилку прикрепляли ремнями к краю обечайки (табл. 3, 1, а). Делали рукояти, похожие и на ненецкие. Часто на развилку наносили три зарубки, изображавшие лицо духа бубна («глаза» и «рот»), и привязывали ленты из цветной материи («плата духам»). Рисунков на бубне не делали. Такие же бубны имели и юганские ханты.

Колотушку (*нялы*, буквально «ложка») делали из березы. Она представляла собой слегка изогнутую лопатку, обтянутую шкурой со лба олененка светлой масти («солнечного»). На конце ручки вырезали изображение духа-хозяина колотушки.

Резко отличался от описанного выше бубен ваховских и васьюганских хантов. Судя по описаниям М. Б. Шатилова, у этих групп хантов бубен был сходен с бубнами селькупов и кетов.

Бубен ваховских хантов (*коем*) был овальной формы и большого размера. Для обечайки брали обязательно березовую доску. Обтягивали бубен кожей дикого оленя или лошади. Рукоять бубна представляла собой пластину, вытесанную из березовой доски. Две железные перекладины (два стержня) прикрепляли к обечайке и рукояти по горизонтали. На эти перекладины вешали колокольцы, трубчатые подвески, медные литые бляхи с изображениями охотника, лошади, оленя и т. д. Ваховские ханты рисунков на бубне не делали.

Колотушку (*палантив*) вырезали из березы; она имела вид слегка вогнутой лопатки с ручкой (общая длина до 30 см, ширина — 6—8 см). Наружную сторону коло-

тушки обтягивали шкурой со лба оленя, а на внутреннюю наносили разные рисунки (чаще изображение ящерицы, змеи).

У казымских хантов бытовали маленькие бубны (*ай пензэр*), являвшиеся точной копией настоящих шаманских бубнов. На их обтяжку употреблялась рыба кожа (налима).

По объяснению хантов, это были бубны-игрушки. Иногда рукоять такого бубна представляла собой широкую деревянную планку, прикрепленную за углы ремнями к обечайке.

У березовских хантов встречались бубны (*тынез*) с полной деревянной крестовиной из двух искусно выточенных, перекрещивающихся палок, прикрепленных ремнями к обечайке. Эта крестовина обматывалась цветными лентами, иногда к ней подвешивались медные бляхи, кольца (табл. 4, 1, а).

Бубен у всех хантов считался шаманским оленем, на котором шаман совершал «поездки в небесный мир».

Колотушка, помимо того, что она являлась вспомогательным орудием при бубне, служила и самостоятельным атрибутом при гадании и «лечении».

Манси. Мансийский бубен (*коип*) был круглой формы, небольшого размера (30—50 см). По устройству он похож на хантыйские бубны (ср. табл. 3, 1, а и б).

Обечайку делали обязательно из березовой доски; обтягивали бубен кожей лося, оленя. Рукоятью служила естественная березовая ветка-развилка, на которую иногда подвешивали колокольчики.

Колотушка (*моит*) представляла собой деревянную лопаточку; ее обтягивали оленьей, медвежьей или конской шкурой.

Бубен, по представлениям манси, был конем или оленем, на котором шаман «путешествовал» к верхнему божеству. Звуки ударов в бубен считались средством «пробудить» божество, «призвать» к божеству, просьбой «снизойти» к людям.

Селькупы (табл. 4). Бубен тазовских селькупов (*нунга*) имел слегка овальную форму, большие размеры (до 90 см в продольном и 70 см в поперечном диаметре). Размер бубна зависел от возраста шамана. Обечайку делали из березовой доски, шириной 12 см. На внешней ее стороне имелись резонаторные столбики количеством от семи и более, образующие «пишки» (*юнгылсат*, т. е. «уши»).¹ Резонаторных щелей в обечайке не делали. Для обтяжки бубна употребляли шкуру дикого оленя. Ее выделывали, намачивали и, не натягивая, свободно пришивали к обечайке, несколько отступая от края. Свободной кромки не оставляли (табл. 4, 2, а).

Внутри бубна укрепляли вертикальную деревянную пластину-рукоять (9 см ширины), суживающуюся по середине. Ее изготовляли либо из березовой, либо из кедровой планки. На пластине делали прорезы и изображения лиц духов-помощников шамана. К обечайке прикрепляли во всю ширину бубна поперечные железные стержни, обычно семь штук (четыре в верхней части бубна, три — в нижней), на которые подвешивали изображения духов-помощников шамана; при этом обязательными были изображения орла, гагары, журавля. На эти же стержни подвешивались трубчатые подвески.²

Как правило, узкая часть рукояти окаймлялась железным кольцом (или концентрическими двумя-тремя кольцами). Кольцо это имело несколько распирений, иногда было замкнутое, но чаще незамкнутое (снизу).

На внутреннюю сторону обечайки изредка наносили рисунки: внизу черной краской рисовали медведей, сверху красной краской — оленей. На внешней поверхности бубна всегда делали рисунки красной краской (табл. 4, 2, б). Они не у всех шаманов были одинаковы. У шаманов одного рода рисунки в основном совпадали (рис. 4).

Колотушку (*капшит*, буквально «орудие камлания», от глагольной основы *кап~кам* — «шаманить» — и суффикса орудия действия — *шит~шин*) делали из березы или кедра. Она представляла собой веслообразную лопа-

¹ Количество резонаторных столбиков, кратное семи, у селькупов не выдерживалось так строго, как у ненцев.

² На стержнях имелись петли для того, чтобы подвески равномерно распределялись по стержню.

точку длиной до 50 см. На ручке ее вырезали лицо духа колотушки. С наружной стороны колотушку обтягивали шкурой со лба оленя или оленьим камусом (или шкурой со лба медведя, или медвежьим камусом), иногда шкурой выдры. Кедровой колотушкой, обтянутой шкурой медведя, камлали при «путешествиях» шамана в «нижний мир»; березовой колотушкой, обтянутой шкурой оленя, — в «верхний мир»; кедровой колотушкой, обтянутой шкурой выдры, — в «подводный мир». Внутреннюю сторону колотушки раскрашивали: одну половину — в черный (или синий), другую — в красный цвет; посредине прикрепляли изображение ящерицы, вырезанное из железа.

Нарымские селькупы имели такой же бубен, но называли его *пыгыр*, так же как и женский шаманский инструмент — *варган*.

По прежним представлениям селькупов, бубен омыслился оленем, на котором шаман «путешествовал» в иные миры (преимущественно на небо).

В иных случаях бубен представлялся лодкой, в которой шаман «плыл» по мифическим рекам. Колотушку нарымские селькупы называли *соланг*, т. е. «ложка».

В рисунках и в общей нагрузке внутренней полости бубна селькупов отражено представление о нем как символе вселенной: рисунки изображали небо и землю; семь стержней внутри бубна — семь кругов вселенной; замкнутое кольцо — границы земли; незамкнутое снизу кольцо — вход в «нижний мир» и т. д.

Кеты (табл. 5). Кетский бубен (*хас*) был всегда круглой формы, очень больших размеров (от 60 см до 1 м в диаметре). Обечайку (шириной 10–20 см) делали из кедровой доски. На внешней стороне ее укрепляли девять резонаторов; на деревянные столбики натягивали жилую нить; полость резонаторов на некоторых бубнах сообщалась с внутренней полостью бубна. На внутренней стороне обечайки иногда имелись две железные скобы с подвесками.

Обтягивали обечайку кожей дикого, реже домашнего оленя. Ее пришивали по краю обечайки; узкую свободную кромку над швом стягивали на жилую нить. Рукоять бубна делали из кедра; она представляла собой плоскую узкую орнаментированную пластину с прорезями, как у селькупов (ср. табл. 4, 2, а). К обечайке прикрепляли железные поперечные стержни (не менее девяти), на которые навешивали трубчатые подвески, изображения птиц, зверей и т. д. (табл. 5, 1, а).

Кетские бубны отличались от бубнов всех остальных народов Сибири богатством железных подвесок. Иногда даже на внешней стороне обечайки по всей окружности прикрепляли полосу железа с «шапочками» для прикрытия резонаторных «шишек» (табл. 5, 3, а и б).

На внешнюю поверхность обтяжки и на обечайку (на внешнюю, а иногда и на внутреннюю ее сторону) наносили охрой рисунки.

Рисунки на внешней поверхности обтяжки изображали вселенную (*ильванг*) с небесными светилами и фигурой шамана в центре (птицы на голове фигуры изображали «мысли» шамана) (табл. 5, 1, б). Рисунки на обечайке омыслились как земля с жилищами, оленями, людьми и т. д.

Колотушку (*хат бул*, т. е. «нога бубна») длиной 35–50 см делали из кедра, обтягивали с наружной стороны оленьей шкурой. Форма колотушки такая же, как у селькупов. Внутреннюю сторону ее раскрашивали черной и красной краской и прикрепляли изображение ящерицы. На конце колотушки вырезали лицо духа-хозяина колотушки и прикрепляли железные подвески (*саланг*) (табл. 5, 2, а и б).

У кетов бубен осознавался как символ вселенной, и это значение чрезвычайно подробно отражено во всем его устройстве. В этом было основное отличие кетского бубна от очень сходного с ним селькупского, имевшего и другие значения.

Энцы (табл. 6). Энецкий бубен (*педди* — у энцев группы Мандо, *фендир* — у энцев группы Бай) имел либо круглую, либо слегка овальную или грушевидную форму; он был небольшого размера (длина продольного диаметра доходила до 50 см, поперечного — до 40 см). Обечайку делали из ливневницы шириной до 8 см. На наружной стороне обечайки укрепляли восемь столбиков (березовых), на которые натягивали жилые нити. Обтянутые

кожей, эти столбики образовывали «шишки» (резонаторы). На некоторых бубнах полости резонаторов сообщались с внутренней полостью бубна посредством прорезей в обечайке. Обычно же в бубнах таких прорезей не было. На внутренней стороне обечайки укрепляли четыре (а иногда и больше) фигурные или простые железные скобы с подвесками из колец или звеньев цепи (рис. 5). На обтяжку употребляли шкуру самца дикого оленя

Рис. 5. Внутренняя сторона бубна. Энцы.

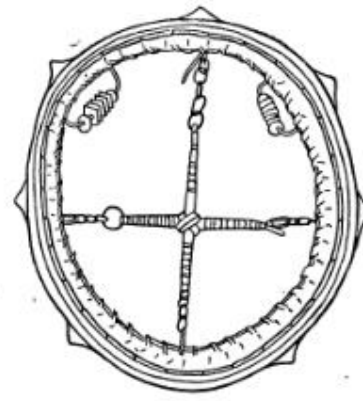

Рис. 6. Внутренняя сторона бубна. Энцы.

(если шаман был мужчина) и шкуру самки (если бубен принадлежал шаманке). Перед натяжкой шкуру выделывали, выкраивали и смачивали. При этом в центре выкроенной кожи, как и у ненцев, завязывали маленький круглый камень или круглую металлическую бляху (монету) с целью сохранить запас кожи при высыхании. Кожу пришивали к краю обечайки толстой жилой нитью; свободная кромка разной ширины (до 7 см) загибалась при этом внутрь бубна и собиралась в сборки на тонкую веревку из оленьих сухожилий (рис. 6).

Внутри бубна при помощи ремешков укреплялась железная крестовина (табл. 6, 1, а). На бубнах энцев

Рис. 7. Внутренняя сторона бубна. Энцы.

Рис. 8. Внешняя сторона бубна. Энцы.

группы Мандо центральная часть крестовины заключена в железное плоское кольцо, иногда имеющее расширения (рис. 7).

Колотушка (*петёхо*, *фетёхо*) березовая (реже еловая); она представляла собой слегка изогнутую узкую лопаточку до 30 см длины и до 5 см ширины (табл. 6, 2, а и б). На ручке ее вырезали лицо «березового человека» (хозяина колотушки); на узкой части делали семь зарубок, изображая этим «дыхательное горло березового человека». Выпуклую сторону колотушки обтягивали шкурой со лба оленя, вогнутую — окрашивали в красный цвет и разрисовывали черными линиями, символизирующими ветви березы. Имелись колотушки с лопаточками на обоих концах, похожие на двухлопастное весло.

По представлениям энцев, бубен считался шаманским ездовым оленем. Но вместе с тем он символизировал и вселенную. На наружной и внутренней сторонах обтяжки многих бубнов имелись рисунки, выполненные черной и красной краской. Иногда делались рисунки и на обечайке. Они состояли из линий, окаймляющей бубен по обечайке, и концентрических кругов, пересе-

ченных линиями (рис. 8). Чаще рисунок изображал крестовину: две пересекающиеся линии, которые делили всю поверхность бубна на четыре сегмента.

Подставные названия, которые имели энецкие бубны, свидетельствуют о том, что бубен осмыслился оружием шамана — «небесным луком»; «лиственничный небесный лук», — так поэтически называли энцы свой бубен.

Нганасаны (табл. 6). Нганасанский бубен (*хфендир*) по устройству был очень сходен с энецкими бубнами (табл. 6, 3, а и б). Он отличался от них лишь несколько большими размерами (продольный диаметр достигал 80 см). Материал для обтяжки (шкура дикого оленя) и обечайки (лиственница) был тот же, что у энцев. Обечайка имела прорезы, точно соответствующие резонаторным «шишкам» на ее внешней стороне. Рисунки наносили (не всегда) только на внутреннюю поверхность бубна. Они имели тот же характер, что на энецких и долганских бубнах. Колотушка (*феатаха*, *хфетаха*) деревянная, обшивалась оленьей шкурой; длина ее доходила до 40 см. Осознавался бубен как ездовой олень шамана.

Якуты (табл. 7 и 8). Якутский бубен (*тунгюр* ~ *дунгюр*) имел яйцевидную или овальную форму, средние размеры (до 60 см в продольном диаметре). Обечайку (шириной от 10 см и выше) делали из лиственничной доски. На ее внешней стороне имелся ряд резонаторов (бугорков), обычно семь или девять, если они были одинаковой величины. Но часто их ставили чередуя большие и маленькие, тогда число их достигало двенадцати и более. Основой этих бугорков являлись деревянные столбики различной формы, очень детально разработанные. В этом якутские бубны были сходны с эвенкийскими. На резонаторные столбики натягивали жильные нити. В обечайке вырезали резонаторные щели, посредством которых полости резонаторов сообщались с полостью бубна. Внутренняя сторона обечайки имела большую нагрузку: несколько фигурных или простых железных скобок с железными подвесками (изображениями птиц, рыб, животных). Обечайку обтягивали коровьей (теленка, двухгодовалого бычка) или козлиной кожей. Шкуру выделывали, мочили и пришивали к обечайке близко от края. Высыхая, кожа плотно натягивалась на обечайку. Иногда оставляли свободную кромку различной ширины, которая, так же как и на алтайских бубнах, собиралась на жильную нить.

Внутри бубна на четырех ремнях прикрепляли по диаметрам бубна железную или деревянную крестовину (*быарык*) (табл. 7, 1, а и 3, а). Она обычно была украшена резьбой. На некоторых бубнах в верхней части крестовины укрепляли дугообразный железный стержень с подвесками (табл. 7, 1, а). Такие бубны напоминают шорские бубны с изогнутым железным стержнем (*кириш*). Иногда железный стержень заменяли поперечиной из ремней. Верхний конец крестовины в некоторых бубнах оформлялся в виде головы птицы.

На бубнах из района рр. Хатанга и Анабара крестовина подобно эвенкийским бубнам окаймлялась железным плоским кольцом (табл. 8, 1, а). По словам В. Ф. Трошанского, окаймленная крестовина была на бубнах «светлых» шаманов, «черные» шаманы имели крестовину без кольца.

На внутренней поверхности хатангско-анабарских бубнов имелись рисунки с изображением крестовины и оленей. Эти рисунки однотипны с рисунками на долганских бубнах. Как правило, на якутских бубнах рисунков не было.

Колотушку (*булайях* ~ *былайях*) делали из сердцевины лиственницы, из рога лося или оленя. Она представляла собой изогнутую лопаточку (табл. 7, 2, а и б). Обшивали ее с одной стороны шкурой олененка, двухгодовалого оленя или камусом оленя. На другую (вогнутую) сторону прикрепляли несколько колечек. На ручке иногда изображали головы волка или медведя.

Бубен в целом осознавался как шаманский конь. В шаманских песнях при обряде оживления бубна пелось: «Круглый бубен превращаю, делаю конем могучим, превращаю, сотворяю лошадь быструю из бубна». Однако название выступов бубна (*мюстар* — «рога»), изображения оленей на обтяжке бубна свидетельствуют о том, что прежде бубен осознавался как почитаемый олень.

Кроме того, бубен считался защитой — панцирем — шамана. Колотушка осознавалась соответственно значению бубна или как плеть-погонялка, или как оружие шамана.

Для хранения бубнов якуты имели специальные мешки (*дунгюр каата*).

Долганы (табл. 8—10). В целом терминология и устройство долганских бубнов полностью совпадают с якутскими. Бубен у долганов (*дунгюр*) имел овальную форму, был размером более 65 см в продольном диаметре. Обечайку делали из лиственничной доски, ширина ее была более 10 см. На внешней стороне обечайки делали семь резонаторных бугорков (*болчо* — «шишки»), так же устроенных, как на якутских и эвенкийских бубнах; на внутренней стороне обечайки прикрепляли четыре железные скобы с подвесками-кольцами. Обечайку обтягивали кожей дикого оленя таким же способом, как и якуты.

В центре бубна на ремнях укрепляли железную крестовину — *быарык* (табл. 8, 2, а; табл. 10, 1, а). Встречались бубны с крестовиной, включенной в железное кольцо (табл. 9, 1, а и 2, а). Иногда в верхней части крестовины прикрепляли изображение двухглавой шаманской птицы (*околку*) (табл. 9, 1, а).

На внутреннюю поверхность обтяжки наносили рисунки красной краской — концентрические круги, крестовину бубна, изображение оленя (табл. 8, 2, а; табл. 9, 2, а). Иногда украшали и наружную поверхность бубна (табл. 8, 2, б; табл. 10, 1, б).

Колотушку (*булайях*) делали из лиственницы, из мамонтовой кости или оленьего рога. Одну сторону ее обтягивали камусом белого оленя, другую (вогнутую) украшали резьбой. На конце ручки вырезали изображение духа-хозяина колотушки. Иногда колотушка имела форму двухлопастного весла с перехватом посередине.

У долганских шаманов изредка встречались бубны, несколько отличающиеся от описанных выше по устройству крестовины. Железная крестовина в них была заменена ремной с медным или железным кольцом в центре, подобно тому как это делали забайкальские, восточные эвенки, эвены и амурские народы.

Для хранения бубнов имелись специальные мешки из шкур дикого оленя (*дунгюр каата*) (табл. 10, 2, а и б). Долгане считали бубен оленем, на котором «путешествовал» шаман. Кроме этого основного значения, бубен представлялся также вселенной.

Эвенки (табл. 11—15). Типичный эвенкийский бубен (*унтугун*) был распространен у эвенков современного Илимского района Эвенкийского национального округа (табл. 11, 1, а и б). Бубны этой группы эвенков имели овальную форму, большие размеры (до 1 м в продольном диаметре), широкую обечайку (до 15 см). На внешней стороне последней имелись резонаторные «шишки», в основании которых были деревянные столбики различной формы, часто высокие столбики чередовались с низкими. На них натягивались жильные нити или тонкие ремешки. Эти столбики образовывали волнистую линию очертания бубна. По данным Г. М. Василевич, число таких «шишек» на бубне увеличивалось по мере роста «опыта и силы» шамана. В обечайке прорезывались щели, соединявшие полость бубна с резонирующими полостями «шишек». Эти «шишки» осознавались эвенками как клыки животного (*суркак*).

Обечайку обтягивали кожей оленя, которую пришивали жильными нитками к краю обечайки. При этом оставляли свободной узкую полоску кожи, которую собирали на жильную нитку. Иногда на эту полоску по длине всей окружности бубна нашивали через равные промежутки по две бусины или крупный цветной бисер. На некоторых бубнах обтяжку не сплошь пришивали к обечайке, а лишь закрепляли ее кое-где стежками.

Внутри бубна на коротких ремнях укреплялась железная крестовина, почти равная по размерам диаметрам бубна (табл. 11, 1, а). На верхнем конце крестовины укреплялось изображение птицы или рогов оленя, вырезанное из железа или меди. Центр крестовины заключался в два концентрических кольца, сделанных из плоских железных обручей (табл. 11, 1, а). На большом кольце подвешивали трубчатые подвески.

На внутренней стороне обечайки прикрепляли по диаметрам бубна четыре железных фигурно выгнутых скобки

с подвешенными на них кольцами и трубками. Некоторые бубны внизу на наружной стороне обечайки имели железные петли.

Колотушку (табл. 11, 2, а и б) изготавливали из дерева, одну сторону ее обтягивали шкурой оленя, на другой стороне вырезали рисунки. Иногда же колотушку делали из клыков мамонта или рога дикого оленя, обшивали кожей с весенних рогов оленя. Называлась колотушка *гису-гису-гисо-гисо* (в зависимости от диалектов).

Эвенки, проживающие на территории Якутии, имели бубны, сходные по устройству с якутскими, но отличающиеся от них правильной яйцевидной формой. Оформление обечайки столбиками также близко к якутским бубнам. Железная крестовина с более короткими, чем у типично эвенкийского бубна, концами была подобна якутской, имела в верхней части украшение в виде оленьих рогов, сделанных из железа (табл. 11, 3, а). Она была заключена в железное кольцо, прикрепленное ремнями; на кольце имелись подвески в виде цилиндров. Количество железных скобок на обечайке непостоянно.

На обечайку натягивали и пришивали кожу оленя. Иногда закрепляли обтяжку внутри бубна по всей длине его окружности тонкой, узкой железной полосой. На внешней поверхности бубна часто делали рисунки красной или черной краской. Обычно рисунки состояли из двух-трех концентрических кругов, нанесенных по краю бубна, и единичных изображений птиц и зверей внутри них (табл. 11, 3, б).

Колотушка у таких бубнов была сходна с описанной выше колотушкой илимпийских эвенков.

Эвенки бассейна Подкаменной Тунгуски имели бубен такого же типа.¹ Отличались лишь крестовины, которые у подкаменнотунгусских эвенков были деревянными, более или менее искусно выточенными и прикрепленными на ремнях к обечайке (табл. 12, 1, а и 3, а).

Некоторые бубны имели железную или сплетенную из тонких ремней крестовину (табл. 13, 1, а). Плетеные ремни соединялись в центре медным кольцом. Иногда, помимо крестовины, в бубне имелись два железных стержня, расположенных горизонтально. На них надевали короткие железные трубочки. Это внутреннее оснащение бубна напоминает кетские и селькупские бубны. Подкаменнотунгусские эвенки называли бубен *ынтыун*,² *унтугун*.³

Некоторые бубны имели на внутренней поверхности рисунки, изображающие круги неба и живущих там светлых духов в виде оленей (табл. 12, 1, а).

По старым представлениям эвенков подкаменнотунгусской группы, бубен считался оленем, на котором шаман «путешествовал» в «невидимом мире», или лодкой, на которой шаман «плавал» по воображаемой шаманской реке. Исходя из последнего представления, соответственно осмыслились и отдельные части бубна: обтяжка — дно лодки, обечайка — борта лодки, кромка обтяжки — набор лодки и т. д.

Колотушку делали из дерева, обтягивали шкурой оленя или медведя (табл. 13, 2, а и б). Если бубен представлялся лодкой, то колотушка считалась веслом.⁴

Амурские эвенки (бирары) имели бубен, сходный с бубнами амурских народов — нанайцев и удэгейцев (табл. 13, 3, а и б). Бубны были небольшие (до 60 см в продольном диаметре), овальной или яйцевидной формы, с толстой и узкой обечайкой. Обтяжка наклеивалась на обечайку. Резонаторов не было, на внутренней стороне обечайки имелись две железные скобы с кольцами или (чаще) с китайскими монетами. Крестовина представляла собой медное кольцо, прикрепленное четырьмя ремнями к обечайке. На внешней поверхности бубна встречался сложный рисунок, выполненный красками разных цветов: изображалось кольцо крестовины с тяжами, а между тяжами помещались фигуры птиц, животных и т. д. Бубен назывался *нымханки* или *хункузунь* (у амурских и зейских эвенков), *нымханку* (у бираров).

Колотушка (*гисавун*) — узкая деревянная палочка, обтянутая шкурой.

У забайкальских эвенков бубен (*нымханку*) был почти круглой формы, сравнительно небольшой (в продольном диаметре до 70 см), ширина обечайки не превышала 8 см. На обечайку натягивали и приклеивали конскую или оленью кожу (табл. 14, 1, а и б).

Крестовина состояла из фигурного или простого кольца, прикрепленного ремнями к обечайке. Резонаторов эти бубны не имели. На внутренней стороне обечайки были две или три скобы с кольцами. Наверху бубна к обечайке прикреплялось кольцо с пучком цветных лент. Эти бубны очень похожи на бубны забайкальских бурят.

Забайкальские оленные эвенки (орочены) некоторые бубны обтягивали маральей кожей; крестовина была в виде кольца, прикрепленного к обечайке ремнями (табл. 14, 3, а). К кольцу привязывали пучки цветных лент, а на ремнях (у баргузинских оленных эвенков) прикрепляли различные фигурки зверей, вырезанные из жести и железа.

На бубнах рисовали изображение лося. Иногда эти бубны имели резонаторы.

На внешней стороне бубнов орочены иногда наносили рисунки в виде концентрических кругов с отходящими от них двумя рядами поперечных линий, с фигурами зверей и людей (табл. 14, 3, б).

Колотушку (*гисини*) делали из кости или рога, обтягивали шкурой. Считалось, что она представляла собой змею (табл. 14, 2, а и б). Ручка колотушки соответствовала голове змеи. На вогнутой стороне колотушки также изображали змею.

Самая восточная группа эвенков (охотская) имела бубен (*хунтун*) овальной формы и небольшого размера (55 см в продольном и 45 см в поперечном диаметре), сходный с забайкальским. Бубен имел обечайку шириной 10,5 см, на которой делали резонаторы, сообщающиеся с полостью бубна. Внутри бубна на обечайку прикрепляли шесть железных скобок с цилиндрическими трубками (подвесками) и железное кольцо на плетеных жильных нитках. Обтягивали бубен сырой оленьей кожей. На внешней поверхности бубна (по краю) рисовали красной краской круг.¹

Колотушка деревянная, делали ее в виде слегка изогнутой лопаточки, обтягивали оленьим камусом. Длина колотушки — 50 см, ширина доходила до 5 см.

Сымская группа эвенков имела бубен, сходный с бубнами кетов и селькупов. Он был почти круглой формы и больших размеров. Обечайка имела ширину до 10 см. На нее натягивали кожу дикого оленя. Внутри бубна укрепляли деревянную вертикальную перекладину-рукоять (*дзвалган*) с вырезанными на ней лицами духов. На внешней стороне обечайки имелись резонаторные бугорки, осознававшиеся как «стрелки» (*мукикар*). На внешнюю поверхность бубна наносили рисунки. Бубен такой формы был не характерен для эвенков и заимствован, по-видимому, сымскими эвенками от кетов и селькупов.

Некоторые группы эвенков употребляли специальные мешки для хранения шаманских бубнов (табл. 15).

Юкагиры (табл. 16). Бубен юкагиров (*ялтил*) был яйцеобразной формы и больших размеров (до 90 см в продольном и до 65 см в поперечном диаметре). Обечайку (шириной в 6—7 см) делали из лиственничного дерева и обтягивали кожей двухлетнего оленя самца. Обтяжку приклеивали или собирали по краю в сборки на жильную нитку. На наружной стороне обечайки иногда делали резонаторные «шишки».

На внутренней стороне обечайки имелись скобы (железные или из скрученного ремня) с цилиндрическими или кольцеобразными подвесками. Внутри бубна на ремнях, реже на скрученных оленьих жилах укрепляли крестовину, иногда медное кольцо. Крестовину не всегда делали из железа, на некоторых бубнах ее сплетали из ремней и веревок. Встречалась крестовина, по своей форме напоминавшая распластанного оленя (табл. 16, 1). Бубен представлялся оленем, на котором шаман «путешествовал».

Колотушка (*ялхин наидийя*) — узкая, слегка изогнутая палочка, обтянутая оленьим камусом.

¹ У вилуйских эвенков также встречались аналогичные бубны (см. колл. МАЭ № 334-80).

² По сообщению А. Ф. Анисимова.

³ По сообщению Г. М. Василевич.

⁴ По сообщению А. Ф. Анисимова.

¹ По сообщению В. Н. Васильева.

По своему устройству и форме юкагирские бубны обнаруживают сходство с бубнами восточных якутов и эвенков.

Бубны хранились в специальном чехле, сшитом из оленьих шкур.

Рисунков на бубне, как правило, не делали. Лишь изредка встречались бубны, на наружной поверхности которых были нарисованы концентрические круги.

Юкагирский бубен, так же как чукотский и корякский, был семейной святыней. Каждый член семьи имел право бить в бубен.

Эвены. Бубен эвенков (*унту*) был круглой и яйцевидной формы, небольших размеров, с сравнительно узкой обечайкой. Крестовина представляла собой кольцо, укрепленное на четырех ремнях. Эвенские бубны очень сходны с бубнами юкагиров (ср. табл. 16, 1, 2).

Чукчи (табл. 16). Особого шаманского бубна у чукчей не было. Бубен (*ярар-яар*) являлся семейной, домашней святыней. Его имела каждая семья, и упражнения на нем во время некоторых праздников были обязательными для всех домочадцев, мужчин и женщин. Бубны были

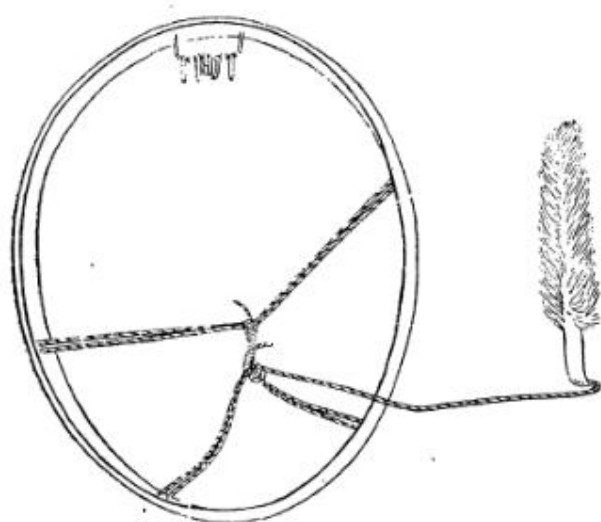

Рис. 9. Внутренняя сторона бубна и колотушка. Коряки.

обычные и праздничные, по устройству одинаковые. Шаманы употребляли как те, так и другие.

Во время больших чукотских праздников собирались своеобразные «ансамбли», били одновременно в десять и более бубнов. Бубен чукчей не являлся столь сложным символом, как у других народов Сибири. Он в сознании чукчей являлся только музыкальным инструментом.

Форма бубна приближалась к круглой (диаметр 35—60 см), обечайка была узкой и тонкой (ширина — 4 см), встречалась и более широкая, в зависимости от величины бубна. Обечайку обтягивали кожей моржового желудка (у приморских чукчей), кожей олененка (у оленных чукчей); затем обтяжку приклеивали и обвязывали жильными нитками вокруг обечайки (у приморских чукчей) или только обвязывали (у оленных чукчей). Для обвязки во всю длину окружности обечайки выдалбливали желобок (табл. 16, 3, 4).

К обечайке снаружи прикрепляли рукоять.¹ Рукоять была деревянная, из моржового клыка или оленьего рога. Ее приклеивали, привязывали или прибивали костяным гвоздем к нижнему краю обечайки. Какой-либо иной нагрузки обечайка не имела.

Рисунков ни внутри, ни снаружи бубна не делали.

В качестве колотушки (*яраркылэнанг*) во время камланий внутри полого употреблялась тонкая полоска китового уса (длиной 30—40 см) с небольшим лопатообразным утолщением на конце; при камланиях вне полого пользовались деревянной палочкой (длиной 60—70 см), которой ударяли по краю обечайки. Бубен при этом держали горизонтально, обтяжкой вверх, а палочку брали за середину, ударяя поочередно то одним, то

другим ее концом. На ручке имелась иногда меховая кисточка.

В юго-западной части Чукотки чукотские шаманы употребляли иногда эвенкийские бубны.

Эскимосы. Бубен эскимосов (*сягуяк'*) был сходен с чукотским, отличался лишь большими размерами (имел до 90 см в диаметре) и более круглой формой. Он, как и чукотский бубен, также являлся семейной святыней. Праздничные бубны по устройству не отличались от обычных.

Коряки. Бубен у коряков (*яай*) играл важную роль в шаманстве. В то же время при некоторых обрядах он служил музыкальным инструментом, которым пользовались все члены семьи. Корякские шаманы иногда употребляли эвенкийские бубны, а некоторые — чукотские.

Форма основного корякского бубна овальная (до 70 см в продольном диаметре), обечайка узкая (шириной 5 см). Обечайку обтягивали куском оленьей кожи (приклеивали). Внутри бубна к обечайке прикрепляли одну или несколько железных скобок с подвесками. Рукоять представляла собой перекрещивающиеся ремни, прикрепленные к обечайке. В центре бубна ремни соединялись кольцом или узлом (рис. 9).

Колотушка — *яайкылэнанг* — (длиной 45 см) представляла собой слегка изогнутую лопаточку, обтянутую волчьей шкурой.

Ительмены. В конце XIX и начале XX в. шаманские бубны у ительменов уже вышли из употребления. В начале XIX в. у них еще бытовал бубен, во всем похожий на корякский.

Нивхи (табл. 17). У нивхов шаманский бубен (*кяцо*) имел овальную форму (табл. 17, 1). Размер его доходил до 80 см в продольном диаметре и до 60 см в поперечном. Обечайку делали тонкой (2.5—3 см ширины), иногда с утолщениями по бокам для прикрепления жильных нитей, поддерживающих ремennую крестовину с кольцом. На внешней стороне обечайки (во всю длину окружности) имелся желобок, который покрывался сверху кожей. Последнюю натягивали и приклеивали к обечайке. Материалом для обтяжки обычно служила рыба́я кожа. Никаких нагрузок обечайка не имела, кроме жильных нитей и ремней на внутренней стороне. Рисунков на бубнах не было.

Колотушка деревянная, имела вид плоской лопаточки с ручкой. Одну сторону ее обклеивали шкурой, снятой с собачьей лапы, другую иногда орнаментировали резьбой. На конце ручки вырезалось изображение головы медведя, ящерицы, змеи.

Айны (табл. 17). Шаманский бубен (*ачок, кацё*) айнами был заимствован от нивхов (табл. 17, 2, а и б). Айнский бубен был овальной (несколько неправильной) формы и меньших размеров, чем нивхский. Обечайка узкая (ширина 2.5—3 см), толстая, не имела никаких нагрузок ни внутри, ни снаружи; обтягивалась рыба́ей кожей, которую обычно приклеивали. Крестовину делали из скрученных, а центральную часть сплетали из толстых веревок. Рисунков на бубнах не было.

Колотушка (*кацё тэгни*) деревянная, имела форму узкой плоской палочки, обтянутой шкурой (табл. 17, 3, а и б).

Нанайцы (табл. 18). Нанайский бубен (*умчуфу, унчуфун*) имел узкую обечайку, обтянутую тонко выделанной кожей козули. Форма его овальная, несколько расширяющаяся в верхней части (продольный диаметр 60—80 см, поперечный — 50—55 см). Обтяжку плотно приклеивали к обечайке. На наружной стороне обечайки во всю длину окружности вырезали желобок, который при обтяжке бубна закрывался кожей. На обеих сторонах обечайки по поперечному диаметру иногда прикрепляли железные скобы с подвесками — кольцами или китайскими монетами, иногда же такая скоба была и на верху бубна. Внутри бубна на жильных, веревочных или тонких ремennых петлях укрепляли крестовину с небольшим кольцом в центре, за которое шаман держал бубен. Ремни делали разной длины, но всегда различались ремни собственно крестовины и ремни, служащие для прикрепления ее к обечайке. Резонаторные «шишки» отсутствовали.

На наружную поверхность бубна иногда наносили рисунки, изображавшие крестовину с кольцом, солнце, деревья и т. д. Но вообще для нанайских бубнов рисунки были не характерны. И. А. Лопатин даже утверждает,

¹ Такие бубны употреблялись также индейцами Северо-Западной части Америки (Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, т. IV. СПб., 1883, стр. 678).

что «рисунков на бубне не полагается».¹ Обычно нанайский шаман имел два бубна: с одним он камлал, другой в это время грели над огнем. Часто помощник вторил шаману на втором бубне.

Колотушку (*гесел*, *гесель-сеони*, *гэссаль*) делали из дерева (березового), с одной стороны ее обтягивали камусами козули, енота или выдры, с другой — богато орнаментировали: изображали змей (для «придания руке шамана силы») и других животных (ящериц, лягушек, медведей). На конце ручки вырезали изображение двуликого божества Аями Тереми и два изображения Аджеха. Во время камлания шаман «кормил» их ханшином (китайской водкой).

Пегидальцы. Бубен пегидальцев (*унгтуун*, *унгтувун*) был овальной формы. Обечайка узкая. По устройству обечайки и крестовины пегидальские бубны были сходны с нанайскими. Отличались от последних лишь тем, что на четырех осях обечайки делались конические утолщения для прикрепления ремней, поддерживающих центральное кольцо, как в нивхских бубнах.

Колотушка (*гесавун*) сходна с нанайской.

Ороки. Бубен ороков (*дали*) был такой же, как и у нанайцев. Хранили его в специальном чехле, спитом из рыбьей кожи.

Орочи. Бубен орочей (*унту*) имел подобно нанайскому узкую обечайку. Он был грушевидной формы, обтягивался кожей козули. Внутри бубна на ремнях укрепляли кольцо (иногда орнаментированное). На обечайке часто делали железные скобы, на которые нанизывали китайские монеты и кольца.

Колотушка (*геси*) деревянная, обтягивали ее шкурой козули. Бубен хранился в специальном чехле (*унту кунтун*).

Ульчи. Бубен ульчей по устройству был похож на орочский и нанайский. Сходными были и их названия.

Удэгейцы (табл. 19). У удэгейцев бубен (*унэчуху*) был грушевидной формы, узкоободный (ширина обечайки 2,5 см), с желобком во всю длину окружности обечайки. Внутри бубна иногда прикрепляли железные скобки с нанизанными на них китайскими монетами. Бубен обтягивали кожей новорожденного олененка, реже плавательным пузырем рыбы или мочевым пузырем животного. Кожу плотно приклеивали к обечайке. Внутри бубна на ремнях укрепляли медное кольцо (табл. 19, 1). Иногда вместо кольца делали шпигу из ровдуги и набитую оленьим волосом крестовину, которую прикрепляли к обечайке шнурками, сплетенными из сухожилий (табл. 19, 2, а). На наружную поверхность бубна изредка наносили рисунки. Однако, как правило, рисунков на удэгейских бубнах, как и на нанайских, не было.

Колотушка (*гисел*) — узкая деревянная лопаточка; на одной стороне ее наклеивали шкуру выдры, а на другой — вырезали изображения змей, лягушек, ящериц (табл. 19, 3, а и б). Ручку украшали изображениями антропоморфных духов.

Бубен и колотушка хранились в особом чехле, сделанном из бересты, богато украшенном рисунками.

Хакасы (табл. 20). Основными этническими элементами, вошедшими в состав современных хакасов, являются качинцы, койбалы и сагайцы. Другие более мелкие группы — бельтиры, кызыльцы — сходны по своей культуре с первыми тремя группами.

Основной бубен качинцев (*тюр*) был большого размера (до 75 см в продольном диаметре и 70 см в поперечном) и имел почти круглую форму. Обечайка широкая (от 12 см и более), в верхней части ее наружной стороны имелись бугорки (количество их было непостоянным — от шести и более) и ременная петля. Внутри бубна на обечайку, как и в алтайских бубнах, подвешивали по обему сторонам рукояти подвески — шаманские «мечи» (от одного до трех).

Рукоять березовая, представляла собой широкую, плоскую пластину, в центре которой вырезали овальные отверстия для руки (табл. 20, 1, а). Помимо этих отверстий, вырезали еще симметрично расположенные маленькие

отверстия по всей длине рукояти (пять-шесть пар). Пластины орнаментировали.

В верхней половине бубна прикрепляли поперечный железный стержень, к которому подвешивали колокольцы, железные трубчатые подвески, а также разноцветные тряпочные ленты.

На обечайку натягивали и пришивали кожу самца марала, оставляя широкую свободную кромку (как и на алтайских бубнах).

На наружную поверхность обтяжки красной и белой краской наносили рисунки, изображавшие «нижний и верхний миры» (рис. 10).

Рис. 10. Качинская шаманка с бубном.

Колотушку (*орба*) делали из кости. Одну ее сторону обтягивали камусами самца козули, другую украшали медными бляхами. На ручку прикрепляли кольцо с лентами (*ялама*).

У качинцев имелись также бубны с рукоятью, близкой к шорской рукояти (*марс*), но более простого устройства.

У сагайцев основной бубен (*тюр*) был очень сходен по устройству с шорскими и телеутскими бубнами. Однако встречались бубны, по устройству рукояти близкие к качинским.

Сагайские бубны отличались от качинских также характером рисунка и мелкими деталями в устройстве.

Сагайцы колотушку (*орбу*) делали из кости; она имела вид маленькой, слегка изогнутой лопатки, с одной стороны обтянутой камусами козули (самца). На ручке колотушки имелось кольцо с пучком цветных лент. Встречались колотушки, обтянутые с обеих сторон заячьей шкурой.

Бубны бельтиров (табл. 20, 2, а и б) были сходны с сагайскими.

¹ И. А. Лопатин. Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские. Зап. Общества изуч. Амурского края, т. XVII, Владивосток, 1922, стр. 262.

Алтайцы и шорцы (табл. 21—23). У северных алтайцев (кумандинцев, тубаларов, челканцев) и шорцев бубен являлся одной из обязательных и важнейших шаманских принадлежностей. Бубен назывался *тюр*, *марс-тюр*.

Характерным для шорцев, телеутов и кумандинцев¹ был бубен круглой или овальной формы, больших размеров (60—70 см в продольном диаметре). Встречался такой бубен также у тубаларов, челканцев и у алтай кижки.

Обечайку (шириной 12 см и более) делали из тальника (кумандинцы и шорцы) или из кедра (телеуты). На внешней стороне обечайки (под обтяжкой) во всю длину окружности по краям прикрепляли два черемуховых обруча,² а в верхней части обечайки устанавливали шесть столбиков, вырезанных из березовой губы (табл. 21, 3, б). На столбики (в отличие от бубнов эвенков и якутов) жильные нити не натягивали и в обечайке резонаторных прорезей не делали. Эти столбики, обтянутые кожей, имели вид бугорков, которые осознавались как «горбы» или «уши» бубна. Между бугорками на вершине бубна прикрепляли ремennую петлю («девичью косу»), служившую для подвешивания бубна.³ На внутренней стороне обечайки в верхней части на железных кольцах подвешивались шесть ножеобразных железных подвесок; их называли шаманскими «мечами», «саблями».⁴ На некоторых бубнах количество подвесок строго соответствовало числу бугорков; штифтики от бугорков в виде заостренных концов выступали во внутреннюю полость бубна между «саблями», считаясь также частью «вооружения» шамана.

Обтягивали бубен кожей самца дикого марала или оленя, а также кожей жеребца-сосунка (телеуты). Шкуры самок никогда для этой цели не употреблялись. Выделанную кожу пришивали к обечайке по краю, оставляя при этом свободной широкую кромку (6—8 см), которую собирали жильной ниткой на вздержку (табл. 22, 2, а). Такая кромка имела на всех алтайских бубнах. Внутри бубна по продольному диаметру укреплялась деревянная рукоять, изображавшая «хозяйку бубна», дочь главного божества алтайцев Ульгена, «шестиглазую пеструю марс» (шорцы) или *барс* (телеуты). Рукоять вырезали обязательно из березовой доски в виде плоской широкой пластины, выточенной в центре (для обхвата рукой). От центра к обоим концам отходило по ребру, которые были расположены перпендикулярно к пластине.

Вся рукоять ornamentировалась: на плоских частях вырезали различной формы симметрично расположенные отверстия. Количество отверстий варьировало.

В верхней части рукояти прикрепляли железный поперечный стержень (*тебир кириш*, «железную тетиву» — шорцы; *крыш*, «тетиву» — телеуты). На этот стержень подвешивали колокольцы, трубчатые подвески и ленты из материи (*ялама*). Последние у телеутов осмыслились как «плата» шаману, точнее духу бубна за «лечение». По количеству подвешенных лент можно было судить о популярности шамана.

По указанию шамана на внешнюю поверхность бубна мужчины наносили рисунки. Последние изображали вселенную с небесными светилами, небесными животными (*пура*), священными («богатыми») березами, различными светлыми, крылатыми духами, а также существами, населяющими «нижний мир». При сходстве устройства бубнов телеутов, шорцев и кумандинцев они в основном различались по характеру рисунка. Так, по рисунку можно отличить шорский бубен от телеутского, кумандинский от шорского и т. д.

Колотушка (*орбу*) представляла собой естественную развилку из трех-пяти веток таволожника или березовую развилку. Эту развилку обматывали тряпками и обтягивали шкурой зайца. К концу ручки привязывали пучок цветных лент.

У кумандинцев, тубаларов и челканцев основной бубен (*тюр* — челканцы, кумандинцы; *тюр*, *тюрюг*, *чалу* —

тубалары) был сходен по устройству с описанным выше. Он имел большей частью круглую форму, большой размер (75 см и более в продольном диаметре), широкую обечайку (12—19 см). Материалом для обечайки служил тальник или кедр. Но, кроме этих пород деревьев, разreshалось употреблять и тополь. На обтяжку бубна шла шкура самца козули, реже самца марала, рукоять вырезали обязательно из березы (сухостойной или «живой»).

Эти бубны отличались от шорских и телеутских формой рукояти.

У кумандинских, тубаларских, челканских бубнов рукоять (*тюрюг* и *ее*) на обоих концах имела по скульптурному изображению человеческой головы (табл. 22, 1). У верхнего изображения укреплялся железный поперечный стержень (*кириш* — челканцы, кумандинцы, тубалары), т. е. «тетива» с трубчатыми подвесками и колокольцами. По обоим сторонам этого изображения (на внутренней стороне обечайки) подвешивались «сабли» (*кылыч*, *кыльчи*): по две — у тубаларов, по три — у челканцев и кумандинцев.

На внешнюю поверхность бубна наносились рисунки. Вся поверхность делилась на две половины — верхнюю и нижнюю. Верхняя называлась *тенгри* или *тезим* («небо»), нижняя — *паяна*. На обеих половинах изображались небесные светила, животные, духи-помощники шамана и т. д. У кумандинцев женские и мужские бубны имели разные рисунки. На женских бубнах отсутствовало изображение *пура* (ездового животного шамана).

У челканских шаманов бубен с двухголовой рукоятью, кроме общего названия *тюр*, назывался еще *калаач*. Челканцы различали два вида бубна: *тезим калаач* и *очин калаач*. Первый из них шаман «получал» от небесного духа и считал его «высшим» бубном; второй он «получал» от духов родовых гор. Внешне эти бубны почти не различались.

Колотушка (*орба*) была деревянная, обшивали ее камусами самца козули или марала. Осознавалась колотушка как плеть, погонялка.

Бубны с двухголовой рукоятью различались по рисункам на внешней стороне. Каждая группа (челканцы, кумандинцы, тубалары) имела свой комплекс рисунков.

Основной бубен (*тюрюг* или *чалу*¹) алтай кижки и теленгитов по устройству был сходен с бубнами челканцев, кумандинцев и тубаларов, но имел рукоять с изображением головы только на верхнем конце (табл. 23, 1, а и 2, а). На нижнем конце рукояти изображались ноги «хозяйина» бубна. Брови, нос, глаза изображения покрывались медными пластинками. Эти бубны назывались *тезим чалу*.

Катунские (правобережные) алтай кижки имели бубны с двухголовой рукоятью. Назывались такие бубны *каным чалу*.² Алтайские двухголовые *каным* отличались от челканских, тубаларских и кумандинских бубнов характером рисунков.

Кроме этих основных бубнов, у некоторых шаманов алтай кижки встречались шорские бубны с рукоятью, не имевшей изображений человеческой головы; их называли *парыс чалу* или, как и шорцы, «с шестью глазами пестрый марс». Как разновидность *тезим чалу* встречался изредка бубен, называемый *абукана чалу*, с одноголовой рукоятью. Но голова имела три глаза, третий глаз помещался на лбу изображения. Этот бубен имел ограниченное распространение, «давался» шаману духом-хозяйном родовой горы Абу-Кана.

Все бубны алтай кижки и теленгитов имели круглую форму (продольный диаметр от 60 см и выше). Размер бубна зависел от «силы» и возраста шамана. Чем опытнее и старше шаман, тем больших размеров был его бубен. Обечайку делали из кедра, ширина ее была от 15 до 20 см. Рукоять вытачивали обязательно из березовой доски.

¹ По разъяснению В. В. Радлова, слово *тюрюг* заимствовано алтайцами от монголов, а *чалу* — тюркское (от глагола с основой *чал* — «ударить»). Таким образом, *чалу* по-алтайски — «рукоять бубна». Кроме общих и частных названий, бубны имели еще подставные (А. В. Анохин. Материалы по шаманству алтайцев. Сб. МАЭ, т. IV, вып. 2, Л., 1924, стр. 49).

² *Каным* приблизительно можно перевести, исходя из основы *кан* («кровь»), *каным* («моя кровь»), т. е. «кровный», «родовой бубен», передаваемый от родича шамана — предка (приводится по личному сообщению Л. П. Потапова).

¹ У кумандинцев встречался только у шаманов, имевших в своем роду шорцев.

² Такие обручи специфичны для всех алтайских бубнов.

³ Такая петля с тем же значением характерна для всех алтайских бубнов.

⁴ Подобные подвески (*кылыш*) были характерны для всех алтайских бубнов, различным было лишь их количество (две, четыре или шесть подвесок).

Обтягивали бубен кожей самца козули или марала. В начале нашего века стали употреблять для этой цели шкуру молодого жеребца.

Кожу пришивали к краю обечайки, оставляя свободной широкую кромку (*карлычаг*), которую собирали на жилую нитку.

Рисунки наносили белой и красной краской на внутреннюю и наружную поверхности бубна.

На внешней стороне обечайки в верхней части имелось шесть бугорков, осмысливавшихся как «рога» бубна. Столбики для них вытачивались из березы. Лишь на бубнах *абукана чалу* имелось на обечайке девять поперечных полос из мелких бугорков, называемых *кочкар*.

Различий между мужскими и женскими бубнами у алтай кизи не было.

Колотушку (*орбу*) делали из молодой березы, обшивали ее с одной стороны камусом самца козули или марала. Другую (слегка вогнутую) сторону обивали медью, обычно на нее прикрепляли девять малых колец (по три кольца в три ряда); вогнутая сторона называлась *алака* — «лодочка». На конце ручки прикреплялось кольцо с цветными лентами (*орба маньскы*).

У всех алтайцев бубен осознавался как ездовое животное, на котором шаман совершал свои «путешествия» в «верхний и нижний миры». Иногда бубен считался лодкой, на которой шаман «плыл» по шаманским рекам. В зависимости от значения бубна осознавалась и колотушка: то как плеть-погонялка, то как весло.

Основное же значение бубна у алтайцев заключалось в осмыслении его как символа вселенной. Это значение раскрывается в рисунках на бубнах, изображающих различные миры: «небесный», «средний» и «нижний» с населяющими их существами и т. д.

По богатству композиции рисунков бубны алтайцев представляют собой исключительное явление в Сибири, к ним примыкают отчасти кетские и селькупские бубны.

Тофалары (табл. 24). Тофаларский бубен (*тунгюр*) был круглой формы, большого размера (до 60 см в диаметре), имел широкую обечайку (до 25 см), сделанную из ливенницы. Это были самые глубокие бубны в Сибири. На наружной стороне обечайки имелся ряд довольно высоких бугорков, на внутренней — одна или две железные скобки с подвесками. Обечайку обтягивали кожей марала, прикрепляя ее к самому краю редкими стежками. Шкуру хорошо выделявали и продымливали.

Рукоять (*тута*) представляла собой деревянную пластину с прорезями, украшенную орнаментом. Рукоять пересекали (вверху и внизу) две деревянные полудуги; в верхней ее части привязывались два длинных ремня (табл. 24, 1, а). Рисунков на бубнах не делали (табл. 24, 1, б).

Колотушку (*уорба*) делали из рога лося. Одну сторону ее обтягивали камусом дикого марала или горного козла, на другой — укрепляли железную пластину с кольцами.

Бубен, по воззрениям тофаларов, представлялся маралом-самцом, ездовым животным, на котором шаман «ездил» в «верхний мир»: верхняя полудуга считалась ремнем, идущим от седла к шее животного; нижняя — ремнем, идущим от седла под хвостом; ремни на рукояти — поводьями; колотушка — плетью, которой шаман подгонял ездовое животное.

Бубен хранился в специальном чехле — *тунгюр каба*.

Тувинцы (табл. 24). Тувинцам были известны две разновидности бубнов, отличающиеся как устройством рукояти, так и материалом обтяжки. Западные группы тувинцев, проживавшие в бассейне р. Хемчик и его притоков, имели бубен (*тюрюр*), сходный с бубном южных алтайцев (ср. табл. 23, 1, а); восточные группы, населявшие современные Тоджинский, Каахемский, Эрзинский и Тескехемский районы, имели бубен (*тунгюр*), сходный несколько с качинским и селькупским и особенно с тофаларским. Форма бубна у западных и восточных тувинцев была одинаковая — круглая, размеры большие (60—80 см в диаметре), обечайка широкая (15 см и шире).

В западных районах бубен обтягивали кожей горного козла, в восточных — кожей дикого оленя, а чаще самки марала. Обечайку повсеместно делали из ливенницы. На внешней стороне обечайки имелось девять поперечных ря-

дов невысоких бугорков высотой 1.5 см (по 3—5 бугорков в ряд). На них иногда натягивали жилые нити во всю длину окружности обечайки. У западных тувинцев встречались бубны с одиночными бугорками, а иногда бугорки и вовсе отсутствовали. Вместо этого по обоим краям обечайки прикрепляли два черемуховых обруча, как и в алтайских бубнах. На внутренней стороне обечайки прикрепляли по бокам рукояти скобки или кольца с железными трубчатыми подвесками.

Кромку кожи при натягивании на обечайку собирали жилой ниткой в сборки и редкими стежками, слегка загибая внутрь, прикрепляли к обечайке. Рисунков западные тувинцы, как правило, не наносили, но наружную поверхность бубна сплошь покрывали красной краской.

Восточные тувинцы на внутреннюю поверхность некоторых бубнов наносили красной краской изображение самки марала, шкура которой шла на покрытие бубна.

Особенно отличались бубны восточных и западных тувинцев по устройству рукояти. У первых рукоять (*тудазы*) представляла собой плоскую, обязательно березовую пластину, украшенную прорезями и орнаментом и выточенную в средней части (для держания рукой) (табл. 24, 2, а). На верхнем конце рукояти иногда вырезали изображение шамана в ритуальной одежде с бубном, ниже прикрепляли скобу с длинными лентами из тряпок. Несколько выше середины в рукоять вставляли прямой поперечный стержень (*кириш* — «тетиву»). Стержень делали из таволожника. К стержню подвешивали фигурные железные скобы, на которые прикрепляли трубчатые подвески. На бубне, хранящемся в Кызылском областном музее за № 1139, любопытно сочетание *кириш* и железной скобки, напоминающее кольцо вокруг крестовины в эвенкийских и селькупских бубнах.

У западных тувинцев, как и у южных алтайцев, бубны имели деревянную рукоять с изображением головы на верхнем конце (а иногда и на обоих концах).

Колотушку (*орба*) делали из березы, рога марала или лося. Обтягивали ее с одной стороны камусами марала (если обтяжка бубна была из маральной кожи) или камусами горного козла (если обтяжка была из козлиной кожи). На другую сторону колотушки прибавляли медные кольца, иногда рисовали изображение дерева с сидящей на нем птицей с раскрытыми крыльями.

Кроме приведенных выше терминов, для обозначения бубна употреблялись еще подставные названия — *хам азт*, т. е. «шаманский конь». Это свидетельствует о том, что бубен осознавался тувинцами как конь, а в большинстве случаев как марал, олень (ездовое животное шамана). Колотушка при этом представлялась плетью.

Буряты (табл. 25). В начале XIX в. бубны еще широко употреблялись бурятскими шаманами. С. Г. Гмелин в конце XVIII в. писал, что бубен у бурят вытесняется постепенно колокольчиком и тростями.¹ Это утверждение справедливо не для всех групп бурят. Если многие из этих групп либо вовсе утратили шаманский культ, либо включили его в обряды ламаизма, то другие, например забайкальские буряты, до начала XX в. сохраняли шаманский культ со всеми его атрибутами, в том числе и бубном. Бубен и трость рассматривались бурятскими шаманами как ездовое животное (конь), доставляющее шамана в «невидимые миры».

Бытовавший у бурят бубен (*хэсэ, кэсэ* — аларские буряты; *кысен* — забайкальские буряты)² был сравнительно больших размеров (у окинских бурят до 70 см в диаметре), круглой формы, с широкой обечайкой подобно алтайским и тофаларским бубнам или с узкой (у забайкальских бурят), как у забайкальских эвенков (табл. 25). На обтяжку употребляли выделанную конскую шкуру. На обечайке имелось семь резонаторных бугорков. У окинских и аларских бурят рукоять представляла собой деревянную выточенную пластину, похожую на тофаларские рукояти; у забайкальских бурят, как и у забайкальских эвенков, рукоятью служило кольцо на ремнях (ср. табл. 14, 3, а).

¹ С. Г. Г м е л и н. Путешествие по России, ч. III. СПб., 1785, стр. 26.

² У кудинских бурят березовые деревянные трости называются *хэсэ*, т. е. так же, как и бубен (Г. Н. П о т а н и н, ук. соч., стр. 677).

Колотушка называлась *таимур* (забайкальские буряты), *тобор* (балаганские буряты). Рисунков на бурятских бубнах не было.

У зарубежных народов, живущих по соседству с народами Южной Сибири, бытовали сходные по устройству бубны.

У монголов бубен назывался *дунгюр* или *бар*¹ (кобинские монголы), *хэнгрик-хэнрикэ* (Восточный Хангай).

Форма монгольского бубна яйцевидная (почти круглая), размеры небольшие (до 40 см в диаметре), обечайка узкая (7—8 см). Внутри некоторых бубнов имелись железные скобы с подвесками (кольцами, китайскими монетами). На обечайку наклеивали кожу козули. Крестовина представляла собой кольцо, укрепленное ремнями к обечайке. В верхней части бубна на наружной стороне обечайки прикрепляли железное кольцо, к которому привязывали пучок цветных лент и трубчатые подвески. На наружную сторону обечайки наносили рисунки: линии, делившие поверхность на четыре сектора, изображения птиц и т. д.

Колотушка (*тахиур*) представлялась плетью. По видимому, бубен являлся символом ездового животного.

У восточных монголов бубен был круглый, кожу наклеивали на обечайку, рукоять прикрепляли снаружи внизу бубна. Фотография подобного бубна опубликована в работе Хансена.¹

Эти бубны по основному признаку — устройству рукояти — имели сходство с бубнами чукчей и эскимосов, что было отмечено еще Г. Н. Потаниным. Говоря о чукотских бубнах, он пишет, что и китайцы употребляют для гадания бубны с ручкой. По его мнению, бубны с внешней ручкой были и в Северной Монголии. Он указывает на монгольские менгиры, где имеются кружки с вертикальной чертой внизу.²

Небольшие (до 45 см в диаметре) бубны (*джемчик*) у маньчжуров имели узкую обечайку (шириной до 7 см); по устройству крестовины они были сходны с бурятскими и монгольскими бубнами. Крестовина в этих бубнах представляла собой кольцо, прикрепленное ремнями к обечайке.

Колотушка в виде палочки называлась *гисунь* (ср. название колотушек у эвенков и амурских народов), что значит «речь», «слово». Этим же термином обозначались удары в бубен, осознававшиеся как «речь» шамана к духам.³

II

При ознакомлении с бубнами народов Сибири можно отметить, что многие бубны в основных своих частях и в деталях имеют одинаковое устройство.

Попытки классификации бубнов уже имели место в прошлом. Г. Н. Потанин в своей работе «О крестовидных фигурах на бубнах» по форме рукоятей разделил все бубны на три группы: саяно-алтайскую, тунгусскую и самоедскую.

Помимо этой специальной классификации бубнов, многие этнографы определяли бубны народов Сибири по отдельным признакам. Так, бубны корякские определялись ими как бубны тунгусо-якутского типа, бурятские — как бубны маньчжурского типа и т. д.

Классификации, построенные на одном признаке (особенностях рукоятей), не отражали всего своеобразия бубнов народов Сибири и давали формальную схему.

Изучая бубны различных народов Сибири, мы находим общие признаки не только в устройстве рукоятей, но также в устройстве обечайки (ее ширине и оснащении), в размерах бубнов, отсутствии или наличии рисунков и т. д. Эти признаки сопутствуют один другому и исторически сложились в определенные комплексы. Так, деревянная вертикальная рукоять в виде пластины всегда наличествует в бубнах большого размера с широкой обечайкой. Такие бубны почти всегда имеют рисунок на внешней стороне (а иногда и на внутренней). Бубны с узкой обечайкой имеют рукоять в виде кольца на ремнях и, как правило, на них отсутствуют рисунки.

В процессе исторического развития конкретного народа слагался тот или иной комплекс основных признаков, характеризующих бубен, бытовавший у данного народа.

Этот комплекс признаков мы положили в основу определения типов бубнов народов Сибири.

Прежде всего все бубны народов Сибири можно разделить на две принципиально отличные группы: бубны с внешней рукоятью и бубны с внутренней рукоятью.

Бубны с внешней рукоятью (табл. I)

Комплекс признаков, позволяющих нам выделить эти бубны в особую группу, следующий: основной признак — рукоять находится вне полости бубна, т. е. прикреплена

к обечайке снаружи; сопутствующие признаки — малый размер (самые маленькие бубны в Сибири), узкая и тонкая обечайка, желобок на обечайке для привязывания обечайки (табл. I, а).

Особенности, встречающиеся в устройстве этих бубнов, относятся к мелким деталям и не меняют их основного устройства, поэтому типы внутри группы нами не выделяются.

Бубны с внешней рукоятью бытовали лишь у чукчей (оленных и приморских) и эскимосов (азиатских и американских).

Бубны с внутренней рукоятью

Внутри этой группы можно выделить следующие типы: западносибирский, южносибирский, среднесибирский и дальневосточный.

Западносибирский тип (табл. II).

Х а р а к т е р н ы е п р и з н а к и: 1) форма круглая и овальная; 2) небольшие размеры (30—40 см в диаметре); 3) обечайка узкая (8—10 см); 4) характерное оформление обечайки — выступы в количестве семи или кратном семи, иногда наличие сплошного саргового обруча; 5) рукоять в виде естественной или искусственной развилки; 6) отсутствие поперечного стержня; 7) наличие (не всегда) простого рисунка в виде кругов, отражающих следы значения бубна как вселенной.

Р а с п р о с т р а н е н и е. Бубен этого типа бытовал у обских угров — манси и хантов (кроме ваховских и васьюганских), у всех групп ненцев (кроме лесных) и у части энцев.

Различия в устройстве бубнов этого типа выражались в преобладании тех или других признаков у перечисленных выше народов. Ненцы, как правило, делали обечайку несколько шире и редко наклеивали сарговый сплошной обруч, что было характерно для хантов. На ненецких бубнах выступы на обечайке располагались во всю длину ее окружности в количестве семи (и кратном этому числу). Ханты и манси чаще для изготовления рукояти бубна использовали естественную развилку березовой ветки, ненцы же делали составную рукоять, украшая ее изображением лиц духов-помощников шамана. У ненцев

¹ Тем же термином, которым алтайцы называли деревянную рукоять бубна, не имеющую антропоморфного изображения, *марс* ~ *барс* ~ (*парис*) ~ *бар* (Г. Н. Потанин, ук. соч., стр. 681).

¹ Н. Н. Hansen. Mongol costumes. Nationalmuseets skrifter. Ethnografisk Roekke, III. København, 1950, fig. 119.

² Г. Н. Потанин, ук. соч., стр. 678.

³ Там же, стр. 682.

встречались бубны, в которых рукоять на концах имела изображение головы человека, напоминая этим алтайские бубны (ср. алтайский вариант южносибирского типа). У них же изредка встречались бубны, имеющие и другой признак южносибирского типа, шорского и алтайского вариантов, а именно: на некоторых бубнах при натягивании кожи оставляли внутри бубна широкую кромку, которую собирали в сборку. На хантыйских бубнах такой кромки не было. Все эти различия второстепенны и не дают оснований для выделения вариантов в западносибирском типе бубнов.¹

Южносибирский тип (табл. III—VI).

Характерные признаки: 1) форма круглая; 2) большие размеры (до 1 м в диаметре); 3) обечайка широкая (до 20 см); 4) отсутствие резонаторных щелей в обечайке; 5) рукоять деревянная, продольная; 6) наличие одного или нескольких поперечных (по отношению к рукояти) железных стержней; 7) наличие сложного рисунка, отражающего значение бубна как символа вселенной.

Распространение. Такие бубны бытовали у народов, населявших бассейн верхнего и среднего течения Енисея.

Не все бубны этого типа имеют полный комплекс перечисленных выше признаков. В бубнах некоторых народов отсутствует тот или иной второстепенный или имеется не характерный для типа признак. Варьируют форма рукояти, размеры бубна, форма и ширина обечайки и т. д.

Эти отклонения от полного комплекса признаков позволяют нам выделить три варианта в южносибирском типе.

Саяно-енисейский вариант (табл. III, IV). Бубны этого варианта имеют следующие признаки типа: 1) большие размеры (до 1 м в диаметре); 2) круглую или приближающуюся к круглой форму; 3) широкую обечайку (до 17 см); 4) деревянную продольную рукоять в виде плоской орнаментированной пластины; 5) один или несколько поперечных (по отношению к рукояти) железных или деревянных стержней; 6) резонаторные щели в обечайке являются исключением (имелись только на кетских бубнах) и не совпадают с полостями, образованными выступами на наружной стороне обечайки; 7) наличие рисунков, за исключением тофаларских бубнов.

Бубны этого варианта имелись у кетов, селькупов, восточных тувинцев, тофаларов, части качинцев и бурят, у сымских эвенков и ваховских хантов.

Шорский вариант (табл. V). Бубны этого варианта имеют следующие признаки типа: 1) большой размер; 2) широкую обечайку; 3) деревянную продольную рукоять; 4) отсутствие резонаторных щелей в обечайке; 5) поперечный железный стержень; 6) сложный рисунок на наружной (иногда и внутренней) стороне бубна.

Отличие этого варианта от саяно-енисейского заключается в следующем: форма бубна не всегда круглая, более характерна слегка овальная форма; рукоять скульптурно выточенная, с ребрами, расположенными перпендикулярно к пластине; резонаторные «шишки» имеются только в верхней части бубна. Кроме этого, бубны шорского варианта имеют на обтяжке свободную кромку кожи, собранную в сборки на жилую нить, а также симметрично расположенные по бокам рукояти подвески — «сабли».

Два последние признака сближают эти бубны с бубнами алтайского варианта.

Бубны шорского варианта бытовали у шорцев, частично у качинцев, сагайцев, бельтиров, телеутов, кумандинцев.

Алтайский вариант (табл. VI). Этот вариант имеет все признаки типа и особенности шорского варианта. Отличается лишь рукоять, которая оснащена одним или двумя антропоморфными изображениями на концах. Как на внутренней, так и на внешней сторонах бубнов часто имеется рисунок.

Алтайский вариант бытовал у алтай кизи, челканцев, теленгитов, частично кумандинцев и западных тувинцев.

Среднесибирский тип (табл. VII—X).

Характерные признаки: 1) форма овальная или яйцевидная; 2) средний размер (50—70 см в диаметре); 3) обечайка средней ширины (8—10 см); 4) наличие резонаторных щелей в обечайке, сообщающихся с полостями выступов на внешней стороне обечайки; 5) рукоять — железная крестовина; 6) в большинстве случаев отсутствие рисунков.

Распространение. Бытовали у народов Средней и Северной Сибири, к востоку от Енисея.

В типе различаются два варианта.

Эвенко-якутский вариант (табл. VII—IX). Бубны этого варианта имеют все признаки типа. Различия второстепенного порядка (в деталях) относятся к бубнам отдельных народов.

Этот вариант бытовал у якутов, долганов, эвенков (кроме амурских, забайкальских и сымских), частично у юкагиров.

Якутские бубны имели простую крестовину (без добавочных элементов). Для эвенкийских бубнов характерна крестовина, включенная в одно, а иногда и в два железных кольца. В юкагирских бубнах крестовина часто изготовлялась из мягкого материала — ремней, ровдуги. Эвенкийские бубны изредка имели поперечные железные стержни (один, два и более), подобные тем, какие мы видим в южносибирском типе.¹ Юкагирские бубны в отличие от других бубнов данного типа не имели резонаторных щелей в обечайке. Долганские бубны почти всегда имели рисунки на внутренней (а иногда и на внешней) стороне бубна, тогда как на якутских и эвенкийских бубнах рисунки отсутствовали.

Нганасано-энецкий вариант (табл. X). Отличен от предыдущего тем, что бубны данного варианта имеют круглую форму и меньший размер.

К этому варианту относятся бубны энцев, нганасанов. Подобные бубны встречались также у северных хантов и обдорских ненцев, но с деревянной крестовиной.

Этот вариант является смешанной формой.

Дальневосточный тип (табл. XI, XII).

Характерные признаки: 1) форма овальная; 2) средний и маленький размеры (от 30 до 60 см в диаметре); 3) обечайка узкая (2.5—5 см), но толстая; 4) отсутствие резонаторных щелей в обечайке; 5) рукоять — металлическое кольцо, прикрепленное на четырех ремнях; 6) наличие в некоторых случаях рисунка на внешней стороне бубна; 7) прикрепление обтяжки к обечайке путем наклеивания.

Распространение. Такие бубны имели нанайцы, удэгейцы, ульчи, нивхи, айны, эвены, буряты, частично юкагиры, долганы, забайкальские эвенки, орочи, ороки, негидальцы.

Этот тип распадается на два варианта.

Амурский вариант (табл. XI). Бубны этого варианта имеют все перечисленные признаки типа и являются весьма единообразными. К этому варианту относятся бубны амурских народов. Можно отметить лишь мелкие различия у отдельных народов. Так, айны, нивхи, удэгейцы иногда железное кольцо на рукояти заменяли переплетенными ремнями; на бубнах нивхов и негидальцев на внешней стороне обечайки имелось четыре конусообразных утолщения, а иногда во всю ее длину выдалбливали желобок (как это делали северо-восточные палеоазиаты), который закрывался кожей при обтяжке бубна.

Забайкальский вариант (табл. XII). Бубны этого варианта отличаются от амурского тем, что обечайка у них шире (от 10 см и более); форма иногда приближается к круглой (грушевидная); иногда встречаются рисунки (у забайкальских эвенков). К нему относятся бубны забайкальских и охотских эвенков, частично бурят, эвенов, юкагиров и коряков.

¹ Бубен печорских ненцев в классификацию не включен.

¹ Такие бубны в основном встречались у эвенков с Подкаменной Тунгуски.

Таким образом, все бубны народов Сибири можно разделить на пять типов, распространение которых в конце XIX и начале XX в. связано с определенными территориями (карта 1).

Бубны с внешней рукоятью были распространены на Крайнем Северо-Востоке и в Северной Америке.

Бубны западносибирского типа бытовали в бассейне низовьев Оби (по левым притокам) и в тундрах к западу и востоку от нее (от Белого моря и до Енисея).

Южносибирский тип бубна был известен на Саянах, Алтае, по среднему течению Енисея, в бассейне Оби (до устья Васьюгана и Ваха) и по р. Таз.

Среднесибирский тип был распространен в Средней Сибири, к востоку от Енисея.

Дальневосточный тип бытовал в Забайкалье, в бассейне Амура, а также на Охотском побережье. Бубны этого типа прослеживаются и южнее, в Маньчжурии.

III

Как мы отмечали выше, бубны в силу консервативного характера шаманских представлений сохранялись на протяжении многих поколений почти без изменений и поэтому могут рассматриваться как своего рода «археологические» памятники. Мы вправе предполагать, что распространение отдельных типов бубнов исторически

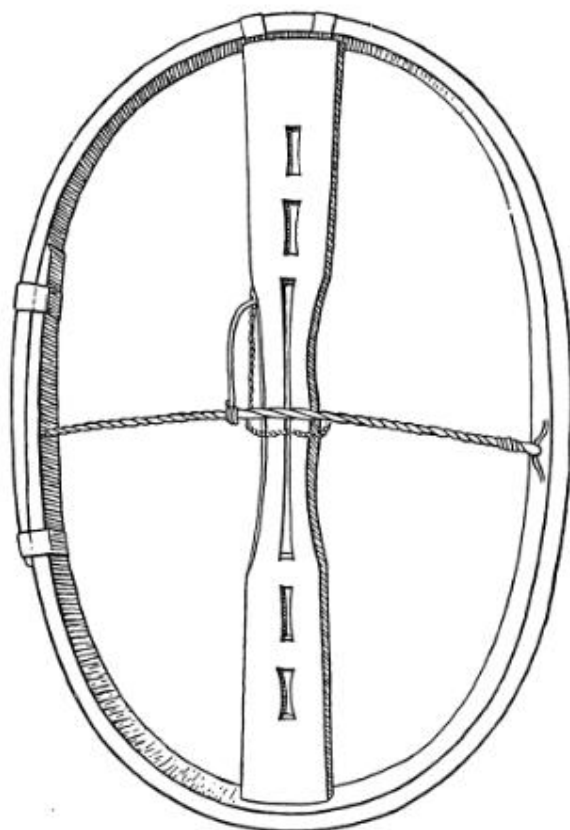

Рис. 11. Внутренняя сторона бубна. Саамы.

обусловлено и связано с определенными этническими группами.

Бубны с внешней рукоятью распространены на узкой территории Крайнего Северо-Востока, населенной чукчами и эскимосами. Лишь один признак этих бубнов — желобок на обечайке — прослеживается значительно южнее, у нивхов, нанайцев, удэгейцев и других народов Амура. Желобок на обечайке амурских бубнов не является конструктивно необходимым, как для чукотских бубнов, где кожу привязывали на обечайку. У народов Амура обтяжку на обечайку приклеивали поверх этого желобка. Здесь, по-видимому, желобок сохранялся как пережиток, свидетельствующий, возможно, о прежних связях народов Амура и Крайнего Северо-Востока.

Территория распространения среднесибирского типа самая обширная. Эвенки, основные носители этого типа, имели в своем бубне ряд чуждых ему элементов. Прежде всего железная крестовина в эвенкийских бубнах включена обычно в кольцо (табл. VIII, 2), а иногда и в два концентрических кольца (табл. VIII, 3). Это перенесение в средне-

сибирский тип элементов устройства вертикальной рукояти южносибирского типа, где держалка для руки окружена деревянным (в качинских бубнах) кольцом (табл. III, 1) или железными (в кетских бубнах) кольцами (табл. IV, 2). Наличие колец отличает эвенкийские бубны от однотипных якутских; эта деталь является хотя и слабым, но заметным следом древних связей эвенков с южносибирскими, в частности с верхнеенисейскими племенами. Об этих связях говорят и поперечно расположенные ремни, веревки и железные стержни, имеющиеся в бубнах эвенков Подкаменной Тунгуски (табл. IX, 2).

Исследованиями советских этнографов и археологов установлено, что якуты на разных этапах своего формирования сталкивались с эвенкийской культурой и восприняли различные ее элементы; по-видимому, они заимствовали от эвенков и тип бубна в целом. В то же время якуты в своих бубнах сохранили черты сходства с бубнами южносибирских тюрков — алтайцев (в том числе характерную для последних широкую свободную кромку обтяжки). Сохранили они и тюркское название бубна — *дюнжюр*.

У долганов основным был типичный эвенкийский бубен, однако в нем сохранялись особенности, не свойственные эвенкийским бубнам. Долганские бубны часто имели рисунок на внутренней поверхности. Рисунок отражал в слабо выраженной форме значение бубна как символа вселенной (деление поверхности бубна на четыре сегмента). Эти рисунки можно было бы рассматривать как результат соприкосновения с южносибирской культурой. Однако рисунки на бубнах южносибирского типа не имели характерного деления на четыре сегмента, тогда как на бубнах забайкальских эвенков, бурят и некоторых народов Амура было такое деление.

Бубен, бытовавший у энцев и нганасанов, является смешанной формой, образовавшейся в процессе контакта носителей среднесибирского типа бубна (эвенков) с носителями западносибирского типа. Бубен нганасанов и энцев, сохранив в основном западносибирскую форму, имел крестовину, характерную для эвенкийского бубна. В нганасано-энецком варианте прослеживается также влияние и южносибирского типа, которое отражено в рисунках. Эти рисунки крайне скупо (ряд концентрических кругов по краю бубна) символизируют вселенную, обнаруживая этим связь с характерными рисунками южносибирских бубнов (саяно-енисейский вариант).

Принимая во внимание значительно более южное расселение предков энцев в прошлом, можно предположить, что энцы заимствовали южносибирские элементы культуры от кетов и селькупов.¹

Территория распространения дальневосточного типа бубна разделяется на две части — амурскую и забайкальскую. На амурской территории у всех населяющих ее народов бытовал бубен единообразной формы (амурский вариант). В этом варианте комплекс признаков, характерных для типа в целом, выявлен в наибольшей степени.

¹ Об этом говорят и лингвистические материалы: в энецком языке имеются черты, общие с кетским.

Забайкальский вариант является отклонением от типа. Эти отклонения проявляются в устройстве обечайки, которая сходна с обечайками бубнов среднесибирского типа.

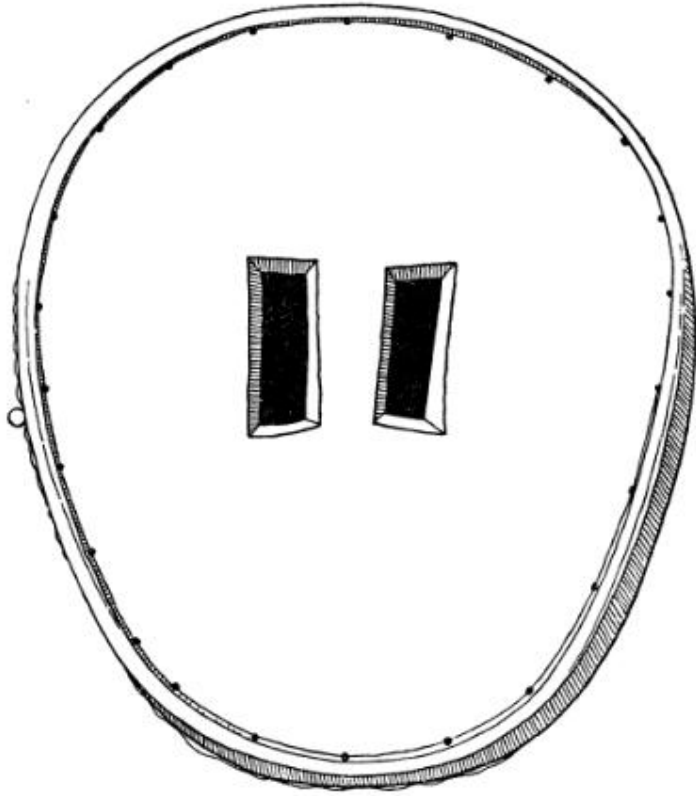

Рис. 12. Внутренняя сторона бубна. Саамы.

Нам представляется вероятным, что забайкальский вариант произошел из узкоободного бубна амурского варианта. Последний раньше, по-видимому, был распространен значительно севернее и западнее, чем в XIX—XX вв. Севернее Байкала узкоободный бубен столкнулся с эвенкийским широкоободным и получил характерные признаки забайкальского варианта. Из Северного Забайкалья этот вариант через эвенков стал известен юкагирам и корякам.

Таким образом, забайкальский вариант является смешанной формой. Обычно смешанные формы культуры возникают в районах соприкосновения различных этнических групп, где сочетаются разнообразные черты, свойственные разным этническим культурам. Обращает на себя внимание тот факт, что смешанных форм бубнов на территории Сибири сравнительно немного и распространены они не широко.

Наиболее расчленен южносибирский тип бубна, имеющий несколько вариантов. Этот тип связан с древними племенами Южной Сибири, потомками которых являются алтайцы, шорцы, качинцы, кеты, селькупы, тувинцы и тофалары, в прошлом жившие в тесном контакте друг с другом. Бубны этих народов отражают существовавшие в прошлом связи саянских племен. Кетские и селькупские бубны по своим размерам, ширине обечайки, устройству рукояти, отсутствию свободной кромки кожи сходны с бубнами тувинцев и тофаларов. В то же время наличие сложного рисунка, представление о бубне как о символе вселенной сближают селькупские бубны с алтайскими и хакасскими. Однако рисунки на кетских бубнах принципиально отличны от рисунков на алтайских и хакасских бубнах: в них нет деления на два мира. В свою очередь тувинские и тофаларские бубны имеют много общего с алтайскими и хакасскими: сарговые обручи на обечайке, подвески (*кымыш*) и т. д.

Общие черты кетских, селькупских и хакасских (качинских) бубнов прослеживаются и в наличии кольца у рукояти. Обычно кольцо на качинских бубнах деревянное, тогда

как на кетских и селькупских оно железное. Эти бубны сходны также с одним из типов саамских бубнов (рис. 11—13).

Алтайский вариант южносибирского типа бубна, имеющий рукоять с антропоморфным скульптурным изображением головы (или двумя головами), — явление позднее. На бубнах других вариантов этого типа мы также видим изображение лица и головы духа бубна, но в виде рисунка (селькупские, кетские бубны).

Бубны южносибирского типа у разных народов имели различные названия. Саяно-алтайским народам известен тюркский термин *дюнгор~тюнгюр~тюр*. В крайней своей форме *тюр* он полностью созвучен с *тюр* в значении «посох», «священное дерево», «священные столбы» и т. д. Кеты и селькупы имели также различные термины для бубна (кеты — *хас, кась*; селькупы — *нунга*).

Любопытно, что кеты отличали свой бубен от селькупского, называя последний «самоедским». Они имели при этом в виду некоторое отличие в форме этих бубнов: у кетов — бубен круглый, у селькупов — слегка овальный. У ненцев бубен был тоже круглый, но совсем иного устройства. Кеты, по-видимому, имели в виду не современный самоедский (ненецкий) бубен, а иной, бытовавший у саяно-самодийских племен, с которыми долгое время соприкасались их предки на Алтае и Саянах (овальные формы бубна имелись у северных алтайцев, шорцев и хакасов) и к которому по традиции применялось название «самоедский».

У ненцев и обских угров, обладателей западносибирского типа бубна, распространен ненецкий термин для бубна — *пензер, пендер*. Лишь у южных манси и хантов имеется свой термин — *коем, койи*, что в буквальном переводе обозначает «орудие пения».¹ Следовательно, можно предположить, что обские угры бубен заимствовали от северных самодийских племен. Так как обские угры населяли таежную полосу, то рукоять получила

Рис. 13. Наружная сторона бубна. Саамы.

у них форму естественной развилки дерева, в то время как у ненцев рукоять сложная.

¹ *Кой* — «песня», *и* — суффикс орудия действия; ср. селькупское *койми* — «песня».

Ненецкие бубны не имеют вполне устойчивых особенностей; их рукояти различались. Чем ближе к Енисею, тем смешанность форм проявляется сильнее.

Бубен у народов Сибири имеет сложное устройство и различное осмысление.

Наиболее сложным по конструкции является бубен среднесибирского типа, так как он имеет сложно устроенные резонаторные полости и составную крестовину. Менее сложен бубен амурских народов (по простоте устройства обечайки и крестовины).

Большой интерес для изучения религиозных представлений имеет вопрос о связи семантики бубна с рисунками, наносимыми на внешнюю или внутреннюю его поверхность. В сложной семантике бубна — вселенная, олень, конь, лодка, плот, лук (энцы, пенцы и другие народы), броня, щит (якуты) — отражено развитие шаманских представлений. Здесь выявляется последовательное наложение одного представления на другое. Это подтверждают такие факты: наличие у одного и того же народа нескольких значений бубна, отсутствие у ряда народов осмысления бубна как символа вселенной, повсеместное распространение понятия о бубне как о символе оленя, ездового животного.

Можно проследить, что значение бубна как символа вселенной относится только к тем бубнам, которые имеют особый рисунок. На алтайских бубнах рисунок разделен на две части — верхнюю и нижнюю; на эвенкийских (у забайкальских эвенков и долганов) — на четыре части. В них ярко отражено представление о «ярусах» неба и «подземном мире». В кетских и самодийских бубнах рисунок не разделен на части. Он дает плоскостное представление о вселенной.

Бубны без сложного рисунка имеют более простое значение — бубен-олень, бубен-конь, бубен-лодка и т. д., — связанное с представлением о них как о средствах «перемещения» шамана в разных «мирах».

Бубны с рисунками распространены у сравнительно широкого круга народов. Их условно можно подразделить на три типа: бубны со сложным рисунком, символизирующим вселенную; бубны с менее сложным рисунком того же значения; бубны, на которых нанесены отдельные элементы сложного рисунка, символизирующего вселенную, и отдельные фигуры (зоо- и антропоморфные). Сложность композиции рисунка идет по убывающей линии с юга (с Саяно-Алтайского нагорья) на север (до среднего течения Енисея), сохраняясь в виде отдельных элементов на Крайнем Севере у энцев.

Обращаясь к карте терминов бубна (карта 2), мы видим, что распространение основных названий бубнов не соответствует распространению типов бубна. Наиболее широко употребляемыми являются термины: эвенкийский — *унгтуун* (во всех вариантах); тюркский — *дюнгор* ~ *тююр* (у алтайских народов, якутов и долганов); самодийский — *пензер* ~ *пендер* (у самодийских народов и обских угров). Кетский термин *хас*, *хэс* очень близок к бурятскому *хэсэ*, *кэцэ* (*кысен*), а также к нивхскому и айнскому *кацэ*. Если сходство кетского и бурятского терминов может быть объяснено историческими связями предков этих народов, то о связях кетов и нивхов нам ничего неизвестно.

Интересен факт совпадения типа бубна и терминологии у алтайских народов и саамов.¹ Саамский бубен по основным признакам относится к саяно-енисейскому варианту южносибирского типа, а по форме близок к шорскому варианту (рис. 11). Название шаманского молотка у саамов — *арпа* — совпадает с алтайским термином колотушки — *орба*. Саамский термин для бубна —

¹ Саамский бубен не введен нами в классификацию.

каннус, *кобдас* — близок к названию алтайского музыкального инструмента — *комус*, *кобыс*.¹ Кроме того, древняя форма саамского бубна, представлявшего собой выдолбленный корытообразно кусок ствола дерева, чрезвычайно напоминает качинские бубны, имеющие очень широкую рукоять.

Большинство названий бубнов не поддаются расшифровке, лишь некоторые локальные термины можно перевести. Так, например, у обских хантов существует для бубна термин *тынез*, по-видимому, производный от ненецкого слова *тынзэ*, «аркан для ловли оленей». У селькупов наряду с названием бубна *нунга* ~ *нуа* имеется другое — *пынгыр* ~ *пынгырэ*, «жужжалка». Это свидетельствует о перенесении названия музыкального инструмента — варгана (жужжалки) — на бубен.

На карте 2 наглядно видно, что на территории распространения бубна среднесибирского типа, в Центральной Сибири, широко бытовал для бубна тюркский термин, отеснив на запад и восток эвенкийскую терминологию. В то же время на западе Сибири самодийское влияние распространяется далеко на юг (по Оби), охватывая хантов и мало затрагивая манси. Таким образом, карта распространения терминов бубна дает дополнительные данные о древних связях народов Сибири.

Шаманские колотушки у всех народов Сибири однотипны. Обычно это деревянная лопатообразная планка с ручкой. Варьирует незначительно лишь форма, ширина, длина ручки и орнаментальные украшения. Из всех колотушек выделяются колотушки энцев, чукчей, айнов и шорцев. Двухлопастная колотушка энцев, по-видимому, связана с представлением о бубне как о плоте и лодке. Эта колотушка символизировала весло, а так как у энцев весло обычно было двухлопастное, то и колотушка получила соответствующее оформление. Шорская колотушка имеет в основе естественную развилку ветки дерева. Сверху она обшивалась материей и заячьей шкурой.² Возможно, что эта форма колотушки генетически связана с камланием без бубна; последний заменяла березовая ветка. Такой способ камлания имел место еще в начале XX в. у алтайцев, бурят и якутов.

Карта 3 дает представление о распространении названий колотушек. Термин *гисавун* ~ *гису* (во всех его вариантах) занимает наиболее обширную территорию, которая почти совпадает с территорией расселения народов тунгусо-маньчжурской языковой группы, включая и Маньчжурию. Термин *булайял* известен на территории обитания якутов и долганов. Термин *орба* ~ *арпа* употребляется народами Саяно-Алтайского нагорья, а также саамами. Обские угры (ханты и манси) имеют три термина для колотушки: манси — *моит*, северные ханты — *нялы* и южные — *палантив*. Интересно, что ханты и манси, этнически близкие друг другу, называют колотушки различными терминами (также как и бубны). Ваховские ханты, селькупы, кеты и симские эвенки, имея однотипную колотушку (как и бубен), также называют ее разными терминами.

Названия колотушек большей частью расшифровываются как атрибут при бубне: «плеть-погонялка», «нога животного», «язык» («речь») бубна. Лишь селькупское слово *капшит* переводится как «орудие камлания». Оно, по-видимому, отражает следы самостоятельного значения колотушки, которое она имела в прошлом в шаманстве всех народов Сибири. Известно, что некоторые народы камлали только с одной колотушкой.

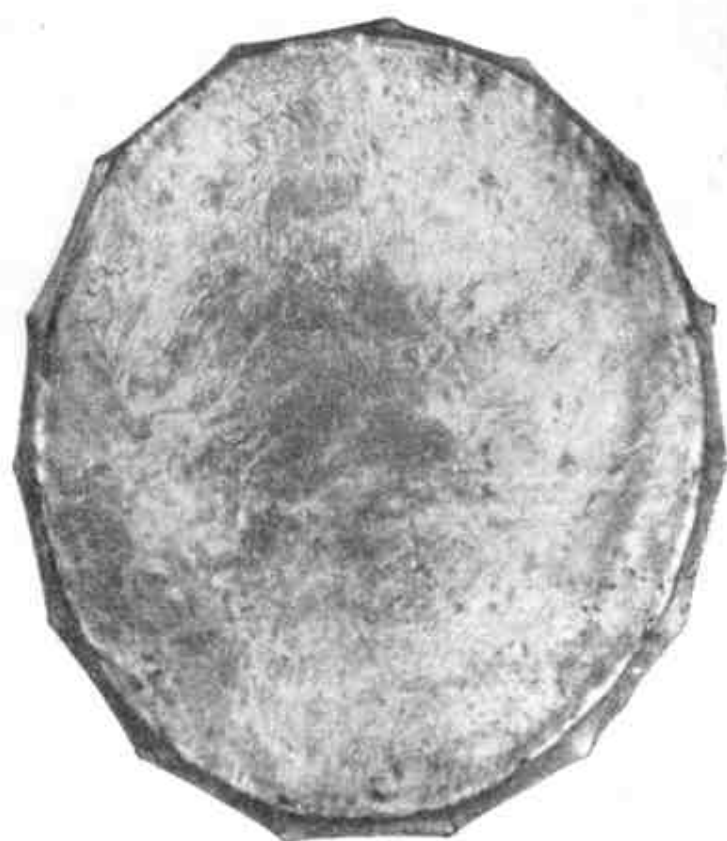
¹ Ср. киргизское *кобыс* — «бубен» (музыкальный инструмент). Любопытно также отметить близость названий шамана у саамов (*найда*) и у манси (*найт*).

² Напомним, что энцы на колотушке рисовали изображение ветки дерева с мелкими веточками.

НЕНЦЫ

а

б

1

а

б

2

ТАБЛИЦА 1

НЕНЦЫ

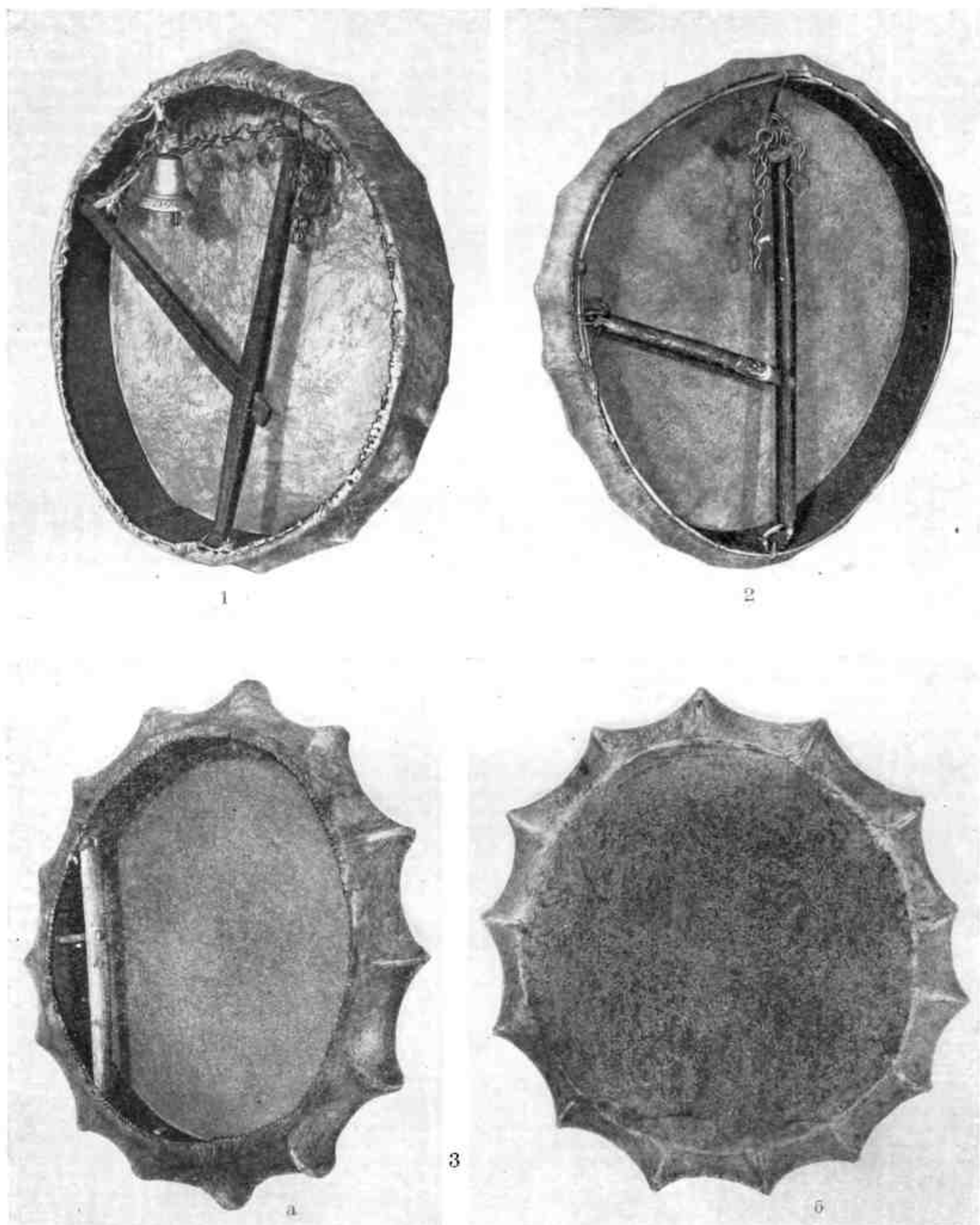

ТАБЛИЦА 2

ХАНТЫ

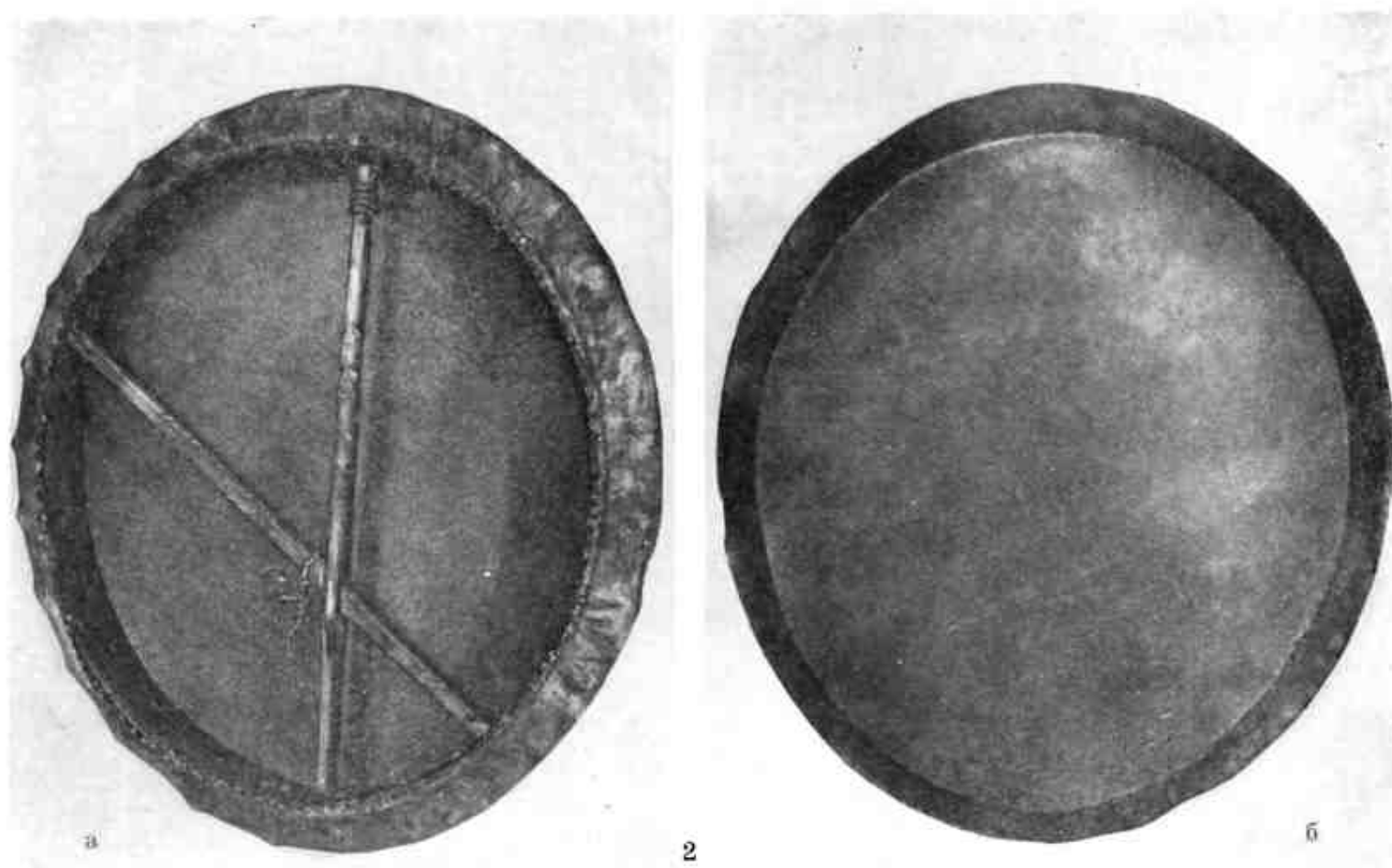
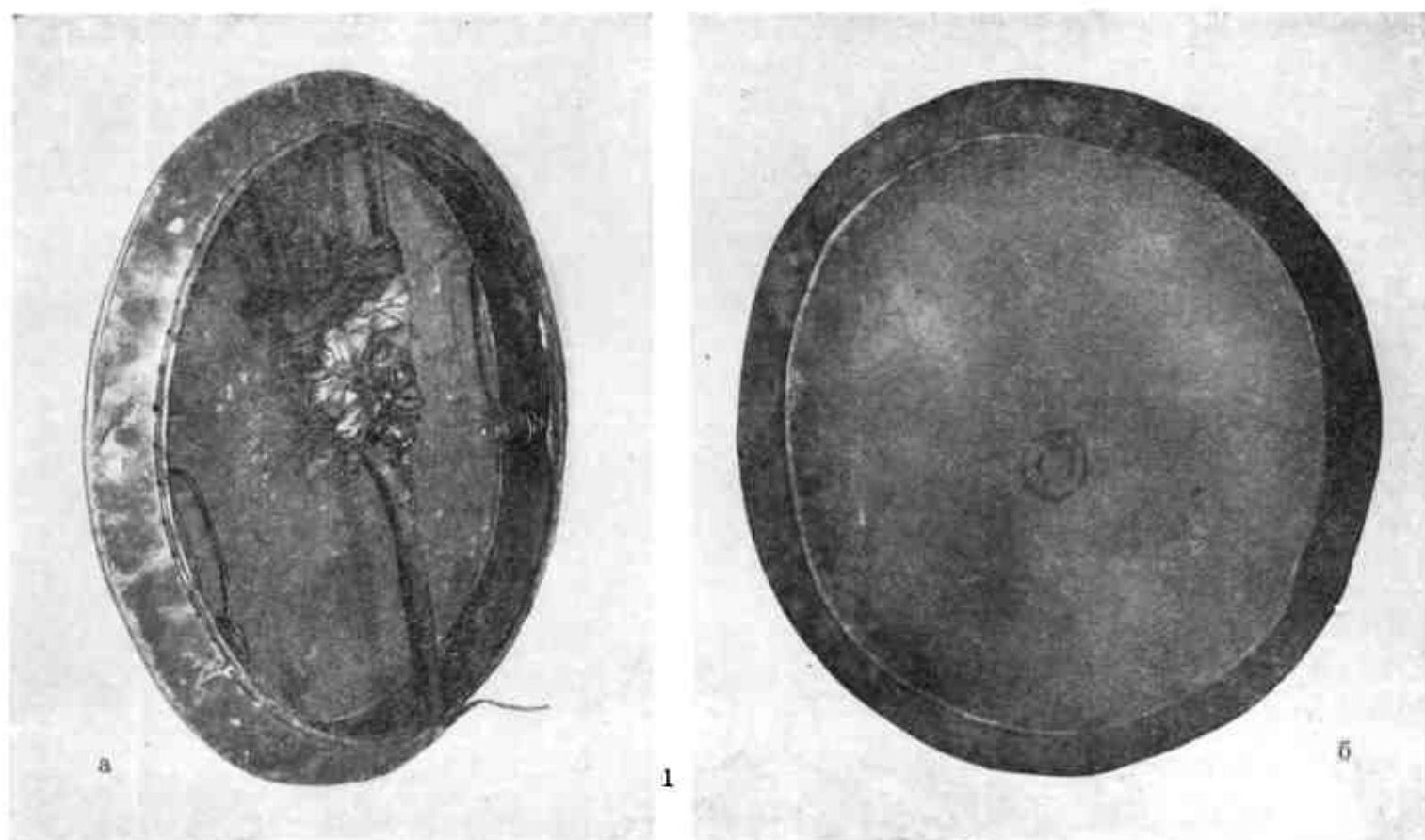

ТАБЛИЦА 3

ХАНТЫ

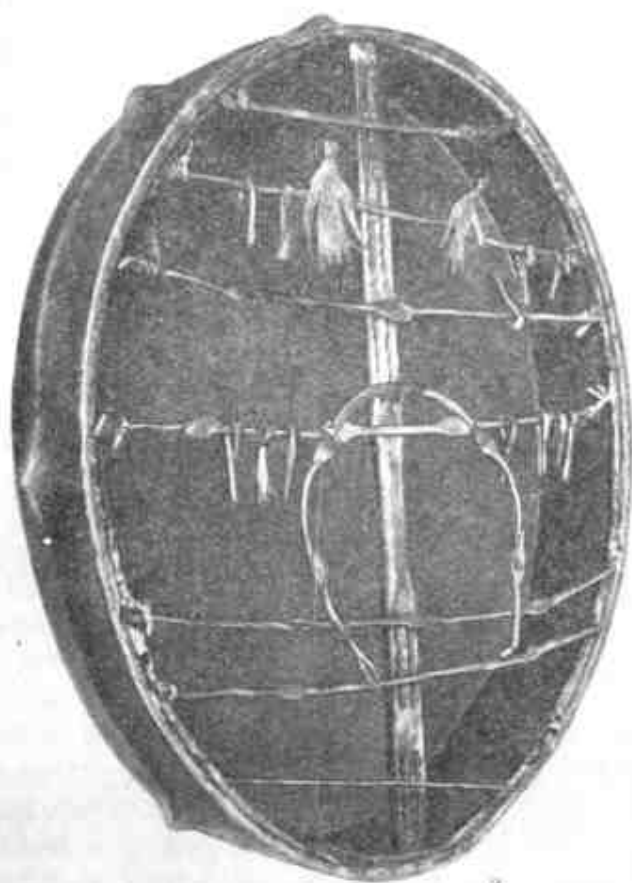

1

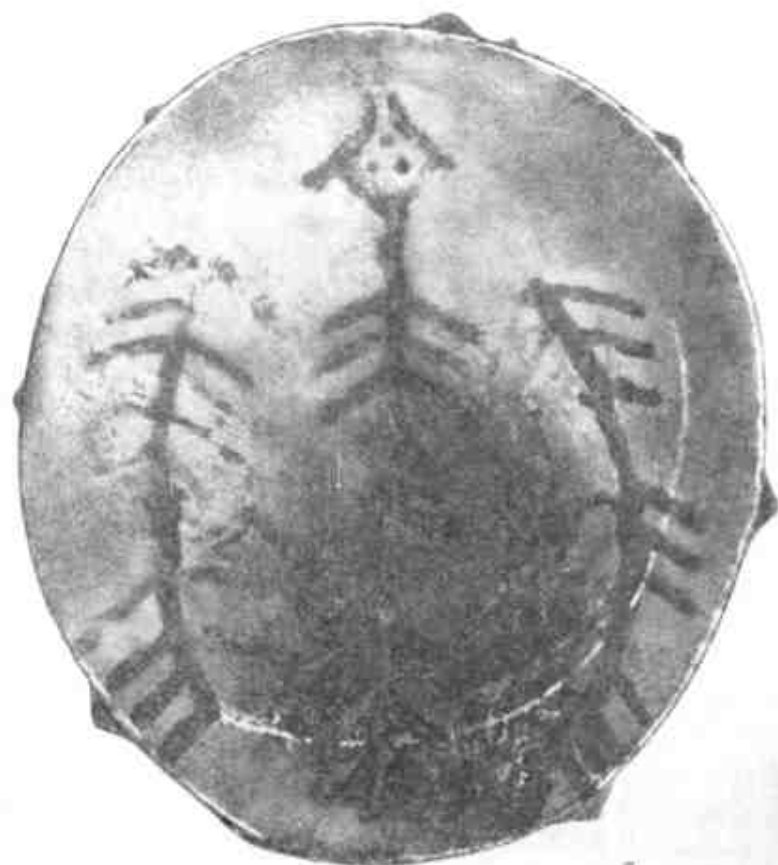

б

СЕЛЬКУПЫ

2

б

ТАБЛИЦА 4

КЕТЫ

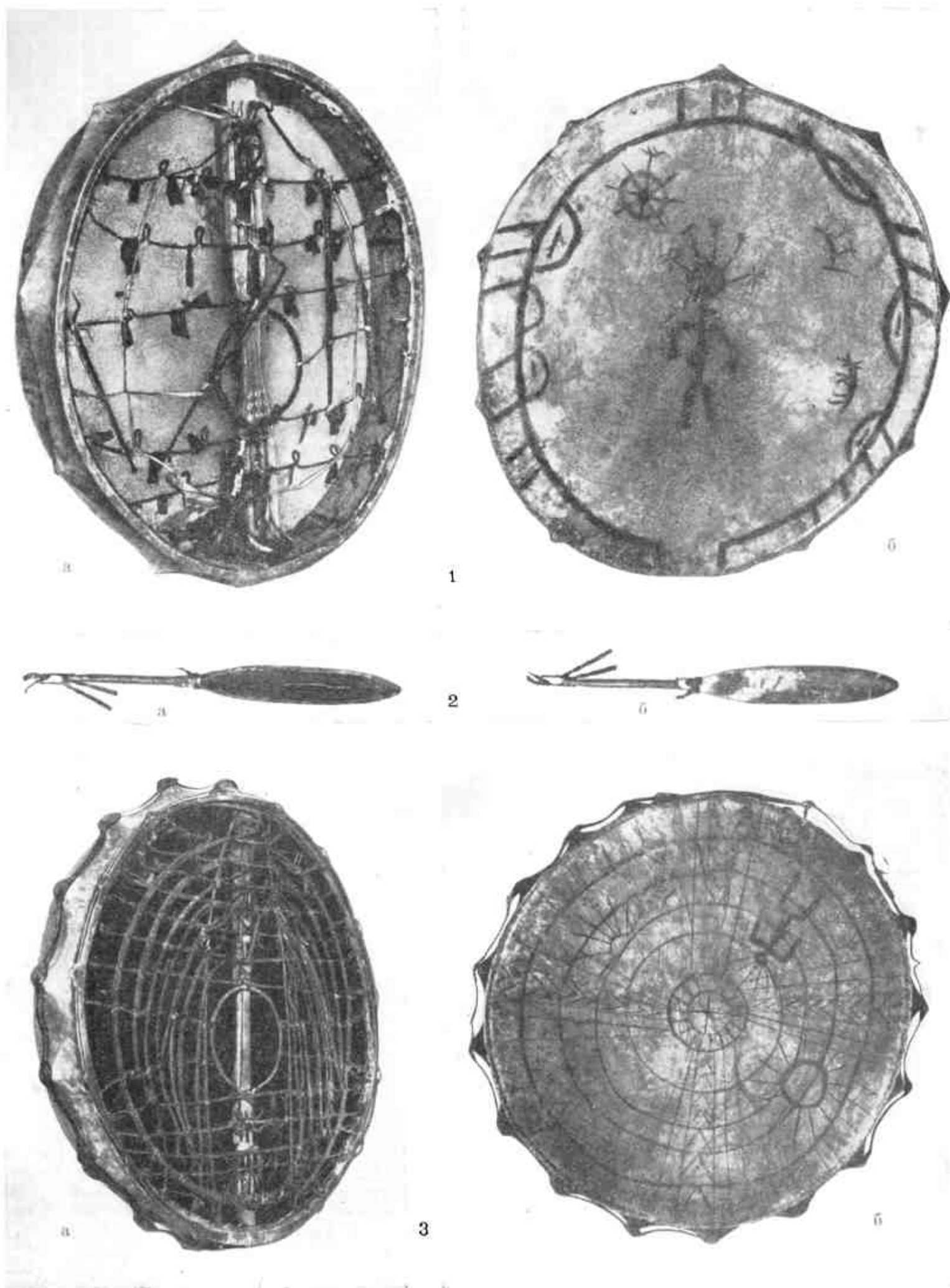
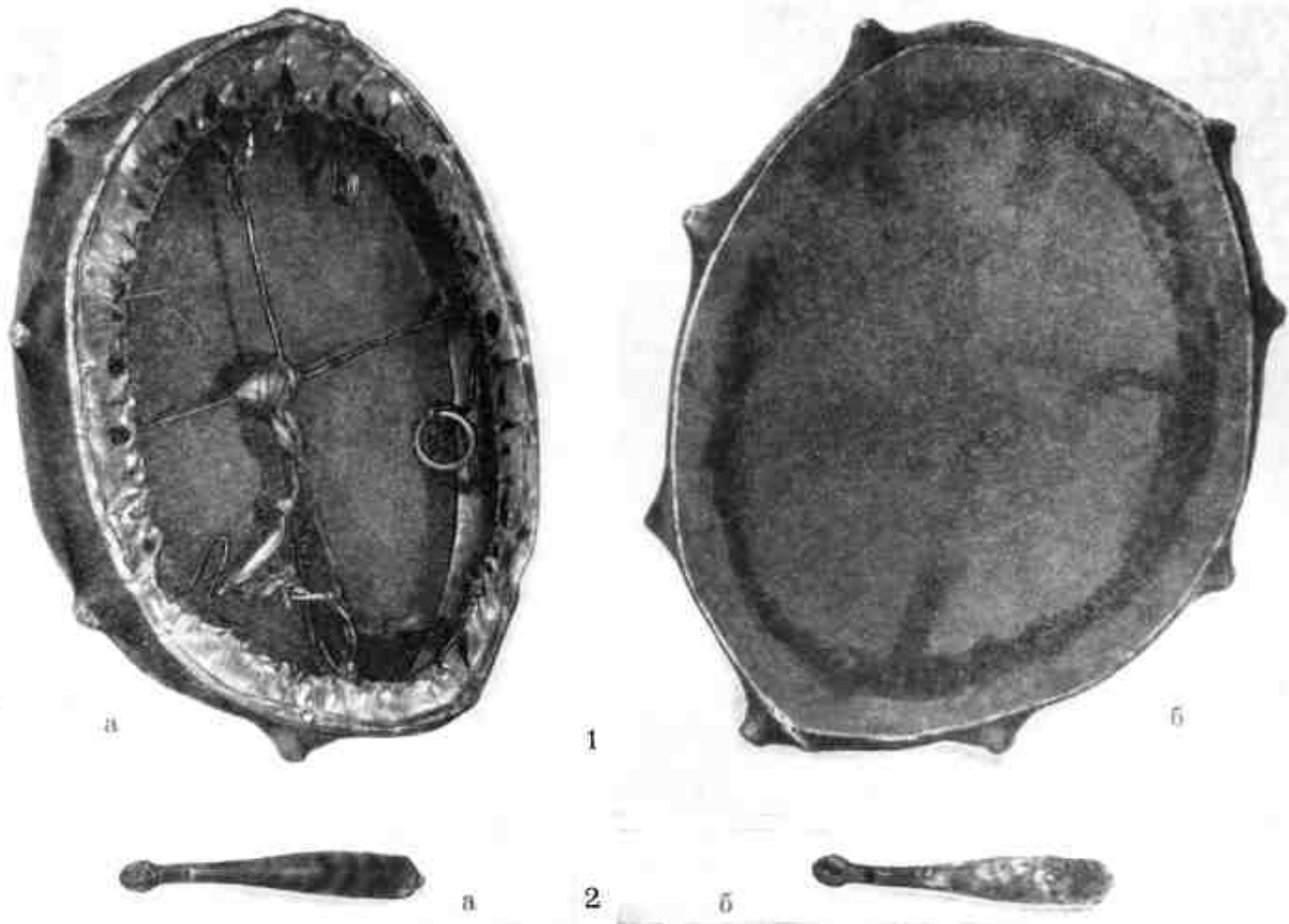

ТАБЛИЦА 5

ЭНЦЫ

ЊГАНАСАНЫ

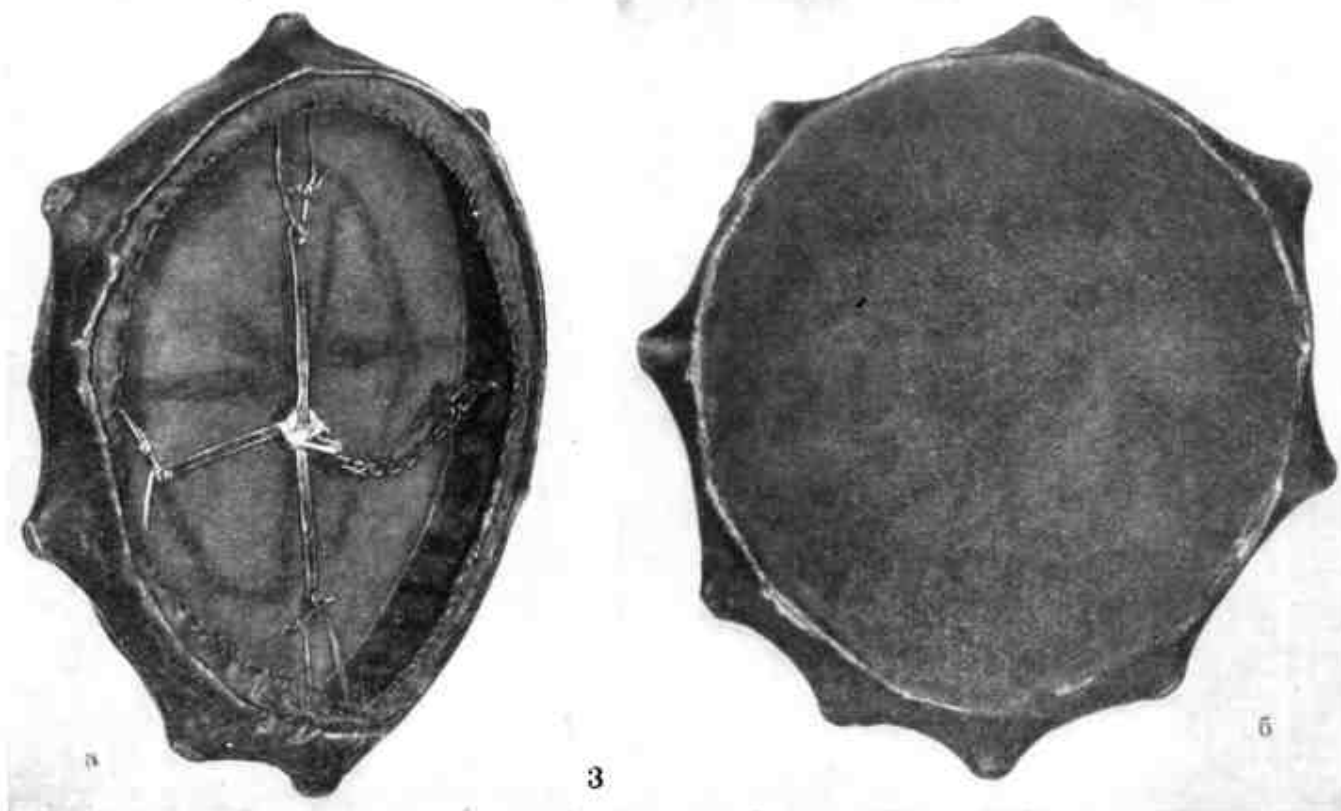

ТАБЛИЦА 6

ЛКУТЫ

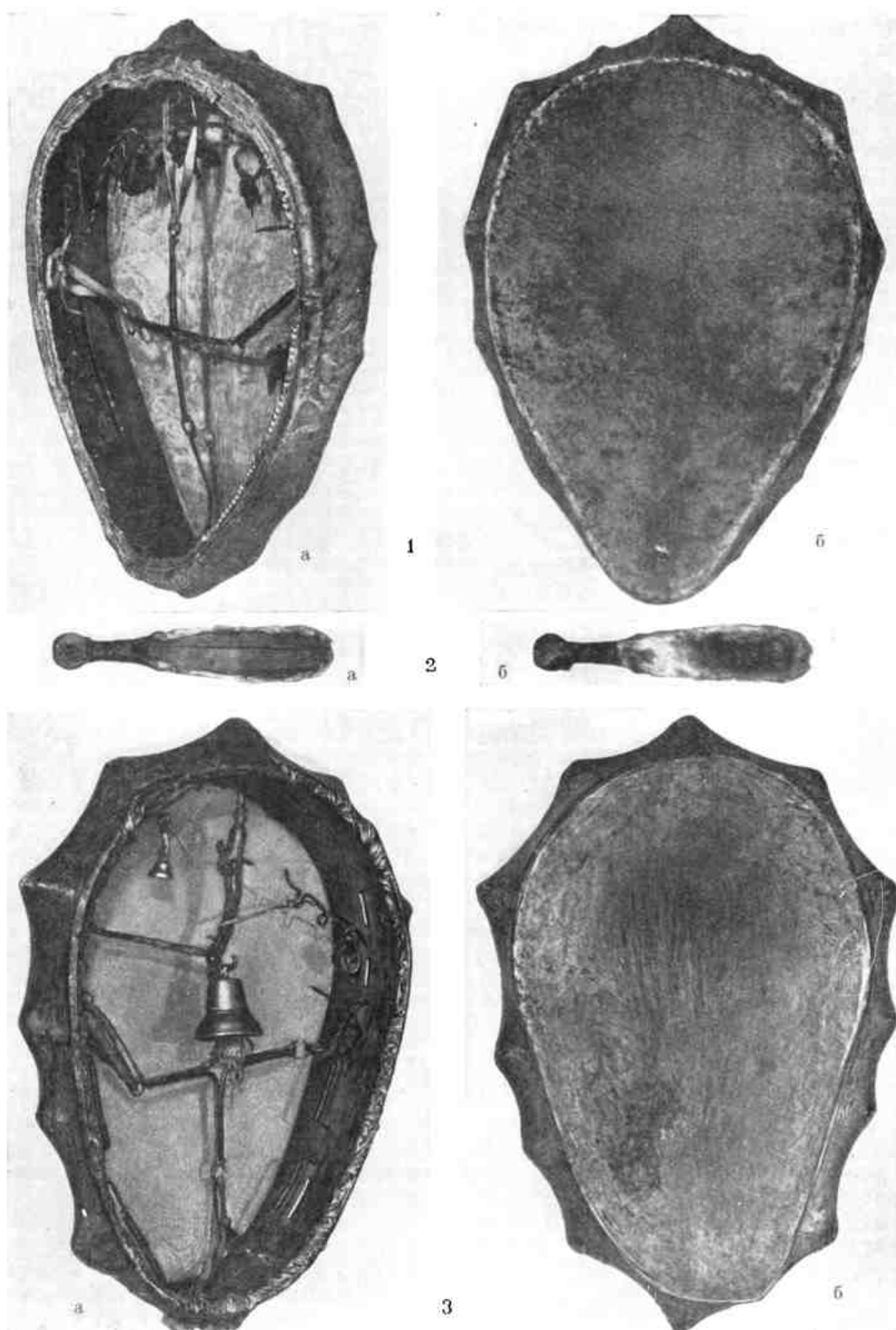
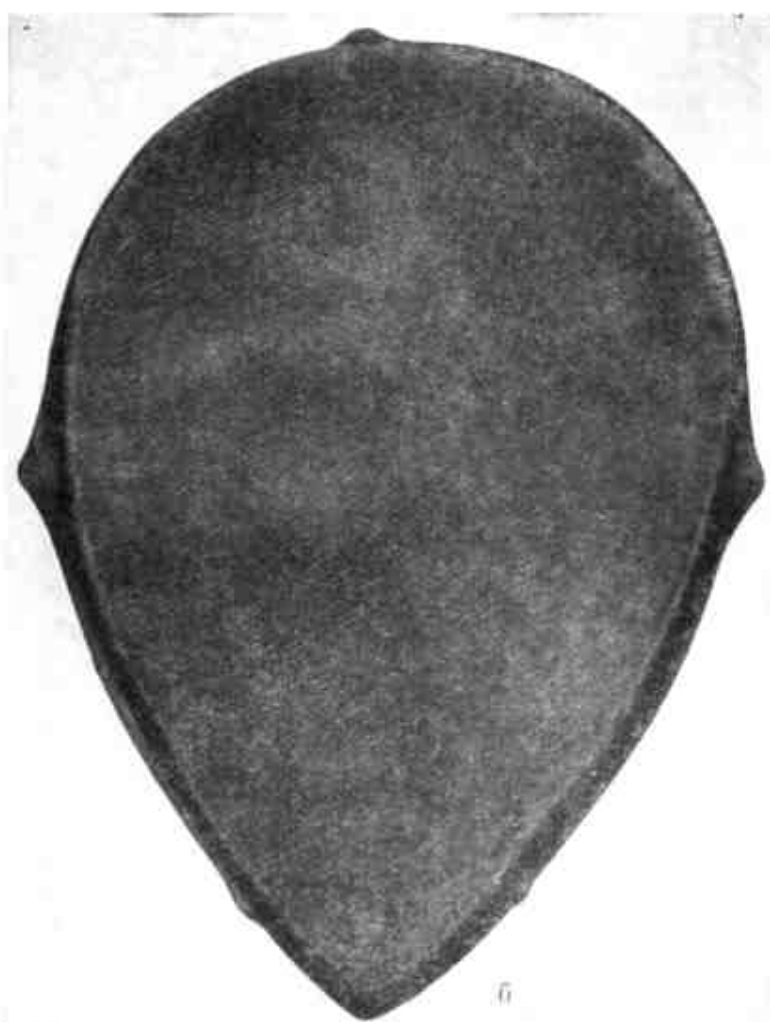

ТАБЛИЦА 7

ЯКУТЫ

1

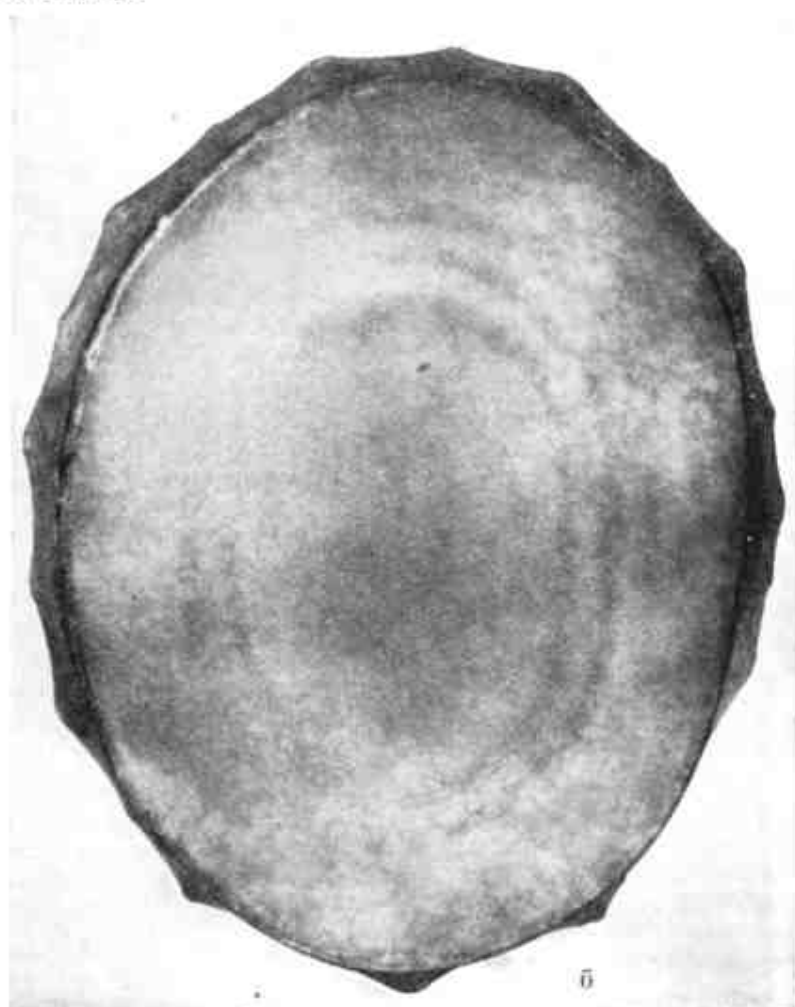

б

ДОЛГАНЫ

2

б

ТАБЛИЦА 8

ДОЛГАНЫ

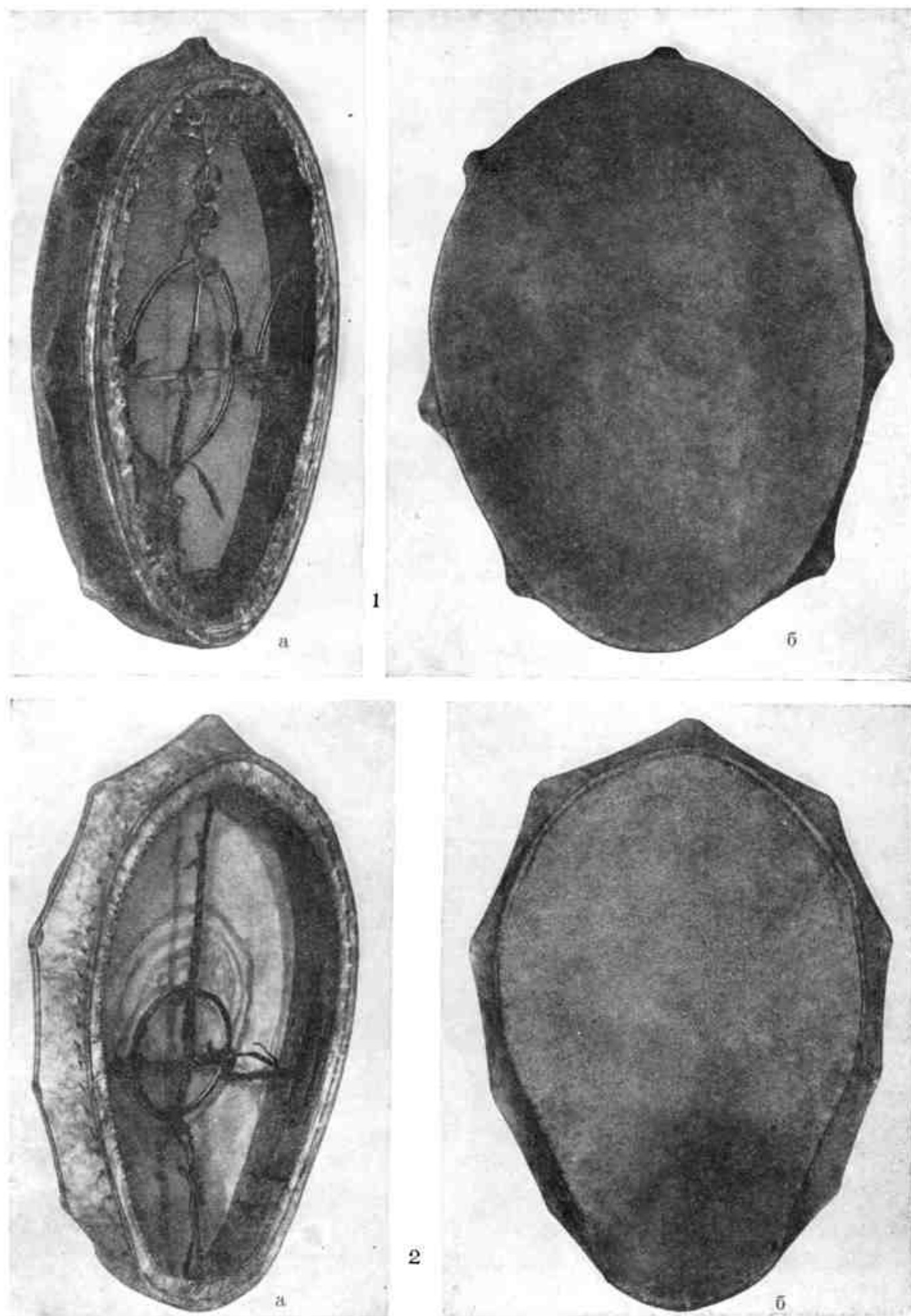

ТАБЛИЦА 9

ДОЛГАНЫ

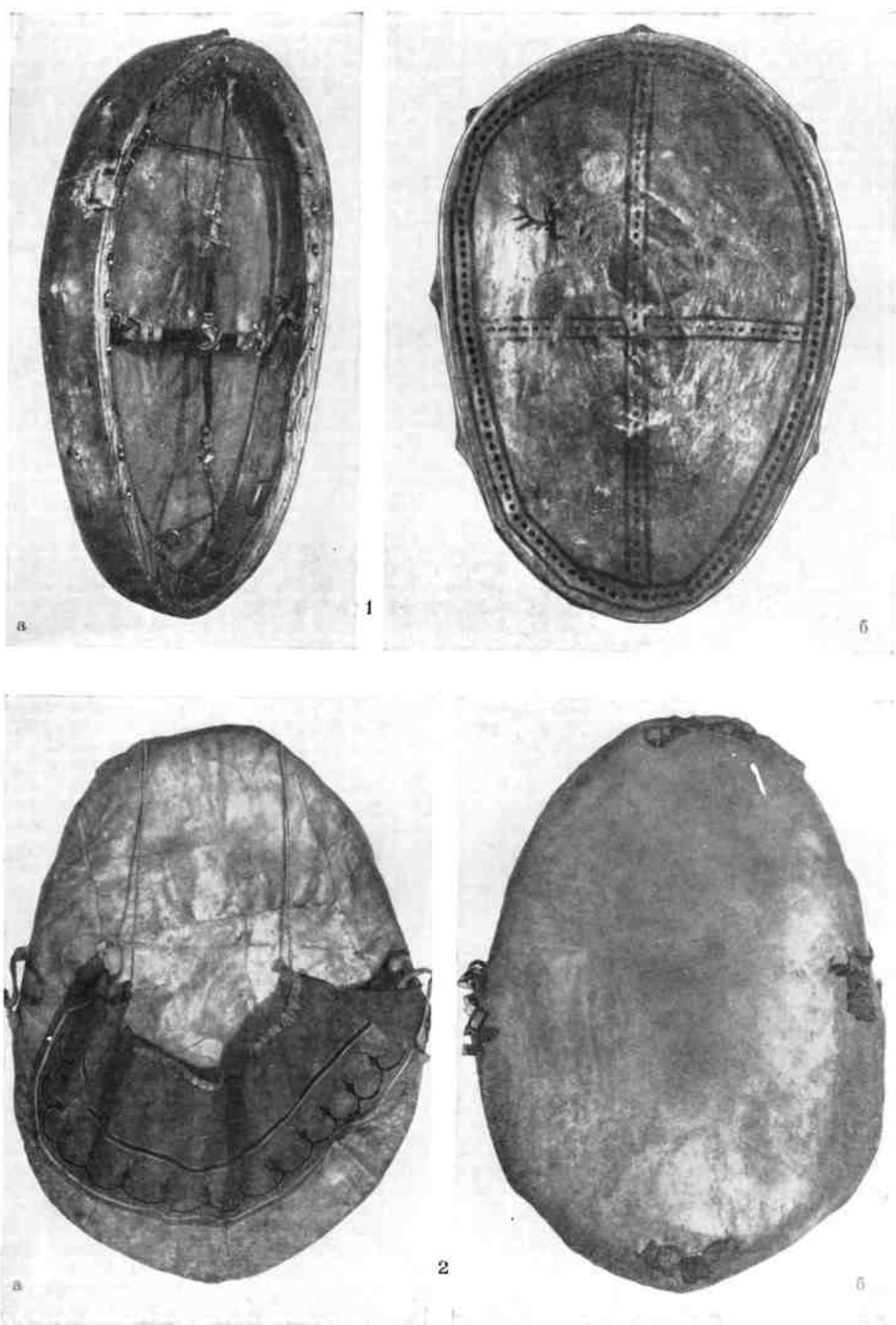

ТАБЛИЦА 10

ЭВЕНКИ

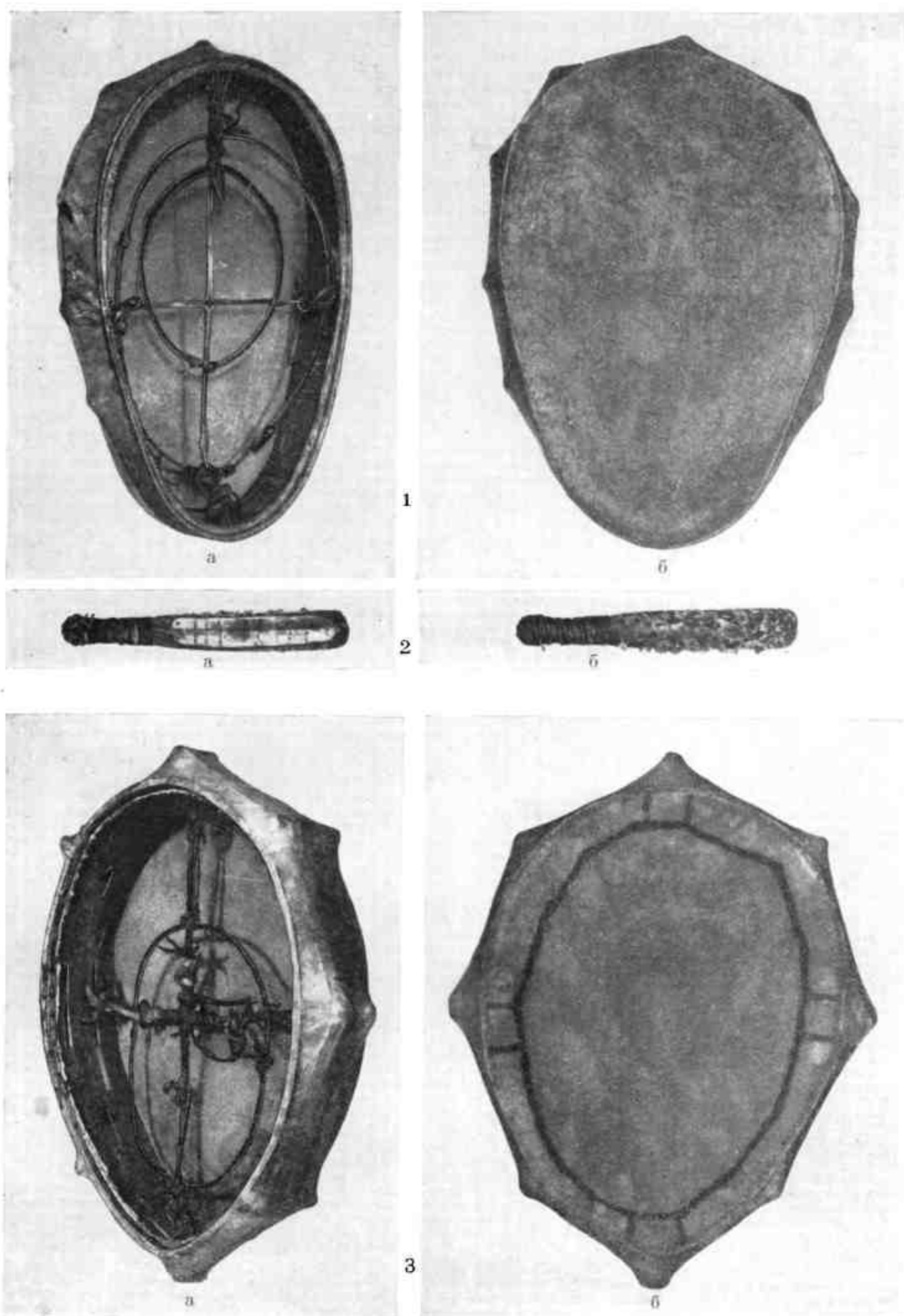

ТАБЛИЦА 11

ЭВЕНКИ

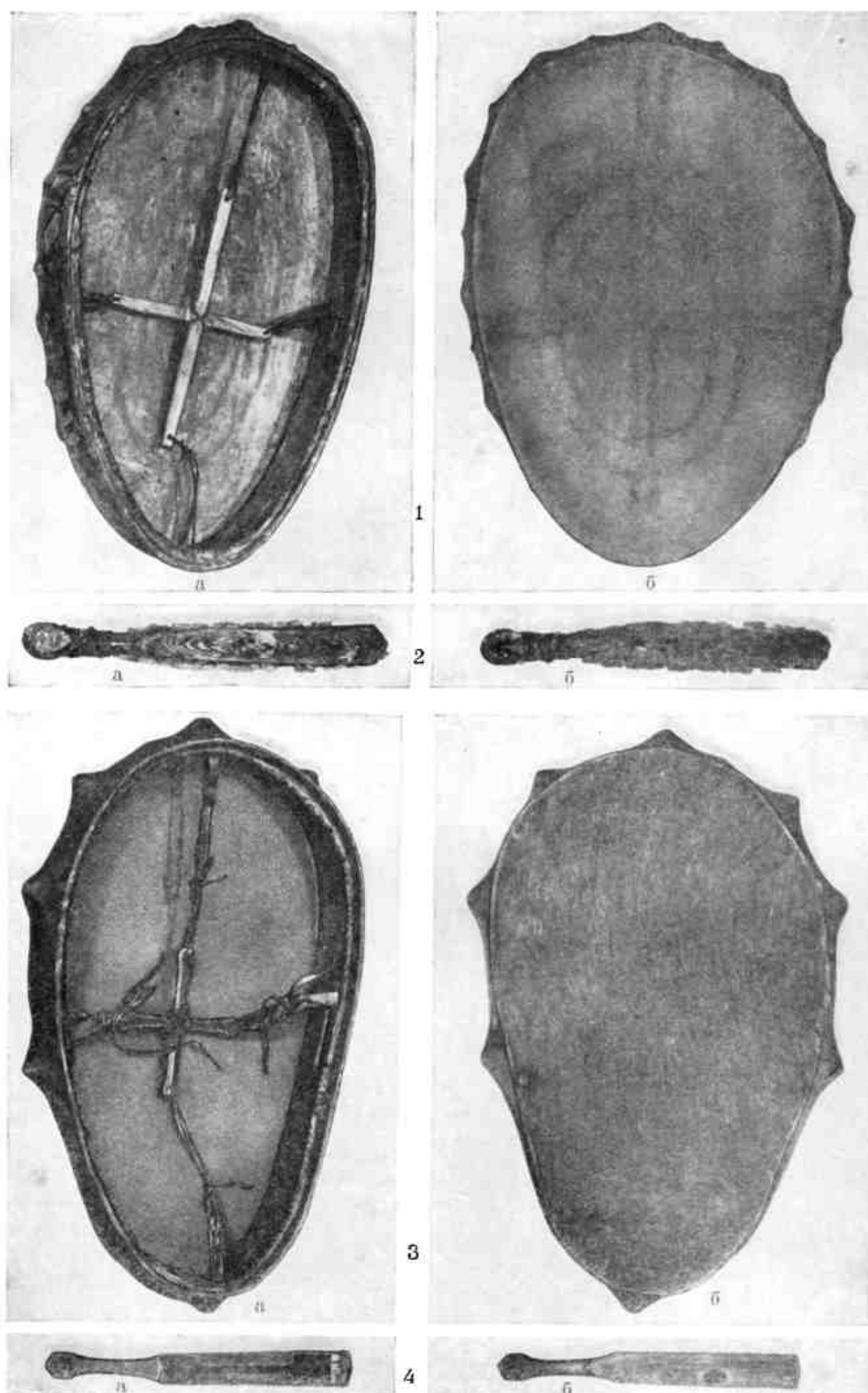

ТАБЛИЦА 12

ЭВЕНКИ

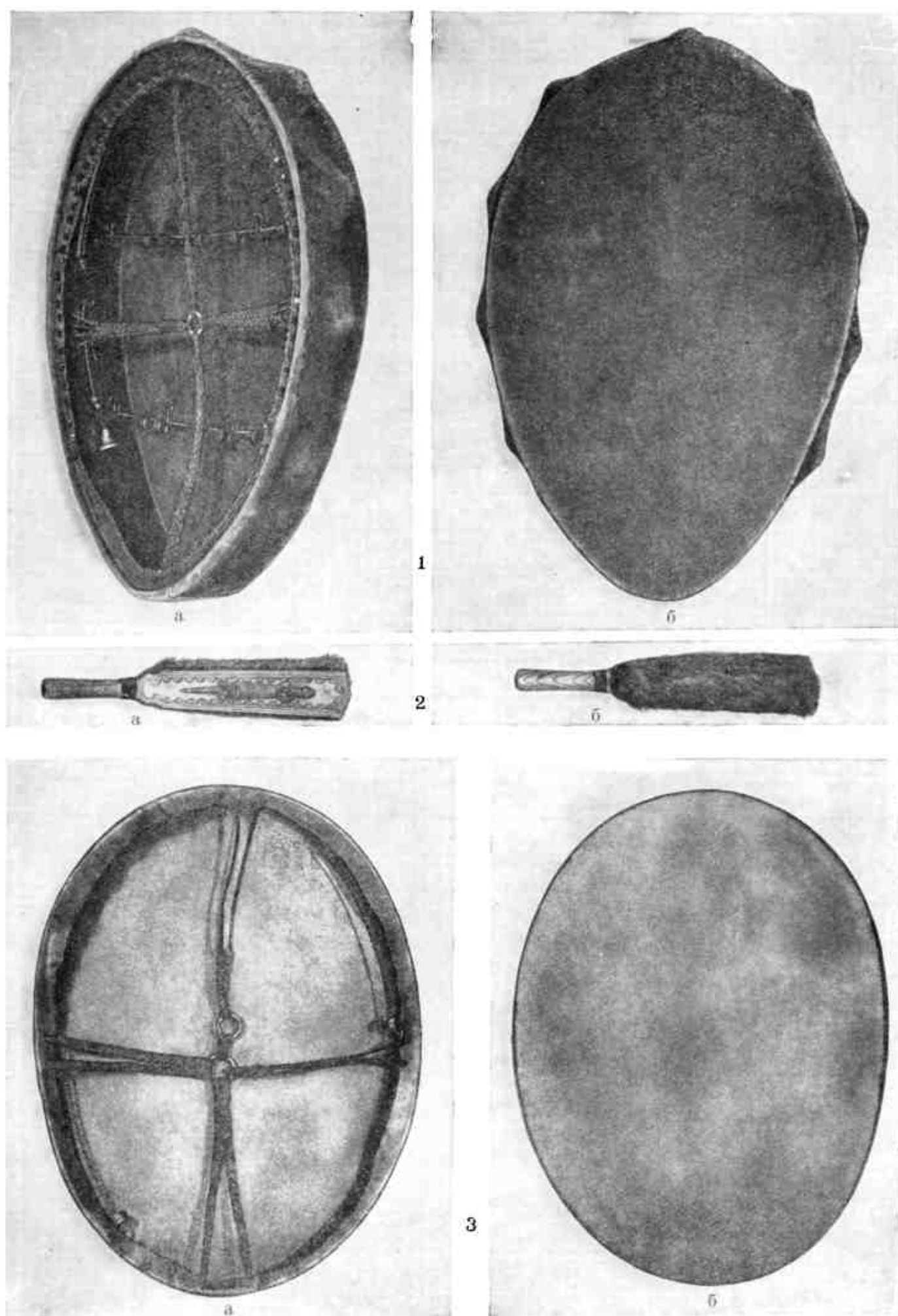

ТАБЛИЦА 13

ЭВЕНКИ

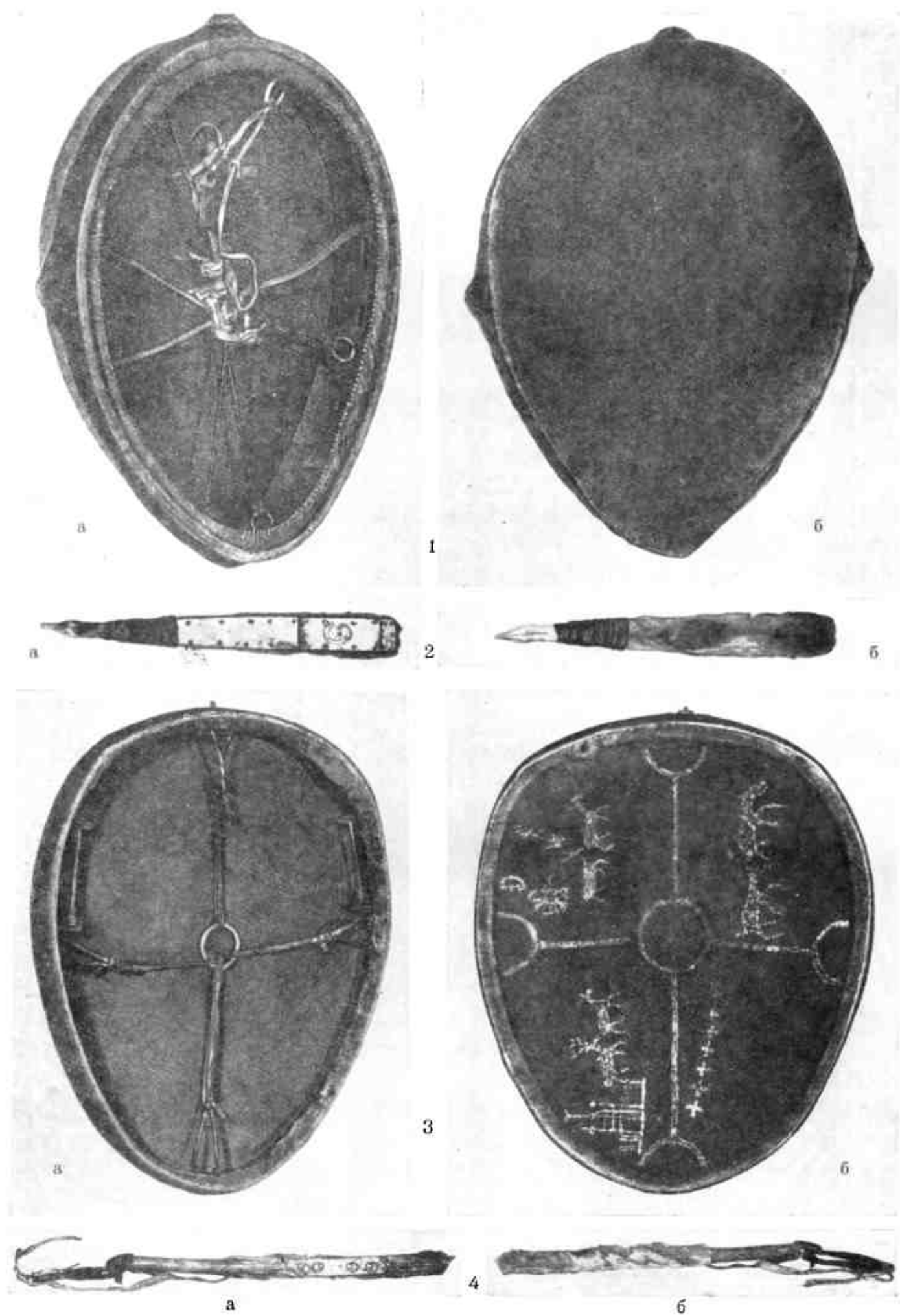

ТАБЛИЦА 14

ЭВЕНКИ

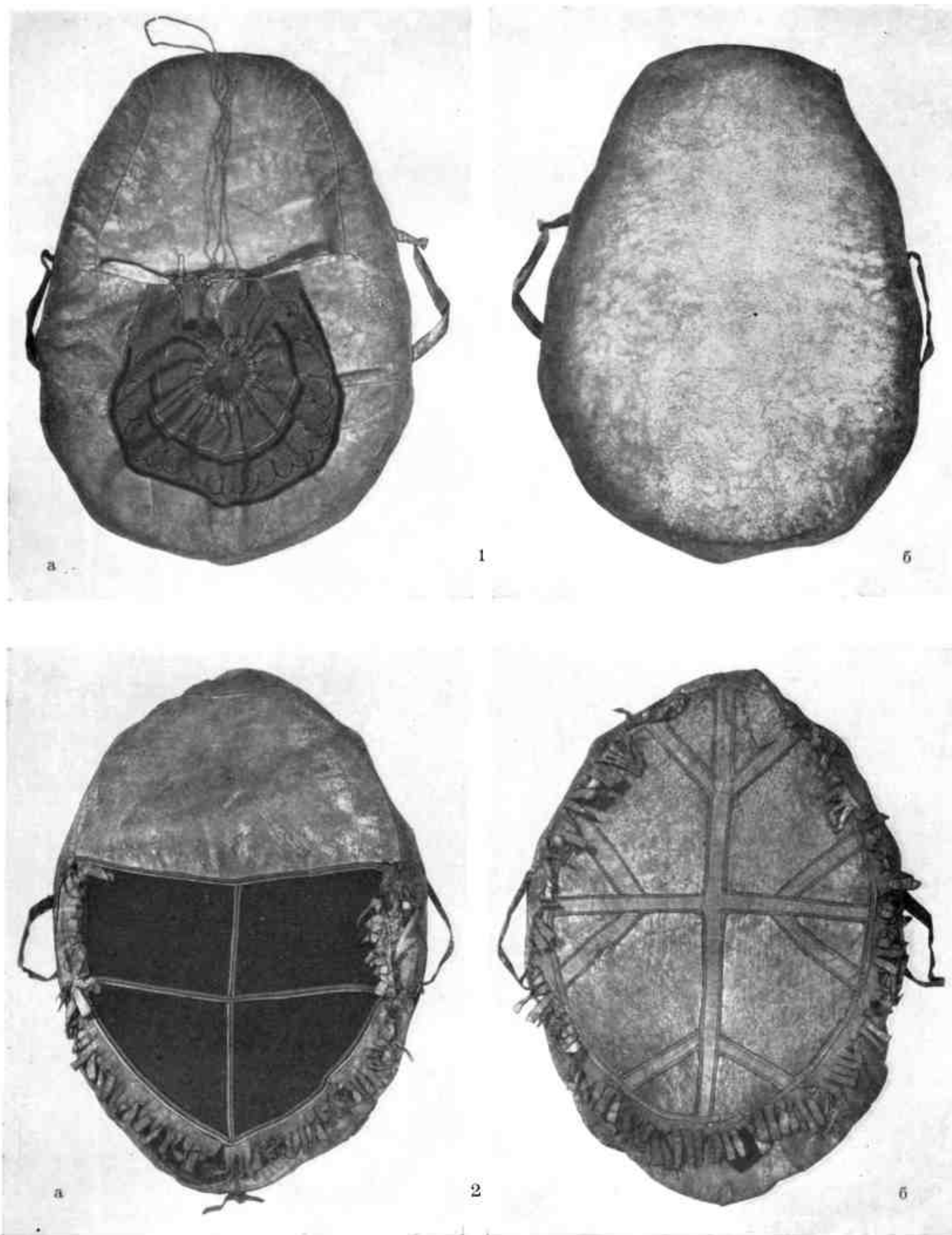

ТАБЛИЦА 15

ЮКАГИРЫ

1

2

ЧУКЧИ

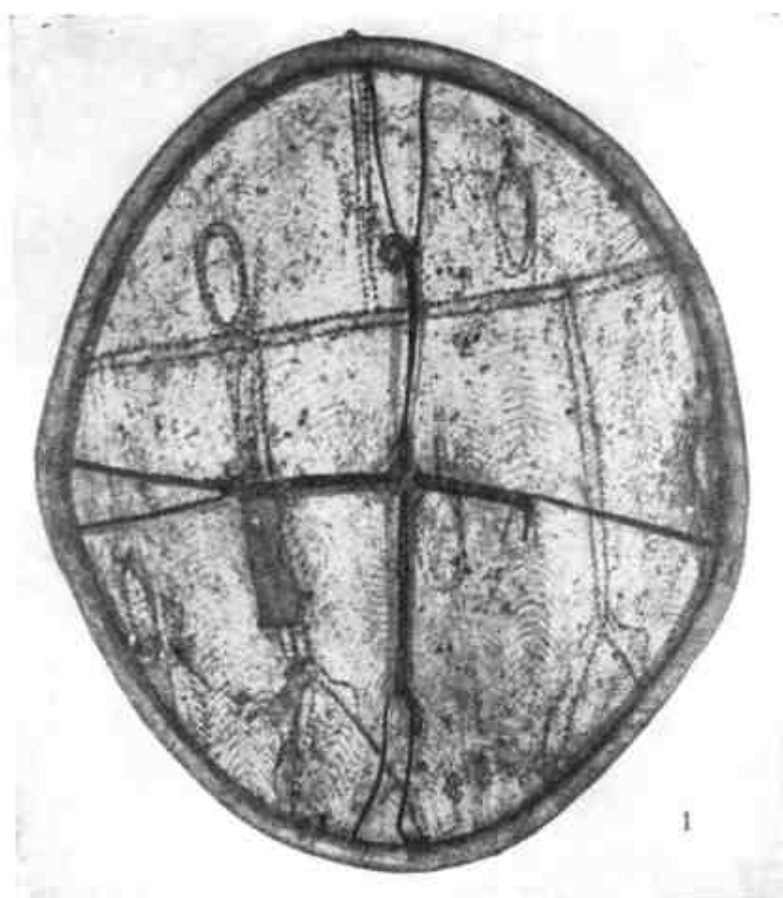
3

4

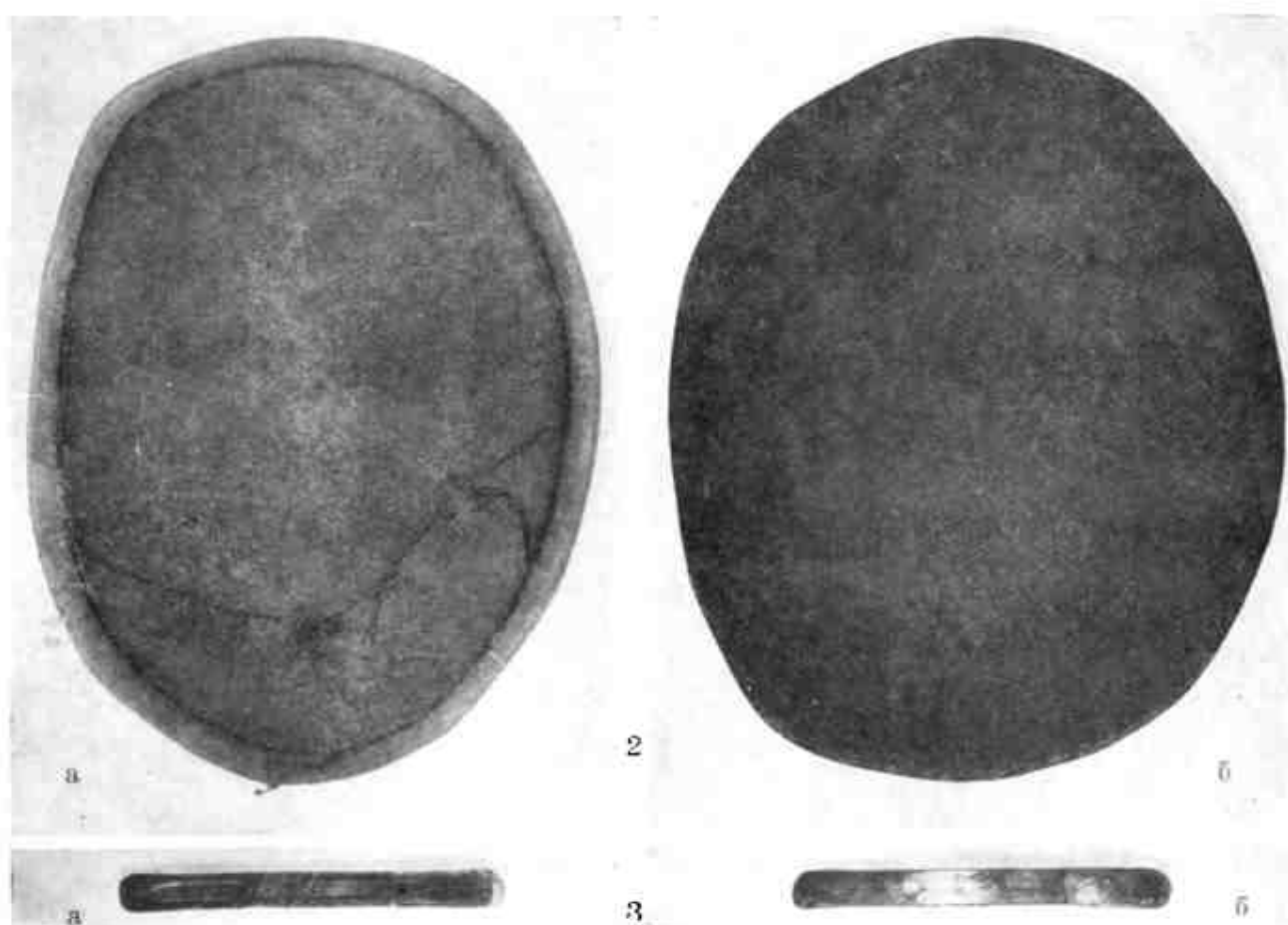
ТАБЛИЦА 16

НИВХИ

1

АЙНЫ

2

ТАБЛИЦА 17

НАНАЙЦЫ

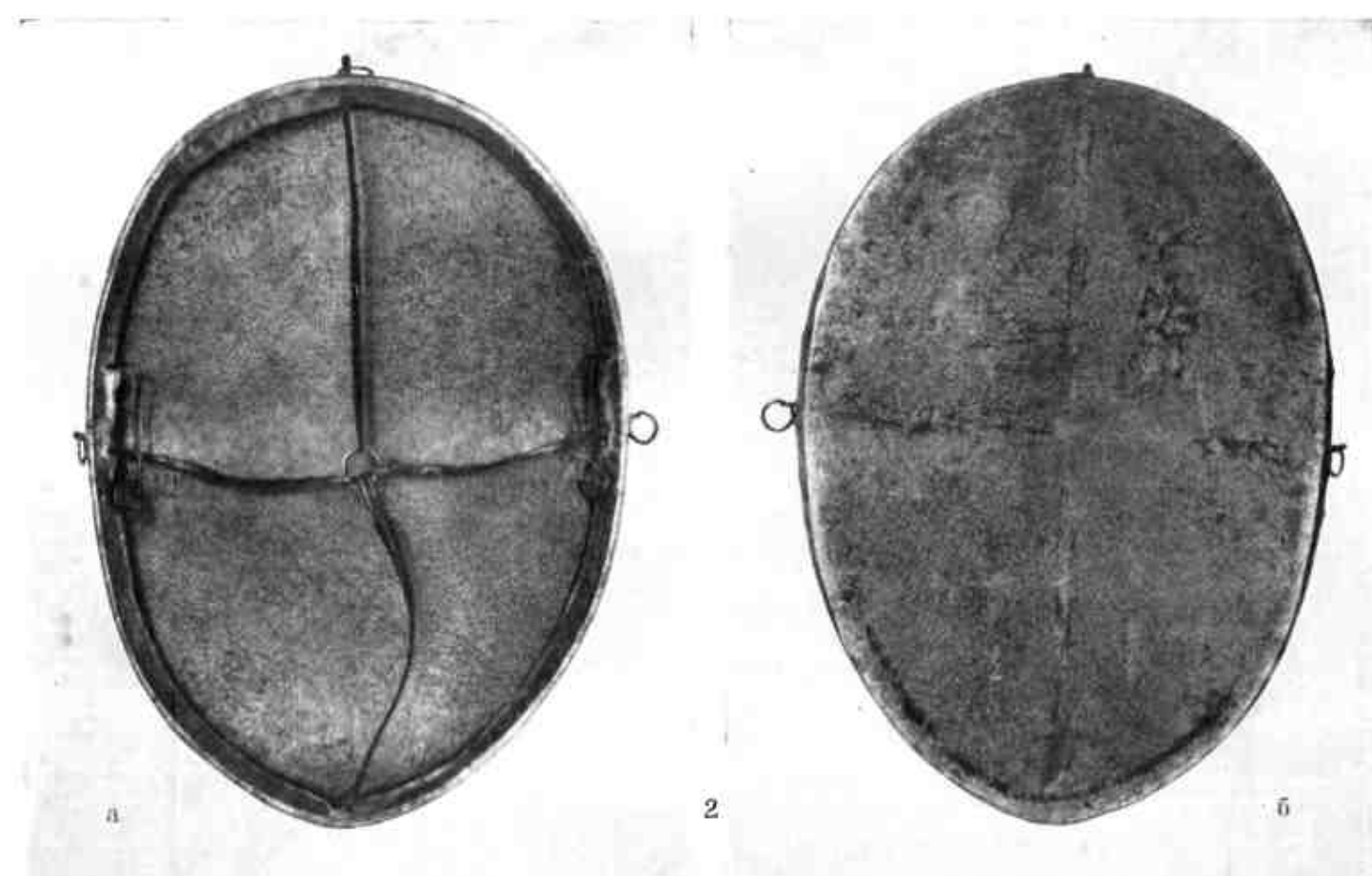
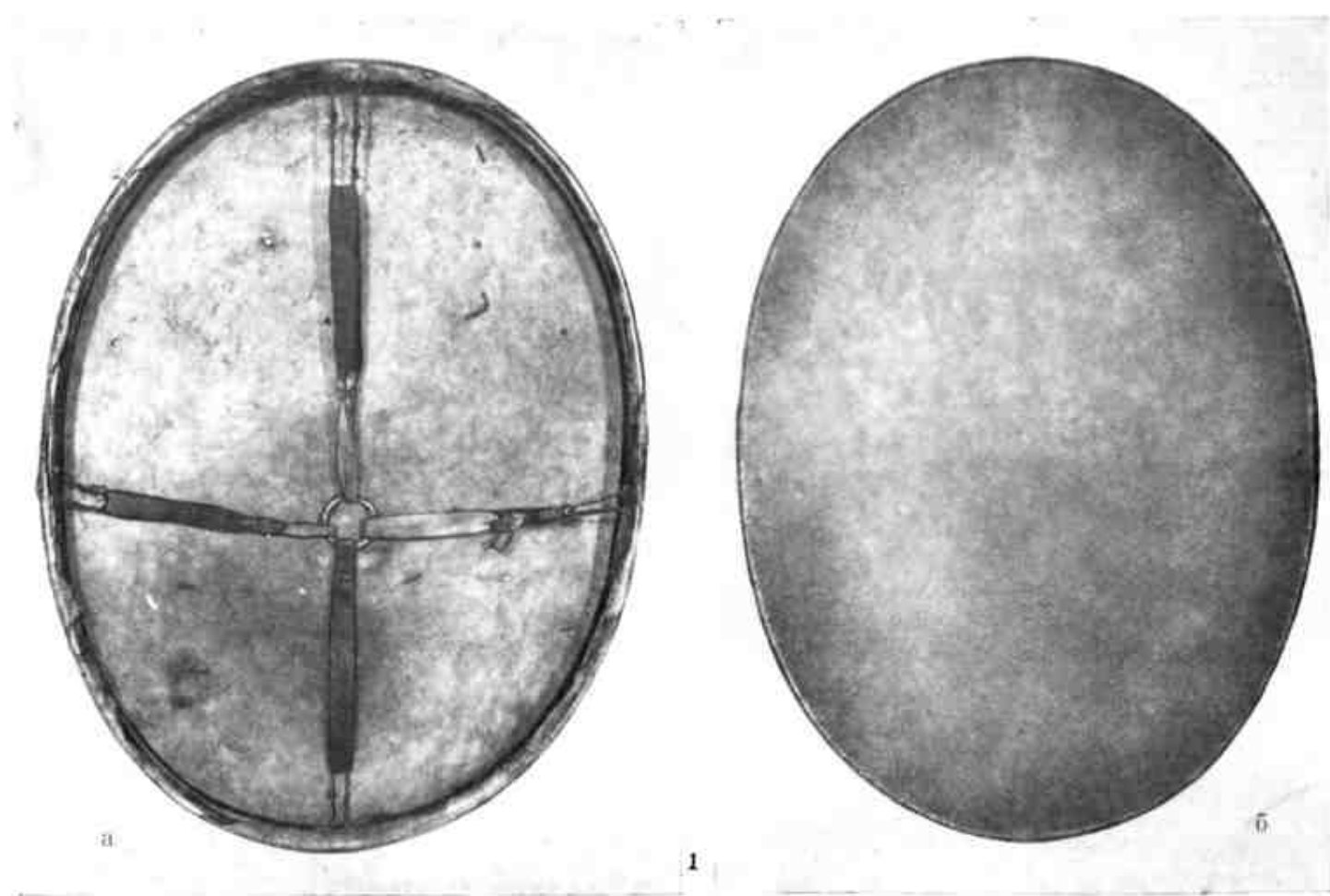
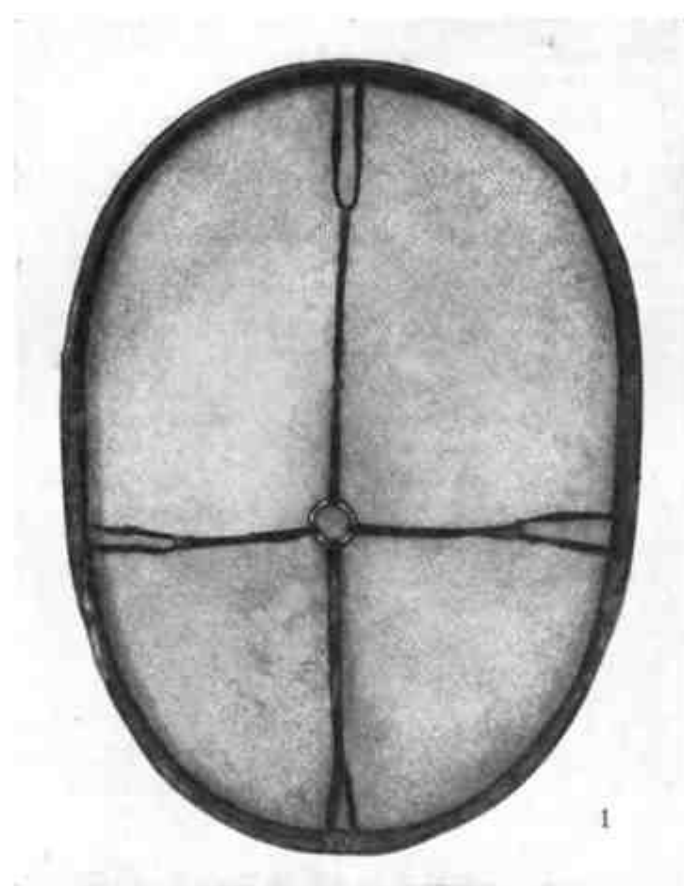
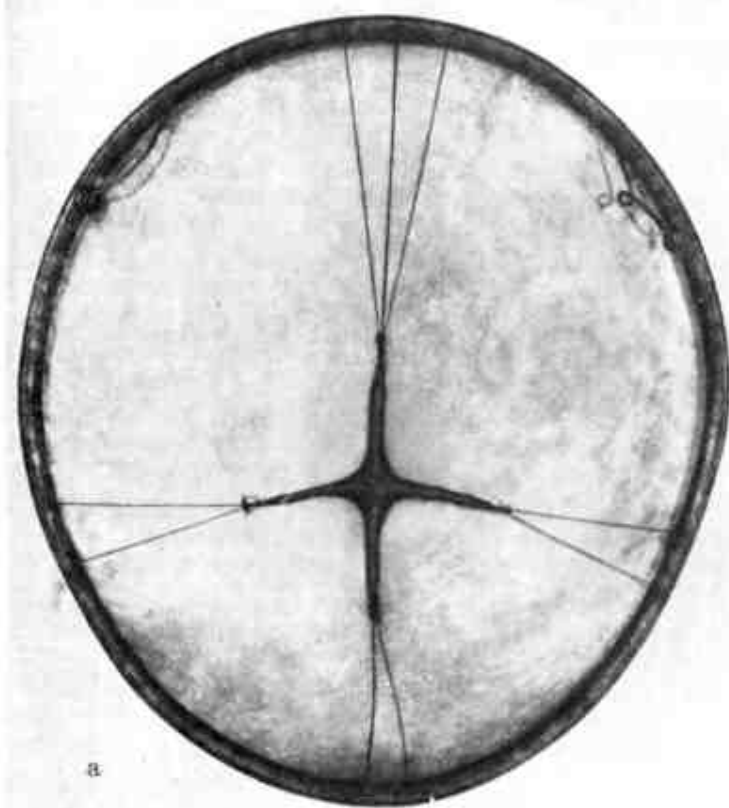

ТАБЛИЦА 18

УДЭГЕЙЦЫ

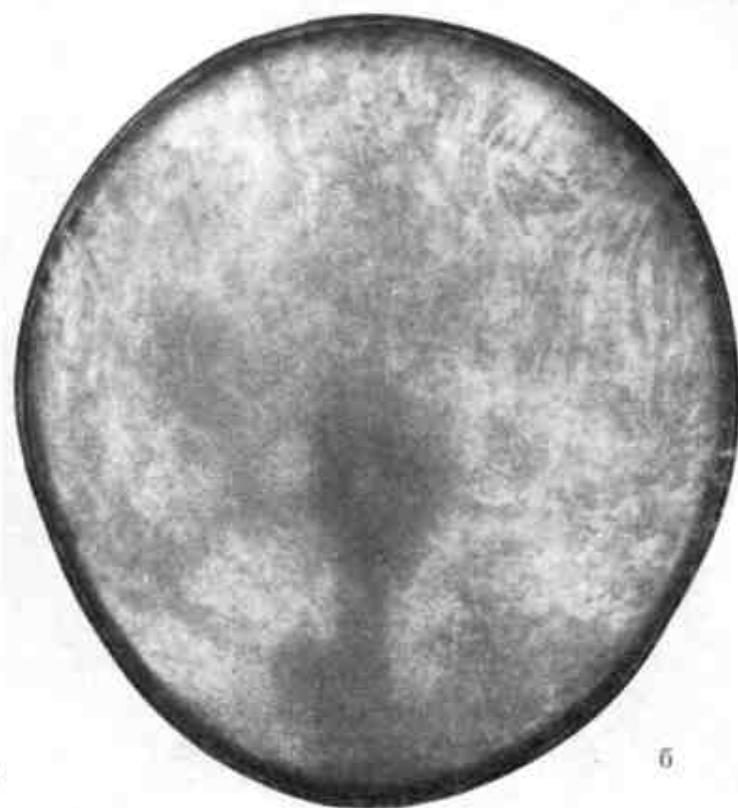

1

а

2

б

а

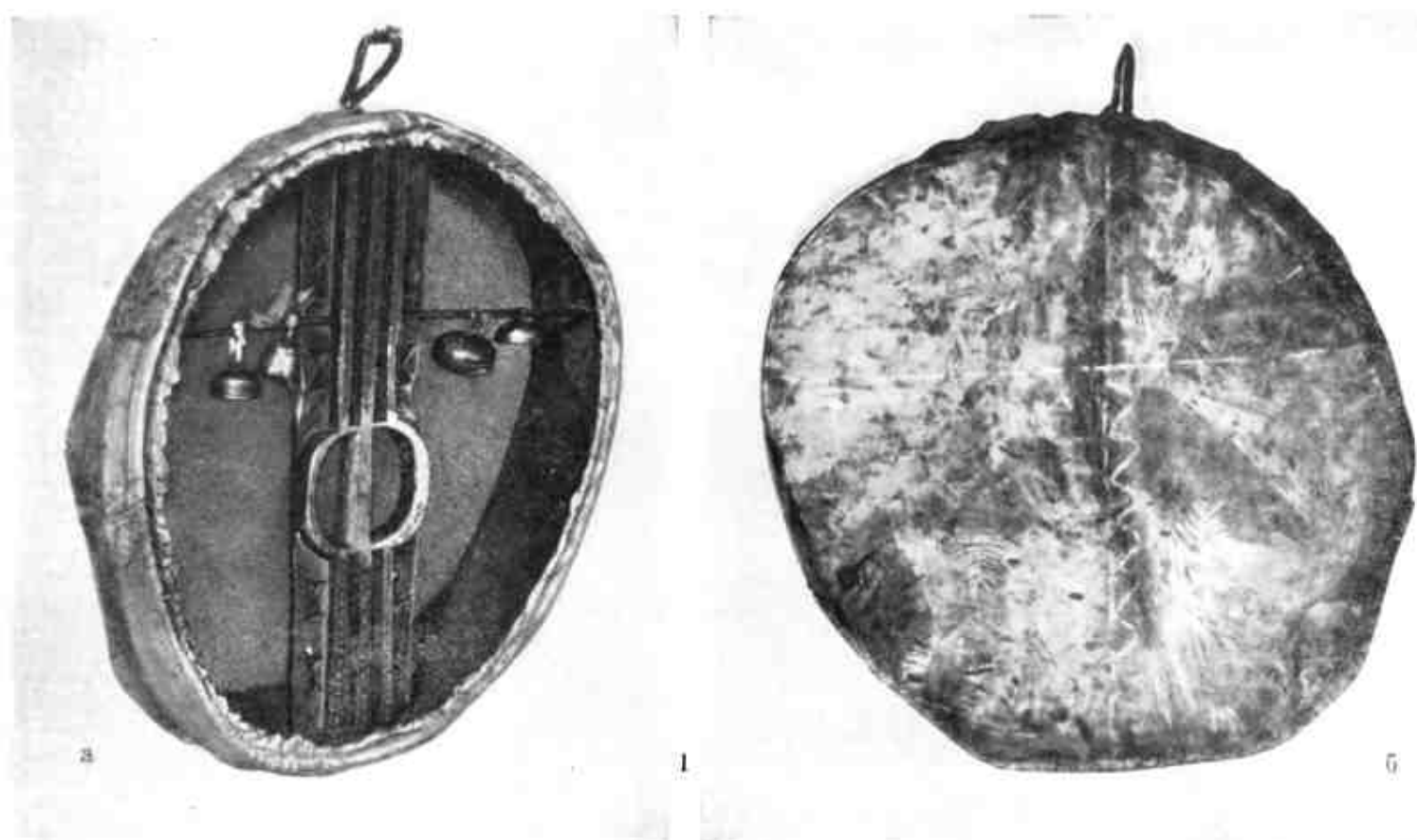
3

б

ТАБЛИЦА 19

ХАКАСЫ (КАЧИНЦЫ)

ХАКАСЫ (ВЕЛЬТИРЫ)

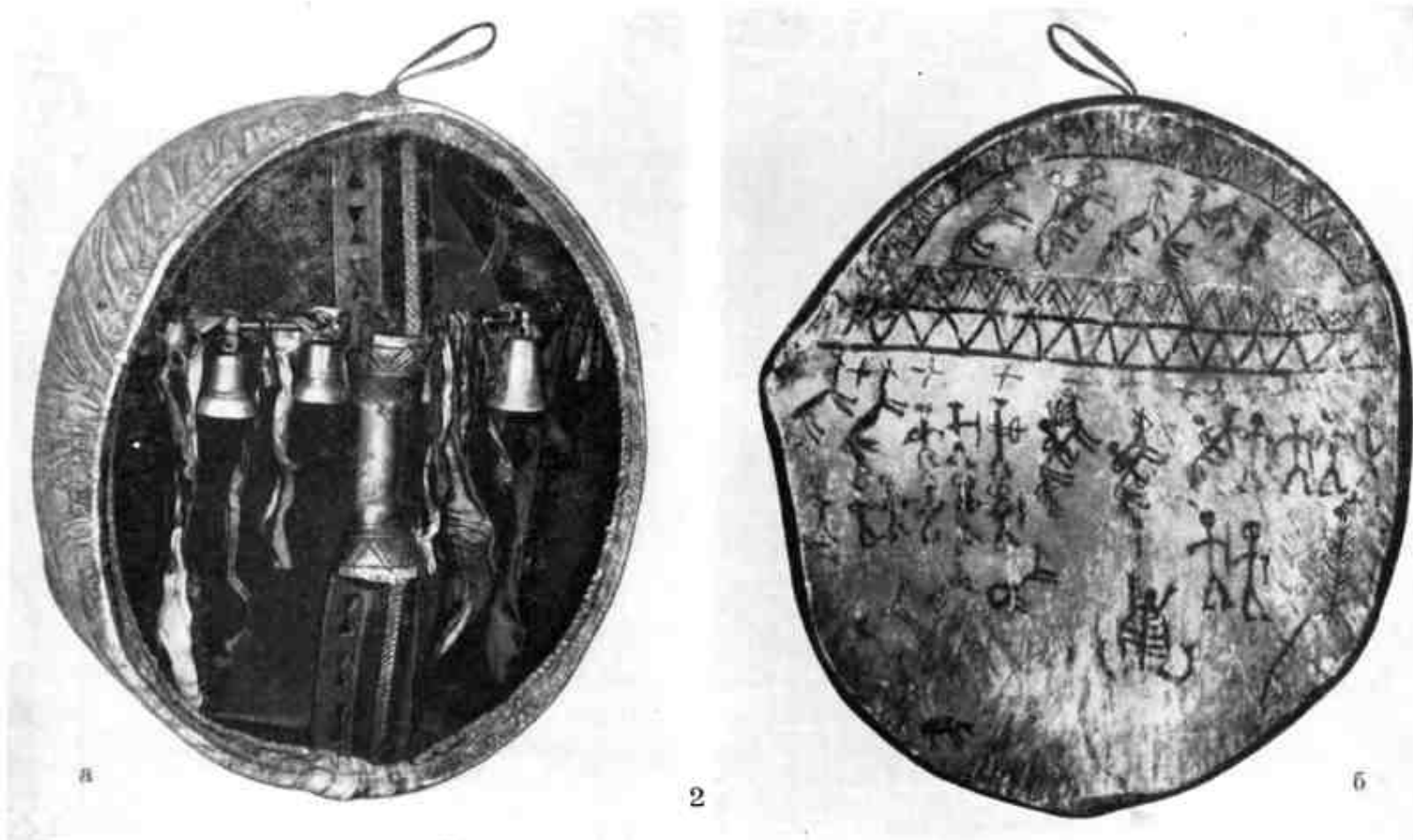

ТАБЛИЦА 20

ШОРЦЫ

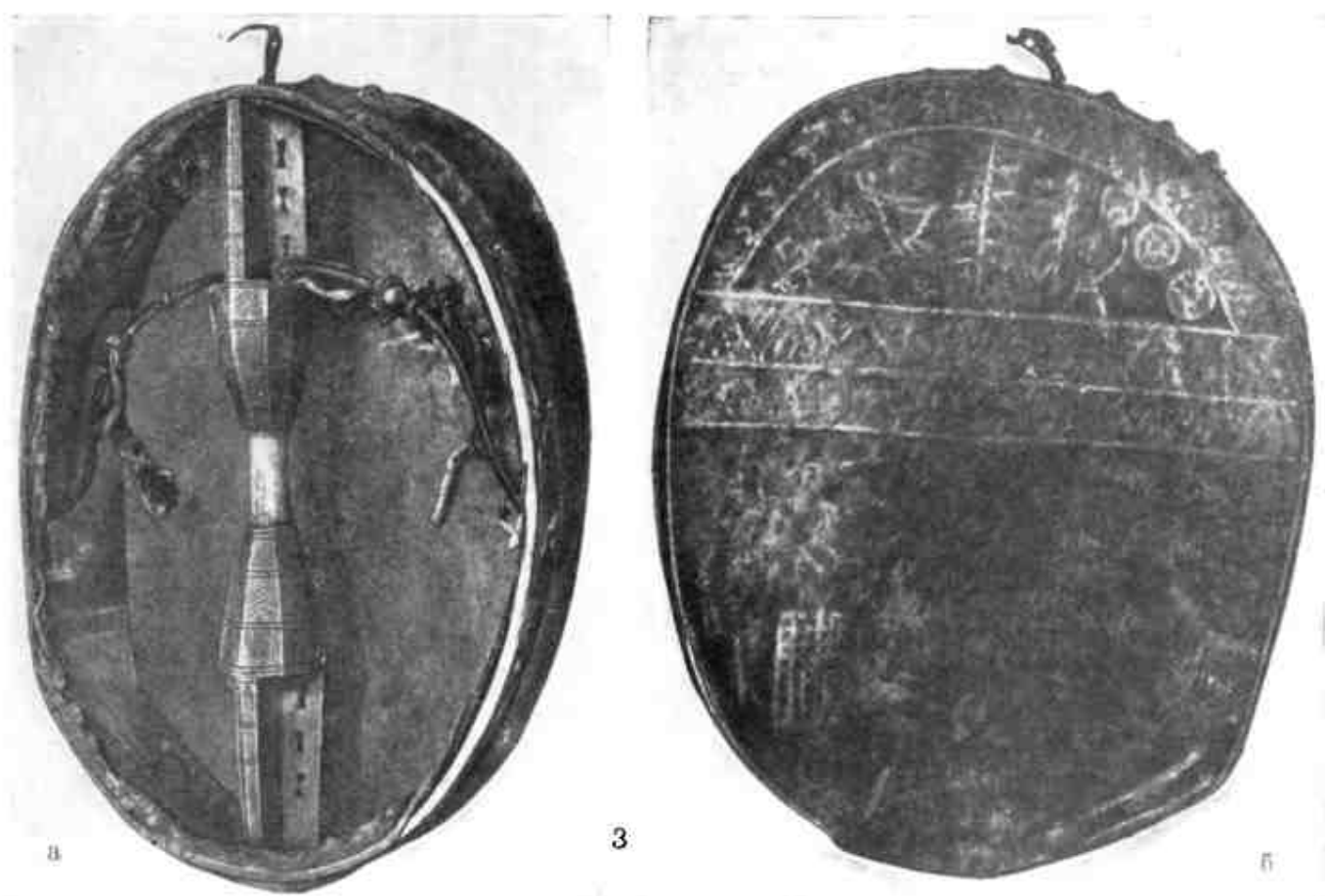
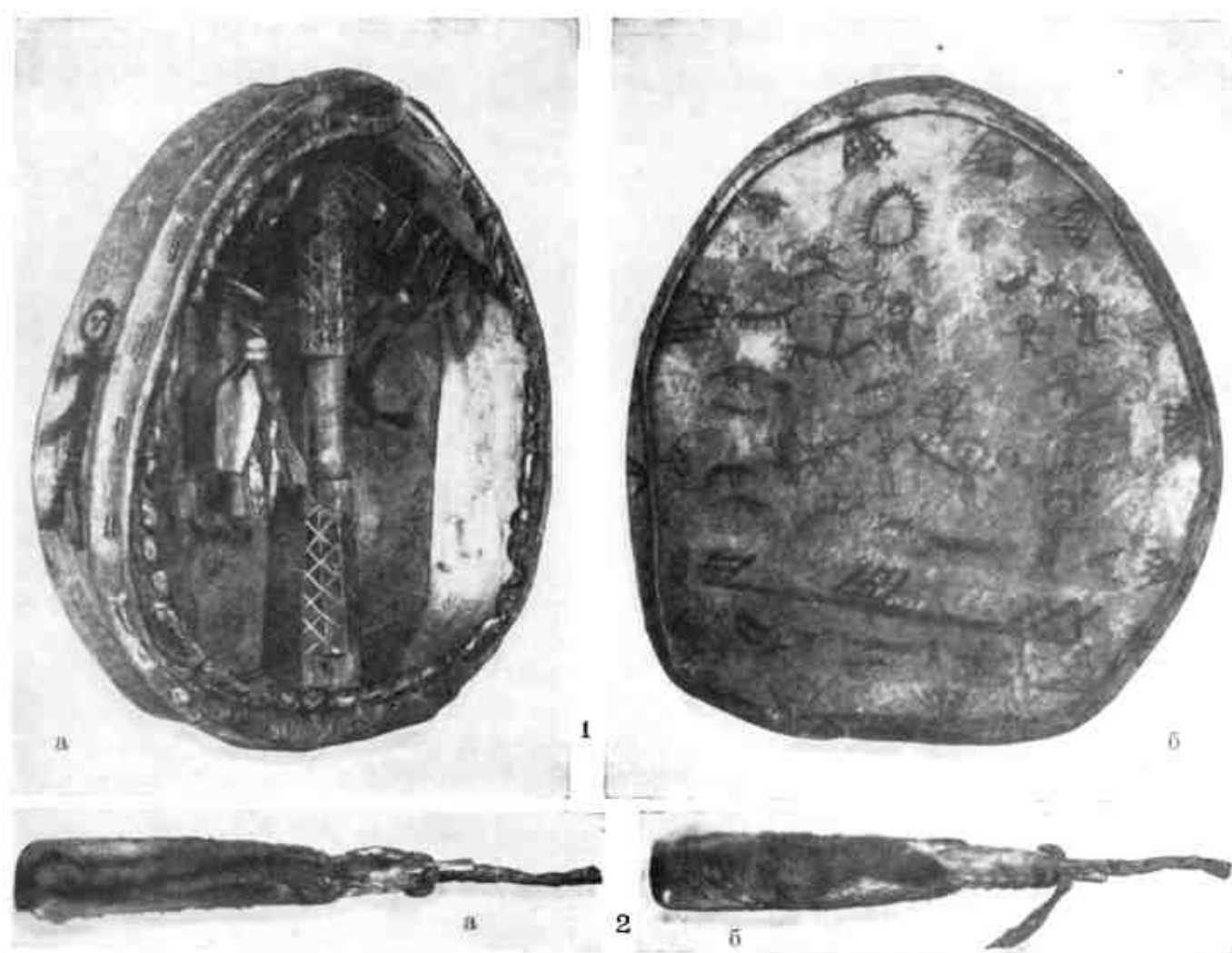
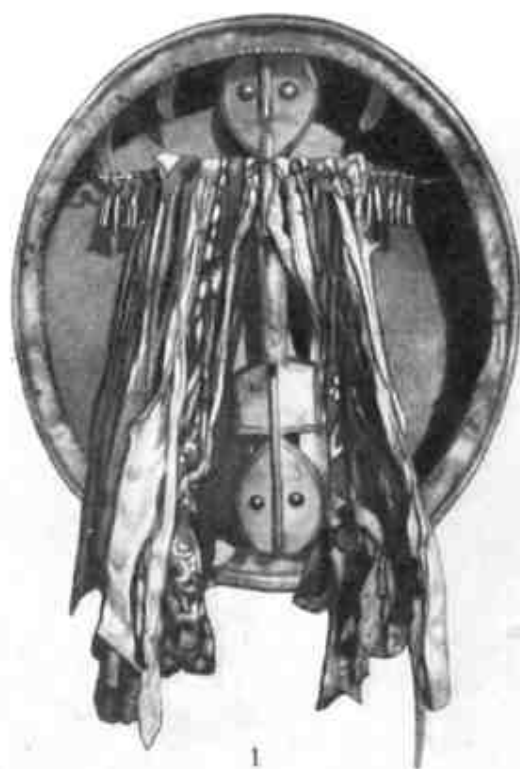

ТАБЛИЦА 21

ЧЕЛКАШЦЫ

ТЕЛЕУТЫ

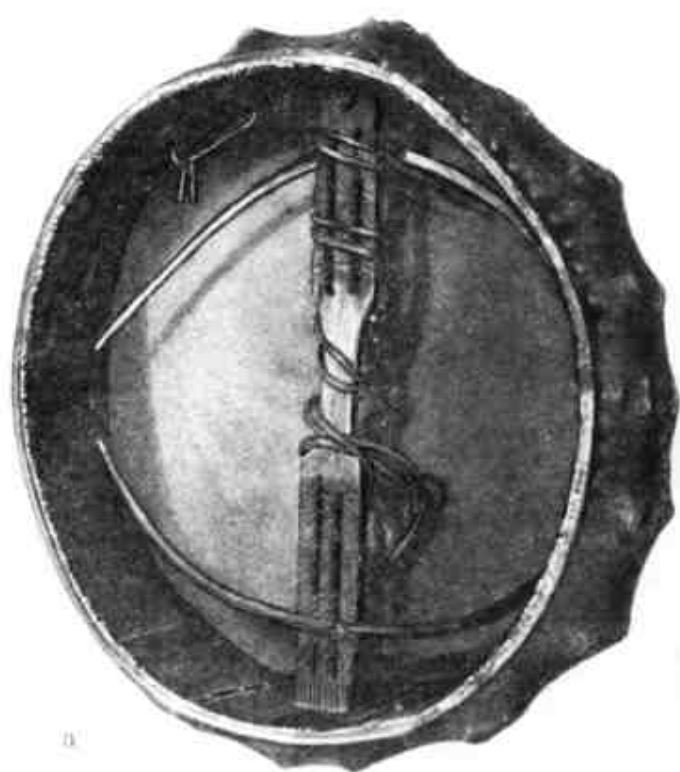
ТАБЛИЦА 22

АЛТАЙ КИЖИ

ТАБЛИЦА 23

ТОФАЛАРЫ

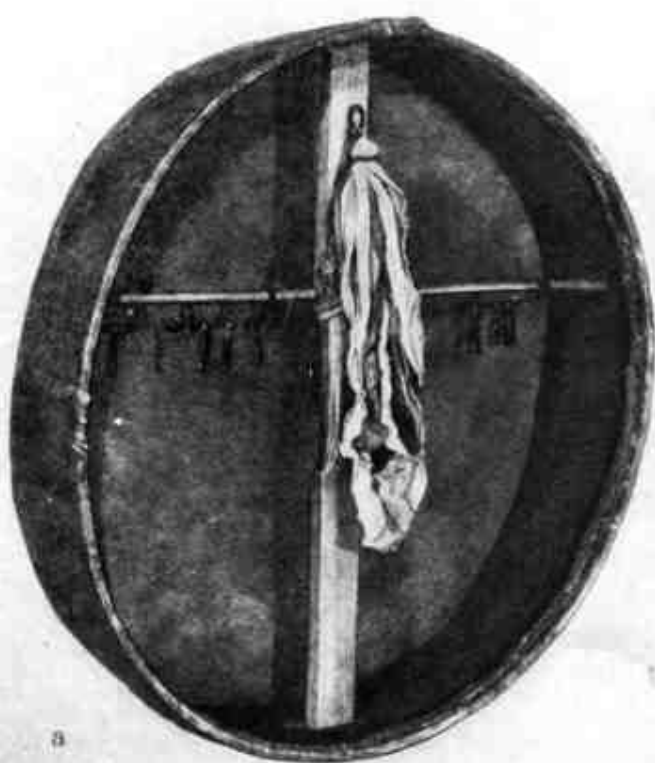

1

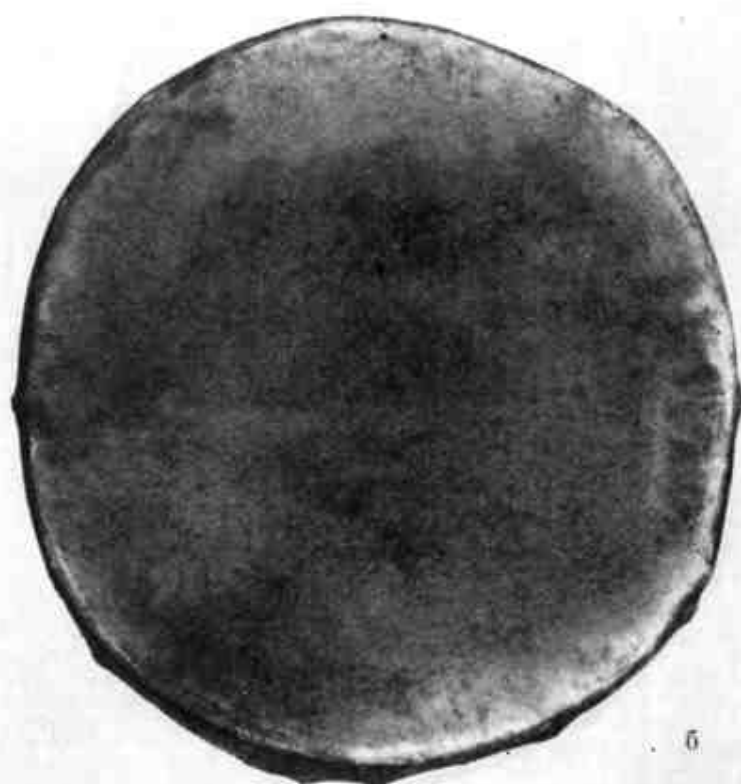

б

ТУВИНЦЫ

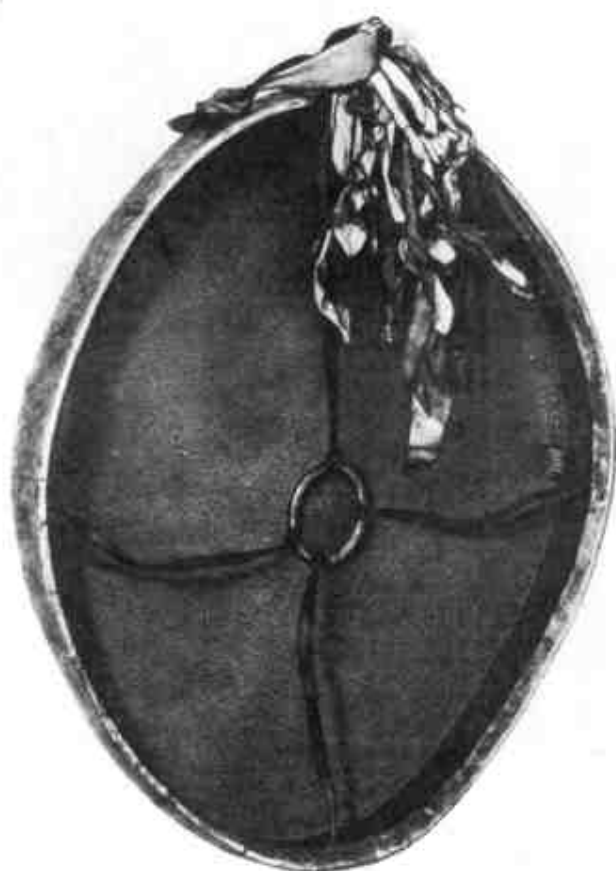
2

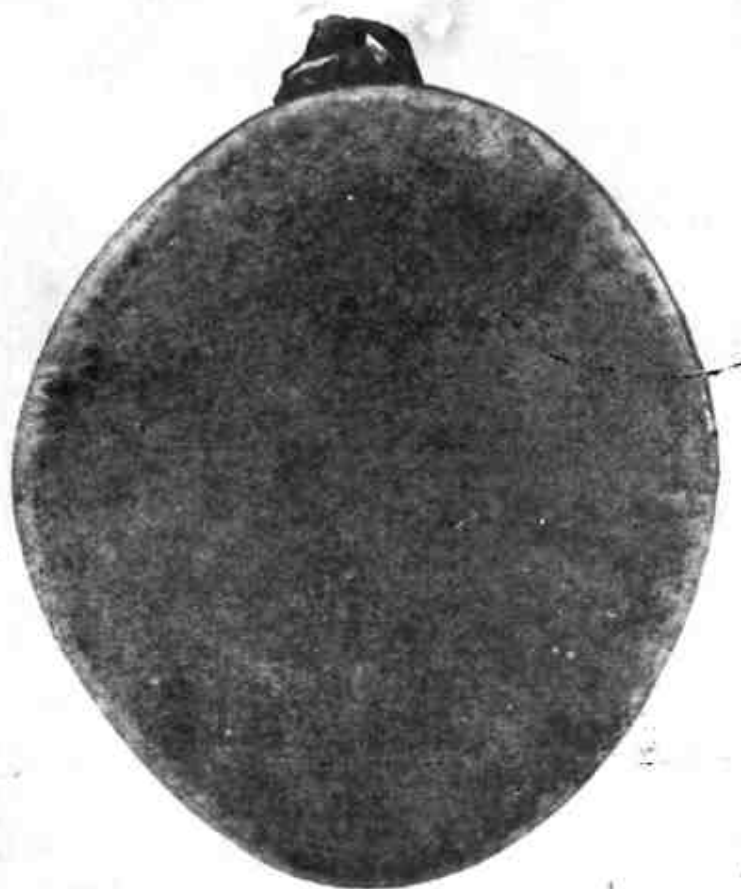
б

ТАБЛИЦА 24

БУРЯТЫ

а

б

ТАБЛИЦА 25

БУБНЫ С ВНЕШНЕЙ РУКОЯТЬЮ

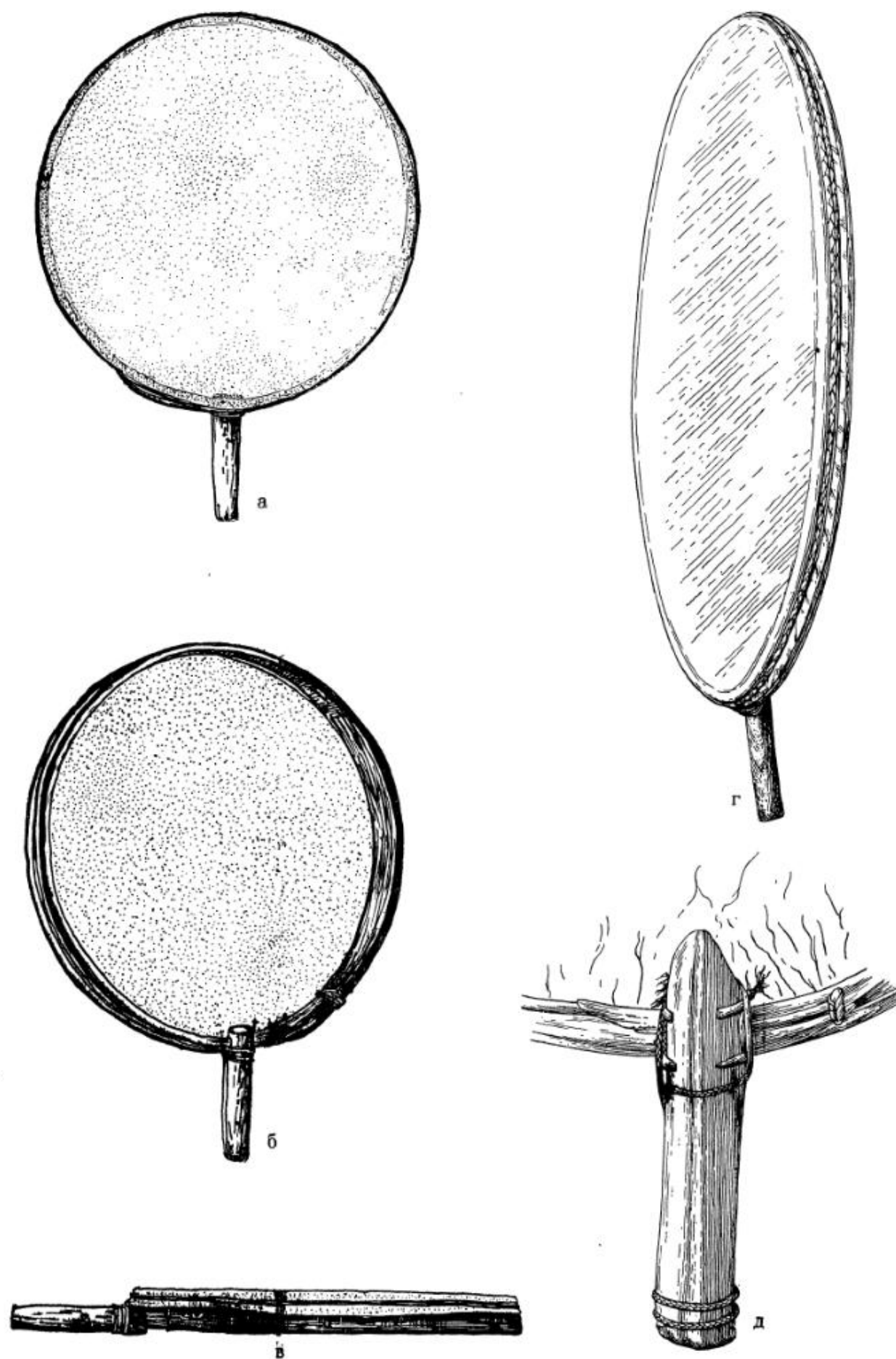

ТАБЛИЦА 1

а — внешняя сторона бубна, б — внутренняя сторона бубна, в — профиль бубна, г — прикрепление кожи к обечайке, д — прикрепление рукояти к обечайке (чукчи).

ЗАПАДНОСИБИРСКИЙ ТИП

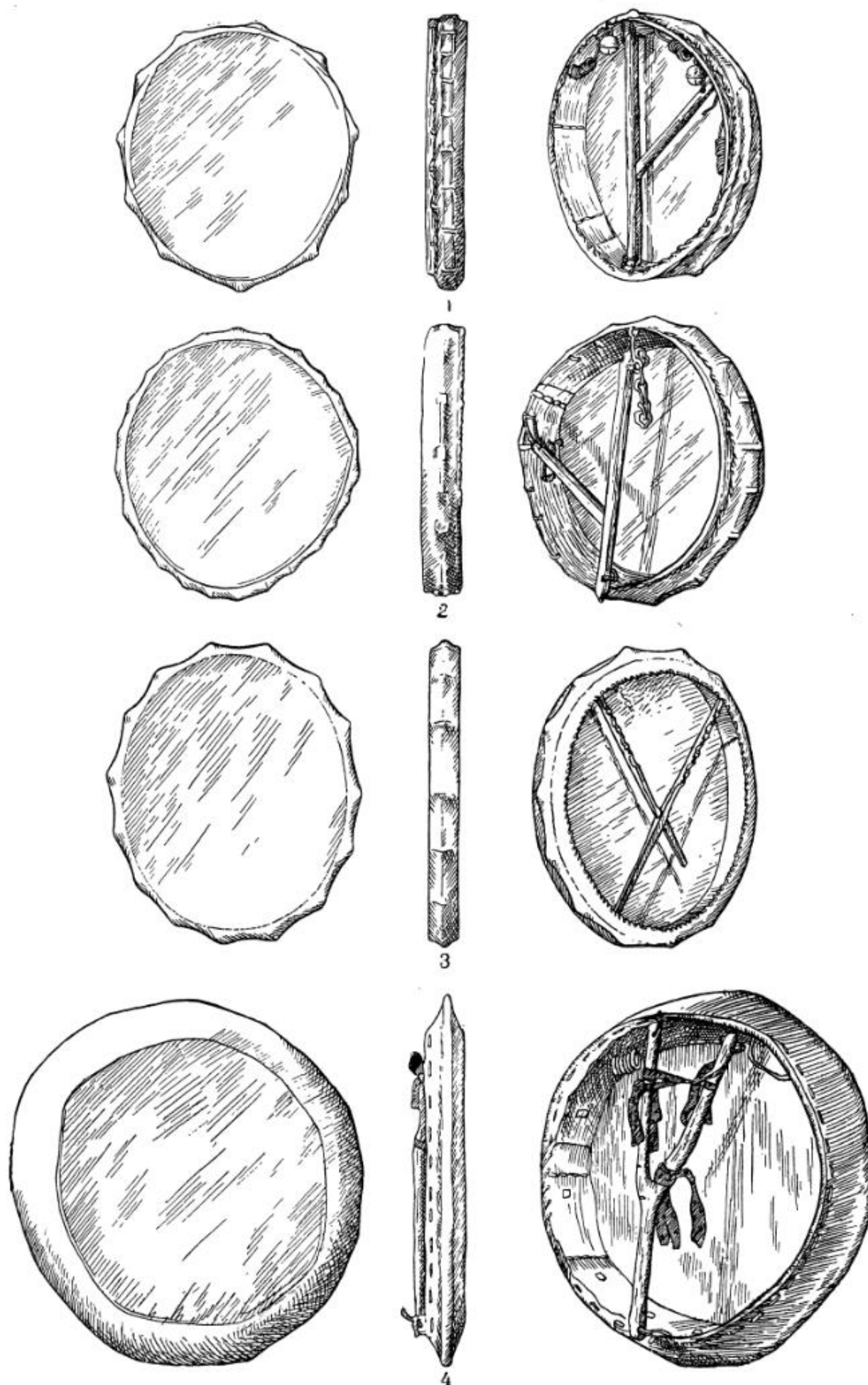
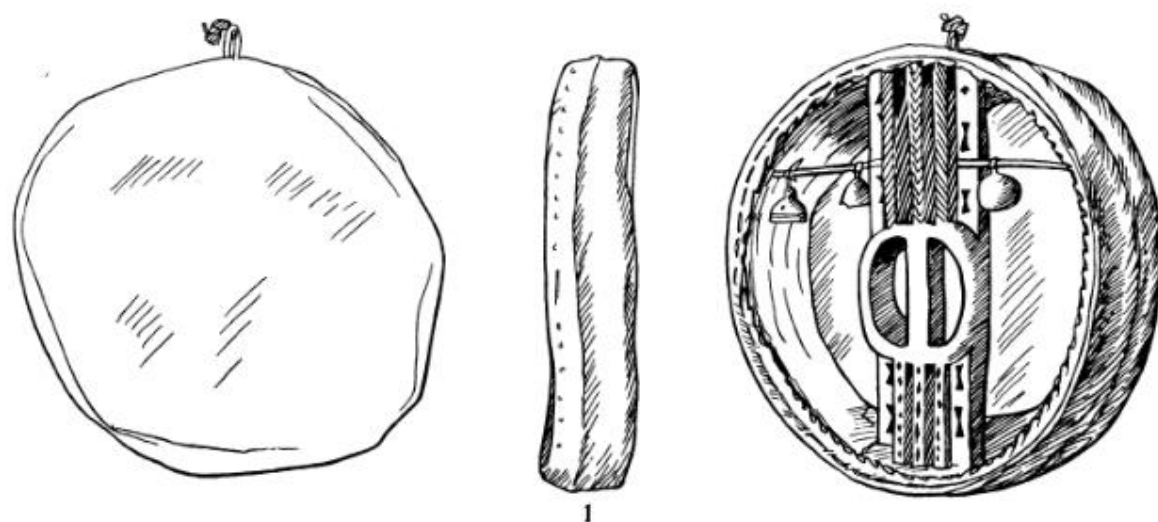

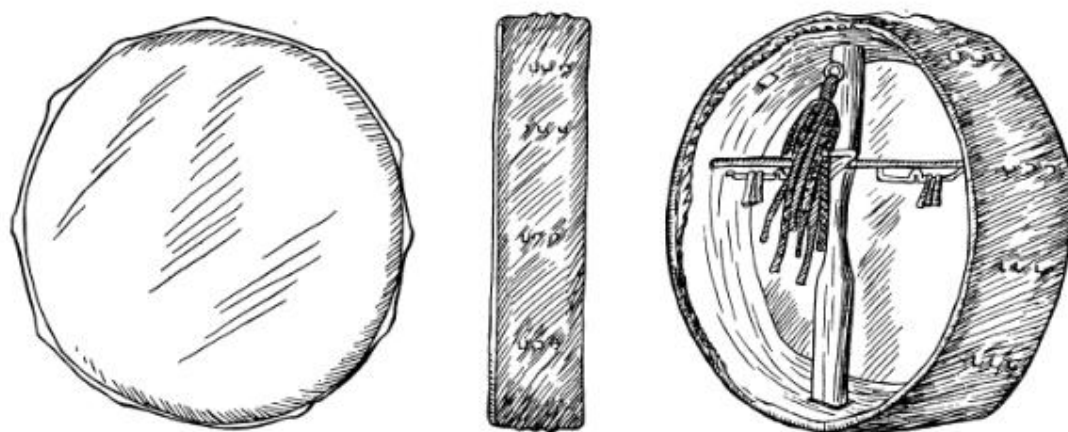
ТАБЛИЦА II

1 и 4 — ханты; 2, 3 — ненцы.

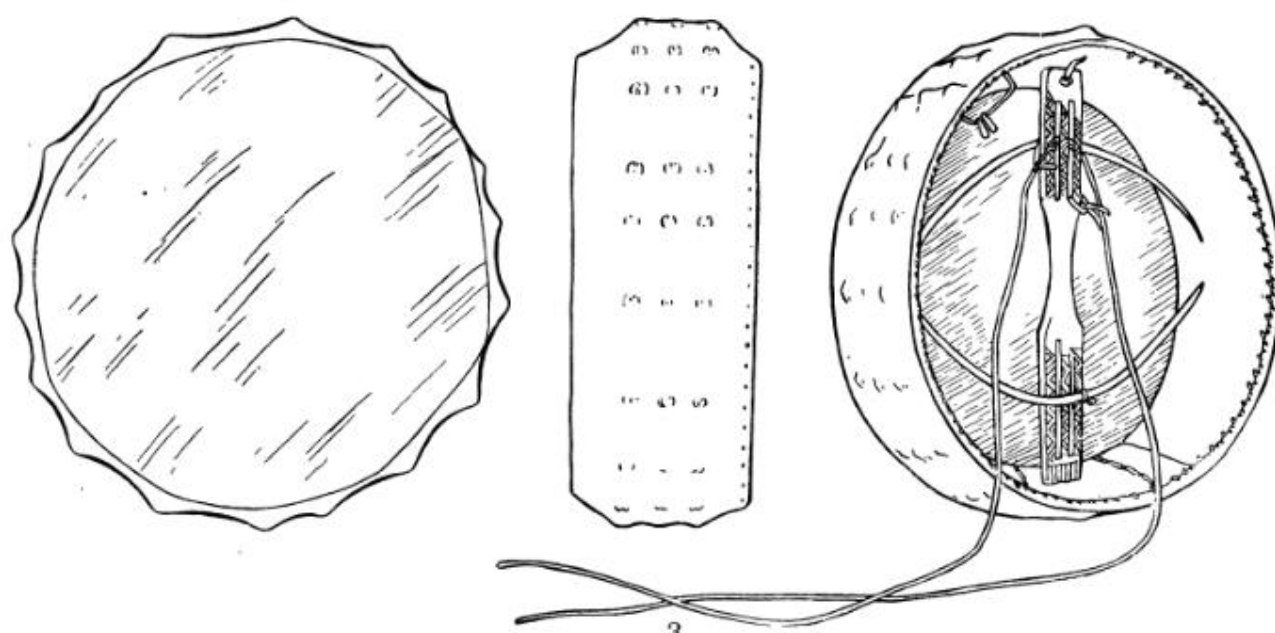
ЮЖНОСИБИРСКИЙ ТИП,
САЯНО-ЕНИСЕЙСКИЙ ВАРИАНТ

1

2

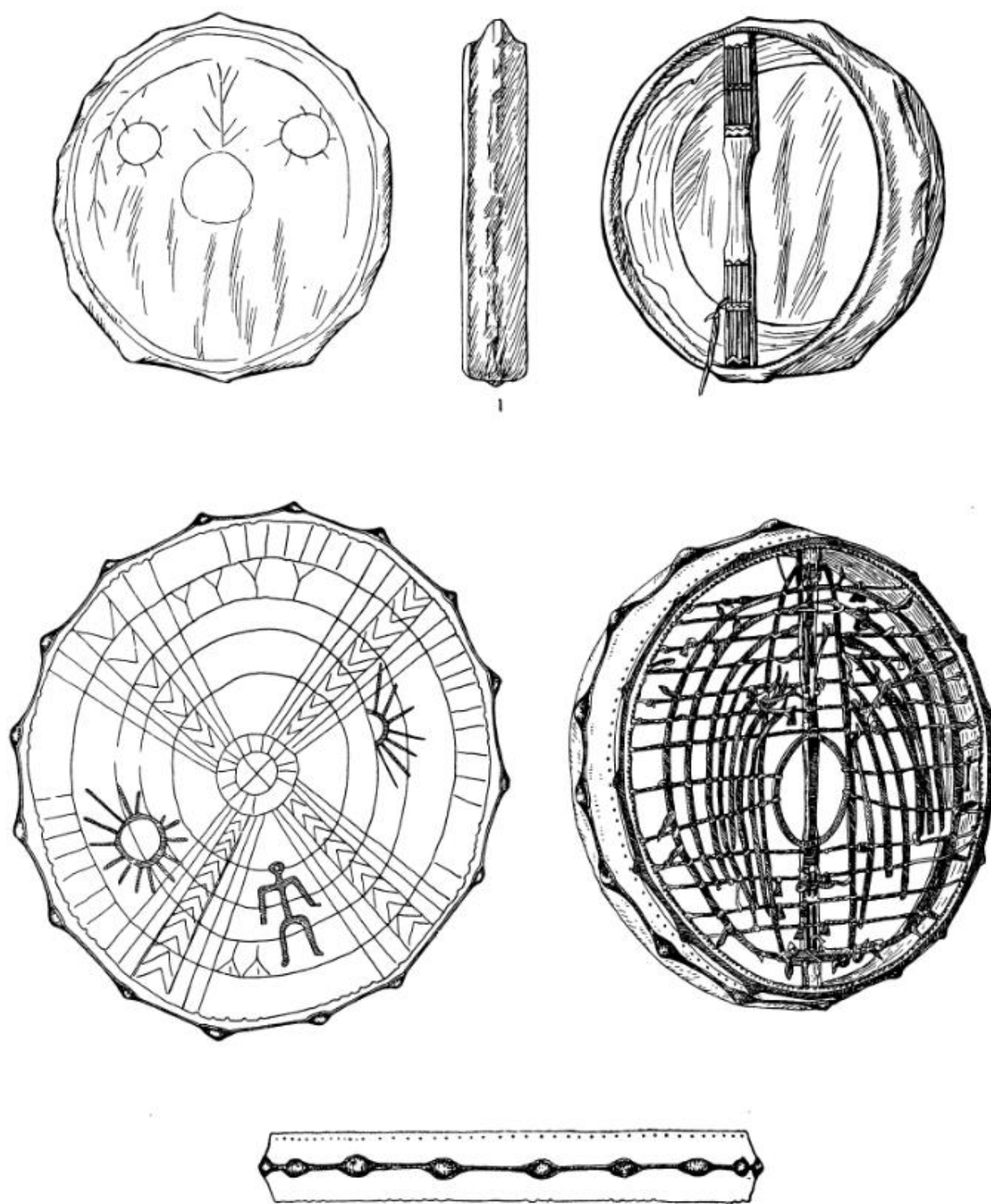

3

ТАБЛИЦА III

1 — хакасы (качинцы); 2 — тувинцы; 3 — тофалары.

ЮЖНОСИБИРСКИЙ ТИП,
САЯНО-ЕНИСЕЙСКИЙ ВАРИАНТ

2

ТАБЛИЦА IV

1, 2 — котлы.

ЮЖНОСИБИРСКИЙ ТИП,
ШОРСКИЙ ВАРИАНТ

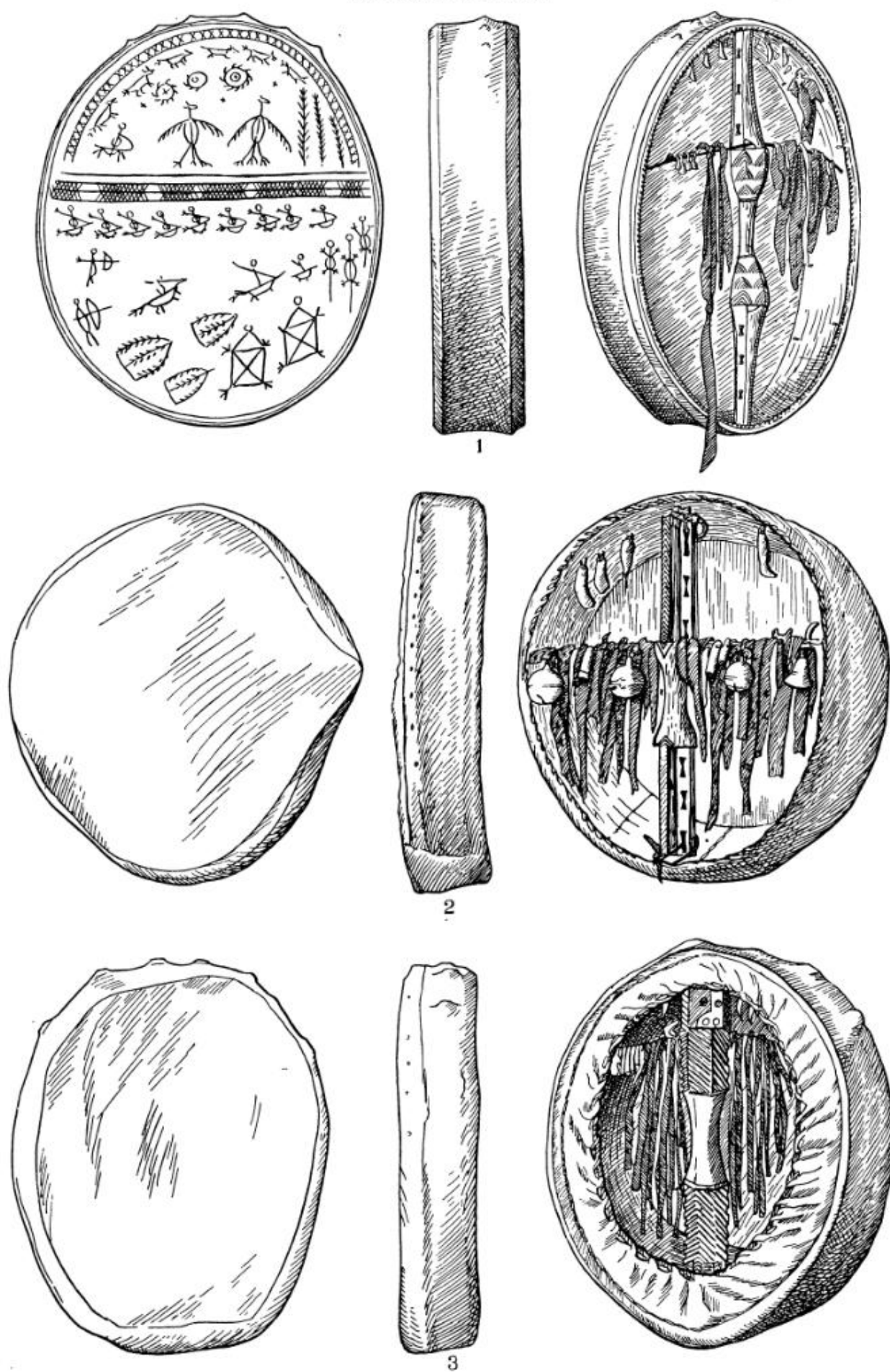
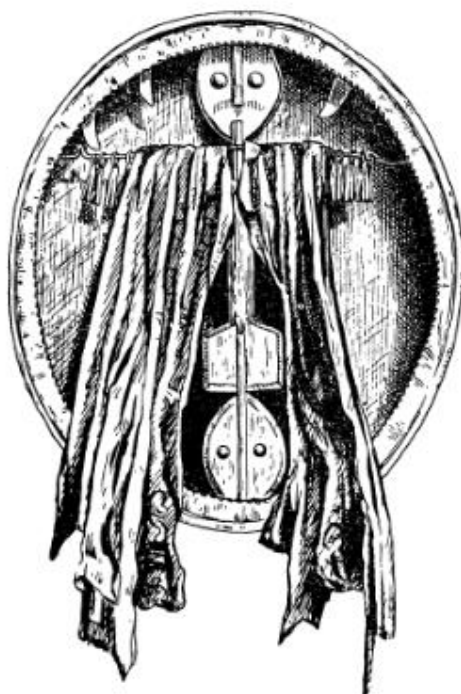
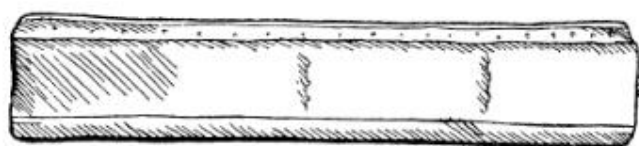
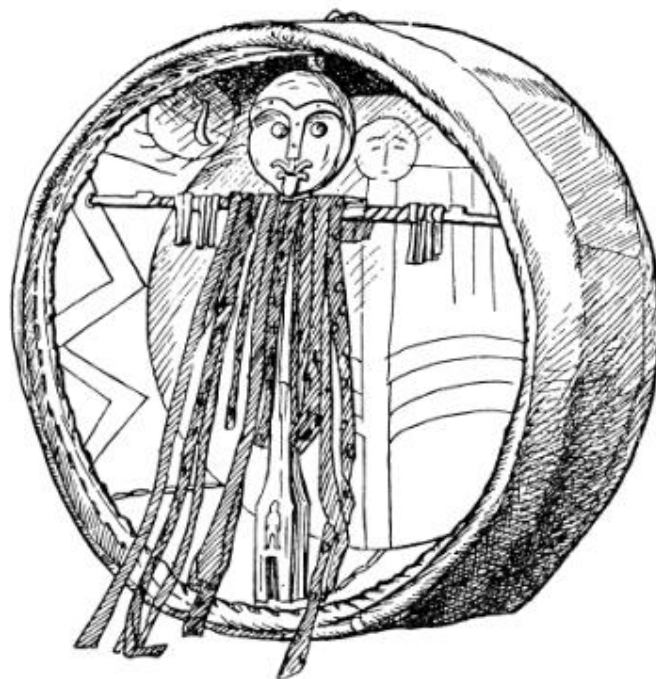
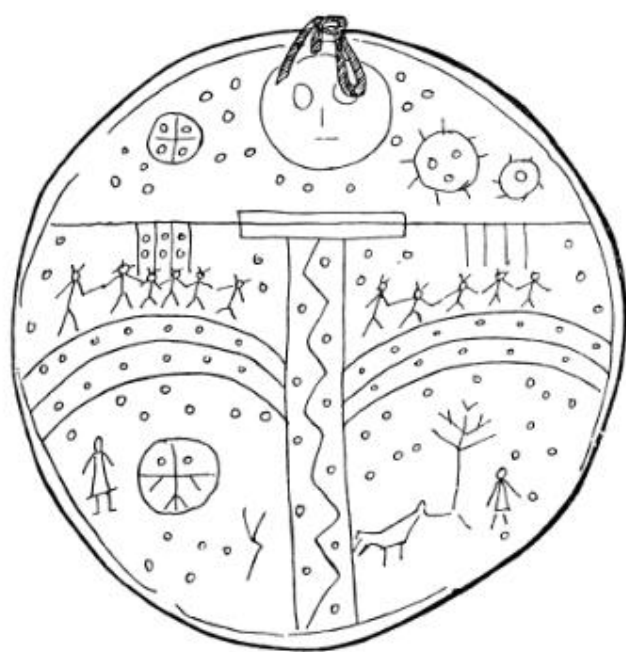

ТАБЛИЦА V
1 и 3 — шорцы; 2 — хакасы.

ЮЖНОСИБИРСКИЙ ТИП,
АЛТАЙСКИЙ ВАРИАНТ

1

2

ТАБЛИЦА VI

1 — челканцы; 2 — алтай кижж.

СРЕДНЕСИБИРСКИЙ ТИП,
ЭВЕНКО-ЯКУТСКИЙ ВАРИАНТ

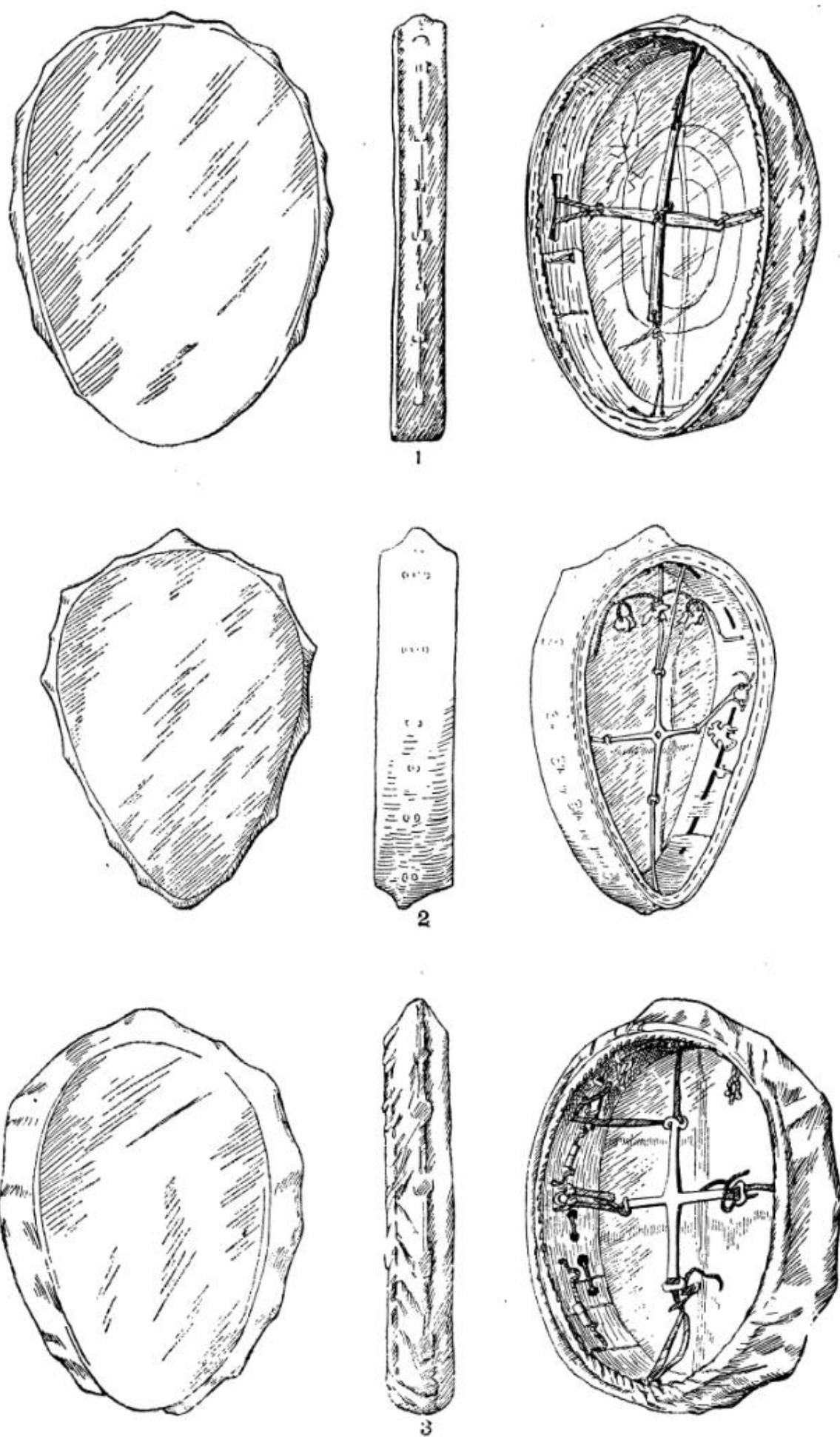

ТАБЛИЦА VII
1 — эвенки; 2, 3 — якуты.

СРЕДНЕСИБИРСКИЙ ТИП,
ЭВЕНКО-ЯКУТСКИЙ ВАРИАНТ.

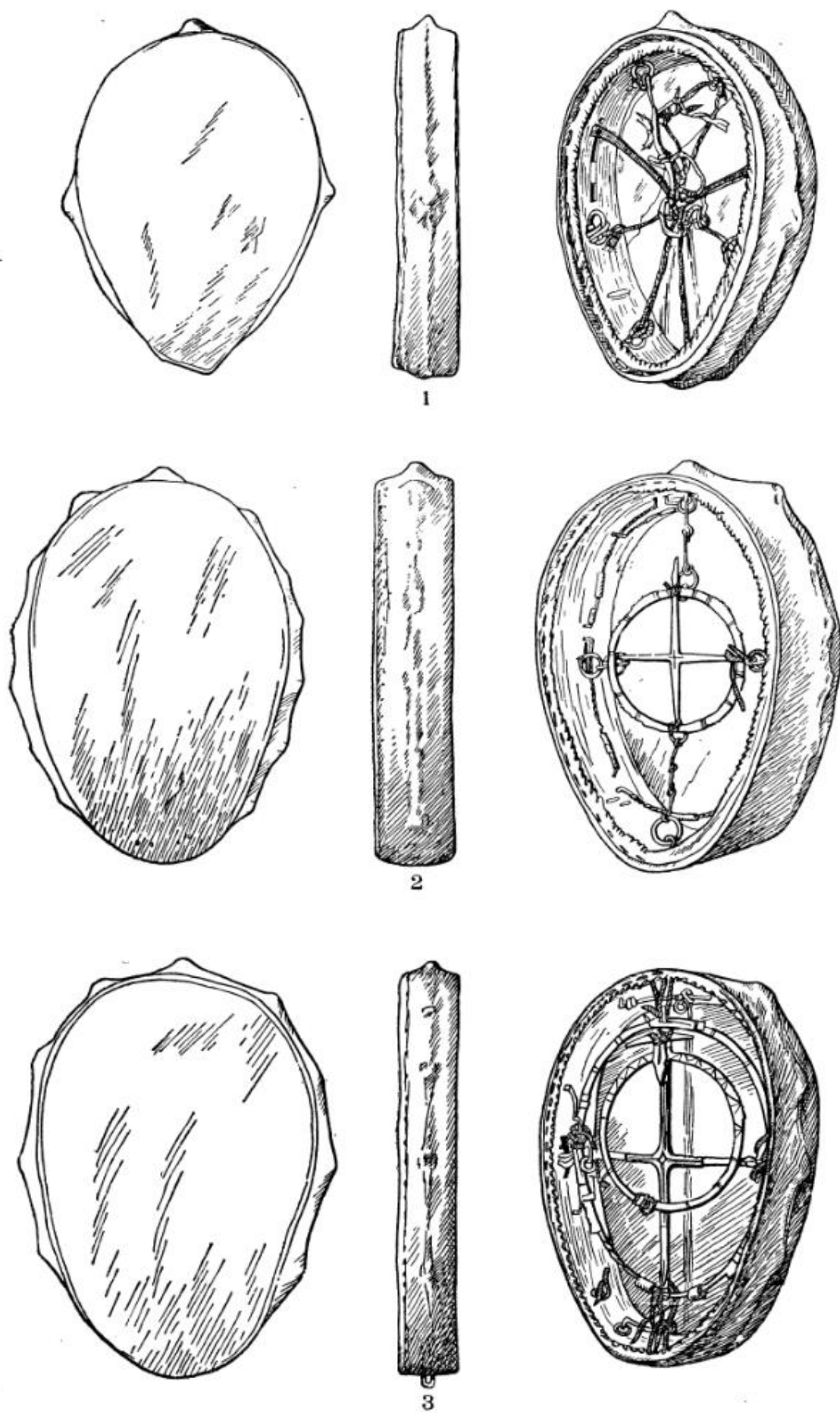

ТАБЛИЦА VIII
1-3 — эвенки.

СРЕДНЕСИБИРСКИЙ ТИП,
ЭВЕНКО-ЯКУТСКИЙ ВАРИАНТ

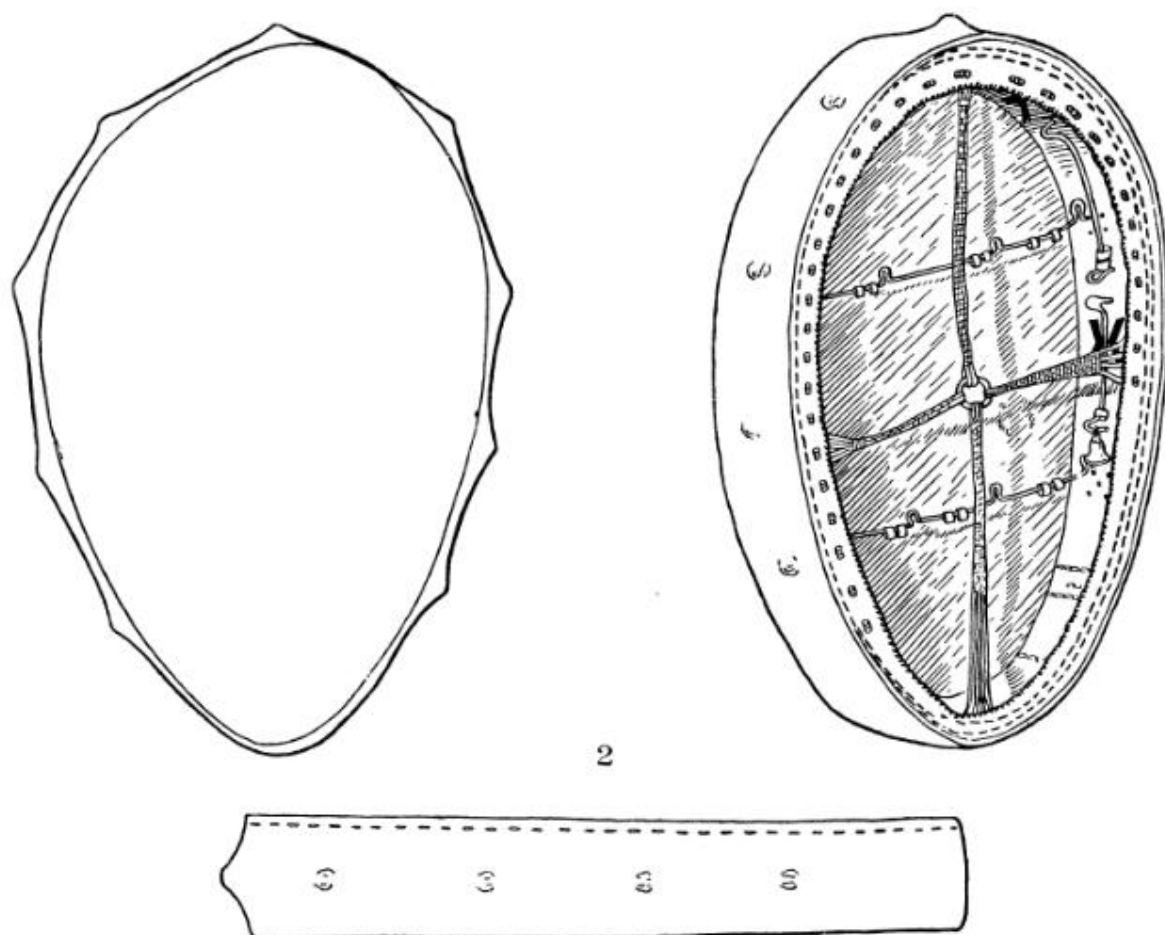
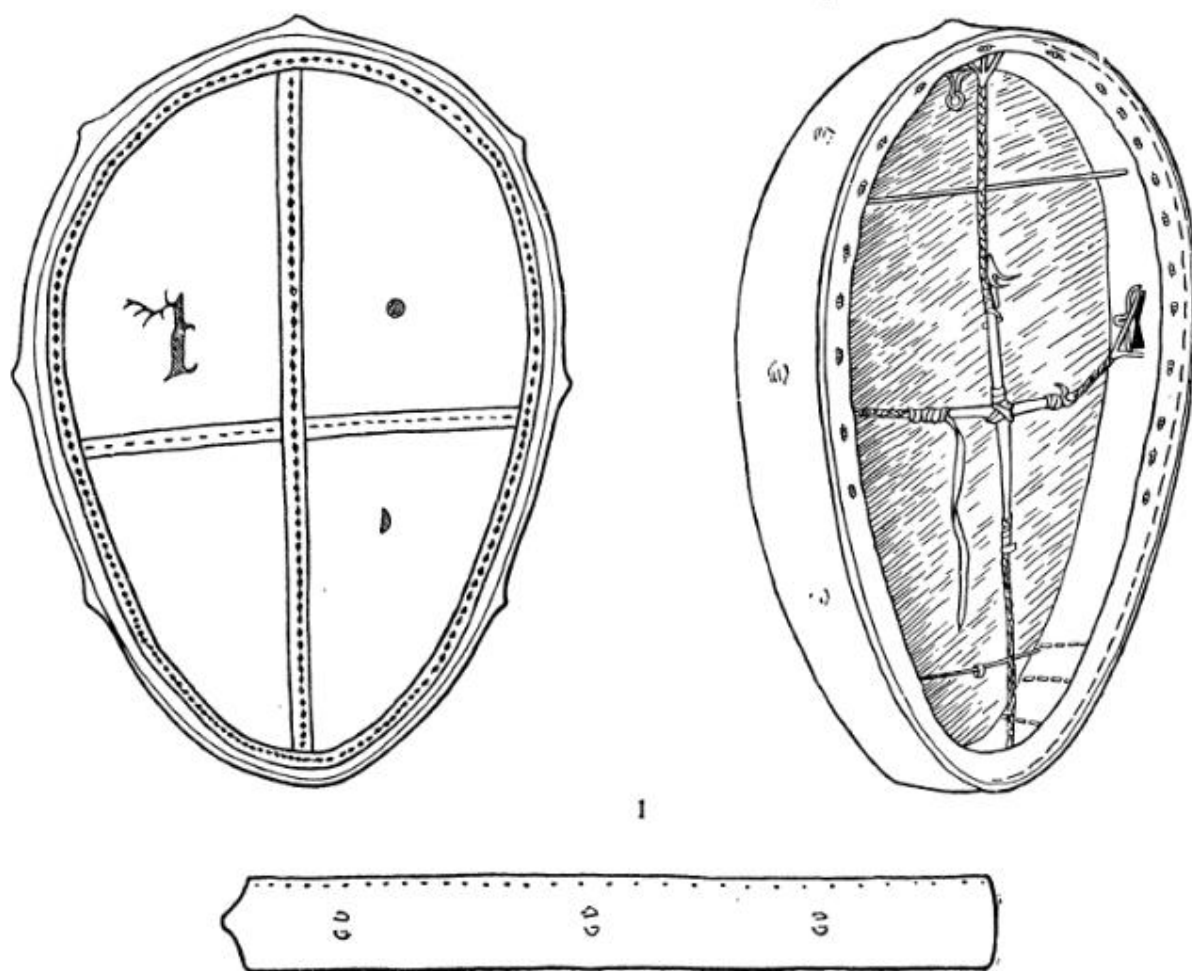

ТАБЛИЦА IX
1 — долганы; 2 — эвенки.

СРЕДНЕСИБИРСКИЙ ТИП.
НГАНАСАНО-ЭНЁЦКИЙ ВАРИАНТ

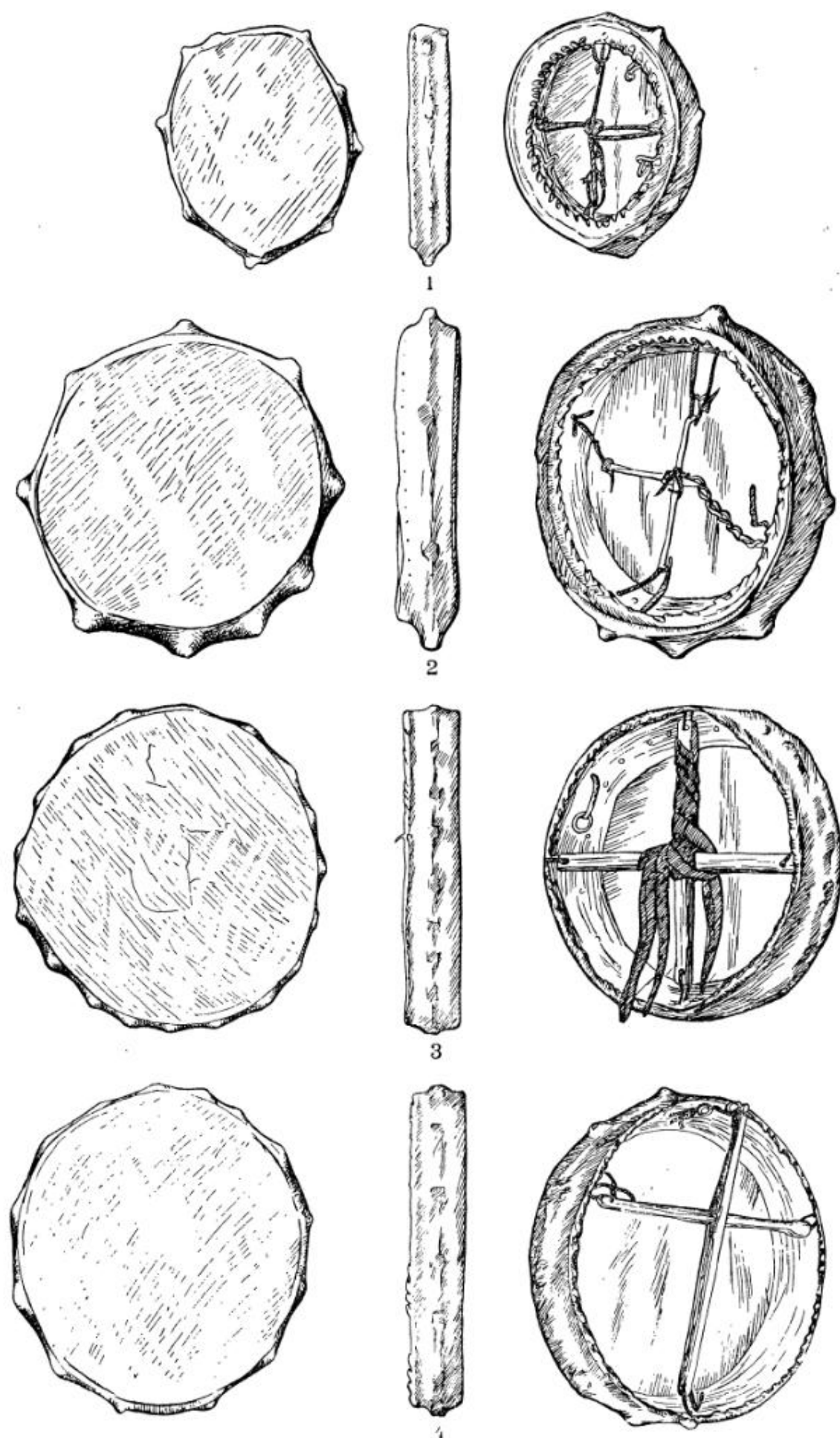

ТАБЛИЦА X

1 — энцы; 2 — нганасаны; 3 — ханты; 4 — ненцы.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ТИП
АМУРСКИЙ ВАРИАНТ

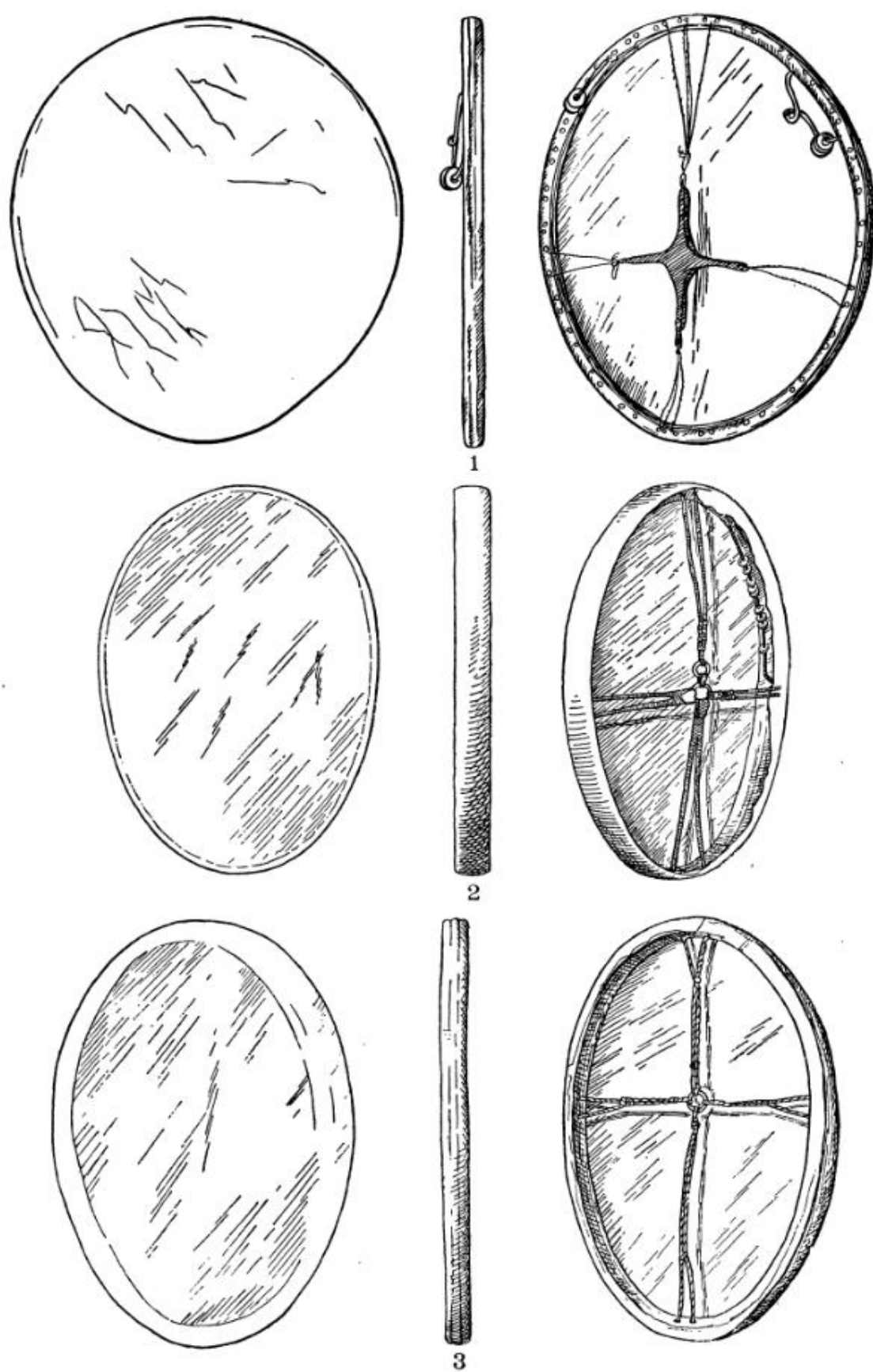

ТАБЛИЦА XI

1 — удгейцы; 2 — амурские эвенки; 3 — нивхи.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ТИП.
ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ВАРИАНТ

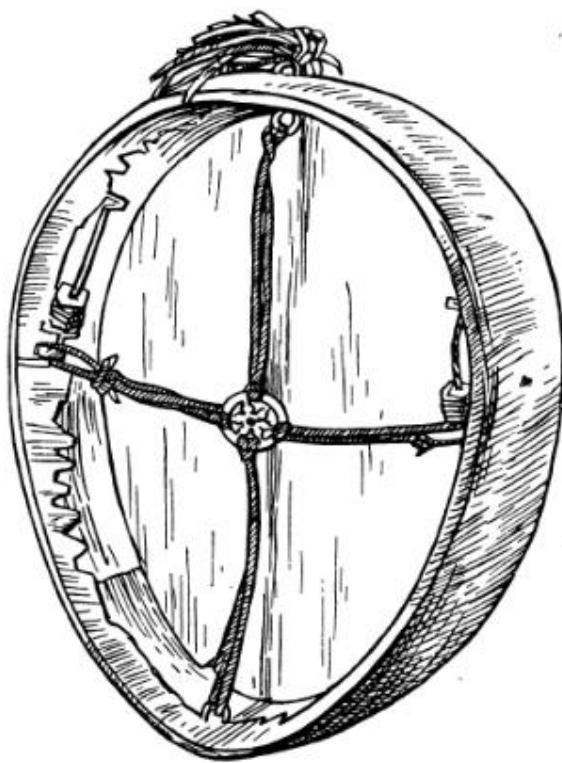
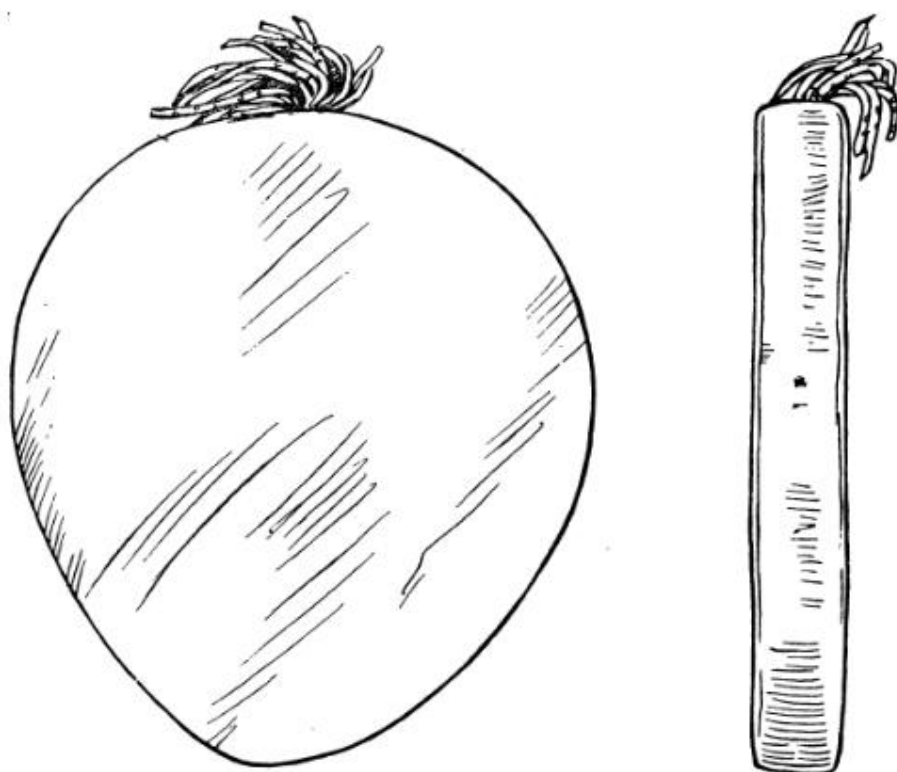
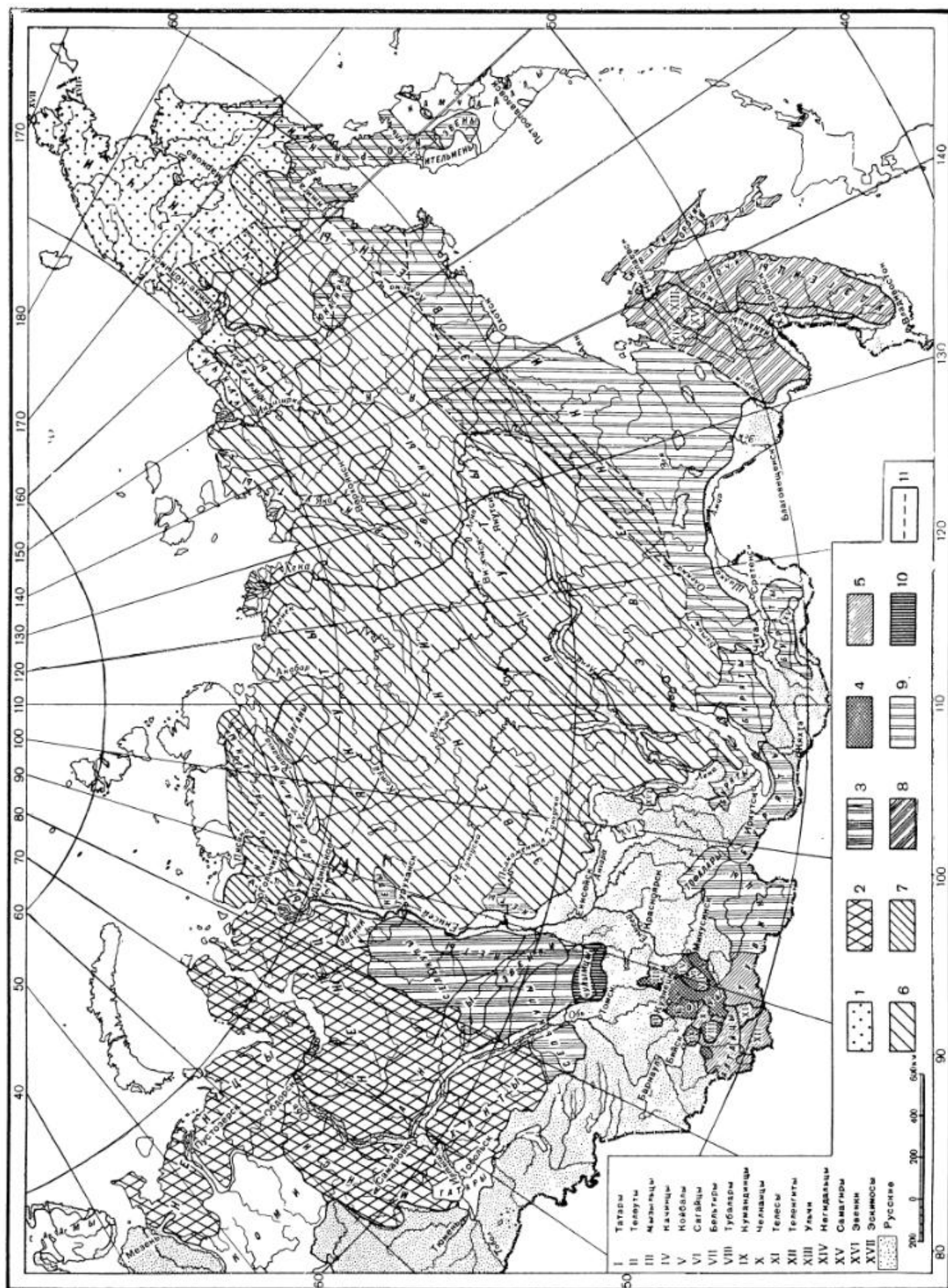
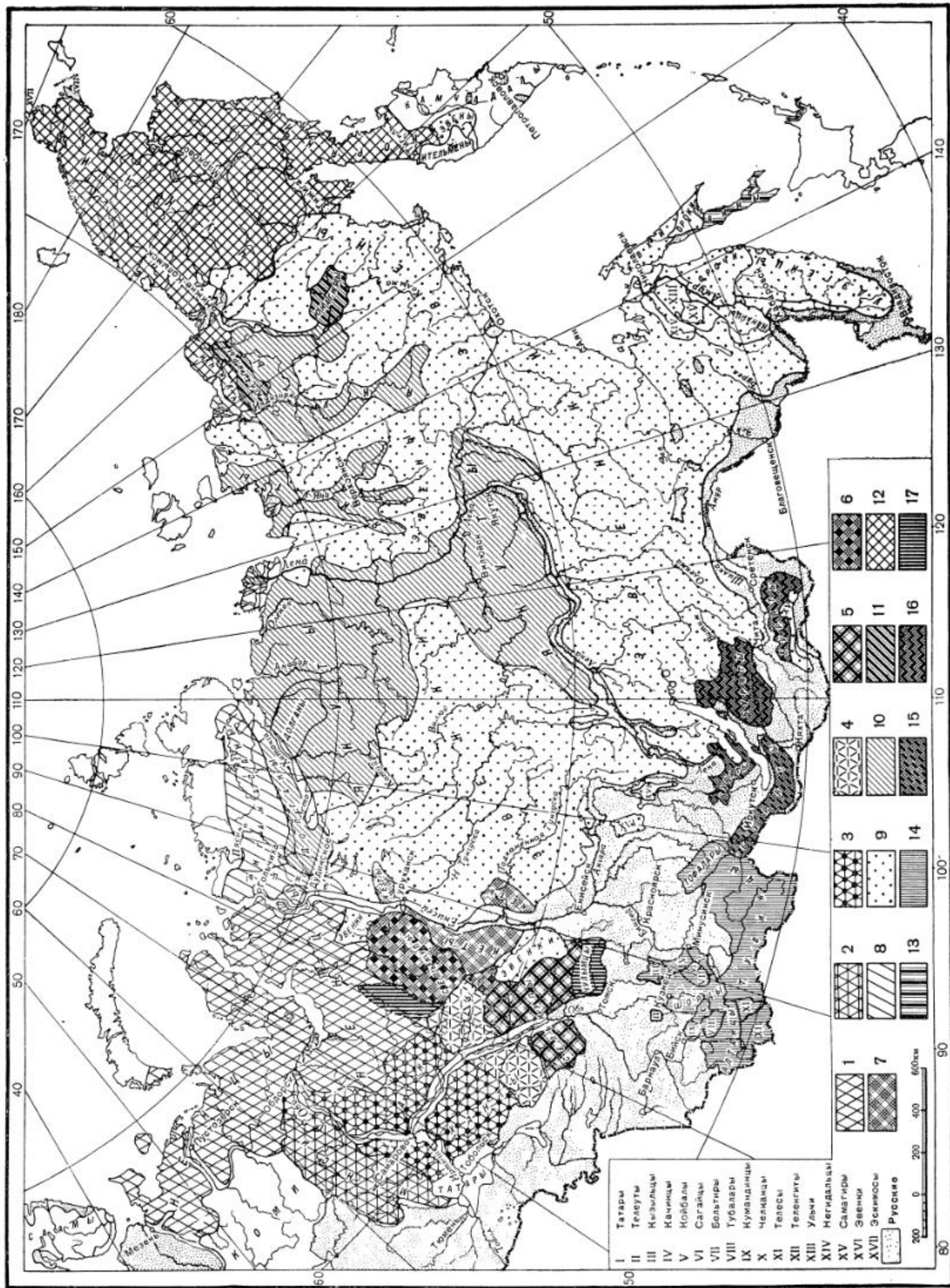

ТАБЛИЦА XII
Забайкальские эвенки.

КАРТА 1. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТИПОВ ШАМАНСКИХ БУБНОВ

Бубны с внешней рукоятью — 1. Бубны с внутренней рукоятью: 2 — западносибирский тип; 3 — южносибирский тип, салто-енисейский вариант; 4 — южносибирский тип, поросинский вариант; 5 — южносибирский тип, алтайский вариант; 6 — среднесибирский тип, эвенко-якутский вариант; 7 — среднесибирский тип, итаганско-энецкий вариант; 8 — дальневосточный тип, амурский вариант; 9 — дальневосточный тип, лабильный вариант. Невследственные районы — 10; условные границы распространения типов — 11.

КАРТА 3. РАСПРОСТРАНЕНИЕ НАЗВАНИЙ КОЛОТУШЕК ШАНТАРСКОГО БУЕНА

1 — телути, 2 — телути, 3 — телути, 4 — телути, 5 — телути, 6 — телути, 7 — телути, 8 — телути, 9 — телути, 10 — телути, 11 — телути, 12 — телути, 13 — телути, 14 — телути, 15 — телути, 16 — телути, 17 — телути.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАЦИЙ¹

К СТАТЬЕ «ОЛЕННЫЙ ТРАНСПОРТ»

- Таблица 1. 1 — фотография МАЭ № И-1160-100; 2 — фотография МАЭ № И-1162-115; 3 — фотография из личного собрания Л. В. Хомич.
- Таблица 2. 1 — фотография МАЭ № 2421-129; 2 — фотография МАЭ № 2421-79; 3 — фотография МАЭ № 2421-62; 4 — фотография МАЭ № 1345-50.
- Таблица 3. 1 — фотография МАЭ № И-1177-31; 2 — фотография МАЭ № И-1177-33; 3 — фотография МАЭ № И-1177-35.
- Таблица 4. 1 — фотография МАЭ № И-1268-189; 2 — фотография МАЭ № И-1268-194; 3 — фотография МАЭ № И-1268-143.
- Таблица 5. 1 — фотография МАЭ № И-1058-53; 2 — фотография МАЭ № И-1058-51; 3 — фотография МАЭ № И-1058-54; 4 — фотография МАЭ № И-1058-57а.
- Таблица 6. 1 — колл. МАЭ № 4128-268; 2 — колл. МАЭ № 4128-271; 3 — колл. МАЭ № 2141-26.
- Таблица 7. 1 — фотография МАЭ № И-1485-18; 2 — фотография МАЭ № И-1077-503; 3 — по фотографии МАЭ № И-1475-45; 4 — фотография МАЭ № И-1530-127.
- Таблица 8. 1 — колл. ГМЭ № 1059-11; 2 — колл. МАЭ № 2216-34; 3 — колл. МАЭ № 1524-164.
- Таблица 9. 1 — колл. МАЭ № 341-25; 2 — колл. МАЭ № 1004-84; 3 — колл. МАЭ № 4323-27; 4 — колл. МАЭ № 5777-21.
- Таблица 10. 1 — фотография ЦМН № 37-45; 2, а — колл. МАЭ № 4323-28; 2, б — колл. МАЭ № 5777-23; 2, в — колл. МАЭ № 1004-87; 2, г — колл. МАЭ № 341-26; 2, д — колл. МАЭ № 3723-33; 2, е — колл. МАЭ № 2003-13; 3, а — колл. МАЭ № 3723-34; 3, б — колл. МАЭ № 4323-39; 3, в — колл. МАЭ № 382-4/2; 3, г — колл. МАЭ № 1854-7; 3, д — колл. МАЭ № 3957-6; 4 — по фотографии МАЭ № И-1475-92.
- Таблица 11. 1 — фотохроника ТАСС № 25055; 2 — колл. МАЭ № 3723-47; 3 — колл. МАЭ № 445-35; 4 — по фотографии из личного собрания Л. Д. Ринас.
- Таблица 12. 1 — колл. МАЭ № 5334-31 (модель); 2 — колл. МАЭ № 5334-32 (модель); 3 — фотография МАЭ; 4 — фотография ЦМН № 42-78.
- Таблица 13. 1 — фотография МАЭ № И-1464-47; 2 — колл. МАЭ № 1099-103; 3 — колл. МАЭ № 250-13; 4 — фотография из личного собрания И. С. Гурвича.
- Таблица 14. 1 — фотография МАЭ; 2 — фотография из личного собрания В. В. Леонтьева; 3 — колл. МАЭ № 20-24; 4 — фотография МАЭ; 5 — колл. МАЭ № 20-25 (модель).
- Таблица 15. 1 — фотография МАЭ № 1488-97; 2 — фотография МАЭ № 1488-104.
- Таблица 16. 1 — колл. МАЭ № 1339-126; 2 — колл. МАЭ № 1339-132; 3 — колл. МАЭ № 1333-129; 4 — колл. МАЭ № 1340-425; 5 — колл. МАЭ № 1340-423; 6 — колл. МАЭ № 1339-127.

- Рис. 1 — фотография МАЭ № И-1162-64.
- Рис. 2 — фотография МАЭ № И-1162-103.
- Рис. 3: а — колл. МАЭ № 1347-6; б — колл. МАЭ № 1329-10.
- Рис. 4 — фотография МАЭ № И-1268-196.
- Рис. 5 — колл. МАЭ № 556-1.
- Рис. 6 — колл. МАЭ № 1089-1 (модель).
- Рис. 7 — фотография МАЭ № И-1077-216.
- Рис. 8: а — колл. МАЭ № 3723-43; б — колл. МАЭ № 341-27; в — колл. МАЭ № 3723-45; г — колл. МАЭ № 2216-51.
- Рис. 9 — колл. МАЭ № 407-13.
- Рис. 10: а — колл. МАЭ № 1340-414; б — колл. МАЭ № 1340-413; в — колл. МАЭ № 1340-407/2.
- Рис. 11: а — колл. МАЭ № 1339-135; б — колл. МАЭ № 1339-137; в — колл. МАЭ № 1339-153/2.
- Рис. 12: а, б — по материалам Г. М. Василевич; а-е — по работе В. Г. Богораза (W. Bogoraz. The Chukchee. Material Culture. Memoir of the Amer. Mus. of Nat. Hist., vol. VII, p. I, Leiden—New York, 1904, рис. 14, 15); ж, з — по работе А. Миддендорфа (Путешествие на север и восток Сибири, ч. II. СПб., 1877, стр. 499).
- Рис. 13 — колл. МАЭ № 5753-3.
- Рис. 14 — Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога, и плавание капитана Галла на судне Черном Орле по Северовосточному океану в 1791 г. СПб., 1811, рис. к стр. 63.

¹ В настоящий указатель не вошли иллюстрации, составленные авторами «Атласа».

К СТАТЬЕ «УПРЯЖНОЕ СОБАКОВОДСТВО»

- Таблица 1. 1 — колл. МАЭ № 1059-70ав (длина нарты 394 см, длина остола 142 см); 2 — по фотографии МАЭ № 2826-226; 3 — фотография МАЭ № 2826-1159; 4 — фотография МАЭ № 2826-1158; 5 — фотография МАЭ № 2826-357.
- Таблица 2. 1 — колл. МАЭ №№ 202-27 и 202-29/2 (длина нарты 364 см, длина остолов 107 и 112 см); 2 — Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. II. СПб., 1899, табл. XXXVII; 3 — фотография МАЭ № 1837-206; 4 — фотография МАЭ.
- Таблица 3. 1, 2 — колл. МАЭ № 2253-1 (длина нарты 215 см); 3 — фотография МАЭ № И-1213-55.
- Таблица 4. 1 — колл. МАЭ № 5111-101 (длина нарты 238 см); 2 — O. Finsch. Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876. Berlin, 1879, рис. 50; 3 — по работе А. А. Попова (Затундренские крестьяне (русские на р. Пясине). Советская этнография, 1934, № 3, рис. 3); 4 — колл. МАЭ № 1527-12.
- Таблица 5. 1 — колл. МАЭ №№ 865-1 и 865-1а (длина нарты 232 см, длина остола 138 см); 2 — Путешествие флота капитана Сарычева по Северовосточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. . . с 1785 по 1793 год, ч. I. СПб., 1802, рис. к стр. 170; 3 — колл. МАЭ № 863-1; 4 — колл. МАЭ № 4211-36 (модель); 5 — W. H. Hooper. Ten Months among the Tents of the Tuski. London, 1853, стр. 71.
- Таблица 6. 1 — Путешествие флота капитана Сарычева. . . рис. к стр. 36; 2 — D. Mac Ritchie. The Ainous. Supplément au Tome IV des Archives Internationales d'Ethnographie, 1892, табл. XV, 2; 3 — Краткая Сибирская летопись (кунгурская). СПб., 1880, рис. 9; 4 — колл. МАЭ № 5753-3.

- Рис. 1 — фотохроника ТАСС № 133279.
- Рис. 2 — колл. МАЭ № 5541-112 (длина нарты 168 см).
- Рис. 3 — колл. МАЭ № 4775-1 (длина нарты 250 см).

К СТАТЬЕ «ЛЫЖИ»

- Таблица 1. 1 — колл. МАЭ № 5160-28 (длина лыж 207 см, ширина лыж 15 см); 2 — колл. ГМЭ № 3944-211ав (длина лыж 185 см, ширина лыж 24 см); 3 — колл. МАЭ № 859-90аб (длина лыж 150 см, ширина лыж 25 см); 4 — колл. МАЭ № 4289-1 (длина лыж 206 см, наибольшая ширина лыж 25 см); 5 — колл. МАЭ № 592-26ав (длина лыж 183 см, ширина лыж 15 см).
- Таблица 2. 1 — колл. МАЭ № 5541-106ав (длина лыж 183 см, ширина лыж 15 см); 2 — колл. МАЭ № 859-88аб (модель); 3 — колл. МАЭ № 2383-74ав (длина лыж 100 см, ширина лыж 9 см); 4 — Sammlung F. R. Martin. Sibirica. Ein Beitrag zur Kenntnis der Vorgeschichte und Kultur Sibirischer Völker. Stockholm, 1897, табл. 15, рис. 4; 5 — колл. МАЭ № 5111-112 (длина посоха 180 см); 6 — колл. МАЭ № 5541-105 (длина посоха 142 см); 7 — колл. МАЭ № 1048-177/2 (длина лыж 132 см, ширина лыж 29 см); 8 — колл. МАЭ № 1048-176/2 (длина лыж 120 см, ширина лыж 25,5 см); 9 — колл. МАЭ № 1048-150 (длина посоха 168 см).
- Таблица 3. 1 — колл. ГМЭ № 2864-75ав (длина лыж 150 см, ширина лыж 36 см); 2 — колл. МАЭ № 1004-174ав (длина лыж 141 см, наибольшая ширина лыж 36 см); 3 — колл. МАЭ № 341-46 (длина лыж 137 см, ширина лыж 26 см); 4 — колл. ГМЭ № 971-58ав (длина лыж 192 см, ширина лыж 25 см).
- Таблица 4. 1 — колл. ГМЭ № 2245-248ав (длина лыж 121 см, ширина лыж 24 см); 2 — колл. МАЭ № 637-1 (длина посоха 121 см); 3 — колл. ГМЭ № 2864-73ав (длина лыж 150 см, ширина лыж 30 см); 4 — колл. МАЭ № 2666-294аб (длина лыж 182 см, ширина лыж 12,5 см); 5 — колл. МАЭ № 3758-27аб (длина лыж 126 и 120 см, ширина лыж 18 и 16,5 см); 6 — колл. МАЭ № 2666-296 (длина посоха 157 см).
- Таблица 5. 1 — колл. МАЭ № 407-44ав (длина лыж 93 см, наибольшая ширина лыж 21 см); 2 — колл. МАЭ № 4211-27ав (длина лыж 52 и 61 см, наибольшая ширина лыж 20 см); 3 — колл. МАЭ № 407-46ав (длина лыж 138 см, ширина лыж 24 см); 4 — колл. МАЭ № 408-29 (длина посоха 94 см).
- Таблица 6. 1 — колл. ГМЭ № 3964-88/2 (длина лыж 96 см, ширина лыж 19,5 см); 2 — колл. МАЭ № 20-28 (длина лыж 157 см, ширина лыж 20,5 см); 3 — по работе Р. Торни (R. Torri. Etudes Archéologiques et Ethnologiques. Les Ainous des Iles Kouriles. Journal of the College of Science, Imperial University of Tokyo, vol. XLII, Art. 1, Tokyo, 1919, рис. 45).
- Таблица 7. 1, 2 — колл. МАЭ №700-142а/26 (длина лыж 58 см, ширина лыж 25,5 см); 3 — колл. МАЭ № 829-496 (длина лыж 124 см, ширина лыж 12,5 см); 4 — колл. МАЭ № 700-309

ПРИЛОЖЕНИЯ

- (длина лыж 163 см, ширина лыж 16 см); 5 — колл. ГМЭ № 2815-13/2 (длина лыж 181 см, ширина лыж 17 см).
- Таблица 8. 1 — колл. ГМЭ № 5602-7/2 (длина лыж 174 и 165 см, ширина лыж 13 см); 2 — колл. ГМЭ № 4798-185/2 (длина лыж 160 см, ширина лыж 14 см); 3 — колл. МАЭ № 209-35ав (длина лыж 177 см, ширина лыж 14 см); 4 — колл. ГМЭ № 2078-67/2 (длина лыж 156 см, ширина лыж 14 см); 5 — колл. ГМЭ № 2078-70/2 (длина лыж 177 см, ширина лыж 17,5 см).
- Таблица 9. 1 — колл. МАЭ (длина лыж 200 см, ширина лыж 18 см); 2 — колл. МАЭ № 1765-262 (длина посоха 178 см); 3 — колл. МАЭ № 5530-101 и 102 (длина посоха 160 см); 4 — колл. ГМЭ № 1997-156ав (длина лыж 176 см, ширина лыж 11,5 см); 5 — колл. ГМЭ № 1997-157ав (длина лыж 182 см, ширина лыж 19 см); 6 — колл. ГМЭ № 1870-35ав (длина лыж 182 см, ширина лыж 14 см); 7 — колл. ГМЭ № 1995-77ав (длина лыж 196 см, ширина лыж 13 см).
- Таблица 10. 1 — колл. МАЭ № 3645-177ав (длина лыж 154 см, ширина лыж 12 см); 2 — колл. МАЭ № 2334-50 (длина посоха 168 см); 3 — колл. МАЭ № 3369-20аб (длина лыж 159 см, ширина лыж 11 см); 4 — колл. ГМЭ № 4332-93аб (длина лыж 150 см, ширина лыж 11 см); 5 — колл. МАЭ № 3369-20в (длина посоха 147 см); 6 — колл. МАЭ № 5062-51ав (длина лыж 154 и 145 см, ширина лыж 9,5 и 11 см); 7 — колл. МАЭ № 1339-228/2 (длина лыж 165 см, ширина лыж 17 см); 8 — колл. МАЭ № 1339-227/2 (длина лыж 174 см, ширина лыж 15 см).

Рис. 1 — фотография МАЭ № И-1268-201.

Рис. 2 — С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, стр. 399.

К СТАТЬЕ «ЛОДКИ»

- Таблица 1. 1 — фотография МАЭ; 2 — фотография МАЭ № 2421-94; 3 — фотография МАЭ № 2421-59; 4 — фотография МАЭ № И-1210-34; 5 — фотография МАЭ № И-1210-39.
- Таблица 2. 1 — фотография из личного собрания Е. Д. Прокофьевой; 2 — фотография МАЭ № И-1268-5; 3 — фотография МАЭ № И-1268-58.
- Таблица 3. 1 — фотография МАЭ № И-1355-252; 2 — фотография МАЭ № И-1472-39; 3 — фотография МАЭ № 2639А-1; 4 — фотография ЦМН № 37-6.
- Таблица 4. 1 — колл. МАЭ № 273-22 (модель); 2 — по фотографии МАЭ № 4415-88; 3 — колл. МАЭ № 334-37 (модель); 4 — колл. МАЭ № 3608-1 (длина лодки 417 см); 5 — фотография МАЭ № 4568-95.
- Таблица 5. 1 — фотография МАЭ; 2 — фотография МАЭ № 4404-173; 3 — фотография МАЭ № 4399-102; 4 — фотография МАЭ № 4399-100.
- Таблица 6. 1 — по фотографии МАЭ № И-1542-38; 2 — колл. МАЭ № 407-21 (модель); 3 — по фотографии ГМЭ № 5057-9; 4 — колл. МАЭ № 956-49 (длина лодки 266 см); 5 — фотография МАЭ; 6 — фотография МАЭ № 2826-148.
- Таблица 7. 1 — фотография МАЭ; 2 — фотография МАЭ № И-925-8; 3 — колл. МАЭ № 202-106 (модель); 4 — колл. МАЭ № 809-14 (модель); 5 — фотография ЦМН № 42-1.
- Таблица 8. 1 — фотография МАЭ № И-472-38; 2 — И. А. Лопатин. Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские. Зап. Общества изуч. Амурского края, т. XVII, Владивосток, 1922, табл. XIV, рис. 27; 3 — фотография МАЭ № И-244-11; 4 — фотография МАЭ № И-472-26; 5 — колл. МАЭ № 3634-6 (модель); 6 — фотохроника ТАСС № 86790; 7 — фотография ЦМН № 45-36.
- Таблица 9. 1 — фотография МАЭ № И-1612-60; 2 — колл. МАЭ № 391-33 (модель); 3 — фотография МАЭ № 3646-52; 4 — фотография МАЭ.

К СТАТЬЕ «ЖИЛИЩЕ»

- Таблица 1. 1 — фотография ГМЭ № 1705-4; 2 — по работе К. Д. Носилова (У вогулов. СПб., 1904, стр. 41); 3 — фотография ГМЭ № 1705-8; 4 — фотография МАЭ № 1345-7; 5 — фотография МАЭ № И-1357-10.
- Таблица 2. 1 — по материалам Н. Ф. Прытковой; 2 — по материалам В. Н. Чернецова; 3 — по фотографии ГМЭ; 4 — по работе У. Т. Сирелиуса (U. T. Sirelius. Über die primitiven Wohnungen der finnischen und Ob-ugriscchen Völker. Finnisch-ugriscche Forschungen Zeitschrift für Finnisch-ugriscche Sprach- und Volkskunde, Band VIII, 1908, рис. 101).
- Таблица 3. 1 — фотография МАЭ № И-795-57; 2 — фотография МАЭ № 2421-154; 3 — по работе У. Т. Сирелиуса (U. T. Sirelius, ук. соч., 1906, Band VI, рис. 13); 4 — по работе У. Т. Сирелиуса (U. T. Sirelius, ук. соч., 1906, Band VI, рис. 16).
- Таблица 4. 1 — фотография МАЭ № И-795-84; 2 — фотография ГМЭ № 1706-33; 3 — фотография МАЭ № 2421-114.
- Таблица 5. 1 — по работе М. Б. Шатилова (Ваховские остиаки. Этнографические очерки). Труды Томского краеведческого музея, т. IV, Томск, 1931); 2 — по работе У. Т. Сирелиуса (U. T. Sirelius, ук. соч., Band VII, 1907, рис. 76); 3 — по работе У. Т. Сирелиуса (U. T. Sirelius, ук. соч., Band VII, 1907, рис. 75).
- Таблица 6. 1 — фотография из личного собрания А. А. Попова; 2 — фотография МАЭ № И-1268-148; 3 — фотография МАЭ № И-1706-95.

- Таблица 7. 1 — фотография МАЭ № И-1706-96; 2 — фотография МАЭ № И-1268-159; 3 — фотография МАЭ № И-1706-487; 4 — фотография ГМЭ № 5659-145.
- Таблица 8. 1 — А. А. Попов. Нганасаны, вып. I. Материальная культура. Труды ИЭ АН СССР, новая серия, т. III, М.—Л., 1948, табл. 12, рис. 4; 2 — фотография МАЭ № И-1161-9; 3 — фотография МАЭ № И-473-86.
- Таблица 9. 1 — фотография МАЭ № И-1304-314; 2 — фотография ГМЭ № 5687-1; 3 — фотография из личного собрания Л. П. Потапова.
- Таблица 10. 1 — фотография ГМЭ № 4721-136; 2 — фотография ГМЭ; 3 — фотография МАЭ № 4122-6.
- Таблица 11. 1 — фотография МАЭ № 4126-103; 2 — фотография МАЭ № 4124-66; 3 — фотография МАЭ № 4122-18.
- Таблица 12. 1 — фотография ГМЭ № 4447-61; 2 — фотография ГМЭ № 4447-60; 3 — фотография МАЭ № И-135-144; 4 — фотография МАЭ № И-135-162.
- Таблица 13. 1 — фотография МАЭ № 4121-4; 2 — фотография МАЭ № 4125-14; 3 — фотография МАЭ № 4120-12.
- Таблица 14. 1 — фотография МАЭ № 4125-17; 2 — фотография МАЭ № 4120-11; 3 — по работе Н. М. Ядринцева (Алтай и его инородческое царство. Исторический вестник, 1885, XX, стр. 629).
- Таблица 15. 1 — фотография МАЭ № 2410-31; 2 — фотография МАЭ № И-802-12; 3 — фотография МАЭ № 2410-27.
- Таблица 16. 1 — фотография МАЭ № 2410-29; 2 — фотография МАЭ № 3892-18; 3 — по работе Ю. А. Шибаевой (Из истории хакасского жилища. Краткие сообщения ИЭ АН СССР, вып. X, М.—Л., 1950, рис. 2).
- Таблица 17. 1 — фотография из личного собрания В. Дюсеге; 2 — фотография ГМЭ № 5638-42; 3 — фотография МАЭ № 2410-32.
- Таблица 18. 1 — фотография МАЭ № 1488-138; 2 — фотография МАЭ № И-1612-230; 3 — фотография МАЭ № И-1612-226.
- Таблица 19. 1 — фотография МАЭ № 1493-110; 2 — фотография МАЭ № И-1611-141; 3 — фотография МАЭ № И-1612-81; 4 — фотография МАЭ № И-1612-229.
- Таблица 20. 1 — фотография ГМЭ; 2 — фотография из личного собрания В. Д. Запорожской.
- Таблица 21. 1 — фотография ГМЭ № 932-1а; 2 — фотография МАЭ № 1611-7; 3 — фотография МАЭ № 4399-202.
- Таблица 22. 1 — по рисунку студентов северного факультета Ленинградского Государственного университета; 2 — фотография МАЭ № 1611-6; 3 — W. J o s c h e l s o n. The Yakut. Anthropological Papers of the Amer. Mus. of Nat. Hist., vol. XXXIII, p. II, New York, 1933, рис. 25.
- Таблица 23. 1 — А. А. Попов. Кочевая жизнь и типы жилищ у долган. Сибирский этнографический сборник, I. Труды ИЭ АН СССР, новая серия, т. XVIII, М.—Л., 1952, рис. 12; 2 — А. А. Попов. Кочевая жизнь и типы жилищ у долган, рис. 22; 3 — А. А. Попов. Кочевая жизнь и типы жилищ у долган, рис. 23; 4 — фотография МАЭ № И-1530-103.
- Таблица 24. 1 — фотография ГМЭ № 5659-61; 2 — фотография МАЭ № 1469-8; 3 — фотография ЦМН № 37-55; 4 — фотография МАЭ № И-1474-29; 5 — фотография МАЭ № И-1535-57; 6 — фотография ЦМН № 36-4.
- Таблица 25. 1 — фотография МАЭ № 2639-137; 2 — фотография МАЭ № 2002-70; 3 — фотография МАЭ № И-1475-5; 4 — фотография МАЭ № 2002-7.
- Таблица 26. 1 — фотография ГМЭ; 2 — по фотографии МАЭ № И-1541-77; 3 — фотография МАЭ № 1837-82.
- Таблица 27. 1 — фотография МАЭ № 1837-3; 2 — фотография МАЭ № И-472-45; 3 — фотография МАЭ № И-1539-17.
- Таблица 28. 1 — Р. Маак. Путешествие на Амур. СПб., 1859 (альбом рисунков), рис. 6; 2 — фотография МАЭ № 1837-10; 3 — фотография МАЭ № И-1535-36.
- Таблица 29. 1 — фотография МАЭ № И-1539-157; 2 — фотография МАЭ № 1539-154; 3 — фотография МАЭ № 3618-57.
- Таблица 30. 1 — Р. Маак, ук. соч., табл. 1, рис. 5; 2 — фотография МАЭ № 3618-61; 3 — фотография МАЭ № 3618-62.
- Таблица 31. 1 — фотография МАЭ № И-1548-20; 2 — по фотографии МАЭ № 922-5; 3 — фотография ЦМН № 35-41; 4 — фотография МАЭ № 4398-4.
- Таблица 32. 1 — фотография ЦМН № 35-103; 2 — фотография ЦМН № 35-38; 3 — фотография ЦМН № 35-45.
- Таблица 33. 1 — фотография ЦМН № 42-57; 2 — фотография ЦМН № 42-53; 3 — по фотографии МАЭ № 1469-22; 4 — фотография МАЭ № 1838-396; 5 — фотография ЦМН № 44-88.
- Таблица 34. 1 — фотография МАЭ № 1837-159; 2 — фотография МАЭ № 1837-111; 3 — фотография МАЭ № И-197-5; 4 — фотография МАЭ № 1837-160.
- Таблица 35. 1 — фотография МАЭ № И-505-91; 2 — фотография из личного собрания М. А. Сергеева; 3 — фотография МАЭ № И-1542-32; 4 — фотография МАЭ.
- Таблица 36. 1 — фотография МАЭ № И-115-35; 2 — фотография ЦМН № 29-1; 3 — фотография МАЭ № 4399-122.
- Таблица 37. 1 — фотография МАЭ № 1472-72; 2 — по работе Р. Торни (R. Torii. Etudes Archéologiques et Ethnologiques. Les Ainou des Iles Kouriles. Journal of the College of Science, Imperial University of Tokyo, vol. XLII, Art. I, Tokyo, 1919, табл. XVIII); 3 — по работе Садисси Насидзуру (Айны Сахалина (на японском языке). Токио, 1942, серия Музея Сахалина, № 5, стр. 37).
- Таблица I. 1 — по материалам студентов Государственного педагогического института им. А. И. Герцена; 2 — по материалам Е. А. Алексеенко; 3 — по работе К. Доннера (K. D o n n e r. Ethnological notes about the Yenisey-Ostyak (in the Turukhansk region). Memoires de la Société Finno-Ougrienne, LXVI, Helsinki, 1933, рис. 8); 4, 9 — по материалам Ч. М. Таксами; 5 — по фотографии С. И. Руденко; 6—8 — по работе

- У. Т. Сирелиуса (U. T. Sirelius, ук. соч., Band VIII, 1908, рис. 90—92).
- Таблица II. 1 — по материалам Ч. М. Таксами; 2, 3 — по материалам Г. Мечкина; 4, 5 — по работе У. Т. Сирелиуса (U. T. Sirelius, ук. соч., Band VIII, 1908, рис. 94, 96); 6 — по работе В. П. Маргаритова (Об орочах Императорской гавани. СПб., 1888, табл. I, рис. 3); 7—9 — по материалам Н. П. Дыренковой; 10 — по материалам Н. Конникова.
- Таблица III. 1 — по фотографии МАЭ № 1837-2; 2, 5, 6 — по материалам А. В. Смоляк; 3, 4 — по работе В. П. Маргаритова (ук. соч., табл. I, рис. 2 и 1); 7 — по работе У. Т. Сирелиуса (U. T. Sirelius, ук. соч., Band VIII, 1908, рис. 93); 8 — по фотографии МАЭ № И-415-51; 9 — по работе У. Т. Сирелиуса (U. T. Sirelius, ук. соч., Band VIII, 1908, рис. 98).
- Таблица IV. 1 — по работе У. Т. Сирелиуса (U. T. Sirelius, ук. соч., Band VIII, 1908, рис. 99); 2 — по материалам Н. Ф. Прытковой; 3—6 — по материалам Г. М. Василевич; 7 — по фотографии МАЭ № И-472-135; 8—10 — по материалам Г. Мечкина.
- Таблица V. 1 — по фотографии МАЭ № 1837-16; 2 — по работе И. А. Лопатина (Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские. Зап. Общества изуч. Амурского края, т. XVII, Владивосток, 1922, табл. IX, рис. 18); 3 — по работе И. А. Лопатина (ук. соч., табл. IX, рис. 17); 4—7 — по работе С. В. Иванова (Старинное зимнее жилище ульчей. Сб. МАЭ, т. XIII, М.—Л., 1951, рис. 20, 19, 18, 36); 8 — по фотографии МАЭ № 1837-1; 9 — по работе Л. Шренка (Об инородцах Амурского края, т. II. СПб., 1899, стр. 59); 10—12 — по работе Р. Торни (R. Torii, ук. соч., рис. 82—84); 13 — реконструкция А. А. Попова; 14 — по материалам Е. Д. Прокофьевой.
- Таблица VI. 1 — по фотографии ГМЭ № 1705-40; 2 — по материалам Е. Д. Прокофьевой; 3 — по материалам студентов Государственного педагогического института им. А. И. Герцена; 4, 5, 7, 9—12 — по материалам Г. Д. Вербова; 6, 8 — по работе В. Н. Чернецова (Чум. Советская этнография, 1936, № 6, рис. 2 и 11); 13—17 — по работе А. А. Попова (Нганасаны, рис. 35—37, 41); 18 — по материалам А. А. Попова.
- Таблица VII. 1 — по работе А. А. Попова (Нганасаны, рис. 39); 2, 3 — по материалам А. А. Попова; 4—9 — по работе А. А. Попова (Кочевая жизнь и типы жилищ у долган, рис. 29, 18, 16); 10, 14, 15 — по материалам Г. М. Василевич; 11—13 — по материалам студентов Государственного педагогического института им. А. И. Герцена.
- Таблица VIII. 1, 2 — по материалам Г. М. Василевич; 3, 4 — по материалам студентов Государственного педагогического института им. А. И. Герцена; 5—8 — по работе В. Н. Чернецова (ук. соч., рис. 4 и 5); 9—11 — по работе У. Т. Сирелиуса (U. T. Sirelius, ук. соч., Band VI, 1906, рис. 4, 5, 3); 12, 13 — по материалам Н. Ф. Прытковой; 14—16 — по материалам Е. Д. Прокофьевой; 17 — по работе С. И. Вайнштейна (Чум подкаменнотунгусских кетов. Краткие сообщения ИЭ АН СССР, вып. XXI, М.—Л., 1954, рис. 2).
- Таблица IX. 1—5 — по работе С. И. Вайнштейна (ук. соч., рис. 3, 6, 4, 5); 6—15 — по материалам Е. А. Алексеенко.
- Таблица X. 1, 2 — по фотографии МАЭ № 4121-60; 3 — по рисунку МАЭ № И-122-31; 4 — по материалам А. А. Попова; 5 — по работе А. А. Попова (Старинная якутская берестяная юрта. Сб. МАЭ, т. X, М.—Л., 1949, рис. 17); 6, 12 — по работе О. В. Ионовой (Жилые и хозяйственные постройки якутов. Сибирский этнографический сборник, I. Труды ИЭ АН СССР, новая серия, т. XVIII, М.—Л., 1952, рис. 1 и 6); 7 — по материалам М. М. Носова; 8—11 — по материалам Д. Ф. Степанова; 13 — по материалам студентов Государственного педагогического института им. А. И. Герцена; 14 — по работе У. Т. Сирелиуса (U. T. Sirelius, ук. соч., Band VI, 1906, рис. 7 и 22); 15 — по материалам А. Ф. Анисимова.
- Таблица XI. 1—3, 5 — по работе У. Т. Сирелиуса (U. T. Sirelius, ук. соч., Band VI, 1906, рис. 8, 17, 18); 4 — по работе У. Т. Сирелиуса (U. T. Sirelius, ук. соч., Band VIII, 1908, рис. 112); 6, 7 и 15 — по работе О. В. Ионовой (ук. соч., рис. 5 и 7); 8—13 — по материалам М. И. Кармашовой; 14 — по работе А. А. Попова (Кочевая жизнь и типы жилищ у долган, рис. 29).
- Таблица XII. 1—7 — по работе У. Т. Сирелиуса (U. T. Sirelius, ук. соч., Band VI, 1906, рис. 19, 14, 23, 21, 10, 12, 11); 8—12 — по работе Б. О. Долгих (Старинные землянки кетов на реке Подкаменная Тунгуска. Советская этнография, 1952, № 2, рис. 4, 7, 8, 2); 13—15 — по материалам П. И. Каралькина.
- Таблица XIII. 1, 2 — по материалам А. А. Попова; 3—5 — по работе А. А. Попова (Кочевая жизнь и типы жилищ у долган, рис. 29); 6 — по фотографии Л. П. Потапова; 7, 8 — по работе Ю. А. Шибаевой (ук. соч., рис. 3); 9 — по работе В. Г. Богораза (W. Bogoras. The Chukchee. Material Culture. Memoir of the Amer. Mus. of Nat. Hist., vol. VII, p. I, Leiden — New York, 1904, табл. XV, рис. 3); 10 — по фотографии МАЭ № И-435-8.
- Таблица XIV. 1, 2 — по работе Е. С. Рубцовой (Материалы по языку и фольклору эскимосов. М.—Л., 1954, рис. 4 и 3); 3, 4 — по работе Е. П. Орловой (Азиатские эскимосы. Изв. ВГО, 1941, т. 73, вып. 2, рис. 7); 5, 6 — по работе В. Г. Богораза (W. Bogoras, ук. соч., рис. 92 и табл. XIII, рис. 2).
- Таблица XV. 1—9 — по материалам И. С. Вдовина.
- Таблица XVI. 1—9 — по материалам К. А. Новиковой.
- Таблица XVII. 1—3 — по работе В. И. Йохельсона (W. Jochelson. The Koryak. Material Culture and Social Organisation. Memoir of the Amer. Mus. of Nat. Hist., vol. VI, p. II, Leiden — New York, 1908, рис. 59); 4—7 — по работе Н. Н. Беретти (На крайнем Северо-Востоке. Зап. Владивостокского отделения ГРГО, т. IV (XXI), 1929, фиг. 4).
- Таблица XVIII. 1—3, 8, 10, 11 — по материалам Е. Д. Прокофьевой; 4 — по колл. МАЭ; 5—7, 9 — по колл. ГМЭ № 4040-150.
- Таблица XIX. 1, 2 — по работе Ю. А. Шибаевой (ук. соч., рис. 1); 3—5 — по материалам Е. Д. Прокофьевой; 6—8 — по работе В. И. Йохельсона (W. Jochelson. The Koryak, рис. 60—62); 9—12 — по работе Н. Н. Беретти (ук. соч., фиг. 1 и 2).
- Таблица XX. 1 — по материалам Н. И. Терешкина; 2, 3 — по работе У. Т. Сирелиуса (U. T. Sirelius, ук. соч., Band VIII, 1908, рис. 110а и 110в); 4—6 — по материалам В. Н. Чернецова; 7, 8 — по материалам Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых; 9 — по материалам Н. П. Дыренковой; 10 — по материалам С. П. Балдаева.
- Таблица XXI. 1—3, 5 — по материалам П. И. Каралькина; 4 — по материалам Е. Д. Прокофьевой; 6 — по работе Е. К. Яковлева (Этнографический обзор населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Минусинск, 1900, стр. 34); 7 — по фотографии МАЭ № 3729-76; 8 — по фотографии МАЭ № 3729-37.
- Таблица XXII. 1 — по материалам С. П. Балдаева; 2—4 — по работе О. В. Ионовой (ук. соч., рис. 19, 18, 20); 5—7 — по материалам А. В. Смоляк; 8 — по работе Л. Шренка (ук. соч., стр. 47).
- Таблица XXIII. 1, 2 — по материалам Н. А. Липской; 3 — по работе У. Т. Сирелиуса (U. T. Sirelius, ук. соч., Band VII, 1907, рис. 74); 4, 5 — по работе Л. Шренка (ук. соч., табл. X, стр. 12); 6, 7 — по работе Р. Торни (R. Torii, ук. соч., рис. 87); 8 — по материалам А. А. Попова.

К СТАТЬЕ «ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА»

- Таблица 1. 1 — колл. МАЭ № 979-9; 2 — колл. МАЭ № 3088-1.
- Таблица 2. 1 — колл. МАЭ № 966-2; 2 — колл. МАЭ № 718-4.
- Таблица 3. 1 — колл. МАЭ № 1864-21; 2 — колл. МАЭ № 859-11.
- Таблица 4. 1 — колл. МАЭ № 338-49; 2 — колл. МАЭ № 5823-20.
- Таблица 5. 1 — колл. МАЭ № 5823-19; 2 — колл. МАЭ № 5576-1.
- Таблица 6. 1 — колл. МАЭ № 1965-1; 2 — колл. ГМЭ № 474-4.
- Таблица 7. 1 — колл. ГМЭ № 1711-502; 2 — колл. МАЭ № 313-108.
- Таблица 8. 1 — колл. ГМЭ № 4331-23; 2 — колл. МАЭ № 5093-23.
- Таблица 9. 1 — колл. МАЭ № 4034-74; 2 — колл. МАЭ № 1048-1.
- Таблица 10. 1 — колл. МАЭ № 1048-7; 2 — колл. МАЭ № 4034-75.
- Таблица 11. 1 — колл. МАЭ № 3685-4; 2 — колл. МАЭ № 461-1а; 3 — колл. МАЭ № 4323-54.
- Таблица 12. 1 — колл. ГМЭ № 4871-123; 2 — колл. МАЭ № 4323-51; 3 — колл. МАЭ № 27-24а.
- Таблица 13. 1 — колл. МАЭ № 1524-3; 2 — колл. ГМЭ № 799-1; 3 — колл. МАЭ № 2216-62.
- Таблица 14. 1 — колл. МАЭ № 4323-55; 2 — колл. МАЭ № 3957-1; 3 — колл. МАЭ № 1004-53.
- Таблица 15. 1 — колл. МАЭ № 4323-48; 2 — колл. МАЭ № 4323-65; 3 — колл. МАЭ № 1524-32а.
- Таблица 16. 1 — колл. МАЭ № 1004-65; 2 — колл. МАЭ № 1004-70; 3 — колл. МАЭ № 1004-58.
- Таблица 17. 1 — колл. МАЭ № 1524-2; 2 — колл. МАЭ № 2216-77; 3 — колл. МАЭ № 1854-1.
- Таблица 18. 1 — колл. МАЭ № 2078-10; 2 — колл. МАЭ № 2078-11.
- Таблица 19. 1 — колл. МАЭ № 1525-59; 2 — колл. МАЭ № 4128-204; 3 — колл. МАЭ № 4324-1.
- Таблица 20. 1 — колл. МАЭ № 4128-49; 2 — колл. МАЭ № 4128-44.
- Таблица 21. 1 — колл. МАЭ № 639-2; 2 — колл. МАЭ № 4334-1.
- Таблица 22. 1 — колл. ГМЭ № 184-3; 2 — колл. ГМЭ № 729-7; 3 — колл. МАЭ № 2113-1.
- Таблица 23. 1 — колл. МАЭ № 1071-72; 2 — колл. МАЭ № 701-22.
- Таблица 24. 1 — колл. МАЭ № 2666-18; 2 — колл. МАЭ № 2425-2; 3 — колл. МАЭ № 341-8.
- Таблица 25. 1 — колл. МАЭ № 745-1; 2 — колл. МАЭ № 1071-3.
- Таблица 26 — колл. МАЭ № 723-2.
- Таблица 27. 1 — колл. МАЭ № 1626-8; 2 — колл. МАЭ № 1070-82; 3 — колл. МАЭ № 1070-99.
- Таблица 28. 1 — колл. МАЭ № 2368-5; 2 — колл. ГМЭ № 2245-25; 3 — колл. МАЭ № 273-4.
- Таблица 29. 1 — колл. МАЭ № 147-32; 2 — колл. МАЭ № 5181-3.
- Таблица 30. 1 — колл. МАЭ № 398-1; 2 — колл. МАЭ № 690-21.
- Таблица 31. 1а и 1б — колл. МАЭ № 395-1ав; 2 — колл. МАЭ № 395-61.
- Таблица 32. 1а и 1б — колл. МАЭ № 395-8ав.

ПРИЛОЖЕНИЯ

- Таблица 33. 1 — колл. ГМЭ № 2105-6; 2 — колл. МАЭ № 395-4.
Таблица 34. 1а и 1б — колл. ЦМН № 16388.
Таблица 35. 1 — колл. МАЭ № 956-125; 2 — колл. МАЭ № 442-1; 3 — колл. МАЭ № 956-130.
Таблица 36. 1 — колл. ГМЭ № 1709-95; 2 — колл. МАЭ № 4211-18; 3 — колл. ГМЭ № 6780-51.
Таблица 37. 1 — колл. МАЭ № 4362-36; 2 — колл. МАЭ № 202-48.
Таблица 38. 1 — колл. ГМЭ № 2914-53; 2 — колл. МАЭ № 36-217.
Таблица 39. 1 — колл. ЦМН № 18194; 2 — колл. МАЭ № 138-92.
Таблица 40. 1 — колл. МАЭ № 990-1; 2 — колл. МАЭ № 1704-1.
Таблица 41. 1 — колл. МАЭ № 2252-3; 2 — колл. ЦМН № 18496; 3 — колл. МАЭ № 344-3/8 (4).
Таблица 42. 1 — колл. ЦМН № 18288; 2 — колл. ЦМН № 18289; 3 — колл. МАЭ № 4102-9.
Таблица 43. 1 — колл. МАЭ № 4102-5; 2 — колл. МАЭ № 2886-1.
Таблица 44. 1 — колл. МАЭ № 1917-28; 2 — колл. МАЭ № 1917-30.
Таблица 45. 1 — колл. МАЭ № 1763-24; 2 — колл. МАЭ № 1763-20; 3 — колл. МАЭ № 1763-25.
Таблица 46. 1 — колл. МАЭ № 5071-9; 2 — колл. МАЭ № 5071-35.
Таблица 47. 1 — колл. МАЭ № 5069-2; 2 — колл. МАЭ № 2334-89; 3 — колл. МАЭ № 5063-6.
Таблица 48. 1 — колл. МАЭ № 3650-7; 2 — колл. МАЭ № 3973-76.
Таблица 49. 1 — колл. МАЭ № 5065-50; 2 — колл. МАЭ № 5065-47.
Таблица 50. 1 — колл. ГМЭ № 721-1; 2 — колл. МАЭ № 5065-45.
Таблица 51. 1 — колл. МАЭ № 3728-35; 2 — колл. МАЭ № 3728-42; 3 — колл. МАЭ № 3974-14.
Таблица 52. 1 — колл. МАЭ № 3974-3; 2 — колл. МАЭ № 2242-26.
Таблица 53. 1 — колл. МАЭ № 5060-10; 2 — колл. МАЭ № 5060-21; 3 — колл. МАЭ № 267-1.
Таблица 54. 1 — колл. МАЭ № 5060-19; 2 — колл. МАЭ № 267-2.
Таблица 55 — колл. МАЭ № 2390-16.
Таблица 56. 1 — колл. МАЭ № 5060-20; 2 — колл. МАЭ № 264-2.
Таблица 57. 1 — колл. МАЭ № 1340-97; 2 — колл. ГМЭ № 439-85.
Таблица 58. 1 — колл. МАЭ № 1340-74; 2 — колл. МАЭ № 1340-416.
Таблица 59. 1 — колл. МАЭ № 1340-104; 2 — колл. МАЭ № 1340-89.
Таблица 60. 1 — колл. МАЭ № 1340-80; 2 — колл. МАЭ № 1339-25.
Таблица 61. 1 — колл. МАЭ № 1339-26; 2 — колл. МАЭ № 1339-47.
Таблица 62. 1 — колл. МАЭ № 1750-1; 2 — колл. МАЭ № 703-4.
Таблица 63. 1 — колл. МАЭ № 1714-1; 2 — колл. МАЭ № 1652-1.
Таблица 64. 1 — колл. МАЭ № 458-10; 2 — колл. МАЭ № 4097-1.

Рис. 1, 2 — Sammlung F. R. Martin. Sibirica. Ein Beitrag zur Kenntniss der Vorgeschichte und Kultur Sibirischer Völker. Stockholm, 1897, табл. 3 и 4.

К СТАТЬЕ «ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ»

- Таблица 1. 1 — колл. МАЭ № 4377-14; 2 — колл. МАЭ № 1141-19; 3 — колл. МАЭ № 966-1; 4 — колл. МАЭ № 1864-18.
Таблица 2. 1 — колл. ГМЭ № 1710-348; 2 — колл. ГМЭ № 1710-346; 3 — колл. МАЭ № 1864-17.
Таблица 3. 1 — колл. ГМЭ № 1710-351; 2 — колл. ГМЭ № 1710-353; 3 — колл. МАЭ № 859-6; 4 — колл. МАЭ № 1152-8.
Таблица 4. 1 — колл. МАЭ № 2383-76; 2 — колл. МАЭ № 2383-84; 3 — колл. МАЭ № 581-4.
Таблица 5. 1 — колл. ГМЭ № 474-1; 2 — колл. ГМЭ № 7-2; 3 — колл. ГМЭ № 489-1; 4 — колл. ГМЭ № 7-1.
Таблица 6. 1 — колл. ГМЭ № 1273-3; 2 — колл. МАЭ № 5093-30; 3 — колл. ЦМН № 17171.
Таблица 7. 1 — колл. ГМЭ № 1210-48; 2 — колл. МАЭ № 1004-57; 3 — колл. МАЭ № 1524-349; 4 — колл. МАЭ № 334-90.
Таблица 8. 1 — колл. МАЭ № 1524-352; 2 — колл. ГМЭ № 1217-9; 3 — колл. ГМЭ № 868-9; 4 — колл. ГМЭ № 1081-41.
Таблица 9. 1 — колл. ГМЭ № 787-12; 2 — колл. МАЭ № 5777-34; 3 — колл. МАЭ № 2216-73; 4 — колл. МАЭ № 2078-2.
Таблица 10. 1 — колл. МАЭ № 4128-76; 2 — колл. МАЭ № 2141-3; 3 — колл. МАЭ № 4128-81; 4 — колл. МАЭ № 4128-79.
Таблица 11. 1 — колл. МАЭ № 4920-10; 2 — колл. МАЭ № 5657-316; 3 — колл. МАЭ № 2140-11; 4 — колл. МАЭ № 5657-31а.

- Таблица 12. 1 — колл. МАЭ № 690-14; 2 — колл. МАЭ № 1070-103; 3 — колл. МАЭ № 723-3; 4 — колл. МАЭ № 1070-65.
Таблица 13. 1 — колл. МАЭ № 334-89; 2 — колл. МАЭ № 2368-14; 3 — колл. МАЭ № 2368-11; 4 — колл. МАЭ № 147-34.
Таблица 14. 1 — колл. ГМЭ № 2245-32; 2 — колл. ГМЭ № 2245-37; 3 — колл. МАЭ № 2368-20; 4 — колл. МАЭ № 2368-7.
Таблица 15. 1 — колл. ГМЭ № 1478-7; 2 — колл. ЦМН № 17161; 3 — колл. МАЭ № 398-4; 4 — колл. МАЭ № 5181-1; 5 — колл. ГМЭ № 1478-10.
Таблица 16. 1 — колл. МАЭ № 956-30; 2 — колл. МАЭ № 5270-1; 3 — колл. ЦМН № 17146; 4 — колл. ГМЭ № 4894-1.
Таблица 17. 1 — колл. МАЭ № 395-43/5; 2 — колл. ГМЭ № 2035-16; 3 — колл. МАЭ № 395-64; 4 — колл. МАЭ № 4211-10; 5 — колл. ГМЭ № 1709-49; 6 — колл. ГМЭ № 1709-88.
Таблица 18. 1 — колл. МАЭ № 36-215; 2 — колл. МАЭ № 202-59; 3 — колл. ГМЭ № 990-6 и 990-3; 4 — колл. ГМЭ № 2914-60; 5 — колл. ГМЭ № 856-2.
Таблица 19. 1 — колл. ГМЭ № 2011-68; 2 — колл. МАЭ № 1318-7; 3 — колл. МАЭ № 1915-3; 4 — колл. ГМЭ № 2011-23.
Таблица 20. 1 — колл. МАЭ № 344-2; 2 — колл. МАЭ № 313-16; 3 — колл. МАЭ № 313-17/3 и 18/7; 4 — колл. МАЭ № 1765-245.
Таблица 21. 1 — колл. МАЭ № 344-1/7; 2 — колл. МАЭ № 3634-13; 3 — колл. ЦМН № 18336; 4 — колл. ЦМН № 8330.
Таблица 22. 1 — колл. МАЭ № 1766-3; 2 — колл. ГМЭ № 5656-99; 3 — колл. МАЭ № 1763-29; 4 — колл. МАЭ № 1763-26.
Таблица 23. 1 — колл. МАЭ № 5071-21; 2 — колл. МАЭ № 5071-20; 3 — колл. МАЭ № 3645-156; 4 — колл. МАЭ № 5071-19; 5 — колл. МАЭ № 5071-3; 6 — колл. МАЭ № 3645-46; 7 — колл. МАЭ № 5069-3; 8 — колл. МАЭ № 5063-13.
Таблица 24. 1 — колл. МАЭ № 3973-75; 2 — колл. МАЭ № 3973-74; 3 — колл. ГМЭ № 599-6/2; 4 — колл. МАЭ № 2242-24; 5 — колл. МАЭ № 3728-28; 6 — колл. МАЭ № 3728-25.
Таблица 25. 1 — колл. МАЭ № 5060-80; 2 — колл. ГМЭ № 1279-8; 3 — колл. МАЭ № 267-4; 4 — колл. ГМЭ № 454-5; 5 — колл. ГМЭ № 454-7.
Таблица 26. 1 — колл. МАЭ № 1340-91; 2 — колл. ГМЭ № 439-77; 3 — колл. ГМЭ № 2486-11; 4 — колл. МАЭ № 1339-70.
Таблица 27 — колл. ЦМН № 19410.

Рис. 1 — колл. МАЭ № 342-3.

К СТАТЬЕ «ШАМАНСКИЕ БУБНЫ»

- Таблица 1. 1 — колл. МАЭ № 979-2 (продольный диаметр 46 см, поперечный — 41 см, ширина обечайки 6 см); 2 — колл. МАЭ № 1348-56а (продольный диаметр 58 см, поперечный — 51 см, ширина обечайки 8 см).
Таблица 2. 1 — колл. МАЭ № 1139-27 (продольный диаметр 41 см, поперечный — 36 см, ширина обечайки 7 см); 2 — колл. МАЭ № 1139-28 (продольный диаметр 41 см, поперечный — 39 см, ширина обечайки 6 см); 3 — колл. МАЭ № 4695-15 (продольный диаметр 46 см, поперечный — 45,5 см, ширина обечайки 5,5 см).
Таблица 3. 1 — колл. МАЭ № 5532-3 (продольный диаметр 48 см, поперечный — 44 см, ширина обечайки 7 см); 2 — колл. МАЭ № 5541-219 (продольный диаметр 58 см, поперечный — 50 см, ширина обечайки 9 см).
Таблица 4. 1 — колл. МАЭ № 1864-1 (продольный диаметр 55 см, поперечный — 51 см, ширина обечайки 9 см); 2 — колл. МАЭ № 3871-5а (продольный диаметр 77 см, поперечный — 68 см, ширина обечайки 12 см).
Таблица 5. 1 — колл. МАЭ № 1048-67 (продольный диаметр 80 см, поперечный — 74 см, ширина обечайки 11 см); 2 — колл. МАЭ № 3 — колл. МАЭ (продольный диаметр 83 см, поперечный — 84 см, ширина обечайки 12 см).
Таблица 6. 1 — колл. МАЭ № 5706-19 (продольный диаметр 40 см, поперечный — 31 см, ширина обечайки 7,5 см); 2 — колл. МАЭ № 5706-20; 3 — колл. МАЭ № 5657-486 (продольный диаметр 47 см, поперечный — 48 см, ширина обечайки 8 см).
Таблица 7. 1 — колл. МАЭ № 3758-154 (продольный диаметр 59 см, верхний поперечный — 39 см, нижний поперечный — 18 см, ширина обечайки 12 см); 2 — колл. МАЭ № 3758-155; 3 — колл. МАЭ № 1871-6 (продольный диаметр 72 см, верхний поперечный — 41 см, нижний поперечный — 24 см, ширина обечайки 15 см).
Таблица 8. 1 — колл. МАЭ № 4128-446 (продольный диаметр 71 см, верхний поперечный — 49 см, нижний поперечный — 24 см, ширина обечайки 12 см); 2 — колл. МАЭ № 4128-427 (продольный диаметр 62 см, поперечный — 48 см, ширина обечайки 11 см).
Таблица 9. 1 — колл. МАЭ № 4899-14 (продольный диаметр 64,5 см, верхний поперечный — 48 см, нижний поперечный — 33 см, ширина обечайки 9 см); 2 — колл. МАЭ № 4324-25 (продольный диаметр 65 см, верхний поперечный — 43 см, нижний поперечный — 23 см, ширина обечайки 11 см).
Таблица 10. 1 — колл. МАЭ № 5658-51 (продольный диаметр 81 см, верхний поперечный — 56 см, нижний поперечный —

- 40 см, ширина обечайки 10 см); 2 — колл. МАЭ № 5658-53.
- Т а б л и ц а 11. 1 — колл. МАЭ № 1524-204 (продольный диаметр 70 см, верхний поперечный — 48 см, нижний поперечный — 30 см, ширина обечайки 10,5 см); 2 — колл. МАЭ № 1524-205; 3 — колл. МАЭ № 4262-3 (продольный диаметр 62 см, поперечный — 50 см, ширина обечайки 13 см).
- Т а б л и ц а 12. 1 — колл. МАЭ № 1053-3 (продольный диаметр 73 см, верхний поперечный — 51 см, нижний поперечный — 35 см, ширина обечайки 10 см); 2 — колл. МАЭ № 1053-3А; 3 — колл. МАЭ № 334-80 (продольный диаметр 66 см, верхний поперечный — 41 см, нижний поперечный — 27 см, ширина обечайки 9 см); 4 — колл. МАЭ № 334-80а.
- Т а б л и ц а 13. 1 — колл. МАЭ № 4323-100 (продольный диаметр 76 см, верхний поперечный — 50 см, нижний поперечный — 28 см, ширина обечайки 13 см); 2 — колл. МАЭ № 4323-102; 3 — колл. МАЭ № 2646-75 (продольный диаметр 64 см, поперечный — 48 см, ширина обечайки 5,5 см).
- Т а б л и ц а 14. 1 — колл. МАЭ № 627-1а (продольный диаметр 56 см, верхний поперечный — 41 см, нижний поперечный — 21 см, ширина обечайки 10 см); 2 — колл. МАЭ № 627-1в; 3 — колл. МАЭ № 1897-22/46 (продольный диаметр 56 см, поперечный — 48 см, ширина обечайки 6 см); 4 — колл. МАЭ № 1879-22/47а.
- Т а б л и ц а 15. 1 — колл. МАЭ № 1524-279; 2 — колл. МАЭ № 4323-101.
- Т а б л и ц а 16. 1 — по колл. Иркутского музея № 14-19 (продольный диаметр 86 см, поперечный — 66 см, ширина обечайки 6 см); 2 — по колл. Якутского музея № 1528/25 (продольный диаметр 82 см, верхний поперечный — 45 см, нижний поперечный — 20 см, ширина обечайки 7 см); 3 — колл. МАЭ № 611-95 (продольный диаметр 35 см, поперечный — 34 см, ширина обечайки 3,5 см); 4 — колл. МАЭ № 422-49 (продольный диаметр 39,5 см, поперечный — 37,5 см, ширина обечайки 4 см).
- Т а б л и ц а 17. 1 — колл. МАЭ № 202-7а (продольный диаметр 66 см, поперечный — 57 см, ширина обечайки 2,5 см); 2 — колл. МАЭ № 700-25 (продольный диаметр 65 см, поперечный — 55 см, ширина обечайки 2 см); 3 — колл. МАЭ № 700-26.
- Т а б л и ц а 18. 1 — колл. МАЭ № 5747-399 (продольный диаметр 70 см, поперечный — 51,5 см, ширина обечайки 4 см); 2 — колл. МАЭ № 4289-11 (продольный диаметр 74 см, поперечный — 53 см, ширина обечайки 5 см).
- Т а б л и ц а 19. 1 — колл. МАЭ № 1765-229 (продольный диаметр 65 см, поперечный — 48 см, ширина обечайки 2,5 см); 2 — колл. МАЭ № 1899-1 (продольный диаметр 70 см, поперечный — 65 см, ширина обечайки 2,5 см); 3 — колл. МАЭ № 1899-2.
- Т а б л и ц а 20. 1 — колл. МАЭ № 655-1 (продольный диаметр 54 см, поперечный — 53 см, ширина обечайки 12 см); 2 — колл. МАЭ № 651-10 (продольный диаметр 60 см, поперечный — 54 см, ширина обечайки 17 см).
- Т а б л и ц а 21. 1 — колл. МАЭ № 5073-3 (продольный диаметр 56 см, поперечный — 45 см, ширина обечайки 14 см); 2 — колл. МАЭ № 5073-4; 3 — колл. МАЭ № 3645-17 (продольный диаметр 67 см, поперечный — 53 см, ширина обечайки 12 см).
- Т а б л и ц а 22. 1 — колл. ГМЭ № 5640-105; 2 — колл. МАЭ № 2014-1 (продольный диаметр 67 см, поперечный — 51 см, ширина обечайки 11 см).
- Т а б л и ц а 23. 1 — колл. МАЭ № 1853-3 (продольный диаметр 68 см, поперечный — 69 см, ширина обечайки 15 см); 2 — колл. МАЭ № 653-1 (продольный диаметр 59 см, поперечный — 59 см, ширина обечайки 15 см).
- Т а б л и ц а 24. 1 — колл. МАЭ № 1480-12 (продольный диаметр 56 см, поперечный — 60 см, ширина обечайки 19 см); 2 — колл. МАЭ № 391-3а (продольный диаметр 53 см, поперечный — 52 см, ширина обечайки 12 см).
- Т а б л и ц а 25 — колл. МАЭ № 1859-27 (продольный диаметр 50 см, поперечный — 43 см, ширина обечайки 6 см).
- Т а б л и ц а I. а — по колл. МАЭ № 611-95; б — по работе В. И. Иохельсона (W. Jochelson. The Koryak. Religion and Myths. Memoir of the Amer. Mus. of Nat. Hist., vol. VI, p. 1, Leiden—New York, 1935, рис. 23); в — по работе В. Г. Богораза (Чукчи, т. II. Религия, Л., 1939, рис. 53).
- Т а б л и ц а II. 1 — по колл. МАЭ № 5160-27/1; 2 — по колл. МАЭ № 1139-28; 3 — по колл. МАЭ № 979-2; 4 — по колл. МАЭ № 2383-11.
- Т а б л и ц а III. 1 — по колл. МАЭ № 655-1; 2 — по колл. МАЭ № 391-3а; 3 — по колл. МАЭ № 1480-12.
- Т а б л и ц а IV. 1 — по колл. МАЭ № 4034-153; 2 — по колл. МАЭ.
- Т а б л и ц а V. 1 — по колл. МАЭ № 1853-5; 2 — по колл. МАЭ № 5061-15а; 3 — по колл. МАЭ № 2334-78.
- Т а б л и ц а VI. 1 — по колл. ГМЭ № 5640-105; 2 — по колл. МАЭ № 2504-1.
- Т а б л и ц а VII. 1 — по колл. МАЭ № 1053-3; 2 — по колл. МАЭ № 3758-15а; 3 — по колл. МАЭ № 3522-256.
- Т а б л и ц а VIII. 1 — по колл. МАЭ № 627-1а; 2 — по колл. МАЭ № 320-2а; 3 — по колл. МАЭ № 1524-204.
- Т а б л и ц а IX. 1 — по колл. МАЭ № 5658-51; 2 — по колл. МАЭ № 4323-100.
- Т а б л и ц а X. 1 — по колл. МАЭ № 5706-19; 2 — по колл. МАЭ № 5657-486; 3 — по колл. МАЭ № 1864-1; 4 — по колл. МАЭ № 1348-56а.
- Т а б л и ц а XI. 1 — по колл. МАЭ № 1899-1; 2 — по колл. МАЭ № 2646-75; 3 — по колл. МАЭ № 1319-9.
- Т а б л и ц а XII — по колл. МАЭ № 1879-22/47.
- Рис. 1 — по колл. МАЭ.
- Рис. 2 — по материалам Е. Д. Прокофьевой.
- Рис. 3 — колл. МАЭ № 1348-55.
- Рис. 4 — по материалам Е. Д. Прокофьевой.
- Рис. 5 и 8 — по материалам Г. Д. Вербова (колл. МАЭ № И-1215-164).
- Рис. 6 — по материалам Г. Д. Вербова (колл. МАЭ № И-1215-163).
- Рис. 7 — по материалам Г. Д. Вербова (колл. МАЭ № И-1215-165).
- Рис. 9 — по работе В. И. Иохельсона (W. Jochelson, ук. соч., рис. 19).
- Рис. 10 — фотография МАЭ № И-802-56.
- Рис. 11 — по работе Э. Манкера (E. Manker. Die Lappische Zaubertrommel. Eine Ethnologische Monographie, 1. Die Trommel als Denkmal materieller Kultur. Stockholm, 1938, рис. 729).
- Рис. 12 — по работе Э. Манкера (E. Manker, ук. соч., рис. 792).
- Рис. 13 — по работе Э. Манкера (E. Manker, ук. соч., рис. 790).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВГО — Всесоюзное географическое общество.
ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР.
ГРГО — Государственное русское географическое общество.
ИЭ — Институт этнографии Академии наук СССР.

МАЭ — Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
РГО — Русское географическое общество.
ЦМН — Центральный музей народоведения.

СОДЕРЖАНИЕ		CONTENT	
	Стр.		Page
Введение (М. Г. Левин и Л. П. Потанов)	3	Introduction (M. G. Levin and L. P. Potapov) . .	3
Олений транспорт (Г. М. Василевич и М. Г. Левин)	11	Reindeer transport (G. M. Vasilevich and M. G. Levin)	11
Упряжное собаководство (В. В. Антропова и М. Г. Левин)	55	Dog-driving (V. V. Antropova and M. G. Levin) . .	55
Лыжи (В. В. Антропова)	79	Ski and snowshoes (V. V. Antropova)	79
Лодки (В. В. Антропова)	107	Boats (V. V. Antropova)	107
Жилище (А. А. Попов)	131	Dwelling (A. A. Popov)	131
Верхняя одежда (Н. Ф. Прыткова)	227	Dress (N. F. Prytkova)	227
Головные уборы (Н. Ф. Прыткова)	329	Head-dress (N. F. Prytkova)	329
Орнамент (С. В. Иванов)	369	The Ornament (S. V. Ivanov)	369
Шаманские бубны (Е. Д. Прокофьева)	435	Shamans' drums (E. D. Prokof'eva)	435
П р и л о ж е н и я	493	Appendix	493

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АТЛАС СИБИРИ

Утверждено к печати Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР

Редактор издательства Г. А. Альбова. Художник Д. С. Данилов. Технический редактор А. В. Смирнова

Корректоры М. П. Зажигина, Н. Г. Князева, А. Х. Салтанова и Г. В. Трекало

Сдано в набор 13/VI 1960 г. Подписано к печати 28/VI 1961 г. РИСО АН СССР № 116-12Р. Формат бумаги 84×108/8. Бум. л. 311/8. Печ. л. 621/4 = 102,09 усл.-печ. л. Уч.-изд. л. 90,22. Изд. № 972. Тип. зак. № 752. М-07325. Тираж 1800. Цена 6 р.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Столбец	Строка	Напечатано	Должно быть
11	правый	20 снизу	обороти.	оброти.
17	левый	15 »	(омук суоси).	(омук суосу).
22	»	2 »	карты	нарты
23	»	13 сверху	(табл. VI, 4а—4ж).	(табл. IV, 4а—4ж).
109	правый	37 »	корневищами,	корнями,
111	левый	4 снизу	лахтачных кож),	лахтачьих кож),
153	»	16 сверху	Наземное устройство летника	Свайное устройство летника
156	»	40—41 сверху	а также долганов и таймыр- ских якутов.	а также для долганов и тай- мырских якутов.
160	»	6 снизу	ч. II,	ч. III,
332	»	13 »	на лбу)	по лбу)
333	»	1 »	стр. 130.	стр. 310.
336	правый	11 сверху	подьески.	подвески.
368	Карта	3 снизу	аноры:	Капоры:
496	правый	31 сверху	№ 8330.	№ 18339.
498	правый	1 »	Content	Contents

416 На таблице 38 рис. 18, 19 и 20 — тиснение по бересте.

Историко-этнографический атлас

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
АТЛАС
СИБИРИ

ИСТОРИКО-
ЭТНОГРАФИ-
ЧЕСКИЙ
АТЛАС
СИБИРИ

